

МВД России
Санкт-Петербургский университет

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
(к 25-летию Санкт-Петербургского
университета МВД России)**

Материалы XX международной
научно-теоретической конференции

Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 года

В 2-х частях

Часть 1

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора,
заслуженного работника высшей школы
Российской Федерации
Н. С. Нижник

Санкт-Петербург
2023

УДК 34

ББК 67.3(2)

Г 72

Г 72 Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Часть 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Электронные дан. (3,77 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – 1 электрон. опт. диск. – Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD – ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-91837-790-1 (ч. 1)

ISBN 978-5-91837-789-5

EDN: UCESLR

В сборник включены тексты докладов участников XX международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России)», состоявшейся в Санкт-Петербургском университете МВД России 27–28 апреля 2023 г.

УДК 340.12

ББК 67.3

Редакционная коллегия:

Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

Федоринова Е. А., кандидат юридических наук;

Лясович Т. Г., кандидат юридических наук, доцент;

Савельева М. В., кандидат юридических наук, доцент;

Талянин В. В., кандидат юридических наук, доцент;

Козинникова Е. Н.

ISBN 978-5-91837-790-1 (ч. 1)

ISBN 978-5-91837-789-5

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2023

© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА:

ДЕТЕРМИНАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ 36

Кожевина М. А. (Омск) Генезис отечественной юридической науки: детерминанты и тенденции развития 36

Нижник Н. С. (Санкт-Петербург) Юридическая наука как закономерный этап развития отечественной юриспруденции 43

Кузьмина О. В. (Иваново) Советская уголовно-процессуальная наука 60

Окунева М. О. (Москва) Дискуссии о предмете научного права в советской юридической науке 67

Зипунникова Н. Н., Зипунникова Ю. Н. (Екатеринбург) Юридическая наука в России: из прошлого в будущее (несколько методологических ремарок) 73

Раздел II

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА КАК РАЗВИТИЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ 80

Разуваев Н. В. (Санкт-Петербург) Римская юриспруденция как исторический тип научного знания 80

Батиев Л. В. (Ростов-на-Дону) Франсиско Суарес и развитие правопонимания во второй схоластике 88

Дуков Е. В. (Москва) Суды и полиция в трактате Гаспара Мельчора де Ховельяноса	94
Абдуллина Л. Р. (Москва) Идея разумности в праве в трудах мыслителей XVII–XVIII веков	100
Важенина И. В. (Москва) Идеи о государстве и праве в английской политико-правовой мысли XVII–XIX веков	104
Черепанов С. И. (Нижний Новгород) Влияние идей о государстве и праве Шарля Луи де Монтескье на российскую научную мысль пореформенного периода	110
Мальшева Н. И. (Санкт-Петербург) Сатирические образы юристов в романе Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньянь»	114
Палухина Е. С. (Ростов-на-Дону) Идеи международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму накануне Первой мировой войны	121
Никитчик А. А. (Омск) Идея взаимодополняемости и конкуренции принципов права в учении М. Н. Капустина	131
Щерова Н. С. (Нижний Новгород) С. А. Муромцев в юридической журналистике второй половины XIX века	138
Парфенов А. В. (Нижний Новгород) Феномен компромисса в социолого-правовых исследованиях (на примере концепции М. Вебера)	144
Ломакина И. Б. (Санкт-Петербург) «Агрогидравлический деспотизм» К. А. Виттфогеля как идеологический конструкт ориенталистской традиции	150
Красняков Н. И. (Новосибирск) Особенности понимания имперского государства и права в трудах российских и зарубежных исследователей	157
Буряков С. К., Грязнова Т. Е. (Омск) Форма государственного устройства: интерпретация российских юристов конца XIX – начала XX века	164
Морозова Е. Н. (Саратов) «Правительственный конституционализм» в юридических и историко-политических исследованиях	173

Лапаева А. В. (Тамбов) К вопросу о государственном-правовом наследии российских конституционалистов начала XX века.....	181
Матиенко Т. Л. (Москва) Российская юридическая наука второй половины XIX – начала XX века о понятии и назначении дознания.....	187
Ефремова Н. Н. (Москва) Дореформенное правосудие как предмет отечественной историографии.....	195
Матвеев А. В. (Санкт-Петербург) История службы наружного наблюдения Российской империи как предмет отечественной историографии.....	200
Тонков Д. Е. (Москва) Сравнение подходов радикального правового реализма на примере Д. Фрэнка и В. Лундштедта.....	207
Коновалова О. В. (Красноярск) Концепция естественных прав личности в интерпретации российского неонародничества (по работам В. М. Чернова)	213
Павлова С. В. (Санкт-Петербург) Правоведы с «поющим сердцем»	220
Дергилева С. Ю. (Белгород) Идея государственного суверенитета в трудах полицейстов XIX – начала XX века	226
Ильина А. Н., Геворкян Д. С. (Санкт-Петербург) Полицейско-правовая теория: опыт оценки разработанности современными исследователями	232
Чукаев Т. О. (Санкт-Петербург) Михаил Михайлович Шпилевский: вклад в развитие концепции «общественного права»	244
Ломова Т. В. (Калининград) Проблемы формирования и функционирования бюрократии в теоретическом наследии В. В. Ивановского	257
Пярн А. А. (Санкт-Петербург) Николай Федорович Рождественский: о государстве, праве и полицейской деятельности в Российском государстве	267

Егоров Н. Ю. (Санкт-Петербург) Проблемы обеспечения законности в концепции государственного управления И. Т. Тарасова.....	276
Козинникова Е. Н. (Санкт-Петербург) Российская полицейистика конца XIX – начала XX века об административной высылке как мере обеспечения действия исключительного положения.....	284
Филатов В. В. (Магнитогорск) Правовые воззрения А. Я. Вышинского	293
Глебова В. К. (Воронеж) Концепция права Юргена Хабермаса: коммуникация и рациональность.....	299
Топилина А. В. (Ростов-на-Дону) Роль концепции «минимальной антропологии» Отфрида Хёффе в анализе цивилизационных моделей прав человека	302
Долгополова Т. А. (Санкт-Петербург) Проблемы непосредственной демократии в трудах Л. А. Нудненко.....	308
Поцелуев Е. Л. (Иваново) Взгляды на понятие «право» сотрудников кафедры теории права и государства Санкт-Петербургского университета МВД России в начале XXI века.....	315
Раздел III	
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА:	
ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ	
322	
Аманацкий Ю. В. (Санкт-Петербург) Наука как особая форма культуры	322
Скоробогатов А. В. (Казань) Юридическая наука в транзитивном обществе	329
Зарубин В. Г., Семенов В. А. (Санкт-Петербург) Политизация международного правового поля и ее последствия	336
Честнов А. И. (Санкт-Петербург) Постклассическая юридическая наука в современной России	343
Денисова Л. В. (Москва) Науки о праве в дисциплинарной структуре социально-гуманитарных наук	348

Кудрявцев Ю. А. (Гатчина) Параллельная юриспруденция как деструктивный феномен: проблемы и перспективы современной юридической науки и образования	352
Фролова О. В., Фролов В. В. (Санкт-Петербург) Исторические задачи юридической науки на современном этапе развития России.....	360
Баранова М. В. (Нижний Новгород) Юртехнетика в системе современного юридического знания: сущность, специфика, перспективы.....	368
Таранова А. Е., Антонов Е. А. (Белгород) Становление юридической антропологии как направления юридической науки.....	377
Степанян А. И. (Санкт-Петербург) Полицейская наука как формирующееся направление современной юриспруденции.....	384
Усов А. Ю. (Иркутск) Прокурорская наука: современное состояние и тенденции развития	394
Харламов В. С. (Санкт-Петербург) Формирование современной криминофамилистики как отрасли юридического знания	400
Лавриненко А. А. (Калининград) Генезис прикладных наук в системе юридических наук на примере криминалистики	407
Оганесян Р. Г. (Москва) Право и художественная культура – новое направление исследований в юридической науке	413
Хрони Н. Н. (Москва) Приоритетная обязанность специальных субъектов как элемент формирования коллизионного права	417
Смирнов К. В. (Ханты-Мансийск) Роль юридической науки в условиях новых угроз и обеспечения безопасности	423
Яковлева М. А. (Санкт-Петербург) Юридическая наука как фактор правотворческой деятельности в сфере пробации	428
Федоринова Е. А. (Санкт-Петербург) Роль юридической науки в формировании представлений о содержании и мерах юридической ответственности	435

Репьев А. Г. (Москва) Субсидии и гранты как стимулы осуществления научной деятельности: законодательное регулирование и проблемы реализации 447

Раздел IV

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ XXI ВЕКА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 453

Балахонский В. В., Бавсун М. В. (Санкт-Петербург) Методология познания права: проблема определения концептуальных оснований..... 453

Варламова Н. В. (Москва) Юридическая наука в поисках методологии 461

Кодан С. В. (Екатеринбург) Дисциплинарность и междисциплинарность в развитии современной юридической науки 469

Андреева И. А. (Москва) Онтологические, эпистемологические основы междисциплинарности в науке и ее формы..... 483

Бельский В. Ю., Золкин А. Л. (Москва) Философия права и формирование современной парадигмы юридической науки 490

Долинская В. В. (Москва) Проблемы научных специальностей в сфере юриспруденции..... 496

Каплунов А. И. (Санкт-Петербург) Развитие теории государственного принуждения и порядка его легитимного применения с учетом результатов исследований отраслевых видов принуждения и их реализации 503

Поляков С. Б. (Санкт-Петербург) Неистребимые мотивы хаоса целей и измерений юридической науки 510

Давыдова М. Л. (Волгоград) Методология поведенческих наук и современное правовое регулирование..... 517

Денисенко В. В. (Москва) Юридическая наука: нарративный и праксеологический аспекты..... 523

Купцова О. Б. (Нижний Новгород) Сравнительное правоведение как научный метод познания правовой действительности и его трансформация в условиях цифровизации общественных отношений	529
Сорокина Е. А. (Москва) Методология этнографических исследований как средство познания правовой реальности	535
Калинин С. А. (Минск, Беларусь) О содержании объекта (предмета) современной теоретической юриспруденции	542
Тонков Е. Н. (Санкт-Петербург) Критерии научности новой правовой концепции	549
Мамченко Н. В. (Симферополь) Дуализм естественного и позитивного права: методологические и логические аспекты	556
Игнатъев Н. О. (Москва) Типологический метод познания в юридической науке	561
Козюк М. Н. (Волгоград) Развитие принципа историзма в современных теоретических работах	566
Авдеева О. А. (Иркутск), Авдеев В. А. (Ханты-Мансийск) Формирование отраслевого подхода к системе юридического познания в процессе становления и развития отечественной науки	573
Ладушкин С. И. (Санкт-Петербург) Логико-дискурсивные основания эмпауэрмента в контексте политической делиберации.....	582
Раздел V	
СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА	
О ПРАВЕ, ЕГО СУЩНОСТИ	
И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ.....	
	589
Карнаушенко Л. В. (Краснодар) Правопонимание в современном обществе: теоретические и эмпирические аспекты.....	589
Лукьяновская О. В. (Волгоград) Правопонимание в юридической науке: от классических концепций до интегративного подхода.....	596

Байгутлин Р. И. (Челябинск) Интегративное правопонимание и постнеклассическая юридическая наука.....	602
Зайцева Е. С. (Санкт-Петербург) Правопонимание как методологическая основа установления пределов правового регулирования	611
Ельчанинова О. Ю. (Москва) К вопросу о роли юридического источниковедения в понимании природы источников права....	620
Зозуля А. А. (Санкт-Петербург) Юридическая доктрина как фактор правообразования в отечественной правовой системе.....	627
Леонова Е. В. (Санкт-Петербург), Лясович Т. Г. (Мурино Ленинградской области) Обычай как источник индуистского права в современной теоретико-исторической науке.....	634
Сальникова Е. Ю. (Нижний Новгород) Выявление и преодоление юридических заблуждений как фактор совершенствования регулирования общественных отношений	643
Матанцев Д. А. (Москва) Проблемы типологии правового поведения в контексте его исторической динамики	647
Зыков Д. В. (Волгоград) О сфере местонахождения юридической реальности	659
Тирских М. Г. (Иркутск) Дефекты в праве как следствие трансформации политических режимов	664
Зайцева Е. А. (Москва) Философско-правовой аспект баланса в праве	671
Завгородняя А. А. (Донбасс) Интерсубъективная природа интересов в праве.....	676
Гаврюшкин К. А. (Иркутск) Правовые интересы, правовые цели и правовые ценности как факторы правотворческой деятельности	683
Шумакова Е. В. (Иркутск) Особенности исследования правовых категорий в процессе становления и развития юридического познания.....	687

Аксенов А. Н. (Москва) Актуальные вопросы в исследовании юридической терминологии	693
Герасименко Ю. А. (Ростов-на-Дону) Норма-оговорка как разновидность специального правового предписания	697
Маргарян А. В. (Пенза) Экспериментальные правовые нормы в российском законодательстве: теория и практика	703
Вармунд В. В. (Москва) Роль юридической науки в формировании категории «правосубъектность»	709
Басова Ю. Ю. (Симферополь) Понятие законности: эволюция научных подходов	715
Манохин В. С. (Владимир) Риск как обязательный элемент юридического комплаенса	721
Хрущёв С. В. (Екатеринбург) Юриспруденция в эпоху цифровизации.....	726
Гончаров И. В. (Москва) Право на достоверную информацию в условиях цифровой трансформации общественных отношений	731
Рудакова О. Н. (Москва) Цифровые права как естественные права человека: реальность эпохи или перспектива будущего?	738
Николаев А. И. (Москва) Основные направления исследований цифровизации права в российской юридической науке.....	743
Савельева М. В. (Санкт-Петербург) Правовая безопасность и защита персональных данных в эпоху цифровизации	747
Чимаров С. Ю. (Санкт-Петербург) Теоретико-правовые аспекты искусственного интеллекта в контексте юридического дискурса	754
Сорокина Ю. В. (Воронеж) Правовая система Республики Корея: особенности становления регуляторов уголовно-правовых и гражданско-правовых отношений.....	761
Алексеева Т. А. (Москва) Понятие республики по Конституции Испании 1931 года: влияние Конституции РСФСР 1918 года	783

Досумов С. Т. (*Кыргызстан, Бишкек*) Основные направления совершенствования современного избирательного законодательства Республики Казахстан 791

Раздел VI

СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

О ГОСУДАРСТВЕ, ЕГО СУЩНОСТИ

И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ..... 810

Ванюшин Я. Л., Летаева Е. А. (*Тюмень*)

Понятие «государство»:

проблемы определения в учебной дисциплине 810

Ерыгина В. И. (*Белгород*) Теория происхождения

электронного государства и виртуальной демократии 819

Осадчук Е. А. (*Симферополь*) Нетипичные ветви

государственной власти как отражение развития

властных отношений в современном обществе 826

Глазунова И. В. (*Омск*) Реализация государственного

суверенитета в финансовой сфере 832

Змерзлый Б. В., Киров А. А. (*Симферополь*)

Взаимообусловленность государственно-правового

развития стран Балтийского региона в условиях

их исторической эволюции 840

Насиров Э. З. (*Волгоград*) Концептуальные границы

в ограниченном пространстве Европы 854

Чигринский Н. С. (*Иркутск*) От режима Ярузельского

до реформ Валенсы:

постсоциалистический транзит власти в Польше 859

Бабич А. А. (*Москва*) Взаимодействие национальных

государств в процессе осуществления

космической деятельности: к ресурсам различных подходов..... 864

Прокофьев В. Ф. (*Нижний Новгород*)

Почему у нас кадры не решают всё? 869

Серебренникова Д. А. (*Екатеринбург*) Правовые аспекты

использования цифровых технологий

при организации оказания медицинской помощи

гражданам, проживающим в отдаленных поселениях 873

Раздел VII
НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 880

Силуянова Н. М. (Санкт-Петербург) Духовно-нравственные ценности в области обеспечения национальной безопасности: некоторые теоретико-правовые аспекты 880

Асеев И. И., Губин А. Ю. (Санкт-Петербург) Принципы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации..... 887

Астраханцев И. В. (Калининград) Транспортная безопасность: особенности формирования системы в контексте государственно-правового развития России 897

Квитчук А. С., Квитчук М. А. (Санкт-Петербург) Безопасность дорожного движения: формирование направления деятельности российского государства в условиях его исторического развития 905

Квитчук А. С., Квитчук М. А. (Санкт-Петербург) Пропаганда безопасности дорожного движения как детерминанта обеспечения национальной безопасности 914

Калинина Е. В. (Нижний Новгород) Информационная безопасность государства: привычные вызовы, новый формат 921

Малышева И. В. (Санкт-Петербург) Правовое регулирование социальных сетей..... 927

Квитко А. В. (Ханты-Мансийск) Экологическая безопасность: проблемы обеспечения в современной юридической науке 932

Мартыненко И. Э. (Гродно, Беларусь) Чрезвычайное законодательство Беларуси, особенности его формирования в целях защиты нематериального культурного наследия 937

Васильева О. М. (Санкт-Петербург) Противоэпидемические мероприятия как объект межотраслевого исследования 949

Гавриленко В. А. (Санкт-Петербург) Сравнительный анализ законодательства стран БРИКС по вопросам возмещения ущерба от чрезвычайных ситуаций 954

Раздел VIII

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ И ОСОБЕННОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ 962

Чашников В. А. (Екатеринбург) Становление
и развитие полиции в монархической России..... 962

Медведев В. В. (Москва) Роль полиции в Российском
полицейском государстве..... 969

Воропанов В. А. (Челябинск) Административная юрисдикция
типовых органов полиции в Российской империи
в конце XVIII – первой половине XIX века 976

Иванов А. А. (Иркутск) Из истории формирования
жандармских структур в России
в конце XIX – начале XX века 981

Кеклис А. Ю. (Санкт-Петербург) О становлении системы
противодействия терроризму в Российской империи
на рубеже XIX–XX веков..... 990

Евсеев И. В. (Екатеринбург) Особые тюрьмы
в правоохранительной системе российского государства:
об особенностях функционирования
Верхнеуральской тюрьмы 996

Пушкарев Е. А., Швец А. А. (Краснодар)
Правоохранительные органы Советского государства:
особенности организации и деятельности
в период новой экономической политики..... 1008

Синиченко В. В. (Москва) Партийно-воспитательная
работа и кадровая политика в московской милиции
в 1918–1941 годах 1015

Гусев А. В. (Кострома) Подготовка формирований
МПВО НКВД СССР к защите от воздушного
и химического нападения в первом периоде
Великой Отечественной войны (1941–1945) 1022

Лысенков С. Г., Бутков С. В. (Санкт-Петербург)
Военнослужащие войск НКВД СССР в борьбе с бандитизмом
на Украине в период Великой Отечественной войны..... 1029

Иванов Д. В. (Санкт-Петербург) Уголовный розыск ленинградского региона в 1960-х – 1990-х годах: особенности деятельности и введение новых форм работы	1036
Кулакова Д. В. (Москва) Особенности правового регулирования противодействия органами внутренних дел экстремизму в политической сфере	1042
Шеншин В. М. (Санкт-Петербург) Административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов иностранных государств: сравнительно-правовое исследование	1049
Сорокина Е. А. (Москва) Административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов Швеции по реализации миграционной политики государства в начале XXI века.....	1055
Усанов Д. О. (Санкт-Петербург) О механизме обеспечения полицией Скандинавских стран конституционных прав и свобод граждан	1071
Абдулло А. Р. (Душанбе, Таджикистан) Правоохранительная система в условиях реформирования Таджикского государства	1078
Розикзода Ф. М. (Санкт-Петербург) Органы дознания – элемент правоохранительной системы Республики Таджикистан.....	1094
Асламова В. С. (Санкт-Петербург) Профайлинг как средство противодействия незаконному обороту наркотиков в условиях цифровизации	1101
Раздел IX	
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА	
О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ И ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ.....	
	1106
Колоколов Н. А. (Москва) Государство, право, суд: современное состояние, перспективы развития	1106
Михаэлис Д. В., Петрушин Ю. А. (Иркутск) К вопросу о реализации принципа независимости суда и деятельности института присяжных заседателей в Российской империи (на примере дела М. Бейлиса)	1115

Пушкарёва Н. А., Пушкарёва И. М. (Москва) «Будут иметь незримое влияние на судей»: дискуссия конца XIX – начала XX века о праве женщин быть поверенными	1122
Биюшкина Н. И. (Нижний Новгород) Статус народных судей и народных заседателей в СССР в сравнении с присяжными заседателями и коронными судьями в пореформенной России	1129
Абдулло А. Р. (Душанбе, Таджикистан) Дискуссии о месте суда в системе правоохранительных органов современного государства	1140
Илюхина В. А. (Рязань) Доктринальные принципы права в деятельности российских судов	1147
Насонов А. А. (Воронеж) Суд присяжных и применение механизмов согласования в ходе его деятельности	1154
Баринаева Е. Д. (Москва) Концепция правомерных ожиданий в зарубежной судебной практике и перспективы ее использования в отечественном праве	1161
Козлова М. Ю. (Волгоград) Искусственный интеллект в правосудии: проблемы и перспективы	1168
Раздел X	
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА	
В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА	
	1174
Редько А. А. (Волгоград) Модернизационный потенциал правовой инициативы граждан (теоретический аспект)	1174
Напольских И. М. (Москва) Феномен доверия в юридической науке: современное состояние и перспективы	1182
Русакова Н. Г. (Нижний Новгород) Долг как форма императивного морального требования: проблемы и перспективы доктринального анализа	1187
Карчевская Н. И., Оганесян С. М. (Санкт-Петербург) Правовые формы взаимоотношения государства и общества .	1194

Марченко Г. В. (Санкт-Петербург) На страже правопорядка: ретроспектива взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями 1201

Раздел XI

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕЕ РОЛИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА..... 1210

Иванников И. А. (Сочи) Юридическая наука и идеология в России: состояние и перспективы 1210

Антонова Т. А. (Великий Новгород) Необходима ли России государственная идеология? 1217

Крупеня Е. М. (Москва) Правовая культура как объект теоретической юриспруденции: к ресурсам эстетического подхода в синтетической методологии..... 1222

Демидова И. А. (Могилёв, Беларусь) Развитие теоретического юридического знания о правовой культуре 1229

Мигущенко О. Н. (Курск) Системные признаки правосознания 1237

Хвостова А. В. (Москва) Идея ограничения в современном научном правосознании 1244

Дрогавцева Е. А. (Санкт-Петербург) Правосознание гражданина: определение доминирующих ценностей..... 1250

Сигалов К. Е. (Москва) Профессиональное правосознание: характерные черты и тенденции изменений..... 1258

Толстик В. А. (Нижний Новгород) Некоторые методологические аспекты адекватного понимания деформации профессионального правосознания..... 1265

Кордобовская К. Е. (Санкт-Петербург) Правовой инфантилизм как критерий правовой социализации гражданина 1272

Новикова Ю. Г. (Рязань) Правовое воспитание в условиях идеологического многообразия 1278

Разумовская А. Э. (Курск) Гражданско-патриотическое воспитание молодежи как средство государственного регулирования общественных отношений 1284

Лапова Е. С. (Краснодар) Участие службы по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества: поиск критериев оценки эффективности 1289

Леонова И. А. (Орел) Кодекс профессиональной этики сотрудника полиции в системе формирования профессионально-нравственного сознания 1297

Снигирев А. Л. (Новосибирск) Аспекты, влияющие на развитие правового сознания военнослужащих Росгвардии 1303

Панчук И. А. (Новосибирск) Роль и место предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» в формировании элементов правового сознания и правовой культуры абитуриентов военных вузов Росгвардии..... 1310

Гаврилова О. В. (Мурино Ленинградской области) Образы юристов-практиков на современном российском экране..... 1315

Раздел XII

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

О СРЕДСТВАХ СОХРАНЕНИЯ

КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ,

ДУХОВНЫХ И НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ..... 1324

Васильева Т. А. (Москва) Мемориальные законы – выражение коллективной памяти или попытка «юридизации истории»?..... 1324

Медведев А. Д. (Санкт-Петербург) Основные направления обеспечения защиты и сохранения национального культурного наследия в Российской Федерации..... 1331

Митюнова И. Г. (Великий Новгород) Опыт увековечения памяти Гавриила Романовича Державина – первого министра юстиции России 1339

Калинина Н. А. (Санкт-Петербург) Жизнь и деятельность юристов – участников революционного движения в России в конце XIX – начале XX века

в отражении экспозиций
Государственного музея истории Санкт-Петербурга
и Красноярского краевого краеведческого музея 1346

Кожевникова А. М. (Ставрополь)
Вернуть из забвения. Памяти первых сотрудников
новороссийской городской милиции 1363

Вяткин А. А. (Иркутск) Влияние государственной политики
по сохранению и укреплению традиционных российских
духовно-нравственных ценностей на образовательную
деятельность по подготовке кадров для прокуратуры 1369

Селиверстов Н. О. (Санкт-Петербург) Защита воинских
захоронений либо иных мемориальных объектов,
увековечивающих память погибших при защите Отечества,
уголовно-правовыми нормами Российской Федерации 1375

Пивоварова Л. Н. (Старый Оскол) «Горела бедная наша земля,
боевая техника превращалась в гарь и пыль...»
(к 80-летию Победы в Курской битве) 1380

Брендель В. П. (Старый Оскол)
Поисковое движение на Белгородчине 1390

Раздел XIII

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА XXI ВЕКА:

РЕЗУЛЬТАТЫ

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1399

Медушевская Н. Ф. (Москва) История государства и права
и социокультурная реальность 1399

Небрятенко Г. Г. (Москва) Межотраслевая правовая
регламентация наименования Российского государства 1406

Глубоковских Р. В. (Калининград) Сыск и розыскная
деятельность в Древней Руси 1417

Сейдахметова А. У. (Санкт-Петербург) Свод законов
«Жеті Жарғы»: сущность и значение 1422

Михневич А. А. (Минск, Беларусь) Судебник Казимира
1468 года – один из важнейших источников
процессуального права Великого Княжества Литовского 1427

Шкаплеров Ю. П. (Могилёв, Беларусь) Статут Великого Княжества Литовского 1588 года и его влияние на уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российского государства.....	1433
Ошмарин А. А. (Владимир) Судебник Федора Иоанновича 1589 года: эволюция представлений о сущности и составах преступлений.....	1438
Щукина Н. В., Погорлецкая И. И. (Тирасполь, Молдова) Брачно-семейное и наследственное право Молдавского княжества XVI–XVII веков.....	1442
Хабарин О. М. (Москва) Институт гражданских фискалов как чрезвычайный орган государственного контроля в России в начале XVIII века.....	1454
Жуланов А. В., Самарский А. Н. (Волгоград) Изменения в российском праве в первой половине XIX века: причины и последствия	1460
Курас Л. В. (Улан-Уде) Бурятские степные думы: современное региональное источниковедение	1466
Корчагина Е. Н. (Москва) К вопросу об особенностях службы и социальном обеспечении должностных чинов и пожарных служителей в Российской империи.....	1473
Шестова Т. Ю. (Пермь) Уставы Российской империи о содержании душевнобольных.....	1480
Серова Ю. Г. (Нижний Новгород) Вопросы ответственности справочных контор о кредитоспособности перед лицами, о которых выдавалась справка: историко-правовой анализ на основе норм дореволюционного российского законодательства	1486
Дашин А. В. (Краснодар), Качур А. Н. (Новороссийск) Особенности осуществления опеки по расточительству по законодательству Российской империи.....	1491
Брендель В. П. (Старый Оскол) Некоторые аспекты правового статуса детей в крестьянском социуме второй половины XIX – начала XX века	1495

Синова И. В. (Санкт-Петербург) Правовое регулирование деятельности благотворительных учреждений для детей в Санкт-Петербурге в середине XIX – начале XX века.....	1501
Ломовская А. В. (Орлов) Идея милости / милосердия в судебной реформе Александра II.....	1507
Куликов С. В. (Санкт-Петербург) Было ли положение 14 августа 1881 года «настоящей конституцией» Российской империи?	1512
Деревскова В. М. (Иркутск) Прокурорский надзор за исполнением законов полицией после проведения Судебной реформы 1864 года	1519
Горбачев В. П. (Донецк) Прокурорский надзор за законностью возбуждения полицией уголовных дел в Российской империи после Судебной реформы 1864 года..	1528
Керов В. В. (Москва) «Царские слова старообрядцы должны понимать как додумалась узкая голова умного урядника»: российское законодательство в тисках исполнительной власти начала XX века	1534
Олейников А. В. (Архангельск) Об элементах правового статуса военнопленных к началу XX века	1541
Раскин Д. И. (Санкт-Петербург) Юристы в руководстве центральных органов МВД Российской империи.....	1545
Москвина Р. Т. (Екатеринбург) Юристы в Государственной думе 1906 года: кризис российского либерализма	1553
Сафонов М. М. (Санкт-Петербург) Акт отречения Николая II с юридической точки зрения.....	1562
Раздел XIV	
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА XXI ВЕКА: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ	
Борисов А. А. (Курск) К вопросу о законотворчестве первых лет Советской власти в свете учений о законе	1568

Сосенков Ф. С. (<i>Нижний Новгород</i>) Поиск концепции федеративного устройства в материалах комиссии по выработке Конституции РСФСР 1918 года	1580
Шебалкин И. В. (<i>Москва</i>) Политико-правовое обоснование и практическая реализация федерализма в СССР	1596
Удодов Г. А. (<i>Санкт-Петербург</i>) Становление однопартийной политической системы в Советской России	1602
Максимов П. В. (<i>Краснодар</i>) Формирование законодательной позиции о наказании за бандитизм в первые годы Советской власти	1607
Кудрявцев А. В. (<i>Тверь</i>) Теория планирования в экономической мысли молодого Советского государства	1615
Новикова Ю. О. (<i>Владимир</i>) Кооперативная политика государства в период ранней Советской России (историко-правовой аспект)	1621
Якушева У. Е. (<i>Архангельск</i>) Деятельность смешанных концессий в лесной отрасли: опыт участия европейских инвесторов в начале XX века	1628
Трошина Т. И., Минчук О. В. (<i>Архангельск</i>) Лесные концессии 1920-х годов в СССР: специфика деятельности в рамках советского законодательства (по материалам Архангельской губернии)	1633
Шалагина З. А. (<i>Санкт-Петербург</i>) Значение Конституции СССР 1936 года для формирования института обеспечения доступа к правосудию в России на досудебных стадиях уголовного процесса	1640
Самарский А. Н., Жуланов А. В. (<i>Волгоград</i>) Об особенностях правовой системы Советского государства в 1930-е годы	1644
Панфилец А. В. (<i>Санкт-Петербург</i>) Государственное принуждение и его применение в условиях военного времени и блокады Ленинграда	1650
Сидоренко Н. С. (<i>Челябинск</i>), Нижник Н. С. (<i>Санкт-Петербург</i>), Боровкова А. В. (<i>Челябинск</i>) Мобилизующий потенциал газетной периодики: тыловая газета «Челябинский рабочий» в годы Великой Отечественной войны	1657

Финогентова О. Е., Бурин Д. В. (Калининград) Становление советской прокуратуры на территории Калининградской области в послевоенные годы (1946–1948).....	1666
Чумаченко Т. А. (Челябинск) Учебные заведения Московской патриархии в 1940-х – первой половине 1950-х годов: проблемы становления	1672
Алексеева Н. В. (Череповец) Роль внешней политики в деятельности Русской православной церкви в 1953–1964 годах	1685
Иванов Д. В. (Санкт-Петербург) Антикриминальный потенциал государственного принуждения в системе исправительно-трудовых учреждений в конце 1980-х – начале 1990-х годов: факторный анализ	1692
Белова А. В. (Москва) Социалистический интернационализм как проявление социального оптимизма женской истории	1696
Богдашина И. В. (Москва) Правовая охрана женского труда и здоровья в нестоличном регионе: государственная политика и жизненные реалии (1950-е – 1960-е годы)	1705
Кирюхин В. В. (Москва) О правах детей в первые десятилетия Советского государства	1713
Бурданова Н. А. (Санкт-Петербург) Судебные споры, связанные с осуществлением личных неимущественных родительских прав и обязанностей, в Советской России	1720
Петрова Н. Д. (Санкт-Петербург) Советское семейное право в работах иностранных исследователей.....	1726
Раздел XV	
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ XXI ВЕКА:	
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ	
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ НАУК	
	1732
Малый А. Ф. (Казань) Использование понятия «власть» в конституциях России.....	1732

Юрковский А. В. (Иркутск) Конституционно-правовая эсология как направление аксиологических правовых исследований	1741
Шукюров Ш. Т. (Баку, Азербайджан) Конституционное право – отрасль права современного государства	1750
Денисов С. А. (Екатеринбург) Междисциплинарные исследования конституционных отношений	1757
Нудненко Л. А. (Москва) Теория разделения властей – достижение общественной науки	1763
Бутусова Н. В. (Воронеж), Нудненко Л. А. (Москва) Юридическая наука о разделении властей в Российской Федерации.....	1771
Зубкова В. С. (Барнаул) Проблемы правового статуса личности в науке конституционного права	1777
Ланг Т. Е. (Санкт-Петербург) Теоретические подходы к изучению права на информацию	1783
Сусликова К. С. (Воронеж) О некоторых проблемах реализации конституционного права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды	1788
Rakoto A. (Ухань, Китай) The role of traditional ecological knowledge in promoting sustainable development in Madagascar.....	1793
Аксёнова Д. Д. (Воронеж) Право на жизнь и некоторые проблемы трансплантологии	1798
Кабулов С. А. (Владикавказ) Проблема определения правового статуса президента в науке конституционного права.....	1804
Новопавловская Е. Е. (Самара) Образовательный ценз судьи Конституционного Суда Российской Федерации	1810
Санакоев А. В. (Владикавказ) Проблемы статуса депутата органа публичной власти в науке конституционного права.....	1817

Абаева З. Р. (Владикавказ) К вопросу о правовом регулировании депутатских запросов в законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.....	1823
Ельчанинов А. П. (Москва) О некоторых проблемах правового регулирования экстрадиции в Российской Федерации.....	1829
Каримзода У. К. (Душанбе, Таджикистан) Сравнительная характеристика режима пребывания иностранных граждан в Республике Таджикистан и Российской Федерации.....	1840
Чернова Э. Р. (Уфа) Основные стадии мониторинга законодательства и правоприменительной практики.....	1849
Подшивалов В. Е. (Иркутск) О правотворческих полномочиях на проведение эксперимента в области реализации избирательных прав граждан.....	1855
Тхабисимова Л. А. (Пятигорск) Наука муниципального права как фактор совершенствования регулирования институтов муниципальной демократии в условиях реформирования местного самоуправления.....	1862
Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А. (Москва) Наука муниципального права о представительной демократии в системе местного самоуправления.....	1869
Раздел XVI	
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ XXI ВЕКА:	
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ	
ЧАСТНОПРАВОВЫХ НАУК 1876	
Гурулева Э. А. (Москва) Гражданско-правовые проблемы аренды части недвижимости.....	1876
Мельникова К. Р., Силуянова Н. М. (Санкт-Петербург) Правовое регулирование страхования имущества юридических лиц от пожара.....	1884
Кузнецова З. Н. (Брянск) Правовые вопросы занятости и трудоустройства населения в Российской Федерации.....	1891

Раздел XVII

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ XXI ВЕКА:

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК 1898

Евдокимов К. Н. (Иркутск) Технотронная преступность как результат генезиса современной преступности 1898

Дмитриев В. К. (Санкт-Петербург) «Киберпреступность» и современная юридическая наука в правовом государстве: проблемы теории и практики 1905

Никуленко А. В. (Санкт-Петербург) Обстоятельства, исключающие преступность деяния: проблемы нормативного становления 1912

Елесина И. Г. (Санкт-Петербург) Понятие «рецидив» преступления в различные исторические периоды развития уголовного законодательства России 1921

Мухаметов П. А. (Уфа) История развития института необходимой обороны в праве европейских государств: от Средневековья к Новому времени 1925

Сададьский Ю. Д. (Санкт-Петербург) Перспективы развития иных мер уголовно-правового характера на современном этапе 1931

Пискур А. В. (Санкт-Петербург) История возникновения коррупции в Кыргызской Республике 1935

Писаревская Е. А., Дворжицкая М. А. (Санкт-Петербург) Взаимодействие наук уголовного права и криминологии как неотъемлемая составляющая эффективного противодействия преступности 1942

Яхонтова О. С., Яхонтов Р. Н. (Санкт-Петербург) Вопросы эффективности механизма противодействия виктимности несовершеннолетних 1948

Ширшанова Е. А. (Санкт-Петербург) Теоретические подходы к изучению личности преступника-взяточполучателя – сотрудника органов внутренних дел 1955

- Костина Е. Н.** (Санкт-Петербург) Особенности применения видеосъемки при допросе несовершеннолетнего потерпевшего 1960
- Молдобаев М. Э.** (Санкт-Петербург) К вопросу о понятии «примирение сторон» на досудебном производстве в российском и кыргызском уголовном процессе 1966
- Скляренко М. В.** (Москва) Срок на апелляцию: эволюция, современное состояние, перспективы развития..... 1973
- Акименко П. А.** (Москва) Проблемы, касающиеся исполнения приговоров в отношении участников специальной военной операции, по которым граждане ранее были осуждены к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы 1999
- Раздел XVIII**
- ЮРИСТ – ЛИЧНОСТЬ МНОГОГРАННАЯ 2003**
- Николаенко П. Д.** (Санкт-Петербург) Виктор Павлович Кочубей – первый среди равных 2003
- Цвиркун В. И.** (Кишинев, Молдова) Дмитрий Кантемир и российское законодательство петровской эпохи..... 2030
- Соколова Е. С.** (Екатеринбург) «Этот самый удивительный из советников уголовной полиции...»: мир юриста в литературном наследии и биографии Э. Т. А. Гофмана 2042
- Васильева Е. В.** (Омск) Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон: вклад в развитие российского правового знания 2051
- Дунаева Н. В.** (Санкт-Петербург) П. Г. Редкин на службе по Министерству императорского двора 2058
- Кобец П. Н.** (Москва) Вклад выдающегося русского и советского ученого М. Н. Гернета в процесс становления отечественной юридической науки 2064
- Митрофанов Н. В.** (Тамбов) Научная и преподавательская деятельность Ф. Ф. Кокошкина..... 2071
- Туранин В. Ю.** (Белгород) Вклад профессора А. С. Пиголкина в развитие отечественной теоретико-правовой науки 2077

Беляева Л. И. (Москва) Вклад профессора Н. А. Стручкова в формирование и развитие науки и учебной дисциплины исправительно-трудового и уголовно-исполнительного права	2084
Ефремова В. В. (Москва) Авторское право как особая сфера культуры с юридическими «иллюстрациями» из трудов Я. А. Канторовича	2090
Грошечая В. К. (Донецк) Вклад выдающегося ученого Петра Петровича Михайленко в развитие историко-теоретических наук.....	2096
Мелихов А. И., Андрющенко Т. И., Никитина Г. А. (Волгоград) Профессор Волгоградской академии МВД России Владимир Александрович Озолин – пример служения Отечеству	2102
Пашенцев Д. А. (Москва) Вклад Николая Григорьевича Александрова в развитие теории правоотношения	2111
Довнар Т. И. (Минск, Беларусь) Становление и развитие правовых научных школ в Беларуси	2117
Манин В. А. , Нехайчик В. К. (Сургут) Что есть научный вклад? (к вопросу о фундаментальности работ А. Б. Зеленцова)	2125
Мун В. А. (Москва) Женщины в российской юриспруденции: начало пути в науке и практике	2132
Сезонова Т. В. (Орел) Выдающиеся российские женщины-криминалисты.....	2139
Баданина И. В. (Москва) Названия женщин-юристов в русском языке	2144
Раздел XIX	
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА	
И ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	
Биюшкина Н. И., Балдин А. К. (Нижний Новгород) Развитие юридической науки в системе университетов России на отдельных исторических этапах.....	2150
Жаров С. Н. (Челябинск) Изучение основ правовых знаний кадетами Сухопутного Шляхетного Корпуса.....	2154

Яковлев К. Л. (Москва) К вопросу о роли Министерства юстиции и Министерства внутренних дел в развитии системы высшего образования в Российской империи первой половины XIX века.....	2158
Еремина Т. И. (Санкт-Петербург) Награждение орденами – важный компонент служебной карьеры преподавателей университетов Российской империи	2167
Кальсина А. А. (Пермь) Об устройстве юридических факультетов в иностранных университетах (заметки М. А. Балугьянского в «Журнале Министерства народного просвещения» 1834 года)	2173
Павлов В. С. (Санкт-Петербург) Место Императорского училища правоведения в системе юридического образования России (1835–1918).....	2180
Подольская А. Н. (Екатеринбург) Периодические издания как источник познания истории юридического образования в России (на примере Императорского училища правоведения)	2186
Шамсумова Э. Ф. (Екатеринбург) О подготовке юридических кадров и правовом просвещении на страницах «Еженедельника советской юстиции» в 1922 году.....	2193
Раздел XX	
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Лебедева Е. В. (Челябинск) Юридическое образование в современной России: поиск оптимальной модели	2201
Либанова С. Э. (Екатеринбург) Юридическое образование: авторская модель современного интерактивного обучения	2207
Лановая Г. М. (Москва) Практико-ориентированный подход в современном вузовском юридическом образовании: «за» и «против»	2214
Марченя П. П. (Москва) Русофобские политико-правовые мифологемы и современное социально-гуманитарное образование.....	2221

Петрова Е. А. (Иваново) Проблемы сочетания научной и педагогической деятельности в сфере высшего юридического образования.....	2228
Ворошилова С. В. (Саратов) К вопросу о цифровизации высшего юридического образования.....	2235
Арутюнян Р. Э. (Пятигорск) Некоторые вопросы цифровизации юридического образования.....	2242
Мовсумова Ф. Р. (Баку, Азербайджан) Юридическое образование в условиях цифровизации.....	2248
Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. (Москва) К вопросу о перспективах развития юридического образования в условиях глобальной цифровизации.....	2255
Антропов А. В. (Екатеринбург) Информационно-справочные программы, используемые в образовательной и правоприменительной практике.....	2262
Дерюгин А. А., Крижановская Г. Н. (Санкт-Петербург) Внедрение элементов геймификации в образовательную деятельность как составная часть цифровой трансформации юридического образования.....	2269
Макарова К. В. (Москва) Правовое просвещение как средство противодействия правовому нигилизму.....	2279
Хозикова Е. С. (Москва) Юридическое образование и юридическая профессия в России: точки роста.....	2283
Кузьмин А. В. (Санкт-Петербург) Суверенизация права в междисциплинарном согласовании изучаемого материала как фактор повышения эффективности преподавания теоретико-правовых дисциплин.....	2289
Бодрова Э. Э., Калистратова Н. С. (Екатеринбург) Преподавание истории в юридическом вузе: полидисциплинарный подход в условиях цифровой трансформации.....	2294
Амлеева Е. Е. (Санкт-Петербург) Модульно-рейтинговая система оценивания знаний современных студентов.....	2301

Кутушев Г. З. (Уфа) Историко-правовое моделирование в контексте организации занятия с привлечением дистанционных технологий	2307
Климова М. В. (Нижний Новгород) Опыт применения компетентностного подхода при преподавании юридических дисциплин.....	2315
Шашкова А. Н., Головачев И. В. (Калининград) Ситуационный подход в формировании компетентности будущего юриста	2320
Татарина Е. П. (Киров) Значение тренинговых методов в формировании креативного мышления юриста	2326
Одинокова Е. Ю. (Санкт-Петербург) Использование обучающимися знаний юридической техники в практике составления документов	2332
Махрова Т. К. (Челябинск) Региональный компонент в изучении истории отечественного государства и права: опыт актуализации	2337
Бакшеев А. И. (Красноярск) К вопросу о преподавании истории России и основ правоведения студентам-медикам	2341
Петровская А. В. (Калининград) Значение теоретико-правовых дисциплин для формирования идеологического компонента профессионального сознания сотрудников полиции.....	2349
Пеструилов А. С. (Краснодар) О значении формирования патриотизма в профессиональной подготовке курсантов юридических вузов МВД России.....	2354
Леханова Е. С. (Нижний Новгород) Особенности профессиональной подготовки российских полицейских по специальным экономическим дисциплинам.....	2362
Муслова Л. А. (Санкт-Петербург) Юрислингвистика как одна из отраслевых юридических наук при обучении иностранным языкам в профессиональной подготовке курсантов вузов МВД России	2368
Титов А. А. (Москва) Современное состояние и перспективы развития системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации прокурорских работников.....	2375

Грудинин Н. С. (Москва) Особенности преподавания конституционного права в современных геополитических условиях	2379
Иванова Е. А. (Иркутск) «Муниципальное право» как учебная дисциплина: опыт, проблемы и перспективы преподавания в высшей школе	2386
Нехайчик В. К. (Ханты-Мансийск) О подходах к преподаванию юридической дисциплины «Административное право России»	2393
Липанин Е. А. (Уфа) Дисциплина «Гражданское право» в профессиональной подготовке российских полицейских.....	2400
Минникес И. В. (Иркутск) Право через призму художественной культуры: структура учебной дисциплины «Право и история художественной культуры»	2404
Старикова О. Н. (Екатеринбург) О некоторых особенностях подготовки современного юриста: из опыта организации преподавания учебной дисциплины «Система источников права».....	2410
Бисярина А. Н. (Уфа) Проблемы торговли несовершеннолетними в курсе «История государства и права»	2416
Салогуб Я. Л. (Санкт-Петербург) Юридическая наука и профориентационные общеразвивающие образовательные программы	2423
Раздел XXI	
СИСТЕМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ: СОХРАНЕНИЕ ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
2429	
Калинина А. В. (Екатеринбург) Феномен «переходных периодов» в истории юридического образования (на примере организации юридического факультета Иркутского государственного университета)	2429
Лапанович С. Ф. (Минск, Беларусь) Создание и деятельность Минской школы милиции имени М. В. Фрунзе при Управлении	

милиции и уголовного розыска НКВД БССР (1920-е – 1930-е).....	2436
Прохоров В. В. (Краснодар) Алексей Агафангелович Цвилинев: страницы биографии начальника Школы комсостава РКМ Крыма	2443
Варенцова Л. Ю. (Нижний Новгород) Горьковская межобластная школа милиции НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).....	2450
Голяндин Н. П., Шериев А. М. (Нальчик) От факультета до института: 90-летие Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России	2457
Кузыченко В. С. (Владимир), Петров А. М. (Москва) Путь длиной в 80 лет (1943–2023): от Владимирской школы подготовки начальствующего состава тюрем НКВД СССР до Владимирского юридического института ФСИН России	2464
Хакимов С. Х. (Уфа) У истоков высшего учебного заведения МВД СССР в городе Уфе (к 100-летию полковника внутренней службы З. К. Юнусова)	2471
Голяндин Н. П., Шериев А. М. (Нальчик) Деятельность сотрудников Нальчикского филиала Краснодарского университета МВД России в установлении конституционных принципов государственности и поддержании общественного порядка в Кабардино-Балкарской Республике	2477
Борисенко В. В. (Могилёв, Беларусь) Организация работы курсов повышения квалификации начальствующего состава органов внутренних дел на транспорте в Могилевской школе милиции (1969–1992).....	2484
Реент Ю. А. (Рязань) Академия ФСИН России как соучредитель ряда вузов Министерства внутренних дел России	2491
Ханин С. В. (Нижний Новгород) Формирование готовности будущих сотрудников полиции к реализации партнерских отношений полиции и населения как важном условии в обеспечении общественной безопасности	

(к 10-летию создания исследовательской группы
«Партнерство полиции и общества»
в Нижегородской академии МВД России)..... 2498

РАЗДЕЛ XXII

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МВД РОССИИ:

25 ЛЕТ НА ПЕРЕДОВОЙ ПОДГОТОВКИ

СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ОРГАНОВ

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ 2505

Прокофьева С. М. (Санкт-Петербург)

Роль Санкт-Петербургского университета МВД России
в формировании профессионального правосознания
сотрудников органов внутренних дел 2505

Беломытцева Н. А. (Санкт-Петербург)

Вклад иноязычного образования
в профессиональную подготовку выпускника
Санкт-Петербургского университета МВД России 2512

Каверина Л. В., Малофеев А. А. (Санкт-Петербург)

Становление и развитие редакционно-издательского отдела
Санкт-Петербургского университета МВД России 2519

Стоцкий А. П. (Санкт-Петербург)

Школа, училище, университет: история зданий по адресу:
Санкт-Петербург, 4-я линия Васильевского острова, дом 43 2526

Стоцкий А. П. (Санкт-Петербург) Историческая территория

Санкт-Петербургского университета МВД России:
Храм Знамени Божьей Матери 2533

Цымбалова Д. Ю. (Санкт-Петербург)

Факультет подготовки сотрудников
для подразделений по работе с личным составом
как структурная единица
Санкт-Петербургского университета МВД России 2540

Холодов В. Н. (Санкт-Петербург)

Факультет подготовки сотрудников
для следственных подразделений
как структурная единица
Санкт-Петербургского университета МВД России 2547

- Георгиева П. А.** (Санкт-Петербург)
 Факультет подготовки сотрудников полиции
 для подразделений по охране общественного порядка
 как структурная единица
 Санкт-Петербургского университета МВД России 2552
- Лясович Т. Г., И. А. Макеева** (Мурино Ленинградской области)
 Ленинградский областной филиал
 Санкт-Петербургского университета МВД России:
 страницы истории 2560
- Гутман М. Ю.** (Санкт-Петербург)
 Тупой карандаш лучше самой острой памяти:
 о сборнике воспоминаний ветеранов
 Санкт-Петербургского университета МВД России
 «Первый и последний день войны» 2570
- Силкин Н. Н.** (Санкт-Петербург) 25 лет – в одном строю 2580

Раздел I
**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА:
ДЕТЕРМИНАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ**

*М. А. Кожевина**

**ГЕНЕЗИС
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ДЕТЕРМИНАНТЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Вопрос о генезисе (процессе зарождения) отечественной юридической науки на фоне современных государственно-правовых трансформаций, когда определяется место и роль гуманитарных наук в процессах, нацеленных на укрепление суверенных свойств и качеств российского общества, отнюдь, не праздный.

Во-первых, он обусловлен необходимостью наполнения общего понятия науки относительно унифицирован-

* *Кожевина Марина Анатольевна* – профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный деятель науки Омской области.

ным содержанием и его экстраполяцией в научную юриспруденцию. Во-вторых, выделение признаков юридической науки находится в прямой связи с вопросом отграничения ее предметной области в силу того, что современное методологическое веяние междисциплинарности отразилось на новой номенклатуре наук социального блока. В-третьих, этот аспект не может быть оторван от проблем определения методов познания, выявления степени социальной востребованности юридического научного знания. И, наконец, в логической связи с указанным находятся вопросы о критериях периодизации истории отечественной юридической науки, о методологии, о социальном предназначении.

При всей, казалось бы, очевидности решения этих вопросов в общем ракурсе, в современном отечественном правоведении они не нашли широкого обсуждения и освещения. Как нам представляется, весь спектр обозначенного выше является базовым для любой науки, позволяет не только укрепить автономность специализированной сферы знания, но и спроектировать перспективность ее развития, задать диапазон научного поиска, выделить линии взаимодействия с иными социальными сферами, адекватно реагировать на социальный заказ.

Согласно устоявшемуся мнению, наука – это «фабрика *нового знания* (здесь и далее по тексту курсивом нами выделяются признаки науки – М. К.) об окружающей действительности. Она имеет *творческий характер*, тесно связана с поиском и всесторонним изучением *репрезентативного комплекса источников познания*, с последующим *теоретическим обобщением* полученных знаний. Научным результатом такого творчества может быть признан только в том случае, если *практика подтвердит* правильность выводов. Полноценно сложившееся научное

пространство представляет собой *социальный институт*, то есть *структурированную, строго организованную сферу общественных отношений*, выполняющую ряд *социально значимых функций*. Науку следует рассматривать как *систему взаимосвязанных подсистем* – отраслей науки, научных дисциплин и т. п. Выделенные признаки в обозначенном контексте (наличие или отсутствие отдельных из них) позволяют выявить на какой стадии формирования находится не только сама юридическая наука, но и ее институциональные компоненты – либо на стадии протонауки (преднауки, донауки), либо в состоянии генезиса, либо проявляются как полноценная наука (отрасль, дисциплина).

Юридическая наука как отрасль науки исследует определенную предметную область объективной действительности – право во всех его проявлениях, поэтому неоднородна и включает определенное количество структурных элементов – научных дисциплин, в рамках которых теоретическое и эмпирическое знание приобретает системность в соответствии с исторически сложившимися социокультурными нормами и идеалами науки¹.

Научная юридическая дисциплина зарождается и «вызревает» в недрах юридической науки на основе специализации правового знания. Вместе с тем она находится в историко-генетических связях с другими сферами гуманитарного знания, поэтому ее детерминация определяется многофакторностью внутреннего и внешнего взаимонаправленного воздействия, обуславливается как внутренними потоками в развитии юридической науки, способствующими автономизации правовых знаний, так и внешними – социальной и политической востребованностью. «Научная дисциплина образует инвариантную, относительно устойчивую структуру знания»², что обеспечи-

вает целостность процесса развития и преемственного знания. Следует подчеркнуть, что феномен научной дисциплины неразрывно связан с феноменом самой науки, который имеет наряду с познавательными (когнитивными) и социальные (организационные, коммуникативные) признаки³. Поэтому генезис юридической науки находится в прямой зависимости от генезиса ее отдельных дисциплин, и переход в следующую стадию развития возможен лишь при условии завершенности процесса внутренней дифференциации научного знания по основным признакам – предмету и методам научного познания.

Таким образом можно утверждать, что генезис отечественной юридической науки – это не одномоментное явление, а длящийся во времени процесс формирования всей целостности (то есть системы) ее признаков, выраженных вовне. К числу таковых мы бы отнести:

а) сформированную повышенную общественную востребованность в научном юридическом знании;

б) широко развитую систему юридического образования;

в) сложившееся профессиональное сообщество юристов;

г) наличие в этом сообществе особой группы исследователей правовой действительности (системно выстроенной и формально определенной), дифференцированной по отдельным направлениям научного поиска (отраслям науки, научным дисциплинам и т. п.);

д) рельефно обозначенные организационно-правовые основы научной деятельности, формы популяризации научного знания и средства общественного контроля над научной сферой;

е) этос науки (по меткому замечанию Р. Мелтона – это «аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм»,

обязательный для человека науки, который «формирует научную совесть»⁴).

К сожалению, бытует мнение, что отечественная юридическая наука имеет долгую многовековую историю, является частью тысячелетней истории Российского государства. В некоторой степени это так, но наука становится таковой при условии завершившегося формирования всех ее признаков, поэтому исторический путь отечественной научной юриспруденции намного короче, чем представляется. Этот факт был признан еще в дореволюционный период. К примеру, на рубеже XIX–XX столетий профессор Н. П. Загоскин, анализируя опыт отечественной историко-правовой науки, писал: «Наука истории русского права – наука совсем молодая, не насчитывающая еще и треть четвертей века своего существования... Да вряд ли может идти до конца XVIII века речь и о русской науке правоведения, вообще. Зарождение на Руси юриспруденции – явление позднее...»⁵.

Генезис отечественной юридической науки был обусловлен всем XVIII столетием. Обозначим его как донаучную (протонаучную) стадию. Важность такой стадии, по меткому выражению Г. С. Фельдштейна «эмбриональной», неоспорима, так как в ее недрах формируются основные черты будущей науки и научных дисциплин, обуславливаются факторы, обеспечивающие устойчивое развитие. Становление юридической науки в России предвосхищают реформы Петра Великого в области государственного строительства, образования и законотворчества. Они обозначили и в полной мере раскрыли основные детерминанты институционализации юридической науки и ее дисциплин.

Начало – первая половина XIX столетия ознаменовано рядом знаковых событий, фактически обеспечивших вы-

деление юриспруденции в самостоятельную область научного знания, следовательно, могут быть обозначены как стадия генезиса науки. В этом процессе наблюдаются два взимонаправленных потока объективно-субъективного характера. С одной стороны, государство последовательно инициирует реформы в образовании, законодательной сфере, в науке. С другой, научная общественность поворачивается лицом к отечественному праву, его истории, подпитывая свой интерес повышенной востребованностью укрепления национального самосознания и идентичности.

Так в результате образовательной реформы, было создано пять образовательных округов и в них университетские центры с юридическими факультетами. В 1809 г. приняты «Правила производства в чины гражданской службы», определившие обязательность юридического образования для государственных служащих. При Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии создается школа подготовки профессоров права для отечественных университетов, осуществляется плодотворная работа по систематизации российского законодательства, итогом которой стало издание в 1830 г. исторической инкорпорации Полного собрания законов Российской империи и в 1832 г. консолидированной инкорпорации Свода законов Российской империи. Эти все обстоятельства незамедлительно дали свой положительный результат. В юридической сфере формируются различные научные направления: в области истории российского права, государственного и полицейского права, гражданского, уголовного и процессуального права, складываются предпосылки для формирования научных школ.

Итак, можно констатировать, что к середине XIX в.

процесс отделения научной юриспруденции от юридической практики фактически завершился, стадия генезиса состоялась и отечественная юридическая наука как сложившийся социальный институт во второй половине столетия перешла в следующую стадию – развития и трансформаций.

© Кожевина М. А., 2023

¹ Огурцов А. П. 1) Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М., 1988; 2) Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование: Дис. ... докт. философ. наук. М., 1990. С. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 769.

⁵ Загоскин Н. П. История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. Т. 1. Казань, 1899. С. 72–73.

Н. С. Нижник*

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Генезис и развитие юриспруденции – закономерный процесс и результат развития общественных отношений. Первоначально в обществе складываются общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании и охране, а также получают свое юридическое оформление средствами и методами, при помощи которых на практике реализуется регулятивно-охранительная функция права. Таким образом, первичным этапом генезиса юриспруденции является период накопления в результате социальной деятельности, направленной на обеспечение реализации субъектами социально-полезных возможностей, разрешение спорных ситуаций, а также осуществление мер ответственности за совершение социально-вредных деяний, разнообразного опыта. Попытки осмысления, систематизации и классификации эмпирического материала в данной области, в свою очередь, привели к появлению юридической науки, а соответствующая деятельность, связанная с последующей передачей полученных опытным путем знаний, умений и навыков другим представителям социума, детерминировала формирование системы юридического образования¹.

^{**} *Нижник Надежда Степановна* – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Эволюция общественных отношений обусловила накопление значительного опыта в различных областях социальной жизнедеятельности (в том числе в сфере юридической деятельности – *практической юриспруденции*), что предопределило стремление к систематизации и обобщению имеющихся знаний, приданию им собственно научного характера. Таким образом, наряду с прикладной появилась научная юриспруденция, несущая в себе системное знание о государстве и праве, рассматриваемых как с точки зрения динамики возникновения, становления, современного состояния и перспективного развития, так и в функциональном контексте, предполагающем регулятивно-охранительное воздействие государственно-правовых институтов на общественные отношения.

«Историческое выступление на сцену юриста, – отмечал Р. Иеринг, – свидетельствует, что право пережило период детства и бесхитростного существования; юрист – неизбежный глашатай этого поворота в жизни права»². Специализация определенных лиц на формулировании правовых норм, их сохранении и толковании стимулировалась не только усложнением знаковой системы права, но и стремлением аристократии монополизировать юриспруденцию, закрепить этот род деятельности за собой. С усложнением общественных отношений, усилением противоположности интересов различных групп населения возникла потребность придать правовым нормам бóльшую определенность. Переход от неписаного права к писаному знаменовал новую ступень в эволюции не только права, но и юриспруденции. Если прежде содержание юриспруденции сводилось в основном к приемам толкования, то теперь получили развитие искусство формулировки правовых норм, способы их организации: классификации, группировки и т. п.

Таким образом, юриспруденция возникла на определенном этапе социального развития и первоначально выступала в качестве сугубо инструментального института, в структуру которого входили нормативная (правила поведения общезначимого характера) и процессуальная (порядок реализации правил, определения и исполнения наказаний за их нарушения) составляющие. В подобном ракурсе юриспруденция представляла собой область знаний, умений и навыков практического характера, с наличием которых связывались реализация субъектом юридически значимых возможностей, разрешение спорных и конфликтных ситуаций, предупреждение и пресечение общественно вредных деяний, а также определение и применение мер ответственности в отношении нарушителей установленных правил.

Феномен «юриспруденция» представляется целесообразным рассматривать в качестве комплекса взаимосвязанных и взаимообуславливающих содержательных элементов, к числу которых следует отнести профессиональную юридическую деятельность, юридическую науку, юридическое образование.

Часто юриспруденцию представляют в качестве только *юридической науки*. Между тем в действительности она в течение длительного времени, даже после того, как право стало писанным, не имела теоретического характера и существовала как сугубо практическая деятельность, необходимая для обслуживания механизма формирования и функционирования права, – как совокупность практических навыков обращения с правовым материалом. Юридическая наука, или теоретическая юриспруденция, – высшая форма юриспруденции, возникшая в ходе сложного и длительного процесса развития правовой культуры. Первые элементы теоретической юриспруденции появи-

лись еще на ранних ступенях истории права, а именно тогда, когда на основе конкретных правовых понятий сформировались понятия общие, или абстрактные, и стали предприниматься попытки определить тот или иной правовой институт.

Родиной юридической науки традиционно считается Европа. Здесь появились первые университеты, осуществлявшие преподавание и научные исследования в сфере теории и практики государственно-правового регулирования. Европейская юридическая наука стала базой для российской юриспруденции, она дала возможность восприятия и заимствования европейского опыта государственного строительства и правового регулирования. Однако, не отрицая влияния, оказанного со стороны Запада на становление и развитие отечественной юриспруденции, следует подчеркнуть ее самобытность, связанную как с особенностями социально-исторического развития России, так и со спецификой ментальности российского социума. Результатом действия этих двух тенденций – заимствования зарубежного (и прежде всего – европейского) опыта, накопленного в соответствующих юридических сферах, а также сохранения и закрепления на законодательном уровне национальной правовой традиции – явилась реальная возможность говорить о российской юриспруденции как о самостоятельном с точки зрения формы и содержания социальном феномене, структура которого определена наличием практической (деятельностной) и теоретической (научной) составляющих.

О формировании научной составляющей отечественной юриспруденции можно вести речь лишь с XVIII столетия, когда в целом сложился категориальный аппарат юриспруденции, опиравшийся на

общеевропейские понятия в области теоретического правоведения и сыгравший роль текстуального основания теоретической правовой науки. Формирование русского правоведения как теоретической науки о праве осуществлялось в русле эволюционирующей мировой юридической мысли. Право являлось своеобразным срезом общества, формой социальной культуры, поэтому тип правовой системы в конечном счете определялся типом общества, в рамках которого данная система получала свою идентификацию. Таким образом, логика развития русского правоведения и воспроизводящей его теории социально-политического развития в общем и целом совпадали.

Отечественная система *юридического образования* в своем становлении прошла несколько этапов. В XI–XVIII вв. осуществление регулятивно-охранительной функции права не рассматривалось в качестве самостоятельного вида профессиональной деятельности и, соответственно, осуществлялось людьми, не имеющими специальной юридической подготовки (стряпчими, ходатаями и т. д.). Профессиональная квалификация при этом приобреталась соответствующим лицом непосредственно в ходе осуществления им той или иной юридической деятельности.

XVIII–XIX вв. – этап формирования обособленной системы профессионального юридического образования, обусловившей появление в России качественно новой профессиональной корпорации – юридического сообщества.

Становление отечественного юридического образования и юридической науки во многом связано с формированием в России университетской системы, включенной в единую государственную образовательную систему. Она

сложилась в основном в эпоху реформаторских намерений и планов преобразований государственно-правовой системы России Александра I. В соответствии с Указом от 24 января 1803 г. в стране были созданы 6 учебных округов (Московский, Виленский, Дерптский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский), в которых все звенья начального и среднего образования замыкались на университеты и подчинялись им. 5 ноября 1804 г. были опубликованы «Устав университетов Российской империи» и «Устав учебных заведений, подведомственных университетам», принятие которых, по сути, означало приобретение системой университетского образования и науки официального правового статуса.

К середине XIX в. система профессионального юридического образования в России уже сложилась. Преподавание правовых наук велось в учебных заведениях разных типов. В первой половине XIX в. в стране были образованы привилегированные учебные заведения закрытого типа, выпускники которых готовились к службе в центральных государственных учреждениях, прежде всего в Министерстве внутренних дел и в судебном ведомстве.

В основу системы профессиональной подготовки юристов в России были положены наряду с традициями, сформировавшимися в процессе политогенеза российской государственности, лучшие достижения мировой правовой мысли и, прежде всего, концептуальные модели естественного права, получившие свое отражение и творческое преломление в трудах плеяды выдающихся отечественных ученых-юристов и воспринятые в качестве основополагающей ценностной детерминанты процесса юридического образования.

В процессе становления и развития отечественной

системы высшего юридического образования в условиях Российской империи проявились следующие ее особенности:

- решающая роль государства в определении форм и содержания юридического образования;

- высокий уровень развития юридической науки в российских учебных заведениях;

- многообразие форм и методов преподавания юридических дисциплин, высокая квалификация профессорско-преподавательского состава;

- широкое использование в учебном процессе отечественной и зарубежной специализированной юридической литературы;

- существование юридического образования только в очной форме;

- создание и функционирование помимо юридических факультетов университетов и лицеев, таких, как Демидовский, Александровский, Катковский, учреждений ведомственного юридического образования, например, Училища правоведения, Александровской военно-юридической академии;

- наличие в качестве структурных элементов системы отечественного высшего юридического образования как государственных, так и неправительственных (частных и общественных) учебных заведений, обеспечивавших профессиональную подготовку юристов по программам, утверждавшимся государством;

- возможность получения высшего юридического образования в России без дискриминации по половому признаку;

- крайне неравномерное распределение по территории России учебных заведений, осуществлявших подготовку юристов.

Оформившись в систему, профессиональное юридическое образование, с одной стороны, представлявшее собой совокупность институтов образовательного права (нормативные акты, регламентирующие порядок организации образовательной деятельности, индивидуальные и коллективные субъекты образовательных отношений), с другой – являющееся сложным полициклическим процессом, связанным с предоставлением и получением образовательных услуг, до сегодняшнего дня претерпело множественные трансформации (но уже в рамках сложившейся системы), оставаясь при этом важнейшим фактором развития отечественной юриспруденции в целом.

Восприятие феномена «юриспруденция» как комплекса элементов (профессиональная юридическая деятельность, юридическая наука, юридическое образование), находящихся во взаимосвязи и взаимообусловленности, на различных этапах исторического развития во многом определялось спецификой акцентирования значимости одного или нескольких структурных компонентов. Диалектическое единство *практики*, науки и образования нашло свое отражение и в существовании в русском языке для обозначения юриспруденции различных терминов: «законоискусство», «законоведение», «правоведение». Типичным в дореволюционной России являлось понимание законоискусства как практической юриспруденции: «Законоискусство есть верное применение поступков гражданина к законам»³. Наряду с термином «законоискусство» употреблялось и выражение «законоискусственная наука», рассуждая о которой, например, один из первых русских юристов-профессионалов З. А. Горюшкин понимал некое сочетание практической юриспруденции с теоретической⁴. Термин «законоведение» русские юристы часто использовали для обозначения правовой науки⁵, хотя при

этом имели в виду ее необходимое сочетание с юридической практикой. Так, М. М. Сперанский выделял два вида законоведения: одно законоведение – «практическое, дело навыка и здравого смысла; другое – ученое»⁶. При этом удачность термина «законоведение» признавалась далеко не всеми отечественными учеными. «Самый текст закона, – подчеркивал Н. И. Лазаревский, – изучается только в целях лучшего и наиболее точного выяснения того правила, которое устанавливается данным законом. Поэтому гораздо более точным и правильным термином сравнительно с "законоведением" является "правоведение" или иностранное слово "юриспруденция"»⁷.

Под термином «правоведение» в русской юридической литературе часто понимали правовую науку, хотя использовали данную дефиницию и в более широком смысле, обозначая связь теоретических знаний в области права с практическими навыками обращения с правовым материалом.

На наш взгляд, более точно связь теории и практики отражает категория «юриспруденция». Об этом так еще в конце XIX в. писал К. К. Дыновский: «Особенность юриспруденции в сравнении с другими практическими науками, – отмечал он, – заключается в том, что она представляет весьма своеобразное сочетание задач практических с задачами не практическими; она притом не только наука, но и искусство. В умелом гармоническом сочетании обоих элементов, при котором правоведение, не поступаясь своим научным характером, может служить интересом действительной жизни, заключается вся задача, вся сила и вся прелесть правоведения»⁸.

Современные представления о юриспруденции также отражают неоднозначность ее сущности. Исследователь становления и эволюции феномена «юриспруденция»

профессор В. А. Томсинов отмечал, что юриспруденция в узком смысле обозначает совокупность теоретических знаний о праве и практических навыков формулирования и толкования правовых норм, приемов и способов обработки правового материала: организации правовых норм, их классификации, систематизации и т. п.; юриспруденция в широком смысле – это деятельность по обслуживанию механизма формирования, функционирования и развития права⁹.

Приобретя на определенной ступени исторического развития научный характер, юриспруденция не потеряла своей практической направленности и продолжает рассматриваться как комплексный социально-правовой институт, объединяющий профессиональную юридическую деятельность, юридическую науку и юридическое образование.

Новым импульсом в развитии юридического образования и правовой науки в современной России становится серьезная потребность в юридических кадрах и широком развитии юридического образования, которая в условиях эволюции отечественной государственности имеет устойчивую тенденцию к усилению. Сегодня профессия юриста является не только одной из самых престижных, но и одной из самых массовых. Сейчас многие российские вузы – и государственные, и частные – обучают студентов по специальности «юриспруденция». Учитывая то, что в последние десятилетия в дополнение к существовавшим учебным заведениям открывались новые юридические вузы и юридические факультеты в институтах и университетах, ранее имевших весьма отдаленное отношение к юридической науке и практике, возникает предположение, что в 1990-х годах российское общество начало осознавать ценность права и юридического образования и

стало рассматривать право как необходимое условие жизни цивилизованного общества.

Однако жизненные реалии современной России не дают достаточных оснований для столь оптимистичных выводов: кардинальные изменения в общественном сознании еще не произошли, а главным в отношении к праву в российском обществе является прагматизм, доходящий порой до цинизма.

В Российской империи и Советской России число специализированных юридических вузов и юридических факультетов университетов было небольшим, соответственно, ограниченным было и число студентов, получавших юридическое образование. Обладатели диплома по специальности «юриспруденция» в СССР находили себе применение в основном в судебной системе, правоохранительных органах, адвокатуре и нотариате. В постсоветском пространстве сформировалась и окрепла мысль о том, что право может явиться тем «спасательным кругом», с помощью которого будут решены проблемы удовлетворения частных, корпоративных и публичных интересов. При этом задача создания и обеспечения функционирования соответствующих правовых механизмов не ставилась, в качестве актуальных рассматривались лишь решение конкретных проблем и достижение определенных результатов. В таких условиях возник устойчивый и высокий интерес к практической юриспруденции. А он в свою очередь обусловил формирование в российском обществе идеологии юридического утилитаризма.

К тому же в постперестроечной России, провозгласившей себя правовым государством, право стало зачастую рассматриваться в качестве панацеи, способной в кратчайшие сроки преобразовать тоталитарное государство в либерально-демократическое. Такой «правовой

идеализм», с одной стороны, обусловил повышение престижа профессии юриста, а с другой – привел к размыванию в юридической деятельности профессиональной конкретики. В качестве юридических стали рассматриваться, по сути, все виды административной (управленческой) деятельности, а это в свою очередь обусловило резкое увеличение числа учебных заведений, предлагающих образовательные услуги в сфере обучения юристов.

В современной России юристы требуются в органах государственной власти и на государственных предприятиях, в крупных корпорациях и мелких фирмах, в налоговых органах и представительствах зарубежных компаний. Разумеется, потребность в квалифицированных юристах по-прежнему испытывают судебная система, прокуратура, силовые ведомства и нотариат. Специалисту, разбирающемуся в законах и умеющему трактовать их в пользу тех, чьи интересы он защищает (олигарха, государства, обвиняемого в суде и т. д.), безработица не грозит.

Какое же количество юристов необходимо для насыщения рынка труда сегодня? Вряд ли может быть дан конкретный и однозначный ответ на данный вопрос. Неслучайно, что в контексте идеологии юридического утилитаризма все более распространенным становится утверждение, что рынок юридического труда безграничен, поскольку собственному юриста должна иметь каждая российская семья. Возникают и иные вопросы: является ли юридический утилитаризм национальным явлением; каким набором профессиональных качеств должен обладать современный юрист; как должны быть составлены учебные программы, обеспечивающие получение высшего юридического образования и профессиональную переподготовку лиц, уже имеющих высшее образование по иным профессиям; какой должна быть методика преподавания

в высшей юридической школе и т. д.

Ответы на некоторые вопросы сформулировать можно. В частности, знакомство со спецификой общественного сознания в зарубежных странах дает возможность утверждать, что идеология юридического утилитаризма – не порождение постсоветского российского общества. В современной Европе во второй половине XX в. прочно закрепились тенденции к тому, чтобы трактовать юриспруденцию не как науку, а как ремесло, совокупность определенных технических приемов, которым следует обучать людей, желающих стать юристами. Такая система высшего профессионального образования более всего характерна для американской высшей школы, но с целью повышения конкурентоспособности европейского образования она усиленно внедряется и стала нормой в Европе. Современная европейская система профессионального юридического образования, ориентированная на подготовку высококлассных ремесленников от юриспруденции, обладает в высшей степени утилитарным характером.

Современные ремесленники от юриспруденции успешно справляются с решением всех возникающих проблем. Реальная возможность для этого создается, прежде всего, тем, что при всех изменениях государственно-правовых систем в Европе стабильность действующих правовых механизмов там сохраняется. Как частное свидетельство крайнего юридического утилитаризма может рассматриваться и отсутствие в современной европейской системе высшего юридического образования имен, равновеликих О. Гирке, Л. Дюги, Г. Еллинеку, Р. Иерингу, Ф. К. Савиньи и другим профессорам, чье научное и педагогическое творчество ценно до сих пор. Равновеликих имен нет не потому, что нет таких ученых, а потому, что в них нет необходимости.

Элементы юридического утилитаризма были характерны и для России. В советское время в системе подготовки отечественных юридических кадров существовали специализированные юридические учебные заведения (юридические техникумы, юридические институты), выпускники которых отличались высоким профессионализмом в той, достаточно узкой, сфере, для работы в которой их готовили. Однако эти специалисты с большим трудом приспособлялись к работе в иных отраслях юриспруденции или изменению условий работы в избранной ими области (например, в случаях вступления в силу новых законов). В то же время выпускники университетов, имея универсальное юридическое образование и хорошую теоретическую подготовку, сложностей такого рода не испытывали.

Сегодня все чаще говорят о глубоком кризисе всей системы юридического образования в России. Действительно, круг проблем, которые российская высшая школа неизбежно должна решить, широк и многообразен, среди них – проблемы качества профессионального образования выпускников вузов и повышения квалификации профессоров и преподавателей; сохранения и развития отечественной юридической науки и профессионального юридического образования в условиях глобализации и цифровизации современного общества. Только комплексное решение этих проблем позволит определить перспективы юридического утилитаризма в России.

Следует учитывать и то, что в современной России происходит становление новых правовых механизмов, нашедшее свое проявление, в частности, в активном законотворчестве, имеют место качественные изменения в правосознании, включая и профессиональное. В таких условиях профессиональное юридическое образование,

предполагающее формирование у студентов исключительно практических навыков, становится бессмысленным. «Натаскивание» на действующие законы и практику их применения не может быть основой юридического образования в России.

При сохранении подготовки профессионалов для узкой сферы юридической деятельности, должно развиваться и университетское образование, основанное на глубокой серьезной и древней науке. Студент университета сможет стать специалистом высокого класса только при условии, когда он изучает юридические понятия, категории, конструкции и способы их выражения в разных правопорядках. Такие знания не устареют и через несколько лет, даже если изменятся ныне действующие российские законы.

Представляется, что в университетском юридическом образовании не должно быть узкой специализации (не должно быть «юристов-судей», «юристов-таможенников», «юристов-транспортников», юристов, специализирующихся по сельскохозяйственному праву, юристов средств массовой информации). Элитарность и иерархичность системы подготовки высококвалифицированных кадров должны оставаться нормой организации высшего юридического образования. Только сохранение лучших традиций отечественного университетского образования в условиях современной России не даст университетам возможности готовить стряпчих, которые работают с клиентом по принципу «чего изволите?», а по требованию начальства обходят закон. Ремесленники от юриспруденции не будут составлять всю численность российских юристов, но и для них актуальными останутся слова С. Н. Булгакова, произнесенные им почти век назад при поступлении на службу в Московский университет: «Ремесленный специалист не

должен убивать в себе мыслителя, тоскующего о цельном знании». И в условиях существования идеологии юридического утилитаризма в современной России все же продолжает существовать тенденция на универсальное юридическое образование и хорошую теоретическую подготовку, а в воспитании студентов еще не погиб принцип учить будущих юристов соблюдать законы, даже если эти законы несовершенны.

Таким образом, юридическая наука – закономерный этап становления комплексного социально-правового института – современной юриспруденции, объединяющей профессиональную юридическую деятельность, юридическую науку и юридическое образование. Несмотря на диалектическое единство всех структурных элементов юриспруденции, очевидным в сфере юридической деятельности в XXI в. является усиление тенденции прагматичного и утилитарного отношения к профессии юриста и его профессиональной подготовке, накладывающее серьезный отпечаток на определение предметного поля научных исследований, глубину исследований проблем правосознания и правоприменения, поддержку государством фундаментальных исследований о государстве и праве.

© Нижник Н. С., 2023

¹ См. подробнее: *Нижник Н. С.* 1) О профессиональной подготовке юристов в контексте идеологии юридического утилитаризма // *Современные формы и методы обучения праву юристов, государственных и муниципальных служащих: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-методической конференции, Екатеринбург, 01–03 февраля 2005 года* / Ответ. ред. С. В. Кодан. Екатеринбург, 2005. С. 33–36. EDN ZAXHXW; 2) *Отечественная юриспруденция: специфика взаимосвязи структурно-функциональных элементов в контексте выявления тенденций утилитаризма и фундаментализма* // *Социально-гуманитарные науки и их роль в системе высшего и профессионального образования: Материалы Всероссийской*

-
- научно-практической конференции, Челябинск, 22 мая 2007 года / Редкол.: А. Л. Худобородов (науч. ред.), Н. С. Сидоренко (отв. ред.), М. В. Егорова. Челябинск, 2007. С. 9–22. EDN PLUUVS; 3) Юриспруденция как комплексный социально-правовой институт: специфика становления и развития в России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / Науч. ред. Н. С. Нижник. Вып. 1. СПб., 2012. С. 5–14. EDN VIVXPV; 4) Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы международной научно-практической конференции, г. Новороссийск, 29–30 сентября 2011 года. Новороссийск, 2012. С. 497–506. EDN SRWQAB.
- ² *Иеринг Р.* Юридическая техника // Юридические записки. Т. 4. СПб., 1860. С. 53.
- ³ *Журнал дома практического правоведения по предмету образования стряпчества.* 1813 года, издаваемый надворным советником Иваном Наумовым. СПб., 1813–1814. С. 116.
- ⁴ *Горюшкин З. А.* Руководство к познанию российского законоискусства. М., 1811. С. 1.
- ⁵ См., например: *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1851. С. 1.
- ⁶ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 97.
- ⁷ *Лазаревский Н. И.* Законоведение. Б. м., б. г. С. 2–3.
- ⁸ *Дыновский К.* Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия. Одесса, 1896. С. 26.
- ⁹ *Томсинов В. А.* Понятие юриспруденции, ее происхождение и основные функции // Законодательство. 2003. № 6. С. 91.

О. В. Кузьмина*

СОВЕТСКАЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НАУКА

Уголовный процесс может интересовать науку, прежде всего, как вид государственной деятельности, которая осуществляется компетентными государственными органами, а также как социальный институт, который порожден потребностью общества, либо как особая система, функционирующая от имени государства в форме, установленной законом. Уголовное судопроизводство обусловлено природой и историей государства, принципами организации государственных органов, разделением их властных полномочий, положением личности в государстве¹.

Важнейшие периоды развития науки отечественного уголовного процесса соответствуют основным этапам развития нашего государства и самого уголовного процесса как одной из форм его правоприменительной деятельности.

Уголовно-процессуальная наука советского периода отразила особенности развития советского государства и права, которые, безусловно, сказались на теории, законодательстве и практике судопроизводства. В определённые

* *Кузьмина Ольга Владимировна* – первый проректор Ивановского государственного университета; заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почётный работник образования Ивановской области, почётный юрист Ивановской области.

моментами серьёзное влияние на них оказывали политические решения партии и правительства, в том числе в области деятельности правоохранительных органов и суда по искоренению преступности. К этому периоду относятся знаменитые Декреты о суде (1917–1918), которые определили основы социалистического правосудия, правда, без четких правил и границ. Отмена советской властью Судебных уставов 1864 г. не означала отмену научных достижений пореформенной эпохи. Остались учёные, часть которых оказалась основателями советской уголовно-процессуальной научной школы. Таким образом сохранялась преемственность. Именно советская научная уголовно-процессуальная школа в лице её лучших представителей стала связующим звеном между Уставом уголовного судопроизводства и современным российским уголовно-процессуальным правом, прежде всего, по образному выражению Л. В. Головки, «его доктринальным каркасом»². Труды профессора Н. Н. Полянского являются ярким примером связи дореволюционной и советской науки уголовного процесса. В 1919 г. он опубликовал работу «Цель уголовного процесса», которая вошла затем в монографию «Очерки общей теории уголовного процесса»³.

25 мая 1922 г. был принят первый советский Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с последующей его новой редакцией от 15 февраля 1923 г., действовавший на протяжении четырёх десятилетий. 29 октября 1924 г. были утверждены «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Новая форма уголовного судопроизводства, его принципы, система стадий требовали научного осмысления. Именно в это время появляются наряду с Очерками Н. Н. Полянского другие написанные на высоком теоретическом уровне работы М. А. Чельцова-Бебутова⁴, М. С. Строговича⁵, А. Я. Вы-

шинского⁶. Вышел первый комментарий к УПК РСФСР 1923 г., который был подготовлен М. С. Строговичем совместно с Д. А. Кар-ницким. На протяжении двух десятилетий, с 1931 г. по 1953 г., в качестве учебников по советскому уголовному процессу издавались книги лишь двух авторов – М. С. Строговича и М. А. Чельцова⁷.

Конституция СССР 1936 г. и принятый на её основе в 1938 г. Закон о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик закрепили принципы процессуальной деятельности не только суда, но и органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры. Суть этих основополагающих норм раскрывалась в научных работах, однако одновременно обосновывалась необходимость отступления от них в некоторых случаях в целях борьбы с так называемыми врагами народа, обосновывалась замена суда внесудебными органами («двойками» и «тройками»). Понимание назначения уголовного процесса как одного из средств борьбы с преступностью позволяло подвести теоретическую базу под репрессии. Примером этому могут послужить некоторые работы А. Я. Вышинского⁸. К сожалению, в советский период уголовно-процессуальная теория вынуждена была служить бюрократическому государственному аппарату и коммунистической идеологии. Исследованию этих страниц истории советского уголовного процесса посвящены работы разных авторов⁹.

Кроме учебников и курсов, в период с 1920 г. по 1950-е годы выходят в свет интересные монографические работы, в которых авторы сумели сохранить подходы, выработанные дореволюционными процессуалистами. К ним относятся, прежде всего, работы М. С. Строговича, в которых исследуются составительные начала уголовного процесса¹⁰, определяется цель уголовно-процессуальной деятельности¹¹. Учёные-процессуалисты обращались к ис-

следованию норм доказательственного права, обосновывая значимость доказательств для объективного установления обстоятельств совершённого преступления и вынесения законного решения по делу. Здесь необходимо указать хорошо известную фундаментальную работу А. Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве» (М., 1941), которая неоднократно переиздавалась. А. В. Головки высоко оценивает его «как первый серьёзный советский труд по доказательственному праву, проложивший путь между западной и дореволюционной наукой, с одной стороны, и советской доказательственной доктриной, с другой стороны...»¹². Идеи о том, что дело должно быть разрешено только на основе достаточной совокупности собранных доказательств, закреплённых в материалах дела способом, указанным в законе, с достаточной полнотой разработаны в монографии М. С. Строговича¹³.

В 40-е годы XX в. публикуется ряд работ, посвящённых иностранному уголовному процессу. Здесь опять необходимо вспомнить профессора Н. Н. Полянского, который отличался глубоким знанием его. Это такие работы, как «Уголовное право и уголовный суд в Англии» (М., 1937), «Судьба процессуальных гарантий личной свободы во Франции» (М., 1946), «Доказательства в иностранном уголовном процессе» (М., 1946), «Положение личности в уголовном процессе: происхождение и развитие розыскного процесса во Франции. Ч. 1» (М., 1948).

Сравнительно-правовой анализ советского уголовного процесса с зарубежным был проведён в двух замечательных учебниках, одинаково названных – «Уголовный процесс» – и изданных в один и тот же – 1948 – год, но написанных разными авторами: М. С. Строговичем и М. А. Чельцовым. Далее в стране начинается борьба с

космополитизмом, которая заставила учёных отказаться от проведения исследований в едином теоретическом контексте с зарубежными странами по идеологическим причинам.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. взяли курс на расширение и охрану прав и свобод человека в советском уголовном процессе. Принятые в 1959–1960 гг. Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик развили эти основополагающие начала. В подготовке данных законопроектов приняли участие учёные и практики. Научные исследования осуществлялись не только в Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Минске, Ташкенте, Харькове, где были созданы научные школы такими известными учёными, как М. И. Бажанов, С. П. Бекешко, Ю. М. Грошевой, Е. А. Матвеевко и др. Многие достижения науки, связанные с проблемными аспектами уголовного процесса, нашли своё отражение в двухтомном «Курсе советского уголовного процесса», изданном М. С. Строговичем в 1958 г. и 1968–1970 гг. Поскольку УПК РСФСР 1960 г., как уже было ранее отмечено, действовал на протяжении ряда десятилетий, то можно было проводить фундаментальные монографические исследования без спешки. Их содержание охватывало все главные вопросы как общей части уголовно-процессуального права, так и особенной, нормы которой регулировали производство в отдельных стадиях советского уголовного процесса. На 60–70-е годы XX в. приходится расцвет советской науки уголовного процесса. В это время публикуют свои работы такие учёные, как Н. С. Алексеев, В. П. Божьев, В. Д. Бойков, К. Ф. Гуценко, В. Г. Даев, В. Я. Дорохов, Л. М. Карнеева, Э. Ф. Куцова, А. М. Ларин, В. З. Лукашевич, П. А. Лупинская, И. Б. Михайловская, Я. О. Мотовиловкер, И. Д. Пер-

лов, И. А. Петрухин, В. М. Савицкий, А. И. Трусов, С. А. Шейфер, П. С. Элькинд, М. А. Якуб и другие.

Важным событием в науке советского уголовного процесса было издание в 1966–1967 гг. подготовленной коллективом учёных и практических работников под редакцией Н. В. Жогина двухтомной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе», которая была переиздана в 1973 г. В ней использовались достижения таких наук, как логика, философия, криминалистика. Большой интерес у научной общественности вызвала работа П. С. Элькинд «Сущность советского уголовно-процессуального права» (Л., 1963). Важнейшим аспектам соблюдения прав личности должностными лицами, ведущими процесс, была посвящена монография Э. Ф. Куцовой «Гарантии прав личности в советском уголовном процессе» (М., 1973).

Развитию науки советского уголовного процесса способствовало принятие в 1977 г. Конституции СССР, Законов «О Верховном Суде СССР», «О прокуратуре СССР», «Об адвокатуре в СССР». Появляются научные работы, в которых анализируется сам уголовно-процессуальный закон, его предписания. Примером тому являются такие работы, как монографии М. С. Строговича, Л. Б. Алексеевой, А. М. Ларина «Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности» (М., 1979), Т. Г. Морщаковой и И. А. Петрухина «Оценка качества судебного разбирательства по уголовным делам» (М., 1987) и др. Много внимания в это время уделялось проблемам единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы. Велись серьёзные научные исследования уголовного процесса зарубежных стран.

Таким образом, за рассматриваемый исторический период в советской науке уголовного процесса предметом

теоретических исследований были охвачены все проблемы, которые составляли объект данной науки. Она смогла решить стоящие перед ней задачи, связанные с доктринальным обоснованием новой советской модели уголовного судопроизводства и проведения двух кодификаций, а затем создала теоретическую базу для всех основных институтов уголовного судопроизводства.

© Кузьмина О. В., 2023

¹ *Лупинская П. А.* История уголовно-процессуальной науки // История юридических наук в России: Сборник статей / Под ред. О. Е. Кутафина. М., 2009. С. 448.

² *Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: В 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / Под ред. А. В. Головки.* М., 2014. С. 288.

³ *Полянский Н. Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927.

⁴ *Чельцов-Бебутов М. А.* Советский уголовный процесс. Вып. 1. Харьков, 1928; Вып. 2. М., 1929.

⁵ *Строгович М. С.* Уголовный процесс. М., 1931.

⁶ *Вышинский А. Я.* Курс уголовного процесса. М., 1927.

⁷ *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев А. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 13.

⁸ *Вышинский А. Я.* Суд и карательная политика Советской власти. М., 1925.

⁹ Например, *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

¹⁰ *Строгович М. С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939.

¹¹ *Строгович М. С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947.

¹² *Головки А. В.* Развитие отечественного уголовного процесса // Курс уголовного процесса / Под ред. А. В. Головки. 2-е изд. испр. М., 2017. С. 163.

¹³ *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

М. О. Окунева*

ДИСКУССИИ О ПРЕДМЕТЕ НАУЧНОГО ПРАВА В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

К началу 1960-х годов в советской юридической науке начались исследования правового регулирования научно-технического прогресса (первое юридическое исследование, посвященное правовым формам организации научной работы, появилось в 1959 г.¹). Ряд ученых предложил выделить совокупность норм, регулирующих отношения в сфере проведения научных исследований, в самостоятельное «право науки», или научное право².

В советской правовой науке сложилось две точки зрения: одни исследователи (В. А. Дозорцев, В. А. Рассудовский) предлагали выделить соответствующую отрасль законодательства, не признавая, однако, за научным правом характера самостоятельной отрасли права. Другие, прежде всего М. П. Ринг, отстаивали необходимость выделения норм, регулирующих отношения в сфере научно-исследовательской деятельности, в отдельную отрасль права. Естественно, возникал вопрос о предмете правового регулирования новой отрасли.

В. А. Дозорцев выделял новый объект экономического оборота – научно-технические знания³, указывая, что специфика этого объекта исключает возможность распро-

* *Окунева Марина Олеговна* – старший преподаватель департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета; доцент кафедры теории и истории государства и права Московского гуманитарного университета, кандидат юридических наук.

странения на него правового режима, установленного для традиционных объектов экономического оборота, и что практически для всех отношений, связанных с данным новым объектом, возникает новое, принципиально ранее не известное правовое регулирование⁴. Рассматривая в своей работе «Законодательство о научно-техническом прогрессе» перспективы совершенствования соответствующего законодательства, ученый выделил круг отношений, складывающихся в области научно-технического прогресса, которые анализировались для выявления особенностей нового правового механизма⁵. Подробно рассматривая правовой режим научно-технических знаний⁶, исследователь выделял их как объект общественных отношений, нуждающийся в правовом регулировании⁷. При этом В. А. Дозорцев, полемизируя с М. П. Рингом, не признавал «право науки» ни самостоятельной новой отраслью права, ни комплексной отраслью права, но лишь комплексной отраслью законодательства, и, соответственно, не выделял и не обосновывал предмет научного права как отрасли права⁸. Предметом же регулирования законодательства о научно-техническом прогрессе В. А. Дозорцев видел отношения в области научно-технического прогресса⁹.

В. А. Рассудовский в исследовании, посвященном правовым аспектам государственной организации науки в СССР, определял научную деятельность как теоретические и экспериментальные научные исследования в фундаментальных или прикладных областях знания¹⁰, включая в понятие научной деятельности также те виды деятельности, которые содействуют развитию исследований и использованию их результатов в различных сферах общественного производства, жизни общества¹¹. Таким образом, в рамки научной деятельности, кроме исследова-

тельской деятельности, были включены научно-технические (конструкторские и технологические) разработки, направленные на решение новых задач научно-технического развития, научное обслуживание (включая научную информацию и научное приборостроение), подготовка научных кадров, деятельность государственных органов управления наукой. Таким образом, именно отношения в сфере научной деятельности (в указанном выше понимании) являлись предметом регулирования законодательства о научно-техническом прогрессе.

М. П. Ринг первым из советских ученых выделил и обосновал предмет научного права как самостоятельной отрасли права (в коллективной монографии «Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР» М. П. Ринг посвятил обоснованию предмета научного права отдельный параграф «Регулирование правом научно-технического прогресса: предмет и ограничения»¹², где обосновывал теоретическую и практическую значимость точного выявления предмета регулирования для формулировки целей регулирования, обоснования применения адекватных методов, начала разработки новой правовой дисциплины, научного обоснования систематизации законодательства, определения места «права науки» в общей системе права, а также для эффективности права в управлении наукой, поскольку именно четко очерченные границы предмета позволяют не допустить нежелательных последствий в виде неприменения права к отношениям, нуждающимся в регуляторе, применения неспецифичных для этих отношений методов, приемов и средств регулирования, или, напротив, применения права к отношениям, не способным быть урегулированными¹³). М. П. Ринг выделял «правовой комплекс», ядром которого должно было стать «право науки» (которое более точно, но

менее удобно именовать «правом научно-технического прогресса»)¹⁴. М. П. Ринг привел следующие принципиальные положения в обоснование формулировки предмета «права науки»: во-первых, задача сводится к выявлению тех общественных отношений, регулятором которых в сфере научно-технического прогресса является право. Во-вторых, научно-техническая деятельность понимается как специфический вид общественного производства – производство новых научных и технических знаний. Поскольку экономические и организационные отношения, возникающие в ходе производства новых научных и технических знаний и в связи с управлением этим производством, как и отношения любого другого вида производства и управления, регулируются правом и изучаются его теорией, можно выделить эти отношения в качестве предмета правового регулирования научно-технического прогресса¹⁵.

В качестве объекта правового регулирования М. П. Ринг выделил систему экономических и организационных отношений по производству и использованию новых научных и технических знаний и по управлению их производством и использованием¹⁶. Соответственно, в качестве предмета правового регулирования права науки он выделял отношения по поводу производства и использования новых научных и технических знаний¹⁷, общественные отношения в процессе производства и применения новых научных и технических знаний¹⁸. Именно эти отношения, по мнению исследователя, и составляли предмет правового регулирования научно-технического прогресса.

Таким образом, несмотря на разногласия по поводу отраслевой принадлежности «права науки», советские правоведы, как представляется, выработали общее пони-

мание предмета правового регулирования законодательства о науке и научно-техническом прогрессе, которое может быть полезным и для современного законодателя в свете актуальности систематизации законодательства о науке в современном Российском государстве¹⁹.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 21-011-43026 «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки».

© Окунева М. О., 2023

¹ Федькин Г. И. Содержание и правовые формы деятельности Советского государства в области организации научной работы: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1959.

² Рассудовский В. А. Государственная организация науки в СССР (правовые вопросы). М., 1971. С. 16; Ринг М. П. Право и научно-технический прогресс // XXIV съезд КПСС и вопросы теории государства и права. М., 1972. С. 230–247; Дозорцев В. А. Законодательство о научно-техническом прогрессе. М., 1978. С. 162–163; и др.

³ Дозорцев В. А. Законодательство о научно-техническом прогрессе. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 10–26.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 166.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Рассудовский В. А. Государственная организация науки в СССР (правовые вопросы). М., 1971. С. 7.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР / Ред. М. И. Пискотин, В. А. Рассудовский, М. П. Ринг. М., 1973. С. 24–42.

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ Ринг М. П. Право и научно-технический прогресс // XXIV съезд КПСС и вопросы теории государства и права. С. 230–247.

¹⁵ Организационно-правовые вопросы руководства наукой в

СССР / Ред. М. И. Пискотин, В. А. Рассудовский, М. П. Ринг. С. 37–38.

¹⁶ *Ринг М. П.* Право и руководство наукой // Лаптев В. В., Ринг М. П., Славин М. М., Топорнин Б. Н. Научно-техническая революция, управление и право. М.: Наука, 1975. С. 155.

¹⁷ *Организационно-правовые* вопросы руководства наукой в СССР / Ред. М. И. Пискотин, В. А. Рассудовский, М. П. Ринг. С. 23–25.

¹⁸ *Ринг М. П.* Правовое регулирование научно-технического прогресса // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 113.

¹⁹ *Васильев А. А., Печатнова Ю. В.* Кодекс законов о науке и инновациях Российской Федерации: концепция и структура // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 4. С. 65–76.

Н. Н. Зипунникова*
Ю. Н. Зипунникова**

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ:
ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ
(НЕСКОЛЬКО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РЕМАРОК)**

Обширность поставленной проблемы обусловлена несколькими факторами, в числе которых обратим особое внимание на устойчивый интерес к историко-правовому познанию юридической науки как социокультурного феномена. Осмысление опыта науки, прицельный взгляд «вглубь», саморефлексия позволяют правововедам выстраивать перспективные исследовательские стратегии, анализировать стадии, по Имре Лакатосу, научно-исследовательских программ. В этом сложном и исключительно важном научном процессе в рамках статьи можно и отнюдь не бесполезно «обострить» отдельные вопросы. В первую очередь, они связаны с темой памяти, в том числе, научной. О последней активно размышляют, например, в связи с технологиями и технологизацией научной деятельности. Так, С. В. Кодан акцентирует внимание на такой роли научной памяти, как «культурно-профессиональный канал передачи сведений технологи-

* *Зипунникова Наталья Николаевна* – заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент.

** *Зипунникова Юлия Николаевна* – старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург).

ческого характера», когда на индивидуальных и коллективных уровнях (отдельных исследователей и их коллективов) она сохраняет и дает возможность обратиться к накопленному опыту. Им также подчеркнута значение творческого наследия ученых и преемственности в развитии технологического знания как связи прошлого, настоящего и будущего¹.

В этом контексте представляется закономерным обращение к феномену юбилея и памятной даты, его коммеморативному потенциалу. Об интересе к нему свидетельствуют как разнообразные мероприятия, так и многочисленные издания и публикации. В ноябре 2016 г. темой международного форума, собирающего специалистов по истории, философии, методологии научного знания, стали коммеморативные (юбилейные) практики в истории отечественной науки. Давая определения научному субъекту (ученому или группе исследователей), научному событию, научному объекту (научный субъект или его действие, то есть событие) и субъектной среде (совокупность научных и иных субъектов, переосмысляющих научный объект), Ю. М. Батулин предложил дефиницию научного юбилея. С его точки зрения, под таковым нужно понимать ментальный феномен, порождаемый научным объектом, осмысляемый научным субъектом в рамках юбилейных («круглых») периодов временной шкалы и, возможно, сопровождаемый направленными организационными усилиями субъектной среды. Не оставляя тему юбилея, заметим, что к новым коммеморативным социальным практикам относят даже индекс цитирования научных работ². Связь прошлого, настоящего и будущего позволяют осуществлять и юбилейные издания, посвященные правоведам, их научным трудам. Иллюстрации бесконечны, поэтому покажем лишь некоторые из них.

Публикуя на русском языке работу выдающегося немецкого юриста О. фон Бюлова 1868 г., российские процессуалисты спустя полтора века после ее издания отметили, что идеи профессора живы и актуальны, вдохновляя исследователей в сфере процессуального права и не только на поиск решений как традиционных, так и новых вопросов юридической науки³. Значительную часть нового выпуска (2022) «профильного» сборника Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина составители посвятили жизни и творчеству выдающегося историка права С. В. Юшкова, основателя кафедры истории государства и права нашего Университета: «Особое внимание уделено вкладу в науку ученого, ушедшего из жизни 70 лет назад и считающегося основателем истории государства и права СССР, – Серафима Владимировича Юшкова (1888–1952)». Среди прочего, они отметили широчайший научный и культурный кругозор, глубокое знание истории, приверженность к скрупулезному исследованию исторических памятников, патриотическую веру ученого в исторический прогресс и величие своей Родины⁴. Примечательно, что нынешняя весна несет с собой еще одну «круглую» дату, связанную с его именем, – 135-летие со дня рождения.

Не менее важной ремаркой видится указание на определенную неполноту расширяющегося историографического домена, пополняющегося исследованиями по истории юридической науки. С одной стороны, предприняты значительные усилия по изданию (переизданию) отечественной (и не только) «классики», наследия юридической науки, созданию антологий (в том числе, юридического некролога), биографических, биобиблиографических, иных изданий, так или иначе способствующих сохранению юридико-научной памяти, трансляции опыта право-

ведов, обеспечению научной преемственности. С другой стороны, имеется явный недостаток в современных обобщающих историко-наукovedческих (условная характеристика) трудах уровня работ Г. Ф. Шершеневича, Г. С. Фельдштейна, В. Э. Грабаря, И. А. Емельяновой, коллективной работы под редакцией В. М. Курицына, исследований Н. А. Чечиной, М. Х. Хутыза, др.⁵

Не проходной считаем и проблему периодизации истории правоведения как социокультурного феномена, отдельных отраслей юридической науки. Рассуждения о таковой видятся не только инструментально-технической, но и смыкающей многие вопросы теоретико-методологической задачей. Здесь значимо как выделение временных отрезков, так и их качественные характеристики. В одном из диссертационных исследований отмечается, что наука российского гражданского процессуального права возникла во второй половине XIX в. и впоследствии прошла несколько этапов: дореволюционная наука (1861–1917) – период революционно-эволюционный; развитие науки в советский период (1917 г. – 1940-е годы как революционный этап и 1950-е – 1980-е годы как эволюционный); современная наука с 1991 г. – как революционно-эволюционный⁶. Вероятно, небезынтересны и более дробные периодизации, особенно увязанные с познанием схолярной проблематики.

Вопрос о научных школах в юриспруденции также связан с проблематикой научной памяти и преемственности. И вряд ли можно утверждать, что прояснены все вопросы и достигнуты все конвенции в отношении исходной категории «научная школа». Многозначность понятия показана, например, в большой работе ярославских исследователей. С одной стороны, научная школа – это направление научной мысли и педагогической практики,

созданные отдельными выдающимися учеными или группами исследователей, разделяющими сходные методологические установки. Примером такого подхода показана историческая школа права. С другой стороны, речь ведется о национальных школах права. Но, кроме того, школы «привязывают» к университетским городам, научным центрам, регионам (московская, петербургская, уральская юридические школы). Авторы называют также компоненты научной школы – личностный, материальный, социокультурный⁷. Как отмечает И. В. Ершова, определения понятия «научная школа» в праве и доктрине пока не выработано, при этом имеется стремление конструировать его через набор содержательных признаков. Автором также зафиксирована потребность в едином определении научной школы⁸.

Очевидна и необходимость активизации междисциплинарного диалога юристов, «воду на мельницу» которого «льют» и такие мероприятия, как нынешний форум. И новая номенклатура научных специальностей, и усложнение научно-образовательных задач свидетельствуют о перспективности междисциплинарных «пересечений», преимуществах консолидации представителей юридической науки с разной отраслевой «пропиской», а также вовлечение в орбиту исследований наработок специалистов из других областей социогуманитарного знания, например, работающих с проблемой памяти – социальной, культурной, исторической. В целях сохранения юридико-научной памяти важно систематизировать разнообразные практики воспоминаний юристов (ученых и практиков) об *Alma Mater*, учителях, ученых, товарищах, коллегах, публиковать их. Так создается важная коммеморативная ткань, основа для передачи культурного, научного и иного опыта. И такие образцы есть! Так, А. Р. Султанов, вспо-

миная о Н. И. Клейн, прямо сформулировал свое «искренне желание хоть немного познакомить с ней тех, кто не знал ее лично»⁹. Это и есть одна из стратегий движения из прошлого в будущее...

© Зипунникова Н. Н., Зипунникова Ю. Н., 2023

¹ *Кодан С. В.* 1) Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации / Под ред. С. В. Бочкарева // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С. 12–26; 2) Научная деятельность в сфере юриспруденции: методологические проблемы технологизации и технологий // Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы / Под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М., 2022. С. 57.

² *Батулин Ю. М.* Научный юбилей как рефлексивно конструируемый социальный феномен // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Материалы XXXII международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Коммеморативные (юбилейные) практики в истории российской науки» (21–25 ноября 2016 г.). Вып. XXXII. СПб., 2016. С. 16–17; *Бесчасная А. А.* Индекс цитирования научных работ как современная коммеморативная социальная практика // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Материалы XXXII международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Коммеморативные (юбилейные) практики в истории российской науки» (21–25 ноября 2016 г.). Вып. XXXII. СПб., 2016. С. 86–87.

³ *Ярков В. В., Брановицкий К. Л., Бессонова А. И.* Оскар фон Бюлов и наука процессуального права // Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / Пер. с нем. М., 2019. С. 17.

⁴ *Луковская Д. И., Дунаева Н. В.* От научных редакторов серии «Историческое право» // Сборники Президентской библиотеки. Серия: Историческое право. Вып. 9:

Методология изучения истории российского государства и права: традиции в науке: Сборник научных трудов. СПб., 2022. С. 9–10.

⁵ *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. Казань, 1893; *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909; *Грбарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 1958; *Советская историко-правовая наука. Очерки становления и развития / Отв. ред. В. М. Курицын.* М., 1978; *Хутыз М. Х.* Общие положения гражданского процесса. Историко-правовое исследование. М., 1979; *Емельянова И. А.* «Всеобщая история права» в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). Казань, 1981; *Чечина Н. А.* Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л., 1987; *Емельянова И. А.* Историко-правовая наука в России XIX в. История русского права. Казань, 1988; и др.

⁶ *Долова М. О.* Развитие науки гражданского процессуального права России. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 8–9.

⁷ *Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушников, Н. Н. Тарусиной.* Ярославль, 2009. С. 4.

⁸ *Ершова И. В.* Научные школы: закон, доктрина, практика // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 11. С. 7–8.

⁹ *Султанов А. Р.* Нина Исаевна Клейн – необычайной души человек // Клейн Н. И. Встречный иск в суде и арбитраже. М., 2017. С. 7.

Раздел II
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
КАК РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ

Н. В. Разуваев*

РИМСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Для историков правовой науки феномен римской юриспруденции представляет особый интерес, обусловленный целым рядом обстоятельств, как общеисторического, так и специально-юридического характера.

Во-первых, наглядно выражая особенности, присущие римской цивилизации, именно юридическая наука, более чем любая иная сфера интеллектуального творчества (включая философию и художественную литературу),

* *Разуваев Николай Викторович* – заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, доцент.

позволяет делать выводы о ее исторической специфике, а также генетической связи с иными цивилизациями Древнего мира¹.

Во-вторых, будучи одним из наиболее древних видов научного знания, римская юриспруденция, подобно евклидовой математике и античной лингвистике, обладает ярко выраженными отличиями от той исследовательской парадигмы, носителями которой выступают современные научные дисциплины². При этом сравнение идеалов рациональности Древнего мира и Нового времени на конкретном примере римской юридической доктрины позволяет пролить свет на общие закономерности эволюции науки не только в контексте западной (прежде всего европейской) истории, но и во всемирно-историческом плане.

Наконец, в-третьих, несмотря на неизменный пиетет, которым римская правовая наука пользовалась как у современников, так и у позднейших поколений юристов³, а также на общедоступность корпуса доктринальных текстов, она до сих пор остается не исследованной в полной мере⁴. Последнее обстоятельство, помимо всего прочего, не позволяет сформировать представления о предпосылках, условиях и специфике доктринального правотворчества, активно обсуждаемого современными исследователями.

Подобно любым другим ранним формам познания, римская юриспруденция представляла собой первичную научную теорию, еще не вполне свободную от оков допредикативного мышления. С этим, на наш взгляд, и связаны сущностные признаки, прежде всего, ведущая регулятивная роль юриспруденции, неотделимая от ее познавательной функции, что объясняется культурно-историческими особенностями не только римской юриди-

ческой науки, но и античной правовой традиции в целом. Таким образом, изучение правотворческой деятельности римских юристов способно, помимо всего прочего, пролить свет на понятие и смысл достаточно неоднозначной категории «правовая традиция», а также на ее соотношение со смежными понятиями, в том числе такими, как «правопорядок», «правовая реальность», «правовая система», «правовая семья», «правовые стили» и т. п.⁵

Так, заслуживает особого внимания плюрализм правовых традиций, особенно наглядно проявляющий себя в диахронной ретроспективе, причем рассмотрению подлежат не только уникальность, специфичность и оригинальность культурно-исторических признаков, на основе которых эти традиции выделяются, но и преемственность, взаимодействие, скрещивание различных традиций⁶, вполне сопоставимые с аналогичными процессами, происходящими в лингвистической сфере⁷. Представляется, что причиной взаимовлияния традиций служит существование семантических универсалий, обусловленных единством человеческой природы, проявляющимся как в языках, так и в правовых системах, и приводящим к их сближению во всемирном масштабе⁸.

Одной из универсалий такого рода выступает неизбежность доктринального правотворчества на известном этапе эволюции правопорядка. При этом юридические доктрины, с одной стороны, возникают параллельно и независимо друг от друга (хотя и не одновременно) в различных культурах, выступая показателем их стадияльной близости, а с другой стороны, приобретают способность к взаимовлиянию и взаимному обогащению, что, в свою очередь, создает предпосылки для перехода на новый, более высокий, уровень, научного знания. Так, именно римская юриспруденция, возникшая, видимо, ранее боль-

шинства других доктринальных традиций⁹, со временем оказала мощное интеллектуальное воздействие не только на юридическую доктрину средневековой Западной Европы, но отчасти и на неевропейские правовые традиции (прежде всего на исламское право, а также на иудейскую галахическую традицию)¹⁰.

Рассмотрение всех перечисленных выше вопросов позволяет решить – на конкретном примере римской юриспруденции – главную проблему, представляющую значительный интерес как для истории, так и для общей теории права. Суть ее состоит в том, чтобы рассмотреть констелляцию факторов, при которой доктринальные юридические тексты, обладающие в современных условиях преимущественно пропозициональной релевантностью¹¹, приобретают, наряду с нею, и перлокутивный эффект¹², то есть способность оказывать обусловленное коммуникативным заданием воздействие на поведение участников правовой коммуникации¹³. Иными словами, комплексное изучение сочинений римских юристов позволяет объяснить важную особенность, присущую доктринальным юридическим текстам, а именно единство дескриптивного и прескриптивного аспектов, позволяющее доктринальному дискурсу являться не только способом познания правовой реальности, но и источником права в формально-юридическом смысле.

Представляется, что правотворческая функция юридической науки Древнего Рима, получившая наиболее полную и всестороннюю реализацию в I–III вв. н. э., то есть в классический период истории римского права, стала результатом длительного развития юриспруденции под воздействием комплекса культурно-исторических факторов, оказавших влияние на эволюцию римского правопорядка в целом. Имея первоначально сакральный харак-

тер, что предполагало тесную связь с обычаем и религиозным ритуалом, юридическая доктрина на рубеже III–II вв. до н. э. становится концентрированным проявлением понятийного правового мышления, успешно конкурируя в этом качестве не только с обычаем, но и с законами, эдиктами магистратов и иными формами республиканского права. Примечательно, что в античной правовой традиции доктринальное правотворчество могло иметь как письменный, так и устный характер, причем устные *responsa* юристов (*disputatio fori*), насколько можно судить, обладали правотворческим значением уже в предклассическую эпоху.

В свою очередь, письменные доктринальные тексты становятся формально-юридическими источниками права лишь в классическом праве, то есть с конца I в. до н. э. Это, на наш взгляд, объясняется не только характерной для позднеантичной культуры тенденцией к приданию письменной коммуникации большей значимости в сравнении с устной речью, но и теми социально-политическими процессами, которыми сопровождалось становление режима принципата, а именно утратой комициями и республиканскими магистратурами прежнего политического статуса. Как следствие, законотворческая деятельность комиций, уже при Августе имевшая во многом фиктивный характер, прекращается в конце I в. н. э., а в 131 г., с принятием *Edictum perpetuum* императора Адриана, прекращается и преторское правотворчество. Подобная консервация системы источников римского права оказалась чреватой появлением невосполнимых пробелов, число которых увеличивалось по мере развития правопорядка.

В таких условиях сочинения юристов становятся основными источниками права, чему, в числе прочего, спо-

собствовало отсутствие в римском правопорядке прецедентного (судебного) права как такового. Указанная особенность античной правовой традиции предопределила характер применения доктринальных текстов в юридической практике. Поскольку *prudentes* в своих сочинениях имели дело с обсуждением, анализом и обобщением конкретных фактических ситуаций, то их сочинения приобретали регулятивный эффект не напрямую, а через посредство судов, для которых обязательным являлся учет при вынесении решений мнений юристов (и прежде всего «великой пятерки» классической эпохи – Модестина, Гая, Ульпиана, Папиниана и Павла).

Представляется, что именно доктринальное правотворчество в наибольшей мере соответствовало стадияльно-типологическим особенностям античного правопорядка, основными инструментами конструирования которого являлись не столько нормы, сколько конкретные фактические ситуации и субъективные права и обязанности. Деятельность римских юристов, таким образом, компенсировала характерную для античной правовой традиции неразвитость нормативных средств регулирования поведения членов общества.

© Разуваев Н. В., 2023

¹ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1998. С. 63.

² Берман Г. Дж. Западная традиция права: Эпоха формирования. Изд. 2-е. М., 1998. С. 153; и след.

³ Согласно известному высказыванию Ульпиана (*Ulp. 1 inst., D. 1.1.1.1*): «*Cuius merito quis nos sacerdotes appellet: iustitiam namque colimus et boni et aequi notitiam profitemur, aequum ab iniquo separantes, licitum ab illicito discernentes, bonos non solum metu poenarum, verum etiam praemiorum quoque exhortatione efficere cupientes, veram... philosophiam, non simulatam affectantes*». – «По заслугам нас называли жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго

и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и поощрения наградами, стремясь к истинной философии, а не к мнимой».

⁴ К числу сравнительно немногих работ, специально посвященных римской юриспруденции, можно отнести, в частности: *Kunn T.* История источников римского права. СПб., 1908; *Schultz F.* Geschichte der römischen Rechtswissenschaft. Weimar, 1961; *Stein P.* Regulae Iuris: From Juristic Rules to Legal Maxims. Edinburgh, 1966; *Dawson J. P.* The Oracles of the Law. Ann Arbor, 1968.

⁵ *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. I: Основы. М., 2000. С. 108–109; *Лафитский В. И.* Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1. М., 2010. С. 96 и след.; *Дорская А. А.* Правовые традиции России в контексте национального и международного правового развития // Вестник РГНФ. 2016. № 3-4. С. 92; и др.

⁶ Например: *Сорокина Ю. В.* Социально-правовое устройство праславян: индоевропейские традиции // История государства и права. 2021. № 12. С. 59–66.

⁷ *Марр Н. Я.* К происхождению языков // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 1: Этапы развития яфетической теории. Л., 1933. С. 218.

⁸ *Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Р.* Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. V: Языковые универсалии / Под ред. Б. А. Успенского. М., 1970. С. 31.

⁹ По мнению К. Цвайгерта и Х. Кётца, более древней являлась индусская правовая доктрина, возникшая между 800 и 200 гг. до н. э. (см.: *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. I. С. 465). Однако самые ранние из дошедших до нас текстов, содержащих в себе предписания индусского права, были составлены в начале II в. н. э., то есть одновременно с трудами классических римских юристов. Своего же расцвета индусская правовая доктрина достигает лишь в VII в., когда был сведен воедино комплекс трактатов, приписываемых Яджнавалкье (Yājñavalkya Smṛti). Но даже и в них собственно юридические положения были буквально растворены во множестве различ-

ного рода религиозно-культурных и этикетно-бытовых предписаний, что не позволяет вести речь о правовой доктрине индуизма как о сложившемся и самостоятельном культурно-историческом феномене, сопоставимом по своему историческому значению с римской или исламской юриспруденцией.

¹⁰ *Шахт Дж.* Происхождение мусульманской юриспруденции. М., 1950; *Amos S.* History and Principles of the Civil Law of Rome. An Aid to the Study of Scientific and Comparative Jurisprudence. Littleton, 1987; *Crone P.* Roman, Provincial and Islamic law: The Origins of the Islamic Patronate. Cambridge, 2002; *Бехруз Х. Н.* Римская юриспруденция и исламская правовая доктрина: сравнительно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12(67). С. 113.

¹¹ О пропозициональной значимости научного нарратива как необходимой предпосылке реализации его когнитивной функции см., в частности: *Гусаренко С. В.* Прагматика релевантности в современном русском тексте-описании (на материале художественных и учебно-научных текстов) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 180.

¹² *Остин Дж. А.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 93.

¹³ *Поляков А. В.* Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 6. С. 56.

Л. В. Батиев*

ФРАНСИСКО СУАРЕС И РАЗВИТИЕ ПРАВООПОНИМАНИЯ ВО ВТОРОЙ СХОЛАСТИКЕ

Философия права второй схоластики относится к числу тем достаточно активно разрабатываемых в западной литературе и практически неизвестных в российской юридической науке¹. Между тем, заслуги второй схоластики весьма велики. Зарубежные и российские философы отмечают безусловную связь между учением о праве и государстве представителей второй схоластики с учениями Нового времени вплоть до Канта². Мишель Вилле указывал, что юснатурализм XVII в. черпает свое вдохновение не столько от Аристотеля или святого Фомы, сколько от второй схоластики, особенно испанской (Франсиско Суарес, Франсиско Витория, Доминго де Сото, Луис де Молина)³. Все исследователи согласны в том, что вершиной второй схоластики является творчество испанского иезуита Франсиско Суареса (1548–1617). Хосе Перейра настаивает на том, что Ф. Суарес, является завершителем схоластики первого и основателем современной философии⁴, а С. Джакон называет трактат Ф. Суареса источником вдохновения для современной философии права⁵.

В трактате «*De legibus ac Deo legislatore in decem libros*» («О законах и о Боге-законодателе в десяти книгах», Коимбра, 1612 г.)⁶ Франсиско Суарес в первую очередь доказывает, обоснованность включения вопросов права в

* *Батиев Левон Владимирович* – заведующий лабораторией политологии и права Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук, доцент.

предмет теологии⁷. Далее он отмечает многозначность терминов *ius* и *lex*, невозможность сведения их к некоему единому пониманию и останавливается на том, чтобы использовать как синоним *lex* в его общем виде⁸. Основание всей правовой концепции испанского схоласта составляет теоцентризм⁹. Для Суареса Бог выступает не только творцом, но и конечной целью, к кому стремятся все разумные существа, и в котором состоит их единственное счастье («*Deus enim, ut multis aliis titulis a theologo, ita illo expendi debet, quod ultimus sit finis, ad quem tendunt creaturae rationis participes, et in quo unica illarum felicitas consistit*»)¹⁰.

В своем главном философском труде – «Метафизических рассуждениях» – Ф. Суарес уже в 1597 г. подчеркивал, что закон – это моральная, а не физическая реальность¹¹. Предметом регулирования вечного закона являются моральные и социальные действия. И в этом смысле вечный закон «имеет истинную природу права» («*lex autem aeterna, quatenus per illam moraliter et politice rationalia gubernantur, habet propriam rationem legis*» [De legibus. II.2.10])¹². Именно закон делает то или иное действие добрым или злым.

Человек, как социальное животное, должен жить правильно не только как частное лицо, но и как член сообщества – сохранять мир и согласие в обществе, а это невозможно без соответствующих законов. Законы необходимы, чтобы указывать, в чем состоит общее благо, что следует делать ради него, и заставлять совершать такие действия («*Nam in hoc fundatur, quod homo est animal sociale, natura sua postulans vitam civilem et communicationem cum aliis hominibus, et ideo necesse est ut recte vivat, non solum ut privata persona est, sed etiam ut est pars communitatis; quod ex legibus uniuscuiusque communitatis maxime pendet*» [De legibus. I.3.14]). Пределы право-

вого регулирования согласно Суаресу распространяются на все моральные действия» [De legibus. II.2.11].

Вечный закон, согласно Суаресу, – это свободный указ воли Бога, имеющий своим содержанием божественный разум. Вечный закон является образцом всех других законов [De legibus. II.1.6]. Положительные божественные законы (Ветхий и Новый завет) являются внешним выражением вечного закона [De legibus. II.4.6]. Суарес оспаривает утверждение Габриэля Васкеса (1549–1604) о том, что естественный закон коренится в самой рациональной природе [De legibus. II.5.1]. По мнению Суареса, важно, что сама по себе рациональная природа в ее сущностном аспекте не приказывает и не делает очевидным правый или неправый характер чего-либо; она также не производит каких-либо других надлежащих действий закона [De legibus. II.5.3]. Закон есть прежде всего предписание, природа же ничего не предписывает и обязательной силы не имеет. Добродетель справедливости требует жить согласно разуму, а не природе¹³. Естественный закон достается людям благодаря некоему ментальному просветлению [De legibus. II.5.10].

В споре между двумя интеллектуалистами и волюнтаристами Суарес избирает средний путь трактовками естественного закона. Согласно цитируемому Суаресом Григорию из Римини, естественный закон является законом в действительности не предписывающим, а скорее демонстративным (указующим), не будучи приказом, он лишь ориентирует человека в мире добра и зла. Вторая позиция, приписываемая У. Оккаму, состоит в том, что «естественный закон целиком полагается в божественном повелении либо запрете, исходящих от воли Бога как создателя и правителя природы» («*legem naturalem omnino positam esse in divino imperio, vel prohibitionem procedente a*

voluntate Dei, ut auctore et gubernatore naturae [De legibus. II.6.3]). А естественный закон, пребывающий в человеке, является суждением разума, который открывает ему волю Бога [De legibus. II.6.3].

Для Суареса важно объединить в естественном законе разум и волю бога. Естественный закон одновременно и демонстративный, и предписывающий («lex naturalis est proprie lex praescriptiva, seu insinuativa proprii praescripti») [De legibus. II.6.5]), он и указывает, и приказывает («Denique obligatio legis naturalis vera obligatio est; haec autem obligatio aliquod bonum est suo modo, in rerum natura existens; ergo necesse est, ut illamet obligatio sit ex divina voluntate volente homines teneri ad id servandum, quod recta ratio dictat» [De legibus. II.6.6]. «Tamen quia ex vi solius iudicii non inducitur propria prohibitio, vel obligatio praescripti, quia hoc sine voluntate intelligi non potest, ideo adiungitur voluntas prohibendi illud, quia malum est Unde tandem fit, legem naturalem, prout io uobis est, non tantum esse indicantem malum, sed etiam obligantem ad cavendum illud, ac subinde non solum repraesentare naturalem disconvenientiam talis actus, vel obiecti cum rationali natura; sed etiam esse signum divinae voluntatis vetantis illud» [De legibus. II.6.8]).

При этом, чтобы избежать волюнтаризма, Суарес утверждает, что в основании естественного закона лежит объективно существующее различие между добром и злом. И бог не может не запретить несправедливые поступки, то, что по своей природе является злом («Ideoque, supposita voluntate creandi naturam rationalem cum sufficienti concursu ex parte Dei ad utrumque, non potuisse Deum non velle prohibere tali creaturae actus intrinsece malos, vel nolle praecipere honestos necessarios. Quia sicut non potest Deus mentiri, ita non potest insipienter, vel iniuste gubernare» [De

legibus. II.6.15]).

Исследование проведено в рамках реализации гранта РФФИ проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность» и государственного задания ЮНЦ РАН, № 122020100350-2.

© Батиев А. В., 2023

¹ Исключение составляет пятитомный курс Б. Н. Чичерина.– См.: *Чичерин Б. Н.* История политических учений. Т. 1. СПб., 2006. С. 352–358.

² *Mantovani M.* «Metafísica jurídica» y «metafísica teológica»: su intrínseca conexión en Suárez // Revista Jurídica Digital UANDES. 2018. 2/1. P. 17; *Franklin J.* Science by Conceptual Analysis: The Genius of the Late Scholastics // Studia Neoscholastica. 2012. № 9/1. P. 3–24; *Prieto I. C.* Cuestiones jurídico-políticas en Francisco Suárez. – 1-a reimpr. – Mexico, 1986. P. 9–10; *Шмонин Д. В.* Вторая схоластика, XVI – начало XVII в.: Культурный контекст, метафизические основания, место в истории мысли: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2003. С. 39; «Тем, кто живет Жижеком, сложно выдержать планку схоластической философии». Интервью с историком философии Галиной Вдовиной – <https://gorky.media/context/tem-kto-zhivet-zhizhekom-slozhno-vyderzhat-planku-sholasticheskoy-filosofii/> (дата обращения: 17.02.2022).

³ *Villey M.* Le droit et les droits de l'homme. Paris, 1983. P. 170. – См. об этом: *Gervais R.* Compte rendu de [VILLEY, Michel, Questions de saint Thomas sur le droit et la politique ou le bon usage des dialogues]. Laval théologique et philosophique, 43(3). P. 405–407.

⁴ *Pereira J.* Suárez: between scholasticism and modernity. Milwaukee, 2007. P. 10.

⁵ *Giacón C.* La Segunda Escolástica. Siglos XVI y XVII // Historia de la filosofía. Madrid, 1965. Tomo I. P. 548.

⁶ *Suárez F.* 1) A Treatise on Laws and God the Lawgiver // Natural law and enlightenment classics. Editor Knud Haakonssen. Indianapolis, 2014. P. 1–801; 2) Tractatus De legibus ac Deo legislatore in decem libros distributes. Neapoli, 1872. 378 p.

⁷ Батиев Л. В. Право как предмет теологии в трактате Ф. Суареса *De legibus ac deo legislatore* // Философия права. 2022. № 1(100). С. 29–33.

⁸ Батиев Л. В. Понятия *ius* и *lex* во «второй схоластике» (трактат «О законах и о Боге законодателя» Франсиско Суареса) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 3. С. 16–23.

⁹ Prieto I. C. Cuestiones Jurídico-Políticas en Francisco Suárez. P. 10.

¹⁰ Suarez F. Tractatus De legibus. P. 1.

¹¹ Contreras S. Suárez, Natural Law and Contemporary Criticism // *Tópicos, Revista de Filosofía*. 2017. № 53. P. 261.

¹² Здесь и далее, цитаты из трактата Ф. Суареса «*De legibus...*» даются по изданию: Suarez F. Tractatus De legibus ac Deo legislatore in decem libros distributes. Pars Prima. Neapoli, 1872. 378 p. Первая цифра обозначает книгу, вторая – главу, третья – пункт.

¹³ Contreras S. Suárez, Natural Law and Contemporary Criticism. P. 260.

*Е. В. Дуков**

СУДЫ И ПОЛИЦИЯ В ТРАКТАТЕ ГАСПАРА МЕЛЬЧОРА ДЕ ХОВЕЛЬЯНОСА

Новое время быстро сбрасывало остатки Средневековья. Росли города, развивалась промышленность. Наряду с новыми задачами, у государств появились новые исполнительные органы. Первым оказалось министерство. Вторым – полиция.

Слово *police*, как известно, происходит от среднефранцузского *police* – общественный порядок, администрация, гражданское устройство. Но в исторической этимологии есть и греческое *πόλις* (полис) – «город». Власти города должны были заботиться о физическом и нравственном благополучии подданных. Адам Смит определял в 1766 г. полицию как орган для «смягчение изъянов в государстве»¹. До сих пор мы рассматриваем эту функцию в ряду общих для полиции. В городах Европы XVII–XVIII столетия сфера ее деятельности была очень широка. Полиция от имени государства брала на себя заботу об устройстве городов, строительстве дорог, внешнем облике улиц и домов, конечно, общественной безопасности и нормах общежития.

В данном тексте речь пойдет о некоторых идеях по поводу полиции, судов и судей, которые изложил в своем трактате Гаспар Мельчор де Ховельянос, замечательный

* *Дуков Евгений Викторович* – главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации (Москва), доктор философских наук, профессор.

гуманист эпохи Просвещения в Испании (5 января 1744 г. – 27 ноября 1811 г.).

Гаспар Мельчор де Ховельянос (псевдоним Джовино) родился в Испании. Он учился юриспруденции, стал судьей по уголовным делам сначала в Севилье, позже в столице Испании – Мадриде. В 1774 г. он получил должность «мэра преступности и ойдора (судьи)» столицы Андалузии. В 1780 г. он входил в Совет военных орденов. Был министром, государственным секретарем в Департаменте помилований и юстиции при Карле IV. Входил в Верховную хунту и способствовал реорганизации Генеральных кортесов. Он принадлежал числу ученейших людей Испании того времени. Кроме государственных дел в столице Испании был членом литературных и научных обществ. Ему принадлежит большая научная работа по аграрному праву. Его пьесы ставились в театрах, печатались его литературные сочинения. Недаром его фигуру считали образцом просвещенного политика. Ховельянос основал астурийский институт сельскохозяйственных, промышленных, социальных и образовательных реформ. В разные годы ему предлагали пост посла в России, он от него отказался. Ховельянос стремился дополнить «материальный прогресс прогрессом моральным»², без которого первое, как он считал, лишено всякого смысла. Поэтому прогресс моральный, с его точки зрения, должен быть выше материального. Этому принципу он следовал всю жизнь.

Ховельянос, среди прочих сочинений, написал трактат «Записки относительно устройства полиции, ведающей зрелищами и общественными увеселениями, а также об их происхождении в Испании»³, где изложил свои идеи и практический опыт судьи.

Ховельянос начинает свой трактат с общей картины Испании: «Любой, кто проехал бы по нашим провинциям,

неоднократно сумел бы сделать ... прискорбное наблюдение. В самые торжественные дни на улицах и площадях вместо веселья и радостного шума, которые должны были бы свидетельствовать о довольстве жителей, царят ленивое безделье и печальная тишина, на которые нельзя не обратить внимания без удивления и жалости. Если некоторые и выходят из дому, кажется, что лишь скука и безделье гонят их оттуда»⁴. Он добавляет еще, что ему бросилось в глаза разобщенность жителей, отсутствие оживленного движения и радости. Какая-то страна полусонных людей!

В чем он видит причину такой странной картины? Ховельянос уверен – в законах, в судах и в полиции! Он констатирует: «Грубое усердие значительной части судей показывает, что высшее совершенство муниципального правления усматривается в повиновении народа и весь правопорядок сводится к тому, чтобы заставить трепетать перед законом жителей, которые замирают, как вкопанные, заслышав свое имя»⁵. Отсюда следует, что любая перепалка или просто уличный шум расцениваются как беспорядок; всякая ссора, любая, даже маленькая потасовка становятся предметом криминального дознания и влекут за собой расследования, тюрьмы, штрафы. Для людей все это оборачивается вереницей тревог и судебных притеснений. «Под властью такой жестокой полиции, – пишет он, – народ становится запуганным и унылым»⁶.

Ховельянос жестко критикует сложившиеся порядки. В Испании юридическая практика породила бесконечные полицейские регламенты, проводимые с «изрядной суровостью и твердостью». В некоторых городах запрещают музыку, в других – вечеринки и танцы. Где-то упразднены пляски мужчин, а женщинам разрешено танцевать лишь до четырех часов дня. И в довершение всего – жителей

заставляют расходиться до молитвы. Между тем, народные гуляния – ромерии – во время религиозного праздника – традиционное развлечение народа. «Разве же при этом будет возможно, чтобы народ был настроен благодушно и доволен такой докучливой полицией?» – задает он риторический вопрос. И продолжает: «Кое-где заставляют жителей закрываться в своих домах с наступлением темноты, запрещают выходить на улицу без огня, останавливаться на углах улиц, собираться группами и подвергают прочим подобным ограничениям»⁷.

Страсть командовать, а порой и алчность судей распространила до самых заброшенных деревушек строгие регламенты, которые «едва ли были бы оправданы даже при дворе с его неразберихой, – и потому несчастный батрак, поливавший потом свой участок земли и ночевавший прямо на поле всю неделю, не может в субботний вечер свободно горланить на площади своего местечка или наигрывать романс у дверей своей невесты»⁸.

Проблема свободы у человека – важная часть концепции Ховельяноса.

Состояние свободы у людей, утверждал он, – это главная предпосылка мира, довольства и радости. А состояние подчинения, напротив, – предпосылка беспокойства, недовольства и насилия. Поэтому, настаивал испанский юрист, недостаточно, чтобы народы были внешне спокойны. Необходимо, чтобы они были довольны, и только в бесчувственных сердцах или в тех головах, кто не разделяет принципов гуманности, может скрываться идея достигнуть первого, пренебрегая вторым: «Народ свободный и радостный непременно будет деятелен и трудолюбив и, будучи таким, станет вести себя благочинно и повиноваться справедливости. Чем больше народ будет получать удовольствий, тем сильнее он будет любить свое

правительство, тем охотнее подчиняться ему, тем с большей готовностью станет его поддерживать и защищать»⁹. И вот это и должно быть первой целью всякого хорошего правительства. Ведь люди, которые имеют обыкновение собираться вместе, чтобы отдохнуть и развлечься, всегда образуют народ сплоченный и сердечный, они имеют общий интерес и будут меньше времени тратить на свои частные интересы.

Из этого не надо делать вывод, что Ховельянос рассматривал государственные органы, обязанные заботиться об общественном отдыхе, как нечто способное угнетать и, в лучшем случае, бесполезное. «Напротив, – писал он, – я полагаю, что без ее постоянной бдительности невозможно будет сохранить спокойствие и порядок. Сама свобода нуждается в его защите, ведь обычно при ней все позволено, если нет никакого тормоза, сдерживающего тех, кто преступает ее границы. Но вот здесь-то и грешат более обыкновения те недостойные судьи, которые смешивают бдительность с притеснением. Ни праздник, ни стечение людей, ни вообще какое бы то ни было развлечение народа [у нас] не обходится без вмешательства представителей власти и закона. Судя по внешним проявлениям, можно было бы сказать, что они только пытаются укрепить свою власть, запугивая своих подчиненных, или же обеспечить собственный отдых за счет их свободы и удовольствий. Но тщетно: публика не в состоянии развлекаться, не имея для этого полной свободы, а ведь среди ночных обходов и дозоров полицейских ищек, солдат, прутьев и штыков свободе нет места, равно как и робкой невинной радости, которая бежит от них прочь»¹⁰.

Недостойных судей он противопоставляет «доброму судье». Этот судья защищает развлечения, а полиция должна устраивать и украшать места, предназначенные

для увеселений, удалять оттуда все, что могло бы позволить людям свободно предаваться развлечению и радости. «А если судья порой и появится, чтобы посмотреть на народ, – мечтал Ховельянос, – то пусть это будет, скорее, для того, чтобы его воодушевлять, нежели пугать или подчинять, пусть он будет подобен отцу, находящему удовольствие в радости своих детей, а не тирану, завидующему веселью своих рабов»¹¹.

Ховельянос не был одинок. По сути дела, той же точки зрения придерживался Адам Смит, Жан-Жак Руссо и другие деятели Просвещения.

© Дуков Е. В., 2023

¹ *Smith A. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms (1763). Oxford, 1886.*

² *Василенко Ю. В. Дон Гаспар Мельчор де Ховельянос как основоположник либерального консерватизма в Испании // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 336.*

³ *Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение / Пер. с испан.; сост., вступит, статья А. Л. Штейна; коммент. А. Л. Штейна и Н. В. Брагинской. М., 1977.*

⁴ Там же. С. 600.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 601.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 603.

⁹ Там же. С. 604.

¹⁰ Там же. С. 605.

¹¹ Там же. С. 607.

Л. Р. Абдуллина*

ИДЕЯ РАЗУМНОСТИ В ПРАВЕ В ТРУДАХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XVII–XVIII ВЕКОВ

Разумность как феномен современного права и законодательства в силу своего оценочного свойства¹ имеет глубокие философско-методологические корни. Первоначальные представления о разумном и неразумном развивались в русле именно философского знания и на законодательном уровне получило закрепление лишь в настоящее время². Философское понимание данного феномена позволяет осуществить его полный и всесторонний анализ, выявить природу указанного понятия в рамках общественных отношений. Современный человек все больше осознает себя как индивидуальную личность. Растет степень психологической свободы, возможность приспособиться к внешним условиям, действовать в соответствии со своими предпочтениями и желаниями. При таком разнообразии путей развития и их относительной равнозначности уже не представляется чем-то особенным роль разума в становлении личности. Данный аспект весьма ярко проявляется в такой сфере, как управленческие отношения. Искусство разумного управления, например, государством, стремились постичь многие политические деятели.

Рассуждая, как разумно и справедливо управлять государством и подчиненными, мыслители разных времен высказывали свои соображения по данной проблеме. В

* *Абдуллина Лейсан Рафисовна* – адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии Управления МВД России (Москва).

своих размышлениях философы рассматривали разумное руководство в контексте со свободой мысли и свободой действий. Наиболее ярко, на наш взгляд, стремление осмыслить политическую деятельность на предмет ее разумности проявляется в XVII–XVIII вв.

Будучи представителями своего времени, когда повсеместно стали распространены идеи гуманизма, философы данного поколения – Бэкон, Гоббс, Спиноза и другие рассуждали о разумности и эффективности, основанных на свободе, некоторые методы руководства своими подданными и предлагали «максимально разумные» правила управления.

В данном направлении своих социально-политических размышлений мыслители того времени в соответствии с разумным и гуманным отношением к человеку представляли свое видение, как должна быть организована государственная власть. Они рассуждали согласно соображениям здравого смысла и необходимости, исходя из политической ситуации в конкретной стране в определенный отрезок времени. Разумность – это специфическая, по убеждению философов XVII в., черта человеческой сущности³. Вопрос о свободе как синониме разумности и разумного действия становится и разрешается также и на почве абстрактной философской теории. Она является здесь предметом глубоких размышлений и дискуссий.

Французский писатель, правовед и философ эпохи Просвещения Ш. Л. Монтескье писал: «Мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам. Причина этого в том, что отдельные разумные су-

щества по своей природе ограничены и потому способны заблуждаться и что, с другой стороны, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям»⁴.

Р. Декарт в своих «Метафизических размышлениях» начинает излагать свое мнение с сомнения в существовании объективной реальности, которая на самом деле может оказаться иллюзией. Он утверждает: «Те же мысли, какие мы имеем, когда бодрствуем, могут появиться у нас и во сне, причем ни одна из них не является в этот момент истиною, я решил вообразить, что все когда-либо приходившее мне на ум не более истинно, чем обманчивые сновидения». Чувственное восприятие, которое делает для нас материальный мир очевидным, по мнению Декарта, не заслуживает доверия⁵. Он считает, что чувственные представления недостоверны. И приводит в пример палитру ощущений, которые мы переживаем в момент сновидения. Значит, наши чувственные переживания не дают нам истинного представления о сущем. Соответственно, Декарт отвергает сенсуализм как основание для получения достоверного знания о мире. Философ твердо уверен в том, «что правота присуща не чувству, а одному лишь разуму, когда он отчетливо воспринимает вещи»⁶.

Основополагающая, исходная идея нидерландского философа-рационалиста Б. Спинозы о человеке в подлинном смысле слова как о существе общественном сводится к тому, что человек следует «законам разума». Слова «разумный» и «общительный» для философа являются синонимами. По его убеждению, то, что люди живут согласно существующим законам, заставляет жить их по руководству разума. Поскольку сущность человека – это своеобразная «разумность», как полагают многие философы XVII в., то неизбежно возникает вопрос о соотношении

специфически разумной деятельности и страстей и, в частности, о влиянии аффектов на высший тип разумности, на познание истины. В будущем мыслители и те, кто интересуется возникновением разума, будут очень долго ломать голову над этим, волнующим не одно поколение, вопросом.

Таким образом, разумность права в государственном управлении выступает мерилom в определении человеческой сущности. Слабое государственное управление (неразумно устроенное) порождает слабое право, в чем-то губит его; а сильное государственное управление (разумно устроенное) порождает сильное право, обеспечивая тем самым эффективное функционирование и развитие правовых отношений в государстве.

© Абдуллина Л. Р., 2023

¹ Репьев А. Г. Критерии определенности и разумности для установления правовых преимуществ в российском законодательстве // Критерии в праве: теория, практика, техника: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24–25 мая 2018 г.) / Под общ. ред. В. А. Толстика, П. В. Васильева. Н. Новгород, 2018. С. 316–322.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 января 2023 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921; Российская газета. 2022. 26 сентября. Ст. 6.1.

³ Декарт Р. Избранные произведения / В пер. и под ред. В. В. Соколова. М., 1950. С. 415.

⁴ Монтескье Ш. Л. О духе законов. – http://modernHb.ru/books/monteske_sharl/izbrannie_proizvedeniya_o_duhe_zakonov/read (дата обращения: 20.04.2017).

⁵ Декарт Р. Избранные произведения / В пер. и под ред. В. В. Соколова. М., 1950. С. 415.

⁶ Там же.

И. В. Важенина*

ИДЕИ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XVII–XIX ВЕКОВ

Интерес к политической и правовой истории Великобритании традиционен для российской историко-правовой науки. Советскими и российскими учеными написано немало количество трудов, где не только анализируется развитие законодательства и государственной политики, но и основные идеи проводимых реформ, событий и общественных процессов. Интеллектуальное развитие английского общества в XVII–XIX вв., распространив свое влияние на все континенты, оказало существенное влияние и на формирование политических взглядов. Новые идеи о государстве и праве, экономике и политике способствовали быстрому развитию юридической науки и в целом влекли за собой изменение хода истории Великобритании.

Известные английские мыслители XVII–XIX вв.: Г. Айртон, И. Бентам, Э. Бёрк, У. Блэкстон, Т. Гоббс, Дж. Лильберн, Д. Локк, Д. С. Милль, Дж. Мильтон, О. Сидней, Г. Спенсер, Д. Уинстенли, Д. Юм, рассматривая проблемы государства и права, особо выделяли вопросы безопасности и свободы личности.

В периоды социальных волнений активность английской правовой мысли в борьбе за права человека резко

* *Важенина Ирина Викторовна* – доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (Москва), кандидат юридических наук.

возрастала. Так, после удачно осуществленной революции («Великий мятеж» 1640–1649 гг. и «Славная революция» 1688 г.) на первый план вышло соотношение интересов личности, права и государства¹, при этом идеи ценности личности были основополагающими. Джон Мильтон писал, что «по природе все люди являются свободными. Все они созданы, чтобы властвовать, а не повиноваться. Однако вследствие грехопадения между людьми завелись раздоры, начались взаимные насилия»². Мильтон приходит к выводу, что «источник всякой власти – народ. Правитель обязан отчетом перед народом»³. Другой выразитель идеологии индепендентов – Олджернон Сидней, считал, что, устанавливая государственную власть, люди ограничивают свою свободу лишь настолько, насколько это нужно для общей пользы.

По учению английского философа Томаса Гоббса, «власть государства абсолютна. Однако в области частных-правовых отношений подданным должны быть обеспечены равенство перед законом, свобода делать то, что не запрещено законом, беспристрастный суд, незыблемость договоров, свобода предпринимательства и частной инициативы. (При этом "человек человеку – волк")»⁴. По сути, Гоббс обосновал правовую модель гражданского общества, охраняемого авторитарной властью.

Джон Локк основной обязанностью государства считал соблюдение естественного права, защиту личности и частной собственности подданных Королевства. Он отмечал, что ежечасное подвержение человека в естественном состоянии риску посягательства влечет за собой «объединение людей в государства и передачу ими себя под власть правительства»⁵. Опираясь на теорию естественного права и общественного договора, Д. Локком была выдвинута и обоснована идея естественных прав человека

(свобода, равенство, собственность) и теория разделения властей.

Критерием оценки государственного строя для английского правоведа и историка Давида Юма являлось наличие и верховенство закона, обеспечивающего сохранение собственности и безопасности граждан, создающего режим наибольшего благоприятствования для человеческой природы, позволяющий человеку преследовать свои цели не в ущерб для других членов общества.

Эдмунд Бёрк считал, что «государство – это мудрое изобретение человечества, предназначенное для обеспечения человеческих желаний... Но государство требует... чтобы люди сдерживали свои страсти и желания. Общество требует, чтобы посягательства людей пресекались, их воля управлялась, а страсти сдерживались. Все это возможно только при наличии Власти, стоящей вне их, которая при выполнении своих функций не будет подвержена тем же страстям и желаниям, которая сама обязана подавлять и подчинять»⁶.

Томас Пейн в своих научных трудах о государственной власти развенчал непререкаемый до того авторитет английских конституционных законов и отметил, что «защита личности человека более священна, чем защита собственности»⁷.

Сторонники либеральной политико-правовой идеологии в XIX в. считали, что «государство должно обеспечивать безопасность личности и частной собственности, охранять общество, основанное на гражданской свободе, не ограничивая ее»⁸. Так, Джон Стюарт Милль в своем труде «О свободе» писал, что «вмешательство общества (физическое и нравственное насилие) по отношению к индивидууму дозволительно лишь в случае, если действия индивидуума причиняют вред кому-либо»⁹.

Выразителем мнения большинства британцев, относящихся к среднему классу считался Иеремия Бентам, который объявил целью общественной деятельности «обеспечение наибольшего счастья для наибольшего числа людей». Под счастьем он подразумевал не что-то абстрактное, и не общественное и групповое, а сугубо личное счастье творческого индивида (в возможности приобрести собственность и свободно ей распоряжаться). «Свобода и собственность – два принципа, неразрывно связанных друг с другом, без которых благоденствующее общество не может существовать»¹⁰.

Английский юрист Джон Остин, приверженец правовой реформы, лекции которого посетили многие выдающиеся государственные деятели, пришел к заключению, что право проявляется в повелениях. «Управомоченность и намерение повелевающей стороны произвести взыскание либо наказать в случае неисполнения желания»¹¹ отличает повеление от простого желания.

Английский философ и социолог Герберт Спенсер, автор серии статей «О надлежащей сфере государственного управления», определил два основных типа общества: военное и индустриальное. Для первого характерен жесткий централизованный контроль и иерархия власти. Человек целиком поглощен государством, которое ограничивает его свободу, собственность и мобильность. Главной общественной добродетелью считается безусловное подчинение власти, а сопротивление ей – преступлением.

Томас Хилл Грин, британский философ-моралист, вошел в историю благодаря обогащению теории либерализма и разработке проблемы гражданского неповиновения. Для него государство «не только естественный, но и моральный организм». Грин доказывал, что право не может предшествовать обществу, следовательно, его нет в

естественном состоянии. Он не противопоставляет государство гражданину, а исходит из принципиального единства целей духовного совершенствования индивида и общего блага. Но так как нет ни совершенных государств, ни совершенных граждан, ни те, ни другие не могут постигнуть идеал общего блага во всей его полноте.

Теоретические воззрения о праве и государстве великих мыслителей Англии, оказавших существенное влияние на умонастроения соотечественников, непременно выдвигают идеи о свободе, безопасности и соблюдении законности. «Для дискурса свободы и порядка существенен баланс идей, ... выражающих ценности свободы и порядка. Идея свободы крайне важна для гражданского общества, идея правопорядка поддерживается государством»¹².

Широкий спектр политико-правовых идей в английском обществе XVII–XIX вв. оказывал активное влияние на политическую сферу Великобритании. Анализ идей ведущих ученых того времени предопределил многие управленческие действия в решении практических задач того времени. Под их авторитетным воздействием в 1819 г. Парламентом было ограничено применение детского труда на промышленных предприятиях; к середине XIX в. рабочим Англии был сокращен рабочий день до 10 часов; в 1849 г. были открыты порты для свободной торговли любимыми товарами и т. п.

Таким образом, история Великобритании иллюстрирует влияние идейно-политических и правовых течений, господствовавших в государстве, не только на умы современников, но и на внутреннюю и внешнюю политику правительства Великобритании.

© Важенина И. В., 2023

-
- ¹ Буйчик А. Г. История социум и демократии: В 2 кн. Кн. 1: Древний мир, Средневековье и эпоха Возрождения. М.; Берлин, 2015. С. 136.
- ² Milton J. The Tenure of Kings and Magistrates, edited by W. T. Allison. NewYork, 1911. P. 2.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Афоризм «Homo homini lupus est» (лат.) использован Т. Гоббсом в посвящении к своей работе «De Cive» (1651).
- ⁵ Локк Дж. Два трактата о правлении // Антология мировой правовой мысли. Т. 3: Европа, Америка XVII–XX вв. М., 1999. С. 90.
- ⁶ [Бёрк Э.] Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в письме, предназначенном для парижского дворянина, написанном достопочтенным Эдмундом Бёрком // Антология мировой правовой мысли. Т. 3: Европа, Америка XVII–XX вв. С. 169.
- ⁷ Пейн Т. Исследования об основных принципах государственной власти. // Антология мировой правовой мысли. Т. 3: Европа, Америка XVII–XX вв. С. 191.
- ⁸ Антология мировой правовой мысли. Т. 3: Европа, Америка XVII–XX вв. С. 11.
- ⁹ Миль Д. С. О свободе. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. Т. 1. М., 1997. С. 739.
- ¹⁰ Бентам И. Введение в принципы нравственности и законодательства // Антология мировой правовой мысли. Т. 3: Европа, Америка XVII–XX вв. С. 389.
- ¹¹ Остин Д. Определение области юриспруденции // Антология мировой правовой мысли. Т. 3: Европа, Америка XVII–XX вв. С. 402.
- ¹² Клименко А. И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 37–38.

С. И. Черепанов*

**ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ
ШАРЛЯ ЛУИ ДЕ МОНТЕСКЬЕ
НА РОССИЙСКУЮ НАУЧНУЮ МЫСЛЬ
ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА**

Политико-правовая концепция Монтескье, центром которой является идея о разделении и независимости законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим источником политического и правового устройства большинства современных государств.

Идеи Монтескье привлекают к себе особое внимание отечественной науки в переходные периоды. В юридической и исторической науке достаточно изученным является влияние идей Монтескье на российскую политическую и правовую мысль конца XVIII – начала XIX в.¹

Однако не менее важный период изучения идей Монтескье относится к периоду, последовавшему за великими реформами второй половины XIX в., оказавшему определяющее влияние на разрабатывавшиеся после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. конституционные проекты. Законотворческая деятельность о разграничении прав и обязанностей административной власти и гражданского общества сопровождалась обращением к опыту Англии и Франции, концепции Монтескье. В пореформенный период идеи Монтескье изучались виднейшими деятелями

* *Черепанов Сергей Иванович* – доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

правовой, политической и исторической мысли в России – Н. И. Кареевым, М. М. Ковалевским, П. И. Новгородцевым, Б. Н. Чичериным, Р. Виппером. Более подробно остановимся на исследованиях, проведенных Н. М. Коркуновым.

Одним из виднейших исследователей идей Монтескье в России являлся Николай Михайлович Коркунов (1853–1904), виднейший юрист и преподаватель права, включенный в 1893 г. в состав комиссии по кодификации основных законов Финляндии. В своём исследовании «Указ и закон» Н. М. Коркунов подробнейшим образом проанализировал принцип разделения властей Монтескье и само понятие власти. Динамика взглядов Монтескье была исследована им на основе изучения трех важнейших произведений просветителя: «Персидские письма», «О падении и величии...» и «О духе законов». Коркунов отметил, что в раннем своём произведении («Персидские письма»), которое было создано ещё до поездки Монтескье в Британию, идея разделения властей «высказывается с большой нерешительностью»², однако и здесь просветитель «...уже считал ее необходимой принадлежностью правильной монархии»³, опасаясь, однако за возникающую при этом нестабильность последней. В следующем своём труде, по замечанию Коркунова, равновесие властей без оговорок признаётся лучшим, и наконец, в «О духе законов» идея равновесия властей заменяется распределением властей с ролью монарха в качестве элемента государственного механизма.

Коркунов полагал, что для лучшего понимания идей Монтескье следует иметь в виду, что просветитель не занимался углубленным исследованием общих вопросов о природе права и государства, государственной власти. Как «настоящий положительный исследователь» просвети-

тель исследовал не само понятие власти, а его функции, не природу государства, а его формы, не само право, а его зависимость от условий существования общества. Критикам Монтескье, указывающим на недостаточно глубокое изучение последним английской правовой действительности, Коркунов показывает, что просветитель «...намеренно изображает не существующий на практике порядок вещей, а конституционную теорию»⁴.

По мнению Коркунова, основной заслугой Монтескье является объяснение им необходимости и обоснованности распределения функций между различными ветвями власти и их органами, а также «указание зависимости между распределением власти и степенью обеспечения свободы»⁵.

Коркунов также отмечал, что теория Монтескье нуждается не в частых поправках, а в объединении. Российский правовед высказал своё мнение по распространённому в науке спорному вопросу о том, что Монтескье во все не является пионером и наиболее значимым создателем теории разделения властей. По мнению Коркунова, такие исследователи, как Свифт только рассуждали о равновесии властей. Вторичность теории Монтескье Коркунов отвергает своим утверждением о том, что если бы теория Монтескье была заимствованной, то была бы явлена публике изначально в законченном, сформированном виде, а не прошла бы определенную эволюция в основных трудах великого просветителя.

Вместе с тем, Коркунов подверг труды Монтескье и определенной критике, отмечая, что просветитель не исследует понятие власти, считая её не объединяющей государство силой, а всего лишь функцией государственных учреждений. По мнению самого Н. М. Коркунова государственная власть не воля, а сила, вытекающая из сознания

людьми их зависимости от государства.

Политико-правовые взгляды Монтескье оказали не только сильное влияние на общественно-политическую мысль XVIII–XIX вв., но и на становление конституционных основ большинства современных государств. Многими отечественными исследователями пореформенного периода Российской империи была осуществлена попытка соединения воедино российской действительности и основных положений теории Монтескье, популяризация взглядов великого французского просветителя. Следующий пик возрастания интереса к теории Монтескье, увенчавшийся закреплением его основных идей в Конституции Российской Федерации, произойдет в заключительный период XX в.

© Черепанов С. И., 2023

¹ Васильева Е. Н. Трактат «О духе законов» Монтескье как объект литературной полемики в России второй половины XVIII в. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 3. С. 322–331; Киселев М. А. Трактат De L'esprit Des Lois Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. С. 1131–1148.

² [Коркунов Н. М.] Указ и закон: исследование Н. М. Коркунова. СПб., 1894. С. 39.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Там же. С. 206.

Н. И. Малышева*

**САТИРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЮРИСТОВ
В РОМАНЕ ЛЮ ЧЖЭНЬЮНЯ
«Я НЕ ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ»**

В настоящее время авторитет юриспруденции как науки, юридического образования и юридической профессии в Китайской Народной Республике достаточно велик. Многие чиновники в КНР сегодня имеют юридическое образование. Как подчеркивает известный исследователь китайского права П. В. Трощинский, в Китае к юриспруденции другое отношение по сравнению с Россией или Западом, но все равно юристы – это элита. Например, Си Цзиньпин имеет степень доктора юридических наук. Премьер Государственного совета КНР закончил престижный юридический факультет Пекинского университета¹.

В то же время положительное отношение к праву и людям юридической профессии нельзя назвать для Китая давней традицией. С древности единственным источником права была воля государя, в наименованиях первых законов использовались понятия «наказание», «казнь», отсутствовало равенство перед законом и судом, не поддерживалось разрешение споров судебным путем, поскольку непопулярность судебного разрешения споров помимо пренебрежительного отношения к нему чиновни-

* *Малышева Наталия Ивановна* – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

ков, рассматривавших споры при отсутствии профессиональных судей, также объясняется нежеланием самих сторон подвергаться судебному произволу, в частности судебным поборам².

В Китае и до сегодняшнего дня широко распространено представление о верховенстве морали над правом, долгое время внушавшем скорее страх, чем уважение к себе. Правоприменителями в Китае выступали чиновники разных рангов, как деятельность, так и личные качества которых влияли на отношение к морали и праву со стороны населения.

Со времен Конфуция множество литературных произведений посвящено вопросам социальной этики и морали, описанию идеальной личности «цзюньцзы» – «благородного мужа». В Средневековье формируются два четко очерченных и разнесенных по полюсам добра и зла образа чиновника. В средневековых повестях и сказках торжествует справедливость. Смена эпох вынуждает словесность порождать новые типы текстов, а вместе с ними и новый образ чиновника. Например, «Неофициальная история конфуцианцев» У Цзинцзы, законченная в 50-х годах XVIII в., является первым китайским сатирическим романом. В романе множество героев – от высокопоставленных сановников до мелких служащих. Они изображены нарочито гротескно. Их быт, идеалы и интересы подвергаются злему осмеянию. В романе представлено множество отрицательных образов чиновников. Получая все больше власти, они становятся все более развращенными и алчными. К началу XX в. в Китае появляются произведения, совмещающие национальные и европейские приемы изображения. Одним из наиболее ярких представителей подобного синтеза в литературе является писатель Цзэн Пу и его роман «Цветы в море зла». В отличие от

предыдущей сатирической традиции, Цзэн Пу не ставит перед собой задачу осмеяния и низвержения властвующей прослойки общества. Его персонажи реальны, они не становятся ни злодеями, ни героями. Они оказываются жертвами трагического отрыва конфуцианских знаний от практической жизни³.

Если обратиться к КНР, то, по мнению специалистов, до начала реформ литература существовала в условиях «догматической культуры», подчиняясь административно-командным установкам. С началом реформ (1978) политика КПК в сфере литературы была переориентирована в сторону рынка и открытости внешнему миру. Это привело к частичной деполитизации культуры, к снижению роли идеологических установок. Произошел перелом в отношениях между государством и создателем культурного продукта. Художник получил определенную свободу творчества и общественный авторитет⁴.

В конце XX – начале XXI в. заметное место на литературной арене Китая занял писатель Лю Чжэньюнь, чьи книги издаются миллионными тиражами и привлекают внимание как читательской публики, так и литературной критики. Выпускник Пекинского университета, в конце 1980-х гг. он прославился как один из основоположников китайского неореализма. В 1990-е гг. писатель творил в историческом жанре, а в 2000-е заслужил себе славу мастера сатирической литературы⁵.

Анализ сюжета романа Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньянь»⁶ позволяет проследить, как в наши дни в поведении китайцев сохраняется приверженность традициям даже в условиях официального курса на усиления роли права⁷. Представляется, что заслуживают особого внимания персонажи, имеющие юридические профессии. Ведь с именно с их помощью главная героиня Ли Сюэлянь бу-

дет искать справедливости в сложившейся абсурдной ситуации – признания развода с бывшим мужем фиктивным для того, чтобы, восстановив брак, развестись с ним уже по-настоящему. Решение об обращении в суд с целью устроить мужу ад наяву стало альтернативой убийству коварного обманщика, женившегося на другой и оставившего Ли Сюэлянь одинокой с дочерью на руках, да еще и посмеявшегося оскорбить ее, сравнив с развратницей Пань Цзиньянь.

Уже на первых страницах романа появление судьи Ван Гундао, который предстает перед главной героиней в домашней обстановке в судейском кителе, но при этом ниже пояса в одних трусах⁸, описано в комичных красках. Судебное разбирательство под его председательством не приводит к желаемому результату. И на пути Ли Сюэлянь появляется Дун Сяньфа – постоянный член судебной коллегии. Горькую иронию вызывает история его назначения в штат суда. Двадцать лет назад, вернувшись из армии в свой уезд, он стал подыскивать работу. Поливстав материалы Дун Сяньфа, глава орготдела при уездном комитете партии изрек: «Ничего особенного в его личном деле я не нахожу, но вот работать с его именем в животноводстве или в здравоохранении нельзя. Такому надобно идти в суд, ведь раз он Дун Сяньфа⁹, значит, должен разбираться в законах»¹⁰. Дун Сяньфа никогда не любил свою работу, но любил выпить и закусить за счет жалобщиков и ответчиков. Обратиться к нему Ли Сюэлянь посоветовал начальник отдела гражданских дел судья Цзя, спешивший на банкет, которому было прекрасно известно, что Дун Сяньфа ничего не решает, но который хотел ему досадить. Однако несмотря на врученный накануне его жене подарок в виде двух кур и тюка хлопка, Дун Сяньфа отказался выслушать обиженную Ли Сюэ-

лянь, да еще и оскорбил ее.

Следующим юристом, которого встречает наша героиня в поисках справедливости, является председатель суда Сюнь Чжэнъи, которому она собирается пожаловаться на Дун Сяньфа. К слову, имя Чжэнъи дословно означает «справедливость»¹¹. Однако он предстает перед нами не как ее олицетворение, а как крепко выпивший человек, в последнюю очередь думающий о деле. Вообще автор романа описывает суд, как такое место, где каждый день кто-то кого-то приглашает выпить¹². Председатель суда, не вникнув в дело Ли Сюэлянь, раздражается, злится и чуть ли ни слово в слово повторяет оскорбления Дун Сяньфа. Таким образом, ни один представитель судебной власти не изображен в романе как заслуживающий уважения профессионал.

Мало того, по мнению автора романа, проблема остается простой, пока ты не обращаешься в суд, но если ты уже встал на путь разбирательства, то твое дело становится все более и более запутанным¹³.

В романе речь не идет о коррупции в серьезных масштабах, ведь бедная женщина преподносит судьям весьма скромные «подарки» (кунжут, хлопок, кур). Однако в Китае известны случаи привлечения к ответственности за коррупцию судей самого высокого ранга. Так, в 2010 г. суд вынес приговор в отношении бывшего заместителя председателя Верховного народного суда КНР Хуан Сунью, обвиненного во взяточничестве и казнокрадстве¹⁴.

Без сомнения, вымышленные персонажи романа не являются типичными образами современных китайских юристов. Достаточное число произведений в современном Китае посвящено представителям юридической профессии, честно выполняющим свой долг, борющимся с коррупцией. Нельзя не вспомнить книгу Чжоу Мэйсена «От

имени народа» (2017), по которому снят популярнейший одноименный сериал, где изображены и положительные образы чиновников. По-видимому, роман Лю Чжэньюня можно назвать «кривым» зеркалом современной китайской профессиональной правовой культуры, отражающим в сатирическом ракурсе худшие качества юриста.

© Малышева Н. И., 2023

¹ Трощинский П. В. В Китае суд – территория мести. Угрожать судом – значит фактически объявить войну // Закон. 2022. № 9. С. 12.

² См. об этом: Ван Чжихуа. Традиции и правовая культура Древнего Китая // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2019. Вып. 4. С. 24–31.

³ Мощенко И. А. Традиция изображения чиновника в китайской литературе и ее переосмысление в произведениях XX века (на материале романа Цзэн Пу «Цветы в море зла» и автобиографических эссе Чжан Айлин) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 95–97.

⁴ Турушева Н. В. Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 131.

⁵ Родионова О. П. Проблема одиночества в романе Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи» // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 1. С. 75.

⁶ Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньянь / Пер. с кит. О. П. Родионовой. СПб., 2015.

⁷ См. об этом: Малышева Н. И. Познавательная ценность правовых сюжетов современных китайских романов (на примере творчества Лю Чжэньюня) // Юридический музей: Сборник статей по материалам междисциплинарной научно-практической конференции с международным участием «Право, книга и литература». Санкт-Петербург, 2 апреля 2019 г. / Отв. ред. А. Л. Рогачевский. СПб., 2019. С. 139–144.

⁸ Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньянь / Пер. с кит. О. П. Родионовой. С. 7.

⁹ Фамилия Дун совпадает со словом «понимать», а имя Сяньфа дословно означает «конституция».

¹⁰ Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньянь / Пер. с кит. О. П. Родионовой. С. 32–33.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Там же. С. 35.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Члена Верховного суда Китая приговорили к пожизненному заключению за взятки. – <https://polit.ru/news/2010/01/19/sud/> (дата обращения: 10.02.2023).

*Е. С. Палухина**

ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вплоть до начала Первой мировой войны основным партнером Российской империи в борьбе с «противомонархическим и противохристианским революционным движением в Европе»¹ являлась Германия. Это подтверждается и той перепиской, которую вели между собой монархи двух стран. Так, в ответе на письмо Николая II, осуждающего покушение анархистов на испанскую королевскую чету в Мадриде в мае 1906 г., Вильгельм II выражал полную солидарность с его «взглядами относительно вопроса об анархистах», единственным местом для которых «должен быть эшафот и в некоторых случаях пожизненное заключение в сумасшедший дом». А в качестве действенной меры борьбы с террористами и для защиты жизни и культуры, кайзер предлагал с общего согласия континентальных держав на законодательном уровне «запретить производство химических продуктов для начинки бомб под угрозой сурового наказания»².

В этой связи усилия российской дипломатии были направлены на развитие еще более тесного сотрудничества с Германией, чем то, которое было основано на Протоколе 1 марта 1904 г. А в качестве первого шага в этом направлении и «в целях выяснения главных оснований будущей программы действий», предполагалось произве-

* Палухина Елена Сергеевна – доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России (Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук.

сти «весьма доверительный обмен мыслей с Германским правительством»³.

После проведения всех необходимых подготовительных мероприятий, в июле 1907 г. для участия в переговорах был направлен директор Департамента полиции МВД Российской империи М. И. Трусевич. В официальных документах целью поездки Трусевича значилось обмен опытом и ознакомление с устройством полицейской службы в Германии и во Франции.

Встреча в Берлине состоялась 28–29 июля 1907 г. Германию представляли директор полиции Экгардт и два чиновника Министерства иностранных дел. Формат встречи предполагал обсуждение конкретных предложений российской стороны, которые Трусевич разделил на принципиальные и технические.

Принципиальным вопросом являлась выработка общего понятия «анархист». Анархистом российская сторона предлагала понимать лицо, стремящееся к изменению государственного строя или отделению части государства и прибегающее для этого к террору; принадлежащее к тайным сообществам, преследующим те же задачи указанными способами; проповедующее идеи, направленные к достижению описанных выше целей путем террора. Формулируя понятие «анархист», Трусевич исходил из пожелания российского правительства «придать распространительное толкование акту 1 марта 1904 г. в видах применения его не только к анархистам, но и к революционным деятелям других категорий», поскольку тактика их действий «имеет полное сходство»⁴. Согласие германской стороны с такой формулировкой практически означало бы принятие ею обязательства высылать в распоряжение русских властей не только анархистов, но и революционеров других категорий (эсеров, эсеров-максималистов, со-

циал-демократов), в своей деятельности опирающихся на террор.

Что касается технических приемов расследования, то их было предложено три:

1) для быстрого реагирования на изменения оперативной обстановки предусмотреть возможность взаимодействия с местными полицейскими органами помимо и даже в обход центральных бюро стран-участниц;

2) вменить в обязанность полицейских органов обеих стран осуществлять расследования преступлений анархистской направленности по запросу заинтересованной стороны;

3) вменить в обязанность полиции обеих стран осуществлять наружное наблюдение за находящимися в розыске революционерами по просьбам заинтересованной стороны, а также разрешить осуществлять такое наблюдение агентам самого заинтересованного государства⁵.

Последнее предложение подверглось резкой критике немецкой стороной, поскольку практически ставило вопрос о возможности открытого существования в Германии русской заграничной агентуры.

Все «проистекающие из переговоров меры» было решено сохранить в «абсолютной тайне» и довести до сведения своих правительств. Учитывая тот факт, что обсуждаемые вопросы в основном касались техники сношений полицейских органов и методики ведения розыска анархистов, стороны постановили не привлекать для официального закрепления предложенных мер дипломатические ведомства, а окончательное решение германского министра внутренних дел направить директору Департамента полиции МВД Российской империи в форме письма берлинского президента полиции⁶.

Ответ министра внутренних дел Германии был полу-

чен Министерством иностранных дел России 8 сентября 1907 г. Германская сторона отвергла предложенное на переговорах определение понятия «анархист» на том основании, что оно не расширяет, а наоборот, суживает круг лиц, находящихся под наблюдением. В свою очередь, Германия выступила с предложением в каждом конкретном случае оставлять на усмотрение правительств договаривающихся стран отнесение того или иного лица к анархистам. Что касается технических приемов расследования, обозначенных Трусевичем, то принципиальных возражений на этот счет высказано не было (с учетом накопленного в России опыта осуществления наблюдения⁷). Отдельные детали было решено обсудить в ходе личной встречи руководителей полицейских ведомств.

Встреча эта так и не состоялась. Обсуждение общих вопросов сотрудничества в сфере реализации положений Протокола 1 марта 1904 г. осуществлялось на уровне Министерства иностранных дел до октября 1908 г., тем не менее соглашение, конкретизирующее его положения, так и не было заключено.

Собственно, само сотрудничество с Германией в рассматриваемой нами сфере продолжалось вплоть до 1914 г. С началом Первой мировой войны, основными направлениями деятельности Заграничной агентуры Департамента полиции стали шпионаж и контрразведка на территории Германии⁸, что окончательно положило конец сотрудничеству двух союзников антитеррористического блока.

На встрече с французскими полицейскими властями, куда Трусевич прибыл в начале июля 1907 г., директор Департамента полиции должен был установить пределы возможного «содействия французской полиции в деле борьбы с преступными посягательствами русских террористов»⁹ и степень готовности Франции примкнуть к Про-

токолу 1 марта 1904 г.

В результате проведенных переговоров были достигнуты устные договоренности с руководством французской службы безопасности *Sûreté Générale* о содействии французской полиции «в надзоре за нашими революционерами» всеми «возможными и дозволенными способами». Однако от официального участия в Протоколе Франция вновь отказалась, и сотрудничество между двумя государствами в сфере противодействия терроризму реализовывалось только в формате эпизодических контактов представителей полицейских ведомств. Между тем, Трусевич не отрицал необходимости и далее оказывать воздействие на французское правительство с целью «подбодрять его к содействию на пользу охранения нашего государственного порядка»¹⁰.

Такое «воздействие» имело свои положительные результаты. Во всяком случае в начале декабря 1910 г. А. В. Неклюдов, поверенный в делах в Париже, докладывал в Министерство иностранных дел о том, что официальная Франция «вполне сознательно и искренно относится не только к своим союзным обязательствам, но и к сохранению и укреплению самого союза», и хотя «французское правительство никогда не выдаст нам ни одного политического преступника, но под рукою французская полиция будет всегда ревностно следить за замыслами наших анархистов»¹¹.

Правда, такое неофициальное сотрудничество едва не прекратилось после появления в 1909 г. в издаваемом В. А. Бурцевым в Париже журнале «Общее дело» сведений, доказывающих провокаторское прошлое руководителя Заграничной агентуры Департамента полиции А. М. Гартинга. Бурцев приводил достаточно весомые доказательства того факта, что эмигрант Авраам Геккель-

ман (он же Абрам Ландзен), приговоренный в 1890 г. французским судом к пяти годам тюремного заключения за подстрекательство, и глава Заграничной агентуры Гардинг – одно и то же лицо¹².

Дипломатического скандала было не избежать. Премьер-министр Ж. Клемансо на внеочередном выступлении перед французским парламентом заявил о необходимости преследования и ликвидации всяческой деятельности любой иностранной полиции во Франции. Заграничная «охранка» оказалась в нелегальном положении и продолжила свою деятельность как «Справочное бюро «Биттер-Монен»», руководство которым осуществлял французский гражданин.

Но даже такие меры предосторожности не смогли полностью оградить секретных агентов от провалов, и было принято решение прекратить деятельность Заграничной агентуры.

Спустя довольно продолжительное время в конце 1913 г. в Париже появилось частное розыскное бюро «Бинт и Самбен» – новый «отпрыск» заграничного политического сыска во Франции. В штате бюро значилось 18 лучших агентов бывшей Заграничной агентуры, включая старейших из них – Генриха Бинта и Альберта Самбена¹³. Руководил деятельностью бюро статский советник А. А. Красильников, возглавлявший весь секретный политический сыск за границей. Для защиты деятельности бюро и самих агентов кроме Бинта и Самбена никто из них в контакт с Красильниковым не вступал. Более того, все сотрудники искренне верили, что работают в детективном агентстве и выполняют задания, полученные от частных «клиентов»¹⁴. Пребывание Красильникова за границей на официальном уровне объяснялось установлением контактов МВД с российскими посольствами и кон-

сульствами.

Такие меры предосторожности не были излишними. В сентябре 1913 г. Красильников по этому поводу писал директору Департамента полиции С. П. Белецкому: «После указанного инцидента в парламенте французское правительство относилось к Заграничной агентуре с собой осторожностью; впоследствии, когда мне удалось заслужить доверие французских властей, отношение это делалось все лучше и лучше, а затем уже Заграничной агентуре стало ими оказываться и оказывается ныне полное во всем содействие, но при этом, однако, французские власти чрезвычайно опасаются всего, что может служить указанием на продолжение существования во Франции русской политической полиции»¹⁵.

Таким образом, до 1914 г. основными направлениями международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом являлись реализация положений Протокола 1 марта 1904 г. и укрепление негласного полицейского взаимодействия. В качестве единственной попытки расширения сферы сотрудничества на основе заключения дипломатического соглашения можно указать на Декларацию со Швейцарией о взаимной выдаче преступников за злоупотребление взрывчатыми веществами от 9 февраля 1908 г. Хотя, в силу разночтений формулировок Декларации с действующим российским законодательством¹⁶, Департаментом полиции было высказано опасение, что заключенное соглашение «едва ли создаст какие-либо благоприятные положения для русского правительства в его борьбе с террором»¹⁷. В годы Первой мировой войны международное сотрудничество Российской империи в интересующей нас сфере ограничивалось единичными и малоэффективными контактами с правительствами стран-союзниц. Но и они, несмотря на появление

научных исследований, касающихся этой темы¹⁸, до настоящего времени не получили должного рассмотрения и оценки современных исследователей.

© Палухина Е. С., 2023

¹ *Записка* об анархистах министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа от 3 января 1906 г. // Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства Иностранных Дел. Пг., 1918. № 6. С. 270–271.

² *Собственноручное* письмо императора германского на имя бывшего царя // Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства Иностранных Дел. Пг., 1917. Декабрь. № 1. С. 9.

³ *Записка* об анархистах министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа от 3 января 1906 г. С. 272.

⁴ *Доклад* директора Департамента полиции Трусевича министру внутренних дел, 31 июля 1907 г. // Сватиков С. Русский политический сыск за границей. М., 2002. С. 191–192.

⁵ Там же. С. 193–194.

⁶ Там же. С. 201–202.

⁷ *Матвеев А. В.* 1) Центральный филёрский отряд при Санкт-Петербургском охранном отделении – субъект обеспечения безопасности главы государства в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 30–36; 2) Особенности кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в подразделениях Отдельного корпуса жандармов Российской империи // Общество и право. 2020. № 2(72). С. 149–154;

⁸ Документы, содержащие сведения о контрразведывательной деятельности Заграничной агентуры не сохранились. Между тем, в пользу занятия таковой свидетельствуют показания заведующего частным розыскным бюро «Бинт и Самбен» Г. Бинта и его заместителя А. Самбена, донесение секретного агента А. Литвина заведующему Заграничной агентурой А. Красильникову и «исповедь» секретного агента Б. Долина. – См.: Сватиков С. Русский политический сыск за границей. С. 26–27, 248–266.

⁹ Цит. по: Соловьев О. Ф. Международный империализм – враг революции в России. М., 1982. С. 118.

¹⁰ Цит. по: Соловьев О. Ф. Международный империализм – враг революции в России. С. 119.

¹¹ *Материалы* по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.: Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского Министерства иностранных дел. М., 1922. С. 16, 18.

¹² Геккельман-Ландезен-Гартинг // Общее дело. 1909. 15 октября. № 1. С. 13.

¹³ *Матвеев А. В.* 1) К вопросу об организации службы наружного наблюдения за пределами Российской империи // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 151–155; 2) Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022..

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 316. Д. 195. Л. 76–77; *Справка* об организации заграничной агентуры (Составлена Департаментом полиции Министерства внутренних дел 16 февраля 1916 г.) // Борисов А. Особый отдел Империи. История Заграничной агентуры российских спецслужб. С. 457–460.

¹⁵ *Сватиков С. Г.* Русский политический сыск за границей. (По документам Парижского Архива Заграничной Агентуры Департамента Полиции). Ростов-н/Д., 1918. С. 31.

¹⁶ Критике подвергся п. 1 декларации, в соответствии с которым ее действие распространялось на лиц, виновных в незаконном пользовании (или употреблении) взрывчатых веществ, ответственность за которые наступала согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 9 февраля 1906 г. «Об ответственности за изготовление, приобретение, хранение, ношение и сбыт, без надлежащего разрешения, взрывчатых веществ и снарядов». – См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVI. Отд. 1. №. 27379. С. 111–112.

¹⁷ *Копия* письма директора Департамента полиции директору Второго департамента Министерства иностранных дел А. К. Бентковскому 3 марта 1908 г. // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник документов / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2001. С. 275–276.

¹⁸ *Нижник Н. С.* Государственно-правовой институт наружно-

го наблюдения в Российской империи – предмет исследования современных учёных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 201–212; *Краковский К. П.* Размышления о судьбах российской политической полиции, спровоцированные диссертацией А. В. Матвеева на тему: «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 213–221; *Жаров С. Н.* Защищена диссертация об истории наружного наблюдения в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 222–233.

А. А. Никитчик*

**ИДЕЯ ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТИ
И КОНКУРЕНЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВА
В УЧЕНИИ М. Н. КАПУСТИНА**

Вопрос о взаимодействии принципов права поднимается как в работах, специально направленных на изучение данной категории, так и в исследованиях, посвященных преодолению пробелов в праве, оптимизации интерпретационной деятельности, реализации правоприменительного усмотрения и иным злободневным проблемам юриспруденции¹. Интенция современного научного сообщества к изучению форм сочетания принципов права как неотъемлемой составляющей эффективного правового регулирования требует расширения теоретической базы, которая в настоящий момент исчерпывается достижениями советской и постсоветской юридической науки. В данном контексте особый интерес представляют труды Михаила Николаевича Капустина – выдающегося дореволюционного правоведа, в учении которого идея о взаимодополняемости принципов права лежит в основе перехода к наиболее прогрессивному правовому порядку.

Стоит заметить, что фамилия профессора Московского университета была широко известна современникам имперской России, почитающих М. Н. Капустина не только как талантливого учёного-теоретика, но и как истинного филантропа, который значительную часть своего времени провёл в созидании молодёжному просвещению, в

* *Никитчик Алина Александровна* – преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

том числе – в роли попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. Однако его наследие, оказавшись затенённым в период идеологизации советской юриспруденции, по-прежнему лишено должного внимания: на сегодняшний день известно только одно специальное исследование, представляющее собой общую характеристику государственно-правовых воззрений М. Н. Капустина². Вместе с тем, детального изучения заслуживает авторский взгляд на принципы как на разработанные юридической наукой теоретические конструкты, совокупность которых отражает степень развития права как «высоконравственного явления жизни».

Согласно мыслителю, в своём стремлении к установлению наилучшего режима, при котором каждому человеку гарантируется возможность беспрепятственной реализации свободы и самосовершенствования, право преодолевает три уровня – «естественный», «строгий (формальный)» и «справедливости»³.

Первый уровень – «естественный» – не содержит юридических принципов, так как право ещё не имеет форм внешнего выражения и обладает индивидуальным характером: правила поведения формируются в сознании отдельной личности под влиянием присущих каждому «идеи и чувства справедливости». По мысли М. Н. Капустина, на данном этапе справедливость отражает совокупность нравственных требований человека к окружающим и самому себе, которые приобретают значение права в силу эмоциональных переживаний по поводу соблюдения или нарушения границ личной свободы. Рассуждения автора отражают его неординарную трактовку естественного права, в которой «краеугольным камнем» является чувственно-волевой аспект поведения человека. «Только идея и чувство справедливости, может примирить людей, упо-

рядочить жизненную борьбу между ними и дать твердую основу внешнему порядку»⁴, – разъясняет М. Н. Капустин.

Но в отсутствие позитивного права – нормативной основы «внешнего порядка», воплощение идеи справедливости при реализации свободы в фактических формах социального взаимодействия представляется М. Н. Капустину невозможным. Сближение нравственного и фактического, по мнению автора, происходит с его появлением на втором «строгом» уровне, где справедливость приобретает значение юридического принципа, определяющего сущность и назначение позитивного права. Наряду с принципом справедливости в праве функционирует принцип формального равенства, который позволяет наделить каждую личность правосубъектностью с учётом имеющихся преимуществ или недостатков. «Справедливость есть соразмерность, то есть определение отношения между лицами на основании какого-либо, но непременно одинакового для всех мерила... Все люди равны как люди; но они неравны как лица. Пределы борьбы и свободы для всех одинаковы, но средства не могут быть одни и те же»⁵, – поясняет мыслитель.

Так как первое, с чем правовед связывает возможность воплощения справедливости в процессе социального взаимодействия – это формальная определенность установившегося порядка, данный этап в развитии права М. Н. Капустин не мыслит без утверждения принципа законности. На уровне «строгого (формального)» права законность как дополнительный принцип, гарантирующий устойчивость существующего правопорядка, в интерпретации правоведа имеет легистский характер. «Никто и ни по каким причинам не может уклониться от подчинения закону; ни индивидуальное убеждение о противоречии закона нравственным правилам, ни кажущаяся суровость

закона, ни предполагаемая бесполезность его не должны служить оправданием неповиновения закону»⁶, – пишет М. Н. Капустин. Однако предложенная трактовка, по мнению автора, оправдана постольку, поскольку принцип законности защищает личную свободу каждого человека, как того требуют начала справедливости и формального равенства⁷.

Иное значение принцип законности приобретает на завершающем этапе развития – уровне «справедливости», на котором право находит полное соприкосновение с общественным правосознанием, совестью и нравственными убеждениями людей. Утверждение наиболее прогрессивного правопорядка М. Н. Капустин связывает с дополнением чисто юридических принципов социально-ориентированными императивами правового регулирования, к числу которых автор первостепенно относит «принцип человеколюбия» или гуманизма. Реализация данного принципа, по мысли М. Н. Капустина, наряду с законодательным закреплением гарантий прав и свобод человека, предполагает высокую индивидуализацию правоприменения и стремление к минимизации негативных последствий для лиц, допустивших нарушение закона⁸.

Очевидно, нормы законодательных актов с присущим им обобщенным содержанием не всегда предоставляют такую возможность, поскольку законодатель в силу объективных причин не способен предусмотреть всех форм социального взаимодействия⁹. «Это ведет к необходимости отступать иногда от приложений закона и признавать рядом с положительным правом другие нормы, выражающие начала справедливости и соразмерности»¹⁰, – рассуждает правовед, актуализируя вопрос о конкуренции принципов права в правоприменительной деятельности.

Безусловно, М. Н. Капустин не единственный, кто со-

средоточен на проблеме сочетания законности и справедливости, однако уникальность авторской позиции заключается в предложении некоего механизма взаимодействия судебной и законодательной власти, который сдерживает конкуренцию указанных принципов от взаимоисключающей коллизии. Так, в отсутствие справедливой нормы права М. Н. Капустин допускает разрешение юридической ситуации посредством применения судебного усмотрения, указывая, что вслед за проявленной самостоятельностью органа правосудия «должна выступить деятельность законодателя, так как вопрос выходит за пределы приложения существующей нормы и настает надобность в создании новой»¹¹.

Говоря о возможности отступить от строго определенных законодательных конструкций, М. Н. Капустин апеллирует к разумности, предъявляющей к каждому виду юридической деятельности требование постоянной оценки сложившейся ситуации, принимаемых решений и их последствий с точки зрения здравого смысла. «Кроме формулированных положений права, – пишет он, – существует сознание и убеждение о справедливости, как разум фактических и нравственных требований. Существуют, бесспорно, общие юридические истины, хотя не обличенные в форму строгого права, но служащие для него источником и дополняющие его»¹². По мысли правоведа, «общие юридические истины» обладают всеобщим характером и «примиряют» абстрактные нормы позитивного права с взглядами на окружающую действительность, выработанных и используемых в обществе в повседневной практической деятельности. В этом смысле разумность в интерпретации М. Н. Капустина приобретает значение принципа, гарантирующего целесообразность правоприменительной деятельности.

Итак, раскрывая сущность и назначение позитивного права через совокупную реализацию начал справедливости и формального равенства, М. Н. Капустин связывает его развитие с последовательным утверждением законности, гуманизма и разумности в роли принципов, обеспечивающих переход к наиболее совершенному правопорядку. Эффективность правового регулирования ставится автором в зависимость от уровня осмысленности форм сочетания указанных императивов, где дополнение принципов гарантирует максимальную упорядоченность общественных отношений, а их конкуренция способствует устранению пробелов в действующем законодательстве без причинения ущерба охраняемым правам и интересам личности.

© Никитчик А. А., 2023

¹ Дедов Д. И. Юридический метод. М., 2008. С. 11, 19, 25–28; Винницкий И. Е. Функции справедливости и законности как принципов права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11; Карташов В. Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 166.

² Яковлев А. В. Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

³ Капустин М. Н. Теория права: юридическая догматика // Сочинения Михаила Капустина, проф. междунар. права в Моск. ун-те. Т. 1: Общая догматика. М., 1868. С. 91.

⁴ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика) // Лекции заслуженного профессора М. Н. Капустина. СПб., 1893. С. 34.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Капустин М. Н. Теория права: юридическая догматика. С. 95.

⁸ Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). С. 26.

⁹ Там же. С. 119.

¹⁰ Там же. С. 117.

¹¹ Там же. С. 120.

¹² *Капустин М. Н.* Теория права: юридическая догматика. С. 99.

Н. С. Щерова*

**С. А. МУРОМЦЕВ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

XIX столетие можно считать временем возникновения российской юридической журналистики. Газеты и журналы являлись площадкой для различных дискуссий, полемических статей по многим вопросам: изучение государства и права в целом и их отдельных институтов, реформы в сфере государственной власти и управления, юридическое образование. По мере своего развития периодические издания специализированного характера ставили своей целью распространение юридических знаний, совершенствование юридической науки, оказание содействия практической деятельности юристов, осуществление правового воспитания общества.

Вторая половина XIX в. является расцветом юридической науки. Этот период связывается с именами выдающихся юристов, которые не только участвовали в становлении и развитии отечественной юриспруденции, но и внесли вклад в формирование юридической журналистики. Участие практикующих юристов и теоретиков права могло быть различным. Чаще всего они были авторами публикаций, но также могли выступать как издатели и редакторы юридических журналов. В последнем случае отсутствие организаторской и журналисткой подготовки

* *Щерова Наталья Сергеевна* – ассистент кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

не было сложным препятствием для работы в данной сфере, так как наиболее важным было наличие специальных знаний в области юриспруденции. Одним из ярких примеров участия правоведов в журналистике является С. А. Муромцев.

Сергей Андреевич Муромцев был разносторонним человеком: он известен как юрист, ученый, исследователь, общественный и политический деятель. Однако еще одной стороной его жизни можно считать журналистику: несколько лет С. А. Муромцев работал редактором в журнале «Юридический вестник» и в качестве автора материалов публиковал свои работы в различных периодических изданиях.

Следует отметить, что С. А. Муромцев вошел в состав редакторов «Юридического вестника» не сразу с момента появления журнала в 1867 г., а позднее, и это было связано с необходимостью замены А. М. Фальковского. Московское юридическое общество, которому принадлежало периодическое издание, на своем заседании избрало в качестве третьего редактора С. А. Муромцева. 15 декабря 1878 г. в Министерство народного просвещения было подано прошение об утверждении в этой должности¹. 17 января 1879 г. ректору Московского университета было направлено официальное согласие на утверждение. Подобный положительный ответ был вызван наличием благоприятных отзывов о личности ординарного профессора С. А. Муромцева со стороны Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Московского генерал-губернатора².

Библиографы отмечают, что, как редактор С. А. Муромцев всегда стремился выдерживать либеральное направление журнала и потому был принципиален и осторожен в выборе статей и приглашении сотрудников.

Вместе с тем Н. А. Каблуков, один из сотрудников С. А. Муромцева, вспоминал о его терпимости и уважении к чужому мнению, отчего «работать с ним можно было вполне коллегиально, и эта работа доставляла одно удовольствие»³.

Отдельно следует сказать о деятельности С. А. Муромцева в периодической печати. В общей сложности им было опубликовано несколько десятков текстов в разных жанрах, посвященных, в основном, вопросам практического правоведения и современной общественно-политической ситуации в России⁴. В его научных работах были представлены актуальные проблемы государственно-правовой действительности, начиная от исторических исследований и заканчивая критико-библиографическими заметками.

С. А. Муромцев как автор писал для журналов статьи на различные темы. Большое количество материалов было связано с римским правом. Так, в 1875 г. в «Журнале гражданского и уголовного права» была напечатана вступительная лекция, прочитанная при открытии курса римского гражданского права в Императорском Московском университете 2 сентября 1875 г. Изучение римского права необходимо потому, что все основные понятия гражданского права были выработаны и проверены в римском праве, поэтому оно является основой для дальнейшей разработки гражданского права: «наука римского права представляет собой первую форму, в которой зародилась и из которой должна развиваться наука гражданского права вообще»⁵. В соответствии с этим признается важность изучения римского права как отдельного учебного и научного направления.

К теме римского права С. А. Муромцев обращался часто. Этому вопросу посвящен фундаментальный, глубо-

кий, подробный научный труд – цикл очерков, опубликованный на протяжении нескольких номеров в журнале «Юридический вестник» в 1885 г. Эта работа представляет собой историко-юридическое исследование рецепции римского права в Западной Европе.

В область научных интересов С. А. Муромцева, представленной на страницах периодики, в основном входило гражданское право. Однако встречаются также работы, посвященные авторскому праву. В одной из статей представлена история возникновения авторского права⁶, интерес к которому возник вновь под впечатлением от прошедшего в Париже Международного конгресса литераторов.

По мнению В. Н. Белоновского, С. А. Муромцев являлся убежденным защитником тесной связи права и жизни, отстаивал мысль о долге юриста быть носителем лучших культурных идеалов времени, творческим деятелем в отправлении правосудия⁷. Эти идеи нашли отражение в его материалах для периодической печати. В частности, им была переведена и опубликована статья профессора Колера из Вюрцбурга «Творческая сила юриспруденции», в которой юриспруденция была объединена с творчеством: «законы дают только юридические принципы, и дальнейшее развитие юридических форм является уже не толкованием, а новообразованием и творчеством»⁸.

Авторству С. А. Муромцева принадлежат не только тексты по правовым вопросам. В одном из номеров «Юридического вестника» был напечатан некролог, посвященный памяти юриста, профессора Московского университета Н. И. Крылова⁹. Обращает на себя внимание объем публикации: это не просто короткое сообщение, а глубокий, развернутый очерк, ознакомившись с которым мы можем составить портрет Н. И. Крылова как юриста,

преподавателя и личности. С. А. Муромцев не только представляет биографические сведения, но и создает для читателя образ профессора, давая высокую оценку его научной и преподавательской деятельности. Особо следует отметить, что Н. И. Крылов был для С. А. Муромцева наставником, учителем, который направил его в юридическую профессию, и это уважение, признательность отражены в этом некрологе.

Таким образом, деятельность С. А. Муромцева не ограничивалась только юридической сферой, определенную часть его жизни занимала деятельность в периодической печати. Ученый сотрудничал со многими ведущими специализированными изданиями второй половины XIX в., среди которых «Юридический вестник», «Журнал гражданского и уголовного права». Публикации посвящены различным вопросам и направлены как на профессиональное сообщество юристов, так и на студентов учебных заведений. Работы, опубликованные в юридических журналах, представляют собой не только статьи и заметки на правовые вопросы, но и являются научными трудами, составляющими историко-правовое наследие России.

© Щерова Н. С., 2023

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 3. Д. 507. Л. 74.

² Там же. Л. 81.

³ Глинникова С. В. С. А. Муромцев в Московском юридическом обществе // Российский юридический журнал. 2013. № 3(90). С. 173–174.

⁴ Аронов Д. В. Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999. С. 17.

⁵ Муромцев С. Римское право как предмет науки // Журнал гражданского и уголовного права. 1875. Кн. 6. С. 67.

⁶ Муромцев С. Авторское право // Юридический вестник. 1879. № 3. С. 352–364.

⁷ Белоновский В. Н. Сергей Андреевич Муромцев – юрист, исследователь, государственный деятель // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2010. № 14(57). С. 261.

⁸ Муромцев С. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. № 9. С. 114.

⁹ Муромцев С. Никита Иванович Крылов (некролог) // Юридический вестник. 1880. № 2. С. 231–241.

А. В. Парфенов*

**ФЕНОМЕН КОМПРОМИССА
В СОЦИОЛОГО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ М. ВЕБЕРА)**

Систему рассуждений о вкладе выдающихся ученых в развитие историко-теоретических наук, на наш взгляд, должно предварять одно достаточно значимое методологическое уточнение. Суть его сводится к тому, что в современном Мире наблюдается сближение различных областей знания, серьезные открытия зачастую делаются на «стыке» различных наук. Ученому-правоведу важно помнить о том, что наиболее тесная связь наблюдается в области наук гуманитарных. По этой причине, в ходе проведения целого ряда как общетеоретических, так и отраслевых юридических исследований, целесообразным представляется обращение к достижениям своих коллег, представляющих, например, философию, историю, политологию, психологию и т. д. Применительно к проблеме правового компромисса достаточно любопытными нам представляются концепции выработанные представителями социологии. В их трудах содержится попытка уточнить причины появления компромисса как сложного социального явления, разобраться в характеристике его отдельных аспектов. Особого внимания ученых-правоведов заслуживают те тезисы представителей социологического знания, в рамках которых затрагивается проблема постепенного вхождения компромисса в правовую сферу и

* *Парфенов Александр Вячеславович* – профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

придания ему юридической окраски. Суждения такого рода могут рассматриваться в качестве специфической методологической основы, на базе которой появляется возможность оптимизировать направление проводимых специальных юридических исследований, посвященных правовому компромиссу.

В социологии компромисс традиционно преподносится в качестве средства выхода из экстремальной ситуации, которое гарантирует обеспечение стабильности социальной системы. Представители данной области знания неоднократно подчеркивали, что адаптацию социума к новым условиям «можно достичь при помощи компромисса»¹. При этом он нередко рассматривался ими в контексте права и иных феноменов, используемых в сфере упорядочения общественных отношений. Справедливости ради отметим, что рассмотрение правовых явлений и процессов в контексте социальных институтов способствовало появлению и обособлению социологии права как специфической области знания. В данной статье мы умышленно оставим в стороне вопрос о соотношении названных наук и сконцентрируем внимание на наиболее любопытных, на наш взгляд, идеях, сформированных в их рамках.

Одним из ярких представителей социолого-правовой мысли, тезисы которого представляются весьма существенными применительно к построению теории правового компромисса, выступал немецкий ученый Макс Вебер. В своих научных трудах он затрагивал отдельные аспекты феномена компромисса. Его идеи отличаются значительной степенью оригинальности и самобытности. Так, Макс Вебер исходил из того, что столкновение ценностей ведет не к альтернативам, а к безысходной смертельной борьбе, такой, как, например, борьба «Бога» и «дьявола». Тем не

менее, компромиссы встречаются, как он отмечал, «на каждом шагу». Подобное положение вещей он объяснял тем, что в обыденной жизни человек не осознает подобного смешения глубоко враждебных друг другу ценностей, которое вызвано отчасти психологическими, отчасти прагматическими причинами. Индивид, прежде всего, не хочет осознавать, что уходит от необходимости сделать выбор между «Богом» и «дьяволом»². Для него более предпочтительна и удобна ситуация, в рамках которой допускается возможность постепенного выравнивания пересекающихся и переплетающихся ценностей. Компромисс в этой связи определенно становится уместным. Он, не снимая возникших противоречий между субъектами, не претендуя на окончательное решение конфликта, определяет обоюдно приемлемую линию поведения сторон в сложившихся условиях.

Как известно, Макс Вебер утверждал, что рационализация социального действия является важнейшей тенденцией исторического процесса. По его мнению, для общества характерна «растущая от ступени к ступени склонность к «мирному» урегулированию споров». Она обусловила постепенное вытеснение применения физической силы, переход насильственной борьбы в соперничество. Подобная тенденция обусловила и рост популярности компромисса. Объединившиеся в общество индивиды создали свои собственные «правила игры». Применение силы по мере исторического развития все более монополизировалось специальными субъектами. Они преобразовали его сначала в упорядоченную угрозу принуждения со стороны могущественных людей, а затем формально нейтральной власти³.

С появлением государства наиболее «рациональные» модели поведения, к числу которых относится и компро-

мисс, нашли отражение в действующем праве. Они послужили основой для последующего эффективного регулирования общественных отношений. По справедливому замечанию Д. Джери, именно труды Макса Вебера показали роль развития рационального и надежного права (правового рационализма) как предварительного условия современных политических и иных достижений⁴. Мы полагаем, что отмеченная выше закономерность позволяет понять, в силу каких причин по мере развития общества в нем наблюдалось увеличение внимания к феномену компромисса. Данная модель поведения в конфликтной ситуации во многом явилась результатом многовековой рационализации социального действия и идеально укладывалась в логику мирного разрешения спора. В этой связи нам понятен и интерес законодателя к ней. Исходя из рассуждений самого Макса Вебера, степень распространения компромисса в праве чрезвычайно широка. Показательно в этом отношении его следующее высказывание, представленное в работе «Экономика и общество»: «В подавляющем большинстве своих наиболее важных положений право зримо изобличило себя как продукт или техническое средство компромисса между конфликтующими интересами»⁵.

Здесь же обратим внимание на один достаточно важный момент. Затрагивая компромисс в контексте иных социальных феноменов, Макс Вебер, к сожалению, не ставил перед собой задачи выделения его основных признаков и формулирования рабочей дефиниции. Данное упущение методологического плана явно не способствует глубокому уяснению сущности компромисса и четкому отграничению от смежных явлений, затрудняет своевременное его обнаружение в области юридической практики. В этой связи становится понятным, в силу каких при-

чин его, по мнению Макса Вебера, столь сложно идентифицировать. Так, некоторый «акт общественного объединения» может рассматриваться и как компромисс, и как «солидарность» по отношению к третьим лицам, и как «перемещение форм борьбы и ее объектов». При этом сам Макс Вебер допускал возможность того, что применительно к отдельной ситуации «все эти моменты в каком-то виде присутствуют»⁶.

Конечно же, Макс Вебер не был единственным представителем социолого-правового знания, затронувшим в своих трудах феномен компромисса. Разные стороны этого явления нашли отражения в работах таких ученых как Г. Спенсер, О. Конт, В. Парето, Л. Козер и многих других. Подробное освещение их воззрений в рамках данной статьи вряд ли возможно. К числу ее важнейших целей можно отнести привлечение научной общественности к рассмотрению вопроса об «источниках» правового компромисса. Применительно к ней, социолого-правовая концепция М. Вебера заслуживала нашего самого пристального внимания.

© Парфенов А. В., 2023

¹ *Современный философский словарь* / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск, 1998. С. 914.

² *Вебер М.* Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990. С. 565.

³ *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. С. 535.

⁴ *Джерри Д.* Большой толковый социологический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 269.

⁵ Цит. по: *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: Хрестоматия современных текстов* / Науч. ред. Э. А. Панеях; лит. ред. А. М. Кадникова. М., 2014. С. 37.

⁶ *Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии* Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. С. 534.

И. Б. Ломакина*

**«АГРОГИДРАВЛИЧЕСКИЙ ДЕСПОТИЗМ»
К. А. ВИТТФОГЕЛЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНСТРУКТ ОРИЕНТАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Ирригационная теория происхождения государства в западном политико-правовом дискурсе обычно увязывается с именем Карла Августа Виттфогеля (1896–1988). Весьма затейливая история жизни этого мыслителя отразилась на его политических и научных взглядах. Так, родившись 6 сентября 1896 г. в семье сельского учителя в Вольтерсдорфе (земля Ганновер), за свою 92-летнюю жизнь К. А. Виттфогель сумел побывать и активным деятелем Германской компартии и ученым-марксистом, узником фашистских концлагерей, и видным теоретиком антисоветизма, и свидетелем обвинения на маккартистских процессах в США.

Характеризуя марксистский этап творчества К. А. Виттфогеля, стоит отметить, что изучение производительных сил он осуществлял творчески, преобразуя марксистские теоретические конструкции. Так, например, производительные силы рассматриваются им как сложная, динамическая развивающаяся система, не сводимая к вульгаризированным утверждениям о том, что «мельница создала феодализм, а паровая машина – капитализм». Творчески развивая идеи Маркса применительно к госу-

* *Ломакина Ирина Борисовна* – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

дарственно-организованным обществам цивилизаций Восточного типа, он попытался применить марксистский метод к выделению ещё одной формации, а, именно, основанной на ирригационном земледелии.

После эмиграции в США, где он принял американское гражданство, К. А. Виттфогель отходит от политической деятельности в русле марксизма и сосредоточивает своё внимание на истории Китая. Занимаясь преподавательской деятельностью в Колумбийском и Вашингтонском университетах, он фактически становится ведущим синологом. Став американским институционалистом, и посетив Китай в 1935–1937 годах, он приходит к мысли о том, что государственность Китая цикличная и не имеет потенции в своём развитии. К концу Второй мировой войны К. А. Виттфогель становится убежденным антикоммунистом. И как это не парадоксально звучит, теперь он активный борец с коммунизмом во всех его проявлениях и на всех уровнях. Коллеги по «научному цеху» университетские профессора-синологи стали, в первую очередь, объектом нападков и жесткой критики. Основанием для люстрации стал закон «О внутренней безопасности» (23 сентября 1950 г.), принятый Конгрессом США. Принятие данного нормативно-правового акта развязало руки всем, кто проповедовал идеологию свободы и рынка. В университетской среде маховик репрессивной политики по отношению даже не к прокоммунистически настроенным профессорам, а более или менее имеющим иную позицию по ряду вопросов, касающихся восточной государственности, начал раскачивать не кто иной как бывший марксист К. А. Виттфогель. Так, в 1951 г. во время расследования против американских синологов именно он выступил как активный свидетель обвинения.

Провозглашая принцип отказа от политики и выступая за объективную науку, К. А. Виттфогель на самом деле, чтобы быть неполитизированным, то есть, академическим, беспристрастным учёным, оставаться выше партийных или недалеких догматических верований, фактически совершает кульбит в сторону либерализма. Другой американский профессор палестинского происхождения Эдвард Вади Саид (1935–2003) в своей блестящей работе «Ориентализм» отмечает, что ещё никому не удалось изобрести способ оторвать ученого от его жизненных обстоятельств, от факта его сопричастности (сознательной или бессознательной) к классу, от его убеждений, его общественного положения, от самого факта жизни в обществе. «Такая вещь, как знание, скорее менее, чем более предвзята, нежели индивид (со всеми его запутывающими и отвлекающими жизненными обстоятельствами), его производящий. И всё же знание тем самым автоматически не становится неполитическим»¹. Поэтому отход от марксизма привел К. А. Виттфогеля к воинствующему либерализму по методам и способам мало отличающемуся от своих идейных оппонентов².

К. А. Виттфогель действительно создал весьма оригинальную гидравлическую концепцию, объясняющую причины возникновения государственности на Востоке. Начатая с марксистских позиций о производительных силах, его агро-гидравлическая концепция со временем эволюционировала в сторону изучения надстроечных явлений (политики, социальных институтов) и предстала в законченном виде в книге «Oriental despotism: a comparative study of total power» (1957)³.

После своего выхода данная работа вызвала бурную полемику, в которой принимали участие ученые всего мира, а не только США и Европы⁴. Работа была переведена

на японский, немецкий, французский, испанский и итальянский язык. Выступая в качестве обвинителя марксизма, он стал одним из идеологов «холодной войны», в которой восточные деспотии к коим он относил и СССР, и Китай должны были непременно сойти с авансцены истории. Поэтому совсем не удивительно, что работа К. А. Виттфогеля была затабуирована в СССР (вплоть до 1990 г. книга К. А. Виттфогеля находилась в немногих центральных библиотеках Союза на специальном хранении). Будучи идейным врагом всего социалистического мира Виттфогель снискал себе славу «ученого апологета капитала и колониализма». Сейчас книга переведена в режим свободного доступа и одна из переведенных версий представлена в открытом доступе в Интернете. Несмотря на то, что в советское время книга не была переведена на русский язык, всё же ирригационная теория осмыслялась некоторыми исследователями в контексте критики зарубежных теорий⁵. К числу современных русскоязычных исследователей агро-деспотического гидравлизма К. А. Виттфогеля стоит упомянуть: М. С. Восленского, К. Р. Галеева, Ю. В. Латова, Г. Г. Пикова, Р. М. Нуреева, А. Л. Янова⁶. По справедливому замечанию Ю. В. Латова, одного из авторитетных знатоков творчества К. А. Виттфогеля: «антисоветские выводы стали лишь побочным результатом анализа социально-экономического строя древних и средневековых обществ Востока. Он старался, прежде всего, дать обобщающее описание основных институтов этих обществ, рассматриваемых как особая общественная формация»⁷. Поставив в один ряд с А. Тойнби и Л. Н. Гумилевым К. А. Виттфогеля, Ю. В. Латов остроумно замечает о том, что «Очевидно, что "воды" ("гидравлики") в его концепции оказалось слишком много. Столь же очевидно, что вынесенное в заглавие книги обо-

значение главного института восточных обществ оказалось не очень удачным по форме, но точно указывающим на объект и стимулирующим поиск более содержательных обозначений (как «власть-собственность» Л. С. Васильева). Вероятно, главной научной заслугой немецко-американского институционалиста станет марксистская в своей основе идея сравнительного анализа доиндустриальных обществ с точки зрения формационной эволюции»⁸.

Поэтому выводы К. Маркса и К. А. Виттфогеля были излишне политизированы. Демонизация восточных культур не лучшая стратегия их осмысления. Но Виттфогель несмотря на негативную оценку восточной государственности в целом, всё же признавал, что гидравлические общества не всегда лишены привлекательных, на первый взгляд, демократических черт. Эти черты, такие как независимость общин, эгалитаризм, религиозная толерантность, элементы выборной демократии, являются проявлениями, как саркастически высказывался К. А. Виттфогель, «демократией попрошайек» (*beggars democracy*), во всем зависимой от центральной власти. Выборность властей, по Виттфогелю, вполне сочетается с деспотизмом. В качестве примера он приводит Монгольскую империю. Виттфогель считает, что гидравлическое общество настолько подавлено государством, что в нем не может быть классовой борьбы, несмотря на наличие социального антагонизма. Соответственно, степень свободы, существующая в гидравлическом обществе, зависит от силы государства.

Таким образом, солидаризируясь с точкой зрения К. А. Виттфогеля на причины возникновения государства на Востоке, но не разделяя его оценочных суждений, стоит отметить, что государственность на Востоке

возникла не в результате появления частной собственности и моногамного брака как на Западе, а в результате строительства стратегических объектов, и, в первую очередь, ирригационных систем и каналов. Гидравлический базис восточных государств обеспечил население возможностью стабильно осуществлять хозяйствующую деятельность, без риска наводнений, размыва почвы, что в свою очередь повысило рентабельность хозяйств. Поэтому «агрогидравлический деспотизм» – это идеологический конструкт, который адекватно не показывает сущности государственной власти на Востоке.

© Ломакина И. Б., 2023

¹ Саид Э. Ориентализм / Науч. ред. А. Р. Ихсанов. М., 2021. С. 35.

² См. подробнее: Ломакина И. Б. Понимание восточной государственности в агрогидравлической концепции К. А. Виттфогеля // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 2(50). С. 31–42.

³ Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power, New Haven and London, 1957.

Неофициальный перевод: Страхов А. А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти, 2017 [Электронный ресурс]. – http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (дата обращения: 14.01.2023).

⁴ Цит по: Галлеев К. Р. Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. 2011. С. 155–179.

⁵ Левада Ю. А. Рец. на: К. Виттфогель. Восточный деспотизм // Советское китаеведение. 1958. № 3. С. 23–45; Павловская А. И. О концепции «гидравлического общества» К. Виттфогеля // Вестник древней истории. 1965. № 4. С. 52–65; Павлова-Сильванская М. П. Зарубежные критики о книге К. Виттфогеля «Восточный деспотизм» // Народы Азии и Африки. 1971. № 2. С. 21–45; Андрианов Б. В. Концепция К. Виттфогеля «гидравлическое общество» и новые материалы

по истории ирригации // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976. С. 37–59; *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977. С. 190–192; *Нуреев Р. М.* Экономический строй докапиталистических формаций (Диалектика производительных сил и производственных отношений). Душанбе, 1989; *Никифоров В. Н.* Место Карла Августа Виттфогеля в истории больших дискуссий // Народы Азии и Африки. 1990. № 5. С. 77–87.

⁶ *Нуреев Р. М.* Экономический строй докапиталистических формаций (Диалектика производительных сил и производственных отношений). Душанбе, 1989; *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; *Янов А. Л.* Три лика «русского деспотизма» // Свободная мысль. 1992. № 10. С. 42–56; *Пиков Г. Г.* Из истории исторической науки: Карл Август Виттфогель (1896–1988) // Сибирское археологическое обозрение. Вып. 1. Новосибирск, 2001; *Янов А. Л.* Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001; *Латов Ю. В.* «Восточный деспотизм» К. А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2. С. 8–37; *Галлеев К. Р.* Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 155–179.

⁷ *Латов Ю. В.* «Восточный деспотизм» К. А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2. С. 9.

⁸ Там же. С. 36.

Н. И. Красняков*

**ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ
ИМПЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Социально-познавательная ценность исследования имперской проблематики, без сомнения, осознается современными исследователями на должном уровне, судя по расширению предметности и значительному увеличению научных трудов по данной теме, поскольку в итоге уточнения истины в методологических подходах к политико-правовому пространству Империи, выступающей стержневой категорией сущности Российского государства в обозримой ретроспективе, создается существенный положительный импульс в определении идей, направлений, мероприятий и оценки политического воздействия в отношении его территорий и населения настоящего времени. Продолжающаяся значительное время дифференциация научного знания по отраслевым предметам постепенно привела к отражению запроса на межпредметность и междисциплинарность исследовательской деятельности, увеличивая, соответственно, значение философско-методологического плюрализма и философских средств юридической науки. Обозначенная тема связана также с этими обстоятельствами, поскольку обязана отражать в

* *Красняков Николай Иванович* – заместитель директора, исполняющий заведующего кафедрой теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

научном обороте конструкцию из теоретических положений, относящихся к блоку теоретико-исторических правовых наук, а также истории, политологии, философии, социологии в контексте Интернационализации науки.

Рассматривая многоаспектность имперских исследований, нужно исходить из того положения, что государственная власть, реализуемая в различного рода и уровня управления, по общему правилу опосредует в историческом измерении связь политики и права через государственные институты. Стоит учитывать и то обстоятельство, что в политической деятельности интересы акторов детерминированы конъюнктурой и разными векторами зависимости-подчинения-согласования, а потому сами политики повышают востребованность научно-правового знания ввиду возможностей последнего в рамках оценочно-нормативной (методологической) функции юридической науки создавать правила практической, целесообразной деятельности, что тоже способствует активизации работы ученых по теме.

В указанном контексте прежде всего стоит акцентировать внимание на преобладании политико-ориентированной интерпретации «империи» за счет трудов классиков империологии К. Шмитта и Х. Маккиндера, изданных на английском языке и за счет этого имеющих преимущества в цитировании и Интернационализации положений их научных работ. К таковым относим суждение, давшее начало восприятию империи как субъекта экспансивной политики по использованию в собственных интересах разного рода ресурсов иных государств и как института господства на международной политической арене и в отношении приобретенных территорий и ее населения. В этой парадигме, когда экономическая целесообразность колоний падала, империи отказывались от

колоний¹. В определенной мере подход, при котором акцентируются в качестве определяющих возникновение и эволюцию империи факторов не интеграция, освоение и цивилизационный подъем периферии за счет ядра империи, а диктат воли «господина», имеет место на существование, поскольку политика и право синкретичны в своей природе.

Новаторская роль в рассмотрении имперской темы в России принадлежит исторической науке конца XX в., которая представлена несколькими работами фундаментального значения. Так В. С. Дякин на основе систематизации широкого круга архивных, законодательных, статистических и эпистолярных материалов пришел к убеждению, что наиболее действенной является лишь политика, амортизирующая развал империи². Подобное значение представляют труды Н. П. Ерошкина³, положившего начало государствоведческому направлению в отечественной исторической науке, онтологическое и гносеологическое значение которых остается существенным. Его монография «Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.)» отличается содержательно выстроенным на широкой источниковой базе историко-политическим материалом, отражает идеи, средства, методы и направления институционально выстроенной внутренней политики самодержавной верховной власти по пути государственного строительства Российской империи периода ее сущностного совершенствования. В этом же ряду по своей исследовательской функциональной значимости находится и научный труд П. А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной монархии в XIX в.»⁴. Пристальный, неослабевающий интерес вызывает двухтомный труд по социальной истории России периода империи Б. Н. Миронова⁵, прин-

ципиально обозначившего вопрос многогранного взаимодействия в политико-правовом развитии государственности социума и власти. В этом же ряду находится и двухтомное исследование М. Я. Геллера «История Российской империи»⁶, в котором автор прослеживает процесс многократного образования и распада Российской империи, а также работы С. В. Мироненко⁷ и А. Миллера⁸.

В обзоре работ необходимо учитывать и теоретико-содержательные положения философской направленности относительно понимания, переосмысления, обобщения, оценки и отражения имперского мировосприятия⁹. В более узком предметном отношении имперская проблематика представлена в сборниках философско-материалистической направленности: «Империя и либералы», «Этничность и власть в полиэтничных государствах», «Национальная идея: страны, народы, социумы», «Национализм в мировой истории», исследованиях философов, политологов и социологов, а также в статьях тематических номеров журнала «Ab Imperio», основными темами которых определены поддержание стабильности полиэтничного и поликонфессионального имперского сообщества, в том числе эффективность деятельности управленческих структур, а также единство многообразия и отказ от жесткой унификации и централизации в империостроительстве в условиях предельной пестроты местных социально-экономических, административно-правовых, этнодемографических особенностей и традиций¹⁰.

Труды зарубежных исследователей на основе исторических сведений: английского философа и социального антрополога Э. Геллнера¹¹, австрийского историка А. Каппелера¹², американского антрополога Дж. Комарофф¹³, американского историка А. Мотыля¹⁴, американского историка Р. Суни¹⁵, американского историка-

слависта М. Хагена¹⁶, классика британской марксистской историографии Э. Хобсбаума¹⁷, британского историка Дж. Хоскинга¹⁸, – традиционно представляют значительный интерес в многостороннем рассмотрении имперской государственности России в таких аспектах, как развитие и столкновение течений внутри господствующей идеологии, черты самобытности российской государственности, становление идей правового государства и федеративного политико-территориального устройства России, попытки выявить и объяснить причины кризиса и краха политико-государственной системы Российской империи на рубеже XIX–XX вв., в том числе в издании «Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология»¹⁹. Специфика автономизма и унитарности, многообразие русификации в региональном измерении, по убеждениям зарубежных специалистов, позволяют оценить последствия этнополитики в сложносоставном социуме и разобраться с причинами роста национализма в контексте распада общества по междивизиационным границам.

Заключая, следует отразить, что современные исследования ставят целью изучить отдельные аспекты имперской проблематики в контексте связи политики, государства, права. Системное рассмотрение многоукладности социально-политических традиций пестрого по этнонациональному составу населения, императивности воплощения воли государства в разноуровневом бюрократическом аппарате управления относительно различных регионов, полирегионального характера социальной стратификации, преемственности в реализации разнопорядковой системы права и существенного «давления» геополитического фактора на ее эволюцию, а также сложившейся в результате формирования сложносоставного государства

совокупности разнопорядковых иерархий в обществе, государстве и праве, еще не стали предметом концептуальной систематизации в рамках идентификации империи в теоретико-правовом плане, что характеризует пока утилитарный характер теоретико-исторических юридических наук в этой сложной теме.

© Красняков Н. И., 2023

¹ См. подробнее: *Всплывающая империя* / Под ред. В. В. Аверьянова. М., 2022.

² *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.

³ *Ерошкин Н. П.* 1) Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М., 1981; 2) История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд., доп. / Под ред. А. Е. Иванова, А. Д. Степанского. М., 2008.

⁴ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной монархии в XIX в. М., 1978.

⁵ *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999.

⁶ *Геллер М. Я.* История Российской империи: В 3 т. М., 1997–2001.

⁷ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

⁸ *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сборник статей* / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010.

⁹ *Гранин Ю. Д.* Имперский характер России: исторический тупик или «окно возможностей»? // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. № 2(46). С. 68–81; *Ищенко Н. С.* Русская модель управления как механизм реализации имперской аксиосистемы // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 311–318; *Ургин И. М.* 1) Категория «имперского»: философский анализ // Философия и культура. 2014. № 11(83). С. 1584–1591; 2) Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. М., 2017.

¹⁰ *Кара-Мурза С. Г.* Между «Империей» и «Смутой»: Избранная социально-философская публицистика. М., 1996; *Империя и*

либералы. (Материалы международной конференции.)
Сборник эссе. СПб., 2001.

¹¹ Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ.; ред. и послесл. И. И. Крупника. М., 1991.

¹² Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

¹³ Комарофф Дж. Национальность, этничность и современность: политика самосознания в конце XIX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. М., 1994.

¹⁴ Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004.

¹⁵ Сунд Р. Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность» и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007.

¹⁶ Хаген М., фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005;

¹⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб., 1998.

¹⁸ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2001.

¹⁹ Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005.

С. К. Буряков*
Т. Е. Грязнова**

ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮРИСТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Проблематика внутреннего территориального строения государства, в отличие от вопросов организации верховной власти и оптимальных методов управления подвластным населением, попадает в поле зрения ученых достаточно поздно, что закономерно обусловлено, как уровнем развития политико-правовой мысли, так и, главным образом, воздействием во многом предопределяющих тематику правовых исследований общественно-политических процессов Нового времени.

Так, принципы законности, свободы и общего блага граждан, равно как и модель «смешанного государства» – результата поиска наиболее устойчивой формы организации верховных властных и управленческих структур, известны человечеству, начиная с греко-римской цивилизации. Становление современных западноевропейских национальных государств предопределило смещение фокуса политико-правовых исследований в сторону данного феномена: не случайно именно в начале XVI в. Н. Макиавелли вводит соответствующее понятие (*Stato*), а Ж. Боден

* *Буряков Сергей Константинович* – начальник Омской академии МВД России, кандидат политических наук.

** *Грязнова Татьяна Евгеньевна* – начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

чуть позднее разрабатывает теорию государственного суверенитета и предлагает классификацию государств не только по форме правления, но и по способу осуществления государственной власти.

Правовые институты Нового времени, являющие собой результат радикальных экономических, социальных и политических преобразований целого ряда европейских государств, базируясь на идеях человеческого достоинства, прав и свобод личности, формального равенства граждан, народного суверенитета и народного представительства были направлены на реализацию идеала правового государства, немислимого без рационального разделения и функционирования государственной власти с учетом многообразных территориальных и национальных особенностей.

В немалой степени интерес юридической науки к форме государственного устройства был стимулирован и появлением на политической сцене США, ставших, благодаря теоретическим разработкам авторов «Федералиста» (1787) (А. Гамильтон, Д. Мэдисон и Д. Джей) более чем на столетие эталоном государства-федерации. Неслучайно Б. Н. Чичерин писал, что «и прения Конвенции, и журнал "Федералист" ... могут служить образцом политической мудрости»¹.

Отечественная политико-правовая мысль, руководствуясь знанием о закономерностях и особенностях исторического процесса, национального менталитета и национальной культурной традиции, однозначный приоритет (за редким исключением, примером чему могут служить проекты А. Н. Радищева и Н. М. Муравьева) отдавала единой державной. К теоретическому осмыслению сложно-составных государств (империй, федераций и конфедераций) российская юриспруденция обращается лишь в по-

следнее десятилетие XIX в.: формирование гражданского общества, развитие местного самоуправления и широкое распространение идей конституционализма очевидно диссонировали с имеющим место государственным устройством.

Вполне признавая право на существование и историческую роль за империями и конфедерациями, наиболее жизнеспособной и перспективной формой государственного устройства большинство отечественных юристов считало федерацию. Так, Б. Н. Чичерин трактовал союзное государство (Bundesstaat) как «слияние нескольких государств в одно, но так, что члены сохраняют часть своей самостоятельности»². К числу его признаков автор относил: наличие сформировавшегося представления «о народе, как едином целом, хотя составленном из частей, образующих отдельные союзы»³; ограничение общегосударственной власти правами входящих в союз государственных образований, наличие федеральной армии и единой финансовой системы; исключительную компетенцию центральных органов в сфере внешней политики; наличие наряду с общегосударственным местным законодательством⁴.

Неоспоримое достоинство союзных государств правовед усматривал в присущем им «духе умеренности» и неуклонном внимании к потребностям своих территорий, давая, тем самым, «известное удовлетворение различным народностям, сохраняя при этом единство целого»⁵. «Сама по себе верховная власть, разделенная между многими центрами, не имеет достаточно сил и средств для прочного существования. Она держится ... постоянным согласием членов и общим духом, живущим в народе. Поэтому вся политика союзного государства должна быть направлена к поддержанию этого нравственного единства, а это

можно сделать только соблюдением всех интересов»⁶, – подчеркивал исследователь.

Сторонники социологической теории права, наряду с термином «Bundesstaat», широко применяли понятие «федерация». Согласно Н. М. Коркунову, федерация есть «соединение нескольких государств для совместного осуществления союзной властью общих им задач государственной жизни»⁷. В качестве признаков данной формы автор называл: наличие общесоюзного законодательства, федеральных законодательных и административных учреждений, вооруженных сил, финансов и судебной системы при сохранении «известной самостоятельности за более мелкими политическими союзами»⁸.

Ф. Ф. Кокошкин к числу вышеназванных свойств добавлял: сохранение за субъектами федерации «государственного характера», проявляемого посредством функционирования местных органов законодательной и исполнительной власти; законодательное разграничение предметов ведения союзных и местных органов; приоритет, в случае коллизий, федерального законодательства; право федеральных учреждений решать «споры о компетенции федеративных и местных властей»⁹.

В качестве принципов, лежащих в основе образования федераций, отечественные юристы называли: добровольность объединения («всеобщее соглашение»), законность, демократизм («начало самоуправления народа») и свободу самоопределения¹⁰. Неуклонное следование данным принципам, по мнению авторов, будет служить залогом соблюдения баланса интересов всех составляющих федерацию субъектов, что, в свою очередь, гарантирует прочную поддержку граждан, без которой жизнеспособность данной формы представляется весьма сомнительной. Неслучайно Ф. Ф. Кокошкин главной опорой государ-

ственного единства видел «народную психологию», «сознание всем населением общности его политических интересов»¹¹. Следует отметить, что вышеназванный перечень находил признание не у всех ученых. Так, право выхода субъектов федерации из общего союза считал неприемлемым известный теоретик федерализма А. С. Яценко¹².

Большинство российских правоведов рассматривали федерацию как наиболее прогрессивную и жизнеспособную форму государственного устройства. В связи с чем М. М. Ковалевский, например, писал: «Мы полагаем, что политический прогресс ведет в конечном исходе к созданию ... автономных политических тел, вступающих между собой в постоянные союзы или федерации...»¹³.

Однако не все разделяли подобного рода оптимизм. Так, А. С. Яценко был убежден, что федерацию вряд ли можно считать формой, в полной мере соответствующей цели «правильного политического устройства», заключающейся в «гармоническом примирении» прямо противоположных идей: политической интеграции и политической дифференциации¹⁴. Будучи одной из форм политической интеграции, безусловно, прогрессивной по отношению к «разрозненному политическому состоянию», федерация, тем не менее, всего лишь переходный этап, средство для достижения политико-правового идеала унитаризма. Анализируя исторические модели сложносоставных государств Нового времени, организованных по самым разным признакам (территориальному, национальному, административному, профессионально-экономическому), А. С. Яценко констатировал: «Федерализм... везде является одной из стадий к созданию унитарного государства»¹⁵.

Отдельного внимания применительно к сложным государствам, с точки зрения отечественных юристов, заслуживал вопрос о суверенитете субъектов их составляю-

щих. Опыт современных федераций убедительно продемонстрировал, что «отстоять понятие союзного государства можно лишь под одним условием: допустив, что суверенитет... не составляет необходимой принадлежности государства»¹⁶, отмечал Н. М. Коркунов. «Члены федерации теряют суверенитет и подчиняются суверенной власти сложного целого, которое они образуют»¹⁷, – констатировал Ф. Ф. Кокошкин. Аналогичную мысль проводил и А. С. Яценко: «Штаты, входя в состав федеративного государства, теряют свой суверенитет»¹⁸, – писал он. Таким образом, суверенитет, длительное время постулируемый в качестве главного и неотъемлемого признака государства, в конце XIX в. постепенно утрачивает приоритетные позиции, уступая место признаку власти.

В работах Ф. Ф. Кокошкина мы находим типологию административно-территориального деления субъектов федерации: полную централизацию, административную децентрализацию и законодательную децентрализацию. Первая предполагает безусловное подчинение действующих на местах органов управления центральной администрации, что было характерно для уже отжившей свой век эпохи абсолютизма. При административной децентрализации (местном самоуправлении) имеет место создание на местах юридических лиц, обладающих законодательно определенными функциями управления посредством выборных органов под контролем центральной власти. Для законодательной децентрализации характерно наличие у отдельных территорий собственных законодательных собраний и иных учреждений, организация и полномочия которых определяются преимущественно местным законодательством. Обладающие данным статусом территории Ф. Ф. Кокошкин именуется автономными краями (областями), подчеркивая их «частичную политическую само-

стоятельность» и «промежуточное положение между самоуправляющимися провинциями и несuverенными государствами»¹⁹.

Особую актуальность проблематика формы государственного устройства приобрела в российских реалиях февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., когда к чисто академическому интересу присоединился интерес практический. Россия в чрезвычайно сложных условиях социальных катаклизмов и мировой войны, только что расставшись с традиционной для российского менталитета монархической формой правления и провозгласив республику, столкнулась с необходимостью решения глобальных для построения новой государственности задач, в том числе и проблемой устройства входящих в ее состав территорий.

В преддверии, как предполагалось, окончательного решения данного вопроса Учредительным собранием, Ф. Ф. Кокошкин, исходя из объективной оценки политической ситуации, признавая преимущества федерализма, в настоящее время считал его неприемлемым для своего Отечества. Главную угрозу автор усматривал в обострении национального вопроса, причем не со стороны великорусского народа, а со стороны входящих в состав России малых национальностей, в первую очередь, Закавказья, Литвы и др. «Перед нами огромная опасность, на которую нельзя закрывать глаза, опасность колоссальная – крушение русской революции и русской республики под ударами разгоревшихся национальных страстей»²⁰, – писал он в марте 1917 г.

Констатируя невозможность построения федерации на чисто национальных началах (вследствие крайней неравномерности распределения населения, несоизмеримости занимаемых национальностями территорий, отсут-

ствия апробированного эффективного механизма представительства национальностей в верхней палате федерального собрания), а применительно к современному состоянию России и по национально-территориальному признаку, подчеркивая, что «государственное строительство имеет в каждый исторический момент свои непреложные законы»²¹, единственно приемлемым вариантом в российских реалиях Ф. Ф. Кокошкин видел широкое развитие местного самоуправления в совокупности с законодательной децентрализацией.

Как видим, в российской юридической науке конца XIX – начала XX в. были достигнуты значительные успехи в разработке теоретических аспектов формы государственного устройства: введена соответствующая терминология, предложены определения, выявлены признаки и принципы исторически наиболее значимых форм, проанализированы их преимущества и недостатки. Особого внимания заслуживает мысль авторов о роли индивидуального и общественного правосознания, как определяющего фактора жизнеспособности сложносоставных многонациональных государств.

© Буряков С. К., Грязнова Т. Е., 2023

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. III: Политика. М., 1898. С. 288.

² Чичерин Б. Н. Общее государственное право / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006. С. 184.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же. С. 194–195.

⁵ Там же. С. 204.

⁶ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. С. 286.

⁷ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. СПб., 1909. С. 151.

⁸ Там же. С. 151, 153–154, 163–172.

⁹ Кокошкин Ф. Ф. 1) Лекции по общему государственному праву / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 255–256;

-
- 2) Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 6–14.
- ¹⁰ *Чичерин Б. Н.* 1) Курс государственной науки. Ч. I. М., 1894. С. 184–185; 2) Философия права. М., 1900. С. 328–329; *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. С. 151, 153, 171; *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву. С. 257; *Ковалевский М. М.* Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С. 254, 257–258; *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 50–52, 56–57.
- ¹¹ *Кокошкин Ф. Ф.* Областная автономия и единство России. С. 14.
- ¹² *Яценко А. С.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 357.
- ¹³ *Ковалевский М. М.* Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С. 257.
- ¹⁴ *Яценко А. С.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. С. 358.
- ¹⁵ Там же. С. 370.
- ¹⁶ *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. С. 156.
- ¹⁷ *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву. С. 257.
- ¹⁸ *Яценко А. С.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. С. 328.
- ¹⁹ *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву. С. 259.
- ²⁰ *Кокошкин Ф. Ф.* Автономия и федерация. Петроград, 1917. С. 18.
- ²¹ Там же. С. 14–15.

Е. Н. Морозова*

**«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ» В ЮРИДИЧЕСКИХ
И ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Осмысление концептуального опыта российского конституционализма является собой актуальную проблему, ибо в историко-юридических исследованиях нет устоявшегося определения «конституционализм» и отсутствуют ясные формулировки в использовании этого понятия по отношению к проектам, исходящим сверху, из среды высшей правительственной бюрократии.

Само понятие «конституционализм» толкуется исследователями весьма многозначно. А. В. Гоголевский рассматривает его как «внутрисистемный реформизм, имеющий целью преобразование самодержавия в правовое государство»¹. С точки зрения Н. М. Азаркина, политико-юридическим выражением либерализма является конституционализм, представляющий «систему институционально-политических условий, необходимых для обеспечения в государстве национального суверенитета, свободы личности, демократии и права»². А. Н. Медушевский отмечает, что в России конституционализм, в основном, развивался в плане философско-правовом³.

Думается, что правы те исследователи, которые отно-

* *Морозова Елена Николаевна* – профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор исторических наук, профессор.

сят понятие «конституционализм» к широким интегративным дефинициям, у которых «не может быть однозначного хрестоматийного определения»⁴. Российский конституционализм как концепция о наилучшем государственном устройстве имел многомерный характер и различные формы.

Особое место в нем занимают конституционные проекты представителей высшей правительственной бюрократии: П. А. Валуева, П. П. Шувалова, вел. кн. Константина Николаевича, М. Т. Лорис-Меликова. Эти проекты в политико-юридической литературе относят к проектам «русского либерального конституционализма», к «сановному либерализму», к «проконституционным проектам»⁵. Однако думается, что термин «правительственный конституционализм» более соответствует содержанию тех документов, которые появились накануне Великих реформ и в постреформенный период и касались взглядов представителей правительственной элиты на переустройство государственной власти⁶.

Конституционный проект министра внутренних дел П. А. Валуева (1861–1863) исходил из объективной необходимости реформирования местного и центрального управления, пороки которого отчетливо выявила Крымская война. Он был рассчитан на одновременное проведение реформы центрального управления и земской реформы. Представительный орган создавался путем изменения состава и компетенций Государственного совета. В валуевском проекте впервые в качестве составной части конституционных идей выступает модель местного самоуправления, без которой нельзя было приступить к созданию центрального представительства, сформировать своеобразный двухпалатный парламент, ибо свыше 55 % депутатов в нижней палате представляли лица, избран-

ные на губернских земских собраниях. Идея общероссийского представительства была отвергнута императором⁷. В исторических исследованиях первой половины XX в. категорически отрицалось наличие каких-либо конституционных идей в валуевском проекте⁸. В. В. Гармиза относил его к «ублюдочным проектам Государственного совета»⁹. Более взвешенную оценку этому проекту давал П. А. Зайончковский, который считал, что, несмотря на «охранительный характер», проект министра внутренних дел объективно поставил бы «государственную власть в определенные рамки»¹⁰.

Ближе к истине, на наш взгляд, позиция тех исследователей, которые считают, что проект Валуева мог бы явиться «ступенькой к конституции» и являл собой яркий пример «правительственного конституционализма»¹¹.

Правоведы справедливо отмечают, что для начала 1860-х годов проект П. А. Валуева оптимально сочетал интересы различных кругов правящей элиты и являлся максимумом возможного с точки зрения реформирования самодержавия¹².

*Конституционные проекты П. П. Шувалова (1873–1874), вел. кн. Константина Николаевича (1880) в той или иной степени развивали концептуальные идеи П. А. Валуева, основанные на реформе Государственного совета с привлечением выборных депутатов от земств. Но эти проекты возникли уже после реализации реформ земского и городского самоуправления в условиях формирования земского либерализма, когда целый ряд российских земств выступает с заявлениями политического характера*¹³.

В отличие от предыдущих, в основе *проекта министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова (28 января 1881 г.)* лежала иная модель самоуправления, которая

должна была возникнуть в результате проведения новой земской и городской реформ. По этому проекту предполагалось создание двух подготовительных комиссий: финансовой и административно-хозяйственной (последняя имела целью пересмотр земского и городского положений). Законопроекты, подготовленные ими, полагалось вносить в Общую комиссию, которая, по сути дела, представляла нижнюю палату Государственного совета, состоящую из назначаемых лиц и депутатов от земского и городского самоуправления. Исследователи подчеркивают, что в обоих проектах (П. А. Валуева и М. Т. Лорис-Меликова) нижняя палата имела совещательные функции¹⁴. Но, в отличие от валуевского проекта, Александр II намеревался обсудить проект Лорис-Меликова 5 марта 1881 г. Однако события 1 марта прервали развитие идей «правительственного конституционализма». Последний вышел на политическую арену в начале XX в. в иных историко-политических условиях.

На новом этапе «правительственный конституционализм» формировался в условиях стремительного нарастания революционных настроений в стране, роста оппозиционности земств, которые стали важным фактором общественно-политической жизни, широкого развития земского конституционализма. Земские съезды, «банкетные кампании» показывали степень политизации общества. «Масла в огонь» «подлил» Указ от 12 декабря 1904 г. «О незыблемости основных законов». Конституционные требования земского либерализма стали самыми популярными лозунгами дня.

В этих условиях «правительственный конституционализм» не отвечал общественным ожиданиям. Его ограниченность ярко показал *конституционный проект*, представленный императору в предреволюционном 1904 г.

новым министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским, который считал, что Россия превратилась в «бочку с порохом». Исследователи отмечают, что власти, чтобы избежать взрыва, должны были сделать шаг навстречу обществу и прежде всего земской либеральной оппозиции¹⁵. Это был последний проект «правительственного конституционализма», в основе которого лежала новая земская реформа. Очевидно, что идеи министра внутренних дел имели преемственность с проектами второй половины XIX в. Речь шла о реформе Государственного совета с привлечением выборных от земских губерний, что должно было укрепить социально-политическую опору режима¹⁶. Но если на предыдущем этапе привлечение земских лидеров к управлению являлось мерой, в определенной степени, новаторской, то накануне Первой русской революции она не устраивала ни правительство, ни общество.

Правительство было вынуждено считаться с господствующими настроениями. 3 февраля 1905 г. министры высказались за введение народного представительства, а Николай II 18 февраля подписал рескрипт новому министру внутренних дел А. Г. Булыгину о создании законосовещательного органа с привлечением выборных от населения. Характеристике «булыгинской думы» посвящен широкий круг историко-юридической литературы¹⁷. Характеризуя Манифест от 6 августа 1905 г., исследователи считают, что впервые в истории России вводился всеобщий выборный орган. Цель законопроекта – «инкорпорировать Думу в самодержавный режим с минимальными затратами» для власти, что являлось удачным «компромиссом между стремлением бюрократии и общества к реформам и инертностью самодержавия» и стало «крупным» его «отступлением»¹⁸. Но формальный анализ плюсов

и минусов этого законопроекта не отменяет того факта, что «булыгинская дума» не только не стабилизировала обстановку в стране, но и способствовала эскалации революции.

Таким образом, исследователи (юристы, историки, политологи) признают наличие «правительственного конституционализма», выступающего под различными терминами. На первом этапе конституционные идеи обязательно включали в себя определенную модель земского самоуправления (Валуев), использование уже существующих органов местного самоуправления (Шувалов, вел. кн. Константин Николаевич) или зиждились на идеях проведения новых реформ самоуправления (Лорис-Меликов), без которых невозможно было создать конституционный порядок в России. Эти проекты носили весьма умеренный характер и не представляли собой кардинальных изменений, ибо все исходило из проектов реформирования Государственного совета. В целом правительственный конституционализм как концепция переустройства государственной власти, основывался на кардинальных идеях: сохранения самодержавия, административной децентрализации (деконцентрации власти), предусматривающей передачу части правительственных полномочий из центра в руки местного самоуправления. Эти проекты можно отнести к нереализованным альтернативным путям развития России.

Однако, если «правительственный конституционализм» начала 1860-х – начала 1880-х годов отвечал объективным потребностям развития России в постреформенный период, то «правительственный конституционализм» начала XX в. уже не соответствовал общественным ожиданиям. Проект П. Д. Святополк-Мирского во многих своих позициях был «калькой» предыдущих идей. «Булыгин-

ская дума» была определенным шагом к созданию всесловного законосовещательного органа. Однако горизонт общественных ожиданий был завышен в предреволюционные и революционные годы. Пропасть между властью и обществом расширялась. Правительство было вынуждено пойти на подписание Манифеста 17 октября 1905 г., который, по сути дела, завершил историю «правительственного конституционализма» второй половины XIX – начала XX в.

© Морозова Е. Н., 2023

¹ Гоголевский А. В. Русский либеральный конституционализм // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. М., 2000. С. 18.

² Азаркин Н. М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 89.

³ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1996. С. 34, 56, 64.

⁴ Шайо А. Самоограничение власти (Краткий курс конституционализма). М., 2001. С. 21.

⁵ Хандорин В. Г. Проконституционные проекты представителей либеральной бюрократии 60-х – начала 80-х годов XIX века: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 20.

⁶ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 60-х до начала 80-х гг. XIX в. М., 1978. С. 41.

⁷ Морозова Е. Н. Подготовка земской реформы: проекты П. А. Валуева // Известия Саратовского университета. Новая серия: История. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 82–91.

⁸ Цейтлин С. Я. Земская реформа // История России в XIX веке: В 3 т. Т. 3. Ч. 2. Вып. 11–12. Б. м., б. г. С. 219; Покровский М. Н. Избранные произведения: В 2 кн. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1965. С. 426.

⁹ Гармица В. В. Подготовка земской реформы. 1864 г. М., 1957. С. 248.

¹⁰ Зайончковский П. А. П. А. Валуев (Биографический очерк) // Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 37.

-
- ¹¹ *Хандорин В. Г.* Проконституционные проекты представителей либеральной бюрократии 60-х – начала 80-х годов XIX века: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 20.
- ¹² *Гоголевский А. В.* Русский либеральный конституционализм // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. С. 17.
- ¹³ *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 127–138.
- ¹⁴ *Мамонов А. В.* П. А. Валуев и М. Т. Лорис-Меликов: два взгляда на реформирование России // Россия и реформы. Т. 3. М., 1995. С. 187.
- ¹⁵ *Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты. 1906–1907 гг. Пермь, 1995. С. 23–34; *Леонтьева Ю. А.* Проект реформ П. Д. Святополк-Мирского и его влияние на внутреннюю политику Российского государства в начале XX в. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 111–112.
- ¹⁶ *Леонтьева Ю. А.* Проект реформ П. Д. Святополк-Мирского и его влияние на внутреннюю политику Российского государства в начале XX в. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 112.
- ¹⁷ *Медушевский А. Н.* Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России: XVIII – начало XX вв. М., 2000. С. 95–166; *Лукоянов И. В.* Сановники и реформы в 1905 г.: от 9 января к актам 18 февраля // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. М., 2017. С. 311–336; *Кузнецов А. А.* На пути к выборам в III Государственную думу: об истории Булыгинского избирательного закона // Власть. 2016. Т. 24. С. 137–143.
- ¹⁸ *Циунчук Р. А.* Идея народного представительства в 1904–1905 гг.: от совещательной к законодательной модели // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 1. С. 86; *Новосельский С. С.* «Булыгинская дума»: представительство без власти или власть без представительства? // История и архивы. 2021. № 3. С. 39.

А. В. Лапаева*

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ РОССИЙСКИХ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

В современных российских политико-правовых реалиях особую ценность представляет опыт исторического наследия выдающихся теоретиков правовой мысли, разработавших уникальные модели конституционного переустройства страны в начале XX столетия. Остановимся на государственно-правовых воззрениях С. А. Котляревского, В. М. Гессена и Ф. Ф. Кокошкина.

С. А. Котляревский начал заниматься проблемой конституционного государства с 1900-х годов. Особое внимание в своих работах правовед уделял вопросу либеральных реформ, становлению гражданского общества и правового государства¹. В 1907–1909 гг. С. А. Котляревский защитил диссертации на степень магистра и доктора государственного права – «Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора» и «Правовое государство и внешняя политика». С 1909–1917 гг. ученый занимался профессорско-преподавательской деятельностью в Московском университете. В начале 1900-х годов С. А. Котляревский являлся непосредственным участником нелегальных земско-городских съездов, членом совета «Союза освобождения». Совместно с Ф. Ф. Кокошкиным

* *Лапаева Ангелина Вячеславовна* – исполняющий обязанности заведующего кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, кандидат юридических наук, доцент.

разработал либеральный проект конституции, выражавший интересы российских либералов-конституционалистов. В этот период вышел в свет первый научный труд С. А. Котляревского «Совещательное представительство»². Ученый считал государство главным двигателем общественного прогресса³. Содержание взглядов виднейшего теоретика было пропитано идеей формирования правового государства в России.

Под конституционным государством ученый понимал такую политическую форму, при которой всей совокупности народа принадлежит политическое самоопределение⁴. По его мнению, в конституционном государстве, в отличие от абсолютистского, «обязанность власти относительно сограждан облекается в строго-юридическую форму». Выступая против отождествления конституционного и правового государства, ученый указывал, что правовое государство может быть осуществимо только через конституционный строй⁵. Однако предпосылки формирования правового государства в современной ему России еще не были сформированы, поэтому требовалась, по мнению ученого, прежде всего, модернизировать государственное устройство страны.

Придерживаясь принципа единства и неделимости России, С. А. Котляревский полагал, в то же время, что сильная центральная власть совместима с децентрализацией, с существованием местных законов. Указанного можно было достичь путем предоставления статуса автономий территориям, обладающим необходимой для этого культурной и правовой зрелостью⁶. Ученый отстаивал идею октроированной монархической конституции и ограничения самодержавного строя фундаментальными конституционными гарантиями.

В. М. Гессен – известный общественный и политиче-

ский деятель, доктор права определял политическое развитие государства как переход от сословного общества к гражданскому, а, следовательно, от абсолютизма к конституционной монархии. Ученый являлся явным сторонником радикальных конституционных реформ. Выдающимися научными трудами, оказавшими значительное влияние на общественное сознание, стали следующие работы: «Современные конституции: Сборник действующих конституционных актов», «Теория конституционного государства», «О правовом государстве», «На рубеже».

Стержневой проблемой в творчестве В. М. Гессена являлась концепция правового государства – государства, которое в своей деятельности, в осуществлении правительственных и судебных функций связано и ограничено правом, стоит под правом, а не вне и над ним⁷. Ученый относился к тем представителям российского конституционализма, которые отождествляли понятия конституционного и правового государства. Он утверждал: «только конституционное государство является государством правовым. Правовое и конституционное государство – синонимы»⁸.

Форму правления, которая установилась в России после 1905 г., В. М. Гессен определял, как дуалистическую монархию. При этом «любое дуалистическое государство, – писал он, – постоянно живет под дамокловым мечом государственного переворота»⁹, что обусловило собой, в частности, и историческую неизбежность государственного переворота в России 3 июня 1907 г., а также последовавших затем конституционных кризисов.

Рассматривая государственно-правовые воззрения теоретиков российского конституционализма начала XX в., следует обратиться к идейному наследию Ф. Ф. Кокошкина. Ученый являлся сторонником развития

гражданского общества и правового государства. Формирование его научных и политических взглядов проходило под значительным влиянием не только российской, но и западноевропейской политической мысли. Ф. Ф. Кокошкин, будучи знаменитым общественным деятелем, считался главным экспертом, выступавшим с трибуны по самым острым вопросам права. К ним относились организация народного представительства на началах всеобщего голосования, проблемы автономии, децентрализации и федерализма в целом, и проблема автономии царства Польского, в частности¹⁰.

Идея правового государства стала ключевой в творчестве Ф. Ф. Кокошкина. Исследования ученого были посвящены вопросам гражданской свободы, народного представительства, прав национальностей и децентрализации законодательства и управления, а также областной автономии и единства России. Теория права рассматривалась им с позиции позитивизма, анализа правовых норм в связи с социально-политической системой в целом. Государство считалось правовой конструкцией юридического лица, что предполагало наличие договорных отношений государства и общества, центрального правительства и федеративных образований, основанных на признании взаимных прав и обязанностей¹¹.

Знаменитый курс – «Лекции по общему государственному праву» – был посвящен философским началам общего государственного права, основанным на опыте германской юриспруденции, в частности, учении о государстве Еллинека. Под правовым государством Ф. Ф. Кокошкин понимал такое государство, которое в своих отношениях к подданным связано правом, подчиняется праву. Государство, члены которого по отношению к нему имеют не только обязанности, но и права, являются не только под-

данными, но и гражданами¹². Государство предоставляет гражданам совокупность гарантий, отраженных в конституции и в то же время оно должно само подчиняться нормам права. Следовательно, обосновывается необходимость сильной, но в то же время действующей в рамках права власти.

Подводя итоги, отметим, что выдающиеся представители российского конституционализма начала XX в. внесли неоценимый вклад в развитие правовых идей о моделях конституционного (правового) государства, которое рассматривалось с позиции таких основополагающих положений, как народный суверенитет, представительное правление, принцип разделения властей, федерализм, права и свободы человека и гражданина. В настоящее время при изучении проблем современного конституционализма исследователям необходимо обращать особое внимание на исторический опыт страны, генезис теорий становления конституционного государства. Именно таким образом можно дать ответы на вопросы, связанные с перспективами развития конституционного устройства в России.

© Лапаева А. В., 2023

¹ *Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия.* М., 2005. С. 215.

² Там же. С. 216.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ *Котляревский С. А.* Правовое государство и внешняя политика. М., 1993. С. 34.

⁶ *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 57.

⁷ *Антология мировой правовой мысли: В 6 т. Т. 5: Россия, конец XIX – начало XX вв.* / Под ред. И. А. Исаева. М., 1999. С. 289.

⁸ *Гессен В. М.* О правовом государстве. СПб., 1913. С. 19.

⁹ *Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия.* М., 2005. С. 60.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Российские либералы: Сборник статей /* Под ред. П. С. Итенберга, В. В. Шелохаева. М., 2001. С. 218.

¹² *Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву.* М., 1912. С. 261.

Т. А. Матиенко*

РОССИЙСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА О ПОНЯТИИ И НАЗНАЧЕНИИ ДОЗНАНИЯ

Изучение исторического опыта правопонимания, познания права и его отдельных институтов всегда ценно, поскольку не только служит сохранению и преемственности накопленных знаний, но и создает основу для построения новых теоретических моделей. Российское теоретическое и практическое правоведение в его текущем состоянии озабочено проблемой концепции предварительного расследования, вызванной несовершенством его правового регулирования¹. В научной дискуссии о досудебном производстве актуализирован вопрос о дознании². В стремлении его наиболее полного раскрытия и разрешения на научной основе наши современники из сферы науки и практики уголовного процесса обращаются к богатейшему наследию российского историко-правового опыта, делая смелые предложения о реставрации дореволюционных и/или советских процессуальных положений и институтов в новой российской концепции предварительного расследования³.

Однако взгляд исследователя, обремененного историко-правовым познанием, заставляет критически оценить такие посылы удовлетворения практических потребностей текущего уголовного-процессуального законодательства и правоприменения сквозь призму исторической ретро-

* Матиенко Татьяна Львовна – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

спективы. И если обращение к советскому наследию в части организации и правового регулирования дознания вполне может быть оправдано фактом сохранения, а иногда и реверсии положений УПК РСФСР 1960 г. в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, то апелляция к уголовно-процессуальному законодательству и, тем более, теории уголовного процесса второй половины XIX – начала XX в. вызывает, если не возражения, то сомнения.

На текущем этапе ученые-процессуалисты полемизируют об оценке правовой природы и характера дознания в правовой теории и уголовно-процессуальном законодательстве второй половины XIX – начала XX в., высказывая диаметрально противоположные точки зрения. Одни авторы утверждают, что дознание «осуществлялось не по процессуальным правилам и носило административный характер»⁴, было «административной процедурой»⁵, другие считают, что «дознание представляло собой самостоятельную процессуальную форму»⁶ или характеризуют его как «прокурорское дознание»⁷. Отсутствие удручающей скуки единогласия, хотя и вносит необходимую искру в процесс познания, но в таком важном вопросе для юридической практики, как правовое регулирование досудебного производства, напротив, отдалает его столь необходимое разрешение. Отсюда важность правильной оценки достижений дореволюционной теории уголовного процесса в вопросе о дознании.

Российская юридическая наука во второй половине XIX – начале XX в. характеризуется качественно новым уровнем развития, формированием новых подходов к правопониманию и стремительным развитием отраслевых юридических наук⁸. И этого нельзя отрицать, однако в области разработки теоретических положений о понятии

и назначении дознания, вряд ли она заслуживает высокой оценки в большинстве случаев. М. А. Чельцов-Бебутов справедливо упрекнул процессуалистов эпохи Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в том, что «они были едины в стремлениях защитить принципы организации суда и процесса по Уставам»⁹. И это в полной мере можно отнести к вопросу о дознании. Не обременяясь цитированием из трудов дореволюционных российских процессуалистов, оно и без этого обильно на страницах нашей современной научной печати, причем с повторением одних и тех же мест из них, и оправдываясь требованиями емкости, ограничимся общим знаменателем достижений теории уголовного процесса по данному предмету познания.

Вопрос о дознании был производным от проблемы противоречивости состязательного судебного следствия (судебной стадии уголовного преследования) и инквизиционного (розыскного) предварительного следствия, второстепенным, практически не вызывал дискуссий и разрешался преимущественно разъяснением и комментированием прав и обязанностей полиции в досудебном производстве. Пытаясь раскрыть сущность и назначение дознания, процессуалисты исходили не из абстрактных представлений (теории), а исключительно из концепции уголовного судопроизводства, воплощенной в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), основанной на разделении административной и судебной властей; отделении «власти обвинительной» от «от власти судебной»¹⁰; принадлежности предварительного следствия к судебной деятельности с задачей его субъекта – судебного следователя – собирать доказательства вины и невиновности лица, подозреваемого в преступлении, и разрешить вопрос о предании его суду; отделении от

предварительного следствия дознания¹¹. Поэтому все процессуалисты трактовали дознание в духе УУС как деятельность полиции (или все меры ею предпринимаемые) в целях установления факта преступления (то есть его признаков в происшествии), лиц к нему причастных, в особенности подозреваемых в его совершении, выяснения всех обстоятельств дела (причин и условий, способствовавших преступлению), сбора и сохранения улик, розыска виновных и похищенного имущества¹². При этом процессуалисты подчеркивали, что дознание – это деятельность не юридическая¹³, не судебная¹⁴, полиция собирает только материал, необходимый для возбуждения судебного преследования, а не доказательства по уголовному делу¹⁵, то есть имеющая субсидиарный характер по отношению к предварительному следствию и обвинению, и к тому же преимущественно негласная¹⁶. Таким образом, в дореволюционной теории уголовного процесса дознание понималось как предметно-практическая негласная деятельность полиции, направленная на раскрытие преступления.

Вызревание теоретических представлений о дознании прослеживается только в работах В. К. Случевского¹⁷ и И. Я. Фойницкого¹⁸ и построено на обобщении практики. Эти авторы ратовали за подчинение дознания прокуратуре, как органу обвинения, но не отрицали его негласного характера и общепризнанной трактовки, исходящей из идеи о целях уголовного судопроизводства о том, что «все действия, предшествующие решению дела, должны быть направлены к получению удостоверения в действительном совершении преступлений обвиняемым и в степени его виновности»¹⁹. Из всех разработчиков науки уголовно-процессуального права только И. Я. Фойницкий

возвысился до трактовки дознания как «первой ступени в ходе уголовного процесса»²⁰ и только в качестве оговорки.

Поляризация взглядов наших современников в распознавании природы и характера дознания во второй половине XIX – начале XX в. оправдана, поскольку вызвана противоречием в самом предмете познания, а именно несоответствия представлением о нем в правовой теории и его конструкцией в уголовно-процессуальном законодательстве, быстроменяющемся в условиях активизации оппозиционных общественных движений, в том числе и откровенно террористических, и революционных. И этот аспект истории российского дознания требует отдельного изучения.

© Матиенко Т. А., 2023

¹ Головкин Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года. М., 2012. С. 24–31; Александров А. С., Поздняков М. А. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25). С. 78–82; Джамиев М. Р. Правовая форма и содержание досудебного производства по уголовному делу: образ желаемого будущего // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 186–190; Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Критика современного УПК РФ: обоснованность, научность, прикладной характер // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 16–22; Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22–28; Качалова О. В. Пределы упрощения уголовного судопроизводства: критический анализ // Российское правосудие. 2019. № 3. С. 62–67.

² Гирько С. И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме? // Российский следователь. 2014. № 5. С. 22–27; Гаврилов Б. Я.

Протокольная форма досудебного производства – генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 12–18; Лазарева В. А., Ярыгина Л. А. Полицейское дознание как базовая модель упрощенного судопроизводства // Уголовное право. 2016. № 4. С. 101–109; Шпагина Ю. В. Об ускоренном досудебном производстве как виде уголовно-процессуальной деятельности полиции // Академическая мысль: сетевое издание. 2019. № 3(8). С. 131–135.

³ Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ накануне очередной реформы (мнение ученого и практика) // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 137–141; Цоколова О. И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7(44). С. 1440–1445; Бажанов С. В. Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в становлении концепции полицейского дознания в отечественном уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 70–72; Мичурина О. В. Краткий очерк Устава уголовного судопроизводства в части регламентации дознания и необходимости заимствования его отдельных положений в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 116–118; Цоколова О. И. Устав уголовного судопроизводства Российской империи и современные проблемы процессуального реагирования на совершенное преступление // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 88–91; Гирько С. И. Краткий экскурс в полицейское дознание или вопрос о возможности имплементации отечественного опыта в настоящем и будущем // Colloquium-Journal. 2019. № 9(33). С. 166–172; и др.

⁴ Мичурина О. В. Дознание: теоретические основы и процессуальные особенности производства в органах внутренних дел. М., 2007. С. 18.

⁵ Григорьев В. Н. Устав уголовного судопроизводства как источник изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7(44). С. 1410.

⁶ Гирько С. И. Некоторые характеристики полицейского

дознания по процессуальному законодательству России XVIII–XIX вв. // *Colloquium-Journal*. 2019. № 10(34). С. 156.

⁷ *Гирько С. И., Скударева Н. И.* «Прокурорское дознание» в уголовном судопроизводстве Российской империи и возможность его имплементации в современных условиях // Научный портал МВД России. 2012. № 3(19). С. 6.

⁸ Подробнее см.: *Грязнова Т. Е.* Инновации в российской юридической науке второй половины XIX – начале XX вв. // *Юридическая техника*. 2021. № 15. С. 148–151.

⁹ *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 814.

¹⁰ *Основные положения преобразования судебной части в России: [Проект].* Б. м., 1862. С. 17.

¹¹ *Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией.* Ч. 2. СПб., 1867. С. 112–113.

¹² *Квачевский А. А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: В 3 ч. Ч. II. СПб., 1867. С. 3–7, 64; *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Вып. 1–2. СПб., 1891–1892. С. 519, 525–526, 620; *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1896. С. 74; Т. 2. СПб., 1910. С. 357, 361–362, 369, 378; *Макалинский П. В.* Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах: В 3 ч. Ч. II. Вып. I. СПб., 1901. С. 18; *Давыдов Н. В.* Уголовный процесс. М., 1907. С. 107; *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 316–317, 321; *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. СПб., 1914. С. 415.

¹³ *Квачевский А. А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. С. 70–71.

¹⁴ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1896. С. 356, 374.

¹⁵ *Макалинский П. В.* Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. С. 19.

¹⁶ *Квачевский А. А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным

уставам 1864 года. С. 67; *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. С. 316–317, 322; *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 43; Т. 2. С. 363, 365; *Мордухай-Болтовской В. П.* Сборник узаконений для руководства чинов полиции и корпуса жандармов при исследовании преступлений по судебным уставам 20 ноября 1864 года и правилам, высочайше утвержденным 19 мая 1871 года. СПб., 1875. С. 52–55, 64, 66, 83, 91; *Тимановский А.* Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра Второго. За двадцать пять лет (1866–1891). Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. 2000 тезисов. Варшава, 1892. С. 270.

¹⁷ *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. С. 519–527.

¹⁸ *Фойницкий И. Я.* 1) Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. С. 341–369; 2) Как мы провели 1878? (Законодательная хроника) // Сборник юридических статей и исследований с 1870 года. Т. 2. СПб., 1900. С. 319

¹⁹ *Судебные* уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений ... Общие положения уголовного судопроизводства. С. III.

²⁰ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. С. 357.

Н. Н. Ефремова*

ДОРЕФОРМЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК ПРЕДМЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Интерес к истории отечественного правосудия особенно вырос в последнее тридцатилетие, что было вызвано начавшейся в 1991 г., в постперестроечный период, судебной реформой и прежде всего в связи с тем, что ее концепция была основана на основных положениях так называемой Великой судебной реформы 1864 г., учредившей формально независимую судебную власть. Тем самым было положено начало конституционализму в российском законодательстве и практике. Публикации конца XX в., так же, как и пореформенные дореволюционные, в основном пели ей панегирик, по сути, забывая о том, что путь к независимой судебной власти был долг и нелегок в условиях абсолютизма и имперского устройства государства и что было пройдено несколько предшествовавших этапов в процессе институционального и функционального обособления ее от законодательной и исполнительной власти, объединенных в руках главы государства – императора всероссийского. Дореформенная судебная органи-

* *Ефремова Надежда Николаевна* – профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского государственного педагогического университета; профессор кафедры истории государства и права юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук, профессор.

зация в этом контексте упоминалась лишь в резко критическом плане. Более того, системных исследований дореформенной организации суда не проводилось. Разумеется, судоустройство, и в особенности судопроизводство того периода, было в чем упрекнуть. Неслучайно в начале XIX в. необходимость замены последнего осознавало и правительство, поэтому именно его и хотело в первую очередь реформировать, однако в ходе подготовки проектов реформы пришло осознание взаимосвязанности организации суда и процесса и необходимости их одновременной модернизации.

Вместе с тем, сложившаяся в первой половине XIX в. судебная система, прошла несколько этапов в своем становлении, на которых претерпевала как реформы, так и контрреформы, которые в указанный период в доктрине не исследовались. Были отдельные труды, в которых затрагивались отчасти либо изменения в судоустройстве, либо судебном процессе в имперский период. Среди них можно назвать несколько, темы которых позволяют понять их предмет, хотя в большей мере они посвящены не специально дореформенной судебной организации, но отдельные вопросы с ней связанные затрагивают¹. В первую очередь, это некоторые труды дореволюционных авторов. К. Д. Кавелин в работе «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях»² охарактеризовал отечественное судоустройство в связи с анализом гражданского судопроизводства за период с 1649 г. по 1775 г. Ф. М. Дмитриев в своем труде «История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях»³. охватил более широкий исторический период. В справочном издании К. Троцины «История судебных

учреждений в России»⁴ была кратко изложена информация по истории судебных органов России до 1842 г. со ссылками на соответствующие нормативные акты, определявшие их устройство и компетенцию. Говоря о системном подходе к изучению и исследованию дореформенной юстиции, можно отметить труд Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, посвященный анализу причин проведения судебной реформы и ее хода. В связи с чем в нем также было обращено некоторое внимание на попытки отделения судебной власти от администрации в правление Петра I и Екатерины II, а также изменения в судебной системе при Александре I. Сделано это было в критическом ключе, позволяющем отчетливее оттенить прогрессивность преобразований Александра II.

В советской историографии критическое отношение к дореформенному правосудию (как, впрочем, и пореформенному правосудию) сохранилось прежде всего по идеологическим основаниям. В этой связи следует отметить монографию профессора Б. В. Виленского, первым посвятившего ее причинам и истории подготовки судебной реформы 1864 г., в которой он, подобно дореволюционным исследователям, названным выше, описал главные недостатки дореформенной юстиции⁵. Но в целом специальных исследований о дореформенной юстиции Российской империи не появилось.

Интерес к этой теме возник в связи с задачей перехода от советской организации суда, действовавшего до перестройки в рамках принципа полновластия советов, к суду, надлежаще организованному, независимому в рамках принципа разделения властей, соответствующему демократическому правовому государству. Поэтому до некоторого сходства с этим ситуация перехода от дореформенного к пореформенному суду в имперский период обу-

словливалась возможность обращения к историческому отечественному опыту трансформации объединенной судебно-административной модели в новую прогрессивную модель независимого суда. Имперский суд к этому пришел, как было уже указано выше, через реформы Петра I, Екатерины II и Александра II.

При этом, разумеется, не следует преувеличивать независимость статуса пореформенного суда, реальность которой ограничивали контрреформенные мероприятия правительства и ряд других факторов и обстоятельств. Не говоря уже о том, что новый суд не был введен на всей территории Империи. Но и недооценивать также не стоит: это была прогрессивная трансформация юстиции, которая прошла три этапа своего развития.

В контексте избранной темы статьи следует остановиться на историографии постсоветского периода относительно двух первых названных этапов. Первой работой стала монография Н. Н. Ефремовой, которая была посвящена судоустройству Российской империи рассматриваемого периода. В ней были системно проанализированы судебные реформы Петра I и Екатерины II, которые до этого времени не становились предметом специальных исследований, но в ходе которых были осуществлены попытки функционального и институционального разделения судебных и административных органов на местах⁶. Был установлен сословный характер местных судов, который уже обеспечивал внутрисословное процессуальное равенство подданных, что также было шагом к установлению суда равного в ходе судебной реформы Александра II.

Впоследствии появились работы, касающиеся отдельных проблем организации дореформенного суда. Однако тема не исчерпана, в ней остаются «белые пятна», требу-

ющие осмысления в целях понимания истоков и причин недостатков в реализации тех или иных прогрессивных принципов и институтов современной отечественной юстиции, формально установленных, но в действительности полностью не воплощенных.

Эти и другие соображения, по мнению автора, обуславливают потребность в уделении бóльшего внимания дореформенному суду в современной историографии и историко-правовой доктрине как самостоятельному предмету, по своему значению не уступающему теме преформенной юстиции, которая стала завершенной моделью в построении прогрессивного для своего времени имперского суда.

© Ефремова Н. Н., 2023

¹ См. подробнее: *Ефремова Н. Н.* 1) Историография проблемы становления отечественного правосудия в XVIII – первой половине XIX в. // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2008. № 2(31). С. 51–56; 2) Понятие российского правосудия дореформенного периода в контексте отечественной историографии // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки».* 2012. № 2(10). С. 38–44.

² *Кавелин К. Д.* *Собрание сочинений.* Т. 4. СПб., 1900. Стб. 205–420.

³ *Дмитриев Ф. М.* *История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях.* М., 1859.

⁴ *Троцина К.* *История судебных учреждений в России.* М., 1851.

⁵ *Виленский Б. В.* *Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России.* Саратов, 1963.

⁶ *Ефремова Н. Н.* *Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX вв. историко-правовое исследование.* М., 1993.

А. В. Матвеев*

ИСТОРИЯ СЛУЖБЫ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ПРЕДМЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На современном этапе развития глобального общества особо актуальным становится вопрос обеспечения государственной безопасности, как внешней, так и внутренней. Поисками оптимальной модели обеспечения внутренней безопасности государства, общества и личности заняты государственные деятели, профессионалы силовых структур и ведомств, а также широкая научная общественность, в том числе ученые историки и юристы. Поиски новых, актуальных способов обеспечения безопасности представляются бессмысленными без учета уже накопленного исторического опыта. Как верно отметил историк Ф. М. Лурье, причины происходящего с нами сегодня покоятся в глубинах минувшего, и в попытках сопоставления прошлого с настоящим, успех зависит от умения воспользоваться уроками истории¹. Обширный опыт обеспечения внутренней и внешней безопасности государства был накоплен Российской империей в конце XIX – начале XX в. Российская империя находилась в состоянии политической нестабильности, которое выражалось в многочисленных волнениях народных масс, росте оппозиционного движения, внутригосударственных кон-

* *Матвеев Антон Владимирович* – старший инспектор отделения правового обеспечения Санкт-Петербургского кадетского корпуса Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

фликтах.

В целях защиты государственного строя от внутренних и внешних угроз была создана разветвленная сеть специальных органов – органов политической полиции, которые занимались политическим сыском. Одним из методов политического сыска являлось наружное наблюдение за подозреваемыми в совершении государственных преступлений, который осуществляли специальные субъекты – филёры, сотрудники службы наружного наблюдения Российской империи².

Первые публикации, посвященные в том числе вопросам истории создания и развития службы наружного наблюдения в Российской империи, увидели свет после февральской революции 1917 г. На основе документов органов политического сыска авторы А. Волков, В. Б. Жилинский, В. Я. Ирецкий, М. А. Осоргин, С. Б. Членов и др.³, описывали структуру «царской охранки», раскрывали конкретные персоналии секретных агентов и филёров, характеризовали специфику деятельности охранных отделений.

Подробно о деятельности службы наружного наблюдения читателю впервые рассказали в 1920-х – 1930-х годах бывшие руководители органов политического сыска П. П. Заварзин, А. И. Спиридович, К. И. Глобачев, В. Д. Новицкий⁴ в своих мемуарах. Мемуары имеют особую ценность в связи с тем, что в них подробно описаны многочисленные примеры эффективного использования руководством политической полиции службы наружного наблюдения, проиллюстрированы громкие аресты государственных преступников, ликвидации мастерских по изготовлению бомб, нелегальных типографий и т. д.

В 1960-х годах были опубликованы научные труды ученых Р. С. Мулукаева, Д. И. Шинджикашвили, А. Н. Яр-

мышья⁵, которые основываясь на архивных материалах, дали комплексную оценку деятельности Министерства внутренних дел Российской империи, охарактеризовали его структуру, в том числе место в ней службы наружного наблюдения.

Дальнейшее развитие интереса исследователей к истории органов политической полиции Российской империи и службы наружного наблюдения, в частности, приходится на период 1980-х – 1990-х годов, когда произошло открытие свободного доступа к архивам деятельности политической полиции Российской империи. В своих научных исследованиях ученые Л. И. Тютюнник, З. И. Перегудова, А. А. Миролубов, Ю. Ф. Овченко, М. И. Сизиков, А. В. Борисов, М. Е. Скрипилев⁶, в качестве предметов изучения избрали отдельные подразделения Министерства внутренних дел Российской империи, однако, служба наружного наблюдения не выступила в качестве предмета отдельного научного исследования. Исследователи Ф. М. Лурье, Ч. А. Рууд, С. А. Степанов⁷ в своих трудах дали описательную характеристику службы наружного наблюдения, раскрыли внутреннюю структуру охранных отделений, проиллюстрировали специфику служебной деятельности филёров, привели многочисленные примеры самоотверженных служебных подвигов выдающихся филёров.

В XXI в. интерес к исследованию истории органов политической полиции Российской империи не ослаб. Особое место среди ученых, посвятивших свои исследования органам политической полиции Российской империи, занимает З. И. Перегудова. В 2000 г. опубликован фундаментальный труд, посвященный политическому сыску в Российской империи – монография З. И. Перегудовой «Политический сыск России, 1880–1917»⁸. В проведённом

З. И. Перегудовой исследовании, на основе обширного архивного материала, выстроена структура органов политической полиции, определены их функции, дана подробная характеристика основных методов работы. Особое внимание в монографии уделено службе наружного наблюдения. З. И. Перегудова прослеживает основные этапы исторического развития службы филёров, приводит уникальные факты из их служебной деятельности. Отдельно З. И. Перегудова останавливается на биографии и вкладе в развитие службы филёров Е. П. Медникова, заведующего наружным наблюдением Департамента полиции.

2000 год стал поистине знаменательным для истории изучения службы наружного наблюдения Российской империи, так как помимо монографии З. И. Перегудовой в этом году была защищена диссертация С. Н. Жарова⁹, который провёл основательное исследование нормативной базы деятельности политической полиции, в частности службы наружного наблюдения. В своей диссертации С. Н. Жаров посветил отдельный параграф нормативному регулированию службы филёров, в рамках которого выявил ряд нормативных актов, регулировавших вопросы деятельности службы наружного наблюдения, определил основные этапы становления и развития службы филёров, а также описал взаимосвязь наружного наблюдения с иными методами политического сыска.

В период с 2000 г. по настоящее время защищены ряд диссертационных работ таких авторов как М. А. Аракелян, Т. М. Лаврик, С. Ю. Плужников, Т. А. Матиенко, А. Ю. Кеклис, Д. А. Бакшт и др.¹⁰, которые посвятили свои труды органам политической полиции. В исследованиях данных авторов в том числе затрагивается проблематика организации и функционирования службы наружного наблюдения в региональном аспекте. При этом

организация и деятельность наружного (филёрского) наблюдения не являлась предметом специального исследования, авторы акцентировали свое внимание прежде всего на задачах охранных отделений, жандармских управлений, и результативности их решения.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что к вопросам генезиса и развития службы наружного наблюдения Российской империи в своих исследованиях обращались многие отечественные ученые, однако, предметом специального комплексного научного исследования служба наружного наблюдения не выступала до недавнего времени. Внесенный учеными вклад в изучение истории службы наружного наблюдения позволил автору настоящей статьи осуществить попытку рассмотрения наружного наблюдения в триединстве различных контекстов: как государственно-правового института, как подразделения политической полиции и как метода оперативно-разыскной деятельности, в рамках самостоятельного диссертационного исследования¹¹. Вместе с тем, несмотря на наличие множества трудов, посвященных, так или иначе, службе наружного наблюдения, в науке остается обширное пространство и перспективы для будущих исследований этой проблематики.

© Матвеев А. .В, 2023

¹ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649–1917. СПб., 1992. С. 4.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 261. Д. 68. Л. 70.

³ Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917; Жилинский В. Б. Организация и жизнь Охранного отделения во времена царской власти. М., 1918; Ирецкий В. Я. ... Охранка: Страница русской истории. Пг., 1917; Осоргин М. А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917; Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники: По данным комиссии по обеспечению нового строя. С приложением

списков сотрудников, опубликованных Комиссией. М., 1919; и др.

⁴ *Заварзин П. П.* Работа тайной полиции. Париж, 1924; *Спиридович А. И.* Записки жандарма. М., 1991; *Глобачев К. И.* Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под. ред. З. И. Перегудовой. М., 2009; *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

⁵ *Мулукаев Р. С.* Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; *Шинджикашвили Д. И.* Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973; *Министерство* внутренних дел царской России в период Первой русской революции. Омск, 1974; *Ярмыш А. Н.* Политическая полиция (1880–1904 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1978.

⁶ *Тютюнник Л. И.* Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Перегудова З. И.* Департамент полиции в борьбе с революционным движением: (Годы реакции и нового революционного подъема): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Миролюбов А. А.* Политический сыск России в 1914–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Овченко Ю. Ф.* Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880–1904 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; *Сизиков М. А., Борисов А. В., Скрипилев М. Е.* История полиции России (1718–1917 гг.) Вып. 2. М., 1992.

⁷ *Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649–1917. СПб., 1992; *Рууд Ч. А., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

⁸ *Перегудова З. И.* Политический сыск России, 1880–1917. М., 2000.

⁹ *Жаров С. Н.* Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской империи: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

¹⁰ *Аракелян М. А.* Политическая полиция Российской империи в борьбе с революционным подпольем в 1881–1905 гг.: Дис. канд. ист. наук. Саратов, 2008; *Лаврик Т. М.* Губернские жандармские управления Российской империи: организационно-правовой и региональный аспекты

деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2008; *Плужников С. Ю.* Местные органы политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX веков: историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009; *Матиенко Т. Л.* Организация сыска в России в IX – начале XX вв.: генезис, закономерности, исторический опыт: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010; *Кеклис А. Ю.* Организационно-правовые основы деятельности Санкт-Петербургского охранного отделения по борьбе с терроризмом (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012; *Бакирт Д. А.* Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2015.

¹¹ *Матвеев А. В.* Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022.

О результатах проведенного А. В. Матвеевым исследования см.: *Нижник Н. С.* Государственно-правовой институт наружного наблюдения в Российской империи – предмет исследования современных учёных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 201–212; *Краковский К. П.* Размышления о судьбах российской политической полиции, спровоцированные диссертацией А. В. Матвеева на тему: «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 213–221; *Жаров С. Н.* Защищена диссертация об истории наружного наблюдения в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 222–233.

Д. Е. Тонков*

СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ РАДИКАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА НА ПРИМЕРЕ Д. ФРЭНКА И В. ЛУНДШТЕДТА

Американский судья Джером Фрэнк (1889–1957) и шведский политик Вильгельм Лундштедт (1882–1955) являются ведущими представителями американского и скандинавского движений правового реализма – научных направлений, которые были весьма влиятельны в США и Швеции в период между Первой и Второй мировыми войнами¹. Среди многочисленных сторонников этих движений Д. Фрэнк и В. Лундштедт выделяются наиболее радикальным характером своих подходов и ярко выраженным скептическим отношением к судебному формализму и абстрактному характеру норм права в современной им юриспруденции, которой они стремились найти конструктивную альтернативу. Ученые предлагали свои идеи для более «реалистического», по их мнению, подхода к пониманию права как результата юридической деятельности, познаваемого на эмпирических основах.

Радикальный правовой реализм обоих ученых в первую очередь затрагивает проблему определенности в праве, возможность достижения которой рассматривается через призму сохраняющихся во взрослом возрасте «иллюзий детского мышления» в подходе Д. Фрэнка или

* *Тонков Дмитрий Евгеньевич* – преподаватель-исследователь Института государства и права Российской академии наук (Москва), помощник адвоката филиала Ленинградской областной коллегии адвокатов «Адвокатской фирмы "ТонковЪ и Партнеры"».

содействия потребностям индивидов в подходе В. Лундштедта. Оба ученых сводят многие проблемы юриспруденции до более «реалистического», по их мнению, понимания права как результата юридической деятельности (особенно судебной), предлагая свои конструктивные идеи для нивелирования абстрактных идей традиционной им юриспруденции. Общим для двух правоведов является радикализм в отрицании методов естественного права и юридического позитивизма легистского образца, а также стремление к конструированию юриспруденции на прочных эмпирических началах.

Представляется, что целесообразно объединить подходы указанных ученых на основе заявленного Д. Фрэнком «фактоскептицизма» и выявленного «методологического редукционизма» В. Лундштедта. При этом под «скептицизмом в отношении фактов» Д. Фрэнка понимается «неуловимость фактов»² в судебном процессе: американский правовед исходит из того, что первичным источником правообразования являются конкретные судебные решения, основанные на субъективном процессе выявления судьей фактов дела. А «методологический редукционизм» В. Лундштедта следует трактовать как сознательное сведение шведским ученым правовых явлений и категорий к таким конкретным «реальностям», как стремления индивидов к материальным и духовным благам: право для В. Лундштедта – это приводимый в действие психологическими импульсами «механизм», обеспечивающий существование индивидов в способствующих удовлетворению их действительных потребностей условиях³.

Предлагаемый термин «конструктивный скептицизм», изначально применяемый Д. Фрэнком для обозначения движения американского правового реализма, объединяет подходы американского и шведского ученых на основе

концепции «базового мифа» юриспруденции как иллюзии правовой определенности в подходе Д. Фрэнка и метода «социального благополучия» как инструмента содействия права потребностям индивидов в подходе В. Лундштедта. Сам же термин «конструктивный скептицизм» согласуется не только с терминологией, используемой в их работах, но и с философским пониманием скептицизма и конструктивизма: первый акцентирует сомнение указанных мыслителей в традиционных теориях естественного права и юридического позитивизма легистского образца, то есть сомнение в схоластических методах науки при признании эксперимента и критики ее единственными критериями⁴, тогда как второй подчеркивает деятельностный подход к праву Д. Фрэнка и В. Лундштедта, то есть активность познающего субъекта, признание любой познавательной деятельности конструированием реальности и попытку найти альтернативу метафизической онтологии⁵.

Многие сходства и различия подходов Д. Фрэнка и В. Лундштедта – радикальных, но в то же время признающихся одними из лидирующих представителей соответствующих движений, – обусловлены более широким сравнением реалистичных направлений в юриспруденции США и Швеции⁶. Например, определяющие социально-исторические предпосылки для формирования радикальных идей американского и скандинавского правового реализма были созданы такими характерными обстоятельствами, как отсутствие большого числа академически подготовленных юристов и широкая вовлеченность рядовых граждан в судебную систему. Данные обстоятельства предопределили ориентацию юридической науки на специфический для указанных стран скептический и прагматичный подход к пониманию права и отразились на том, как была сконструирована их судебная система.

Следует отметить, что несмотря на многозначность термина в разных отраслях науки и плюрализм вариантов самоназвания движений в трудах его представителей, оба направления могут быть обозначены «реализмом» при юридической трактовке в смысле, схожем с искусствоведческим его пониманием, который применяется для обозначения жизни такой, как она есть, то есть без идеализации и приукрашивания⁷. Более того, при всех внутренних и внешних различиях радикального американского и скандинавского правового реализма допустимо объединить их в рамках общей «реалистической» модели права, состоящей из двух «пересекающихся» феноменов: «права» в понимании традиционного судебного формализма и «политики» как процесса, через который комплекс социальных и личностных ценностей воздействует на субъектов юридической деятельности, в частности, судей, то есть сочетание «права в книгах» с «правом в действии» (терминология Р. Паунда), или «бумажных норм» с «реальными нормами» (терминология американских правовых реалистов). По мнению представителей американского и скандинавского правового реализма, «политика» в данном случае понимается в широком смысле – как обобщенное представление о факторах, влияющих на деятельность конкретного субъекта права.

Д. Фрэнк и В. Лундштедт считаются «радикальными» представителями соответственно американского и скандинавского направлений правового реализма не только по идейному содержанию своих работ, но и по стилю его изложения. Представляется, что наряду с длительным опытом преподавания в ведущих юридических заведениях своих стран, особенностями профессиональной деятельности Д. Фрэнка (в качестве практикующего юриста, государственного служащего и федерального судьи США) и

В. Лундштедта (в качестве члена Социал-демократической рабочей партии Швеции и шведского парламента) сподвигли их к большей прямолинейности и экспрессивности при отстаивании своей точки зрения, чем встречается у большинства других представителей классических вариантов правового реализма.

Как и другие сторонники американского и скандинавского правового реализма, Д. Фрэнк и В. Лундштедт пытались переосмыслить предшествовавшее им наследие мировой правовой мысли. Идеи представителей радикального (по отношению к традиционной юриспруденции) американского и скандинавского правового реализма, отвергающего, по их мнению, «вненаучный» (то есть не соответствующий естественно-научной методологии) подход к познанию мира, рассмотренные через призму его наиболее радикальных лидеров – Д. Фрэнка и В. Лундштедта, – представляют несомненный интерес в рамках идущих в российской теории права дискуссий о типах правопонимания: радикальные подходы правового реализма, особенно в лице Д. Фрэнка и В. Лундштедта, можно рассматривать в качестве переходного этапа в процессе развития теоретико-правовой мысли от классического к постклассическому правопониманию, что выражается, например, в совмещении объективистской интерпретации бытия права и субъективности познающего их лица. При этом вектор такого «перехода» задан движением в сторону социо-психологического направления позитивизма.

© Тонков Д. Е., 2023

¹ См. подробнее: Тонков Д. Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М., 2021; Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб., 2022. С. 21–190.

² *Frank J. Law and the Modern Mind*. London, 1949. P. IX.

³ *Lundstedt A. V. Legal Thinking Revised: My Views on Law. Stockholm, 1956. P. 8–9, 140.*

⁴ *Микешина Л. А. Скептицизм // Новая философская энциклопедия. Т. 3. / Рук. проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. М., 2010. С. 562.*

⁵ *Касавин И. Т. Конструктивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. – https://epistemology_of_science.academic.ru/328/конструктивизм (дата обращения: 13.02.2023).*

⁶ *Тонков Д. Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления. С. 129–140.*

⁷ См. подробнее: *Martin M. Legal Realism: American and Scandinavian. New York, 1997. P. 2.*

О.В. Коновалова*

**КОНЦЕПЦИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКОГО
НЕОНАРОДНИЧЕСТВА
(ПО РАБОТАМ В. М. ЧЕРНОВА)**

Эпоха Просвещения и Нового времени принесла освобождение общественного сознания западноевропейского человека от фанатичных религиозных догм и установок. Старая идея о равенстве всех перед Богом получила новое дыхание в различных версиях концепции естественных прав личности.

Перенесенная на русскую почву, концепция естественных прав личности обрела новую палитру звучаний в религиозно-правовых идеях В. С. Соловьева, И. А. Ильина, концепциях правового государства Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, на рубеже XIX–XX вв. получила новую интерпретацию в работах видных либеральных правоведов Л. И. Петражицкого, П. И. Новгородцева, Ю. С. Гамбарова.

Российская общественно-политическая действительность второй половины XIX в. породила новое общественное явление – народничество. Народничество – феномен, в котором сочетались черты нарождавшихся новых общественных потенций, связанных с потребностью активиза-

* *Коновалова Ольга Викторовна* – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (Красноярск); профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), доктор исторических наук, доцент.

ции народных масс в качестве равноправного субъекта политики, с одной стороны. С другой – сохранялись прежние автократические установки, переплетенные с идеалистическими представлениями интеллигенции о своей особой общественной миссии и идеальном общественном мироустройстве. Как отмечает исследователь легального народничества Г. Н. Мокшин «все важнейшие проблемы русской жизни (капитализма, народа, власти и т. д.) разрабатывались сквозь призму особого (общественного или наднационального) типа сознания, представляющего собой причудливый симбиоз элементов религиозно-авторитарного и рационалистического мировоззрения пореформенной демократической интеллигенции». В идейном плане народничество – это своеобразный синтез идейных установок славянофилов и западников, с их идеями о самобытном развитии России, сохранении общины, необходимости социального прогресса, борьбы с самодержавным деспотизмом¹.

Народничество, в лице таких его талантливых представителей, как П. А. Лавров, Н. К. Михайловский и др. внесли значительный вклад в развитие научных представлений о личности и обществе, прогрессе, методологии научных исследований, положив начало существованию субъективной школы отечественной социологии. Многие выдвинутые теоретиками положения о единстве и целостности исторического процесса, неразрывной связи объективного и субъективного, прогрессе, представления об интегральной природе человеческой личности не только находились в общем фарватере научных изысканий западноевропейских мыслителей, но и на многие годы опередили свое время².

Важным в правовом отношении в представлении народничества являлось отношение к народу как право-

творческой силе, убеждение в том, что народное правосознание есть неотъемлемая часть социальной реальности, с которой необходимо считаться политическим силам. Именно такая краеугольная установка станет основой для разработки нового варианта идеологии народничества в начале XX в. Ведущую роль в ее появлении сыграет выходец из Саратовской губернии, бывший студент юридического факультета Московского университета В. М. Чернов. Осмысливая противоречия исторического процесса переживаемого Россией на рубеже веков, он придёт к необходимости обоснования особого некапиталистического пути для развития сельского хозяйства страны, сделав ставку на развитие крестьянского хозяйства и его кооперирования³. Для обоснования правовых аспектов аграрной программы партии социалистов-революционеров Чернов будет опираться не только на наследие народнических теоретиков, но и на современные наработки правовой науки.

Рассматривая новые тенденции в развитии концепции естественных прав личности, идеолог неонародничества обратил внимание на то, что первоначальный смысл о самодовлеющей ценности личности в обществе и ограничивающей роли общества над личностью утратили свое значение. Новый либерализм признает органическую взаимозависимость между личностью и обществом, полагая, что понятие прав личности обусловлено определенным уровнем развития самого общества. То есть естественные права человека не есть раз и навсегда данные величины, их трактовка обусловлена факторами места и времени. Если раньше под правами личности понимались исключительно общегражданские аспекты, то в начале XX в. они дополняются социальными правами⁴. В этом плане можно говорить о сближении позиций нового либерализма и социалистической идеологии.

Однако между ними сохраняются и принципиальные различия. В. М. Чернов видит их в отношении к феномену частной собственности. Для либералов право на частную собственность – это вечное неотъемлемое естественное право личности. Для Чернова как социалиста «собственность есть такое же временное и преходящее явление, как и все прочие земные явления»⁵. В наиболее развитом виде право на частную собственность получает в период капитализма. Однако даже тогда оно остается «социально связанным», правда, «в этот момент социальная связанность собственности ближе всего подходила к минимуму», – подчеркивал он⁶. В этом плане позиция В. М. Чернова была близка к воззрениям Р. Йеринга, Д. Мейера, Ю.С. Гамбарова, которые были убеждены в том, что право собственности не является полным и исключительным и всегда ограничено законами в интересах общества и государства.

Вместе с тем, рассматривая историю частной собственности в России, В. М. Чернов обращал внимание на то, что в условиях особой модели капитализма, которую он квалифицировал как «искусственный», «паразитический» капитализм⁷, государство пыталось навязать сверху право частной собственности в пореформенное время в отношении между помещиками и крестьянами, в рамках Столыпинской аграрной реформы – между крестьянами.

В период крепостного права, рассуждал он в статье «К вопросу о выкупе», власть помещика над крестьянами носила больше публично-правовой характер «господства над населенной территорией», чем являлась «частноправовым отношением собственника к земле»⁸. В свое время за государеву службу дворяне получили определенную территорию, населенную крестьянами, у которых была своя земля. В этом плане «земля ... никогда не была в собствен-

ности дворянского сословия, она всегда числилась за крестьянами, попавшими в крепостную зависимость»⁹. Помещики выполняли по отношению к крепостным крестьянам ряд публично-правовых функций – полицейские, судебные, налоговые, которые им передало государство. После отмены крепостного права эти функции снова перешли к государству. Однако, решая вопрос о выкупе за землю по реформе 1861 г., государство признало и крестьянские земли собственностью помещика. Это являлось, по мнению В. М. Чернова, исторически незаконно и несправедливо.

В рамках аграрной реформы П. А. Столыпина государство стремилось де-юре превратить общину в союз собственников, которая по сути таковой не являлась. Крестьянская поземельная община, считал В. М. Чернов, выполняла ряд общезначимых публично-правовых функций – прежде всего, реализуя право крестьян на труд и право на землю, обеспечивала и защищала их права, подобно тому, как государство защищает права своих граждан. Конечно, он не отрицал, что по отношению к внешнему миру община выполняла функции юридического лица, покупая землю, сдавая ее в аренду, а в мировоззрении крестьян есть и некое индивидуалистическое начало, однако не считал эти элементы преобладающими.

Проводя аграрную реформу в начале XX в., правительство не учитывало правосознание крестьян, прежде всего, их представление о том, что «земля – божья, земля – ничья», она принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Опора на народное правосознание станет основополагающей установкой для В. М. Чернова при разработке аграрной программы партии эсеров.

В предлагаемой им программе социализации земли можно выделить два ключевых положения. Первое связа-

но с упразднением частной собственности на землю и выведение земли из товарного оборота. В этом случае, считал Чернов, земля делается «ничьей». «Именно как ничья она и становится общенародным достоянием»¹⁰, и народ «как самоуправляющаяся коллективная единица ... в лице всех органов его самоуправления является ... тем коллективным лицом», которому переходит вся совокупность суверенных прав»¹¹. Второе – это провозглашение права каждого человека на землю. Возможность прилагать к земле труд, без каких либо ограничений, В. М. Чернов считал одной из форм реализации естественного права в России и распространением «трудовой конституции», присутствующей в общине на всю территорию страны.

Таким образом, творческое переосмысление концепций естественного права, наследия народнических мыслителей позволило В. М. Чернову, опираясь на народное правосознание, разработать аграрную доктрину, получившую широкое народное признание, в том числе выразившееся в поддержке партии эсеров на выборах в Учредительное собрание.

© Коновалова О. В., 2023

¹ Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 283, 285.

² Коновалова О. В. В. М. Чернов о Н. К. Михайловском // Н. К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): Сборник научных трудов / Редкол.: Г. Н. Мокшин. Воронеж, 2017. С. 258–274.

³ Коновалова О. В. Идеология неонародничества (по работам В. М. Чернова) // Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Воронеж, 2016. С. 229–231.

⁴ Вечев Я. [Чернов В. М.] Правовые идеи в русской литературе // «Вехи» как знаменье времени. М., 1910. С. 196.

⁵ Чернов В. М. Земля и право. Пг., 1917. С. 165–166.

⁶ Там же. С. 128.

⁷ Коновалова О. В. Преодоление народнических догм. В. М. Чернов о типах капиталистической эволюции // Свободная мысль. 2001. № 4. С. 55–70.

⁸ Чернов В. М. Земля и право. С. 146.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 159.

¹¹ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 2. М.; Л., 1930. С. 299.

С. В. Павлова*

ПРАВОВЕДЫ С «ПОЮЩИМ СЕРДЦЕМ»

Визитной карточкой античного правопонимания стало определение права, данное известными римскими юристами на исходе эпохи Древнего мира. Папиниан, Гай, Ульпиан, Павел, будучи практикующими юристами, в то же время обобщили устойчивую теоретическую традицию, созданную их предшественниками¹. Признанные авторитетами в юриспруденции, они сформулировали, ставшее классикой, понятие права как *«искусства добра и справедливости»*.

И если отождествление права со справедливостью исследовалось юридической наукой во все времена, начиная с самой античной классики (Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон), то понятие права как Добра в наибольшей степени стало философской категорией, нежели юридической.

Показательно, что в современной юридической науке представлен культурологический подход к праву, который предполагает принятие права, прежде всего, как феномена культуры. С этих позиций право определяется такими культурологическими факторами, как религиозное сознание, представления о Добре и Зле, смысловые жизненные доминанты. Следует признать, что именно они формируют правосознание, а следовательно, понятие права и правовой идеал. Кризис права всегда обусловлен кризисом культуры, которая определяется господствующим миро-

* Павлова Светлана Викторовна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

воззрением общества. Поэтому кризис права это, прежде всего, кризис правосознания.

В основе культурологического восприятия действительности, в том числе государственно-правовой реальности, лежит религиозное осмысление явлений бытия. Это предполагает безусловное принятие высшим критерием справедливого и нравственного религиозный закон как меру всех вещей, в том числе государства и права. Именно культура, оторвавшаяся от религии, переживает кризис². В этом различие понятий «культура» и «цивилизация».

Тема соотношения нравственности и права стала главной темой русской философии права со времен митрополита Илариона (XI в.), выразившего на основе нового христианского самосознания национальную идею русского народа. Служение Богу и ближнему станет тем Добром, которое будет утверждаться как смысл жизни отдельной христианской личности и целого народа. А взамен справедливости придет Правда как одно из имен Божиих, что и будет воплощаться как правовой идеал в средневековых Правдах – законодательных сводах христианских европейских государств.

Для религиозной философии права, о которой сейчас идет речь, человек есть метафизическое, сверхчувственное существо с духовной природой и вытекающими из нее требованиями. Так определяет отечественный философ права Б. Н. Чичерин. *Поэтому само понятие о душе есть краеугольное для права, для нравственности и для всех общественных наук. Право и нравственность имеют корни в духовной природе человека*³. В религиозном чувстве и совести, определяющих человеческое достоинство, заложен корень самосознания.

Русская история, а история человечества, по слову

И. А. Ильина⁴, есть история правосознания, прошла великий путь взлетов и падений в постижении Добра и меры справедливости. И сегодня в очередной раз, в условиях обострения ситуации исторического выбора, страна обращается к своим истокам, прежде всего, к религиозным корням, фундаментальным основам государственности, который строили не одно поколение самоотверженных политиков и граждан. Мы обнаруживаем подвижников Добра среди представителей отечественной юридической науки и юристов-практиков.

Кризис власти в начале XX в. и дальнейшее переустройство российской государственности, построение нового советского типа государства, провозгласившего классовый подход к анализу общественно-политических отношений, вызвал крайнее размежевание социальных сил именно в вопросе понимания Добра и поисков смысловых жизненных приоритетов. В этой духовной борьбе, которая определяла ход российской истории, проявили себя наши соотечественники – носители христианского сознания, не отступив от идеи Добра, понятого как служение Богу, вплоть до мученической смерти.

Во времена гонений на Русскую православную церковь, начатых в 20-е годы прошлого столетия, в СССР число жертв христианских подвижников по статистическим данным на настоящее время составляет 12–20 млн верующих. К славе отечественной юриспруденции мы обнаруживаем имена святых мучеников и в когорте русских юристов, которые продолжили список христианских подвижников, начатый первыми христианами, такими как вселенский учитель Иоанн Златоуст, по образованию юрист и по профессии адвокат, а по призванию священник и архиепископ. Это покровители и юристов Маркиан и Мартирий (IV в.), доказавшие возможность нравствен-

ного служения профессии юриста и самоотверженного служения людям.

В условиях гонений на религию в XX в. в советское время мы только еще открываем страницу святости. Примером высокого профессионального и христианского морального долга стал подвиг Ивана Михайловича Ковшарова, по профессии адвоката, бескорыстно взявшего на себя обязанности юрисконсульта при священномученике митрополите Петроградском и Гдовском Вениамине. Иоанн (Ковшаров) расстрелян по делу об изъятии церковных ценностей с братией Александро-Невской лавры в 1922 г.

Вместе с ними был расстрелян Юрий Петрович Новицкий, профессор права Петербургского университета, автор монографии «История русского уголовного права», которую он завершил в год гибели, не успев опубликовать. Участник расследования убийства Петра Столыпина, создатель приюта для детей-сирот ссыльнокаторжных, организатор особого суда для несовершеннолетних, активный противник смертной казни, Юрий Петрович был обвинен вместе с И. М. Ковшаровым, выступая за добровольность в вопросе церковного имущества. Канонизированные в 1992 г. новомученики Иоанн и Юрий стали святыми покровителями российских юристов.

Сегодня юридической наукой общепризнано, что от уровня нравственного развития юриста, уровня его профессионального сознания зависит уровень правовой культуры граждан в целом, что определяет качество принятия и исполнения законов в стране, уважение общества к государству и праву. Задача юриспруденции – служение людям ради справедливости, нравственного (правового) закона. И без религиозной нравственности ее носителей невозможно ни создать правовой закон, ни его исполнить. Невозможно осуществить защиту прав, свобод и прежде

всего, духовного достоинства человека. Очевидна неумолимая роль церковных институтов как центров религиозной нравственности в создании правового государства и формировании правосознания.

Невозможно перечислить имена всех отечественных правоведов, ученых и практиков-юристов, чье служение определяло высокий профессиональный и нравственный уровень деятельности. Это и первые русские христианские законодатели, такие как Ярослав Мудрый, это и современные труженики на ниве юриспруденции, имена которых пишет История.

Несомненным подвигом стала титаническая работа М. М. Сперанского, чей юбилей мы почтили научными конференциями, положившего весь свой талант и дух служения на упорядочение действующего законодательства, необходимость которого с очевидностью назрела к началу XIX в. Этот труд смело можно оценить, как и «Историю» Н. М. Карамзина, «подвигом честного человека».

Без всякого сомнения, подвижничеством на ниве теоретической юриспруденции следует признать творческую деятельность И. А. Ильина, безмерно любящего родину и изгнанного за ее пределы на «пароходе философов». Работая за рубежом, Ильин фактически разработал теоретические основы построения новой постсоветской России, уже на обновленном духовном фундаменте при условии признания его фундаментом материальной надстройки общества.

Именно И. А. Ильину удалось синтезировать достижения своих предшественников и обобщить их в теории «патриотического государства» и в теории «нормального правосознания». В основу этих двух важнейших для возрождения сегодня российской государственности конструкций Ильин положил идею «религиозного граждани-

на», которая основана на его методологии христианского понимания природы человека и, следовательно, природы права.

Русская религиозная философия права стала выдающимся достоянием отечественной юриспруденции рубежа XIX–XX вв. благодаря нравственному подвигу людей «с поющим сердцем», как называют И. А. Ильина⁵, и вслед за ним и всех тех, кто бескорыстно трудился и трудится на ниве юридической профессии, исповедуя идею права как «искусства добра и справедливости».

© Павлова С. В., 2023

¹ В частности, Цицерон в трактате «О государстве» подвел некую черту под античной классикой, дав обобщающие определения основных понятий юриспруденции – «государство» и «право».

² *Новгородцев П. И.* Восстановление святынь // Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 441.

³ *Чичерин Б. Н.* Философия права. М., 2011. С. 15, 89.

⁴ *Ильин И. А.* О сущности правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 413.

⁵ *Томсинов В. А.* Российские правоведы XIX–XX веков: Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 662.

*С. Ю. Дергилева**

ИДЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ТРУДАХ ПОЛИЦЕИСТОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Важнейшим признаком любого государства, в том числе динамично развивающегося российского государства, является его суверенитет. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г. отметил «...главное, основополагающее для всех нас – это безопасность и благополучие народа, суверенитет и национальные интересы»¹. Президент указал на то, что необходимо делать для «уверенного поступательного развития России, причем именно суверенного, независимого развития, вопреки любому внешнему давлению и угрозам, с надёжной гарантией безопасности и интересов государства»². Таким образом, глава государства указал на одно из неотъемлемых свойств современного государства – его суверенитет, то есть независимость и самостоятельность в осуществлении как внутренней, так и внешней политики.

Учение о государственном суверенитете начинает формироваться в эпоху Средневековья в трудах западноевропейских ученых. Понятие «суверенитет» применялось к государству и подразумевало высшую независимую государственную власть. Учение о государственном суверенитете развивали, в том числе, в XIX – начале XX в. отечественные ученые – правоведы и полицейисты.

* *Дергилева Светлана Юрьевна* – начальник адъюнктуры Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук.

Основателем учения о государственном суверенитете считается французский юрист XVI в. Ж. Боден, который сформулировал понятие «суверенитет» и изложил учение о суверенитете. Слово «суверенитет» происходит от латинского *supra* – выше. Суверен – это *supremus*. Отсюда происходит средневековое латинское слово *superaneitas* и французское слово *souveraineté*³.

Ж. Боден рассматривал суверенитет как «наиболее верховную, абсолютную и вечную власть над гражданами и подданными в государстве». Такая власть является необходимым элементом государства, который проявляется через его правителя-суверена. Понятие суверенитета королевской власти у Ж. Бодена выражало отрицание любых иных сил средневековья (папство, феодалы), которые конкурировали с королевской властью. Свойство суверенитета, которым обладала королевская власть, означало, что никто не мог претендовать на соперничество с государственной властью. Приписываемое королю свойство суверенитета стало политическим орудием в борьбе с враждебными ему внутренними силами⁴.

В XVIII в. набирает силу идейное движение, направленное на борьбу с абсолютной властью монарха и формированием учения о суверенитете народа, зачатки которого содержатся в трудах Ж. Бодена. В своих произведениях Ж. Боден отмечал, что изначально носителем власти может быть только народ страны, который затем самостоятельно распоряжается этой властью, возлагая обязанность управления на иное лицо или лица по собственному усмотрению. Французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо отвергал любую возможность перенесения народного суверенитета на правителя, отмечая, что характерным свойством суверенитета является его неотчуждаемость⁵. Учение о неотчуждаемом народном суверенитете становится в

конце XVIII в. революционным лозунгом, который был провозглашен французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 г.

Идея суверенитета (государственного, народного) пронизывала все теоретические конструкции российских полицейистов⁶.

В соответствии с воззрениями профессора Императорского Казанского университета полицейиста В. В. Ивановского суверенитет являлся важнейшим признаком государственной власти и отражал тот характер власти, в силу которого она являлась высшей и независимой в правовом отношении⁷.

В своих трудах профессор Московского университета полицейист-административист А. И. Елистратов выделял в качестве признаков государственной власти независимость, верховенство, неограниченность и единство. Независимость (самостоятельность государственной власти вне государственных границ, в сношениях с другими государствами) и верховенство (самостоятельность государственной власти внутри страны, в отношениях с лицами, входящими в состав государства) находят отражение в суверенитете государственной власти⁸.

Вопрос о суверенитете государственной власти в начале XX в. оставался дискуссионным. Так германские ученые, в том числе выдающийся немецкий юрист-государствовед Г. Еллинек, обосновывали формальный характер суверенитета. Г. Еллинек отмечал, что «суверенитет есть не абсолютная, а историческая категория»⁹. По мнению ученого, суверенитет не является существенным признаком государства, что доказывает существование «суверенных и не суверенных государств»¹⁰.

Профессор Московского университета теоретик права и цивилист Г. Ф. Шершеневич отмечал, что «логически

немыслимо устранить суверенитет из представления о государственной власти, логически невозможно допустить не суверенное государство», если только допустить «представление о существовании государства в государстве»¹¹. Ученый приходит к выводу о том, что суверенитет есть необходимое свойство государственной власти «и ни отбросить его, ни сгладить невозможно», так как то противоречит логике и исторической действительности¹².

А. И. Елистратов, также разделяя позицию В. В. Ивановского и Г. Ф. Шершеневича, определял государство как организацию, которая «отличается подчинением людей в пределах определенной территории самостоятельной власти – власти независимой вовне и верховной внутри»¹³, а также отмечал, что существование не суверенного государства оказывается «логически недопустимым»¹⁴.

В XX в. русский философ и правовед Е. Н. Трубецкой отмечал, что понятие «суверенитет» имеет территориальный характер и рассматривается как верховенство в пределах государственной территории. Особенность любого государства, заключается в том, что оно «властвует самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории»¹⁵. Таким образом, государство остается государством до тех пор, пока оно в состоянии отстаивать свою самостоятельную власть над территорией против внутренних и внешних врагов.

Таким образом, учение о суверенитете государственной власти получило свое оформление в эпоху Средневековья в трудах французского ученого Ж. Бодена. Изучением суверенитета на протяжении последующих столетий занимались западноевропейские и отечественные правоведы и ученые-полицисты, отмечая его свойство при характеристике государственной власти. В настоящее время отечественное государство встает на путь независимого

определения дальнейшего развития и суверенитет как неотъемлемый признак государства подчеркивает способность государственной власти самостоятельно определять вектор осуществления своей деятельности внутри страны и на международной арене.

© Дергилева С. Ю., 2023

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.02.2023 «Послание Президента Федеральному Собранию». – www.gov.ru (дата обращения: 01.05.2023).

² Там же.

³ *Елистратов А. И.* Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1917. С. 4.

⁴ *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 1: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. С. 303–306.

⁵ *Елистратов А. И.* Основные начала административного права.

⁶ См., например: *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* 1) А. И. Елистратов: программа перехода от административного права к общей теории государственного управления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 58–62; 2) Теоретическое наследие А. И. Елистратова как источник изучения истории становления государственного управления в советской России // Источниковедение советского государства и права: классификация, виды и конкретные источники изучения. Материалы круглого стола / Отв. ред. С. В. Кодан. Екатеринбург, 2017. С. 48–58; 3) Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М., 2017; *Нижник Н. С., Никифорова С. А.* 1) Теоретическое наследие Э. Н. Берендтса – вклад в развитие российской полицейско-правовой теории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(82). С. 53–70; 2) Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса. М., 2019; *Туманова А. С.* Завершено ещё одно исследование теоретического наследия российских полицейстов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4. С. 221–225; *Дергилева С. Ю.* Диссертация С. А. Никифоровой – вклад в изучение государственно-правовых учений Э. Н. Берендтса // Вестник Санкт-

Петербургского университета МВД России. 2019. № 4. С. 226–230; *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория – предмет исследования современных учёных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4. С. 231–240; *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // Man. Society. Communication, Veliky Novgorod, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR; *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* 2020. Т. 45. № 4. С. 750–760; *Морозова Е. Н., Нижник Н. С.* Реформирование российской полиции: плюрализм подходов к осуществлению в середине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 30–39; *Права человека: между прошлым и будущим /* Под ред Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. М., 2021. С. 58–72; и др.

⁷ *Ивановский В. В.* Учебник государственного права. 4-е изд. Казань, 1913. С. 74.

⁸ *Елистратов А. И.* Государственное право. Пособие к лекциям. М., 1912. С. 6–7.

⁹ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. 2-е изд., испр. и доп. по второму нем. изданию С.И. Гессеном. Кн. III. СПб., 1908. С. 347, 356.

¹⁰ Там же. С. 358.

¹¹ *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. Вып. I. М., 1911. § 26. С. 215.

¹² Там же. С. 216.

¹³ *Елистратов А. И.* Государственное право. Пособие к лекциям. М., 1912. С. 12–13.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ *Трубецкой Е. Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 225.

А. Н. Ильина*
Д. С. Геворкян**

ПОЛИЦЕЙСКО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ: ОПЫТ ОЦЕНКИ РАЗРАБОТАННОСТИ СОВРЕМЕННЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Осмысление проблем управления государством и вопросов, касающихся отношений между властью и обществом, способствовали возникновению науки полицейского права¹. Характеризуя развитие науки полицейского права, следует отметить, что вклад в определение предмета полицейского права и характеристику роли полиции в управлении государством внесли и западноевропейские, и российские ученые.

В числе тех, кто находился у истоков науки полицейского права в России, С. Е. Десницкий, Н. С. Власьев, И. Н. Платонов, Н. Ф. Рождественский, В. Н. Лешков, М. М. Шпилевский². Во второй половине XIX в. важный вклад в развитие полицейского права внесли И. Е. Андреевский, Н. Х. Бунге, П. Шеймин, В. В. Ивановский, И. Т. Тарасов, А. И. Елистратов.

Полицейское право понимали как управление внутренними делами государства. Органами, осуществляющими полицейскую деятельность – деятельностью по внутреннему управлению, считали множество государственных

* *Ильина Алена Николаевна* – адъюнкт кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

** *Геворкян Дана Суреновна* – судья Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

ных органов, выполняющих функцию управления государством, а важнейшим из них – полицию, которой для охраны государственного порядка было предоставлено право ограничения свободы и использования в своей деятельности иных видов принуждения.

В обыденном понимании в XVIII–XIX вв. понятие «полиция» часто отождествлялась с полицейскими служащими, которые объединялись в органы полиции. Часто понятие «полиция» использовали и как синоним понятия «администрация», что было неудивительным, так как полиция Российской империи не только обеспечивала охрану общественного порядка и безопасности, но и являлась важнейшим субъектом решения практически всех задач местного управления.

В начале XIX в. словосочетание «полицейское право» было синонимом выражения «внутреннее управление». А когда говорили о полиции, обязательно подчеркивали, что полиция осуществляет охрану государственного порядка посредством ограничения свободы в виде принуждения.

Полицейское право в России превратилось в самостоятельную науку, которая получала развитие благодаря трудам талантливых обществоведов. За рубежом и в России ученые уделяли внимание проблемам управления внутренними делами государства, размышляли о пределах использования государством принуждения при решении социально значимых вопросов, пытались определить место полиции в системе государственного управления, рассуждали о соотношении регулятивной и карательной функций полиции.

Отечественная полицейистика – полицейско-правовая теория, получившая развитие в Российской империи с начала XVII до 1917 г. – в современной юридической науке стала исследоваться совсем недавно. Отдельные во-

просы становления науки полицейского права получили рассмотрение в трудах А. В. Корнева³, А. В. Горожанина⁴, А. Ш. Гасаналиева⁵, Ю. Н. Овсянникова⁶.

Интерес к работам российских полицейстов проявляли Ю. Е. Аврутин⁷, М. А. Тихомирова⁸, И. И. Мушкет⁹.

Основные этапы развития полицейско-правовой теории выделила и охарактеризовала Н. С. Нижник¹⁰, под руководством которой в Санкт-Петербургском университете МВД России сложилась научная школа изучения полицейско-правовой теории, анализирующая вклад отечественных и зарубежных ученых в становление науки полицейского права:

– формирование зарубежной полицейстики и концепций государственно-правового развития в трудах европейских ученых стали предметом изучения С. Ю. Дергилевой¹¹, Д. С. Геворкян¹², С. С. Пирожок¹³;

– концепция «общественного права» В. Н. Лешкова и М. М. Шпилевского получила оценку в работах Т. О. Чукаева¹⁴ и И. Е. Понкратовой¹⁵;

– проблемы муниципального управления и место полиции в полицейском государстве в оценке полицейста В. В. Ивановского представляли интерес А. В. Стрекалина¹⁶;

– осмысление теоретико-правового наследия выдающегося российского правоведа И. Т. Тарасова осуществляет Н. Ю. Егоров¹⁷;

– вклад в развитие полицейско-правовой теории полицейста Э. Н. Берендтса оценила С. А. Шамак¹⁸, результаты научного исследования которой получили общественное одобрение¹⁹;

– концепцию социального государства в теоретическом наследии В. Ф. Дерюжинского и вопросы защиты

прав и свобод личности в полицейско-правовой теории изучает Д. С. Геворкян²⁰;

– вклад в развитие полицейско-правовой теории видного российского правоведа А. И. Елистратова оценила С. Ю. Дергилева²¹;

– определением влияния на развитие отечественной политико-правовой мысли идей полицейистов конца XIX – начала XX в., касающихся управления государством в условиях чрезвычайных режимов и проблем применения государством мер принуждения, занимаются Е. Н. Козинникова²² и Н. К. Тарасов²³.

Реализация идей отечественных правоведов в управлении государством получила отражение в историко-правовых исследованиях А. В. Матвеева²⁴, А. Р. Абдулло²⁵ и теоретико-правовых исследованиях А. И. Степанян²⁶, которые были представлены научной общественности и получили одобрение²⁷.

Российская полицейистика – содержательный этап истории отечественной мысли о праве и государстве. Теоретическое наследие российских полицейистов до настоящего времени, несмотря на наличие уже осуществленных исследований, не получило должного осмысления и требует изучения для оценки его потенциала способствовать решению проблем государственно-правового развития современной России.

© Ильина А. Н., Геворкян Д. С., 2023

¹ *Нижник Н. С.* Российская полицейистика: основные этапы становления и развития // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 6. С. 764–786; *Nizhnik N. S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // Man. Society. Communication, Veliky Novgorod*, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR.

² *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* 2020. Т. 45. № 4. С. 750–760.

³ *Корнев А. В.* Идеи правового и полицейского государства в дореволюционной России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

⁴ *Горожанин А. В.* Полицистика и идея государственности в истории правовых учений: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2000. С. 13.

⁵ *Гасаналиев А. Ш.* Формирование основных институтов административного права и административно-правовая мысль России XIX – начала XX веков: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2000.

⁶ *Овсянников Ю. Н.* «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁷ *Аврутин Ю. Е.* Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: Теория, история, перспективы. СПб., 2003.

⁸ *Тихомирова М. Л.* Развитие И. Е. Андреевским концепции полицейского права: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.

⁹ *Мушкет И. И.* Генезис «полицейского права» в контексте эволюции правовой системы России (историко-теоретический анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2003.

¹⁰ *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции.* Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. II. СПб., 2016. С. 228–235; *Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 241–251; Нижник Н. С. 1) Омnipотенция полицейского государства в оценке российской полицистики // *Genesis: исторические исследования.* 2017. № 11. С. 67–86; 2) Полицейское государство – социою-*

рический феномен: характеристика существенных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 123–130; 3) Полицейстика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // Российская полиция: три века служения Отечеству: Сборник статей Юбилейной международной научной конференции / Под ред. В. А. Кубышко: В 2 ч. Ч. 1. М., 2019. С. 220–240; *Nizhnik N. S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State* // *Man. Society. Communication, Veliky Novgorod*, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR; *Права человека: между прошлым и будущим* / Под ред Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. М.: «Норма», 2021. С. 58–72.

¹¹ *Дергилева С. Ю.* Сущность полицейского государства как предмет осмысления полицейстов второй половины XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3(51); *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(63). С. 37–43.

¹² *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю., Геворкян Д. С.* Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 236–242.

¹³ *Пирожок С. С.* Теоретико-методологические детерминанты концепции социального государства Роберта фон Моля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 37–45.

¹⁴ *Чукаев Т. О.* Российская полицейстика в лицах: Василий Николаевич Лешков // *Genesis: исторические исследования.* 2016. № 6. С. 84–95; *Чукаев Т. О., Козинникова Е. Н.* Отечественное государствоведение второй половины XIX в. о проблемах взаимодействия государства, общества и личности // *Genesis: исторические исследования.* 2022. № 3. С. 16–22; *Чукаев Т. О.* Омnipотенция «общественного права» в оценке М. М. Шпилевского // Вестник Санкт-Петербургского универ-

ситета МВД России. 2022. № 2(94). С. 31–41.

¹⁵ *Понкратова И. Е.* Проблемы определения сущности и детерминант правопорядка в теоретико-правовом наследии В. Н. Лешкова // Российская полиция: три века служения Отечеству: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018. С. 300–305.

¹⁶ *Стрекалин А. В.* 1) Российская полицейстика в лицах: Виктор Викторович Ивановский // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 787–800; 2) Идеи В. В. Ивановского о возможностях использования государственными органами мер принуждения как теоретическое основание исследований государственно-правовых систем в условиях военного времени // Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие: Материалы межвузовской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов. Санкт-Петербург, 2 апреля 2015 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2015. С. 365–367.

¹⁷ *Егоров Н. Ю.* 1) Российская полицейстика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 801–812; 2) Административная юстиция как средство обеспечения прав и свобод личности (опыт анализа теоретического наследия И. Т. Тарасова) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 10–17; 3) Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 17–26.

¹⁸ *Никифорова С. А.* Государственно-правовые воззрения Э. Н. Берендтса: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019; *Нижник Н. С., Никифорова С. А.* 1) Теоретическое наследие Э. Н. Берендтса – вклад в развитие российской полицейско-правовой теории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(82). С. 53–70; 2) Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса. М., 2019.

¹⁹ *Туманова А. С.* Завершено ещё одно исследование теоретического наследия российских полицейстов // Вестник Санкт-

Петербургского университета МВД России. 2019. № 4. С. 221–225; *Дергилева С. Ю.* Диссертация С. А. Никифоровой – вклад в изучение государственно-правовых учений Э. Н. Берендтса // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4. С. 226–230; *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория – предмет исследования современных учёных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4. С. 231–240.

²⁰ *Дергилева С. Ю., Геворкян Д. С.* Вопросы борьбы с регламентацией проституции и торгом женщинами в конце XIX – начале XX века в научной и общественной деятельности А. И. Елистратова и В. Ф. Дерюжинского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 31–37; *Геворкян Д. С.* Российская полицейстика в лицах: Владимир Федорович Дерюжинский // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 813–827; *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю., Геворкян Д. С.* Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 236–242.

²¹ *Дергилева С. Ю.* Государственно-правовые воззрения А. И. Елистратова: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 66–73; *Дергилева С. Ю.* Проблемы организации административной юстиции в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 3 (64). С. 126–129; *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государственное управление: концепции и практика их реализации в условиях кардинальных перемен политико-правовой системы России // Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: II Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича: В 2 т. СПб., 2015. С. 169–173; *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* А. И. Елистратов: программа перехода от административного права к общей теории государственного управления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 58–62; *Нижник Н. С., Дергиле-*

ва С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М., 2017; *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Теоретическое наследие А. И. Елистратова как источник изучения истории становления государственного управления в советской России // *Источниковедение советского государства и права: классификация, виды и конкретные источники изучения. Материалы круглого стола / Отв. ред. С. В. Кодан.* Екатеринбург, 2017. С. 48–58; *Дергилева С. Ю.* Проблемы применения мер чрезвычайного характера в трудах отечественных ученых-полицистов // *Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Материалы международной научной конференции: В 2 ч. / Под ред. Н. С. Нижник.* СПб., 2020. С. 277–286; *Дергилева С. Ю.* Механизм государственного управления: предпосылки трансформации в начале XX века // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): В 2 ч. Ч. 1: Секция молодых исследователей: Материалы XIX международной научно-теоретической конференции.* Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / Под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. СПб., 2022. С. 359–368.

²² *Козинникова Е. Н.* 1) Чрезвычайный правовой режим исключительного положения: нормативные основы введения в имперской России // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2017. № 4(76). С. 32–37; 2) Чрезвычайный правовой режим исключительного положения в России в конце XIX – начале XX века в оценке представителей школы «возрождённого естественного права» // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2019. № 1(81). С. 26–36; 3) Цензура как предмет полицейско-правовой теории в Российской империи конца XIX – начала XX века // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2020. № 1(85). С. 18–23; *Чукаев Т. О., Козинникова Е. Н.* Отечественное государствоведение второй половины XIX в. о проблемах взаимодействия государства, общества и личности // *Genesis: исторические исследования.* 2022. № 3. С. 16–22; *Козинникова Е. Н.* Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2022. № 1(93). С. 27–35.

²³ *Тарасов Н. К.* 1) Российская полицистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 51–60; 2) Меры государственного принуждения: плюрализм подходов к классификации в теоретической юриспруденции России конца XIX — начала XX века // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3(31). С. 18–24.

²⁴ *Матвеев А. В.* 1) Центральный филёрский отряд при Санкт-Петербургском охранном отделении – субъект обеспечения безопасности главы государства в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 30–36; 2) Особенности кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в подразделениях Отдельного корпуса жандармов Российской империи // Общество и право. 2020. № 2(72). С. 149–154; 3) Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022.

²⁵ *Абдуллоев А. Р.* 1) Нормативные основания становления и эволюции правоохранительной системы Республики Таджикистан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(82); 2) Правоохранительная система в условиях трансформации политико-правовой организации современного государства (на примере Республики Таджикистан): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020; *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* 1) Таджикистан в годы Великой Отечественной войны: перестройка работы правоохранительных органов в условиях военного времени // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под редакцией Н.С. Нижник. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1016–1028. EDN DAVMNG; .2) Пореформенная Россия: формирование специфики повседневной деятельности органов охраны правопорядка в Туркестанском крае // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 года / Отв. редакторы В. А. Веремenco, В. Н. Шайдуров. Т. 3. СПб., 2020. С. 237–243. EDN TERCDI;

Нижник Н. С., Абдулло А. Р. Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние. Душанбе, 2021; *Нижник Н. С.* Отзыв о диссертации Абдуллоева А. Р. «Правоохранительная система в условиях трансформации политико-правовой организации современного государства (на примере Республики Таджикистан)» // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2021. № 1(49). С. 66–68. EDN ZKAMPU.

²⁶ *Степанян А. И.* 1) Предиктивная аналитика в прогностической деятельности полиции современных государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84). С. 43–50; 2) Транснациональная полицейская деятельность современных государств в условиях глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 41–48; 3) Полицейская система современного государства: теоретико-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

²⁷ *Нижник Н. С.* Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 года / Сост. Э. Х. Мамедов. СПб., 2019. С. 267–296; *Краковский К. П.* Размышления о судьбах российской политической полиции, спровоцированные диссертацией А. В. Матвеева на тему: «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 213–221; *Нижник Н. С.* Государственно-правовой институт наружного наблюдения в Российской империи – предмет исследования современных учёных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 201–212; *Жаров С. Н.* Защищена диссертация об истории наружного наблюдения в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 222–233; *Нижник Н. С., Козинникова Е. Н., Чукаев Т. О.* История Советского Союза в контексте научного анализа: XIX международная научная конференция «Государство и право:

эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)» (28–29 апреля 2022 г., Санкт-Петербург) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 226–240; *Нижник Н. С. , Нудненко Л. А.* 1) Общественные организации и объединения в СССР: участие в реализации функций советского государства // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 7–12. DOI 10.18572/2221-3287-2023-1-7-12. EDN GХТВУW; 2) Советское Государство и общество: основные направления взаимодействия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 384–394. EDN MEWUES.

Т. О. Чукаев *

**МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ШПИЛЕВСКИЙ:
ВКЛАД В РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ
«ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВА»**

Состояние теоретической юриспруденции на сегодняшний день свидетельствует о росте интереса современных ученых, государственных и общественных деятелей к опыту государственного управления в Российской империи и функционирования механизмов поддержания правопорядка на разных этапах исторического развития России¹. В контексте поиска самобытных начал развития отечественного государства и права, а также «кризиса либералистически-западнических моделей организации законодательной и публичной ветвей власти»² в настоящее время растет внимание к полицейско-правовой теории и концепции «общественного права»³, предметом которых являлись источники, субъекты, объекты, формы эффективного правового регулирования общественных отношений⁴.

Полицейско-правовая теория формировалась в условиях становления абсолютной монархии и отражало стремление определить оптимальную модель взаимодействия власти и общества, которая позволила бы власти успешно поддерживать установленный ею правопорядок⁵. Решение вопросов управления и внутренних дел относилось к полицейской деятельности, которую изначально называли полицией⁶. В последующие годы полицией стали

* Чукаев Тимур Омарович – старший преподаватель кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

называть и систему органов, специально созданных для решения проблем внутреннего управления⁷. Мысли об отношениях между государством и обществом, о сущности государственного управления и субъектах, осуществляющих социальное регулирование, сосредоточились в отдельной области знаний, в рамках которой сформировалась наука полицейское право⁸.

Полицейско-правовая теория, получившая развитие в Российской империи, стала предметом научных изысканий совсем недавно. Исследования полицейского права в современной юридической науке осуществляются с учетом новых методологических подходов⁹ и достижений российской историко-правовой науки¹⁰.

Идея «общественного права» получила оформление в России в XIX в. Государственно-правовая система Российской империи во второй половине XIX в. претерпела многочисленные реформы, охватившие практически все сферы общественной жизни¹¹. Оценка отдельных положений концепции «общественного права» В. Н. Лешкова получила освещение в работах Н. И. Биюшкиной¹², С. Ю. Дергилевой, Н. С. Нижник (2011–2023), а также в словарях, посвященных отечественной политико-правовой мысли¹³.

Трансформация системы управления государством, определившая вектор дальнейшего развития страны, и перспективы ее совершенствования стали предметом осмысления отечественных правоведов, в числе которых был профессор Новороссийского (Одесса) университета, доктор полицейского права Михаил Михайлович Шпилевский (1837–1883)¹⁴.

В историю российской политико-правовой мысли М. М. Шпилевский вошел как ученый, концентрировавший внимание на поиске Россией путей самобытного развития, месте общества в системе управления государ-

ством, развитии основных положений концепции «общественного права»¹⁵. И хотя в названии своих работ М. М. Шпилевский, в отличие от основоположника концепции «общественного права» Василия Николаевича Лешкова (1810–1881)¹⁶, термин «общественное право» не использовал, в текстах своих произведений он развивал идеи, касающиеся места общественности в управлении государством и фактически являлся продолжателем идей В. Н. Лешкова.

Из всех произведений М. М. Шпилевского наиболее полно идеи об «общественном праве» изложены в работе «Полицейское право как самостоятельная отрасль право-ведения» (1875)¹⁷.

Развитие науки полицейского права к XIX в. достигло значительных успехов. В Российской империи во второй половине XIX в. уже оформилась национальная полицейско-правовая юридическая теория – полицейистика – система знаний, включающая в себя и вопросы, касающиеся управления государством и отношений между государственными органами, обществом и личностью. Уже сложился понятийно-категориальный аппарат полицейского права, были предприняты попытки определения ее предмета, системы и методов.

Несмотря на наличие множества трудов по полицейскому праву, «серьёзных, специальных сочинений по истории полицейского права не существует, большинство ученых ограничиваются самым беглым очерком исторического развития полицейской науки», – сожалел М. М. Шпилевский¹⁸, подчеркивая, что критический взгляд оппонентов способствует аргументации авторской позиции, выявлению проблемных мест в выдвигаемых положениях и определению преемственности идей и теорий. Признавая влияние теорий одних ученых на формирова-

ние воззрений других мыслителей и практику государственно-правового и общественного развития, пренебрежение к результатам мыслительной деятельности других ученых М. М. Шпилевский называл либеральным нигилизмом, а «непризнание новых идей и невнимание ко всем вновь возникшим потребностям, вызвавшим эти идеи», – консервативным нигилизмом¹⁹.

Анализируя историю полицейского права, М. М. Шпилевский пришел к выводу о том, что в развитии полицейской науки во второй половине XIX в. наступил кризис: не все предложенные полицейским правом теоретические конструкции были применимы в реальной жизни; не все важные социальные проблемы полицейстикой были решены. Но полицейское право, «настолько необходимая наука, у которой в качестве предмета выступают прогресс и развитие общества, не могла погибнуть в таком кризисе»²⁰. М. М. Шпилевский полагал, что выходом из кризиса является обращение к идее «общественного права».

Идея «общественного права» в XIX в. уже получила разработку в трудах В. Н. Лешкова²¹, который обращал внимание на то, что в историческом прошлом очевидны важнейшие субъекты развития: «частный гражданский элемент» (индивидуумы, частные лица), «общий политический союз» (государство) и «государственное общество». Государство и индивидуум находятся в сложных отношениях, детерминантой которых является конфликт их интересов. Средой, в которой возможно достижение консенсуса частных и государственных интересов, является общество, которое фактически устраняет антагонизм частного и публичного. Общество В. Н. Лешков рассматривал как самостоятельный субъект государственного управления²². Оценивая роль общественности в решении соци-

ально значимых вопросов на различных этапах исторического развития отечественного государства, В. Н. Лешков подчеркивал, что вопросы благосостояния русского народа, как правило, решались «не сверху вниз, а снизу вверх»: начинались усилиями частных лиц, «переходили в руки общества» и только после этого окончательно решались правительством. Регулирование социальных отношений, по Лешкову, происходит посредством выработки правил поведения, которые закрепляют «права обществ или общества относительно государства и права частных лиц относительно общества и государства, с обоюдными обязанностями»²³. Система таких правил относилась к «общественному праву», которое, полагал В. Н. Лешков, в отличие от полицейского права, отражает право общества на развитие и сохранение его интересов при содействии и под надзором правительства²⁴. «Общественное право», по Лешкову, учитывает специфику местного управления и распространяется не только на сферу исполнительной деятельности, но и общественную самоорганизованность.

М. М. Шпилевский рассматривал «общественное право» с разных сторон: и как систему норм, регулирующих общественные отношения, и как практику их реализации, и как совокупность субъективных прав. М. М. Шпилевский под общественным правом понимал «не только те правовые положения, которые формулируются и фиксируются законодательной властью, но и те, которые вырабатываются непосредственно народной жизнью и сознательной деятельностью юристов и охраняются силой народного обычая и авторитета науки»²⁵.

Систему норм, составляющих содержание «общественного права», М. М. Шпилевский разделял на общую и особенную части: общая часть представляла собой совокупность норм, закрепляющих общие основные начала

взаимодействия субъектов в социуме, а особенная часть содержала характеристику отдельных институтов «общественного права», которые осуществляли регулирование социальной жизни и охрану общественных отношений²⁶.

Для характеристики «общественного права» с различных сторон М. М. Шпилевский в общей части описывал «формальное общественное право», «определяющее общественное право», «материальное общественное право», «охранительное общественное право», «процессуальное общественное право». Такой подход отражал стремление автора охарактеризовать «общественное право» с формальной, материальной и процессуальной сторон. Системный подход к описанию «общественного права» потребовал от исследователя анализа его природы, в связи, с чем в общей части М. М. Шпилевский выделил три раздела, посвященных источникам, «органам» (субъектам, продуцирующим право) и формам «общественного права».

Основной источник «общественного права» – народная жизнь. Право вырабатывается естественным путем в результате развития общества на определенной территории государства. «Общественное право» – «не только правовые положения, которые формулируются и устанавливаются законодательной властью, но и те, которые вырабатываются в ходе жизнедеятельности народа»²⁷. Нормы, возникающие в условиях социального развития, сначала фиксируются обществом и только приобретают официальную юридическую форму²⁸. М. М. Шпилевский вступал в дискуссию с теми, кто считал, что «народ участвует в создании права только на первоначальных ступенях развития народной жизни и только в форме традиционного обычая». Полагая такой подход некорректным, М. М. Шпилевский считал, что участие народа в создании права не ограничивается выработкой обычая – эффек-

тивной модели общественного поведения²⁹. На всех этапах создания обязательных предписаний принимают участие различные институты: общество, органы законодательной ветви власти, наиболее компетентные правоведы.

М. М. Шпилевский продолжал развивать мысль В. Н. Лешкова о том, что важнейшими элементами системы «общественного права» являются «деятели, общество, или народ»³⁰.

Характеризуя концепцию «общественного права» М. М. Шпилевский подчеркивал, что учение включает в себя совокупность юридических норм, определяющих правоотношения различных общественных союзов, государственных учреждений, а также частных лиц³¹. Однако, при рассмотрении способов решения конкретных вопросов общественной жизни, предложенных М. М. Шпилевским, получалось, что интересы отдельной человеческой личности Шпилевский отождествлял с интересами всего народа³² и рассматривал «общественное право» как международно-общественное, или межгосударственное право. Международное общественное право, регулирующее отдельные отношения между народами, может служить необходимым дополнением права общественного, регулирующего социальные отношения внутри государства.

М. М. Шпилевский сделал вывод о том, что основная задача «общественного права» не ограничивается установкой обязательных для исполнения правил поведения; учение гарантирует право свободного участия народа в деле развития и охраны общественных интересов³³. В качестве аргумента автор указывал на то, что подобное свободное и добровольное участие частных лиц в деле развития общественного прогресса составляет его необходимое условие. В обеспечении социальной свободы М. М. Шпи-

левский видел задачу дозволительных норм «общественного права», формировавших его основную часть.

Таким образом, М. М. Шпилевский развил концепцию «общественного права», основоположником которой являлся В. Н. Лешков³⁴. Важным вкладом М. М. Шпилевского в развитие отечественной мысли о государстве и праве его современники сочли произведенный им историографический обзор проблемы и анализ научной литературы, посвященной полицейскому праву³⁵, а исследователи XXI в. – расширение предмета полицейского права и акцентирование внимания на роли общества в государственном управлении.

М. М. Шпилевский обосновал необходимость выделения общества как самостоятельного субъекта государственного управления. «Общественное право» он охарактеризовал как часть правовой системы России, как альтернативу полицейского права, как субъективное право общества на удовлетворение своих интересов.

Концепция «общественного права» до настоящего времени вызывает неоднозначные оценки. Несмотря на это, взгляды В. Н. Лешкова и М. М. Шпилевского при определении «русских основ права» были признаны фундаментальными и являлись важным источником для анализа вопросов, касающихся возникновения и развития отечественного правоведения. Многие положения концепции «общественного права» составили теоретическую основу муниципального права, теории гражданского общества и требуют учета при определении перспектив развития государственно-правовых явлений.

Теоретическое наследие М. М. Шпилевского еще должно получить оценку в контексте достижений современной юридической науки.

© Чукаев Т. О., 2023

¹ Лясович Т. Г., Нижник Н. С., Силкин Н. Н. Становление, эволюция и современное состояние полиции России как предмет научных исследований // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С. 141–163.

² История правовых учений России. Т. II. XVIII–XIX вв. Учебник / Под ред. В. В. Сорокина, А. А. Васильева. М., 2014. С. 291.

³ Тесля А. А. Василий Николаевич Лешков и его теория «общественного права» как попытка альтернативы «полицейскому праву» // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 3. С. 203–223.

⁴ Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Российская полиция: три века служения Отечеству // Государство и право. 2019. № 6. С. 138–145.

⁵ См.: Нижник Н. С. Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования: Сборник научных трудов: Материалы V международной научной конференции, состоявшейся в Академии МВД, г. Минск, 3–4 мая 2019 г. Минск, 2019. С. 155–163 EDN TUROKS; Биюшкина Н. И. Роль и значение полицейистики в истории и теории юридической науки и практики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5(81). С. 63–67.

⁶ Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. II. СПб., 2016. С. 229–230.

⁷ Нижник Н. С. Полицейстика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // Российская полиция: три века служения Отечеству: Сборник статей Юбилейной международной научной конференции / Под ред. В. А. Кубышко: В 2 ч. Ч. 1. М., 2019. С. 220–240; *Nizhnik N. S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State* // *Man. Society. Communication, Veliky Novgorod*, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR.

⁸ *Нижник Н. С.* Российская полицистика: основные этапы становления и развития // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 6. С. 764–786; *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // *Man. Society. Communication, Veliky Novgorod*, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR.

⁹ См.: *Луковская Д. И.* Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Ленинград, 1985; *Малахов В. П.* Право в контексте исторического сознания // *История государства и права*. 2014. № 12. С. 9–14; *Феднева Н. Л.* Применение метода исторической реконструкции при изучении процесса формирования полицейского (административного) права во Франции Нового времени // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 6. С. 35–38; *Тарасов Н. Н.* Основания исследования права как традиции: методология постановки вопроса // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2017. № 6. С. 11–15; *Тарасов Н. Н.* Правовая традиция и преемственность в праве: методологические основания исследования // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2020. № 3. С. 5–14; *Биюшкина Н. И., Кодан С. В.* Бифуркационный подход в изучении истории государства и права: понимание и методологическая конструкция // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 4(56). С. 12–22; *Кодан С. В.* Технологии в методологии юридического исследования: понимание, место, структура // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 2(54). С. 36–41; *Зипунникова Н. Н.* Методологические повороты в социогуманитаристике и отечественная историко-правовая наука: некоторые размышления о перспективах развития // *Методология изучения истории российского государства и права: традиции в науке: Сборник научных трудов / Отв. ред. Н. В. Дунаева*. Санкт-Петербург, 2022. С. 167–186; *Кодан С. В.* 1) Источниковедческая парадигма в современной юриспруденции: от изучения источников и форм права к научной дисциплине // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 4(60). С. 12–21; 2) Преемственность в

науке как культурно-познавательное средство в изучении истории государства и права // *Методология изучения истории российского государства и права: традиции в науке: Сборник научных трудов* / Отв. ред. Н. В. Дунаева. Санкт-Петербург, 2022. С. 135-151; 3) *Доктринальный анализ в юридическом источниковедении: понимание, место в юридических практиках, технологическая модель проведения* // *Юридическая техника*. 2023. № 17. С. 86-94; и др.

¹⁰ См.: *Кожевина М. А.* Проблема периодизации в оценках российских правоведов // *Вестник Омского университета*. 2017. № 3. С. 130–140; *Кожевина М. А., Ящук Т. Ф.* Эволюция науки истории права и государства России (XVIII–XX вв.). Москва, 2023; и др.

¹¹ *Чукаев Т. О., Козинникова Е. Н.* Отечественное государство-ведение второй половины XIX в. о проблемах взаимодействия государства, общества и личности // *Genesis: исторические исследования*. 2022. № 3. С. 17.

¹² *Биюшкина Н. И.* становление российской науки полицейского права (XVII век – 80-годы XIX века) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2011. № 1. С. 11–14.

¹³ *Государствоведы, полицейисты и социально-политические мыслители России (середина XII – середина XX века). Опыт биографического словаря* / Сост. С. В. Мотин. Уфа, 2006; *Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий: В 4 т. Т. I* / Отв. ред. В. М. Сырых. М., 2009.

¹⁴ *Чукаев Т. О.* Омnipотенция «общественного права» в оценке М. М. Шпилевского // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2022. № 2(94). С. 31.

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ *Лешков В. Н.* 1) *О Законах благоустройства и благочиния, или что такое полиция* // *Москвитянин*. 1843. Ч. III. № 5–6; 2) *Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века*. М., 1858; 3) *Русские основы права*. М., 1863; 4) *Полицейское право. Часть 1. Благоустройство*. Выпуск 1, 2 и 3 курса, читанного в Университете св. Владимира профессором Н. Х. Бунге. Киев. 1869 г. I. Исторический очерк экономических учений. II. Наша средняя история общественного права с Петра

-
- Великого, ее характер и разделение. М., 1874;
- 5) Общественное право народонаселения. М., 1875;
- 6) Общественное право. М., 1880–1881.
- ¹⁷ *Шпилевский М. М.* Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса, 1875.
- ¹⁸ *Шпилевский М. М.* Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. С. 49.
- ¹⁹ Там же. С. 52.
- ²⁰ Там же. С. 56.
- ²¹ *Лешков В. Н.* 1) Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858; 2) Русские основы права. М., 1863; 3) Полицейское право. Часть 1. Благоустройство. Выпуск 1, 2 и 3 курса, читанного в Университете св. Владимира профессором Н. Х. Бунге. Киев. 1869 г. I. Исторический очерк экономических учений. II. Наша средняя история общественного права с Петра Великого, ее характер и разделение; 4) Общественное право народонаселения; 5) Общественное право.
- ²² *Бельский К. С.* Выдающийся русский ученый-полицист В. Н. Лешков // Государство и право. 1996. № 1. С. 127–136.
- ²³ *Лешков В. Н.* Общественное право. М., 1880–1881. С. 91.
- ²⁴ *Лешков В. Н.* Полицейское право. Часть 1. Благоустройство. Выпуск 1, 2 и 3 курса, читанного в Университете св. Владимира профессором Н. Х. Бунге. Киев. 1869 г. I. Исторический очерк экономических учений. II. Наша средняя история общественного права с Петра Великого, ее характер и разделение. С. 35.
- ²⁵ *Шпилевский М. М.* Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. С. 167.
- ²⁶ Там же. С. 83.
- ²⁷ Там же. С. 167.
- ²⁸ Там же. С. 165.
- ²⁹ *Чукаев Т. О.* Историко-теоретические предпосылки формирования института гражданского общества // Закон и право. 2020. № 3. С. 36–38.
- ³⁰ *Шпилевский М. М.* Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. С. 177.
- ³¹ *Чукаев Т. О.* Народ и органы государственной власти: анализ взаимодействия и сотрудничества в теоретическом

наследии В. Н. Лешкова // *Advances in Law Studies*. 2018. Т. 6. № 3. С. 26–30.

³² *Шпилевский М. М.* Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. С. 131.

³³ *Чукаев Т. О.* М. М. Шпилевский: характеристика общественного права как этапа развития полицейского права // *Актуальные проблемы полицейского права: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД России*. Омск, 2020. С. 118–121.

³⁴ *Нижник Н. С.* 1) Российская полицейистика: основные этапы становления и развития // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 6. С. 764–786; 2) Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 года*. Санкт-Петербургский университет МВД России. Т. 2. СПб., 2016. С. 228–235. EDN WZIIFB; *Nizhnik N. S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // Man. Society. Communication, Veliky Novgorod, 23–24 апреля 2020 года*. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR.

³⁵ *Ивановский В. В.* Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления.). 3-е изд. Казань, 1908. С. 39–40.

Т. В. Ломова*

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЮРОКРАТИИ
В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
В. В. ИВАНОВСКОГО**

В России начала XIX в. термины «бюрократия», «бюрократизм», «бюрократический» употреблялись в разных смысловых значениях. Бюрократию рассматривали с разных сторон. Одним из первых русских исследователей феномена «бюрократия» стал Виктор Викторович Ивановский (1854–1926), известный в конце XIX – начале XX в. социолог, государствовед, юрист, которым, по оценкам современных исследователей, в отечественной науке была дана «наиболее развёрнутая трактовка бюрократии как самостоятельного общественного класса»¹.

В числе наиболее значимых работ В. В. Ивановского: «Русское государственное право». Ч. 1 (Казань, 1895–1898); «Вопросы государствоведения, социологии и права» (Казань, 1899); «Юридический метод и его применение в политических науках» (Казань, 1902); «Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления)» (Казань, 1904); «Лекции по государственному праву» (Казань, 1904); «Учебник государственного права» (Казань, 1906), а также статья «Бюрократия, как самостоятельный общественный класс», размещенная на страницах журнала «Русская мысль» (1903).

* Ломова Татьяна Владимировна – преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Несмотря на то, что имя В. В. Ивановского упоминается во всех современных учебниках по истории политических и правовых учений, в исследованиях, касающихся формирования в России науки полицейского права², теоретическое наследие В. В. Ивановского до сих пор не получило комплексного анализа. Не стало предметом специального исследования современных ученых и учение В. В. Ивановского о бюрократии.

Бюрократию В. В. Ивановский рассматривал с социологической точки зрения, полагая, что бюрократия – это самостоятельный общественный класс, обладающий специфическими характеристиками, отличающими ее от иных социальных общностей: ее отличают особый правовой статус и связи, которые возникают между бюрократией и властью.

В. В. Ивановский рассматривал бюрократию как публично-правовой элемент, подчеркивая, что бюрократия возникает и развивается по мере развития публичного права. Ранее бюрократия не существовала, потому что не было никакой государственной службы, не было и государства как организации общества в современном его понимании. Бюрократия появляется при единоличной монархической власти, когда горожанам был предоставлен доступ к государственной службе. Именно тогда государственная служба стала развиваться как самостоятельная профессия, а бюрократия – как самостоятельный класс. «Весь процесс развития бюрократии характеризуется двумя существенными чертами: выработкой индивидуального бюрократического типа и сложением цельного, проникнутого внутренним единством, бюрократического механизма»³.

Государственная служба, полагает В. В. Ивановский, имеет свои особенности, как и любая другая профессия, и

государственным служащим, как и людям других профессий, свойственна профессиональная деформация. В государственном аппарате выстроен свой служебный строй, который сопровождается установленной формой деятельности чиновников, при этом места для проявления индивидуальной свободы чиновника не остается. В. В. Ивановский, сравнивает государственную службу с работой на фабрике, где люди ежедневно работают у станков «с убийственным однообразием»⁴. Такое однообразие, с одной стороны, должно развивать положительные качества у чиновников – навыки в решении дел, умение работать с законодательным материалом, но, с другой стороны, есть и отрицательное влияние: «такой автоматизм ослабляет самостоятельную работу масс, лишает предприимчивости, ... развивает склонность к неподвижности и рутине»⁵.

Статус чиновника, занимавшего высшие ступени бюрократической лестницы, должен был формировать положительные психические особенности, порождаемые привилегиями службы: чувство ответственности и долга; самоудовлетворенности при осуществлении общепользных мероприятий; чувство собственного достоинства; опыт решения государственно важных дел. Но данные привилегии могли развивать высокомерие, «преувеличенное чувство чиновного достоинства, самомнение, властолюбие»⁶. Высшие лестницы бюрократии ощущают чувство господства, на низших лестницах – чувство зависимости. Господство и зависимость составляют две стороны бюрократической организации, подчеркивал В. В. Ивановский.

В. В. Ивановский сравнивает бюрократизм с работой часового механизма: он проявляется в слаженности и взаимосвязи всех элементов. Нет другого такого общественного класса с таким внутренним единством и сла-

женной организацией, как бюрократия. Создает эти единство и слаженность близость к государственной власти. Эти отношения возникают по инициативе власти. Следовательно, не только отдельные чиновники, но и вся бюрократия как целое служит орудием государства. Отсюда следует, что бюрократия развивается не свободно, как другие классы, а принудительно, путем обязательного законного установления, обязательного для исполнения всех должностных лиц.

В. В. Ивановский как опытный социолог предпринимает попытку сравнить взаимоотношения бюрократии и государственной власти, проявляющиеся в различных политических структурах.

Бюрократия, по Ивановскому, – единый механизм, действующий планомерно и однообразно. Но есть высшая бюрократия, которая является центральным и главным орудием государственной власти. При этом существуют средние и низшие государственные органы, которые функционируют как «пассивные орудия».

При королевской власти в условиях абсолютизма важны традиции, налаженность, стабильность. Бюрократия в условиях королевской власти устойчива; триумфы и падения государей, как правило, не приводят к существенным изменениям. Напротив, бюрократия при таких обстоятельствах достигает высшего развития, так как остается единственным орудием обеспечения государственной власти.

С переходом западноевропейских государств к конституционной монархии отношение бюрократии и государственной власти меняется. Наряду с королевской властью, появляется еще один орган управления – народное представительство, которое становится равноправным субъектом по отношению к королевской власти в решении

важнейших политических вопросов. Формируется два основных элемента одной власти. Но у королевской власти по-прежнему остается больше влияния, поскольку исторически сложилось так, что королевской власти принадлежала наиболее активная роль в государственном управлении. Королевская власть по-прежнему стояла во главе всего государственного управления, все подчинялись королевской власти. Бюрократия по-прежнему оставалась орудием королевской власти. Влияние королевской власти на бюрократию, зависело от тех отношений, которые складывались между королевской властью и народным представительством, которые, хотя и являлись равноправными элементами власти, имели разное положение.

Если роль парламента растет, парламент приобретает больше власти. Это находит отражение в положении бюрократии. Раз власть принадлежит народному представительству, значит, бюрократия является орудием власти народного представительства. Но королевская власть сохраняется. Она в силу исторических традиций, непрерывных отношений с высшей бюрократией имеет возможность даже в условиях парламентарной монархии оказывать значительное влияние на весь бюрократический механизм. Бюрократия оказывается под двойным влиянием. Ее положение характеризуется Ивановским как «более запутанное».

Ивановский отмечает зависимость министров, представителей высшей бюрократии от народного представительства: во главе управления стоят министры, которые образуют кабинет, и каждый министр назначается королем, при этом для министра важно иметь поддержку парламента. Влияние парламента на бюрократию осуществляется через политические партии. Парламент в монархическом государстве, как и современный парламент – это

собрание представителей различных партий. Партии находятся в непрерывной борьбе между собой. Это большинство партии имеет возможность влиять на бюрократию, особенно на местную. Бюрократия становится их орудием. Но это «не противоречит взглядам и убеждениям парламентского большинства, так как местная бюрократия привыкла быть пассивным орудием, в чьих бы руках оно не находилась»⁷.

Таким образом бюрократия осуществляет свою деятельность в условиях двойного влияния: при конституционной монархии – под доминирующим влиянием королевской власти, при парламентарной монархии – под влиянием народного представительства. Изменения формы правления государства влекут за собой трансформацию взаимосвязи королевской власти, парламента и бюрократии.

Положение высшей бюрократии отличается наименьшей устойчивостью. В разные исторические периоды имели место и падения министерств, и смена одного министерства другим. Смена высшей бюрократии, часто влечет за собой и смену низших слоев бюрократии, но никогда такая смена не распространяется на весь бюрократический механизм. Низшие слои – гораздо более устойчивы, прежде всего потому, что местная бюрократия обыкновенно служит пассивным орудием в руках органов, которым предоставлены широкие полномочия в сфере государственного управления.

На местную бюрократию особенное влияние оказывало развитие общества. Органы общественного управления, по В. В. Ивановскому, отличаются от правительственных прежде всего тем, что они не создают условий, благоприятствующих развитию бюрократии как особого социального класса. Когда общественные органы дости-

гают той ступени развития, в которой выборное начало и децентрализация управления составляет их характерные особенности, они освобождаются от бюрократического влияния. В них отсутствует дух строгой чиновничьей дисциплины, так как выборное начало не создает служебных повинностей чинов и наград, не дает привилегий. В них должностные лица сохраняют свободу мнений. Они даже формально не связаны никакими шаблонами. Бюрократия и общественные учреждения имеют общую цель – общественное благо; их связывают общая задача, способы и формы деятельности, формы контроля. Ответственность за решение общих задач обуславливает тесные связи бюрократии и органов общественного управления.

При этом общественные учреждения живут и развиваются непрерывно, «получая от общества большой запас духовной энергии и жизнеспособности»⁸. Бюрократия имеет иную природу. Но в связи с осуществлением тесного сотрудничества, свойства общественных органов постепенно могут проникать и в среду бюрократии. Чем более они проникают, тем более бюрократия теряет свои особенности и приближается к другим общественным классам. Поэтому исчезновение бюрократии является закономерным; ему соответствует то состояние государственной административной жизни, при котором все управление становится самоуправлением.

В. В. Ивановский предвидит исчезновение бюрократии, которое произойдет не в ближайшем будущем. Бюрократия в качестве особого общественного класса будет существовать в условиях различных форм государства. Но, подчеркивает Ивановский, с укреплением местного общественного управления, бюрократия утрачивает значение самостоятельного общественного класса.

«Бюрократия есть самостоятельный общественный

класс, возникший в европейских государствах в периоды усиления королевской власти и имеющий своим жизненным призванием осуществление разнообразных государственных задач. Внутренний состав бюрократии и характер ее деятельности всегда обуславливается степенью политико-социальной культуры народа. В частности, она находится под сильнейшим влиянием двух факторов – классового и публичноправового. Первым служит социальным источником сил и социальной энергии, проникающих в бюрократию и сообщающих ей способность идти наравне с другими классами и в соответствии с развивающимися общественными потребностями; последней оказывает на нее нивелирующее влияние, сглаживая различия, проникая ее единством юридических начал, сообщая ей свойство цельного административно-политического механизма и создавая для нее устойчивый юридический базис. Культурно-историческая миссия бюрократии заключается в осуществлении идеи порядка, примеренного с свободой. По мере возвышения политической и социальной культуры народа, бюрократия обобществляется; парламентаризм содействует обобществлению верхних слоев бюрократии, местная автономия – нижних. Таким образом, рано или поздно, бюрократия как самостоятельный общественный класс, сходит с государственной сцены, уступая место самому обществу, по мере развития в нем государственного сознания, чувства законности и готовности служить государственным интересам»⁹.

Таким образом, В. В. Ивановский прогнозировал переход в сфере государственного управления от господства бюрократии к самоуправлению, в условиях которого будет достигнута главная цель – общественное благо. Как показывает накопленный с XIX в. опыт¹⁰, прогнозы В. В. Ивановского оказались справедливыми. В условиях

изменений государственно-правовых структур в XXI в. главным направлением развития системы государственного управления стал рост влияния на него со стороны общества, превращение институтов гражданского общества в значимый актор управления общественной жизнью (в том числе и в закрытой для такого взаимодействия сфере – правоохранительной¹¹).

© Ломова Т. В., 2023

¹ *Голосенко И. А.* Три толкования феномена бюрократии в дореволюционной социологии России // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 168.

² *Нижник Н. С.* Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // Российская полиция: три века служения Отечеству: Сборник статей Юбилейной международной научной конференции: В 2 ч. Москва, 21 декабря 2018 года / Под ред. В. Л. Кубышко. Ч. 1. М., 2019. С. 220–240. EDN XNBFRQ; *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* 2020. Т. 45. № 4. С. 750–760. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-4-750-760. EDN CERMAM; *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // *Man. Society. Communication, Veliky Novgorod*, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR; *Права человека: между прошлым и будущим* / Под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. М., 2021. С. 58–72.

³ *Ивановский В. В.* Бюрократия как самостоятельный общественный класс // *Русская мысль.* 1903. № 8. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ *State and law: transformation vectors in modern conditions / N. S. Nizhnik, M. V. Bavsun, Ya. L. Aliev [et al.] // SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium», Kaliningrad, 11 декабря 2020 года. Vol. 108. Kaliningrad, 2021. P. 01015. EDN ODEVLW; Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция / Под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб., 2021. С. 133–138.*

¹¹ *Нижник Н. С. 1) Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2018. № 4. С. 94–106. EDN BWYEDQ; 2) Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 52–66. DOI 10.7256/2454-0692.2018.5.23796. EDN YOMEXJ; 3) Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72. EDN FGENSE; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Общественные организации и объединения в СССР: участие в реализации функций советского государства // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 7–12. DOI 10.18572/2221-3287-2023-1-7-12. EDN GXTBYW.*

А. А. Пярн*

**НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ:
О ГОСУДАРСТВЕ, ПРАВЕ
И ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

Идея построения правового государства и развития гражданского общества находится в центре внимания современной юриспруденции. В Российской Федерации все большую актуальность приобретают вопросы, касающиеся выбора оптимальной модели механизма государственного управления, функционирующего стабильно и в рамках правовых предписаний¹. Обязательным при этом является обращение к национальным правовым традициям, учет специфики исторического развития отечественного государства и достижений российской политико-правовой мысли².

Большое количество работ в этой области написано такими важными государственными деятелями как П. Н. Гуляев, И. В. Платонов, И. Е. Андреевский, И. Т. Тарасов, В. В. Ивановский, П. Н. Шеймин, Э. Н. Берендтс, В. Ф. Дерюжинский, Н. Н. Белявский, А. И. Елистратов и др.³ Взгляды этих мыслителей на проблемы функционирования государства и принципы управления государством в настоящее время остаются осмысленными не в должной мере⁴ и вызывают интерес исследователей⁵.

Важную роль в становлении отечественной науки полицейского права сыграл Николай Федорович Рождественский (1802–1872)⁶.

Н. Ф. Рождественский родился в 1802 г. в Петербурге.

* Пярн Александра Александровна – адъюнкт кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Окончил философско-юридический факультет Императорского Петербургского университета (1823). С 1831 г. по 1842 г. являлся адъюнктом философско-юридического факультета Петербургского университета. Преподавал в Благородном пансионе университета логику, психологию и философию (с 1823 г.)⁷.

В 1824 г. кафедра положительных прав Петербургского университета была разделена на две: кафедру римского права и кафедру русского уголовного и гражданского права и судопроизводства. Чтение лекций по действующему гражданскому праву было поручено адъюнкту Рождественскому⁸. После Рождественский работал на кафедре законов гражданских (общих, особенных и местных). В 1842–1848 гг. преподавал римское право и российское законоведение в Главном педагогическом институте. Являлся экстраординарным (1842–1850) и ординарным (1850–1853) профессором кафедры законов благочиния и благоустройства философско-юридического факультета Петербургского университета⁹.

Н. Ф. Рождественский защитил две диссертации: магистерскую по теме «Рассуждение о мерах правительства к сохранению жизни и здоровья народа» (1836) и докторскую – «Историческое изложение русского законодательства о наследстве» (1838).

Основные идеи Н. Ф. Рождественского нашли отражение в его работах: «Римское гражданское право, изложенное по Маккельдею» (Санкт-Петербург, 1829–1830); «Рассуждение о мерах правительства к сохранению жизни и здоровья народа: диссертация на степень доктора законоведения» (Санкт-Петербург, 1836,), «Историческое изложение российского законодательства о наследстве» (Санкт-Петербург, 1839), «Основания государственного благоустройства» (Санкт-Петербург, 1840), «Руководство к российским законам» (Санкт-Петербург, 1840), «О влиянии греко-римского права на российско- гражданские законы» (Санкт-Петербург, 1843), «Законы государственного устройства и благочиния» (Санкт-Петербург, 1847–1848, лекции), «Обозрение внешней истории русского законо-

дательства (Санкт-Петербург, 1849), «Руководство к военным законам» (Санкт-Петербург, 1853), «Энциклопедия законовещения» (Санкт-Петербург, 1863), а также сборник лекций по философии, вошедший в Альманах русской философии и культуры (Санкт-Петербург, 2007).

Н. Ф. Рождественский являлся представителем юридического позитивизма. В своей работе «Энциклопедия законовещения»¹⁰ автор изложил свои взгляды на право и государство. Государство Н. Ф. Рождественский понимал как «союз людей, связанных семейными, родовыми и общественными отношениями и живущих на известном пространстве под управлением верховной власти. Право рассматривалось как совокупность законов, действовавших или действующих в известном государстве. Источниками права Н. Ф. Рождественский считал обычаи народа и законы, изданные верховной властью государства»¹¹.

Н. Ф. Рождественский полагал, что юридические законы находятся в последовательном согласовании с другими социальными нормами: религиозными, нравственными, правилами благоразумия. Наличие противоречий между отдельными видами законов является плодом несовершенного их понимания. Выявлять и разрешать такого рода противоречия – одна из задач юридической науки, которая должна «показать правила, посредством которых таковые коллизии могут быть предупреждены и устранены»¹². Законы, которым каждый человек должен следовать в своем кругу, для всех одинаковы.

Методы юридической науки Н.Ф. Рождественский понимал как совокупность догматического, исторического и философского методов, не имеющих между собой органической связи. Главная цель законовещения, по мнению Н. Ф. Рождественского – изучение законов, действующих в каком-либо государстве, а с этой задачей любая юридическая наука успешно справляется с помощью догматических и исторических методов.

Н. Ф. Рождественский был сторонником энциклопедии законовещения как самостоятельной научной и учебной дис-

циплины. Считал, что эта дисциплина разделяется на две части: материальную и формальную. «Формальная энциклопедия излагает основы нравственных начал и вытекающих из них составных частей законоведения. Формальная энциклопедия служит только введением в науку законоведения и потому ограничивается одним «голым распределением составных частей науки законоведения, не показывая их необходимости, не выводя их из основных начал», раскрытых и раскрываемых материальной энциклопедией»¹³.

В истории русского законодательства Н. Ф. Рождественский выделял историю «внешнюю, имеющую своим предметом изложить формы, в которых раскрывалось положительное законодательство» и историю «внутреннюю, которая излагает самое содержание, раскрывающееся в сих формах»¹⁴. «Первая занимается самими источниками законов, показывает причины и время издания оных, исчисляет законодателей и излагает формы в которых раскрывалось русское законодательство; вторая излагает самое содержание, раскрывающееся в сих формах, показывает содержание законов в хронологическом порядке, объясняя, как сии законы произошли, какие изменения претерпели они в течении времени»¹⁵.

Общественный резонанс имела работа Н. Ф. Рождественского «Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам» Автор представил сокращенный перевод трактата Р. фон Моля и выборку российских нормативных актов, подтверждавших теоретические конструкции Р. фон Моля¹⁶.

В работах «Рассуждение о мерах правительства к сохранению жизни и здоровья народа»¹⁷ и «Основания государственного благоустройства с применением к российским законам»¹⁸ Н. Ф. Рождественский обратился к рассмотрению организации полиции и полицейской деятельности, подчеркивая значение формирующейся науки полицейского права, которую считал философско-исторической.

Понятия «преступление», «вина», классификацию преступлений в российском уголовном праве

Н. Ф. Рождественский рассматривал в работе «Энциклопедия законоведения»¹⁹. Проблему преступности автор рассматривал с философской позиции как противостояние добра и зла. «Действие законов людских и действие суда человеческого может простираться только на внешние наши деяния, мысли, желания и чувствования, сколь бы ни были преступны, не подлежат действию законов государства и суду человеческому потому, что они неведомы»²⁰.

Н. Ф. Рождественский был видным ученым, государственным и общественным деятелем России первой половины XIX в. Его труды, посвященные проблемам государственного устройства и управления, развитию полицейско-правовой теории в России в первой половине XIX в., были признаны научной общественностью и не утратили своей актуальности до сих пор²¹. Однако до настоящего времени теоретическое наследие Н. Ф. Рождественского не получило должного осмысления и требует подробного анализа и уяснения возможностей его использования для преобразования государственно-правовой действительности современной России.

© Пярн А. А., 2023

¹ *Козинникова Е. Н.* Российская полицейистика в лицах: Владимир Матвеевич Гессен // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 96–107.

² *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства // Современные проблемы общей теории права: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан. Алмата: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2016. С. 14; *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // Man. Society. Communication, Veliky Novgorod, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR; *Егоров Н. Ю.* Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государ-

ственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 17; Козинникова Е. Н. Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 27; Чукаев Т. О. Омnipотенция «общественного права» в оценке М. М. Шпилевского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2(94). С. 31–32.

³ Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. Т. 2. СПб., 2016. С. 228–235. EDN WZIIFB.

⁴ Лясович Т. Г., Нижник Н. С., Силкин Н. Н. Становление, эволюция и современное состояние полиции России как предмет научных исследований // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С. 141–163; Нижник Н. С. Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2018. № 4. С. 94–106; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: направления и формы партнерского взаимодействия (по материалам международной конференции) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 43–48; Нижник Н. С. Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. 2018. № 4. С. 110–117; Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Полицейская деятельность: три века служения Отечеству // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 1–51; Нижник Н. С. Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии ученых Академии управления МВД России в юбилейной международной научной конференции) // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49). С. 149–156; Нижник Н. С., Нудненко Л. А.

Международная научная конференция «Российская полиция: три века служения Отечеству» // Административное право и процесс. 2019. № 3. С. 67–71; *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* Российская полиция: три века служения Отечеству // Государство и право. 2019. № 6. С. 138–145; *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало российского права. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021; *Нижник Н. С., Абдулло А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние. Душанбе, 2021; *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. P. 01015.

⁵ *Нижник Н. С.* Российская полицейстика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–786; *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // Man. Society. Communication, Veliky Novgorod, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR; *Нижник Н. С.* 1) Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2018. № 4. С. 94–106. EDN BWYEDQ; 2) Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72. EDN FGENJE; 3) Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии ученых Академии управления МВД России в юбилейной международной научной конференции) // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49). С. 149–156. EDN ZFBDBB; 4) Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 07 декабря 2018 года / Состави-

тель Э. Х. Мамедов. СПб., 2019. С. 267–296. EDN VXMYPE; *Nizhnik N.* 300 Years in the Service to the Native Land: Specifics of the Regional Development of the Police Bodies in the Russian Empire (on the Materials of the Jubilee International Scientific Conference held at St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs) // *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 495–522. EDN ZACSYH; *Нижник Н. С.* Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // *Российская полиция: три века служения Отечеству: Сборник статей Юбилейной международной научной конференции: В 2 ч. Москва, 21 декабря 2018 года / Под ред. В. Л. Кубышко. Ч. 1. М., 2019. С. 220–240. EDN XHBFQR.*

⁶ *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М., 2017. С. 58–60; *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // *Man. Society. Communication, Veliky Novgorod*, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826–1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR.

⁷ *Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (Санкт-Петербург): В 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. XXVIA (52). СПб., 1892. С. 284.*

⁸ *Козинникова Е. Н.* Российская полицистика в лицах: Владимир Матвеевич Гессен // *Genesis: исторические исследования*. 2016. № 6. С. 96.

⁹ *Биографика СПбГУ // Санкт-Петербургский государственный университет: официальный сайт. – <https://bioslovhist.spbu.ru/person/458-rozhdestvenskiy-nikolay-fedorovich.html> (дата обращения: 01.12.2022).*

¹⁰ *[Рождественский Н. Ф.] Энциклопедия законоведения. СПб., 1863.*

¹¹ *Рождественский Н. Ф.* Обзорение внешней истории русского законодательства, с предварительным изложением общего понятия и разделения законоведения. СПб., 1848. С. 100–150.

¹² Там же. С. 195.

¹³ Там же. С. 187.

¹⁴ Там же. С. 25–27.

¹⁵ Там же. С. 8–9, 22, 24.

¹⁶ *Нижник Н. С.* Российская полицистика: основные этапы становления и развития // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 6. С. 764–786; *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // *Man. Society. Communication, Veliky Novgorod*, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR.

¹⁷ *Рождественский Н. Ф.* Рассуждение о мерах правительства к сохранению жизни и здоровья народа. СПб., 1836.

¹⁸ *Рождественский Н. Ф.* Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам народа. СПб., 1840.

¹⁹ [*Рождественский Н. Ф.*] Энциклопедия законоведения. СПб., 1863.

²⁰ Там же.

²¹ *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М., 2017. С. 58–60; *Туманова А. С.* Завершено ещё одно исследование теоретического наследия российских полицейстов // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019. № 4. С. 221–225; *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // *Man. Society. Communication, Veliky Novgorod*, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826–1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR.

Н. Ю. Егоров*

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И. Т. ТАРАСОВА

Потенциал накопленного исторического опыта устройства государства в настоящее время не полностью раскрыт. В условиях быстро меняющихся общественных отношений, переоценки фундаментальных вопросов государства и права, общество вынуждено обращаться к теоретическому наследию учёных-юристов дореволюционной России. Одним из таких ученых-юристов являлся Иван Трофимович Тарасов (1849-1929), известный в России административист, заслуженный профессор, доктор полицейского права.

И. Т. Тарасов являлся учёным энциклопедического масштаба, его основные концепции, взгляды и теории формировались в период укрепления самодержавия, возникновения острых социальных конфликтов в государстве. Учёный затрагивал многочисленные проблемы в сфере государственного управления, но основным вопросом являлся вопрос взаимоотношения государства и общества. С момента установления советской власти в России концепции, учения и взгляды И. Т. Тарасова необоснованно преданы забвению.

В настоящее время приобретает актуальность вопрос обеспечения законности в различных сферах деятельности. А когда затрагивается проблема понимания¹ и обес-

* *Егоров Никита Юрьевич* – заместитель начальника правового отдела Санкт-Петербургского университета МВД России.

печения законности в государственном секторе, равнодушных членов общества не остается².

И. Т. Тарасов изучал вопросы обеспечения законности за рубежом: в Австрии, Пруссии, Франции³, по результатам чего были составлены отчеты Министерству народного просвещения⁴. И. Т. Тарасов преподавал науку полицейского и административного права в университете Св. Владимира в Киеве⁵, в Демидовском юридическом лицее⁶, где стал одним из инициаторов создания самостоятельной кафедры административного права, а также в Императорском Московском университете, в качестве ординарного профессора кафедры полицейского права⁷.

Вопросы обеспечения законности в деятельности органов государственной власти И. Т. Тарасов затрагивал в таких работах как: «Личное задержание как полицейская мера безопасности»⁸, «Очерк науки полицейского права»⁹, «Лекции по полицейскому (административному) праву»¹⁰, «Полиция в эпоху реформ»¹¹, «Учебник науки полицейского права»¹².

По мнению И. Т. Тарасова, законность в деятельности органов государственной власти должна обеспечиваться за счёт контрольно-надзорной деятельности, в которую учёный включал отчетность, ревизию и контроль¹³, а также административной юстиции и ответственности государственных служащих перед обществом. Именно за счёт таких способов, возможно достичь главной цели – обеспечение законности в действиях должностных лиц государства. Также учёный выделял способы обеспечения законности в деятельности органов государственной власти, которые не имели эффективного значения для достижения цели, но всё же применялись на практике: увещания, угрозы, поощрения и регламентация.

Особое внимание в рамках темы способов обеспече-

ния законности в органах государственной власти И. Т. Тарасов уделял проблеме административной юстиции и ответственности должностных лиц государства. Сущность административной юстиции в современной юридической мысли заключается в наличии права человека и гражданина обжаловать действия и бездействия государственных органов и их должностных лиц. Проблематика административной юстиции в настоящее время приобретает особую актуальность, поскольку в нашем государстве отсутствует полноценная система административной юстиции, позволяющая на должном уровне осуществлять защиту законных интересов человека и гражданина от нарушений со стороны государства.

С момента перехода в отечественной юриспруденции от теории властеотношений к теории правоотношений и формировании науки административного права, возникает вопрос о создании гарантий для защиты наиболее слабого субъекта публично-правового спора – человека и гражданина¹⁴.

Административная юстиция является одним из основных способов обеспечения законности в государственном управлении и одним из способов защиты от бесправных действий органов государственного управления. Наше государство только встало на путь создания института административной юстиции, что подтверждается разработкой и вступлением в законную силу 15 сентября 2015 г. Кодекса административного судопроизводства от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ¹⁵. Однако принятие кодекса является лишь одним из первых шагов нашего государства к формированию института административной юстиции.

В декабре 2006 г. в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации внесен проект Кодекса админи-

стративного судопроизводства Российской Федерации¹⁶. Однако законопроект не был поддержан Правительством Российской Федерации, в связи с тем, что на данном этапе велась работа по созданию специализированных административных судов, которая так и не была завершена.

Неоднозначность понимания среди ученых, изучающих институт административной юстиции, отсутствие единого мнения на институт административной юстиции повлекло выделение трех основных подходов: административная юстиция как правосудие по административным делам и делам управления, административная юстиция как система государственных учреждений по рассмотрению публично-правовых споров и административная юстиция как особый процессуальный порядок рассмотрения споров в сфере государственного управления, а иными словами административное судопроизводство¹⁷. Исходя из исследований учеными института административной юстиции с разных аспектов, выделяли три основных подхода: материальный аспект административной юстиции, организационный и формальный аспекты. Организационный и формальный аспекты института административной юстиции очень взаимосвязаны между собой, поскольку вопросы системы органов административной юстиции и вопрос порядка рассмотрения публично-правовых споров находятся в одной плоскости и подлежат исследованию в их взаимосвязи.

По мнению И. Т. Тарасова, задачей института административной юстиции является защита прав и интересов граждан и организации от административной неправды¹⁸. Административной неправдой ученый называл действия администрации, которые не были ни преступлениями, ни гражданскими правонарушениями, ни дисциплинарными проступками, не входили в компетенцию суда

дисциплинарной власти, однако данными действиями могли быть существенно нарушены законные права и свободы граждан и такими действиями администрации искажался закон до такой степени, что от него не оставалось даже подобия¹⁹.

Действия (бездействия) администрации, которые подлежат обжалованию в порядке административной юстиции, должны иметь не частное, а общее значение. И. Т. Тарасов определял публично-правовой характер отношений, которые должны рассматриваться в порядке административной юстиции. Субъектный состав института административной юстиции имел особое значение для характеристики всего института. Обязательным субъектом в рамках института административной юстиции должен быть орган управления, либо его должностное лицо. Обжалуемые распоряжения и действия предписания должны исходить от администрации²⁰.

Не менее важным вопросом обеспечения законности в деятельности органов государственной власти являлся вопрос ответственности государственных служащих²¹, которую И. Т. Тарасов разделял на судебную и дисциплинарную. Вся ответственность государственных служащих относилась к репрессивным мерам обеспечения законности в деятельности органов государственной власти. Именно в дореволюционной России была впервые предпринята попытка разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих.

Главной заслугой И. Т. Тарасова в решении проблемы юридической ответственности государственных служащих является попытка создания общих принципов привлечения государственных служащих к ответственности, которые полностью отражали переход от концепции властеотношений к правоотношениям. Именно И. Т. Тарасов

предложил ввести возможность для граждан напрямую обращаться в суд без согласования начальства в случае нарушения их прав и законных интересов со стороны государственных служащих, возможность участия гражданского общества в рассмотрении дел по дисциплинарным проступкам государственных служащих.

Модель обеспечения законности в деятельности органов государственной власти, предлагаемая И. Т. Тарасовым, была направлена на открытость, прозрачность, обсуждаемость действий государственных служащих. Применение общих принципов обеспечения законности, предлагаемых И. Т. Тарасовым, может быть использовано при формировании современных моделей взаимоотношений государства и гражданского общества²².

Таким образом, в российской юридической науке до революционной России ставились вопросы, которые опережали свое время, и которые затрагивали проблемы внутреннего государственного управления. Обеспечение законности государственного управления в теоретическом наследии И. Т. Тарасова являлся основным вопросом позволяющим создать модель эффективных взаимоотношений государства и общества.

© Егоров Н. Ю., 2023

¹ *Нижник Н. С.* Социюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3(34). С. 226—230. EDN PEWTLN; *Нижник Н. С., Папырин В. В.* Законность как социюридический феномен. СПб., 2012; *Нижник Н. С.* Законность: плюрализм подходов к рассмотрению социюридического феномена в современной юридической науке // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 12. С. 30–34. EDN RMCQKS.

² *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало рос-

сийского права. СПб., 2021.

³ Бельский К. П. Тарасов Иван Трофимович // Правовая наука и юридическая идеология России: Энциклопедический словарь биографий: В 2 т. / Отв. ред. В. М. Сырых. Т. 1. М., 2009. С. 701.

⁴ Тарасов И. Т. Два года на Западе с ученою целью. Киев, 1879.

⁵ Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С. Российская профессура. XVIII – начало XX века. Гуманитарные науки: Биографический словарь. Ч. I: А–И. СПб., 2013. С. 133.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 51. Ярославль, 1890. С. 15.

⁸ Тарасов И. Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 1–2. Киев, 1875–1886.

⁹ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897.

¹⁰ Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. М., 1908.

¹¹ Тарасов И. Т. Полиция в эпоху перемен. М., 1885.

¹² Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. 1–4. М., 1891–1896.

¹³ Там же. Вып. I. С. 106.

¹⁴ Нижник Н. С. Национальная безопасность как социюридический феномен // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2013 года. Ч. 1. СПб., 2013. С. 158.

¹⁵ Кодекс административного судопроизводства от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391; 2023. № 1. Ч. I. Ст. 50.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 55 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (официально опубликовано не было).

¹⁷ Николаева Л. А., Соловьева А. К. Административная юстиция и административное судопроизводство: зарубежный опыт

и российские традиции: Сборник. СПб., 2004. С. 49.

¹⁸ *Тарасов И. Т.* Организация административной юстиции // Юридический Вестник. 1887. Т. XXVI. Кн. 1 (Сентябрь). № 9. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Там же.

²¹ *Нижник Н. С.* Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности. Ч. 1. Новгород, 2008. С. 87.

²² *Нижник Н. С.* Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории // Российская полиция: три века служения Отечеству: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018. С. 239–250; *Егоров Н. Ю.* Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 17–26.

*Е. Н. Козинникова**

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИЦЕИСТИКА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ВЫСЫЛКЕ
КАК МЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

Революционная ситуация, сложившаяся в Российской империи в конце XIX в., характеризовавшаяся активизацией различных незаконных организаций, несла в себе угрозу существовавшей форме государства и установленному правопорядку. Несостоятельность точечных мер, предпринимаемых правительственной властью для ликвидации данной ситуации, привела к введению на территории Российской империи чрезвычайного правового режима исключительного положения и изданию регламентировавшего данный режим Высочайше утвержденного «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.¹

Реакция государственной власти на обострение социально-политической обстановки в Российской империи в конце XIX в., выразившаяся во введении чрезвычайного правового режима, вызвала подъем в развитии отечественной правовой мысли.

В условиях действия в государстве чрезвычайного правового режима исключительного положения большое значение приобретала проблема поиска таких мер обеспе-

* *Козинникова Екатерина Николаевна* – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

чения действия чрезвычайного правового режима, которые бы максимально соответствовали уровню пресекаемых государством угроз собственной безопасности и не приводили бы к излишнему ограничению правового статуса граждан.

В комплекс организационно-правовых мер, принятых правительством Российской империи во время действия исключительного положения входили меры в отношении свободы печати, меры по контролю за передвижением населения Российской империи (в том числе, возможность принудительного определения места пребывания неблагонадежных лиц (административная высылка)), а также осуществление полицейского надзора за определенными категориями лиц.

В разделе V «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»² определялись правила об *административной высылке*³ частных лиц в какую-либо определенную местность России, с обязательством безотлучного там пребывания в течение назначенного срока. Конкретные причины для высылки в административном порядке Положением регламентированы не были. Решение о необходимости административной высылки частного лица, принятое генерал-губернатором, губернатором или же градоначальником, согласно Положению, должно было представляться для утверждения министру внутренних дел, с подробным объяснением оснований для принятия такой меры, а также предположением о сроке административной высылки. Предложение о необходимости административной высылки рассматривалось «в особом совещании, образуемом при министре внутренних дел, под председательством заведующего полицией товарища министра, из четырех членов – двух от министерства внутренних дел и двух от

министерства юстиции», после чего утверждалось министром внутренних дел.

В 1887 г. в Положении Комитета министров о продлении срока действия «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» еще на три года⁴ сделано уточнение о том, что административной высылке подлежат лица, «вредные для государственного порядка и общественного спокойствия».

С 1894 г. административная высылка стала осуществляться не только по Положению 14 августа 1881 г., к ней прибегали также по правилам Положения «О видах на жительство»⁵, согласно которому полиция имела право применить административную высылку к лицам, находившимся в какой-либо местности без временного вида на жительство или же с просроченным видом на жительство.

Вид на жительство служил удостоверением личности и удостоверением права на отлучку из места постоянного жительства в тех случаях, когда это право должно быть удостоверено⁶.

Административной высылке подлежали не только неблагонадежные лица, которые вызывали опасения у губернских властей, но также и переданные в распоряжение правительства мещанскими и крестьянскими обществами или непринятые этими обществами по выходу из арестантских отделений.

С 1895 г. правила административной высылки, предусмотренные Положением «О мерах к охранению...» были распространены на всех, кто признавался вредным для общества в силу своего порочного поведения, что приводило к широкому толкованию правовой нормы и произволу. П. Н. Дурново, занимавший в 1905–1906 гг. пост министра внутренних дел, отмечал, что применение

административной высылки с каждым годом принимало все более широкие масштабы⁷.

В столицах действовали особые правила⁸, по которым перед высылкой производилось дознание на предмет политической неблагонадежности⁹.

Административная высылка как мера обеспечения действия на территории Российской империи режима исключительного положения являлась предметом осмысления отечественных полицейистов.

Выступая за развитие идей о правовом государстве, основным атрибутом которого является развитая система гражданских прав и свобод, многие отечественные государствоведы констатировали, что Российская империя в конце XIX – начале XX в. была далека от фактической гарантии многих прав и свобод населения, что со стороны власти объяснялось так называемой государственной необходимостью, вследствие наличия многочисленных угроз государственному строю. Российские полицейисты конца XIX – начала XX в. анализировали действовавшее в России законодательство и практику его применения, пытаясь в рамках полицейского права решить вопрос об адекватном соотношении опасностей, угрожающих государству, и мер государственного принуждения, применяемых для устранения этих опасностей.

Так, В. М. Гессен, анализируя положения об административной высылке и практику ее применения в Российской империи в конце XIX – начале XX в., констатировал, что даже несмотря на то, что в законодательство было внесено пояснение относительно того, что административной высылке из местностей, объявленных в исключительном положении, подлежат лица, «вредные для государственного порядка и общественного спокойствия»¹⁰, на практике таким же порядком высылке подлежали не

только политически неблагонадежные лица, но и вообще так называемые «порочные лица», к числу которых относились не уличенные конокрады, ростовщики, содержатели притонов и т. д.¹¹ В. М. Гессен полагал, что такая практика является неправильной, поскольку законом была определена категория лиц, подлежащих административной высылке, однако в 1895 г. были приняты временные меры¹², которые предполагали, что министр внутренних дел, при содействии Особого Совещания наделяется правом высылки порочных лиц из любой местности Империи, даже не объявленной на исключительном положении. В то же время и политически неблагонадежные лица с 1985 г. могли подлежать административной высылке по решению министра внутренних дел из любой местности, даже не объявленной на исключительном положении.

Другой отечественный государствовед, В. В. Ивановский, важнейшим правом личности считал право на свободу передвижения. Ограничение свободы передвижения населения он считал низшей стадией развития политической жизни, присущей полицейскому государству¹³. Однако, несмотря на то, что государствовед выступал за идеи правового государства, в условиях исключительного положения контроль за передвижением населения, в том числе и административную высылку неблагонадежных лиц, он считал обоснованной мерой.

В. Ф. Дерюжинский полагал, что в условиях действия чрезвычайного режима исключительного положения право личной свободы подвергается различным ограничениям и оттого становится особенно ценным. Вопрос об обеспечении данного права гарантиями государствовед относил к предмету государственного (конституционного) права¹⁴. К предмету полицейского права В. Ф. Дерюжинский относил ограничения, которые могут быть налагаемы на

право личной свободы, в особенности на право свободы передвижения, в целях обеспечения различных государственных интересов: отправления правосудия, возможности уголовного преследования, возможности взыскания долга и т. д.¹⁵.

Необходимость контроля над свободой передвижения В. Ф. Дерюжинский признавал бесспорным фактом. При этом огромное значение имеет вопрос, как организовать этот контроль и как определить границы, которые этот контроль не должен переступать. Правильное решение данного вопроса, по мнению государствоведа, лежит в соглашении, примирении двоякого рода интересов – свободы передвижения и различных интересов государственной жизни, вызывающих необходимость контроля за нею. Возможность примирения данных интересов зависит от характеристик государственного строя на определенном этапе исторического развития. В условиях исключительного положения удовлетворительное сочетание данных интересов имеет наибольшее значение.

Таким образом, выступая за идею построения правового государства, отечественные полицейисты (В. М. Гессен, В. В. Ивановский, В. Ф. Дерюжинский) признавали, что государственный контроль за передвижением населения ограничивает право лица на свободу передвижения и противоречит принципам правового государства, однако в условиях исключительного положения признавали данные меры оправданными. Соглашаясь с необходимостью контроля над свободой передвижения, полицейисты отмечали, что законодательством четко должны быть определены формы и границы этого контроля. Анализируя современную им российскую действительность, ученые пришли к выводу, что законодательные положения об административной высылке, предусмотренной как мера

обеспечения действия исключительного положения получили расширительное толкование: административная высылка стала применяться не только в местностях, объявленных на исключительном положении, а в любой местности Российской империи, где административная власть считала эту меру необходимой; высылка стала применяться в отношении не только неблагонадежных лиц, но и в отношении лиц, совершавших правонарушения, не связанные с нарушением общественного спокойствия, не имеющие отношения к политическим движениям. Такое расширительное толкование превратило административную высылку из чрезвычайной меры в обычную административную, что противоречило элементарным требованиям неприкосновенности личности.

© Козинникова Е. Н., 2023

¹ Именной, данный Сенату, высочайший указ «Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны» от 4 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (далее – ПСЗ-3). Т. I. № 382.

² Высочайше утвержденное «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // ПСЗ-3. Т. I. № 350. С. 261–266.

³ *Козинникова Е. Н.* 1) Вопросы обеспечения безопасности путем введения чрезвычайного правового режима в теоретическом наследии российских полицейстов // Известия ВУЗов Кыргызстана. № 12. 2018. С. 55–60; 2) О полномочиях полиции в условиях чрезвычайного правового режима исключительного положения в Российской империи в оценке полицейстов конца XIX – начала XX века // Философия права. 2018. № 1(84). С. 128–135; 3) «Положение чрезвычайной охраны» как форма чрезвычайного правового режима в Российской империи в конце XIX – начале XX веков // Актуальные проблемы полицейского права: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию

вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Омск, 2021. С. 28–32.

⁴ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об утверждении Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия еще на три года и о продлении в некоторых местностях Империи еще на один год срока действия положения об усиленной охране» от 11 июля 1887 г. // ПСЗ-3. Т. VII. № 4651.

⁵ Высочайше утвержденное «Положение о видах на жительство» от 3 июня 1894 г. // ПСЗ-3. Т. XIV. № 10709. С. 347–356.

⁶ Там же. П. 1.

⁷ *Нижник Н. С., Ахмедов Ч. Н.* Правоохранительная система Российской империи: структурно-функциональный анализ. СПб., 2008. С. 174.

⁸ Свод законов Российской империи. Т. XIV: Устав о паспортах: Издание 1903 года. Устав о цензуре и печати: Издание 1890 года. Устав благочиния и безопасности: Издание 1916 года. Устав о содержащихся под стражею: Издание 1890 года. Устав о ссыльных: Издание 1909 года. СПб., 1914.

⁹ *Древинг Ф.* Краткие сведения из полицейского права, государственного права, Уголовного уложения 1903 г.: Пособие для чинов столичной, городской и губернской полиции. М., 1909. С. 70.

¹⁰ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об утверждении Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия еще на три года и о продлении в некоторых местностях Империи еще на один год срока действия положения об усиленной охране» от 11 июля 1887 г. // ПСЗ-3. Т. VII. № 4651.

¹¹ *Козинникова Е. Н.* 1) Государственно-правовая концепция национальной безопасности В. М. Гессена – теоретическое наследие российской полицейстики // Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции в Санкт-Петербургской академии им. С. Ф. Зыбина. СПб., 2015. С. 113–116; 2) В. М. Гессен об исключительном положении как чрезвычайном правовом режиме в российской империи в конце XIX – начале XX века //

Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции: В 2 т. Т. I / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2017. С. 75–79.

¹² Высочайшее повеление, объявленное Министром Внутренних Дел «О некоторых, в виде временной меры, изменениях, действовавших об административной высылке постановлений» от 7 декабря 1895 г. // ПСЗ-3. Т. XV. № 12225. С. 691.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 60.

ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В 1930-е годы значительные новации в советскую правовую науку внес Андрей Януарьевич Вышинский, бывший ректор Московского государственного университета, а с 1931 г. занимавший ответственные должности в правоохранительной системе страны: Прокурор РСФСР с 1931 г. и Прокурор СССР с 1935 г. Поэтому представляют научный интерес теоретические взгляды этого представителя правящей элиты, активного участника политических процессов 1930-х годов в качестве государственного обвинителя. Цель данного исследования – анализ отдельных научных концепций академика А. Я. Вышинского, посвященные праву и правоприменительной практике.

Сторонники нового направления в теории права сосредоточили свою борьбу со старым «буржуазным» правом на проблемах классового подхода, революционной целесообразности, революционной законности и ужесточении репрессий к социально чуждым элементам. Ярким представителем новых подходов к праву стал А. Я. Вышинский.

Выступая на собрании ячейки ВКП(б) наркомата юстиции РСФСР, А. Я. Вышинский подчеркивал, что революционная законность принципиально отличается от законности буржуазной, поскольку последняя по своему су-

* *Филатов Владимир Викторович* – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института исторической и филологической антропологии Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова, доктор исторических наук, доцент.

ществу консервативна, не допускает никаких изменений, вызываемых ходом общественного развития. Особенность буржуазной законности заключалась в вере в закон как «вечное», «незыблемое», абстрактное понятие, фетиширование закона. Консервативность буржуазного законодательства кроется в охране господства буржуазии, в попытках приостановить ход общественного развития.

Он возражал против мнения своих оппонентов, считавших, что до нэпа торжествовал закон революционной целесообразности и революционного правосознания, и существовало беззаконие. В период нэпа ситуация изменилась, и с «отступлением» появляется революционная законность. А. Я. Вышинский заявлял, что нельзя противопоставлять революционную законность революционной целесообразности и социалистическому правосознанию. По А. Я. Вышинскому, «если мы не будем в нашей судебной и прокурорской работе иметь перспективы революционного творчества, не будем ориентироваться на целесообразность наших действий с точки зрения интересов пролетарской революции, мы рискуем наделать множество грубейших политических ошибок».

А. Я. Вышинский полагал, что «революционное правосознание – источник, революционная целесообразность – цель и революционная законность – средство, при помощи которого, исходя из этого источника, эта цель осуществляется». По его мнению, «революционная законность требует гибкого и, так сказать, свободного (что не значит – произвольного) отношения к закону. Не буква закона, не юридическое крючкотворчество, не слепое подобострастное преклонение перед законом, а творческое отношение к закону, такое отношение, когда требования закона (то есть тех юридических формул, в которых он выражен) корректируются пониманием цели, которой он призван

служить, и социалистическим пониманием отношений, в которых должно осуществляться его применение».

В статье И. В. Сталина «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса» предлагалось законы о найме труда в деревне, об аренде земли во время коллективизации отложить в сторону¹. В этом А. Я. Вышинский видел пример революционной целесообразности, когда можно было отойти от основ аграрного законодательства.

С его точки зрения, «такова диалектика революционной законности, в силу которой исключается формально-механическое отношение к требованиям советских законов», что не исключает, по В. И. Ленину, необходимости «соблюдать свято законы и предписания советской власти и следить за их исполнением всеми». А. Я. Вышинский приводил выдержку из записки В. И. Ленина Д. И. Курскому, что «суд должен не устранять террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас, формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставит условия применения на деле более или менее широкого»². Из этих взглядов Прокурора РСФСР с опорой на высказывание В. И. Ленина выходило, что не следует четко следовать закону, когда обстановка требует определенных действий, расходящихся с его положениями. Революционная цель допускала и отступление от закона.

В его суждениях претерпело трансформацию понятие о судебных доказательствах. А. Я. Вышинский подчеркивал, что «в деле оценки доказательственной силы тех или иных так называемых обстоятельств дела чрезвычайное значение имеет та классовая основа, которая определяет отношение судьи или следователя к этим обстоятельствам, которая определяет идеологическую точку зрения оцен-

щика... Все доказательное право так же пропитано классовым духом, как всякое право».

По его мнению, социалистическое правосознание играет важнейшую роль в формировании внутреннего судебного убеждения по тому или иному судебному делу. Как считал А. Я. Вышинский, «в социалистическом обществе внутреннее судебское убеждение питается соками социалистической почвы, принципами социалистического отношения к государству. Оно определяется всем мировоззрением человека и действиями самих людей с точки зрения интересов социалистического государства и социалистического строительства».

А. Я. Вышинский полагал, что «определяющую роль играет правосознание судьи, оценка, отношение судьи к данному преступлению, его общее и правовое мировоззрение, подсказывающее судье правильное понимание преступления и его общественно-политического и экономического значения, помогающее судье в вынесении приговора и даже в выборе меры наказания». Он утверждал, что «социалистическое правосознание и внутреннее убеждение судьи являются важнейшими процессуальными принципами»³.

А. Я. Вышинский настаивал, что в Уголовном кодексе нельзя предусмотреть все случаи возможных преступлений. Судья в этом случае должен решать вопросы не с точки зрения максимальной истины, а с точки зрения максимальной вероятности⁴. При этом он напоминал формулу И. В. Сталина, «который говорил о механике классовой борьбы, заключающейся в том, что сопротивление классового врага становится тем сильнее, чем этот враг становится слабее»⁵.

Новые подходы к процессу касались и роли защитника. А. Я. Вышинский утверждал: «Положение защитника

во много раз труднее. Ему надо нередко поднимать свой голос в пользу того, кто очень часто... в глазах всего нашего общества является врагом советского строя». Он предлагал «вести свою защиту таким образом, чтобы поднять ее на высоту интересов пролетарского государства,.. защищая обвиняемого, не упускать из виду, что советское государство окружено врагами... Представить все свои аргументы в защиту подсудимого, не сходя с принципиальной почвы, общей с судом, с обвинением, со все страной». А. Я. Вышинский предлагал «построить защиту обвиняемого на основе принципиального отношения к важнейшим вопросам социалистического строительства». Защитник должен был соблюдать политический такт, так как возражение защиты «бьет не по обвинению, а гораздо дальше обвинения – переходит в борьбу с советским судом»⁶. Подобные рассуждения радикальным образом меняли основные положения процессуального права. Защитник становился лишь формальным актором судебного разбирательства.

Привлекает внимание полемика Прокурора СССР А. Я. Вышинского и наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко о законе от 1 декабря 1934 г. А. Я. Вышинский заявляет, что этот закон не нарушил советского судебного демократизма. Разница состояла лишь в объеме прав обвиняемого. Это изъятие из Уголовно-процессуального кодекса, по мнению Прокурора СССР, касалось лишь особо опасных государственных преступлений, но по остальным делам сохранился общий и единый для всех судов порядок⁷. Эти взгляды послужили основой для беззакония при проведении политических репрессий.

В рамках небольшой статьи сложно полностью проанализировать воззрения одного из видных представителей правоохранительных органов страны. Но и изложен-

ные концепции А. Я. Вышинского позволяют охарактеризовать существенные перемены в советском праве. Революционная целесообразность, классовый подход требовали от правоохранительных органов руководствоваться не законами, а директивами партийно-советских структур и своим социалистическим правосознанием, особенно в период чрезвычайных обстоятельств. Советская правовая доктрина предполагала, что можно отойти от основ законодательства в связи с особыми ситуациями, когда нужно оперативно решить тот или иной важный для государства вопрос: будь то раскулачивание, ссылка крестьян, сохранность социалистической собственности, борьба с врагами народа. Право было поставлено в рамки революционной целесообразности текущего момента определяемого политическим руководством страны. Опыт прошлого позволяет предостеречь от возможности использовать право в угоду политической конъюнктуре.

© Филатов В. В., 2023

¹ Сталин И. В. К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 182.

² Советская юстиция. 1932. № 19. С. 3–8; Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М., 1970. С. 190.

³ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 22, 11–116.

⁴ Вышинский А. Я. К положению на фронте правовой науки. М., 1937. С. 20–41.

⁵ Вышинский А. Я. О революционной законности и задачах работников юстиции. Воронеж, 1932. С. 11.

⁶ Вышинский А. Я. Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934. С. 34–36.

⁷ Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 33.

В. К. Глебова*

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА: КОММУНИКАЦИЯ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

В настоящее время отечественная теория права активно осваивает новые концепции, понятия, определения, юридические конструкции, которые были неизвестны ей ранее или для полноценного научного освоения которых не хватало коммуникативных возможностей. Несмотря на почти три десятилетия жизни без официально установленной идеологии, общественное сознание в силу присущей ему инерции долгое время продолжало некритически относиться к тем достижениям западной цивилизации, которые стали номинально доступны всем слоям населения. В связи с этим детальное изучение трудов немецкого философа Юргена Хабермаса является одним из перспективных направлений. Коммуникация и рациональность отражают в себе одни из базовых принципов его умозаключений. Согласно мнению ученого только коммуникативные действия способствуют подлинной социальной интеграции, хотя при этом с точки зрения внешнего наблюдателя исчисляемая эффективность может и отсутствовать¹. Коль скоро разговор о рациональности предполагает, что разум выступает фундаментальным основанием всего жизненного мира, следует уяснить, что именно

* *Глебова Валерия Константиновна* – доцент кафедры гражданского и уголовного права гуманитарно-правового факультета Воронежского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета, кандидат юридических наук.

вкладывает Хабермас в понятие коммуникативной рациональности, постепенно сменившей в его текстах выражение «философия языка» (последнее, заметим, абстрактно, зато охватывает больше различных аспектов культуры «позднего модерна»). Самая первичная интуиция, тесно связанная с любой концепцией рациональности, предполагает, что у субъекта существует разумное обоснование для соответствующего суждения или поступка. Какое обоснование считать разумным – это вопрос отдельный и важный, равно как и вопрос о том, кого следует считать субъектом.

Для теории Хабермаса важнейшими являются следующие элементы:

- план развертывания (осуществления) коммуникативного разума в социальном пространстве и социальном времени;

- представление об идеальной речевой ситуации;
- понятие формальной прагматики.

Охарактеризуем данные элементы подробнее. Любой разум, коль скоро он является действующим началом, процессуален, процесс же в свою очередь немислим без пространственно-временных характеристик.

Хабермас выделяет два измерения коммуникативного разума – теоретическое и практическое, хотя это разделение, как мы сейчас убедимся, очень условно. Пространством актуализации этих измерений являются взаимодействующие между собой система и жизненный мир.

Теоретический дискурс представляет собой обсуждение таких притязаний определенной пропозиции на значимость, которые основаны на истинности. Другими словами, это чисто познавательный аспект коммуникации. Вспомним, согласно Веберу, социальное действие всегда к кому-то обращено. Хабермас добавляет: не просто обра-

щено, в нем заложен и импульс принуждения: если я высказываю истину, ты не можешь (оставаясь разумным) не присоединиться к ней. Это, конечно, еще не манипуляция сознанием в полном смысле слова, но и не безгранично свободное умозрение.

© Глебова В. К., 2023

¹ Научными исследованиями этот факт полностью подтверждается. Как пишет Я. С. Яскевич, «... нейроэкономистами доказано, что люди действительно хотя бы в некоторой степени альтруистичны и готовы платить собственные деньги за устранение несправедливости и неравенства. Социокультурный контекст в понимании европейцами и американцами справедливости позволяет современным экономистам объяснить макроэкономические различия между Европой и Америкой. Полагая, что бедные — не лентяи, а жертвы обстоятельств и несправедливости, европейцы поддерживают высокие социальные пособия и соответственно высокие налоги; американцы же голосуют за низкий уровень бюджетного перераспределения и низкие налоги». — *Яскевич Я. С. Коммуникативная рациональность. Ее роль в экономике, политике и принятии управленческих решений // Свободная мысль. 2014. № 5. С. 170.*

*А. В. Топилина**

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ «МИНИМАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ» ОТФРИДА ХЁФФЕ В АНАЛИЗЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Дискурс о правах человека насчитывает несколько столетий, однако международные механизмы защиты прав человека появились совсем недавно с созданием Организации Объединенных наций и подписанием Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 г.¹

Во Всеобщей декларации прав человека закрепились так называемые негативные права, которые связаны, прежде всего, с гражданскими и политическими свободами. Авторы Всеобщей декларации прав человека представляли государства, находящиеся на таком уровне развития, когда вопросы социально-экономического характера уже решены, и государство концентрирует свои усилия на правозащитной деятельности.

Деятельность по обеспечению прав человека была тесно связана с распространением демократических идей, которые подразумевают равенство в половой, этнической, социально-экономической и прочих сферах. Однако демократизаторы столкнулись с ситуацией, в которой далеко не все государства и народы оказались готовы к принятию идей демократии, кроме того, на территории этих государств оказались не решенными вопросы социально-

* *Топилина Анна Васильевна* – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России (Ростов-на-Дону), кандидат философских наук, доцент.

экономического характера, связанные с обеспечением права на образование, на труд, на здоровую окружающую среду и т. д., то есть были не реализованы позитивные права человека. Очевидно, что распространение идей демократии и негативных прав человека столкнулось с объективными трудностями.

Более того, идея равенства, лежащая в основе демократии, воспринимаемая европейцами во всей полноте гендерно-возрастных, этнических, религиозных, нативных (имеющих отношение к происхождению), политических и социально-экономических характеристик, оказалась нежизнеспособной в регионах, где концепты «равенство» и «индивидуализм» не входили в состав менталитета, культурного и религиозного кода.

В связи с этим, было выделено пять **цивилизационных моделей прав человека**.

Европейская, или классическая модель прав человека основана на идеях либеральной демократии и представляет всех людей равными в своем достоинстве и правах, концентрируясь на реализации их негативных, то есть гражданских и политических прав. Однако другие регионы мира демонстрируют специфические формы восприятия человека в контексте его индивидуальности и реализации прав.

Исламская модель основана на социальных принципах ислама, которые реализованы в исламском законе – Шариате. Согласно исламу, не существует гендерного и возрастного равенства, кроме того, отношение к мусульманам и не-мусульманам не может быть равным. Следует отметить, что традиция ислама также не предполагает развитого индивидуализма, поведение людей и отношение их друг к другу регулируется с позиций установок религиозной совести. В частности, в ст. 26 Основного закона Са-

удовской Аравии указывается: «Государство защищает права человека в соответствии с исламским шариатом»². В исламской правовой доктрине права и обязанности тесно переплетены, человек не обладает полной свободой действий, а обязан подчиняться религиозным предписаниям, что, в свою очередь, ставит под сомнение возможность распространения демократических идей, и, следовательно, негативных прав человека. В то же время, исламские государства проявляют активную заботу о реализации позитивных прав на своих территориях³.

Китайско-конфуцианская модель прав человека основана на соблюдении конфуцианских добродетелей, составляющих основу культуры и традиций Китая. Базой этих добродетелей является отказ от индивидуалистских ценностей в пользу коллективистских, интересы государства и коллектива ставятся выше интересов отдельно взятого человека. Права человека, с точки зрения данной модели, не даны ему от рождения, а являются результатом правотворчества государства. Китайская этика права не дифференцирует отдельные права и отдельные обязанности; базовая обязанность всегда порождает право. Обязанность носит характер полномочия, одновременно являясь правом человека. Поэтому в китайском праве более корректно говорить о наличии единых «правообязанностей». Обеспечение прав человека – это всегда баланс между интересами государства и интересами индивида, и в каждом государстве этот баланс конкретен. Несмотря на то, что идея равенства не чужда китайцам, им чужда идея автономного индивида, имеющего негативные права, поэтому в данной модели прав человека на первый план выдвигается реализация позитивных прав – права на труд, на образование, на охрану здоровья и т. п.⁴

Индо-буддийская цивилизационная модель прав чело-

века основана религиозной концепции буддизма, в котором идея автономной личности с развитой индивидуальностью отрицается⁵. При этом в основе буддизма лежит идея о непреложности социального неравенства, выраженного в кастовом строе индийского общества. Кастовое деление закреплено на законодательном уровне, однако, в ст. 17 Верховного закона Индии «неприкасаемость» упраздняется, а любая её практика признается преступлением⁶. В таком случае, в данной модели прав человека основное внимание уделяется вопросам запрета дискриминации граждан, а также защите женщин и детей как наиболее уязвимых слоев общества.

Наконец, *африканская* модель прав человека снова ставит вопрос о соотношении коллективного и персонального. Традиционные общества характеризуются наличием обычного права, в котором многие права и обязанности носят не индивидуальный, а групповой характер, принадлежат семье или роду. В рамках подобного цивилизационного типа не может функционировать современное представление о равенстве, поскольку общество основано на иерархии, включая подчинение женщины мужчине. Поэтому, несмотря на то, что в 1981 г. была принята Африканская хартия прав человека и народов⁷, закрепляющая в том числе негативные права, результат был ничтожным, поскольку народы Африки, ведущие традиционный образ жизни и имеющие коллективную психологию, еще не готовы к восприятию идеи индивидуальных прав.

Таким образом, мы видим, как функционирование в общественном сознании идей равенства оказывает влияние на принятие демократических ценностей и реализацию прав человека.

В этом контексте представляет интерес концепция

«минимальной антропологии», предложенная современным философом и политологом Отфридом Хёффе в работе «Democracy in an Age of Globalisation»⁸. Хёффе пишет о проблемах распространения демократических идей в эпоху глобализации, указывая, что, когда речь идет о реализации прав человека и права в целом, необходимо, чтобы население являлось носителем «минимальной антропологии» – осознания, что другой человек обладает идентичными правами и обязанностями, и тогда, отказываясь быть жертвой, человек должен одновременно отказаться от идеи быть преступником. По сути, это договорная теория, однако не о происхождении государства, а о возможности реализации права.

Хёффе указывает, что создать правовое государство возможно только при наличии такого правосознания, менталитета и системы ценностей, в которых люди будут готовы воспринимать друг друга как полноценно равных членов коллектива. В применении к цивилизационным моделям прав человека концепция «минимальной антропологии» демонстрирует, что обеспечение гражданских и политических прав становится возможным только после формирования демократического общества, в котором каждый индивид осознает себя как ценность, в то же время признавая равноценность других индивидов.

Глобалистский подход «плавильного тигля», как показала практика, не оправдал себя, уступив место концепции «салатницы», признающей невозможность гомогенизации общества.

В таком случае, необходимо признать, что глобализация общества и навязывание всему миру унифицированных демократических идей не представляется возможным, что убедительно было продемонстрировано в анализе цивилизационных моделей прав человека⁹.

«Минимальная антропология», то есть практическая реализация идей равенства и взаимности, о которых писал еще Аристотель, является необходимым базовым элементом, на котором возможна реализация права в целом (основанного на идеях равенства перед законом и равнообязательности) и прав человека в частности.

© Топилина А. В., 2023

¹ *Всеобщая декларация прав человека* [Утв. и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.]. М., 1993.

² *Дмитриевская Д. С.* Цивилизационный подход к правам человека и конституционно-правовое отражение их основных моделей // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 107–119.

³ *Всеобщая исламская декларация прав человека* (принята по инициативе Исламского совета Европы и зачитана 19 сентября 1981 года в Париже). – http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm (дата обращения: 08.02.2023).

⁴ *Ishida T.* Japanese Political Culture Change and Continuity London, 1983. P. 70–71.

⁵ *Бережной С. Б.* Проблема личности в контексте эпистемологии буддизма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 153–157.

⁶ *Дмитриевская Д. С.* Цивилизационный подход к правам человека и конституционно-правовое отражение их основных моделей // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 107–119.

⁷ *Африканская Хартия прав человека и народов* (принята на встрече глав государств – членов Организации африканского единства 26 июня 1981 года, вступила в силу 21 октября 1986 года). – https://www.concourt.am/hr/rus/inter/6_4.htm (дата обращения: 08.02.2023).

⁸ *Höffe O.* Democracy in an Age of Globalisation. Springer, 2007.

⁹ *Топилина А. В.* Критика универсализма в контексте цивилизационной детерминированности содержания прав человека // Философия права. 2023. № 1. С. 140–147.

Т. А. Долгополова*

ПРОБЛЕМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В ТРУДАХ Л. А. НУДНЕНКО

Конституция Российской Федерации в ст. 130 закрепляет непосредственную демократию в качестве ведущей формы осуществления местного самоуправления. Этим объясняется то внимание, которое уделяется анализу теоретических основ и правового регулирования институтов непосредственной демократии в науке муниципального права. Данным проблемам посвящены работы доктора юридических наук, профессора Лидии Алексеевны Нудненко.

Л. А. Нудненко в 2001 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления (проблемы теории и практики)»¹. Проблемы правового регулирования институтов непосредственной демократии получили развитие в работах ученого².

Актуальность исследования проблем непосредственной демократии в системе местного самоуправления определяется тем, что последние десять лет ознаменовались многочисленными поправками в федеральное законодательство, которые влекут изменения в региональном законодательстве и требуют анализа перспектив дальнейшего развития муниципальных нормативных правовых актов³.

Следует отметить сокращение полномочий региональ-

* Долгополова Татьяна Анатольевна – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук.

ных законодателей по вопросам непосредственной демократии, которые переданы в ведение представительных органов муниципальных образований. Например, правовая регламентация статуса депутатов и выборных должностных лиц местного самоуправления⁴.

В науке муниципального права отмечается синтез, сочетание, взаимопроникновение непосредственной и представительной демократии. Так, институты непосредственной демократии являются источником представительной демократии в системе местного самоуправления. Так, без выборов – важнейшего, наиболее распространённого на практике института непосредственной демократии – не может состояться представительная демократия на местном уровне. Посредством реализации некоторых институтов непосредственной демократии (местный референдум, обращения, петиции, народная правотворческая инициатива, собрания и публичные манифестации) местное сообщество влияет на содержание, основные направления деятельности выборных органов муниципальных образований.

В юридической литературе отмечают, что в силу отсутствия достаточно компетентных в правотворчестве специалистов, особенно на уровне сельских и городских поселений, правовая регламентация этих вопросов на местном уровне является неполной и несовершенной⁵.

Можно отметить заметную реакцию региональной правотворческой политики в отношении возможности «отхода» от непосредственной демократии, как только таковую, допускает, но не предписывает федеральный стандарт. Так, изменения 2014 г. в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», позволившие отказаться от прямых выборов глав городских округов и муници-

пальных районов, вызвали соответствующий массовый отказ на региональном уровне правотворчества – возможность и в данном случае реализовывалась в региональной правотворческой политике как необходимость⁶.

Важно констатировать поиск и реализацию форм взаимодействия власти и населения в рамках консультативных процедур⁷. Решения консультативных институтов непосредственной демократии имеют рекомендательный характер. Таковыми являются: опрос граждан; публичные слушания; общественные обсуждения; обращения граждан; петиции граждан; правотворческая инициатива; собрания граждан.

20 июля 2020 г. в Федеральный закон 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» была внесена новая ст. 26.1 «Инициативные проекты». Необходимость правовой регламентации на федеральном уровне инициативных проектов обусловлена распространением на практике объединения средств бюджетов различных уровней муниципальных образований, средств местных жителей и предприятий для реализации гражданских инициатив с целью решения актуальных вопросов жизнедеятельности местного населения.

Существенный рывок в науке муниципального права был сделан в исследовании развития на территории муниципальных образований Российской Федерации территориального общественного самоуправления⁸. Территориальное общественное самоуправление признано одной из организационно-правовых форм осуществления местного самоуправления наряду с непосредственной демократией. Непосредственная демократия и территориальное общественное самоуправление – разновидности народовластия, предполагающие участие граждан в обсуждении,

принятии решений по вопросам местного значения. У них общие цели: обеспечение демократизации в управлении обществом и государством, развитие демократических начал в решении вопросов местного значения и повышение эффективности в ведении местных дел⁹.

Начиная с 2007 г. ст. 82 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. № 131 была дополнена шестью статьями, регулирующими особенности местного самоуправления на различных территориях с целью государственной поддержки более благоприятного экономического развития этих территорий.

В науке муниципального права было отмечено, что в «Сколково» и на территориях инновационных научно-технологических центров ограничена сфера применения институтов непосредственной демократии, юридически и фактически почти все полномочия органов местного самоуправления выполняют управляющие компании, а сами органы местного самоуправления размещаются вне их территории, что свидетельствует о декларативном характере местного самоуправления на соответствующих территориях. Сделан вывод, что органы местного самоуправления на территории свободного порта Владивосток и в Арктической зоне при наличии некоторых особенностей в осуществлении местного самоуправления, сохранили компетенцию, предусмотренную Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. № 131¹⁰.

© Долгополова Т. А., 2023

¹ Нудненко Л. А. Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления (проблемы теории и практики): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001.

² Нудненко Л. А. 1) Непосредственная демократия в системе местного самоуправления- институт конституционного права

России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2001. № 1. С. 16; 2) К вопросу о субъектах непосредственной демократии в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 2. С. 23–25; Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А., Цанко М. И. Тенденции правового регулирования муниципальной демократии в Российской Федерации. М., 2020.

³ Нудненко Л. А. 1) Перспективы развития непосредственной демократии в условиях развития информационных технологий // Конституционное и муниципальное право. 2019 № 12. С. 38–40; 2) Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 52–55; 3) Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия. М., 2021; 4) Перспективы развития законодательства о непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 3–8.

⁴ Нудненко Л. А. 1) Досрочный отзыв депутата, выборного должностного лица местного самоуправления – конституционный деликт // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. М., 2001. С. 391–394; 2) К истории разработки и принятия Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Государство и право. 2008. № 8. С. 5–13; 3) Некоторые тенденции правового регулирования наказов избирателей в системе местного самоуправления // Государство и право. 2018. № 10. С. 86–94; 4) Проблемы правового регулирования отчетов выборных представителей местного сообщества перед избирателями // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 58–62; 5) Тенденции правового регулирования досрочного отзыва избирателями выборного представителя местного сообщества // Административное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 25–27; 6) Правовая основа статуса депутата представительного органа муниципального образования // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 46–52; 7) К вопросу о балансе публичных и частных интересов в правовом регулировании встреч

депутатов с избирателями // Государство и право. 2019. № 4. С. 85–91; 8) Запрос депутата муниципального образования в сфере осуществления контроля за соблюдением прав и свобод личности // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 5-6. С. 25–29; 9) Проблемы правового регламентации парламентского запроса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 50–54.

⁵ Нудненко Л. А. 1) Справедливость как критерий баланса публичных и частных интересов // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 46–50; 2) Некоторые проблемы совершенствования правового регулирования территориальной основы местного самоуправления // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2021. № 3. С. 19–34.

⁶ Нудненко Л. А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. М., 2016; Алексеев И. А., Арутюнян Р. Э., Белявский А. С., Берлявский А. Г., Нудненко Л. А. и др. Избирательное право Российской Федерации и зарубежных стран. М., 2019; Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Актуальные проблемы совершенствования демократии в России // Государство и право. 2020. № 6. С. 171–178; Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 62–67.

⁷ Нудненко Л. А. 1) Концепция Федерального закона «О петициях граждан Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6. С. 13–17; 2) Проблемы правовой регламентации правотворческой инициативы граждан в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 2. С. 29–32; 3) Тенденции правовой регламентации публичных слушаний в Российской Федерации // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 5-6. С. 49–52; 4) Проблемы правовой регламентации опроса граждан в системе местного самоуправления Российской Федерации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. № 4. С. 34–

36; 5) Проблемы правовой регламентации опроса граждан в системе местного самоуправления Российской Федерации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. № 4. С. 34–36; 6) Правоприменительная практика Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в постановлениях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека // Государство и право. 2021. № 1. С. 63–71.

⁸ Нудненко Л. А. Тенденции правового регулирования статуса органов территориального общественного самоуправления // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня окончания Великой Отечественной войны (1941–1945). Грозный; Махачкала, 2020. С. 191–201.

⁹ Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Тенденции правовой регламентации вопросов местного значения городских и сельских поселений в социально-экономической сфере // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2019. № 1. С. 10–14.

¹⁰ Нудненко Л. А. 1) Тенденции правового регулирования особенностей организации местного самоуправления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 61–68; 2) Особенности статуса органов местного самоуправления, обусловленные проживанием на территории муниципального образования коренных малочисленных народов Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 2. С. 3–7.

Е. А. Поцелуев*

**ВЗГЛЯДЫ НА ПОНЯТИЕ «ПРАВО»
СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ ПРАВА
И ГОСУДАРСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

В середине прошлого – самом начале этого столетия книжными издательствами Российской Федерации было выпущено довольно много учебников, учебных пособий, курсов лекций по теории государства и права или по теории права и государства, или общей теории права и государства, гораздо меньше – хрестоматий и практикумов по вышеуказанной дисциплине.

В 2000 г. в учебном пособии, подготовленном авторским коллективом кафедры (Ю. В. Аманацкий, Г. И. Захаренко, А. В. Кузьмин, С. М. Оганесян, В. Н. Полторыпавленко, Р. А. Ромашов, М. В. Сальников и В. В. Талянин) было дано следующее определение права *«это нормативное выражение исторически сложившегося порядка общественных отношений между свободными и равными субъектами, отклонения от которого могут быть устранены средствами государственного принуждения»*¹. По нашему мнению, в данном определении есть элементы нормативной теории Ганса (Ханса) Кельзена, социологической теории права (общественные отношения,

* Поцелуев Евгений Леонидович – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Ивановского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

связь с социумом), исторической школы права, либертарной теории В. С. Нерсисянца (свобода и равенство) и юридического позитивизма (государственное принуждение). Исходя из этого определения можно сделать однозначный и категоричный вывод, что права не было в рабовладельческом и феодальном государствах, с чем мы давно согласны.

Но на наш взгляд, вышеуказанное определение имеет недочеты: речь идет о любых нормах; о любом порядке и о любых общественных отношениях на основе этих норм с учетом принципа историзма. Этому определению явно не хватает юридичности: авторы этой книги прекрасно знают, что нормы бывают не только юридические, но и моральные, политические, религиозные и др., а на их основе и соответствующие отношения и порядок. Отклонения от норм права могут быть устранены не только с помощью государственного принуждения, а также, к примеру, с помощью работодателя: его реакция на дисциплинарные проступки работников.

В этой книге дано следующее понятие права – *«это система, исходящая от государства, общеобязательных, формально определенных, гарантированных принудительной силой государства правил поведения общего характера, являющихся регулятором общественных отношений и основывающихся на принципах естественного права»*². В этом понятии названы многие важные признаки права: нормативность, системность, формальная определенность, неперсонифицированность норм, «гарантированность» государственным принуждением, а также, по сути, две его основные функции – охранительная и регулятивная. Если в определении была связь с либертарной теорией права, то в понятии – с теорией юснатурализма. Взгляды В. С. Нерсисянца во многом близки к идеям

Г. Радбруха, самого яркого и видного представителя возрожденного естественного права после краха национал-социалистического режима в Германии, но все же не идентичны. Но все-таки есть определенная последовательность санкт-петербургских коллег на страницах этой книги. С чем мы категорически не можем согласиться, так это с абсолютизацией государства как правотворца, поскольку в этой роли выступает и народ (например, принятие Конституции Российской Федерации на референдуме 12 декабря 1993 г.), органы местного самоуправления, а также предприятия, учреждения и организации (локальные нормативные правовые акты) и др.

Аналогичные определение и понятие были даны в учебном пособии этого же коллектива в 2002 г.³, что вполне объяснимо: было бы странно, если бы за два года взгляды ученых изменились.

В начале XXI в. выходят в свет авторские работы Р. А. Ромашова: его лекционные курсы по теории государства и права. Так, в конспекте лекций по вышеуказанной учебной дисциплине (допущена МВД РФ в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля), изданной в 2004 г. право понимается абсолютно также как и в ранее указанных нами книгах: *«это система, исходящая от государства, общеобязательных, формально определенных, гарантированных принудительной силой государства правил поведения общего характера, являющихся регулятором общественных отношений и основывающихся на принципах естественного права»*⁴. Ученый отмечает специфические признаки права, которые отличают его от других социальных регуляторов: *общеизвестность, публичность, формальная определенность, обеспеченность системой государственных гарантий, санк-*

ционированность и дает им краткую характеристику⁵. С характеристикой первых четырех признаков мы полностью согласны, возражение вызывает лишь понимание последнего признака: «санкционированность – за нарушение требований правовых предписаний государством определяются меры юридической ответственности, предполагающие применение к нарушителю наказаний, вид и размер которых определяется в законодательном порядке»⁶. Во-первых, как известно, санкционировать означает что-то разрешить, одобрить, поэтому полагаем, что нельзя сводить санкции к каре, наказанию. Во-вторых, и в начале минувшего века были сторонники позитивной (перспективной, проспективной) юридической ответственности, поэтому меры такой ответственности носят совсем иной характер: стимулирующий и поощрительный. В-третьих, не все меры даже традиционной, классической, то есть ретроспективной (штрафной, карательной) определяет государство, особенно в сфере частного права. Так, И. Г. Захаров в автореферате своей кандидатской диссертации «Юридическая ответственность в частном праве» (М., 2006) пишет, что источники закрепления такой ответственности не ограничиваются нормами права и могут быть установлены самими участниками частноправовых отношений в индивидуальных правовых договорах (односторонних правовых актах)⁷. Негативные санкции за совершение международных преступлений и международных уголовных преступлений (преступлений международного характера), которые содержатся в различных конвенциях, уставах и других международных договорах, приняты не одним государством, а несколькими, и юристы знают, что для вступления в силу необходимо, чтобы их ратифицировало энное количество государств и ратификационную грамоту направило депозитарию. Эту циф-

ру обычно указывают в конце такого договора. Правда, эти международные договоры для вступления в силу должны быть ратифицированы парламентами ряда государств. В-четвертых, непонятно что имеется в виду под законодательным порядком: только законы или законы или подзаконные акты или все право? Под законодателями имеются в виду только законодательные органы власти?

В 2005 г. вышел довольно объемный учебник (630 страниц) «Теория государства и права»⁸ под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля Российской Федерации, начальника кафедры теории права и государства Санкт-Петербургского университета МВД России, полковника милиции Р. А. Ромашова, в котором второй параграф (хотя символа параграфа в книге нет) называется «Понятие и признаки права». Авторы данной главы – Р. А. Ромашов и кандидаты юридических наук П. А. Оль и Е. Г. Шукшина. В ней в точности воспроизведено определение из двух прежних коллективных вышеуказанных нами работ права *«это нормативное выражение исторически сложившегося порядка общественных отношений между свободными и равными субъектами, отклонения от которого могут быть устранены средствами государственного принуждения»*⁹, а признаки права и их характеристика на 100 % совпадает с аналогичным материалом из конспекта лекций Р. А. Ромашова¹⁰, что по тогдашним меркам вполне не только допустимо, но и оправдано.

В 2006 г. Р. А. Ромашов корректирует свое видение права. Он пишет, что оно *«выступает в качестве регулятивно-охранительной системы складывающееся из общезначимых (правил) норм, принимаемых в целях обеспечения социальной стабильности, безопасности, развития*

и оказывающих результативное воздействие на общественные отношения»¹¹. И далее автор называет уже всего два основных признака права как социального регулятора: общезначимость (как и раньше) и результативность¹². Безусловно, последнее свойство права, по Р. А. Ромашову, связано с его теорией реалистического позитивизма 2004 г.¹³.

Таким образом, ученые кафедры теории права и государства Санкт-Петербургского университета МВД России смогли в определенной мере уйти от узкого, нормативного подхода к пониманию права, привнеся в него идеи социологической юриспруденции, доктрины естественного права, исторической школы права и либертарной теории, но все же этатизм, абсолютизация роли государства как единственного правотворца и абсолютизация роли государства в принуждении, к сожалению, еще сохранились. Благодаря Р. А. Ромашову в рассматриваемый нами период появилась его теория реалистического позитивизма, но ее анализ не входит в данной статье в предмет нашего анализа. Скажем лишь, что она сразу привлекла к себе внимание очень многих выдающихся отечественных правоведов (Д. И. Луковской, О. В. Мартышина, И. А. Честнова, С. В. Кодана и др.) и встала в один ряд с либертарной теорией В. С. Нерсисянца, коммуникативной теорией права А. В. Полякова, пониманием права как диалога И. А. Честнова.

© Поцелуев Е. А., 2023

¹ *Теория государства и права (схемы и комментарии): Учебное пособие / Под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2000. С. 68–69.*

² Там же. С. 69.

³ *Теория права и государства (ключевые вопросы, определения, схемы). Учебное пособие / Под ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб., 2002. С. 17, 18.*

-
- ⁴ Ромашов Р. А. Теория государства и права: Конспект лекций: Учебное пособие. СПб., 2004. С. 79.
- ⁵ Там же. С. 79–80.
- ⁶ Там же. С. 80.
- ⁷ Кузьмин И. А. Специфика частноправовой ответственности // *Lex Russica*. 2018. № 4(137). С. 40.
- ⁸ Поцелуев Е. Л. Рец: Теория государства и прав: Учебник / Под ред. Р. А. Ромашова. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005 // *История государства и права*. 2006. № 5. С. 45–47.
- ⁹ Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2005. С. 179.
- ¹⁰ Там же. С. 181–183.
- ¹¹ Ромашов Р. А. Теория государства и права. СПб., 2006. С. 105.
- ¹² Там же.
- ¹³ Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Концепция современного правопонимания: Материалы «круглого стола». Санкт-Петербург, 21 декабря 2004 года / Под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2005. С. 8–22.

Раздел III
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА:
ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Ю. В. Аманацкий*

НАУКА КАК ОСОБАЯ ФОРМА КУЛЬТУРЫ

Наука – область человеческой деятельности, обособленная в процессе разделения труда и связанная с выработкой и теоретической систематизацией объективных знаний о действительности. Целью и высшей ценностью науки является поиск объективной истины через описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, а критерием истинности научного знания выступает предметно-практическая деятельность человека.

Культура – это совокупность созданных человеком материальных и духовных ценностей, а также сама человеческая способность эти ценности производить и исполь-

* *Аманацкий Юрий Валентинович* – доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

зовать. Принято в связи с этим говорить о материальной и духовной культуре. Однако это деление условно, поскольку каждое произведение материальной культуры является результатом осознанной человеческой деятельности; в то же время любое произведение духовной культуры (литературное произведение, икона, картина, архитектурное сооружение и т. д.) выражается в конкретной вещественной форме.

В ряду основных форм культуры: философии, искусства, религии – наука выступает как относительно самостоятельная форма культуры, обусловленная общими закономерностями культурно-исторического процесса. Поэтому под определяющим влиянием культурных смыслов формируется и научное отношение к миру, и предмет науки, и тип научной рациональности, и специфика научно-исследовательской деятельности, и система ценностей науки.

Представление науки как специфической формы культуры оправдано лишь тогда, когда удастся доказать, что общие родовые черты культуры присутствуют в научной культуре как особом виде культуры. Рассмотренное представление культуры как единства четырех миров позволяет выполнить эту задачу. В самом деле, наука целиком принадлежит к миру артефактов, поскольку наука как целое и система ее результатов – это продукты целенаправленной человеческой деятельности, и при этом – одной из наиболее сложных форм деятельности. Средством выражения результатов научного познания выступает язык науки, имеющий, если можно так сказать, двойную культурную природу: он не только стихийно складывается в процессе научной деятельности (как видовой разновидности культурной деятельности) подобно естественным языкам, но проходит дальнейшую культур-

ную обработку на предмет четкости, однозначности, недвусмысленности. Таким образом, через посредство своего языка наука оказывается принадлежащей и миру знаков, и миру смыслов¹. В современной культуре, рассматриваемой как мир информационных процессов, наука играет системообразующую роль в том смысле, что она задает информационное содержание культуре, формирует мировоззренческие и смысловые образцы для так называемой высокой культуры².

Реальное взаимодействие науки и других форм культуры осуществляется, прежде всего, через личность исследователя, через процесс его творческой самореализации. Если, например, в данном типе общества религия составляет духовную основу культуры, то религиозные смыслы влияют на систему познавательных смыслов науки, причем далеко не всегда – в отрицательном смысле. Так, протестантизм существенно повлиял на становление науки Нового времени, и творчество ряда ученых (Кеплер, Бойль, Ньютон и др.) непосредственно вдохновлялось религиозной мотивацией. Путь к вершинам науки требует от человека постоянной мобилизации творческих сил, а это возможно при наличии чрезвычайно сильной внутренней мотивации. В науке всегда были выражены ценностные смыслы, связанные с жаждой познания, служения Истине, Человечеству. В духе протестантизма научное творчество переживалось как священное Деяние.

Однако в современном мире эти великие культурные идеалы заземляются, и, по мнению М. Вебера, уже в начале XX в. наука исходит из вполне прагматической идеи: «законы природы стоят того, чтобы их знать»³.

К этому времени стало очевидно, что знание законов природы приносит, прежде всего, технические и экономические успехи, поэтому практическая ценность знания

выходит на первый план. В результате занятия наукой перестали рассматриваться как особое призвание, как удел избранных, и наука превратилась в разновидность профессиональной деятельности наемных работников умственного труда. Как писал М. Вебер, «наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящих спасение и откровение, и не составная часть размышлений мудрецов и философов о смысле мира»⁴.

Профессионализация науки в какой-то мере противоречит ее изначальному ценностному смыслу, связанному с бытием науки как особой формы культуры.

Основная функция науки – производство знания. Эта функция носит культуротворческий характер, поскольку знания, производимые наукой, расширяют пространство свободы, обогащают духовный мир человека, и, стало быть, обладают самостоятельной духовной ценностью. Особенно важная роль в этом смысле принадлежит социально-гуманитарным наукам, обосновывающим и в известном смысле формирующим ценностные императивы конкретного общества, составляющие базис его культуры.

Наконец, наука вносит существенный вклад в реализацию основной функции культуры – функции человекотворчества. В своей ипостаси социального института наука воспроизводит особый тип человека-творца – ученого, исследователя. Рассматриваемая в качестве системы знаний, наука выполняет человекотворческую функцию в общечеловеческом масштабе и смысле, поскольку определяет содержательную основу образования (как общего среднего, так и высшего профессионального) практически во всех развитых странах мира. Таким образом, наука по своим содержательным характеристикам и реализуемым

функциям выступает как особая форма культура и при этом – как наиболее развитая ее форма. Научные знания участвуют в создании материальных благ, позволяют находить новые возможности использования природных сил и ресурсов, поэтому духовная ценность знания неразрывно связана с их практической применимостью. Наука в современном обществе играет роль непосредственной производительной силы, поскольку производимые ею знания оказывают огромное и постоянно возрастающее влияние на все производственные процессы, изменяют их структуру, характер, цели. Таким образом, наука – средство формирования как духовных, так и материальных ценностей культуры.

Наука становится силой, формирующей культуру, и вместе с тем ее развитие зависит от специфики культуры конкретного общества. Упрощенно говоря, наука не может достаточно далеко забегать вперед по отношению к развитию культуры, поскольку сама является важнейшей формой культуры. Такая зависимость наглядно выявляется на примерах петровской эпохи.

Царь-реформатор Петр I нуждался в науке и обученных специалистах для преобразований армии и военной техники, для создания промышленности и систем коммуникации, для организации государственной бюрократии. Однако культурные основания той европейской науки, которую Петр I пытался импортировать, были чужды не только деспотическому социально-экономическому строю, но и всей системе российской культуры конца XVII – начала XVIII столетий. Именно поэтому, несмотря на то, что среди первых русских академиков были всемирно известные ученые: Л. Эйлер, Д. и Н. Бернулли и др. – внедрение науки в российскую культуру происходило медленно и болезненно. Такому внедрению противоречили ду-

ховные традиции, моральные устои, весь уклад русской жизни. Ориентация науки на рациональное исследование природы и общественной жизни противоречила как традиционным ценностям русской культуры допетровской эпохи, так и сугубо прагматическим ориентациям самих реформаторов. Поэтому по-настоящему российская наука стала развиваться лишь полтора столетия спустя, а именно с началом новых общественных процессов, связанных с реформой 1861 г. Историческое развитие науки показывает, что по мере изменения типа культуры меняются важнейшие аспекты организации и содержания науки: стандарты изложения научного знания, способы осмысления реальности в науке, стили мышления. Система социокультурных факторов выступает важнейшей детерминантой генезиса и развития конкретного типа науки.

Таким образом, наука может изучать все в человеческом мире, но в особом аспекте, со специфической точки зрения. Этот особый аспект выражает одновременно и безграничность, и ограниченность науки. Чем определяется ограниченность научного познания? Человек как сознательное существо обладает свободой воли и выступает субъектом, а не только объектом деятельности. Субъектное бытие человека не может быть в полном объеме исчерпано научным знанием, а наука не может заменить собой всех форм познания мира, всей культуры. И все, что остается за пределами ее рассмотрения, компенсируется другими формами духовного постижения мира – через искусство, через религию, через нравственность.

© Аманацкий Ю. В., 2023

¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 125.

² Пронина . А. Информатизация культурно-образовательного пространства: методологические аспекты исследования: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. Тамбов, 2007. С. 23.

³ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайдено. М., 1990. С. 602–633.

⁴ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайдено. С. 707–735.

А. В. Скоробогатов*

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Современная правовая реальность России характеризуется транзитивностью, представляющей собой специфичный этап социального развития, характеризующийся переходным состоянием и охватывающий все стороны жизни общества¹, включая науку, прежде всего, гуманитарную. Нестабильность социального развития придает функционированию науки черты неопределенности, что проявляется не только в стремлении критически оценить прошлое и настоящее, но и в смене исследовательских парадигм в целом.

Среди наук, исследующих явления социальной реальности в их взаимосвязи и взаимодействии с целью преобразования в интересах общественной необходимости и прикладного результата, по предметному признаку выделяется юридическая наука. Как специфический вид познавательной деятельности юридическая наука направлена на выработку объективных, правильных, обоснованных знаний о праве и государстве, закономерности их возникновения в социуме и развитии и функционировании.

Реализация данных задач может осуществляться в двух формах. С одной стороны, юридическая наука призвана сформировать научно обоснованный прогноз пра-

* *Скоробогатов Андрей Валерьевич* – профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), доктор исторических наук, доцент.

вового и политического развития страны, который должен стать основой реформы. С другой стороны, юридическая наука должна обосновать, что проводимые реформы не только необходимы, но и целесообразны, учитывают не только политические, но и социальные интересы, являются не только легальными, но и легитимными. На первый взгляд, данные формы выглядят бинарно: первая характерна для демократического государства, вторая – для тоталитарного. В действительности эти формы взаимодополняют друг друга. Во-первых, проведение любой значительной реформы и принятие нормативного правового акта требуют предварительной подготовки и экспертизы, включающей научную составляющую. Во-вторых, реализация нормативных положений в жизнь требует рассмотрения их содержания с учетом не только нормативных, но и социальных аспектов, включая изучение соотношения текста нормативного правового акта в контексте его социальных потребностей и социальных результатов.

Особенности современного этапа развития юридической науки могут быть адекватно восприняты внутри системы процессов социальных и культурных изменений глобального и национального масштабов, что требует принципиального расширения сферы методологической рефлексии в юридических исследованиях. Это находит свое выражение, прежде всего, в концептуальной перестройке науки, прежде всего, в переходе от монистической методологии к философско-методологическому плюрализму, детерминированному четырьмя поворотами в гуманитарном знании: лингвистическим, антропологическим, практическим и компаративным. Это стимулировало поиски новой научной картины мира, которая характеризуется релятивизмом, конструируемостью, динамизмом, знаковостью и коммуникативностью.

Цель юридической науки на современном этапе заключается не только в выработке знаний и их организации в определенную систему, но и в адекватном объяснении закономерностей возникновения, развития, функционирования правовой реальности, а также создании научно обоснованного прогноза ее дальнейшей эволюции. Однако речь идет не о выработке единственно возможной правовой концепции, а о разработке множества относительно истинных теорий, каждая из которых способна раскрыть лишь отдельный аспект правовой реальности. Только их интеграция позволяет представить общий образ правовой реальности. При этом юридическая наука не должна ограничиваться исключительно собственными методами и подходами. Она должна выйти на междисциплинарный уровень. В англоязычной юриспруденции это проявилось в создании движений «Право и общество», «Право и экономика», «Право и литература» и др.², методологические наработки которых постепенно осваивает российская наука³.

В то же время это предполагает отказ от признания завершенности познания и наличия абсолютной истины, которые все больше приобретают интерсубъективный характер. Изучение правовой реальности определяется, прежде всего, субъектом, выбирающим исследовательский инструментарий, исходя из целеполагания и мировоззренческих установок. Следствием этого становится усиление конструктивистского начала в юриспруденции, которое оказывает влияние не только на функционирование науки, но и на развитие правовой реальности⁴.

В современной юриспруденции формируется такое мировоззрение, которое основывается в первую очередь на многообразии, а не единстве мира, но не отрицает последний и его глобализацию, а «понимает» их в диалоге,

полилоге, «полифонии голосов» разных стран, их объединений. Этот процесс можно условно обозначить, учитывая его источники, компаративизацией мира, а мировоззрение, которое основывается на нем и предназначено для его объяснения, – компаративизмом. Речь идет не только об усилении внимания к сравнительно-правовым исследованиям, но и об интерпретации правовой реальности в компаративном контексте.

Мы солидарны с позицией И. Л. Честнова, что объяснение содержания и особенностей функционирования правовой реальности определяется теорией правопонимания, которой придерживается тот или иной ученый⁵. При этом все больше отечественных ученых склоняются к интегративному правопониманию, рассматривая его предельно широко как синтез не только классической⁶, но и постклассической методологии⁷.

В то же время при исследовании правовой реальности все большее внимание уделяется проблемам ее человекомерности и обусловленности правового развития индивидуальными и социальными интересами⁸. Антропология права в ее социокультурном варианте позволяет исследовать не только позитивное право, но и иные системы правил поведения, претендующие на статус правовых. Речь при этом идет об изучении не только собственно правил, но и их формы, смысла и контекста. Отсюда усиление внимания к герменевтике права, семиотике права, истории права, а также появление синтетических направлений исследования, например, правового регулирования исторической памяти.

Усиление антропологического контекста гуманитарного знания в сочетании с соборностью российской правовой традиции обусловило социологизации юриспруденции. Это выразилось как в стремлении объяснить право

как социальное и (или) культурное явление⁹, так и исследовать взаимодействие правовых норм и общества в контексте проблем эффективности и легитимности правового воздействия¹⁰.

Одновременно происходит расширение исследовательского поля юриспруденции, которая все больше приобретает междисциплинарный характер. Особенно ярко это проявляется в юридической технике, сосредоточившейся на изучении социокультурных аспектов правового регулирования, наряду с исследованием формально-юридических вопросов развития и функционирования правовых актов¹¹.

С позиций коммуникативной теории юридическая наука может рассматриваться не столько как инструмент правовой коммуникации, сколько как ее непосредственный участник. При этом она выступает в качестве адресанта, оказывая целенаправленное воздействие не только на общественные отношения, но и на сознание и поведение индивида (адресата правовой коммуникации) с целью их изменения в намеченном адресантом направлении, хотя характер подобных трансформаций зависит от особенностей правовой коммуникации в транзитивном социуме.

Таким образом, развитие современной юриспруденции обусловлено эволюцией гуманитарного знания и ориентацией на плюрализм в анализе, интерпретации и оценке правовой реальности. Господствующими тенденциями развития отечественной юридической науки являются интегративизм, компаративизм, антропологизация, социологизация и междисциплинарность.

Современная юридическая наука должна, во-первых, стать фундаментом правотворчества и правоприменения с точки зрения научного обоснования целесообразности и эффективности, изучения и обобщения, во-вторых, обес-

печить системность, сбалансированность и внутреннюю согласованность законодательства и правоприменительной практики как основы обеспечения правопорядка. Этого возможно достичь не только пересмотром мировоззренческой базы научных исследований, но и принятием Основ государственной политики в сфере развития юридической науки и юридического образования. Подобный документ будет способствовать трансформации значения юридической науки в социальном развитии от простой констатации правовой реальности к драйверу не только правового, но и социального развития в целом.

© Скоробогатов А. В., 2023

¹ Попов В. В., Музыка О. А., Тимофеев В. А. Феномен транзитивного общества: нелинейный аспект // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-1. С. 143–146.

² *A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory* / Ed. D. Patterson. 2nd ed. Chichester, 2010.

³ См. например: Каранетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016.

⁴ Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Юридические науки. 2022. № 1(45). С. 16–22.

⁵ Честнов И. Л. Юридическая наука в ожидании перемен // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 5(334). С. 6–15.

⁶ Ромашов Р. А. Правовой реализм и реалистический позитивизм: теория и практика // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 57–64.

⁷ Поляков А. В. Коммуникативная теория права – актуальное направление юридической науки // Петербургский юрист. 2015. № 1. С. 20–29.

⁸ Павлов В. И. Взаимодействие человека и государства в контексте проблемы свободы // Российская академия юридических наук. Научные труды. 2020. Т. 20. С. 16–20.

⁹ *Культуральные исследования права* / Под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018.

¹⁰ *Денисенко В. В.* Легитимность права: теоретико-правовое исследование. М., 2022.

¹¹ См. например: *Баранов В. М.* Шесть этюдов о сущности и технике правотворческой экспертологии // *Юридическая техника.* 2022. № 16. С. 645–648.

В. Г. Зарубин*

В. А. Семенов**

ПОЛИТИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОВОГО ПОЛЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Приходится констатировать очередную смену политического курса в Российской Федерации: после «похорон» коммунистического режима в 1991 г. и пришедшему ему на смену «нового политического мышления» с ориентацией на глобализацию как либеральную модель мировидения в 2022 г. начало СВО (специальной военной операции) ознаменовало поворот к утверждению собственной культурно-исторической идентичности государства и общества и противостояния однополярному миру. Причиной такого разворота стало четкое и ясное осознание политики коллективного Запада, возглавляемого США, как политики, критическим образом угрожающей национальной безопасности Российской Федерации.

Резкое обострение международной обстановки связано не только с началом прямых военных действий, но и началом процесса разрушения общего глобального про-

* *Зарубин Валерий Григорьевич* – профессор кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, профессор.

** *Семенов Владимир Анатольевич* – профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, профессор.

странства правового поля, регулируемого «международным правом». Инициатором данного процесса стали, как ни парадоксально, сами США (на словах постоянно декларирующие свою роль лидера в защите демократических ценностей в мире), объявив, что теперь мир должен жить по «правилам», ими устанавливаемыми, а не по принципам и нормам международного права. Для Российской Федерации сложившаяся ситуация означает необходимость расставания еще с одной иллюзией – упования на возможность достижения справедливого урегулирования споров и конфликтных ситуаций с помощью этого универсального механизма. Согласно ст. 15 Конституции Российской Федерации «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Принятие поправок в Конституцию Российской Федерации в июле 2020 г. существенным образом изменило содержание Основного закона. В соответствии с поправками международные нормативные акты могут применяться на территории государства в том случае, если они не противоречат законодательству, которое действует сейчас в России. Этот вопрос может подниматься только в отношении тех нормативных актов международного уровня, которые уже были ратифицированы.

Если же зафиксирован прямой конфликт между национальным и международным нормативным правовым актом, то будет отдан приоритет именно национальному праву. Определение наличия конфликта будет происходить на основе анализа тех норм международного и

российского права, в которых заподозрен конфликт. В случае, если явный конфликт между международным документом и российским законом проследить сложно, решением этого вопроса будет заниматься Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии с его новыми полномочиями, появившимися после внесения поправок в июле 2020 г. Внесенные поправки в Конституцию Российской Федерации очевидным образом укрепляют суверенитет нашей страны и ее национальную безопасность.

Международные организации конфликто разрешения используются сегодня США и их союзниками как инструменты давления на Российскую Федерацию с целью достижения односторонней выгоды, по сути извращая суть самих этих институтов. Игры с нулевой суммой откровенно осуществляются в «целях уничтожения российской государственности». Прокси-война под русофобскими знаменами развернута во всем американоцентричном западном мире.

Дело дошло до того, что в марте 2023 г. Международный уголовный суд (МУС), Римский статут которого не ратифицирован Россией, выдал ордер на арест В. В. Путина. МУС выдал ордер на арест Владимира Владимировича Путина и детского омбудсмена Марии Львовой-Беловой, объяснив это тем, что они несут ответственность «за военное преступление, которое заключается в незаконной депортации населения (детей) с оккупированных территорий Украины в Россию». В МИД России в ответ назвали «ничтожными с точки зрения права» любые подобные решения МУС, а в Кремле подчеркнули, что Москва не признает юрисдикцию этого суда.

Следственный комитет Российской Федерации возбуждал против судей и прокурора МУС уголовное дело. В Рос-

сии их подозревают в «приготовлении к нападению на представителя иностранного государства, пользующегося международной защитой». Кроме того, судей МУС преследуют за «заведомо незаконное заключение под стражу», а прокурора – за «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, соединенное с незаконным обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления».

Примечательно, что в 2018 г. Соединенные Штаты пригрозили судьям МУС санкциями. Те в ответ пообещали «продолжать независимые расследования», в том числе преступлений американских солдат, которых подозревают в применении пыток в Афганистане. «Мы не собираемся сотрудничать с Международным уголовным судом. Мы не будем помогать и, уж конечно, не присоединимся к нему. Мы позволим ему умереть собственной смертью. Если уж на то пошло, Международный уголовный суд для нас уже фактически мертв», – заявил тогдашний советник президента США по национальной безопасности Джон Болтон¹.

Он также пригрозил санкциями, если суд продолжит разбирательства в отношении США, Израиля и других американских союзников: «Мы запретим судьям и прокурорам этого суда въезд на территорию Соединенных Штатов. Мы наложим арест на их активы, мы будем преследовать их в судебном порядке по американскому уголовному законодательству». Болтон отметил, что та же участь постигнет «любую частную компанию или государство, которые станут сотрудничать с МУС в преследовании американских граждан».

Американцы тогда также заявили о намерении поднять в Совбезе ООН вопрос о лишении МУС «широких полномочий», чтобы таким образом оградить от возможных расследований граждан США и стран-союзниц, не

ратифицировавших Римский статут – договор, учредивший Международный уголовный суд.

Использование двойных стандартов является ярким свидетельством политизации подходов к конфликтным ситуациям в международных отношениях. Без действенных институционализированных механизмов конфликто-разрешения, основывающихся на разделяемых всеми нормами правового поля, односторонне трактуемые «правила» как основа межгосударственных отношений лавинообразно приводят к их деградации и милитаризации.

Ослабление и исчезновение одних правовых пространств взаимодействия в решении спорных вопросов порождает необходимость создания новых, способных обеспечить возможность конструктивного взаимодействия заинтересованных субъектов, способствующих проявлению уважения к юрисдикциям всех сторон. Этот процесс в мире уже идет – как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Сближение России и Китая, динамичное расширение ШОС и другие процессы аналогичного содержания и направленности свидетельствуют о формировании нового многополярного мира, основанного на правовых принципах и нормах, уважающих суверенитет всех государств без навязывания односторонней воли в ущерб национальным интересам.

Гегемонистские устремления англосаксов опираются на использование всех средств без разбора. Терроризм, обман, ложь – все идет в ход. Целедостижение – уничтожение России как государства и как конкурентного соперника – оправдывает, по их мнению, все праведные и неправедные средства. Инструмент применения санкций – один из примеров такого рода нелегитимных и незаконных приемов.

Британия не только пошла на экспроприацию российских активов, но и на совершение таких радикальных шагов, как отказ государства-должника выполнять свои обязательства перед кредитором. Лондон поддержал желание Киева не погашать долг Украины перед Российской Федерацией. 16 марта информационное агентство Bloomberg сообщило новость: Украина выиграла в Верховном суде Великобритании дело по так называемому кредиту Януковича. Заём был организован в виде покупки Россией из средств Фонда национального благосостояния (ФНБ) украинских государственных облигаций под 5 % годовых со сроком погашения два года. Киев успел выпустить евробондов на 3 миллиарда. До осени 2015 г. проценты по ценным бумагам Киев выплачивал, но потом прекратил. Более того, потребовал предоставить отсрочку в погашении основной суммы долга на четыре года, а часть долга списать. В декабре 2015 г. Киев заявил, что погашать долг в означенную условиями займа дату не собирается. Мол, заимствование коммерческое, поэтому можно требовать реструктуризации долга. Однако долг по всем признакам был суверенный (это подтвердил и МВФ), а дефолт по суверенному долгу – вещь очень серьёзная. Рейтинг такой страны резко падает и никакие кредиты со стороны международных финансовых институтов (МВФ и Всемирного банка) ей предоставляться не могут. Однако МВФ почему-то не объявил о суверенном дефолте Украины, а позднее продолжал оказывать ей финансовую помощь как ни в чем не бывало. Москва обратилась в Верховный суд Лондона, который является высшей инстанцией в спорах, связанных с евробондами, и накануне 2015 г. подала иск о погашении всех обязательств по «долгу Януковича». И в марте 2017 г. суд удовлетворил иск о вое заявление Москвы. Киев подал апелляцию. Тогда Вер-

ховный суд Лондона неожиданно заморозил своё решение. Ответчик (Украина) предложил Суду вникнуть в политические «тонкости»: Москва, мол, навязала украинской стороне этот заём, который является частью «незаконной политической и военной агрессии со стороны Москвы». Лондонский суд не отклонил апелляцию Киева, а согласился вникать в пресловутые политические «тонкости». Деятельность Верховного суда политизировалась. Лондонские судьи полностью проигнорировали то, что санкции коллективного Запада против России являются нелегитимными с точки зрения международного права, так как, во-первых, не утверждены Совбезом ООН, во-вторых, являются грубым нарушением устава Всемирной торговой организации (ВТО).

Последствия политизации международного правового поля проявляются в двух основных плоскостях:

– использование в правовом пространстве международных инструментов конфликто разрешения без учета интересов одной из сторон, что порождает падение авторитета этих инструментов и торжества «права сильного»;

– появление альтернативных систем правового регулирования межгосударственных отношений в организациях, основанных на принципах уважения суверенитета и национальных интересов каждого.

Последняя тенденция является определяющей в развитии мирового баланса сил. Закрепляться и утверждаться она будет непросто, в условиях жесткого, вплоть до использования военных средств, противостояния.

© Зарубин В. Г., Семенов В. А., 2023

¹ США «похоронили» Международный суд в Гааге. – <https://ria.ru/20180913/1528429325.html> (дата обращения: 28.03.2023).

А. И. Честнов*

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Постклассическая (или постнеклассическая) юридическая наука (далее – ПКЮН) как научно-исследовательская программа возникает в начале 2000-х годов. Этому предшествовало формирование постклассической (или неклассической, постнеклассической) философии и соответствующей рациональности, картины мира, значительно отличающихся от классической их версии. Классическая рациональность ориентирована на объективность как безличностность (или бессубъектность, когда субъективное объявляется ненаучным, а значит нерациональным), разумность, целесообразность и универсальность. Ее, как полагает В. Н. Порус, можно назвать «абсолютистской». Она предполагает наличие «единой и единственной системы критериев рациональности, применение которых не ограничено никакими конкретными условиями»¹. Неклассическая физика – квантовая механика – оперирует сложными объектами, в описание которых с необходимостью вторгается позиция наблюдателя, включающая способы их измерения. Такого рода объекты характеризуются неопределенностью (по В. Гейзенбергу) и принципом дополнительности Н. Бора. В конце XX в. философия науки обнаружила «сверхсложность» при описании некоторых

* *Честнов Илья Львович* – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

объектов («сложностные объекты», по Э. Морену), их принципиальную стохастичность и непредсказуемость. Это так называемые синергетические объекты, для описания которых необходимо включение процесса познания в социокультурный контекст. При этом важно подчеркнуть, что В. С. Степин не утверждает стадиальность и смену типов научной рациональности. По его мнению, и сегодня все три вида объектов и способы их измерения сосуществуют. Некоторые задачи, по его мнению, вполне успешно решаются на основе положений классической рациональности, тогда как для других требуется неклассический или постнеклассический подход. Последний необходим для описания и объяснения человекоразмерных систем, «наделенных синергетическими характеристиками» и основанных на «кооперативных эффектах»². Полагаю, не так принципиально различие терминов «неклассическая» и «постклассическая» или «постнеклассическая» философия (хотя это отдельный вопрос, нуждающийся в специальном изучении), но отрицать существенные изменения, которые произошли в философии XX в., особенно в конце XX – начале XXI в. невозможно.

А. В. Поляков первым стал использовать идею периодизации философии В. С. Степина, как и термин ПКЮН, и заложил концептуальные основания этого полипарадигмального направления в философии права и юридической науки. Сегодня, благодаря усилиям В. В. Лазарева, Г. А. Гаджиева, И. Л. Честнова, Е. В. Тимошиной, Н. В. Разуваева, И. Б. Ломакиной, Е. Н. Тонкова, Ю. А. Веденеева и некоторых других теоретиков права, Д. А. Пашенцева и отдельных историков права, А. С. Александрова и его последователей – теоретиков уголовного процесса, сторонников постмодернистской, критической криминологии во главе с Я. И. Гилинским и др.,

это направление стало достаточно популярным и влиятельным в отечественном (включая ближнее зарубежье и таких авторов, как, прежде всего, С. И. Максимов, А. В. Стомба, Н. Ф. Ковкель, В. И. Павлова) юридическом дискурсе.

Достаточно активное распространение ПКЮН не осталось незамеченным в отечественном научном юридическом сообществе и вызвало критику со стороны оппонентов. Со стороны адептов иных подходов, преимущественно, «консервативного» толка, например, О. В. Мартышина, В. М. Сырых, И. Ю. Козлихина раздаются достаточно резкие критические выпады, заключающиеся, в основном, в том, что, дескать, никакой научной новизны в ПКЮН нет, а все это либо некритическое использование «модной» философской или социологической терминологии, подрывающей (и искажающей) автономию права, либо это банальные и давно известные истины. Интересно, что все они признают необходимость перемен в юридической науке, но все, что предлагается ПКЮН – отбрасывается. Сами же критики ничего позитивного не предлагают: невозможно в качестве новой программы считать отказ от теории права в пользу энциклопедии права (И. Ю. Козлихин) или возврат к «всепобеждающему, потом что верному», учению марксизма-ленинизма (В. М. Сырых). Полагаю, что подсознательная мотивация критиков обусловлена страхом, что развитие ПКЮН приведет к тому, что всех их «сбросят с корабля истории».

Полагаю, что совсем не обязательна «война на уничтожение» с критиками ПКЮН, вполне возможна и оправдана «примирительная» позиция, использующая идею В. С. Степина, что три типа рациональности сосуществуют в современной философии и науке: простые объекты можно и нужно продолжать изучать классиче-

скими методами (например, собирая эмпирический материал, не особо утруждая себе рефлексией по поводу оснований или парадигмы, в рамках которой такое исследование проводится); сложные объекты исследуются неклассическими методами, например, включенным наблюдением; сверхсложные – постнеклассическими, например, синергетикой и вписанием изучаемого в социокультурный, ценностный контекст. Поэтому появление классической и затем постклассической юриспруденции – это не смена парадигм в духе Т. Куна, когда все научное сообщество переходит в «другую веру», но сосуществование и даже дополнительность классики, неклассики и постнеклассики. Неоправданно отказываться от общих мест (топосов) традиционной (классической) теории права, например, от юридической догматики, но ее необходимо включать в социокультурный и исторический контекст, показывать ее многогранность и эксплицировать механизм ее воспроизводства в практиках.

Позитивная программа ПКЮН, с моей точки зрения³, состоит в демонстрации механизма конструируемости и воспроизводимости правовой реальности практиками людей в контексте внешних факторов, интериоризируемых правовой культурой. Поэтому постклассическая программа предполагает антропологизм, конструктивизм, релятивизм и контекстуализм, практическое, знаково-символическое измерение многогранной, потенциально неисчерпаемой в своих внешних проявлениях правовой реальности. Важным в методологическом плане, с моей точки зрения, является отказ от бинарности юридического мышления в пользу диалога как взаимодополнительности противоположных моментов в бытии-мышлении. Именно такая программа адекватна социокультурному контексту постсовременного мира.

¹ Порус В. Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Отв. ред.: И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М., 2009. С. 13.

² Стёпин В. С. Научим рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и её границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и её границы» в рамках заседания Международного института философии В Москве (15–18 сентября 2011 г.) / Отв. ред.: А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М., 2012. С. 18, 19.

³ См. подробнее: Честнов И. А. Постклассическая теория права. СПб., 2012.

Л. В. Денисова*

НАУКИ О ПРАВЕ В ДИСЦИПЛИНАРНОЙ СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Социально-гуманитарные науки представляют собой в настоящее время большой комплекс научных дисциплин, имеющих как общие, так и особенные характеристики. Развернувшиеся во второй половине XIX в. философские дискуссии между неокантианцами и В. Дильтеем, с одной стороны, и развитие герменевтики как теории и методологии интерпретации – с другой, ясно показали, что науки, изучающие человека и общество, в качестве объекта рассматривают либо жизнь, наполненную духом, либо культуру, либо тексты, в знаково-символической форме выражающие смыслы культуры. Одновременно и параллельно с указанными представлениями о специфике социально-гуманитарных наук получили широкое признание позитивистская и марксистская трактовки целей и задач социального познания, в которых общество, общественные отношения и взаимодействия рассматривались как универсальный объект, развивающийся по законам, подобным законам природы. Таким образом, к началу XX столетия в науке оформились альтернативные взгляды на цели и задачи социально-гуманитарного познания: с одной стороны, это позиция, позже названная культурцентризмом, где все явления социальной и духовной жизни рассматриваются как уни-

* *Денисова Любовь Владленовна* – профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (Москва), доктор философских наук, профессор.

кальные исторические события, тексты (в самом широком значении), процесс познания сведен к интерпретациям, раскрывающим смыслы текста, а целью выступает *понимание*. Такие науки как история и филология стали образцовым примером для демонстрации специфики социально-гуманитарного знания, понимаемого в русле культурцентристской парадигмы.

Альтернативой этой трактовки стал социологизм и исторический материализм, где целью выступает познание объективных законов общественной жизни, на основе которых можно построить *объяснение* отдельных общественно-исторических фактов. В результате появилась социология как наука о социальных фактах и социальных взаимодействиях, использующая механизм верификации теоретических положений с помощью сбора и анализа эмпирических данных о социальной реальности. Этот же механизм лежит в основе проверки экономических теорий, а социология и науки, изучающие экономическую сферу общественной жизни, стали эталоном строгости и объективности социально-гуманитарного знания.

От того, как понимается объектная сфера познания, зависит и трактовка предметных областей социально-гуманитарных наук. В науках о праве объектом выступают весьма сложные, а главное – разнородные социальные явления, которые могут быть обобщены в понятии «правовая действительность». К этим явлениям В. Ф. Попандупуло относит «реальные социально-правовые явления и процессы», к которым относятся «1) социально-экономическая среда права как внешний фактор, обуславливающий его возникновение и развитие (экономика, политика и иные сферы жизни общества); 2) собственно право как относительно самостоятельная сфера жизни общества»¹. Нельзя также не принимать в расчет того

факта, что объектом юридического исследования не всегда, но часто выступают тексты (в форме нормативных правовых актов и других юридических документов).

Место юридических наук в системе социально-гуманитарных дисциплин зависит также от их самоопределения. Самоидентификация науки является необходимым этапом ее институционализации. Появление новых научных отраслей рано или поздно приводит к рефлексивным усилиям прояснения предметной сферы этих наук, что становится признаком самостоятельности науки, имеющей свой, отдельный предмет исследования. В этой связи, на наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что история науки о праве начинается с эпохи Античности, так как она не стала еще самостоятельной наукой, то есть не отделилась от философии, которая была в этот период универсальной теорией, описывающей и объясняющей все, что существует, в том числе и правовые явления.

Другими источниками возникновения юридических наук являются законотворчество и правоприменение как формы правовой практики. Наука о праве возникает тогда, когда знание отделяется от практической деятельности и приобретает самоценность. В рефлексии о законах, их толковании и понимании постепенно формируется наука о праве. Поэтому, например, деятельность римских юристов вряд ли может быть названа научно-исследовательской деятельностью. Гораздо больше ей соответствует работа болонских глоссаторов (XI в.), которые стояли у истоков древнейшего европейского университета и, по сути, формировали юриспруденцию как научное знание. «Университетская юриспруденция рождалась из лона... определенной профессиональной осведомленности и живых умственных исканий в ответ на запросы практики»². М. А. Кожевина также связывает рождение юри-

дической науки в России с развитием университетской традиции и возможностью преподавания (и, следовательно, комментирования) как действующего, так и прошлого законодательства. Заключая свой анализ истории отечественной юриспруденции в XIX в., автор указывает на формирование дисциплинарного многообразия внутри юридической науки³.

Таким образом, в ходе развития науки о праве определилось ее особое положение в системе социально-гуманитарных наук. Эта наука включает в себя как культурцентристскую, так и объективистскую научно-исследовательские программы. Каждая из этих программ доминирует в разных дисциплинарных разновидностях наук о праве. Внутри юридической науки обособились такие научные дисциплины как криминология и криминалистика, наука полицейского (административного) права, которые ориентированы на изучение объективных связей и отношений в обществе, обуславливающих появление юридически значимых фактов. С другой стороны, все юридические науки (и соответствующие им научные специальности), в объектную сферу которых попадает законодательство, изучаемое в формах текстовой реальности, оказываются в поле притяжения культурцентристской научно-исследовательской программы.

© Денисова Л. В., 2023

¹ Попандопуло В. Ф. Объект и предмет юридической науки // Правоведение. 2016. № 5. С. 74.

² Синченко Г. Ч. Парадокс правоблюстителя. Философско-правовые эссе. Омск, 2010. С. 96.

³ Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. Омск, 2013. С. 108–147.

Ю. А. Кудрявцев*

**ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФЕНОМЕН:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

В 2008 г. академик Российской академии наук, профессор О. Е. Кутафин, в беседе с представителем «Российского юридического журнала» произнес известную в юридическом сообществе фразу: «Построить правовое государство без юристов – это все равно, что построить дом без строителей»¹. Эти слова сегодня звучат как никогда актуально, ведь «правовое государство» – это не только фундаментальная конституционная характеристика России, но и крупнейшая научная концепция, лежащая в основе существования функционирования большинства современных развитых государств. Именно философско-правовая теория, зародившаяся в Древнем Риме и Древней Греции, получившая свое развитие в идеях Т. Гоббса, Д. Локка, Ш. Монтескье, И. Канта, Р. фон Моля и др., закрепившая такие базовые принципы правового государства как верховенство права, разделения властей, гарантии прав человека и гражданина, впервые нашла свое отражение в известных памятниках права (Билль о правах Великобритании 1689 г., Декларация независимости США 1776 г., Билль о правах США 1789 г., французская Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 г.).

* *Кудрявцев Юрий Анатольевич* – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий (Гатчина), кандидат юридических наук, доцент.

Идеи, заложенные указанными философами-правоведами, составляют основу современной научной концепции правового государства, закреплённой на законодательном уровне во многих государствах.

Претворить в жизнь декларируемую на конституционном уровне конструкцию правового государства невозможно как без основанного на фундаментальной юридической науке качественного юридического образования, формирующего личность и профессиональные качества будущего юриста-практика, закладывающего основы правовой культуры и профессионального правосознания, так и без правового просвещения населения, направленного на борьбу с правовой безграмотностью и недопущения возникновения и развития правового нигилизма в обществе.

В процессе противодействия правовому нигилизму, выраженному либо в полном отрицании права, либо в неуважении к отдельным правовым институтам и подрыве доверия к праву как системе исходящих от государства, общеобязательных правил поведения, для эффективного решения стоящих перед органами государственной власти публично-правовых задач, значительную роль играют и юристы-ученые. Именно в научном юридическом сообществе вызревают, рождаются и в конечном счете формируются научные концепции, теории, системы взглядов, которые в дальнейшем должны служить основой принимаемых субъектами государственного аппарата политико-правовых решений. Таким образом обеспечивается реализация одного из важнейших принципов функционирования государственного аппарата и конкретных органов государственной власти в его составе – принципа связи науки и практики, а также научного характера правотворческой деятельности.

В современных юридических сообществах распространённым и чрезвычайно опасным социальным явлением следует признать деформацию профессионального правосознания. В 2010 г. рассуждая о роли юристов в современной России и проблемах судебной системы, председатель Комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, председатель Ассоциации юристов России П. В. Крашенинников справедливо подчеркнул, что «перед юристами стоят разные задачи – от борьбы с правовым нигилизмом до очищения своих рядов»². Среди причин профессиональной деформации правосознания юристов следует особо выделить недостаток образования и квалификационных качеств, а также нарушения со стороны государственных органов и должностных лиц базовых принципов правового государства (в первую очередь принципа верховенства права, приоритета прав и свобод человека и гражданина), противоречия между теоретической юриспруденцией и практической правоприменительной деятельностью и тп.³

Таким образом в государстве, помимо сообщества высокопрофессиональных и независимых юристов, уважающих «букву и дух закона», формируется так называемая параллельная юриспруденция, представители которой не просто говорят другим юридическим языком и воспринимают по-иному одни и те же юридические конструкции, но и осознанно принимают соответствующие противоправные решения исходя из личных интересов, либо публичной политической целесообразности, при этом доказывая их правовой характер. В научной литературе их часто называют лжеюристами или антиюристами⁴.

Таким образом, под «параллельной юриспруденцией» следует понимать антинаучную практическую (реже – об-

разовательную) деятельность, осуществляемую ради личной заинтересованности или публично-политической целесообразности, вопреки действующему законодательству, либо на основе вольного толкования юридических смыслов законодательных предписаний, формально остающаяся в правовом поле. Представителями «параллельной юриспруденции» могут быть юрисконсульты, нотариусы, адвокаты, судьи, прокуроры, а также юристы-политики, члены избирательных комиссии, сотрудники правоохранительных органов, депутаты парламента и т. п. В основе их работы лежит корыстный мотив в собственных «околоправовых» либо противоправных решениях, обоснование любых публичных политических решений и приоритет целесообразности над законностью.

Деятельность представителей «параллельной юриспруденции», называющих себя юристами, может осуществляться в различных формах: от правовых фикций и имитаций до крайне опасной формы правовых извращений, когда искажения традиционной юридической доктрины, правовых концепций, и созданных на их основе законов, начинают носить тотальный характер и имеют своей целью легализацию посредством псевдоправовых решений и лженаучных учений новой, как правило чуждой этому обществу политике и идеологии, грубо демонтирующей прежнюю политико-правовую систему и подменяющую её. В качестве примера можно привести фашистскую Германию, в которой немецкая классическая правовая наука деградировала и была подменена новыми доктринами, создавшими в конечном счете идеологическую научную базу национал-социализма. Учения многих теоретиков права (К. Шмитта, Э. Р. Хубера, Т. Маунца, Ф. Бербера и др.) легли в основу антидемократической, антиправовой по своей сути политике Третьего Рейха,

привели к разложению правопорядка, выхолащиванию нацистами сущностных правогосударственных принципов Веймарской конституции и способствовали оправданию тоталитарного национализма⁵. Юристы-практики, которых удалось интегрировать в фашистские организации, внесли значительный вклад в укрепление националистического режима путем принятия множества антинаучных и противоправных законов. Немецкий политолог, представитель социологической школы права, Э. Френкель, характеризовал фашистское государство как «двойное государство», «в одном из которых его собственные законы способствовали представлению его как уважаемого всеми правового государства и одновременно как государства, базирующегося на чрезвычайных мерах и попирающего те же самые законы»⁶.

В том, что юридическая наука стоит на защите интересов власти и создает необходимую идеологическую основу принимаемых властных решений нет ничего необычного. Более того, на наш взгляд юриспруденция обязана это делать и по сути в любом государстве на каком бы историческом этапе своего развития оно не находилось, юридическая наука отражает сущность государственного (политического) режима, обосновывает принимаемые в государстве законодательные акты и механизмы их реализации. Вопрос в другом: как должна реагировать научная общественность, если властные решения не соответствуют действующим нормам права, если правоприменительные субъекты выходят за рамки своих полномочий, а правотворческая, правоприменительная и правоохранительная деятельность осуществляется с нарушениями юридических процедур и путем манипуляции правовыми смыслами?

Выдающемуся советскому правоведу, крупному спе-

циалисту в области уголовного права и криминологии, профессору М. Д. Шаргородскому, приписывают фразу о том, что «юридическая наука начинается там, где она может сказать законодателю «нет». Доподлинно не известна точность данной формулировки, однако в ней заложен глубокий смысл, точно передающий суть и критерий эффективности всей юриспруденции. Юрист-ученый и юрист-практик в первую очередь служит интересам общества и человека, строго следуя требованиям законодательства. Политические решения, принимаемые вопреки закону, даже если они целесообразны в настоящее время, не могут получать одобрение со стороны честных, высококвалифицированных юристов, обладающих высоким уровнем правосознания и правовой культуры. Даже если публичный субъект принимает в целом целесообразное по сути, но противоправное по форме решение, обусловленное необходимостью и существующим пробелом в правовом регулировании, он должен руководствоваться общими принципами, такими как верховенство права, разделение властей, ограничения правом государства, защита прав и свобод человека и гражданина, независимость правосудия, справедливость, демократизм и т. п., то есть принципами, составляющими основу правового государства, закрепленными большей частью в конституции государства.

Рассматриваемые нами проблемы актуальны для современной России, столкнувшейся сегодня с серьезными внешними и внутренними вызовами и угрозами. Речь без преувеличения идет о будущем нашего государства. Современную юриспруденцию, как комплексную взаимосвязанную систему правовой науки, профессиональной юридической деятельности и юридического образования, следует рассматривать как фундамент национальной без-

опасности, от степени прочности которого зависит сам факт существования России. Важнейшая задача – обеспечение эффективности юриспруденции, повышение уровня профессиональной культуры юристов. Решить ее возможно только путем совершенствования классического университетского юридического образования, основанного на рациональном сочетании фундаментальной юридической науки и прикладных научных школ. Образованный юрист – это профессионал, способный принимать законные справедливые и взвешенные решения, и в конечном счете руководствоваться правилом о необходимости соблюдения закона, даже если этот закон не совершенен. Научная полемика о верховенстве права и законности, о соотношении права и закона, о необходимости строгого соблюдения юридических процедур, о приоритете прав и свобод человека и гражданина, о сущности демократического правового государства и гражданского общества, о незыблемости основ конституционного строя, о теориях правопонимания – далеко не полный перечень важнейших направлений исследований и дискуссий, без которых сформировать личность честного высокопрофессионального юриста невозможно.

© Кудрявцев Ю. А., 2023

¹ *Ответы* на вопросы «Российского юридического журнала» академика О. Е. Кутафина // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С. 22.

² *Судят не по должности* / Материалы «Юридической недели» подготовлены совместно с Ассоциацией юристов России // https://moskalenkicourt.oms.sudrf.ru/modules.php?name=press_der&op=4&did=65 (дата обращения 03.02.23).

³ Формирование правовой культуры и основ финансовой грамотности населения. Гатчина, 2021. С. 20.

⁴ Так, Е. А. Певцова и Н. Я. Соколов указывают, что «лжеюристом» выступает юрист, попирающий в личных интересах закон, пользующийся своим служебным

положением. «Антиюристами» являются лица, не имеющие юридического образования, но покупающие диплом юриста, надевающие «на дело» служебную форму и живущие не по закону, а «по понятиям». – *Певцова Е. А., Соколов Н. Я.* Законность и правовая культура (теоретико-правовые и сравнительно-правовые аспекты): Учебное пособие. М., 2021. С. 61.

⁵ *Соколов А. Н., Котковский Л. Э.* Извращение права в фашистской Германии – «законная» основа для уничтожения инакомыслия // *Юристъ-Правовед.* 2011. № 4. С. 49–53.

⁶ *Соколов А. Н.* Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград, 2002. С. 89–128; *Зорилэ Д. В.* Карл Шмитт и Эрнст Френкель: полемика о государстве // *Наука, технологии и образование в XXI веке: проблемы взаимодействия и интеграции: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28 февраля 2020 г.* / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород, 2020. С. 89–98.

О. В. Фролова*

В. В. Фролов**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Вызовы российской цивилизации, необходимость модернизации экономики, ментальность российского народа – вот факторы, обуславливающие исторические задачи юридической науки на современном этапе развития нашего государства и социума.

Исходя из чего, какие исторические задачи мы считаем приоритетными для российской юридической науки?

Наш народ хочет справедливости и даже в преамбуле действующей Конституции Российской Федерации есть слова с «верой в добро и справедливость».

В обществе сформировался своего рода «социальный заказ» на реализацию идеи справедливости. Как отмечается в научной литературе: «...без решения проблемы справедливости Россия вряд ли сможет обеспечить эффективное функционирование рынков и органов власти, поддержать значимые для нашего общества нерыночные ценности и моральные нормы, повсеместное соблюдение

* *Фролова Ольга Валерьевна* – доцент кафедры военно-политической работы Военной Академии связи имени С. М. Буденного (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент.

** *Фролов Владислав Владимирович* – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

норм законов и снижение уровня коррупции»¹.

Идея справедливости должна выражаться в установлении реальной прогрессивной шкалы налогообложения, реального налога на роскошь, налога на наследство свыше 10 млн руб. Не должно возникать такой ситуации, когда российские олигархи больше тратят денег на свои яхты, чем российское государство на постройку военных кораблей. Справедливость и сильная социальная политика повышают социальную сплоченность. А нам сейчас без социальной сплоченности просто не выстоять.

Оценивая поправки 2020 г. ученые приходят к следующим выводам: «...произошло конституционное усиление политического и управленческого функционала Президента Российской Федерации. Неопределенность формы правления, которая была изначально заложена в процессе разработки и принятия Конституции Российской Федерации, стала одной из ключевых проблем в организации и деятельности высших органов государственной власти. Конституционные поправки 2020 г. представляют собой начало конституционно-правовой реформы, итогом которой будет разработка и принятие новой российской Конституции. Можем предположить, что к 2024 г. в Российской Федерации на смену нынешней Конституции придет новый проект»².

Отсюда вытекает следующая историческая задача: принятие новой Конституции России, соответствующей идеалу справедливости, полноценно реализующей принципы построения правового, социального и демократического государства, устанавливающей оптимальный баланс между публичными и частными интересами, позволяющей выстроить более эффективную систему государственного управления и публичной власти.

Постепенно назревает конституционный кризис.

«Конституционный кризис суть резкое изменение реальной правовой системы, в результате которого происходит замена одного основного закона другим. Разрешение кризиса может происходить путем изменения всей конституционной системы или отдельных ее элементов... Под революцией в юридическом смысле понимается разрыв преемственности политической власти внутри государства, при котором происходит радикальный пересмотр публично-правовых норм...»³.

И здесь важно не допустить революции, насильственного изменения системы власти, не потерять верный курс на рыночную экономику и демократию. Авторы выступают за конституционную эволюцию, за мирное реформирование.

Нам совершенно не хочется, чтобы возник конфликт, связанный с переделом власти, хотя отдельные ученые подчеркивают, что конфликтное состояние может быть полезным: «...Когда механизм взаимоотношений президента и парламента «искрит», когда парламентарии не чувствуют себя обязанными президенту, именно тогда и развивается конституционное право, активно осваиваются конституционные принципы, которые превращаются из абстрактных понятий в реально действующие инструменты. Иными словами, подобные правовые столкновения гораздо полезнее для правовой и политической системы, да и для страны в целом, нежели «полная гармония» между институтами власти»⁴.

Следующая задача: укрепление федерализма в России, преодоление межнациональных противоречий и курс на постепенное культурно-социальное сближение. Пока в этом отношении по существу мало что делается.

Нужно усиливать и экономическую составляющую федеральной политики, расширять налоговую базу субъ-

ектов и повышать экономическую ответственность за расходы. Подчеркивается, что: «Усилия федеральной власти следует направить на решение проблемы чрезмерной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ, причина которой кроется в сохраняющемся на протяжении многих лет несоответствии расходных обязательств большинства субъектов РФ и муниципалитетов, связанных с реализацией собственных и переданных им полномочий, с объемом имеющегося у них финансового обеспечения. Федеральными законами на региональные органы власти возложено более 630 полномочий, а свыше 500 полномочий установлены различными федеральными законами без определения их четкого статуса и механизма финансирования. На реализацию этих 500 с лишним полномочий не предоставляются субвенции из федерального бюджета»⁵.

Очень важно для укрепления авторитета власти нарастить противодействие коррупции и хищениям из госбюджета.

К сожалению, «коррупция фактически стала системным и высокодоходным бизнесом для большинства чиновников различного уровня. В настоящее время коррупция превратилась в социальный институт, упорядочилась и приобрела устойчивые организационные формы, сложную разветвленную структуру, в нее вовлечены взаимосвязанные множественные группы людей, занимающих должности как во властных структурах различного уровня, так и в многочисленных бизнес-структурах»⁶.

Сегодня сложилась такая ситуация: либо мы победим, либо наши перспективы выживания будут очень печальными. И сейчас коррупционер, расхититель государственного имущества, по существу, предает Родину.

Следующая из приоритетных задач: улучшение эф-

фективности судопроизводства как средства защиты нарушенных прав.

Вот данные социологического опроса о причинах недоверия судебной системе: «Ранжирование ответов выглядит следующим образом (можно выбрать несколько вариантов ответа, поэтому суммарный процент более 100):

1 место – коррупция (47,6 %),

2 место – недоверия органам власти Российской Федерации в целом (37,9 %),

3 место – волокита и бюрократизм (31,5 %),

4 место – зависимость от органов исполнительной власти (28,6 %),

5 место – безнаказанность судей за вынесение заведомо неправосудных судебных решений (24,4 %),

6 место – невозможность добиться справедливого решения (24 %)»⁷.

Чем гарантируется справедливое правосудие?

Этическими началами сознания и профессиональной подготовленностью судьи. Никто не должен чувствовать свою безнаказанность. Полной независимости от общественного мнения (хотя бы юридического и профессионального сообщества) нет и быть не может. Пришло время усилить демократическое начало формирования судейского корпуса.

Предлагаемый нами вариант – выставление своих кандидатур представителями юридического сообщества (при выполнении соответствующих условий: в конкурсе на замещение должности судьи могут участвовать лица, имеющие высшее юридическое образование, пять лет юридического стажа, сдавшие экзамен...) и голосование по ним следующим кругом субъектов: лицами, имеющими юридическое образование, главами государственных органов, коммерческих и некоммерческих организаций

данного субъекта федерации. С победителями заключается семилетний контракт, потом снова на выборы.

Рекомендованные местными конференциями судей кандидаты в Судьи Верховного и Конституционного Суда должны избираться самими российскими судьями на общероссийской конференции (частично в онлайн-формате).

И последняя задача по перечислению, но не по степени значимости.

Нужна модернизация системы юридического образования и улучшение качества системы образования в целом.

Войну может не только выиграть, но и проиграть – измученный нехваткой денег и избытком бюрократии, – школьный учитель и преподаватель высшей школы.

Многие согласятся, что: «Будущее любого государства зависит от уровня образования, развития фундаментальной науки. Нынешняя система образования, нацеленная на копирование чуждого русскому народу «отупляющего тестирования» делает ситуацию тупиковой, не способствует целенаправленному развитию нашего общества по пути прогресса и процветания... ВУЗам надо дать право вводить свои вступительные экзамены как они считают нужным.»⁸

Нужно ли полностью отказаться от Единого государственного экзамена и положений Болонской системы (а если частично, то в чем)?

Нужно определиться, какие положительные инновации, интересные педагогические практики⁹ заслуживают внедрения и закрепления в нормативных правовых актах об образовании. Научные инновации должны опираться на реальную оценку имеющихся ресурсов, качество компьютерной базы, техническую подготовку педагогов, воз-

возможности онлайн-обучения.¹⁰

Очень верно сказал по этому поводу А. А. Овсянников: «Гарантом государственной и социальной безопасности является качество обучения и воспитания в семье и школе, вузе. Самой разрушительной силой обладает человеческое невежество. За скарредностью в расходах на образование общества всегда платили падением конкурентоспособности своих товаров, технической и экономической отсталостью, социальными конфликтами, войнами и революциями. Если сегодня образование серое, завтра чёрным станет всё общество. Если учитель чувствует себя плохо – плохим будет самочувствие во всех семьях»¹¹.

Подведем итог.

Мы вступили в новую историческую эпоху, где еще не изучены ни закономерности общественного развития, ни проблемы взаимодействия государств, ни особенности человеческого поведения.

Российский конституционализм в любом случае преобразуется под давлением сверху и требованиями снизу. Необходимо начинать научную дискуссию о содержании норм нового Основного закона. В нем не должно быть лишних неоправданных обещаний. Каждое право человека должно подкрепляться гарантиями. Нужно честно говорить о конституционном балансе между публичными и частными правами и интересами. Следует повышать демократическое начало российской государственности.

Следует обсудить, каким мы видим модернизированную систему юридического образования, как сократить количество ненужных документов, бюрократических ограничений и лишних отчетов. Преподаватели высшей школы не должны тратить свою жизнь – не на подготовку к занятиям, а на заполнение тысяч дублирующих и никому не нужных однотипных документов.

¹ *Римский В.* Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Россия и мусульманский мир. 2014. № 3. С. 6.

² *Авдеев Д. А.* Конституционная реформа 2020 года в России и ее политико-правовые последствия (некоторые заметки) // Государство и право. 2022. № 9. С. 55.

³ *Баев В. Г.* Конституционализм как понятие и научная проблема // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3. С. 44.

⁴ *Краснов М. А.* Пути расширения президентской компетенции // Государство и право. 2022. № 11. С. 32.

⁵ *Наруто С. В.* Конституция, федерализм и единство государственно-правовой системы России // Lex Russica. 2018. № 11. С. 84.

⁶ *Ягодин Р. С., Волков П. А.* Противодействие коррупции // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 259.

⁷ *Независимый исследовательский центр.* Отношение россиян к судебной системе. По всероссийскому опросу 2020. – <http://исследовательский-центр.рф/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-po-materialam-vserossijskogo-oprosa/?ckattempt=1> (дата обращения 19.12.2022).

⁸ *Шульдешов Л. С., Софронов В. А.* Проблемы системы образования современной России // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 4. – <https://human.snauka.ru/2016/04/14694> (дата обращения: 16.12.2022).

⁹ *Аванесов В. С.* Модернизация образования в России: ключевые проблемы и пути их решения // Педагогическая диагностика: Ежегодник: Материалы конференции: Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 12. Ч. 1 / Отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2017. С. 863–872.

¹⁰ *Федосеева Л. А., Ермолаева Е. Л., Илюшина Е. С., Гордеев К. С., Жидков А. А.* Инновационные процессы в образовании // Гуманитарные научные исследования. 2021. № 10. – <https://human.snauka.ru/2021/10/47269> (дата обращения: 15.12.2022).

¹¹ *Овсянников А. А.* Система образования в России и образование России // Мир России. Социология. Этнология. 1999. № 3. С. 131.

М. В. Баранова*

ЮРТЕХНЕТИКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: СУЩНОСТЬ, СПЕЦИФИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Современная юридическая наука традиционно направлена на поиск нового знания, генерацию эффективных путей преодоления проблем социума, адекватных ответов на вызовы, обусловленные спецификой трансформации экономики, политики, культуры, природы. При этом ценность науки не только и не столько в бесконечном накоплении эмпирических результатов, более значимо то, что «...она представляет собой, по сути дела, попытку понять и упорядочить эти результаты. То, что пытаются сделать ученые, это создание того или иного логического каркаса мышления...»¹. Набирающая обороты юридизация отношений в обществе требует от представителей правовой науки и практики особого юридического мышления, фундаментальным элементом которого является технико-юридическое мышление. Последнее позволяет как исследователю, так и практику формулировать гипотезы, выстраивать доводы в стройную аргументацию, подкрепленную опорой на анализ реалий и опыта, понимать ценность конвенциональных договоренностей, генерировать и результативно использовать технико-

* *Баранова Марина Владимировна* – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор.

юридический инструментарий для позитивного преобразования права.

Право сегодня функционирует в условиях постиндустриального социума, где информация, в том числе и правовая, быстро распространяется по инновационным коммуникационным каналам, позволяющим абстрагироваться от типичных пространственных барьеров. Система социального регулирования трансформируется, меняя типичные подходы к регламентации отношений, подстраивается под новые потребности окружающей действительности. Право в новых условиях требует, наряду с привычными, нетипичных приемов обращения с технико-юридическими средствами, что возможно только при опоре на багаж системных фундаментальных знаний, готовности разрабатывать и осваивать инновационные приемы и способы обращения с нормативным материалом.

Юридическая техника последние четверть века стала предметом пристального внимания научного сообщества и представителей юридической практики и как наука, и, несколько позже, как учебная дисциплина. Опираясь на опыт тематических исследований XIX–XX вв., привнося и развивая новое знание, в 1999 г. в России сформировалась научная школа «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческой деятельности государства» под руководством профессора В. М. Баранова. В научную школу сегодня официально входит 51 исследователь и более 100 человек осуществляют системное сотрудничество в проектах школы. Благодаря активной работе приверженцев этого актуального практико-ориентированного направления в вузах страны была введена новая учебная дисциплина – «Юридическая техника», издан востребованный и постоянно модернизируе-

мый учебник. С течением времени предметной учебной литературы стало больше, учебный курс приобрел вариативность, сформировались дисциплины технико-юридического цикла, а самое главное – научное осмысление обрело системный характер, глубину и четкость, шагнуло за пределы правотворческой проблематики. В 2013 г. в «Вестнике Нижегородской академии МВД России» – органа базового центра научной школы, была опубликована статья «Юртехнетика: сущее, должное, будущее. Аналитический обзор Международной Интернет-конференции "Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современного мира" (Волгоград, 1–30 июня 2013 года)», где профессор В. М. Баранов более подробно раскрыл смысловое наполнение используемого им термина «юртехнетика», подразумевающего «единство статических и динамических элементов технико-юридического оформления действующего законодательства, понимаемого в самом широком смысле, – всей нормативной правовой основы»². Само появление ранее этой категории демонстрирует, как работает терминологизация при пополнении языка права. Юртехнетика – «принципиально новая научно-практическая метадисциплина. Она образует относительно самостоятельную область юриспруденции, "расположенную" на стыке догмы, философии, психологии, аксиологии, антропологии права»³.

Комплексность, синтетичность знания на заре становления этой науки породили спор о корректном наименовании для подобного феномена – юридическая техника или юридическая технология, но с развитием научной школы мнение ученого сообщества склонилось к привычному ныне словосочетанию «юридическая техника», выходящему далеко за рамки правотворчества или исключительно документарного подхода. В настоящее время юри-

дическая техника гармонично объединяет средства (собственно технику) и алгоритмы деятельности (технологию), властное и невластное начала. Юридическая техника (с позиции широкого подхода) – это система «профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»⁴. Придание широкого смысла здесь не означает стремление поправить реалии, завоевать пространство, тесня смежное знание, а осознание системности, универсальности технической составляющей в праве. Юридическая техника не для отдельной отраслевой науки и практики, не исключительно для теоретического обобщения, но для всех этих элементов юридического знания и юридической практики.

Востребованным свойством и одновременно проблемой современной науки является доминанта на утилитарность, прямую практическую применимость знания, что не всегда возможно или совершенно невозможно применительно к фундаментальным знаниям. Юртехнетика соединяет в себе элементы теоретической и прикладной науки, практико-ориентирована, комплексна и универсальна.

Реалии современного бытия позволяют признать, что в сфере высшего юридического образования, имплементирующего передовые научные разработки, необходимо технико-юридическое мышление, обширные фундаментальные знания, владение приемами анализа. Только так возможно формирование востребованного специалиста, способного к последующему самосовершенствованию.

Сегодня юристы-специалисты призваны не только представлять интересы гражданина, защищать его права и свободы, но и собственным примером демонстрировать желаемую, поощряемую государством и обществом модель поведения, пиетет перед действующим правом. Профессиональная деятельность юриста оказывает существенное влияние на правовую культуру общества, ее уровень⁵.

В образовательном процессе универсальность технико-юридического знания, например, проявляется в возможности преломления технико-юридической тематики дипломных работ к разным отраслям права, специальностям, специализациям. В рамках аспирантской подготовки курс «Актуальные проблемы юридической техники» востребован представителями всех юридических специальностей, а это уже молодые исследователи, чья включенность в современные научные изыскания не вызывает сомнения. Техничко-юридические аспекты находят отражение в отраслевых и теоретических, историко-правовых научных разработках (статьях, монографиях, диссертациях). Здесь основная задача заключается в подготовке самостоятельного исследователя, способного генерировать идеи, новое знание, вскрывать неявные закономерности устройства права и правовой реальности, а в последствие модернизировать право, влиять на вектор развития и структуру юридического мышления.

Юртехнетика как структурированный феномен включает особую технико-юридическую реальность, средства (собственно технику), алгоритмы деятельности (технологии). Спор о соотношении техники и технологии, как уже отмечалось, представляется непродуктивным, поскольку попытки соотносить их как часть и целое, форму и содержание не дают однозначного ответа. По сути, в полемике часто речь шла об одном и том же феномене под

разными наименованиями. Со временем устоялось целостное представление о технологии как очередности операций, процессе, порядке (Н. А. Власенко), необходимых для качественной и эффективной реализации технико-юридического инструментария для оптимизации формы и содержания права. Юртехнетика дает возможность корректно объединить различные подходы, элементы без излишней дискуссии о соотношении, проявить их роль, специфику и воплощение в реальность.

Юртехнетика в системе юридического знания проявляет себя через субъекта, она неотрывно связана с человеком, общностями людей, их деятельностью, значимой для права, фиксирующей и детерминирующей ценности права, составляющие правовую культуру. Сегодня мы говорим о технико-юридической культуре, технико-юридической языковой культуре, то есть видим единую систему, сложно организованную, многоуровневую, в которой юртехнетика как глобальный правовой феномен заняла свое прочное место. Именно она сегодня стала тем самым «брендовым наименованием» для всех проявлений техносферы в праве, в технико-юридической реальности.

При этом мы привыкли рассматривать юридическую технику как науку и как учебную дисциплину, четко осознавая отличия, донося их в процессе обучения до студентов, магистрантов, аспирантов, оппонентов в научной дискуссии, но ведь широкое понимание юридической техники, включающее и последовательность операций, и процессы практической деятельности, то есть учитывающее содержательную и формальную стороны этого феномена, включающее технико-юридическую реальность и ее доктринальное осмысление, и есть юртехнетика. Юртехнетика представляет собой именно науку, объединяющую в себе юридическую технику и юридическую технологию.

В. М. Баранов утверждает, что «юртехнетика – наука о технико-юридической реальности, которая выступает элементом техносферы, вариантом технонауки, включает в себя экономические, идеолого-политические, культурно-воспитательные, психологические, организационно-управленческие, информационно-цифровые, документальные средства правообразования, внутренние и внешние факторы создания и продвижения технологии правотворчества, реализации, интерпретации нормативных правовых актов»^б.

Солидаризируясь с ключевыми элементами этой позиции, следует отметить, что в настоящее время представляется логичным расширить понятие «юртехнетика», гармонизируя его с получившим признание широким подходом к пониманию юридической техники, включающим обращение к широкому спектру видов деятельности в сфере права, носящей как властный, так и невластный характер. Исходя из этого, не претендуя на окончательность формы и смысловую законченность, можно предложить «рабочий вариант» доктринальной дефиниции этого архизначимого понятия:

Юртехнетика (с позиции широкого подхода) – теоретико-прикладная наука о технико-юридической реальности, создании, функционировании, эффективности воплощения в юридической практике системы профессиональных юридических правил, средств, технологий, используемых при составлении правовых актов, осуществлении властной и невластной юридической деятельности, целью которой (науки) является обеспечение совершенства формы и содержания права.

Представляется, что в век интенсивной технологизации, обуславливающей перманентную трансформацию всех общественных институтов, внимание к деталям

должно сочетаться с глобальным видением, особенно это актуально для правового научного знания, не случайно новая номенклатура научных специальностей не просто укрупнила их, а фактически предложила исследователям курс развития на синтетичность знания, показала его новое место в выстраиваемой реальности. В практической плоскости происходят аналогичные процессы. Так, профессор И. В. Понкин справедливо отмечает важный аспект правового развития – концепт машиночитаемого права и машиноисполняемого права, который является одним из основных направлений цифровых трансформаций в праве, что потребует изменения подходов к юридической технике и самому процессу правового регулирования⁷. Юртехнетика способна предоставить для этого фундаментальные и прикладные знания, ориентированные на саморазвитие самой этой науки, эффективное взаимодействие со смежными направлениями, результативную имплементацию в реальную юридическую деятельность.

Перспективная актуальность исследований в рамках юртехники опирается на мониторинг развития правовой науки в целом, коллаборацию традиционных и инновационных, юридических и неюридических элементов и предметов исследования, анализ вызовов, возникающих перед юридической практикой. Особенно важным здесь представляется фигура субъекта-исследователя, обладающего потенциалом для такой работы, строящим свои исследования на понимании универсальности юридической техники, ее специфики и особого места в системе современного юридического знания. Только в этом случае можно говорить об обеспечении качественной деятельности юриста, эффективности функционирования права в целом.

© Баранова М. В., 2023

¹ Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация / Пер. с англ.; под ред. и с послесл. И. В. Кузнецова. Изд. 3-е. М., 2010. С. 11.

² Баранов В. М., Давыдова М. А., Зыков Д. В. Юртехнетика: сущее, должное, будущее. Аналитический обзор Международной Интернет-конференции «Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современного мира» (Волгоград, 1–30 июня 2013 года) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 225.

³ Баранов В. М. Реплики по проблемам форума // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 646.

⁴ Юридическая техника: В 2 т.: Учебник для вузов / Под ред. В. М. Баранова. Т. 1. М., 2016. С. 32.

⁵ Баранова М. В. Норморайтер – новая компетентностная модель специалиста в поле правовой культуры // Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 266.

⁶ Подробнее см.: Баранов В. М. Реплики по проблемам форума // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 646–647.

⁷ Подробнее см.: Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 9. P. 59–65.

А. Е. Таранова*

Е. А. Антонов**

СТАНОВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК НАПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Переход классической науки к неклассической и постнеклассической определяется сменой исторических типов научной рациональности. Классическая рациональность ориентирована на объективность и универсальность познания, подкрепляемую инструментами механистической научной программы. Она выражена гносеологическим объективизмом, который был переосмыслен субъективными идеалистами в сторону обоснования роли субъекта познания. Неклассическая рациональность, проблематизирует объективность познания, признавая зависимость представления об исследуемом объекте от социальных условий и от «используемого метода (шире – позиции субъекта)»¹ (гносеологический субъективизм). Она утверждает, что «... сознание, постигающее действительность, постоянно наталкивается на ситуации своей погруженности в саму эту действительность»². Утверждению данной позиции способствует становление социально-

* *Таранова Александра Евгеньевна* – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат социологических наук, доцент.

** *Антонов Евгений Алексеевич* – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, доктор философских наук, профессор.

гуманитарной научной картины и междисциплинарных принципов исследования.

Постнеклассический тип научной рациональности не просто закрепляет ведущую роль субъекта познания. В ряде случаев он проблематизирует объективность объекта познания, в первую очередь, в системе социально-гуманитарного познания, когда в его роли выступает сам человек, общество, социальные отношения, институты, ценности. В рамках данного типа научной рациональности, исходя из погруженности субъекта и объекта познания в социокультурный контекст, утверждается междисциплинарно-интегративная исследовательская программа. Ближе всего к постнеклассическому типу рациональности оказывается антропологическая методологическая парадигма, которая в XXI столетии затрагивает такую социально-гуманитарную науку как юридическая наука.

Как отмечает В. С. Барулин, предпосылки для зарождения юридической антропологии имели место в новоевропейской культуре, где происходила гражданско-антропологическая переориентация государства как института «регуляции общественных отношений, основ жизни людей, опирающихся на свою собственность и инициативу»³.

Так, становление юридической антропологии в Европе происходило в 60-е годы XIX в. на стыке этнографии и правоведения; в России – в 70-е годы XIX в. в связи с изучением быта многочисленных народов, проживавших в Империи. В советский период юридическая антропология рассматривалась как раздел нормативной этнографии. Новый этап ее развития в России начинается с середины 90-х годов XX в. в контексте осмысления правового положения коренных народов⁴.

Вместе с тем, сложилась юридическая антропология как направление юридической науки, а не синкретичное образование, значительно позже. Это обусловлено тем, что процесс становления юридико-научного познания как самостоятельного рационально-дифференцированного феномена отсчитывается с последней трети XVIII в. До этого времени речь идет не о юридической науке, а о юриспруденции как о синкретичном образовании, включающем в качестве элементов разнородные учения о праве и государстве, часто имеющие философский и религиозный характер, и не менее разнородную и неопределенную практику применения права. Значительную лепту в этот период в объективно необходимое высвобождение юридической науки из синкретичного состояния внесла теоретическая подготовка, осуществленная немецкими юристами и философами (среди которых Г. Гуго, Ф. К. Савиньи, Г. Ф. Пухта, И. Кант, Г. Гегель)⁵. Решающей же для процесса самостоятельного становления юридической науки в XIX в. (ее классического этапа) стала ориентация на позитивистскую исследовательскую программу, которая частично сохранена в качестве доминирующей и сегодня (в первую очередь, отраслевыми юридическими науками).

Вступление юридической науки в эпоху неклассики вызвало изменение ее философско-методологических оснований в сторону «человеческого измерения», плюрализации и междисциплинарности. Понимание предметности и методологии юридической науки переместилось в плоскость раскрытия оснований и следствий взаимодействия человека и общества, человека и государства, где «право лишь момент общества, реально существующий только как элемент (сторона) социально-экономической формации. Оно не имеет собственной истории, отдельной от истории социальной»⁶. Так, например, В. М. Сырых, опреде-

ляя векторы трансформации классического монистического (позитивистского) понимания предметности юридической науки, теории права, указывает на необходимость включения в него внеправовых (социальный, культурных, экономических, политических) элементов, так как «невозможно познание предмета общей теории права без системного и целенаправленного вторжения в сферу неюридического»⁷. В. В. Лазарев, обозначая что «проблема проблем – адекватно ввести человека в предмет общей теории права во всех ее составных частях, точнее – найти место человеку в предмете любой юридической науки, какую бы классификацию не использовать»⁸, указывает на необходимость учета антропологического фактора в современной системе юридического знания. При этом необходимо отметить, что реакция юридической науки на антропологизацию не является однородной, что связано с различающимися методологическими характеристиками наук входящих в систему ее метауровня и отраслевого уровня. Помимо этого переход юридической науки к постклассике часто соотносится преимущественно с принятием постмодернистских установок.

При переходе к постнеклассике важным становится поиск оснований для развития междисциплинарно-интегративных методологических принципов в юридической науке как основы для новых стилей теоретического мышления. Высокий потенциал для реализации этих принципов познания имеет юридическая антропология, а также такие ее отрасли как антропология права и антропология государства.

Зрелое методологическое оформление юридической антропологии и ее отраслей в современной юридической науке обусловлено не только гносеологическими факторами, но и социокультурными условиями и социальными

функциями, выполняемыми юридической наукой. Важным фактором этого является современная глобализация, обусловившая обострение проблем децентрации и пересечения интересов народностей, наций в глобальном контексте, оснований этно-культурной идентификации и другие.

При этом в современной юридической науке пока еще не сложилось однозначного понимания юридической антропологии и ее места. Одним из первых с ее обоснованием выступил В. С. Нерсисянц. Он указывал, что *в рамках юридической науки юридическая антропология является дисциплиной общенаучного, а не отраслевого характера, что обусловлено общенаучными теоретико-познавательными функциями, которые она осуществляет в системе юридического познания*⁹. Развивая и уточняя содержание юридической антропологии, О. А. Пучков пишет, что эта дисциплина «в качестве предмета исследования имеет, во-первых, элементы общества (человека, государство, право, практику), во-вторых, гуманистические аспекты политической (государственной) и правовой деятельности (правовую культуру человека, психологию власти и права, социальные нормы деятельности, этнические факторы государственно-правового воздействия и т. д.), в-третьих, важнейшие производные государственно-правовой деятельности – свободу человека и ее ограничения (право, правовые санкции и т. д.)»¹⁰. Н. Г. Кашанина включает юридическую антропологию в *теорию государства и права*, подразделяя ее на антропологию государства и антропологию права¹¹.

Становление в системе юридического знания юридической антропологии, а также более широко раскрывающих и уточняющих ее предметность антропологии права и антропологии государства становится возможным при

переходе юридической науки к постнеклассической стадии, позволяющей осваивать междисциплинарные и интегративные области научного знания. Представления о дисциплинарном статусе юридической антропологии неоднородны – от отождествления ее с антропологией права (например, французским юристом Н. Руланом¹²), до обоснования ее как относительно самостоятельной области познания, зарождающейся в правоведческих и государствоведческих подсистемах юридической науки. Сегодня требуется не только уточнение дисциплинарного статуса юридической антропологии, но и расширение ее предмета за счет включения антропологии права и антропологии государства. При этом необходимо учитывать, что разработка юридической антропологии как интегративной дисциплины особенно важна для российского федеративного государства.

© Таранова А. Е., Антонов Е. А., 2023

¹ *История и методология юридической науки: Учебник для вузов / Под ред. Ю. А. Денисова, И. Л. Честнова. СПб., 2014. С. 171.*

² *Стёпин В. С. История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М., 2014. С. 362.*

³ *Барулин В. С. Социальная философия: Учебник. М., 1999. С. 155.*

⁴ *Юридическая антропология. Закон и жизнь / Отв. ред.: Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 2002.*

⁵ *Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010.*

⁶ *Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987. С. 11.*

⁷ *Сырых В. М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементарный состав. М., 2001. С. 75.*

⁸ *Лазарев В. В. Место теории государства и права в системе гуманитарного знания // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 23.*

⁹ *Проблемы общей теории права и государства: Учебник / Под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2016. С. 40.*

¹⁰ *Пучков О. А. О предмете юридической антропологии // Российский юридический журнал. 1999. № 4(24). С. 102.*

¹¹ *Кашанина Т. В. Юридическая техника: Учебник. М., 2011.*

¹² *Рулан Н. Юридическая антропология: Учебник для вузов / Пер. с франц.; отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1999.*

А. И. Степанян*

ПОЛИЦЕЙСКАЯ НАУКА КАК ФОРМИРУЮЩЕЕСЯ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Свое место в словаре зарубежного обществоведения заняло понятие «полицейская наука», не тождественное понятию «полицейское право», в условиях развернутого изучения полицейского права исследователями XIX в. и современниками¹.

Полицейская наука направлена на изучение полиции как института и полицейской деятельности как процесса. Как прикладная дисциплина она сочетает в себе методы и предметы других смежных дисциплин в области полицейской деятельности. Она включает в себя непосредственно всю полицейскую деятельность, и все аспекты извне, которые оказывают влияние на работу полиции и общественный порядок. Полицейская наука пытается объяснить факты и приобрести знания о реальности полицейской деятельности, чтобы успешно их обобщать и быть в состоянии предсказать возможные сценарии².

Понятие «полицейская наука» публично появилось на конференции, организованной бывшим Европейским полицейским колледжем CEPOL (ныне Агентство Европейского союза по подготовке сотрудников правоохранительных органов) в 2007 г., на тему «Перспективы полицейской науки: на пути к европейскому подходу». Название

* *Степанян Анна Игоревна* – заместитель начальника курса факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

конференции предполагало существование такой научной дисциплины и указывало на то, что она полностью еще не состоялась, так как исследовательская деятельность по определенному учреждению или процессу автоматически не становится научной дисциплиной.

Дополнениями к эпистемологическим предпосылкам появления новой научной дисциплины выступают практико-ориентированные перспективы социологического институционализма³.

С учетом идеи «поля», которую в своих трудах развивал, в частности, французский социолог и философ П. Бурдьё, стало возможно проводить исследование организации на нескольких уровнях – как внутри- и межорганизационном, так и в отношениях организации с внешней средой – и делать это в различных аспектах (институциональном, правовом, морально-этическом). Организационные поля в понимании П. Ди Маджо и У. Пауэлла – это группы организаций, которые составляют признанную зону институциональной жизни и осознанно структурированы. Структуру этих полей можно исследовать эмпирически, они институционально определены и ограничены. Тем самым в идее «поля» выделяются такие ключевые категории, как «связанность» – существование формальных и неформальных транзакций и связей между организациями на регулярной основе, и «структурная эквивалентность» – сходство позиций организаций в сетевой структуре. Концепция организационного поля определила теоретические подходы и создала инструменты для формирования научных дисциплин, выходящих за рамки абстрактных понятий, таких как «гипотеза», «теория», «исследовательская программа», «парадигма».

Соответствует ли полицейская наука институциональным требованиям научной дисциплины? Поскольку

соответствующие институциональные структуры различаются в разных странах, всеобъемлющий анализ, включающий все страны, безусловно, невозможен в рамках узкого исследования. Следовательно, мы ограничимся некоторыми наблюдениями в англо-американском и европейском контексте.

Одним из особенно полезных подходов, наиболее применимых к развитию дисциплин социальных наук, является пояснительный набросок о происхождении дисциплин, представленный В. Г. Стоком⁴, который был опубликован только на немецком языке и поэтому в значительной степени игнорировался за пределами немецкоязычного академического мира. Автор определяет три основных типа требований, которым должна соответствовать новая научная дисциплина:

- 1) формальные;
- 2) связанные с содержанием;
- 3) социальные.

Формальные требования вытекают из аналитической теории науки и требуют формулирования формальных правил или предложений, которые являются однозначными, поддающимися проверке и подкрепляются рациональными аргументами, чтобы обеспечить интерсубъективность результатов исследования. Требования, связанные с содержанием, включают общие цели исследования, предметы исследования и методы исследования. И социальные требования включают генерирование значимых и полезных выводов и институционализацию дисциплины, то есть развитие исследовательской и преподавательской базы. В. Г. Сток использует исторический подход М. Гунтау, который различает три линии или стадии развития научной дисциплины: предысторию, эмансипацию и консолидацию⁵. В. Г. Сток описывает различные усло-

вия или предпосылки, которые необходимы для перехода от одного этапа к следующему.

Предыстория научной дисциплины отмечена появлением результатов исследований по определенному предмету учеными из других дисциплин. Результаты этой междисциплинарной исследовательской деятельности накапливаются, формируя новую научную дисциплину. Таким образом, новое возникает из междисциплинарности «существующего»⁶. Стабилизация новой дисциплины в смысле ее становления затем обуславливается использованием общей теоретической базы и проявлением как продуктивного (направлено на решение проблем), так и активизирующего (инициирует дальнейшие исследования в этой области) творчества⁷.

Согласно Р. Райнеру, «академическому изучению полицейской деятельности всего около пятидесяти лет», и поэтому «все еще довольно молодо по сравнению с большинством дисциплин»⁸. До 1970-х годов осуществлялся, в основном, сбор эмпирического материала и исследования проводились, как правило, в рамках национальных государственно-правовых систем.

Переход от предыстории полицейской науки к стадии ее становления продолжился в 1980-е годы, о чем свидетельствует растущее использование общих теоретических рамок и резкое увеличение исследовательской деятельности как по созданию теорий, так и по проверке гипотез в области полицейской деятельности. Именно в эти два десятилетия растущее число академических исследователей применяло к полицейской деятельности теоретические концепции. Большая часть исследований посвящена различным формам полицейской деятельности и средствам ее осуществления, в числе которых:

– деятельность органов национальной полиции на

разных этапах исторического развития страны;

- основные направления деятельности полиции;
- способы и эффективность борьбы с преступностью;
- взаимосвязь полиции и общества.

Были предприняты попытки проведения сравнительных исследований, результаты которых подтверждали существенные различия в организации полицейской деятельности британского (приоритет потребностей общества, ограниченность направлений деятельности полиции) и континентального (приоритет потребностей государства, широкий круг направлений деятельности полиции) типов. Обосновывалась необходимость Интернационализации уголовного правоприменения, в котором принимает участие полиция.

В 1990-х годах импульс переключился с теоретических подходов на политико-ориентированные и управленческие подходы, сосредоточенные на борьбе с преступностью, что повлекло ускорение производства научных знаний о полицейской деятельности.

В то время, как предыстория и становление новой научной дисциплины относятся к эпистемологическому уровню анализа, ее окончательная консолидация происходит на институциональном уровне.

Согласно П. Ди Маджо и У. Пауэллу, институциональная структура возникает в результате четырех условий:

1) увеличение плотности межорганизационных контактов: взаимодействия между организациями на местах, национальные и международные конференции, консультативные мероприятия, обмен профессиональным опытом;

2) институционализация структуры «центр – периферия»: появление четко очерченных межорганизационных структур доминирования и моделей взаимодействия;

3) растущий поток информации: результаты исследований, образовательные программы для профессионалов, публикация книг, периодических изданий и справочников;

4) формирование общей системы значений в смысле взаимной осведомленности организаций, которые будут задействованы в той или иной области.

Эти четыре условия обеспечивают отличные ориентиры для возникновения новой научной дисциплины, такой как полицейская наука.

Однако ответ на вопрос о том, должна ли полицейская наука быть полностью устоявшейся научной дисциплиной, выходит за рамки данной статьи. Необходимо проведение, помимо имеющихся, последующих исследований полиции и полицейской деятельности⁹ с применением различных региональных контекстов, изучение последствий различных уровней и форм институционализации полицейской науки, проведение углубленного анализа полицейской науки в одной стране или сравнению ситуации в разных странах. Исследования, проводимые в любом из этих направлений, могут еще больше продвинуть наше понимание сложной взаимосвязи между исследованиями в области охраны правопорядка и полицейской практикой, которая так фундаментально важна.

© Степанян А. И., 2023

¹ *Нижник Н. С.* 1) Полицейская система как элемент правоохранительной системы современного государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 19–20 сентября 2013 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар, 2013. С. 6–13; 2) Полицейская система – структурно-функциональный элемент правоохранительной системы государства // 210 лет МВД России: история и современность: Материалы всерос-

сийской научно-практической конференции 21 сентября 2012 года. Ч. 1. СПб., 2013. С. 10–22; 3) Полицейская система как элемент механизма реализации правоохранительной функции государства // Совершенствование законодательства о полиции и полицейской деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 12 ноября 2015 года / Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. Омск, 2016. С. 21–27. EDN UIKEVC; 4) Омnipотенция полицейского государства в оценке российской полицейстики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86. EDN YLTWXX; *Геворкян А. И.* Правоохранительная система государства: специфика функционирования в условиях глобализации // Новеллы права и политики 2017: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: В 2 т. Т. 1. Гатчина, 2018. – С. 184–188; 2) К вопросу о характеристике полицейской системы современного государства // Российская полиция: три века служения Отечеству: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018. С. 152–156; *Нижник Н. С.* Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 52–66. DOI 10.7256/2454-0692.2018.5.23796. EDN YOMEXJ; *Сорокина Е. А.* Полицейская система Швеции: особенности функционирования в современном государстве // Российская полиция: три века служения Отечеству: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018. С. 1750–1755; *Нижник Н. С.* 1) Правоохранительная система Российской империи: генезис и основные этапы эволюции // Юридическая наука: традиции и инновации: сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, Великий Новгород, 19–20 апреля 2018 года / Сост. В. А. Орлов, О. Е. Калпинская; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2018. С. 213–218. EDN XVOUDJ; 2) Полицейское государство — социюридический феномен: характеристика сущностных черт

в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 123–130. EDN YTIBID; 3) Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории // Российская полиция: три века служения Отечеству: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 года / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018. С. 239–251. EDN VMBWJE; 4) Правоохранительная система государства: содержание и организационное оформление // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 17 мая 2019 года. Краснодар, 2019. С. 40–47. EDN MRVMVT; *Геворкян А. И.* 1) О направлениях повышения эффективности функционирования полицейской системы современного государства // Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. С. А. Старостина. Калининград, 2018. С. 12–16; 2) Интеграция правоохранительных систем как условие укрепления национальной безопасности современных государств // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград, 2019. С. 97–102; *Степанян А. И.* 1) Кибербезопасность как предмет международного сотрудничества полиции современных государств // *Beneficium*. 2019. № 2(31). С. 93–100; 2) Полицейская система государства: особенности структурно-институциональной организации // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): В 2 ч. Ч. I: Материалы XVIII международной научной конференции. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2021. С. 523–527; 3) Предиктивная аналитика в прогностической деятельности полиции современных государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84). С. 43–50; 4) Демократическая полиция – субъект правоохранительной системы современного государства // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 3. С. 37–41; 5) Полицейские системы современных госу-

дарств: основные подходы к типологии // Общество и право. 2020. № 2(72). С. 155–161; б) Транснациональная полицейская деятельность современных государств в условиях глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 41–48; и др..

² *Jaschke H. G., Neidhardt K.* A modern police science as an integrated academic discipline: a contribution to the debate on its fundamentals // *Policing and Society. An International Journal of Research and Policy.* 2007. No. 17(4). P. 303–320.

³ *DiMaggio P. J., Powell W. W.* The iron cage revisited. Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // *American Sociological Review.* 1983. Vol. 48. P. 147–160; *Meyer, J., Rowan, B.* Institutionalized organizations: formal structure as myth and ceremony // *American Journal of Sociology.* 1977. No. 83(2). P. 340–363.

⁴ *Stock W. G.* Die Entstehung einer wissenschaftlichen Disziplin // *Acta Analytica.* 1989. No. 4. P. 149–168.

⁵ *Guntau M.* Der Herausbildungsprozeß moderner wissenschaftlicher Disziplinen und ihre stadiale Entwicklung in der Geschichte // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte.* 1987. No. 10(1). P. 1–13.

⁶ *Lemaine G., MacLeod R., Mulkey M., Weingart P.* Introduction: problems in the emergence of new disciplines // *Lemaine, G., MacLeod, R., Mulkey, M. and Weingart, P. (eds). Perspectives on the Emergence of Scientific Disciplines.* Paris, 1976. P. 27–52.

⁷ *Stock W. G.* Die Entstehung einer wissenschaftlichen Disziplin // *Acta Analytica.* 1989. No. 4. P. 149–168.

⁸ *Reiner R.* *The Politics of the Police* (4th edn). Oxford, 2010. P. 122–125.

⁹ *Нижник Н. С.* Российская полицейстика: основные этапы становления и развития // *Genesis: исторические исследования.* 2015. № 6. С. 764–786; *Nizhnik N. S.* *Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State* // *Man. Society. Communication, Veliky Novgorod,* 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826-1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR; *Нижник Н. С.* Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // *Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова.*

2018. № 4. С. 94–106. EDN BWYEDQ; *Нижник Н. С., Сидоренко Н. С.* Полицейская деятельность: три века служения полиции Отечеству // *Полицейская деятельность*. 2018. № 5. С. 1–51; *Нижник Н. С.* Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // *Труды Академии МВД Республики Таджикистан*. 2018. № 4(40). С. 57–72. EDN FGENJE; 2) *Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии ученых Академии управления МВД России в юбилейной международной научной конференции)* // *Труды Академии управления МВД России*. 2019. № 1(49). С. 149–156. EDN ZFBDBB; 3) *Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России* // *Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 07 декабря 2018 года / Сост. Э. Х. Мамедов. СПб., 2019. С. 267–296. EDN VXMYPE; *Nizhnik N.* 300 Years in the Service to the Native Land: Specifics of the Regional Development of the Police Bodies in the Russian Empire (on the Materials of the Jubilee International Scientific Conference held at St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs) // *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 495–522. EDN ZACSYH; *Нижник Н. С.* Полицейстика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // *Российская полиция: три века служения Отечеству: Сборник статей Юбилейной международной научной конференции: В 2 ч. Москва, 21 декабря 2018 года / Под ред. В. А. Кубышко. Ч. 1. М., 2019. С. 220–240. EDN XHBFQR; *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // *Man. Society. Communication, Veliky Novgorod*, 23–24 апреля 2020 года. – Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED - European Publisher, 2021. P. 1826–1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. EDN QCCGDR; *Права человека: между прошлым и будущим / Под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. М., 2021. С. 58–72.***

А. Ю. Усов*

ПРОКУРОРСКАЯ НАУКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Как известно, 24 февраля 2021 г. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации утверждена новая номенклатура научных специальностей¹, по которым присуждаются ученые степени кандидата наук и доктора наук, что привело, по сути, к так называемому укрупнению научных специальностей. В связи с этим многие научные специальности, в том числе, входящие в число социальных и гуманитарных, юридических наук, были объединены. Этот процесс в полной мере затронул и существовавшую ранее научную специальность 12.00.11 – «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность», которая в значительной степени оказалась включенной в научную специальность 5.1.2 – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Наука как социальный институт включает в себя, прежде всего, ученых, занимающихся развитием определенной научной отрасли знаний; научные организации и учреждения, научные школы и сообщества; разделение и кооперацию научных знаний и научного труда и пр. Становление прокурорской науки, как и становление систе-

* *Усов Алексей Юрьевич* – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

мы органов прокуратуры Российской Федерации, имеет достаточно длительную и непростую историю.

Одним из основоположников теории прокурорского надзора является София Герасимовна Березовская, ученый, последовательно и успешно добивавшийся признания самостоятельного отраслевого статуса прокурорской науки. В 50-е годы XX в. в научной и учебной литературе практически не уделялось внимания теории осуществления прокурорской деятельности. С. Г. Березовская стала одним из первых разработчиков концепции прокурорского надзора как самостоятельной отрасли права. Эту позицию разделяли тогда лишь отдельные ученые. При подготовке монографии «Советская социалистическая демократия»² даже не предполагалось рассматривать институт прокурорского надзора. С. Г. Березовская добилась, чтобы в книгу включили отдельную главу о нем³. К числу основателей прокурорской науки также относятся Врамшапу Самсонович Тадевосян, Игорь Иванович Карпец, Александр Давидович Берензон, Владимир Карлович Звирбуль, которые не только стойко и последовательно отстаивали самостоятельность прокурорской науки, трудились над разработкой системы этой отрасли научного знания, развитием научных основ осуществления различных функций и иных направлений прокурорской деятельности, но и способствовали подготовке целой плеяды выдающихся ученых, многие из которых продолжают развивать прокурорскую науку по сей день (в их числе Ю. Е. Винокуров, А. Ю. Винокуров, В. Г. Бессарабов, А. Х. Казарина, Ф. М. Кобзарев, В. П. Рябцев, А. Ф. Смирнов, С. П. Щерба, В. Б. Ястребов и многие другие).

Прокурорская наука характеризуется и постепенно развивающейся системой научных и образовательных организаций, на базе которых осуществляется написание и

защита диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук, формируются научные школы, осуществляется подготовка специалистов на основании договоров о целевом обучении для органов и организаций прокуратуры. Не вызывает сомнений, что основной научный потенциал, вобравший в себя все лучшие традиции прокурорской науки воплощен в Университете прокуратуры Российской Федерации (ранее – Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации), объединившем в себе с 2007 г. Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации (создан в 1963 г. являлся правопреемником ВНИИ криминалистики при Прокуратуре СССР, созданного распоряжением Совета Министров СССР от 11 февраля 1949 г. № 1680-р), Санкт-Петербургский (1966), Московский (1970) и Иркутский институты повышения квалификации (2007). В настоящее время в структуру Университета прокуратуры Российской Федерации также входят Крымский, Казанский и Дальневосточный юридический институт (филиал). Кроме того, сильные научные школы, способствующие развитию прокурорской науки созданы и успешно функционируют на базе Саратовской государственной юридической академии, Уральского государственного юридического университета, Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина. К сожалению, следует отметить, что иные научные и образовательные организации, на базе которых созданы и действуют диссертационные советы по научной специальности 5.1.2 (ранее – 12.00.11) и осуществляется подготовка студентов, в том числе по целевым направлениям органов прокуратуры, в настоящее время не уделяют достаточного внимания развитию тео-

ретических основ прокурорской деятельности, акцентируя внимание на смежных направлениях научных исследований.

Прокурорская наука в настоящее время отличается не только детальной проработанностью научных основ по различным функциям и направлениям деятельности органов прокуратуры, но и доктринальным подходом к развитию прокурорской системы. Так, в 1994 г. на базе Научно-исследовательского института опубликована работа «Прокуратура Российской Федерации» (Концепция развития на переходный период)⁴, в 1998 г. – «Проблемы развития правового статуса российской прокуратуры (в условиях переходного периода)»⁵. Более того, на страницах научных изданий на регулярной основе ведется активная дискуссия относительно формирования концепции развития прокурорской науки и органов прокуратуры в целом, разрабатывается и совершенствуется теория функций и иных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации, исследуются многие другие вопросы, способствующие более четкому структурированию прокурорской науки, разделению научного труда и углублению научных знаний о прокурорской деятельности в отдельных сферах общественных отношений. Таким образом, подводя итог, следует отметить, что в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция по выделению прокурорской науки в самостоятельную отрасль научного знания. Более того, научные исследования в этой сфере способствуют тому, что понятие «Прокурорский надзор» как наука, постепенно трансформировалось в более широкое «Прокурорская деятельность»⁶ и, наконец, «Прокурорская наука»⁷.

Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на длительный период существования, труд огромного количе-

ства ученых, работающих над обоснованием самостоятельности этой отрасли знаний, разработкой четкой структуры этой науки, в паспорте научной специальности 5.1.2 – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» прокурорской науке отведено незаслуженно скромное место. Непосредственно исследованиям прокурорской тематики в паспорте научной специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» посвящен п. 11 «Прокуратура в системе публичной власти». Безусловно, многофункциональная деятельность органов прокуратуры сопряжена с иными направлениями научных исследований, входящими в структуру научной специальности 5.1.2, в том числе – правовое регулирование правоохранительной и правозащитной деятельности; публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности, общества и государства; правовое регулирование государственного управления в различных сферах; публичный контроль и надзор в публично-правовой и частноправовой сферах; государственная и муниципальная служба и других. Вместе с тем, несмотря на «укрупнение научных специальностей» нерешенным остался вопрос о месте прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие в системе научных специальностей. Поскольку паспорт научной специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» в пункте 5 помимо прочего предусматривает «Прокурорский надзор». При этом отсутствует какое-либо указание на то, за исполнением какого именно законодательства и какими органами власти этот надзор осуществляется. На практике это неизбежно приведет к тому, что диссертационные исследования в сфере прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществля-

ющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие будут представляться к защите как по научной специальности 5.1.2 – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», так и по научной специальности 5.1.4. – «Уголовно-правовые науки». В связи с этим предлагается при формулировании направлений научных исследований по прокурорской тематике, входящих в структуру научной специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», основываться на лучших достижениях ученых в области прокурорской науки.

© Усов А. Ю., 2023

¹ Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093». – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043> (дата обращения: 23.01.2023).

² *Советская социалистическая демократия* / Под ред. М. Б. Митина. М., 1964.

³ *Звягинцев А. Г.* История российской прокуратуры. 1722–2012. Краткое изложение истории прокуратуры в лицах, событиях, документах. М., 2012. С. 226.

⁴ *Прокуратура Российской Федерации (Концепция развития на переходный период)*. М., 1994.

⁵ *Проблемы развития правового статуса российской прокуратуры (в условиях переходного периода)*. М., 1998.

⁶ *Карпов Н. Н.* Хорошая теория – залог успешной практики // *Законность*. 2008. № 7. С. 12–15.

⁷ *Винокуров А. Ю.* Прокурорская наука: состояние и перспективы развития // *Журнал Российского права*. 2014. № 9. С. 125–130.

В. С. Харламов*

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОФАМИЛИСТИКИ КАК ОТРАСЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Термин «криминофамилистика» введен Д. А. Шестаковым в качестве синонима термина «семейная криминология» в 1980 г. Под криминофамилистикой, или семейной криминологией, понимают отрасль криминологии, которая исследует специфику преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений, и, в первую очередь, внутрисемейное насилие, а также внутрисемейные детерминанты, способствующие различным видам преступной активности: женской корыстной, насильственной, рецидивной, молодежной¹. В рамках криминофамилистики исследуются возможности сдерживания криминальных посягательств посредством воздействия на семью. Первая отечественная научная статья по семейной криминологии опубликована в 1976 г.² С неё в стране начинается криминологическое осмысление института семейных отношений. До упомянутой публикации внутрисемейные преступные проявления не выделялись из более широкого круга криминальных посягательств в сфере быта. Проблемы семейной криминологии в настоящее время разрабатываются Д. А. Шестаковым, А. А. Ахматовым, Г. М. Ильяшенко, Д. А. Корецким, Е. А. Костыря, В. П. Мелешко, К. А. Мясниковой, А. В. Чураковым и др.

* Харламов Валентин Станиславович – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Родоначальник отечественной криминофамилистики Д. А. Шестаков выделил три этапа развития семейной криминологии³. Первый этап – диалектический (70-е – 80-е годы XX в.) связан с осмыслением воспроизводства преступлений как результата действия социальных противоречий, в том числе относящихся к институту семьи. Второй этап – феминистский (90-е годы XX в.) отличается распространением обоснования семейно-бытового криминала как результата доминирования мужчин в обществе. Третий этап – интегративный (с первого десятилетия XXI в. по настоящее время) характеризуется отходом от феминистической упрощенности, освоением теоретического потенциала, накопленного на диалектическом этапе развития криминофамилистики.

Особенностью интегративного этапа является то, что в России в начале XXI столетия криминальное насилие в семье выдвигается в число значимых социальных проблем. Одним из приоритетных направлений развития нашего общества становится совершенствование отношений в сфере семьи. Особую остроту в настоящее время приобрели в России проблемы защищенности домочадцев и внутрисемейной консолидации. Они постоянно рассматриваются на всех уровнях государственной власти, обсуждаются на заседаниях Правительства Российской Федерации, субъектов Российской Федерации. Для объединения усилий государства, общества, бизнеса вокруг важнейших вопросов укрепления авторитета и поддержки института семьи, базовых семейных ценностей по инициативе Президента России 2008 год был назван Годом семьи. С 2008 г. в регионах России ежегодно празднуется «Всероссийский день супружеской любви и семейного счастья». Некоторые главы российских регионов (Алтай, Ставропольский край) издали законодательные акты,

утвердившие проведение Года семьи в соответствующем субъекте⁴. 16 сентября 2016 г. на заседании Совета глав государств СНГ в Бишкеке принято решение об объявлении 2017 года Годом семьи в Содружестве Независимых Государств.

В рамках научных исследований профессором Д. А. Шестаковым разработана мощная антикриминальная доктрина в виде парадигмы криминологической коррекции семейных отношений. Суть упомянутой парадигмы заключена в воздействии на присущие институту семьи детерминанты преступного поведения, на всю систему криминогенных семейных факторов, в обеспечении правомерного, позитивно направленного поведения, предотвращении и разрешении конфликтных ситуаций, а также включении семьи как основной базовой ценности общества в процесс профилактики правонарушающего поведения любых видов⁵. Криминологическая коррекция семейных отношений складывается из следующих компонентов:

- 1) нейтрализация противоречий института семьи в целом;
- 2) создание условий для преодоления негативного влияния семей на их членов;
- 3) разрешение конкретных конфликтных ситуаций;
- 4) использование заложенного в сфере семейных отношений положительного потенциала.

Дальнейшее развитие российской криминофамилистической науки привело к появлению новой частной криминологической теории. Ее название – общая теория криминологической безопасности семьи. Под новым научным направлением понимается система представлений, направленных на обобщение полного спектра деструктивных внешних и внутренних опасностей для се-

мы как автономного социума и ее членов; совокупность взглядов, формирующих диагностику состояния защищенности их жизнедеятельности от криминальных угроз и потенциальных рисков; набор научных инноваций и идей, предназначенных для обеспечения исчерпывающего комплекса мер охраны конституционных прав и свобод домоладцев, достойного качества и уровня их жизни, а также для виктимологической превенции семейных отношений⁶.

В общей теории криминологической безопасности семьи подвергаются изучению криминальные воздействия на семью и ее членов, дается оценка криминогенности полученных деформаций семейных отношений и уязвимости жертв преступлений из числа домоладцев, отражается динамика правового состояния семьи в связи с преступлениями внутри и вне семьи, раскрывается трансформация семейно-правового статуса в пенитенциарный период и в иное кризисное время, аккумулируются меры противодействия внутрисемейному криминалу, прогнозируется антикриминальная защищенность семьи от деструктивных угроз.

Рассмотрению подлежат семьи разных категорий. В частности, семьи несовершеннолетних, молодых и пожилых людей, а также семьи, трансцендентные и неблагополучные, в том числе, кризисные и преступные.

Не исключена потребность исследования партнерских союзов с псевдосемейными отношениями. Например, союзов, заключивших фиктивный брак, фиктивный развод либо оформивших фиктивное усыновление, фиктивное приемное родительство. Особое значение в рассматриваемой теории занимают семьи, действующие без зарегистрированного брака в органах записи актов гражданского состояния, между помолвленными лицами и сожителями, включая однополых партнеров, между женихом и

невестой, между нареченными родителями и суррогатной матерью, между бывшими супругами и иными бывшими членами семьи, если они продолжают совместно проживать после прекращения брака.

Кроме того, общая теория криминологической безопасности семьи позволяет включать изучение истории развития криминофамелистических мер безопасности и эволюцию феномена виктимности семейного социума (в частности, виктимности семей царских офицеров в революционной России, семей врагов народа в Советском Союзе). Наряду с изложенным, важно исследовать такие существенные проблемы как соотношение приоритетов права безопасности личности и отдельно права (например, при изъятии ребенка из семьи или разводе), а также корреляционную зависимость права в рамках криминологической безопасности семьи от характера безопасности общественной, государственной, миграционной, национальной.

В границах указанной теории появляется возможность детально рассмотреть механизм обеспечения криминологической безопасности семьи. Элементами указанного механизма являются деятельность субъектов обеспечения криминологической безопасности семьи, криминологико-виктимологическая диагностика и криминологическая коррекция семейных отношений, мониторинг криминогенных деформаций семейных отношений и правоприменения.

К субъектам криминологической безопасности семьи относятся, во-первых, семья и ее члены; во-вторых, осуществляющие меры безопасности государственные и негосударственные личности и учреждения; в-третьих, организации общественные, коммерческие и частные, а также, в-четвертых, правоохранительные структуры ми-

рового сообщества (Интерпол и др.).

К объектам изучения предложенной теории отнесены общественные отношения, которые складываются в процессе деятельности по обеспечению безопасности семьи, ее членов и окружающей семью среды от криминальных посягательств.

Предмет исследования в общей теории криминологической безопасности семьи включает следующие ингредиенты:

1) преступность внутри и вне семьи, ее проявления в виде криминальных угроз, деструктивных внешних и внутренних опасностей для семьи и ее членов;

2) личность носителя криминальной угрозы;

3) личность криминальной жертвы;

4) криминогенные и виктимогенные детерминанты как источник угроз безопасности;

5) возможные меры семейной безопасности.

Таким образом, развитие криминофамилистики позволяет играть важную роль для науки и практики в сфере борьбы с преступностью

© Харламов В. С., 2023

¹ Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. Л., 1980. С. 14.

² Шестаков Д. А. Об одном из аспектов криминогенной ситуации // Вестник ЛГУ. 1976. № 11. С. 116–121.

³ Шестаков Д. А. Интегративный этап семейной криминологии: поворот теории и юридизация? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2008. № 1(14). С. 128.

⁴ Указ Главы Республики Алтай от 13 января 2016 № 1-у «Об объявлении 2016 года Годом семьи в Республике Алтай». – <http://www.gorno-altaisk.info/news/47330> (дата обращения: 14.02.2023); Распоряжение Губернатора Ставропольского края от 4 апреля 2008 г. № 322-р «О проведении Года семьи в

Ставропольском крае в 2008 году». – <http://stavropol.regnews.org/doc/ww/ne.htm> (дата обращения: 14.02.2023); Решение Главы городского округа Лабытнанги от 7 февраля 2022 г. «Год семьи в Лабытнанги». – <https://www.yamal.kp.ru/online/news/4618930/> (дата обращения: 14.02.2023).

⁵ *Шестаков Д. А.* 1) Общее предупреждение преступности в семейно-брачной сфере // Вестник ЛГУ. 1978. № 17. С. 107–114; 2) Криминологическая коррекция семейных отношений // Преподавание юридической психологии и ее практическое применение. Т. 1. Тарту: ТГУ, 1986. С. 165–168; 3) Семейная криминология: Криминофамилистика. 2-е изд. СПб., 2003. С. 144; 4) Криминология: Учебник. 2-е изд., СПб., 2006. С. 249–251.

⁶ *Харламов В. С.* Введение в общую теорию криминологической безопасности семьи // Традиции и инновации в праве: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета и 50-летию Полоцкого государственного ун-та, Новополоцк, 6–7 октября 2017 г.: В 3 т. / Отв. ред. И. В. Вегера. Т. 3. Новополоцк, 2017. С. 289–292.

А. А. Лавриненко*

ГЕНЕЗИС ПРИКЛАДНЫХ НАУК В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК НА ПРИМЕРЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Деятельность, осуществляемая в рамках прикладных юридических наук, является неотъемлемой частью научного творчества. Эти науки по своей сущности ориентированы на разработку средств и методов познания, позволяющих решать задачи непосредственного практического применения их достижений, в том числе специалистами других – смежных – наук.

На протяжении всей истории развития юридической науки довольно часто возникали дискуссии о возможности признания деятельности человека по разработке средств познания наукой. Вопрос о такой возможности задавали и задают многие ученые в отношении криминалистики. В научной среде не утихают споры о том, представляет ли она собой обособленную область деятельности человека, направленной на познание окружающего мира, его закономерностей, накопление новых знаний о нем? То есть о том, можно ли криминалистику считать наукой?

Криминалистика в течение двух столетий прошла процесс трансформации из вспомогательного раздела уголовно-процессуального права в самостоятельную науку, имеющую свой строго очерченный предмет изучения. На

* *Лавриненко Александра Александровна* – преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

всех этапах своего развития она двигалась вперед по пути научного поиска и фундаментальных исследований. И потому на современном этапе нет сомнений в том, что криминалистика – это самостоятельная наука. Как верно отметили Л. В. Бертовский и В. А. Образцов, в круг ее интересов входят вопросы, касающиеся сущности, структуры, закономерностей поисково-познавательного механизма, задач, средств и методов получения и использования знаний о явлениях, познаваемых в рамках предметно-практической процессуальной деятельности полномочных должностных лиц правоохранительных органов в стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного следствия по уголовным делам¹.

Генезис криминалистики как науки обусловлен динамичным развитием смежных, близких по целям наук, прежде всего таких, как уголовный процесс и уголовное право. Развитие этих отраслевых наук в историческом аспекте является внешним условием происхождения и становления криминалистической науки. Данное утверждение обосновывается общностью ключевых проблем, на решение которых ориентированы указанные науки, в первую очередь – это проблема борьбы с преступностью, в процессе ее решения осуществляется внедрение передовых научных достижений, способствующих постоянному развитию и совершенствованию научной криминалистической мысли.

Криминалистика является наукой, достаточно самостоятельной, наделенной внутренними потребностями к «самоутверждению», имеющей потенциал внутреннего совершенствования для успешного решения стоящих перед ней задач, способной отвечать на внешние вызовы изменяющейся действительности. Ее существенные особенности как самостоятельной науки проявляются в формули-

ровании объекта и предмета познания, а также в формировании методик такого познания.

Объектами познания криминалистики как науки являются преступная деятельность и деятельность правоохранительных органов по раскрытию и предупреждению преступлений. В качестве предмета криминалистики рассматривается система закономерностей, связанных с возникновением, собиранием, исследованием и использованием криминалистически важной информации. Что, в свою очередь, подтверждает высокий уровень значимости развития криминалистической науки в целях борьбы с преступностью.

Необходимость в использовании различных технических и научных методов и приемов, позволяющих понять механизм совершения преступления, выявить следы преступления с целью его раскрытия, существовала всегда, начиная со времени возникновения первых представлений о том, что такое преступление. Примеры использования криминалистической техники и криминалистической тактики обнаруживаются в истории всех древних цивилизаций. Использование различных криминалистических техник и методов не являлось комплексным и системным, и потому не могло найти своего отражения в полноценном научном знании. Такое положение сохранялось примерно до начала XX в.

Зарождению в прошлом столетии такой науки, как криминалистика, способствовало прежде всего резкое увеличение количества совершаемых преступлений, появление принципиально новых составов преступления, а также совершенствование техники криминального «мастерства» преступников, что напрямую было связано с развитием экономики. Тенденции к совершенствованию преступных навыков и развитию технических возможно-

стей, оказавшихся в распоряжении представителей преступного мира, неизбежно повлекли за собой активизацию процессов, направленных на модернизацию и развитие методов расследования преступлений.

Формирование криминалистики как самостоятельной науки принято связывать с именем австрийского профессора Г. Гросса. Благодаря ему появился и сам термин «криминалистика». Г. Гросс определил созданную им новую отрасль знаний как науку «о реальностях уголовного права», основанную на смешанном правовом и естественноисторическом методе и имеющую своим предметом фактическую сторону преступлений и сведения, необходимые при производстве отдельных следственных действий. Г. Гросс доказывал необходимость применения знаний естественных и точных наук при проведении следственных мероприятий.

Необходимо отметить, что в основу криминалистической науки, как правило, легли научные идеи криминалистов, имеющих значительный практический опыт в области естественных и технических наук. Аналогичным образом происходило зарождение и становление криминалистической науки в России, поскольку развитие философско-исторической проблематики отечественной криминалистики находилось под постоянным давлением обостряющегося противодействия преступному миру. Последнее обстоятельство как раз и стало сильнейшим стимулом для развития криминалистики.

На этапе зарождения криминалистики как науки сформировалось представление о ее двойственной природе: правовой, обусловленной тем, что криминалистика имеет корни своего происхождения в уголовно-процессуальной теории, и технической, так как она является, по своей сущности, прикладной отраслью знаний.

Нельзя не согласиться с высказанным П. И. Тарасовым-Родионовым мнением о двойственности природы криминалистики. Он писал о двух направлениях, существующих в криминалистической науке: раскрытие и расследование преступлений и методы исследования вещественных доказательств. Причем указывал, что эти «исследования производятся на основании переработанных и приспособленных в этих целях данных естественных и технических наук»².

Особенностью развития криминалистики в настоящее время является тенденция совершенствование научного познания на основе принципа от общего к частному, что проявляется в большом количестве разработок новых частных криминалистических учений и частных методик расследования отдельных групп преступлений. Именно такая специфическая сфера применения научных знаний и свидетельствует о прикладном значении криминалистики. Но при этом необходимо обратить внимание и на те ее свойства, которые позволяют вырабатывать, обобщать и систематизировать объективные знания о той части окружающей нас действительности, которая находится в фокусе ее внимания.

Итак, становится очевидным, что криминалистика является полноценной, самостоятельной наукой. Она представляет собой динамично развивающуюся и откликающуюся на запросы и потребности практики правоприменения сферу научного познания³. Криминалистическая наука не умозрительна, а объективна по своей сути и реальна, как реальна преступность и необходимость борьбы с нею. Этим последним обстоятельством обусловлена высокая потребность в непрерывности криминалистических исследований: как теоретического, так и прикладного характера. Вполне допустимо видеть в криминалистике явление двойственной

научной природы, ведь ее возникновение произошло на границе естественных, технических и уголовно-правовых наук. И хотя криминалистика вобрала в себя много от первых, рассматривать ее исключительно как техническую дисциплину было бы неверным.

© Лавриненко А. А., 2023

¹ *Бертовский А. В., Образцов В. А.* Понятие, объект и предмет криминалистики // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 228–233.

² *Тарасов-Родионов П. И.* Советская криминалистика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 8(24). С. 150–157.

³ *Лавриненко А. А.* Криминалистическая наука: стремление к самоутверждению // Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Калининград, 2021. С. 93–100.

ПРАВО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Интеграция, взаимопроникновение и взаимообогащение наук сегодня является характерной чертой многих научных разработок. Достижения одной науки могут оказать значительное влияние на развитие других наук. Например, естественные науки оказали большое влияние на развитие гуманитарных наук. Последние достижения в области генетики изменили наше представление о предыстории *Homo sapiens*, которая как теперь считается, насчитывает около 200 тыс. лет. Понимание этой связи между наукой и искусством приводит к признанию в высшем образовании приоритета знаний как основы для изучения природной и социальной среды. Природа – это единое целое, и ее нельзя разделять на отдельные науки. Общество также является целым и в ходе своего исторического развития сформировало единую совокупность знаний (систему наук), отражающую знания об окружающей действительности. Современная жизнь предъявляет повышенные требования к усвоению студентами базовых знаний, обязывая их в процессе обучения использовать как устоявшиеся инструменты, так и нетрадиционные методы познания и новые открытия других наук, поэтому представление о природе смысла права и государства составляет основу знаний в юридических науках.

* *Оганесян Роман Геворгович* – младший научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва).

Интеграции наук между собой стали активными в XX в. Одной из важнейших проблем юриспруденции является сложность природы и характера права. Определение права оказывает непосредственное влияние на другие вопросы и на общую теорию права и юридическую науку в целом. Это приводит к необходимости искать новые пути в юриспруденции и связи с другими областями знаний, чтобы лучше понять очевидное и невероятное в природе права. И некоторые ученые предлагают установить эту невероятную связь с наукой искусствоведения, а именно с художественной культурой. То, что художественная культура (искусство) влияет на общественное развитие, очевидно. Однако считается, что искусство невозможно по отношению к праву, поскольку оно относится к области эстетической, а не правовой оценки.

Однако художественная культура относится к области духовной культуры, так же, как и право. Несмотря на это, ученые-правоведы не рассматривают вопрос о том, в какой степени на художественное произведение или конкретные формы искусства влияет восприятие права. Прослеживание взаимосвязи между правом, искусством и культурой – это не традиционный способ поиска скрытых правовых истин. В качестве отправной точки для изучения таких связей следует попытаться рассмотреть отдельные аспекты общественного развития, которые отражают взаимозависимость между правом и искусством и культурой. Самое главное – изучить сущность права и художественной культуры и проследить истоки этих явлений и понятий. Четкое понимание того, что такое право и что такое искусство и культура, позволяет нам искать те черты, которые их отличают и которые связывают их воедино.

Право и художественная культура возникают и развиваются непосредственно из порождающих их производственных отношений. Поиск истоков – самый сложный поиск, который может предпринять пытливый человеческий ум. Любое явление с чего-то начинается, и в какой-то момент это кажется нам самоочевидным. Однако, приближаясь к истокам шаг за шагом, мы обнаруживаем бесконечную череду трансформаций и переходов из одного состояния в другое. Мы видим, что все начала относительно, являются результатом долгих лет развития и бесконечной цели эволюции. Не только происхождение жизни и человечества на земле не мыслится как одновременные акты «создания» и «возникновения», но и происхождение первобытных обществ, семьи, собственности, государств, законов и других социальных институтов, которых также является результатом длительного процесса и входят в цепь трансформаций и возникновений.

Право и искусство возникли в ходе развития экономических отношений в первобытных обществах, которые сформировали новую материальную и духовную культуру и определили дальнейший путь становления человеческой цивилизации. «Духовная культура» становится общим и объединяющим понятием как для права, так и для искусства. Однако формирование производственной экономики и появление частной собственности изменили экономические и социальные отношения. С этого момента начинает формироваться гражданское общество, вызывая становление правовых отношений. Стали также развиваться искусство и культура как идеологическое выражение не только производства и социальной организации, но и природной среды, в которой только и может существовать человек. Через искусство человек стал выражать действительность в художественно-воплощенных формах

(скульптура, живопись, музыка, литература). Он выражает свои идеалы в образах красоты и стремится к совершенству, гармонии и целостности в своих произведениях, пытаясь показать сущность справедливости как совершенства и гармонии в общественных отношениях. Затем понятие красоты, как эстетической категории, стало распространяться не только на предметы и людей в окружающем мире, но и на законы и правоотношения в материальной и духовной жизни общества.

Таким образом, искусство и культура (художественная культура) относятся к особой сфере общественных отношений, содержанием и целью которых является эстетическое освоение мира, возникающее на основе практического и эмоционального переживания человеческого совершенства через красоту. Литература – это искусство слова, музыка – искусство звука, живопись – искусство света, графика – искусство линии, скульптура – искусство объема, хореография – искусство движения и т. д. В свою очередь, право – это система общеобязательных норм, выражающих волю общества и государства, обеспечиваемых государством и призванных регулировать наиболее важные общественные отношения, установленные или санкционированные государством.

© Оганесян Р. Г., 2023

ПРИОРИТЕТНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛИЗИОННОГО ПРАВА

Проблема юридических коллизий и выделения коллизионного права были и остаются предметом для дискуссий среди правоведов. Данному вопросу посвящены труды советских и российских ученых (И. Н. Васев¹, Н. А. Власенко², А. С. Гамбарян³, Ю. А. Тихомиров⁴ и др.). В рамках проводимого исследования феномена приоритетной обязанности прослеживается некое сходство с коллизиями в праве. Под приоритетной обязанностью подразумевается вид юридической обязанности, с определенной последовательностью действий субъекта, наделенного специальным правовым статусом, предусматривающей первостепенность в процессе реализации. Специфика приоритетной обязанности в том, что субъект, наделенный специальным правовым статусом, осуществляет выбор и применение конкретных правовых норм к определенной ситуации. Однако, это только кажущееся сходство.

Коллизии в праве свидетельствуют о внутренней несогласованности, наличии множественности действительных, но разрозненных между собой, по-разному регулируемых ситуации. Стремление законодательных и правоприменительных органов, если не исключить полностью коллизии в нормах права, то свести их к минимуму. При

* *Хрони Наталья Николаевна* – адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва).

коллизии нельзя применить обе нормы, одна может и исключить другую. По выражению профессора В. М. Баранова: «Встречаясь с коллизией юридических норм, мы сталкиваемся с одним из видов противоречий в праве, несовершенством законодательства»⁵.

Касательно приоритетной обязанности мы не говорим о противоречии, речь о первостепенности, выборе очередности, определенном порядке действий. Приоритетные обязанности даже не конкурируют друг с другом и иными обязанностями, так как все обязанности в итоге должны быть исполнены. Таким образом, приоритетные обязанности не вступают в противоречия с иными юридическими обязанностями в отличие от правовых коллизий.

С точки зрения юридической техники область коллизионных правил ограничивается случаями столкновения именно нормативных правовых актов, тогда как приоритетная обязанность может обозначаться в любых правовых актах.

В то же время сам процесс выбора между коллизионной нормой и определением приоритетной обязанности имеет некоторую идентичность, в том числе по прогнозированию последствий, наступление ответственности за неправильный выбор. Кроме того, сходство наблюдается и в количественном росте приоритетных обязанностей, объективно наблюдаемом в процессе усложнения общественных отношений, так и юридических коллизий, несмотря на желание законодателя их устранить, что связано с ростом законотворчества, развитием общества.

«Юридический приоритет» – это точка соприкосновения рассматриваемых правовых явлений. Так, в предлагаемой И. Н. Васевым формулировке коллизионного права сказано, что это общетеоретическая учебная дисциплина (правовой институт), изучающая (устанавливающая) пра-

вила приоритетности применения норм права при регулировании ими одного фактического отношения. В одном из Определений Конституционного Суда Российской Федерации от 5 октября 2000 г. № 199-О сказано, что «в случае коллизии норм, регулирующих одни и те же общественные отношения, применению подлежат нормы закона, принятого по времени позднее, при условии, что в нем не установлено иное, при этом приоритетом над общими нормами обладают специальные нормы»⁶.

Также, согласно Определению Девятого кассационного суда общей юрисдикции в семейном споре о взыскании алиментов с совершеннолетних детей на содержание нетрудоспособных родителей, исходя из смысла ст. 87 (обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей) и ст. 88 (участие совершеннолетних детей в дополнительных расходах на родителей) Семейного кодекса Российской Федерации данные обязанности были определены как приоритетные⁷.

В одной из работ А. Г. Репьева указывается, что толкование приоритета сводиться не только к воздействию на общественные отношения через установление очередности, степени срочности (выполнения задач, предоставления услуги и пр.), но и имеет потенциал как средства правового регулирования⁸. Отталкиваясь от дефиниции юридического приоритета как инструмента правового регулирования, заключающегося во внеочередной, первоочередной реализации субъективного права и законного интереса субъекта, на основе дополнительных процессуальных гарантий и организационных мер в соответствии с его специальным статусом, обеспечиваемый исполнением обязанностей первостепенных для самого субъекта, и иных лиц, задействованных в данном процессе⁹, обозначим следующее. «Юридический приоритет» играет важ-

ную роль при отграничении от иных правовых явлений. Таким образом, приоритет имеет универсальное значение и используется как инструмент регулирования для выстраивания иерархии ценностей, прав, а также обязанностей.

Однако, при более глубоком анализе приоритетные обязанности субъектов, со специальным правовым статусом, могут стать элементом для формирования коллизионного права. Например, в Российской Федерации обязанности сотрудников органов внутренних дел перечисляются в федеральных законах «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 12 «Основные обязанности сотрудника органов внутренних дел», ст. 14 «Ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел»)¹⁰, «О полиции» (ст. 12 «Обязанности полиции», ст. 27 «Основные обязанности сотрудника полиции»)¹¹ и др. Факты перечисления обязанностей в нескольких одноуровневых законах затрудняют выстраивание четкой иерархии приоритетов при их исполнении, данная ситуация предопределяет возможность возникновения коллизий.

Подчеркнем, что в рамках статьи нам удалось только обозначить круг возможных вопросов и проблем, которые, безусловно, заслуживают внимания со стороны теоретиков права, законодательных и правоприменительных органов для более широкого изучения и непосредственного учета в правовой деятельности.

© Хрони Н. Н., 2023

¹ Васев И. Н. Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и практики: Учебно-практическое пособие. М., 2016.

² Власенко В. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984.

³ Гамбарян А. С. Коллизионные нормы и их конкуренция. М., 2019.

⁴ Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия. М., 1994.

⁵ Баранов В. М. Юридико-технические способы обеспечения преимущества специального закона перед общим // Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России. Вступительные эссе и доклады на международных форумах «Юртехника» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба (1999–2019): В 2 . Т. 1. М., 2020. С. 111–121.

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 октября 2000 г. № 199-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кушнарёва Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 40.1 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 1 статьи 12 Закона Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации"» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 1.

⁷ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 8 октября 2020 г. № 88-6480/2020. Категория: Семейные споры. Требования: «О взыскании алиментов». Дело № 2-115/2020 27RS0003-01-2019-006802-53 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VrjMjBT> (дата обращения 18.05.2022).

⁸ Репьев А. Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование с содержательных и технико-юридических позиций) // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 1. С. 7–15.

⁹ Хрони Н. Н., Космачев А. Е. К вопросу об определении понятия феномена «юридический приоритет» // Юридическая орбита. 2022. № 1. С. 338–344.

¹⁰ Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ (в ред. от 11 июня 2021 года) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее –

СЗ РФ). 2011. № 49. Ч. I. Ст. 7020; 2021. № 1. Ч. I. Ст. 56; 2021. № 24. Ч. I. Ст. 4188. Ст. 12, 14.

¹¹ Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 6 февраля 2023 года) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; 2023. № 6. Ст. 921.

К. В. Смирнов*

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ УГРОЗ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Роль юридической науки сложно переоценить в условиях новых угроз и обеспечения безопасности¹. Изучение проблем составов преступлений в сфере мира и безопасности человечества происходит, как правило в моменты появления новых случаев в правоприменительной практике по указанным составам. Именно в указанные промежутки учеными-юристами изучается и предлагаются пути совершенствования механизмов противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества².

Поскольку ведение войн происходило с древнейших времен, то вопросы ограничения агрессии ведения войны, путём ограничения распространения различного вида вооружения, рассматривались такими представителями научного сообщества Нового времени, как Гуго Гроций, в своей работе «О праве войны и мира». Швейцарский юрист Эммер де Ваттель в своих работах раскрыл принципы, которые позднее легли в основу современного международного гуманитарного права, он сформулировал признаки и принципы, входящие в понятие «право вооруженных конфликтов). Трактат другого юриста-международника, также швейцарца по происхождению,

* *Смирнов Кирилл Вячеславович* – аспирант кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск).

И. Блюнчли, использовался при составлении материалов Гаагских мирных конференций 1899 г. и 1907 г.

На рубеже XIX–XX вв. встал вопрос о разработке и внедрении механизма международного уголовного суда³. В дореволюционный период, этот вопрос рассматривал российский юрист-международник Л. А. Комаровский. После окончания Второй мировой войны и проведения ряда военных международных судов, Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского процессов, вопрос об имплементации в правоприменительную и судебную практику концепции Международного уголовного суда, приобрёл ещё большую актуальность. Данным вопросом, на современном этапе занимались А. Г. Волеводз, В. А. Волеводз.

В процессе исследования проблем обеспечения мира и безопасности человечества, был поставлен вопрос, а как соотносятся нормы международного права с нормами национальных законодательств стран мира в целом, что движет парламентариями стран при составлении норм, и какие проблемы существуют в плане трактования норм. Ведь в процессе расследования не только преступлений против мира и безопасности человечества, но и любых видов преступлений, огромное значение имеет необходимость в экстрадиции преступников в рамках уголовного судопроизводства. Однако, не все государства, преследуя свои политические интересы, прямо не исполняют нормы международного права, внедренные в национальные законодательства.

Надо полагать, что такое положение дел не укрепляет международного доверия к США в плане соблюдения норм международного права. Хотелось бы упомянуть, что США, как так называемый «оплот мировой демократии» не очень-то спешит присоединиться к 10 Международным конвенциям по вопросу о защите прав человека. США

подписали только три подобных Конвенции. В то же время в Конституции США не действует принцип верховенства международного права, США, нашли удобный способ обходить международные нормы, при том, что сами практически всем странам мира указывают на обязательное и неукоснительное соблюдение международных норм.

В некоторых странах перед ратификацией договоров существует процедура их правовой оценки путём проведения правовой экспертизы договора Конституционным судом (Франция, Италия, Испания и др.). Данная процедура сводит к минимуму саму возможность противоречия договора национальному законодательству. Насколько известно, в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», по смыслу ст. 88 можно сделать вывод о том, что «Конституционным суд может провести проверку не вступившего в силу международного договора», но в законе не установлена Обязанность такой проверки, это является упущением законодателя. Данное положение заставляет задуматься о введении нормы обязывающей Конституционный Суд Российской Федерации, проверять все международные договоры Российской Федерации, в том числе и не вступившие в силу.

В России были случаи обращения в Конституционный Суд Российской Федерации за проверкой конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». В итоге Конституционный Суд Российской Федерации вынес соответствующее Постановление, в котором отмечалось, что, несмотря на необходимость соблюдения норм международного права, Российская Федерация, ее органы государственной власти, не

должны заключать международные договоры могущие нанести ущерб интересам Российской Федерации.

В этом же Постановлении Конституционный Суд указал, что при этом не исключается правомочие федерального законодателя предусмотреть специальный правовой механизм разрешения Конституционным Судом Российской Федерации вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ, в том числе в части мер общего характера. Что, как кажется, свидетельствовало о желании Конституционного суда более четко указать, на приоритет права национального, над правом международным.

Возможно, именно в связи со всем выше сказанным, в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации было внесено изменение, в плане лишь только возможности неисполнения Российской Федерацией решений межгосударственных судов и органов их решений, если эти решения противоречат интересам государства. Но, по нашему мнению, не в полной мере свидетельствует о приоритете норм международного права над национальным правом.

Вопрос о соотношении норм права национального и международного, является актуальным, дискуссионным и неоднозначным, в связи с хотя бы тем обстоятельством, что круг вопросов, затрагиваемых в международных договорах, в том числе и о взаимодействии, касаются целых государств. При этом необходимо при подписании и ратификации договоров исходить, прежде всего из интересов самих государств.

© Смирнов К. В., 2023

¹ Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации Концепции

устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 1(100). С. 9–19.

² *Авдеева О. А., Авдеев В. А.* Сущностно-ценностный дискурс в понимании права в условиях развития правового государства // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 3(102). С. 12–22.

³ *Бернам У.* Правовая система США. М., Новая юстиция, 2007.

М. А. Яковлева*

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ФАКТОР ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОБАЦИИ

В силу признания в науке того факта, что преступность имеет историческое происхождение, сопровождает человечество на протяжении всего своего существования, изменяясь по состоянию, динамике и структуре в зависимости от различных явлений, процессов (социальных, экономических, политических), выступая аксиомой, известной криминологии на протяжении развития юридической мысли¹, вопрос в отношении необходимости ее профилактики, в том числе, посредством функционирования государственной системы пробации актуален на протяжении многих лет.

Идея о необходимости формирования в России службы пробации инициирована многими российскими исследователями, выразившими согласие с основным назначением данной институции – предоставление помощи в социальной адаптации, ресоциализации и профилактике повторных деяний². Впоследствии данная научная мысль была активно поддержана на этапе разработки национальной идеи о данной институции³: под пробацией в указанный период необходимо было понимать преимущественно систему необходимых мер, имеющих направленность: на социальную реабилитацию, адаптацию, на защиту прав, законных интересов лиц, которые подвергну-

* *Яковлева Маргарита Александровна* – доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

ты уголовному преследованию, как и осужденных; на надлежащее обеспечение контрольно – надзорных функций за поведением данных лиц⁴.

В научном сообществе данного исторического этапа отмечено: предназначение института пробации отражается в его сущности (правовой природе) – в осуществлении специальными органами принудительного надзора за поведением осужденных и исполнением ими возложенных обязанностей, как и в положительной коррекции поведения, в стимулировании правомерного поведения, в предупреждении преступности, в сокращении рецидива⁵.

Ученые были единодушны также в следующем: посредством социальной адаптации и ресоциализации осужденных, реализуемой через государственную службу пробации, в условиях значительных криминогенных угроз возможно эффективное реформирование национальной уголовно-исполнительной системы, совершенствование юридических, организационных, других условий деятельности социальной направленности учреждений уголовно-исполнительной системы, иных органов системы пробации⁶.

Научные идеи о целесообразности формирования национальной службы пробации были одобрены в 2012 г. на заседании Координационного совета уполномоченных по правам человека в Северо-Западном федеральном округе, как Уполномоченным по правам человека в РФ В. Лукиным, Полномочным представителем Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе Н. Винниченко, так и начальниками Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Санкт-Петербург В. Лукьяновым и Управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества ФСИН Российской Феде-

рации Е. Зарембинской.

Между тем, законопроект о пробации (2012 г.), не был поддержан Министерством финансов Российской Федерации из-за финансовых проблем. Данный факт был обусловлен также несовершенством законодательной техники, необходимостью формирования более идеального правового механизма деятельности службы пробации, что требовало проведения дальнейших научных исследований.

Впоследствии, по мере реализации гуманистических тенденций в национальном правовом поле, совершенствования законодательных инициатив о создании в России службы пробации, развития юридической мысли, сущность пробации в науке подверглась определенным коррективам. Нормы института пробации предлагалось применять не только в рамках пенитенциарной, но и исполнительной, постпенитенциарной социализации, т. е. в контексте предоставления социальной поддержки на различных этапах отправления правосудия, освобождения от наказания по направлениям восстановления социальных связей, образовательных, профессиональных умений, навыков, предоставления помощи при трудоустройстве, в решении жилищных, социальных, медицинских, психологических, юридических проблем, в обеспечении гарантий по защите прав, свобод, законных интересов.

В названном аспекте пробация охватывает, как досудебную стадию, так и стадии назначения, исполнения уголовного наказания, реализации мер уголовно-правового воздействия, постпенитенциарную стадию социализации⁷.

На этапе формирования законодательства о пробации внедрение данной институции в российскую правовую систему поддержано также Е. В. Ермасовым,

О. А. Дегтяревой, Н. С. Малолеткиной⁸, В. А. Уткиным и другими учеными.

В результате в рамках реализации прогрессивных научных идей и замыслов, сформированных Президиумом Государственного совета Российской Федерации (Вологда (2009), нашедших отражение в законопроектах о пробации, впоследствии – в Концепциях долгосрочного социально-экономического развития России⁹ и в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» (2022)¹⁰, вступающем в силу поэтапно с 2023 г. (исполнительная, пенитенциарная, постпенитенциарная пробация), с целью совершенствования институции ресоциализации обосновано формирование в Российской Федерации службы пробации¹¹. Основной целью названной службы, признанной в России, как и во многих странах мира, в качестве важного института уголовного правосудия, выступает профилактика преступности¹².

Пробация в Российской Федерации с 2023 г. призвана реализовываться по следующим основным направлениям:

1) проведение социальных, психологических, воспитательных мероприятий с лицами, осужденными к лишению свободы, как и к принудительным работам, и с лицами, освобожденными из учреждений исполнения наказания;

2) подготовка к освобождению из названных учреждений;

3) обеспечение контроля, надзора за поведением;

4) применение, с целью эффективного возвращения в социум, необходимых мер по социальной адаптации и реабилитации.

Юридическая наука, таким образом, – фактор правотворческой деятельности в сфере пробации. На современ-

ном этапе, вне зависимости от наличия отдельных дискуссионных вопросов, как в науке, так и на уровне правоприменителя, российские ученые единодушно поддерживают принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», что свидетельствует о наступлении нового периода развития российской правовой системы, юридической основы профилактики преступности, о дальнейшей гуманизации законодательства, о повышении результативности межведомственного взаимодействия государственных органов пробации с негосударственными (представителями предпринимательского сообщества, институтами гражданского общества – общественными организациями, благотворительными фондами, средствами массовой информации и пр.).

Разделяем научную позицию, в соответствии с которой формирование в России службы пробации выступит основой для эффективной системной организации исполнения наказаний, своевременного предупреждения преступности, исправления, профессиональной, образовательной адаптации после освобождения из учреждений исполнительной системы¹³. При этом, целесообразно уточнение теоретико-правовых, правоприменительных основ института пробации¹⁴, в том числе, в отношении четкого соотношения полномочий основных специализированных субъектов службы пробации (уголовно-исполнительных инспекций, ОВД России) с иными субъектами.

© Яковлева М. А., 2023

¹ *Антонян Ю. М.* Что такое преступность? // *Пенитенциарная наука.* 2019. № 7. С. 462.

² *Пахомова С. Ю.* Проблемы формирования системы пробации в условиях современной уголовно правовой системы России // *Пробелы в российском законодательстве: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика В. Н. Кудрявцева.*

Ставрополь, 2013. С. 137.

³ Позиция Президиума Государственного совета Российской Федерации (г. Вологда, 2009 г.), Распоряжение Администрации Президента Российской Федерации 2011 г. № 337 о поручении Президента Российской Федерации от 10.05.2011 № ПР-1293 в отношении проработки вопроса об учреждении в России службы пробации, о создании межведомственной группы, которой в 2012 г. подготовлен пакет первых проектов законов по созданию Федеральной службы пробации Российской Федерации.

⁴ *Давыденко В. М.* Служба пробации как основа социальной реабилитации несовершеннолетних, находящихся в конфликте с уголовным законом // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 4. С. 24.

⁵ *Голодов П. В.* Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 14. С. 85.

⁶ *Уткин В. А.* Европейские Правила о пробации и проблемы их реализации // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1(3) С. 57.

⁷ *Селиверстов В. И., Майстренко Г. А., Баймолдина С. М.* Альтернативы лишению свободы по законодательству Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан // Вестник института: научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. 2014. № 2(26). С. 88–93.

⁸ *Малолеткина Н. С.* О целесообразности полного внедрения института пробации в современную пенитенциарную систему // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 2. С. 15–16; *Ермасов Е. В., Дегтярева О. А.* Вопросы создания службы пробации в России // Закон и право. 2016. № 8. С. 74–76; *Уткин В. А.* О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8.

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28 сентября 2018 г.) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с

«Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.» // www.garant.ru/products/ipro/prime/doc/400639567 (дата обращения: 14.03.2022).

¹⁰ Проект Федерального закона от 4 апреля 2022 г. «О пробации в Российской Федерации» (доработанный 18 апреля 2022 г. – <https://base.garant.ru/56918433/> (дата обращения: 14.03.2022)).

Субъекты пробации: федеральные органы исполнительной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации; учреждения УИС; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; госучреждения службы занятости населения, а также организации социального обслуживания, как и привлеченные коммерческие и некоммерческие организации и общественные объединения, предоставляющие социальные услуги; образовательные, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, общественные наблюдательные комиссии, граждане.

¹¹ Понятие «пробация» ((от лат probatio – испытание) означает уголовный надзор, опеку и находит отражение в правовом поле институционализации пенилогической профессиональной деятельности специальной государственной службы по проведению социально-психологических работ по социальной адаптации и ресоциализации

¹² Бадракова Л. З. Служба пробации за рубежом и перспективы ее создания в России // Молодой ученый. 2021. № 28(370). С. 75–77. – <https://moluch.ru/archive/370/83216> (дата обращения: 14.03.2022).

¹³ Фазилев Ю. А. Пробация – эффективная система ресоциализации лиц, совершивших преступление // Наука, техника, образование. 2019. № 8(61). С. 52.

¹⁴ Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021–2022 годах // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1-4). № 2. С. 176–194.

Е. А. Федоринова*

**РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О СОДЕРЖАНИИ И МЕРАХ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

В современной юридической литературе есть чёткое разделение между понятиями «юридическая ответственность» и «юридическое наказание». Несмотря на то, что такие феномены, как «ответственность» и «наказание», появились ещё в античности, дифференциация между ними возникла не сразу. Даже в средневековье её не было.

Термин «юридическая ответственность», как необходимость претерпеть обеспечиваемые государством неблагоприятные последствия нарушения закона в зачаточной форме прослеживается в античных учениях. Так, в трудах Аристотеля, Платона, Цицерона юридическая ответственность характеризуется как наказание, которое наступает за несоблюдение законов государства. Иными словами: юридическая ответственность есть наказание. Однако эти же древние мыслители детально прописали цели юридической ответственности, её функции, принципы и специфику реализации.

Диалоги Платона, собранные в произведении «Законы», указывает на смысл понятия «юридическая ответственность»: «никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни было проступок, даже если

* *Федоринова Елена Анатольевна* – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

совершивший его бежал за пределы государства»¹. Кроме того, следует отметить, что Платон в достаточной степени четко определил один из принципов юридической ответственности (развитый в дальнейшем его последователями, особенно фундаментально разработанный Ч. Беккариа) – принцип целесообразности. В частности мыслитель утверждал: «...надо всегда карать человека дурного, чтобы его исправить, но не надо карать несчастного: это ни к чему не ведет»². Интересным также представляется замечание, согласно которому первый раз ослушавшийся государственных распоряжений человек, при этом не заслуживающий смертной казни, тюремного заключения или побоев, может быть не наказан. Однако в таком случае он не избегает привлечения к юридической ответственности, так как «с ослушников же возьмут залог те, кому государство и вместе с тем закон предпишут произвести взыскание»³.

На протяжении многих столетий платоновские идеи о принципах и особенностях юридической ответственности бытовали в политико-правовых мыслях Европы. К идеям Платона в контексте разных проблем обращались Августин Блаженный, Фома Аквинский и многие другие. Но дальнейшую специальную разработку вопросы юридической ответственности получили в работах голландского юриста Г. Гроция, английского мыслителя Т. Гоббса, французских философов Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо.

В своем знаменитом труде «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право народов, а так же принципы публичного права» Г. Гроций поднимает центральный вопрос о справедливости юридической ответственности, а также вопросы, о ее сущности и целях⁴. Большое значение, при этом, голландский правовед придает вопросам происхождения наказания,

определяя последнее как «перенесение зла, причиняемого за совершение злодеяния».

Согласно мнению Г. Гроция, наказание – исполнительная справедливость; тот, кто наказывает, делает правильно, и у него есть на это право, которое возникает вследствие проступка правонарушителя. Мыслитель такие отношения сравнивает с договорными отношениями купли-продажи: продавец, даже если он скрыл детали предмета продажи, всё равно считается обязанным нести ответственность за следствия продажи. Так и человек, совершивший преступление, признаётся стать обязанным подвергнуться наказанию, так как преступление не может остаться без наказания. Таким образом, человек, желающий преступить закон, готов к возмездию за него.

Несомненный интерес представляет интерпретация цели юридической ответственности по Г. Гроцию. «Когда человек карает другого человека, равного ему по природе, то он должен поставить себе какую-нибудь цель»⁵. Цель юридической ответственности определяется Г. Гроцием через триаду: «В наказании преследуется или польза совершившего преступное деяние, или же польза того, против кого оно было направлено, или, наконец, польза всех в целом»⁶. Значит, здесь обозначено три цели, одна из которых – наказание. Юрист Павел наказание видит в исправлении, Платон наказание называет вразумлением, Плутарх – «врачеванием души», что содействует исправлению человека, совершившего преступление.

Отметим, что именно Г. Гроций является автором чётко сформулированного принципа справедливости юридической. Мыслитель отмечает: «...при обращении к наказаниям мы должны учитывать две вещи: за что воздается и ради чего воздается. Воздаяние за что-либо есть возмездие; воздаяние ради чего-либо есть цель наказания».

Никто не должен быть наказан свыше своей виновности»⁷.

Т. Гоббс, известный английский мыслитель, исследуя понятие «юридическая ответственность», особое внимание уделял вопросам её основания («О гражданине» и «Левиафан»). Он характеризовал наказание следующим образом: *«зло, причиненное государственной властью тому, кто совершением или не совершением какого-либо деяния совершил, согласно суждению той же власти, правонарушение, причем это зло причиняется с целью сделать волю людей более расположенной к повиновению»*⁸.

Такое понимание наказания приводит Гоббса к мысли о необходимости ответа на вопрос: «Откуда взялось право, или власть, наказывать в каком бы то ни было случае?».

Возникновение этого вопроса – естественная закономерность, поскольку никто на основании договора не может быть обязан не оказывать сопротивление насилию, а соответственно, никто не даёт никому право применять насилие к себе. Если человек живёт вне всякого государства, он имеет право делать всё для самозащиты, даже убить другого человека, ведь это необходимо для достижения указанной цели.

Когда образуется государство, каждый его гражданин отказывается от права защищать другого, однако за ним остаётся право самозащиты. Когда образуется государство, каждый его гражданин также обязуется содействовать правителю, но не в случае, если правитель хочет наказать обязующегося. Однако «договор подданного о содействии суверену в причинении вреда другому не переносит на суверена права наказывать, если сам договаривающийся подданный не имеет этого права»⁹. Из сказанного понимаем, что в основе права государства (пра-

вителя или правителей – тех, кто представляет государство) наказывать не лежит уступка или дар подданных. Подданные отказываются от своего права наказывать, расширяя тем самым возможность государства использовать это право так, как оно считает нужным в целях его сохранения всех подданных. Таким образом, указанное право, по мнению Гоббса, было не дано суверену, а лишь оставлено ему, и только ему, и (за исключением границ, поставленных ему естественным законом) оставлено ему в таком же виде, как оно существовало в естественном состоянии и в состоянии войны каждого против своих соседей.

Дальнейшее развитие учение о юридической ответственности получило в трудах великого философа и юриста Ш.-Л. Монтескье, который уделял немало внимания этой тематике в своем известном труде «О духе законов»¹⁰.

Монтескье разрабатывал теоретические вопросы юридической ответственности применительно к различным формам правления, разным правовым системам его эпохи. Основную канву его учения о юридической ответственности составляет положение о том, что «строгость в наказаниях более уместна в деспотических государствах, принцип которых – страх, чем в монархиях и республиках, которые имеют своим двигателем честь и добродетель»¹¹.

Естественно-правовую концепцию юридической ответственности отстаивал в своих трудах Ж.-Ж. Руссо. С точки зрения общественного договора мыслитель оправдывает применение смертной казни, однако право наказания и его пределы определяется только правом законной защиты общества.

Противником идей Ж.-Ж. Руссо является итальянский мыслитель Ч. Беккариа, выступивший за отмену смертной

казни и за ослабление мер юридической ответственности. Его труд «О преступлениях и наказаниях» апеллирует к трудам Монтескье. Мыслитель отмечал, что любое наказание, если оно не продиктовано крайней необходимостью, есть акт насилия. При этом по мнению Беккариа «данное утверждение может быть выражено в более общей форме следующим образом: всякое проявление власти человека над человеком, которое не вызвано крайней необходимостью, – тирания. Таким образом, право верховной власти наказывать за преступления основано на необходимости защищать вверенное ей общественное благо от узурпации его частными лицами. И чем больше обеспечивается священное и нерушимое право на безопасность, чем надежнее гарантия свободы граждан со стороны государства, тем наказание справедливее. И если мы обратимся к природе человека, то обнаружим, что в ней заложены те же основные принципы, которые подтверждают неотъемлемость права верховной власти наказывать за преступления»¹².

Ч. Беккариа утверждает, что цель юридической ответственности не истязать человека, причиняя ему мучения, а предотвратить новые его преступления, удержать его от подобных действий. Именно поэтому «следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей и не причиняли бы преступнику значительных физических страданий»¹³.

В этой связи следует привести следующее высказывание знаменитого итальянца, часто приводимое современными правоведами: «Не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступления»¹⁴. И далее:

«чтобы ни одно наказание не было проявлением насилия одного или многих над отдельным гражданином, оно должно быть по своей сути гласным, незамедлительным, неотвратимым, минимальным из всех возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению и предусмотренным в законах»¹⁵.

Значительную роль в эволюции юридической ответственности сыграла немецкая классическая философия. И. Кант и Г. В. Ф. Гегель занимались ей фундаментально.

Иммануил Кант утверждал, что право наказывать главным образом принадлежит правителю: право причинять мучения подданному за совершённое им преступление. Избежать этого можно в случае, если уйти из-под его власти, при этом сам правитель не может быть наказан.

«Наказание по суду (poena forensis), которое отличается от естественной кары (poena naturalis) тем, что порок сам себя наказывает и что законодатель не берет эту естественную кару в расчет, никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-то другому благу: наказание лишь потому должно налагать на преступника, что он совершил преступление; ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как со средством достижения цели другого [лица] и нельзя смешивать его с предметами вещного права, против чего его защищает его прирожденная личность, хотя он и может быть осужден на потерю гражданской личности. Он должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан»¹⁶.

Кант задается вопросом: «Каков, однако, способ и какова степень наказания, которые общественная справедливость делает для себя принципом и мерилom?». Отвечает

философ на этот вопрос так: «Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой. Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь ты другого – значит ты оскорбляешь себя; крадешь у него – значит обкрадываешь самого себя; бьешь его – значит сам себя бьешь; убиваешь его – значит убиваешь самого себя. Лишь *право возмездия* (*jus talionis*), если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания; все прочие права неопределенны и не могут из-за вмешательства других соображений заключать в себе соответствие с приговором чистой и строгой справедливости»¹⁷.

И. Кант рассуждает: какая бы горькая ни была жизнь, она не подобна смерти. Стало быть, «нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда, но свободной от всяких жестокостей, которые человечество в лице пострадавшего могло бы превратить в устрашение»¹⁸. К тому же, за всю историю существования человечества нет случая, когда приговорённый к смерти за совершённое им убийство назвал бы смертную казнь слишком высокой ценой. Если бы он так высказался, то люди посмеялись бы над ним¹⁹. В этой связи Кант подвергает вполне обоснованной критике идеи Ч. Беккариа о неправомерности смертной казни.

Как нами уже отмечалось, идеи юридической ответственности получили достаточно широкое освещение в «Философии права» Г. В. Ф. Гегеля²⁰.

Анализируя степень разработанности данной проблематики своими предшественниками Гегель констатировал, что «теория наказания – одна из тех частей позитивной науки о праве, которая хуже других была разработана в новейшее время, так как в этой теории применения рассудка недостаточно, все дело существенно в понятии. Если рассматривать преступление и его снятие, которое в дальнейшем определено как наказание, только как зло вообще, то можно в самом деле считать неразумным хотеть зла лишь *потому, что уже существует другое зло* (Клейн. Основы уголовного права, § 9f). Это поверхностное понимание наказания как *зла* является первым, что предпосылается в различных теориях наказания – в теории предотвращения преступления, теории устрашения, угроз, исправления и т. д., а то, что должно произойти в результате наказания, определяется в них столь же поверхностно, как *благо*. Но здесь речь идет не о зле и не о том или ином хорошем результате, все дело в *неправе и справедливости*»²¹.

Ознакомление с трудами мыслителей Нового и Новейшего времени дает нам повод заключить, что вопрос, касающийся юридической ответственности, рассматривался под углом анализа основ её применения, целей и критериев её соразмерности. В этой связи не является исключением учение английского юриста И. Бентама, который подверг фундаментальному анализу принципы определения меры юридической ответственности²² (работа «Введение в основания нравственности и законодательства»).

Особенный интерес для нашего исследования представляют следующие положения теории ответственности сформулированные английским юристом: «Свойства соразмерности, характеристичности, примерности, содей-

ствия исправлению и действительности в отнятии способов к преступлению в особенности рассчитаны на увеличение *прибыли*, которая может быть сделана наказанием; умеренность, содействие к вознаграждению, популярность и отменяемость – на уменьшение *издержек* или стоимости наказания; изменяемость и равномерность одинаково полезны для обеих этих целей»²³.

Мысли о соразмерности совершенного противоправного деяния и следующей вслед за ним ответственности со стороны государства, в контексте идеи гуманизма развивал в своем труде «Борьба за право» Р. Фон Иеринг²⁴.

Анализируя специфику представлений о юридической ответственности сложившихся в императорский период развития римского права, Иеринг писал следующее: «Он имеет удивительные особенности, этот дух нового времени! Надо бы ожидать, что в нем отразится деспотизм со своей строгостью, жестокостью, беспощадностью; но мы видим в нем как раз противоположное – мягкость и человечность. Однако самая эта мягкость есть мягкость деспотизма: она отнимает у одного то, что дарует другому; это мягкость произвола и прихоти, а не характера – похмелье насилия, которое старается загладить совершенное им беззаконие другим беззаконием. Здесь не место перечислять все отдельные доказательства, какие можно привести в пользу этого утверждения; достаточно, на мой взгляд, если я отмечу особенно знаменательную и обнимающую обширный исторический материал характерную черту, – мягкость и снисходительность, оказываемые должнику за счет кредитора. Мне кажется, можно выставить такого рода безусловно общее замечание: симпатизирование должнику есть признак слабой эпохи. Сама она называет это гуманностью. Сильная эпоха заботится прежде всего о том, чтобы кредитор пользовался

своим правом, и не боится при этом быть строгой к должнику, если эта строгость нужна для того, чтобы поддерживать прочность сделок, доверие и кредит»²⁵.

Исходя из вышесказанного, юридическая ответственность – это обязанность подданного, но обеспечиваемая государством, претерпевать негативные последствия за совершённое им нарушение закона. Истоки понимания данного феномена уходят в античность, в политико-правовые учения. Мы выяснили, что тогда ещё не было разграничения между понятиями «юридическая ответственность» и «наказание за правонарушение», не было их и в эпоху Средневековья. Аристотель, Платон, Цицерон анализируют юридическую ответственность через наказание – неблагоприятные последствия, наступающие после нарушения закона государства. Древние мыслители детально исследовали вопросы, касающиеся целей юридической ответственности, её функций и принципов, своеобразия реализации.

Эволюционный путь понятия «юридическая ответственность» длинный. Ключевой поворот этот путь совершил в рамках учения итальянского юриста Ч. Беккариа. Этот этап отразился на формировании современных концептуальных подходов к феномену «юридическая ответственность».

©Федоринова Е. А., 2023

¹ Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; авт. статьи в примеч. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи. М., 1994. С. 308.

² Там же. С. 409.

³ Там же. С. 414.

⁴ Гроций Г. О праве войны и мира... / Пер. с лат. А. Л. Сакетти; под общ. ред. С. Б. Крылова. Репринт с изд. 1956. М., 1994.

-
- ⁵ Там же. С. 455.
- ⁶ Там же. С. 470.
- ⁷ Там же. С. 473.
- ⁸ *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. / Пер. с лат. и англ.; сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов. Т. 2. М., 1991. С. 3–545.
- ⁹ Там же. С. 241.
- ¹⁰ *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 159–730.
- ¹¹ Там же. С. 745.
- ¹² *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 69–70.
- ¹³ Там же. С. 105–106.
- ¹⁴ Там же. С. 162.
- ¹⁵ *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 247.
- ¹⁶ *Кант И.* Сочинения: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 366.
- ¹⁷ Там же. С. 367.
- ¹⁸ Там же. С. 368.
- ¹⁹ Там же. С. 369.
- ²⁰ *Гегель Г. В. Ф.* Философия права / Пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц; авт. вступ. статьи и примеч. В. С. Нерсесянц. М., 1990.
- ²¹ Там же. С. 146.
- ²² *Бентам И.* Избранные сочинения / Пер. (по англ. изданию Боуринга и французскому Дюмона) А. Н. Пыпина и А. Н. Неведомского; с предисл. Ю. Г. Жуковского. Т. 1. СПб., 1867. С. 1–315.
- ²³ Там же. С. 196.
- ²⁴ *Иеринг Р.* Борьба за право. М., 1991.
- ²⁵ Там же. С. 55–56.

А. Г. Репьев*

СУБСИДИИ И ГРАНТЫ КАК СТИМУЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

По инициативе Президента Российской Федерации в 2022 г. предложено запустить масштабный и весьма амбициозный проект – Десятилетие науки¹. В рамках запланированных мероприятий предполагается решение стратегических задач, в том числе проблемного характера, требующих комплексного и, при этом, долгосрочного решения.

В частности, конкретными показателями оценки эффективности научной сферы в Российской Федерации на современном этапе является: уменьшение оттока ведущих ученых за рубеж, улучшение имиджевой составляющей научной деятельности посредством повышения социальной, финансовой и иной привлекательности занятия поисковым, исследовательским творчеством.

Принимая это обстоятельство во внимание, позволим себе предположить, что ключевым направлением реализации реформирования научной сферы, мощнейшим рычагом достижения прорывных открытий в рамках Десятилетия науки (и не только), должен стать комплекс мер по стимулированию, что предполагает предоставление ученым ряда правовых преимуществ, служащих, в том

* *Репьев Артем Григорьевич* – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, доцент.

числе, средством защиты их правового статуса. Речь идет о таких формах улучшения правового положения ученых, как государственные субсидии и гранты.

Вместе с тем, не все ученые в Российской Федерации, даже несмотря на кажущуюся доступность (ввиду законодательного закрепления) правовых преимуществ, фактически могут воспользоваться ими. К примеру, сотрудники органов внутренних дел, проходящие службу в образовательных и научных организациях системы МВД России на должностях профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников, не имеют возможности реализовать ряд законных интересов, установленных для ученых, состоящих в трудовых отношениях с учреждениями иной организационно-правовой формы, либо осуществляющих научную деятельность в образовательных и научных организациях МВД России, но в статусе работника, а не аттестованного сотрудника. Остановимся на данном аспекте подробнее.

Как известно, гранты являются одним из наиболее прогрессивных механизмов поддержки статуса ученого и его научных исследований. Стимулирующий характер подобной формы правового преимущества, его гарантирующая роль в укреплении статуса ученого представляются очевидными. К примеру, Российским научным фондом за 2021 г. оказана финансовая помощь 5,3 тыс. научным проектам и программам в общем объеме 24,3 млрд руб., что свидетельствует о конкретной поддержке 39,6 тыс. ученых². Гранты предоставляются руководителю научного коллектива при условии прохождения конкурсного отбора фундаментальных и поисковых исследований, но через научные организации, образовательные организации высшего образования. Все образовательные и научные организации МВД России по своей организационно-

правовой форме относятся к казенным учреждениям. Формально, законодательство Российской Федерации не запрещает казенным учреждениям участвовать в конкурсе на получение гранта в форме субсидии. Однако системное толкование норм, регламентирующих данную сферу, все же свидетельствует о фактическом наличии подобного ограничения.

Так, ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) определено правовое положение казенного учреждения, «финансовое обеспечение деятельности которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы». Казалось бы, п. 7 ст. 78 БК РФ предполагает возможность предусмотреть в законе о бюджете «бюджетные ассигнования на предоставление грантов в форме субсидий <...> юридическим лицам», но «за исключением государственных (муниципальных) учреждений»³. Существует оговорка, предусмотренная п. 4 ст. 78.1 БК РФ, открывающая возможность государственным учреждениям участвовать в конкурсе на получение гранта в форме субсидии, которая однако, ограничивает в этом праве казенные учреждения. Актом делегированного толкования разъяснено, что «если казенное учреждение будет определено победителем конкурса, финансовое обеспечение реализации целей, на достижение которых предоставляется грант, должно осуществляться в пределах бюджетных ассигнований, определенных ст. 70 БК РФ, и на основании бюджетной сметы с учетом ограничений, установленных ст. 161 БК РФ»⁴. Последняя из приведенных норм-изъятий и ставит точку в данном вопросе, поскольку в п. 10 ст. 161 БК РФ содержится лаконичное и недвусмысленное положение, не подлежащее расширительной интерпрета-

ции: «субсидии казенному учреждению не предоставляются».

Государственным предусмотрены и иные субсидии в качестве средства, стимулирующего ученых на достижение высоких показателей научной деятельности. Они, как разновидности привилегий, могут заключаться в финансовом и ином материальном содействии «в форме целевого, адресного распределения денежных средств, приоритетного получения субъектами материальных благ (жилого помещения, средств связи и пр.)»⁵.

На сегодняшний день нормами законодательства предусмотрено содействие в улучшении условий проживания для разных категорий ученых, но в особенности для молодых представителей науки. К примеру, в рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», ученый, не достигший возраста 35 лет (являясь кандидатом наук) или 40 лет (имея ученую степень доктора наук) может получить выплату на приобретение жилья. Однако критерием, ограничивающим участие в данной программе профессорско-преподавательского состава и научных деятелей, из числа сотрудников органов внутренних дел, является наличие трудовых отношений исключительно с научной или образовательной организацией высшего образования, подведомственной Минобрнауки России⁶.

К слову сказать, поручением Президента Российской Федерации, озвученном 24 декабря 2021 г. на совместном заседании Государственного Совета и Совета при Президенте по науке и образованию, предусмотрено «расширение категории получателей социальных выплат на приобретение жилых помещений за счет включения в их число молодых научных и научно-педагогических работников

научных организаций и образовательных организаций высшего образования вне зависимости от их ведомственной принадлежности»⁷. На момент подготовки материала не представилось возможным обнаружить соответствующих предложений по решению указанной проблемы от ответственных исполнителей.

Сделаем некоторые обобщения тезисно изложенного материала:

– правовые преимущества в форме субсидий и грантов выступают приоритетным элементом специального правового статуса ученого ввиду их стимулирующего, поощрительного потенциала, способности обеспечивать достойный уровень материального благополучия, что, в свою очередь, сказывается на привлечении в научную сферу деятельности наиболее квалифицированных кадров;

– органы внутренних дел Российской Федерации на сегодняшний день обладают серьезным потенциалом участия в ключевых направлениях развития науки и технологий, однако существующая система интеллектуального стимулирования, а также материального поощрения позволяют прогнозировать постепенный отток ведущих ученых в научные организации иной ведомственной принадлежности и, главное, альтернативных организационно-правовых форм, активно внедряющих прогрессивные модели поддержки результатов научных исследований, дифференцированную систему материального обеспечения.

© Репьев А. Г., 2023

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 года № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» // Президент Российской Федерации: официальный сайт. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771> (дата обращения: 12.07.2022).

² Отчет Российского научного фонда за 2021 год. – https://rscf.ru/fondfiles/documents/rsf_ar_2021.pdf (дата обращения: 27.01.2023).

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1998. № 31. Ст. 3823; 2022. № 48. Ст. 8315.

⁴ Письмо Минфин России от 30 августа 2013 г. № 02-13-09/35843 «О внесении изменений в статьи 78 и 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Официальные документы в образовании. 2014. № 9. С. 17–18.

⁵ Репьев А. Г. Категории «привилегия» и «льгота» в системе правовых преимуществ: теория, практика, техника / Под ред. И. Н. Сенякина. Барнаул, 2019. С. 71.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2017 года № 1710 (в ред. от 20.06.2022) Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 546; 2022. № 26. Ст. 4488.

⁷ Перечень поручений по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по науке и образованию, Пр-290, п. 1г-1 // Президент Российской Федерации: официальный сайт. – <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/67752> (дата обращения: 15.01.2023).

Раздел IV
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ XXI ВЕКА:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В. В. Балахонский*

М. В. Бавсун**

**МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ ПРАВА:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ**

Методология познания права многообразна в своих формах и эвристическом инструментарии, она развивает и эффективно использует не только собственные методы и процедуры, но и конкретизирует применительно к соб-

* *Балахонский Виталий Витальевич* – профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

** *Бавсун Максим Викторович* – заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ственной предметной области философскую методологическую парадигму.

Подобный эвристический синтез философско-правовой методологии обеспечивает высокую эффективность и научную обоснованность исследования правовых феноменов. Изучение методологического базиса исследовательских парадигм, представленных в области познания права, позволяет выделить следующие важнейшие основания их концептуального формирования.

Первым основанием является выделение преобладающей формы познания, детерминирующей методологическую специфику данной парадигмы. В правовом сознании различных социумов наибольшую представленность имеют четыре основных формы.

1.1. Форма мифологизированного восприятия отражаемого объекта, особенностью которой является абсолютизация значения правовых феноменов, выходящая далеко за рамки границ действия правовых отношений социума, и презентация права в виде эмоционально-чувственных образов¹. Подобная форма часто представляет собой реализацию идеологически мотивированной установки на восприятие права широкими слоями населения.

1.2. Форма религиозного восприятия права, использующая методологический инструментарий теологии, построенный по принципу «исхождения из истины» и обосновывающий право догматами соответствующих, этнокультурным и политическим условиям, религий².

1.3. Форма онтологически философского понимания права, представляющая собой конкретизацию общих теоретических представлений о субстанциальных основаниях социального бытия и интерпретирующую с данных позиций правовые феномены. Ярким примером применения

такой методологической установки является концепция права, изложенная Г. Гегелем в работе «Философия права».

1.4. Форма позитивного изучения права, основанная на применении общенаучных принципов исследования правовых реалий. В этой связи, может возникнуть вопрос о месте диалектической методологии в системе указанных форм, поскольку её действие распространяется на области 1.3 и 1.4. Данная проблема, по нашему мнению, продуцируется многозначностью самого понятия «диалектика», охватывающего как сферу онтологии, так и область гносеологии. В контексте нашей статьи, посвящённой изучению гносеологических аспектов данного феномена, более правильным представляется отнесение диалектической методологии к форме позитивного изучения права.

Вторым основанием концептуального формирования парадигм познания права выступает выявление методологического потенциала определённых философских теорий, обладающих эксплицированным эвристическим значением для юридического познания. В этой связи можно утверждать, что любая научная теория обладает познавательными функциями, вследствие чего она способна получать свою репрезентацию в виде соответствующего метода или группы методов. Указанную взаимосвязь теории и метода не стоит абсолютизировать, поскольку они представляют разные феномены познавательной деятельности: теория – важнейшая форма научного познания, метод – система регулятивных правил изучения и преобразования объекта. Однако, их методологическая корреляция в процессе исследования очевидна, что позволяет нам выделить следующие широко представленные в научной литературе виды методологии определённых философских теорий:

2.1. Методологический потенциал диалектической концепции, обладающий наибольшим научным значением для исследования правовых явлений и состоящий в изучении сущности права на основе принципов его взаимосвязи и развития, определения причинно-следственной детерминации правовых феноменов, выяснения степени единства между формой и содержанием правовых норм, ориентации познания на раскрытие сущности правовых явлений, рассмотрения правовых реалий с позиции их необходимости или случайности, выявления действительности и возможностей правовой регуляции социальных отношений и т. д.

Рассмотрение диалектической методологии познания права, как одного из элементов первой и второй классификации базиса исследовательских парадигм, представленных в области познания права, является отражением её большого научного потенциала и особой эвристической роли, позволяющей обнаруживать её действие во всех многообразных формах и на всех уровнях правового бытия.

2.2. Методологический потенциал феноменологической концепции, который, в значительной степени, сводится к непосредственному созерцанию и интуитивной редукции потока переживания сознанием индивида правовых феноменов к очевидному их фиксации в трансцендентальном сознании. Мы считаем, что научный потенциал подобных методологических установок эвристически ограничен, поскольку ориентирован не на проведение объективного исследования, а на изучение изменений в сфере сознания субъекта, что может представлять интерес в юридической психологии, криминологии, судебной психиатрии, но не в качестве универсальной методологической концепции правового познания.

2.3. Методологический потенциал экзистенциальной методологии, направленной на интуитивное обнаружение смыслоопределяющего основания правового бытия, выражающего подлинное существование человека, в его противопоставлении закону, как «чуждой человеку, обезличенной форме выражения неподлинного существования»³. Как и в предыдущей концепции, интуитивизм, рассматриваемый в качестве основополагающей методологической установки, в значительной степени, снижает научный потенциал экзистенциальной методологии и, отрицая всеобщность и обязательность правовых норм в рамках социума, сводит само право к индивидуальным правилам ситуационного поведения человека.

2.4. Методологический потенциал неопозитивистской и постпозитивистской методологии, для которой характерным является тщательная разработка научно исследовательского инструментария юридической науки, формирование и развитие её понятийно-категориального аппарата, выяснение важнейших тенденций и механизмов развития научного познания (отмеченные особенности не относятся к концепции П. Фейерабенда, которую традиционно относят к постпозитивизму, но которая, по своей сути, прямо ему противоположна, поскольку отрицает саму специфику научного познания, отождествляя его с игрой, фантазией, религией и т. п.).

2.5. Методологический потенциал неокантианской методологии, состоящий в формализации смысла традиционного естественного права и из «утверждения логического примата права как регулирующей формы по отношению к социальным явлениям»⁴.

Методология познания права чётко дифференцируется на три основных уровня: философскую методологию права; теорию права как методологию юридического по-

знания и методологию конкретных юридических дисциплин.

Уровень философской методологии права характеризуется осмыслением и обоснованием правовых явлений с позиции внешних, по отношению к юридическому сознанию, мировоззренческих, социокультурных и методологических предписаний и установок философии⁵. На этом уровне используются важнейшие философские принципы, методы и категории, которые теория права конкретизирует по отношению к своему предмету, но сама не вырабатывает. Примерами подобных принципов могут служить принципы всеобщей связи и развития, определяющих системный и исторический подходы осмысления в юриспруденции правовых явлений. Примерами категорий – философские категории: бытие, сознание, пространство и т. п., которые конкретизируются в понятиях «правовое бытие», «правовое сознание», «пространство права».

Теория права как методология юридического познания является основополагающей наукой о праве, в которой вырабатываются ключевые понятия и принципы права, с которыми работают конкретные юридические науки. В этом смысле теория права выступает в качестве методологического фундамента юриспруденции.

Методология конкретных юридических дисциплин: уголовного права, гражданского права, криминологии, криминалистики и др., включает в себя методологический инструментарий, выработанный в практике научных исследований проводимых в рамках данных наук.

Обобщая исследование, проведённое в данной статье, следует отметить, что концептуальные основания методологии познания права носят системный, многоуровневый, взаимно детерминированный характер⁶. Они объединяют эвристический инструментарий философской методоло-

гию права; теории права, как методологии юридического познания и методологии конкретных юридических дисциплин. Многообразные аспекты правового бытия получают своё концептуальное осмысление в социологии права⁷, антропологии права⁸, юридической психологии и других исследовательских направлениях, раскрывающих сущность права, его происхождение, условия функционирования в обществе⁹ и специфику применения в условиях трансформирующегося бытия¹⁰.

© Балахонский В. В., Бавсун М. В., 2023

¹ Балахонский В. В. Проблема вариативно-моделирующего объяснения в современной философии истории // Новые идеи в философии. 1998. № 7. С. 229–235.

² Балахонский В. В., Никулин А. Г., Стрельченко В. И. и др. История и философия науки. СПб., 2022. С. 29–36.

³ Балахонский В. В., Балахонская Л. В. Девиантное поведение: проблема методологического понимания нормы и ее социально-образовательных репрезентаций // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2(1). С. 34.

⁴ Никулин А. Г., Балахонский В. В., Балахонская Л. В. Философско-правовые аспекты творчества в правоприменительной деятельности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 5-1. С. 115.

⁵ Балахонский В. В. Проблема обоснования права в системе духовно-нравственных детерминаций // Онтология и аксиология права: Тезисы докладов и сообщений Десятой международной научной конференции, Омск, 28–29 октября 2021 года / Пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2021. С. 57–60.

⁶ Российская девиантологическая панорама: теория и практика: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября 2022 года. СПб., 2022.

⁷ Молчанова М. В., Стремоухова И. В., Плетнев А. В., Балахонский В. В. Философия и социология права: вопросы предметной репрезентации и специфики понимания правовых явлений в системе социальных отношений //

Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 5-1. С. 157–164.

⁸ Пристенский В. Н., Балахонский В. В. Онтология права как его антропология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4(32). С. 443–447.

⁹ Нижник Н. С. 1) Социюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3(34). С. 226–230. EDN PEWTLN; 2) Законность: плюрализм подходов к рассмотрению социюридического феномена в современной юридической науке // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 12. С. 30–34. EDN RMCQKS; Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С. Законность как основополагающее начало российского права. СПб., 2021. EDN VIWCXV.

¹⁰ *State and law: transformation vectors in modern conditions* / N. S. Nizhnik, M. V. Bavsun, Ya. L. Aliev [et al.] // SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium», Kaliningrad, 11 декабря 2020 года. Vol. 108. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. P. 01015. EDN ODEVLW; Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 26 марта 2021 года / Под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб., 2021. С. 133–138. EDN RTPZUS.

Н. В. Варламова*

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В ПОИСКАХ МЕТОДОЛОГИИ

Принято считать (на это обращал внимание еще Лейбниц), что науку конституирует не объект изучения, а метод. Именно он позволяет науке вычленить из объекта познания предмет своего внимания. Предмет науки образует изучаемый ею объект, «пропущенный» сквозь специфику ее метода, рассмотренный с определенных методологических позиций, взятый в определенных модусах своего бытия. Поэтому любая наука, чтобы подтвердить самостоятельный статус, вынуждена заниматься обоснованием своей методологии и нередко испытывает с этим проблемы, что может стать причиной ее «комплекса неполноценности». Юриспруденция не является исключением.

Многочисленные методологические изыскания юристов обычно сводятся к обсуждению проблем адаптации для изучения права общенаучных и частнонаучных методов, разработанных в рамках иных наук (философии, логики, математики, статистики и т. п.)¹. Даже такие традиционно выделяемые собственно юридические способы познания, как компаративистский и юридико-догматический ничего специфически юридического в себе не содержат. Сравнением изучаемых объектов и выработкой своего понятийного аппарата занимается любая наука. Поэтому приходится констатировать, что в юриди-

* Варламова Наталия Владимировна – ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук (Москва), кандидат юридических наук, доцент.

ческой науке отсутствует собственный методологический подход, принципиальная методологическая ориентация, особая точка зрения на изучаемый объект, понятие или принцип, задающие общую стратегию исследования².

Однако это не совсем так. В юриспруденции известны, по меньшей мере, две попытки обоснования собственного метода познания. Одна из них принадлежит Г. Кельзену. Право, по его мнению, является продуктом нормологического метода истолкования фактически существующего социального порядка посредством постулирования основной нормы – допущения, в конечном счете, обосновывающего объективную действительность иерархизированной системы норм, устанавливающих данный порядок. «Конкретное действие, – утверждает Г. Кельзен, – получает свой специфически юридический смысл, свое собственное правовое значение в силу существования некоторой нормы, которая по содержанию соотносится с этим действием, наделяя его правовым значением, так что акт может быть истолкован согласно этой норме... Другими словами: суждение, согласно которому совершенный в пространстве и времени акт человеческого поведения есть правовой (или противоправный) акт, представляет собой результат некоего специфического – а именно нормативного – толкования»³. Фактическую реальность, подвергаемую нормологическому истолкованию, образует «всякий в общем и целом действительный порядок принуждения». При этом «такие отношения можно истолковывать и беспредпосылочно, без постулирования основной нормы: как властные отношения, то есть взаимоотношения приказывающих и подчиняющихся (или неподчиняющихся) людей, иначе говоря, социологически, а не юридически»⁴.

Специфическая юридичность кельзеновского метода, в основе своей логического, что типично для неопозитивизма, достаточно сомнительна. Такому истолкованию может быть подвергнут любой принудительный социальный порядок – моральный, религиозный, где место постулируемой основной нормы займет та или иная идея добра и справедливости или воля Всевышнего (возможность такой модификации своей основной нормы не исключал и сам Г. Кельзен⁵). Вместе с тем Г. Кельзен верно акцентировал, что любая социальная наука – это определенный способ интерпретации социальной реальности. Специфику (самостоятельность) науки определяет наличие особого основания или принципа, в соответствии с которым такая интерпретация осуществляется, что задает свой ракурс видения социальной действительности. Для Г. Кельзена таким принципом – основанием является иерархичность (логическая соподчиненность), что вполне адекватно для упорядочения отношений власти и подчинения любого характера. Одновременно Г. Кельзен указывает и на значимую особенность правовой регуляции – ее формальный характер. Обоснованный им нормологический метод как раз и выступает одним из возможных способов формализации неупорядоченной фактичности социального принуждения.

Второй вариант обоснования юридического метода научного познания предлагается в рамках либертарной концепции права В. С. Нерсисянца. Здесь основой юридической интерпретации социальной реальности выступает принцип формального равенства в свободе. Свобода, понимаемая как «возможность осознанного выбора и реализации того или иного варианта поведения»⁶ без внешнего принуждения, содержательно определяет сферу социальных отношений, которая является предметом правового-

го регулирования, и одновременно предполагает его принцип, обеспечивающий возможность ее социального бытия – формальное равенство в свободе, в чем и заключается сущность права.

Специфическим методом юриспруденции в либертарной концепции выступает формализация фактических отношений на основе равного признания и защиты свободы их участников. Данный метод конституирует и особый предмет юридической науки – общественные отношения, участники которых рассматриваются как свободные и формально равные лица – носители определенных социально-правовых ролей, и опосредующие их институциональные структуры, то есть способы и формы обеспечения свободы в социальных отношениях⁷.

Таким образом, и Г. Кельзен, и В. С. Нерсисянц обосновывали особую методологию юриспруденции, акцентируя формальность права как социального регулятора, и увязывали ее с определенным способом интерпретации фактических отношений, обеспечивающем их формализацию.

Однако сегодня такие методологические установки в юридической науке все чаще отвергаются под лозунгом перехода в условиях постмодерна к новой неклассической рациональности. Суть ее заключается в отказе от представления объективной реальности как внешней по отношению к познающему ее субъекту. В связи с этим отвергаются притязания научного знания на истинность, объективность и универсальность. Социальные науки, по мнению приверженцев неклассической рациональности, должны следовать идеографическому (индивидуализирующему) методу, в рамках которого каждое явление рассматривается «в его однократной и исторической конкретности»⁸, а целью науки признается «не установление есте-

ственных законов и даже вообще не образование общих понятий», но изложение действительности, «которая никогда не бывает общей, но всегда индивидуальной»⁹.

Неклассическая методология требует «учитывать уникальность и многообразие, вплоть до бесконечности, общественной жизни и культур разных эпох»¹⁰. Очевидно, что право, интерпретируемое в рамках такой методологии, должно неизбежно утрачивать свою специфику формального и абстрактного регулятора, а само правовое регулирование лишается какого-либо смысла, поскольку его принцип и цель – правовая определенность – должна быть принесена в жертву уникальности конкретной социальной практики.

В своем внимании к единичному и особенному, в попытках учесть все многообразие личностных проявлений каждого человека в уникальных социокультурных контекстах, «объявляя «тиранию нормы» репрессивной в отношении «цветущего многообразия» социокультурного опыта»¹¹, неклассическая рациональность стремится к обществу без права (в его классическом понимании), где присущие ему нормативность и формальная определенность должны уступить место «индивидуальной» или «конкретизирующей» справедливости¹², а фактически – произволу (в нейтральном значении данного слова).

По мнению С. А. Бочкарёва, постмодернизм ориентирован на «формирование и введение в научно-практический оборот образа постправа, основанного на принципах релятивизма, плюрализма, контекстуализма и конструктивизма». При этом «должное как нечто принуждающее и терроризирующее впредь исключается из права. Охраняемые правом ценности, в том числе мир и порядок, выводятся за его скобки как недостижимые и мифологизированные цели»¹³. В таком контексте вполне обоснованно звучит вопрос о том, не возвращают ли

постклассические представления «право к его собственным антиподам ..., в противовесе к которым оно исторически и метафизически всегда формировалось?»¹⁴

Генезис неклассической рациональности в юридической науке не связан с потребностями «научно-практической жизни конкретных отраслей права», они «не выступали инициаторами постклассического переосмысления права и поставщиками идей для этого процесса». Большинство исследователей, работающих в данном направлении, «за источник вдохновения брали не столько правовой опыт, вытекающие из него вызовы и проблемы, сколько художественные и искусствоведческие наблюдения, а также философские выводы об особенностях современности»¹⁵.

Неклассическая рациональность демонстрирует разрыв с научной традицией. Исключая из сферы своего интереса «поиск рационального или разумного обоснования»¹⁶, она постулирует иной, не научный, взгляд на мир и утверждает, что такое видение оказывается гораздо более плодотворным. Данный новый ракурс, безусловно, позволит увидеть в правовой реальности много интересного, но результат этого обзора не следует представлять как новую (неклассическую) научную теорию.

Постмодернизм «есть характерная для модерна форма нигилизма. Если модерн утверждает вполне определенные просветительские ценности, то постмодерн отрицает, заявляет об их смерти»¹⁷. При этом «разбор образующих постмодерн дискурсов» убеждает «в отсутствии у него позитивной для социума повестки дня, а у постправа – нечто нового и антикризисного»¹⁸.

Искать ответы на вызовы современности юридической науке придется в рамках своей собственной методологии. И эта методология не может формироваться «путем

простого переноса исследовательских средств из философии, метатеорий и других наук»¹⁹. «Как показывает история науки, – писали И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин еще в 1973 г., – познание обычно остается удивительно индифферентным к навязываемой ему извне методологической помощи... Новый концептуальный каркас может возникнуть и действительно возникает не как результат проводимой кем-то сверху методологической реформы, а как продукт внутренних процессов, совершающихся в самой науке»²⁰.

© Варламова Н. В., 2023

¹ См., например: *Лукич Р.* Методология права / Пер. с сербскохорват. В. М. Кулистикова. М., 1981; *Тарасов Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001; *Керимов Д. А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 92–333; *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. Т. 1: Элементный состав. М., 2004. С. 352–502; *Честнов И. А.* Методология и методика юридического исследования. Краснодар, 2010.

² *Тарасов Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 228–229, 334.

³ *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / Пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб., 2015. С. 13.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 276–278.

⁶ *Нерсесянц В. С.* Философия права. М., 2006. С. 38.

⁷ См. подробнее: *Нерсесянц В. С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 63–67.

⁸ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. С. 45.

⁹ *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 74.

¹⁰ *Тарасов Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 94.

¹¹ *Смирнова Н. М.* Рациональность социального знания: когнитивный нормативизм и стратегии интерпретации // Рациональность на перепутье: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. В. А. Лекторский. М., 1999. С. 213.

¹² *Ван Хук, М.* Право как коммуникация / Пер. с англ.

М. В. Антонова, А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 279.

¹³ *Бочкарёв С. А.* Истоки постмодерна о подлинном смысле и предназначении постправа // Государство и право. 2021. № 11. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 29.

¹⁷ Там же. С. 30.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ *Тарасов Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 218.

²⁰ *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 45.

С. В. Кодан*

ДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Обсуждение проблем дисциплинарности и междисциплинарности в юридической науке – проблема, которая давно назрела в плане нерешённости многих вопросов, связанных с пониманием этих феноменов в развитии юриспруденции. Указанная проблематика в тех или иных контекстах активно обсуждается в юридическом научном сообществе, она присутствовала и среди вопросов на Всероссийском координационном совещании руководителей диссертационных советов по праву и политологии, проходившем 25 апреля 2023 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина по инициативе Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников, председателя и экспертного совета по праву и политологии Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России ВАК, в рамках доклада на двух блоках основных проблемных пространствах темы доклада.

1. Феномены дисциплинарности и междисциплинарности в науке являются неразрывно взаимосвязанными и являются достаточно хорошо отрефлексирован-

* *Кодан Сергей Владимирович* – главный научный сотрудник управления научных исследований; профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ными в философии науки, эпистемологии и науковедении методологическими подходами, связанными с изучением организации и развития научного знания. Соответственно, сформировалось и понимание этих явлений как процессов локализации общей научной картины мира через отдельные специально-дисциплинарные фрагменты посредством и в рамках научных дисциплин, так и взаимодействие научных дисциплин внутри различных областей научного знания и между ними через различные типы междисциплинарности с выходом на новые исследовательские пространства и новые научные дисциплины. И здесь наиболее значимым является именно общее понимание указанных феноменов.

«Дисциплинарность» и «научная дисциплина» являются базовыми понятиями осмысления организации и структуры научного знания и в общем плане выступают как «организационная форма научного знания и научной деятельности, основанная на дисциплинарном делении науки, принцип организации научного знания, культурно-исторический феномен» и подразумевают «определённое предметное поле, методы научной работы, исследовательские процедуры, систему референции, специфический способ мышления и язык описания, собственную институциональную структуру, сообщество практикующих учёных, особые формы дискурса, нормы и правила профессиональной деятельности, типы личности», указывает Т. Н. Попова¹. Соответственно, дисциплинарность переходит в организацию науки на следующий уровень и проявляется уже в конкретной научной дисциплине

Научная дисциплина выступает как основная аналитическая единица организации исследований и структурирования науки и рассматривается в философии науки и науковедении как «базовая форма организации

профессиональной науки, объединяющая на предметно-содержательном основании области научного знания, общество, занятое его производством, обработкой и трансляцией, а также механизмы развития и воспроизводства соответствующей отрасли науки как профессии», указывает Э. М. Мирский². Не менее важным является и то, что научная дисциплина рассматривается как «определённая форма систематизации научного знания, связанная с институционализацией знания, с осознанием общих норм и идеалов научного исследования, с формированием научного сообщества, специфического типа научной литературы (обзоров и учебников) с определёнными формами коммуникации между учёными, с созданием функционально автономных организаций, ответственных за образование и подготовку кадров», подчёркивает А. П. Огурцов³.

Научные дисциплины имеют общие для них основные параметры, определяемые Томасом Куном как «дисциплинарная матрица» с набором определённых элементов, которая как «каркас» дисциплинарного организованного знания конкретизируются на уровне уже отдельных дисциплин и выступает как основа всего «дисциплинарного здания науки»⁴. Современные развитые научные дисциплины в целом характеризуются рядом присущих ей признаков, которые сложились в процессе истории формирования дисциплинарности в науке и проявляются, конкретизируются в каждой из них⁵. Соответственно, дисциплинарные параметры научной дисциплины переходят и являются определяющими для отдельной научной специальности.

Дисциплинарная организация науки формирует *дисциплинарный тип мышления* и *организует знания исследователя* на уровне дисциплинарных картин мира – дис-

циплинарных онтологий, что позволяет перейти от общенаучного мировоззрения к конкретному дисциплинарно ориентированному его уровню. В то же время дисциплинарный тип мышления не противоречит креативности, творческому мышлению как в рамках развития дисциплинарного знания, так и при выходах за его пределы в различных формах междисциплинарности. Это соответствует современному восприятию дисциплинарности в науке в плане того, что «сегодня в качестве исходной единицы необходимо рассматривать научную дисциплину как систему сложно организованных и развивающихся теоретических знаний в их связях с опытом, с основаниями данной дисциплины, а через них с другими науками и социокультурным контекстом», подчёркивал В. С. Стёпин⁶.

Монодисциплинарное исследование проводится в рамках одной конкретной научной дисциплины в своеобразном «строгом» сохранении ее предмета. Такое исследование характеризуется тем, что оно:

- опирается на объект конкретной научной дисциплины, массив наличествующего дисциплинарного знания и дисциплинарную методологию;

- выявляет актуальные проблемы в получении нового знания и отделяет их от имеющихся – «дисциплинарного архива»;

- работает с относительно небольшим фрагментом дисциплинарного знания в линейной проекции и углубляет его в качественном и количественном отношении в рамках, как правило, конкретной научной работы;

- обеспечивает прирост знания в рамках научной дисциплины.

При этом обратим внимание на то, что монодисциплинарность в научном исследовании должна пониматься и учитываться с определённой долей условности, поскольку

ку учёный опирается на приобретённые в процессе обучения знания и навыки из различных областей научного и ненаучного знания, совершенствует свою исследовательскую деятельность в теоретическом и методологическом планах, знакомится с литературой по смежным областям знания, общается с коллегами на научных мероприятиях и т. п. – все это концентрируется на изучении проблематики исключительно и только в рамках конкретной научной дисциплины и не выходит за пределы её предметности, основных теоретических положений и методологии.

Одновременно следует учитывать, что дисциплинарность науки безусловно важна и значима, в её рамках на протяжении более двух столетий развивается наука. Но в современных условиях «именно вторжение методов, представлений, идей и концептуального аппарата соседних, сопредельных (или даже весьма отдалённых) дисциплин приводит в конечном итоге к революционному сдвигу в развитии той или иной области познания» и «именно ситуации перенесения некоторых методов, теорий, а также так называемые "парадигмальные прививки", ведущие к новым победам в науке, демонстрируют, что есть некоторая общая закономерность в структурах разнообразных научных революций, некий инвариант развития познания. Этот инвариант можно выделить, и он связан именно с ситуациями "взаимодействия" или "междисциплинарности"», подчёркивает Н. И. Кузнецова⁷.

Междисциплинарность и типы междисциплинарного взаимодействия наук возникают и определяются сложностью и динамикой развития изучения научных дисциплинарных объектов, когда на их пересечении возникает проблематика, которая не укладывается в «прокрустово ложе» отдельной дисциплины, и её изучение возможно лишь в пространстве взаимодействия наук.

Особенно важно это учитывать в развитии в социально-гуманитарного знания, на что обращает внимание американский социолог Нил Смелзер, подчёркивая, что «структуры общества не поддаются точной расфасовки по дисциплинам. Почти все конкретные социальные явления, ситуации и институты вплетены в бесшовную ткань экономических, политических, социальных и культурных аспектов. Чтобы понять контексты, мы вынуждены быть междисциплинарными»⁸. Междисциплинарность как узловая проблема в контексте изучения организации и новых возможностей развития научного знания возникла в 1970-е годы и в настоящее время является активно изучаемым пространством в философии науки, эпистемологии и науковедении. Последними накоплен основательный объем исследований относительно этого феномена, которые позволяют обозначить общие вопросы понимания и типов междисциплинарности в науке.

Понимание междисциплинарности в науке исходит из того, она является сложным явлением и выступает как «интеграция, кооперация, взаимодействие и взаимодополнение подходов, методов и практик, развитых в отдельных научных областях» и рассматривается «как форма организации научного знания и научной деятельности, и как процесс или тренд развития науки, и как стиль мышления учёных, и как методология исследований. Междисциплинарные исследования являются интегративными, продуктивными, креативными и наиболее востребованными современными научными институтами» - характеризует данное явление Е. Н. Князева⁹.

Ориентиры на многомерность междисциплинарности позволяет ученому на всех этапах исследования сформулировать его направленность с учётом возможностей дисциплинарного и междисциплинарного подходов к раз-

витию научного знания, а рефлексия по поводу использования возможностей различных вариантов дисциплинарных стратегий и типов в совокупности с использованием методик и технологий их применения позволяет перевести все это в практическое русло в научной деятельности для получения нового научного знания, которое не могло бы быть получено в рамках монодисциплинарности. При этом каждая из стратегий опирается на образ-схему как интеллектуальный концепт и фиксируют модель взаимодействия изучаемых объектов и выступает в качестве общего представления ученого о цели и возможностях использования междисциплинарности в конкретном научном исследовании.

Типы междисциплинарности в научном исследовании опираются на стратегию исследования, в которой выход за пределы дисциплинарности включает общее видение движения к цели научного изыскания и возможностей ее достижения с использованием имеющихся современных теоретических, методологических и технологических наработок относительно работы в дисциплинарном и междисциплинарном пространствах для изучения предмета конкретного научного исследования¹⁰. Типология выступает важным познавательным инструментом формирования мышления и работы исследователя в дисциплинарных и междисциплинарных пространствах развития научного знания и характеризует «разного рода отношения между дисциплинами, в том числе и выходящие за границы всякой дисциплины», «отношения между системами знания, которые могут анализироваться в разных аспектах», отмечает И. Т. Касавин¹¹.

Исследователь должен ориентироваться в типах междисциплинарности и возможностях использования их познавательного потенциала посредством «перебора всех

возможных видов соотношений между предметом и методом научных дисциплин, привлекаемых и порождаемых в ходе решения исследовательской задачи». В науке выделяются следующие типы междисциплинарных исследований – мультидисциплинарный, междисциплинарный, трансдисциплинарный, интердисциплинарный, кроссдисциплинарный. Каждый из них получил определённый уровень проработки исследования и опирается на «следующие компоненты: устоявшаяся научная дисциплина; основной метод, применяемый в дисциплине; предмет дисциплины к которому применяется метод; новая, синтетическая дисциплина, ее предмет и метод; единый научный проект как исследование, в рамках которого могут быть привлечены несколько дисциплин»¹². Рассмотрение указанных типов требует специального рассмотрения.;

В итоге можно констатировать, что дисциплинарность и междисциплинарность суть две главные составляющие единого процесса организации и получения нового научного знания, которое опирается на дисциплинарный образ науки, содержательно развивается и углубляется в рамках научной дисциплины и по мере накопления в ней знаний вызывает необходимость выхода за её предметные пределы и требует проведения уже междисциплинарных исследований. Последнее, что, в свою очередь, ведёт к существенному расширению уже имеющегося дисциплинарного знания или появлению новой научной дисциплины с её обособленным предметом познания, теоретическим содержанием и методологическим инструментарием.

2. Междисциплинарность в юриспруденции не является новым явлением. В её истории ещё на ранних стадиях возникновения юридической практики и науки чётко просматривается как одна из основных характери-

стик их развития. Первоначально взаимодействие юридических знаний и знаний из других познавательных сфер общества появилось из потребностей различного вида юридических практик, которые требовали в правотворчестве и юрисдикционной деятельности и юридическом образовании внесения в эти пространства знаний не только относительно содержания и толкования самого закона, но специальных сведений, необходимых для практической деятельности с сфере государства и права. Именно поэтому неслучайно выделились и оформились на границах юриспруденции и других наук такие специальные области знания, как науки и учебные дисциплины: криминалистика, судебная медицина и психиатрия, юридическая психология, информатика, лингвистика и др. При этом обратим особое внимание и на то, что и само развитие юридической науки как области формирования знаний о государстве и праве не могло формироваться вне и развиваться без привлечения знаний и других сфер изучением социума. Формирование и развитие социальных и гуманитарных наук – философии, истории, социологии, политологии и др. повлекло и выделение в юриспруденции во взаимодействии с ними таких уже ставших традиционными юридических наук, как философия права, теория государства и права, история государства и права, история политических и правовых учений. На это особое внимание обращает В. В. Лазарев, подчёркивая, что «юридическая наука постоянно должна обозревать свой собственный предмет и метод, разумеется, в системной связи с предметом и методом других наук, не в отрыве от них. Получивший в естественных науках признание принцип дополнительности предполагает трансдисциплинарные подходы, которые преодолевают узость отдельно взятых

методологий, требуют синтеза разных эпистемологических парадигм»¹³.

Для современного этапа развития юриспруденции, как и социально-гуманитарных наук в целом, характерно повышенное внимание к проблеме междисциплинарных связей и исследовательских пространств, позволяющих выйти на новые познавательные возможности развития и содержательного прироста нового знания в отдельных науках. Именно в междисциплинарном пространстве в различных формах проявления взаимодействия различных областей знания и научных дисциплин развиваются имеющиеся и формируются новые научные дисциплины юридического профиля. Актуальной остаётся и проблема осмысленного, глубоко продуманного, теоретически и методологически обоснованного вовлечения в сферу исследований в юридической науке знаний естественнонаучного, технического, медицинского, информационного, технологического и др. характера. Одновременно нельзя не обратить внимание и на то, что при всех положительных сторонах отраслевого и дисциплинарного строения науки, обостряется и проблема противодействия современным негативным тенденциям в науке, когда дисциплинарное знание чрезмерно фрагментируется и замыкается «само в себе» без выхода в пространство как самой научной дисциплины и отрасли знания, так в общенаучное познавательное пространство.

Междисциплинарный вектор исследований в современной юридической науке характеризуется достаточно чёткой ею заданностью в «Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени», утверждённой приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в 2021 г., а затем и введёнными в действие Высшей аттестационной

комиссией при указанном Министерстве паспортами научных специальностей. Указанной номенклатурой выделена область науки – «Социальные и гуманитарные науки», среди которых выделено «Право» и, соответственно, пять объединённых научных специальностей, в которые вошли соответствующие их направленности отрасли юридической науки и отдельные юридические дисциплины. В связи с этим А. В. Габов и И. М. Мацкевич справедливо обращают внимание на междисциплинарные тенденции в науке и подчёркивают, что «современная наука разрушила условности и границы. Едва ли не любые исследования связаны с решением научных задач одновременно по нескольким направлениям» и введение и совершение классификации наук нацеливают на то, чтобы «предельно точно показывать генеральные направления развития науки, чутко отзываясь на потребности науки с учётом мировых тенденций и практических задач современности»¹⁴. Соответственно активное взаимодействие научных дисциплин как внутри юриспруденции, так и сфере взаимодействия с другими науками ставится одной из задач, решение которых связано с проблемами как развития науки в целом, так и подготовки научных кадров.

Препятствия развитию междисциплинарности в юриспруденции носят прежде всего субъективный характер и присутствуют в различных проекциях. И прежде всего они связаны с *определённым недопониманием места и роли междисциплинарного подхода* как в развитии юриспруденции в целом и отдельных юридических наук, так и включенности изучения юридических явлений, процессов, институтов и т. п. в более широкие контексты исследовательских практик в социогуманитаристике, выходом на новые направления и научные дисциплины, изу-

чающие государственно-правовые феномены. Здесь, безусловно, требуется наличие соответствующей подготовки учёных для работы в междисциплинарном исследовательском пространстве, соответствующего уровня мышления, теоретической и методологической компетентности, владения современными методиками и технологиями деятельности. Следует обратить внимание и согласиться с мнением В. Г. Буданова о том, что в науке в целом и в юриспруденции в частности «основными проблемами организации и осуществления междисциплинарных проектов являются коммуникативные: капсулирование языковых и эпистемологических пространств дисциплин, их недостаточное взаимодействие, своеобразный дисциплинарный снобизм и агрессия (что естественно, так как есть опасность нарушения защитного пояса гипотез дисциплины)»¹⁵. При этом «дисциплинарная зашоренность» – это, скорее, не негативная сторона дисциплинарности и непонимание междисциплинарности, а характеристика конкретного учёного с соответствующим восприятием дисциплинарности как единственного состояния направленности исследования.

В итоге, подчеркнём, что дисциплинарность и междисциплинарность в современной юриспруденции являются сферами производства и углубления знаний в отдельных научных областях и научных дисциплинах, качественно нового уровня диссертационных исследований в рамках отдельных научных специальностей и пространствах их взаимодействия. Современное развитие юридических наук в рамках её дисциплинарного построения, безусловно, сохраняет своё традиционное значение и обеспечивает предметное и содержательное распределение и прирост нового научного знания. Но при этом следует учитывать, что в условиях активного взаимодей-

ствия наук формируются новые междисциплинарные исследовательские пространства, направления и научные дисциплины, предметная сфера которых складывается именно на основе использования смежных знаний, теоретических положений и методологии. При этом дисциплинарность и междисциплинарность в юриспруденции, как и в науке в целом, являются проблемными пространствами, которые требуют основательного изучения в рамках юридического науковедения как нового и необходимого направления изучения развития юридической науки как в целом, так и в срезе отдельных научных дисциплин юридического профиля. Соответственно, без изучения феноменов дисциплинарности и междисциплинарности в юриспруденции в философских, теоретических и методологических планах, без созданных учебных пособий и преподаваемых в этой сфере дисциплин для подготовки молодых учёных, без обсуждения этой проблематики на научных мероприятиях едва ли возможно формирование устойчивого понимания этих явлений в научной среде, проведение качественных научных исследований на междисциплинарном уровне, как, впрочем, и развитие существующих юридических научных дисциплин.

© Кодан С. В., 2023

¹ *Попова Т. Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса, 2019. С. 134, 368.

² *Мирский Э. М.* Дисциплина научная // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2010. С. 672.

³ *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки. М., 1988. С. 44.

⁴ *Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. М., 2003. С. 17, 142.

⁵ *Петров М. К.* Язык. Знак. Культура. М., 1991.

⁶ *Стёпин В. С.* Теоретическое знание. М., 2003. С. 12.

⁷ *Кузнецова Н. И.* Возможна ли дисциплинарная история науки? // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 99.

-
- ⁸ *Смелзер Н. Д.* О компаративном анализе, междисциплинарности и Интернационализации в социологии // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 10.
- ⁹ *Князева Е. Н.* Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований. М., 2019. С. 10.
- ¹⁰ *Гашева Н. В., Кондаков Б. В.* Исследовательские стратегии начала XXI века. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3. С. 167–175.
- ¹¹ *Касавин И. Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–73.
- ¹² *Салтыков С. А., Новиков Д. А., Русяева Е. Ю.* Типология междисциплинарности // Философия науки. 2017. № 3. С. 4.
- ¹³ *Лазарев В. В.* Риски в юридической науке // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 25.
- ¹⁴ *Габов А. В., Мацкевич И. М.* Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2. С. 26.
- ¹⁵ *Буданов В. Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М., 2009. С. 27.

И. А. Андреева*

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В НАУКЕ И ЕЕ ФОРМЫ

Междисциплинарность уже достаточно давно рассматривается как одна из наиболее важных теоретических и практических проблем, решение которой весьма значимо для прогресса науки, концепты внутреннего единства различных отраслей знания, их взаимосвязи и взаимодействия занимают все большее место в философском, науковедческом и социологическом анализе¹. Важно преодолевать вульгарное понимание дисциплинарности, а также распознавать ее декларативные и имитационные формы, которые порождены своего рода интеллектуальной «модой», сигнализирующей о «приобщении» ученых к переднему краю науки². В этих целях следует обратиться к онтологическим и эпистемологическим основам междисциплинарности, конкретизации ее форм в юридической науке.

Литература по теме междисциплинарности раскрывает разнообразие форм, которые принимает междисциплинарная деятельность, представляет термины для их обозначения: «мультидисциплинарность», «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность». «Мультидисциплинарность» – термин, обозначающий исследование общего объекта различными дисциплинами, сохраняющими собственную методологию и язык, в силу чего полученное

* *Андреева Ирина Анатольевна* – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, доцент.

знание не имеет интегративного характера, а представляет собой суммирование результатов, можно сказать, что в данном случае получается сосуществование разных научных языков, что-то вроде научного Вавилона. В случае транс(мета)дисциплинарности предпринимается попытка полной интеграции взаимодействующих дисциплин посредством отказа от их методологических рамок и создания нового и общего языка (что-то вроде научного эсперанто), в результате которой рождается новый предмет и методы исследования. Под междисциплинарностью обычно понимают исследование, которое проводится на основе теоретической области одной из наличных дисциплин, которая разрабатывает проблемы, которые частично пересекаются с теми, которые, со своей стороны, разрабатывают другие дисциплины. Речь идет о согласованно-диалогическом познавательном процессе, частичной реорганизации теоретико-методологического пространства участвующих в нем дисциплин. Несмотря на наличие этих терминологических нюансов в интересах единообразия и простоты ниже мы будем использовать термин «междисциплинарность» в самом общем и абстрактном смысле как определенное соотношение единства, взаимосвязей и взаимодействий, взаимопроникновений между различными отраслями научного знания, называемыми научными дисциплинами.

Уже на рубеже XIX–XX вв. были предприняты первые инициативы по деизоляции научных дисциплин, например, основание знаменитого «Журнала исторического синтеза» («Revue de synthèse historique») Анри Берром. Его деятельность по объединению ученых разных дисциплин увенчалась созданием Международного центра синтеза (1925), который провел в 1929 г. первую Международную неделю синтеза, посвященную проблеме цивилизации,

впоследствии междисциплинарному обсуждению были подвергнуты «эволюция», «прогресс», «изобретения» и т. д. Попытка создания международной энциклопедии единой науки в 1930-е годы (Отто Нейрат), междисциплинарные «конференции Мэйси» в США, в 1940-е годы, способствовавшие оформлению идеи кибернетики, основание в 1955 г. Жаном Пиаже Международного центра генетической эпистемологии, создание Людвигом фон Берталанфи теории общих систем как некой обобщенной междисциплинарной науки – вот только отдельные эпизоды истории междисциплинарности, которую еще предстоит написать³.

Успешность междисциплинарных взаимодействий в рамках науки зависят от понимания ее онтологических, эпистемологических, аксиологических оснований. Онтологические основания коренятся в объективном единстве между объектами научного изучения, объективные формы единства мира детерминируют образование междисциплинарных областей исследования. В социальной сфере таким основанием является растущая интеграция социальной жизни. Итак, в своем онтологическом аспекте междисциплинарность основывается на сущностном единстве различных областей изучения науки. Точно так же эпистемологическая основа междисциплинарности заключается в единстве всего научного знания, другими словами, во все возрастающем единстве эпистемологической структуры отраслей научного знания, что проявляется в существовании общих концептов эпистемологического порядка (уровни научного исследования, понятие научного факта и т. д.), возрастающей роли теории и методологии в структуре научных дисциплин и высоким уровнем абстрактности современных теорий. К этому сближению в гносеологической плоскости следует доба-

вить и аксиологические основы интеграции наук, которые привлекают внимание широкого круга исследователей⁴.

В современной науке междисциплинарность принимает множество форм. Одни из них – онтологического происхождения, поскольку опираются на единство объекта исследования, другие – эпистемологического. Наиболее развитой «онтологической формой» междисциплинарности является «пограничная» наука, в дисциплинарном комплексе юридических наук – это, например, история права и государства (она «находится в логической связи с иными научными дисциплинами теоретическо-правового и отраслевого характера»⁵). Еще одной онтологической формой междисциплинарности (трансдисциплинарности) является формирование синтетических и интегрированных теорий в результате взаимодействия естественных, технических и гуманитарных наук друг с другом, примером такой формы можно назвать общую теорию систем. Единство мира раскрывается наличием в его различных областях интегрированных в единую систему качественно различных элементов, каждый из которых может стать предметом дисциплины или группы дисциплин. Изучение любого интегрированного системного образования обычно начинается с изучения наиболее важных элементов его различных частей с помощью соответствующих автономных наук, и на этом этапе они исследуются сами по себе, а не как элементы целого. Примером таких образований в естественных науках является биосфера. Разработка таких форм комплексной системной междисциплинарности в сфере гуманитарных и социальных наук находится в начальной стадии. Представляется, что именно в эту плоскость следует поместить высказанные Ю. А. Веденеевым идеи о поиске новых предметных и концептуальных оснований юридической науки, концептуализированном в

понятии «интегративная юриспруденция»⁶.

В рамках статьи нет возможности подробно остановиться на характеристике разнообразных форм междисциплинарности эпистемологического плана. «Гносеологическая междисциплинарность касается внутренней организации отдельной научной дисциплины, которая в результате расширения научного поиска начинает активно синтезировать научные знания, выводы и концепты пограничных, а порой и далеких от указанной предметной области знаний», а «методологическая междисциплинарность предполагает активное внедрение в научное юридическое знание междисциплинарного общенаучного подхода, а также использование методологических ресурсов: методов, регулятивов, средств, методологических стратегий, которые возникли в рамках иных научных дисциплин...»⁷.

Основные функции междисциплинарности связаны с развитием структур эпистемологического порядка (обогащение объекта науки, обобщение ее концептуальных структур, расширение и совершенствование методологического аппарата), или же с совершенствованием качественных характеристик научного знания (повышение объективности, эффективности теорий, потенциала научного творчества и его коллективного характера). Междисциплинарный подход придает научному творчеству новый смысл больших перспектив, без которых она не может процветать. Социальные функции междисциплинарности связаны с разработкой теоретических основ, необходимых для решения важных социальных проблем, в том числе и в области изучения права.

В юриспруденции, как и в других областях знаний, междисциплинарные исследования кажутся одним из наиболее перспективных направлений работы с иннова-

ционными темами. Это ставит перед исследователями сложнейшие интеллектуальные задачи освоения разнообразных методов, теорий. В этом общем контексте движения к интеграции разнообразных форм знаний нельзя упустить из виду уникальность научного опыта юридической науки, которая требует дополнительного теоретического осмысления для определения перспектив междисциплинарности в юридической науке. Ее участие в междисциплинарном диалоге, очевидно, представляет собой особую проблему, связанную с тем, что в то время как большинство научных дисциплин возлагают на себя миссию объяснять реальность, специфика юриспруденции состоит в том, что она производит не только знания о праве как о реальности, но и само право, соединяя научную и практическую (нормативную) компетенции (здесь уместно сделать отсылку к знаменитой «гильотине Юма»).

© Андреева И. А., 2023

¹ Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки: Материалы «Круглого стола» // Философия науки и техники. 2016. № 1. С. 7.

² Лубский А. В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. – https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24880368_17326180.pdf (дата обращения: 05.03.2023).

³ Садовский В. Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М., 1974. С. 6.

⁴ Котлярова В. В. Современное научное познание: парадигма интеграции // Исторические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9(59). – www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/26.html (дата обращения: 05.03.2023).

⁵ Кожевина М. А. Наука истории права и государства России: теоретические и методологические аспекты научного познания // Правоприменение в публичном и частном праве: Материалы Международной научной конференции. Омск, 2022.

С. 302.

⁶ *Веденеев Ю. А.* Теория государства и права: между апологией и критикой концептуальных оснований // *Lex Russica*. 2018. № 4. – <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-gosudarstva-i-prava-mezhdu-apologiyey-i-kritikoy-kontseptualnyh-osnovaniy> (дата обращения: 05.03.2023).

⁷ *Медушевская Н. Ф.* Междисциплинарность и синкретизм как основные интенции современной юридической науки // *Государственно-правовые исследования*. 2020. № 3. С. 129.

В. Ю. Бельский*

А. Л. Золкин**

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Вопрос о соотношении юридических наук и философии права остается дискуссионным. Юридическая наука представляет собой исследовательскую программу, соответствующую критериям научной рациональности. Эти критерии могут различаться, но в целом они согласованы с определенными стандартами. Юридическая наука сформировалась под сильным влиянием позитивистских и кантианских критериев рациональности, которые долгое время считались универсальными. Однако сегодня такое представление является явным анахронизмом. Эмпиризм, индуктивизм и формализм больше не рассматриваются в качестве бесспорных оснований научного знания, скорее это призраки, продолжающие серьезно влиять на самосознание ученых-юристов.

Развитие науки осуществляется через смену парадигм в том или ином понимании, и юридическое знание, претендующее на статус научного, должно учитывать это важное обстоятельство. Использование термина парадигма в данном случае не ставит своей целью привязку раз-

* *Бельский Виталий Юрьевич* – профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор философских наук, профессор.

** *Золкин Андрей Львович* – профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор философских наук, доцент.

вития науки строго к идеям Томаса Куна¹, который ввел этот термин в теорию науки, скорее речь идет об общей идее релятивности научного знания.

Исходя из такого понимания науки, важная задача философии права в системе юридических наук заключается в осмыслении парадигматических изменений правового понимания, которые определяют развитие юридической науки в концептуально определенном, рационально фиксированном пространстве правовой системы, в целом соответствующей структуре социума на данном этапе его развития. Юридическая наука исповедует идеал позитивного знания, философия права должна рассматриваться как наука рефлексивно-креативная. Философия во всяком случае не ограничена внутрипарадигматическими критериями исследования: принципы философской разумности обычно шире, чем стандарты научной рациональности. Несмотря на стремление Томаса Куна иррационализировать эти принципы, они все же должны обладать какой-то определенностью эвристических компонентов познания, например метафоричностью.

Парадигматические изменения происходят в юридическом знании достаточно часто, поскольку они определяются не только общенаучными революциями, как настаивал Томас Кун, но и качественными изменениями общества. В отечественной науке качественные изменения социума обычно мыслятся в духе теории формаций Карла Маркса и Фридрих Энгельса, однако двадцатый век и современность дают примеры общественных изменений иного типа. Это изменения, порожденные не самим по себе развитием общества, а кризисами социальных проектов². Соответственно мы имеем дело с кризисами своеобразных «проектных социумов». Эта особенность современ-

ного мира должна найти свое отражение и в философии права.

Идейная борьба в сфере философии права в XX веке определялась конкуренцией либерально-капиталистической системы с социалистической системой общественного устройства. Мир был двухполярным. Проигрыш социалистической системы и распад Советского Союза означал начало периода доминирования либеральной модели правопонимания с соответствующей концепцией права и государства. Философско-правовые концепции консервативного типа рассматривались как анахронизм и подвергались критике даже без проведения какого-либо анализа. В то же время идеологическая борьба между коммунистами и либералами породила особый контекст бескомпромиссности, когда воззрения оппонентов рассматривались как теоретически замаскированные политические позиции, поэтому их рациональность взаимно отвергалась.

Советское и либеральное правопонимания опирались не только на имеющиеся социальные системы, но скорее на проекты подобных систем. Они ориентировались на будущее, предполагая выполнимость этих проектов. Советский Союз уничтожал наследие российской империи во имя коммунистического проекта, либеральная Россия разрушала советское наследие во имя проекта либерального, который по своей сути был проектом утопического капитализма.

Западный мир какое-то время демонстрировал устойчивость либерального проекта до степени, когда уже начинало формироваться убеждение, впоследствии оказавшееся иллюзией, о полной воплощенности этого проекта в социальных структурах соответствующих обществ. Остальные, незападные, общества рассматривались как находящиеся в состоянии «догоняющей модернизации»

ориентированной на достижение западного стандарта. Торможение либерального проекта началось именно в мире Запада. Этот процесс вполне логично приводит к необходимости фундаментального пересмотра базовых философско-правовых и философско-политических понятий. Западные страны демонстрируют отказ от демократических свобод и превращаются в тоталитарные общества. Демократия начинает обозначать власть меньшинства, политология описывает имитационные политические процессы, которые уже не затрагивают проблему власти.

Россия после распада Советского Союза просто переписала западные учебники, поменяв «ложные догмы» марксизма на «истины» либерализма. Это было легкое решение. Сложность современной ситуации заключается в том, что «истинного образца» социума сегодня просто нет, сегодня не существует той реальности, которую можно копировать. Та же реальность, которую мы имеем в наличии, имеет гибридный характер – частично-воплощенных, но не завершенных проектов. Причем их завершение многими считается невозможным.

Социальные проекты либерализма и коммунизма видели свою цель в создании системно-унифицированных обществ. Коммунисты стремились не допустить развитие рынка, потому что считали, что частная собственность является истоком эксплуатации человека человеком. Даже крестьянское хозяйство, по их логике, опасно тем, что постоянно порождает капитализм. Либералы не только боролись с Советским Союзом, но и стремились превратить рыночную экономику в фундаментальную систему социальной самоорганизации, не нуждающейся в государстве. Подобный проект можно назвать проектом общества как простой системы, в которой определенные социальные механизмы, например механизмы рыночного ценообразо-

вания, сознательно отключены, или ограничены до такой степени, которая не позволяет им претендовать на системообразующую функцию.

В сложившихся условиях философия права должна разработать методологию, позволяющую осуществить дегибридизацию социальных практик. Этот метод вполне может иметь диалектический характер, поскольку мы оперируем с системными представлениями. Но в самом простом изложении философская логика подразумевает анализ и синтез. Основная аналитическая задача философии права заключается в различении и последующем концептуальном разделении общественных институтов, имеющих признаки деструктивной интерференции.

Разумеется, аналитическая работа может рассматриваться как рефлексивный этап философского исследования. Требуется еще креативная работа – создание новых смыслов, играющих системообразующую роль в конституировании новых социальных практик. Нельзя просто вернуться к прежним либеральным или коммунистическим проектам, разыскивая в них утраченные образцы. Новое общество должно быть сложной системой, что генерирует значительные угрозы именно в сфере правовой системы, в частности, подобные проблемы создает участие государства в экономике с рыночными механизмами. Деструктивная интерференция систем в этой сфере может приводить к значительным социальным последствиям.

Синтетическая программа философско-правового исследования – выявление аттракторов социальной сферы, способной к росту синергетических эффектов, определяющих ее превращение в автопоэтическую систему, поддерживающую свою целостность и развитие без необходимости постоянного обращения к «ручному управлению».

Кризис либерального правопонимания сегодня имеет

фундаментальный и многомерный характер. В перспективе правовая система должна определяться практиками цивилизационного реализма, воплощающими не столько условия доминирования привилегированного субъекта (партия, «глубинное государство», транснациональные корпорации), а систему сложную, обеспечивающую взаимодействие множества субъектов, образующих современное общество.

© Бельский Ю., Золкин А. А., 2023

¹ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003.

² *Вызовы* современного мира и цивилизационный выбор России: Материалы межведомственного круглого стола // *Философские исследования и современность.* 2020. Вып. 9. С. 191–230.

В. В. Долинская*

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

С 1 января 2022 г. вступил в силу Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093»¹.

Определение специальности научных работников высшей квалификации дано в ОК 017-2013 Общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации, принятом Приказом Росстандарта от 17 декабря 2013 г. № 2255-ст: *«совокупность знаний, умений и навыков, приобретенных на базе высшего образования в результате проведения самостоятельной творческой работы по постановке и решению определенных профессиональных задач в рамках конкретной отрасли наук, заканчивающейся публичной защитой диссертации соискателем ученой степени на заседании диссертационного совета»*². Отрасли науки в том же доку-

* Долинская Владимира Владимировна – профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

менте рассматриваются как дисциплины, в которых осуществляются научные исследования и разработки. Отрасли науки характеризуются наличием конкретного предмета исследований и сферы интересов ученых, организационных форм их кооперации, научной периодики и других изданий, системы подготовки кадров соответствующего профиля. Классификация отраслей науки строится по их предметным, методологическим и функциональным признакам и отражает дифференциацию наук. Считается, что принятая классификация позволяет осуществить распределение научных работников высшей квалификации по областям, характеризующим отличия в направлениях их научной деятельности.

То есть, при буквальном толковании п. 2 ст. 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»³ и Номенклатуры, специальности научных работников нужны для присуждения ученых степеней кандидата и доктора наук, а не для развития науки. Однако, исходя из п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утв. Постановлением Правительства РФ от 24 июля 2013 г. № 842⁴, в котором установлены такие критерии для диссертаций на соискание ученых степеней как научное достижение, решение научной проблемы / задачи, новые научно обоснованные решения и разработки, квалифицируем как презумпцию значимость этих специальностей и для развития наук. Но 1-ая проблема обозначена – целеполагание научных специальностей.

Две следующие проблемы вытекают из сравнительно-исторического анализа становления научных специальностей и порядка присуждения ученых степеней начиная с XVIII в. и до наших дней⁵.

Кто решает вопрос классификации наук и их деления

на отдельные отрасли и специальности? В Российской империи перечень классов (разрядов) наук, в т.ч. по юридическим факультетам, определялся уставами университетов: Дерптского (1803, 1820, 1865), Московского, Харьковского, Казанского (1804) и Варшавского (1869); Общим уставом Российских университетов (1884); Положениями о производстве в учёные степени (1819, 1837, 1844, 1864). Номенклатура специальностей научных работников в СССР (затем – в Российской Федерации) принималась СНК СССР (1934, 1937), различными Министерствами (например, культуры – в 1953 г., высшего образования – в 1957 г.), Государственными комитетами (например, в 1962 г., 1991 г.), Высшей аттестационной комиссией (например, в 1989 г.). Шифры научных специальностей в номенклатуре впервые введены в 1963 г., отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени, – в 1972 г.

В чем смысл понятия «специальность научных работников», в т.ч. в сфере юриспруденции, и чем обусловлены их названия? Вначале его связывали с названием отделения или факультета университета, затем с классом наук, наконец, с разрядом наук. С 1803 г. по 1917 г. сложились 3 группы, включавшие в разные годы различное количество разрядов юридических наук:

- 1) историко-теоретические (до 5 разрядов),
- 2) отраслевые,
- 3) зарубежные (2 разряда) науки.

Постепенно происходил переход от объединения в разряде наук нескольких отраслей права до соответствия каждого разряда науки отдельной отрасли права. Названия научных специальностей в СССР первоначально складывались от названий отраслей научных знаний (1934), затем – от отраслей наук (1937), и наконец – от специальностей высшей научной квалификации (1953).

26 декабря 1994 г. на основании представления Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию Госстандарт России принял «Общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации. ОК 017-94»⁶, где впервые было дано определение «специальность высшей научной квалификации».

Перечень научных юридических специальностей в СССР и Российской Федерации был представлен системой юридических наук, включающей:

I. Историко-теоретические (например, история правовых учений);

II. Отраслевые (например, гражданское право);

III. Межотраслевые (например, судоустройство);

IV. (только в СССР) Науки, изучающие зарубежное право и государство (например, государственное право стран народной демократии);

V. Прикладные (специальные) юридические науки (например, советское строительство);

VI. Международное право (например, международное частное право).

По редакциям номенклатур 1953, 1972 и 1977 гг. можно выявить тенденцию к укрупнению научных юридических специальностей, с 1963 г. – к их увеличению за счёт других отраслей наук. С 1995 г. прослеживается тенденция укрупнения научных специальностей в сфере юриспруденции за счёт включения в них отраслевых, межотраслевых и прикладных (специальных) юридических наук, а также их увеличения за счёт других отраслей наук.

Мы полностью разделяем мнение Н. А. Власенко о том, что номенклатура специальностей должна соответствовать потребностям времени, учитывать реалии, развитие и состояние юридических и смежных с ними наук,

а также поддерживаем выделяемые им аспекты достижения этой цели⁷. Но при обширных достижениях отечественной юридической науки мы видим и проблемы, связанные с научными специальностями в сфере юриспруденции, например: частые, порой слабо обоснованные изменения названий и содержания научной специальности; узость (в том числе и по паспортам специальностей⁸) предмета исследований несмотря на укрупнение научных специальностей.

Может быть, стоит обратить внимание на комплексный характер модернизации экономики и общества, отойти от ставшего традиционным для Номенклатуры специальностей деятельно-отраслевого подхода⁹? Ю. А. Тихомиров предлагает новый методологический подход к изменению номенклатуры специальностей, в рамках которого усиливается взаимодействие различных научных направлений, происходит укрупнение правовых отраслей за счет их постепенной интеграции, комплексности решения задач (экономическое право, социальное право и т. п.)¹⁰.

Одним из вариантов решения комплексных задач, стоящих перед обществом и государством в экономической, политической, социальной и других сферах может быть переход от дифференциации к более крупному делению права: публичное, социальное, частное¹¹; и, соответственно, научных специальностей в сфере юриспруденции. 1-ый шаг в этом направлении сделан.

В различных отраслях используется единый или схожий понятийный аппарат. Практически все отрасли права оперируют единым субъектным набором: публично-правовые образования, юридические и физические лица. Их правосубъектность характеризуется одними и теми же составными частями, то есть одинаковы юридические

предпосылки участия всех групп субъектов в правоотношениях. Публичные и частные ценности неразрывно связаны между собой. В процессе правового опосредования любых общественных отношений достигается обобщенный частнопубличный эффект.

Представляются наиболее плодотворными идеи о взаимодействии частного, публичного и социального права в целях достижения баланса общественных и частных интересов, единого общезначимого результата. Но требуется более тщательная проработка этих связей и средств взаимодействия.

© Долинская В. В., 2023

¹ <http://pravo.gov.ru> – 06.04.2021 (с изм.) (далее – Номенклатура).

² Общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации, принятый Приказом Росстандарта от 17 декабря 2013 г. М., 2014.

³ Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 35. Ст. 4137 (с изм.).

⁴ <http://pravo.gov.ru> – 01.10.2013; СЗ РФ. 2013. № 40. Ч. III. Ст. 5074 (с изм.).

⁵ См.: Долинская В. В. 1) Проблемы специальностей научных работников в сфере юриспруденции // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 19 апреля 2018 года / Под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2018; 2) Инструменты государственной политики в сфере науки: на примере научной аттестации // Публично-правовые механизмы в обеспечении общественного развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Нины Антоновны Куфаковой. Москва, 16 марта 2018 г. М., 2018; Якушев А. Н. 1) Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения учёных степеней в университетах и академиях России, 1747–1918 гг. (история и опыт реализации): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998;

2) Нормативно-правовое регулирование производства в ученые степени в России (1724–1918 гг.): Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2011.

⁶ Общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации. ОК 017-94. М., 1996.

⁷ См.: *Власенко Н. А.* О номенклатуре специальностей научных работников в области юриспруденции // Журнал российского права. 2010. № 7(163). С. 98.

(Практически аналогичный текст см. в его одноименных статьях в журналах: Информационное право. 2010. № 2. С. 6–8; Юридическое образование и наука. 2010. № 2. С. 8–15.

⁸ *Якушев А. Н., Мрыхина О. А.* Может ли содержание диссертации соответствовать паспорту научной специальности? // Право и образование. 2012. № 7.

⁹ *Мацкевич И. М., Власенко Н. А.* Новая номенклатура научных специальностей в сфере юриспруденции // Журнал российского права. 2011. № 8. С. 85.

¹⁰ *Иванюк О. А., Рафалюк Е. Е.* Модернизация номенклатуры специальностей научных работников в сфере юриспруденции // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 125–126.

¹¹ См. подробнее об их разграничении и взаимодействии: *Черепяхин Б. Б.* К вопросу о частном и публичном праве // Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 98–99; *Дорохин С. В.* Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М., 2006; *Долинская В. В.* Частное и публичное право в западной и российской правовых культурах: дискуссия и современные проблемы // Правовые культуры. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25 марта 2011 г. / Под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немытиной. М., 2012.

А. И. Каплунов*

**РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ И ПОРЯДКА ЕГО
ЛЕГИТИМНОГО ПРИМЕНЕНИЯ С УЧЕТОМ
РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТРАСЛЕВЫХ
ВИДОВ ПРИНУЖДЕНИЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ**

В юридической литературе – общетеоретической и отраслевой – государственное принуждение традиционно рассматривается в сочетании с убеждением, прежде всего, в качестве одного из методов государственного руководства обществом, *метода государственного управления*, средства организации волевых устремлений субъектов с целью подчинения государственной воле¹. По сути своей, государственное принуждение является вынужденной ответной реакцией государственных сил охраны правопорядка на различные формы противоправного поведения, – это «метод воздействия, состоящий в применении государственными органами и их должностными лицами для преодоления правовой аномалии установленных законом мер принуждения, представляющих собой систему правовых ограничений, лишений, обременений или ответных действий, которые позволяют заставить обязанных лиц исполнять возложенные на них юридические обязанности и соблюдать установленные законом запреты, а также обеспечить правопорядок, безопасность личности,

* Каплунов Андрей Иванович – профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

общества и государства от потенциальных и реальных угроз»².

Как метод воздействия государственное принуждение представлено мерами принуждения, которые являются его «первичными» структурными элементами³, и представляют собой «закрепленные законом способы, приемы и средства воздействия личного, имущественного и организационного характера, позволяющие заставить лицо исполнять юридические обязанности и соблюдать правовые запреты, и состоящие из правовых ограничений, лишений, обременений, ответных силовых действий, влекущих наступление правового урона, причинение морального, материального и физического вреда»⁴.

С точки зрения целевого назначения и способа охраны правопорядка меры принуждения объединяются в рамках таких правовых форм, как «предупреждение, пресечение, правовосстановление, юридическая ответственность (наказание), процессуальное обеспечение»⁵.

Ключевым элементом каждой меры принуждения, характеризующим её содержание, является «способ принудительного воздействия». Исследования отраслевых видов принуждения, в частности, административного, показывают, что «способ принудительного воздействия» представляет собой «предусмотренное законом правоохранительное *действие* в виде силового и иного воздействия морального, материального, или организационного характера, *влекущее* ограничение прав лица, претерпевание им лишений, дополнительных обременений, причинение материального и физического вреда»⁶.

Категория «способ принудительного воздействия» позволяет более четко уяснить «содержание» каждой меры государственного принуждения, её принудительные свойства, а затем через призму этой правовой категории уяс-

нить содержание таких понятий как «*применение меры принуждения*», «*порядок применения*», «*законность применения*», «*правомерность применения*» мер государственного принуждения, независимо от их отраслевой принадлежности, а также с учетом отраслевой специфики.

Так, под «*применением*» меры принуждения в теории административного принуждения предлагается понимать «*реализацию закреплённого в диспозиции или санкции правовой нормы, её устанавливающей, способа принудительного воздействия для достижения необходимого юридического результата*»⁷. В данном определении акцент сделан на реализации именно «*способа принудительного воздействия*», а не на вынесении юрисдикционного акта. К примеру, при привлечении к административной ответственности в виде штрафа, под применением этой меры административного принуждения понимается не момент вынесения постановления о назначении штрафа, а момент перечисления суммы штрафа на соответствующий счет в банке.

Кроме того, категория «*способ принудительного воздействия*» и понятие «*применение меры принуждения*», могут быть использованы для уяснения сочетания отраслевых видов принуждения при оказании комплексного принудительного воздействия.

К примеру, деятельность уголовно-исполнительной системы обеспечивает исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы. Лишение свободы, это способ принудительного воздействия, предусмотренный уголовным законодательством, характеризующий содержание меры уголовного принуждения, предусмотренной санкцией уголовно-правовой нормы (уголовно-правовое принуждение). Данный способ принудительного воздействия де-

тализирован уголовно-исполнительным законодательством в зависимости от режима содержания лица, лишенного свободы (уголовно-исполнительное принуждение). В случае невыполнения режимных правил и требований, к лицу, отбывающему уголовное наказание, могут быть применены меры административного принуждения (административное принуждение). Правильное разграничение указанных видов отраслевого принуждения возможно через анализ способа принудительного воздействия конкретной применяемой меры государственного принуждения.

Понятием «порядок применения меры принуждения» охватывается определенная последовательность действий, позволяющих реализовать способ принудительного воздействия и достичь желаемого юридического результата. Этот порядок может быть либо процедурным, либо процессуальным.

Административно-правовые исследования показывают, что в «процессуальном» порядке применяются только те меры административного принуждения, способы принудительного воздействия которых закреплены *санкцией* правовой нормы, их устанавливающей. К таким мерам относятся, как известно, меры административной ответственности, а кроме того, принудительные меры административного предупреждения, которые применяются для предупреждения преступлений и административных правонарушений, в том числе для предупреждения повторного их совершения отдельными категориями лиц⁸.

В «процедурном» порядке применяются все меры административного пресечения и меры процессуального обеспечения, а также те меры административного предупреждения, способы принудительного воздействия которых закреплены диспозициями правовых норм, их уста-

навливающих, в виде конкретных правоохранительных действий уполномоченных должностных лиц, направленных на обеспечение безопасности личности и общественной безопасности⁹.

Приведенные выводы о порядке применения мер принуждения, сделанные на отраслевом уровне, могут быть использованы для развития теории государственного принуждения в целом на общетеоретическом уровне. Они дополняют представления о применении меры государственного принуждения как обобщающей категории, отраслевыми особенностями порядка их применения, которые могут быть использованы для дальнейшего совершенствования действующего законодательства с целью обеспечения законности их применения.

В публично-правовых науках, в частности в административном праве, под законностью применения полицией мер административного принуждения предлагается понимать «соответствие фактических действий уполномоченных сотрудников полиции нормам административного и административно-процессуального права, устанавливающим основания, цели, порядок и условия реализации способа принудительного воздействия, который характеризует содержание конкретной меры принуждения, а также соблюдение сроков применения и требований к документированию»¹⁰.

В приведенном определении законности применения мер принуждения отражен предложенный ранее Е. В. Елфимовой и А. В. Коркиным на примере мер административного принуждения следующий перечень критериев «соответствия применения мер ... принуждения требованиям законности»: *основания, условия, цель, порядок, субъекты, сроки применения; содержание применяемой меры, требования к документу, которым оформляется*

факт применения¹¹. Под содержанием применяемой меры принуждения, по всей видимости, в данном случае понимается способ принудительного воздействия, характеризующий содержание меры принуждения. Соблюдение установленных законом требований к перечисленным элементам меры принуждения при её реализации на практике является обязательным и охватывается понятием «законность её применения».

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что дальнейшее развитие понятийно-категориального аппарата теории государственного принуждения на общетеоретическом уровне, с одной стороны, невозможно без учета исследований отраслевых видов принуждения и их понятийного аппарата, с другой стороны, позволяет на более глубоком методологическом уровне проводить как отраслевые, так и общетеоретические исследования закрепленных действующим законодательством мер государственного принуждения и законности их применения.

© Каплунов А. И., 2023

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: Курс в 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 267; Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 5.

² Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 16–17.

³ Попкова Е. С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12.

⁴ Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения... С. 14.

⁵ Каплунов А. И. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 7.

⁶ Мамедов Э. Х. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. С. 11.

⁷ *Лебедева О. О.* Правовое регулирование применения принудительных мер административного предупреждения и пресечения: Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. С. 100.

⁸ *Каплунов А. И., Лебедева О. О.* Производство по применению отдельных принудительных мер административного предупреждения как структурный элемент административного процесса // *Административное право и процесс.* 2017. № 3. С. 72.

⁹ Там же. С. 72–73.

¹⁰ *Мамедов Э. Х.* О понятии законности применения полицией мер административного принуждения // *Вестник Уральского юридического института МВД России.* 2019. № 4(24). С. 14.

¹¹ *Елфимова Е. В., Коркин А. В.* Особенности обеспечения законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* 2016. № 4(26). С. 23.

С. Б. Поляков*

НЕИСТРЕБИМЫЕ МОТИВЫ ХАОСА ЦЕЛЕЙ И ИЗМЕРЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Убедительно написано о подмене целей науки библиометрической оценкой научной деятельности. Индекс Хирша, выводимый по количеству публикаций и уровням журналов, в которых опубликованы статьи ученого, и по их цитированию, показывает его активность. Но обложка журнала сама по себе не определяет содержание статьи и наличие в ней полезного для практики и науки результата. Возведенный в верховный критерий оценки ученого, в том числе для оплаты его труда, индекс Хирша побуждает его отказываться от серьезных исследований и отстаивания их результатов, не вписывающихся в шаблоны «солидных» журналов на пути к публикациям в них. Самый простой способ роста индекса Хирша – опубликовать глупость, вызывая шквал критики, соответственно, цитирования. Способ попроще – организация товариществ взаимного цитирования¹. План по валу, вал – по плану хороши для вывоза мусора. От науки же требуются оригинальные результаты улучшения качества жизни. Способы повышения индекса Хирша для этого не годятся.

Супериндексом для оплаты труда ученых, допуска их к определенным видам научной работы введены публикации в журналах, входящих в международные системы научного цитирования Web of Science и Scopus. Лидером

* Поляков Сергей Борисович – профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, доцент.

борьбы против этого критерия для юридической науки является Н. А. Боброва². Действительно, этот критерий имеет функции: юридических фактов, порождающих право на переменную часть заработной платы преподавателей и научных работников; сокращения научных кадров; мошенническую (способ совершения хищений); коррупционную; повышения индекса Хирша зарубежных ученых; промышленного шпионажа; провокации преступлений, предусмотренных ст. 275 и 280 УК РФ³. Научной функции нет. Статьи от включения их в системы Web of Science и Scopus не создают ни вакцин, ни микрочипов, ни самолетов и даже их деталей.

К этому можно добавить примеры формальных преград для публикаций научных статей, которые одновременно исключают получение обоснованных, достоверных и проверяемых научных результатов.

Компьютерная система «Антиплагиат» вынуждает вопреки логическому закону достаточного основания не приводить в своей статье известные положения для выводов автора. В качестве рецензента журнала заметил, что у самых бредовых статей оригинальность за 90 %. У серьезных – возле 60 %. Не раз приходилось отмечать в рецензии, что низкий показатель оригинальности не должен служить препятствием для опубликования статьи, содержащей обоснованные и проверяемые оригинальные идеи и результаты.

Некоторые журналы требуют не цитировать научные работы старше пяти лет. Н. А. Власенко, критикуя невежество авторов диссертаций, защищающих давно написанные положения, в качестве примера приводит современные работы о правовых системах, в которых, в лучшем случае, лишь упоминают в общем списке рекомендованной или использованной литературы Д. Рене – осново-

положника темы, и подытоживает: «Моральная обязанность каждого, пишущего на эту тему, отдать должное автору в тексте, где речь идёт о замечательном делении правовых систем»⁴. Увы, сегодня мораль вершителей научной деятельности направлена на воспитание неофитов.

Во всех этих критериях оценки научной деятельности отсутствует понимание ее цели – «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия»⁵. Она подменяется формальными измерителями действий, возведенных в самоцель, – известный вариант управления людьми в неволе: «Главное – не результат, а чтоб вспотели».

«Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов»⁶. Исходя из этой мысли В. И. Ленина, в установленных критериях и показателях научной деятельности надо видеть интересы их авторов – потребности, прошедшие стадию мотивации их деятельности по внедрению таких оценок.

«Исторически наука представляет собой силу, стремящуюся к свободе. Однако науке, как и многим другим общественным институтам, грозит бюрократизация...»⁷. Суть бюрократизации – жизненные принципы формируются с целью приспособления к деятельности чиновника, собственные интересы его подменяют цель, для которой он создан⁸.

Чиновники, отвечающие перед верховной властью за достижения науки, смутно представляют, что наука может создать. Поэтому они внедряют критерии и показатели научной деятельности, которые им удобно считать.

Конкретные цели для науки высшая власть может ставить по ограниченному предвидению научных результатов. Например, создание видов оружия, превосходящих имеющихся у других государств, или вещей – аналогов созданных в государствах, не публикующих в журналах Web of Science и Scopus пути достижения своего превосходства. Для реализации таких целей выделяются финансы и не создаются библиометрические и прочие помехи.

Для юридической науки сложность определения чиновниками целей научных исследований усугубляется общностью поля деятельности правоведов и государственной власти.

Ясные цели юридической науки могут быть поставлены, если предметом ее (что ищем?) определить дефекты законодательства и правоприменительной практики для их преодоления⁹. Такая научная работа начинается с критики результатов всех ветвей власти. Но государственной власти от юридической науки всегда нужно было освящение ее деятельности, а решения проблем – в их консервативном русле.

Например, В. М. Баранов, исходя из выявленных наукой причин низкого уровня нормотворческой работы, предложил концепцию их устранения с ясными образовательными, организационными, юридико-техническими целями, которые могут конкретизироваться работой в этом направлении¹⁰. Однако, интереса государства к этой работе нет. Ему достаточно оценить ее в мизерный показатель одной публикации в журнале из перечня ВАК.

В связи с болезненной реакцией судебной власти на критику редакции журналов стремятся к минимуму свести в присылаемых им статьях не только оценочные выводы, но и изложения содержания вопреки положениям

закона и правилам логики действительных судебных актов.

Развитие информационных технологий в разных сферах жизни вызвало рефлексию власти на повсеместное внедрение искусственного интеллекта¹¹, в том числе в праве. Результаты информатики конкретны – программные продукты. В то время как основная часть юридической литературы об информатизации юридической деятельности пишется людьми, никогда не участвовавшими в создании компьютерных программ. Неспособные к созданию компьютерных программ словоизобретатели смесят юридической и информационной терминологии выдают их за результаты научной деятельности с какой-нибудь прогностической функцией науки опять же в библиометрическом измерении. Но от этого компьютерные программы не возникают. В борьбе за деньги, выделяемые государством на развитие информационных технологий, рождается мотив их получения без достижения конкретных результатов, вуалируемый «фундаментальной» фантастикой.

Можно заметить искренний мотив возведения в самоцель методов решения научных проблем их авторами, близкими к тем, кто устанавливает общеобязательные критерии и показатели научной деятельности. Между тем, достижение новых научных результатов связано с отысканием новых методов. Возведение старых методов в обязательные подобно тому, чтобы ученость определять по количеству ударов головой о стену, а не по умению эту стену обойти или доказать бессмысленность этого занятия.

Взаимоисключающие мотивы деятельности чиновников от науки и соперничающих между собой ученых практически исключают возможность построения и реа-

лизации рациональной модели целеполагания и оценки юридической науки, от которой государству нужны результаты по одобрению его деятельности.

© Поляков С. Б., 2023

¹ Толстик В. А. 1) Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // Государство и право. 2019. № 1. С. 65–74; 2) Девиантное поведение в науке и пути его преодоления // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 58–59; Скобликов П. А. Юридический олимп // Санкт-Петербургские ведомости. 2022. 1 сентября. С. 4.

² Боброва Н. А. 1) О неконституционности критериев оценки научной деятельности вузов, установленных в 2013 г. // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 42–46; 2) Зачем мы кормим чужую науку, и кто нас заставляет это делать? // Социально-экономические аспекты модернизации национальных правовых систем в свете международных норм и стандартов: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Международной конференции (г. Алматы, 18 октября 2019 г.): Сборник научных статей. Алматы, 2019. С. 11–16; 3) Семь лет под прицелом мнимых мировых стандартов наукометрии. // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 74–80.

³ Подробнее см.: Поляков С. Б. Результаты юридической инновации // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 61–62.

⁴ Власенко Н. А. Антиинновационные тенденции в современной юридической науке // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 54–57.

⁵ *Философский словарь*. М., 1987. С. 534.

⁶ Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23. М., 1973. С. 47.

⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. CXLIV.

⁸ Weber M. *Gesammelte politische Schriften*. Muenchen, 1921. P. 149–150; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 89; Протасов В. Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически

организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 56.

⁹ Подробнее см.: Поляков С. Б. Дефекты законодательства и правоприменительной практики как предмет юридической науки // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 16–22.

¹⁰ Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

*М. Л. Давыдова**

МЕТОДОЛОГИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ НАУК И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Большую популярность в политической практике многих современных государств приобретают поведенческие идеи (Behavioural Insights), то есть выводы поведенческих и социальных наук, включая теорию принятия решений, психологию, когнитивные науки, неврологию, теорию организационного и группового поведения, которые применяются правительствами с целью повышения эффективности государственной политики¹. В первую очередь, эти исследования направлены на то, чтобы объяснить, почему люди делают нерациональный выбор, и подобрать средства, помогающие им совершать меньше ошибок.

Разработка данной проблематики началась 80-х годах XX в.² в рамках поведенческой экономики, которая активно исследует проблемы рационального экономического выбора и факторы, ему препятствующие (мотивацию и когнитивные способности индивида, устойчивые поведенческие реакции, влияние социальной группы, ограниченность информации, типичные для человеческого мышления ошибки и т. п.). Понимая механизм действия этих факторов, можно выстроить архитектуру выбора таким образом, чтобы повысить вероятность принятия наиболее рациональных и выгодных для самого индивида решений.

* *Давыдова Марина Леонидовна* – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Концепция либертарианского патернализма (Р. Талер, К. Санстейн³) исходит из того, что обязанность обеспечить условия для такого выбора должна лежать на государстве. Роль последнего заключается в том, чтобы, не ограничивая свободу людей, не навязывая им те или иные варианты поведения, подтолкнуть их к правильному (наиболее полезному для них самих) выбору.

Несмотря на то, что множество конкретных политических решений в разных странах принимается под влиянием поведенческих идей⁴, остается нерешенным вопрос о правомерности включения их в поле зрения юридической науки. Не размывается ли предмет юриспруденции в случае, когда внимание переключается с анализа мотивов соблюдения/нарушения правовых норм (как это принято в отечественной теории правомерного поведения⁵) на более широкий контекст норм социальных и экономических?

Вероятно, опасность выхода за рамки предмета теории права не должна быть препятствием для научного исследования. Целый ряд эффектов, описанных специалистами по поведенческой экономике, значим не только с точки зрения маркетинга, но и для решения (во всяком случае, для понимания) проблем правового регулирования. Так, Д. Ариели в книге «Предсказуемая рациональность»⁶ рассказывает об экспериментах, подтверждающих наличие у людей следующих психологических особенностей.

1. Люди не могут руководствоваться одновременно социальными (этическими) и рыночными нормами: «когда мы начинаем принимать в расчет рыночные нормы, социальные нормы уходят из наших рассуждений»⁷. В первом случае они готовы совершать добрые поступки, помогать другим, выполнять для них работу, не требуя оплаты.

Во втором – холодно оценивают выгоду и издержки от любых поступков, требуют компенсации даже за незначительные усилия.

2. Использование или даже упоминание денег переключает сознание людей на рыночные нормы. При этом возвращение в контекст норм социальных после этого оказывается крайне затруднительным (если за какую-то услугу вы заплатили человеку деньги, то сложно в следующий раз убедить его сделать то же самое «по дружбе»).

3. Люди, считающие себя честными и признающие важность честного поведения, задумываются об этом только когда речь идет о значительных нарушениях. В случае поступков, которые они признают мелкими и незначительными, люди просто не включают свой «внутренний контроль честности».

4. Одним из факторов, позитивно влияющих на уровень честности человеческих поступков, является напоминание о нравственных ориентирах в момент совершения поступка (в эксперименте студенты меньше жульничали при ответе на тест, если перед этим им предлагалось – без связи с содержанием задания – вспомнить 10 заповедей или включалось упоминание об этическом кодексе университета).

5. Второй фактор, поддерживающий честное поведение, связан с использованием денег. В тех случаях, когда люди имеют дело с наличными деньгами, они заранее настроены на соблюдение некоего негласного кодекса чести.

6. Эффекты, обеспечиваемые использованием денег, ослабевают, если деньги заменяются подарками или другими «неденежными объектами». Это касается как готовности «разрешить себе» нечестный поступок, так и веро-

ятности «переключения» отношений с социальных норм на рыночные.

7. «Магия» социальных норм легко рассеивается и очень сложно восстанавливается. Один раз отвергнув социальные нормы (профессиональную этику), люди, как правило, к ним не возвращаются. Начав обманывать понемногу, мы чаще всего привыкаем к такому поведению. Столкнувшись с обманом, – теряем доверие, не только к конкретному обманщику, но и к другим людям.

8. Возвращение к отношениям, для которых значимы социальные нормы, требует долгой и планомерной работы: «открытость и готовность идти на жертвы позволяют восстановить доверие общества»⁸.

Какое отношение все это может иметь к юридическим исследованиям?

В первую очередь, приведенные положения ставят вопрос о месте права в предложенной системе координат. С чем правильнее соотносить правовые нормы в данном контексте: с нормами социальными или рыночными? Представляется, что, несмотря на значительную этическую составляющую, правовые нормы чаще воспринимаются людьми через призму выгод и издержек (с учетом строгости санкций и неизбежности их применения), что сближает их с нормами рыночными. По крайней мере, таким образом ситуация выглядит в отношениях, где соблюдение правовых требований и запретов непосредственно коррелирует с экономической выгодой (борьба с коррупцией, стимулирование выполнения должностных/трудовых обязанностей и пр.). Решение этого концептуального вопроса во многом определяет степень перспективности использования тех или иных средств для решения конкретных проблем правового регулирования. Усилия, в частности, могут быть направлены на укрепле-

ние социальной составляющей в отношениях работника/служащего с организацией (через внедрение этических кодексов, развитие корпоративных программ поддержки, повышение прозрачности в работе организации и доверия к ней) либо на развитие «рыночных» механизмов (установление разумного баланса выгод и издержек от (не)выполнения служебных обязанностей). При этом сочетание обоих направлений воздействия, вполне возможно, не принесет особой пользы ввиду того, что, как было показано выше, социальные и рыночные нормы, как правило, не действуют одновременно.

С методологической точки зрения, глубокий анализ механизмов действия правил, вероятно, способен помочь понять причины эффективности или неэффективности правовых велений. Сама методика исследования конкретных факторов, влияющих на человеческое поведение, вероятно, более продуктивна, чем абстрактные предположения, которыми часто руководствуется законодатель. Методологически важным является и то внимание, которое уделяется в поведенческих исследованиях экспериментальному подтверждению всех выдвигаемых гипотез. Вероятно, существенное повышение эффективности правового регулирования («умное регулирование») достижимо именно за счет использования юридическими науками новой методологии.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

© Давыдова М. А., 2023

¹ *Behavioural insights and public policy. Lessons from around the World.* Paris, 2017. – <https://doi.org/10.1787/9789264270480-en> (дата обращения: 17.01.2023).

² *Khaneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 91–263; *Thaler R.* Toward a Positive Theory of Consumer Choice // *Journal of Economic Behavior & Organization*, Elsevier. March 1980. Vol. 1. No. 1. P. 39–60.

³ *Талер Р., Санстейн К.* Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Пер. с англ. Е. Петровой (2008 Richard H. Thaler and Cass R. Sunstein. Originally published by Yale University Press). М., 2017.

⁴ *Behavioural insights and public policy. Lessons from around the World.* Paris, 2017. – <https://doi.org/10.1787/9789264270480-en> (дата обращения: 17.01.2023).

⁵ *Оксамытний В. В.* Правомерное поведение личности / Отв. ред. Н. И. Козюбра. Киев, 1985.

⁶ *Ариезли Д.* Предсказуемая иррациональность: скрытые силы, определяющие наши решения. / Перераб. и доп. изд.; пер. с англ. (2008 Ariely D. Predictably Irrational: The Unexpected Benefits of Defying Logic at Work and at Home. Originally published by HarperCollins). М., 2019.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Там же. С. 260.

В. В. Денисенко*

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: НАРРАТИВНЫЙ И ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Все что сказано три раза,
становится истиной.
Льюис Кэрролл

В отечественной юриспруденции советского периода господствовало понимание объективных закономерностей государства и права, которые должна была раскрыть и подвергнуть анализу юридическая наука. Такой подход был обусловлен методологией классической социологии XIX века, прежде всего, работами Карла Маркса, возведенными в официальную идеологию.

В последнее время вышло ряд работ, в которых стала звучать, иная точка зрения на роль и место юридической науки. Наиболее радикальное мнение высказал В. В. Лазарева: «ОТГП способствовала и способствует мифотворчеству, выполняя политический заказ. На этом основании можно ей в качестве науки отказать. Но здесь оставим в стороне и экономику, и политику. Важнее обнажить гносеологические корни. Теоретики вспоминали о них, когда, например, указывали на причины множественности теорий, связывая их, в частности, с природой познания (превознесением одной стороны предмета в ущерб другим). ... Можно проиллюстрировать это на примере постижения

* *Денисенко Владислав Валерьевич* – профессор кафедры публичного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России (Москва), доктор юридических наук, доцент.

любимой женщины, но, в той же мере, и на примере постижения государства. Именно в процессе постижения (прежде всего на уровне познания) приходят к истинам (чаще относительным), но в том же процессе постижения рождаются симулякры»¹. Таким образом, в настоящее время существует мнение, что общая теория государства и права и юридическая наука, не представляет собой отражения объективного мира. «Постклассическая юриспруденция – это юриспруденция возвращения в то правовое социальное состояние, существующее за рамками нормативных принципов формального равенства и эквивалентности. Право социальных отношений вытесняется правом социальных трансакций, юридическое содержание которых непрерывно переопределяется в зависимости от их месторасположения в обезличенной и анонимной сетевой структуре общения», – отмечает Ю. А. Веденеев². Таким образом, важнейший вопрос в связи формированием информационного общества и цифрового государства, это вопрос о статусе юриспруденции. Является ли наука о праве лишь нарративом, связанным с идеологией, либо это научное познание, которое способно раскрыть те или иные закономерности развития общества. С позиции постклассической юриспруденции, например, правового реализма в системе общего права, юридическая наука не может найти объективную истину и занимается изучением повествований или нарративов³. Между тем, в континентальной традиции права юриспруденция рассматривается в несколько ином контексте. Как справедливо указывает О. Ю. Рыбаков: «Право не может быть лишь идеей, которая не сопряжена с действительностью, оно не абстрактно и не умозрительно. Право есть необходимое порождение социальной активности индивидов, сообществ людей»⁴. Критерием научности для права, с нашей точки

зрения, выступает юридическая праксиология или юридическая деятельность. Изучение юридической деятельности позволяет адекватно оценить господствующую правовую идеологию и её адекватность настоящему времени. Как справедливо пишет современный бельгийский правовед Марк ван Хук: «Попытка Кельзена очистить правовую систему от идеологии напоминает очищение человека от грязи при помощи пескоструйного аппарата. К концу такой чистки от человека не останется ничего, кроме, может быть, скелета. Он будет чистым, но больше не будет «личностью»⁵. Анализ юридической деятельности и формирование современной правовой доктрины предотвращает проблемы правового идеализма. теория права, способная стать методологической базой для юриспруденции, может быть лишь та, которая отражает современную юридическую деятельность. Наука о праве как о регуляторе общественных отношений должна быть основана на современной методологии, способной всесторонне проанализировать общество, так как «правовая система как по происхождению, так по способу образования и по характеру родства бесспорно обладает общественным характером: право проистекает из недр общества, из его чаяний и потребностей»⁶. Таким образом, мы отсекаем концепции, которые устарели, а так же концепции, не имеющие содержательного наполнения, так называемые проф. Е. Б. Хохловым «химеры в правовой науке»⁷. Речь идет о феномене так называемых теориях – «псевдоморфозах», которые не имеют содержательной ценности для правовой системы. Такие химеры возникают путем заимствования юристами категорий и концепций из других сфер, а так же эклектичного соединения различных концепций для создания новой авторской теории. Е. Б. Хохлов справедливо указывает: «С психологической стороны появление

философско-юридических химер вполне объяснимо. Длительное (в сопоставлении с продолжительностью жизни одного человека) монопольное господство одной-единственной, далеко не совершенной, но при этом трактуемой как «единственно верное учение» философской системы существенно обеднило философский арсенал отечественных общественных наук (как, впрочем, сослужило отнюдь не добрую службу и самому «единственно верному учению»). При этом немаловажным является то, что указанная философская система отнюдь не являлась результатом свободного выбора, а была предписана извне. Нет поэтому ничего удивительного, что устранение такого «административного философского монополизма» вызвало стремление отказаться от нее, вне зависимости от того, насколько в действительности является верным марксистское учение в сфере общественных наук. Однако «воздух свободы», как это часто бывает, не только расширил возможности познания, но и вызвал эффект «отравления» от его кажущегося избытка»⁸. Римская юриспруденция не рождала химер, так как была связана с практической деятельностью: «Римский претор был землевладелец и офицер, имел опыт в администрировании и финансах и именно на такой основе приобретал выучку, делавшую его способным к судебной и законотворческой деятельности»⁹. Особенность современной романо-германской семьи, связанная с абстрактностью юридических конструкций способствует формированию химер в правовой науке. Так же существуют субъективные причины, по которым, возникают химеры в правовой науке, и они весьма разнообразны: от недостаточной научной компетентности до сознательного формирования конструкций, не имеющих научной ценности и содержания. Выходом из сложившейся ситуации, так называемой

«бритвой Оккама», может быть только использование, в качестве критерия для необходимости правовой науке, – юридической деятельности. Если социальная философия не связана с юридической деятельностью, то велика вероятность того, что она является псевдоморфозом или юридической химерой. Как справедливо пишет российский правовед М. А. Поскачина: «Помимо опыта о рациональном и априорном характере правового знания свидетельствует и практика. Философские категории «опыт» и «практика» – аксиологические понятия, применение которых позволяет понять, что правовое знание о законе как самостоятельное теоретическое знание порождено социальным опытом и подтверждено социальной практикой»¹⁰. В последние два десятилетия в отечественной юриспруденции появилось достаточно много работ, связанных с использованием методологии естественных наук или философии не связанной с практикой. В связи с этим уместно привести цитату из книги Н. Сокала и Ж. Брикмона «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна»: «... точные науки не являются источником метафор, готовых к употреблению в гуманитарных науках», а использование таких метафор без должного внимания к их значению и в явно неподходящем контексте может лишь придать «видимость глубины банальным рассуждениям о социологии и истории»¹¹. К необоснованным заимствованиям из философии, не связанным с практикой, следует отнести попытки сформировать «не классическую философию права», основанную на теории М. Хайдеггера¹². Современный правовед Е. В. Тимошина вполне справедливо замечает о непродуктивности заимствования из сферы естественных наук, на примере, терминов синергетики, используемых в последнее время в качестве «простого способа достижения научной новиз-

ны»¹³. Учет праксиологии в праве является неизбежным условием при формировании современной теории государства и права, так как это позволяет избежать конструирования так называемых «юридических химер», то есть категорий и конструкций, не имеющих практического значения для отечественной правовой системы.

© Денисенко В. В., 2023

¹ Лазарев В. В. Юридическая наука: продолжение полемики // *Lex russica*. 2015. Т. 108. № 11. С. 16.

² Веденеев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // *Lex Russica*. 2014. № 6. С. 648.

³ *Право и нарративы* / Под общ. ред. В. В. Денисенко, А. К. Соболевой, И. Л. Честнова. М., 2022.

⁴ Рыбаков О. Ю. *Философия права: Учебник для магистров*. М., 2021. С. 99.

⁵ Хук, ван М. *Право как коммуникация* / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 77.

⁶ Бержель Ж. Л. *Общая теория права*. М., 2000. С. 285.

⁷ Хохлов Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // *Правоведение*. 2004. № 1. С. 4–14.

⁸ Там же. С. 5–6.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Поскачина М. Н. Особенности научного знания о праве // *Журнал российского права*. 2013. № 4. С. 38–39.

¹¹ Сокал Н., Брикмон Ж. *Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна*. М., 2002. С. 154, 124.

¹² Стовба А. В. Об особенностях философско-правовой методологии // *Правоведение*. 2017. № 4. С. 91–98, 100.

¹³ Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // *Постклассическая антология права* / Под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 235.

О. Б. Купцова*

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ
КАК НАУЧНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ ПРАВОВОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Исследование сравнительного правоведения как метода научного познания правовой действительности является в настоящее время одним из важнейших направлений теоретико-правового анализа. Многоаспектность этого явления и процессы развития общества в русле цифровизации общественных отношений определяют его особую специфику.

Следует акцентировать внимание на том, что сравнительное правоведение в современной правовой доктрине преимущественно рассматривается в нескольких аспектах: как наука (юридическая компаративистика), как соответствующая ей учебная дисциплина и как научный метод познания правовой действительности. В третьем значении это явление представляется весьма актуальным для исследования, так как в последнее время получает активное развитие в русле совершенствования нормативных правовых установлений и государственно-общественного взаимодействия. Как отмечает

* *Купцова Ольга Борисовна* – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Егоров, «априори сравнение представляет собой познавательную операцию, в основе которой лежат суждения о сходствах и различиях правовых объектов. ... Субъект компаративного познания не различает специфику правовых объектов по характеру их абстрактности, но он видит правовую природу материи, которая должна быть подвергнута мыслительным операциям сравнительного плана»¹.

В этом отношении следует отметить, что развитие метода сравнительного правоведения осуществляется в разных направлениях. В первую очередь, развиваются направления макро- и микросравнения, синхронного и диахронного сравнения. Вместе с тем, как одно из значимых направлений развития метода сравнительного правоведения можно отметить его постепенно формирующийся приоритетный характер по отношению к другим составляющим методологической базы. Особо значима роль метода сравнительного правоведения в развитии теории государства и права в частности, а также в целом в развитии теоретико-правовых наук. Так, например, Ю. А. Тихомиров ранее отмечал, что по мере расширения сравнительно-правовых исследований, следует ожидать выработки и более обобщающих категорий и, следовательно, достройки общей теории права². Эта позиция получила свое развитие и в современных трудах³.

Кроме того, сравнительно-правовые исследования в процессе теоретико-правового познания юридической действительности развиваются в русле современных тенденций правовой доктрины, среди которых в первую очередь необходимо отметить практикоориентированность научных исследований (а также и преподавания учебных дисциплин). В этом отношении следует отметить, что практическая направленность научного познания, осу-

ществляемая в сфере теоретико-правового анализа все в большей степени предопределяется познанием специфики различных разновидностей правовых актов, которые отражают юридически значимые последствия, влекущие за собой те или иные явления, которые необходимо изучить.

В этом отношении все большее значение приобретает технико-юридический анализ как базис развития сравнительного правоведения на уровне микросравнения различных правовых и правосистематизирующих актов. Кроме того, этому способствуют активно развивающиеся процессы конвергенции правовых семей современности, в которых подвергаются научному осмыслению аналогичные друг другу правовые акты, правовые явления и правовые процедуры.

Вместе с тем, на развитие методологии не может не оказывать влияния специфика общественных отношений. Как справедливо отмечают В. Н. Синюков и Т. В. Синюкова, методология правоведения в целом в своих основных проблемах и постановках отражает во многом уровень общественного развития⁴. Цифровизация как неотъемлемая характеристика современного общества позволяет упростить и ускорить развитие взаимодействия между государством и общественными институтами, а также осуществлять внедрение новых форм и направлений их диалога.

Обобщая и основные направления цифровизации в современном социуме, среди них необходимо особо выделить два основных. Во-первых, это использование интернет-пространства для осуществления различного рода государственно-правовой и общественной деятельности, которая таким образом может протекать более быстро и эффективно (общественное обсуждение законопроектов, площадки для рассмотрения общественной правотворческой инициа-

тивы и т.д.). Во-вторых, это непосредственное использование специализированных цифровых технологий в различных сферах существования социума: облачные технологии, блокчейн, большие данные, когнитивные технологии, виртуальная и дополненная реальность и т.д.⁵. В этом отношении активно расширяется перечень объектов, которые подвергаются сравнительно-правовому анализу: исследованию ряда правовых явлений, которые относятся к различным правовым семьям, с целью дальнейшего их внедрения в целях повышения эффективности функционирования нормативной правовой регулятивной системы. В частности, в том числе недостаточность сравнительно-правовых исследований не позволяют в большей степени развивать перечень законодательных дефиниций в сфере нормативной правовой регламентации сферы цифровых финансовых активов.

Следует обратить внимание на отражение в развитии метода сравнительного правоведения тенденций междисциплинарности, что приводит к сближению научной методологии. Так, например, Т. В. Амосова и А. В. Юрковский отмечают, что значимой является конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении в русле самостоятельного направления правовой компаративистики. Как отмечают исследователи, можно сказать, что позитивное право проявляется как языковой феномен культурного свойства.

Конвергенция методов лингвистики и сравнительного правоведения может быть крайне полезной в русле обобщения больших массивов информации правового характера поступающей из различных стран современного мира за счет лингвистической специализации по языковым группам⁶.

В этом отношении значимыми направлениями применения этих модернизированных и приближенных друг

к другу методов познания будет сфера исследования правовых актов для выявления сходных черт, которые позволили бы создавать некоторые гибридные формы права. Также следует отметить, что получает более активное развитие использование сравнительно-правового метода в отраслевых исследованиях. В этом отношении, например, Е. Г. Комиссарова отмечает, что отставание семейно-правовой науки в познании теоретической базы метода сравнительного правоведения и в методиках его вовлечения в процесс исследования влечет за собой вполне ощутимые эффекты⁷. В частности, это значимо и эффективно в русле становления только лишь формирующихся нормативных правовых массивов, например, в формировании сравнительного цифрового права.

Э. В. Талапина отмечает, что обобщения, сделанные посредством методологии сравнительного права, способны отобрать лучшие практики, помочь в понимании назначения той или иной цифровой технологии, с тем чтобы правильно ее регулировать на национальном и международном уровнях⁸.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что сравнительное правоведение как метод научного познания правовой действительности в настоящее время подвергается активной трансформации. Значимую роль в этом процессе играет цифровизация общественных отношений, которая в первую очередь способствует расширению и объектов применения данного методологического воздействия, и особенностей процессов и процедур данного методологического анализа, и особенностей целеполагания при применении сравнительного правоведения. Кроме того, цифровизация предполагает такие изменения в социуме, которые способствуют усложнению его организации и в ряде случаев дифференциации.

Это предопределяет сближение сравнительного правоведения со смежными методологическими конструкциями, а также отражение и определение новых нормативных структурных образований. Безусловно, это все значимые направления исследовательских изысканий, которые нуждаются в изучении и научном обосновании.

© Купцова О. Б., 2023

¹ *Егоров А. В.* Теория сравнительного правоведения. М., 2020. С. 193.

² *Тихомиров Ю. А.* Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 63.

³ *Давыдова А. В., Протопопова Т. В., Орлова С. В.* Некоторые юридические аспекты сравнительного правоведения как метода изучения теории государства и права // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3(106). С. 84–85.

⁴ *Синюков В. Н., Синюкова Т. В.* К обновлению методологии юридической науки // Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 27.

⁵ *Цифровизация* правотворчества: поиск новых решений / Под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2019. С. 21.

⁶ *Амосова Т. В., Юрковский А. В.* Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 98-100.

⁷ *Комиссарова Е. Г.* Метод сравнительного правоведения в семейно-правовых исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 181–205.

⁸ *Талапина Э. В.* Сравнительное цифровое право // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 30.

*Е. А. Сорокина**

МЕТОДОЛОГИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Теоретические разработки ученых имеют принципиально важное значение для развития науки и исследовательского поля. Предмет исследований ученых, как правило, отражают политические, экономические, общественные реалии современного им периода времени. Запросы и потребности общества в целом и какого-либо конкретного периода его существования находят свое отражение в направлениях и темах исследований. Предметы научных исследований посвящены поиску ответов на задачи и проблемы, которые требуют понимания и решения в конкретный период существования любого общества.

Коротко остановимся на истории развития шведской этнологии, начиная от древних саг до работ современных этнологов, фокусирующих свое внимание на проблемах культурной идентичности. С самого начала своего существования шведская этнография была тесно связана с другими научными дисциплинами – естествознанием, физической антропологией и археологией, языкознанием и философией, религиоведением и психологией и др. Первоначально фокус этнографических исследований шведских ученых был сосредоточен на темах, в основном име-

* *Сорокина Елена Анатольевна* – старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва), кандидат исторических наук.

ющих отношение к материальной культуре и сопряженных темах изучения быта и культурных и материальных традиций, ремесленных производств различных регионов.

До конца XIX в. в Швеции было широко распространено так называемое сравнительное изучение народной жизни (*folklivsforskning*). В сферу изучения шведской этнографии/этнологии начала XX века входили общинный, семейный быт и культурные традиции, материальная культура, постройки и декорирование жилища, шире – все стороны человеческой деятельности. На протяжении первой половины XX в. шведская этнология развивалась при университетах, различных музеях, создавались разнообразие общества по изучению фольклора, этнологии и истории. Традиционно большое внимание в шведских исследованиях уделялось изучению материальных норм и традиций, локальной и городской культуре и культурному наследию. Однако постепенно социальные исследования и разработки стали привлекать все большее внимание ученых-этнологов.

В контексте многочисленных разнообразных экономических и политических явлений и развития Швеции второй половины XX в. актуализировались темы изучения культуры и идентичности как самих шведов, так и различных этнических групп, проблемы миграций, детства, гендера, молодежи. В сферу внимания шведских этнологических исследований последней трети XX в. были включены новые темы, отражающие достаточно конкретные и реальные жизненные задачи. Изучение различных аспектов жизни маленьких городов, поселков и городской культуры, городского населения, культурной географии, экономической истории и социальной антропологии стало доминировать в научных темах именно в связи с расширением сферы исследований в социально-экономическом

контексте.

В те же годы активно проводились научные дискуссии, отрабатывались подходы по созданию новых направлений и предметов исследований в самых разных областях этнологического знания – от изучения городской среды и повседневной жизни различных слоёв горожан до принципиально важных работ по изучению шведского менталитета¹. Одним из важных лейтмотивов работ шведских молодых этнологов 1970-х годов стали поиски алгоритмов исследований, которые могли быть направлены на лучшее понимание социальных процессов и проблем современного общества. Шведские социальные и культурные антропологи все с бóльшим вниманием стали относиться к изучению условий жизни и труда рабочих, крестьян, сельского и городского населения, положению женщин из различных районов проживания, различных этнических и мигрантских групп населения².

Идеологом, создателем и участником новой шведской этнологии последней трети XX в. и существующей до настоящего времени стал крупнейший шведский ученый Оке Даун (Åke Daun, 1936–2017). Именно он и его коллеги стали активно расширять и детализировать сферу исследований. В своих первых исследованиях О. Даун изучал население, культуру, уклад жизни промышленных поселений и маленьких поселков. Постепенно изучение материального и социального положения людей из различных городков и поселков (а не только жителей крупных городов) становилось доминирующей темой этнологических исследований конца XX в.

В ряде случаев такие научные разработки получали свое продолжение в практических разработках. К примеру, при проектировании ряда новых городских районов учитывались и особенности населения, которое там про-

живало³. Интересны выводы О. Дауна по поводу жителей крупных городов, для которых, по его мнению, абсолютно типично разграничение ролевых отношений. Нашли подтверждения и выводы ученого о том, что частные, частные отношения в крупных городах очень отличаются от таких же частных отношений в маленьких городах, поселках и сообществах. В социальной сфере межличностных отношений большого города доминирует, к примеру, анонимность, дающая людям значительную свободу личной жизни. Жители маленьких поселков и городков в сильной степени живут в рамках традиционных общественных норм. Такой исследовательский подход дал возможность лучше понимать причины изменения жизненных стандартов, культурных традиций общества и людей. На основании исследований ученые-этнологи делали выводы о том, что многие люди, которые переезжали, как правило, на работу, со своих прежних мест жительства (маленьких поселков, городков) в крупные города, зачастую продолжали сохранять свои прежние привычки и нормы повседневной жизни⁴.

С течением времени и в контексте происходящих социально-экономических изменений различные специалисты, и в первую очередь этнологи, стали интересоваться и новыми темами, такими, к примеру, как качество жизни и потребности обычного «среднего» человека. В результате стали появляться исследования, касающиеся важной темы существования и значения социальных индикаторов повседневной жизни обычных простых людей, а изучение жилища и условий жизни стали предметом антропологии современной городской жизни⁵. Внимательное изучение таких тем давало материалы для выводов, касающихся качества жизни старшего поколения и заключений о растущем социальном разрыве поколений – важной теме для

многих развитых стран. Выявить это явление впервые удалось именно социальным и культурным антропологам.

Оке Даун отмечал в своих работах, что перемены в условиях жизни как всего общества в целом, так и отдельных людей, связаны с общими экономическими и социальными изменениями. И это важный повод для этнологов изучать различные аспекты деятельности людей и их возможные проявления в самых разных областях. Одним из таких сравнительно новых, но получивших распространение, направлений исследований этнологов стало изучение конкретных местностей, небольших местечек в контексте взаимодействия с традиционной культурой. Для изучения городской культуры, к примеру, стали использоваться материалы церковных архивов, что прежде не делали. Исследователи-этнологи фиксировали свое внимание на особенностях быта и деталях социальных отношений в маленьких промышленных поселках и поселениях, постепенно исчезающих в связи с экономическим ростом, укрупнением производств и переездами жителей в более крупные города. Такого рода исследования помогали сохранять свидетельства об исчезающих культурно-антропологических особенностях целых жизненных комплексов взаимоотношений разных культурных сообществ маленьких поселков – от типов одежды до способов воспитания детей.

Изучение прошлого помогает лучше понимать и осознавать настоящее, искать и находить возможные и реальные решения многих актуальных проблем и задач. Как известно, на протяжении последних лет Швеция принимает и обустроивает большое число иммигрантов, что, в свою очередь, ставит вопросы успешности процесса необходимой интеграции этих людей в шведское общество. К примеру, взаимоотношения принимающего общества и

иммигрантов, пути сохранения мигрантами своей культурной идентичности в контексте существующей шведской культурной реальности – актуальные вопросы⁶. Именно этнологи, изучая жизнь и человеческую деятельность в различных аспектах и проявлениях, анализируют возможные последствия такого развития современной действительности⁷.

Исследования шведских этнологов, начинавшиеся с небольших сюжетов по изучению городов и пригородов, небольших поселков, выросли в серьезные аналитические труды, сфокусированные на разработках проблем национальной культуры и идентичности, месте в европейском контексте. Разработанная в 1980-е годы О. Дауном концепция шведскости и шведского менталитета, отражала растущее внимание и озабоченность шведов по сохранению национальных особенностей страны⁸. Изучение культуры различных социальных групп, культурных изменений и культурных конфликтов стали доминирующей темой исследований с 1990-х годов.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая «Культурно-сложные общества: анализ мирового опыта».

© Сорокина Е. А., 2023

¹ Daun Å. 1) Den europeiska identiteten. Stockholm, 1992; 2) En stuga på sjätte våningen. Svensk mentalitet i en mångkulturell värld. Stockholm, 2005. S. 218.

² Boende och livsform. Stockholm, 1980; *Etnologiska visioner*. Femton forskare reflekterar kring sitt ämne / Red. L. Gerholm. Stockholm, 1993.

³ Boende och livsform. Stockholm, 1980.

⁴ Daun Å. En stuga på sjätte våningen. Svensk mentalitet i en mångkulturell värld. Stockholm, 2005. Kapitel 7.

⁵ Ibidem. S. 177, 127.

⁶ *Hägg G. Svenskhetens historia. Stockholm, 2003.*

⁷ *Плевако Н. С., Чернышева О. В. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй Мировой войны. М., 2018.*

⁸ *Сорокина Е. А. Рец. уа кн.: Ake Daun. Med rorligt sokarljus. Den nya etnologins framvaxt under 1960-och – 1970-talet. En personlig tidsskildring. Stockholm, 2003. 249 s. // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 170–173.*

С. А. Калинин*

О СОДЕРЖАНИИ ОБЪЕКТА (ПРЕДМЕТА) СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Любая социально-гуманитарная наука, и теоретическая юриспруденция в этом случае не является исключением, может выступать объектом изучения. В таком ракурсе, в том числе, осмысливаются и процессы эволюции объекта (предмета) конкретной сферы познания. Применительно к теоретической юриспруденции эти ракурсы особенно ярко проявляются при одновременном холистическом и взаимодополняемом рассмотрении таких дисциплин, как «Общая теория права» («Теория государства и права»), «История государства и права», а также «История политических и правовых учений». Однако важной исходной детерминантой познания эволюции объекта (предмета) теоретической юриспруденции является его неразрывная, но неравнозначная дуальность, а именно: одновременное изучение государства и права как взаимосвязанных, взаимообусловленных, но различных феноменов, среди которых государство, как более сложная и широкая категория, изучается лишь частично, будучи включенным в сферы познания иных наук (экономика и государство, политика и государство, богословие и государство и т. д.), тогда как право полностью включается в объект (предмет) правоведения. Также важной особенно-

* *Калинин Сергей Артурович* – заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета по научной работе (Минск), кандидат юридических наук, доцент.

стью объекта (предмета) юриспруденции является его способность элиминировать проблематику государства либо рассматривать ее лишь в контексте реализации права. Это, будучи оптимальным для решения утилитарных задач догматической подготовки юристов, не позволяет осмысливать динамические политико-правовые проблемы. Фактически догматическое измерение юридического образования, весьма значимое для правовой сферы, «заглушает» и подменяет инструментальные, ориентированные на достижение определенных целей, аспекты профессиональной подготовки, необходимые для государственного управления и ведения иной, нацеленной на результат, но не на квалификацию уникального юридического факта, деятельности.

Объект (предмет) правоведения одновременно отражает:

(1) объективные закономерности, в том числе невыявленные, неосмысленные либо отрицаемые в конкретный исторический период;

(2) свободные волевые акты, благодаря которым закономерности могут быть усилены, приостановлены либо преодолены;

(3) внешние случайные непрогнозируемые хаотические факторы, воздействующие на государство и право («черные лебеди» по Н. Таллебу, «дикие карты» по С. Б. Переслегину и т. д.).

Наличие волевых актов и внешних случайных факторов, особенно при историко-динамическом рассмотрении государства и права, указывает на невозможность сведения объекта (предмета) юриспруденции лишь к выявлению универсальных алгоритмов правового регулирования и «запрограммированных» траекторий развития государства и права. Хотя большинство политико-правовых кон-

цепций имеют векторно-целевое измерение, которое используется в объекте (предмете) юриспруденции неартикулируемо и неререфлексируемо («неизбежные» победы либерализма, демократии и коммунизма и т. д.).

Дуализм объекта (предмета) теоретической юриспруденции изначально предопределяется избираемым автором (школой и т. д.) взаимодействием государства и права, включающим описание их соотношения с внешними, как правило, более широкими явлениями. Так, при обращении к идеям закрытой системности государство и право – это замкнутые структуры, не испытывающие внешнего воздействия, что допустимо и оправдано в период социальной и научной стабильности. В случае открытой системности государство и право – это системы, являющиеся составной частью внешних феноменов.

Исторически в теоретической юриспруденции представлены три основных подхода к взаимодействию государства и права:

- (1) государство первично по отношению к праву;
- (2) государство вторично по отношению к праву;
- (3) государство и право – это взаимообусловленные и одновременно возникающие феномены.

На наш взгляд, стремление к определению единственно верного подхода среди названных, характерное для классической научной парадигмы, в настоящее время не имеет серьезного познавательного значения, так как в рамках постнеклассического научного подхода вышеназванные аксиомы верны применительно к конкретным методологическим и целевым параметрам их артикуляции. Это позволяет отметить такую закономерность трансформации объекта (предмета) теоретической юриспруденции, как взаимозависимость избираемого подхода к взаимодействию государства и права от социальной и

научной стабильности / нестабильности. Так, период кардинальных социальных и научных преобразований актуализирует изучение проблем государства и власти при рассмотрении права в качестве самостоятельного нормативного феномена. Периоду исторической стабильности коррелирует актуализация проблем права в объекте (предмете) юриспруденции и вынесение проблематики государства «за скобки», то есть рассмотрение государства в качестве определенной юридической фикции, обеспечивающей формирование и реализацию права.

Таким образом, социальные преобразования и смена исторических эпох «обнажают» детерминанты, которые предзадают структуру объекта (предмета) юриспруденции и сущность (понимание сущности) государства и права. Оказывается, что «общепризнанные» («универсальные») понятия, категории и модели имеют непосредственное антрополого-аксиологическое, политическое и иное измерение. В силу этого демократия, суверенитет, права человека, правовое государство, разделение властей, рыночная экономика и т. д., которые в мир-системном анализе охватываются категорией «либеральная геокультура», следует рассматривать в контексте конкретных историко-цивилизационных параметров.

На соотношение государства и права и, соответственно, на содержание объекта (предмета) юриспруденции оказывает влияние непосредственное содержание названных терминов, которые могут рассматриваться и как универсальные понятия, и как конкретно-исторические феномены, общепризнанные в рамках отдельной цивилизации и т. д. Поэтому исходной предпосылкой для изучения государства как объекта (предмета) теоретической юриспруденции является многозначность используемого термина, который, на наш взгляд, следует

одновременно рассматривать в качестве *исторического феномена* (в нашем случае – Республика Беларусь), *теоретического концепта* (вождество, полис, империя и т. д.) и *типа государственности*.

Государство как теоретический концепт – это одновременно и (1) обобщающее явление, охватывающее публичную территориальную власть, опирающуюся на общеобязательные формальные нормы, и (2) феномен, порожденный (проявивший себя) в определенный исторический период в конкретной цивилизации в качестве «ответа» на непосредственно-исторические вызовы (надстройки, порожденной определенным экономическим базисом). Поэтому под государством обычно понимают модель публичной власти, сложившуюся в Западной Европе в период Нового времени и признаваемую в качестве эталонной и универсальной (новоевропейское государство), характеризующую наличием отделенной от населения профессионально реализуемой и обладающей монополией на насилие суверенной публичной власти, населением и территорией. При этом новоевропейская государственность в настоящее время находится в кризисе. Обладающий высоким объяснительным потенциалом мир-системный анализ позволяет выделить следующие *типы современных государств*: ядро (Запад во главе с гегемоном – США), периферию и полупериферию, каждому из которых в силу внеэкономических факторов и неэквивалентного обмена характерны собственные формы политико-территориального устройства.

Важную роль в объекте (предмете) юриспруденции играет современность, то есть глобальная и локальная конкретно-историческая *объективная реальность*, применительно к которой функционирует и которую описывает правоведение. При этом текущая для нас современ-

ность – это комплекс вызовов и угроз сложной субъектно-объектной природы и глобальный терминальный (финальный) кризис современной капиталистической мир-системы. Содержательно кризис, реальность которого стала очевидной с 70-х годов XX столетия, но грабеж советского наследия позволил отложить его до второй половины 2000-х годов, представляет исчерпание возможностей для экстенсивного развития государств ядра за счет периферии и полупериферии, стремление ядра переложить свои проблемы на иные регионы и государства, в том числе на Республику Беларусь и ее ближайших союзников. Кризис также проявляется в росте военных и иных конфликтов по всему миру и на постсоветском пространстве (Тридцатилетняя мировая война за гегемонию в мир-системе).

Постнеклассический методологический принцип включенности наблюдателя в объект познания презюмирует важность понимания исходной позиции аналитика (ученого), как правило, соотносящего себя с конкретным государством либо иным субъектом публичной власти. Данный принцип позволяет указать, что государство (и как исторический феномен, и как теоретический концепт) всегда изучается с ценностно-субъектных позиций (*свое, нейтральное, враждебное*) через использование таких параметров, как желательное / нежелательное, допустимое / недопустимое, историческое / неисторическое и т. д.

Таким образом, одной из важнейших задач теоретической юриспруденции является первоначальное осмысление содержания собственного объекта (предмета) и уточнение связей между его феноменами (государство и право), а также выявление дополнительных параметров, предзадающих познание правовой реальности. Это достигается, с одной стороны, через приоритетное изучение государства, порождающего право, а также обеспечива-

ющего безопасность и развитие населения (граждан) определенной территории, а с другой стороны, – через разработку и использование качественно новых методологических подходов, относящихся к постнеклассической научной парадигме.

© Калинин С. А., 2023

Е. Н. Тонков*

КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ НОВОЙ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Существует значительное количество авторитетных мнений о критериях оценки новых теорий, при этом их разнообразные перечни носят разрозненный характер, могут как способствовать, так и препятствовать развитию знания в правовых науках XXI в. Например, по мнению философа И. Д. Невважая, научное знание должно удовлетворять следующему набору базовых требований: «предметности, объективности, истинности, обоснованности, системности, верифицируемости, фальсифицируемости»¹.

Следует учитывать, что все знания юридического свойства носят конвенциональный характер, однако в силу политико-правовой значимости могут утверждаться и опровергаться не только в ходе рациональных дискуссий, но и посредством государственного принуждения. В целях экономии печатного места достаточно вспомнить про доктрину научного коммунизма, знание которой всем студентам юридических вузов необходимо было продемонстрировать на экзаменах.

Критерии научности теории – это определенные

* *Тонков Евгений Никандрович* – доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург), преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета; адвокат, кандидат юридических наук.

утверждения методологического характера, которые имеют специфические особенности в каждой сфере научного знания. Н. В. Тюменева разделяет критерии научности на теоретические и эмпирические, «к теоретическим критериям относятся: логические нормы, теории, идеи, идеалы, концепции, доктрины, категории, принципы, понятия, модели, конструкции и др. Логические критерии составляют: точность, полнота, обоснованность, доказуемость, адекватность, сочетаемость, простота и др. К эмпирическим относятся критерии верификации и фальсификации теории»². По ее обоснованному мнению, «в целом функциональная роль критериев научности не ограничивается только эвристическим значением, на основе которого задаются параметры мыслительного процесса. Прежде всего, научные критерии определяют практическую, производственную приложимость знания, трансформируя его в полезный эффект»³.

По мнению Н. Н. Тарасова, «практически значимыми и применимыми допустимо считать любые научные исследования юристов, способные прямо или косвенно, в данный момент или в перспективе, в форме конкретных рекомендаций и разработок или теоретических принципов, положений и конструкций повлиять на юридическую деятельность и юридическое мышление, правовую действительность в целом и конкретные институты права»⁴. Известную нам идею о том, что нет ничего практичнее хорошей теории, перефразирует В. И. Леушин: «Исследования, не имеющие практической ценности, нельзя считать научными»⁵.

Среди требований к научной теории, приводимых К. Поппером, обращаю внимание на требования новизны, простоты и эффективности (плодотворности), проверяемости: «Новая теория должна исходить из простой, новой,

плодотворной и объединяющей идеи... Это требование простоты несколько неопределенно и, по-видимому, его трудно сформулировать достаточно ясно. Кажется, однако, что оно тесно связано с мыслью о том, что наши теории должны описывать структурные свойства мира, то есть с мыслью, которую трудно развить, не впадая в регресс в бесконечность»⁶. Следующие критерии, которые требуется учитывать, – это проверяемость на практике и предсказательная способность: «...мы требуем, чтобы новая теория была независимо проверяема. Это означает, что независимо от объяснения всех фактов, которые была призвана объяснить новая теория, она должна иметь новые и проверяемые следствия (предпочтительно следствия нового рода), она должна вести к предсказанию явлений, которые до сих не наблюдались»⁷.

Нет сомнения в необходимости следовать логической последовательности и непротиворечивости изложения, применительно к юридическим теориям высказываются критерии формальной определенности, истинности и имманентности научным дискурсам, в которых они сформулированы.

Обобщая разнообразные мнения, предлагаю рассмотреть следующие **критерии новаторских правовых теорий**.

1. Первичным критерием научности является *критический аспект*, обосновывающий актуальность нового подхода к пониманию правовых явлений. Способность формулирования иной позиции – главная ценность при столкновении типов правопонимания. «Ибо всякая проблема происходит из открытия, что в нашем предполагаемом знании что-то не в порядке; или, если сказать это логически, из открытия внутреннего противоречия между нашим предполагаемым знанием и фактами; либо, если

выразить это еще точнее, из открытия видимого противоречия между нашим предполагаемым знанием и предполагаемыми фактами»⁸. Только последовательное обоснование собственных взглядов может преодолеть инерцию мышления, свойственную догматической юриспруденции, особенно в странах с авторитарными традициями. Демонстрация общего превосходства со стороны носителей доминирующей правовой доктрины, навязывание давно существующего концепта препятствует конструктивному обсуждению новаций. Следовать уже существующей догме права безопаснее и дешевле, но отсутствие конкурирующих теорий с неизбежностью приводит к стагнации и упадку интереса к научным исследованиям со стороны новых поколений. «Мертвые авторы» овладевают умами студентов и правоприменителей, затягивая в повторение прошлых ошибок.

2. Важным методологическим критерием следует признать *системность*, проявляющуюся как встроенность в уже существующую парадигму мышления. Говоря о содержании критерия системности, следует помнить, что научные концепты одного направления связаны друг с другом, как все деревья в лесу – посредством взаимодействия корневых систем. Требование системности включает не только соблюдение релевантной терминологии, но и следование выработанным стандартам научного стиля, аргументативным практикам, типам коммуникации. В этом смысле системность проявляется как соответствие общепризнанным текстам и конвенциям. *Принцип соответствия* предшествующему научному опыту позволяет инсталлировать новую концепцию в уже существующие структуры научного знания, которым она может соответствовать, даже несмотря на вносимые инновации. При удачном стечении обстоятельств может оказаться,

что закономерности нового концепта окажутся истинными и в старых теориях. Здесь уместно заявить о преемственности нового знания и его эвристической функции.

3. *Принципиальная простота и понятность.* Конечно, речь идет не только о лингвистической простоте, которая рекомендует применять по возможности общепонятные языковые средства и воздержания от обилия иностранных производных терминов, имеющих национальные аналоги. Из этого не следует смысловое и содержательное упрощение, избегание квалифицированных методов и профессиональных терминов. Доступность теории позволяет объяснить максимально широкий спектр закономерностей неограниченному кругу лиц. Максимальная общность теории позволяет описать значительный спектр закономерностей исследуемой сферы. Намеренно усложненные концепции, содержащие искусственные тезисы и произвольные допущения, делают теорию неубедительной и недоступной. Авторы концепций претендуют на условно объективное содержание, которое должно соответствовать правовой реальности и согласовываться с эмпирическими данными, верифицируемыми референтной группой.

4. *Объяснительная функция* теории относится к основным, поскольку именно этот критерий позволяет оценить логичность и правдоподобность гипотез. Реципиенты теорий выбирают из предложенных только те, которые позволяют объяснить максимальное количество разнообразных закономерностей в рамках единой парадигмы. Эволютивные (динамические) возможности концепции позволяют объяснить ее действие в развитии, в том числе с учетом увеличения данных о нормах, фактах и правоотношениях, в ходе чего теории начинают «обрастать» усложнениями и стремятся к утрате заданной (первоначальной) простоты.

5. Новая теория должна обладать *предсказательными (эвристическими) возможностями* – содержать инструменты (модели), позволяющие предвидеть новые факты и правоотношения. Та теория может оказаться востребованной, которая выполняет эвристическую функцию: помогает предвидеть эволюцию правоотношений и эффективно влиять на них в интересующем направлении.

6. *Принципиальная проверяемость* осуществляется через анализ соотношения причин и следствий. В юриспруденции одинаковые феномены (например, образование государства) обосновываются разнообразными концептами. Проверка производится различными методами, в том числе логическими и эмпирическими. Проверимость предполагает не только опровергаемость и фальсифицируемость, но и возможность корректировки теоретических выводов.

7. Только та теория рассматривается в качестве действующей, которая позволяет делать правильные предсказания, что может быть достигнуто взаимодействием логически выведенных постулатов и эмпирического опыта. Из этого можно сделать вывод о *праксеологической значимости теории*, поскольку нет ничего практичнее хорошей теории. Опыт всегда рассматривался в качестве критерия истинности теоретического знания.

Новые теории, возникшие на основании критики предшествующих, стимулируют обновление научной парадигмы, объясняют факты и правоотношения, дают иное толкование прошлому, отвечают на злободневные вопросы.

© Тонков Е. Н., 2023

¹ *Неважай И. Д.* Критерии научности в нормативных теориях: неокантианство и теория права Ганса Кельзена // Изве-

стия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 25.

² Тюменева Н. В. Особенности применения универсальных критериев научности в юриспруденции // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 82–83.

³ Там же. С. 86.

⁴ Тарасов Н. Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотнесение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. 2012. № 3(84). С. 21.

⁵ Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987. С. 8.

⁶ Поппер К. Истина, рациональность и рост научного знания // Предположения и опровержения: рост научного знания. М., 2004. С. 402–403. – <https://vikent.ru/enc/1705/> (дата обращения: 14.02.2023).

⁷ Там же.

⁸ Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 66.

**ДУАЛИЗМ ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЗИТИВНОГО
ПРАВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Известно, что наиболее развитой сферой методологии является познавательная деятельность, методология науки. В силу этого, наибольшее развитие методология получила в сфере логических и философских исследований. Однако это стало возможным на основе достижений теоретических результатов, полученных в рамках конкретных наук, которыми стали, например, теоретическая физика – в рамках физики, теоретическая механика – в рамках механики, теоретическая лингвистика – в рамках филологии, теория права – в рамках юриспруденции и другие. Соответственно можно говорить о том, что выходя за свои рамки в размышлениях о собственном методе, теоретическая часть любой науки создает собственный, внутренний вариант методологии. В нашем случае необходимо говорить о построении методологии на основе теории права.

Сложность отношений методологии (как и общей теории, так и методологии права) с теорией права определяется тем, что, с одной стороны, теория права может отличаться в рамках определенной методологии, с другой стороны, сама методология может трактоваться с позиций теории права.

* *Мамченко Нелли Владимировна* – доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Симферополь), кандидат юридических наук, доцент.

Эту двузначность можно объяснить исторически. До тех пор, пока методология работала с типовыми заданиями, содержание ее было простым: обеспечить рациональное построение юриспруденции (как теории, так и практики) в соответствии с существующими нормами и стандартами.

Однако, как только возникает проблема разработки новых методологических стандартов, сразу же заявляет о себе человеческая обусловленность методологической деятельности. В связи с этим следует подчеркнуть, что с учетом новых задач теории права методология, как определенная общая теория права построения правовой системы и ее элементов, также выявляет свою ограниченность и недостаточность. Речь идет, в частности, о нерешенной до сих пор проблеме в рамках теории права – проблеме взаимодействия целей и потенциальных возможностей естественного и позитивного права.

Очевидно, что сегодня методологически недостаточной является только лишь обычная апелляция к научной традиции или общепринятому стандарту. Как определяет современный методолог, «реальность требует нестандартных подходов, делает методологию естественным качеством познания ученого... И это – не научно-методологическая роскошь, а жизненно практическая необходимость»¹. То есть сегодня «методологичность» любой теории, в том числе и теории права, является необходимостью не только в теоретическом, но и в практическом аспектах.

Дуализм естественного и позитивного права в свою очередь требует соответственного логического и методологического пояснения. Данный дуализм, как логически мыслимый, так и исторически осуществленный, является объективной и, возможно, непреодолимой реальностью

любой науки и практики. Как остроумно и по сути писал великий российский правовед Н. М. Коркунов, «возникновение идеи естественного права поясняется тем, что наши понятия образуются не только путем обобщения полученных из опыта представлений, а также и с помощью простого противопоставления тому, что нам дает опыт. Предметом опыта может быть только условное, ограниченное, временное и, в любом случае, только существующее, но с помощью простой противоположности тому, что мы действительно наблюдаем, у нас образуются понятия безусловного, безграничного, вечного и даже понятие небытия. Точно так же наблюдая в действительности только изменчивое, разнообразное условное право, мы, путем подобного антитезиса, образуем понятие неизменного, единого, абсолютного права – права естественного»².

В общеметодологическом плане бинарные структуры в современной науке не являются чем-то радикально новым. Более того, в разных модификациях они воссоздают основные кантовские антиномии, которые, по мнению большинства авторитетных исследователей, обязаны своим происхождением классическому пониманию роли субъекта в процессе познания.

В самом общем виде понятие дуализма (бинарности) в европейской рационалистической традиции, не взирая на расхождения в терминологическом употреблении (в теологии – соперничество двух противоборствующих начал, в философии – равенство или приоритет идеального и материального, в физике – дополнительность качеств волны и частицы и т. п.), описывают различные проблемные ситуации классического типа, которые определяются как апория, антиномия, парадокс, дилема, альтернатива и другие.

Дуализм естественного и позитивного права содержит все признаки антиномий, отображенных, прежде всего в противопоставлении классического тезиса *Lex injusta non est lex* – известному антитезису *Fiat Justitia et pereat mundus*. Такого рода антиномичность, как бы не показалось удивительным, характерна большинству ключевых понятий теории права, которые находятся в соотношении одного с другим на принципах дуализма (бинарности). Например, объективное право (*Law*) как система общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государства и субъективное право (*Right*) как юридически обеспеченная мера возможного поведения конкретного лица, которая гарантирует ее самостоятельность, свободу выбора; публичное право (нормы, которые защищают и обеспечивают публичные интересы, то есть интересы государства и общества) – частное право (нормы, которые защищают и обеспечивают интересы частных лиц и их объединений, а именно их имущественные, трудовые и семейные права); предмет правового регулирования как форма социальных отношений, которые закрепляются соответственно группой юридических норм – метод правового регулирования (императивный или диспозитивный) как способ воздействия юридических норм на социальные отношения; императивный метод правового регулирования (через отношения власти и подчинения) – диспозитивный метод правового регулирования, который предоставляет участникам правовотношений возможность самим решать вопросы о форме своих взаимоотношений, урегулированных нормами права и др. И это ни у кого не вызывает сомнений относительно логической корректности относительно употребления бинарных понятий.

Разработанное в рамках романо-германской правовой семьи методологически важное деление права на пуб-

личное (вертикальные отношения) и частное (горизонтальные отношения), поясняются, с одной стороны, процессом исторического развития права в странах континентальной Европы, с другой стороны – особенностями организации правового материала. Критериями указанного деления могут быть предмет и метод правового регулирования. Можно также говорить о дуализме публичного и частного права как о «перпендикулярности» вертикальных и горизонтальных отношений.

Поэтому речь логически должна идти о корреляции (в форме дуализма, бинарности) не только «позитивное – естественное», но и «публичное – частное», «объективное – субъективное» и т. п.

Соответственно дуализм и по отношению к правовой системе необходимо рассматривать как некую логически оправданную норму.

© Мамченко Н. В., 2023

¹ Кемеров В. Е. *Методология обществознания: проблемы, стимулы, перспективы*. Свердловск, 1990. С. 147–148.

² Коркунов Н. М. *Лекции по общей теории права*. СПб., 2003. С. 99.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В настоящее время происходит активная интеграция наук, вызванная необходимостью всестороннего изучения государства, общества, правовой сферы и проведением всестороннего исследования процессов их развития и функционирования. Типологический метод познания в юридической науке выступает одним из основных способов познания действительности.

Исторически термин «типология» ввёл в научный оборот французский ученый Анри Бленвиль в 1816 г. Несмотря на то, что первоначально этот термин использовался в биологической науке (при характеристике типа позвоночных), в настоящее время он нашел распространение в различных областях знания: социологии, истории, юриспруденции, лингвистике и т. д. Каждая сфера знаний при построении типологий отражает свои отраслевые особенности, но возможно отметить и общие моменты при использовании данного метода. Применение типологии позволяет сделать выводы о связи между объектами, а также о различиях и сходствах между ними.

В Большой советской энциклопедии под типологией понимается несколько значений: метод научного познания, заключающийся в расчленении систем и группировке по определенной модели (общему основанию); результат типологического описания и сопоставления¹.

* *Игнатьев Никита Олегович* – адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва).

Таким образом, **типология** – это метод познания, который используется для классификации объектов или явлений на основе их общих характеристик. Этот метод позволяет выявить общие черты и закономерности в правовых явлениях, что помогает упорядочить и систематизировать знания в области права.

В рамках юридической науки метод типологии находит активное применение. В зависимости от ракурса и задач исследования государственно-правовых явлений и процессов рассматриваются те или иные грани объектов, позволяющие раскрыть их истинную сущность. Каждый предмет сложен и многогранен, включает различные признаки и свойства. С целью упорядочивания указанных явлений и используется метод типологии. В теории государства и права он находит активное использование: типология государств, типология политических систем, типология правовых систем и семей и т. д.

Типология, устанавливающая устойчивые сочетания признаков изучаемых объектов, распределяющая их по относительно однородным группам, выполняет методологическую функцию: она служит объяснительной моделью и основополагающей парадигмой, позволяя формировать понятийный аппарат, и, определяя проблематику исследования, является важным инструментом согласования эмпирического и теоретического уровня научного познания².

Существует возможность множественности типологий, которые будут построены по различным параметрам и с различными целями в отношении одного круга предметов и явлений государственно-правовой действительности³. При выделении оснований для построения типологии представляется возможность охватить несколько аспектов деятельности и глубже проникнуть в их природу.

Обратной же стороной в множественности оснований выступает проблема выбора оптимального набора общих и существенных признаков для всех объектов.

Эффективность и правильность выбранных оснований для типологии окончательно возможно оценить только после производства исследования. Показателями правильного выбора оснований типологии будут являться информативность, существенность, объективность и обоснованность результатов.

Каждый из методов в науке служит для достижения определенных целей. Специфические особенности, задачи и функции имеет и типологический метод познания в юридической науке. В качестве **основных функций типологического метода** выступают: познавательная, эвристическая и классификационная функция.

Познавательная функция. Заключается в изучении государственно-правовых явлений и распределение их по определенным основаниям. В ходе деления по основаниям возможно выделение общих черт и закономерностей, которые и характеризуют сущность исследуемых объектов. Например, для более полного и тщательного изучения возможно произвести типологию политических систем на традиционные и модернизированные. Традиционная система характеризуется наличием неразвитого гражданского общества и, как правило, харизматическим способом обоснования власти. Модернизированные, в свою очередь, обладают развитым гражданским обществом и рациональным способом обоснования власти.

Эвристическая функция. Учитывая взаимосвязи между объектами и признаками, возможно выявить и предвидеть последовательность смен определенных типов. Наиболее ярким примером является теория общественно-экономических формаций К. Маркса, в которой выделяют

первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации, последовательно сменяющие друг друга.

Классификационная функция. Ставит перед собой задачу по упорядочиванию знаний. Заключается в разделении явлений и объектов по определенным основаниям с целью их изучения. Итогом является распределение явлений по соответствующим типам. Эту функцию так же возможно назвать и функцией типологической классификации, потому что понятие типологии охватывает как процесс познания, так и результат исследования.

В то же время следует отметить, что типология основана на обобщении, в ходе которого происходит группирование наиболее существенных признаков и отделение менее значимых, не определяющих содержание объекта. Это дает возможность сформировать такую модель элементов, которая будет отражать закономерные связи, исключая формальные принципы дифференциации⁴.

Таким образом, назначение и сущность типологического метода в юридической науке заключается в выработке системного знания о государственно-правовых явлениях, выявление их общих, существенных признаков и свойств. Типологический метод в юридической науке является важным инструментом для организации и систематизации знаний в области права. Он помогает упорядочить правовые явления и выявить общие черты и закономерности, что может быть полезно для разработки новых правовых норм и для улучшения существующих правовых систем.

© Игнатъев Н. О., 2023

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 25. М., 1976. С. 263.

² Андреева И. А. «Современное государство» как исторический тип // История государства и права. 2011. № 22. С. 16.

³ *Сильченко Н. В.* Роль и место понятия «типология» в понятийном аппарате общей теории государства и права // *Право и правотворчество: вопросы теории.* М., 1982. С. 57.

⁴ *Болдырев С. Н.* Типология как прием юридической техники // *Философия права.* 2014. № 3(64). С. 39.

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА ИСТОРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАБОТАХ

Теория государства и права является методологической наукой в рамках юриспруденции. Это означает, прежде всего, ее обобщающий характер и, соответственно, более высокий уровень абстракции по сравнению с теориями «среднего» уровня – отраслевыми юридическими науками. Поэтому объектами ее интереса, как правило, являются не первичные, а вторичные явления, социальные феномены в той или иной степени, относящиеся к государственно-правовой сфере. Более чем за столетний период существования науки создано ее прочное тематическое ядро, которое конечно пополняется новыми проблемами, но не так быстро как бы этого хотелось многим «реформаторам» от науки. То или иное новшество, до того как попасть в центр научного интереса, проходит довольно длинный путь от отдельных статей, через диссертационные исследования и научные монографии, в учебники для студентов, что по мысли такого методолога как Томас Кун¹ является «официальным» признанием проблемы как имманентной для данной отрасли.

Откуда же приходят эти новые объекты научного интереса? Некоторая часть исходит из логико-аналитических оснований самой нормативной системы,

* *Козюк Михаил Николаевич* – доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

то есть правовые феномены обрабатываются посредством логических операций в рамках правового дискурса и становятся частью общетеоретического знания. Но это лишь часть новой теоретической проблематики и не самая значительная. Большая часть проблем приходит «извне» из социально правовой практики, которую обычно грубо разделяют на политическую, экономическую, социальную и психологическую. Здесь теоретики пользуются неким «вторичным» знанием, используя разработки специалистов в этих отраслях и разрабатывают их с учётом интересов и методологического инструментария своего предмета: государства и права.

Все отмеченное является вполне очевидным и тривиальным. Новый ракурс рассмотрения данных проблем заключается в том, что все феномены, пришедшие в правовую сферу извне, можно рассматривать на основе исторической методологии с учётом историософских тенденций. Точнее, признавая их исторически прошедшими событиями. При этом какая-то их часть, будучи длящимися явлениями, может еще продолжаться, однако основная направленность теории – выявлять закономерности на основе уже прошедших и завершившихся явлений. Философы в истории даже различают прошлое и прошедшее. Прошедшее это то что прошло и не оставило следов, а прошлое это то чьи следы ещё можно наблюдать в настоящем. Вообще, современность это накопленное прошлое². И вот эти «следы» имеют для теории государства и права решающее значение. Во-первых, они являются фундаментом для аналитической деятельности теоретиков. Воспринимая объекты, встраивая их в свои логические цепочки, конечно, на основе юридической фактуры и методологии выстраиваются некие контуры теоретических законов и закономерностей. Во-вторых, ссылки на эти раз-

нообразные исторические события, явления или процессы являются критериями научной состоятельности тех или иных теоретических построений, поскольку социальная практика является критерием истины.

И вот здесь теоретика подстерегает некая опасность, которая очень ярко проявилась в последнее время в связи с неоднозначными процессами, происходящими в социально-политической сфере и в нашей стране и в ряде европейских стран. Среди уже привычных названий: войны памяти, информационных диверсии, социально-психологические войны, психоисторические войны, «проработка прошлого» и т. п. Название у этих процессов различное, но суть примерно одинакова. Эти процессы с той или иной интенсивностью идут постоянно, однако в последние несколько лет они вышли на уровень реальных общественных катаклизмов, стали своего рода «двигателями» общественного развития. Среди современных внутригосударственных и международных конфликтов вопросы истории являются одними из основных «запалов», приводящими к реальным социальным катастрофам и бедствиям. Понятно, что эта проблема так или иначе затрагивает все идеологические сферы и конечно науку, в первую очередь, социальную. Учёные-обществоведы теперь разделяются даже не по признаку, к какой идеологической версии они примыкают («жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»), а к тому, какую версию исторических взглядов на то или иное событие они считают истиной. При этом оказалось, что у многих исторических событий, у которых, как представлялось ранее, есть очевидные и доказательные основания, при более внимательном рассмотрении появляется достаточно много «белых» и «черных» пятен, что, конечно, создаёт множество проблем, как в научных исследованиях, так и в обра-

зовании и воспитании студентов.

В рамках теории государства и права эта проблема выразилась в том, что многие теоретические положения, основывающиеся на исторических фактах и использующие эти факты как аргументы, стали довольно зыбкими. Ситуация высветила еще одну проблему. Оказалось, что многие современные учёные, в том числе и теоретики, довольно слабо знают историю. Здесь есть, правда, свои исторические причины. Сегодняшнее поколение учёных сформировалось или в период так называемой перестройки или в ее результате. Одним из ярких направлений перестроечных процессов была активная операция по перестроению сознания советских людей, и историческая сфера здесь была очень благодатна. В течение почти десятка лет сознание людей «промывалось», мягко говоря, сомнительными историческими сюжетами. Общая направленность этих сюжетов была идеологически однородна: антисоветизм, русофобия, антипатриотизм, глумление над всеми сторонами жизни общества, откровенная фальсификация исторических фактов. В настоящее время отечественная наука и общество постепенно приходят в себя. Однако для этой оздоровительной операции нужны ресурсы, среди которых значительную роль играет временной фактор. Очевидно, что часть граждан, условно говоря «40+», чья юность пришлась на конец 1980-х – 1990-е, уже не имеет возможности «переучить» историю на основе ее более объективных версий. И даже если идеологически они преодолели перестроечное «зомбирование», исторические знания они восполнить не могут по объективным причинам. А между прочим, именно эти люди сейчас являются наиболее деятельным слоем населения. Поэтому нередко из уст даже государственных руководителей высокого уровня можно услышать совершенно нелепые за-

явления по историческим вопросам.

Все сказанное касается и исследователей. Даже учёные, которые специализируются в исторических дисциплинах, в частности истории государства и права, для обоснования тех или иных научных положений иногда создают довольно сомнительные конструкции. При этом сама по себе научная специализация в истории отнюдь не гарантия того, что исследователь является патриотом своей страны, и его научные построения можно широко преподносить для новых поколений в рамках воспитательных процессов. Однако ситуация с неисториками гораздо сложнее. Довольно часто в общетеоретических работах, особенно молодых исследователей, где-то – прямо, где-то – походя, даются историко-идеологические оценки довольно примитивного уровня. Например, вполне обычное дело вычеркнуть стигмой «тоталитаризм» советский период истории страны или великие свершения и подвиг народа свести к «сталинским репрессиям». Источники такого рода «перлов» в теоретических работах вполне понятны, и винить этих молодых исследователей было бы не совсем верно, ведь их так учили с младших классов средней школы, так говорили наши политические «авторитеты», такие показывали фильмы и спектакли, так до сих пор пишут в Интернете. Скорее их вина методическая – в невнимательности к историческим оценкам и аргументам в текстах своих работ и вообще в отсутствии интереса к исторической проблематике.

Конечно, отечественная социальная наука и теория государства и права переживали разные периоды, поэтому в ее методологическом арсенале есть приёмы противодействия указанным негативным явлениям. Так, например, достаточно твёрдо и чётко в методологическую ее часть входит принцип историзма. Трактуются он чаще

всего в ленинском понимании: «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³. Однако в настоящее время этого недостаточно, и принцип историзма должен быть дополнен новыми гранями. Смысл в том, что в современном мире историзм – это не только использование разработок историков, которые теоретик может использовать в качестве основания для своего построения или в виде научного аргумента. Современный историзм предполагает тщательность анализа и исторического факта и того пути, как данный факт исследовался и интерпретировался в различные исторические периоды, как интерпретировался в различных политических построениях и как используется в современной политических дискуссиях, в том числе и в «войнах памяти». И вполне возможно, что в результате будет выработано некое внутреннее табу на использование, например, инвективы «тоталитаризм» в отношении Советского государства, понятие «коллаборация» не станет простым модным словечком, которым хочется блеснуть перед публикой, а ему будет придан его исторический контекст, а партию Гитлера будут именовать не «национал-социалистической», а «национал-социалистской» как в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремизму»⁴.

В современной информационной среде наряду с термином «исторический фейк» появилась и новая технология – «фактчекинг» – проверка факта. Пока что данная технология является элементом профессиональной культуры преимущественно журналистов. Наверное, пришло время освоения данной технологии и учёными-

теоретиками. Проверять исторические факты становится их обязанностью, поскольку, как было сказано ранее, все научные аргументы, за исключением сугубо логических, имеют историческую основу, а она нуждается в тщательной проверке.

© Козюк М. Н., 2023

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 2002. С. 180–183.

² Оруджев З. М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М., 2004. С. 10.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 39. М., 1970. С. 67.

⁴ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

О. А. Авдеева*

В. А. Авдеев**

ФОРМИРОВАНИЕ ОТРАСЛЕВОГО ПОДХОДА К СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Становление отраслевых основ юридического познания связывают с работами первых русских правоведов, в частности, Григория Карповича Кашихина, которым в работе «О России» (1666–1667) был проведен анализ норм отечественного материального права¹. По мере формирования юридической науки в России, в том числе обусловленной созданием в 1725 г. Академии наук, институты российского права исследовались в рамках правоведения и активно изучались в Императорском Московском университете, открытом в 1755 г. Первым профессором права признается Филипп Генрих Дильтей (1723–1781), написавший «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном» (1779) и «О дедукциях судебных дел» (1781). Вне университетской деятельности научными изысканиями в сфере правоведения активно занимались Владимир

* *Авдеева Ольга Анатольевна* – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск), доктор юридических наук, доцент.

** *Авдеев Вадим Авдеевич* – профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск), доктор юридических наук, профессор.

Трофимович Золотницкий («Сокращение естественного права», 1764), Алексей Артемьевич Артемьев («Краткое начертание римских и российских прав с показанием купно обоих, равномерно как и чиновположения оных историй», 1777), Федор Денисович Правиков («Грамматика юридическая, или Начальные правила российского правоведения» (1801–1805), Иван Мокеевич Наумов («Начертание естественного права» (1808–1809) и «Преступления против права гражданского и против права уголовного» (1813), Егор Гаврилович Чиляев («Начертание права природного» (1812), Владимир Сергеевич Филимонов («Система естественного права» (1811)).

Значительный вклад в развитие правоведения внес профессор юриспруденции Московского университета Семен Ефимович Десницкий (1740–1789), исследовавший как теорию положительного права, так и институты криминального и гражданского права. Среди профессоров Московского университета стоит отметить Льва Алексеевича Цветаева (1777–1835), написавшего «Речь о взаимном влиянии наук на законы и законов на науки» (1805) и «Начертание теории уголовных законов» (1825). Профессор Московского университета Захарий Аникеевич Горюшкин (1748–1821) издал работу «Руководство к познанию российского законоискусства» (1811–1816), в которой рассматривал общетеоретические и историко-правовые аспекты русского права.

С опубликованием в 1801 г. доктором права Паулем Иоганном Ансельмом фон Фейербахом (1775–1833), преподававшим в Кильском, Йенском и Мюнхенском университетах Германии, работы «Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gultigen peinlichen Rechts» в научный оборот вводится понятие «уголовное право». Данная

работа П. А. Фейербаха была переведена и представлена в Санкт-Петербурге в виде трех книг под названием «Уголовное право» (1810–1827). Первая книга посвящена была «философической или всеобщей части уголовного права», вторая книга содержала «положительную или особенную часть», третья книга раскрывала «делопроизводство уголовного права»².

Специфика дальнейшего развития российского правоведения характеризуется разграничением предметов научного познания и выделением в уголовного права в качестве самостоятельного направления. Данная тенденция наметилась с открытием в 1805 г. Казанского университета, повлекшим активизацию научных правовых исследований и издание работ Ивана Егоровича Неймана (1780–1855) «Начальные основания уголовного права», профессора Егора Васильевича Врангеля (1783–1841) «История уголовного права», Гавриила Ильича Солнцева (1786–1866) «Российское уголовное право».

К одним из первых основателей отраслевого подхода в системе юридического познания в России также следует отнести Осипа Иоакимовича Горегляда, написавшего «Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще» (1815); Петра Николаевича Гуляева, издавшего «Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений» (1826); Сергея Ивановича Баршева, опубликовавшего «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях» (1841).

С учреждением в 1819 г. Петербургского университета научная деятельность в области правоведения осуществлялась на кафедре общих прав Александром Петровичем Куницыным (1783–1840),

кафедре прав положительных – Василием Григорьевичем Кукольником (1765–1821), преподающими курсы римского и русского права, который, в свою очередь, стал подразделяться на курс гражданского и курс уголовного права. Нельзя не отметить вклад в развитие юридической науки Петра Дмитриевича Лодия (1764–1829), издавшего «Теорию общих прав» (1828) и наряду с естественным правом преподававшего курс уголовного права.

Во второй половине XIX в. существенное влияние на развитие в юридической науке отраслевого подхода оказали работы доктора права Владимира Даниловича Спасовича (1829–1906), издавшего в период подготовки и принятия Судебных уставов «Учебник уголовного права. Часть Общая» (1863). В. Д. Спасович, обозначая специфику отечественной правовой науки, особое внимание уделял уголовному праву как самостоятельному научному направлению, при этом предлагая разграничить его на материальное и формальное право³.

На основании данной позиции в юридической науке активному обсуждению стал подлежать вопрос о двухпредметности уголовного права. Первым предметом уголовного права считали уголовно-правовую охрану общественных отношений, предусматривающую разработку уголовно-правовых норм для обеспечения безопасности личных, общественных и государственных интересов от преступных посягательств. Ко второму предмету уголовного права предлагали относить уголовно-правовое регулирование, направленное на регламентацию общественных отношений с момента совершения преступления до назначения наказания виновному лицу.

Углубленный интерес к изысканиям в области российского уголовного права подтверждается работами профессора Санкт-Петербургского университета Петра

Давыдовича Калмыкова («Учебник уголовного права», 1866), доктора права Александра Владимировича Лохвицкого («Курс русского уголовного права», 1867), профессора Николая Адриановича Неклюдова («Общая часть уголовного права», 1875), профессора Санкт-Петербургского университета Николая Степановича Таганцева («Курс русского уголовного права», 1874), профессора Киевского национального университета Александра Федоровича Кистяковского («Элементарный учебник общего уголовного права. Часть общая», 1875), профессора Санкт-Петербургского университета Николая Дмитриевича Сергиевского («Русское уголовное право (пособие к лекциям)», 1887), профессора Харьковского национального университета Леонида Евстафьевича Владимирова («Учебник русского уголовного права», 1889), профессора Санкт-Петербургского университета Ивана Яковлевича Фойницкого («Учение о наказании в связи с тюрьмоведением», 1890), профессора Варшавского университета Владимира Владимировича Есипова («Очерки русского уголовного права. Часть Общая», 1894).

В процессе обособления уголовного права как самостоятельной отрасли юридического познания происходит активизация научных исследований по раскрытию специфики целей, функций, предмета, методов и принципов правового регулирования. Н. С. Таганцев, систематизировавший отечественный правовой опыт в двухтомном курсе лекций по Общей части русского уголовного права, писал, что именно характер общественной опасности преступления, определяющий метод правового регулирования, должен быть положен в основу отраслевого разграничения правоотношения⁴. По мнению Михаила Павловича Чубинского (1871–1943) в науке уголовного права следует

выделить три направления – уголовную догматику, уголовную этиологию и уголовную политику⁵.

В ходе научных изысканий в науке уголовного права сложилось три направления:

1) историко-правовое, связанное с трудами А. А. Артемьева, С. Е. Десницкого по изучению институтов отечественного уголовного права;

2) формально-юридическое, предусматривающее проведение исследований по систематизации норм русского уголовного права (З. А. Горюшкин, П. Н. Гуляев);

3) естественно-правовое, в рамках которого О. И. Горегляд, И. М. Наумов, Л. А. Цветаев акцентировали внимание на изучении принципов естественного и уголовного права.

Активное развитие науки уголовного права в России во второй половине XIX в. под воздействием формирования и развития иных социальных наук, включая социологию и антропологию, предопределило разработку новых научных направлений, в том числе:

1) классического, представителями которого являлись А. В. Лохвицкий, П. П. Пусторослев, Н. Д. Сергиевский, В. Д. Спасович, Н. С. Таганцев, А. Ф. Кистяковский;

2) социологического (М. В. Духовской, А. А. Пионтковский, М. Н. Гернет);

3) классическо-социологического в лице С. В. Познышева, И. Я. Фойницкого;

4) антрополого-социологического (Д. А. Дриль).

Таким образом, уголовное право формируется как отрасль в национальной системе права с появлением государственности и подлежит модификации с учетом особенностей решаемых государством задач и применяемых методов правового регулирования. По мере развития государства уголовному праву как отрасли

публичного права стала отводиться в национальной системе права особая роль в силу реализации охранительной функции, обеспечивающей защиту интересов государства, общественную и личную безопасность. Активизация правотворческой деятельности сопровождается разработкой уголовно-правовых норм, содержащих перечень охраняемых от преступных посягательств объектов и устанавливающих уголовно-правовые последствия в отношении лиц, совершивших в их отношении посягательства. Обладая правовой связью с иными отраслями права, главным образом с государственным (конституционным), уголовное право стало отличаться кругом регулируемых общественных отношений и характеризоваться специфическими методами их регулирования. К предмету отрасли уголовного права были отнесены общественные отношения, связанные с совершением преступления и привлечением лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности.

Основы формирования отечественной юридической науки в России были заложены в XVIII в. и подлежали активному развитию на протяжении XIX в., когда происходит разграничение предмета научных изысканий в рамках социальных наук, в результате чего в качестве самостоятельных областей научного познания наряду с философией и историей определяются правоведение, социология, антропология, психология и т. д.⁶.

При этом непосредственно в рамках правоведения выделению подлежали науки, способствующие развитию отраслей права, обеспечивающих регулирование наиболее значимых публичных интересов. Вследствие этого на рубеже XVIII–XIX вв. в России были заложены основы для становления, формирования и развития науки уголовного

права. Признание уголовного права как самостоятельного научного направления в системе юридического познания повлекло необходимость разработки доктринальных подходов к определению его объекта, предмета, сущности, функции и значения. Изыскания в науке уголовного права были направлены на разработку механизма уголовно-правового регулирования государством общественных отношений: определение критериев отграничения правомерного поведения от уголовно-наказуемого, понятия, признаков и элементов состава преступления; структурирование уголовно-правовой нормы; регламентацию принципов и форм реализации уголовно-правового воздействия, в том числе оснований как привлечения, так и освобождения от уголовной ответственности и т. д.

В заключении стоит отметить, что значение эволюционного развития отечественного правоведения предопределило поэтапное создание системы юридических наук. Определяя роль уголовного права в системе юридического познания, стоит подчеркнуть, что в задачу уголовного права помимо разработки, исходя из учета объема, характера и степени общественной опасности последствий преступления, критериев отграничения преступления от проступка и дифференциации уголовной ответственности, входит формирование основ уголовно-правовой политики, направленной на обеспечение установленного государством правового порядка, а также оказание информационно-просветительского и идеолого-воспитательного воздействия с целью ориентирования под угрозой наступления негативных последствий на избрание правомерного поведения. Нельзя не отметить роль науки уголовного права в реализации правового

прогнозирования, позволяющего исследовать как динамику состояния преступности, так и установить дальнейшие тенденции в развитии социально-негативных явлений, создающих угрозу правовому порядку⁷.

© Авдеева О. А., Авдеев В. А., 2023

¹ *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 150.

² *Фейербах П. А.* Уголовное право. Кн. 1: Философическая или всеобщая часть уголовного права. СПб., 1810; Кн. 2: Содержащая положительную или особенную часть уголовного права. СПб., 1811; Кн. 3: Содержащая делопроизводство уголовного права, то есть исследования и суды. СПб., 1827.

³ *Спасович В.* Учебник Уголовного права. Т. I. Вып. 1. СПб., 1863. С. 2–3.

⁴ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Т. I. Тула, 2001. С. 27.

⁵ *Чубинский М. П.* Очерки уголовной политики. Харьков, 1905. С. 5–54.

⁶ *Павлов В. И.* Методология и антропология в философско-правовой концепции В. П. Малахова в контексте современной антропологии права // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 97–111.

⁷ *Авдеева О. А., Авдеев В. А.* Сущностно-ценностный дискурс в понимании права в условиях развития правового государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3(102). С. 12–22.

*С. И. Ладушкин**

ЛОГИКО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭМПАУЭРМЕНТА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЛИБЕРАЦИИ

В современных политических и социальных исследованиях проблема эмпауэрмента рассматривается чаще всего в контексте гендерной тематики, в связи с феминистским движением, правами сексуальных меньшинств и пр.¹ Особую роль тема социального эмпауэрмента обретает в тех общественных и культурных контекстах, где традиционные ценности превращаются из естественных экзистенциальных ориентиров в инструмент подавления активности одних социальных групп другими, реализующими в политике свои частные интересы, ущемляющие интересы значительной части общества, но прикрываемые при этом дискурсом о всеобщем благе. Однако предметная область понятия «эмпауэрмент» выходит далеко за рамки гендерного контекста.

Мы рассматриваем логико-дискурсивные основания эмпауэрмента как социального тренда, опирающегося на общественную потребность социальных групп и отдельных акторов занять максимально рациональную позицию в социальной коммуникации, характеризующейся свойством ограниченной рациональности. В этом контексте эмпауэрмент как явление утрачивает свои маргинальные коннотации, становясь полноценной социальной стратегией в реализации делиберативной политики. Тема эмпау-

* *Ладушкин Сергей Иванович* – доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент.

эрмента становится актуальной во всех тех социальных контекстах, где наделенные властными полномочиями акторы действуют номинально от имени репрезентативного большинства, на деле же реализуя политику монопольного владения истиной².

Понятие эмпауэрмента относится к числу тех «новомодных англицизмов», от публичного использования которых в современном российском истеблишменте воздерживаться. Но, несмотря на политическую конъюнктуру, в данном случае мы имеем дело с объективной реальностью, которая уже наличествует в пространстве социальной коммуникации как идея, которая, правда, еще не обрела четких концептуальных коннотаций научном терминологическом языке на постсоветском пространстве.

Обычно эмпауэрмент определяют как фактическое расширение прав и возможностей отдельных людей, групп, сообществ и пр. При этом важно, что такое расширение прав и возможностей реализуется в обществе не посредством обычных правовых и политических механизмов, и даже не посредством имеющихся в каждом обществе социальных лифтов, но посредством самостоятельной активности различных сообществ, не стремящихся непременно инкорпорироваться в существующую в обществе социальную стратификацию. А это значит, что эмпауэрмент как инструмент обретения социального веса и общественного влияния различными субъектами напрямую связан с процессами политической делиберации³.

Обретение неформальной власти как способности занимать влиятельную общественную позицию рационального субъекта даже в условиях ограниченной рациональности составляет саму суть эмпауэрмента как коммуникативного феномена. Два момента принципиально

важны для логической определенности понятия эмпауэр-мента:

1) желание и возможность рационального субъекта занимать осмысленную позицию в пространстве коммуникации;

2) невозможность реализовать эти потенции напрямую в силу того, что в коммуникации присутствуют субъекты, наделенные властными полномочиями и препятствующие позиционированию.

При этом препятствия, создаваемые властными акторами другим рациональным субъектам коммуникации могут быть как собственно дискурсивными, выраженными в вербальных запретах на волеизъявление и соответствующее ему социальное действие, так и негласными, но фактически запрещающими любое публичное выражение позиции, отличной от позиции властной инстанции. Пространство политической активности сужается при этом до директивно указанных всем субъектам социума позиций. Тем самым политика перестает быть искусством возможного и превращается в трансляцию необходимостей, количество которых стремительно растет, захватывая своей логикой все новые сферы жизнедеятельности общества⁴.

Однако в подобной возгонке необходимостей, доводящих коммуникацию социальных агентов до абсурда, когда не только рядовые члены общества, но и сами властные акторы вынуждены испрашивать у верховной инстанции разрешение на любое рациональное действие, появляются, как это ни парадоксально, первые ростки новой матрицы взаимодействия между рациональными агентами в социуме.

Властный субъект, будучи сам вовлеченным в порождаемую им логику принуждения, становится неспособным к модализации социальной реальности. Он утрачивает

саму возможность быть иным, перестает существовать в качестве субъекта политики. Призванный в силу самой идеи лидера к гибкому взаимодействию с оппозиционными силами внутри системы правил общественной коммуникации, такой властный субъект становится неспособным к выстраиванию со своими идейными противниками конструктивного диалога, что ведет к катастрофическому суждению пространства рациональности в политике. В итоге властный субъект превращается из рациональной политической инстанции в агента силового принуждения любой оппозиции, выпадая из рациональной коммуникации. Последовательное уничтожение (дискурсивное, правовое, физическое и пр.) оппонентов в коммуникации, трансформирует последнюю в не-политическую и не-рациональную активность, основанную на принуждении. Но тем самым властный субъект становится для всех прочих коммуникантов объектом, обстоятельством непреодолимой силы, с которым нужно считаться как с реальной угрозой для существования общества, но с которым уже нельзя взаимодействовать как с вменяемым субъектом политики.

В чем же заключается позиция рационального субъекта в пространстве коммуникации с ограниченной рациональностью? Этот вопрос актуален в любой системе коммуникации (в семье, в силовых структурах (армия, полиция и пр.), в учебных заведениях и религиозных сообществах), где есть субъект, наделенный властью устанавливать правила и ограничивать возможности других субъектов обсуждать и разрешать проблемы рациональными способами. Стандартные стратегии поведения рационального субъекта в контексте ограниченной рациональности реализуются, как известно, в трех направлениях:

1) уход в скрытую оппозицию, разделение дискурса на пласты «для своих» и «для чужих»;

2) встраивание собственного дискурса в систему насаждаемой сверху логики в надежде повлиять на нее изнутри;

3) открытое противостояние силовому принуждению властной инстанции.

Первая стратегия ухода позволяет рациональному субъекту сохранить свою систему ценностей, однако вовлекает его в ситуацию двойной игры, одновременного действия в разных системах правил. Вторая стратегия встраивания позволяет сохранить видимость рациональности ценой её фактической утраты – отказа от открытого диалога с идейными конкурентами, переход в рамки поляризованного идеологического мышления, где приоритетом становится победа над идейным противником, а не совместный с ним поиск компромиссов, выводящих коммуникацию на новый уровень объективности. В рамках третьей стратегии противостояния рациональный субъект превращается в открытого противника идеологизированной системы, фактически начиная играть по тем же правилам ограниченной рациональности, где доминирует мышление мобилизационного типа.

На этом фоне стратегия эмпауэрмента выгодно отличается от других рациональных стратегий – в ней субъект не тратит ресурсы на идеологическое противостояние системе, но последовательно выстраивает собственную рациональность, коррелируя свою позицию с позициями других рациональных субъектов, что не подразумевает ни противостояния системе, ни показного игнорирования её, ни сотрудничества с ней. В логическом плане стратегия эмпауэрмента базируется, таким образом, на отказе от дихотомии закона исключенного третьего в отношении к

системе ограниченной рациональности: не принимает её логику, но и не отвергает её. Законы классической логики безусловны в своей применимости при допущении отсутствия границ рациональности в коммуникации. Известные парадоксальные принципы «из лжи следует все, что угодно» и «истина следует из чего угодно» в рамках классической логики не разрушают пространство логического взаимодействия субъектов мышления и действия лишь по той причине, что все участники коммуникации признают эти принципы тривиальными и не допускают в своей деятельности злоупотребления ими в корыстных целях. Но ситуация кардинально меняется, когда в коммуникацию в качестве актора включается ограниченно-рациональный субъект, позволяющий себе в силу имеющихся у него властных полномочий игнорировать рациональность других субъектов. В такой системе взаимодействие между субъектами осуществляется без соблюдения паритета рациональности всех сторон, а значит, упомянутые выше логические парадоксы приобретают иное звучание – «из лжи следует все, что угодно мне» и «моя истина следует из чего угодно». Но истина, ставшая «моей истиной», теряет свой гносеологический статус общеобязательной позиции, низводя себя на уровень мнения. Она превращается из субъекта в объект, в препятствие на пути рационального постижения истины, которое следует просто обойти в практике политической делиберации, но не вступать с ней в содержательное взаимодействие.

© Ладушкин С. И., 2023

¹ *Skjerven A., Fordham M. Gender and Sustainable Development Goals: Infrastructure, Empowerment and Education. Oslo, 2022. P. 17–19.*

² *Andersen J., Siim B. The Politics of Inclusion and Empowerment: Gender, Class and Citizenship. New York, 2004. P. 84–88.*

³ *Adapa S., Sheridan A., Reddy Yarram S.* Entrepreneurship in Regional Communities. New Zealand, 2022. P. 115–116.

⁴ *Chaiechi T., Wood J. Eds.* Community Empowerment, Sustainable Cities, and Transformative Economics. Singapore, 2022. P. 34–37.

Раздел V

**СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
О ПРАВЕ, ЕГО СУЩНОСТИ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ**

*Л. В. Карнаушенко**

**ПРАВОПОНИМАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ЭМПИРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Право – один из основных и наиболее эффективных регулятивов общества. Именно во многом посредством права упорядочиваются действия и взаимодействия в социуме, достигается социальный порядок и стабильность. В этой связи понимание людьми права имеет существенное значение для государства и общества.

В научной литературе нет единства по поводу содержательной сути понятия «правопонимание» и это вполне

* *Карнаушенко Леонид Владимирович* – начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, доктор исторических наук, профессор.

объяснимо, так как процесс познания и формирования отношения к праву локализуется на различных носителях общественного сознания – от специализированного до обыденного. В этой связи очевидно, что у разных групп, слоев, общностей будут существенно различаться приемы, процесс и результат правопонимания.

С точки зрения Т. А. Желдыбиной, правопонимание представляет собой «процесс и результат гуманитарной, мыслительной, целенаправленной деятельности человека познавательного характера, включающей в себя познание права, его восприятие и отношение к нему как к целостному социальному явлению. Личное субъективное оценочное отношение, мера свободы в процессе принятия новых правовых норм, переработке и отмене нормативно-правовых актов, правосознание субъектов правотворческой деятельности играют не последнюю (а иногда и ключевую) роль»¹.

Обыденный уровень познания права действительно во многом субъективен и подвержен существенному влиянию социально-психологических детерминант личности познающего субъекта. Не только фрагментарность познания, но и субъективная окрашенность образов права, их существенный психологический акцент представляет собой актуальную социально-управленческую проблему. Безусловно, на уровне обыденного познания освоение права несет в себе существенные сложности, обусловленные спецификой самого права как объекта познания. Возникающий парадокс познавательной деятельности, связанный с диалектикой эмоционально-чувственного и рационально-логического, остается до настоящего времени непреодоленным. Однако и на специализированном уровне познания права наличествуют очевидные противоречия.

Как отмечают исследователи, «правопонимание» – это «специальная научная категория, широко применяемая в теоретической юриспруденции и указывающая как на сознательно-волевой мыслительный процесс, так и на творческий результат целенаправленной абстрактно-логической деятельности субъекта познания, зависящая от объектно-субъектных характеристик, представленных правом и человеческим сознанием, преследующая цель получения достоверного знания о праве и раскрытия его сущности»².

В данной интерпретации правопонимание представляет собой объект уже специализированного, а не обыденного познания. На этом уровне познания используются абстрактно-логические схемы мышления, а критерием оценки мыслительных процедур выступает достоверность, объективность получаемых сведений. Несмотря на существенные отличия понимания права на уровне специализированного сознания, здесь также наличествует ряд гносеологических проблем, снижающих эффективность правопонимания.

Относительно научного правопонимания следует отметить, что в науке в настоящее время наблюдается плюрализм концепций правопонимания. Как указывает Е. Н. Аристов, «распространена точка зрения, в соответствии с которой единое определение права, пригодное для всех времен и всех народов, найти невозможно. Право многогранно и на разных этапах развития общества может доминировать то или иное его проявление. Соответственно, разные подходы к пониманию права направлены на выявление различных его сторон»³.

В научном правопонимании важное значение имеют характеристики ученого, осуществляющего подобные мыслительные процедуры. Это особенно важно с учетом

того, что у познающего субъекта в данном случае наличествует определенный уровень компетенции вкупе с жизненным опытом и специфическими политическими, социальными, духовными установками.

Как полагает А. В. Пищулин, «правопонимание в значительной степени производно от содержания правового мышления и правосознания исследователя, который прямо или косвенно преломляет в своем видении права определенные собственные цели, интересы, устремления, намерения, по-своему оценивает закономерности общественного развития, включая его правовые аспекты»⁴.

Однако о какой разновидности правопонимания мы бы не рассуждали, вполне очевидно, что существует широкий комплекс факторов, формирующих отношений людей к праву вне зависимости от того, представителями какого типа познания они являются. Спектр данных факторов варьируется от социально-исторических особенностей того или иного общества в определенный период времени.

Как полагает Г. В. Горбатенко, «понимание права, отношение к нему в том или ином обществе зависят от многих факторов: исторических, культурных и национальных традиций, религии, политической системы и специфики формирования структуры государственного механизма, общественного строя, объективных закономерностей развития социального, в том числе правового, регулирования»⁵.

Следует отметить, что проблема правопонимания в обществе XXI в. выглядит многоаспектной и в силу этого нуждается в разнообразных исследованиях. С учетом быстро меняющихся условий социальной среды – такова специфика современного постиндустриального общества, – важное значение имеет именно обновление информации

с тем, чтобы избегать ее «старения» вследствие высоких скоростей социальных изменений. В данном случае уместно применять именно эмпирические методы сбора и анализа данных о правопонимании современных россиян. Кроме того, правопонимание как процесс и результат применительно к современному обществу существенным образом дифференцированы – выделяются как специализированный, так и неспециализированный типы. В этой связи применение преимущественно теоретических методов создает определенные риски утраты обратной связи с изменяющейся реальностью. Именно поэтому для анализа особенностей правопонимания в российском обществе целесообразно применять и широкий спектр эмпирических методов.

Одной из сильных сторон эмпирических методов выступает верификация теоретических конструктов на практике. Зачастую в научной литературе присутствуют весьма противоречивые мнения о том, каково состояние правопонимания россиян. Скептические оценки заслуживает даже уровень правопонимания профессионалов, носителей специализированного сознания. Относительно правопонимания обычных граждан научные оценки также существенно дифференцированы. Нередко ученые оперируют различными стереотипами, подменяя этим объективную оценку, особенно в практическом срезе. При этом недостаточно учитывается глубокая дифференциация современного российского общества, что отражается на специфике правопонимания групп населения.

В этой связи стоит обратить внимание на интегративные возможности эмпирического анализа правопонимания как симбиоза количественной и качественной парадигм. Это позволяет, с одной стороны, достичь показателей репрезентативности и статистической значимости,

с другой стороны, осуществить глубокое изучение (на примере отдельных кейсов, соответствующих выборочной совокупности) особенностей сознания людей.

Вместе с тем эмпирический анализ нечасто применяется исследователями для анализа правопонимания, так как требует существенных финансовых, временных, интеллектуальных и иных затрат. В результате в настоящее время наблюдается определенный дисбаланс в направлении общетеоретических исследований правопонимания по сравнению с эмпирическими.

Таким образом, правопонимание представляет собой весьма перспективный объект как для теоретического, так и эмпирического научного поиска. Проблема приобретает особую актуальность в условиях современного трансформирующегося общества с высокими показателями социальной динамики и возрастающими рисками, связанными с дисбалансом политической, экономической, социальной и духовной подсистем. В таких условиях общетеоретический поиск, несмотря на его очевидные сильные стороны, не может в полной мере обеспечить валидной информацией, особенно без применения процедур верификации получаемых данных. Именно поэтому в настоящее время приобретают особую актуальность теоретико-прикладные проекты, направленные на получение и первичной информации о специфике правопонимания современными российскими гражданами.

© Карнаушенко Л. В., 2023

¹ Желдыбина Т. А. Об основных типах правопонимания и их значении в совершенствовании законотворческой деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1. С. 52.

² Канищев В. П., Палеха Р. Р. Интегративный подход к пониманию права как прогрессивный тип правового мышления // Вестник Воронежского института МВД России.

2018. № 2. С. 167.

³ *Аристов Е. Н.* Понятие и структура правопонимания // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. С. 431.

⁴ *Пищулин А. В.* Правопонимание: теоретические вопросы формирования понятия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 1. С. 33.

⁵ *Горбатенко Г. В.* Правопонимание как ключевой фактор эволюции отечественной юриспруденции на современном этапе развития Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 188.

О. В. Лукьяновская*

ПРАВОПОНИМАНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОТ КЛАССИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ДО ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА

Право есть весьма значимая составляющая социума. Оно оказывает сильное влияние как на личность, определяя меру должного и возможного ее поведения, так и на государство в целом. Неоднозначность понятия и сложная природа права всегда приковывали к себе большой научно-исследовательский интерес со стороны философов, ученых-правоведов и юристов-практиков. Нельзя не согласиться со словами Г. В. Мальцева, писавшего, что «право есть грандиозный, неисчерпаемый для познания феномен»¹. Потому единого правопонимания наука так и не выработала, но вместе с тем за многовековой период исследования права появилось множество школ и учений, среди которых юридический позитивизм, материализм, естественно-правовая, социологическая, психологическая, историческая школы права и др. Каждое из этих направлений рисует свою собственную картину понимания и восприятия права и правовых явлений. Отсюда можно назвать одну из ключевых особенностей правопонимания в современной юридической науке – его плюралистичность.

Сторонники естественно-правовой концепции

* Лукьяновская Ольга Валерьевна – заведующий кафедрой теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

(Д. Локк, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо и др.) полагают, что каждый человек наделен самой природой естественными неотъемлемыми правами. «Мать естественного права, – писал голландский юрист и государственный деятель Гуго Гроций, – есть сама природа человека». Иными словами, люди обладают правом на жизнь, свободу, собственность «естественным образом», в силу того, что они люди и, следовательно, никто не вправе посягать на эти права. Совокупность таких прирожденных прав и образует собственно право как особое социальное явление. Государство, создавая разнообразные юридические правила, которые являются нормами «вторичного порядка», обязано учитывать существование естественных прав и свобод, формулировать их и закреплять в своем законодательстве, обеспечивать их реализацию.

Приверженцы исторической школы права (Ф. К. Савиньи, Г. Пухта и др.), отвергая идею создания права законодателем, утверждали, что право есть продукт исторического развития общества. Оно появляется спонтанно, само собой, вследствие необходимости решать споры между людьми и развивается подобно языку, традициям и нравам. Создателями права могут считаться все члены общества и, одновременно, – никто в отдельности.

Представители психологической школы прав (Л. И. Петражицкий, М. Тард и др.) полагали, что правовые начала человеческого поведения коренятся в психике человека, «эмоциях долга». Право исходит не от государства, а от индивида. Оно рождается в глубинах человеческой психологии как некое интуитивное право, основанное на внутренних убеждениях, индивидуальном восприятии человеком своего положения и окружающего его мира. По мнению Л. И. Петражицкого, у людей имеются две разновидности эмоций: императивные (нравственные) и

императивно-атрибутивные (правовые). Первые вытекают из нравственного сознания личности, а вторые – считаются двусторонними эмоциями. Государственно-волевое начало в сущности права по этой теории нивелировано, первичную роль здесь играет психика человека.

Согласно социологическому подходу к правопониманию, видными представителями которого были О. Конт, Р. Паунд, П. И. Стучка и др., закон живет тогда, когда он реально исполняется. Следовательно, в их понимании право это не нормы, установленные государственной властью («закон – это лишь попытка создать право»), а реальные общественные отношения, складывающиеся под влиянием, а иногда и вопреки воле законодателя. Истинными творцами права являются судьи, рассматривающие настоящие юридические дела, а сами судебные решения и образуют собственно право.

Марксистское понимание права делает акцент на его классовых началах. Оно развивается вслед за экономикой и представляет собой зеркало экономического взаимодействия и потребностей. Право, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, есть инструмент, сконцентрированный в руках экономически господствующего класса, который используется как средство подавления и принуждения беднейших слоев населения.

Юридический позитивизм в лице Д. Остина, Д. Бенгама и др. рассматривает право как систему норм, в основе которых лежит властный, императивный приказ государства. Попытки искать право вне действующего законодательства, обосновывать его существование идеями разума и справедливости, некими естественными правами и свободами, божественной волей и т. п., позитивистами объявляются изначально бесперспективными и иллюзорными.

Несомненно, что каждая из представленных концепций внесла существенный вклад в эволюцию российской юридической науки в части правопонимания. Каждая из них обогащала общее теоретическое знание о праве, но вместе с тем не была способна создать целостную картину восприятия права и правовых явлений в обществе в силу некой противоречивости друг к другу. Решение данной проблемы видится в использовании интегративного подхода к пониманию права, с помощью которого можно преодолеть методологический кризис и перейти от однобокого правопонимания к всестороннему, восприятию права как сложной целостности, имеющей разнообразные формы своего проявления в виде правовых норм, правоотношений, правовых принципов и т. п.

Интегративный подход позволяет использовать разработки различных научно-исследовательских направлений в области юриспруденции. Так, с точки зрения формальной догматики право рассматривается через призму своих важнейших признаков (формальная определенность, системность, общеобязательность, государственная природа и т. д.) и понимается как система действующих нормативных предписаний, установленных (санкционированных) государством. В рамках философско-правовой методологии просматривается сущность права и его социальная ценность. Социологическая методология, применяемая в отношении познания права, позволяет уяснить его социальную эффективность, возможность результативно осуществлять регулирование общественных отношений.

Таким образом, сторонники интегративного подхода (В. В. Лазарев, В. В. Ершов, В. А. Сапун, Р. А. Ромашов и др.) склоняются к тому, что не стоит противопоставлять разные концепции о праве, правильнее найти полезное для процесса познания права в каждом из этих подходов.

Полагаем, что интегративный подход имеет довольно значимые перспективы развития и применения в российской юриспруденции, так как с его помощью есть возможность оценить право с различных аспектов, не только как социальное, но и исторически изменчивое явление. Потому В. В. Ершов пишет: «Право с объективной неизбежностью развивалось и продолжает развиваться по следующим виткам исторической спирали: догосударственному, автономно-государственному и интегративному... На интегративном витке исторической спирали с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания право объективируется в его принципах и нормах, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве. В настоящее время Россия, как и другие государства, находится на переходном этапе развития права от второго к третьему витку исторической спирали»².

Таким образом, интегративный подход к пониманию права – это не только эффективный методологический способ познания сущности и природы права, но и значимый социокультурный фактор, который обеспечивает поступательное развитие современной российской правовой системы и общества в целом. Эта мысль является принципиально важной, поскольку все классические типы правопонимания выступали в качестве сдерживающего фактора общественного прогресса, формируя искаженную (одностороннюю) картину права и не позволяли учитывать его глубинные свойства, тем самым значительным образом недооценивая регулятивный потенциал права.

© Лукьяновская О. В., 2023

¹ Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 3.

² *Ершов В. В.* Регулирование правоотношений. М., 2020. С. 545.

Р. И. Байгутлин*

ИНТЕГРАТИВНОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Сложность описания и осмысления реального исторического процесса развития науки, в том числе юридической, порождает поиск объяснительных схем, науковедческих конструктов, наиболее заметным среди которых сегодня выступает периодизация истории науки на основе исторической типологии научной рациональности. Выделение периодов классической, неклассической и постнеклассической науки применительно к юриспруденции встречается в учебной и научной литературе, хотя и не стало общепризнанным.

Представляется, что периодизация и анализ истории юридической науки на основе исторических типов научной рациональности обладает недооцененным конструктивным потенциалом. Такой подход позволяет концептуализировать историю научной юриспруденции, увидеть в многообразии идей, имен, событий внутреннюю логику, закономерности изменения предметно-методологических аспектов процесса познания государственно-правовых явлений в соотнесении с развитием науки в целом, культуры и общественной практики. Фактической альтернативой ему в учебной литературе по истории и методологии

* *Байгутлин Расул Исмагилович* – доцент кафедры теории государства и права, трудового права Юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск), кандидат юридических наук, доцент.

юридической науки нередко является пересказ истории политических и правовых учений.

Постнеклассическую науку отличает ориентация на использование единой общенаучной методологической основы (по убеждению В. С. Стёпина, это принципы универсального эволюционизма¹) для интеграции научного знания, преодоления методологического и теоретического плюрализма, построения целостной общенаучной картины мира. В контексте такой установки, думается, нужно оценивать феномен интегративного правопонимания.

Относительно времени зарождения интегративного подхода к правопониманию высказаны разные точки зрения. Некоторые исследователи связывают появление интегративных (синтетических) теорий с трудами П. Г. Виноградова, Б. А. Кистяковского, А. С. Яценко² (конец XIX – начало XX в.) и даже К. А. Неволлина³ (первая половина XIX в.). Однако обычно формирование тенденции на построение данного типа правопонимания соотносят с «интегративной юриспруденцией» Дж. Холла (вторая половина XX в.), а в отечественной науке – с дискуссией о «широком» понимании права и началом разработки В. С. Нерсесянцем либертарно-юридической концепции (конец 1970-х – 1980-е годы). Заметим, что вторую половину XX в. (или его последнюю треть) определяют так же, как начало постнеклассического периода истории науки. При этом лишь немногие авторы рассматривают интегративное правопонимание как проявление постнеклассической научной рациональности в юриспруденции⁴.

Обоснованность определения рубежа XIX–XX вв. как времени формирования интегративного правопонимания вызывает сомнение. Необходимо различать плюралистические и собственно интегративные концепции правопонимания. Первые ориентированы на утверждение прин-

ципиальной множественности понятий права, опоре на методологический плюрализм. Они исходят из представления, что только совокупность определений права, получаемых на основе различных методологий исследования, позволяет в соответствии с принципом дополнительности отразить сложность и многоаспектность этого явления. Если принять, что данные особенности (методологический и теоретический плюрализм в сочетании с принципом дополнительности) отличают неклассическую научную рациональность⁵, то подобные концепции следует относить к неклассической науке, заметим, что ее хронологические границы приходятся на конец XIX – первую половину XX в. Присмотревшись к характеристике взглядов Б. А. Кистяковского, можно отметить и обоснование необходимости опоры на методологическое многообразие, и признание множественности определений права, их взаимодополняющего характера⁶. Сложнее с однозначной оценкой взглядов А. С. Яценко: им дается и общее определение понятия «право»⁷ (правда, скорее механически соединяющее известные психологические, нормативистские и социологические определения), и предлагается способ синтеза таких «односторонних» определений⁸. В то же время сам он подчеркивает плюралистичность своего подхода, противопоставляя его другому виду плюрализма, не завершающемуся синтезом⁹. Можно предположить, что мотивация А. С. Яценко создать синтетическую теорию связана со свойственным периоду XIX века (а точнее – додисциплинарной классической науке) стремлением к единству знания, согласившись в этом конкретном случае с мнением Н. В. Евдеевой¹⁰.

Собственно интегративные концепции правопонимания отстаивают необходимость единого понятия права, выходящего за рамки определений, характерных для кон-

кретного традиционного (классического) типа правопонимания (юснатурализма, легистского, социологического и психологического позитивизма). Такой выход может осуществляться как диалектическим «снятием» существующих между классическими типами содержательных противоречий в рамках оригинальной теоретической конструкции, так и обращением к новым интерпретациям права на основе заимствованных вне юриспруденции методологических установок. Мировоззренческим основанием выработки единого определения понятия «право» является допущение о «целостной онтологической данности», онтологическом единстве права¹¹.

Учитывая, что концепция правопонимания выполняет в юриспруденции роль ее методологического парадигмального основания, тренд на формирование интегративного подхода определенно выражает главную черту постнеклассической науки – стремление преодолеть методологический плюрализм (небесспорно, с такой характеристикой «постклассики» не согласен, например, И. А. Честнов¹²).

За объединение юридической науки вокруг такого основания сегодня конкурируют разнообразные интегративные концепции. В зависимости от используемого идейно-методологического инструментария их можно разделить на три группы:

1. Интегративные подходы, основанные на соединении идей двух или более традиционных (классических) типов правопонимания: юридического позитивизма в узком значении (легизма), юснатурализма, социологического и психологического правопонимания. Последние два типа правопонимания, как представляется, рождаются именно на почве юриспруденции, органичны ей, хотя и испытали влияние соответственно социологии и психологии. Каж-

дый из данных типов правопонимания основан на выделении и абсолютизации в универсуме государственно-правовой действительности определенных правовых явлений, придании им фундаментального значения (норм права, правовых ценности и идей, правовых отношений и правопорядка, правовой психологии как части правосознания). Как писал А. С. Яценко: «Обыкновенно в юридических конструкциях выделяют какой-нибудь один элемент явления и на нем строят всю сложную теорию»¹³. Традиционны для юриспруденции и сами идеи данных типов правопонимания, и применяемые методы их интеграции (например, концептуальный анализ философских категорий в либертарно-юридической концепции В. С. Нерсисянца). Здесь задача построения единой, внутренне согласованной юридической науки решается изолированно, без притязаний на аналогичное переустройство иных областей научного знания.

2. Интегративное правопонимание, методологическая основа которого заимствована в других науках или в философии, но еще не стала традиционной для юриспруденции. Это могут быть идеи феноменологии, философской антропологии, герменевтики, структурализма и т. п. Таковыми представляются диалогическое правопонимание И. А. Честнова, коммуникативное правопонимание А. В. Полякова и некоторые другие (но снова отметим дискуссионность, так интегративный характер «постклассических концепций правопонимания» не признает В. В. Лапаева¹⁴). Создание подобных концепций является частью более широкого процесса внедрения в юриспруденцию нетрадиционных методологических подходов (аксиологии, экономического анализа права, прагматизма и проч.). Может происходить как заимствование методологии, так обращение к правовой проблематике самих пред-

ставителей соответствующих наук и философов. Данная ситуация характерна не только для юриспруденции. Так, методологическая экспансия экономической науки получила собственное название – «экономический империализм»¹⁵, известны примеры и других дисциплинарных империализмов¹⁶. Отличает эту группу то, что «амбиции» подобных методологий ограничиваются несколькими смежными науками, в пределе – всей социально-гуманитарной наукой, но не распространяются на научное знание в целом, включая естественные и технические науки.

3. Интегративное правопонимание, основанное на синергетической методологической парадигме и представляющее право в качестве сложной (сверхсложной), саморазвивающейся, человекоразмерной системы. Этот вариант правопонимания следует выделить в отдельную группу на том основании, что именно синергетику обычно признают наиболее убедительным кандидатом на роль общенаучного методологического подхода. Притязания синергетической методологии максимально амбициозны – здесь постнеклассический тренд на интеграцию научного знания получает свою логическую завершенность. Предполагается, что в результате успешной реализации данного проекта должна быть сформирована единая юридическая наука, когерентная целостной общенаучной картине мира.

Общее у всех выделенных выше групп интегративных подходов – стремление преодолеть методологический и теоретический плюрализм, вернуться к монизму, отличавшему классическую науку, но на новом мировоззренческо-методологическом уровне. В этом схематичном представлении развития науки – «классика – неклассика – постнеклассика» – легко опознается диалектическая триада: «тезис – антитезис – синтезис»¹⁷.

Оценивая конструктивность применения типологии научной рациональности для анализа истории теоретической юриспруденции, нельзя отрицать известных проблем, связанных с ее адаптацией к этому сложному материалу. При этом следует учитывать принципиальное положение, что новый исторический тип научной рациональности не отменяет предшествующие, но ограничивает их применимость. Дискуссии относительно плодотворности различных интегративных концепций правопонимания отчетливо проявляют сосуществование в научном сообществе представителей разных исторических типов научной рациональности. Кроме того, любая концептуализация неизбежно оперирует идеальными типами, в связи с этим справедливым воспринимается замечание Н. Н. Тарасова: «Строго говоря, построить юридическую науку в рамках научной рациональности не удастся и сегодня»¹⁸. Своего решения также требует проблема идентификации модерна, постмодерна, возможно, и пост-постмодерна в оптике концепции исторических типов научной рациональности.

Тем не менее, рассматриваемый подход к концептуализации истории юридической науки представляется перспективным, особенно в своей полной версии. Аргументация о несостоятельности и избыточности деления неклассической и постнеклассической науки для юриспруденции¹⁹ недостаточно убедительна, а описательные и объяснительные возможности модели в этом случае существенно снижаются.

Итак, феномен интегративного правопонимания может быть интерпретирован в логике концепта постнеклассической науки как проявление процесса утверждения в юриспруденции соответствующего исторического типа научной рациональности. Наиболее полно такому пред-

ставлению соответствует правопонимание, основанное на синергетической парадигме.

© Байгутлин Р. И., 2023

¹ *Стёпин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Минск, 2021. С. 460–482.

² См., например: *Евдеева Н. В.* Интегративные теории правопонимания в современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 10.

³ *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 176; *Палеха Р. Р., Ситникова Е. Л.* Первые интегративные теории правопонимания в российской и зарубежной юридической науке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 1(32). С. 38.

⁴ *Яркова Е. Н.* История и методология юридической науки: Учебное пособие. Тюмень, 2012. С. 86; *Карева А. В.* История и методология юридической науки: Учебное пособие. Рязань, 2014. С. 121.

⁵ *Яркова Е. Н.* История и методология юридической науки. С. 77, 80.

⁶ *Палеха Р. Р., Ситникова Е. Л.* Первые интегративные теории правопонимания в российской и зарубежной юридической науке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 1(32). С. 41.

⁷ *Ященко А. С.* Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 183. – <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/81526-yaschenko-a-s-teoriya-federalizma-opyt-sinteticheskoy-teorii-prava-i-gosudarstva-yuriev-1912#mode/inspect/page/201/zoom/5> (дата обращения: 14.02.2023).

⁸ Там же. С. 84.

⁹ Там же. С. 86.

¹⁰ *Евдеева Н. В.* Интегративные теории правопонимания в современной России. С. 11.

¹¹ *Антонов М. В.* Об интегральной юриспруденции и энциклопедии правоведения // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: Материалы Седьмых философско-правовых

чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / Отв. ред. В. Г. Графский. М., 2013. С. 94.

¹² *Честнов И. А.* История и методология юридической науки: Учебник. М., 2023. С. 19, 20.

¹³ *Яценко А. С.* Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. С. 84.

¹⁴ *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. С. 190, 191.

¹⁵ Подробнее см., например: *Черников М. В.* Проблема «экономического империализма»: философско-методологический анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2010. № 1. С. 101–118.

¹⁶ *Розов Н. С.* От дисциплинарного империализма – к Обществу без Границ! («Шенгенский» проект интеграции социальных наук) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 132.

¹⁷ *Яркова Е. Н.* История и методология юридической науки. С. 86.

¹⁸ *Тарасов Н. Н.* История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: Учебное пособие для вузов. М., 2023. С. 45.

¹⁹ *Тимошина Е. В.* Классика, постклассика... неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4(315). С. 8; *Сизова Н. М.* Правовая теория в контексте постклассического типа правопонимания (философско-методологический анализ): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2015. С. 9, 10.

*Е. С. Зайцева**

**ПРАВОПОНИМАНИЕ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Проблема пределов правового регулирования вне зависимости от того, ставится ли она в теоретической плоскости (содержательного анализа самого понятия, выявления критериев, средств, позволяющих наиболее оптимально их установить) или в практической плоскости непосредственно установления пределов в процессе правотворческой или какой-либо иной юридической деятельности, требует обращения к проблеме правопонимания и ответа на вопрос – что есть право? В условиях научного плюрализма и зависимости авторов от характера тех восприятий, которые служат исходным пунктом их мировоззрения в целом и правопонимания в частности, однозначного ответа на вопрос, как понимать пределы правового регулирования, что будет выступать в качестве критериев их установления, с помощью чего их можно устанавливать, быть не может. Каждый исследователь, обращающийся к поиску ответов на поставленные вопросы, должен определиться с ключевой проблемой понимания права и правового, в противном случае поиски пределов правового регулирования, и без того не являющиеся простой проблемой, будут просто бессмысленны.

* *Зайцева Екатерина Сергеевна – докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

В отечественной юридической науке, как правило, проблема пределов правового регулирования рассматривалась и рассматривается в контексте юридического позитивизма¹. В рамках этого типа правопонимания рассуждаем и мы, хотя и с некоторыми существенными оговорками. Стоит отметить, что юридический позитивизм, как и большинство типов правопонимания, вариативен и предполагает наличие различных нюансов и оттенков, проявляющихся в изложении разных авторов на разных этапах развития юридической науки. Обращаясь к оценке позитивизма сегодня, нельзя апеллировать исключительно к его классикам Д. Остину² и Г. Кельзену³, как это часто делают его критики, необходимо учитывать, что основные позитивистские постулаты существенно смягчены его последователями, в том числе и нашими современниками. В процессе сближения юридического позитивизма с иными типами правопонимания, в частности с теорией естественного права, он становится более утонченным⁴, появляется так называемый «мягкий» позитивизм⁵.

Обращаясь к проблеме пределов правового регулирования, отметим, что, на наш взгляд, пределы правового регулирования – это родовое понятие, которое в зависимости от воли субъектов, осуществляющих правовое регулирование, делится на пределы сферы правового регулирования и пределы предмета правового регулирования. Пределы сферы правового регулирования – это границы, в которых должно осуществляться целенаправленное, организационное воздействие с помощью системы правовых средств на общественные отношения, имеющие правовую природу. Пределы предмета правового регулирования – это границы, в которых осуществляется целенаправленное, организационное воздействие на общественные от-

ношения с помощью правовых средств, обусловленное как объективными, так и субъективными факторами⁶.

Разграничение пределов сферы правового регулирования и пределов предмета правового регулирования предполагает, что сфера и предмет правового регулирования – это самостоятельные понятия, каждое из которых имеет свое содержание. Сфера правового регулирования – это совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации. Предмет правового регулирования включает реальные общественные отношения, уже урегулированные нормами права. Несмотря на то, что и в том, и в другом случае речь идет об области «правового», необходимо отметить принципиальную разницу, поскольку в первом случае речь идет об отношениях, которые имеют правовую природу, но при этом не признаны таковыми официально посредством правотворческой деятельности государства, а во втором случае правовыми являются отношения, которые получили формальное закрепление. Можно заметить, что предложенное понимание сферы правового регулирования в большей степени согласуется с положениями социологического подхода и его ключевой идеей о том, что право формируется непосредственно в обществе. Абсолютно поддерживая эту идею принципиально, вместе с тем считаем необходимым сделать существенную оговорку, что с нашей точки зрения сфера правового регулирования характеризует право и правовое в потенциале, но только после осознания этого потенциала государством и закрепления этой сферы в качестве предмета правового регулирования можно говорить о праве и правовом как о регуляторе общественных отношений, способном осуществлять регулятивную и

охранительную функции. И здесь мы солидарны с позитивистами в оценке значимости момента официального признания (или создания) нормы в качестве правовой⁷. Это не означает, что государство должно создавать правовые нормы произвольно, без учета условий жизни и интересов общества. Задача государства в лице законодателя и иных субъектов правотворчества максимально точно установить сферу правового регулирования и закрепить ее в качестве предмета.

Таким образом, сфера и предмет правового регулирования могут быть соотнесены с точки зрения парных философских категорий должного и сущего. И если для ученых вполне закономерно рассматривать право и правовое с позиций не только сущего, но должного и искать критерии для определения сферы правового регулирования в правовой природе общественных отношений, в дальнейшем предлагая учитывать эти критерии законодателю, то правоприменителю, осуществляющему свою деятельность в сфере сущего, необходимо иметь определенные ориентиры, уже предложенные законодателем (или иными субъектами с учетом специфики правовой системы) и в идеале опирающиеся на достижения юридической науки и практики. В этой связи, признавая правильность и достоинства обозначенного положения социологического подхода и необходимость исследования указанных аспектов в рамках юридической науки, тем не менее считаем необходимым при изучении пределов правового регулирования исходить из необходимости признания формальной определенности права как его важнейшего признака, позволяющего провести достаточно четкую границу между правом и иными социальными регуляторами. Наличие этой относительно четкой границы важно как для граждан, поскольку дает понимание, какое поведение является

возможным или должным, так и для правоприменителей, сужая возможности для произвола на уровне их деятельности (что не исключает возможности усмотрения внутри этих границ).

Использование категорий должного и сущего для оценки сферы и предмета правового регулирования и их пределов определяется использованием аналогичных оценок при анализе подходов к правопониманию. Как справедливо отметил профессор О. В. Мартышин, разница между тем, каким право должно быть и какое оно есть в действительности, определяет дихотомию философского (теоретического) и прикладного (практического) подходов, которые были определены еще в античности и нашли свое дальнейшее развитие в философско-правовой мысли, в том числе у И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля⁸.

Нельзя не отметить, что генеральное направление критических высказываний относительно позитивизма связывается с недостаточным вниманием или вообще его отсутствием к содержательной стороне права. Сторонники естественно-правового подхода акцентируют внимание на игнорировании ценностной составляющей, представители социологической школы – на игнорировании потребностей развития общества, обуславливающей дальнейшую эффективность права.

Соглашаясь с необходимостью учета ценностной составляющей при познании права и правового, отметим справедливость критических замечаний в сторону сторонников естественно-правового подхода о некоторой подмене понятий нравственного и правового порядка и подчеркнем важный тезис: «...естественное право практически неосуществимо без позитивного, а духовная основа, нравственная сила позитивного права коренятся в праве естественном»⁹. Применительно к нашей проблеме,

необходимо обозначить следующее. Сфера правового регулирования формируется под воздействием социокультурных ценностей, складываясь исторически и представляя собой «онтологическое основание конкретного общества»¹⁰, они оказывают воздействие на сферу правового регулирования, программируют и направляют поведение людей, определяя дальнейшие векторы правового развития. Их формирование не связано с волей отдельного субъекта, происхождение ценностей коллективно, даже если их оценка исходит от отдельного индивида¹¹. Но эта оценка имеет существенное значение при установлении пределов предмета правового регулирования, которое осуществляется посредством деятельности законодателя. Формальное закрепление ценностей – это результат его концептуального мышления и воли. В силу многообразия ценностей как в рамках разных социокультурных типов порядка, так и внутри каждого из них возникает необходимость установления определенной иерархии и приоритетов, которые в конечном счете эту иерархию могут определять. И то и другое во многом зависит от субъективного восприятия и желания законодателя, который, оценивая меняющуюся историческую ситуацию, закрепляет предмет правового регулирования, тем самым определяя его пределы. В идеале законодатель должен учитывать и закреплять «правильные» ценности, как и призывают сторонники естественно-правового подхода, но в действительности формально закрепленные и реально существующие «правильные» ценности не всегда полностью совпадают (и даже совсем не совпадают), как не совпадают сфера и предмет правового регулирования и их пределы. Здесь противники позитивизма могут возразить, апеллируя к проблеме соотношения права и закона. На наш взгляд, указанные понятия соотносятся как содер-

жание и форма, и их невозможно рассматривать в абсолютном отрыве друг от друга, идеализируя право и критикуя закон. При этом отказ от идеализации права и правового отнюдь не означает отказа от критики содержательной стороны права¹².

Что касается игнорирования потребностей развития общества, то сложно не согласиться с тем, что такая проблема существовала и существует. По большому счету это как раз и есть проблема несоответствия сферы и предмета правового регулирования, когда законодатель в силу разных причин и факторов неправильно оценивает потребность правового регулирования, не учитывает критерии сферы правового регулирования при закреплении ее в качестве предмета. Но в данном случае методология юридического позитивизма нисколько не мешает с одной стороны анализировать и предлагать критерии установления сферы правового регулирования и ее пределов как сферы должного, а с другой рассматривать предмет правового регулирования как область сущего со всеми его достоинствами и недостатками.

Таким образом, юридический позитивизм может выступать в качестве методологической основы установления пределов правового регулирования, не исключая возможности обращения к положениям и идеям, развиваемым в рамках иных типов правопонимания в том случае, если они не противоречат, а лишь дополняют и обогащают избранное генеральное направление. Эксцессы юридического позитивизма заключаются в возведении действующего права и пределов предмета правового регулирования в ранг совершенства, в отказе от критического отношения к ним. Задача юридической науки заключается не только в том, чтобы в случае необходимости дать критическую оценку пределам предмета правового регулирова-

ния, но и в том, чтобы вырабатывать критерии установления пределов сферы правового регулирования, выявлять и совершенствовать юридические технологии, способствующие максимально точному установлению пределов сферы правового регулирования и закрепления ее в качестве предмета.

©Зайцева Е. С., 2023

¹ Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 38–44; Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань, 1987; Сильченко Н. В. Границы деятельности законодателя // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 14–23; Иванов Р. А. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2001. № 4(29). С. 6–18; Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права: Учебное пособие. Иркутск, 2007.

² Остин Д. Определения понятия юриспруденции // Антология мировой правовой мысли. М., 1999.

³ Кельзен Г. Чистое учение о праве. М., 1987.

⁴ Vix V. Jurisprudence: Theory and Context. London, 1996. P. 52. – Цит. по: Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 14.

⁵ Марченко М. Н. «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 2012. № 4. С. 5.

⁶ Зайцева Е. С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект). Омск, 2020.

⁷ Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 264.

⁸ Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 17.

⁹ См.: Байтин М. И. Единство естественного и позитивного права – основа обеспечения прав и свобод человека // Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 136.

¹⁰ Мурашко Л. О. Аксиологическое измерение процесса правообразования: история и современность: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 58.

¹¹ *Ветютнев Ю. Ю.* Аксиология правовой формы. М., 2013. С. 22.

¹² *Толстик В. А.* От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 16.

О. Ю. Ельчанинова*

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

Состояние историко-теоретических наук сегодня показывает, что введение в научный оборот новых источников права пока не позволяет качественным образом скорректировать сложившиеся стереотипы об отечественной правовой системе. Согласимся с тем, что сегодня наши представления об источниках права не отражают всего разнообразия их правовой природы. Более того, многие исторические виды источников отечественного права до сих пор не получили своего глубокого изучения. В этой связи в отечественном правоведении четко обозначилась проблема дальнейшей разработки методологических и методических основ изучения носителей правовой информации, ее систематизации и классификации, то есть выделения в качестве специального раздела юридической науки «юридического источниковедения», которое призвано вооружить исследователей теоретическими знаниями, методологическими и методическими практиками изучения правовых процессов и институтов, и обеспечить конструирование новых знаний о природе и видах источников права.

Фундаментальные исследования по определению сущности понятия «источник права» начались лишь во второй половине XIX в. Уже в первых исследованиях от-

* Ельчанинова Ольга Юрьевна – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России (Москва), кандидат исторических наук, доцент.

мечалась многозначность этой научной категории. Следует также отметить, что подходы к изучению понятия «источник права» в отраслевых юридических и историко-теоретических науках существенно отличаются, поскольку первые, как правило, рассматривают все правовые процессы с точки зрения догмы права, а вторые исследуют исторические предпосылки возникновения отдельных норм, отраслей права, правовых документов, их развитие в ретроспективе. Другими словами, отраслевые юридические науки исследуют действующее в данное время и в данной стране положительное право, а историко-теоретические науки изучают прошлое этого права, с теми изменениями, какое оно испытывало вместе с историческим развитием государства. С точки зрения догматического подхода, источниками права в общем понимании являются действующие нормативные правовые акты. В историко-правовом смысле источник права – это правовой памятник, который может иметь различные формы объективизации.

М. Н. Ясинский в своей работе «Лекции по внешней истории русского права» приводил характерные для России конца XIX в. подходы к определению источников права. Он отмечал, что термин «источники права» употребляется в двояком смысле: во-первых, в смысле «правосозидающих или правосоздающих сил», к которым относят волю законодателя и правовой обычай; во-вторых, в смысле результатов или продуктов творческой деятельности этих сил, иначе говоря, тех форм, в которых выражается право (законы, законодательные акты, обычное право)¹.

В начале XX в. В. И. Сергеевич также двояко определял понятие «источник права»: во-первых, источник права – это «сила», которая производит право, например, зако-

нодательство как сила производящая закон. Во-вторых, под источником права он понимал «продукт этой силы», например, сам закон². Он отмечал, что «второе воззрение имеет дело уже с готовыми нормами, на основании которых разрешаются притязания сторон. Первое идет глубже, к самому источнику этих норм, и имеет целью показать, как возникли эти нормы»³.

Ученый утверждал, что для исследования генезиса русского права необходимо учитывать оба подхода в понимании источника права. По его мнению, исследователь «не может ограничиться одним только собиранием норм обычного или законодательного права, он должен остановиться на самом порядке их возникновения»⁴.

Г. Ф. Шершеневич среди значений этого понятия выделял следующие:

- 1) силы, творящие право;
- 2) материалы, положенные в основу того или иного законодательства;
- 3) исторические памятники, когда-то имевшие значение действующего права;
- 4) средства познания действующего права⁵.

Н. М. Коркунов под источниками права понимал «формы объективирования юридических норм», отмечая важность учения о формах права, поскольку «всякому важно определить наперед, с возможной точностью, при соблюдении каких именно правил он может быть обеспечен от всякого притязания со стороны других и соблюдения чего именно он может требовать от них самих. А это возможно только относительно объективировавшихся норм»⁶.

Изначально российскими юристами за основу бралась западноевропейская позитивистская концепция учения об источниках права, сложившаяся в Европе в XVIII в.,

где понятие «источник права» считалось равнозначным понятию «источник законодательства». Само учение об источниках права (законодательства) рассматривалось в рамках научной дисциплины «История законодательства».

Эта тенденция нашла яркое отражение в фундаментальном исследовании К. А. Неволина «Энциклопедия законовещения». В книге практически не употребляется понятие «право», исследование посвящено именно отечественному и зарубежному законодательству. К. А. Неволин в гл. III «Внешняя история законодательства России», в частности, отмечал, что: «главнейшими источниками, откуда можно почерпнуть сведения о русском законодательстве, суть: 1) узаконения и законные книги, изданные в разные времена, куда относятся также грамоты уставные, судные, губные, жалованные и наказы; 2) акты юридические, как то: грамоты договорные, духовные, отдельные и т. п.»⁷.

Кроме того, во второй половине XIX в., восприняв концепцию Г. В. Лейбница о двухчленном делении науки истории права, в России утверждается деление этой науки на две части: внешнюю историю права и внутреннюю историю права.

Ф. В. Тарановский считал, что учение об источниках права является предметом внешней истории права⁸. Кроме того, под внешней историей он понимал историю тех норм права, в которые облекались и в которых выражались юридические нормы народа в различные эпохи его существования⁹. Иначе говоря, под внешней историей ученый понимал историю источников права.

Ф. И. Леонтович под внутренней историей права понимал историю содержания права, то есть историю самих юридических норм и институтов права. Внутренняя история права выявляла «развитие отдельных отраслей зако-

нодательства с древнейшей эпохи до новейшего времени»¹⁰.

По его мнению, внешняя история права изучала правовые памятники как обособленный документ с точки зрения времени их создания; выявления органов государства или отдельных должностных лиц, создавших документ; подлинности или подложности документа; причин, повлиявших на создание нормативного акта; влияния на законодательство последующих исторических периодов и т. д.; а внутренняя история права занималась изучением содержания памятников права, отдельных норм.

Обоснованию понятия «источник русского права» уделялось также большое внимание российскими юристами. Большая часть исследователей под источниками русского права понимали писаное законодательство различных периодов, причем, как правило, это понятие включало в себя все акты верховной власти, как единоличной (князь, царь, император), так и коллегиальной (например, Боярская дума, Сенат и пр.). При характеристике отечественного права конкретного периода к источникам русского права, как правило, относили также судебную практику и частноправовые договоры.

Существовали и другие подходы к содержанию понятия «источники русского права». Например, Ф. В. Тарановский считал, что при отсутствии или скудности писаных памятников права в качестве источников исторического познания права можно использовать летописи, хроники, путевые заметки, мемуары, произведения народной словесности и т. д.¹¹ Неписанные источники – обычаи, признавались в качестве источников русского права лишь применительно к древнерусскому периоду. В этот период обычаи, выступая в качестве важнейшего социального регулятора, принимали различные формы вы-

ражения: обряды, пословицы, юридические символы, формулы, песни, сказания и т. п.¹²

Таким образом, юридическое источниковедение помогает исследователю вводить в научный оборот новые носители информации об источниках русского права, что имеет большое теоретическое и практическое значение. Во-первых, апробированные исследовательские практики по систематизации этого материала способствуют активизации научного поиска в деле разработки учения об источниках права. Во-вторых, это позволяет сохранить преемственность отечественной правовой традиции. В-третьих, способствует расширению знаний и представлений об эволюции национальной правовой системы.

© Ельчанинова О. Ю., 2023

¹ Ясинский М. Н. Лекции по внешней истории русского права. Киев, 1898. С. 8.

² Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 4.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 2. М., 1910. С. 368–369.

⁶ Коркунов Н. М. Общее учение о праве. СПб., 1908. С. 169.

⁷ Неволин К. А. Энциклопедия законовещения. Т. 2. Киев, 1840. С. 574.

⁸ Тарановский Ф. В. Предмет и задача так называемой внешней истории права // Записки русского научного института в Белграде. Вып. 1. Белград, 1930. С. 70.

⁹ Ясинский М. Н. Лекции по внешней истории русского права. С. 4.

¹⁰ Леонтович Ф. И. История русского права. Одесса, 1869. С. 7.

¹¹ Тарановский Ф. В. Предмет и задача так называемой внешней истории права // Записки русского научного института в Белграде. Вып. 1. С. 82.

¹² Белик В. Н., Романов И. Б. Историко-теоретические особенности восприятия правового обычая в качестве

источника права в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 91–105.

А. А. Зозуля*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА КАК ФАКТОР ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

В настоящее время аксиоматичным можно признать тезис о том, что состояние правовой системы современного общества зависит не только от этатистского её компонента, но скорее от системы факторов, определяющих содержание позитивного права и эффективность правового регулирования. Одним из таких факторов является юридическая доктрина. В современном российском праве доктрина, являясь сложным правовым феноменом, рассматривается исследователями в различных ракурсах: как определенные правила для разрешения каких-либо юридических проблем различных уровней обобщения; как доктринальные тексты наиболее известных юристов или их мнения по конкретным проблемам права; в качестве официально признанных документов концептуального характера; как учение, научная или философская система взглядов; как господствующая правовая идеология; как юридическая наука в целом. Такая разноуровневая многозначность категории «юридическая доктрина» требует выделения его определенных аспектов.

В общеправовом аспекте под юридической доктриной следует понимать юридическую науку в целом или доминирующие правовые концепции и теории, не оказываю-

* *Зозуля Александр Александрович* – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, кандидат юридических наук.

щие непосредственное нормативное регулятивное воздействие на правоотношения. В специально-юридическом понимании доктрина представляет собой доктринальные тексты признанных специалистов в области права, являющиеся источником норм права. Объективно-правовой аспект доктрины – это в той или иной форме официально признанные государством документы концептуального характера. Суммируя различные научные взгляды, в самом общем виде юридическую доктрину можно определить как многоаспектный правовой феномен, являющийся комплексным фактором правообразования, в различных формах оказывающим влияние на содержание и состояние действующего права.

Влияние доктринального фактора заметно на различных этапах становления и развития отечественной правовой системы. Уже в период крещения Руси проявляется воздействие христианско-правовой доктрины на древнерусское право, что подтверждается рядом историко-правовых фактов: – распространением и влиянием на светские правоотношения канонического права; – включением правовых норм, исходящих из положений христианской религии, в правовые акты¹; – формированием правовой идеологии, которой придерживалась государственная власть. В период реформ Ивана Грозного, помимо влияния религиозно-доктринального фактора (теория нестяжательства), особенно заметно воздействие на государственно-правовые процессы политико-правовой доктрины И. Пересветова. Ряд новых для России государственно-правовых понятий, привнесенных Екатериной II через свои законопроекты в российское право, основаны на работах Монтескье, Беккариа, немецких юристов Блюменфельда и Зонненфельса². Этапные преобразования XIX в. также отмечены влиянием на позитивное пра-

во политико-правовых доктрин. Так, концепция государственно-правовых новаций в России М. М. Сперанского во многом была реализована благодаря высокому авторитету автора и возможности его личного общения с императором³.

В период становления социалистического государства одной из основ новой правовой системы явилось так называемое «революционное правосознание». Поскольку оно формировалось на основе марксистско-ленинского учения, есть основание полагать, что на этом этапе главным источником права была коммунистическая политико-правовая доктрина, являвшаяся источником как для определения содержания законодательства, так и для непосредственного принятия правоприменительных решений. В более поздний период советское право представляло собой своеобразное двухмерное образование, в котором нормативная составляющая существовала в рамках классовой концепции правопонимания. Доктрина, являлась идеологическим источником содержания основных норм советского права, оказывала регулятивное воздействие как правило опосредованно – через нормативно-правовые акты.

Обобщая специфику влияния доктринального фактора на различных этапах развития российской правовой системы, можно выделить следующие его характеристики: – длительное преобладание религиозных и политико-правовых, а не собственно юридических доктрин; – зависимость регулятивного потенциала доктрин от степени их влияния на правосознание первых лиц государства; – сравнительно позднее становление юридической науки и отсутствие в связи с этим традиции использования доктрины как формально-юридического источника права.

В постсоветский период положительной тенденцией

стало подлинно научное развитие методологии правове-
дения, что объективно вызвало качественное изменение
доктринального фактора. Исследование правотворческой
и правоприменительной практики позволяет выявить ряд
основных направлений (форм) воздействия юридической
доктрины на позитивное право. Во-первых, это проводи-
мая специалистами в области права экспертиза проектов
нормативных правовых актов в процессе правотворче-
ской деятельности, которая осуществляется не только в
факультативном порядке, так сказать по «доброй воле»
законодателя, но и на основании нормативно закреплен-
ной процедуры⁴. Во-вторых, включение важнейших кон-
цептуальных положений, выработанных юридической
наукой, в основные нормативно-правовые акты в каче-
стве базовых начал правового регулирования. Здесь мож-
но отметить значительную часть конституционно-
правовых норм, нормы-принципы, нормы-дефиниции и
другие исходные нормы.

Непосредственная разработка учеными-юристами и
практическими специалистами в области права проектов
нормативно-правовых актов, принимаемых затем уста-
новленным порядком субъектами правотворчества – еще
одно направление влияния доктринального фактора. Эта
форма наиболее характерна для модельного законодатель-
ства⁵. Четвертым направлением следует выделить исполь-
зование общепризнанных научных положений как осно-
ваний для принятия правоприменительных решений.
Обозначенное проявление доктринальности права можно
считать наиболее дискуссионным в современной науке,
поскольку выводы исследователей находятся в диапазоне
от признания юридической доктрины формальным ис-
точником российского права до отрицания у неё регуля-
тивного функционала. В качестве подтверждения норма-

тивного характера правоположений, выработанных юридической наукой, чаще всего ссылаются на случаи их использования в практике высших судебных инстанций для мотивировки принимаемых решений⁶.

Еще одним неоднозначным проявлением доктринального фактора является государственная легитимация разработанных наукой доктрин и концепций по различным направлениям правового регулирования. В частности, сфера обеспечения безопасности характеризуется значительным количеством документов доктринального (концептуального) содержания, утвержденных нормативными правовыми актами различной юридической силы⁷, в том числе в межгосударственном масштабе. Указанные документы представляют собой особые правовые явления, которые одновременно имеют черты и нормативно-правового акта, и политико-правовой идеологии, и стратегического планирования, но не сводятся полностью ни к одному из них. Как справедливо отмечает в этом контексте Р. А. Ромашов, российская правовая система, не воспринимая концептуальную и аутентичную доктрину в качестве правовой формы, вместе с тем активно использует обличенные в самостоятельную документальную форму доктринальные правовые акты: стратегии, доктрины, концепции⁸.

По сути эти документы содержат официальные взгляды по важнейшим проблемам государственно-правового развития – как в настоящем моменте так и в стратегической перспективе. Их правовая природа характеризуется непосредственной связью с государством, господствующей юридической идеологией и политическим вектором, целеполаганием, программностью и концептуальностью. В юридическом аспекте они представляют собой комплекс, систему научно выверенных правоположений, и в этом

виде являются специфической нормативной формой организации научно-правового знания, дающей целостное представление о существующих связях в конкретной области правовой действительности.

Обозначенные формы влияния юридической доктрины на процессы правообразования свидетельствуют о значительности её роли в современной правовой системе российского общества и демонстрируют наличие широкого поля для дальнейших научных исследований в этом направлении в целях повышения эффективности правового регулирования.

© Зозуля А. А., 2023

¹ Русская правда // Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. 4. М., 1999. С. 29.

² *Володарский Я. Е.* Екатерина II: от французской философии к русской действительности // Реформы и реформаторы в истории России: Сборник статей / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1996. С. 59.

³ *Мицкевич А. В.* Систематизация законов Российской Империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 158.

⁴ См., например: Закон Тюменской области от 7 марта 2003 г. № 121 «О порядке подготовки, принятия и действия правовых актов Тюменской области» (ред. от 3 октября 2022 года) // Вестник Тюменской областной Думы. 2003. № 4. Ст. 21. www.pravo.gov.ru – 3.10.2022.

⁵ См., например: *Колесник А. А.* О совершенствовании методических основ модельного законотворчества в Организации Договора о коллективной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 1(54). С. 39–48.

⁶ Подобная практика имеется в деятельности высших судебных инстанций в случаях пробельности или коллизионности правовых норм. См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 года «По делу о толковании положений статьи 111 Конституции Российской Федерации»

№ 28-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 52. Ст. 6447.

⁷ В их числе можно назвать Доктрину энергетической безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216), Доктрину информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646).

⁸ Ромашов Р. А. Правовые доктрины и доктринальные правовые акты // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 10. С. 22.

Е. В. Леонова*

Т. Г. Лясович**

ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК ИНДУИСТСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В рамках современного учения об источниках права место обычая в системе источников права определяется типом правовой семьи (романо-германской, общего права, традиционной и др.)¹, к которой принадлежит правовая система конкретного государства².

Правовая система современной Республики Индия отличается особой аутентичностью и относится к традиционной (религиозно-правовой) семье, в которой обычай (ачара, адачара) как регулятор общественных отношений занимает особое место. Это связано, прежде всего, с тем, что в рамках рассматриваемой правовой системы в качестве определяющего выступает национально-религиозный фактор, то есть тот факт, что «весь комплекс сложившихся правовых установлений распространяется исключительно на индусов, основу жизни которых образует система ценностей и норм индуизма»³. Исторически в основу индуизма и его отдельных направлений (буддизма, джай-

* *Леонова Елена Владимировна* – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

** *Лясович Татьяна Георгиевна* – доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Мурино Ленинградской области), кандидат юридических наук, доцент.

низма, сикхизма и др.) были заложены основополагающие принципы, которые, не имея единой религиозной основы, находились в тесной взаимосвязи с местными обычаями как регуляторами общественных отношений и образовали единую религиозно-правовую систему регуляции правил поведения в обществе.

В истории развития индуистского обычного права традиционно выделяют три периода: классический (древний), колониальный и современный⁴.

В рамках первого периода конкретизировать роль обычая как социального регулятора общественных отношений чрезвычайно сложно, так как имело место единство и неразрывная связь между различными социальными регуляторами, в большинстве своем носящими неправоподобный характер. Представление о дхарме, сформировавшееся в этот период и получившее закрепление в древних Законах Ману, подчеркивает неразрывную связь права, религии, морали и обычая⁵.

Характеристику этого периода в развитии индуистского обычного права дает Субодха Астана (Национальный юридический университет им. Хидаятуллы (Республика Индия)). Он отмечает, что «в древности в силу отсутствия законов члены социума руководствовались исключительно обычаями, распространенными в конкретной общине или конкретной местности»⁶.

На данном этапе обычаи выступали в качестве обязательных регуляторов общественных отношений ввиду как их практической полезности для местного населения⁷, так и традиционности их восприятия как некоей исторической и культурной народной ценности, уважительно относится к которой и исполнять – обязанность каждого члена социума.

О значении обычаев в рамках древнего периода развития индуистского обычного права упоминает и другой индийский исследователь Салмонд⁸, который отмечает, что «тихий и негромкий голос обычая в древнем индуистском праве стал стандартом справедливости и открытой полезности»⁹. Уже вышеупомянутые Законы Ману содержат множество примеров древних обычаев – традиции варново-кастового устройства индусского общества, эндогамность браков, подчиненное положение женщины в семье, ее неспособность к самостоятельности (гл. 9 ст. 3)¹⁰ и др. В то же время на практике существовали и иные обычаи, прямо не прописанные в законе, но отличавшиеся особой «живучестью» в народной среде. Так, к примеру, древний обычай сати – самосожжения (самоубийства) вдов после смерти супруга долгое время были распространены в сельской местности различных районов Индии¹¹. Таким образом, можно заключить, что обычай в древности играл роль приоритетного источника права, который трактовался как поведение «добрых, рассудительных людей» в соответствии с моралью и общественной пользой¹².

Колониальный период развития обычного индуистского права характеризуется ситуацией параллельного сосуществования норм колониального права и норм обычного индуистского права с частичной легитимацией последних. В рассматриваемый период наблюдается несколько тенденций в отношении обычного индуистского права: португальцы, к примеру, противостояли местным обычаям, считая их вредными; британцы относились к ним сдержанно, считая частью местной национальной культуры и религии.

В более поздний период появился ряд нормативных актов, регулировавших те сферы общественных отноше-

ний, которые ранее подпадали под юрисдикцию норм обычного в рамках традиционных религиозных систем (в основном, это касалось семейно-брачной сферы). К примеру, в 1872 г. был принят Закон «Об индийских христианских браках», в 1937 г. – Закон «О порядке применения мусульманского личного права (шариата)», в 1939 г. – Закон «О мусульманских разводах» и т. д.¹³. Эти акты фактически делали легитимными ряд норм обычного права, касающихся заключения и расторжения браков и регулирующих иные вопросы семейно-правового характера.

После признания независимости Индии (и вплоть до настоящего времени) в Индийской республике действует принцип верховенства права, что в то же время не означает исключения правового обычая из системы источников права. В Индии правовой обычай является элементом правовой системы, что обусловлено «мультиэтнической природой Индийского государства, а также важностью учета специфики различных этносов при реализации последними прав и обеспечении их эффективной защиты. Такой подход вполне объясним: до сих пор большая часть населения Индии живет в общинах в провинции, где особым авторитетом пользуются древние обычаи.

Правовой обычай как источник права в рамках сложившейся правовой системы современной Индии обладает рядом специфических свойств: во-первых, «ввиду отсутствия письменной формы правовой обычай не соответствует принципу правовой определенности»¹⁴; во-вторых, действие правового обычая ограничено по кругу лиц, то есть некоторые обычаи распространяются лишь на членов конкретной этнической общности; в-третьих, правовые обычаи различных социальных групп могут отличаться друг от друга. К примеру, в Индийской республике, по оценкам исследователей, действуют два вида право-

вых обычаев: общие правовые обычаи и племенные (местные) правовые обычаи, связанные с конкретной общностью или местностью»¹⁵. В свою очередь, последние представлены двумя группами обычаев: местные обычаи, связанные с конкретной местностью и представляющие некую абстрактную норму, сформировавшуюся в рамках индуизма, ислама и христианства, и индивидуальные местные обычаи, связанные с конкретным племенем, кланом или семьей¹.

Современное законодательство Индийской Республики отводит особое место правовому обычаю как регулятору порядка осуществления отдельных личных прав. Так, в законе «Об индуистских браках» (ст. 4)¹⁶ указано, что его действие отменяет любой ... обычай или обыкновение, имеющие силу закона. В то же время сохраняется действие обычаев и индуистского права в части вопросов, которые не были урегулированы законом. В ст. 5 рассматриваемого Закона перечислены вопросы, которые могут быть урегулированы обычаем, в семейно-брачной сфере. К примеру, обычаями могут быть установлены дополнительные условия для вступления в брак индуистов (ст. 5) и регламентирован порядок проведения бракосочетания (ст. 7).

В Основном законе Индийской республики – Конституции (ч. 3 ст. 13)¹⁷ прямо прописано, что обычай (или обыкновение), имеющий силу закона, может быть использован для регулирования прав и свобод человека. В практике Верховного суда Индии встречаются дефиниции, содержание которых отражает особый подход правоприменителя к юридической силе правового обычая как регуля-

¹ *Subodh A. Custom as a Source of Law*, June 12, 2019. – <https://blog.ipleaders.in/customs-source-law/> (дата обращения: 06.02.2023).

тора общественных отношений. К примеру, в судебном решении по делу «Кумараппа Четтиар и другие против Самианта Четтиар» было дано определение «обычая семьи» как «правила, действующего в отдельной семье или конкретной местности, которое в силу длительного использования приобрело законную силу». Аналогичное определение встречается и в деле «Хурпуршад против Шеб Даял»¹⁸.

Таким образом, можно заключить, что обычное индуистское право стало частью правовой системы современной Республики Индия, а правовой обычай, признаваемый прецедентной практикой, является эффективным регулятором общественных отношений.

В то же время в отношении применения обычаев как регулятивных инструментариев действует ряд правил: во-первых, невозможность применения метода аналогии в отношении обычая¹⁹; во-вторых, обычай должен быть подтвержден доказательствами сторон; в-третьих, правоприменители лишены права делать вывод о существовании обычая из положений другого обычая, а также обязаны оценивать конкретный обычай строго в рамках представленных сторонами доказательств.

Примечательно, что в ряде штатов Индии (Ассам, Мегхалая, Трипура, Мизорам, Нагаленд) признается приоритетная роль правового обычая (не закона) при урегулировании отдельных вопросов. Это объясняется проживанием на территории этих штатов большого количества племен, ведущих традиционный образ жизни и руководствующихся обычным правом при решении большинства вопросов повседневной жизни. Законодатель официально признал, что местное население этих штатов не готово отказаться от применения обычая, поэтому действие обычного права по кругу лиц здесь сохраняется в полном объеме, несмотря на общую тенденцию в государственной

практике вытеснения обычного права правом государственным.

Таким образом, применительно к правовой системе Индийской республики можно говорить о реализации двух концепций обычного права: обычного права в рамках религиозных правовых норм, а также обычного права в рамках правовых установлений отдельных этнических общин. Особенностью концепции обычного права в современной Индии является доминирующая роль государства в установлении пределов применения обычая для отдельных этнических и религиозных общностей. Так, на практике создается ситуация, когда право обращения к правовым обычаям гарантируется каждому гражданину, в то же время объем данного права в значительной степени дифференцирован в зависимости от того, о ком идет речь – представителях индуистской и мусульманской общин или жителях племен штатов Мизорам или Нагаленд²⁰.

© Леонова Е. В., Лясович Т. Г., 2023

¹ Дашин А. В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006; Нижник Н. С. Обычное право с позиции неклассической методологии (рецензия на монографию И. Б. Ломакиной «Обычное право: Институциональный аспект (теоретико-правовой анализ)» СПб.: Астерион, 2005. – 284 с. // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2005. № 4. С. 139–139; Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты / Под ред. Р. А. Хачатурова. М., 2019.

² Лясович Т. Г., Пархоменко И. К. Обычай как источник права и его роль в регулировании общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 2(39). С. 22–28.

³ Андреева И. А., Матанцев Д. А. Сравнительное правоведение. М., 2021. С. 53.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ *Olivelle P.* The Law Code of Manu. Oxford World's Classics, 2009. P. 51.

⁶ *Subodh A.* Custom as a Source of Law. June 12, 2019. – <https://blog.iplayers.in/customs-source-law/> (дата обращения: 06.02.2023).

⁷ Согласно современной концепции обычного индуистского права обычай должен отличаться разумностью, а его применение должно быть выгодно и полезно для широкой общественности. В случае возникновения судебного разбирательства бремя доказывания необоснованности (неполезности, неразумности) обычая лежит на той стороне, которая оспаривает его применение. На практике, критерием неразумности обычая является тот факт, что его применение привело к причинению ущерба, который не был бы причинен, если бы обычай не применялся.

⁸ *Mayank S.* Sources of Law, 13.08.2019. – <http://legalbites.in> (дата обращения: 03.02.2023).

⁹ Там же.

¹⁰ Законы Ману // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / Отв. ред. Н. А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века / Сост. О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз. М., 2007.

¹¹ Последние случаи сати были зафиксированы в 2006 г. в районе Сагар и в районе Фатехпур штат Уттар-Прадеш // BBC News. Sons arrested in sati death probe, 22.08.2006. – <http://news.bbc.co.uk> (дата обращения: 05.02.2023).

¹² *Рубаник В. Е.* История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2011. С. 52–53.

¹³ *Vikas A.* Historical Development of Muslim Law. 15.01.2020. – <https://legalbites.in> (дата обращения: 05.02.2023); *Christian Law Regarding Marriage and Divorce in India: Indian Christian Marriage Act, 1972.* – <http://legalserviceindia.com> (дата обращения: 04.02.2023).

¹⁴ *Кузнецова С. С.* Правовой обычай в концепции верховенства права в Индии и Южно-Африканской Республике (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 5. С. 37.

¹⁵ *Jetty S. K.* A Study of the Social Structures in India: Evolution of Caste and Formation of Lower Castes in India'. Columbus State University. October, 2018. – <https://researchgate.net> (дата обращения: 04.02.2023).

¹⁶ *Christian Law Regarding Marriage and Divorce in India: Indian Christian Marriage Act, 1972.* – <https://legalserviceindia.com> (дата обращения: 04.02.2023).

¹⁷ *Constitution of India.* National Portal of India. – <https://www.india.gov.in/my-government/constitution-india> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁸ *Кузнецова С. С.* Правовой обычай в концепции верховенства права в Индии и Южно-Африканской Республике (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 5. С. 36.

¹⁹ *Subodh A.* Custom as a Source of Law, June 12, 2019. – <https://blog.ipleaders.in/customs-source-law/> (дата обращения: 06.02.2023).

²⁰ *Кузнецова С. С.* Правовой обычай в концепции верховенства права в Индии и Южно-Африканской Республике (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 5. С. 46.

*Е. Ю. Сальникова**

ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Юридические заблуждения, являясь одним из элементов познавательного процесса, становятся одним из негативных факторов, оказывающих влияние на регулирование общественных отношений. Заблуждение является феноменом общеправового характера, и от него не защищена ни одна сфера юридической деятельности. Это предопределяет необходимость их выявления и преодоления, в целях дальнейшего совершенствования правотворческой, правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности.

«Заблуждение, – писал Гегель, – есть нечто положительное как уверенное в себе и отстаивающее себя мнение относительно того, что не есть в себе и для себя сущее»¹. Заблуждение, таким образом, в общетеоретическом смысле следует понимать как знания, которые не соответствуют действительности, как ложные суждения. Юридическое же заблуждение, исходя из указанного, выступает как неверное восприятие правовой действительности, связанное с несоответствием полученного знание предмету. Таким образом, возникновение заблуждений в ходе деятельности по регулированию общественных отношений

* Сальникова Елизавета Юрьевна – следователь следственного отдела ОМВД России по г. Бор Нижегородской области; адъюнкт кафедры теории государства и права Нижегородской академии МВД России.

приводит к возникновению дальнейших правоприменительных ошибок, нарушению прав человека.

Заблуждение может возникать как в связи с неведением по конкретному вопросу юридической деятельности, так и по причине ложной оценки процессов и фактов правовой действительности. В качестве примера выступает неверная уголовно-правовая квалификация деяния лица, осуществленная субъектом правоприменения, сформированная в связи с неполнотой сведений о совершенном лицом деянии.

Выявление юридического заблуждения должно осуществляться в рамках установления ложности такого суждения, и преодоления видимости его истинности². Поскольку заблуждения могут основываться как на неверных предпосылках о факте, так и на неверных выводах, сделанных из истинных предпосылок, выявление и преодоление таких явлений также реализуется несколькими способами. Рассмотрим их более подробно.

Для выявления и преодоления заблуждения, основанного на неверных предпосылках о факте, необходимо установление субъектом юридической деятельности истинных сведений о предмете. Поскольку регулирование общественных отношений реализуется как нормативными (посредством издания общеобязательных норм права), так и индивидуальными средствами (в рамках издания индивидуальных правоприменительных актов), заблуждения могут возникать и при правотворческой, и при правоприменительной деятельности, и заблуждения, связанные с неверными предпосылками о факте, являются наиболее характерными для последнего из указанных видов юридической деятельности. Для выявления такого вида заблуждения требуется установление объективной истины, для дальнейшего формирования правильных выводов и

принятия соответствующего решения. Так, например, в рамках расследования уголовного дела для справедливого привлечения лица к уголовной ответственности необходимым является исследование фактов, предоставляемых как потерпевшей стороной, так и стороной защиты, а также иных сведений, которые могут быть получены исходя из исследования объективной действительности (материальные и идеальные следы преступления). Это является необходимым, поскольку первоначальные сведения о факте могут быть ложными как в связи с необъективным восприятием действительности пострадавшим лицом, так и в связи с предоставлением им правоохранительным органам заведомо ложных сведений о факте.

Заблуждения, основанные на неверных предпосылках о факте, могут возникать и в рамках правотворческой деятельности. Субъект, являющийся инициатором принятия нормативного акта, может не обладать всей полнотой сведений об общественных отношениях, в отношении которых необходимо правовое регулирование. По этой причине для принятия качественного нормативного акта необходимо исследование соответствующих общественных отношений в наиболее полном объеме. Установление объективной истины о факте, в отношении которого осуществляется правоприменительная или правотворческая деятельность, таким образом, является способом преодоления указанного вида заблуждения.

Другим видом юридического заблуждения, как было указано выше, является заблуждение, основанное на истинных предпосылках, но сформированное на основе неверных выводов из данных предпосылок. Так, при осуществлении правоприменительной деятельности субъекту необходимо квалифицировать деяние лица и применить в его отношении соответствующую норму права, однако

формирование неверного вывода о квалификации деяния приводит к правоприменительной ошибке и, таким образом, нарушению прав конкретного лица или группы лиц. Неверные выводы о факте могут существовать и в рамках правотворческой деятельности, что приводит к принятию решения об издании нормативного акта, некачественно регулирующего соответствующие общественные отношения. И такое заблуждение имеет больший объем негативных последствий, поскольку действие нормативного акта распространяется на неопределенный круг лиц. В целях выявления таких заблуждений следует осуществлять проверку на наличие логических ошибок в мыслительной деятельности субъекта. Для этого необходимо исследование всей совокупности истинных фактов, являющихся предпосылками для суждения.

Подводя итоги рассмотренному, можно сделать следующие выводы. Выявление и преодоление юридических заблуждений, которые могут формироваться на основе неистинных фактов или неверных выводов из истинных фактов, является важным элементом в ходе правотворческой и правоприменительной деятельности, необходимым для предупреждения нарушения прав человека и повышения качества регулирования общественных отношений.

© Сальникова Е. Ю., 2023

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб., 2002. С. 396.

² Платонова Т. В. Доктринальное толкование категорий «ошибка» и «заблуждение» // Молодой ученый. 2019. № 47(285). С. 354–356.

*Д. А. Матанцев**

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Вопросы видовой дифференциации правового поведения достаточно давно находятся в фокусе внимания теоретико-правовой науки. При этом многие авторы исходят из его дихотомического деления на правомерное и противоправное. А. С. Шабуров отмечает, что в основе деления правового поведения на виды лежит два критерия: его юридическая оценка (соответствие или противоречие правовым предписаниям) и социальная оценка (социальная польза или вред). Сочетание этих двух критериев позволяет автору выделить следующие разновидности правового поведения: правомерное поведение, правонарушение, злоупотребление правом и объективно-противоправное деяние¹.

Не подвергая обстоятельному анализу представленные подходы к типологии правового поведения, необходимо отметить, что выделяемые типы (виды) правового поведения не являются абсолютной константой, а выступают результатом исторического развития права и юридической мысли. Например, понятие «правонарушение» (деликт) было известно еще в римском праве, тогда как понятие «правомерное поведение» – результат позднейших теоретико-правовых обобщений. Понятия «злоупотребление правом» и «объективно-противоправное деяние» так-

* *Матанцев Дмитрий Александрович* – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва), кандидат юридических наук, доцент.

же вошли в юридический лексикон значительно позднее.

Однако даже если не брать во внимание эти терминологические особенности, следует отметить, что границы правомерного поведения и правонарушения достаточно подвижны в исторической ретроспективе. Правомерное поведение очерчивается границами дозволенного (возможного, необходимого) поведения, а правонарушение – запрещенного. Обращение к первым памятникам права (Русской правде, Законам Хаммурапи, Законам XII таблиц и др.) позволяет обнаружить, что основным способом правового регулирования в них является запрет. Обязывающие и разрешающие нормы права, если и присутствуют, то имеют ограниченную сферу действия (преимущественно наследственные отношения и отношения собственности). В результате, правонарушения приобретают более выраженные нормативные границы, тогда как понятие правомерного поведения в тот период времени остается достаточно размытым.

С развитием права, юридической техники растет количество позитивных правовых норм, увеличивается количество не только запретов, но также обязывающих и разрешающих норм. При этом грань между запретами и дозволениями остается «плавающей»: в разные исторические периоды одни и те же деяния могут признаваться дозволенными или запрещенными. В современной науке уголовного права этот феномен криминализации / декриминализации правового поведения изучен достаточно подробно. При этом исследователи данные процессы анализируют, преимущественно сопоставляя советское и современное уголовное законодательство. Так, В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов выделяют следующие общие факторы декриминализации преступного деяния²:

– изменение системы политических и экономических

отношений (смена командной системы хозяйствования на рыночную привела к утрате социальной вредности такого деяния, как извлечение нетрудовых доходов);

– трансформация системы нравственных ценностей (например, декриминализация норм об укрывательстве преступника – близкого родственника);

– общая либерализация уголовного закона (с одновременным развитием системы административных правонарушений);

– массовый характер правонарушений и невозможность достигнуть цели государственного принуждения уголовно-правовыми средствами (например, декриминализация самогоноварения).

Полагаем, обозначенные общие факторы можно эксплицировать и на иные исторические периоды развития законодательства. Кроме того, они оказывают влияние не только на процессы трансформации правомерных и противоправных действий, но также на внутреннюю дифференциацию самих правонарушений на отдельные виды. Так, в римском праве становление института деликтной ответственности, пришедшего на смену кровной мести, и последующую дифференциацию частных и публичных деликтов связывают с укреплением институтов государственной власти, развитием товарно-денежных отношений³.

Дифференциация уголовных и административных правонарушений вызывает оживленные споры в юридической науке. Исторически разграничение данных видов правового поведения осуществлялось по видам и размерам наказания, позже – по порядку применения ответственности. И только с принятием Основ законодательства СССР об административных правонарушениях в 1980 г., и в их развитие – КоАП РСФСР в 1984 г., форми-

руется легальное представление о понятии административного правонарушения, при этом основным критерием его отграничения от преступления становится характер общественной вредности (опасности). Однако и последний критерий не является достаточно надежным, поскольку многие деяния постоянно «качуют» из КоАП в УК и обратно (наиболее яркий пример – клевета и оскорбление). Разграничение административных правонарушений и преступлений в современном законодательстве зачастую имеет только догматическое объяснение и проводится исключительно по субъектному составу – административная ответственность наступает в отношении юридических лиц, уголовная – в отношении физических. Это во многом связано с тем, что уголовное право продолжает зиждиться на классических взглядах о возможности привлечения к уголовной ответственности только человека.

Предыдущее изложение демонстрирует нам динамизм правового поведения с той точки зрения, что одни и те же деяния в различные временные континуумы в силу различных обстоятельств могут попадать либо в разряд правонарушений (с последующей их дифференциацией по видам), либо в разряд правомерных деяний. Но из этого не следует с очевидностью, что все обозначенные факторы оказывают влияние на устоявшуюся типологию правового поведения.

Если мы отойдем от дихотомического подхода к типологии правового поведения и попытаемся проследить исторические особенности обособления таких видов правового поведения, как злоупотребление правом и объективно противоправное деяние, мы обнаружим, что данные тенденции также обусловлены рядом обстоятельств. Развитие догмы права, юридических конструкций состава правонарушения, представлений о признаках и составе

правомерного поведения привело в том числе к тому, что отдельные проявления человеческой активности в области права не могли вписаться в классическую дихотомическую модель. Например, злоупотребление правом имеет сложную природу и объединяет в себе два противоречивых начала – соответствие нормам права (осуществление субъективного права) и социально вредный результат поведения. На формирование концепции злоупотребления правом, помимо догматических метаморфоз, повлияли и политико-правовые идеи солидаризма, социальной функции права⁴.

Объективно противоправное деяние также не вписывается в догматическую конструкцию состава правонарушения ввиду специфики субъекта и субъективной стороны деяния. А. А. Гогин обращает внимание на то, что на развитие представлений о данном правовом поведении повлияли в том числе достижения психиатрической науки⁵. Последнее обстоятельство вызывает особый интерес и позволяет ставить вопрос, может ли развитие науки, техники, технологий влиять не только на квалификацию поведения в рамках имеющихся типов, но открывать возможности для выявления новых типов?

В условиях цифровизации общественных отношений, развития технологий искусственного интеллекта возникает целый пласт проблем и вопросов, касающихся правового поведения. Меняет ли цифровизация сущность самого поведения человека или только его внешние очертания и способы реализации? Способно ли развитие технологий привести к новым цифровым субъектам и можно ли говорить в этом случае о цифровом поведении как новом типе правового поведения? Ответы на эти и многие другие вопросы заслуживают самостоятельного научного осмысления. Можно лишь согласиться с тем, что правовое поведе-

ние как сложное социальное явление аккумулирует в себе множество различных граней психологического, социокультурного и юридического порядка, которые, безусловно, трансформируются под воздействием цифровых технологий. Общая алгоритмизация, кодирование поведения приводит к изменению роли права как традиционного социального регулятора⁶.

В данной статье, ограниченной объемом и рамками жанра, лишь контурно обозначено то, что историческая динамика правового поведения, обусловленная факторами политического, социального, экономического, научно-технологического, формально-юридического характера, не только приводит к подвижности границ дозволенного и недозволенного, но и способствует дальнейшей дифференциации правового поведения, выявлению его новых типов. Такой подход отвечает богатой палитре правовой реальности и содержит эвристический потенциал познания природы правового поведения.

© Матанцев Д. А., 2023

¹ *Шабуров А. С.* Поведение людей в правовой сфере. Правонарушение. Правомерное поведение // Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 402.

² *Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е.* Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 103–104.

³ *Климович А. В.* Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 44–50.

⁴ *Доманжо В. П.* Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // Ученые записки Имперского Казанского университета. Кн. 5. Казань, 1913. С. 56–57.

⁵ *Гогин А. А.* Объективно противоправное поведение: исторический и современный аспекты // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 2. С. 12–19.

⁶ *Пашенцев Д. А.* Правовое поведение в современном обществе: от классических традиций к цифровым новациям // Правовое поведение: классические и современные модели: Сборник научных трудов / Под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2022. С. 26.

В. П. Пономарева*

**«ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ»
КАК КАТЕГОРИИ ПОЗНАНИЯ
ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Пространственные и временные аспекты генезиса и существования права имеют существенное значение для понимания, фиксирования и предвидения различных юридических фактов и явлений. Любая правовая ситуация исследуется и оценивается во времени и пространстве как необходимом контексте, поле для сравнения и получения нового знания.

Время как научная категория, используемая для описания и характеристики различных объектов и процессов материального мира, определяет место и последовательность смены состояний, событий или действий. Применительно к юриспруденции время приобретает конкретные формы проявления, связанные с юридически значимой деятельностью. Все это порождает необходимость синхронизации правовых отношений и нормативной системы, изучения современных средств и методов темпоральной идентификации правовых явлений и процессов, многое другое.

Пространство в контексте «правовое пространство» выступает и как научно-теоретическое знание, и как методологический подход к решению актуальных вопросов современной жизни. Каждый юридический феномен за-

* *Пономарева Вера Павловна* – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Московского университета имени А. С. Грибоедова, кандидат педагогических наук, доцент.

рождается, развивается и функционирует в определенных пространственных координатах, присущих правовой жизни¹. Используя фундаментальные свойства пространства, в частности, политический и географический критерии, любое событие или действие можно локализовать, конкретизировать, условно приравняв к территории, имеющей границу, что придаст этому феномену связанность с определенными группами предметов и отношений.

Современной теории права присущи принципы методологического плюрализма и процессы расширения ее методологического арсенала с помощью разнообразных методов, в частности, субъективного идеализма (экзистенциализма, феноменологии, герменевтики и др.)². Эти методы, по версии ряда ученых-правоведов, позволяют успешно конкурировать с традиционно применяемыми способами познания права и государства. В то же время специфика использования методов субъективного идеализма в юриспруденции практически не разрабатывается и они не находят широкого применения в правовой науке³. Все это приводит к утрате традиционных методов научного познания юридических фактов и явлений, вносит субъективные оценки в методологию правоведения. Очевидно, что результат получения нового научного знания объективно замыкается на выбор метода и принципов, которыми руководствуется исследователь. Известно, что метод научного познания должен быть адекватен объекту исследования, соответствовать его цели и задачам. В связи с этим хочется обратиться к традиционному для российской юридической науки методу материалистической диалектики, который остается по-прежнему ведущим философским методом, как общей теории права, так и юридической науки в целом. Этот метод позволяет получить

результат, соответствующий фундаментальным принципам научного познания: историзму, системности, объективности, единству предмета и метода. Философско-методологические основания юридической науки выполняет аксиологическую функцию, формирует определенные мировоззренческие, ценностные установки. Используя наиболее общие философские категории, например, пространство и времени, можно создать особую систему юридических координат, с помощью которой выстраивать параметры жизненного устройства людей, соотносить практически все формализованные факторы отношений человека с природой, обществом и в межличностном общении.

Пространство и время представлены в нашем сознании как соотносимые явления (категории, формы бытия), предполагают «кодирование» времени в образы пространства. Б. А. Успенский писал: «...опыт восприятия пространства предстаёт как первичный в гносеологическом отношении; соответственно, он может определять восприятие времени – время может осмысляться как пространство»⁴.

Пространственность и темпоральность как критерии позволяют выявить сущность права в любом правовом феномене. Исследование природы правового пространства и правового времени даже в прикладном аспекте предполагает изучение самого широкого круга вопросов, касающихся содержания теории государства и права. Например, форма государственного устройства, обусловленная историческим временем, предполагает разнообразие их пространственного оформления (государства могут быть унитарные и федеративные, региональные, находящиеся в различных природных условиях и т. п.).

История права и государства даёт разнообразие

представлений о связи пространственной парадигмы с формой государственного устройства, режимом правления, национальным правом. Например, пространственно-временные координаты, для определения характера русской государственности и существа российского права, выстраивали еще М. М. Ковалевский, П. Н. Милюков, В. О. Ключевский.

Также нельзя не учитывать и влияние исторического пути, пройденного странами; на их правовые системы, «которые могли формироваться в условиях чужеземного господства, претерпеть внедрение на первоначальную почву соответствующих внешних правовых систем, испытать идеологическое дыхание собственных революций»⁵.

Взаимодействие права с названными научными категориями проявляется не только в том, что действие нормативно-правовых актов происходит во времени и пространстве, а, сами современные правовые системы имеют различия в зависимости от регионов и национальной принадлежности. В практическом плане темпоральное и хронологическое описание правовых событий и действий дает возможность изучить юридические феномены во всем многообразии их форм и видов, в частности, в определенном культурно-историческом контексте, системе форм социального пространства.

Именно этот аспект существенен для объективной оценки идей и проектов генезиса, развития и уточнения современного состояния юридической науки.

© Пономарева В. П., 2023

¹ Сигалов К. Е. Среда права: взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Проблемы современной юридической теории: Сборник научных статей. М., 2010. С. 129.

² История и методология юридической науки / Под ред. В. В. Сорокина. М., 2016. С. 15.

³ *Российские* правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 75–89.

⁴ *Успенский Б.* Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 42.

⁵ *Бержель Ж. А. Б.* Общая теория права / Под общ. ред. В. И. Даниленко. М., 2000. С. 239.

Д. В. Зыков*

О СФЕРЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Объективная реальность человека не ограничивается непосредственно данным в восприятии материалом, он «живет» и среди объектов символических, идеальных, теоретических, факт которых столь же трудно отрицать, как и то, что является нам перед глазами. Сюда относятся все проявления социальности и культуры человека в виде языка, морали, религии, обычаев, права, философии, искусства, науки. Жизненный мир человека сложен и многогранен, поскольку обуславливается не только окружением физических объектов, но и духовным миром идеалов, символов, значений, которые воздействуют на него с не меньшей силой, чем реальные факторы. В этом смысле каждый человеческий акт духовен и инстинктивен одновременно, то есть обусловлен двояко: нашим биологическим бытием (материя онтологически предшествует сознанию) и нашими знаниями (в том числе априорными) об этом бытии или сознанием (сознание гносеологически первично по отношению к материи)¹.

Всякое наше знание проистекает из реальных отношений жизни и всесторонне обусловлено последним, что выражается формулой «Общественное бытие определяет общественное сознание». Однако данная формула содержит только половину правды и указывает лишь на факти-

* *Зыков Дмитрий Валерьевич* – доцент кафедры конституционного и муниципального права Института права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук.

ческие источники происхождения нашего знания, берущие начало в материальном производстве и нашей инстинктивной природе. Но генетическое объяснение возникновения какой-либо идеи ничего не скажет нам о ее *значении*, о той роли, какую она играет в конкретно-исторических реалиях². А потому всегда ошибочной инициативой будет стремление вывести все позитивное содержание и ценностный смысл социальных норм только лишь из производственных отношений и способа производства материальных благ. Данные духовные формы лишь опираются в своем происхождении на материальные факторы, но в известном смысле являются конструктивным порождением сознания, то есть являются «причиной самих себя». Очевидно, что всякое знание преимущественно живет в общественном сознании и только генетически соотносится с бытием, подобно тому, как оформленное изделие соотносится с материалом. Тем самым обнаруживается *двойная детерминация* существования любого социального знания: эмпирическая (или содержательная) и идеальная (или формальная). Идеальная форма существования знаний, в свою очередь, выражается в виде социальных норм или нормообразов, как неких эталонов и законов организации общественной жизни в религиозной, морально-нравственной, правовой, эстетической и иной сфере³.

Право и существует в виде соответствующей системы норм, подобно другим формам знания, где так сказать содержится сама его идея или его психическое переживание, если следовать традиционному подразделению правосознания на правовую идеологию и правовую психологию. Однако так, скорее всего, ответит философ права, если обращаться к идейной составляющей или обыватель, если брать в расчет общественную психику. Практикую-

щий юрист укажет, что право существует в правосознании лишь формально, в действительности вне зависимости от психических переживаний и коллективных представлений общества о том, что есть право, последнее существует в официальном позитивном источнике в виде установленного государством права. Ученый-юрист возразит, что, несмотря на выражение правового содержания в писаном источнике, это всего лишь выражение, во все не предполагающее возможность стать действительностью, ведь не все правовые нормы реализуются в общественной практике. Следовательно, истинная действительность права заключается в общественных отношениях, с целью регулирования которых и формулируются нормы закона.

В самом деле, во всех представленных аргументах есть свои резоны. Обусловлено это тем, что право в системе социальных норм занимает совершенно особое место⁴. Если некоторые социальные нормы, например, обычаи, нравы, деловые обыкновения, могут вовсе не иметь письменного закрепления, а некоторые, как, например, нормы религии и морали, иметь частичное выражение в священных писаниях, таким образом, преимущественно оставаясь в сфере общественного сознания, то правовая норма всегда получает официальное формально-определенное воплощение в писаном источнике. И с этим свойством формальной определенности связано другое еще более важное качество юридической нормативности, – ее общеобязательность и опора на силовую мощь государственных органов. Другими словами, если в вопросах совести, связанных с религиозностью или моральностью нашего поведения, мы относительно свободны в своем самоопределении, т. е. здесь все зависит от нашего акта признания или не признания того или иного этического требования

или религиозной догмы, то в юридических вопросах у нас такой свободы нет. Норма права имеет предоставительно-обязывающий характер и от нашего отказа признать ее веления мало что зависит. В конце концов, все кончается тем, что мы подчиняемся той воле, которая заложена в содержании правового регулятора. И в этом смысле, конечно же, правы те, кто ограничивают предмет юридического познания нормой.

Однако такое положение вещей вовсе не означает, что правовая норма может заключать любое содержание, являясь исключительно произвольным установлением. И право в связи с этим не определяется только сферой должного, свидетельство чего – инерционное сопротивление социального материала «неадекватному» регулированию. Если мы исходим из аксиомы, что всякое знание обусловлено бытием, то нормы права здесь не исключение. Их содержание черпается из того сегмента общественной жизни, на который направлено его регулирование и взаимодействие нормы-отношения в процессе происходит по принципу обратной связи либо не происходит вовсе, но тогда не происходит и правовое регулирование, а лишь насилие. Осложняет эту связь и то обстоятельство, что эта связь не является непосредственной, она опосредована, преломлена правосознанием, выступающим в роли катализатора той или иной социальной тенденции или в роли ее тормоза, т. е. фактора ускоряющего или замедляющего процесс правореализации, а, соответственно, и процесс правового регулирования.

Таким образом, правовая реальность предполагает существование как бы в трех измерениях – *отношение – норма – сознание*. При этом эмпирической формой такого существования будет поведение в определенных общественных отношениях как некий базис. Норма же сама по

себе, будучи продуктом мыслительной и эмоционально-ценностной деятельности, всегда будет носить гипотетический, вероятностный характер, подобно всякому понятию или теоретическому построению о действительности, которое может ей соответствовать, а может не соответствовать. Поэтому условием реальности нормы права всегда будет минимум ее действительности, применимости, что всякий раз указывает на ее связь с социальными условиями и уровнем правосознания.

Система норм как некая догма не является единственным источником существования права, не менее важное значение имеют общественные условия и правосознание (контексты). Более того, норма по большому счету представляет собой гипотетическую реальность, которая может осуществиться, а может и не осуществиться в зависимости от конкретного состава обстоятельств.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

© Зыков Д. В., 2023

¹ Лебедев С. А. Основной вопрос философии: кто прав, кто неправ и почему // Гуманитарный вестник. 2022. № 4(96). С. 7–8.

² Вышеславцев Б. П. Философская ницета марксизма // Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М., 2006. С. 241.

³ Вопленко Н. Н. Право в системе социальных норм: Учебное пособие. Волгоград, 2003. С. 2–10.

⁴ Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 35–37.

*М. Г. Тирских**

ДЕФЕКТЫ В ПРАВЕ КАК СЛЕДСТВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Преобразования политических режимов, понимаемых, как комплексная совокупность методов, средств, приемов, способов осуществления политической власти оказывают непосредственное воздействие на право тех государств, в которых происходят такие преобразования. При этом, преобразование происходит как вследствие изменений самого режима, которое вызывает существенное преобразование в системе общественных отношений, так и в связи с проводимыми реформами, целью которых является постепенное преобразование существующего политического режима в рамках процессов демократизации или авторитаризации. Данные случаи можно рассматривать как протекающие параллельно. При любой ситуации, за исключением моментального обрушения институтов государственной власти (а зачастую и всего механизма государства) вследствие внезапно проявившихся непредвиденных событий (чрезвычайная ситуация, война, с быстрым поражением одной из сторон и т. д.) мы сможем наблюдать как изменение общественных отношений вследствие изменения методологии властвования, так и попытки органов государственной власти осуществить плавное преобразование отдельных правовых институтов в целях канализации происходящих общественно-

* *Тирских Максим Геннадьевич* – профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

политических преобразований.

При этом, с учетом того, что преобразование права осуществляется при трансформации политического режима либо в непредвиденных обстоятельствах, либо достаточно быстро, что исключает высокую степень подготовленности правовых решений, принимаемых органами государственной власти. В такой, ситуации, очевидно, что в праве соответствующего государства могут возникнуть отдельные дефекты, зачастую оказывающие серьезное воздействие на правовую систему государства в целом.

Вопрос правовых дефектов в науке теории государства и права является дискуссионным. М. Д. Хайретдинова под дефектами вообще понимает «все негативные (отрицательные) аспекты бытия исследуемого предмета»¹. О. Е. Кутафин под дефектами в конституционном праве понимал те или иные недостатки конституционно-правовых норм². Н. И. Хлуденева, исследуя дефекты права, сделала вывод, что в узком понимании дефект – это несовершенства (недостатки) норм³. М. С. Матейкович пишет, что «дефект в праве есть такое состояние правовых норм, при котором регулирование общественных отношений нарушает оптимальный баланс интересов общества и государства»⁴. И. П. Кожокарь полагает, что «под дефектами нормативно-правового регулирования следует понимать «недостатки (несоответствие стандарту качества) социальной значимости, содержания, внешней формы и структуры норм права, а также их содержащих нормативно-правовых актов, приводящие к снижению эффективности, неэффективности либо антиэффективности нормативно-правового регулирования общественных отношений»⁵. Даже эта (сравнительно краткая) выборка доктринальных подходов к пониманию дефектов в праве позволяет представить широту многообразия подходов к

пониманию данного явления.

На наш взгляд, для целей настоящей работы, под дефектами в праве следует понимать совокупность недостатков и искажений устоявшегося правового порядка, относящихся ко всем аспектам бытия права.

Трансформация политических режимов, проходящая как в контексте правовых реформ, так и в рамках процесса, не связанного с деятельностью государства по изменению права неизменно приводит к временным деформациям права, вызывая появление дефекта.

Важно отметить, что в рамках транзитивного процесса (процесса преобразования политического режима) возникновение дефектов в праве имеет две основных формы: преднамеренных дефектов и спонтанных дефектов. Преднамеренные дефекты возникают тогда, когда органы государственной власти пытаются изменить отдельные правовые нормы, отдельные институты, либо практику правоприменения в целях изменения методов, средств, приемов и способов осуществления политической власти, либо создают новые правовые нормы, предотвращающие отдельные социальные процессы, угрожающие трансформацией политического режима в государстве.

К таким дефектам, например, можно отнести протерозою права, под которой можно понимать возникновением массива правовых норм, которые являются по сути выходящими из общего порядка регулирования и приводят к негативным последствиям, болезненным и потенциально опасным для общества⁶.

В таком случае в обществе возникает представление о том, что правовые нормы, хотя и являющиеся легальными (не отмененными, не приостановленными), не соотносятся с привычными, традиционными принципами и нормами регулирования общественных отношений. Государство

вынуждено прибегать к таким нормам, поскольку их использование способно изменить отдельные методы, средства. Способы и приемы осуществления политической власти, либо воспрепятствовать трансформации политического режима. Зачастую в отдельных странах такой эффект оказывают проведение референдумов о продлении полномочий главы государства вместо полноценных выборов. Хотя проведение таких референдумов и не противоречит законодательству государства и не может быть оспорено население воспринимает проведение такой формы легитимации власти как выходящие за пределы нормального порядка легитимации и приводящие в возникновению недоверия к власти, маскировкой цели продления полномочий под видом демократического процесса референдума (такие референдумы зачастую завершаются успешно для правящего лица – референдум в Венесуэле в 2009 г., референдум в Казахстане в 2022 г.).

Непреднамеренные дефекты возникают тогда, когда изменившиеся общественные отношения приводят к фактической отмене ранее действовавших общественных отношений, а законодательство государства не успевает измениться в контексте быстрого изменения таких отношений. Показательным в данном случае был опыт советского союза, когда в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. произошла декриминализация отношений, связанных скупкой и перепродажей товаров или иных предметов с целью наживы (спекуляция), ранее предусмотренного как состав преступления ст. 154 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.⁷ Поскольку данная норма не была отменена или изменена, а общественные отношения в ходе процесса социально-политических и экономических преобразований стали распространенными норма фактически не применялась. В таком случае, возник дефект, связанный с

фактическим неприменением действовавшей и не отмененной правовой нормы как следствием изменившихся общественных отношений. Еще более распространенным примером правовой деформации можно назвать акт революции, приводящей к смене государственного (конституционного, в случае, если в государстве имеется конституционный порядок) строя. Революция в момент ее совершения является, по своей природе, противоправным явлением, противоречащим действующим правовым нормам. Декриминализация, ибо придание соответствующим актам правомерного характера осуществляется лишь постфактум, когда субъекты. Осуществляющие революционную деятельность получают власть и осуществляют действия по трансформации политических режимов. При этом в определенный период возникает дефект в праве, когда действующие «де-юре» правовые нормы не только не применяются «де-факто», но и противоправное по своей природе явление становится в рамках новой системы ценностей и новых социальных отношений приемлемым и поощряемым обществом. В такой ситуации действующие нормы входят в противоречие с существующими общественными отношениями вызывая дефект в праве зачастую носящий критический характер и требующих от вновь возникших властей решительных и неординарных мер. В частности, такой мерой может стать и нуллификация действующего законодательства, например, такая, которая была проведена в 1917 г. принятием декрета «О суде» 22 ноября (5 декабря), Декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» 11(24) ноября 1917 г., Декрета «О полноте власти Советов» от 28 октября (10 ноября) 1917 г., которые фактически упразднили законодательство Российской империи или сделали его неприменимым в судопроизводстве. Такая ситуация авто-

матически влечет резкое увеличение степени дефектности права, поскольку принятыми в короткий срок нормативными актами (например, декретами) нельзя было в полной мере урегулировать все общественные отношения. Возникшие правовые пробелы пытались «закрыть» как подзаконным нормотворчеством, что искажало правовое пространство государства и приводило, по словам В. И. Ленина в 1922 г., к множественности законностей. «Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»⁸.

Таким образом, можно констатировать, что трансформация политического режима всегда влечет возникновение как преднамеренных, так и вынужденных дефектов в праве, характер и степень которых зависит от особенностей конкретного процесса трансформации политического режима.

© Тирских М. Г., 2023

¹ *Хайретдинова М. Д.* Типичные дефекты дефиниций современного российского законодательства и основные пути их преодоления // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 1(26). С. 8.

² *Кутафин О. Е.* Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex Russica. 2007. № 4. С. 610–622.

³ *Хлуденева Н. И.* Дефекты в экологическом праве: понятие и виды // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 85–95.

⁴ *Матейкович М. С.* Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 12. С. 15–21.

⁵ *Кожокаръ И. П.* О правовых дефектах и правовой дефектологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 42. С. 558–586.

⁶ *Тирских М. Г.* Протрузия права как правовое явление: сравнительно-правовые аспекты // Сибирский юридический

вестник. 2020. № 4(91). С. 19–24.

⁷ Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁸ Ленин В. И. О «двойном подчинении» и законности // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд 5-е. Т. 45. М., 1970. С. 199.

Е. А. Зайцева*

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ БАЛАНСА В ПРАВЕ

Изучение коллизий общественных отношений, находящихся в постоянном стремлении к справедливости и поиске правды, актуализировали современные исследования в направлении раскрытия сущности баланса в праве и условий его реализации.

Формализованное понятие «баланс в праве» является сравнительно новым для российской юридической науки. Философско-правовые основания этого понятия еще до конца не изучены. Исследования этого понятия требуют также нового гносеологического наполнения, обусловленного «неспособностью современной правовой системой к преодолению дисбалансов»¹. Но, главным образом, востребованность в установлении правового баланса кроется в запросах широких масс в свободе, справедливости и правовом равенстве. Эти общественные запросы в общественно-историческом процессе находили отражение в различных философских учениях и правовых идеях.

В Новой и Новейшей истории произошел стремительный переход от философии модернизма к постнеклассической рациональной модели. Новые философские веяния привнесли идеи постмодернизма в российскую правовую науку. Внедрение постмодернизма в гуманитарные науки в России привело к возникновению поливариан-

* *Зайцева Екатерина Андреевна* – адвокат – член Московской областной коллегии адвокатов; соискатель кафедры теории и истории государства и права Московского университета МВД имени В. Я. Кикотя.

тивности воззрений. К заслугам постмодернизма можно также отнести критически-прагматический подход к жизни у широких масс. Однако этого совершенно недостаточно для построения гражданского общества, в котором может быть достигнут правовой баланс. Несовершенство действующей парадигмы порождает дисбалансы в праве и обществе, которые особенно ярко проявляются «в законодательных дисбалансах»². Поэтому предполагается, что наиболее оптимальным вариантом развития общества в направлении достижения баланса в праве является переход к новой правовой парадигме.

Истории развития элементов баланса в праве посвящены авторская статья «Элементы метода установления правового баланса в России»³.

Философско-правовые основания правовой парадигмы являются основополагающими для правового баланса. Их выявление позволит определить и раскрыть сущность баланса в праве.

Поскольку понимание права как закона, зависящего от власти, – это не всеобъемлющая категория, то, естественно, необходимым является рассмотрение права с метатеоретической позиции. В таком ракурсе дуализм права может быть представлен в теоретико-правовом и философско-правовом измерениях.

Р. Декарт предполагал дуализм, основанный на независимых друг от друга субстанциях⁴. Опираясь на его философию, нельзя построить концепцию взаимопроникающих начал. Дуализм И. Канта, «предполагающий совмещение детерминизма и индетерминизма в материальном мире и мире идей»⁵ позволяет рассмотреть право с философско-правовой позиции как совокупность идеалистических и материалистических оснований, отвечающих духу времени. Баланс в праве является аксиологической ре-

флексией права. Значение философского подхода к понятию «баланс» трудно переоценить, поскольку оно позволяет рассмотреть баланс как совокупность идеалистических и материалистических оснований, сущность которого заключена в двух ипостасях: как некая высшая цель и как объективное состояние действительного права. Понятие «правовой баланс» должно быть определено в результате выстраивания стройной системы идеалистических и материалистических начал.

«Баланс в праве» представляет собой многоаспектное понятие и с онтологической точки зрения являет собой идеальное состояние существования права, при котором отсутствует несправедливость, неравенство, все субъекты права свободны и их действия обусловлены рациональным альтруизмом.

В отличие от философской концепции Р. Декарта, сужающей онтологические принципы до двух субстанций, философский дуализм И. Канта соответствует ценностному критерию интегративной концепции правопонимания. Он также позволяет расширить рамки современной парадигмы, сохранив рациональное в исходных положениях современной правовой российской системы. Проводя правомерную аналогию между разделением на право и закон и разделением на мир идей и материалистическое начало, можно утверждать, что при действительном соединении этих начал может быть достигнут баланс в праве.

Переходя к условиям реализации баланса в праве, необходимо подчеркнуть, что наиболее релевантным является использование интегративных парадигм правопонимания в государстве. Имея дуалистическую сущность, базирующуюся на философском дуализме И. Канта, интегративные концепции правопонимания наиболее соответ-

ствуют дуализму правового баланса.

Конкретизируя содержание интегративной концепции, наиболее отвечающей требованиям реализации правового баланса, выделим либертарно-юридическую концепцию. Она обладает наибольшим гносеологическим потенциалом и расширяет границы правопонимания современного российского права до релевантного уровня для достижения правового баланса.

Либертарно-юридическая концепция является синтетической, так как сочетает в себе начала естественно-правовой и позитивистской концепций и правовой баланс в интегративной концепции, сочетающей в себе либертарно-юридическую концепцию правопонимания, наполняется всеобъемлющим содержанием и, соответственно, имеет множество форм реализации.

Идеи правового баланса зарождались еще в учениях философов Древней Руси. Правовой баланс – это в философском смысле идеализация права, существующая в реальных условиях концепций правопонимания и государственного законодательства. В конкретные исторические периоды его реализация адекватна уровню развития правопонимания, поэтому его достижение является итогом эволюционного общественно-исторического процесса.

© Зайцева Е. А., 2023

¹ Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2015.

² Там же.

³ Зайцева Е. А. Элементы метода установления правового баланса в России // *Advances in law studies*. 2020. Т. 8. № 2. С. 16–20.

⁴ Козырева О. А. Субстанциальный дуализма и приватность ментального в философии Р. Декарта: критика поверхностной интерпретации // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 452. С. 79–87.

⁵ *Гаспарян Д. Э. Детерминизм и индетерминизм в дуалистических и недуалистических онтологиях: от Канта к Сартру // Высшая школа экономики. Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. № 4(22). С. 62–71.*

А. А. Завгородняя*

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНАЯ ПРИРОДА ИНТЕРЕСОВ В ПРАВЕ

Развитие права и государства в рамках разных подходов, концепций, теорий может быть объяснено продвижением различных социальных интересов в определенном соотношении, находящихся в основе социального взаимодействия: антагонизме, конкуренции и согласовании интересов отдельных индивидов, различных социальных групп, а также общества и государства. При рассмотрении интересов в праве в рамках интерсубъективного его понимания, прежде всего, обращают на себя внимание их согласование и интерпретация сущности согласованности, конкуренция и противостояние в их постоянной динамике в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Природа интересов обуславливает различные концепции, объясняющие не только саму природу интересов, а и роль интересов в праве. Практически в каждом научном исследовании, посвященном интересам в праве, как минимум, упоминается об этом. Они могут быть представлены в виде нескольких теорий: *объективной, субъективной и различных сочетаний объективной и субъективной*. Не вдаваясь в данное исследование в глубокий анализ природы интересов в праве и их теорий, стоит все же отметить, что часть исследователей придерживается взгляда об объективных интересах как явлении общественного

* Завгородняя Анастасия Александровна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Донбасской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

бытия людей¹. А. Я. Курбатов утверждает, что основу любого субъективного права составляет «*признанный законодателем социально значимый*» интерес как объективный². Традиционно интересы как *субъективную* категорию обуславливают *осознанием* потребности субъектом. Подобный подход с акцентом на осознание, по нашему мнению, справедливо критиковался А. Г. Малиновой³.

Понимание природы интереса в праве как единства субъективного и объективного является приоритетным. По мнению А. И. Экимова, взаимосвязь объективного и субъективного в интересе проявляется в признании единства субъективного (психологического) и объективного (социального) аспектов как самостоятельных явлений⁴. Отметим, что существует определенная дифференциация положений в немонистических пониманиях интереса, что проявляется через объединение или разделение объективных и субъективных его сторон формирования и существования. Часто исследователи говорят о диалектическом единстве объективного и субъективного элементов в интересе. На синтез объективных и субъективных аспектов в правовом интересе указывает и А. В. Кузьмина. С одной стороны, автор обосновывает объективные правовые интересы, обусловленные положением различных субъектов в правовом пространстве, с другой стороны, субъективные – как осознаваемые конкретным индивидом юридические блага – ценности⁵. С. В. Михайлов, поддерживая позицию, высказанную Г. Е. Глезерманом, отмечает, что единство объективного и субъективного не в интересе, а в процессе его реализации⁶.

Объективно-субъективное понимание интереса, по сути, сводится к субъективному подходу, на что указывает такой фактор, как осознание потребности. Кроме того, признание научного понятия в качестве двойственного не

верно с позиции логического закона непротиворечия как ложности одного из двух противоположных (несовместимых, противоречащих) суждений.

Как видно из приведенных выше доктринальных позиций, за интересом признается объективная природа в том случае, когда исследователь сосредоточен на потребности или благе как источнике интереса, жизненной значимости блага, либо на интересе как правовом средстве. Однако ни одна из этих позиций не соответствует закономерности формирования интереса ни социального, ни правового. Также и субъективность невозможно признать характеристикой интереса, или субъектную, субъективную ориентированность в понимании правовых явлений, поскольку исключается, искажается институционализация и согласование актуальных, значимых интересов.

Провести *разграничение между объективными и субъективными факторами* формирования социального интереса не представляется возможным. Это объясняется тем, что к *субъективным* (сознательным и неосознанным, автоматическим) факторам присоединяются факторы внешней среды, а степень их индивидуального влияния на необходимость в обладании определенными благами для личности установить сложно. В связи с этим, *природа социального интереса является интерсубъективной или, как указывают некоторые авторы, надиндивидуальной, интерактивной*⁷. Природные, физиологические потребности здесь не исключаются, но в целом не учитываются системно (в случае обеспечения именно таких потребностей допустимо говорить об объективной природе) в том случае, если для них не нужны интеракции, но необходимо выполнение условий социального либо правового характера. Бесспорным является то, что «для того, чтобы интересы стали основанием действий человека, которыми вос-

производится правопорядок, они должны быть осмыслены авторами как такие, которые соотносимы с действиями других акторов социальных интеракций и системой правовых норм, образующих содержание правопорядка»⁸.

Функциональная взаимозависимость в системе интеракции (коммуникации) индивидов может иметь отрицательную или положительную направленность, проявляться либо в виде социального сотрудничества, сближения (кооперации), приспособления, либо антагонизма⁹. Именно от соотношения интересов в обществе, приоритета одних из них зависят и всевозможные теории происхождения государства и права, а также его сущность, свидетельством чему являются типы правопонимания, различные правовые теории. В частности, приоритет интересов определённых элит, официальной власти государства в рамках *объектроцентризма* представлен этатизмом и юридическим позитивизмом, социологический позитивизм исходит из наличия правовых средств согласования интересов в социуме, реализацией прав и свобод человека обусловлена естественно-правовая теория¹⁰. Тем не менее, независимо от типа соотношения интересов и правовой концепции, *право выполняют служебную, инструментальную функцию, обеспечивая специфические средства реализации интересов, связывая их с определёнными условиями.*

Учитывая изложенное, говоря об интересах в праве, формирование интереса можно представить следующим образом: *объективная* составляющая связана с объектом (материальным или нематериальным благом), его источник может быть внутренним (нужда) или внешним (стимул); *субъективная* составляющая – способность осознания потребности (при ее отсутствии намерения лица презюмируется, охраняется правом через охрану потребно-

сти), значимости и пользы для индивида (потребности и их иерархия для индивида с учетом внутренних предпочтений и внутреннего нравственного контроля), учет субъективных возможностей, но не само отношение к благу, не мотивы и определение способов удовлетворения потребностей; *интерсубъективная*, нормативная составляющая, в которой оцениваются условия достижения цели. И если первые две составляющие в различных соотношениях практически общеприняты в правоведении, то необходимость выделения последней следует из «Другого» как обязательного актора при любых интеракциях.

Интерсубъективная составляющая интереса является не просто иной интерпретацией теории взаимодействия (объективно-субъективного понимания сущности интереса в их единстве или разграничении)¹¹, объясняющей источник и реализацию интереса (реализация в данном случае находится вне притязания). Такой элемент объясняет структуру процесса формирования интереса, при которой во внутренней поисковой активности учитываются условия достижения цели, ценности, возможности, оценка возможных результатов деятельности, происходящей до выбора конкретной цели и возникновения намерения. *Интерсубъективная составляющая интереса* имеет важнейшее юридическое значение, поскольку обусловлена, прежде всего, правовыми стимулами и ограничениями, усвоенными субъектом в социальных и/или правовых практиках. *Интерсубъективная составляющая* (задействованная на этапе поисковой активности при формировании интереса) связана с институционализацией способов удовлетворения потребностей, социальной и правовой интеграцией.

Подводя итог, стоит отметить, что интересом является не явление, зависящее лишь от субъективных, лич-

ностных факторов, объективности блага. Интерес детерминирован, прежде всего, значимостью и находит свое место в иерархии потребностей личности либо общества как типичная значимая потребность, а значимость и польза зависит исключительно от социально-правового контекста его реализации. Даже учитывая классическую трактовку мотива, который представляет собой внутреннюю побудительную силу для индивида, в современном обществе мотивы и цели индивида «смещаются» в результате социального влияния. В сильно институализированных обществах важные мотивы могут замещаться не свойственными для конкретной личности, а наличие стимулов, обусловленных необходимостью обеспечения общих благ, интересов других субъектов, позволяет относить сформированное намерение по выполнению обязанности (долженствование) к особому виду интереса через актуализацию иных потребностей (самосохранения, благополучия) для конкретной ситуации. Алгоритм формирования мотива состоит в том, что он возникает не непосредственно, а опосредуется коммуникацией¹². Поэтому и индивидуальные интересы уже приобретают свойство нормативности, а общие интересы институционализируются. Интерес, значимый для права, таким образом, представляет собой индивидуализацию (выбор) способов реализации интереса среди различных альтернатив.

© Завгородняя А. А., 2023

¹ *Кравченко О. Ю.* Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2004. С. 12.

² *Курбатов А. Я., Подмаркова А. С.* Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип реализации прав // *Хозяйство и право.* 2009. № 2. С. 109.

³ *Малинова А. Г.* Интерес и потребность: критический взгляд // *Lex Russica.* 2020. Т. 73. № 10 (176). С. 98.

⁴ Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. С. 4; Пьянкова А. Ф. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах: монография. Пермь, 2014. С. 19; Лушникова В. А. Понятие и правовая природа интереса // Инновационная наука. 2020. № 10. С. 135; Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 239.

⁵ Кузьмина А. В. О типологии правовых интересов // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 53.

⁶ Глезерман Г. Е. Интерес как социологическая категория // Вопросы философии. 1966. № 10. С. 21; Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 25.

⁷ Трофимов В. В. Интересы в праве: социально-интерактивная природа и роль в формировании элементов правовой материи // Интересы в праве. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 марта 2016 г. / Отв. ред. М. В. Немытина. М., 2017. С. 85.

⁸ Бурдые П. Общественное мнение не существует // Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 177.

⁹ Трофимов В. В. Интересы в праве: социально-интерактивная природа и роль в формировании элементов правовой материи // Интересы в праве. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 марта 2016 г. / Отв. ред. М. В. Немытина. М., 2017. С. 87.

¹⁰ Немытина М. В. Интересы в правовом измерении // Интересы в праве. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 марта 2016 г. / Отв. ред. М. В. Немытина. М., 2017. С. 9.

¹¹ Тотьев К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. № 9. С. 21.

¹² Ячин С. Е., Деменчук П. Ю., Минеев М. В. Институализация коммуникативных и жизненных практик в обществах современного типа (Введение в исследовательскую программу) // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 9. С. 1399–1416.

К. А. Гаврюшкин*

ПРАВОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ, ПРАВОВЫЕ ЦЕЛИ И ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОРЫ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из основных аспектов деятельности государства является осуществление правового регулирования социальной жизни общества, важнейшим элементом которого является правотворчество. В данной статье предлагается рассмотреть роль в правотворческой деятельности таких правовых категорий, как «правовые цели», «правовые интересы» и «правовые ценности».

Правотворчество является заключительным процессом правообразовательной деятельности, и понимается как деятельность по изучению и анализу общественных отношений, направленная на выявление потребности изменения и регламентации законодательства¹. Помимо этого, правотворческая деятельность включает в себя этап планирования и прогнозирования. Именно на этом этапе необходимо определить основные цели предполагаемой нормы права, которые определяются посредством проведенного анализа прошлого опыта и настоящей обстановки в правовой жизни общества. От грамотной и верной постановки правовых целей будущей правовой нормы зависит эффективность действующего законодательства, а также правовой политики всего государства.

Отметим, что не во всех действующих нормативных правовых актах прямо указаны правовые цели, что по

* Гаврюшкин Константин Артемович – преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск).

нашему мнению является упущением и свидетельствует о недостаточной информативности рассматриваемой нормы, поскольку при оперировании такой правовой нормой правоприменителю необходимо четко понимать, для решения каких целей она предназначена.

Правотворческая деятельность подразумевает анализ уже действующих правовых норм, их оценку и практическую значимость, а также выявление недостатков в действующем законодательстве. Наравне с этим необходимо изучить общественные отношения, социальный фон, интересы и культурные ценности граждан в настоящий период.

Процессы современной глобализации и цифровизации общества предрекли населению вынужденную смену взглядов и интересов, колоссальные изменения в сфере института семьи и трудовой сфере, появление новых и укрепление уже устоявшихся человеческих ценностей². Также свою лепту внесли внешние геополитические факторы. Так за последнее двадцатилетие множество стран предпринимают попытки влияния, в том числе информационного вторжения, на внутригосударственную политику Российской Федерации, а также пытаются нарушить единство и политическую стабильность нашего государства. Однако, несмотря на это, Российская Федерация проводит политику по укреплению суверенной государственности, обороноспособности, развитию экономики и промышленного потенциала, и для этого выделяет в праве своими целями развитие, укрепление и защиту национальных интересов и традиционных российских духовно-нравственных ценностей³.

На этом фоне роль правовых интересов и правовых ценностей в процессе правотворческой деятельности нельзя переоценить. При определении правовых целей

предполагаемой правовой нормы законодателю необходимо проводить комплексный анализ сфер интересов граждан – объектов, на кого предполагаемая норма будет распространяться. Наравне с этим следует учитывать фундаментальные ценности и принципы, формирующие правовые основы российского общества. Эти социально-правовые ценности лежат в основе формулируемых субъектами правотворчества целей правового регулирования. Отметим, что при осуществлении правотворческой деятельности необходимо опираться не только на действующее законодательство, но и учитывать мнения теоретиков права, а также доктринальные основы рассматриваемых правовых категорий⁴.

Подводя итог вышесказанному, определим, что правотворческая деятельность является обязательным и важнейшим процессом развитого государства, в ходе которого субъект правотворчества определяет цели будущего нормативного документа. При определении таких «правовых целей» проводится анализ и дается оценка интересам граждан, при этом необходимо учитывать гарантированность государством неотчуждаемых человеческих ценностей. Таким образом, отметим особую юридическую значимость категорий «правовые цели», «правовые интересы» и «правовые ценности» в процессе правотворческой деятельности.

© Гаврюшкин К. А., 2023

¹ Синюков С. В. О понятии правотворчества // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2011. № 2. – <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-pravotvorchestva> (дата обращения: 06.02.2023).

² Авдеева О. А., Авдеев В. А. Сущностно-ценностный дискурс в понимании права в условиях развития правового государства // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 3(102). С. 12–22.

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // <http://pravo.gov.ru>, 03.07.2021.

⁴ Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации Концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 1(100). С. 9–19.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Научные подходы к познанию объектов правовой реальности наметились в античный период, когда в работах древнегреческих мыслителей осмыслению стали подлежать такие понятия как «человек» и «личность». При этом человек стал исследоваться как индивидуальный и целостный субъект деятельности. В результате в работах Демокрита, Гераклита, Антифонта пристальное внимание уделялось философскому пониманию статуса человека и оценке меры его свободы, действия воли и познания себя. Оценивая статус человека, древнегреческий мыслитель Сократ писал, что свобода человека есть его право на господство над самим собой.

Правовая оценка свободы человека подлежала дальнейшему исследованию на доктринальном уровне в XVII–XVIII вв. В процессе формирования «идейно-теоретического» подхода к пониманию таких правовых категорий, как «человек» и «личность», в частности Г. Гроцием была предложена концепция, предусматривающая определение государством меры свободы человека в рамках образованного «союза людей» исходя из «соблюдения права и общей пользы»¹. Т. Гоббс, в свою очередь, пояснял, что человек должен обладать свободой, что означает предоставление ему «возможности использовать собственные силы

* *Шумакова Екатерина Вадимовна* – доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск), кандидат юридических наук, доцент.

по собственному усмотрению»². Философско-правовая конструкция Т. Гоббса промульгировала понимание свободы на основе тезиса «я сам себе хозяин», предусматривающего право каждого человека действовать по собственной воле. Данный подход к оценке свободы человека предопределялся спецификой социальной стратификации общества, сложившейся в период рабовладельческой и феодальной государственности.

Становление капиталистических отношений, сопровождавшееся стремлением каждого человека приобрести личную и поземельную независимость, предопределило формирование в философско-правовой доктрине новых подходов. Дж. Локк в работе «Опыт о человеческом разуме» определяет методологическую основу понимания категории «свобода человека» посредством соотношения таких понятий, как «право на жизнь», «право на свободу действий», «право на собственность» и т. д.³ При этом устанавливалось, что человек, обладая состоянием свободы в отношении своих действий, должен действовать в пределах закона и не имеет права лишать жизни себя и других, а также наносить ущерб здоровью и имуществу других людей.

Б. Спиноза пристальное внимание уделял изучению «воли человека», признавая ее в качестве детерминации поведения человека⁴. И. Аллен писал, что при анализе свободы как способности человека к деятельности необходимо учитывать «следствие свободы» и определить ее границы, установив ответственность за содеянное⁵. Ш. Л. Монтескье предлагает разграничить «физическую» и «политическую свободу». Под «физической свободой» следовало понимать право человека делать то, что дозволено законами. В этой связи существенная роль стала отводиться уголовному закону, который должен выступать

правовой основой обеспечения безопасности как человека, так и общества и государства в целом⁶.

И. Бентам, поддерживая идею охраны государством «физической» свободы человека, одновременно отстаивал концепцию трех составляющих свобод человека, включающим помимо физической также политическую и экономическую свободы. В свою очередь, Т. Джефферсон в «Общем обзоре прав Британской Америки» подчеркивал, что правовой охране, прежде всего, должны подлежать как свобода человека, так и его жизнь и собственность. Т. Пэйн, будучи приверженцем демократических взглядов, в работе «Права человека» ориентировал законодателя на создание с помощью уголовного права охранительного механизма в области совокупности «естественных прав человека». В процессе раскрытия перечня естественных прав человека, мыслитель предложил концепцию государства «всеобщего благоденствия», в котором право призвано создать условия для «достойной жизни человека».

В развитие данных подходов Э. Кант в работе «Критика чистого разума» акцентировал внимание на причинно-следственной связи между волей человека и его поведением. Мыслитель указывал, что прогрессивное развитие возможно лишь в том государстве, в котором человек вправе поступать так, чтобы свободное проявление его воли было совместимо со свободой каждого человека, определяемой законом. Именно право должно определить в отношении морали пределы действия его «социального простора». Разрабатывая концепцию «правового государства», Э. Кант писал, что законодательство должно соотносить свободу каждого человека со свободой всех членов «гражданского общества»⁷. Гносеологические основы свободы человека подлежали в дальнейшем исследова-

нию в работах Б. Уэстона, который подчеркивал, что правовая оценка индивидуальной свободы требует существенной модернизации. Ф. Лист указывал, что наиболее актуальным является обеспечение государством правовых гарантий безопасности человека посредством действия уголовной политики и механизма уголовного воздействия.

Таким образом, в результате развития в процессе становления и эволюции государственности философско-правовой доктрины, в рамках которой наряду с осмыслением таких базовых категорий как человек, общество, государство и право, осознанию подлежали проблемы соотношения права и морали, свобода человека и мера ее проявления, негативные последствия реализации свободы человека и способы правового воздействия.

В процессе активного изучения особенностей технико-организационных ресурсов социального и правового регулирования происходит формирование учения о преступлении и наказании. Анализируя процесс доктринального осмысления понятия, целей и функций наказания, прежде всего, стоит рассмотреть концепцию, предложенную Ч. Беккариа. По мнению итальянского исследователя, задача государства состоит в охране «общей свободы» от захвата отдельных лиц. Поэтому в основу деятельности государства по созданию мер, обеспечивающих безопасность каждого человека, должно быть положено принятие уголовного закона, в котором закреплению в качестве объекта регулирования подлежат угрозы безопасности и виды наказания, подлежащие исполнению в случае их совершения.

Согласно учению Ч. Бекариа, приоритетным направлением уголовной политики государства должно являться установление механизма правовой защиты от произвола и насилия других. Поэтому особое значение имеет законо-

дательное определение видов наказаний и способов их исполнения. Преступления представляют собой «действия разрушения». Поэтому устранить преступления можно такими средствами, которые: 1) «непосредственно поражают чувства»; 2) «запечатлеваются в уме». Как писал Ч. Беккариа, чем справедливее наказания, тем неприкосновеннее является безопасность человека. Следовательно, правильно определенное наказание должно «уравновешивать собой силу впечатлений, производимых личными страстями, идущими вразрез с общим благом». Что касается способов исполнения наказаний, то они должны быть направлены на «отвращение» людей от преступлений. Наказание должно быть «сильнее», чем вред, причиненный «общественному благу». Чтобы наказание произвело свое действие, необходимо чтобы страдание, причиняемое наказанием, превышало «удовлетворение», получаемое от преступления⁸.

На основании вышесказанного можно заключить, что методологическую основу правового обеспечения безопасности человека, общества и государства по мере развития государственности составляли философско-правовые учения. Концептуально-оформленные философские представления составили основу для институционализации и формализации в правовых учениях данных дефиниций и формирования правового механизма, сдерживающего человека от присущей ему на ранних этапах развития человеческого общества «абсолютной независимости». Гносеологические критерии оценки «свободы человека» были положены в основу правового регулирования степени свободы человека, как субъекта волевой деятельности, определяющей мотивацию его поведения⁹. В ходе эволюции философско-правовых взглядов создаются правовые учения о механизме правового воздействия на по-

ведение человека, нарушающее общепризнанные интересы, посредством отграничения преступления от проступка и определения меры наказания.

© Шумакова Е. В., 2023

¹ Павличенко П. П., Литвиненко Д. Я. Представления о свободе в истории человечества. Киев, 2006. С. 70.

² Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 362.

³ Нарский И. С. Западно-европейская философия XVII в. М., 1974. С. 377.

⁴ Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 75, 97, 387–391, 452.

⁵ Американские просветители: В 2 т. / Под ред. Б. Э. Быховского. Т. 2. М., 1968. С. 284.

⁶ Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 289.

⁷ Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. С. 488–493. М., 1963; Т. 4. Ч. 2. С. 139–140, 233–240.

⁸ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. И. Соболева. СПб., 1878. С. 26–27, 34–35.

⁹ Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации Концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 1(100). С. 9–19.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Юридическая доктрина активно занимается разработкой ряда понятий, среди которых наиболее значимым является правильное понимание категории «насилие»¹. Для уяснения смыслового содержания указанного феномена стоит обратиться к философской, социологической, медицинской и юридической литературе.

Чтобы раскрыть данное понятие, стоит обратиться к философии, в которой насилие сводится к оценке причиненного зла и безнравственности человека. Насилие понимается как применение одного человека (группы) в отношении другого человека различных форм принуждения, которое направлено на завоевание, захват, получение. В результате признаками насилия считается совершение действия, которое осуществляется вопреки воле другого человека.

С точки зрения филологии, В. Даль пишет, что насилие есть принуждение, выраженное в своевольном действии.

Социологическое понимание насилия основано на акценте применения силы или определенных угроз. М. Вебер («Политика как призвание и профессия», 1919), писал, что насилие как институт есть монополия лишь государства. Государство может применять физическое насилие как

*Аксенов Алексей Николаевич – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (Москва).

средство для поддержания господства одних людей над другими.

На примере развития общественных отношений указывается, что насилие предполагает действия, адресованные различным социальным субъектам и основанные на запугивании и понуждении к конкретным действиям. Также указывается, что насилие предполагает применение к телу человека физического вреда с использованием силы или оружия.

Исходя из медицинских исследований, Всемирная Организация здравоохранения указывает, что насилие есть преднамеренное действительное или в виде угрозы применение против себя или другого лица, а также группы лиц физической силы либо власти, которое преследует цель, предусматривающую наступление смерти или причинение телесных повреждений, психологической травмы и иного рода ущерба.

В юридической литературе данный термин активно обсуждается с учетом его уголовно-правовой направленности². УК РФ регламентирует насилие как умышленное причинение легкого, средней тяжести вреда здоровью, а также причинение побоев или применение насильственного лишения свободы.

Традиционный подход основан на определении насилия как психического или физического воздействия на лицо. А. А. Пионтковский писал, что насилие состоит во всяком принуждении к действию, противоречащим желанию человека. Важно учитывать, что данные действия совершены против либо помимо воли человека. При этом данные действия представляют собой системообразующий признак общественно опасного насилия³.

При раскрытии понимания насильственного преступления важно учитывать какого рода действия были со-

вершены, включая принудительное воздействие, притеснение, нарушение личной неприкосновенности человека и т. д.⁴ Стоит учитывать имело ли место насилие или угроза его применения. Насилие исследуется как элемент мотивации, так и средство достижения цели, способ совершения преступления. Направленность насилия исследуют в контексте посягательств, связанных с лишением человека жизни, причинением вреда здоровью, физической свободе, телесной неприкосновенности. Насилие как противозаконное действие состоит не только в причинении физиологической, органической или психической травмы, а ограничении свободы волеизъявления и действий со стороны потерпевшего⁵.

К формам проявления физического насилия следует относить воздействие на организм человека, применение физической силы, физическое воздействие на телесную область или ткани человека, применение мускульной силы к телу другого человека и т. п. При насилии предметом информационного воздействия признается психика человека, выраженная в виде представлений, мыслей, чувств, воли, восприятий, ощущений.

Таким образом, предлагается под насилием понимать умышленное использование физического, психического и иного воздействия на других лиц, которое влечет наступление негативных последствий физического, морального и материального характера.

© Аксенов А. Н., 2023

¹ Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации Концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 1(100). С. 9–19.

² Авдеева О. А., Авдеев В. А. Сущностно-ценностный дискурс в понимании права в условиях развития правового государства

// Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 3(102). С. 12–22.

³ *Иванцова Н. В.* Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2005.

⁴ *Антонян Ю. М.* Жестокость в нашей жизни. М., 1995. С. 54.

⁵ *Сердюк Л. В.* Криминологическое и уголовно-правовое исследование насилия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

Ю. А. Герасименко*

НОРМА-ОГОВОРКА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ПРЕДПИСАНИЯ

Несмотря на активное использование в положениях законодательства оговорок, формирования на их основе правоприменительной практики, феномен подобного рода юридических уточнений остается малоизученным с научной и практической точек зрения явлением. Подобное обстоятельство можно было оставить без внимания, если бы не ряд обстоятельств.

Во-первых, эффективность действия нормативных правовых актов во многом определяется сугубо юридическими, а возможно и технико-юридическими компетенциями правотворческих органов. Насколько ими используется весь арсенал способов и технологий подготовки нормативного материала, разнообразие методик и средств его обогащения, настолько конечный продукт в виде конкретного правового предписания будет эффективно регулировать общественные отношения.

Во-вторых, обращает на себя внимание тенденция последних десятилетий по использованию правотворческими органами не только стандартных правовых норм, имеющих классическую структуру (гипотезу, диспозицию и санкцию) и обладающих соответствующими качествами общеобязательности. Помимо них, задействуется потенциал специальных правовых установлений, содержащих в себе изъятия из общего правового регулирования, допол-

* Герасименко Юлия Андреевна – аспирантка кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (Ростов-на-Дону).

нения к генеральному правовому предписанию¹. В технико-юридическом отношении такой подход реализуется путем применения правовых оговорок, а если речь о конкретном правиле поведения, установленном в нормативном правовом акте, то это уже норма-оговорка.

Следует отметить, что, несмотря на весьма обширное количество публикаций по тематике конкретизации и детализации правового регулирования, использования различных технико-юридических приемов для повышения его эффективности, норма-оговорка, как самостоятельное явление, не становилась предметом исследования. Единичные публикации на данный счет², к сожалению, не всегда позволяют сформировать целостное представление о данном феномене. Попробуем несколько нивелировать данное упущение, углубив знания относительно норм-оговорок в праве.

Учитывая полисемичный характер термина оговорка, начать полагаем уместным с ее краткого семантического анализа. Слово «оговорка» имеет широкий синонимичный ряд, а также омонимичное свойство. Так, «оговориться» употребляется в одном ряду с терминами «обмолвиться», «ошибиться», и в значении нечаянно произнесенного высказывания, незначительно допущенной ошибки речи³. Видимо в этой связи, в русском языке (как литературном, так и разговорном) за словом «оговорка» закрепилось значение непроизвольной лингвистической ошибки⁴. Полагаем, что для разграничения восприятия «оговорки» как ошибки и как некоего разъяснения, следует обратить внимание на глагольные формы данной лексемы.

Так, оговаривать значит «объяснять наперед, ставить условие, предупреждать условно»⁵. Современные справочные источники также используют аналогичную интерпретацию термина «оговорить» через различные формы разъ-

яснения. Например, «объяснить наперед, предупредить»⁶. Вместе с тем, необходимо иметь ввиду и омонимичное свойство данного глагола, имеющего в числе прочего и кардинально иное значение – в понимании оклеветать, очернить, опорочить и пр. Таким образом, в рамках языка нормотворчества термин оговорка используется в значении разъяснительного положения, поправки к основному тексту, дополнения к ранее установленному.

Интересным в этой связи выступает рассмотрение природы подобной поправки, с учетом соотнесения ее с основополагающими качествами нормы права, которая должна иметь характер общеобязательности, строгой определенности, стабильности и пр.

К примеру, профессор А. Г. Репьев рассматривает оговорку в праве в качестве определенной части содержания юридического предписания, которая характеризуется факультативностью и конкретизирующим свойством, имеет нормативно-обязывающий характер, а в качестве ее функций обозначены «дифференциация и индивидуализация правового регулирования, согласование интересов участников правоотношений»⁷. Как нами ранее обозначалось, работы посвященные непосредственно рассмотрению правовых норм, являющихся по своей сути оговорками, нам не встречались. Указанный выше автор также феномен «оговорка» исследовал в большей степени как технико-юридический прием (об этом говорит и наименование публикации). Это, по всей видимости, объясняет несколько зауженный характер юридической природы оговорки, которая, на наш взгляд:

– вполне может быть рассмотрена как самостоятельная разновидность специального правового предписания, то есть в качестве вида нормы права, но имеющего акцессорный характер по отношению к основной норме;

– безусловно, имеет больший потенциал, чем только лишь дифференциация и индивидуализация.

Остановимся подробнее на аргументации выдвинутой гипотезы.

Так, по нашему мнению, нормы-оговорки являются акцессорным элементом правового регулирования, поскольку применяются лишь в совокупности с основными (базовыми) юридическими установлениями, при отсутствии которых теряют свое регулятивное свойство. В этом проявляется служебная роль норм-оговорок, поскольку они воздействуют на общественные отношения в совокупности с иными (в первую очередь с генеральными) предписаниями, дополняя, конкретизируя их положения. Это может происходить и путем уточнения круга регулируемых отношений, и корректируя условия действия базового предписания, и устанавливая изъятия относительно отдельных субъектов, подпадающих под действие базовой нормы и пр. К примеру, потерпевшему, в рамках расследования возбужденного уголовного дела разрешается «знакомиться по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела, со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств»⁸. Однако, «в случае, если в уголовном деле участвует несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему»⁹. Подобные разновидности специальных правовых предписаний регулируют не родовые общественные отношения, а видовые, то есть более узкие.

Относительно второй части выдвинутой нами гипотезы, убеждены, что потенциал норм-оговорок значительно

шире и не ограничивается дифференциацией и индивидуализацией. Нормы-оговорки – полноценный инструмент правового регулирования, посредством которого законодатель реализует и общеохранительное, и общедозволительное правового воздействие. Подтверждением сказанному служат нормативные правовые акты, в наименовании которых содержатся оговорки. Полагаем, прибегая к такому технико-юридическому варианту формулирования наименования, орган правотворчества показывает, что акт в целом направлен на видовые отношения (вытекающие из родовых), но их регулирование будет проходить в рамках всех имеющихся средств и технологий юридического воздействия. В подобных актах есть место и ограничительному регулированию, и стимулирующему, в нем предусмотрено как правовое поощрение, так и юридическая ответственность. К примеру, постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 390 хотя содержательно и выполнено в рамках детализации, конкретизации родовых общественных отношений (вещное обеспечение военнослужащих), но по своему функциональному назначению регулирует видовую разновидность данных отношений, а именно – складывающиеся в мирное время¹⁰.

Тезисно изложенный материал, имеющий преимущественно проблемно-постановочный характер, позволяет заключить, что оговорки в праве остаются малоизученным с научной и практической точек зрения явлением. Примеры законодательства показывают, что норма-оговорка выступает разновидностью специального правового предписания, появившаяся как необходимость конкретизации, детализации, уточнения общих правил поведения, вызванная усложнением и эволюцией общественных отношений.

¹ *Сенякин И. Н.* Специальные нормы советского права / Под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1987. С. 40–46; *Репьев А. Г.* Специальные преимущественные и исключительные правовые нормы в условиях цифровизации экономики и оказания онлайн услуг обществу // *Юристъ-Правоведъ*. 2020. № 1. С. 31–36.

² *Репьев А. Г.* Техничко-юридическая лексема «исключительный случай» в российском законодательстве и правоприменительной практике // *Юристъ-Правоведъ*. 2022. № 4. С. 75–78.

³ *Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А–Н* / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2003. С. 37.

⁴ *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т.: ок. 160000 слов. Т. 2: М–П. М., 2006. С. 428.

⁵ *Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля*. 2-е изд., испр. и значит. умнож. по рук. автора. Т. 2: И–О. СПб., 1881. С. 667.

⁶ *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008. С. 586.

⁷ *Репьев А. Г.* Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 10. С. 25.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред. от 21 ноября 2022 года) // *Собрание законодательства Российской Федерации* (далее – СЗ РФ). 2001. № 52. Ст. 4921; 2022. № 48. Ст. 8314. Ст. 42. Ч. 2. П. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 390 «О вещевом обеспечении в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, в мирное время» // СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2936; 2022. № 15. Ст. 2514.

А. В. Маргарян*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ НОРМЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Эксперимент с позиций диалектического материализма воспринимается как предметно-орудийная деятельность, активное вмешательство человека в окружающую среду¹. С этой точки зрения, правовой эксперимент предполагает материально-практическое воздействие на предмет посредством других средств. Таким средством выступает экспериментальная правовая норма.

Сущность экспериментальной правовой нормы, на наш взгляд, вполне уместно рассматривать через призму института правового экспериментирования в целом. Так, профессор В. В. Лазарев полагает, что оно является «разновидностью юридической практики» и сводится «к выполнению определенных действий, созданию новых условий в области общественных отношений, регулируемых нормами права»². Позиция ученого видится весьма обстоятельной, однако может быть уточнена и дополнена.

Во-первых, с точки зрения сферы применения. Отношение правового экспериментирования лишь к сфере юридической практики может быть осуществлено только в самом широком значении данного термина, то есть ко всей юридической деятельности. Вместе с тем, позволим себе предположить, что экспериментирование в области

* *Маргарян Арсен Восканович* – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета; адвокат Пензенского филиала коллегии адвокатов «Московский юридический центр "Гарант"».

государства и права невозможно без создания и утверждения экспериментальны правовых норм, что, как известно, реализуется в области правотворчества, а не правоприменения.

Во-вторых, сам по себе характер новизны для вновь создаваемых нормативных установлений еще не обеспечивает их качеством экспериментальности. В таком случае, всю деятельность органов законодательной власти можно признать построенной на методе проб и ошибок, то есть экспериментировании. Это, безусловно, не так. Между тем, например, В. К. Бабаев призывал стремиться к такому подходу, указывая, что социально-правовой эксперимент «должен стать обязательным предварительным этапом в подготовке всех групп нормативных актов»³.

Мы убеждены, что экспериментальная правовая норма возникла из потребности активного вмешательства государственно-властных органов в процесс правового регулирования: не только на первоначальных стадиях правотворчества, но и в дальнейшем, в процессе применения и апробации нормативного установления. В этом смысле, подобная разновидность юридического установления обоснована необходимостью повышения детализации и конкретизации правового воздействия, повышения адресности и точности правил поведения в обществе, исключения или минимизацией социально-вредных последствий ошибочного юридического вмешательства.

«Эксперимент» (от лат. *experimentum* – проба, опыт) как феномен окружающей действительности имеет весьма пестрые толкования в справочной литературе. Он воспринимается:

– как воспроизведение какого-либо явления или наблюдение нового явления в определенных условиях с целью его исследования, изучения;

– в качестве любой попытки, пробы осуществить что-либо каким-либо новым способом;

– в понимании научно-поставленного опыта⁴.

Следовательно, среди правовых предписаний вполне допустимо выделять особую разновидность – экспериментальные правовые нормы. Подобное правовое предписание в числе первых авторов акцентировано, рельефно начал исследовать В. И. Никитинский. В частности, в фундаментальном коллективном труде «Правовой эксперимент и совершенствование законодательства» именно данным автором подготовлена первая глава под названием «Общая теория правового эксперимента», в которой профессор останавливается на сущности экспериментальных правовых норм⁵. Он рассматривал экспериментальные правовые нормы в качестве «экспериментального фактора правового эксперимента», заключающего в «содержании отступлений от требований действующего законодательства»⁶. В схожем ключе о сущности экспериментальных правовых норм пишет В. В. Лапаева, воспринимая их как правовую форму проверки инновационных идей, а также «экспериментальный фактор, который вводится на определенный период в зоне экспериментирования»⁷.

В целом позиция авторов не вызывает кардинальных возражений, однако может быть уточнена в некоторых деталях.

Во-первых, относительно рассмотрения данного предписания в качестве фактора. Подобный термин в большей степени означает причину каких-либо происходящих процессов, существенные обстоятельства, определяющие или обуславливающие последующие события⁸. На наш взгляд, фактором правового эксперимента могут служить появившиеся (новые) общественные отношения

либо трансформирующиеся под воздействием нестандартных условий, либо потребность в испытании новых подходов в правовом регулировании и пр. На этих факторах мы остановимся чуть ниже, рассматривая их в качестве основания появления экспериментальной правовой нормы. Последняя, безусловно, выступая связующим звеном между правовым экспериментом и результатом правового воздействия в виде наступления каких-либо правовых последствий является скорее средством их достижения, а также формально-юридическим основанием экспериментирования в целом. Прав здесь В. В. Лазарев, полагающий, что «необходима правовая основа для эксперимента»⁹.

Во-вторых, следует отметить, что экспериментальная правовая норма не всегда выражается в появлении какого-либо нового, инновационного правового предписания, ранее не существовавшего. Интересной формой объективизации экспериментальной правовой нормы является приостановление действия общего правового предписания или его структурного элемента. Историческим примером является принятие во Франции в 1975 г. закона, приостановившего на определенное время (5 лет) действия санкции за аборт¹⁰. В качестве современной иллюстрации приостановления как формы реализации экспериментальной правовой нормы укажем на проводимую модернизацию системы контроля за загрязнением окружающей среды¹¹. Для этого государство использует такой универсальный правовой институт как квоты¹². Так, установление квот на выбросы загрязняющих веществ на ряде предприятий приостановило разработку материалов для перехода к наилучшим доступным технологиям¹³.

Более универсальное определение экспериментальной правовой нормы, по нашему мнению, дали профессора

А. Г. Репьев и И. Н. Сенякин. Авторы убеждены, что «экспериментальная правовая норма – это нормативное предписание, сложившееся в результате специализации правового регулирования на основе учета особенностей определенного его вида, направленное на пробное установление властного веления, характеризующегося избирательной юридической силой в отношении конкретно установленных субъектов общественных отношений, временных и территориальных границ»¹⁴.

Солидаризируясь с обозначенной точкой зрения, укажем, что экспериментальная правовая норма, с одной стороны, выступает несущей конструкцией правового экспериментирования в целом, поскольку для его участников посредством пробного правила также устанавливаются права, обязанности, закрепляются стимулы и ограничения. С другой стороны, экспериментальная правовая норма характерна не только для экспериментирования в праве, так как любая апробация новых механизмов в экономике, проверка инновационных средств в промышленности имеет документационное оформление (ведомственным правовым актом, актом локального правотворчества), что наделяет экспериментальную норму качеством формально-юридической основы и сущностным ядром испытания.

© Маргарян А. В., 2023

¹ *Штоф В. А.* Проблемы методологии научного познания. М., 1978. С. 83.

² *Лазарев В. В.* К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права // Лазарев В. В. Избранные труды: В 3 т. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М., 2010. С. 6.

³ *Бабаев В. К.* Понятие юридической нормы // Нормы советского права. Проблемы теории / Под ред.: В. К. Бабаева и М. И. Байтина. Саратов, 1987. С. 72.

⁴ *Толковый словарь русского языка: ок. 7000 словар. ст.: свыше 35000 значений: более 70000 илл. примеров / Под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003. С. 1566.*

⁵ *Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / Под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самощенко. М., 1988. С. 29–34.*

⁶ Там же. С. 25, 29.

⁷ *Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987. С. 62, 65.*

⁸ *Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008. С. 1119.*

⁹ *Лазарев В. В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права // Правоведение. 1966. № 1. С. 18.*

¹⁰ *Карбонье Ж. Юридическая социология / Пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М., 1986. С. 70.*

¹¹ *Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 года) «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 30. Ст. 4097; pravo.gov.ru – 26.03.2022.*

¹² *Репьев А. Г. «Квота» как правовая категория: дефинитивный и содержательный аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 34–46.*

¹³ *Чистый воздух как эксперимент // Коммерсант: официальный сайт. – <https://www.kommersant.ru/doc/5282815?ysclid=14zbuymuzc341391863> (дата обращения: 29.01.2023).*

¹⁴ *Репьев А. Г., Сенякин И. Н. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права // Юридическая техника. 2022. № 16: Материалы XXIII Международного научно-практического Форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 года) / Гл. ред. В. М. Баранов. Нижний Новгород, 2022. С. 39.*

В. В. Вармунд*

**РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ФОРМИРОВАНИИ КАТЕГОРИИ
«ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ»**

В Российской Федерации имеет место фактически непрерывный процесс трансформации, «обновления» законодательства, который должен базироваться не на увеличении количества принимаемых нормативно-правовых актов, а на оптимизации механизма правового регулирования общественных отношений¹. На этот механизм все большее влияние оказывают такие факторы, как глобализация правовой формы, усиление роли международного права.

Так в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом Организацией Объединённых наций в 1966 г., указано, что «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». Международное право предполагает формирование режима, так называемого правового равенства, когда основанием соблюдения равенства между субъектами является признание свободы индивида в общественных отношениях, в том числе, через такие понятия, как правоспособность, дееспособность и правосубъектность.

Исследование правосубъектности, ее теоретико-методологических основ, особенностей применения в отраслевых юридических науках играет одну из первостепенных ролей. Государство, применяя категорию право-

* *Вармунд Виктория Всеволодовна* – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (Москва).

субъектность, упорядочивает общественные отношения, определяя возможность человека обладать теми правами, которые предусмотрены законом. Предоставив человеку данную возможность, государство должно определить предмет и пределы его действий. При этом возникает вопрос, с какого момента данный человек может воспользоваться правом совершить конкретное действие. Так как общественные отношения, регулируемые правом, предусматривают реализацию предоставленных прав, то закономерно возникает вопрос, всегда ли каждый из участников данных отношений будет соблюдать права, которыми наделена вторая сторона. В результате возникает необходимость регулирования отношений в случае нарушения второй стороной установленных законом прав.

Действие правосубъектного лица наполнено содержанием, которое также регламентировано в законе. Владелец прав получает возможность их реализовывать, совершать акты и действия юридического характера. С точки зрения детерминизма человек есть существо, которое подвержено влиянию окружающей его среды – близких людей, родственников, коллег, коллектива и т. д. Его волеизъявление зависит от его субъективного мышления и информационного воздействия, которое может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Его свобода воли подлежит корректировке с учетом морально-нравственных императивов. Данные факторы в совокупности оказывают влияние на выбор правового решения – соблюдать установленный правовой порядок или направить действия для достижения собственного интереса, противоречащего закону.

Таким образом, возникает институт юридической обязанности. Данная обязанность предполагает выполне-

ние конкретно-определенных действий, направленных на восстановление нарушенных прав.

На основании регламентации поведения человека в законе на каждом из этапов его деятельности слагается правовой механизм регулирования правоотношения. Так как каждый из участников данного правоотношения становится лицом, наделенным правом и обязанностью, то доктрина применяет понятие лица, субъекта правоотношения.

Власть воли человека следует рассматривать как способ реализации им субъективного права. Но государство определяет характер реализации с учетом направленности его на благо и социально-значимые интересы. Поэтому закон как форма регулирования общественной жизни должен предусмотреть возможность волевой установки человека понимать текст закона, правильно его толковать, руководить самостоятельно своими действиями или бездействиями и т. д. В этой связи возникает вопрос с какого возраста человека способен это осознавать, а, значит, может быть наделен правом не только носить права, но и их осуществлять. При осуществлении этих прав человек с какого возраста сможет осознавать негативные последствия, которые может повлечь его действие, противоречащее закону. В каком возрасте правосубъектное лицо может противостоять влиянию, наносящему вред общественным отношениям.

Теоретическое осмысление вышеуказанных положений, содержащихся в отечественных и международных правовых документах, возводит проблему правосубъектности на практический уровень, обуславливает целесообразность осуществления соответствующих научных исследований. Выделение категории правосубъектность и определение её состава можно встретить в работах теоре-

тиков права, таких как А. А. Рождественский², Н. М. Коркунов³, Г. Ф. Шершеневич⁴, которые пытались найти отличия в подходах к категории правосубъектности, обосновывали детерминированность признания лица или организации социально-экономическими причинами, и отчасти политическими причинами, искали «сущностные» отношения, которые скрываются за понятием лица и его правосубъектностью.

В советский период учение о правосубъектности развивалось достаточно фрагментарно, причём, известные теоретики отрицали необходимость выделения категории правосубъектности. Согласно точке зрения С. С. Алексеева, социальной предпосылкой правосубъектности служит свобода воли человека⁵. В отечественном праве такая классификация (объяснение) правосубъектности едва ли не преобладающая в воззрениях теоретиков. Абсолютное большинство исследований и учебников по теории государства и права дают именно такое понимание вопроса о субъекте права и его правосубъектности.

Актуальны ли в этом случае вопросы правосубъектности для дальнейшего теоретического осмысления? Представляется, что более чем актуальны. Об этом пишут и теоретики права, которые касаются в своих исследованиях вопроса о субъекте права, и специалисты в отраслевой доктрине.

Отечественными учёными-правоведами, как и в теории государства и права, так и в различных отраслевых науках в период XIX–XX вв. был накоплен большой теоретический материал, содержащий анализ правосубъектности индивидуальных субъектов права (как в целом, так и отдельных её элементов).

На современном этапе исследуются, как правило, только проблемы соотношения субъективных прав и пра-

восубъектности. Данные аспекты рассматривают в своих трудах такие учёные, как С. И. Архипов «Субъект права: теоретическое исследование», А. Я. Курбатов «Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации». Стоит отметить вклад в раскрытие данного понятия А. Л. Шигабутдиновой («Некоторые аспекты применения системного подхода к исследованию субъектов права»)⁶.

Российскими исследователями проблематика условий и факторов, влияющих на правосубъектность лица на теоретическом уровне, в основном исследовалась, в контексте проблем гражданской и уголовной правосубъектности⁷. Поэтому дальнейшее рассмотрение категории правосубъектности со стороны теории права представляется своевременным и актуальным.

© Вармунд В. В., 2023

¹ Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации Концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 1(100). С. 9–19.

² Рождественский А. А. Теория субъективных публичных прав. Ч. I: Основные вопросы теории субъективных публичных прав. М., 1913.

³ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.

⁴ [Шершеневич Г. Ф.] Общая теория права: Лекции профессора Московского университета Г. Ф. Шершеневича, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1909/10 г. М., 1911.

⁵ Алексеев С. С. Общая теория права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 379.

⁶ Шигабутдинова А. Л. Правосубъектность и реализация права: дис.... канд. юрид. наук. Казань, 2011.

⁷ Авдеева О. А., Авдеев В. А. Сущностно-ценностный дискурс в понимании права в условиях развития правового государства

// Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 3(102). С. 12–22.

Ю. Ю. Басова*

ПОНЯТИЕ ЗАКОННОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ

Сегодня часто звучат критические замечания, что государство как ведущий субъект обеспечения законности защищает нечто абстрактное и неконкретное. По нашему мнению, такой подход является необоснованным и складывается, прежде всего, в связи с недостаточным количеством отраслевых научных исследований данной проблематики. Большинство исследований было проведено в рамках общетеоретического анализа, в которых понятие «законность» рассматривалось в рамках широкой правовой проблематики. Разработка понятийного аппарата, выявление закономерностей и особенностей обеспечения законности, а также разграничение и установление определенных связей с другими подобными правовыми явлениями, имеет большое значение как для научно-исследовательской деятельности, так и для правоприменительной практики.

Значимость законности для общества и государства связана с тем, что это правовое явление фокусирует сложные процессы, происходящие в государстве. В связи с этим более обоснованным является мнение, что обеспечение законности в некотором смысле является условием и одновременно целью реформирования страны¹. Однако,

* *Басова Юлия Юрьевна* – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Симферополь), кандидат юридических наук, доцент.

несмотря на важность для общественной и государственной жизни понятия «законность», к сожалению, на сегодня отсутствует единый подход к ее определению и содержанию.

Анализ научных исследований свидетельствует о наличии большого количества взглядов относительно определения данной правовой категории. Понятие «законность» достаточно широко используется в различных отраслях научных знаний и практической деятельности органов исполнительной власти, а также правоохранительных органов. В современной юридической литературе можно встретить различные взгляды на понимание законности. Анализ дискуссий, которые ведутся в этой области, позволяет выявить отсутствие какого-либо единства во взглядах по этому вопросу.

Понятие законности в современном представлении введено в научный оборот сравнительно недавно, однако идеи законности встречаются в произведениях многих философов и правоведов древности.

Анализ сочинений древнегреческого философа Платона показывает, что мыслитель считал: «Законы, эти владыки государства. Закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. Ибо закон совершенного государства ставит своей задачей не благоденствие, или блаженство одного какого-нибудь слоя населения, но имеет в виду все государство в целом. Закон состоит в том, чтобы каждый член общества «делал свое», и «только свое», не принимаясь за дела, лежащие на обязанности других его членов².

Ученик Платона, Аристотель, разделял взгляды относительно сущности законов и утверждал, что «не может быть делом закона властвование не только по праву, но и вопреки праву; стремление же к насильственному подчи-

нению, конечно же, противоречит идее права». Там, где отсутствует власть закона, нет места никакой форме государственного строя. Закон должен властвовать над всем»³.

Указанное показывает, что взгляды древнегреческих мыслителей, «заложили методологическую основу» понимания права как самостоятельного социального феномена, не зависящего от государства, в то же время, предложенный подход не исключал рассмотрения права как «объективной нормы» справедливости и тем самым установили взаимосвязь справедливости и права. В этом направлении мыслители античности обосновывали идею законности и верховенства правового закона. Принцип законности здесь трактовался как соответствие действий власти требованиям справедливости, выраженной в законе⁴.

Петровские реформы положили начало истории становления «практической законности». Петр I не только ввел в России понятие «законодательство», создал специальный орган для обеспечения законности – прокуратуры (Указ Петра I от 12 января 1722 г.), но и определил ее сущность как выражение воли верхов, обеспечение их интересов на основании строгого соблюдения законов⁵.

Анализируя происхождение государства, И. Кант определял его начало как естественное состояние, лишённое всякой гарантии законности⁶. Мыслитель считал, что «движение к состоянию правового государства коррелятивно принятию распределяющей справедливости в качестве базы законности в публичном пространстве»⁷.

В. И. Ленин трактовал законность как неуклонное следование закону, соблюдение закона, исполнение его. Так, определяя обязанности прокуратуры как органа надзора за законностью, В. И. Ленин указывал: «Прокурор

отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом...». Именно для этого и создавалась прокуратура как орган надзора за законностью. Основываясь на работах В. И. Ленина, советский ученый, доктор юридических наук, профессор М. С. Строгович отмечал, что «советская социалистическая законность – это строгое и неуклонное соблюдение и исполнение советских законов всеми органами Советского государства, всеми учреждениями и общественными организациями, должностными лицами и гражданами. Эта всеобщность, всеобщая обязательность – необходимая черта, неотъемлемое свойство социалистической законности»⁸. Следует подчеркнуть, что именно в советский период впервые была обоснована применяемая и в современных научных исследованиях концепция о триединстве законности: законность – это принцип, метод и режим⁹. Что не помешало сформировать в юридической науке и иные подходы к пониманию законности¹⁰.

© Басова Ю. Ю., 2023

¹ Позднышев А. Н. Институт государственной службы в сфере обеспечения общественной безопасности (теоретико-методологические проблемы): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 23.

² Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., 1994. С. 301, 535, 542.

³ Виноградова Е. В., Виноградова С. А. Влияние идеи верховенства права в античной философии на становление концепции правового государства // Образование и право. 2018. № 9.

⁴ Законность в деятельности государственных органов на современном этапе построения правового государства в Республике Крым. – <https://articlekz.com/article/6790/> (дата обращения: 02.02.2023).

⁵ Олефиренко Т. Г., Петухов Е. Н. Понятие и содержание законности в деятельности руководителя следственного органа // Известия АлтГУ. 2012. № 2(74). С. 120.

⁶ *Немецкая классическая философия права.* – <https://file.net/preview/6396623/page:10/> (дата обращения: 12.02.2023).

⁷ *Воробьев А. В.* Наследие И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля и дискуссия по проблеме правового государства в западной философии второй половины XX – начала XXI века: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тверь, 2009. С. 10.

⁸ *Строгович М. С.* Избранные труды: В 3 т. Т. 1: Проблемы общей теории права. М., 1990. С. 109.

⁹ *Солуков А. А.* Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; *Нижник Н. С., Папырин В. В.* Законность как социюридический феномен. СПб., 2012.

¹⁰ *Нижник Н. С.* О методологических основаниях изучения социюридического феномена «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // История государства и права в условиях реформирования юридического образования: методологические, методические, социально-культурные аспекты: Межвузовская научно-методическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2011. С. 13–17; *Нижник Н. С., Папырин В. В.* Законность как феномен социально-исторической реальности отечественного государства в годы новой экономической политики // Проблемы права в современной России: Сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции 23 апреля 2012 года. СПб., 2012. С. 143–147; *Нижник Н. С.* Социюридический феномен «законность» в контексте диалога научных парадигм современной юриспруденции // Генетические закономерности права: Сборник научных трудов, посвященный 90-летию профессора С. Г. Дробязко / Гл. ред. С. А. Балашенко. Минск, 2013. С. 22–30; *Нижник Н. С.* Законность: осмысление в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Конституция, личность и суд в современной России: Материалы научной конференции памяти профессора Н. В. Витрука / Под ред. И. А. Умновой, В. Е. Сафонова, И. А. Алешковой. М., 2013. С. 121–126; *Нижник Н. С.* Законность: плюрализм подходов к рассмотрению социюридического феномена в современной юридической науке // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 12.

С. 30–34. EDN RMCQKS; *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало российского права. СПб., 2021; *Ломакина И. Б.* Законность как юридическая данность или социальный конструкт? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3(99). С. 48–54. DOI 10.35750/2071-8284-2023-3-48-54. EDN JIXCZO.

РИСК КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОГО КОМПАЕНСА

Технологическое развитие общества диктует новые условия правового регулирования общественных отношений. Все чаще законодатель задумывается не о повышении санкции за совершение правонарушений или нанесения вреда охраняемым интересам, а о необходимости предотвращения возможности наступления неблагоприятных последствий. Об этом свидетельствует уже зафиксированный в федеральном законодательстве курс на риск-ориентированный государственный надзор и внедрение внутренних систем соответствия требованиям законодательства. Таким образом, можно говорить о возникновении проактивного правового регулирования и активном внедрении юридического комплаенса.

Начать необходимо с понятия «риск». Оно означает возможность наступления негативных событий и их последствия¹. Чаще всего данное понятие встречается в страховании. Как писал Г. Ф. Шершеневич, имущественное страхование заключается в том, что снять с лица страх за собственное имущество, устранить или снизить вероятность риска. Исходя из ст. 2 Закона Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской

* *Манохин Виталий Сергеевич* – ассистент кафедры финансового права и таможенной деятельности; аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института имени Михаила Михайловича Сперанского Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; адвокат.

Федерации», страхование – это отношения по защите физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев. То есть данное явление родилось из признания риска высоким и необходимости имущественного восстановления утраченного блага.

В статье 929 ГК РФ дается полный перечень имущественных интересов: риск гибели имущества, предпринимательских убытков, нарушения обязательства. Для заключения договора имущественного страхования страхователь должен оценить, что вероятность и последствия негативных событий достаточно высоки и есть необходимость обезопасить свой интерес путем заключения договора. То есть право выступает как инструмент возможного восстановления баланса интересов конкретного лица. Неблагоприятные последствия могут не возникнуть, и в результате страхователь передал страховщику денежные средства без встречного представления, но так он смог гарантировать себе возможную экономическую безопасность.

Риск становится новым фактором, изменяющим традиционный подход к элементам правоотношений. Субъекты стремятся использовать предоставленные им права для минимизации риска, а объектом становится право на снижение издержек либо предупреждение негативных событий. Например, уже рассмотренный договор страхования подразумевает, что страхователь оценил риски и готов отдать денежные средства за возможность в какой-то момент воспользоваться помощью страховщика. Из договора порождается содержание правоотношений, которое зависит от юридического факта. В данном случае речь идет об условии причинении вреда страховщику. В пуб-

лично-правовой плоскости же речь идет не просто о возмещении, а о предотвращении возможных неблагоприятных событий в целом.

В частном праве риск связывается только с имущественным интересом, потому что иначе его невозможно оценить и соразмерно возместить. Субъект должен быть согласен на то, что его затраты на предотвращение риска соизмеримы с возможным вредом.

Понятие «риск» существует не только в ГК РФ. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации закреплено понятие «обоснованного риска», в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» гл. 5 посвящена управлению рисками. В Налоговом кодексе Российской Федерации «риск» встречается неоднократно в разных статьях, а также в иных законах и подзаконных актах².

При этом в законодательстве отсутствуют закрепленные причины риска, формулы для его расчета и способы снизить вероятность его возникновения. Статья 41 УК РФ сформулировала максимально абстрактно и оставляет на усмотрение суда применение «обоснованного риска». Государственный риск-ориентированный надзор только в сфере защиты трудовых прав имеет Постановление Правительства Российской Федерации с конкретными формулами расчета уровня риска, которыми может воспользоваться каждый. Риск является важным элементом, определяющим необходимость создания и внедрения комплаенс. Однако современная юридическая доктрина мало уделяет внимание вопросам вероятности и прогнозирования.

Таким образом, риск как важный элемент современных правоотношений требует четкой законодательной и правоприменительной регламентации. Предлагается:

1) принятие Федерального закона «Об управлении рисками», в котором закрепить, что правовой риск – это сочетание вероятности и последствий наступления негативных событий, которые могут быть оценены и закреплены законодательно. Это позволит ограничить сферу применения данного закона и пресечь злоупотребления, путем исключения нематериальных вопросов;

2) в рамках закона закрепить элементы оценки вероятности правового риска. В них входит: экономическая калькуляция возможных убытков в результате нарушения частных (здесь возможно возмещение упущенной выгоды) и публичных интересов; ограничение круга субъектов, с которыми связывают причинение вреда; оценка внешних факторов (срок службы имущества, санкции статей КоАП РФ. Это основополагающее условие для осуществления объективной оценки риска и оправданности экономических затрат, направленных на его предотвращение;

3) в законе отразить понятие «юридический комплаенс»³ и закрепить основополагающие элементы данной системы соответствия. Она должна стать одним из инструментов по предотвращению и минимизации негативных последствий. Органы публичной власти должны будут учитывать её при оценке вины и определению наказания в отношении субъекта;

4) разработать и принять Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое бы привело к единообразию практику по вопросам рисков. Необходимо четко разграничить частные и публичные интересы при оценке риска, в том числе в области применения юридического комплаенса.

© Манохин В. С., 2023

¹ Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3(207). С. 5–16.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2016 года № 806 (ред. 29 августа 2022 года) «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2016. № 35. Ст. 5326; 2022. № 40. Ст. 6832; Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ (в ред. 14 июля 2022 года) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ч. I. Ст. 5007; 2022. № 29. Ч. III. Ст. 5238.

³ Головкин Р. Б., Манохин В. С. Юридический комплаенс: определение объема понятия // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1(62). С. 132.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В наше время процессы цифровизации стали трендом общественного развития. Научно-технический прогресс вносит свои коррективы не только в развитие технологий производства, но и играет важную роль в социально-экономической и правовой составляющей жизни общества. Стоит отметить, что появление информационно-коммуникационной сети Интернет и новых технологий в XXI в. пользуются спросом абсолютно во всех сферах деятельности, будь то медицина или IT-технологии. Однако все отношения в общественной жизни должны быть отражены в правовом поле с целью надлежащего регулирования соответствующих социальных взаимодействий. Следовательно, возникла необходимость совершенствования правового регулирования данных отношений.

Право является регулятором общественных отношений. Такая категория, как «предмет правового регулирования», предполагает систему качественно однородных общественных отношений. Научно-технологический прогресс сопровождается частными коллизиями в праве, что в дальнейшем разрешается разработкой общей методологии. Интернет-пространство трудно регулировать не только технически, но и юридически. В связи с этим ученые-юристы разрабатывают свои концепции относительно правового регулирования Интернет-пространства. Технологии и право имеют схожую природу, в основе которой

* *Хрущёв Сергей Викторович* – преподаватель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург).

лежит последовательность определенных действий, направленных на достижение результата. Массовая цифровизация и технологизация способствуют изменению привычных правовых ценностей¹. Перед представителями юридической науки поставлены актуальные проблемы, для разрешения которых от них требуется разработка новых концепций, подходов, механизмов, выработка правовых режимов в рамках цифровой трансформации.

Перед юридической наукой встал вопрос преодоления пробелов в правовом регулировании отношений, в которых ведущую роль играют процессы цифровизации. Ученые-правоведы предлагают разработку и принятие государственных норм в целях сокращения негосударственного регулирования и возникновения коллизий норм. Однако мнения юристов по поводу правового регулирования отношений, существующих в цифровом пространстве, разделились. Первые считают, что уже имеющегося законодательства с внесением некоторых изменений достаточно для регулирования общественных отношений, возникающих в Интернете. Другие настаивают на разработку и принятие принципиально новых нормативных актов, распространяющихся на данные отношения. Йован Курбалия в своей книге «Управление Интернетом» указал, что представителей первого подхода больше². Эпоха цифровизации и технологизации детерминировала возникновение отрасли информационного права. В юридической литературе имеются различные дефиниции понятий «информационное право», «цифровое право», «Интернет-право». Данные категории близки, так как регулируют схожие отношения³. А. С. Анисимова выделяет особенности отрасли Интернет-права⁴. По мнению автора, данный правовой институт является комплексным, межотраслевым. Действие данного комплекса норм направлено на

урегулирование общественных отношений, складывающихся в цифровой сфере.

Характерной чертой цифровизации является все чаще возникающие коллизии правовых и неправовых норм, что свидетельствует о влиянии трансформации на нормотворчество в целом⁵. На сегодняшний день совершенствование российского законодательства в области цифровизации происходит с опорой на разработанные в отдельных группах правила, принятые юридическим сообществом. Например, крупные технологические компании России, такие как Сбербанк и Газпром, подписали Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, устанавливающий общие этические принципы поведения участников отношений в сфере искусственного интеллекта. Подписавшие данный кодекс стороны придерживаются его в рамках Стратегии развития информационного сообщества на 2017–2030 гг. Ученым в области права необходимо обратить внимание на практику, правовые режимы, кодексы этики в данной сфере, так как есть пробелы, неурегулированные законодательством.

Основной проблемой цифровизации в России является отсутствие четкого регулирования данной области. Право Интернета в своем основании имеет стандарты, принятые определенным бизнес сообществом. Разработка таких стандартов и норм редко связана с законотворческим процессом. Развитие Интернет-права в России возможно при участии ученых-правоведов в разработке этических стандартов, в процессах обсуждения и принятия правил в данной сфере общественных отношений.

Кроме задач, стоящих перед юридической наукой в сфере совершенствования правового регулирования процессов, связанных с цифровизацией, можно выделить положительное влияние цифровой трансформации на юрис-

пруденцию. Например, в эпоху технологизации и цифровизации написание научных работ, общение между учеными из разных точек мира значительно упростилось. Высокоскоростной Интернет упрощает процесс публикации своих научных трудов в различных источниках. Стало возможным участие в научных конференциях, которые проходят не только в очном, но и в онлайн формате. Облегчился способ получения, и анализа данных. Развились роботизированные конструкторы договоров.

Современное общество развивается в эпоху цифровой революции. Новые технологии развиваются с невероятной скоростью, а заинтересованных в этом лиц становится все больше с каждым днем. Таким образом, цифровизация продвигается в юридическую науку. Влияние технологического процесса на право требует от юридического сообщества активной реакции. Новым общественным отношениям и правовым институтам необходимо правовое регулирование. С целью регулирования данной сферы научному юридическому сообществу необходимо разрабатывать стратегии, нормы, правовые режимы и концепции.

© Хрущев С. В., 2023

¹ *Правопорядок: элементы общей теории* / Под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. И. Клименко. М., 2020. С. 93.

² *Курбалия Й. Управление Интернетом* / [Пер.]. М., 2018. С. 33.

³ *Исаев И. А., Корнев А. В., Липень С. В. Эффект виртуального: концепты власти и права* / Под ред. В. Г. Румянцевой. М., 2022. С. 54.

⁴ *Анисимова А. С. Механизм правового регулирования Интернет – отношений: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 12.*

⁵ *Мажорина М. В. О коллизии права и «Неправа», реновации lex mercatoria, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже //*

Lex Russica. 2019. № 7(152). С. 93–107. – <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kollizii-prava-i-neprava-renovatsii-lex-mercatoria-smart-kontraktah-i-blokcheyn-arbitrazhe> (дата обращения: 17.01.2023).

И. В. Гончаров*

ПРАВО НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ В УСЛОВИХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Информационное пространство на сегодняшний день занимает огромную часть жизни современного общества. Развитие науки, передовых технологий в XXI в. привело к цифровой трансформации важнейших общественных отношений. Информация, информационные продукты и ресурсы занимают огромное, возможно, даже самое главное, значение в современном мире.

А это означает, что проблема достоверности информации выходит на первый план в условиях глобализации современного общества, поскольку имеет ключевое и важное значение при создании и формировании в целом системы общественных отношений. Как справедливо отмечают А. В. Минбалеев и О. В. Петровская, «проблема обеспечения достоверности информации в условиях развития информационного общества и цифровой трансформации сегодня переосмысливается как государством, так и обществом. Достоверность информации становится ключевым критерием формирования нового типа общества – общества знаний»¹.

Достоверная информация представляет собой такие сведения, которые относятся к вопросам событий, фак-

* *Гончаров Игорь Владимирович* – заведующий кафедрой государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации (Москва); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, профессор.

тов, явления, которые при этом имеют подлинность, отражают правдивое их действие, а также, истины в своем положении. Достоверность информации является показателем качества информации, обозначающим её адекватность, объективность и полноту. А это означает, что при проверке информации на достоверность необходимо опираться на факты, на которых базируется информация, уже проверенные на достоверность, источники получения данной информации и ее непротиворечивость. При этом, такие сведения, обязательно, основаны на знании, которое исключает любое сомнение. Достоверность равно значению истины, которая получена на основании знаний, и не относится к каким-либо сомнениям.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. сказано, что «целями формирования информационного пространства, основанного на знаниях, являются обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора» (ч. 24)². Там же в п. «л» ч. 3 говорится, что получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации имеет преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства....».

Учитывая, что соответствии с ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», речь должна идти о праве получать именно достоверную информацию, поскольку негативные риски, которые может повлечь за собой недостоверная информация крайне высоки, особенно в условиях повсеместной циф-

ровизации общественных отношений.

Это тем более важно, поскольку в вопросе достоверности информации лежат как материальные блага, так и нематериальные, которые в совокупности предоставляют важнейший элемент общественных отношений³.

В этой связи объективно возникает вопрос о нормативном закреплении понятия «право на достоверную информацию». Приходится констатировать, что в настоящее время действующее законодательство фактически не содержит определение понятия «достоверность информации», что, безусловно, на наш взгляд, усложняет правообразование и правоприменение соответствующих органов государственной власти.

Конституция Российской Федерации в ч. 4 ст. 29 закрепляет «право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным», а также предусматривает «право каждого право на достоверную информацию», но оно используется только применительно к «праву каждого на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии», закрепленному в ст. 42 Конституции Российской Федерации⁴.

Само по себе определение понятия «информация» установлено в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии со ст. 2 Закона «информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления», а «информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»⁵.

Однако данный нормативный правовой акт не устанавливает, что именно из себя представляет достовер-

ность, также, никак не определяются критерии такой достоверности. Также, никак не установлено на основании чего можно установить какие-либо критерии такой достоверности применительно к любой сфере деятельности, а также, как правильно раскрыть достоверность информации применительно к той или иной ситуации. Стоит отдельно отметить, что в целом в законодательстве достаточно редко раскрывается понятие достоверности, а также, достаточно редко регулируются ее критерии. Даже в уже упомянутом Законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 10.1., «Обязанности организатора распространения информации в сети Интернет» ничего не говорится об обязанностях распространения именно достоверной информации.

Часто можно отметить такие ситуации, которые отражают тот факт, что само по себе обеспечение достоверности информации в нормативных правовых актах чаще всего определяется путем установления требования достоверности. В качестве примера можно привести Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, которая к национальным интересам в информационной сфере относит «доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и в мире» (п. «г» ст. 7)⁶.

Неурегулированность данной сферы общественных отношений в условиях их повсеместной цифровизации порождает ряд негативных моментов, связанных с распространением в различных социальных сетях и «мессенджерах» заведомо недостоверной информации в отношении тех или иных субъектов лицами, преследующими самые различные цели, что также свидетельствует о необхо-

димости законодательной выработки четких критериев определения достоверности соответствующей информации⁷. Например, это возможно путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Парадоксально, но именно неурегулированность этой сферы правоотношений, порождающая различного рода негативные последствия, связанные с распространением недобросовестной информации, привело к появлению новых видов цифровых прав, в том числе «права на забвение», представляющее собой естественное право человека требовать удаления из различного рода социальных сетей и «мессенджеров» информации о себе, тем более, если она является недостоверной⁸.

Конечно, государства мира прекрасно осознают негативные последствия распространения недостоверной информации и законодательно предусматривают механизмы, в том числе уголовно-правовые, борьбы с этим явлением. Но важнейшей особенностью информации, особенно недостоверной, в силу объективных причин специфики человеческой психики является ее восприятие и использование иногда даже помимо воли человека. Как справедливо отмечает О. А. Снежко, «опасность дезинформации заключается в том, что она способна влиять на общественные убеждения, может использоваться как действенный механизм подрыва народного доверия к государственным институтам в целом, исказить ценности российской государственности, «сеять» межнациональную вражду и т. п.»⁹.

Приходится констатировать тот факт, что эпоха цифровой трансформации общественных отношений только наступает. Но это уже объективная реальность. В

дальнейшем по мере развития соответствующих цифровых технологий это уже станет обыденной реальностью существования человеческого общества. Но поскольку цифровые технологии в условиях глобализации современного мира способствуют стремительному распространению информации в обществе, речь должна идти о строгом регламентировании как способов подачи этой информации, так и ее достоверности, критериев ее определения. В противном случае это может напрямую затронуть многие фундаментальные права человека, закреплённые в конституциях государств и в соответствующих международных актах в области прав человека.

© Гончаров И. В., 2023

¹ Минбалеев А. В., Петровская О. В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. № 4(145). С. 22–28.

² Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // <http://www.kremlin.ru> (дата обращения – 06.02. 2023 г).

³ Румянцева Е. Е. Проблема оценки достоверности информации как критерия качества государственного управления // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: Сборник статей по итогам XVI международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 года. СПб., 2021. С. 81–84.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 9 января 2023 года) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ч. I. Ст. 3448.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины

информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁷ *Балекина В. М.* Понятие заведомо недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений в праве // Административное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 1–12.

⁸ *Кирикова А. А., Харсеева О. В.* Права человека новейшего времени: проблемы реализации российского «права на забвение» // Права человека: история, теория, практика: Сборник научных статей пятой Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2016. С. 93–98; *Рогатко Е. С.* «Право на забвение» как средство реализации права на неприкосновенность личной жизни // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 2. С. 100–117.

⁹ *Снежко О. А.* Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 38–43.

О. Н. Рудакова*

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: РЕАЛЬНОСТЬ ЭПОХИ ИЛИ ПЕРСПЕКТИВА БУДУЩЕГО?

В последние десятилетия Интернет стал повседневным атрибутом нашей обыденной жизни, что является естественным процессом технического развития, стремительно развивающегося мира. Повседневный характер его использования не дает права утверждать о простоте правового регулирования отношений, порождаемых Интернет-пространством. Интернет-пространство феноменально по своей природе и, как следствие, требует специфического информационно-правового регулирования, основным вопросом которого является обеспечение защиты персональных данных.

Актуальность необходимости обеспечения цифровой безопасности отражена в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 Г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в котором говорится, что глобальный характер сети создает дополнительные сложности в защите интересов граждан и государства, в связи с чем правовые механизмы регулирования информационного пространства и национального сегмента Интернет до настоящего времени не созданы¹.

* Рудакова Ольга Николаевна – адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва).

В эпоху цифровизации предпринимаются неоднократные попытки решения проблем обеспечения естественных прав человека, это происходит путем:

- разработки целевых стратегий для профессиональных групп и для регионов, с учетом уровня образования, уровня материальной обеспеченности, наличия цифровых устройств и т. д.²;

- обеспечения доступа к информационно-коммуникационным технологиям для маргинализированных групп, в частности людей с ограниченными возможностями³;

- разработки и реализация мероприятий, направленных на повышение цифровой грамотности активной части населения⁴;

- разработки стратегии, направленной на обеспечение конституционных прав граждан и юридических лиц при переходе страны к цифровой экономике⁵ и другие.

Однако, как представляется, «невозможно создать эффективный механизм реализации и защиты естественных прав человека без юридического признания и нормативного закрепления прав нового поколения – «цифровых прав»⁶.

Тем не менее, приходится констатировать, что утверждение и закрепление «цифровых прав» в настоящее время вызывает дискуссии среди ученых и практиков, мнения которых разделились:

- позиция одних состоит в том, что признание «цифровых прав» излишне, так как все права человека, которыми он обладает, должны быть защищены независимо от онлайн или офлайн среды, и выделяют главную задачу – не нарушать права первого поколения⁷. Свою позицию они определяют тем, что Интернет-пространство рассматривают как инструмент для реализации своих естествен-

ных прав, в котором уже нет необходимости, в связи с чем априори не может быть права, приводя аналогию: «Лошадь, возможно, когда-то была незаменима для жизни человека, но теперь ей на смену пришли сто лошадей под капотом машины, стоящей в гараже, который, в свою очередь, заменил прежде необходимый сарай»⁸;

– точка зрения других исследователей в корне противоположна суждениям первых, утверждая, что: «возможности, которые предоставляет Интернет, делают его не просто инструментом. Это основополагающая система, которая, скорее, служит дорогой для наших путешествий, чем лошадью, на которой мы едем»⁹;

– третьи вообще полагают, что невозможно применять правовые и технологические нормы контроля в Интернет-среде, поскольку киберпространство находится вне контроля и досягаемости правительств¹⁰.

В декабре 2020 г. Министерство цифрового развития связи и массовых коммуникаций Российской Федерации представило проект Цифрового кодекса России, основными положениями которого являются создание: нормативно-правовой базы для цифровизации России; системы цифровой инфраструктуры; системы лицензирования и сертификации цифровых услуг и ресурсов; установление правил доступа и использования цифровых ресурсов и стандартов управления и обработки данных¹¹.

Однако нормативного закрепления понятия и определения «цифровых прав» в настоящее время нет, что порождает объективно существующие проблемы при их повсеместном использовании. А ведь «цифровое права» как естественные права человека уже не просто потребность, а необходимость современного этапа развития общества и государства. Важно понимать, что вся история человечества сопровождалась и сопровождается развитием науч-

но-технического прогресса и ей присущи различного рода технологические прорывы, вызывавшие порой различного рода споры и дискуссии в среде ученых и практиков. Тем не менее, прогресс не остановить и именно он, зачастую, способствует признанию и закреплению в праве новых определенных прав: телеграф – неприкосновенность частной жизни¹² и защита авторских прав¹³; радио – свобода слова в эфире; телевидение – обеспечение авторских прав в вещании¹⁴. Как представляется, это ожидает и права цифровые: сначала их признание, закрепление, а потом создание соответствующих механизмов их обеспечения и защиты.

© Рудакова О. Н., 2023

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 11.02.2023).

² Дмитриева Н. Е., Жулин А. Б., Артамонов Р. Е., Титов Э. А. Оценка цифровой готовности населения России: Доклады к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апреля 2021 г. М., 2021. С. 86.

³ Заявление, поддержанное участниками специальной сессии Комиссии по широкопластной связи в интересах цифрового развития, состоявшейся в Давосе, Швейцария, в январе 2016 г. – <https://docs.yandex.ru/docs/davos-statement-jan2016-ru.pdf> (дата обращения: 11.02.2023).

⁴ Маммаев Р. А., Борисова Л. А. Влияние цифровизации на занятость и безработицу в ключе текущего экономического кризиса // Управление, экономика, политика, социология. 2020. № 2. – <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-zanyatost-i-bezrabortitsu-v-klyuche-tekuschego-ekonomicheskogo-krizisa> (дата обращения: 11.02.2023).

⁵ Cerf V. G. Emergent Properties, Human Rights, and the Internet // IEEE Internet Computing. 2012. Vol. 16. Iss. 2. P. 87.

⁶ Гончаров И. В. Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений

// Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 9(61). – <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-realizatsii-prav-cheloveka-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obshchestvennyh-otnosheniy> (дата обращения: 11.02.2023).

⁷ Резолюция, принятая Советом по правам человека 16 июля 2012 г., № 20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» (A/HRC/RES/20/8). П. 1 // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея: официальный сайт. – <https://undocs.org/A/HRC/RES/20/8> (дата обращения: 23.06.2019); Генеральная Ассамблея ООН. Совет по правам человека. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете. 27 июня 2016 г. (A/HRC/32/L.20). П. 1 // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея: официальный сайт. – <https://undocs.org/ru/A/HRC/32/L.20> (дата обращения: 12.02.2023).

⁸ *Cerf V. G. Emergent Properties, Human Rights, and the Internet*. P. 87.

⁹ *Sniadecki T. D. A Road Compared to a Horse: An Examination of Internet Access as a Human Right* // Grand Valley State University. Honors Projects. 2014. – <http://scholarworks.gvsu.edu/honorsprojects/283> (дата обращения: 11.02.2023).

¹⁰ *Declaration of the Independence of Cyberspace* // *Crypto Anarchy, Cyberstates and Pirate Utopias* / Ed. by P. Ludlow. Massachusetts London, 2001. P. 28.

¹¹ Заявление Совета при Президенте российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровой Кодекс всех проблем не решит» 22.09.2020 г. – www.president-sovet.ru/presscenter/press/tsifrovoy_kodeks_vsekh_problem_ne_reshit/ (дата обращения 12.02.2023).

¹² *Freeman E. H. The telegraph and personal privacy: a historical and legal perspective* // *The EDP audit, control and security newsletter*. 2012. Vol. 46. No. 6. P. 9–20.

¹³ *Bently L. A. F. The electric telegraph and the struggle over copyright in news in Australia, Great Britain and India*. Alphen an den Rijn. Netherlands, 2012.

¹⁴ *Caldwell L. G. Freedom of speech and radio broadcasting* // *The annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1935. Vol. 177. No. 1. P. 179–207.

А. И. Николаев*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В современных условиях цифровизация стала одним из главных трендов как в социальном развитии, так и в научных исследованиях. Это связано с серьезным воздействием, оказываемым новыми технологиями на все сферы жизни общества, а также на право как регулятор социальных отношений.

Юридическая наука не остается в стороне от тех вопросов, которые волнуют представителей иных направлений познания. Анализ литературы, публикуемой российскими правоведами, показывает, что в отечественной юриспруденции можно выделить три основных направления исследований:

1) направление, связанное с изучением того воздействия, которое оказывает цифровизация на правотворческую деятельность;

2) направление, в рамках которого исследуется воздействие цифровых инструментов и технологий на правоприменение;

3) направление, посвященное общим вопросам влияния цифровизации на право, его роль в обществе, систему и формы.

В рамках первого направления публикуются работы, в том числе монографического характера, которые рас-

* *Николаев Андрей Игоревич* – старший преподаватель департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

сма­три­ва­ют из­ме­не­ние ро­ли пра­во­твор­че­ства в циф­ро­вом об­ще­стве. В них ана­ли­зи­ру­ют­ся та­кие ас­пек­ты, как ме­сто пра­во­твор­че­ства в про­цес­се кон­стру­и­ро­ва­ния циф­ро­вой пра­во­вой ре­аль­но­сти, про­цес­с вне­д­ре­ния циф­ро­вых тех­но­ло­гий во все ста­дии пра­во­твор­че­ства. Боль­шое вни­ма­ние уде­ля­ет­ся ал­го­рит­ми­за­ции пра­во­твор­че­ства, раз­ра­бот­ке ма­ши­но­чи­та­е­мо­го пра­ва, а так­же пер­спек­ти­вам элек­т­ро­но­го нор­ма­тив­но­го ак­та. Под­ни­ма­ет­ся и во­прос о циф­ро­вом за­ко­не как но­вой пер­спек­тив­ной фор­ме за­ко­но­да­тель­ства, от­ве­ча­ю­щей вы­со­ко­му ди­на­ми­з­му циф­ро­во­го пра­во­вой сре­ды. Вы­де­ля­ют­ся оп­ре­де­лен­ные мо­де­ли за­ко­но­твор­че­ства, со­от­но­ше­ние ко­то­рых за­ви­сит от ин­тен­сив­но­сти циф­ро­ви­за­ции об­ще­ства¹.

Второе на­прав­ле­ние ис­сле­ду­ет во­про­сы циф­ро­ви­за­ции пра­во­при­ме­не­ния, пре­жде все­го та­кой по­пу­ляр­ный сре­ди уче­ных и прак­ти­ков во­прос, как циф­ро­ви­за­ция пра­во­при­ме­ни­тель­ной дея­тель­но­сти су­дов². Дис­ку­ти­ру­ет­ся во­прос об ис­поль­зо­ва­нии ис­кус­ствен­но­го ин­тел­лек­та не толь­ко в про­цес­се под­го­тов­ки ма­те­ри­а­лом и до­ку­мен­тов к су­деб­но­му за­се­да­нию, но и для при­ня­тия пра­во­при­ме­ни­тель­ных ре­ше­ний. В э­том кон­тек­сте да­ет­ся сре­з пе­ре­до­во­го за­ру­бе­ж­но­го опы­та, свя­зан­но­го с про­ве­де­ни­ем экс­пе­ри­мен­тов по вы­не­се­нию ро­бо­та­ми су­деб­ных ре­ше­ний, рас­сма­три­ва­ют­ся воз­ни­ка­ю­щие при э­том ри­ски, а так­же цен­но­ст­ный ас­пект юри­ди­че­ской дея­тель­но­сти, пер­спек­ти­вы ре­а­ли­за­ции прин­ци­па гу­ма­низ­ма в су­до­про­из­вод­стве. Особое вни­ма­ние об­ра­ща­ет­ся на ста­тус ис­кус­ствен­но­го ин­тел­лек­та, об­суж­да­ет­ся во­прос о на­де­ле­нии его пра­во­субъ­ект­но­стью³.

Третье на­прав­ле­ние пред­став­ля­ет­ся са­мым ши­ро­ким в плане рас­сма­три­ва­е­мых во­про­сов. Его пред­став­и­те­ли под­чер­ки­ва­ют, что в ус­ло­ви­ях циф­ро­ви­за­ции, свя­зан­ной с пе­ре­хо­дом к но­во­му тех­но­ло­гиче­ско­му укла­ду, ме­ня­ет­ся

сама модель общественных отношений, часть из них переносится в виртуальную среду⁴. Правомерно ставится вопрос о цифровом государстве, в котором все больше функций и услуг реализуется в цифровой форме. Ученые полагают, что возникают сферы, свободные от правового регулирования. И это не пробелы, а объективно складывающиеся новые отношения, где право в силу использования определенных технологий даже не подразумевается. Прежде всего, это касается экономической сферы, где технология блокчейн позволяет заключать самоисполняемые смарт-контракты, не порождающие споров и не требующие их правового разрешения.

В рамках этого же направления рассматривается вопрос о правовых ценностях, которые также испытывают воздействие новой цифровой реальности⁵. Изменение ценностей может повлиять на процессы в правовой сфере, инициировать динамику правонарушаемости, причем направления ее сложно прогнозируемы⁶.

Наконец, в рамках указанного направления поднимаются вопросы о тех изменениях, которые происходят в самой системе права и ее структуре в условиях цифровизации⁷.

В целом, можно отметить, что вопрос о роли цифровизации в развитии права находится сегодня в центре исследований российских правоведов. Можно говорить о том, что формируется отдельное научное направление, в рамках которого исследуется целый ряд важных вопросов. Среди существующих в этом научном поиске проблем можно выделить, прежде всего, разрыв между представителями юридической науки и специалистами по техническим аспектам цифровизации, который не позволяет полностью и объективно оценить направления и масштабы происходящих при цифровизации права изменений. Вто-

рая группа проблем обусловлена запаздыванием с внедрением новой научной методологии, которая бы соответствовала бы современному уровню научной рациональности и позволяла бы более глубоко по сравнению с традиционными юридическими методами познания оценивать происходящие процессы.

© Николаев А. И., 2023

¹ *Пашенцев Д. А.* Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 37–38.

² *Цифровизация правоприменения: поиск новых решений /* Под ред. Д. А. Пашенцева. М., 2022. С. 6–7.

³ *Залоило М. В.* Искусственный интеллект в праве. М., 2021. С. 23–28.

⁴ *Бабаева Ю. Г.* Цифровизация и роботизация в фокусе права // Вестник Университета правительства Москвы. 2022. № 1. С. 47–48.

⁵ *Малахов В. П., Азнагулова Г. М.* Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 2.

⁶ *Корчагина Т. В., Николаев А. И.* Российский конституционализм в условиях новой информационной реальности // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 3. С. 42.

⁷ *Пашенцев Д. А.* Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 4. С. 32–33.

М. В. Савельева*

ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Одной из главных функций государства является обеспечение безопасности личности, общества и государства. Конституция Российской Федерации закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В эпоху сверхскоростного обмена данными, особой ценностью обладает информация, несущая в себе данные о личной и семейной жизни.

Наступает историческая эпоха, когда накопленный исторический опыт уже не уместится в рамках жизненных смыслов. С переходом в цифровое пространство меняется стратегия цивилизованного развития, идет поиск новых ценностей и своевременным становится вопрос о возможности правовой защиты личности ее персональных данных от разглашения и использования. В 2019 г., выступая с докладом Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по правам человека отметил: «Цифровые технологии используются не только для мониторинга и категоризации, но и для того, чтобы оказывать влияние. Наши данные не просто преобразуют в цифровую форму, но также используют для извлечения прибыли и в политических целях»¹. Озабоченность проблемами защиты персональных данных в онлайн-пространствах требует их решения путем государственного регулирования, посред-

* *Савельева Мария Владимировна* – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ством сотрудничества и обмена эффективными методами правового регулирования между национальными правовыми системами.

Современное правовое регулирование вопросов обеспечения безопасности персональных данных на международном уровне обеспечивается Всеобщей декларацией прав человека, которая провозглашает равенство людей в их достоинстве и правах².

Правовое регулирование общественных отношений, связанных с защитой персональных данных на территории Российской Федерации, исходит прежде всего из ратифицированной Российской Федерацией Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных³ и Федерального закона «О персональных данных».

Конвенция определяет «персональные данные» как любую информацию, касающуюся определенного или попадающего определению физического лица – субъекта данных. Федеральный закон под персональными данными понимает любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)⁴. Очевидно, что данные определения ввиду наличия обобщенности и отсутствия конкретизации создают для правоприменителей проблему отнесения той или иной информации о личности к сведениям, подлежащим защите.

В целях информационного обеспечения третьих лиц Федеральный закон «О персональных данных» допускает создание баз данных, справочников и адресных книг – общедоступных источников персональных данных, в которых с согласия субъекта персональных данных могут включаться его фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии и

иные персональные данные, сообщаемые самим субъектом персональных данных, которые в любое время по требованию субъекта, решению суда или уполномоченного органа должны быть исключены.

Комментируя закон «О персональных данных», А. И. Савельев отмечает, что персональные данные общего характера являются самыми сложными и запутанными для понимания⁵.

Выработка судебной практикой критериев, какие персональные данные о личности подлежат защите, происходит постепенно. Она не успевает за высокоскоростным развитием электронно-вычислительной техники.

К персональным данным, подлежащим защите, судебные органы относят:

– фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, пол, адрес места жительства, сведения из документа, удостоверяющего личность, идентификационный (регистрационный, учетный) номер налогоплательщика (при наличии)⁶;

– данные о телефонах, паспортных данных, ИНН, СНИЛС, уровне заработной платы, семейном положении⁷;

– номер и серия паспорта; страховой номер индивидуального лицевого счета; идентификационный номер налогоплательщика; биометрические данные; банковский счет, номер банковской карты⁸.

В литературе отмечается, что в законодательстве отсутствует даже примерный перечень персональных данных о лице, а также четкие критерии отнесения конкретных сведений о лице к персональным данным. Это порождает вопросы о возможности отнесения к персональным данным тех или иных сведений о лице, что особенно актуально в условиях использования цифровых технологий⁹.

Однако сама доступность информации о субъектах и объектах предпринимательской деятельности в целом, раскрытие такой информации в целом, как отмечается исследователями данной проблемы, является положительным явлением, однако возникают проблемы, связанные с защитой данных в телекоммуникационной сети Интернет¹⁰.

Особой правовой защитой пользуются специальные категории персональных данных, к ним Федеральный закон «О персональных данных» относит данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни личности. Обработка таких данных не допускается, кроме случаев, отдельно оговоренных в законе.

Законодателем отдельно выделены физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность именуя их биометрическими данными. Использование биометрических данных возможно лишь с письменного согласия субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии, в связи с осуществлением правосудия и исполнением судебных актов, в связи с проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрации, а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, безопасности, противодействии терроризму, транспортной безопасности, противодействии коррупции, оперативно-разыскной деятельности, государственной службе; а также предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о порядке выезда из Рос-

сийской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, о гражданстве Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о нотариате.

Федеральный Закон «О персональных данных» не конкретизирует, что понимается под биометрическими персональными данными, предоставляя правоприменителю самому решать отнесение тех или иных данных к биометрическим и требующим для использования письменного согласия на бумажном носителе.

Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2018 г. № 772 «Об определении состава сведений, размещаемых в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица, включая вид биометрических персональных данных, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» разделяет биометрические данные, подлежащие внесению единую систему биометрических данных на два вида:

- данные изображения лица человека, полученные с помощью фото- и видео устройств;
- данные голоса человека, полученные с помощью звукозаписывающих устройств.

Федеральный закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует правоотношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении информационных технологий; обеспечении защиты информации.

Безопасность сбора и хранения биометрических персональных данных, регулируется отдельными нормативными правовыми актами.

В настоящее время некоторые российские банки собирают биометрические данные клиентов в целях дистанционного получения клиентами услуг¹¹. В целях безопасности биометрические данные физических лиц хранятся в единой биометрической системе, отдельно от персональных данных. Министерство цифрового развития, связи и коммуникации в Приказе № 494 от 25 мая 2021 г. определило перечень угроз безопасности, актуальных при обработке биометрических персональных данных их проверке и передаче информации. Установление требований к фиксированию сведений, необходимых для регистрации физического лица в единой системе идентификации и аутентификации, а также биометрические персональные данные физического лица возложены на Правительство Российской Федерации, которое согласовывает свои действия с Центральным банком Российской Федерации.

Несомненно, развитие информационного общества, обеспечение свободного доступа граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления к информации на всех этапах ее создания и распространения является необходимым. При этом актуальным является формирование комплексной содержательной структуры, обеспечивающей генезис схем и механизмов, обосновывающих защиту персональных данных.

© Савельева М. В., 2023

¹¹ Основное выступление Верховного комиссара ООН по правам человека [от 17 октября 2019 года] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. – <https://www.ohchr.org/ru/2019/10/human-rights-digital-age> (дата обращения 15.05.2023).

² Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. 1995. 5 апреля.

³ Федеральный закон от 19 декабря 2005 года № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2005. № 52. Ч. I. Ст. 5573.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ч. I. Ст. 3451.

⁵ *Савельев А. И.* Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М., 2011.

⁶ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2017 г. № 19АП-126/2017 по делу № А48-4470/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 октября 2017 г. № 33-19446/2017 по делу № 2-2998/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 4 июля 2017 г. по делу № 33-6394/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ *Солдатова В. И.* Проблемы защиты персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Право и экономика. 2019. № 12. С. 24–34.

¹⁰ *Солдатова В. И.* Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // LEX Russia. 2020. Т. 73. № 2(159). С. 33–43.

¹¹ *Талапина Э. В.* Защита персональных данных в цифровую эпоху. Российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 117–150.

С. Ю. Чимаров*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Важнейшей ипостасью современной парадигмы функционирования государства является выбор оптимальной вариации правового регулирования области общественных отношений, сопряженной с искусственным интеллектом, потенциал которого заключается в способности специальных машинных опций заменять отдельные операции, свойственные человеческому мышлению¹. Уточняя сущностное содержание отмеченной дефиниции, зарубежные ученые (А. Барр, Э. Фейгенбаум, США) отождествляют искусственный интеллект (далее – ИИ) с частью информатики, связанной с проектированием интеллектуальных компьютерных систем, то есть тех систем, которые демонстрируют характеристики, связанные с интеллектом в поведении человека и обращенные к таким его проявлениям, как понимание, язык, обучение, рассуждение, решение проблем и т. д.²

В России нормативное закрепление понятия «искусственный интеллект» представлено в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. В соответствии с подп. «а» п. 5 указанной «Национальной стратегии», искус-

* *Чимаров Сергей Юрьевич* – профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, профессор.

ственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека³.

Целесообразность апеллирования к проблеме интегрирования ИИ в сферу взаимодействия субъектов права предопределяет: во-первых, актуальность осмысления не только феномена ИИ, но и отдельных аспектов правового регламентирования его использования; во-вторых, необходимость уточнения некоторых теоретико-правых положений, корреспондирующих формату юридического дискурса. Указанные тезисы находят свое развитие в суждениях отечественных ученых, акцентирующих внимание на важности учета правового дискурса как аналога юридического дискурса, что обусловлено не только пониманием процесса конструирования моделей правового поведения акторов социального взаимодействия, но и «необходимостью разработки методов анализа правовых текстов для мониторинга различных тенденций в сфере правовой коммуникации»⁴.

Соотнося категории «правовой дискурс» и «юридический дискурс» как общее и особенное, Н. Г. Храмцова вводит в научный оборот определение правового дискурса в качестве «системы, охватывающей не только правовую и языковую, но и социокультурную реальности, находящие свое выражение в информации, обслуживающей правовую сферу коммуникации, речевую деятельность этой сферы, текст и контекст (как социальный, так и ситуативный)»⁵. Вместе с тем, по мнению И. А. Виноградова, юридический дискурс может быть представлен как отра-

жение сложных отношений внутри общества, находящих свое отражение в законах и других нормативных правовых актах. При этом, данный автор в структуре юридического дискурса выделяет следующие компоненты: 1) субъекты права как коммуникативные деятели (дееспособные субъекты); 2) правовые средства, обеспечивающие правовое регулирование; 3) социально-коммуникативное взаимодействие в сфере права (правовые отношения); 4) правовая информация⁶.

Пребывая в состоянии взаимосвязи с пространством сети Интернет, цифровые технологии и алгоритмы XXI в. вызывают ряд изменений во многих областях жизнедеятельности современного социума. Отмеченное в полной мере относится также к ИИ, включая его «взаимоотношения» с законом. «Если закон захватывает искусственный интеллект, чтобы ограничить его прогресс и ограничивать его эксцессы, еще более верно то, что искусственный интеллект захватывает закон. Он перекраивает его, перерисовывает, но этот формирующийся новый правовой мир имеет контуры, которые еще неясны. Искусственный интеллект меняет как юридические профессии, так и рынки, методы юристов и правовые стандарты, которые они применяют или изучают. Влияние алгоритмов на закон таково, что большинство юристов затронуты (или скоро будут затронуты) и, следовательно, обеспокоены новыми «законами», создаваемыми автоматизированной обработкой данных»⁷, – констатирует французский юрист Б. Барро (Университет Экс-Марсель, Франция).

Динамика внедрения ИИ в уклад социума сопровождается законодательным закреплением пределов его воздействия на человека. Однако границы «взаимодействия» ИИ и закона по-прежнему имеют неясный характер, что обусловлено стремлением ИИ к достижению автономии от

человека, в свою очередь, основанной на стремлении ИИ к обеспечению своей идентичности и кибернетическому совершенству. Являясь результатом человеческого гения, ИИ представляет собой терминологическую синтагму, состоящую из двух неразделимых слов: интеллект и искусственный. С учетом отмеченного, следует обратиться к выводу французского ученого М. П. Жака (Тулузский университет), отметившего следующее: «Под искусственным интеллектом как терминологической синтагмой мы подразумеваем корпус текстов в ранге основного материала для совместного приобретения знаний и терминов, который все больше утверждается и аргументируется»⁸. Применительно к теоретико-правовым аспектам ИИ в контексте юридического дискурса, общее понимание интеллекта, презентуемое в толковом словаре Французской академии в качестве «совокупности интеллектуальных способностей понимать, мыслить, знать, различать или устанавливать отношения между фактами, идеями или формами для достижения знания»⁹, несомненно, свидетельствует о наличии прямой корреляции между феноменом ИИ и целесообразностью выявления его влияния на область права вообще и нового наполнения контента юридического текста, в частности.

Процесс разработки новых технологических решений неотделим от возникновения новых угроз личности, ее правам и свободам. По мнению зарубежного юриста Т. До-Джанхаунди (Университет Феликса-Уфуэ-Буаньи, Кот-д'Ивуар), развитие технологий ставит под сомнение реальный правовой статус ИИ. «Столкнувшись с разногласиями в рамках действующей правовой доктрины, позитивное право находится на пути к пересмотру места интеллекта в правовой номенклатуре. Мы наблюдаем эту растущую тенденцию трансгуманизма к превращению че-

ловека в Животворящего Бога, хозяина машины и отца Пигмалиона, Голема, Франкенштейна. Вместе с тем, фактор осторожности государства сопряжен с его предписанием праву обеспечить свою сдерживающую роль в безудержном развитии искусственного интеллекта и определить его ресурс на одну юридическую плоскость с государством»¹⁰, – утверждает отмеченный ученый.

Обращая внимание на основную угрозу проявления потенциала ИИ, Т. До-Джанхаунди подвергает сомнению иллюзии некоторых ученых, определяющих ИИ в границы исключительно автоматизированного программирования. Более того, указанный специалист предостерегает от опасности выхода ИИ за рамки того антропоморфного видения, которое ему пытаются придать посредством андроидов. «Будучи внедренным в гуманоидное тело, искусственный интеллект не просто стремится успокоить нашу человечность своим сходством; он также хочет обладать юридическими атрибутами человека. Он хочет быть личностью»¹¹.

Исследуя проблему применения ИИ в юридической практике и некоторые аспекты рецепции по данному направлению в европейском праве, бельгийский ученый Р. Канват (Лувенский католический университет, Бельгия) в своей диссертационной работе обращает внимание на возможности юридические технологии ИИ узкого, или «слабого», типа, апробированные в профессиональных ИТ-решениях и вытесняющие устаревшие юридические экспертные системы. При этом, данный автор ищет ответы на следующие вопросы: 1) как и в какой степени юридические фирмы смогут извлечь выгоду из инструментов автоматизации, связанных с программным обеспечением, в интересах ИИ?; 2) каким образом ИИ влияет на юридическую практику?; 3) в чем заключаются плюсы и минусы

от использования ИИ в юридической практике?;

4) каковы возможности и ограничения, проблемы и возможные преимущества интеграции ИИ в юридические фирмы? Подводя итог своему исследованию, Р. Канват обращает внимание на феномен «общей юриспруденции» континентального права и выступает за такое видение будущего человечества, которое «игнорирует классическую бинарную оппозицию между «эпистемой» и «техно» или даже между консеквенциализмом и деонтологией в пользу этики технофила»¹².

Резюмируя изложенное, следует сформулировать некоторые выводы.

Во-первых, процесс внедрения искусственного интеллекта в область общественных отношений и юридическую практику неотделим от безусловности соблюдения принципа защиты прав и свобод человека. Приверженность национальной правовой системы данному принципу способствует не только эффективному использованию гражданами технологического набора новых решений в области искусственного интеллекта, но и обеспечивает недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизацию рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта.

Во-вторых, происходящая в условиях современного информационного общества модернизация различных сторон общественных отношений предопределяет обновление контента текстовой части нормативных установлений, обращенных к пределам задействия искусственного интеллекта, и, как следствие, способствует трансформации юридического дискурса для отмеченного предметного поля дигитальной алгоритмизации взаимоотно-

шений между различными акторами социального взаимодействия.

© Чимаров С. Ю., 2023

¹ *Barr A., Cohen P. R., Feigenbaum E. A.* The Handbook of Artificial Intelligence. Vol. IV. New York, 1989.

² *Mellit A., Kalogirou S. A.* Artificial intelligence techniques for photovoltaic applications: A review // *Progress in Energy and Combustion Science*. 2008. Vol. 34 (Issue 5). P. 574.

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ *Храмцова Н. Г.* Правовой дискурс в теории права // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2009. № 1. С. 80.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ *Виноградов И. А.* Юридический дискурс и его основные характеристики. – <https://core.ac.uk/download/pdf/335030183.pdf> (дата обращения: 14.02.2023).

⁷ *Barraud B.* Le droit en datas: comment l'intelligence artificielle redessine le monde juridique // *Revue Lamy droit de l'immatériel*. 2019. P. 1.

⁸ *Jacques M-P.* La réduction du syntagme terminologique au fil du discours // *Cahiers de Grammaire*. 2000. 25. P. 94.

⁹ Intelligence // *Dictionnaire de L'Académie Française*: официальный сайт. – <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9I1608> (дата обращения: 14.02.2023).

¹⁰ *Doh-Djanhouny T.* Le statut juridique de l'intelligence artificielle en question // *Project «Le droit du numérique»*. 2019. P. 16. – https://www.researchgate.net/publication/337438902_Le_statut_juridique_de_l'intelligence_artificielle_en_question (дата обращения: 14.02.2023).

¹¹ *Ididem.*

¹² *Canvat R.* De l'intelligence artificielle dans la pratique du droit: réception en droit européen, incidence sur la profession d'avocat et éthique. Leuven, 2020.

Ю. В. Сорокина*

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГУЛЯТОРОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Республика Корея – это государство с древней и богатой историей. В 935 г. произошло объединение трех ранних государств Пекче, Силлы и Когурё в единое государство Корё, которое существовало до 1392 г. После воцарилась новая династия, и страна получила название Чосон. В 1637 г. она попала в зависимость от Китая (династия Цинь). В 1905 г. заключила неравный договор с Японией и была ею оккупирована. Современное название Корея приняла после Второй мировой войны. Корё была государством с сильными буддийскими традициями, но в 1394 г. конфуцианство стало государственной идеологией. В соответствии с ней и строилось управление страной.

Республика Корея, как и все восточноазиатские страны, относится к традиционному, точнее к посттрадиционному типу, поскольку в начале XX в. страна постепенно открывалась западным достижениям и соответствующему образу жизни. Но и в современный период традиции являются мощным регулятором общественных отношений, а

* *Сорокина Юлия Владимировна* – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин факультета управления, экономики и права Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

конфуцианство прочно утвердилось в обществе. Ему присущ дух корпоративности, групповой идентичности, государственного патернализма. Это обусловлено, тем, что «в общем сознании укоренился страх перед социальным хаосом и стремление избежать его любой ценой»¹. Соответствующий характер носит власть: сильная государственная власть, с одной стороны, и реальная демократия – с другой. Южную Корею еще называют демократией с корейской спецификой. С 1945 г., после Второй мировой войны под влиянием американской администрации Корея начала проводить политику всеобщей модернизации, включающую модернизацию экономики, перестройку социальных структур, рецепцию западных ценностей и традиций². К изменениям корейское общество отнеслось неоднозначно. Одни поддерживали модернизацию и имели прозападные настроения. Но значительная часть населения оставалась националистами и выступало за сохранение традиций Чосона. Они внедряли «чувство превосходства культуры и отечественного духа над всем иностранным»³. Однако, как считает И. А. Толстокулаков, такие настроения были замаскированным осознанием отставания от Запада.

Корея представляет собой демократию, которая сопровождается сильной государственной властью. Здесь очень сильна роль государства в руководстве экономикой и обществом. Одновременно имеют место работающие институты демократии, заложенные американской администрацией. В Корее присутствуют реально конкурентные выборы, многопартийность, определенный контроль общества за государственной властью. В частности, в 2017 г. под давлением общества президент Пак Кын Хе была отстранена от должности и осуждена.

И все же традиционные конфуцианские устои продолжают жить в обществе и влиять на характер и реализацию государственной власти. Так, в Корее, как и в Китае, государственная служба является символом престижа и жизненного успеха. Сдать экзамен на государственного служащего в условиях жесточайшей конкуренции означает обеспечить себе надежное будущее. Это облегчало поддержание авторитарных порядков как в управлении обществом, так и в жестком единоличном стиле руководства внутри государственного аппарата. Такая ситуация существенно затрудняет принятие либеральных западных идей.

Вместе с тем, государственная власть и вся бюрократия отличаются высоким профессионализмом, умением решать разного рода проблемы. В последнее время Республика Корея – это современное государство с мощной экономикой, высокой культурой, которая получила мировое признание, и развитой правовой системой.

Южная Корея является унитарным государством, разделенным на провинции, к которым приравнены города-метрополии. Всего их шесть: Пусан, Инчхон, Тэгу, Тэджон, Ульсан, Кванджу. Особый статус имеет столица Сеул, в которую входит самостоятельный муниципальный округ Каннам.

Главой государства и одновременно главой исполнительной власти является Президент, ныне это Юк Сон Ёль, бывший до этого Генеральным прокурором. Президент избирается тайным голосованием на пять лет и только один раз. В настоящее время в стране действует Конституция, принятая в 1987 г., которая и ввела это правило. Кроме того, Конституция ограничила полномочия Президента по роспуску Парламента и введению чрезвычайного положения. В период чрезвычайных ситуаций Президент

может издавать указы, имеющие силу закона, если нет времени собрать Парламент – однопалатное Национальное собрание. Члены Правительства назначаются по рекомендации Премьер-министра и одобряются Национальным собранием. В Парламенте заседают 300 депутатов, 246 из которых избираются по мажоритарной системе сроком на четыре года. Ведущей являлась консервативная партия «Сэнури» («Сила народа»), которая раскололась в 2016 г. в связи со скандалом вокруг Пак Кын Хе. Члены партии, покинувшие «Сэнури», создали «Новую консервативную партию». Либеральная партия – «Тобуро» – «Демократическая партия» на данный момент имеет большинство в Национальном собрании. Демократическим устоям Республики Корея противостоит конфуцианство. Из этого следует, что Парламент занимает фактически второстепенное положение по сравнению с Президентом.

Что касается местного самоуправления, то оно было учреждено только в 1995 г. Сам Закон о местной автономии был принят еще в 1949 г., но впоследствии установился жесткий авторитарный режим, в парадигму которого местное самоуправление не входило. Это был период массовых репрессий, политических преследований и, конечно, преследования инакомыслия.

Правовая система Республики Корея также испытывает сильное влияние конфуцианской идеологии. Как и во всем обществе, в правовых принципах Кореи имеет место патернализм, коллективизм, где человек поставлен на службу коллективу, преобладание обязанностей над правами, установка о превосходстве морали над правом и, как следствие этого, приоритет неформальных институтов примирения над судебным разбирательством. При этом Южная Корея относится к романо-германской правовой семье, хотя присутствуют элементы американского права.

Среди источников права огромную роль играет обычай, который на протяжении истории был основным регулятором общественных отношений. Первые заимствования западного права осуществлялись через Японию, которая открылась миру раньше, чем Корея, и восприняла континентальную правовую систему. С 1910 г. в Корее наступил период японской оккупации⁴.

Современными источниками права являются Конституция, законы, принимаемые Национальным собранием, декреты Президента, ордонансы Правительства, международные акты, которые по юридической силе равны внутреннему законодательству. Судебная власть представлена тремя уровнями судов. К ним относятся Верховный суд – высшая судебная инстанция, Высокий суд и Окружной суд. Также с 1988 г. действует Конституционный суд. Функционируют специальные суды – Административный суд, Семейный суд, Патентный суд.

Уровень правовой культуры в Южной Корее очень высок, города Кореи считаются одними из самых безопасных в мире. В год по всей стране совершается не более двадцати убийств, насильственной преступности почти нет.

Обратимся к характеристике гражданского и уголовного права Республики Корея. Для регулирования гражданских и семейных отношений действует Гражданский кодекс Республики Корея – ГК РК и Торговый кодекс Республики Корея, то есть право кодифицировано. Как пишет Д. В. Шорников, «кодификация является процессом и одновременно постоянным процессом в континентальной правовой системе, к которой, хоть и с оговорками относится правовая система Кореи»⁵. По его мнению, развитие законодательства сопровождается кодификацией, а само это развитие и есть кодификация⁶. Развитие законода-

тельства неизбежно сопровождается рецепцией, поскольку «кодифицировать любое законодательство, опираясь исключительно на отечественный правовой опыт и потенциал, – серьезная ошибка, вызванная непониманием природы права в целом и процесса нормотворчества в частности»⁷. Развитие права во многом обусловлено глобализацией, в результате которой формируется единое политическое, экономическое, правовое и культурное пространство. Этот процесс необратим, хотя бывают периоды остановки и откатов назад, шагов в сторону. В результате формируется единое правовое пространство. Корея также постепенно, но уверенно вошла в это пространство, при том, что её экономика давно вышла на мировой уровень и развивается в тесном сотрудничестве с другими государствами.

Для **гражданского права Южной Кореи** свойственно органическое и естественное сочетание обычного и государственного права, что отражается в Гражданском кодексе. Кодекс был принят в 1958 г., вступил в юридическую силу с 1 января 1960 г. в годы трех президентских сроков Ли Сын Мана – первого Президента Кореи (1875–1965) До 1958 г. действовал Гражданский кодекс 1898 г., привнесённый Японией во время её протектората. Он базировался на нормах и принципах Германского Гражданского уложения 1896 г. и частично на французском праве. Однако вопросы правоспособности и дееспособности, брачно-семейных отношений регулировались правовыми обычаями, что продолжалось в течение всего периода японской оккупации. Наряду с Конституцией и Уголовным кодексом, Гражданский кодекс «является одним из краеугольных камней системы права Кореи»⁸ и действует более 60 лет. Но это уже не тот Кодекс, что был в момент принятия, и об изменениях речь пойдет ниже.

Кодекс разделен на пять частей: «Общие положения», «Вещное право», «Обязательственное право», «Семейное право», «Наследственное право». Данные части поделены на главы, среди которых выделены разделы. Как видно, Кодекс изложен по пандектной системе и по содержанию также соответствует европейскому праву. Гражданский кодекс представляет собой объемный нормативный акт, регулирующий как гражданские и трудовые, так и семейные отношения. Всего ГК претерпел 28 редакций, при этом большая часть изменений пришлась на XXI в., то есть на последние 20 лет. К началу 2021 г. было внесено 118 изменений. Значительным изменениям подверглось семейное и наследственное право, которые основывались на правовых обычаях. Также изменения были внесены в главу о юридических лицах (первый раздел) в соответствии с требованиями модернизирующейся экономики. Интересно, что перемены в наследственном праве затронули только одну его треть. То есть законодатель не покушается на сложную и развитую систему правил получения наследства.

Модернизация затронула и семейное право: в 2005 г. был отменен ряд положений ГК, в частности было упразднен институт главы семьи (ст. 778). Изъяты положения, регулирующие сложный и запутанный процесс передачи статуса главы семьи. Изъяты положения о семейном регистре, о чем будет сказано подробнее.

Глава первая первой части «Основные положения» состоит из двух статей – «Источники права» и «Главенство доброй воли». В первой статье указывается, что гражданские отношения, не урегулированные законом, должны регулироваться обычным правом. В случае отсутствия соответствующих норм средством регулирования является здравый смысл. Согласно второй статье отношения долж-

ны основываться на принципе добросовестности и недопущении злоупотребления правом. Вторая глава состоит из трех разделов: «Граждане (физические лица)», «Правоспособность и дееспособность», «Место жительства (Domicil)», «Безвестное отсутствие и пропажа». Совершеннолетними и, следовательно, полностью дееспособными признаются лица, достигшие 20 лет. Несовершеннолетним для того, чтобы совершить какое-либо юридически значимое действие, необходимо согласие законного представителя. Например, отчуждение имущества, ведение бизнеса при условии, что несовершеннолетний вовлечен в бизнес так же, как и его совершеннолетние партнёры. ГК предусмотрел лишение и ограничение дееспособности в отношении лиц с душевными заболеваниями и слабоумных, а также расточителей, чьи действия могут привести к собственной нищете и нищете своей семьи. В этом случае супруга, другие родственники в пределах четвертой степени родства, а также прокурор могут обратиться в суд с соответствующим заявлением (ст. 9). Лишение дееспособности лиц с душевными заболеваниями производится по заявлению тех же лиц, и в этом случае все юридически значимые действия недееспособных лиц, признаются недействительными. Возможен и обратный процесс снятия ограничения дееспособности и полного её восстановления.

Интересный момент в ГК связан с дееспособностью иностранцев. Если по законодательству их страны они считаются совершеннолетними, то в Корее они и признаются таковыми, даже если по внутреннему законодательству они еще не являются совершеннолетними. Эти лица могут самостоятельно совершать юридически значимые действия. В то же время в ГК есть положения, об участии в сделке недееспособных лиц, в отношении которых была

восстановлена дееспособность. В частности, договор, где стороной является недееспособное лицо либо лицо с ограниченной дееспособностью, может быть признан действительным, если лицо с восстановленной дееспособностью одобрит этот договор. Если такое одобрение происходит либо ответ не будет получен в течение месяца, то договор считается одобренным и признается действительным. Другая сторона договора может отозвать свое согласие на заключение договора до того, как он вступит в законную силу. Если сторона в момент заключения договора не знала, что другая сторона недееспособна либо ограниченно недееспособна, она может отозвать свое согласие на заключение договора до того, как он вступит в законную силу (ч. 1 ст. 16). Согласно ст. 17 ГК РК, если сторона обманом заставила поверить другую сторону, что она дееспособна, то другая сторона может не выполнять условия договора. То же самое правило существует в отношении ограниченно дееспособных. Например, лицо убедиле другого, что опекун дал согласие на совершение сделки.

В разделе «Место жительства (Domicil)» определяется место жительства. Если оно неизвестно, то домицилем считается место регистрации, а также может быть установлен временный домициль при совершении юридически значимых действий⁹. В положении о безвестном отсутствии лица законодатель прежде всего имеет цель обеспечить сохранность имущества¹⁰. Так, согласно ст. 21 ГК РК, если лицо покидает место жительства и не назначает управляющего своим имуществом, то по заявлению заинтересованных лиц или прокурора суд сам может назначить управляющего. То же самое правило применяется, если срок полномочий управляющего закончился, а доверитель так и не объявился. При возвращении доверитель сам может назначить управляющего, а полномочия

предыдущего прекращаются. Но это возможно по заявлению заинтересованных лиц, в том числе доверителя или прокурора. Свое вознаграждение управляющий получает из имущества доверителя. Если в течение пяти лет лицо не объявляется, то суд выносит решение о пропаже, то есть признании безвестно отсутствующим. Если же известны определенные обстоятельства, например гибель воздушного или морского судна, военные действия, то по истечении пяти лет лицо признается умершим, и открывается наследство. Все эти решения отменяются, если человек объявился либо стало известно, что он жив.

Глава 5 первой части посвящена юридическим лицам. Чтобы получить инкорпорацию, то есть статус юридического лица, необходимо пройти регистрацию в государственных органах согласно правилам ГК РК. Статья 32 указывает, что некоммерческие организации, такие как фонды, ассоциации, организации, связанные с наукой, культурой, религией, социальными отношениями, тоже должны быть инкорпорированы в соответствии с законом. С момента регистрации юридическое лицо получает правоспособность и дееспособность, несет ответственность по своим обязательствам, возмещает убытки. При этом предусматривается персональная ответственность директора, участников, других лиц, которые принимали или поддержали решение, в результате принятия которого произошли убытки. То есть не только юридическое лицо несет имущественную ответственность, но и взыскание обращается на физических лиц. ГК РК закрепляет основания прекращения юридического лица: достижение цели, банкротство, вынесение судебного решения об отмене инкорпорации.

Для продолжения анализа юридических лиц отвлечемся от Гражданского кодекса и обратимся к Коммерче-

скому кодексу, принятому и введенному в действие в 1963 г. Он регулирует весь круг вопросов, относящихся к коммерческим организациям. После кризиса 1996–1997 гг. в Кодекс были внесены значительные изменения, и реформирование происходит до настоящего времени. Реформы направлены на усиление прозрачности деятельности корпораций, защиту прав миноритарных акционеров¹¹. Статья 46 Коммерческого кодекса закрепляет положения о деятельности, которую можно назвать коммерческой, и всего здесь 22 пункта. Дается также определение компании – это юридическое лицо, осуществляющее свою деятельность с целью извлечения прибыли. В статье 170 перечисляются виды компаний: полное товарищество, товарищество на вере, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, общества и акционерные компании закрытого типа, и этих последних на рынке подавляющее большинство. Особому регулированию подвергаются листинговые компании, связанные с ценными бумагами. Здесь имеет место специальное регулирование – Закон о финансовых услугах и рынках капитала Республики Корея.

Огромную роль в экономике играют компании, возглавляемые чеболями. Чеболь – это финансовые и промышленные группы, конгломераты, находящиеся в собственности определенных семей, и действуют под единым административным и финансовым контролем¹². Такие компании стали возникать после Корейской войны 1950–1953 гг. К чеболям относятся Hyundai, Daewoo, Lotte, Samsung. Здесь основными держателями акций являются семьи.

Вернемся к Гражданскому кодексу. Часть вторая ГК РК посвящена вещному праву. В статье 98 дается определением понятия «вещи», под которыми подразуме-

ваются материальные вещи, электричество и иные естественные силы, которыми можно управлять. Традиционно вещи делятся на движимые и недвижимые, плоды и доходы, главная вещь и принадлежность к ней. В части второй ГК РК дается определение владения и собственности, устанавливаются пределы права собственности, её приобретение и прекращение. Также говорится об общей собственности, закрепляются институты сервитута, суперфиция, ипотеки, залога.

Пятая часть ГК РК называется «Юридические действия» (по-иному «Правовые акты»). В соответствии со ст. 109, если цель правового акта не отвечает требованию добрых нравов, общественного порядка, то такой акт (действие) является ничтожным и не имеет юридических последствий¹³. Также и сделки, заключенные ввиду сложных жизненных обстоятельств, например, при стесненном материальном положении, в силу легкомыслия, также если намерения субъектов сделки противоречат закону, добрым нравам и общественному порядку, то они признаются недействительными, точнее ничтожными. К слову, в ГК РК указывается, что если сам нормативный акт противоречит добрым нравам, общественному порядку, а намерения сторон не ясны, то суд при разрешении спора может руководствоваться не законом, а обычаями¹⁴.

В главе «Юридические действия» закрепляются положения о волеизъявлении, представительстве, признанию сделок недействительными, срокам исковой давности. Раздел 2 пятой главы содержит положения о намерениях. В частности, проявление выраженного волеизъявления. Фиктивное намерение, осуществляемое в створе с другой стороной, дает основания признания сделки ничтожной. Такие же последствия имеет сделка, совершенная в результате обмана или под угрозой насилия – п. 1 ст. 109. В

ГК РК закреплены положения о частичной недействительности сделки. Если суд признает, что определенная часть сделки может быть исполнена, то она признается частично недействительной, и в этой части действительной.

Глава, посвященная юридическим действиям, содержит нормы о сроках исковой давности. Так, право требования об исполнении обязательств прекращается, если оно не было реализовано в течение 10 лет. Если речь идет об имущественных правах, то предусмотрен срок – 20 лет. Также предусмотрен срок 3 года. Например, право требования к врачам и акушерам в отношении медицинского обслуживания и распределения лекарств. Этот срок применяется по претензиям к подрядчикам, инженерам, лицам, отвечающим за планирование работ, контроль над ними, требованиям по отношению к адвокатам, патентным агентствам, нотариусам, аудиторам, судебным секретарям об удержании документов, если такие документы они были обязаны вручить¹⁵. Существует исковая давность сроком один год в отношении жилищной платы, к владельцам о предоставлении жилья для студентов. Наконец, в ГК РК предусмотрены перерыв и приостановление срока давности.

Части четвертая и пятая ГК РК посвящены семейному и наследственному праву. Нормы семейного права претерпевали существенные изменения, и первые из них появились в 1961 г., потом в 1977 г., 1989 г., 2005 г. Они вносились под влиянием женских движений и были направлены на расширение имущественных прав женщин. В период японской оккупации были введены такие институты, как семейный регистр и глава семьи. Первый представляет собой определение порядка отношений членов семьи. Главой семьи являлся старший мужчина. Статус и положение каждого члена семьи устанавливается

исходя из отношений к главе семьи. К слову, при отсутствии главы семья не признавалась социальной единицей. Все это было японской традицией, установившейся в конце VIII в. До японской оккупации у корейцев существовало нечто подобное регистрационной книге, где указывались члены семьи, а сами книги велись в целях налогообложения. Глава семьи тоже существовал, но в регистрационной книге не был упомянут. То есть закрепление в ГК РК семейного регистра было наследием японской оккупации. В 1960 г. началась борьба за отмену этого института, и в 2007 г. он был отменен. Семейное право являлось и остается предметом оживленных дискуссий. Консервативные круги утверждали, что семейные традиции надо уважать, а законы должны основываться на традициях. Другие – призывали к значительным изменениям Гражданского кодекса, третьи – ратовали за постепенные изменения. Точка зрения последних возобладала. Изменения в ГК РК коснулись равного раздела имущества между супругами при расторжении брака, причем это же правило применяется к незарегистрированным парам. Было устранено неравное наследование по отношению к дочерям и сыновьям, вводилась обязательная часть, которую получали все наследники первой очереди. Изменения коснулись и права опеки над детьми. Здесь женщины в этой сфере получили равные права с мужчинами.

До изменений в ГК РК в Корее существовал запрет на брак лиц с одинаковыми фамилиями, поскольку предполагалось, что они состоят в определенной степени родства, а родственные браки были запрещены. После внесения поправок это правило отменялось. Что касается детей, то им традиционно присваивалась фамилия отца, притом, что жена фамилию не меняла. Этот запрет был снят, а дети получили право менять свою фамилию.

Наследование осуществляется как по закону, так и по завещанию. В первом случае наследники получают равные доли в наследстве. В корейском праве существует институт представителя лица, который не только наследует имущество, но и приобретает обязанности, связанные как с процессом наследования, так и наследственным имуществом. Он выплачивает все долги умершего, штрафы, выплаты. Выплаты же по договорным делам не производятся. Так, со смертью одной из сторон договор прекращается. Также в наследство не входят авторское имя или псевдоним, произведения искусства, что были созданы умершим лицом – картины, книги и т. д. Статья 1006 содержит правила об очередности наследования. К первой очереди относятся прямые наследники – дети, в том числе внебрачные. Также к первой очереди относятся еще неродившиеся наследники. В случае смерти сына или дочери к наследованию призываются их дети – внуки наследника. Супруг умершего наследуют имущество, если наследников первой очереди нет, но они становятся наследниками первой очереди по отношению к наследникам второй очереди. Ко второй очереди относятся родители, если их нет, то бабушки и дедушки. Они призываются к наследству, если нет наследников первой очереди. Третья очередь – братья, сестры, а если они умерли, то племянники.

Обратимся теперь к **уголовному праву Республики Корея**. До 1905 г. кодифицированного уголовного права не существовало. Как пишет Д. А. Добряков, «еще дольше до 1953 года здесь не было подлинно национального закона или совокупности законов, которые бы регулировали вопросы преступности и наказуемости тех или иных деяний»¹⁶. Долгое время корейское государство и его законодательство находились под влиянием Китая, а позже Япо-

нии. До 1905 г. основным источником права был китайский «Великий кодекс династии Мин». В 1389 г. при установлении государства Чосон корейские юристы осуществляли перевод и адаптацию этого источника для Кореи. Но, как пишет Д. А. Добряков, «ему не хватало системности и полноты, чтобы называться кодексом»¹⁷. В 1905 г. правительство Чосона подписало договор о протекторате, в результате которого Япония открыла в Сеуле генерал-резидентуру и получила полный контроль над внешней и внутренней политикой Кореи. Этому сопутствовал процесс обновления внутреннего законодательства. Был принят Уголовный кодекс, который вобрал в себя французский Кодекс Наполеона 1811 г., старое корейское и китайское законодательство, Уголовный кодекс Японии, как раз основанный на Кодексе Наполеона.

В 1910 г. Япония аннексировала Корею, а в 1913 г. японцы на территории Кореи ввели свой Уголовный кодекс 1907 г., который действовал до 1953 г., после чего был принят новый Уголовный кодекс. Именно с этого момента и стало развиваться корейское законодательство, которое, впрочем, не утратило преемственности по отношению к старым нормативным актам и культурным традициям. Вместе с тем, отменялись многие старые нормы: о коррупции, о контрабанде, подделке иностранной валюты, о наказании за хищения, о наказании за насильственные преступления. Также был отменен ряд законов, принятых в период администрации США и действовавших во время войны 1950–1953 гг.

В Корее остается сильна конфуцианская идеология, что нашло отражение в Уголовном кодексе. Например, п. 1 ст. 250 УК РК закрепляет простое, неквалифицированное убийство. Но п. 2 этой статьи предусматривает убийство родственников по восходящей линии или супру-

га. Это расценивается как квалифицированное убийство. В наказании разница невелика: и за простое, и за квалифицированное убийство предусмотрен срок лишения свободы от пяти лет до пожизненного заключения. Но за убийство родственников по восходящей линии и супруга добавляются принудительные работы сроком до семи лет. Как пишет Д. А. Добряков, «разница невелика, но символична»¹⁸. Наиболее тяжким преступлением является отцеубийство, и на причину этого указывал Конституционный суд в 2013 г.: «Со времени династии Чосон и до сих пор отцеубийство и приравненное к нему убийство прямого родственника по восходящей линии карается как деяние, совершенное с отягчающими обстоятельствам, что обусловлено конфуцианскими ценностями и идеями, подчеркивающими сыновний долг»¹⁹. Также суд подчеркнул, что «отцеубийство воспринимается как аморальное преступление, противоречащее нормам общества, нравственности и человечности. Его аморальность обуславливает большую выраженность общественного осуждения по сравнению с обычным убийством. Причем уважение и любовь детьми родителей относится к числу фундаментальных ценностей, составляющих основу морали корейского общества, а не является пережитком феодальных порядков»²⁰. Таким образом законодатель отразил конфуцианский принцип сыновней почтительности. Интересно, что ст. 224 УПК Республики Корея прямо запрещает подавать заявление о преступлении, совершенном родителями и другими родственниками по восходящей линии.

Не только это конфуцианское положение закрепляется УК РК: ст. 11 Кодекса предусматривает смягчение наказания в отношении лиц с нарушениями слуха и речи. Многие критикуют эту статью, и иронично предлагают снижать ответственность для лиц с нарушением зрения.

Но такое отношение к глухонемым характерно для всех стран Восточной Азии, в том числе для Китая. Д. А. Добряков указывает, что здесь находит отражение принцип гуманизма, хотя в УК КНР нет упоминания о гуманизме²¹. Суд, впрочем, может проигнорировать этот принцип, если речь идет о тяжком преступлении, скажем об изнасиловании.

В отличие от России, где преступлением считается деяние, закрепленное в УК как преступление, корейское законодательство не придерживается принципа исключительной полноты. Кодекс не содержит требования об обязательном включении всех преступлений в один кодифицированный акт. Часть 1 УК РК указывает, что преступление, за которым следует наказание, устанавливается уголовным законом, но не уточняет каким именно, поскольку существуют и другие законы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления. В таких законах закрепляются преступления и наказания, но они опираются на общие принципы и положения. Например, в другом законе дается описание преступления, но при оценке смягчающих или отягчающих обстоятельств следствие и суд обращаются к Уголовному кодексу. Помимо УК, в Корее действует Военный уголовный закон (1962), Закон о национальной безопасности (1949; последние изменения в 1994 г.), Закон о насильственных преступлениях (1961), Закон об ответственности за преступления против половой свободы личности (2012), Закон о предотвращении торговли наркотиками (1995). И это не исчерпывающий перечень. Существуют специальные законы о посягательстве на несовершеннолетних, о коррупции, об экономических преступлениях. В большинстве случаев эти законы ссылаются на Уголовный кодекс, например, уточняют, дополняют статьи УК.

Уголовный кодекс Республики Корея состоит из двух книг, включающих в себя, поделенные на разделы и статьи. Первая книга содержит в себе Общие положения, как, собственно, и УК Российской Федерации. В первой и второй главах речь идет о правилах действия уголовного закона в пространстве и времени; закреплен возраст, при достижении которого возможно привлечение к уголовной ответственности. Этот возраст составляет 14 лет. Содержатся указания о вышеописанных глухонемых. Статьи 15–16 регламентируют ситуацию ошибки: юридической и фактической. Статья 19 предусматривает согласование независимых действий: если в одно или разное время происходит ряд независимых деяний, то каждое из них подлежит наказанию как покушение на преступление, если не было установлено, какое именно деяние имеет причинно-следственную связь с причинением вреда²². Статьи 20–24 указывают на обстоятельства, исключающие преступность деяния, к которым относятся оправданные действия, крайнюю необходимость, необходимую оборону, самосохранение. Статья 28 фиксирует стадии совершения преступления – предварительный сговор, приготовление, покушение, оконченный состав. Статьи 30–34 указывают на виды соучастия. К соучастникам относится подстрекатель, исполнитель и пособник.

Книга вторая содержит конкретные составы преступлений. К наиболее тяжким относятся: мятеж, иностранная агрессия, оскорбление национального флага, преступления в сфере международных отношений. Затем следуют преступления против общественного порядка и незаконный оборот взрывчатых веществ. К должностным преступлениям относятся злоупотребление служебным положением, взяточничество. Предусмотрены преступления против порядка управления, правосудия. К слову, к по-

следним относится донос. Также имеют место составы о незаконном обороте наркотиков, о нарушении безопасности движения. Глава 24 описывает составы преступлений против личности: убийство, в том числе квалифицированное, о котором говорилось выше, причинение вреда здоровью, изнасилование, детоубийство, отказ от ребенка, жестокое обращение с детьми.

Говоря о наказаниях, следует отметить, что смертная казнь в Южной Корее существует, но приговоры не приводятся в исполнение в 1998 г. В реальности такие приговоры выносятся крайне редко – не более двух раз в год. Осужденные на смертную казнь находятся в бессрочном ожидании.

Имеет место тюремное заключение, на срок от одного года до 50 лет или пожизненное, каторжные работы, лишение свободы, принудительные работы. Статья 43 предусматривает лишение права, причем специфичное для Кореи. Оно считается дополнительным наказанием, которое назначается вместе с пожизненным тюремным заключением, пожизненными принудительными работами. Оно включает в себя право занимать государственные должности, иные руководящие должности, быть аудитором или управляющим юридического лица. УК РФ такой подробной регламентации не содержит²³. Отдельным наказанием является поражение в правах, когда лицо лишается активного или пассивного избирательного права и назначается сроком от одного года до 15 лет. Это наказание также является дополнительным к основному.

УК РК предусматривает штраф до 50 тыс. вон (50 долларов США), конфискацию, частичную или полную. Предметом конфискации является изъятие имущества, принадлежащего виновному и никем кроме него не приобретенного, которое использовалось при совершении

преступления, полученное в результате совершения преступления и предметы, полученные в обмен на эти вещи²⁴. Если же конфискация невозможна, то выплачивается стоимость этих вещей. Если предметы конфискации являются носителями информации, то они уничтожаются. В случае отмены приговора суда конфискованное имущество не возвращается. Не предусмотрено оставление семье виновного предметов первой необходимости.

В заключение необходимо сказать, что Республика Корея – это стремительно развивающаяся страна, которая уверенно смотрит в будущее, но одновременно не порывает со своим прошлым. Право здесь приобретает все большее и большее значение, отражая не только актуальные запросы, но и оберегая традиции. Без сомнения, правовая система Южной Кореи будет в дальнейшем только совершенствоваться.

© Сорокина Ю. В., 2023

¹ Толстокулаков И. А. Посттрадиционное общество Южной Кореи и проблемы политической модернизации. – <https://cyberleninka.ru/article/n/posttraditsionnoe-obschestvo-yuzhnoy-korei-i-problemy-politicheskoy-modernizatsii> (дата обращения: 25.07.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ахвердян А. Г., Юнусов А. А., Горьканов Г. В. Государственное устройство и особенности правовой системы Республики Корея. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44504108>. (дата обращения: 02.09.2023).

⁵ Шорников Д. В. Некоторые тенденции современного развития Гражданского кодекса Республики Корея // Современные проблемы корейского полуострова: Сборник статей. М., 2021.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ *Шорников Д. В.* Общие положения Гражданского кодекса Республики Корея // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3. 38–47.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Корпоративное управление в Республике Корея.* – [http://ao-journal.ru/korporativnoje upravlenie-v-juznoj-koree](http://ao-journal.ru/korporativnoje-upravlenie-v-juznoj-koree) (дата обращения: 25.07.2023).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Добряков Д. А.* Общая характеристика и система уголовного законодательства Республики Корея. – <http://repository.kazguu.kz/handle/123456789/1366>. (дата обращения: 30.07.2023).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Цит. по: Там же.

²⁰ Цит. по: Там же.

²¹ Там же.

²² *Степанова М. А., Креховец А. В.* Особенности уголовного законодательства стран Восточной Азии на примере Южной Кореи. – <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovno-ogo-zakonodatelstva-stran-vostochnoy-azii-na-primere-yuzhnoy-korei> (дата обращения: 23.07.2023).

²³ *Скиба А. П., Ковш А. В., Механова А. Н.* Уголовное законодательство Республики Корея и Корейской Демократической Республики: сравнительно-правовой анализ видов наказаний и их содержания // cyberleninka.ru/ugolovnoe-zakonodatelstvo-respubliki-korea-i-koreyskoj-demokraticeskoj-respubliku (дата обращения: 30.07.2023).

²⁴ Там же.

Т. А. Алексеева*

ПОНЯТИЕ РЕСПУБЛИКИ ПО КОНСТИТУЦИИ ИСПАНИИ 1931 ГОДА: ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 ГОДА

Октябрьская революция 1917 г. и ее результаты вызвали большой интерес в Испании, как и во многих странах мира¹. Российские историки отметили неоднозначное их восприятие испанским обществом и указали на то, что симпатии выказывали в основном рабочие, особенно анархо-синдикалисты, а также небольшая часть левых интеллектуалов, анархистов, социалистов и республиканцев. Советское государственное строительство в 20-х – начале 30-х годов заставило многих испанцев отнестись с осторожностью к политическим переменам в России². Тем не менее, конституционный опыт Советского государства оказался востребованным в 1931 г. при подготовке текста Конституции учредительными кортесами, открывшими свои заседания 14 июля 1931 г., через три месяца после провозглашения Испании республикой.

Главными зарубежными источниками Основного закона 1931 г. явились республиканские конституции Мексиканских Соединенных Штатов 1917 г. и Германской империи 1919 г. Кроме того, авторы проектов и депутаты учредительных кортесов обнаружили знание текста Конституции РСФСР 1918 г., опубликованной в Мадриде в 1919 г. в переводе на испанский язык³.

* *Алексеева Татьяна Анатольевна* – профессор-исследователь факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), доктор юридических наук, доцент.

Специалист по конституционному праву Р. Трухильо отметил заимствование при разработке конституционных проектов норм из вышеуказанных основных законов, которые он оценил как «знаковые для своей эпохи»⁴. На заседании учредительных кортесов 27 августа 1931 г. председатель конституционной комиссии Л. Хименес де Асуа подчеркнул, что конституции Мексики, Германии, РСФСР «каждая в своем стиле содержит текст с рядом норм и принципов, которые ранее не соответствовали» представлению о конституционном акте⁵.

Одним из них являлось понятие «республика». В конституционном проекте, предложенном подготовительной комиссией Министерства юстиции (ст. 1)⁶, а также в проекте, внесенном в кортесы конституционной комиссией в августе 1931 г., декларировалось: «Испания – демократическая республика» (ст. 1)⁷. Данное положение было более развернутым по сравнению с формулировкой Конституции 1919 г., декларировавшей Германию республикой (ст. 1). Но оно предстало более кратким по сравнению с положением Конституции Мексики 1917 г., определившей республику как «представительную, демократическую, светскую, федеративную» (ст. 40), хотя являлось более близким ему. Так, авторы первого испанского проекта ограничились упоминанием формы правления и характером осуществления государственной власти, указав, на главную новеллу испанской государственности.

Однако в дальнейшем работа над проектом конституции в этой части пошла в направлении отхода от отождествления республики с разновидностью формы государства. На это испанских учредителей явно вдохновила первая советская Конституция, закрепившая дефиницию республики как «свободного социалистического общества всех трудящихся России» (ст. 10)⁸.

Данное понятие республики как общности, predetermined объявленными целями и задачами (ст. 3, 4, 9), политической и экономической основой (ст. 1, 3), политической формой (ст. 9), напоминало представление о республике Цицерона, сформулированное в I в. до н. э.⁹ Для римского политического деятеля республика (*res publica*) как общее дело – это дело народа (*res populi*), а народ – не простое объединение, но союз людей, объединенных общим пониманием права и представлением об общей пользе¹⁰.

В данном направлении и стало развиваться понятие «республика» в представляемых проектах и выступлениях учредителей. При этом было предложено ввести в Конституцию термин «трудящийся». Так, во время обсуждения вышеуказанной статьи первого варианта конституционного проекта, подготовленного конституционной комиссией, депутат-республиканец Ф. Валера предложил следующую формулировку: «Испания – республика трудящихся, изначально либеральная, в основе демократическая, а по своей цели социальная»¹¹. Несмотря на то, что это предложение не нашло поддержки в кортесах, пять депутатов-социалистов вскоре предложили ввести в конституционный текст понятие «республика трудящихся»¹². Их поддержал член социалистической партии Л. Аракитайн, который, как отметил специалист по конституционному праву Ф. Фернандес Эстебан, стремился к заимствованию положений из Конституции РСФСР 1918 г.¹³

Осознавая настрой значительного большинства учредителей, Л. Аракитайн на заседании 16 сентября 1931 г. отрицал приверженность марксистской идее классовой борьбы, на которой базировалась Конституция РСФСР 1918 г. Депутат заявил, что термин «трудящийся» традиционно обозначает наемного работника, получающего за-

работную плату за свой труд, а в более узком смысле – работника физического труда¹⁴. Л. Аракистайн, более того, предложил исходить из понимания трудящегося как всякого лица, «деятельность которого, в ее материальном или духовном виде, полезна Отечеству». Кроме того, трудящимся, по его словам, должен быть признан и «тот, кто осуществляет профессию, главным образом, интеллектуально, как ученый, представитель творческой профессии, изобретатель, технический работник и организатор профсоюза или производства». Трудящиеся – это и лица, оказывающие услуги, в которых нуждается общество¹⁵. Указанное предложение социалистов о введении термина «республика трудящихся» 16 сентября 1931 г. было поддержано 170 голосами, 152 депутатов проголосовали против него¹⁶.

25 сентября 1931 г. Л. Аракистайн предложил формулировку, и она была включена в окончательный текст Конституции¹⁷. Испания признавалась «демократической республикой трудящихся всех классов, которая организуется на основе принципов свободы и справедливости» (ч. 1 ст. 1)¹⁸.

Заимствование отдельных идей и положений Конституции РСФСР 1918 г. испанскими учредителями как прямое, так и опосредованное другими актами зарубежных стран (прежде всего Конституцией Германии 1919 г.) может быть выявлено путем сравнения ряда положений конституций 1918 г. и 1931 г., определяющих статус трудящихся, вместе образующих общность. Председатель конституционной комиссии Л. Хименес де Асуа отметил, что основные законы, ставшие источниками Конституции Испании, «расширили территорию прав человека экстраординарным образом», предусмотрев не только права индивидуальные, но и коллективные (профсоюзов, семьи

и т. д.)¹⁹.

Следует отметить, что испанские исследователи М. Гутьерес и Б. Гарсиа посчитали ошибочным мнение некоторых коллег, усматривающих истоки социальных прав, закрепленных в Конституции 1931 г., в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа как части Конституции РСФСР 1918 г. Декларация, по их мнению, была актом, «полным политических решений в духе К. Шмитта и абсолютно враждебной юридической конфигурации отношений личности и государства», в которой проявляется суть конституций. Декларация, подчеркнул исследователь, была нацелена на «упразднение паразитирующих элементов общества и организацию экономической жизни страны, основанной на обязательном труде, не имеющей ничего общего с социальным правом демократических правовых систем»²⁰.

В то же время, следует отметить, что положения советских конституций вспоминали депутаты учредительных кортесов и при обсуждении избирательных прав граждан Испанской республики. Первая советская Конституция, несомненно, вдохновляла сторонников признания равных избирательных прав мужчин и женщин, а также радикальных изменений правового положения женщин, которые получили широкий отклик и высокую оценку в испанском обществе²¹.

Многим учредителям представлялось положительным закрепление Конституцией РСФСР 1918 г. требования о достижении 18-летнего возраста для обладания избирательными правами, что обеспечивало масштабное вовлечение молодежи в политическую жизнь республики²². Однако в тексте Конституции 1931 г. равные избирательные права получили граждане по достижении 23 лет (ст. 36), хотя в проекте конституционной комиссии был преду-

смотрен минимальный 21-летний возраст (ст. 34).

Таким образом, первая советская Конституция сыграла важную роль в разработке положений Конституции Испанской республики 1931 г. о республике и правовом положении ее членов. Протоколы учредительных кортесов свидетельствуют о различном отношении к Конституции РСФСР их депутатов. Данное разнообразие – материал для размышлений о сложном и многоплановом значении и восприятии советского конституционного опыта в Испании во время Второй республики (1931–1939).

© Алексеева Т. А., 2023

¹ О значении Конституции 1918 г. для средиземноморских стран: *Centenario della Costituzione sovietica del 1918. Influssi nei paesi del Mediterraneo / Prefazione di G. Crespi Reghizzi*. Roma, 2021.

² Аникеева Н. Е., Ведюшкин В. А., Волосюк О. В., Медников И. Ю., Пожарская С. П. История внешней политики Испании. М., 2014. С. 215.

³ *Constitución de la República Socialista Federativa de los Consejos (Soviets) de Rusia // Quintiliano Saldaña. La revolución rusa. La Constitución rusa de 10 de julio de 1918*. Madrid, 1919. P. 95–116.

⁴ *Pérez Trujillano R. P. Creación de Constitución, destrucción de Estado: la defensa extraordinaria de la II República española*. Madrid, 2018. P. 45.

⁵ *Sesión celebrada el día 27 de agosto de 1931 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. № 28. T. 2. Madrid, 1933. P. 643.*

⁶ Anteproyecto de la Constitución de la República española // http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/anteproyecto-de-constitucion-de-la-republica-espanola-de-1931/html/490eae19-ba06-405a-9428-b6cbef5c2f12_2.html#I_11_ (дата обращения: 17.03.2023).

⁷ *Proyecto de Constitución // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española (18 de agosto de 1931). Legislatura 1931–1933. Apéndice cuarto al № 22. T. I. Madrid, 1933. P. 1.*

⁸ Конституция РСФСР 1918 года // Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 2018. С. 195–208.

⁹ Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах / Пер. В. О. Горенштейна, прим. И. Н. Веселовского и В. О. Горенштейна, ст. С. Л. Утченко; отв. ред. С. Л. Утченко. М., 1966. О государстве. XXV, 39.

¹⁰ *Catalano P. Popolo. Parte giuridica. Principi e Sistema // Enciclopedia di Bioetica e Scienza giuridica. Vol. X. Napoli, 2016. P. 487; Lobrano G. Res publica – res populi. La legge e la limitazione del potere. Torino, 1966. P. 113–120.*

¹¹ *Sesión celebrada el día 20 de agosto de 1931 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931–1933. № 24. T. 1. Madrid, 1933. Apéndice 9.*

¹² *Sesión celebrada el día 15 de septiembre de 1931 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. № 38. T. 2. Madrid, 1933. P. 924–929.*

¹³ *Fernández Segado F. Las Constituciones históricas españolas. Madrid, 1992. P. 554.*

¹⁴ *Sesión celebrada el día 16 de septiembre de 1931 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. № 39. T. 2. Madrid, 1933. P. 941.*

¹⁵ *Ibidem. P. 942.*

¹⁶ *Ibidem. P. 945–947.*

¹⁷ *Sesión celebrada el día 25 de septiembre de 1931 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931–1933. № 45. T. 3. Madrid, 1933. P. 1257–1258.*

¹⁸ Конституция Испанской республики от 9 декабря 1931 года / Пер. с исп. Т. А. Алексеевой // Алексеева Т. А. История испанской конституции. М., 2011. С. 244–273; Конституция испанской республики // Конституции буржуазных стран: В 4 т. Т. 2: Средние и малые европейские страны. М.; Л., 1936. С. 349–377.

¹⁹ *Sesión celebrada el día 27 de agosto de 1931 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. № 28. T. 2. P. 645.*

²⁰ *Gemma Prieto Gutiérrez M., Pendas García B. La seguridad social en la Constitución española de 1931 // Revista de Política Social. 1983. № 139. P. 63.*

²¹ *Puigsech Farràs J. La Revolución Rusa y España: una doble*

vertiente historiográfica // Índice Histórico Español. 2017. Nº 130. P. 45; *Garrido Caballero M.* De la Revolución de Octubre a la Rusia Soviética: Impresiones desde España a través de crónicas periodísticas y libros de viajes. From the October Revolution to the Soviet Union: Views from Spanish chronicles and travel literature // *Sociología Histórica*. 2017. Nº 8. P. 248.

²² *Sesión* celebrada el día 1 de octubre de 1931 // *Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española*. Nº 48. T. 3. Madrid, 1933. P. 1350.

С. Т. Досумов*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Основные аспекты статуса Верховного Совета (парламента), Президента, местных представительных органов, всей электоральной системы Казахстана получили свое урегулирование в статьях 63, 76, 109–118 Конституции от 28 января 1993 г. Эта Конституция и принятый на ее основе Кодекс о выборах от 17 марта 1993 г. носили переходный от советского строя к новому демократическому государству характер.

Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 30 августа 1995 г., заменив Конституцию 1993 г., заложила основы президентской республики, что привело к существенному реформированию электоральной системы республики. С той поры по настоящее время вот уже более 20 лет каждые три года путем косвенных выборов обновляется Сенат, каждые пять лет электорат страны избирает Мажилис, маслихаты (местные представительные органы областного, городского, районного уровней). С 1991 г. Президента Республики Казахстан как главу государства, гаранта Конституции народ Казахстана периодически избирает путем общенациональных выборов. В истории Казахстана имели место

* *Досумов Серимжан Тулеуович* – докторант Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Кыргызстан, Бишкек), кандидат юридических наук.

пять президентских избирательных кампаний, две выборные кампании в Верховный совет (1991 г., 1994 г.), с декабря 1995 г. по настоящее время – пять в Мажилис, восемь – в Сенат Парламента Республики Казахстан, пять выборов – в маслихаты. В статьях 41, 51, 86 действующей Конституции прописаны требования, которым должны отвечать претенденты на должность Президента, депутатов Сената, Мажилиса Парламента Республики Казахстан, маслихатов страны. Эти и многие другие вопросы в развитие конституционных норм получили детализированное закрепление в Конституционном законе Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. «О выборах в Республике Казахстан», который с определенными изменениями и дополнениями действует по сегодняшний день.

Эволюция избирательной системы в Казахстане отражает суть политических изменений в современный период развития. Целью процесса совершенствования избирательной системы Казахстана является создание эффективно действующего механизма формирования властных структур. Анализ процесса формирования казахстанской избирательной системы важен не только для изучения самой электоральной политики, но и для оценки сути трансформационных политических изменений в переходный период, и для перспектив дальнейшей демократизации политической системы. В этом случае избирательная система может выступать в виде одной из поддержек существующей политической системы¹.

На наш взгляд, избирательная система и руководимый ею ЦИК РК при любом раскладе политических сил должна оставаться нейтральной и независимой, чтобы ни одна политическая сила не могла обвинить или заподозрить в беспристрастности или предпочтении одной из политических сил страны.

В ежегодном Послании Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. «Казахстан в новой реальности: время действий» сказано: «В быстро меняющемся мире низкая скорость принятия решений становится угрозой национальной безопасности. Поэтому в рамках Концепции правовой политики, путем изменения законодательства следует обеспечить баланс между уровнями правовой регламентации. Медлить с этим нельзя»².

Избирательное законодательство тоже эволюционирует, так как от совершенствования выборного процесса напрямую будет зависеть эффективность работы государственной машины управления.

Стабильность и развитие выборного законодательства

В переходный период выборное законодательство Республики Казахстан основывалось на Конституции Республики Казахстан от 28 января 1993 г., Кодексе о выборах от 17 марта 1993 г. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. заменила предыдущую Конституцию, в то время как Кодекс о выборах 1993 г. был заменен Указом Президента Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г., имевшим силу конституционного закона, «О выборах в Республике Казахстан». Позже этот Указ был преобразован 6 мая 1999 г. в Конституционный закон Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» и другие законы, регулирующие различные аспекты выборов (Закон Республики Казахстан от 2 июля 1996 г. «О политических партиях» и пришедший ему на смену Закон Республики Казахстан от 15 июля 2002 г. «О политических партиях»; Закон Казахской ССР от 28 июня 1991 г. «О печати и других средствах массовой информации» и заменивший его 23 июля 1999 г. Закон Республики

Казахстан «О средствах массовой информации»).

В период с 1995 г. по настоящее время 1220 организационно-распорядительных и нормативных постановлений были приняты Центральной избирательной комиссией Республики Казахстан, которые также являются частью правовой базы выборов.

Конституционный закон Республики Казахстан о выборах состоит из Общей и Особенной частей, в которых находятся 133 статьи. В Общей части размещены положения о свободном осуществлении гражданином «права избирать и быть избранным», а также принципы всеобщего, равного, прямого избирательного права и тайны голосования. Он также содержит положения о системе избирательных органов, которая возглавляется Центральной избирательной комиссией – постоянно действующим органом. Ряд статей регулирует статус *избирательных округов* и *участков*. Большое внимание уделено спискам избирателей. Особо выделены нормы, касающиеся предвыборной агитации. Нормы о финансировании выборов также нашли свое урегулирование в Общей части рассматриваемого закона. Шесть развернутых статей посвящены порядку голосования. Определение итогов голосования также стало предметом регулирования в Общей части. Следует подчеркнуть, что гарантии свободы выборов стали предметом детального урегулирования в Общей части данного закона.

Особенная часть состоит из отдельных глав, посвященных регламентации выборов Президента Республики Казахстан, депутатов Сената, депутатов Мажилиса, депутатов маслихатов Республики Казахстан.

Президент Республики Казахстан избирается по мажоритарной системе (кандидат, за кого население страны

отдало наибольшее число голосов, становится Президентом), это положение не изменилось в этом отношении.

В начале 1990-х годов депутаты Парламента избирались по мажоритарной системе. На выборах 1999 г. использовалась смешанная избирательная система: 67 депутатов избирались по одномандатным избирательным округам по мажоритарной системе и 10 депутатов – по системе пропорционального представительства. С 2007 г. Мажилис Парламента формируется по пропорциональной системе: 98 депутатских мест из 107 предоставляются представителям политических партий, а 9 депутатских мест занимают представители Ассамблеи народа Казахстана (консультативного органа Президента, представляющего интересы 130 этнических групп Республики).

В начальный период суверенного развития Казахстана местные представительные органы назывались маслихатами-собраниями, с 1995 г. их стали именовать маслихатами. На выборах 1999 г. было избрано 3322 депутата, позже стабильно по 3335 депутатов 213 маслихатов всех уровней избирались по мажоритарной системе на выборах 2007 г., 2012 г., 2016 г. Конкуренция на каждую избираемую должность на всех рассмотренных видах выборов была достаточно высокой.

Всего по Республике в настоящее время работают 13 399 избирательных комиссий, в которых осуществляют свою работу 93 793 члена. Избирательные участки в Республике Казахстан образуются с учетом не более 3 тыс. избирателей на каждом из 9840 избирательных участков. В списках избирателей числится более 9 790 000 граждан Республики Казахстан.

Закон Республики Казахстан от 15 июля 2002 г. «О политических партиях» содержит ряд электоральных ас-

пектов. В частности, в ст. 5 записано, что *«политические партии должны создаваться гражданами Республики Казахстан, являющимися членами политической партии, равные возможности для представительства» «в списках кандидатов в депутаты на иные выборные должности в органах государственной власти».* Статья 16 закона устанавливает, что *«на съезде политической партии» «выдвигаются члены политической партии в качестве кандидатов в Президенты Республики Казахстан, депутаты Мажилиса Парламента, утверждается партийный список кандидатов в депутаты, представляемый для регистрации в Центральную избирательную комиссию Республики Казахстан».*

Закон «О средствах массовой информации» содержит положение, касающееся ответственности средства массовой информации за использование этого *«средства массовой информации в целях нарушения условий проведения предвыборной агитации»*, которое может привести к приостановлению выпуска этого средства массовой информации.

Стабильность электорального законодательства означает, что основные принципы демократических выборов, структура демократически избираемых высших и местных выборных государственных органов, всех избирательных органов, положения, касающиеся порядка составления списков избирателей, выдвижения кандидатов, безусловный принцип альтернативности выборов остаются неизменными, стабильными. Вместе с тем, необходимость совершенствования методов и способов реализации демократических электоральных принципов привела к тому, что за последние 20 лет в основной выборный закон Республики Казахстан внесли 814 изменений и дополнений.

В 2012 г. Первым Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым было принято решение ввести выборность аульных акимов через маслихаты. Выборы начали проводить с 2013 г.; были избраны 2533 акима, в том числе акимы сельских округов, поселков, а также 50 акимов городов районного значения. Это 91,7 % от общего числа акимов всех уровней. Как отмечал Н. А. Назарбаев, «таким образом мы охватим выборностью всех акимов, которые напрямую работают с гражданами и решают проблемы на местах. Настало время гражданам активно вовлекаться в решение насущных вопросов на местах, контролировать работу местных органов власти»³.

Это позволит в городах районного значения, селах, поселках и сельских округах с численностью населения свыше 2 тыс. человек внедрить самостоятельный бюджет и коммунальную собственность местного самоуправления. С 2020 г. эти нормы будут действовать во всех населенных пунктах. Это позволит вовлечь население в решение вопросов местного значения. Будет проработан вопрос создания представительного органа местного самоуправления на уровне городов районного значения, сел, поселков и сельских округов, что позволит местному сообществу участвовать в утверждении бюджета. Также будет проработан вопрос дальнейшего увеличения доходных источников бюджетов местного самоуправления. Будут реализованы меры по повышению компетенций маслихатов в части бюджетного процесса⁴.

В Послании Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2019 г. «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана», Глава государства, обозначил следующее: «Вижу свою задачу в том, чтобы содейство-

вать развитию многопартийности, политической конкуренции и плюрализма мнений в стране. Это важно для стабильности политической системы в долгосрочной перспективе»⁵.

Избирательные органы Республики

Также, уместно привести извлечение из итогового отчета миссии БДИПЧ по наблюдению за внеочередными выборами Президента РК и за досрочными парламентскими выборами, которые прошли 20 ноября 2022 г. и 19 марта 2023 г. В частности, в них отмечалось, что «Система назначения и освобождения от должности членов избирательных комиссий должна обеспечивать их фактическую независимость от государственных институтов, местных органов власти и политических партий»⁶.

В Республике Казахстан государственными органами, осуществляющими подготовку и проведение выборов в стране, являются избирательные комиссии. Срок полномочий избирательных комиссий составляет 5 лет. Все перечисленные комиссии, куда входят 14 областных, городов Астана и Алматы избирательных комиссий, 160 районных комиссий, городских избирательных комиссий, 11 районных в городах Астаны и Алматы (3 и 8), 550 окружных избирательных комиссий по выборам депутатов областных маслихатов, 2160 окружных избирательных комиссий по выборам депутатов районных маслихатов, 625 окружных избирательных комиссий по выборам депутатов городских маслихатов, 9840 участковых избирательных комиссий, составляют единую систему избирательных комиссий страны.

Как видим, все избирательные комиссии Республики подразделяются на 3 класса:

– 224 территориальные комиссии (областные, городов Астана и Алматы, городские, районные, районные в ряде городов),

– 3335 окружных комиссий,

– 9840 участковых комиссий.

Вся эта совокупность из 13 399 избирательных комиссий страны возглавляется Центральной избирательной комиссией Республики Казахстан. Центризбирком по своему статусу является постоянно действующим государственным органом. С 1995 г. члены Центризбиркома избирались Мажилисом, позже – Сенатом и Мажилисом Парламента. С 2007 г. система формирования состава Центризбиркома видоизменилась. Теперь Председателя и двух членов Центризбиркома назначает Президент Республики Казахстан сроком на пять лет; каждая из палат (Сенат и Мажилис) Парламента Республики Казахстан самостоятельно, без участия другой палаты, избирает на пятилетний срок по два члена Центризбиркома Республики Казахстан. Заместителя Председателя и секретаря Центризбиркома избирают на первом заседании Комиссии.

Деятельность территориальных, окружных и участковых избирательных комиссий осуществляется на общественных началах. Состав всех этих комиссий избирается маслихатами соответствующего уровня на основании предложений политических партий, официально зарегистрированных Министерством юстиции Республики Казахстан. Согласно установленной правовой норме каждая политическая партия может представлять только одну кандидатуру в состав соответствующей избирательной комиссии. Сегодня в стране функционируют 7 политических партий. Каждая избирательная комиссия состоит из 7 членов. У некоторых политических партий могут возникнуть проблемы организационно-кадрового

характера, особенно в регионах. При отсутствии предложений от политических партий в установленный срок, маслихаты избирают избирательную комиссию на основе предложений иных общественных объединений, а также вышестоящих избирательных комиссий.

У вышестоящей избирательной комиссии есть право назначать члена избирательной комиссии, если должность является временно вакантной. Член комиссии, назначенный вышестоящей избирательной комиссией, остается в должности до принятия решения маслихатом об избрании нового члена комиссии.

Желая оказать содействие в обеспечение представительства политических партий, не имеющих представителя в составе избирательных комиссий, казахстанский законодатель предоставил право таким партиям делегировать представителей с правом совещательного голоса в избирательные комиссии на период подготовки и проведения выборов. Делегированные члены могут пользоваться правами официально избранных членов, за исключением права голосовать, когда комиссия принимает решение.

Выборное законодательство четко разграничивает полномочия избирательных органов Республики Казахстан в зависимости от их статуса. К компетенции Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан относится «контроль за исполнением законодательства о выборах», обеспечение его единообразного и правильного применения, принятие решений (решения Центризбиркома обязательны на всей территории страны), организация подготовки и проведения «выборов Президента, депутатов Мажилиса и Сената Парламента», а также осуществление методического руководства территориальными избиратель-

ными комиссиями, связанных с «организацией и проведением выборов маслихатов».

Конституционный закон о выборах предусматривает для каждой территориальной избирательной комиссии ответственность по обеспечению надлежащего контроля «за исполнением законодательства о выборах», по подготовке и организации выборов Президента, депутатов Парламента и маслихатов», по руководству «деятельностью нижестоящих территориальных, окружных и участковых избирательных комиссий», по проведению выборов депутатов Сената, а также по созданию избирательных округов на выборах депутатов маслихатов и опубликованию списков избирательных округов, по оповещению «избирателей о местах нахождения избирательных комиссий».

Все окружные избирательные комиссии осуществляют контроль за исполнением Конституционного закона о выборах на территории соответствующего избирательного округа, организуют «выборы депутатов маслихатов» и координируют деятельность участковых избирательных комиссий в соответствующем избирательном округе.

Известно, что в 2004 г. был изменен порядок формирования избирательных комиссий. По мнению Э. Б. Мухамеджанова, «его суть состояла в том, что территориальные, окружные и участковые избирательные комиссии стали избираться маслихатами на основании предложений политических партий. Каждая политическая партия вправе представлять одну кандидатуру в состав соответствующей избирательной комиссии. Если какая-либо политическая партия не представит своего кандидата, то это право будет предоставлено иным общественным объединениям и вышестоящим избирательным комиссиям»⁷.

В обязанности участковой избирательной комиссии входит проведение на своем избирательном участке избирательных мероприятий по всем видам выборов, информирование избирателей о местонахождении участковой комиссии, уточнение списков избирателей «на соответствующем избирательном участке», ознакомление «граждан со списком избирателей», рассмотрение «заявлений об ошибках и неточностях в списках», а также вынесение решений, связанных с «внесением в него соответствующих изменений», оповещение «избирателей о дне, времени и месте голосования», подготовка помещения, организационное обеспечение изготовления кабин и урн для голосования, надлежащая организация на избирательном участке голосования в день выборов, проведение подсчета голосов и определение результатов голосования на участке, рассмотрение жалоб и заявлений, касающихся подготовки и организации голосования.

Гарантии свободных и честных выборов

Глава 5 Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан» регулирует вопросы, касающиеся предвыборной агитации кандидатов и политических партий. Казахстанское государство гарантирует, что граждане, общественные объединения имеют право на проведение беспрепятственной предвыборной агитации «за» или «против» того или иного кандидата, политической партии.

Кандидатам и политическим партиям предоставлены возможности по осуществлению разными способами предвыборной агитации. В первую очередь, они могут размещать свои предвыборные программы, иные документы в средствах массовой информации. Они вправе проводить разнообразные публичные предвыборные мероприятия. Агитацию в свою пользу они могут осуществ-

лять *«путем выпуска и распространения печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов»*⁸.

Одной из гарантий честных и свободных выборов является запрет проводить предвыборную агитацию и распространять какие бы то ни было агитационные материалы центральными и местными государственными органами, их должностными лицами во время исполнения своих служебных обязанностей. Этот запрет также предусмотрен для военнослужащих, работников органов национальной безопасности, правоохранительных органов и судей, членов всех избирательных комиссий, религиозных учреждений. Кандидат не имеет права пользоваться какими бы то ни было преимуществами своего должностного или служебного положения. Ему запрещено *«привлекать лиц, находящихся в подчинении, к предвыборной агитации (кроме случаев, если они зарегистрированы доверенными лицами), использовать помещения в зданиях, где располагаются государственные органы, в агитационной деятельности»*⁹. Честности и открытости выборам способствует то, что «если журналисты, должностные лица редакций СМИ» зарегистрированы в качестве кандидатов или доверенных лиц, то они «не могут участвовать в освещении предвыборной агитации в своих СМИ».

В целях обеспечения равенства между кандидатами и политическими партиями закон запрещает получать финансовую помощь из других источников, принимать любые товары, работы, услуги как физических, так и юридических лиц, которые не оплачены из средств официальных избирательных фондов, доступных для кандидатов.

Чтобы гарантировать честные и справедливые выборы, электоральное законодательство страны достаточно подробно регламентирует условия предвыборной агита-

ции в средствах массовой информации. Кандидаты, политические партии получают равные условия доступа ко всем средствам массовой информации в целях освещения предвыборных агитационных мероприятий. Если средство массовой информации дает согласие на выделение эфирного времени или печатной площади, данное СМИ одному из кандидатов, одной политической партии, то это означает, что оно должно давать согласие на выделение предоставленного объема эфирного времени, печатной площади другим кандидатам, другим политическим партиям.

Выборный закон говорит о необходимости соблюдения справедливой очередности выступлений кандидатов и политических партий в средствах массовой информации. Она должна устанавливаться «в порядке поступления письменных обращений либо по жребию, если обращения поступили одновременно».

Когда средства массовой информации на договорной основе «предоставляют эфирное время, печатную площадь зарегистрированным кандидатам и политическим партиям, выдвинувшим партийные списки», то условиями договора «не должны создавать преимущества тому или иному кандидату, политической партии». Следует отметить особо, что сведения о размере оплаты, условиях и порядке предоставления эфира и печатной площади должны публиковаться соответствующими средствами массовой информации заблаговременно.

Обязанностью средств массовой информации является распространение информации о мероприятиях, имеющих отношение к выдвижению всех кандидатов и партийных списков в одинаково равных объемах. Если средство массовой информации знает о заведомо ложной информации, которая порочила бы «честь, достоинство и де-

ловую репутацию кандидата или политической партии», то оно обязано не допускать такой публикации. Но если такие случаи оказались допущенными, то средство массовой информации обязано *«предоставлять кандидатам и политическим партиям возможность бесплатно публиковать опровержения в ближайшем номере печатного издания, на той же странице, в том же объеме и тем же шрифтом или передаче на телевидении или радио в такое же время в течение 24 часов после поступления обращения»*¹⁰.

В 2012 г. Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев в своем Послании народу на совместном заседании палат Парламента Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» отметил, что новый этап казахстанского пути – это новые задачи укрепления экономики, повышения благосостояния народа. В современном мире это коренной вопрос социально-экономической модернизации. Это главный вектор развития Казахстана в ближайшем десятилетии¹¹.

С 2004 г. казахстанские депутаты принимают активное участие в сессиях Парламентской ассамблеи Совета Европы. То, что Казахстан реализует различные проекты с Советом Европы, дает полное основание и является логическим для следующего шага в форме ратификации Европейской конвенции.

26 марта 2019 г. на заседании группы докладчиков Комитета министров Совета Европы по внешним связям заместитель министра иностранных дел Казахстана заявил, что Казахстан заинтересован в дальнейшем развитии широкого сотрудничества с Советом Европы, особенно в сфере обеспечения верховенства права, модерниза-

ции системы правосудия и присоединения к соответствующим конвенциям этой международной организации.

Ярким примером такого сотрудничества должен стать шаг Казахстана по вступлению в Европейский совет и ратификации Европейской конвенции. Это будет соответствовать лучшим мировым стандартам поведения государств в отношении защиты прав своих граждан. А будущее имеет только то государство, которое уважает права своих граждан и создает все условия для их защиты.

Поскольку обеспечение прав граждан и организаций является задачей государства, то возможность дополнительной защиты прав и свобод казахстанцев Европейским международным судом в интересах самого Казахстана является необходимостью в нынешних условиях.

В данном случае, представляется, что Республика Казахстан как член ОБСЕ несет ответственность за объективностью судебного разбирательства, поданных заявлений и жалоб в ходе избирательного процесса, вплоть до международного судебного разбирательства. Необходима определенная подготовка и практика подачи соответствующих документов в международные судебные органы.

Выводы

1. Предвыборные кампании проходили преимущественно незаметно, при отсутствии конкурентной борьбы и не вызывали значительного интереса общественности при доминирующем положении действующего Президента и отсутствии подлинной оппозиции. Так, например, о проведении президентских выборов в 2011 г. было объявлено вскоре после поспешного внесения поправок в Конституцию и закон «О выборах», предусматривающих возможность проведения досрочных президентских выборов. Необходимо отказаться от практики проведения внеоче-

редных досрочных выборов, если к этому нет достаточных правовых оснований, таких, например, как неспособность Президента исполнять свои обязанности на посту главы государства или решение неотложных вопросов, связанных с легитимностью власти при наступлении форс-мажорных обстоятельств.

2. Использование административного ресурса, давление на членов избирательных комиссий, большинство из которых аффилированы с правящей партией «Нур Отан». Во многих комиссиях среднего и низшего уровня члены и почти все председатели были связаны с «Нур Отаном», на госслужащих, работников частных структур и студентов, чтобы они проголосовали за действующего президента. Несмотря на объявление Н. Назарбаевым о намерении не заниматься агитацией лично, он активно ездил по стране в своем официальном качестве. Все жалобы на действия УИК, ЦИК, поданные в суды после выборов, были отклонены как необоснованные.

3. Ограниченная медиасреда, обусловлена новыми правилами, запрещающими или существенно ограничивающими проведение социологических исследований организациями, НПО не аккредитированными ЦИК РК. Ограничительные правовые рамки в отношении СМИ касались в том числе закрытия и блокирования веб-сайтов.

© Досумов С. Т., 2023

¹ Булуктаев Ю. Эволюция избирательной системы в Республике Казахстан отражает суть политических изменений в современный период // Международное информационное агентство «Казинформ»: официальный сайт. – http://inform.kz-https://www.inform.kz/ru/evolyuciya-izbiratelnoy-sistemy-v-rk-otrazhaet-sut-politicheskikh-izmeneniy-v-sovremennyy-period_a3712848 (дата обращения: 19.11.2023).

² Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана // Государственные услуги и информация онлайн:

официальный сайт. – https://egov.kz/cms/ru/information/state_agencies/state_plan (дата обращения: 19.11.2023).

³ Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан – 2050». Новый политический курс состоявшегося государства. 14 декабря 2012 г. // Президент Республики Казахстан: официальный сайт. – https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakhstana-strategiya-kazakhstan-2050-novyi-politicheskii (дата обращения: 19.11.2023).

⁴ Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года: утвержден Указом Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636 (Инициатива 5.4 «Дальнейшее укрепление органов местного самоуправления») // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан: официальный сайт. – <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636> (дата обращения: 19.11.2023).

⁵ https://egov.kz/cms/ru/information/state_agencies/state_plan (дата обращения: 19.11.2023).

⁶ Миссия БДИПЧ по наблюдению за выборами. Итоговый отчет Внеочередные выборы Президента Республики Казахстан 20 ноября 2022 года // ОБСЕ: официальный сайт. – <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/kazakhstan/549505> (дата обращения: 19.11.2023).

⁷ Мухамеджанов Э. Б. К вопросу о независимости избирательных комиссий в Республике Казахстан // Юрист: официальный сайт. – https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36943967&pos=65;-27#pos=65;-27 (дата обращения: 19.11.2023).

⁸ Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» // ЦИК Республики Казахстан: официальный сайт. – <https://www.election.gov.kz/rus/normativno-pravovaya-baza-vyborov/zakon-respubliki-kazakhstan/zakon-o-vyborakh-v-respublike-kazakhstan.php> П. 3. Ст. 27 (дата обращения: 19.11.2023).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана 27 января 2012 г. // *Zakon.kz*: официальный сайт. – <http://www.zakon.kz/4470015-ezhegodnoe-poslanie-prezidenta-rk.html> (дата обращения: 19.11.2023).

Раздел VI

**СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
О ГОСУДАРСТВЕ, ЕГО СУЩНОСТИ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ**

*Я. А. Ванюшин**

*Е. А. Летаева***

**ПОНЯТИЕ «ГОСУДАРСТВО»:
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
В УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ**

Изучение теории государства и права занимает одно из важных мест в системе подготовки сотрудников органов внутренних дел. Как справедливо заметили С. С. Алексеев и В. Д. Перевалов, «Теория государства и

* *Ванюшин Ян Леонидович* – заместитель начальника Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

** *Летаева Елена Андреевна* – доцент кафедры организации деятельности охранно-конвойных подразделений органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук.

права» является подготовительной (пропедевтической) учебной дисциплиной. Она призвана подготовить студентов к изучению конкретных юридических дисциплин, должна обеспечить усвоение студентами общих юридических понятий и терминологии, единых правовых ценностей и принципов¹. По мнению А. В. Малько, теория государства и права – одна из немногих юридических научных дисциплин, которая непосредственно связана с формированием профессионального правового сознания студента. Именно с преподавания теории начинается закладка фундамента индивидуальной правовой культуры будущего юриста, формирования у него научной базы, юридического мировоззрения и глубокого уважения к праву как величайшей социальной ценности².

Не является исключением и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Согласно Примерной основной программе профессионального обучения лиц среднего и старшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский», в результате профессиональной подготовки обучающийся должен знать основные юридические категории и понятия; основные исторические типы и формы права и государства, их сущность и функции, особенности государственного и правового развития России. Кроме того, сотрудник, прошедший профессиональную подготовку, должен уметь правильно применять полученные знания о праве и государстве в практической деятельности, в процессе получения, проверки, анализа и оценки юридически значимой информации; оценивать и характеризовать явления социальной действительности с юридической точки зрения.

С этой целью в системе профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, впервые принятых на службу (далее – профессиональная подготовка), в рамках общепрофессионального цикла предусмотрено изучение дисциплины «Основы теории государства и права», что является необходимым условием, во-первых, подготовки сотрудников органов внутренних дел, то есть получения им основных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для выполнения служебных обязанностей; во-вторых, формированию профессиональной компетенции – способности сотрудника органов внутренних дел эффективно выполнять профессиональные обязанности.

Обязательность изучения теории государства и права при профессиональной подготовке связано с предметом теории государства и права. Здесь сложилось единое его понимание и определение. В. М. Хвостов в работе «Общая теория права. Элементарный очерк» отмечает, что под именем общей теории права разумеется наука, ставящая себе задачей изучение самых основных вопросов правоведения. По существу, таких вопросов можно выделить два: вопрос о государстве и вопрос о праве³. Современные определения придерживаются аналогичного подхода. Например, по мнению С. С. Алексеева и В. Д. Перевалова, предмет теории государства и права составляют явления и категории, сформированные и выработанные на основе понимания единства и глубокого взаимодействия государства и права⁴. Г. К. Артамонова отмечает, что предмет теории государства и права составляют наиболее общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права, систематизированные сведения об основных понятиях и категориях юриспруденции, теоретические модели «идеальных» государственно-

правовых систем⁵. Схожей точки зрения на предмет теории государства и права придерживаются и другие исследователи⁶.

Вместе с тем одной из особенностей предмета теории государства и права является его абстрактность. Следует согласиться с тем, что общая теория государства и права рассматривает государство и право «вообще», то есть дает этим явлениям абстрактно-обобщённую характеристику⁷. Это вызывает сложности при изучении в рамках учебной дисциплины, в первую очередь, основных категорий – «государство» и «право». И если применительно к последнему в процессе профессиональной подготовки в том числе по отраслевым наукам обучаемые получают необходимое представление, то изучение понятия «государство» вызывает ряд сложностей. Этому и способствует ограниченное учебное время, отведенное в образовательной программе изучению вопросов государства. Так из семи тем учебной дисциплины только две темы «Понятие, признаки и сущность государства» и «Типы и формы государства» в объеме 6 академических часов, посвящены изучению категории «государство».

Опыт проведения учебных занятий по дисциплине «Основы теории государства и права» свидетельствует, что одной из причин проблем, связанных с изучением понятия «государство» в рамках профессиональной подготовки, является отсутствие адаптированного для данной образовательной программы учебного материала и, в первую очередь, посвященного определению государства.

В настоящее время в теории государства и права существует множество определений государства, в основе которых находятся различные подходы и критерии, и потому имеющие право на существование. Условно определения государства, формулируемые в учебных целях,

можно разделить на две группы.

К первой относятся определения, содержащие предметное значение понятия «государство» и, как правило, его сущностные характеристики. Например, А. В. Малько определяет государство как организацию политической власти, содействующей преимущественному осуществлению конкретных классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных и других интересов в пределах определенной территории⁸. В. В. Лазарев и С. В. Липень предлагают рассматривать государство как публичную организацию, обладающую верховной властью на определенной территории⁹. В другом издании Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова рассматривают государство в качестве политической организации, объединяющей все общество, призванной управлять его делами, устранять социальные конфликты, обеспечивать правопорядок и определенный режим властвования¹⁰.

Схожим является представление о государстве как о политической организации общества, обеспечивающей его единство и целостность, осуществляющей посредством государственного механизма управление делами общества, суверенную публичную власть, придающей праву общеобязательное значение, гарантирующей права, свободы граждан, законность и правопорядок. Государство рассматривается и как политико-правовой институт единой, универсальной и суверенной власти, обладающий монополией на применение легального публичного принуждения и создание правовых норм в целях достижения в обществе социального компромисса¹¹.

В юридической литературе встречаются и другие, более развернутые определения государства: государство – это специфическая социально-политическая организация, осуществляющая управления обществом в пределах опре-

деленной территории, посредством выработки, принятия, наделения юридической силой общезначимых и общеобязательных правил поведения (юридических норм), использования этих правил в процессе правового регулирования, установления действенной системы гарантий реализации государственно-властных предписаний, придания правовым нормам санкционированного характера (установление мер юридической ответственности адекватных вреду, нанесенному правонарушением)¹².

Очевидно, что данная группа определений является в условиях отведенного академического времени достаточно сложной для восприятия обучаемых по программам профессиональной подготовки. Поэтому в учебных целях и с учетом интересов обучаемых наиболее приемлемой является вторая группа определений понятия государства, которая основана на предметном значении и перечислении признаков государства. Здесь также существуют различные варианты определений. К примеру, С. С. Алексеев и В. Д. Перевалов говорят о государстве как о политико-правовой организации общества, обеспечивающей его единство и территориальную целостность, обладающую суверенитетом, осуществляющей власть, управление и регулирование в обществе¹³. Р. С. Байниязов в учебнике с грифом МВД России предлагает определение государства как организации политической власти всего общества, характеризующейся наличием государственного суверенитета, аппарата управления и принуждения, действующей на строго определенной территории, формирующей систему законодательства и на основе этого способствующей реализации интересов общества, личности, социальных групп¹⁴. А. Ф. Аманулина в рамках основ теории государства и права предлагает следующее определение государства: особая организация общества, которая объ-

единена общими для всех социальными, культурными интересами, занимает собственную территорию, имеет определенную систему управления, а также систему безопасности, обладает внутренним и внешним суверенитетом¹⁵.

Вместе с тем определения данной группы отличаются большим разнообразием, в основе которого разный подход к признакам государства. В частности, С. С. Алексеев и В. Д. Перевалов к признакам государства относят неразрывную связь, взаимозависимость и взаимодействие государства и права, наличие публичной (политической) власти, государственный суверенитет, территориальную организацию населения, систему налогов, сборов, займов¹⁶. В. В. Лазарев и С. В. Липень выделяют в качестве признаков государства: публичную власть, территорию, суверенитет¹⁷. Т. Н. Радько и Л. А. Морозова выделяют наличие публичной власти, располагающей специальным аппаратом управления и принуждения, территориальную организацию населения, государственный суверенитет, всеобъемлющий, общеобязательный характер актов государства, наличие государственной казны¹⁸. П. А. Оль к признакам государства относит: государственную территорию, институт гражданства, публичную политическую власть и государственный суверенитет¹⁹, А. В. Малько называет десять признаков государства²⁰. При этом в некоторых случаях признаки государства могут быть неразличимы от сущностных характеристик государства, что позволяет формулировать заслуживающие внимания определения. Например, А. Ф. Черданцев, сводя воедино существенные признаки государства, предложил следующее определение государства: территориальная, суверенная организация политической власти в классовом обществе, делающая свои веления обязательными с помощью

законов, опирающаяся на организованное принуждение, обладающая монополией на сбор налогов²¹.

Несомненно, такое разнообразие определений существенно обогащает понятие государства, однако при обучении по программе профессиональной подготовки создаст сложности в понимании обучаемым категории государства, его характеристик и признаков. В этой связи следует поддержать Н. С. Нижник, предложившую в учебных целях дефиницию государства для обучаемых по программам профессиональной подготовки: **государство** – это особая социально-политическая организация, распространяющая свою власть на всю территорию страны и ее население посредством выработки общеобязательных правил поведения, располагающая специальным аппаратом управления и обладающая независимостью²².

Подводя итог, следует предложить следующее определение государства в целях обучения сотрудников органов внутренних дел по программам профессиональной подготовки: государство — политическая организация общества (населения), распространяющая свою власть на всю территорию страны, обладающая аппаратом публичной власти и независимостью.

© Ванюшин Я. А., Летаева Е. А., 2023

¹ Теория государства и права: Учебник / Отв. ред. В. Д. Перевалов. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2020. С. 26.

² Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. Изд. 3-е. М., 2009. С. 26.

³ Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. Изд. 4-е. исп. и доп. СПб., 1908. С. 1.

⁴ Теория государства и права: Учебник / Отв. ред. В. Д. Перевалов. С. 14.

⁵ Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р. А. Ромашова, В. П. Сальникова: В 3 . Т. 1 Изд. 2-е, доп. перераб. СПб., 2009. С. 24.

⁶ Например: Теория государства и права (схемы и коммента-

-
- рии): Учебное пособие / Под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2000. С. 17; *Теория государства и права* / Под ред. А. Г. Хабибулина, С. В. Мотина. Уфа, 2004. С. 8—9.
- ⁷ *Нижник Н. С., Семенова О. В., Стоцкий А. П.* Теория государства и права: Учебное наглядное пособие / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2020. С. 8.
- ⁸ *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: Учебник. С. 51.
- ⁹ *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права: Учебник для вузов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2000. С. 43.
- ¹⁰ *Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А.* Теория государства и права: Учебник для бакалавров. М., 2014. С. 438.
- ¹¹ *Крыгина И. А., Жуков Е. А.* Теория государства и права: Учебное пособие. Ростов-н/Д., 2018. С. 20.
- ¹² *Теория государства и права (схемы и комментарии): Учебное пособие* / Под ред. Р. А. Ромашова. С. 33.
- ¹³ *Теория государства и права: Учебник* / Отв. ред. В. Д. Перевалов. С. 53.
- ¹⁴ *Теория государства и права: учебник* / Под ред. А. С. Мордовца, В. Н. Синюкова. М., 2005. С. 47.
- ¹⁵ *Амануллина А. Ф.* Основы теории государства и права: Учебное пособие. Казань, 2022. С. 5.
- ¹⁶ *Теория государства и права: Учебник* / Отв. ред. В. Д. Перевалов. С. 53–56.
- ¹⁷ *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права: Учебник для вузов. С. 43-44.
- ¹⁸ *Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А.* Теория государства и права: Учебник для бакалавров. С. 437.
- ¹⁹ *Теория государства и права: Учебник* / Под ред. Р. А. Ромашова, В. П. Сальникова. С. 65.
- ²⁰ *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: Учебник. С. 51–52.
- ²¹ *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права: Учебник для вузов. М., 2002. С. 90.
- ²² *Профессиональная подготовка полицейских: Учебник: В 4 ч.* / Под общ. ред. В. Л. Кубышко. Ч. 1: Общепрофессиональный цикл. М., 2021. С. 19.

В. И. Ерыгина*

ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА И ВИРТУАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Одной из актуальных проблем современной юридической науки является влияние объективных процессов цифровизации различных сфер общественной жизни на формирование современного электронного государства и правовую систему.

Актуальность проблематики внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь граждан, сферу услуг, экономику, политику, право не вызывает сомнений. В научном сообществе уже давно и активно обсуждаются темы об искусственном интеллекте, о замене человека в высокотехнологичных отраслях производства роботами, о машиночитаемом праве и электронном государстве.

Идеи формирования электронного государства стали появляться в конце XX в. в США благодаря концепциям специалистов в области управления А. Ф. Хилла, Д. А. Маршана, Х. Р. Схементы и др. А. Ф. Хилл в 1993 г. сформулировал понятие «электронное государство как переходное состояние от традиционного бюрократического управления к высокоинтеллектуальному правлению». Ученый также предположил, что так называемое «открытое правительство» и «электронная технология» могут суще-

* *Ерыгина Виктория Ивановна* – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД имени И. Д. Путилина; преподаватель Инжинирингового колледжа Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук, доцент.

ственно улучшить доступность и снизить стоимость предоставления услуг. Но нет никакой гарантии, что это произойдет»¹. Новые коммуникационные технологии вызвали споры среди юристов по поводу применимости законов о неприкосновенности частной жизни и безопасности электронной почты, которые лишь предвосхищали те дебаты, которые, начались в научном сообществе «с ростом электронной доставки». Стоя у истоков происхождения электронного государства как результата развития интеллекта человека, американские ученые не могли не проанализировать риски для безопасности человека, конфиденциальности его личной информации и сохранения суверенной целостности традиционного государства².

Научные работы, посвященные идее электронного государства, появились уже в начале XX в., благодаря творчеству зарубежных ученых Дж. Нерона и Р. Хикса, которые писали о значимости для общества электронных технологий и возможных рисках при их применении³. Однако во многих странах попытки внедрения электронного государства потерпели неудачу в связи с тем, что отсутствовали как теоретические, так и практические предпосылки.

В зарубежной науке сложилось три направления исследования электронного государства:

– первое рассматривает данную идею в качестве новой модели политического развития общества (М. Малкия, Й. Пушел, Р. Саволайнен, К. Беллами, Дж. Тейлор);

– второе связывает электронное государство с развитием коммуникационных сервисов для населения (С. Бхатнагер, К. Андерсен, Р. Рейес, К. Шедлер, Л. Саммерматтер);

– третье представляет электронное государство как один из этапов эволюции государства (З. Фенга, Я. Х. Дрюке, Дж. Гарсон)⁴.

В научной литературе уже сложились концептуальные основы электронного государства. Так, по мнению Ю. А. Нисневича, «построение электронного государства – это не просто технологическое мероприятие по внедрению в работу системы государственного управления новейшей вычислительной техники, ИКТ, инфокоммуникационных систем и сетей ... – это идеологическая, правовая, организационно-кадровая и технологическая реорганизация системы государственного управления»⁵. В России толчком для активного исследования процессов цифровизации и их влияния на общество, государство и право явилась разработанная и принятая в 2010 г. Правительством Российской Федерации государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», в рамках которой действует подпрограмма «Электронное государство и эффективность государственного управления». Электронное государство подразумевает новый способ общения между властью и обществом, в основу которого положен демократический принцип верховенства народа и приоритет прав и свобод человека. Исходя из этих основополагающих принципов, государство служит народу, выполняя свои функции, оно фактически оказывает услуги населению, преобразовываясь из господина в слугу. Электронное государство предусматривает открытость власти, транспарентность его деятельности, ответственность и подотчетность населению. Государственные услуги стали максимально доступными для населения за счет создания единой системы информационных объектов, портала «Госуслуги» по типу «одного окна».

Таковыми же доступными и комфортными для населе-

ния становятся выборы как один из важнейших элементов демократии. В российской научной литературе очень активно рассматривается электронное голосование в контексте развития электронного государства как главное звено в системе электронной демократии. По мнению А. С. Киселева, данный вид голосования охватывает различные технологии автоматизации избирательного процесса⁶. Широкий доступ населения к продуктам цифровизации, включая Интернет, мобильную сотовую связь, которые окутали все общество невидимыми сетями, сделали доступными любые контакты, стерли фактически границы для общения, информирования, обучения. Современные результаты научно-технического прогресса способствовали установлению информационного равенства между людьми и организациями, достижению определенного жизненного стандарта и развитию демократии. Цифровые технологии на выборах привели к возрастанию уровня доверия избирателей к результатам голосования, а вслед за этим к органам государственной власти, органам местного самоуправления, к власти и государству в целом.

Целью внедрения цифровых технологий на выборах является построение новой модели виртуального или электронного государства. С одной стороны, данное государство обладает рядом достоинств таких, например, как доступность тех властных инструментов, с помощью которых быстро и эффективно решаются как вопросы управления, так и жизненно важные вопросы граждан, организаций, налаживается обратная связь от общества и граждан до наделенных властными полномочиями органов и должностных лиц. С другой стороны, виртуальность данного государства может привести к его призрачности, отсутствию реального общественного контроля за ним, замене действительного общения между властью и народом

в режиме офлайн онлайн-технологиями, когда ответы на жалобы граждан и обращения будут давать искусственные роботы, аватары. Голосование в виртуальной среде также может привести к замене реальных партий и кандидатов их электронными копиями, а фактически к обману избирателей, к подрыву их доверия в честные и открытые выборы.

Участие в выборах – это есть способ участия граждан в процессе управления государством. Если гражданин голосует электронным способом, значит, он также участвует в формировании электронного государства.

«Своеобразной гарантией устойчивости демократии, препятствующей проникновению в избирательный процесс коррупции, использованию административного ресурса и других нарушений, является цифровизация выборов, минимизирующая влияние субъективного фактора на электоральные правоотношения»⁷. Сейчас дистанционное электронное голосование рассматривается в основном как альтернативный дополнительный способ голосования, который проводится пока в виде эксперимента. Преимуществами этого способа голосования можно назвать гарантии равенства граждан и организаций, так как им может воспользоваться любой гражданин: как физически здоровый, так и инвалид. Доступность информации в Интернете, на сайтах государственных органов, органов местного самоуправления, опубликование результатов голосования на каждом избирательном участке способствуют повышению уровня доверия к власти. Комплексное восприятие публичного интереса и построение процедур на указанных принципах способны «повысить общую уверенность в демократическом процессе принятия решений и демократических институтах, а также улучшить качество решений в целом»⁸.

Итак, электронное государство – это новый вид государства, который объективно возник раньше, чем его научные разработки, так как информационные технологии развиваются стремительно, живут своей жизнью, а их познание человеческим разумом, нормативное правовое регулирование запаздывают. На наш взгляд, нельзя отождествлять электронное государство и электронное правительство, так как первое понятие более объемное и включает в себя использование онлайн-технологий во всех сферах взаимоотношения общества и государства: правотворческой, правоприменительной, правоохранительной, контрольной и др. А электронное правительство означает цифровизацию только государственных рутинных функций, перевод их на более упрощенную и доступную платформу, в частности, переход на электронный документооборот. Важным признаком электронного государства является виртуальная демократия, так как она предусматривает дистанционное общение между народом и органами государственной власти, удаленный доступ к информации, замену реальных форм непосредственного волеизъявления народа смс-сообщениями, личными кабинетами, чатами, искусственным интеллектом, роботами, которые дают ответы на обращения граждан и вытесняют самого человека из сетевого пространства.

© Ерыгина В. И., 2023

¹ *Making Government Work: Electronic Delivery of Federal Services.* Washington, 1993. P. 148. – <https://www.princeton.edu/~ota/disk1/1993/9333/9333.PDF> (дата обращения: 17.01.2023).

² *Ibidem.* P. 147.

³ *Nerone J. C. Last Rights. Revision of Four Theories of the Press.* Urbana, 1995. P. 151.

⁴ *Киселев А. С. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации в России и зарубежных странах.*

М., 2022. С. 41.

⁵ *Нисневич Ю. А.* Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. М., 2020. С. 198.

⁶ *Киселев А. С.* Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации в России и зарубежных странах. С. 86.

⁷ *Ерыгина В. И.* Цифровые технологии на выборах как фактор устойчивого развития демократии // Избирательное законодательство и практика. 2022. № 3. С. 45.

⁸ *Румянцев О. Г.* Векторы настройки механизма принятия политических решений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 5. С. 11–12.

*Е. А. Осадчук**

НЕТИПИЧНЫЕ ВЕТВИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Активное развитие организационно-функциональных аспектов существования общества эпохи постмодерна предопределяет трансформацию представлений о традиционных условиях государственного образования. Многие из современных ученых отмечают, что для современных государств принцип разделения властей рассматривается как определяющий в организации государственного механизма. Между тем, положение о существовании в государственном механизме только законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти вызывает сомнение. Ряд исследователей (Д. Керимов, Ю. Оборотов, В. Чиркин и др.) обосновывают необходимость формирования новых отраслей власти и модификацию традиционных.

Теория разделения властей занимает значительное место в современной юридической и социально-политической литературе, но и в многочисленных исследованиях нет единого мнения о необходимом количестве ветвей власти.

На сегодняшний день концепция разделения властей продолжает развиваться и совершенствоваться, но базис для всей теории был заложен именно в XVIII–XIX вв. Раз-

* *Осадчук Екатерина Александровна* – доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Симферополь), кандидат юридических наук.

деление власти не является конкретным шаблоном, одинаково реализованным во всех государствах, конкретное воплощение принципа разделения власти предопределяется конкретными условиями времени и места, в том числе, существенно зависит от формы конкретного государства (формы правления, формы территориального устройства и политического режима), исторических, политических и культурных традиций. Первоначальный вариант Дж. Локка и Ш. Монтескье о четком разделении власти между органами государственной власти вызвал и вызывает сомнения в возможности реализации в современном государстве¹.

Теория разделения властей различными способами трансформируется в разных государствах. Причиной такого плюрализма есть «национальная специфика, равно как и факторы, влияющие на процесс применения теории разделения властей в той или иной стране, обуславливаются особенностями развития данной страны, характером и уровнем развития ее государственного механизма, экономики и общества»².

Название нетипичные ветви власти можно аргументировать двумя реально существующими фактами:

1) новые ветви государственной власти не существовали в классической теории разделения властей Локка и Монтескье;

2) та или иная новая ветвь государственной власти присуща конкретному государству, в отличие от классических – законодательной, исполнительной и судебной, присущих государству, в котором реализуется принцип разделения властей.

Существуют и другие вариации названия данных ветвей государственной власти: например, встречаются понятия «нетрадиционные ветви власти», «неклассические

ветви власти». Данные термины отражают лишь новизну выделения данных ветвей власти как несвойственных классической (трехчастной) модели разделения властей, но не характеризуют специфику существования и реализации таких ветвей власти во множестве существующих государств³.

Основная проблема определения, что такое нетипичные ветви власти, вызывает и отсутствие единых критериев, что же считать ветвью власти?

В. Е. Чиркин, анализируя данное понятие, объясняет, что «мыслители XVII–XVIII вв., выдвинувшие идею разделения властей... не определили самого понятия «ветвь власти». Они лишь пользовались этим термином как описательным (ветви единого дерева)». Как восполнение данного пробела исследователь приводит следующие признаки ветви власти:

1) каждая ветвь власти (то есть отрасль – в переводе с европейских языков) предполагает существование особых специализированных и однородных государственных органов, занимающих свое место в целостном государственном аппарате, и выполняют определенную работу по управлению государством;

2) государственные органы каждой ветви власти должны быть самостоятельны при выполнении своих специфических задач, они не подчинены никаким другим органам;

3) ветвь власти – это не просто совокупность органов, а структура в государственном механизме;

4) ветвь власти – это организационно-юридическая форма (трансформация) определенного государственного аппарата управления в обществе;

5) каждой ветви власти присущи специфические формы, методы и процедуры ее деятельности. На основа-

нии перечисленных признаков, ученый приводит вариант определения ветви власти – это «обособленная организационно-функциональная структура в целостном механизме осуществления государственной власти»⁴.

Л. А. Голубева указывает, что «ветвь государственной власти – это совокупность государственно-властных полномочий, урегулированных самостоятельными и однородными государственными органами, представляющими собой обособленную структуру в государственном механизме и которые осуществляют свои функции в рамках специфических форм, методов и процедур с целью повышения эффективности государственного управления»⁵.

Анализ юридической научной литературы позволяют нам утверждать, что в условиях современного государства прежняя триада власти оказывается недостаточной.

В некоторых странах, наряду с существованием принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную выделяют также избирательную власть, которая организует должным образом выборы и референдум, обеспечивая свободное и адекватное волеизъявление граждан.

Это связано со значимостью гуманистической составляющей в современных процессах организации жизни общества. Большинство существующих конституций мира обосновывает положение, что верховным носителем всей полноты государственной власти выступает народ, а непосредственной формой ее реализации выступают выборы и референдум. Фактическая реализация этого конституционного положения осуществляется благодаря функционированию особой системы органов, которые наделены исключительными полномочиями, а процесс и результат их деятельности имеет юридическое значение и подлежит нормативной регламентации.

В современной литературе отмечается, что три фундаментальные ветви власти должны быть дополнены инструментами контроля и сдерживания любой из них, поскольку нет ничего опаснее, чем бесконтрольная власть.

По мнению В. В. Тароевой, развитие контрольной области государственной власти предполагает, что существуют такие органы государства, которые осуществляют контрольную деятельность и не должны быть подчинены какой-то другой ветви власти, поскольку каждая ветвь государственной власти связана с осуществлением определенной функции. При этом система органов контрольной отрасли власти, сохраняя определенное иерархическое и функциональное единство, может быть рассредоточена. Для деятельности органов контрольной ветви власти характерно общегосударственное, а не ведомственное назначение, поскольку контрольная власть обусловлена контролирующей деятельностью государства, а саму власть осуществляют разнородные органы, то проблема заключается в том, чтобы обеспечить конституционное единство контрольных органов в механизме государства, их центрирование, что обеспечит институциональную самостоятельность контрольной области государственной власти⁶.

Следующим является анализ возможностей выделения в самостоятельную нетрадиционную ветвь власти – президентскую власть. С учетом трансформационных процессов современности, следует указать на особую роль, которую играет в системе организации и функционировании власти президент государства.

В связи с концепцией, предусматривающей отделение президента от ветви исполнительной власти (правительства) и характеризующей его только как главу государства, также встает вопрос о возможности особой ветви

власти – арбитражной. В Конституции Франции 1958 г. говорится, что президент своим арбитражем обеспечивает нормальное функционирование публичных властей (ст. 5).

Таким образом, необходимо принимать во внимание динамику развития современного мира, которая характеризуется трансформационными процессами как у организации нетипичных форм правления, так и у совпадающих с ними нетипичных моделей разделения властей. Указанные процессы оказывают прямое влияние на организацию и функционирование механизма современного государства.

© Осадчук Е. А., 2023

¹ Голубева Л. А. Нетипичные ветви государственной власти в механизме современного государства: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 104.

² Сапельников А. Б., Честнов И. А. Теория государства и права: Учебник. СПб., 2006. С. 114.

³ Голубева Л. А. Нетипичные ветви государственной власти в механизме современного государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 8.

⁴ Чиркин В. Е. Основы государственной власти. М., 1996. С. 76.

⁵ Голубева Л. А., Чернооков А. Э. Сравнительное государственное устройство: Учебник для высших учебных заведений. СПб., 2009. С. 284.

⁶ Тароева В. В. Институты контрольной власти в современной Украине: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2010. С. 1–3.

И. В. Глазунова*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Суверенитет – это качественное свойство как самого государства, так и государственной власти, которой оно обладает. Суверенитет присущ любому генеративно-политическому образованию (государству); он обладает единством, верховенством, абсолютностью и неделимостью. Суверенитет-это обязательный признак государства¹.

Вопрос о сохранении государственного суверенитета в финансовой сфере приобретает в последнее время все большую актуальность, что обусловлено рядом обстоятельств. Западная парадигма мироустройства стремится отойти от существования суверенных государств, направлена на создание противоположной государству форме общежития людей – гражданскому обществу. Переход к гражданскому обществу возможен путем десуверенизации государств, вовлечению их в общее бесшовное финансовое пространство. Отказ России от своего суверенитета приведет к разрушительным процессам во всех сферах жизнедеятельности людей.

В современном мире кроется ряд существенных проблем. Среди них наиболее распространенными являются разрушение логистических цепочек, разрыв экономических, невозможность замкнутого воспроизводства жиз-

* *Глазунова Ирина Васильевна* – доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.

ненно-важных товаров, дефицит бюджета и т. д. Разрешение этих проблем возможно при обращении к такому фундаментальному понятию как «государственный суверенитет».

Проблематике государственного суверенитета уделяется внимание представителями вертикали государственной власти², дискуссии ведутся также среди представителей российской юридической науки³. Среди высказываний представляются интересными мнения А. Г. Силуанова, М. С. Орешкина, Э. С. Набиулиной, О. Ю. Болдырева, И. М. Ильина, Н. В. Омелехиной и др.

Не меньшую актуальность на фоне обозначенных проблем приобретает вопрос о создании механизма защиты финансового суверенитета государства.

Министр финансов России А. Силуанов определяет финансовый суверенитет как «жизнь по средствам, а не с протянутой рукой». Особенно он выделил важность независимости бюджета от внешних источников финансирования его дефицита. М. Орешкин заявил, что «финансовый суверенитет – это способность достигать всех поставленных целей в политике и экономике независимо от внешних факторов»⁴.

Государственный суверенитет в сфере финансов и кредита – это свойство государственной власти, проявляющееся в ее автономности, независимости, устойчивости, стабильности и направленное на обеспечение национальной безопасности. Финансовый суверенитет характеризуется подвижностью и изменчивостью. Государство всегда стремится к обеспечению своего суверенитета, к его стабилизации. Тем не менее, определенные складывающиеся общественные отношения могут выступать в качестве внутренних и внешних угроз, подорвать стабильность финансового суверенитета государства, дезорганизовать

его. В научной литературе отмечается, что финансовый суверенитет необходим Российской Федерации для утверждения ее субъектности⁵.

При обеспечении финансового суверенитета России возникает множество проблем, представляющих собой риски и угрозы для устойчивости финансовой системы государства. В первую очередь такой угрозой выступают экономические санкции, наложенные коллективным Западом на Россию в целях уничтожения ее финансовой системы, утраты собственной независимости и самостоятельности. Безусловно, санкции сразу же после введения негативно влияют на стабильность финансовой системы Российской Федерации, однако в отдаленной перспективе действие санкций может приобрести положительное значение. Еще в 2018 г. Президент России В. В. Путин заявил: «Я иногда думаю, что было бы хорошо для нас, если бы те, кто хочет вводить санкции, ввели бы все санкции, которые только можно ввести, и как можно быстрее. Это развязало бы нам руки для защиты своих национальных интересов такими средствами, которые мы считаем наиболее эффективными для нас»⁶.

Например, такой внешней и одновременно внутренней угрозой для финансового суверенитета Российской Федерации может выступать долларизация российской экономикой. Несмотря на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации денежной единицей в Российской Федерации является рубль, в реальной жизни экономика России очень насыщена долларами, которые выступают в качестве универсальной мировой валюты. Ввиду такого особого статуса доллара любая его изменчивость сразу же сказывается на состоянии российской экономики. В качестве ответа на такой вызов может выступать процесс дедолларизации, однако нельзя

с уверенностью сказать, является данный процесс положительным либо отрицательным. По этой причине дедолларизация тоже может рассматриваться как угроза для финансового суверенитета. Тем не менее, Российская Федерация, уже давно применяет ряд мер, направленных на «уход» от доллара. Но в настоящее время невозможно принципиально разрешить вопрос о дедолларизации экономики ввиду ряда факторов⁷. Процесс дедолларизации сопровождается рядом негативных факторов, однако он направлен на создание системы многополярного мира⁸.

В качестве внутренней угрозы для финансового суверенитета России можно рассматривать процесс взимания дополнительных налогов с компаний, получающих сверхдоходы, с компаний, которые входят в так называемый список Белоусова. Данные фискальные меры, применяемые государством, не в полной мере соответствуют той модели налогов и сборов, которые заложены в п. 1 и 2 ст. 8 Налогового кодекса Российской Федерации, соответственно. В условиях внешнего давления на финансовую систему нашего государства, невозможности в полной мере насытить бюджет России, понятно желание и стремление некоторых чиновников прибегнуть к таким способам. Однако возникает вероятность того, что данные единократные поступления в бюджет по мере обострения межгосударственных отношений и усиления внешнеполитической напряженности могут перерасти в постоянные, что не будет отвечать принципам, заложенным в НК РФ, что в конечном итоге сможет привести к правовой неопределенности и потере финансового суверенитета⁹.

Не менее важными обстоятельствами, влияющими на обеспечение финансового суверенитета, выступает процесс глобализации и связанное с ним возникновение межгосударственных интеграционных структур. Российская

Федерация как субъект международного права участвует в ряде интеграционных образований. Например, в таких как ВТО. Участие в данной организации напрямую связано налаживанием экономических связей в рамках этого мирового интеграционного образования. Россия долго стремилась войти в ВТО, и вот уже более 10 лет состоит в данной организации. Вступив в данную организацию, Россия взяла на себя ряд обязательств по уменьшению налоговых пошлин на ввозимые товары и на обеспечение доступа на свой рынок компаний, оказывающих услуги, что позволяет сказать о том, что Россия принимает меры по «негативной интеграции». Данный вид интеграции нельзя однозначно оценить ни как положительный, ни как отрицательный. Более того Президент России В. В. Путин заявил на фоне вводимых против России санкций: «Не говорю уже о таких вещах, как приверженность принципам Всемирной торговой организации, – они просто выброшены на помойку»¹⁰.

Ввиду данных обстоятельств очень важное значение приобретает вопрос об обеспечении финансового суверенитета в условиях нарастающих внутренних и внешних угроз. Ответом на такие вызовы может служить механизм защиты финансового суверенитета.

Механизм защиты финансового суверенитета государства представляет собой систему, состоящую из совокупности организационно-обособленных, взаимозависимых политико-правовых инструментов, действие которых направлено на воспроизводимость, восстанавливаемость, устойчивость и независимость данной системы.

В качестве политико-правового инструмента для такого федеративного государства, как Россия, выступает централизация финансовой системы. Признание суверенитета за субъектами федерации и децентрализация фи-

нансовой системы приводят к сецессии регионов и распаду государства. Полнота финансового суверенитета зависит от степени включенности субъектов федерации в финансовую систему. В связи с этим необходимо как можно скорее и качественнее расширить влияние финансовой системы России в новых субъектах Российской Федерации: ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях.

Наряду с этим для обеспечения финансового суверенитета должна быть предусмотрена и поддерживаться на практике федеральная интервенция, рассматриваемая как возможность федеральной государственной власти пресекать деятельность региональных властей, направленную на субъектное обособление. Важно отметить, что федеральная интервенция не выступает в качестве меры ответственности, она направлена на восстановление конституционного порядка и обеспечение законности¹¹.

Для обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации должны быть созданы правовые институты в финансовом и налоговом праве, которые правильно учитывали соотношение частноправовых и публично-правовых интересов, обеспечивая в поступательное развитие социально-ориентированной рыночной экономики.

По мнению некоторых исследователей, для предотвращения внутренних угроз, подрывающих финансовый суверенитет России, следует ужесточить уголовную ответственность за коррупционные преступления, усилить контроль и укрепить взаимодействие контрольных и надзорных органов, повысить уровень прозрачности перемещения финансовых средств¹².

Таким образом, «финансовый суверенитет» – это важное юридическое понятие, требующее смыслового уточнения и правового обеспечения ввиду возрастающих обстоятельств, способных угрожать устойчивости финансовой

системы государства. Средством преодоления нестабильности служит механизм защиты финансового суверенитета. Можно констатировать наличие объективной сложности и многогранность проблемы обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации, что обусловлено как ростом санкционного давления на Россию со стороны коллективного Запада, так и особенностями построения и устройства самой финансовой системы Российской Федерации.

© Глазунова И. В., 2023

¹ Палиенко Н. И. Суверенитет: историческое развитие идеи народного суверенитета и ее правовое значение. М., 2021. С. 438.

² Маврина А. В. В правительстве назвали финансовый суверенитет основой для повышения престижа российской экономики и валюты на глобальном рынке // Российская газета. 2022. 8 сентября.

³ Ильин И. М., Харитонов И. К. Конституционные основы финансового суверенитета России // Казанская наука. 2015. № 11. С. 218–222; Болдырев О. Ю. Конституционно-правовые проблемы обеспечения экономического суверенитета: Россия, зарубежный опыт: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 5; Омелехина Н. В. Финансовый суверенитет государства: к постановке проблемы исследования правовой идентификации // Финансовое право. 2017. № 4. С. 12–21.

⁴ Ведомости: официальный сайт. – <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/09/09/940048-dozirovannii-finansovi-i-suverenitet> (дата обращения: 22.02.2023).

⁵ РИА «Новости»: официальный сайт. – <https://ria.ru/20181003/1529894542.html> (дата обращения: 22.02.2023).

⁶ Андреева О. В. Технологический и финансовый суверенитет Российской Федерации: проблемы, противоречия, механизм обеспечения // Journal of Economic Regulation. 2014. Т. 5. № 4. С. 126–135.

⁷ Гусев К. Н. Дедолларизация Российской экономики: старая проблема, новые решения? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 6(6). С. 125–131.

⁸ Молдован А. А., Кузнецова Н. Ю. Дедолларизация российской экономики // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 10(26). С. 799–804.

⁹ Ведомости: официальный сайт. – <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/08/10/777892-spisok-belousova-vzimaniya-sverhdohodov-mozhet-dopolnen> (дата обращения: 16.09.2023).

¹⁰ РБК: официальный сайт. – <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2022/62e7a8f59a7947c14acbe997> (дата обращения: 16.09.2023).

¹¹ Нерсисян А. Г. Федеральная интервенция в Российской Федерации (конституционно-правовые основы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 15.

¹² Трифонова Ю. В., Рафикова В. М. Экономическая безопасность в России: правовая основа и меры по ее обеспечению // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 88-2. С. 82–84.

Б. В. Змерзлый*

А. А. Киров**

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ИХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

При постановке задач и целей работы важным элементом научного исследования является не только определение используемого инструментария, но и имеющихся научно-теоретических подходов, представленных в современной науке, с их критическим осмыслением, оценкой возможности применения в рамках исследования; выявление отправных точек, временных, территориальных, нормативных границ, сущности используемых условных и безусловных терминов и понятий.

Процесс, причины, закономерности, общие и особенные черты возникновения и развития государства и права как в целом, так и в отдельных регионах интересовали исследователей на протяжении веков. Данным аспектам посвящено множество научных изысканий, теорий, подходов, индивидуальных точек зрения. Многие из них прошли сложный путь от отрицания к признанию и наоборот. Некоторые занимали или занимают главен-

* *Змерзлый Борис Владимирович* – профессор кафедры истории и теории государства и права Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь), доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор.

** *Киров Андрей Андреевич* – аспирант кафедры истории и теории государства и права Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь).

ствующее место в правовых и политических доктринах; большинство изучаются и обсуждаются не только в рамках образовательной среды, но и в широком научном дискурсе.

При этом обычно важнейшей задачей всех имеющихся теорий в науке государства и права является выявление, установление и обоснования таких вопросов как возникновение государства и права, направлений их эволюции, особенности развития государства и права на конкретных исторических периодах, государственно правовых и политических условиях. Не последнее место в данных изысканиях занимает и региональный дискурс – определение специфики возникновения и эволюции государства и права в тех или иных регионах, выделяемых по различным признакам (географическим, культурным, этническим, религиозным и т. п.).

В данном – региональном – дискурсе отдельное место занимает комплекс вопросов, связанных с уровнем (степенью) взаимовлияния народов, государств, на эволюцию государства и права друг друга. Безусловно, вывести какую-либо единую формулу в данном случае практически невозможно, в первую очередь, из-за поливариативности данных процессов, специфики, иногда неповторимой, складывающейся в тех или иных регионах взаимоотношений не только все группы государств, но и между их подгруппами, отдельно взятыми двумя, тремя странами; установления степени взаимовлияния, превалирования на том или ином этапе конкретной модели и т. д. Основная причина тому – широчайший спектр взаимоотношений, проведение полного анализа которого, как и выявление всех сфер и уровней влияния, которые иногда действуют по принципу маятника, практически невозможен.

В то же время нельзя отрицать и возможности при использовании широчайшего современного научного инструментария установления основных оставляющих данного процесса.

Очевидно, в ходе изучения поставленного вопроса необходимо опереться на мнения авторитетных ученых, которые зачастую принято считать классическими, в том числе и благодаря используемому ими методу широкого обобщения – анализа, с опорой на исторический опыт государственно-правовых наук.

Т. В. Кашанина – автор «теории специализации», выделяет такие эволюционные закономерности права: увеличение удельного веса (плотности) правового регулирования; усиление специализации правового регулирования; повышение детализации права; ускорение динамизма права; повышение степени абстрактности права; разрастание массива регулятивных норм; повышение юридико-технической оснащенности права¹.

Указанные закономерности, очевидно, можно найти в эволюции основных государственно-правовых систем, так как они являются универсальными и позволяют с учетом выделенных Т. В. Кашаниной направлений перейти от общего частному, от абстрактного к конкретному.

Сложно не согласится и с тезисами Н. В. Разуваева, которые он выдвинул в своей докторской диссертации. Так, считает автор, что «государство как феномен социальной реальности представляет собой объективацию элементов intersubъективного опыта членов общества, осуществляемую в складывающихся между ними взаимодействиях и закрепляемую в различных (прежде всего знаково-символических) формах». При этом, очевидно, автор под знаково-символическими формами имел в виду не только писанные нормы права (религиозные, государ-

ственные и иные), но и те, собственно символы, которые для человека и общества олицетворяют общество, государство, порядок и т. п. Также автор считает, что «свойства государства представляют собой результат упорядочения и обобщения (типизации) социального опыта, осуществляемого общественным сознанием различными способами, в том числе посредством научного осмысления соответствующих явлений, их закрепления в действующем законодательстве»².

П. М. Рабинович, раскрывая механизм проявления социальных и экономических закономерностей в правовой сфере, формулируя общее понятие «государственно-правовая закономерность», дает классификацию государственно-правовых закономерностей по различным основаниям:

- системному расположению в социальном пространстве (внешние и внутренние закономерности);
- историческим пределам действия (всеобщие, общие и особенные);
- степени охвата государственно-правовой сферы (общие и частные);
- типу связей государственно-правовых явлений (статические и динамические)³.

При этом не следует забывать и то, что каждое государственно-правовое явление вызвано к жизни необходимостью государства осуществлять свои функции, без чего такое государство, в лучшем случае, требует модернизации.

Напомним, что согласно мнению авторитетного ученого и педагога Н. А. Власенко, «функции государства – это основные направления его деятельности с целью управления делами общества, выражающие его сущность и социальное назначение. По большому счету, функции

государства отвечают на вопрос, чем занимается государство, его органы, какие цели стоят перед ним, что оно решает»⁴. Количество осуществляемых государством функций, оперативность и качество их выявления, эволюции и выполнения во многом определяют его жизнеспособность.

Затронув вопрос функций государства, следует использовать общеизвестный теоретический конструкт «от общего к частному» и его зеркальную проекцию, которые, в силу своей теоретичности и общности, не могут задавать конкретные рамки «общего» и «частного», что устанавливаются исследователем каждый раз особо, исходя из поставленной перед ним проблемы, глубины ее познания и раскрытия.

Вряд ли оспоримо утверждение, согласно которому бесконечное множество частных может стать более существенным базисом для выявления «общего», как минимум, в рамках конкретной подсистемы или системы, в том числе и государственно-правовых отношений.

Исходя из данного конструкта, можно предположить необходимость для получения более объективного научного результата углубленное изучение частных, которые составляя многоступенчатую общность взаимодействующих между собой подсистем, позволяют более точно выявить общие характеристики, рамки, пути развития, специфику и жизнеспособность каждой отдельной системы, возможности и способы ее места и взаимодействия с иными, структурно, а иногда и парадигмально отличными системами более высшего, низшего и параллельного уровней.

В контексте указанного, выявление и изучение общего и особенного в теории и практике государственного строительства, эволюции государств Балтийского региона

должно отталкиваться, в первую очередь, на выявление и определение множества частных государственно-правовых конструкторов, их соотношения, взаимосвязи, сходности или отличия. Данный подход в полной мере позволит выявить общее и частное, действия общих и особых законов развития государства и права, государственных структур и их подсистем, общественных отношений.

Одним из условных терминов, применяющихся в исследовании, является «Балтийский регион». При весьма широком его признании и употреблении сегодня в научной и политической среде данное понятие весьма неоднозначно, так как под этим может подразумеваться территориально-географический регион северо-западной Европы, так и в различных вариациях группа стран, выделенных по какому-либо признаку, экономический регион, культурно-цивилизационная общность и т. п. Объединяет все упомянутые подходы принадлежность или близость стран, народов, событий к Балтийскому морю, которое тоже, правда, на различных языках и в различные исторические этапы носило разные названия⁵.

Отсутствует единство в определении территориальных границ Балтийского региона, что, очевидно, обусловлено применением различных подходов и задач в каждом конкретном случае (культурным, этническим, экономическим, политическим, географическим и т. п.), исходя из целей и задач, стоящих перед автором, работой и т. п. При этом, безусловно, существуют такие относительно общепринятые и употребляемые общепонятном контексте термины как «Балтийское Поморье», «Прибалтика», «Скандинавия» и т. д.

На современной политической карте мира, на побережье Балтийского моря находится 9 государств. Кроме

того, тяготеют в той или иной степени (культурно, политически, экономически) еще ряд стран, среди которых Норвегия, Исландия, Беларусь, Украина и иные.

Свое видение Балтийского региона есть и у членов Совета государств Балтийского моря, созданного в 1992 г.⁶

В некоторых случаях, ученые выделяют те регионы стран Совета государств Балтийского моря, которые имеют наиболее тесные связи и зависимости с Балтийским регионом. В России, к примеру, к таковым относятся отдельные области – Калининградская, Новгородская, Ленинградская, Псковская, Мурманская, Санкт-Петербург, Республика Карелия и т. д.⁷ Одним из критериев, «расширенного» или «узкого» толкования, ученые выдвигают содержание понятия «Балтийское море», «физико-географическое определение Балтийского региона», «Определение 50- и 200-километровой зон "притяжения" Балтийского моря»⁸.

Впрочем, само понятие «Балтийский регион», не является устоявшимся, а продолжает активно развиваться, уточняться дополняться, а условия этого процесса диктует эволюция комплекса различных его составляющих, точки зрения участвующих в процессе сторон, эволюции правовых, экономических, политических, общественных и иных отношений.

Данный тезис подтверждается активной научно-исследовательской деятельностью, направленной именно на изучение Балтийского региона, многочисленных, специализированных и общеобразовательных учреждений, среди которых Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта⁹, вовлекающий в свои исследования и ученых стран региона; Dansk institute for internatinala studier – DIIS (Датский институт международных исследо-

ваний)¹⁰, что достойно отображено в исследованиях его научного коллектива; в Финляндии активное участие в изучении проблем Балтийского региона с 2006 г. принимает Институт внешней политики (Ulko poliittinen instituutti – UPI или FIIA), что можно проследить по его отчетам¹¹; Шведский институт, действующий в Стокгольме и Париже¹²; Polski Instytut Spraw Międzynarodowych¹³ (Польский институт международных дел), а также иные научно-исследовательские учреждения.

Отдельно следует упомянуть столь авторитетный межгосударственный региональный орган, как Совет министров Северных стран, который непосредственно занимается выявлением и разрешением общих проблем региона¹⁴.

На современном этапе вопросы и проблемы, связанные с Балтийским регионом, весьма актуальны для всех заинтересованных сторон и стран, а уровень их взаимодействия и взаимопонимания на самых различных направлениях лишь продолжает развиваться и углубляться как на местных (региональных), так и международных площадках.

При этом история этих взаимоотношений и взаимовлияния уходит корнями в период становления этносов и государственности в регионе и практически не прерывалась даже в периоды конфронтации.

Одним из важнейших направлений взаимного влияния, очевидно, является право. Будучи непосредственными соседями, участвуя как в индивидуальной, так и общей экономической и политической жизни, сложно было бы ожидать в условиях эволюции государства и права отсутствия каких-либо заимствований, правового и организационного опыта на том или ином конкретном исто-

рическом отрезке, эволюции правовых механизмов и правотворчества.

Так, к примеру, влияние Русской правды на развитие права Великого княжества Литовского и Польши сегодня неоспоримо¹⁵, как неоспоримо и влияние привнесенного из Западной Европы, в том числе через страны Балтии, магдебургского права на правовую организацию жизни российских городов¹⁶. Также можно отметить коллективное участие в развитии торгового права городов Ганзейского союза, в который входили Великий Новгород, Псков и Рига, с последующей экстраполяцией данных норм на торговое право соответствующих стран.

Эпоха реформ Петра I сыграла особую роль в данном процессе. Среди множества преобразований отдельно следует отметить творческие заимствования норм права Швеции, как страны с наиболее современным, развитым и систематизированным законодательством, при создании наиболее современных российских норм военного и торгового права.

Будучи знакомым с законодательством различных стран Европы, в которых сам царь неоднократно бывал, реформатор собирал, анализировал и выделял, по его мнению, наиболее важные, уместные и необходимые правовые подходы при разработке законодательства.

Наиболее известно влияние норм шведского права, к примеру, из Военного артикула Густава II Адольфа на соответствующий российский артикул. Отдельно можно упомянуть устав Морской (1720), Генеральный регламент (1720) и регламент Главного магистрата (1721).

А. Г. Маньков так упоминает о подобных процессах: «Следующий момент – свидетели и их место в процессе. Из шведского права заимствованы положения о способах представления сторонами свидетелей, о подозрительных

свидетелях, о лишении права быть свидетелями несовершеннолетних (до 20 лет), умалишенных, лиц, имеющих сведения о деле от посторонних; а также признание общей ссылки истца и ответчика на одного свидетеля, как достаточной, а показаний свидетеля одной стороны – за половину доказательства. Последнее подкреплено ссылкой на указ 1697 г. и шведский закон. Из шведского же права заимствованы присяга свидетелей, процедура допроса свидетелей и его оформление, образ действия судей в случае разноречивости свидетельских показаний и согласия между истцом и ответчиком, порядок апелляций (применительно к русскому судоустройству)¹⁷. При этом ученый справедливо замечает, что «заимствование иностранного опыта, прежде всего в области военного устройства и военного законодательства, было широко распространенным явлением в Европе»¹⁸.

О влиянии или хотя бы изучении зарубежного (шведского, немецкого, французского) организационно-правового опыта писали в своих трудах и иные ученые – Д. А. Редин¹⁹, П. О. Бобровский²⁰, М. П. Розенгейм²¹.

О влиянии на формирование комплекса отечественных норм, связанных с торговым мореплаванием, и морского права, известно достаточно мало, а имеющиеся данные весьма фрагментарны.

После смерти Петра I Россия долго не предпринимала существенных как военных, так и законодательных подвижек в Балтийском регионе (вплоть до конца XVIII – начала XIX в.), в то же время введенные Петром I общеимперские нормы со «шведской предысторией» как применявшееся на присоединенных прибалтийских землях (Прибалтика, часть Финляндии) и непосредственно шведское морское право продолжали активно восприниматься и творчески развиваться в России, не только из-за посто-

янного его использования во внутреннем и внешнем обороте, но и по причине определенного застоя на местном уровне в данном процессе.

Отдельно следует указать на то, что впервые при Петре I появились, а в последующие годы – творчески развивались, не всегда закрепленные законодательно в России нормы, регулирующие вопросы деятельности лоцманов (архангельских, Санкт-Петербургских, Рижских), маяков, торговых портов и их администрации, профессиональные требования к морякам, обеспечение безопасности судоходства. Создание военно-административной структуры в виде Адмиралтейства, учебных заведений для штурманов, которые занимались подготовкой кадров для военного и гражданского флота, а их выпускники приносили с собой в отдаленные уголки страны современные теоретические и правовые знания – создало задел внутреннего развития и совершенствования системы.

Безусловно, в данном случае преувеличение роли шведского морского права и практического опыта недопустимо, так как в Балтийском регионе расположено еще одно государство с богатыми морскими и государственно-правовыми традициями – Дания, игравшее вплоть до середины XIX в. одну из ведущих ролей в эволюции регионального морского права, особенно, если учитывать, что в ее состав входила до начала XIX в. не только Норвегия, на основе личной унии, но и принадлежавшие ей Гренландия и Фарерские острова.

Данные государства, соперничая между собой во многих вопросах, вели активную политику по совершенствованию внутреннего законодательства, особенно в той его части, что касалась организации и деятельности военного и торгового флотов, их безопасности. Наиболее удач-

ные правовые нормы Дании и Швеции применялись и иными государствами региона.

Присоединение по результатам Российско-Шведской войны в 1808 г. к России Финляндии с предоставлением ей широких автономных прав, возможности сохранения и использования ранее действовавших норм, то есть шведских, лишь ускорило процесс их познания в России, особенно с учетом расположения на территории Великого княжества Финляндского части балтийских военно-морских сил.

Таким образом, Балтийский регион, в лице Дании и Швеции, долгое время представлял собой место выработки, применения и распространения на иные страны наиболее современных норм права, в том числе и морского, а также относящегося к вопросам организации управления различными сферами безопасности и деятельности морского транспорта. В то же время нельзя считать применение датских и шведских норм слепым и безоговорочным копированием, так как в вопросах внутренней политики все страны региона были независимы, развивали исторически сложившиеся модели государственности, административного и политического устройства. Однако выявление основных правовых компонентов, путей, способов и направлений данного процесса, правового взаимодействия в конкурентных отраслях права является необходимой задачей правовой науки.

© Змерзлый Б. В., Киров А. А. 2023

¹ *Кашанина Т. В.* Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12(85). С. 44–53.

² *Разуваев Н. В.* Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2016. С. 13–15.

³ *Рабинович П. М.* Основы общей теории права и государства:

Учебное пособие. Изд. 7-е, с изм. Харьков, 2005.

⁴ Власенко Н. А. Теория государства и права: Учебное пособие для бакалавриата. 3-е изд., доп. и испр. М., 2023.

⁵ Дини П. У. Гипотезы, касающиеся названия Балтийского моря // Администрация ГО «Город Калининград». История города. – https://www.klgd.ru/city/history/almanac/ab_7.php (дата обращения: 11.02.2023); Зита Субачене. Каково настоящее название моря? // Администрация ГО «Город Калининград». История города. –

https://www.klgd.ru/city/history/almanac/ab_4.php (дата обращения: 11.02.2023); В. Н. Топоров. Балт // Администрация ГО «Город Калининград». История города. – https://www.klgd.ru/city/history/almanac/ab_6.php (дата обращения: 11.02.2023); Дини П. У. Балтийские языки. М., 2002. С. 27–33.

⁶ Корнеев В. Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // Космополис. 2008. № 2(21). С. 68–77.

⁷ Руус Н. Й. А., Кубина Н. Е., Фарафонова Ю. Ю. Возможности обеспечения устойчивого экономического развития приморских территорий региона Балтийского моря в условиях цифровой трансформации // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 2. С. 10.

⁸ Клемешев А. П., Корнеев В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия Балтийский регион // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 4. С. 16.

⁹ Корнеев В. Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // Космополис. 2008. № 2(21). С. 68–77.

¹⁰ Sikkerhedsudfordringer i Østersøregionen. – Sikkerhedsudfordringer i Østersøregionen | DIIS (www-diis-dk.translate.goog) (дата обращения: 17.02.2023).

¹¹ FIIA REPORT. SYYSKUU 2019/61. – Suomen huoltovarmuus ja Baltian alue: Tiivistyvät yhteydet muuttuvassa turvallisuusympäristössä (fii.fi) (дата обращения: 11.02.2023).

¹² Si. Svenska institutet. – Samarbete i Östersjöregionen-Svenska institutet (si.se) (дата обращения: 11.02.2023).

¹³ Górká-Winter B. Miejsce państw bałtyckich w europejskiej architekturze bezpieczeństwa – perspektywy // Biuletyn – Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. 2002. № 46. P. 479–482.

¹⁴ Совет министров Северных стран // Сотрудничество

Совета министров Северных стран в регионе Балтийского моря. Северное сотрудничество – www-norden-org.translate.google.com (дата обращения: 11.02.2023); *Гефт А. Б., Лосев С. А.* Основные направления деятельности в Совете государств Балтийского моря // Восемнадцатые Петровские чтения (история, политология, социология, философия, экономика, культура, образование и право): Материалы всероссийской научной конференции с международным участием / Петровская академия наук и искусств, Отделение исторических наук. СПб., 2017. С. 91–97; *Журавель В. П., Иванов С. М.* Взаимодействие государств Балтийского моря в сфере региональной безопасности // Вопросы безопасности. 2018. № 1(21). С. 40–46.

¹⁵ *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1568 г. о личной и семейной ответственности при уголовных преступлениях // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978. С. 252–260.

¹⁶ *Анисимов А. П.* Магдебургское право и его значение для развития правовой системы Западной Руси // История государства и права. 2010. № 19. С. 26–29.

¹⁷ *Маньков А. Г.* Использование в России шведского законодательства при составлении проекта уложения 1720–1725 гг. // Труды ЛОИИ. Вып. 11: Исторические связи Скандинавии и России, IX–XX вв. Л., 1970. С. 112–126.

¹⁸ Там же. С. 113–114.

¹⁹ *Редин Д. А.* Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. № 4(202). С. 139–160.

²⁰ *Бобровский П. О.* 1) Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск. СПб., 1881; 2) Происхождение Артикула воинского и Изображения процессов Петра Великого. СПб., 1881; 3) Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. СПб., 1882.

²¹ *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878.

Э. З. Насиров*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ В ОГРАНИЧЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ

Дебаты об интеграции иммигрантов были в основном сосредоточены на национальных моделях. Бурлящие перекрестные потоки дебатов по всей Европе об интеграции мигрантов создают как основу для дебатов в Европейском Союзе, так и для идей, которые оказали большое влияние на формирование этих дебатов. С 2000 г. было достигнуто соглашение по директивам ЕС, касающимся борьбы с дискриминацией, воссоединения семей и прав долгосрочных жителей в контексте из того, что Европейская комиссия теперь называет «Общей повесткой дня для интеграции», и бюджетных рамок на 2007–2013 гг., которые выделяют 825 млн евро в «Интеграционный фонд» (СЕС 2005). Более того, было введено то, что на языке ЕС известно, как новые формы управления с акцентом на извлечении уроков и обмене передовым опытом посредством, например, создания национальных контактных пунктов по вопросам интеграции (обычно из министерств внутренних дел), которые регулярно встречаются, и публикации Руководства по интеграции для политиков и практиков¹.

Разработка ответа ЕС на интеграцию иммигрантов является примером борьбы между эпистемами, мобилизованными различными группами участников, поскольку

* *Насиров Эмин Забилъевич* – преподаватель Волгоградского технологического колледжа; аспирант кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета.

они пытаются придать смысл дебатам ЕС о правах иностранцев. Groenendijk предлагает три правовые концепции иностранца или гражданина третьей страны (ТСН) на уровне ЕС: равный обращение, гражданство и способность к интеграции. Первая из этих «рамок» наиболее четко вытекает из законов ЕС о недискриминации по признаку национальности и пола и из директивы о равном обращении 1976 г. Это было особенно очевидно в антидискриминационном законодательстве, введенном в 2000 г., однако, по инициативе государств-членов произошел переход к третьей «структуре» с акцентом на предполагаемый потенциал интеграции. Это было очевидно из записки делегаций Австрии, Нидерландов и Германии Рабочей группе Совета ЕС, рассматривающей предложения комиссии по директиве, охватывающей статус долгосрочных резидентов. План состоял в том, что долгосрочным резидентам будут предоставлены права, эквивалентные правам граждан ЕС, после пяти лет законного проживания. В документе Австрии, Нидерландов и Германии подчеркивалась важность, с их точки зрения, условий интеграции, с тем чтобы «осуществление политики интеграции могло способствовать полному участию ТСН». Статьи 5(2) и 15(3) директивы, как это было окончательно согласовано, позволили государствам-членам требовать, чтобы ТСН удовлетворяли условиям интеграции в соответствии с национальным законодательством. Статья 15(3) предусматривает, что граждане третьих стран, переезжающие во второе государство-член, могут быть обязаны посещать языковые курсы или соблюдать другие меры по интеграции².

Аналогичные опасения были очевидны во время переговоров по директиве о воссоединении семей. Опять же, ЕС посягал на вопросы, которые были центральными в

политике миграции, особенно в политике, основанной на правах, определенной Холлифилдом. Директива о праве на воссоединение семьи была согласована после трехлетнего периода переговоров и после трех различных предложений комиссии. В ходе переговорного процесса произошел переход от более либеральных первоначальных предложений комиссии к более сильному акценту на интеграции мигрантов и их семей. Статья 4.1 определяет, что государства-члены должны разрешать въезд и проживание находящимся на иждивении незамужним детям младше возраста согласия в государстве-члене, в которое они переезжают. Существует отступление, которое позволяет государствам-членам требовать, чтобы дети старше двенадцати лет, прибывающие независимо от остальных членов своей семьи, могли соответствовать условиям интеграции, установленным национальным законодательством страны, в которую они переезжают. Статья 4.6 предусматривает отступление, согласно которому государства-члены могут требовать, чтобы заявления о воссоединении семьи для несовершеннолетних детей подавались в возрасте до пятнадцати лет. Статья 8 гласит, что государства-члены могут потребовать, чтобы спонсор проживал на законных основаниях в течение двух лет до того, как к нему или к ней присоединятся члены семьи. Затем существует отступление, которое позволяет государству-члену принять во внимание его «возможности приема» и продлить период ожидания до трех лет. Парламент добивался отмены директивы, поскольку было сочтено, что она нарушает международные стандарты в области прав семьи, но Европейский суд отклонил запрос парламента на том основании, что, хотя государства-члены должны учитывать интересы ребенка, рамки основных прав не создают индивидуального права для членов семьи, въезжа-

ющих на территорию государства-члена. Таким образом, государства-члены имеют право на «определенную свободу усмотрения» при рассмотрении заявлений о воссоединении семей. Аналогичным образом, суд постановил, что государства-члены по-прежнему будут обязаны рассматривать просьбы, поданные детьми старше пятнадцати лет, в свете интересов ребенка и с целью содействия семейной жизни. Требование об условиях «интеграции» рассматривалось как законный фактор, который следует принимать во внимание, но не как основа для системы квот или трехлетнего периода ожидания, устанавливаемого без учета конкретных обстоятельств конкретных дел³.

Эти события очень важны в том смысле, что в настоящее время установлена компетенция ЕС по вопросам, которые самым непосредственным образом связаны с интеграцией мигрантов. В то же время необходимо изучить содержание этих мер. Мы можем видеть напряженность между удалением границ и связанными с этим юридическими и социально-политическими ресурсами, а также давлением в пользу наращивания границ. Например, антидискриминационные законы, введенные ЕС, следуют логике единого рынка, вытекают из наднациональных законов о равном обращении и недискриминации и были очень сильно стимулированы наднациональными альянсами между комиссией, Европейским парламентом и ключевыми промигрантскими НПО, такими как Starting Line Group. Напротив, директивы о статусе долгосрочных резидентов и воссоединении семей отразили растущую обеспокоенность государств-членов по поводу возможностей интеграции и побудили к созданию новых барьеров, основанных на представлениях об этих возможностях.

© Насиров Э. З., 2023

¹ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: Учебное пособие для

вузов. М., 2023.

² *Киселева Е. В.* Международно-правовое регулирование миграции: Учебное пособие для вузов. М., 2023.

³ *Собольников В. В.* Миграционные процессы и преступность. Система противодействия: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

Н. С. Чигринский*

**ОТ РЕЖИМА ЯРУЗЕЛЬСКОГО
ДО РЕФОРМ ВАЛЕНСЫ:
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
ТРАНЗИТ ВЛАСТИ В ПОЛЬШЕ**

В последние годы существования Союза Советских Социалистических Республик политическая жизнь в странах социалистического лагеря сопровождалась реформами различного толка, по своей сути направленных на коренное изменение действующей системы функционирования органов власти, экономики и социального устройства. В одних странах эти события сопровождались боевыми столкновениями противоборствующих сторон (вооружённые конфликты на территории Югославии), в других – перемены произошли в достаточно мирной обстановке (Чехословакия). Польскую Народную Республику (далее – ПНР) в этом историческом вопросе можно определить в промежуточное положение, поскольку смена политической системы и экономической формации в ней произошли без сопровождения событий характера «вооружённой смены власти». Однако введение в стране за несколько лет до этого военного положения и забастовочная деятельность, организованная профсоюзным движением, позволяет говорить о смешанном характере механизма смены власти в стране. В данной статье предлагается проанализировать упомянутый отрезок истории, обратив

* *Чигринский Николай Сергеевич* – аспирант кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета.

особое внимание на правовой характер действий, меняющих систему власти в стране.

Говоря о вопросе смены политического и экономического курсов страны, надо понимать, что данные процессы неизбежно сопровождается процесс реформирования нормативной базы в стране. Но при той радикальной смене базовых механизмов функционирования государства нельзя было обойтись внесением изменений в несколько важных нормативных правовых актов государства – нужно было менять основополагающий закон страны, которым в тот момент являлась Конституция. Начиная с конца XVIII в. конституция воспринимается народами различных стран как «главный документ страны», нормативный правовой акт, обладающей высшей юридической силой, устанавливающий основы регулирования общественных отношений в стране и закрепляющий основы устройства государства¹. Важность содержания такого правового акта обуславливает один из его признаков – стабильность, выражающаяся в жёстком формулировании сложных процедур, сопровождающих изменение содержания данного акта.

Вместе с тем в истории были случаи, когда нормы конституции определённым образом «перекрывались» другими нормами, содержащимися в актах, обладающих меньшей юридической силой, чем Основной закон государства. Думается, что отчасти это было продиктовано политической волей руководства конкретной страны, ставящего определённые цели, не терпящие соблюдения всех формальных условий. И здесь однозначно подходит пример анализируемой нами ситуации конца 80-х годов в ПНР.

В 1952 г. была принята Конституция ПНР. С момента своего принятия Конституция провозглашала, что ПНР

является республикой трудового народа. Устанавливалась «народная власть», а основу народной власти в Польше образовывал «союз рабочего класса с трудовым крестьянством». Правящей партией стала Польская объединённая рабочая партия, поддерживающая тесные связи с Коммунистической партией Советского Союза². Конституция ПНР 1952 г. просуществовала почти 40 лет, но, как и в Югославии, на её содержание оказали политические процессы 80-х годов. Первым таким событием можно определить введение военного положения в стране в декабре 1981 г. как следствие конфликта Польской объединённой рабочей партии (далее – ПОРП), под руководством Войцеха Ярузельского с объединением оппозиционных профсоюзов, лидером которого был Лех Валенса. По итогам полутора лет военного положения ПОРП укрепила своё политическое влияние в стране. Однако упомянутый конфликт обострился ещё сильнее. Вторым важным событием явилось заседание Круглого стола – двухмесячный переговорный процесс от 6 февраля 1989 г. между ПОРП и оппозиционным профсоюзом «Солидарность»³. Итогом переговоров стал запуск социально-экономических перемен в стране, и достигнутые на Круглом столе результаты переговоров оформились в конституционную реформу страны.

В первую очередь, была установлена двухпалатная структура парламента ПНР (именуемого Национальным собранием), состоящего теперь из Сейма и Сената ПНР. Здесь можно увидеть возврат к системе, установленной ещё Конституцией Польши 1921 г⁴. Также была вновь учреждена должность Президента республики, первоначально избираемого Национальным собранием, но уже через год – на открытых выборах. Помимо того, что сама ПОРП была расколота внутри бывшими единомышленниками, в стране сложилась обстановка открытого противо-

действия органов власти: Президентом был назначен В. Ярузельский, но большая часть мест в Национальном собрании была занята оппозицией от профсоюза «Солидарность».

29 декабря 1989 г. были внесены новые поправки в Конституцию ПНР. Во-первых, наименование государства было изменено с ПНР на Польскую Республику. Во-вторых, в ст. 7 гарантировались «партийный плюрализм, свобода экономической деятельности, а также защита собственности, право наследования и полная защита личной собственности». Как мы видим, указанные изменения были призваны коренным образом фундаментальное устройство страны, его экономическую основу, приводящую к смене политического правления в стране. Важно также отметить, что из текста Конституции были исключены термины, касающиеся определения в стране социалистического строя (это же касается изменения наименования самого государства)⁵.

В дальнейшем, помимо вышеупомянутых поправок в Конституцию, в 1992 г. был принят Конституционный закон о взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти Республики Польша и о местном самоуправлении, в обиходе именуемый как малая Конституция Польши⁶. Данный закон прямо устранял большую часть положений Конституции ПНР 1952 г., а своими основными положениями устанавливал рыночные принципы функционирования экономики, упраздняя большинство социалистических установок в законодательстве. Формально процедура была соблюдена: ст. 91 Конституции ПНР 1952 г. устанавливала, что «Конституция может быть изменена только актом, принятым Национальным собранием Польской Народной Республики большинством не менее двух третей голосов в присутствии не менее половины

от общего числа депутатов». Однако до сих пор остаётся открытым вопрос, почему нельзя было изменить весь текст Конституции, вместо того, чтобы упразднить большинство её положений и таким образом основным правовым актом в стране де-факто определять Конституционный закон?

Подводя итог, можно сказать, что преодоление юридической воли конституции в эпоху глобальных перемен в той или иной стране зависит, в первую очередь, от политической воли той или иной правящей группы лиц. Вместе с тем важно, чтобы данная воля была облечена в корректную установленную законом форму законным методом.

© Чигиринский Н. С., 2023

¹ *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. М., 2007. С. 78.

² Конституция Польской Народной Республики. М., 1977. С. 2.

³ *Лютшиковски А.* Между реальным социализмом и III Республикой Польшей (польская системно-политическая трансформация) // Челябинский гуманитарий. Челябинск, 2011. С. 121.

⁴ Конституция Польской республики дня 17-го марта 1921 года. Краков, 1921. С. 4.

⁵ *Бухарин Н.* Внутренние факторы польской революции 1989 г. // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001. С. 121–122.

⁶ *Якушев А. В.* Конституционное право зарубежных стран: Конспект лекций. М., 2010. С. 182.

А. А. Бабич*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: К РЕСУРСАМ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ

Исследование различных аспектов взаимодействия национальных государств в процессе их самостоятельной или совместной космической деятельности обуславливается комплексом факторов как практического, так и теоретического содержания, которые актуализированы современными вызовами. Среди приоритетных укажем такие, как:

– научный и технический прогресс в области исследования и освоения космоса;

– появление и развитие новых видов отношений между субъектами космической деятельности;

– необходимость сохранения установленного ранее нейтрального статуса космического пространства и территорий небесных тел;

– потребность в компромиссных подходах при решении вопросов порядка использования космического пространства и территорий небесных тел.

В процессе анализа различных аспектов взаимодействия национальных государств в процессе их самостоятельной или совместной космической деятельности могут быть задействованы ресурсы различных методологических подходов. В числе наиболее эвристически привлекательных автору видится страноведческий подход, который в процессе анализа межго-

* *Бабич Андрей Андреевич* – аспирант Департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

сударственного взаимодействия при осуществлении космической деятельности дополняется инструментами исторической методологии¹. Последняя позволяет использовать исторические факты, обладающие значительной подтверждающей силой, необходимой для аргументации.

Всемерно разделяя и поддерживая исследовательскую позицию, согласно которой Российская Федерация является одним из лидеров современной космонавтики, обратим внимание на два взаимосвязанных момента. С одной стороны, многие достижения государства в области космонавтики связаны с технологическим и научным наследием, которое сохранилось после окончания существования СССР. С другой — Российское государство не только бережно хранит уже имеющийся опыт, но и обогащает его. Такое приращение прежних достижений осуществлялось, в том числе, посредством двустороннего взаимодействия с иностранными государствами как субъектами международного права. А в их числе такие, как США, Китай, Южная Корея, конечно, некоторые европейские страны. Такое сотрудничество предполагает использование ресурсов, прежде всего, государственных институтов, но и не исключает структуры и организации гражданского общества.

Не принижая значение институций гражданского общества и частных предпринимателей в области космической деятельности, отметим, что доминирующие позиции при реализации национальных космических программ занимают национальные космические агентства и иные органы власти. Их функциональная достаточность поддерживается как при заключении международных соглашений и иных документов с субъектами космической деятельности (в том числе зарубежными — перечисленными выше), так и в обеспечении / контроле выполнения соглашений.

Компаративистский подход позволяет проследить за тем,

как имеющиеся особенности каждого государства — доминирующего правового института национальной правовой системы, складывающейся под влиянием множества культурных особенностей, представленных в эволюционной динамике, детерминируют решения практического свойства и их воплощение в жизнь.

С целью проиллюстрировать вышеизложенное приведем пример. Так в 1972 г. между СССР и США был подписан «Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО)»². В качестве цели этого договора провозглашался отказ государств — сторон от размещения на своей территории систем ПРО, а также создания и развёртывания подобных систем наземного, морского и космического базирования для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами. Однако, несмотря на все попытки Российской Федерации (ставшей, как мы знаем, преемником СССР по заключенным ранее международным договорам³) сохранить имеющийся порядок, в 2002 г. США в одностороннем порядке объявили о выходе из соглашения, так как оно более не удовлетворяло их национальные интересы в связи со складывающимися политическими обстоятельствами⁴. Обосновывалось такое решение следующими доводами: соглашение сохраняло актуальность только в период «холодной войны» между США и СССР, однако, в последующем, смысла существования такого договора отпал⁵.

Другой иллюстрирующий пример, обладающий необходимой доказательной силой, относится к близкой по историческим мерам событиям. В феврале 2022 г. между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой было подписано соглашение о создании «Международной научной лунной станции». Оно стало дополнением для уже имеющегося комплекса документов: меморандум, соглашение и межправительственное соглашение о сотрудничестве между

странами⁶. Важным аспектом такого взаимодействия является принципы равноправия и открытости партнеров. Эти принципы международного сотрудничества в космосе являются ключевыми для Российской Федерации на протяжении многих лет, что особенно подчеркивается в практике межгосударственного взаимодействия.

Так, до 2020 г. Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» участвовала в работе экспертной группы по международному проекту «Lunar Gateway», посвященному исследованию Луны и ее орбиты⁷. Длительное время представители Российской Федерации выражали позицию, согласно которой российская сторона должна была участвовать в проекте на равных с США и иметь аналогичный статус, однако в связи с недостижением итоговых договоренностей, Российская Федерация была вынуждена выйти из названного проекта, несмотря на его значительную наукоемкость.

Таким образом, необходимо сделать выводы:

1) взаимодействие национальных государств в процессе осуществления космической деятельности обусловлено спецификой, которая полно и всесторонне выявляется на основе сравнительно-правового анализа правовых систем;

2) в качестве доминирующего фактора, детерминирующего принимаемые национальными государствами решения в сфере научно-исследовательской и иной космической деятельности стоит признать актуальные государственные политические интересы;

3) в целях укрепления международного сотрудничества между государствами в области космической деятельности специфика, порожденная историческими особенностями правовой культуры национальной правовой системы, нивелируется на основе принципов открытости, равноправия в партнерстве.

¹ *Крупеня Е. М.* Опыт СССР в осмыслении форм интеграции современных государств (на примере союзного государства России и республики Беларусь): к ресурсам исторической методологии // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2022. С. 289; *Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений* / Отв. ред. А. А. Дорская. СПб., 2012.

² Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. – <https://docs.cntd.ru/document/1901885?section=status> (дата обращения: 14.02.2023).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022. Ст. 67.

⁴ *Валеев М. Г., Платонов А. В., Ярошевский В. И.* О кризисах во взаимодействии России и США в области противоракетной обороны // Военная мысль. 2021 № 7. С. 9.

⁵ *Буторов А. С.* Односторонний выход США из договора по ПРО 1972 г. и его глобальные последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 161.

⁶ 26 февраля 2022 г. Россия и Китай подписали межправительственное соглашение по исследованию Луны. – <https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/rossiya-i-kitay-podpisi-sali-mezhpravitelstvennoe-soglashenie-po-issledovaniyu-luny> (дата обращения: 14.02.2023).

⁷ *Уваров Д. Н.* Проблемы и перспективы космической отрасли России // Вестник Отделения наук о Земле РАН. 2021. Т. 13. № 1. С. 42.

ПОЧЕМУ У НАС КАДРЫ НЕ РЕШАЮТ ВСЁ?

Характеризуя современное состояние высшего юридического образования, а, следовательно, и юридической науки, можно сделать вывод о явных симптомах кризиса. Об этом говорили и до начала «нашего хождения в Болонью за лекарством от болезней». Но остановить негативные процессы не удалось, более того, ситуация только обострилась, особенно в периферийных вузах.

Сегодня заговорили об отказе от болонской системы, но предлагают лишь «косметический вариант» реформы. Вот здесь чрезвычайно актуальной видится роль правительственной идеологии, которая должна определить главные направления движения системы образования по пути прогресса. Основной проблемой науки и образования, на мой взгляд, например, является не болонская система как таковая, а старение преподавательского состава и отсутствие подпитки молодежью. Значительную часть нынешнего педагогического корпуса составляют люди, которым под 60 и более лет. Они сосредоточены на преподавании и практически выбыли из активной научной работы по состоянию здоровья либо ввиду отсутствия реальных стимулов. Это привело к резкому снижению уровня фундаментальных научных исследований, методологической и методической работы в вузах, в том числе и юридических. Перспективные научные работы подменя-

* *Прокофьев Виктор Федорович* – старший научный сотрудник кафедры технологий управления Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент.

ются прикладными исследованиями, а весомые монографические – объёмными комментариями законодательства.

Практическая отмена грифования привела к тому, что учебники, хрестоматии и учебные пособия «утонули» в потоке низкокачественной продукции.

В создавшихся условиях надо прежде всего срочно предпринимать меры по омоложению преподавательского корпуса как основного звена для развития юридической науки. И хотя постановка вопроса о повышении заработной платы с некоторых пор стала считаться дурным тоном, без этой меры сегодня не обойтись. Работа в преподавании и науке требует напряженного труда. Как это совместить сегодня с зарплатой в 20 тыс. руб. для начинающего кандидата наук и 40–50 тыс. руб. для профессора с последующей пенсией в 15 тыс. руб.? Таким образом, лет через 10 лет работать в высшей школе будет некому либо это будут специалисты низкой квалификации. О каком профессионализме, качестве научных исследований и преподавания может идти речь, если всё определяется уровнем нагрузки, которая у многих «зашкаливает», а у кого-то позволяет работать лишь на неполную ставку и заниматься подработками. Таким образом, и те, и другие лишены возможности заниматься самосовершенствованием и научной деятельностью.

Первое, что надо сделать, – поднять моральный и материальный статус учёного и преподавателя высшей школы, тем более, имеющего учёную степень. При сегодняшней ситуации трудно рассчитывать на закрепление молодых учёных. Сошлюсь на пример нашего вуза. С момента создания юридического факультета в 1995 г. состоялись шесть защит диссертаций на соискание степени кандидата юридических наук. Сегодня в штате юридического института НовГУ лишь два преподавателя из этого списка и

то, один из них работает по совместительству. Те, кто приходил в аспирантуру в последующие годы, просто не заканчивали её защитой диссертации. Какой-то реальной перспективы в подготовке докторов юридических наук вообще не просматривается. Если такая тенденция сохранится, то может статься, что студенты за время учёбы так и не увидят ни одного остепенённого преподавателя.

Необходимо уменьшить существующее соотношение 12 студентов на одного преподавателя, хотя бы до восьми. Есть все резоны отказаться от компетентностного подхода и всех связанных с ним стандартов и сопутствующей им бюрократической нагрузки.

Разработка и принятие такого рода мер, несомненно, будет способствовать повышению качества как образования, так и научных исследований, послужит стимулом профессорско-преподавательскому составу юридических вузов для занятий научной и методической работой.

Все вышеозначенные проблемы должны учитываться при выработке и реализации чёткой и последовательной правительственной идеологии в области высшего образования и всей системы образования в целом, которая должна стать основой для нормативной базы. Нельзя забывать, что до начала ориентации на болонскую систему российская высшая школа прошла гораздо более тернистый и длинный путь, на котором вузам удалось выжить в условиях экономического и политического кризиса государства, но и кардинально перестроиться. Сегодня, и на это обратил внимание Президент России В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации, наступила пора в чем-то вернуться к советскому опыту, а также изучать и перенимать опыт российских университетов и осуществлять ответственные шаги по дальнейшему системному укреплению отрасли, не забы-

вая о том, что известная формула «кадры решают всё» остаётся как никогда актуальной.

© Прокофьев В. Ф., 2023

*Д. А. Серебренникова**

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ
ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
ГРАЖДАНАМ, ПРОЖИВАЮЩИМ
В ОТДАЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ**

Наш мир уверенно вступил в новую стадию своего развития, которую многие называют эпохой цифры. Активной цифровизации подвергаются практически все сферы нашей жизни, не исключая здравоохранение. Новые технологии здесь доказали свою эффективность. Правовое регулирование в этой сфере бурно развивается, но фактическая реализация права человека на оказание медицинской помощи все еще далека от идеальной, особенно на региональном уровне. Цифровые технологии в здравоохранении могли бы разрешить эту проблему, позволив эффективнее использовать имеющиеся ресурсы.

Наиболее часто на муниципальном уровне в здравоохранении возникают следующие проблемы. Первая и основная из них – нехватка квалифицированного персонала. В частности, в городах Свердловской области в среднем не хватает от 20 % до 40 % врачей, особенно «узких» специалистов. В некоторых больницах (большинство из которых находится в муниципальных образованиях на се-

* *Серебренникова Дина Александровна* – доцент кафедры гражданского права и процесса Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент.

вере области) эта цифра достигает 60 %¹. Серьезная проблема – нехватка койко-фонда в лечебно-профилактических учреждениях (ЛПУ) небольших городов. Учитывая определенную сезонность перемещения населения (особенно в летний период), проблему представляет неравномерное распределение нагрузки на врачей в течение года. Нагрузка на лечебно-профилактические учреждения небольших поселений, вокруг которых сосредоточены дачные поселки, особенно на фельдшерско-акушерские пункты, увеличивается в период отпускного сезона, при этом количество медицинских работников не растет, так как рассчитывается исходя из количества населения, постоянно проживающего на этой территории.

Решение этих проблем лежит в более активном использовании возможностей цифровых технологий, тем более, что правовые основы для этого созданы.

В Российской Федерации формируется цифровая экосистема на базе Единой государственной системы в сфере здравоохранения. Эта система взаимодействует с другими государственными информационными системами. К ней подключены и государственные информационные системы в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, и информационные системы медицинских организаций государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения². К сожалению, должным образом заработает эта система только при внесении в нее всей необходимой информации, а этот процесс требует значительного количества времени. Но даже сейчас эта система позволит перевести многие административные процедуры в автоматический режим, что сократит бюрократическую нагрузку на медицинских работников и увеличит их возможности уделить внимание непосред-

ственно пациенту³.

В частности, система уже сейчас позволяет пациентам быстрее получить необходимые документы. Например, автоматизировав выдачу направлений на проведение диагностических исследований и медицинского обследования (консультации), упрощается информирование населения по вопросам ведения здорового образа жизни и профилактики заболеваний, так как программные комплексы в зависимости от входной информации позволяют формировать практически индивидуальные рекомендации⁴. Также целесообразно, на мой взгляд, было бы предоставить возможность пациенту самостоятельного доступа (выгрузки) электронного варианта истории болезни и других медицинских документов из системы «Госуслуги» без ограничений.

Недостаточно полно используются на муниципальном уровне возможности телемедицины. В настоящее время медицинская помощь с применением телемедицинских технологий организуется и оказывается в соответствии с Приказом Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»⁵. Приказ охватывает все виды медицинской помощи, устанавливая одновременно, что условия оказания медпомощи определяются местонахождением пациента. При этом медицинская помощь оказывается на основании стандартов оказания медицинской помощи⁶. Но, к сожалению, зачастую применение телемедицинских технологий ограничивается только форматом телемедицинских консультаций, которые проводятся по принципу «врач – врач» и проведению консилиумов. Конечно, даже такой вариант позволяет немного снизить потребность в узких специалистах. Активно используются такие кон-

сультации и бригадами скорой медицинской помощи. А использование даже этой возможности на отдаленных территориях является серьезным подспорьем для местных медицинских работников, в частности, на севере Свердловской области. Но возможности телемедицинских технологий значительно шире. Например, иногда, чтобы добраться даже до фельдшера, пациенты (в частности, из числа коренных малочисленных народов Севера (манси)) проделывают длинный путь (до 100 км), и было бы целесообразно использовать в таких случаях возможности телемедицины и в виде прямых консультаций «врач – пациент». Конечно, в этом случае возрастают и риски, связанные с невозможностью очного осмотра пациента, но это лучше, чем полное отсутствие медицинской помощи или промедление в ее оказании.

В муниципальном здравоохранении и в силу определенной консервативности, и в силу проблем с финансированием недостаточно используются такие возможности телемедицинских технологий, как дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациента. Как пример, выздоравливающие пациенты могли бы быть переведены на дистанционное наблюдение, освободив место в стационаре ЛПУ. В этом случае на основании рекомендаций очного приема врача осуществляется дистанционное получение данных о состоянии здоровья пациента в автоматическом режиме при использовании медицинских сертифицированных изделий, имеющих функции передачи данных и своевременного экстренного реагирования при критическом отклонении показателей состояния здоровья пациента от предельных значений. Конкретные цифры здесь определяются врачом, исходя из индивидуальных особенностей пациента.

Такой подход уже реализован некоторыми частными

медицинскими организациями, но, к сожалению, не муниципальными. Дистанционное наблюдение было бы полезно и для пациентов, имеющих хронические заболевания и находящихся на диспансерном учете. За этими пациентами устанавливается динамическое наблюдение, которое достаточно легко перевести в дистанционный режим.

Решить проблему перегрузки фельдшеров в период дачного сезона могла бы возможность для пациентов, прикрепленных к лечебно-профилактическим учреждениям по месту своего постоянного жительства, получить консультацию своего лечащего врача с помощью телемедицины. Тем более, что специалист, постоянно занимающийся этим пациентом, достаточно хорошо знает его проблемы. Аналоги таких программ существуют сейчас в рамках частных медицинских организаций. Но на муниципальном уровне ничего подобного нет. Хотя правовые основы этого процесса в законодательстве реализованы.

Значительную часть времени врача занимает на приеме сбор анамнеза от пациента. Внедрение в рутинную практику программных комплексов, которые на основании стандартного алгоритма будут проводить опрос пациента перед визитом к врачу, позволит медицинскому работнику получить уже обработанный искусственным интеллектом примерный перечень проблем конкретного пациента и уделить более пристальное внимание именно проблемным точкам.

Такой подход успешно реализован в КНР и уже доказал свою эффективность. Возможности искусственного интеллекта будут полезны и при анализе рентгенограмм и томограмм. Обученная нейросеть обратит внимание врача на действительно проблемные моменты, экономя его время. При этом физически система может находиться в

крупном городе – областном центре, а обрабатывать поступающую информацию из ЛПУ всех территорий области.

Мир прочно вошел в новую цифровую эпоху. Медицина не должна быть исключением. Организованная должным образом система оказания медицинской помощи с помощью цифровых технологий могла бы значительно расширить возможности здравоохранения и поддерживать взаимодействие с пациентами. Должным образом организованная эта система стала бы удобным инструментом, позволяющим значительно увеличить эффективность лечебно-профилактических учреждений.

© Серебренникова Д. А., 2023

¹ Дефицит врачей в Свердловской области достигает 60 % // Коммерсант-Урал. – <https://www.kommersant.ru/doc/5018708> (дата обращения: 20.02.2023).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 5 мая 2018 г. № 555 (ред. от 19 декабря 2020 г.) «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» (вместе с «Положением о единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения») // СПС «КонсультантПлюс». – <http://www.consultant.ru/> П. 52. (дата обращения: 11.02.2023).

³ Ефременкова Д. А. Правовые основы применения телемедицинских технологий в муниципальном здравоохранении в период пандемии и после нее: проблемы, возможности, перспективы // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 1(34). С. 17.

⁴ Письмо Минздрава России от 9 апреля 2018 г. № 18-2/0579 «О порядке организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // СПС «КонсультантПлюс». – <http://www.consultant.ru/> П. 2–4 (дата обращения: 15.02.2023).

⁵ Приказ Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // СПС «КонсультантПлюс». – <http://www.consultant.ru/> (дата

обращения: 15.02.2023).

⁶ Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.02.2023).

Раздел VII
**НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

*Н. М. Силуянова**

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Влияние духовно-нравственной стороны жизни нашего общества на состояние национальной безопасности чрезвычайно весомо. Актуальность этого вопроса сегодня подтверждается заинтересованностью ученых и общественных деятелей в его исследовании и подчеркивается Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

* *Силуянова Наталья Михайловна* – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева.

российских духовно-нравственных ценностей»¹ (далее – Указ). Это первый стратегический документ в Российской Федерации нормативно-правового характера, в котором представлена система официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности через призму духовных, исторических и культурных мировоззренческих установок.

Внимание к духовно-нравственному компоненту обеспечения безопасности отмечалось еще в концепции национальной безопасности Российской Федерации в 1997 г.² В ней была определена одна из стратегических сфер, влияющих на национальную безопасность, на внутреннюю и внешнюю политику – это духовная сфера, состоящая в нравственных ценностях общества и ее традициях. В последующих нормативных правовых актах о национальной безопасности России 2000 г., 2009 г., 2015 г. и 2021 г. роль духовно-нравственной сферы жизни общества и ее значения в рамках безопасности страны неуклонно нарастала. Но вопрос оставался открытым, документов, определяющих государственную политику в этой сфере, тогда не последовало.

По обоснованному мнению ряда современных ученых³ духовно-нравственная сфера носит ключевой и центральный характер, на фундаменте которой зиждутся политическая, социальная, экономическая и иные сферы.

Нравственные ценности российского общества, направленные на развитие духовных, исторических и культурных основ являются приоритетными и сверхважными на государственном уровне. В связи с этим стоит отметить, что место отведенное защите духовно-нравственных ценностей в перечне приоритетных направлений Стратегии национальной безопасности (подп. 8 п. 26) не отражает действительную роль этого

фактора⁴.

В отличие от культурно-исторической сферы, состояние которой может быть определено исчисленными показателями⁵, оценку духовно-нравственного направления невозможно представить данными статистики.

Исследование различных аспектов вопроса о духовно-нравственных ценностях широко представлено в научных трудах. На доктринальном уровне в социально-философском и политическом ракурсе исследованиям подвергаются тенденции нравственных трансформаций, основные категории духовной безопасности, аспекты обеспечения духовной безопасности в условиях современного геополитического соперничества⁶ и другие категории. Однако выработанные наукой положения далеко не всегда воспринимаются правотворческой практикой.

В конечном итоге дефицит официального толкования терминов и нормативно установленных дефиниций понятий, связанных с духовными ценностями, неблагоприятно влияет на реализацию государственной политики. В дополнение отметим, что с принятием Указа возникает также немало иных юридических трудностей: от разработки критериев для измерения духовно-нравственного состояния, до неопределенности с понятийно-категориальным аппаратом; от отсутствия органов, осуществляющих государственное управление в этой сфере до определения лиц, контролирующих ее качество. Данные обстоятельства могут тормозить развитие и реализацию законодательства в области защиты духовно-нравственных ценностей и отрицательно сказаться на коэффициенте полезного действия соответствующего Указа.

Отметим, что ключевая роль понятий и дефиниций в праве неоспорима. Согласимся с мнением Г. Т. Чернобель: «Понятие – это семантическое ядро, благодаря которому

норма права функционирует»⁷. Через правовые понятия отражаются наиболее важные стороны объектов, на которые направлено урегулирование общественных отношений. Известно, что раскрываются понятия при помощи дефиниций и текстовых конструкций. Подготовка дефиниций в правотворческой деятельности требует знаний логических, юридико-технических, лексических и иных правил, при выполнении которых характер и качество информации, заложенной в юридическом тексте, будет точным и ясным.

Рассмотрим смысловое содержание лексических единиц и различные взгляды ученых на понятия «духовность», «духовная ценность», «духовная безопасность». Так, «духовность», по словарю С. И. Ожегова, это «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными»⁸. «Духовность» встречается в толковых, этимологических, исторических словарях, словаре церковно-славянского и русского языка. В словарях, изданных до XX в., смысловое значение этого слова является схожим, имеется указание на связь с Богом. В период СССР из словарей, толкующих слово «духовность», исключается связь с религией⁹. Активным исследователем вопроса духовности и духовной безопасности в рамках национальной безопасности является А. И. Хвыля-Олинтер. Ученый использует иррациональный подход при исследовании основополагающих понятий, связанных с верой, религией и духовностью. Он раскрывает их ценность, внутреннее содержание, а также взаимосвязь друг с другом. М. Л. Доржиева рассматривала значимость и важность социально-философских подходов к духовным ценностям, выявляла их специфику формирования и функционирования в сфере индивидуального и социального бытия личности,

подчеркивая морально-этическую сторону ценностей¹⁰.

И. В. Калугина при исследовании динамики семантической структуры слова «духовность» в разных контекстах (богословском, политическом, культурном, психологическом, социологическом) и лексикографических источниках выявила, что в современное время семантический объём лексемы «духовность» не имеет точного смыслового содержания, понятие является расплывчатым¹¹.

При отсутствии правового закрепления терминов «духовные ценности» и «духовная безопасность», и в их развитие, в ключе подхода А. И. Хвыля-Олинтера, определим, что «под ценностью в духовном смысле может пониматься идеальный, архиважный, желаемый объект духовной жизни людей». А «духовная безопасность – это такие доверительные общественные отношения, направленные на созидание, при которых имеется возможность позитивно реализовать духовную жизнь, чувствовать защиту и поддержку со всех сторон».

Обобщая рассмотренную проблематику, подчеркнем, что формирование понятийно-терминологического аппарата является одним из важных условий совершенствования правового обеспечения в рассматриваемой сфере. В связи с этим необходимо предложить оптимальный механизм реализации государственной политики, определить систему инструментов и методов, с помощью которых будут выполняться мероприятия по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Подготовка научных предложений по вышеназванным задачам поспособствует поиску наиболее эффективных мер по обеспечению духовно-нравственных ценностей и предотвращению посягательств на них.

© Силуянова Н. М., 2023

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2022. № 46. Ст. 7977.

² Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 года № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 26 декабря (документ утратил силу).

³ См.: например, *Хвьяля-Олинтер А. И.* Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. М., 2008; *Беспаленко П. Н.* Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения: Дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2009; *Тонконогов А. В.* Геополитическая стратегия России в духовном пространстве современного мирового социума // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 5; *Хвьяля-Олинтер А. И.* Духовно-религиозные основания национальной безопасности России. М., 2012; и др.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ч. II. Ст. 5351.

⁵ *Российский* статистический ежегодник. 2022. М., 2022.

⁶ См.: например: *Доржиева М. А.* Подход к пониманию сущности духовных ценностей в сфере социального и индивидуального существования личности // Вестник БГУ. 2009. № 6; *Тонконогов А. В.* Геополитическая стратегия России в духовном пространстве современного мирового социума // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 5; *Бессонов А. О.* Духовность, духовные ценности, духовная сфера, деструктивная духовность как основные объекты духовной безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 5. С. 313–315; *Кудряшова М. С.* Духовные ценности в контексте современности // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 4; *Егорычев А. М., Кретинин А. С.* Духовность как основа развития русского мира // ЦИТИСЭ. 2017. № 4(13). С. 11.

⁷ *Чернобель Г. Т.* Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 29–36.

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 3–5.

⁹ Калугина И. В. Бытование лексемы «духовность» в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 6. С. 1732–1736.

¹⁰ Доржиева М. А. Подход к пониманию сущности духовных ценностей в сфере социального и индивидуального существования личности // Вестник БГУ. 2009. № 6.

¹¹ Калугина И. В. Бытование лексемы «духовность» в русском языке. С. 1734–1735.

И. И. Асеев*
А. Ю. Губин**

ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии со ст. 2 «Основные принципы обеспечения безопасности» Федерального закона «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ основными принципами обеспечения безопасности являются:

1) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) системность и комплексность применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;

4) приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности;

5) взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъек-

* *Асеев Илья Иванович* – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева.

** *Губин Алексей Юрьевич* – магистрант Института безопасности жизнедеятельности Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева.

тов Российской Федерации, других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности.

Рассмотрим данные принципы подробнее.

Человек, его права и свободы относятся к главным объектам системы обеспечения безопасности Российской Федерации, наряду с обществом и государством. В свою очередь, обеспечение безопасности – это первостепенная задача государства¹. Исходя из этого, соблюдение прав и свобод человека и гражданина в нашем государстве является важным критерием в процессе обеспечения национальной безопасности. Для поддержания общественной безопасности в Российской Федерации создана система правовых норм, регулирующих установление административно-правовых режимов².

Согласно гл. 2 Конституции Российской Федерации к правам и свободам человека и гражданина (личным правам) относятся права: на жизнь, личную и имущественную неприкосновенность, свободу, охрану достоинства личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, телефонных переговоров, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телеграфных, почтовых и иных сообщений, пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества; свободы: передвижения и выбора места пребывания и жительства, совести, мысли и слова, вероисповедания, выражения своих мыслей и убеждений, получения и передачи информации и др.

В процессе становления и развития современного правового социума сформировалось значительное количество стандартов, применяемых к правам и свободам человека, а также были созданы системы по их соблюдению,

большинство которых отражены в нормативно-правовых документах, в числе которых: Устав ООН; Всеобщая декларация прав человека (1948); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966); документы, принятые в рамках ОБСЕ, Совета Европы и СНГ.

Следует обратить особое внимание на то, что в целях обеспечения национальной безопасности государства права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены. В самом общем виде генеральную цель данного явления можно сформулировать как необходимость защиты и реализации других, не менее важных конституционно-правовых ценностей по сравнению с конституционными правами и свободами человека и гражданина. Таковыми являются, во-первых, публичные ценности, во-вторых, конституционные права и свободы других лиц. Данной методологии придерживаются международные документы, конституционные акты ряда зарубежных стран и, что особенно важно, конституционное регулирование современной России.

Человеку присущи индивидуальные права, они защищаются государством и правовой системой, гарантируются административной деятельностью, прокурорским надзором и независимым правосудием. Однако, они не абсолютны и, весьма часто, вступают в противоречие с конституционными публично-правовыми ценностями, в числе которых, прежде всего, мир, безопасность, нравственные установления демократического общества, необходимость поддержания общественного порядка, охраны здоровья, развития систем социальных служб и социального обеспечения, учреждений образования и

культуры, разрешение проблем экологии и т. п. Публичная природа государства и права порождают ранее не действующие ограничения прав, которые неизбежно связывают конституционный институт прав человека и гражданина новыми обстоятельствами³.

Кроме того, естественно существующими являются такие ограничения прав, которые подлежат реализации в условиях военного, чрезвычайного положения в целях противодействия экстремизму и терроризму, а также для защиты здоровья граждан. Особенно остро последнее обстоятельство проявило себя при угрозе распространения пандемии COVID-19, что проявлялось в целом в мировой практике, скорее как совокупность административно-принудительных мер, чем пересмотр или даже какая-либо модернизация сложившейся концепции конституционных прав и свобод человека и гражданина или, тем более, отказ от общемировых стандартов правового статуса личности⁴.

Содержащимся во всех особо важных нормативных правовых актах Российской Федерации, которыми обеспечиваются множество видов безопасности, а также лежащим в основе принципом всех отраслей права, является принцип законности. Законность как принцип в сфере обеспечения безопасности⁵ представляет из себя соблюдение всеми субъектами данных отношений законодательства связанного с обеспечением безопасности, а также иного законодательства. Вместе с тем, принципами законности можно назвать: верховенство закона; единство; приоритет в защите прав и свобод человека и гражданина; неотвратимость наказания за совершенное преступление и другие.

Для укрепления законности в сфере обеспечения безопасности необходим повышенный контроль за уровнем

профессиональной правовой подготовки органов местного самоуправления и государственной власти. Целью данного контроля является исключение нарушения органами власти положений Конституции Российской Федерации. Применение конституционной ответственности за совершение действий, которые представляют угрозу национальной безопасности государства, является важным аспектом эффективности обеспечения безопасности.

Принцип системности и комплексности применяемый органами власти в мероприятиях, направленных на обеспечение безопасности государства, базируется на процессе постоянного развития системы государственного управления России, а также на непрерывном развитии системы стратегического планирования в сфере устойчивого развития страны и обеспечения национальной безопасности под руководством Президента Российской Федерации. Системность в первоочередном действии направлена на исключение рассогласованности органов государственной власти в процессе обеспечения безопасности государства. Действие принципа начинается с этапа прогнозирования и определения наивысших угроз и планирования мер, противодействующих им, и заканчивается организацией контрольных действий по реализации мер, а также постоперативными мероприятиями. Системность в обеспечении безопасности, кроме того, предполагает комплексный подход, который подразумевает, что разработка, реализация и контроль принимаемых мер по одному виду безопасности не должны пересекать и препятствовать мероприятиям по обеспечению других.

При возникновении опасности, которая отличается от угрозы степенью риска причинения ущерба или вреда интересам безопасности личности, общества и государства, за некоторое время до возникновения угрозы происходят

определенные процессы или явления, несущие предпосылки данной опасности. Она несет в себе возможную угрозу причинения ущерба тем или иным интересам личности, общества или государства, для реализации которого необходимы обусловленные условия. Угроза же является прямой возможностью причинения ущерба, от реализации которой ее отделяет лишь неопределенный временной интервал, необходимый для принятия решения по воплощению угрозы.

Основной задачей обеспечения безопасности является заблаговременное обнаружение признаков угроз и их анализ для формирования прогноза развития, величины ущерба, в числе которых имеют место быть и угрозы, связанные со стихийными бедствиями, проводятся мероприятия, направленные на изучение и предупреждение подобных явлений.⁶ Теоретическая основа – важная составляющая общей безопасности, она позволяет в лучшей степени добиться эффективных результатов, направленных на обеспечение безопасности.⁷ Именно принцип приоритета предупредительных (превентивных) мер в области обеспечения безопасности способствует предотвращению возникновения угроз. На основе полученных данных осуществляется прогнозирование уровня динамики развития угроз, а также строится процесс стратегического планирования в сфере обеспечения безопасности.

Принцип взаимодействия органов власти государства различного уровня с международными организациями и гражданами, а также общественными организациями является совместной деятельностью субъектов обеспечения безопасности, которая урегулирована нормами права и согласована по времени, месту, способу и целям. Принцип направлен на достижение наибольшего потенциала совместной деятельности и на наиболее оптимальное исполь-

зование возможностей направленных на обеспечение устойчивого уровня национальной безопасности государства. Необходимость во взаимодействии исходит из схожести задач, которые решаются субъектами, а также наличием различных возможностей в применении ресурсов и методов обеспечения безопасности.

Таким образом, все названные принципы носят системный характер, обеспечивая наиболее эффективную деятельность по организации обеспечения безопасности личности, общества и государства. Также можно заметить, что в текущий момент в нашей стране имеется множество задач и проблем в области обеспечения безопасности, решение которых будет более продуктивным при соблюдении указанных принципов.

© Асеев И. И., Губин А. Ю., 2023

¹ *Удальцова Н. В.* Организационно-правовые аспекты обеспечения безопасности в Российской Федерации // *Право. Безопасность. Чрезвычайные Ситуации.* 2014. № 3(24). С. 43. См. также: *Нижник Н. С.* Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика // *Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: Сборник научных докладов: В 2 ч. / Отв. ред. : В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова.* Великий Новгород, 2008. С. 69–88. EDN GWCJWQ; *Нижник Н. С., Ахмедов Ч. Н.* Правоохранительная система как субъект обеспечения безопасности личности, общества и государства // *Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: Сборник научных докладов: В 2 ч. Ч. 1: Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности / Отв. ред. В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова.* Великий Новгород, 2008. С. 246–269; *Нижник Н. С.* Безопасность как феномен социально-юридической реальности и объект сервиса безопасности // *Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы: Материалы II международной научно-практической конференции 29–30 октября 2009 года / Сост. В. С. Артамонов, Н. И. Уткин, Г. Ф. Архипов, Ю. А. Волкова.*

Т. 1. СПб., 2009. С. 137–142; *Нижник Н. С.* Национальная безопасность как социоюридический феномен // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2013 года. Ч. 1. СПб., 2013. С. 150–159; *Нижник Н. С.* Национальная безопасность как социоюридический феномен. СПб., 2013; *Нижник Н. С.* Безопасность личности, общества и государства: плюрализм подходов к моделированию системы обеспечения // Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий: Материалы круглого стола. Санкт-Петербург, 4 июня 2014 года / Под общ. ред. Э. Н. Чижикова, А. В. Малько, С. Б. Немченко: сост. А. А. Смирнова, Н. И. Уткин. СПб., 2016. С. 109–114; *Дерюгин А. А., Нижник Н. С.* Концептуальные основы общей теории национальной безопасности России / Под ред. С. Г. Лысенкова. СПб., 2018; *Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю., Змерзлый Б. В.* Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве. СПб., 2021; и др.

² *Портнова А. А., Турова В. Е.* Общественная безопасность как объект специальных административно-правовых режимов на современном этапе // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 4(57). С. 30.

³ *Бажанов А. А.* Обоснование принципа соразмерности в практике Федерального конституционного суда Германии (1950–1960 гг.) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 159.

⁴ *Качалова О. В.* Права человека в уголовном судопроизводстве: кризис эпохи коронавируса // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре. 2020. № 3. С. 68.

⁵ *Нижник Н. С.* О методологических основаниях изучения социоюридического феномена «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // История государства и права в условиях реформирования юридического образования: методологические, методические, социально-культурные аспекты: Межвузовская научно-

методическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2011. С. 13–17; *Нижник Н. С., Папырин В. В.* Законность как феномен социально-исторической реальности отечественного государства в годы новой экономической политики // Проблемы права в современной России: Сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции 23 апреля 2012 года. СПб., 2012. С. 143–147; *Солуков А. А.* Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; *Нижник Н. С., Папырин В. В.* Законность как социюридический феномен. СПб., 2012; *Нижник Н. С.* 1) Социюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3(34). С. 226–230. EDN REWTLN; 2) Социюридический феномен «законность» в контексте диалога научных парадигм современной юриспруденции // Генетические закономерности права: Сборник научных трудов, посвященный 90-летию профессора С. Г. Дробязко / Гл. ред. С. А. Балашенко. Минск, 2013. С. 22–30; 3) Законность: осмысление в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Конституция, личность и суд в современной России: Материалы научной конференции памяти профессора Н. В. Витрука / Под ред. И. А. Умновой, В. Е. Сафонова, И. А. Алешковой. М., 2013. С. 121–126; 4) Законность: плюрализм подходов к рассмотрению социюридического феномена в современной юридической науке // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 12. С. 30–34. EDN RMCQKS; *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало российского права. СПб., 2021. EDN VIWCXV; *Ломакина И. Б.* Законность как юридическая данность или социальный конструкт? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3(99). С. 48–54. DOI 10.35750/2071-8284-2023-3-48-54. EDN JIXCZO.

⁶ *Малько А. В., Немченко С. Б., Смирнова А. А.* Обзор законодательства Российской империи XVIII – 1-й пол. XIX в. в сфере борьбы со стихийными бедствиями // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3(94). С. 18–27.

⁷ *Малько А. В., Немченко С. Б., Смирнова А. А.* Правовая поли-

тика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий (обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2015. № 5. С. 118–125.

И. В. Астраханцев*

**ТРАНСПОРТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Уровень научно-технологического развития государства, состояние его экономики и эффективность протекающих в ней процессов, а также состояние защищенности страны от внутренних и внешних угроз в настоящее время оценивается по степени развитости его транспортных возможностей и доступности транспорта для различных нужд граждан, общества и государства. Ввиду повышенной важности транспортного комплекса для реализации национальных интересов Российской Федерации обеспечению транспортной безопасности уделяется пристальное внимание, подтверждением чему служит включение данного направления в общую структуру национальной безопасности государства¹. Формированию современных представлений о транспортной безопасности и созданию правовой основы ее обеспечения предшествовал длительный путь становления ключевых правовых институтов в сфере безопасности государства² в целом и в отдельных ее сегментах.

В период Древней Руси и в эпоху русского Средневековья основные представления о транспорте и транспортных возможностях сводились к перемещению това-

* *Астраханцев Игорь Владимирович* – начальник Западного линейного управления МВД России на транспорте УТ МВД России по Северо-Западному федеральному округу (Калининград).

ров, грузов и людей на расстояния, преодолеть которые представлялось возможным на живой тягловой силе с применением соответствующей упряжи к ней. По мере расширения государства, усложнения его территориальной структуры и развития экономических связей между регионами, а также с сопредельными государствами, осознание важности транспортных возможностей во внешнеполитических, экономических и социальных процессах впервые находит свое отражение в источниках права, формируя тем самым основу главного правового института в рассматриваемой сфере – института транспорта, а также сопутствующих ему правовых категорий. В XV–XVII вв. наряду с обычаями делового оборота деятельность транспорта начинает регламентироваться специальными нормами, носящими обязательный характер. В число направлений регулирования были включены:

- обложение транспортными налогами;
- устройство общегосударственных путей;
- установление казенных натуральных транспортных повинностей;
- перевозка почты³.

В связи с чем можно сделать вывод о том, что переход от традиционного к законодательному регулированию отдельных вопросов в сфере транспорта и перевозки грузов на данном этапе является отправной точкой для институционализации транспортного права в качестве самостоятельной отрасли права.

Дополнительным подтверждением данного утверждения являются положения Соборного уложения 1649 г., содержавшего в своей структуре отдельную главу IX «О мытах, и о перевозах, и о мостах»⁴. Данная глава условно разделялась на две части, первая – устанавливала порядок сбора «проезжих» пошлин, а вторая – содержала нор-

мы, направленные на обеспечение сохранности и благоустройства дорог, устанавливая при этом ответственность за посягательства на транспортные пути. Учитывая значение Соборного уложения 1649 г. в общей иерархии нормативных правовых актов российского государства рассматриваемого периода, можно утверждать, что именно данному этапу сопутствует начало формирования таких правовых понятий, как «транспортная инфраструктура государства», «транспортный налог» и «транспортная ответственность».

По мере появления новых видов транспорта и, как следствие, новых видов путей транспортного сообщения, явившихся следствием активной реформаторской и инновационной деятельности Петра I, происходит закономерное усложнение правоотношений в указанной сфере. Так, активное строительство военного и торгового флотов, получение Российской империей выхода к Балтийскому морю, формирование новых торговых путей и появление дополнительных транспортных возможностей потребовали незамедлительной реализации соответствующей законодательной инициативы на государственном уровне. Изданный императором 20 июля 1720 г. Устав о эверсах регулировал взаимоотношения судовладельца и грузоотправителя, устанавливал требования к различным видам товаров, время погрузки и разгрузки, предполагаемые сроки доставки и взаимную ответственность сторон – участников правоотношений⁵.

Не меньшее внимание уделялось и наземному сухопутному транспорту. Активное строительство новых дорог и интенсификация движения по ним, усложнение транспортных сетей крупных городов закономерно привело к возникновению ситуаций, аналогичных современному представлению о дорожно-транспортных происшествиях.

Кроме того, как верно отмечает В. М. Корякин, в связи со все большим развитием в России капиталистического способа производства, хозяину предприятия становилось все сложнее содержать собственное большое и дорогостоящее транспортное хозяйство. В связи с этим транспорт постепенно стал выделяться в самостоятельную отрасль, выполняющую перевозки грузов и пассажиров для любого клиента за определенную плату. Соответственно, это повлекло за собой обособление транспортно-правовых норм в общем массиве российского законодательства⁶, что свидетельствует об усилении институционализации транспортного права на фоне стремительно развивающегося законодательства.

Период с конца XVIII в. до середины XIX в. считается временем оформления института пассажирских перевозок на государственном уровне. Оказывавшиеся ранее в частном порядке (по личной договоренности с извозчиками, купцами и пр.) услуги по транспортировке пассажиров на местном и межрегиональном уровнях выходят на уровень государственной организации и контроля, в дальнейшем выходя на международный уровень. Особое значение для этого имело законодательное разграничение сфер оказания транспортных услуг на водное, сухопутное и железнодорожное:

- 1781 г. ознаменовался изданием Устава о купеческом водоходстве;

- в 1833 г. был издан один из первых правовых актов в сфере сухопутного дорожного хозяйства – «Основные правила об устройстве и содержании дорог в государстве»;

- в 1836 г. появился указ императора Николая I о сооружении Царскосельской железной дороги⁷.

Признание на высшем законодательном уровне разделения сфер осуществления транспортной деятельности в зависимости от вида и специфики транспорта указывает на формирование самостоятельных видовых правовых институтов: сухопутного транспорта, водного транспорта и железнодорожного транспорта со свойственной им спецификой и особенностями эксплуатации, организации перевозок и обеспечения их безопасности.

Первые масштабные происшествия на транспорте, в том числе террористического характера, относящиеся к концу XIX в., потребовали соответствующей правовой реакции государства. На данном этапе представления о безопасности на транспорте трансформируются от первоначальных суждений о необходимости обеспечения сохранности товаров и грузов, а также обеспечения безопасности пассажиров к последующим рассуждениям о необходимости своевременного выявления и блокирования угроз экстремистского, террористического и иного радикального характера в контексте обеспечения общественной и государственной безопасности. Несмотря на то, что нормативно-правовой инструментарий данного периода по причине резкой активизации антитеррористической деятельности государства отличается хаотичностью, обширностью и несистемностью, тем не менее, приоритету обеспечения антитеррористической защищенности на транспорте именно в это время было уделено максимально пристальное внимание⁸. Данное обстоятельство позволяет определить данный период в качестве отправной точки формирования института антитеррористической защищенности объектов транспорта и транспортной инфраструктуры.

Разработка и принятие в первой половине XX в. кодифицированных нормативных правовых актов, регули-

ровавших правоотношения в зависимости от вида эксплуатируемого вида транспорта⁹, способствовали окончательному оформлению представлений об объектах транспорта в качестве самостоятельных объектов правового регулирования, а также об их важном значении для безопасности государства в целом и специфике требований, предъявляемых к их эксплуатации в частности. Последующее преобразование правовых представлений о транспортной безопасности связано с поступательным внедрением данного понятия в общую структуру безопасности государства вплоть до формирования современных представлений о транспортной безопасности Российской Федерации в качестве неотъемлемого элемента национальной безопасности страны и самостоятельного направления обеспечения ее национальных интересов.

© Астраханцев И. В., 2023

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ч. II. Ст. 5351.

² *Нижник Н. С.* Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: Сборник научных докладов: В 2 ч. / Отв. ред.: В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. Великий Новгород, 2008. С. 69–88. EDN GWCJWQ; *Нижник Н. С., Ахмедов Ч. Н.* Правоохранительная система как субъект обеспечения безопасности личности, общества и государства // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: Сборник научных докладов: В 2 ч. Ч. 1: Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности / Отв. ред. В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. Великий Новгород, 2008. С. 246–269; *Нижник Н. С.* Безопасность как феномен социально-юридической реальности и объект сервиса безопасно-

сти // Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы: Материалы II международной научно-практической конференции 29–30 октября 2009 года / Сост. В. С. Артамонов, Н. И. Уткин, Г. Ф. Архипов, Ю. А. Волкова. Т. 1. СПб., 2009. С. 137–142; *Нижник Н. С.* Национальная безопасность как социоюридический феномен // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2013 года. Ч. 1. СПб., 2013. С. 150–159; *Нижник Н. С.* Национальная безопасность как социоюридический феномен. СПб., 2013; *Нижник Н. С.* Безопасность личности, общества и государства: плюрализм подходов к моделированию системы обеспечения // Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий: Материалы круглого стола. Санкт-Петербург, 4 июня 2014 года / Под общ. ред. Э. Н. Чижикова, А. В. Малько, С. Б. Немченко: сост. А. А. Смирнова, Н. И. Уткин. СПб., 2016. С. 109–114; *Дерюгин А. А., Нижник Н. С.* Концептуальные основы общей теории национальной безопасности России / Под ред. С. Г. Лысенкова. СПб., 2018; *Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю., Змерзлый Б. В.* Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве. СПб., 2021; и др.

³ *Проценко С. В.* Исторический анализ норм о транспортных правонарушениях в памятниках права XVI–XVII вв. // Российский следователь. 2009. № 7. С. 36.

⁴ *Соборное* уложение 1649 года: текст, комментарии / Комментар. Г. В. Абрамовича [и др.]; рук. авт. колл. А. Г. Маньков (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII вв.). Л., 1987. С. 29–30.

⁵ *Милов А. В., Цимбаев Н. И.* История России XVIII–XIX веков / Под ред. А. В. Милова. М., 2010. С. 78–79.

⁶ *Корякин В. М.* Генезис транспортного права России // Аграрное и земельное право. 2016. № 3(135). С. 31–32.

⁷ *Транспортное* образование России: аналитический обзор за 2018–2019 гг. / Подгот. Административным департаментом Минтранса России. – <https://www.miit.ru/content/Транспортн>

oe%20образование%20России.pdf?id_wm=807082 (дата обращения: 09.06.2023).

⁸ Колотков М. Б. Антитеррористическая политика Российского государства во второй половине XIX – начале XX веков: историко-правовой аспект: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022. С. 18.

⁹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14 июня 1929 г. «Об утверждении Кодекса торгового мореплавания Союза ССР» // Собрание законодательства СССР. 1929. № 41. Ст. 365; Постановление СНК СССР от 24 октября 1930 г. № 574а «Об утверждении Устава внутреннего водного транспорта» // Собрание законодательства СССР. 1930. № 55. Ст. 581; Постановление СНК СССР от 10 февраля 1935 г. № 232 «Об утверждении Устава железных дорог Союза ССР» // Собрание законодательства СССР. 1935. № 9. Ст. 73; Постановление ЦИК СССР № 14, СНК СССР № 1713 от 7 августа 1935 г. «Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР» // Собрание законодательства СССР. 1935. № 43. Ст. 359 а.

А. С. Квитчук*

М. А. Квитчук**

БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Как показывает анализ ряда исторических источников, уже в первые годы образования Киевской Руси – первого российского государства, его правители озаботились вопросами обеспечения правопорядка на территории вновь образовавшегося государства. Это было связано с несколькими факторами, однако, прежде всего тем, что шла активная военная интервенция первых русских князей (Рюрик, Олег) в отношении близлежащих племен (древляне, радимичи и др.). В процессе реализации интервенции племена и их территории входили в состав Киевского государства, облагались налогом (данью) и обязаны были его платить ежегодно. Взамен киевские князья обеспечивали гарнизонную охрану территорий племен. Эта обязанность реализовывалась посредством, во-первых, оставления части дружинных войск на территории племени, во-вторых, строительством небольших гарнизонных крепостей (вокруг которых в дальнейшем обра-

* *Квитчук Анатолий Сергеевич* – начальник кафедры транспортной безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

** *Квитчук Маргарита Александровна* – заместитель начальника кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент.

зовывались города, некоторые из которых существуют до сих пор). Реализация правоохранительной функции осуществлялась в данном случае с двух точек зрения. Во-первых, это защита жителей вновь вошедших территорий, а во-вторых, это обеспечение стабильности функционирования княжеской власти, обеспечение сбора налогов и податей. Фактически подобные воинские отряды, которые оставались на территории племен, объединяли функции сразу нескольких современных правоохранительных и контрольных органов, а именно: полиции, органов безопасности, налоговых органов¹.

Логично предположить, что среди правоохранительных функций, которые осуществлялись представителями княжеской дружины, было и обеспечение регулирования дорожного движения, его безопасности и правильности организации. Фактически дорожное движение существовало в тот период и реализовывалось посредством различного рода повозок, в которые чаще других запрягались лошади, а в определенных случаях и другие животные (например, гончие псы). По территории Киевской Руси проходило два важнейших торговых пути – «из варяг в греки» и «из варяг в персы». В этой связи предположение о наличии в Киевской Руси инструментов, посредством которых осуществлялось регулирование дорожного движения, обеспечение его безопасности, выглядит логичным. Действительно, работа в данном направлении велась, однако имела одну существенную специфику: дорог в Киевской Руси было крайне малое количество. Большую часть территории государства составляли непроходимые болота и лесные земли, по которым было невозможно проехать. В этой связи основной способ передвижения был связан с водой: в летнее время года передвигались в основном по рекам, каналам и иным водоемам, а в зимнее – по льду

замерших водоемов. В плане осуществления организации дорожного движения в указанный период следует выделить действия княжеской администрации по созданию новых и благоустройству имеющихся мест передвижения. «Княжеская администрация заботилась о состоянии сухопутных дорог, одной из ее задач было наведение гатей в болотистых местах. Древнейшая Лаврентьевская летопись приводит повеление великого князя киевского Владимира Святого (X в.): "Требите путь и мостите мост" (расчищайте дорогу и мостите настил), а "Слово о полку Игореве" (XII в.) рисует картину победного шествия русского войска, бросающего под ноги коням в виде гати, добытые в бою драгоценные ткани»². Историки отмечают, что «Первое упоминание о дорожных работах относится к 1015 г. Согласно "Повести временных лет", киевский князь Владимир, собираясь в поход на своего сына Ярослава, княжившего в Новгороде, приказал слугам: "Теребите пути и мосты мостите". В XI в. власть попыталась законодательно определить статус "мостников" – мастеров по строительству и ремонту мостов и мостовых. Первый на Руси письменный свод законов – "Русская правда" содержит "Урок мостникам", в котором, помимо прочего, устанавливались тарифы на различные дорожные работы»³.

Из приведенных двух исторических фактов, можем сделать один немаловажный и весьма значимый вывод. В обоих случаях организации дорожного движения существенное внимание уделялось вопросам доведения соответствующей информации до населения государства. Причина наличия подобной необходимости могла крыться в различных аспектах: это могло быть желание князя задействовать как можно больше населения в процессе осуществления дорожно-строительных работ, а могло быть просто информирование жителей о проводимых меропри-

ятнях и возможности в скором времени пользоваться новыми дорожными путями передвижения. Таким образом, первые зачатки деятельности по пропаганде безопасности дорожного движения были зарожжены именно в период Киевской Руси. Субъектами осуществления мероприятий по пропаганде безопасности дорожного движения был сам князь, а также летописцы и лица, которые осуществляли объявление всех княжеских указов в наиболее людных местах – местах торговли и схода населения. В этой связи мы не можем согласиться с некоторыми авторами, которые, исследуя историческую сущность института пропаганды безопасности дорожного движения, отмечают, что как такового данного института не было в период формирования Древнерусского государства.

Важным этапом в развитии деятельности по организации дорожного движения, его регулированию и обеспечению безопасности стал период формирования единого централизованного государства вокруг нового центра – Москвы. Необходимость реализации объединения и централизации власти была вызвана золотоордынским игом, которое было на территории нашего государства. Следствие – крайняя степень раздробленности, отсутствие единого механизма управления территориями. Московские князья активно приступают к процессу объединения русских земель, и организация функционирования дорожных путей сообщения стала одним из важнейших элементов подобной деятельности.

Московское княжество объединяет вокруг себя земли Северо-Восточной Руси. В конце XV в. появляется новое название единого государства – Россия. Рост территории России продолжался и в XVI–XVII вв.⁴

К концу XVI столетия в состав России вошли Поволжье, Приуралье, Западная Сибирь. С ростом территории

дороги в России приобрели особое значение: по ним гонцы со всех окраин государства доставляли в Москву известия о вторжениях иноземных войск, мятежах и неурожаях. Центральная власть проявляла особую заботу о развитии ямской почты, унаследованной от татар⁵.

В XVI в. ямская гоньба была установлена в Рязанской и Смоленской землях. Ко времени правления Ивана III относится первая сохранившаяся подорожная грамота, выданная Юрию Греку и Кулке Оксеньтьеву, посланным «в немцы»⁶. В ней государь приказывал на всем расстоянии от Москвы к Твери, от Твери к Торжку и от Торжка к Новгороду давать послам «по две подводы до подвод от яму до яму по сей моей грамоте». В другой грамоте Ивана III (от 6 июня 1481 г.) впервые упомянута должность чиновника, отвечающего за состояние почтовых станций и дорог – ямского пристава. Ямы располагались на расстоянии в 30–50 верст. Ямщики были обязаны обеспечивать лошадьми всех путешествующих с княжеской грамотой; за службу они освобождались от тягла – государевой подати и всех повинностей, и получали содержание деньгами и овсом. Содержать дороги в хорошем состоянии должны были под присмотром ямщиков местные крестьяне. По выбору старосты два человека от сохи (территориальной единицы выплаты подати) выходили на расчистку дорог, ремонт мостов и обновление гатей через заболоченные участки дороги.

При Иване Грозном был создан единый орган управления дорожным делом – Ямская изба (1555). Уже в начале XVI в. появились первые описания больших российских дорог – «Русский дорожник», «Пермский дорожник», «Югорский дорожник». К концу XVI в. появились и изгонные книги с описанием мелких областных дорог⁷.

Исходя из приведенных исторических фактов, можем

сделать ряд выводов относительно развития института пропаганды безопасности дорожного движения и субъектов, которые реализовывали данное направление деятельности. Способов доведения информации до населения о состоянии дорог, правилах, которыми им надлежало пользоваться, оставалось два: это письменные и непосредственный. Письменный способ осуществлялся посредством изготовления и распространения соответствующих документов – грамот, которые содержали указы и распоряжения князей (в дальнейшем – царей). Содержание указов и распоряжения касалось и вопросов организации дорожного движения. Второй способ осуществлялся посредством деятельности отдельных лиц, которые непосредственно доводили необходимую информацию до населения.

Раскрыв информацию о субъектах осуществления данного направления деятельности, можем констатировать, что именно в данный период начинает формироваться процесс профилизации пропаганды безопасности дорожного движения. Создаются отдельные подразделения, которые были ответственны за контроль по организации дорожного движения. Постепенно в их обязанности начинает входить осуществление элементов пропаганды в сфере дорожного движения.

Следующим этапом развития института пропаганды безопасности дорожного движения, следует считать период правления Петра I. Как правило, данный период принято определять как этап развития практически любого события, явления, вида деятельности и других аспектов. Связано это с той политикой, которая была избрана первым российским императором. Заключалась она в тотальном преобразовании всех областей и отраслей российской государственной и общественной деятельности, жизнеде-

тельности каждого человека. Преобразования Петра I носили всепоглощающий характер и могли реализовываться как на фундаментальном уровне (образование нового города), так и касаться бытовых вопросов (бритье бород). В этой связи логично предположить, что и в сфере организации дорожного движения в целом и пропаганды в данном направлении в частности имелись свои направления. В частности, в 1712 г. по повелению Петра I началось строительство столичного тракта по прямому направлению. Он проходил по болотистой местности, сооружался очень медленно. Для активизации работ была образована Канцелярия перспективной дороги и разработано положение «К устройению дороги и мостов от Москвы до Петербурга». Постройка тракта протяженностью 778 км, с заходом в Новгород, закончилась в 1746 г.⁸

В петровскую эпоху надзор за дорогами перешел к Камер-коллегии – центральному налоговому ведомству, собиравшему и дорожные пошлины. На местах – в губерниях и провинциях, дороги были поручены земским комиссарам, которые избирались местными помещиками и подчиненным Камер-коллегии. Крупнейшей дорожной стройкой петровского времени, несомненно, было строительство «перспективной» – прямолинейной дороги из Петербурга в Москву. Дорожными работами ведала Канцелярия от строений государственных дорог во главе которой стоял генерал В. В. Фермор⁹.

Началом дорожного строительства в России можно считать 1722 г., когда 1 июня был издан сенатский указ о постройке дороги, связывающей Петербург с Москвой. Дорогу строили как грунтовую. В указе от 20 мая 1723 г. говорилось: «А в болотных местах класть фашины и между ими насыпать землею слоями до тех мест, как вышиною будет с натуральною землею ровно и потом мостить, не

подкладывая под испод бревен и сверх того мосту насыпать по небольшому земли»¹⁰.

Для доведения сведений о преобразованиях в сфере дорожного движения, новых дорогах, правилах перемещения по ним, впервые создается отдельная должность – объезжий голова. В обязанности данных должностных лиц входило «обнародование требований в сфере безопасности дорожного движения, обличенных в форму указов государя»¹¹. К данным должностным лицам предъявлялись специальные требования, прежде всего, в сфере обладания ораторским искусством, умения говорить при большом скоплении людей. «Воля государя в области дорожного движения должна была быть доведена умело, красочно и убедительно». Объезжие головы создавали себе специальные команды, в которые входили различные должностные лица, выполнявшие как вспомогательные, обеспечивающие функции, так и совместно с головами агитировавшие за безопасность дорожного движения. Следовательно, появившись практически с момента образования Древнерусского государства, институт организации и обеспечения безопасности дорожного движения был свойственен развитию государства на протяжении всех исторических этапов.

© Квитчук А. С., Квитчук М. А., 2023

¹ *История государства и права России*. М., 2015. С. 18.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 23.

⁴ *История отечественного государства и права: Учебное пособие* / Под ред. Г. Ю. Курсковой, А. В. Давиденко. М., 2017. С. 26.

⁵ *История отечественного государства и права: Учебное пособие* / Под ред. Н. М. Михайловой, Г. Ю. Курсковой. М., 2013. С. 77.

⁶ *Акунин Б.* История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова. Между Азией и Европой. М., 2016. С. 114.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ *Захаров В. В.* История государства и права России: Учебник. М., 2015. С. 210; *Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю., Змерзлый Б. В.* Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве. СПб., 2021. С. 9–43.

⁹ *Орлова Н. Е.* История отечественного государства и права: Курс лекций. Ростов-н/Д., 2015. С. 150.

¹⁰ *Захаров В. В.* История государства и права России: Учебник. С. 210.

¹¹ *Головко В. В., Бекетов О. И., Майоров В. И.* Государственная инспекция безопасности дорожного движения: проблемы реформы и перспективы // Административное право и процесс. 2016. № 12. С. 23; *Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю., Змерзлый Б. В.* Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве. СПб., 2021. С. 28–32.

М. А. Квитчук*

А. С. Квитчук**

ПРОПАГАНДА БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Важным этапом развития обеспечения безопасности дорожного движения является деятельность российских императоров XIX в. В данном случае следует выделить несколько конкретных **тенденций, характеризовавших процесс организации пропаганды безопасности дорожного движения:**

1) доведение информации до населения о вновь принятых нормативных документах в сфере организации дорожного движения. В данный период идет активное наращивание правовой базы в указанной сфере. Само по себе, принятие подобных документов не решало проблем в сфере организации дорожного движения. Нужно было довести до максимально неограниченного круга лиц конкретные требования, которые содержались в указанных актах. Речь, в частности, идет о таких документах, как Указ «О запрещении скорой езды», который впервые определил, что ответственность за нарушение правил пе-

* *Квитчук Маргарита Александровна* – заместитель начальника кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент.

** *Квитчук Анатолий Сергеевич* – начальник кафедры транспортной безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

редвижения гужевого транспорта по улицам возлагается не только на извозчика, но и на владельца экипажа¹, затем это положение было закреплено в «Наставлении старостам извозчым и извозчикам»², принятом в 1812 г.;

2) впервые были расширены формы обеспечения пропаганды безопасности дорожного движения. В целях доведения до граждан информации об указанных выше нормативных документах, была развернута широкая и активная пропагандистская деятельность: активное печатание наставления в газетах, расклейка специальных листовок, буклетов с вырезками и цитатами из документов. Относительно второго, отметим, что расклейка происходила не в стихийном и случайном порядке, а целенаправленно. Так, например, в местах пешеходных переходов размещалась информация о правилах перехода пешеходов и поведения водителей и управляющих транспортом в данных местах, возле мостов размещалась информация правила движения по мосту и т. д.;

3) впервые пропаганда безопасности дорожного движения начинает приобретать субъективно правоохранный характер. Это значит, что постепенно, статус центрального субъекта в указанных вопросах отдается конкретному органу государственной власти правоохранительной направленности. Речь в данном случае идет о Министерстве внутренних дел, которое было образовано в 1802 г.

Таким образом, ко времени распада Российской империи и образованию нового государства – Союза Советских Социалистических Республик, в государстве был накоплен достаточный опыт, как в сфере организации и обеспечения безопасности дорожного движения, так и в сфере осуществлении пропаганды безопасности дорожного движения. В этой связи, согласиться с мнением отно-

сительно того, что именно в СССР впервые появилась пропаганда безопасности дорожного движения, нельзя. При этом мы прекрасно понимаем, в связи с чем появляются такие мнения. Это связано с двумя моментами. Во-первых, это факт того, что советское государство решительно отвергало все положения и позиции, которые имели место быть в Российской империи. В этой связи, все данные аспекты фактически, были преданы забвению, от них полностью отказались. Во-вторых, это сущность советского государства, которое в большей своей степени было основано и связано общей идеологией, составной и обязательной частью которой была пропаганда, причем, во всех сферах её жизнедеятельности. Соответственно, совокупность указанных факторов и привела к распространению подобных, с нашей точки зрения, ошибочных мнений.

Тем не менее, нельзя отрицать того факта, что именно в советский период были заложены множественные основы для осуществления пропаганды безопасности дорожного движения, многие из которых реализуются (с учетом особенностей современного периода развития) до настоящего времени. Отмечая **особенности реализации пропаганды безопасности дорожного движения в советский период**, нужно остановиться на нескольких аспектах:

1) субъекты пропаганды. Первыми подобными субъектами стали отделы регулирования уличным движением. Базой их деятельности были органы внутренних дел, данные подразделения являлись милицией, причем милицией общественной безопасности. В полномочия указанных подразделений, помимо прочего, входила и пропаганда безопасности дорожного движения. 3 июля 1936 г. образовывается Государственная автомобильная инспекция. И

с этого периода именно данное подразделение является основным субъектом осуществления пропаганды безопасности дорожного движения;

2) способы и формы пропаганды безопасности дорожного движения. Основной формой оставалось издание и распространение печатно-массовой продукции. В рассматриваемый период издавались такие журналы, как «За рулем», «Советская милиция», «За безопасность движения», «Новости дня», «Наука и техника», «Фитиль». Помимо журналов, активно распространялись памятки с содержащимися там правилами дорожного движения, как в целом, так и применительно к отдельным категориям граждан: «Памятка для пешеходов», «Берегите детей от несчастных случаев», «Памятка для велосипедиста», «Дисциплина на улице – залог безопасности пешехода»³. Также проводились различные всесоюзные агитационные, профилактические и массовые мероприятия: «Трактор», «Автобус», «Внимание – дорога», «Осторожно, водитель», «Внимание – дети»⁴. Помимо этого, происходило создание соответствующих пропагандистских фильмов. Еще одной формой осуществления пропаганды безопасности дорожного движения, было широкое использование громкоговорителей. Так, во второй половине 1950-х годов патрульные автомобили и мотоциклы оборудовались УКВ-радиостанциями и громкоговорящими установками; приобретались агитмашины с киноаппаратурой⁵;

3) нормативная основа пропаганды безопасности дорожного движения. За указанный период принимается множество правовых актов в сфере организации и обеспечения безопасности дорожного движения, которые, либо косвенно, либо напрямую, но касались пропаганды в указанной сфере. Следует упомянуть такие акты, как: циркуляр «О мероприятиях по развертыванию пропаган-

ды безопасности уличного движения», приказ «С объявлением инструкции об агитационно-пропагандистской работе по безопасности дорожного движения», постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об участии граждан в охране общественного порядка», «Правила движения по улицам и дорогам Союза ССР»⁶;

4) научная основа пропаганды безопасности дорожного движения. В особенности это касалось профилактики детского дорожно-транспортного травматизма. В Ленинграде ОРУД совместно с Ленинградской психотехнической лабораторией, работниками транспортных служб, образовательных учреждений разработал серию инструктивных писем по безопасности для родителей и детей. С 1934 г. в школах города началось обязательное ознакомление учащихся с правилами уличного движения⁷. Аналогичные мероприятия проводились и в Москве;

5) использование потенциала общественности в сфере пропаганды безопасности дорожного движения. На автопредприятиях создаются комиссии общественного контроля за техническим состоянием,⁸ специализированные добровольные народные дружины, а в их составе – секции по безопасности движения. Примерно 60 % каждой дружины составляли секции дорожно-патрульной службы, 40 % – группы надзора за техническим состоянием транспорта и пропаганды⁹.

Таким образом, можно констатировать, что появившись практически с момента образования Древнерусского государства, институт организации и обеспечения безопасности дорожного движения, был свойственен развитию государства на протяжении всех исторических этапов. В дореволюционный период в государстве был накоплен достаточный опыт, как в сфере организации и обеспечения безопасности дорожного движения, так и в

сфере осуществлении пропаганды безопасности дорожного движения. В советский период развитие пропаганды безопасности дорожного движения осуществлялось в соответствии со следующими тенденциями:

– установление четкой системы субъектов пропаганды безопасности дорожного движения, во главе которой стояли подразделения органов внутренних дел – ГАИ;

– разработка системы способов и форм пропаганды безопасности дорожного движения;

– обеспечение нормативной основы пропаганды безопасности дорожного движения;

– обеспечение научной основы пропаганды безопасности дорожного движения;

– использование потенциала общественности в сфере пропаганды безопасности дорожного движения.

Безусловно, та системность и значительность, с которой к вопросу организации и реализации пропаганды безопасности дорожного движения подошло советское государство, заслуживает отдельного внимания, в том числе и в части, касающейся возможного использования положительного опыта в современных условиях.

© Квитчук М. А., Квитчук А. С., 2023

¹ Именной Указ, объявленный Обер-полицмейстеру Овсову графом Толстым, «О запрещении скорой езды» от 29 августа 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. Т. XXVII. № 10396. С. 238.

² *Войтенков Е. А.* Эволюция системы обеспечения безопасности дорожного движения в России // *Транспортное право.* 2009. № 2. С. 24.

³ *Кузнецова Н. М., Казанова Л. А.* Роль подразделений пропаганды безопасности дорожного движения в деятельности Госавтоинспекции. История становления, направления дальнейшего развития. М., 2017. С. 11

⁴ Там же; *Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю., Змерзлый Б. В.* Обеспечение безопасности дорож-

ного движения: генезис системы в Российском государстве. СПб., 2021. С. 176–190.

⁵ *Смородина В. А.* Из истории пропаганды безопасности дорожного движения // История государства и права. 2006. № 12. С. 19–20.

⁶ *Правила движения по улицам и дорогам Союза ССР.* М., 1960.

⁷ *Квитчук А. С.* Система обеспечения безопасности дорожного движения в России (историко-правовое исследование): Дис.... докт. юрид. наук. СПб., 2006. С. 15

⁸ Постановлением Совета Министров РСФСР и ВЦСПС от 28 ноября 1959 г № 1867 утверждено «Положение о комиссии общественного контроля за техническим состоянием автомобилей».

⁹ *Клинковштейн Ш., Афанасьев М.* Организация дорожного движения. М., 1992. С. 58.

Е. В. Калинина*

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ПРИВЫЧНЫЕ ВЫЗОВЫ, НОВЫЙ ФОРМАТ

В геополитическом дискурсе вплоть до середины XX в. обсуждались подходы к укреплению мирного международного сотрудничества и вырабатывались нормы договоров, обязывающих государства уважать суверенные права друг друга и не вмешиваться во внутренние дела. Однако пока политики и ученые пытались сформулировать принципы незыблемости государственных границ и неприкосновенность территории государства¹, создавались предпосылки для появления и признания пространства нового формата, границы которого практически не подлежат физической демаркации – пространства, для которого в современной терминологии используется множество характеристик: «коммуникативное», «коммуникационное», «информационное», «медиапространство» и другие.

Безусловно, в указанных характеристиках содержится фокусировка на определенных свойствах, поэтому они не являются полностью синонимичными. Тем не менее, все они связаны со средой оборота информационных потоков, которые могут быть облечены в слова, знаки, символы, образы, жесты и прочее. И если термин «коммуни-

* *Калинина Евгения Валерьевна* – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент.

кативное пространство» представляется наиболее объемным по значению, поскольку включает в себя не только все многообразие информации, участников обмена ею, коммуникационную инфраструктуру, но и культурный и духовно-нравственный аспект, то понятие «медиапространство» представляется более концентрированным, предполагающим акцент на распределение информации и даже управление участниками коммуникации путем формирования определенного мнения.

Кроме того, с точки зрения права, сложно охватить все многообразие коммуникаций; большая их часть остается «за кадром» механизма правового регулирования, поскольку не подпадает под категорию «наиболее важных для жизни общества объектов», например, внутренние отношения между членами «сообщества по интересам» в рамках соцсетей, провоцирование коммуникаторами определенных эмоций у реципиентов², формирование у последних восприятия реальности под специфическим углом зрения и многое другое, что носит «завуалированный» характер и только со временем может дать очевидные «всходы», сказавшись на общественном порядке и доверии к властям. Например, первоначально, взрослая часть населения скептически восприняла мемы как элемент молодежной среды, и лишь потом пришло осознание того, насколько серьезным инструментом формирования общественного мнения этот феномен оказался. На данный момент издан ряд публикаций, раскрывающих механизм управления не только общественным мнением, но и политическими процессами³ при помощи сетевых технологий и мемов⁴. В научном и политическом словаре даже закрепился новый концепт – «меметическая инженерия»⁵.

Очевидно, что соперничество государств никогда не прекращалось. И если удалось установить ограничитель-

ные рамки применения физического насилия, то произошло это тогда, когда появились инновационные способы противоборства, которые носят скрытый характер, позволяют сэкономить на военных расходах, перенося виртуальный «театр военных действий» на физическую территорию внешнеполитического оппонента и разрушая единство населения государства изнутри. Этому в немалой степени способствуют искажение и высмеивание прежних устоев общества и государства, подмена понятий, развенчание национальных «героев», на чьем примере формировались предшествующие поколения и возвеличивание тех, кто в контексте предшествующей системы ценностей был бы квалифицирован как «антигерой». Действие и последствия этих и иных антиэтических манипулятивных механизмов мы наблюдаем на примере нашего общества. Очевидную роль в них сыграли не только традиционные СМИ, но и инновационные медиаресурсы.

Возникает вопрос, нужно ли контролировать медиасферу во всех ее проявлениях? Если да, то каков предел вмешательства государства в данное пространство?

Перед современными властями стоит непростая задача – сохранение целостности народа и государства при наличии множества действенных деструктивных факторов. Разработки западных специалистов XX в. по созданию эффективных инструментов манипуляции общественным сознанием увенчались успехом – удалось подвергнуть гонению саму идею идеологии, которая для таких масштабных конструкторов как СССР и объединение стран социалистического лагеря являлась фундаментальным элементом. Взамен, европейским сообществом в 1991 г. были предложены концепты прав человека, свободы и демократии, как обязательные ориентиры новых государственных образований, необходимые для их меж-

дународного признания в качестве субъектов международного права.

Безусловно, любая признанная теория, даже потенциально рискованная, имеет свои привлекательные черты, иначе она не смогла бы получить поддержки масс. Конечно, сейчас уже поздно вспоминать мудрое предостережение Т. Гоббса о нежелательности бесконтрольного попустительства распространению политических идей, имеющих потенциал к расколу общества и разрушению государства изнутри. Однако к иному его совету стоило бы прислушаться – органам государственной власти следует надлежащим, достаточным образом информировать народ о целесообразности мероприятий, способных вызвать у населения сомнения в их приемлемости. Порой, для восстановления и поддержания правопорядка, приходится применять средства более жесткие, чем это привычно для населения. Поэтому у последнего может складываться впечатление, что власти начинают ограничивать их, индивидов, свободу, злоупотребляя своими полномочиями. Этим не преминут воспользоваться политические оппоненты, указывая на «необоснованное» ужесточение мер управления и на несостоятельность сложившегося механизма государства.

До настоящего момента, проблематика медиаправа, являясь структурным элементом образовательной программы подготовки журналистов, практически не наблюдается в учебных планах юридических факультетов. Учитывая роль, которую играют как традиционные, так и инновационные СМИ, а также иные медиаресурсы, эффективность инструментов медиaprостранства в воздействии на массовое сознание в формировании общественного мнения и управления им, что в итоге влияет на вектор культурно-ценностных трансформаций общества,

необходимость подготовки юристов, специализирующихся на сфере общественных отношений, регулируемых медиаправом крайне важна. Целесообразно также совершенствование государственной стратегии управления Интернетом и взаимодействия с частными и публичными акторами медиaprостранства.

Таким образом, представляются необходимыми следующие мероприятия: оптимизация государственной информационной политики с учетом инновационных вызовов и угроз медиaprостранства; разработка определения понятия «тайная информационно-психологическая операция» и выявление его внутренней структуры; признание особой общественной опасности действий средств массовой коммуникации, участвующих в информационно-психологическом противоборстве и подрывающих доверие населения к действующему механизму государства; институционализация профайлинга медиакоммуникаций с целью отслеживания деструктивного воздействия недобросовестных СМИ и других средств массовой коммуникации на общественное мнение; подготовка высококвалифицированных юридических кадров в сфере управления медиaprостранством, за счет введения в образовательные программы по юриспруденции междисциплинарных курсов по психологии влияния и медиаправу.

© Калинина Е. В., 2023

¹ Хельсинкский Заключительный акт СБСЕ. 1975 г.

² Степанов В. Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации. СПб., 2003; Солодухо А. С, Лозовский А. В. Провокативность в Интернет-коммуникации: проблема определения понятия // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Философия. Психология. 2019. № 1. С. 104–109.

³ Минченко Е. Н. Универсальные избирательные технологии и страновая специфика: опыт российских политических

консультантов. – http://www.minchenko.ru/netcat_files/pdf/universalqnye_stranovye_tehnologii.pdf (дата обращения 10.02.2023).

⁴ *Siegel J.* Is America Prepared for Meme Warfare? Memes function like IEDs // Motherboard. 31.01.2017. – https://motherboard.vice.com/en_us/article/xyvwdk/meme-warfare (дата обращения: 20.03.2022); *Ross A., Rivers D.* Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S Presidential candidates // *Discourse, Context & Media*. 2017. Vol. 16. P. 1–11. – <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001> (дата обращения: 01.10.2022); *Шомова С. А.* «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 5. С. 257. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.12>. (дата обращения: 01.10.2022); *Порецкова А. А., Савин Н. Ю.* Мемы как инструмент консолидации протестного движения (на примере коротких видео социальной сети TikTok) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 6. С. 76–96. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2030> (дата обращения: 01.10.2022).

⁵ Презентация О. Демидова (Пир-Центр) – <https://www.slideserve.com/donal/5412969>. (дата обращения: 01.10.2022); *Безматерных А. Н.* Психологическое противостояние меметической инженерии, используемой в деструктивных целях // *Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-мире: сборник трудов конференции*. Челябинск, 2021. С. 414–418.

И. В. Малышева*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Социальные сети прочно вошли в нашу жизнь благодаря появлению Интернета, удобству пользования с позиции экономии времени, денежных средств и иным соображениям. Всемирная пандемия коронавируса, в условиях которой все социальные группы (профессиональные сообщества, творческие коллективы, семья, школа и иные) были вынуждены перейти в пространство социальных сетей и разнообразных цифровых платформ, придала пространству социальных сетей особое значение: стали более очевидны преимущества таковых для реализации профессиональных задач, расширился круг возможностей работать и получать услуги «не выходя из дома». Тем не менее, не смотря на преимущества, у социальных сетей имеются и явные недостатки, которые требуют установления механизма правового регулирования.

В декабре 2020 г. в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) была введена ст. 10.6. «Особенности распространения информации в социальных сетях», п. 1 данной статьи устанавливает ограничения по распространению информации и основные требования для «владельцев сайта и (или) информационной системы, и (или) програм-

* *Малышева Инна Викторовна* – начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Санкт-Петербургского Университета ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

мы для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке Российской Федерации... или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама... и *доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети Интернет* (курсив мой. – И. В.), находящихся на территории Российской Федерации...». Из смысла этой статьи становится очевидным два основных положения.

1. В названии статьи используется понятие «социальные сети», однако Закон об информации прямо не устанавливает дефиницию, хотя ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе», по логике изложения, должна бы содержать данное понятие. Из смысла нормы, изложенной в ст. 10.6. Закона об информации, можно предположить, что перечисленные характерные элементы цифрового пространства и причисляются к понятию «социальных сетей». Тем не менее, очевидно, что отсутствие прямого закрепления понятия даёт возможность расширительного или не точного толкования понятия «социальные сети».

2. Закон об информации регламентирует правила ведения социальных сетей, «доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети Интернет». Таким образом, фактически, при буквальном толковании текста статьи, если на протяжении трёх месяцев в течении суток страницу сайта или иной формы социальных сетей посещают менее пятисот тысяч пользователей сети Интернет, то эти правила на них не распространяются. Такие социальные сети находятся вне

правового поля.

Исследователи правового регулирования социальных сетей прежде всего видят проблему информационной безопасности в масштабах государства: так, Н. В. Журавлёв и А. А. Журавлёва, обратили внимание прежде всего на революционные процессы, относительно недавно протекавшие в Сирии и Белоруссии¹, которые достаточно быстро распространялись именно благодаря передаче информации по социальным сетям; А. М. Ваховский анализирует результаты социального опроса на предмет наличия «фейковых» (ложных) новостей в Интернет-источниках и их влиянии на политические процессы².

Однако, видится, что информационную безопасность необходимо рассматривать не только с позиции государственной безопасности, но и для отдельных категорий граждан. Прежде всего, стоит выделить две категории – это несовершеннолетние и лица пожилого возраста. Правы И. А. Лавров и А. В. Сокол в том, что «содержимое в социальных сетях и Интернет-пространстве может оказывать негативное и аморальное влияние на всех пользователей без исключения, но в особенности на детей»³. Обращает на себя внимание, что Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – Закон о защите детей) не уделяет отдельного внимания цифровому пространству и пространству социальных сетей, что вполне очевидно в современных условиях, при том, что понятие «информационная безопасность» в Законе о защите детей устанавливается (п. 4 ст. 2). Действительно, несовершеннолетние, с одной стороны, довольно быстро осваивают пространство социальных сетей в силу психологических особенностей возраста, с другой

стороны, уровень безопасности Интернет-пространства для детей разного возраста сегодня не высок. Кроме несовершеннолетних, повышенной опасностью влияния социальных сетей подвергаются лица пожилого возраста, точнее 60 лет преимущественно. Эта категория лиц уязвима в силу возрастных особенностей и того фактора, что в их жизни социальные сети появились достаточно поздно, что отражает низкую заинтересованность самих пожилых осваивать пространство социальных сетей. Убеждены, что именно эти две основные категории должны быть в приоритете по обеспечению безопасного пространства социальных сетей.

Возвращаясь к основным двум особенностям правового регулирования социальных сетей, стоит ещё раз подчеркнуть, что чёткость при определении понятий; максимальное число субъектов, для которых определены законные правила поведения – основа безопасности Интернет-пространства и социальных сетей.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Социальные сети представляют собой особое пространство, требующее детального правового регулирования, чёткости нормативных предписаний. Действующий Закон об информации содержит, но не раскрывает особенности понятия «социальные сети».

2. По действующему законодательству правила и требования установлены для владельцев социальных сетей, доступ к которым в течении суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети Интернет. Очевидно, что регистрировать необходимо только активных пользователей, которые используют социальные сети как профессиональную площадку в установленных законом границах. Однако, ограничительные по содержанию информации требования должны распространяться на

всех без исключения.

3. При формировании механизма правового регулирования социальных сетей, а убеждение, что данная сфера жизни человека будет активно развиваться, имеет все основания, необходимо исходить из приоритета принципа безопасности для государства, несовершеннолетних и лиц пожилого возраста. Нормативные акты, которые должны устанавливать правовые нормы регулирования социальных сетей – это Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

© Малышева И. В., 2023

¹ Журавлёв Н. В., Журавлёва А. А. Сложности правового регулирования в сфере массовых коммуникаций // Медиасреда. 2020. № 2. С. 152.

² Ваховский А. М. Распространение недостоверной информации в Интернете в контексте современного политического процесса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 25–35.

³ Лавров И. А., Сокол А. В. Российская власть и Интернет: безопасность против свободы слова // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 2. С. 14.

А. В. Квитко*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Юридическая наука активно занимается разработкой ряда понятий, среди которых особого внимания заслуживает категория «экологическая безопасность»¹. Для осмысления смыслового значения данной категории следует обратиться к юридической литературе. В юридической литературе данный термин активно обсуждается с учетом его уголовно-правовой направленности².

В. С. Узловенко отмечает, что соблюдение природоохранного уголовного законодательства способствует благоприятным условиям проживания, влияет на здоровье, качество и продолжительность жизни населения, в том числе будущего его поколения³. В этой связи уголовным законодательством исключается возможность деликтной ответственности в отношении граждан, допустивших какое-либо нарушение повлекшее негативное физическое воздействие на природные свойства воздуха, которое наносит или создает угрозу причинения вреда жизни и здоровью населения. С другой стороны, с учетом конституционных гарантий граждан, абсолютно любое виновное противоправное загрязнение атмосферного воздуха должно влечь за собой уголовную ответственность, при условии достижения криминальной степени воздействия⁴.

* *Квитко Антон Владимирович* – аспирант кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск).

Законом об охране атмосферного воздуха предусмотрена ответственность за причинение вреда по таксам и методикам, а при их отсутствии по фактическим затратам на возмещение вреда⁵. Важно чтобы законодательные преобразования не носили хаотичный, бессистемный характер, а принимаемые нормы находили должную опору⁶. В этой связи формирование и видоизменение нормативно-правовой базы в области экологической безопасности необходимо осуществлять параллельно с процессом реформирования уголовного законодательства в сфере охраны окружающей среды⁷.

Следующим недостатком содержания гл. 26 УК РФ, на который автор работы предлагает обратить внимание, непоследовательность законодателя при поэтапном внесении дополнений в уголовный закон новыми нормами. Так, ст. 258.1 УК РФ предусматривает не только незаконную добычу, но и оборот особо ценных диких животных. Объективная сторона ч. 1 состава выражена в добыче, а в перевозке, пересылке, и другой реализации особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, занесенным в Красную книгу⁸; ч. 1.1., 2.1, 3.1. ст. 258.1. УК РФ – в приобретении или продаже предмета преступления рассматриваемого состава, с использованием Интернет-ресурсов, средств массовой информации и других сервисов. Данные нормы встроены ошибочно ст. 258.1. УК РФ гл. 26 УК РФ в 2018 г. Подобное изменение уголовного закона путем встраивания дополнительных норм, нарушает определенную законодателем структуру. Однако гл. 26 УК РФ называется «Экологические преступления». Именно исходя из родового объекта преступных деяний, входящих в состав главы, должна формироваться подсистема норм и их конструкция. Таким образом, по убеждению автора, общественно-опасные деяния исследуемой

категории должны быть направлены исключительно на негативное воздействие окружающей природной среды и ее основных компонентов. В этой связи общественно-опасные последствия экологических преступлений должны выражаться в загрязнении, уничтожении, повреждении до степени деградации, истощения и т. д. Товарооборот и создание рынка незаконного изъятого предмета экологического преступления из источников естественного его обитания, независимо от способов его реализации, относится к экономической деятельности. Представленные доводы аргументируем отнесением схожих по законодательному замыслу составам преступлений, предусмотренных ст. 191, 191.1. УК РФ, к экономическим преступлениям, которые предусматривают незаконные оборот нефрита, янтаря, жемчуга, а также перевозка, приобретение, хранение сбыт заведомо незаконной заготовленной древесины. Сюда же можно отнести п. б ч. 2 ст. 175 УК РФ, предусматривающий незаконные приобретение или сбыт нефти и продуктов ее переработки. Такой правовой конструктив уголовного закона и подразумевает распределение составов преступлений исходя из родового объекта посягательства. С учетом изложенного предлагается преобразовать состав ст. 258.1 УК РФ, с устранением дефектов его уголовно-правовой конструкции. Общественно-опасные действия предлагается ограничить незаконной добычей предметов посягательства, входящих в Красную книгу Российской Федерации. При этом незаконные оборот, транспортировка указанных природных ресурсов, охраняемых природоохранным законодательством заключающихся в незаконной экономической деятельности отнести в гл. 22 УК РФ.

Вместе с тем, в России до настоящего времени законодатель не счел необходимым предусмотреть уголовно-

правовую ответственность за укрывательство производственных и техногенных аварий, причиняющих вред природной среде и отдельным ее компонентам. Следует отметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации в 2016 г. дополнен составом ст. 205.6 УК РФ, устанавливающий ответственность за несообщение в органы власти информацию о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных рядом статей, входящих в состав 24 и 34 глав Кодекса.

Таким образом, научное обоснование обеспечения экологической безопасности имеет определяющее значение в юридической науке и доктрине уголовного права.

© Квитко А. В., 2023

¹ Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации Концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 1(100). С. 9–19.

² Авдеева О. А., Авдеев В. А. Сущностно-ценностный дискурс в понимании права в условиях развития правового государства // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 3(102). С. 12–22.

³ Узловенко В. С. Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности в Российской Федерации // Молодой исследователь Дона. 2021. № 1(28). С. 94–97.

⁴ Чеснокова О. А., Пилич Н. И. Уголовная ответственность за загрязнение атмосферы // Профессионал года. 2018: Сборник статей IX Международного научно-практического конкурса, Пенза, 5 июня 2018 года / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2018. С. 82–86.

⁵ Игнатьева И. А. Теория и практика систематизации экологического законодательства России. М., 2007.

⁶ Решняк М. Г. Системность и определенность уголовного законодательства как основные предпосылки эффективного применения норм, регламентирующих его действие во

времени и в пространстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 157–159.

⁷ Бурцев А. С., Семенякин В. С. Развитие современного Российского уголовного антикоррупционного законодательства // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 8. С. 21–27.

⁸ Кузнецова Н. И. Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 1. С. 64–69.

И. Э. Мартыненко*

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО БЕЛАРУСИ, ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Пандемия COVID-2019 в значительной мере изменила представление правовой защищенности граждан, объектов материальной и нематериальной культуры.

Как система правовых норм чрезвычайное законодательство (если применять эту терминологию. – *И. М.*) в современном его понимании начало формироваться еще в советский период. В Советском Союзе была отработана практика создания коллегиальных органов управления, которые наделялись бы чрезвычайными полномочиями. Увеличение количества и масштабов стихийных бедствий и техногенных катастроф потребовало создания таких органов управления на постоянной основе, которыми в настоящее время являются комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности¹.

После провозглашения независимости Беларуси в стране были приняты важные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в данной сфере: Конституция Республики Беларусь; законы «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и тех-

* *Мартыненко Игорь Эдуардович* – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь), доктор юридических наук, профессор.

ногенного характера», «О чрезвычайном положении», «О военном положении», «Об изменении законов по вопросам защиты суверенитета и конституционного строя», «О гражданской обороне», «О пожарной безопасности», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь».

В 2023 г. в связи с изменившейся внешнеполитической обстановкой, обусловленной санкционной политикой стран ЕС, а также учитывая опыт организации противодействия распространению пандемии коронавируса, разработаны и приняты новые законы Республики Беларусь «Об изъятии имущества» от 3 января 2023 г. № 240-З, «О Всебелорусском народном собрании» от 7 февраля 2023 г. № 248-З, «О применении специальных ограничительных мер» от 2 июля 2023 г. № 280-З, в которых содержатся нормы, обеспечивающие правовые и социальные гарантии на период чрезвычайных ситуаций и в связи с проведением противоэпидемических мероприятий международного и национального характера.

Далее, на примере очень уязвимого сегмента – нематериального культурного, духовного наследия – мы покажем, как усложнилась правовая охрана проявлений творческой деятельности человека, внесем некоторые предложения по актуализации международных и национальных нормативных правовых актов.

1 декабря 2022 г. Межправительственный комитет по охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО (Комитет ЮНЕСКО) в ходе 17-й сессии (г. Рабат, Марокко) принял решение о включении новых объектов стран СНГ в **Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества**, а именно: «Культура пехлеванства: традиционные игры, спорт и борьба

"Зорхана"» (Азербайджанская Республика); «Чайная культура: символ самобытности, гостеприимства и социального взаимодействия (Азербайджанская Республика); «Соломоплетение Беларуси: искусство, ремесло, умения» (Республика Беларусь); «Искусство традиционной рубашки с вышивкой» (Республика Молдова); «Ортеке, традиционное исполнительское искусство Казахстана: танец, кукла и музыка» (Республика Казахстан); «Искусство туркменской вышивки» (Туркменистан); «Шелководство и традиционное производство шелка для ткачества» (Азербайджанская Республика, Республика Таджикистан, Туркменистан и Республика Узбекистан); «Традиции пересказа притчей о Ходже Насреддине (Устная традиция анекдотов Кожанасыра)» (Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан)². Указанный факт дает нам повод еще раз обратиться к проблеме и правовой защиты нематериального культурного наследия, получившей новые особенности в условиях распространения короновирусной инфекции.

Итак, охрана нематериального культурного наследия включает систему не только организационных, финансовых, материально-технических, информационных, но и правовых мер, направленных на обеспечение жизнеспособности национального нематериального культурного наследия, а именно: государственный контроль за соблюдением законодательства в области охраны и использования объектов нематериального культурного наследия; государственный учет объектов, обладающих признаками объекта нематериального культурного наследия; установление ответственности за повреждение или уничтожение материального носителя, на котором зафиксирован объект нематериального культурного наследия.

Опыт стран СНГ показывает, что основными принципами организации государственной охраны объектов нематериального культурного наследия являются:

- утверждение государственных целевых программ сохранения, изучения, использования, популяризации и государственной охраны объектов нематериального культурного наследия;

- определение политики в области государственной охраны объектов нематериального культурного наследия;

- обеспечение сохранения, изучения, использования, популяризации и государственной охраны объектов нематериального культурного наследия;

- принятие решения о включении объекта нематериального культурного наследия государственного значения в охранный реестр (государственный список), об исключении объекта нематериального культурного наследия из указанного списка, о перемещении объекта нематериального культурного наследия, об изменении категории объекта нематериального культурного наследия;

- осуществление государственного контроля за сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов нематериального культурного наследия совместно с региональными и местными органами государственной власти;

- осуществление международного сотрудничества в области охраны объектов нематериального культурного наследия; заключение и организация выполнения международных договоров в области охраны объектов нематериального культурного наследия;

- научно-методическое обеспечение в области сохранения и использования объектов нематериального культурного наследия, установление основ научно-методического обеспечения в области государственной

охраны и популяризации объектов нематериального культурного наследия. Дополняя указанное утверждение, считаем, что в учреждениях образования необходимо организовать обучение *правовых аспектов охраны, использования и восстановления историко-культурного наследия* вообще, составной частью которого является нематериальное культурное наследие.

Для понимания сути нематериального культурного наследия необходимо исходить из следующего логического ряда. В широком значении культура представляет собой преобразовательную деятельность человека и общества по созданию и сохранению материальных и духовных ценностей, а также результат этой деятельности. Под материальной культурой понимаются искусственно созданные предметы, которые позволяют людям оптимальным способом приспособиться к природным и социальным условиям жизни. Предметы материальной культуры создаются для удовлетворения разнообразных потребностей человека и поэтому рассматриваются в качестве ценностей.

Духовная (нематериальная культура) включает идеи, привычки, обычаи и верования, которые люди создают, а затем поддерживают. Нематериальное культурное наследие – совокупность присущих этнической, социальной или конфессиональной группе духовных, интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, являющихся отражением культурной и национальной самобытности общества и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения.

Таким образом, нематериальное культурное наследие включает язык, нормы и правила поведения, верования, обряды, обычаи, празднества, фольклор, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта,

а также народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах, в стилистике их воплощения.

Защита нематериального культурного наследия осуществляется на двух уровнях: международном и национальном.

Международный уровень защиты нематериального культурного наследия включает Конвенцию ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003), в которой участвуют все страны СНГ, и Модельный закон «Об охране нематериального культурного наследия», принятый Межпарламентской ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств 29 ноября 2013 г. В Модельном законе нематериальное культурное наследие определяется как совокупность присущих этнической, социальной или конфессиональной группе духовных, интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, являющихся отражением культурной и национальной самобытности общества и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, включая язык, нормы и правила поведения, верования, обряды, обычаи, празднества, фольклор, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта и народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения.

На национальном уровне нематериальное проявление человеческого творчества рассматриваются как неотъемлемая часть национального и культурного достояния и, соответственно, на них распространяются общие положения, закрепленные в Конституции и законодательстве о государственной охране и защите культурного (историко-

культурного) наследия.

И вот здесь мы предлагаем ознакомиться с белорусским опытом правовой защиты нематериального культурного наследия в части кодификации национального законодательства. Ведь как отмечают эксперты, к настоящему моменту сформировалась огромная потребность в оперативной разработке нового базового нормативного документа – его отсутствие противоречит целям и задачам государственной политики в сфере стратегического планирования, одним из приоритетов которого призвана стать общенациональная культурная политика, обеспечивающая сохранение и дальнейшее развитие культурно-исторической основы российского общества, затрудняет выполнение прямых поручений руководства страны, а также создает значительное число юридических лагун³.

3 февраля 2017 г. вступил первый в СНГ Кодекс Республики Беларусь «О культуре», определивший новый подход к охране и использованию нематериального наследия. Данный нормативный акт, сохраняя преемственность, оперирует понятием «нематериальная историко-культурная ценность». Нематериальное культурное наследие определяется как совокупность присущих этнической, социальной или конфессиональной группе духовных, интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, являющихся отражением культурной и национальной самобытности общества и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения. Таким образом, нематериальное культурное наследие включает язык, нормы и правила поведения, верования, обряды, обычаи, празднества, фольклор, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта и народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сю-

жетах и образах и стилистике их воплощения.

По белорусскому законодательству нематериальные историко-культурные ценности могут воплощаться в виде:

– отдельной культурной ценности;

– комплекса нематериальных культурных ценностей, если их содержание выражается через обряды, фольклор (устное народное творчество), в состав которых входят различные по своему характеру действия (танцы, песни, другие нематериальные проявления творчества человека), объединенные одной сущностной направленностью.

Памятниками духовной культуры особого рода являются исторические *географические названия* – названия городов, улиц и площадей, проспектов, улиц и переулков. Исторические названия за время своего существования накапливают в себе уникальные сведения об истории, культуре, языке людей, живущих в местах, обозначенных этими именами.

Нематериальные историко-культурные ценности классифицируются на следующие категории:

– *категория «А»*: историко-культурные ценности, полная аутентичность и достоверность которых безусловна и неизменна. Такую категорию имеет, например, «местный песенный стиль исполнения традиционных обрядовых и внеобрядовых произведений аутентичными фольклорными коллективами» в Гомельской области;

– *категория «Б»*: историко-культурные ценности, которые полностью или частично восстановлены (зафиксированы) на вторичном материале или объективно со временем могут меняться. Такую категорию имеют, например, гербы исторических городов. Обязательной частью герба являются гербовые эмблемы. Их стали помещать на монетах, печатях и других предметах, но они еще не являлись гербами. Отличительные знаки стали превращаться в

гербовые эмблемы тогда, когда они стали приобретать наследственный характер.

Кстати, так было не всегда: долгое время (1993–2003) в законодательстве была реализована *концепция фиксированного* (а не «живого», как сейчас) *духовного наследия*, что привело в определенной мере к упущению возможности сохранению существующих традиций нематериального проявления человеческого творчества.

Восприняв предложенную доктрину «живого наследия» («living heritage»), белорусский законодатель определил, что нематериальные историко-культурные ценности могут воплощаться в виде:

- отдельной культурной ценности;
- комплекса нематериальных культурных ценностей, если их содержание выражается через обряды, фольклор (устное народное творчество), в состав которых входят различные по своему характеру действия (танцы, песни, другие нематериальные проявления творчества человека), объединенные одной сущностной направленностью.

Как результат признания всемирной значимости белорусской культуры уникальный народный обряд «Цары Коляды», который существует только в деревне Семежево (Минская область), в 2009 г. включен в *Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной защите*, а в ноябре 2018 г. элемент нематериального культурного наследия «Торжество в честь почитания Иконы Матери Божьей Будславской (Будславский фест)» включен в *Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества*⁴.

Ведение обоих этих списков предусмотрено в ст. 16–17 анализируемой конвенции. Но эти списки имеют разный смысл: в первом случае международное сообщество обращает внимание, что данный объект нуждается в

срочной защите, причем конкретной и безотлагательной. Во втором случае говорит, что этот памятник *является шедевром творческого гения человечества*.

Объекты нематериального культурного наследия подлежат охране в целях предотвращения их исчезновения, повреждения или разрушения материальных носителей, на которых они зафиксированы, нарушения установленного порядка их использования, перемещения и предотвращения других действий, могущих причинить вред объектам нематериального культурного наследия, а также в целях их защиты от иных негативных воздействий. В этом контексте интересен опыт Азербайджанской Республики – страны, которая первой приняла закон, направленный на *охрану фольклора* как одного из проявлений нематериального культурного наследия. Речь идет о Законе «О правовой охране выражений азербайджанского фольклора» от 16 мая 2003 г.⁵ Согласно данному Закону проявления фольклора защищаются от коммерческого использования вне сферы традиционного использования, то есть от искажения, расхищения, фальсификации, плагиата. Законом предусмотрены *средства гражданско-правовой защиты* выражений фольклора. Так, соответствующие государственные органы (Министерство культуры) вправе требовать прекращения действий, нарушающих правила законного использования выражений фольклора или создающих угрозу нарушения. При обращении в суд с целью охраны выражений фольклора, кроме общих гражданско-правовых методов защиты, по требованию истца может быть взыскан доход, полученный нарушителем вследствие нарушения прав, либо выплачена компенсация. Нарушение требований по использованию выражений фольклора, если в результате этих деяний причинен ущерб в значительном размере, влечет уголов-

ную ответственность по ст. 165-2 Уголовного кодекса. Это опыт может быть позаимствован.

Подведем итоги. Пандемия коронавируса вторглась практически во все процессы жизнедеятельности человека⁶, быстро распространилась по всему миру⁷, коренным образом изменив отношение в области и культуры, в том числе – в сфере охраны культурного наследия, составной частью которого является нематериальное наследие.

В условиях распространения коронавирусной инфекции в значительной мере **затрудняется реализация принципа доступности объектов культурного наследия** (проявлений нематериальной культуры) в связи с необходимостью выполнения санитарных правил дистанцирования, поэтому приоритетной формой становится научная фиксация на материальном носителе проявлений нематериального творчества, что в определенной мере вступает в противоречие международно-правовой охраны «living heritage», но полагаем в современных условиях это оправдано.

Упомянутая выше Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003) в связи с этими обстоятельствами может быть дополнена новыми положениями. Как представляется, на национальном уровне (полезен может быть белорусский опыт кодификации законодательства о культуре. – *И. М.*) необходимо разработать практический инструментарий, позволяющий передавать проявления нематериальной культуры (например, традиции, мастерства, устное народное творчество и т. п.) с соблюдением ограничительных мер (так называемой социальной дистанции), фиксирования элементов на цифровых носителях, что позволит перейти на новую доктрину их охраны (охрана зафиксированного нематериального наследия на материальных носителях),

что обеспечит сохранность в любых, в том числе и чрезвычайных ситуациях.

© Мартыненко И. Э., 2023

¹ *Гайдамак А. С.* Особенности создания в СССР чрезвычайных органов при реагировании на чрезвычайные ситуации // Сборник трудов межвузовской научной конференции, посвященной 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик, Химки, 19 декабря 2022 года. М., 2023. С. 32–39.

² ЮНЕСКО приняла решение о включении ряда элементов культурного наследия стран СНГ в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества // Исполнительный комитет Содружества независимых государств: официальный сайт. – https://cis.minsk.by/news/24487/junesko_prinjal_reshenie_o_vkljuchanii_rjada_elementov_kulturnogo_nasledija_stran_sng_v_reprezentativnyj_spisok_nematerialnogo_kulturnogo_nasledija_chelovechestva (дата обращения: 03.04.2023).

³ *Волобуев С. Г., Посадский А. В., Рудаков А. Б., Шашкин П. А.* Перспективы реализации государственной культурной политики: правовые основы, сферы, институциональные решения: Экспертный доклад. М., 2022.

⁴ Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия»: официальный сайт. – <https://ich.unesco.org/en/lists> (дата обращения: 03.04.2023).

⁵ Нематериальное культурное наследие Азербайджана, Армении, Беларуси, Республики Молдова и Российской Федерации: Материалы Региональной консультативной встречи экспертов: Информационный сборник. Минск, 2013.

⁶ *Мокрецова Е. С.* Трансформация культуры в условиях пандемии коронавируса // Развитие и безопасность. 2020. № 2(6). С. 107–114.

⁷ *Алимова Я. О.* Освобождение от исполнения обязательств по трансграничным и внутренним контрактам в связи с COVID-19: анализ судебной практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 1. С. 40–59.

О. М. Васильева*

ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Пандемия Covid-19 в течение трех лет (2019–2022) представляла серьезную опасность для жизни и здоровья населения России и всего мирового сообщества. Важнейшим направлением деятельности государства по охране здоровья граждан является обеспечение противоэпидемических мероприятий. В связи с этим, специалисты разных отраслей права выбирали объектом своих исследований общественные отношения, связанные с реализацией противоэпидемических мероприятий, которые являлись инструментом в борьбе с опасным вирусом (2019-nCoV).

К примеру, конституционалисты в период пандемии активно изучали вопросы правомерности введения противоэпидемических мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на свободу передвижения и защиту здоровья граждан. Цивилисты изучали правомерность платных медицинских услуг по вакцинациям населения, тестирования для получения справки на предмет отсутствия заболевания Covid-19, необходимых для перемещения по территории страны без прохождения обязательного изоляционного периода по месту жительства. Кроме того, противоэпидемические мероприятия обеспечиваются методами административного права, в первую очередь предписанием и запретом.

* *Васильева Ольга Михайловна* – адъюнкт кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Необходимо определиться, к какой отрасли права в настоящее время относится правовое регулирование охраны здоровья граждан, в частности регулирование противоэпидемических мероприятий. Для нас представляется актуальным обратить внимание на дискуссию ученых, которые сейчас выделяют законодательство, регулирующее общественные отношения в области охраны здоровья населения, в отдельную сферу деятельности медицинского права.

Ю. А. Горбуль отмечает наметившуюся в современных исследованиях тенденцию выделять медицинское право как комплексную отрасль законодательства России. В комплексе норм, образующих действующее законодательство о здравоохранении, по мнению автора, ключевое значение имеют нормы конституционного, административного, финансового и гражданского законодательства¹.

И. М. Акулин утверждает, что, в настоящее время, медицинское право находится в стадии активного формирования, как новая самостоятельная отрасль юридической науки и практики. Медицинское право, по словам автора, это «система норм права, регулирующая отношения с участием субъектов, осуществляющих медицинскую деятельность, а также отношений, связанных с обеспечением данной деятельности ресурсами медицинского характера»².

А. А. Рёрихт, в целом поддерживая позицию этих ученых о существовании медицинского права как самостоятельной отрасли, тем не менее, замечает, что круг регулируемых медицинским правом общественных отношений следует ограничить. По мнению автора, в предмет медицинского права могут входить только те общественные отношения, которые «поддаются такому регулятивному и охранительному воздействию норм и институтов

медицинского права, которое не может осуществляться нормами иных отраслей права»³.

Н. А. Клык и В. Н. Соловьев также предостерегали от необоснованных и упрощенных подходов к решению проблемы медицинских отношений путем отнесения их как целиком к гражданскому или административному праву, так и «конструирования новой отрасли – медицинского права»⁴.

В. Д. Сорокин, отмечая способность системы права к развитию и совершенствованию, предупреждает об осторожности при подходе к проблеме возникновения новых отраслей права. По мнению автора, нужны серьезные, причем объективные, основания, а не только желание автора «сконструировать» еще одну отрасль права. Порой даже предметное обособление группы норм не может служить основанием для выделения ее как отрасли права⁵.

Соглашаясь с точкой зрения В. Д. Сорокина, в то же время правильными считаем и взгляды таких ученых, как Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков и других, которые относят административно-правовые нормы в сфере охраны здоровья к особенной части административного права⁶.

Как известно, «предметом административного права выступает совокупность общественных отношений, возникающих ... при применении любым уполномоченным на то субъектом мер административного принуждения»⁷. Поэтому, например, отнесение противоэпидемических мероприятий, которые сопровождаются различными ограничительными мерами, подкрепленными государственным принуждением, к сфере действия административного права, выглядит вполне оправданным.

Таким образом, проанализировав точку зрения упомянутых выше ученых, мы можем сделать следующий

вывод. В настоящее время сфера деятельности здравоохранения слишком многообразна, чтобы регулироваться нормами какой-то одной отрасли права. Следует согласиться с точкой зрения ученых, которые считают, что общественные отношения, складывающиеся в сфере здравоохранения, регулируются в рамках комплексной отрасли медицинского права нормами многих существующих отраслей российского права.

Однако, если говорить о правовом регулировании отношений, возникающих при проведении противоэпидемических мероприятий, следует отметить, что они относятся, в первую очередь, к сфере действия только административного права. Заметим также, что уровень и характер государственного вмешательства и административного принуждения, в сферу охраны здоровья, резко возрастает в чрезвычайные периоды, в том числе те из них, которые вызваны распространением опасных инфекционных заболеваний.

© Васильева О. М., 2023

¹ Горбуль Ю. А. Законодательство Российской Федерации об охране здоровья граждан: проблемы и тенденции развития // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1(41). С. 130–134.

² Акулин И. М. Десятилетний опыт подготовки магистров по программе «Медицинское и фармацевтическое право» СПбГУ. Итоги и перспективы // Медицина и право в XXI веке: Сборник трудов XIII ежегодной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24–25 декабря 2021 года. СПб., 2022. С. 9.

³ Рёрихт А. А. Теоретические основы медицинского права: Проблемы формирования и развития / Отв. ред.: Е. В. Алферова, Н. Ю. Хаманева. М., 2011. С. 61.

⁴ Клык Н. Л., Соловьев В. Н. Медицинский кодекс России: как ему быть? // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 20.

⁵ Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет и метод: Учебное пособие. СПб., 2004. С. 17.

⁶ *Бахрах Д. Н.* Административное право России: Учебник. М., 2010. С. 42–43; *Россинский Б. В., Стариков Ю. Н.* Административное право: Учебник. М., 2010. С. 88.

⁷ *Попова Н. Ф.* Административное право: Учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М., 2018. С. 30.

В. А. Гавриленко*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН БРИКС ПО ВОПРОСАМ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Настоящая работа посвящена сравнительному анализу законодательства государств БРИКС по вопросам чрезвычайных ситуаций и возмещения ущерба от них посредством системы гражданского судопроизводства и института третейского разбирательства споров. Государствами БРИКС являются следующие государства, входящие в данную международную организацию¹. Это Российская Федерация, Бразилия, Индия, Китайская Народная Республика, Южно-Африканская Республика.

Рассмотрим законодательство государств БРИКС в области регулирования чрезвычайных ситуаций и возмещения ущерба с ними связанного.

Дадим определение чрезвычайной ситуации. «Чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные мате-

* *Гавриленко Владимир Александрович* – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, кандидат юридических наук, доцент.

риальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей»².

Обратим внимание, что гражданское судопроизводство и третейское разбирательство споров возможно в рамках определенных правоотношений. Соответственно, не вся совокупность правоотношений в области чрезвычайных ситуаций может быть предметом разбирательства в рамках вышеуказанных процедур. Правоотношения в области административного, уголовного, публичного права, связанные с вопросами ущерба от чрезвычайных ситуаций, не могут быть разрешены посредством гражданского судопроизводства и третейского разбирательства.

Обратимся к законодательству **Российской Федерации**. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в гл. 2 прописывает полномочия органов государственной власти в области регулирования вопросов, связанных с чрезвычайными ситуациями. В частности, полномочия Президента Российской Федерации, органов законодательной власти Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации органов местного самоуправления по вопросам, связанным с чрезвычайными ситуациями в рамках своей подведомственности и своих полномочий³.

Настоящий Закон в п. 1 ст. 18 предусматривает право граждан на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций.

Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 23 июня 2016 г.) «О пожарной безопасности» в ст. 34 также провозглашает возмещение ущерба, причиненного пожаром, в порядке, установленном действующим законодательством.

Вышеуказанные положения более относятся к публичному праву, но их расширительно можно толковать и как право граждан на компенсацию ущерба в рамках гражданских правоотношений.

Обратим особое внимание на ст. 11.1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», регламентирующую полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации по разработке и реализации программы добровольного страхования по возмещению ущерба жилым помещениям граждан и регулиующую вопросы содержания и действия данных страховых программ. Правоотношения между страхователем и страховщиком находятся в сфере гражданского права и могут быть предметом гражданского и третейского судопроизводства.

В продолжении отметим, что «одним из эффективных средств минимизации ущерба от различных обстоятельств чрезвычайного характера является страхование, сущность которого, как общеизвестно, составляет солидарная замкнутая раскладка ущерба»⁴, которую может обеспечить институт страхования. Также согласимся, что «одним из эффективных правовых средств минимизации ущерба от чрезвычайных средств техногенного характера выступает страхование»⁵.

Обратим внимание на положения Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений». В ст. 15 указанного Закона говорится, об обязательном страховании гражданской ответственности за причинение вреда в результате аварии гидротехнического сооружения. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании

гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» в ст. 4 также предписывает владельцу опасного объекта страховать имущественные интересы, связанные с обязанностью возместить вреда потерпевшим, путем заключения договора обязательного страхования со страховщиком в течение всего срока эксплуатации опасного объекта.

Следовательно, имеют место гражданские правоотношения в сфере страхования, споры в отношении которых возможно разрешать посредством гражданского и третейского судопроизводства.

Рассмотрим право **Бразилии**. Используем для исследования Закон «Об экологических правонарушениях», № 9605 от 12 февраля 1998 г., а также «Горный кодекс», принятый Декретом № 227 от 28 февраля 1967 г. В данный кодекс вносились изменения и дополнения, последние Декретом № 14066 от 30 сентября 2020 г.

Основное содержание Закона состоит в регулировании вопросов ответственности за совершение экологических правонарушений. Квалификация уголовных и административных правонарушений является исключительно прерогативой государственной правоохранительной и судебной системы и не может быть предметом третейского судопроизводства, которое представляет собой негосударственную юстицию.

Горный кодекс предусматривает компенсацию ущерба от проводимых работ собственнику арендованного участка (ст. 27). Также предусматривается обязанность выплаты вышеуказанной компенсации в течение 60 дней по согласованию с собственником под угрозой штрафных санкций (ст. 29).

Вышеуказанные правоотношения являются имущественными, следовательно, если стороны не договорились о сумме компенсации, нет никаких препятствий к разбирательству их спора как третейским судом, так и государственным судом в рамках гражданского судопроизводства. Кроме того, Статья 60 данного Закона упоминает арбитраж, как средство разрешения споров, связанных с сервитутами.

Рассмотрим право **Индии**. Используем для настоящего исследования «Национальный строительный кодекс» 2016 г. (NBS-2016) № SP 7:2016. Четвертая часть данного кодекса посвящена вопросам пожарной безопасности.

В настоящем Кодексе подробно регламентированы требования пожарной безопасности, но вопросы гражданско-правовой ответственности за причинение ущерба, в связи с нарушением указанных требований.

Представляется, что сторона, которой был причинен ущерб, должна отстаивать свои интересы в рамках гражданского судопроизводства или третейского разбирательства, при наличии соответствующего соглашения или оговорки. В законодательстве Индии отсутствует запрет на арбитражное разбирательство подобных споров. Следовательно, используем принцип – разрешено все, что не запрещено законом.

Рассмотрим право **Китайской Народной Республики**. Исследуем Закон «О реагировании на чрезвычайные ситуации», который был принят на 29-м заседании Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва 30 августа 2007 г., опубликован Указом Председателя Китайской Народной Республики № 69 от 30 августа 2007 г., вступил в силу с 1 ноября 2007 г.

Глава 6 настоящего Закона посвящена вопросам юридической ответственности. В рамках настоящего исследования обратим внимание на Статью 63 Закона, содержащую следующие предписания.

Организации и частные лица, нарушившие положения настоящего Закона, приведшие своими действиями к возникновению чрезвычайной ситуации или увеличению вреда, нанесению физического и материального ущерба другим лицам, должны нести гражданскую ответственность в соответствии с законодательством.

Следовательно, возможны иски и претензии к вышеуказанным лицам, как ответственным за материальный ущерб, в рамках гражданского производства. Отсутствуют препятствия для сторон спора для заключения арбитражного соглашения и разбирательство спора в третейском суде, если последнее предпочтительно для эффективной защиты прав и законных интересов.

Рассмотрим право **Южно-Африканской Республики**. Исследуем Закон «О борьбе со стихийными бедствиями», № 57 от 30 декабря 2002 г., который вступил в силу и был опубликован 15 января 2003 г. Статья 59 данного Закона предусматривают компенсации пострадавшим от стихийных бедствий, выплачиваемые Правительством страны. Но, вопрос выплаты данных компенсаций находится в публично правовой плоскости. Следовательно споры в рамках данных правоотношений могут разбираться государственными судами, но не третейскими учреждениями.

Тем не менее, если компенсации выплачиваются физическими или юридическими лицами, как правило виновными в причинении ущерба, вне публичных правоотношений в рамках гражданского судопроизводства, то

споры могут быть арбитрабельны, при наличии действительного арбитражного соглашения.

В заключении укажем, что совокупность споров в области гражданских правоотношений, другими словами в частноправовой сфере, предметом которых является ущерб от чрезвычайных ситуаций, может рассматриваться как государственными судами в рамках гражданского судопроизводства, так и третейскими судами в рамках процедуры коммерческого арбитража. Вышеуказанное относится и к страховым правоотношениям, как виду гражданских правоотношений.

Арбитражное соглашение сторон спора является основанием для разбирательства спора посредством третейского суда. Данное соглашение исключает юрисдикцию государственного суда. Вопросы целесообразности заключения арбитражного соглашения должны определяться самими участниками правоотношений.

Во многих ситуациях грамотное использование процедуры третейского разбирательства спора позволяет наиболее эффективно защитить права и интересы субъектов экономической деятельности. Общепризнано, что «третейский суд – наиболее адекватная рыночным отношениям форма юрисдикции»⁶. И, по многим параметрам «рассмотрение споров... в третейском суде более предпочтительно, чем рассмотрение дела в государственном суде»⁷.

© Гавриленко В. А., 2023

¹ Brics Information Portal: официальный сайт. – <http://infobrics.org>.

² Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ (ред. от 4 ноября 2022 года) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 5. Ст. 3648; 2022. № 29. Ст. 5242.

³ *Винокуров В. А., Немченко С. Б.* Права и свободы человека и гражданина: их ограничение и защита: Учебное пособие. СПб., 2018. С. 135–151.

⁴ *Москалец А. П.* Эколого-правовые средства минимизации и предупреждения ущерба от чрезвычайных ситуаций в России и США. М., 2001. С. 62.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ *Гавриленко В. А.* Третейское разбирательство споров: Учебное пособие. Великий Новгород, 2007. С. 8.

⁷ *Гавриленко В. А.* Третейское разбирательство споров как гарантия защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 6.

Раздел VIII
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ И ОСОБЕННОСТЯХ
СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В. А. Чашников*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИЦИИ
В МОНАРХИЧЕСКОЙ РОССИИ

История российских органов внутренних дел неразрывно связана с историей нашей страны. Она начиналась вместе с зарождением древнерусской государственности. Правоохранительные функции тогда выполняли княжеские дружины совместно с выборными лицами от представителей лично свободного населения и прежней родоплеменной знати.

* *Чашников Всеволод Александрович* – доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук.

По мере формирования феодального общества на Руси и развития отношений феодального иммунитета полицейские функции сначала сосредоточились в руках княжеских слуг, но после распада древнерусского государства на многочисленные удельные княжества значительную часть населения стали контролировать бояре и духовенство. При этом практически все крестьяне и значительная часть посадского населения были отстранены от выполнения правозащитных функций. Исключение составляли только Новгородская и Псковская (с 1348 г.) вечевые республики.

С образованием централизованного Русского государства начинается формирование специальной полицейской службы. Но при этом для выполнения задач по охране общественного порядка систематически стали привлекаться выборные от посадского населения – десятские и сотские. В отличие от раннефеодальной монархии первых Рюриковичей Московская Русь создавалась как система всеобщей мобилизации населения, поэтому выполнение полицейских функций населением происходило под контролем формировавшегося тогда постоянного государственного аппарата. Тем не менее, слуги государевы в эту историческую эпоху ещё не были профессиональными полицейскими – им приходилось одновременно выполнять задачи по обороне страны, тушению пожаров, контролю за выполнением государева тягла – целой системы натуральной, денежной и трудовой повинности, возложенной на феодально-зависимое население.

История регулярной российской полиции начинается только в эпоху реформ Петра I. Первым нормативным актом об учреждении в столице регулярной полиции принято считать «Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-полицмейстеру», утвержденные 25 мая 1718 г. Пет-

ром I. Через два дня царским указом официально вводится должность генерал-полицмейстера¹ «для улучшения порядков в сем граде... Того ради всем жителям здешним объявляется, ежели кто будет до них в оном управлении касаться, быть в том послушным, и никто б неведением не оговаривался»². Первым генерал-полицмейстером был назначен генерал-адъютант Антон Мануилович Девиер.

Продолжительное время регулярная полиция существовала только в столицах. Попытки властей распространить ее на другие города не увенчались успехом. Так, должность полицмейстера была учреждена в ряде крупных в то время городов Российской империи – Астрахани, Кронштадте, Шлиссельбурге, Ладоге³.

Резолюцией «Об учреждении полиции в городах» 1733 г. завершается, по существу, первый этап становления регулярной полиции в России, хотя до середины столетия изменялись позиции Главной полицмейстерской канцелярии в системе государственных органов, продолжался усложняться полицейский аппарат, расширялась его компетенция.

Второй этап становления регулярной полиции по существу пришелся на время правления Екатерины II (1762–1796).

Уже в начале своего царствования императрица приняла ряд мер по улучшению деятельности полиции. Были увеличены штаты руководящих сотрудников Главной и Московской полицмейстерских канцелярий. Екатерина II разделила Сенат на шесть департаментов и к компетенции третьего департамента отнесла контроль над всеми полицейскими органами. В том же 1763 г. она повелела изъять из ведения общей полиции разрешение дел о преступлениях, выведя из состава Главной полицмейстерской канцелярии розыскную экспедицию и подчинив ее Юс-

тиц-коллегии.

«Инструкция сотскому со товарищи»⁴, изданная 19 декабря 1774 г., упорядочила полицейские повинности местных жителей, возложив их не только на свободных земледельцев, но и на крепостных крестьян.

Существенный шаг в развитии регулярной полиции в городах был сделан в 1782 г., когда 8 апреля был издан «Устав благочиния или полицейский»⁵. Акт закрепил ее единообразную структуру. Вместо полицмейстерских канцелярий и контор, полицейских подразделений при магистратах или ратушах учредили единые Управы благочиния, которые подчинялись губернскому правлению. Полицию столичных городов возглавили полицмейстеры, а прочих – городничие. Полицеймейстеры могли подчиняться обер-полицеймейстерам, когда те назначались императрицей столичными градоначальниками. Обер-полицеймейстер не входил в штат полицейской Управы.

К началу XIX в. явственно ощущался кризис правительственного управления. Екатерининскими реформами оно было децентрализовано: последовало упразднение многих правительственных коллегий с передачей их полномочий губернским властям.

Новые правительственные органы появились согласно Манифесту об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г.⁶ Среди восьми министерств было создано и Министерство внутренних дел, которое обязали заботиться о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей империи. Первым министром внутренних дел стал В. П. Кочубей, а М. М. Сперанский занял пост начальника канцелярии МВД. Министр нес персональную ответственность за ход дел во вверенном ему ведомстве, ежегодно отчитывался перед Сенатом (позднее – перед Кабинетом министров) и

императором, имел право личного доклада государю.

Дальнейшее развитие органов центрального полицейского управления происходит в 1811 г. при проведении в жизнь предложений М. М. Сперанского о преобразовании организации правительственной власти, включая образование Министерства полиции. Реформирование преследовало цель выделить из направлений деятельности государства функцию обеспечения внутренней безопасности и порядка, одновременно сохранив за полицией надзор за теми областями общественной жизни, состояние которых особенно способствовало совершению преступлений в стране.

Во второй четверти XIX в., при Николае I, сферы ведения Министерства внутренних дел продолжали уточняться. В 1826 г. его Секретную часть присоединили к Собственной Его Императорского Величества канцелярии, передав политические дела ее Третьему отделению. В 1828 г. МВД состояло, помимо Департамента полиции, из Совета и канцелярии министра, Департамента государственного хозяйства и публичных зданий, Медицинского департамента, Цензурного комитета.

В 1832 г. к МВД присоединили выделенное из Министерства просвещения Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, позднее создали Статистический комитет.

Во второй половине XIX в. в России произошел полный переход к профессиональной полиции, комплектуемой на контрактной основе. Была создана система социальной защиты сотрудников, возросла их заинтересованность в результатах несения службы⁷.

Полицейская функция, тождественная в дореформенный период общеадминистративной функции, начала приобретать самостоятельную материальную и процессу-

альную форму реализации охранительной функции коронной власти, обособляясь в виде специализированных полицейских подразделений. Из хаотичного, бессистемного, разбросанного по разным учреждениям и ведомствам отправления полицейских функций выделились специальные органы с постепенно определяющимся кругом действий и положением в ряду других государственных учреждений⁸.

В начале XX в. в России сложилась крайне нестабильная политическая ситуация. Перерастание обычных по своей сущности беспорядков в политические создавало существенную угрозу имевшему место в то время самодержавному управлению государством, в силу чего царское правительство предпринимало большие усилия по их предотвращению и пресечению. Однако эти меры уже были малоэффективны. Они представляли собой временную и запоздавшую попытку исправить состояние органов правопорядка путем увеличения штата и повышения благосостояния полицейских, а не путем системных преобразований. В феврале 1917 г. по всей России царская полиция и жандармерия были сметены восставшими.

© Чашников В. А., 2023

¹ В Табель о рангах 1722 г. должность включили в 5-й класс, что на одну ступень ниже ранга президентов коллегий (правительственных органов, пришедших на смену приказам), но выше чинов местного значения. Генерал-полицмейстер не зависел от Петербургского губернского правления, подчиняясь Сенату и государю.

² Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е] (далее – ПСЗ-1). Т. V. № 3203.

³ *Дугенец А. С., Мухортов А. А.* Организационно-правовые формы деятельности городской полиции России в конце XVIII века // Административное право и процесс. 2007. № 5. С. 23–25.

⁴ ПСЗ-1. Т. XIX. № 14231.

⁵ Устав благочиния, или полицейский, от 8 апреля 1782 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 5. М., 1987. С. 324–330.

⁶ ПСЗ-1. Т. XXVX. № 20406.

⁷ *Воинова Л. Е.* Анализ бюджетного обеспечения МВД Российской империи в XIX–XX вв. // История государства и права. 2011. № 11. С. 43.

⁸ *Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России.* СПб., 1913. С. 38.

В. В. Медведев*

РОЛЬ ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИЦЕЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Создание и развитие государства общего блага в России сопровождалось причудливыми административными метаморфозами. В частности, судьба органа, обусловившего характеристику государственности, существовавшей на протяжении ста пятидесяти лет, испытывала крутые повороты на каждом новом этапе преобразований.

Основы полицейского государства в нашей стране, которые заложил Петр Великий, предполагали принципиально новую парадигму развития – обеспечение всеобщего благосостояния и безопасности путем совмещения слияния частных и публичных интересов с жесткой системой административной опеки и регулирования. Такой подход требовал всеобщей перестройки мировоззрения, переосмысления методологии удовлетворения общественных потребностей.

Вопросы гармонизации притязаний участников правового общения в целях достижения экономически стабильных и охраняемых во всех областях жизнедеятельности отношений возникали у каждого государственного организованного сообщества, однако, решались в зависимости от материальных и организационных ресурсов.

* *Медведев Владимир Владимирович* – доцент кафедры истории государства и права Юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук.

Например, еще в XVII в. борьба с пожарами, эпидемиями и прочими проблемами в нашей стране велась силами местного населения доступными способами на свой страх и риск.

Переход к полицейской государственности сопровождался расширением административного воздействия буквально на все сферы жизнедеятельности подданного и сословий. Постепенно складывается представление о необходимости учреждения органа, который в непосредственном контакте с населением сможет организовывать решение вопросов местного значения в повседневной жизни – хозяйства, благоустройства, благочиния, охраны (пожарной, медицинской, санитарно-эпидемиологической, строительной и т. д.). Идея о создании специализированного подразделения — полиции звучит в одном из проектов государственных преобразований известного немецкого ученого-корреспондента по переписке Петра I Г. В. Лейбница «Записке о коллегиях» между 1711 г. и 1716 г.¹

Как это не кажется удивительным, но точной даты учреждения полиции в России установить не удастся. Упоминания о «полицейской канцелярии» встречаются в актах Петра Великого, как адресате вполне конкретных поручений в 1715 г. в деле надзора за застройкой Санкт-Петербурга². Организационно-правовое оформление первый полицейский орган получает в 1718 г. двумя актами – «Пунктами, данными С.-Петербургскому Генерал-Полицеймейстеру»³ 25 мая и через несколько дней назначением А. Дивиера на новую должность указом «О Генерале Полицимейстере»⁴.

При глухой оппозиции своим начинаниям в Москве, выбор монарха для апробирования нововведений понятен – закладывались принципиально модернизированные

правила обеспечения благоустройства и охранительных мероприятий, которые должны со временем стать законом в возводимом городе, не связанном столетними управленческими традициями. К тому же теория государственных реформ XVII в., обобщенная Ж.-Б. Кольбером, предполагала распространение со временем столичных преобразований на всю страну⁵. Однако, сам реформатор сумел учредить полицейскую канцелярию во главе с обер-полицмейстером только в старой столице в январе 1722 г.⁶ в период мероприятий празднования победы над Швецией.

Результатом определения роли полиции в России Петром Великим оказалось несколько проблем, которые царственные потомки вынуждены были решать с различной степенью успешности.

Во-первых, проявлялась «пробельность» в организации централизованной системы полиции. Не смотря на создание в правление Анны Иоанновны в 23 крупных городах империи полицейских канцелярий, подчиненных генерал-полицмейстеру, в масштабах страны этого оказалось недостаточно. Учреждением Екатериной II должностей городничих и нижнего земского суда во главе с капитаном-исправником в рамках губернской реформы 1775 г. и принятия Устава благочиния 1782 г. создается первый уровень полицейских органов в городах и уездах, чьи действия предполагалось объединить усилиями губернского правления, и без того перегруженного различными делами. Фактически рвалась связь между генерал-полицмейстером и нижестоящими полицейскими органами.

Не удалось исправить ситуацию в рамках министерской реформы, попыткой создания ведомства полиции. При разделении манифестом от 2 сентября 1802 г. госу-

дарственного управления на 8 областей – полицию относят к внутренним делам и введению одноименного министерства⁷. Еще больше запутало ситуацию разделение спектра административной власти на 5 сфер в 1811 г., поскольку, полиция оказалась вынуждена действовать и в области внутренней безопасности, и государственной экономики⁸. Кроме того, падению роли губернаторов во властных отношениях способствовало право непосредственного взаимодействия министерств с подведомственными органами на местах. Роль губернатора сводилась к пересылочной инстанции восходящей и нисходящей корреспонденции между министерствами и различными канцеляриями, конторами и т. д.

Централизованная, стройная структура полиции складывается незадолго до великих либеральных реформ. В 1837 г. целым пакетом из 4 актов губернатор признается «начальником губернии» непосредственно подчиненном министру внутренних дел и к пользе государства обременяется обязанностью попечения о благе жителей без различия состояния, охраны общественного спокойствия, применения мер народного здравия, обеспечения продовольствия, «доставления» призрения и т. д.⁹ Одно из отделений губернской канцелярии прямо осуществляло полицейскую функцию, и обязывалось координировать усилия городской и земской полиции, что в условиях формализма и колоссального бумагооборота оказывалось довольно сложно.

Во-вторых, при отсутствии четкого плана реформ у Петра I статус полиции определялся довольно туманно. Формально главная полицмейстерская канцелярия в северной столице следовала только указам монарха и Сената. Таким образом, коллегии, президент Главного магистрата, Санкт-Петербургский генерал-губернатор не обла-

дали властью в отношении полиции. Учреждаемые в городах органы полиции подчинялись генерал-полицмейстеру, минуя губернские власти до реформы 1775 г. Подобный подход, вероятно, имел в основе желание разграничения компетенции полиции и местных общегражданских властей, что оказалось непросто на практике.

Малочисленностью полицейских канцелярий обуславливалась необходимость обременения сходными функциями частично или в полном объеме других административных структур. Например, командованию каждого расквартированного полка в 1724 г. вменялось в обязанность «наблюдения за земской полицией» во вверенном дистрикте с проведением всех необходимых мероприятий – от поддержания паспортного и контрольно-пропускного режима до борьбы с разбойниками¹⁰. В 1730 г. для проведения розыскных мер по делам о грабежах, разбоях, убийствах восстанавливался некогда упраздненный еще Петром Великим Сыскной приказ¹¹.

В-третьих, осуществление полицейской деятельности, как выяснилось на практике, оказалось не по силам одноименному органу, что отразилось при определении четкости вопросов ведения и полномочиями между звеньями государственного аппарата. Стремлением к рациональному устройству государственного механизма не удавалось исключить случаев конкурирующей компетенции в следствии несовершенства юридической техники. Например, просвещенная государыня Екатерина II дает довольно неопределенную рекомендацию в ст. 167 Жалованной грамоты городам 1785 г. городским думам о «возбранении» противного доброму порядку и благочинию при этом оставляя относящиеся к части полицейской «установленным» для этого людям¹². Даже с учреждением мини-

стерств не удалось сосредоточить реализацию полицейских функций в руках МВД. В короткий период существования Министерства полиции 1811–1819 гг. довольно своеобразно выглядел порядок взаимодействия с другими субъектами деятельности в сфере полиции. Министры в действиях в части «общей полиции» по своим ведомствам для реализации своих решений на местах должны сноситься с губернским начальством, а министр полиции – напрямую с коллегами, причем наделялся правом требования сведений непосредственно¹³. Примечательно, что в результате реформы 1837 г. губернатор, как доверенное лицо министра внутренних дел вынужден возглавлять 18 разных по своему назначению учреждений с необходимостью ежедневно подписывать 270 официальных бумаг¹⁴.

Таким образом, роль полиции в качестве «души гражданства», согласно замыслам Петра Великого, сохранялась на всем протяжении существования полицейского государства, однако, организационные основы, вполне традиционные для своей эпохи, не позволяли в полной мере обеспечить эффективность мероприятий в области благоустройства и безопасности.

© Медведев В. В., 2023

¹ Сизиков М. И. Полиция Российской империи. М., 2000. С. 9.

² Высочайшая резолюция на доклад по делам Полицеймейстерской Канцелярии от 20 мая 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е] (далее – ПСЗ-1). Т. V. № 2909.

³ Пункты, данные С.-Петербургскому Генерал-Полицеймейстеру от 25 мая 1718 г. // ПСЗ-1. Т. V. № 3203.

⁴ Именной указ от 7 июня 1718 г. «О Генерале Полицеймейстере» // Законодательство Петра I: Сборник документов. М., 1997. С. 630.

⁵ Андреевский И. Е. Полицейское право. Т. 1. СПб., 1874. С. 56.

⁶ Именной указ от 19 января 1722 г. «О бытии полиции в Москве» // Законодательство Петра I: Сборник документов. М., 1997. С. 643.

⁷ Именной указ от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении Министерств» // ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20406.

⁸ Манифест от 25 июля 1810 г. «О разделении Государственных дел на особья управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих» // ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24307.

⁹ «Общий наказ гражданским губернаторам» от 7 июня 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-2). Т. XII. № 10303.

¹⁰ Именной указ от 26 июня 1824 г. «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уезде определяемом для квартирования и продовольствия его полка» // ПСЗ-2. Т. VII. № 4535.

¹¹ Именной указ от 22 июля 1730 г. «Об учреждении Судного и Сыскаго Приказов, об апелляции на оные их Московской Губернии в Юстиц-Коллегию, а на оную в Сенат и о разобрании прежних судебных дел» // ПСЗ-1. Т. VIII. № 5597.

¹² «Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ-1. Т. XXII. № 16187.

¹³ *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. Ч. II. Кн. 1. СПб., 1859. С. 30–31.

¹⁴ *Развитие* русского права в первой половине XIX в. М., 1994. С. 112.

В. А. Воропанов*

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ
ТИПОВЫХ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Система органов полиции в Российской империи была обновлена в ходе административно-судебной реформы Екатерины II¹. С 1775 г. в типовую коллегия уездной полицейской администрации, показательно носившей, несмотря на отсутствие в её компетенции прямо указанных судебных обязанностей, наименование нижнего земского суда, входили земский капитан-исправник и по 2 заседателя от дворянского и сельских сословий. В городах полицию с 1775 г. представляли комендант, в случае размещения в них воинских формирований, или городничий².

Устав от 8 апреля 1782 г. учредил в городах управы благочиния, в которых наряду с комендантом или городничим следовало находиться 2 приставам (уголовных и гражданских дел) и 2 ратманам. В крупнейших центрах при обер-комендантах дополнительно назначили городничих³.

Капитана-исправника и городничего, наследников

* *Воропанов Виталий Александрович* – заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор исторических наук, доцент.

городового воеводы, имперский законодатель обязал предоставлять населению «судейское» и «начальничье покровительство» по жалобе, которое заключалось в срочном проведении предварительного расследования. Решения нижнего земского суда по делам о пристанодержательстве беглых не являлись обязательными и могли быть пересмотрены в сословных судах⁴. В отличие от нижних земских судов управы благочиния могли самостоятельно назначать наказания за хищения имущества тайные или путём обмана, совершённые лицом не более трёх раз, на сумму до 20 руб., подобно судам первого звена⁵. Однако в малых городских поселениях имелись только городнические правления.

Павел I, прекративший участие представителей сельских сословий в местном управлении, увеличил численность дворянских заседателей в нижних земских судах. Штаты городской полиции были обновлены, наименование «управа благочиния» из законодательства исчезло. Согласно штатному расписанию в губернских городах полицию возглавили коменданты, их помощниками являлись полицмейстеры или городничие. Император учредил новые виды низших судов с участием чиновников полиции. В частях крупных городов предусматривалось действие словесного суда уже во главе с частным приставом. Городской частный суд выносил решения по делам о нарушении общественного порядка, не влекших для обвиняемых телесных наказаний⁶. Городничим надлежало участвовать в третейских судах, учреждённых для разрешения споров между откупщиками питейных сборов и их наёмными работниками, в качестве представителя государства. Законодательный акт от 1798 г. не предусматривал права на обжалование их решений⁷.

Александр I разделил сферы военного и полицейского

управления, освободив полицмейстеров и городничих от подчинения комендантам. Состав должностных лиц городской полиции прямо зависел от состояния развития поселений, наиболее крупные из которых делились на части. Размеры отдельных губерний, их демографическое развитие требовали увеличения числа дворянских заседателей в нижних земских судах.

В 1812 г. императором был определён размер для мелких хищений, подлежащих административной юрисдикции, – до 5 руб.⁸ Сенат уточнил, что наряду с мелкими хищениями в юрисдикции нижних полицмейстеров, городничих и земских судов находились дела о причинении лёгкого вреда здоровью, оскорблениях, нарушениях общественного порядка и общего паспортного режима, совершённых не более трёх. Внесудебные наказания не касались лиц привилегированных сословий⁹. В нижних земских судах обжаловались приговоры мирских сходов государственных крестьян о сдаче ими в аренду общего недвижимого имущества¹⁰.

В 1837 г. систему типовых органов уездной полицейской администрации реформировали в Европейской части России, учредив в качестве её низшего звена становых приставов¹¹. Городские полиции укрепляли планомерно. В их штаты стали избирательно включать младших полицмейстеров или помощников полицмейстеров, следственных приставов, что существенно разгружало обязанности городничих и частных приставов. В малых городских поселениях, не имевших деления на кварталы, к городничим стали назначать помощников, наиболее мелкие подчинили становым приставам¹².

Юрисдикционные полномочия городских полиций и земских судов были расширены: в 1841 г. им поручили выносить решения по делам с суммой ущерба до 15 руб.

серебром¹³, в 1845 г. – уже до 30. Вне их юрисдикции по делам об административных правонарушениях находились лица, зависевшие от отраслевых органов административной юстиции¹⁴.

Следует также сказать, что при городских полициях и земских судах продолжали действовать особые третейские суды («полицейские») под председательством полицмейстеров, городничих или земских исправников на период действия договоров о питейном откупе: императорская власть была заинтересована в скором прекращении споров, способных повлиять на осуществление винной монополии и статью доходов государства. В 1830 г. регулирование их подсудности получило оптимальное развитие¹⁵.

Итак, реформирование и развитие системы органов полиции в конце XVIII – первой половине XIX в. включало регулирование их административной юрисдикции, обусловленное необходимостью поддерживать общественный порядок в городах, а также разгружать обязанности сословных судов первой инстанции. В 1782 г. Екатерина II наделила органы городской полиции – управы благочиния, полномочиями назначать наказания за мелкие правонарушения. Её преемник усилил роль городской полиции, передав под руководство приставов словесные суды, учреждённые в частях, на которые были разделены крупные города. Павел I поручил городским частным словесным судам назначать штрафы за административные правонарушения.

Внесение последующих изменений в штатное расписание местных органов полиции имперский законодатель поставил в прямую зависимость от состояния развития городских поселений и уездов. В 1837 г. частные приставы появились в уездах. Юрисдикция уездной полиции, органы которой продолжали показательно именовать зем-

скими судами, была закреплена в начале XIX в. и существенно расширена в 1837–1845 гг., свидетельствуя о значении, которое им придавалось в условиях формирования общественного строя имперской России. Полномочия полицмейстеров (с 1847 г. начальников полиции только губернских центров), городничих и земских судов оставались равными. С 1798 г. при органах полиции на период действия договоров о питейном откупе создавались специализированные суды, именуемые полицейскими, позволявшие срочно прекращать конфликты, способные негативно сказаться на интересах государства в сфере реализации его винной монополии.

© Воропанов В. А., 2023

¹ См. подробнее: *Воропанов В. А.* Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016. С. 63–66.

² Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е] (далее – ПСЗ-1). Т. XX. № 14392. Ст. 22, 23, 25, 223, 253.

³ ПСЗ-1. Т. XXI. № 15379. Ст. 1, 2, 4, 28, 29.

⁴ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. Ст. 229, 243, 245, 266.

⁵ ПСЗ-1. Т. XXI. № 15379. Ст. 70, 72, 269.

⁶ ПСЗ-1. Т. XXIV. № 18053.

⁷ ПСЗ-1. Т. XXV. № 18399. Ст. 40.

⁸ ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25142, 25605.

⁹ ПСЗ-1. Т. XXXIV. № 26960.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21744. П. 5.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-2). Т. XII. № 10305. § 1–5.

¹² Свод законов Российской империи. Т. II. СПб., 1857. Ч. I. Ст. 4105, 4106, 4108, 4109.

¹³ ПСЗ-2. Т. XVI. № 15150. П. 1; т. XII. № 10684.

¹⁴ Свод законов Российской империи. Т. II. Ч. I. Ст. 2546, 2547; Т. XV. Кн. II. Ст. 842, 843.

¹⁵ ПСЗ-2. Т. V. № 3664. § 281–285, 287–289.

А. А. Иванов*

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖАНДАРМСКИХ СТРУКТУР В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В качестве главного охранителя Российской империи жандармская служба просуществовала без малого век – почти 90 лет: с момента подписания императором Николаем I в 1827 г. указа об учреждении Корпуса жандармов и до отречения от престола государя Николая II в 1917 г. Тогда на фоне свержения монархического строя в «огне революции» рухнула и сама жандармская служба, и все, что с ней было связано, – надзор за неблагонадежными членами общества, политический сыск, перлюстрация корреспонденции и многое другое. В настоящей небольшой статье проследим прежде всего организационные преобразования жандармского ведомства, происходившие с 1880-х годов до падения монархии в марте 1917 г.

Великие реформы 1860-х годов, половинчатые и непоследовательные, привели к росту крестьянских выступлений, расширению оппозиционного движения разночинной молодежи, студенчества, городских служащих. Январское 1863 г. восстание в Польских землях, создание и деятельность «Земли и Воли» и «Народной Воли» – все это требовало незамедлительной адекватной реакции со стороны Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Отдельного корпуса жандармов. Политическая обстановка в стране делала необходимым проведение прежде всего структурной перестройки

* *Иванов Александр Александрович* – профессор кафедры истории России исторического факультета Иркутского государственного университета, доктор исторических наук.

жандармского ведомства, создания более разветвленной конспиративной сети, способной проникать во все государственные службы, торговые и промышленные предприятия, учебные заведения и учреждения.

Несмотря на усилия, предпринимаемые Третьим отделением и Отдельным корпусом жандармов по борьбе с революционным движением, количество политических преступлений в центре и на окраинах Российской империи неуклонно увеличивалось. 4 августа 1878 г. С. Н. Кравчинский (Степняк) на одной из улиц Санкт-Петербурга ударом кинжала убил шефа Отдельного корпуса жандармов Н. В. Мезенцова и, скрывшись с места преступления, уехал за границу. Этот дерзкий террористический акт продемонстрировал всему обществу несовершенство и беспомощность государственной охранительной системы. Взрыв в Зимнем дворце, устроенный С. Халтуриным 5 февраля 1880 г. по заданию Исполнительного комитета «Народной Воли», ввергший всю столицу в настоящую панику, окончательно убедил правительство и царя в том, что полицейская и жандармская службы Империи нуждались в коренной и незамедлительной перестройке.

В феврале 1880 г. указом государя была создана Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия под руководством генерала М. Т. Лорис-Меликова. Боевой генерал получил поистине диктаторские полномочия: он имел право принимать любые меры, которые признавал необходимыми для борьбы с политической преступностью как в столице, так и в других местностях империи. Особым указом в начале марта 1880 г. Александр II передал Лорис-Меликову управление сначала Третьим отделением, прежде находившимся в подчинении императора, а затем

и Отдельным корпусом жандармов¹.

В начале августа 1880 г. Третье отделение было ликвидировано, но жандармский корпус продолжал существовать. Отныне им заведовал министр внутренних дел на правах шефа Корпуса, а один из товарищей министра внутренних дел, «заведующий полицией», отвечал за деятельность полиции и был командиром Корпуса жандармов. С этого времени наблюдается устойчивый количественный рост жандармских чинов. Так, если в 1880 г. численность Корпуса составляла 520 генералов и офицеров, 6187 нижних чинов, то в середине 1913 г. насчитывалось уже 12 700 чинов, из которых 912 являлись генералами и офицерами, 30 – классными чиновниками. Перед Февралем 1917 г. в Корпусе служило около 16 тыс. человек. Из них более 940 офицеров и генералов, десятки классных чиновников. При этом основу жандармерии составляли вахмистры, унтер-офицеры и рядовые².

Отдельный корпус состоял из главного управления (штаба), делившегося на шесть отделений, 75 губернских и областных жандармских управлений, а также 30 уездных жандармских управлений Привисленского края. В столичных городах и в Варшаве были созданы жандармские кавалерийские дивизионы, основным назначением которых было несение патрульной службы и борьба с волнениями. Главным в работе жандармов становится не только наблюдение, а и дознание, и следствие³.

Значительное расширение прав российских жандармов в 1880-е годы не могло не привести к изменению и усложнению их организационной структуры, видное место в которой стали занимать жандармские полицейские управления железных дорог. Из Министерства путей сообщения жандармские полицейские управления железных

дорог были переподчинены Корпусу жандармов. При этом были значительно увеличены штаты железнодорожных жандармов, так в каждом территориальном управлении отныне числилось от 200 до 300 сотрудников (в несколько раз больше, чем в обычных ГЖУ). К 1895 г. число жандармских полицейских управлений железных дорог возросло до 21, они имели отделения на всех узловых станциях, причем каждое обслуживало участок дороги протяженностью до двух тысяч вёрст. Значительной вехой в истории этих службы стал 1906 год: приказом по Отдельному корпусу от 28 июля на жандармские полицейские управления железных дорог были возложены обязанности производства дознаний по преступлениям политического характера, «совершенных в полосе отчуждения железных дорог». Таким образом железнодорожные жандармы стали выполнять функции как общей, так и политической полиции⁴.

Среди жандармских структур, занимавшихся в конце XIX – начале XX в. борьбой с политической преступностью, особая роль отводилась охранным отделениям. Формально организовавшись гораздо позже губернских жандармских управлений и жандармских управлений железных дорог, охранные отделения прошли длительный путь становления и развития. Первые охранные отделения создавались при полиции крупнейших городов Империи в качестве особых органов борьбы с радикально настроенной частью общества. Так, в 1867 г., после покушения Д. Каракозова на Александра II при градоначальнике Санкт-Петербурга было учреждено «Отделение по охране порядку и спокойствия в столице». Его штат насчитывал более 20 служащих – начальник, чиновники для поручений, полицейские надзиратели, делопроизводители, их помощники и секретарь – что, учитывая малочислен-

ность их коллег из губернских жандармских управлений, выглядело вполне внушительно⁵.

В ноябре 1880 г. при канцелярии Московского обер-полицеймейстера было также открыто свое «Секретно-розыскное отделение», затем аналогичное структурное подразделение появилось и при Варшавском губернаторе. Данные отделения должны были сосредоточить свои усилия на охране общественной безопасности и порядка, взять на себя основную нагрузку по предотвращению и пресечению политических преступлений. С 1902 г. по инициативе министра внутренних дел В. К. Плеве во всех губернских городах Империи начали создаваться розыскные отделения, затем в феврале 1903 г. их переименовали в охранные отделения. К концу 1907 г. число охранок, как их называли в народной среде, достигло 27. Они действовали при полицейских управлениях, но подчинялись Особому отделу Департамента полиции. В обязанности охранных отделений входило выявление и ликвидация социал-демократических, эсеровских и анархистских организаций, розыск потенциальных террористов, составителей и изготовителей прокламаций и прочее. При этом, несмотря на подчеркиваемую независимость от губернских жандармских управлений, как правило, кадры охранных отделений укомплектовывались из офицеров Отдельного корпуса жандармов.

В феврале 1907 г. было принято «Положение об охранных отделениях». Параграф 5 документа однозначно определил статус данной структуры: «Начальники отделений осуществляют свои обязанности под высшим руководством Департамента полиции. ... Вмешательство других учреждений и лиц ... не может иметь места». И дальше в § 13: «Начальники охранных отделений принимают все меры к сосредоточению в своих руках всего розыскного

дела. Чины корпуса жандармов и общей полиции, получая из негласного источника сведения, относящиеся к политическому розыску, сообщают таковые начальнику охранного отделения для разработки...»⁶.

Охранное отделение состояло из канцелярии, отдела наружного наблюдения и агентурного отдела. Канцелярия вела картотеку на всех, проходивших когда-либо по политическим делам. «Наружка» имела на службе участковых и вокзальных надзирателей и филёров. Агентурный отдел был самым главным, сюда стекались все сведения, полученные от наружного наблюдения, перлюстрации писем, а также материалы агентурных разработок, именно здесь планировались и секретные операции против революционеров и террористов. Так, в Иркутске только по партии эсеров и эсдеков 1910-х годах работало, по нашим подсчетам, не менее 30 секретных сотрудников⁷. Дело политического сыска было поставлено основательно: по существу, в Империи не было ни одной революционной организации, в ряды которой «охранка» не внедрила бы своих сексотов, поэтому период деятельности большинства рабочих подпольных групп был недолгим – каких-нибудь три–четыре месяца. Затем революционеры попадали под «недремлющее око» жандармов, к ним внедрялся агент, выступавший нередко и провокатором, ядро организации из интеллигентов изымалось, а рабочее большинство оставляли бездействовать.

После Первой русской революции, показавшей, помимо прочего, настоятельную необходимость координации усилий жандармских органов в масштабах крупных регионов страны, стали создаваться районные охранные отделения. Так, в декабре 1906 г. Московское охранное отделение было преобразовано в Центральное районное охранное отделение, объединив под своим руководством

13 губерний центральной части России (Архангельскую, Владимирскую, Вологодскую, Калужскую, Костромскую, Московскую, Нижегородскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую, Тульскую и Ярославскую) с их охранными отделениями⁸.

В 1906 г. в стране уже действовало 14 районных охранных отделений – Донское, Кавказское, Поволжское, Прибалтийское, Привислинское, Северное, Северо-Западное, Сибирское, Ташкентское, Уральское, Центральное, Юго-Восточное, Юго-Западное и Южное. 14 декабря 1906 г. было принято Положение о районных охранных отделениях, согласно которому районные охранные отделения создавались «для объединения и направления деятельности местных органов, ведающих политическим розыском в Империи» и действовали под непосредственным руководством и контролем директора Департамента полиции через его Особый отдел. Параграф 3 предполагал возможное совмещение должности начальника районного охранного отделения с должностями начальников ГЖУ или охранного отделения. При этом независимо от совмещения подчеркивалось, что начальники первых «пользуются всеми правами начальников» последних⁹.

Сибирское районное охранное отделение располагалось в городе Иркутске, при этом деятельность его в деле ведения розыска распространялась на все Иркутское генерал-губернаторство, в состав которого входили Забайкальская и Якутская области, Енисейская и Иркутская губернии. Руководил Иркутским районным охранным отделением полковник Л. Н. Кременецкий, действующий начальник Иркутского губернского жандармского управления¹⁰.

Районные охранные отделения создавались не только с целью координации деятельности местных «охранок».

Положение своим шестым параграфом наделяло районное охранное отделение «безусловно» руководящей властью над всеми органами, ведающими политическим розыском, а § 7 «главнейшей задачей» объявлял «учреждение центральной внутренней агентуры, могущей освещать деятельность революционных сообществ»¹¹ в масштабах всего региона.

Таким образом, конце XIX – начале XX в. в Российской империи сложилась разветвленная сеть жандармских служб, предназначенных для борьбы с ростом революционного движения в стране, охраны государства и «образа правления» царствовавшего Дома Романовых. Каждая из существовавших структур – губернские жандармские управления, жандармские управления железных дорог, охранные отделения и районные охранные отделения – действовали на местах практически самостоятельно, имея своих штатных сотрудников и тайных агентов. Такая разобщенность действий против общего «врага», которым для них являлась политическая преступность, отрицательно сказывалась на результатах работы, что было хорошо видно в ходе революционных событий 1905 г. и 1917 г.

© Иванов А. А., 2023

¹ *Перегудова З. И.* Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000. С. 17–19.

² *Мойсинович А. М.* Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в.: текст лекций. Ярославль, 2010. С. 17.

³ Там же. С. 17.

⁴ *Иванов А. А.* «...Как воинская часть, призванная для трудной и ответственной работы»: жандармы Забайкальской железной дороги в начале XX в. // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 167–176.

⁵ *Мойсинович А. М.* Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в.: текст лекций. С. 22.

⁶ Цит. по: *Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плева до В. Ф. Джунковского: Сборник документов / Вступ. статья, сост. и коммент. Е. И. Щербакова.* М.; СПб., 2016. С. 82, 84.

⁷ Подсчитано по материалам Государственного архива Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 600, 601, 602, 603.

⁸ *Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плева до В. Ф. Джунковского: Сборник документов / Вступ. статья, сост. и коммент. Е. И. Щербакова.* С. 74–76.

⁹ Там же. С. 76.

¹⁰ ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

¹¹ *Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плева до В. Ф. Джунковского: Сборник документов / Вступ. статья, сост. и коммент. Е. И. Щербакова.* С. 74–76.

А. Ю. Кеклис*

О СТАНОВЛЕНИИ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Обострение общественно-политической ситуации в России на рубеже XIX–XX вв. подтвердило необходимость реформы правоохранительной системы, показавшей свою неспособность противодействовать новым вызовам времени.

Безусловно, одну из ключевых ролей здесь сыграл Санкт-Петербургский обер-полицмейстер Ф. Ф. Трепов, активизировавший процесс реорганизации столичной полиции, итогом которого стало создание Санкт-Петербургского охранного отделения. Данное подразделение, в деятельности которого на первый план выходит организация и проведение оперативно-розыскных мероприятий (внутреннее (агентурное) и наружное наблюдение за деятельностью антиправительственных организаций и производство арестов, обысков, выемок и осмотров), становится прообразом структурной «единицы» будущей правоохранительной системы России.

Так, по опыту Санкт-Петербурга и с теми же задачами, распоряжением министра внутренних дел Лорис-Меликова, в ноябре 1880 г. при канцелярии Московского обер-полицмейстера создаётся секретно-розыскное отде-

* *Кеклис Александр Юрьевич* – доцент кафедры предпринимательского права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук.

ление. Происходит утверждение штатов отделений – 1881 г. в Санкт-Петербурге, в 1889 г. в Москве, финансирование происходит не только из открытой части бюджета МВД, но и из закрытой части государственного бюджета «на чрезвычайные и секретные расходы на известное Его Императорскому Величеству употребление...»¹.

Третье охранное отделение по аналогичной структуре было создано в 1900 г. в Царстве Польском и называлось «Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в Варшаве»².

Ряд громких террористических актов, совершенных в России в начале XX в. побудил возглавившего в 1902 г. Министерство внутренних дел В. К. Плеве отчасти вернуться к реализации мер, обозначенных в Положении об устройстве секретной полиции.

В том же году Департамент полиции решил провести совещание начальников вновь созданных учреждений и вызвал их в Петербург. 26 и 27 сентября 1902 г. под председательством директора Департамента полиции А. А. Лопухина прошло совещание, на котором был разработан «Свод правил, выработанных в развитие утвержденного господином министром внутренних дел 12 августа текущего года «Положения о начальниках розыскных отделений», который конкретизировал и уточнял Положение от 12 августа 1902 г.»³

Охранные отделения стали создаваться по всей стране. Начальники охранных отделений подчинялись непосредственно Департаменту полиции, который давал общее направление деятельности и распоряжался личным составом отделений.

Одновременно с работой по укреплению и созданию охранных отделений, по предложению директора Департамента полиции М. И. Трусевича, в системе политическо-

го сыска создаются совершенно новые учреждения – районные охранные отделения⁴ (далее – РОО).

Образование их было вызвано нарастанием кризисных моментов в состоянии и функционировании подразделений различных уровней охранного ведомства, что явилось следствием резкого изменения характера и масштабов революционного движения.

Первоначально страна разбивалась на 8 охранных округов (все находились в европейской части страны) с центрами в Санкт-Петербурге (Северное РОО), Москве (Центральное РОО), Самаре (Поволжское РОО), Харькове (Юго-Восточное РОО), Киеве (Юго-Западное РОО), Одессе (Южное РОО), Вильно (Северо-Западное РОО) и Риге (Прибалтийское РОО). Позднее были учреждены Туркестанское РОО, Кавказское РОО, Примисленское РОО, Пермское РОО, Севастопольское РОО, Сибирское РОО (в последствии из него было создано Восточно-Сибирское РОО с центром в Иркутске и Западно-Сибирское РОО с центром в Томске)⁵.

Охранные округа возглавляли начальники РОО, назначаемые шефом жандармов по представлению директора Департамента полиции. Начальники РОО руководствовались в своей деятельности по розыску правами начальников охранных отделений, и имели право совмещать работу в этой должности с должностью начальника местного охранного отделения или ГЖУ.

Приоритетной задачей РОО являлось «учреждение центральной внутренней агентуры, могущей освещать деятельность революционных сообществ...» и использование полученной информации в деятельности розыскных органов района. Офицеры и чиновники РОО получали доступ ко всем сведениям и делам местных жандармских управлений. По их требованию им должны представляться све-

дения о секретных сотрудниках, имеющих у розыскных органов района, «и в случае надобности, представлена встреча с таковыми».

Кроме того, данное Положение устанавливало перечень и форму документов для «регистрации данных розыска», которые должны вестись не только в РОО, но и в ГЖУ и охранных отделениях.

По мысли создателей, РОО должно было объединить все функционирующие в пределах района розыскные органы, и координировать борьбу с революционными организациями в конкретном охранном округе, включающем в себя несколько губерний.

Децентрализация розыска должна была ускорить процесс принятия решений и, соответственно, повысить оперативность и успешность ведения дел.

При формировании округов руководство Департамента полиции учитывало географическое расположение революционных организаций – областных и окружных партийных комитетов. Исходную точку решения вопроса обозначил, в ту пору, начальник Варшавского охранного отделения П. П. Заварзин: «Соображения революционных партий и групп при создании своих областных и районных комитетов послужили основанием к организации тех же районов по розыску»⁶.

Начальники охранных отделений «осуществляют свои обязанности под высшим руководством Департамента полиции...». Кроме Департамента полиции и районных охранных отделений никто не имел права вмешиваться в работу местных охранных отделений. Финансирование деятельности охранных отделений осуществлял Департамент полиции.

Охранное отделение становилось центром борьбы с терроризмом – без разрешения начальника отделения ни

жандармское управление, ни общая полиция не имели права проводить никаких мероприятий, касаемых политического розыска и в него же должна докладываться вся информация по роду деятельности отделения. В свою очередь, «начальники охранных отделений должны были осведомлять ГЖУ об обстоятельствах, интересующих последних в процессе производимых ими дознаний»⁷.

С принятием «Положения об охранных отделениях» в стране закончился очередной этап реформирования розыскных органов. «Сложившаяся система: охранный отдел – районное охранный отдел – Департамент полиции довольно успешно противодействовала, как террористической, так и пропагандистской деятельности революционных партий и сыграла немалую роль в разгроме партийных организаций, партийных комитетов, координации деятельности сыскных служб на местах. Поднялся престиж розыскной деятельности среди властей, стали появляться мысли о возможности полного разгрома революционных организаций»⁸.

В целом можно сделать вывод, что правовое регулирование деятельности охранных отделений осуществлялось в соответствии со складывающейся обстановкой, учитывая необходимость решения задач государственной и общественной безопасности. Появление новых положений, инструкций и распоряжений обуславливалось появлением новых видов преступлений, достижениями правоведения, криминологии, опытом правоохранительной деятельности.

© Кеклис А. Ю., 2023

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 569. Оп. 17. Д. 491. Л. 197.

² *Перегудова З. И.* Политический сыск России, 1880–1917. М., 2000. С. 119.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 260. Д. 259. Л. 2–5.

⁴ *Перегудова З. И.* Политический сыск России, 1880–1917. С. 122.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 88. Л. 10.

⁶ *Заварзин П. П.* Работа тайной полиции. Париж, 1924. С. 10.

⁷ *Кеклис А. Ю.* Становление системы правового регулирования деятельности охранных отделений Российской Империи в начале XX века // Общество, современная наука и образование: проблемы и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов, 30 ноября 2012 года: В 10 ч.. Ч. 6. Тамбов, 2012. С. 64–67; *Нижник Н. С.* Государственно-правовой институт наружного наблюдения в Российской империи - предмет исследования современных учёных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 201–212. DOI 10.35750/2071-8284-2022-4-201-212. EDN CIKEJQ.

⁸ *Кеклис А. Ю.* Становление системы правового регулирования деятельности охранных отделений Российской Империи в начале XX века. С. 64–67.

И. В. Евсеев*

ОСОБЫЕ ТЮРЬМЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРХНЕУРАЛЬСКОЙ ТЮРЬМЫ

Благодаря кинематографу и средствам массовой информации граждане в той или иной степени знакомы с тюремными учреждениями. При этом все эти учреждения представляются однообразно, и такие места, как лагерь, лагерный пункт или колония обыватель относит к тюрьмам. Это связано, в первую очередь, с тем, что в том или ином виде тюрьма функционировала в каждом населенном пункте, куда каждый гражданин мог попасть за совершенное правонарушение. Тюрьма являлась базовым учреждением, где концентрировались осужденные по категориям – от срочных до этапных. Мудрый российский народ говорил: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». Тюрьма считалась самым известным учреждением в России.

К истории тюрем России в разные исторические периоды обращались как зарубежные авторы, так и российские ученые. В их числе И. Бентам, Дж. Говард, Ч. Беккариа, И. Фойницкий, Н. Сергиевский и многие другие¹. Однако, несмотря на обилие исследований в области уголовно-исполнительной системы, в ее истории

* *Евсеев Иван Валентинович* – доцент Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург), кандидат юридических наук.

остаются вопросы, требующие своего рассмотрения. К таким можно отнести появление и функционирование специальных особых тюремных учреждений на Урале.

Многие тюрьмы на Урале организовывались на основе специальных актов, в которых содержались указания о направленности и специализации учреждений. Так, знаменитая тюрьма в землях Пермь Великой, где содержался Михаил Романов, возникла на основе одного из подобных актов. В соответствии с указом царя осужденный был направлен в деревню Нырла вблизи Чердыня, где на основе соответствующего акта была обустроена земляная тюрьма для особого преступника. В акте расписывалось все: от устройства тюрьмы до охраны. В 1601 г. узник в сопровождении конвоя из шести сторожей прибыл к месту, где солдаты выкопали яму и опустили в нее заключенного, обвешав его тяжелыми цепями. Заключенный сидел в этой тюрьме без света и тепла, где и пробыл до своей смерти². Это был не единичный случай организации специального учреждения для определенной категории преступников. Кунгурские акты³ указывают на 10 подобных случаев.

Еще одним примером организации специального учреждения являлся Читинский острог для участников вооруженного восстания XIX в. Декабристы находились в Читинском остроге с 28 января 1827 г. по 7–9 августа 1830 г. Всего через острог прошло 85 декабристов. Первоначально они размещались в приспособленных под тюрьмы домах местных жителей. Затем с помощью труда заключенных был достроен большой каземат, ряд дополнительных зданий, обнесенных высоким бревенчатым забором. Специализированное учреждение привлекало обывателей. Кто-то приходил, чтобы что-либо продать, а некоторые – для того, чтобы что-то приобрести. Пребыва-

ние декабристов в Читинском остроге привело к активизации торговли и почтового обращения. Бестужев писал в своих воспоминаниях, что после отбытия из острога декабристов и их жен, а также тюремного начальства и воинской команды, селение опустело⁴.

В 1879 г. после реформы специальные учреждения строились по специальному утвержденному плану Главного тюремного управления. В дополнение к плану издавались циркуляры Главного тюремного управления о режиме и особенностях содержания заключенных⁵. Осужденные из благородного сословия, оказавшиеся в учреждении по политическим статьям, могли гулять больше, чем другие категории заключенных, могли общаться друг с другом и в течение дня посещать камеры других осужденных. Мужчины могли посещать женские камеры в дневное время.

Советская власть до 1927–1930 гг. во многом использовала уже сложившуюся систему уголовно-исполнительных учреждений и систему режима содержания.

Об этом свидетельствуют акты по созданию политизоляторов на Урале в 1925–1930 гг. Свердловский, Челябинский, Верхнеуральский политизоляторы создавались с целью изоляции политических осужденных от других категории осужденных. Об этом в своих исследованиях пишут многие авторы, которые по крупицам собирали материал о работе уральских учреждений – В. Ф. Некрасов, А. С. Смыкалин, А. И. Кокурин, Н. В. Петров, А. М. Плеханов.

Тюрьмы в Свердловске, Челябинске и Верхнеуральске были построены в начале XX в. с учетом требований по содержанию осужденных и возможности реализации режима. Тюрьмы строились по единому плану, который

предусматривал организацию трех отделений для содержания осужденных: первое отделение – для срочных, подследственных, пересыльных. Оно располагалось на первом этаже тюремного здания с возможностью выхода для последующего этапирования. Второе и третье отделения размещались выше и состояли из одиночных и общих камер, где содержались осужденные из благородного сословия, а также политические заключенные.

Данное обустройство можно заметить при изучении Верхнеуральской тюрьмы. Первая режимная зона опоясывала основное кирпичное здание, которое с высоты представляло собой огромную букву «П», и было введено в строй действующих зданий и построек 27 августа 1914 г. Это было сооружение в три этажа из красного кирпича со множеством больших окон, которые во времена политизолятора (с 1934 г.) были прикрыты металлическими пластинами («ресничками», как называли данные завесы служащие учреждения). Металлические пластины крепились на жестком каркасе под углом в 30 градусов: тем самым закрывался весь проем окна, из-за чего прямой солнечный свет не попадал в камерные помещения. Камерные помещения по своей вместимости спецконтингента были разными – от одиночных камер до камер на 20–30 заключенных.

На втором этаже здания в западном крыле располагалась «генеральская одиночка» – камера, состоящая из двух комнат с санузелом.

Все три этажа в восточном крыле представляли собой камеры для маленьких групп, что позволяло проводить оперативную работу. Охрана называла восточное крыло зоной тройников или «ярусами» из-за особенности конструкции камер.

Изнутри здание было поделено поэтажно. Каждый этаж делился на несколько отдельных секторов: длинные широкие коридоры были разделены железными коваными решетками с массивными дверями. На одном этаже было до трех таких секторов.

Само здание можно было сравнить со специализированным укреплением, где также имелся внутренний дворик, разделенный на сектора металлической оградой с колючей проволокой, и выкрашенный известью в белый цвет. С левой стороны от здания располагалось кирпичное подсобное помещение котельной и склад. Все это было обнесено кирпичным забором в четыре метра с большими металлическим воротами, за которым начиналась вторая режимная зона, где располагались административные здания, которые, в свою очередь, были опоясаны почти трехметровыми столбами с колючей проволокой.

За второй зоной начиналась третья линия, огороженная забором из досок высотой более четырех метров. Входом служили массивные ворота, через которые человек мог попасть внутрь комплекса, через них же пролегал и выход. Между второй и третьей зоной размещались тропа наряда и караульные вышки. За забором последней зоны находились казарма для охраны, баня и клуб.

Весь комплекс располагался на значительном удалении от самого поселка, что способствовало секретности учреждения. Это факт послужил основой для организации в стенах тюрьмы политизолятора в 1925 г., и в 1948 г. этот же факт был взят для обоснования размещения в комплексе особой тюрьмы.

Главное тюремное управление за период своего функционирования издало несколько сотен различных циркуляров, подготовило множество других нормативных актов, которые касались организации в местах заключе-

ния режима, религиозно-нравственного воздействия на арестантов, применения мер взыскания, организации труда, материально-бытового обеспечения, санитарии и гигиены, и указания по особенностям режима для некоторых категорий осужденных⁶.

Устанавливались различные условия для лиц из разных социальных слоев. Так, Устав о содержащихся под стражей 1890 г.⁷ предписывал, чтобы лица высших и низших сословий содержались в тюрьмах, не смешиваясь. Они не допускались к хозяйственным работам.

Из циркуляров ГТУ, устанавливающих режим в местах заключения, особое место составляют циркуляры о содержании политических заключенных. Правила о содержании политических были введены 16 апреля 1904 г. специальным циркуляром ГТУ Российской империи⁸. Особенности условий содержания политических заключенных перечислялись в главе второй (п. 11–48) и заключались в следующем:

- арестованные по политическим мотивам размещались в одиночных камерах;
- политическим заключенным из непривилегированных сословий запрещалось питаться за свой счет;
- запрещалось использовать политических на хозяйственных работах во избежание их политического влияния на других арестантов;
- разрешалось чтение книг, не затрагивающих основы государственного управления и вопросов власти.

Как указывают бывшие осужденные из числа политических, данные наработки были взяты Советской властью при организации политрежима. Режим наказания поначалу был щадящим: осужденные имели свои личные вещи, носили свою одежду – ходили в костюмах и при галстуках. Бывшие заключенные Верхнеуральского политизолятора

А. Гарасеева, Е. Олицкая⁹, А. Цилиг в своих воспоминаниях пишут об интенсивной жизни в политизоляторе: писали статьи по всем вопросам общественной жизни СССР, а также по основному вопросу международной политики за 1930–1933 гг. о фашизме. Выходил целый ряд журналов, написанных от руки. Устраивались внутренние конференции между партийными объединениями, что выливалось в дискуссии, продолжавшиеся на прогулках не один день.

«В тюрьме, наряду с мужчинами, отбывали наказание и женщины. На втором этаже в западном крыле в одной из секций было четыре такие камеры. В одной жил анархист Ефим Долинский со своей сумасшедшей женой Раей Шульман, от которой он отдыхал только на прогулках, "подбрасывая" ее нам. В следующей камере находились мы. В третьей камере, которая была вдвое больше нашей, сидели четыре видных меньшевика: один из них – Смирнов, долгое время жил в эмиграции в Англии и был связан с тред-юнионами. Наконец, в последней камере находились брат и сестра Седерстремы. В целом же наша "прогулка" состояла из 12 женщин и 6 мужчин – это все, с кем мы могли встречаться и разговаривать непосредственно. В самом общении заключенных не было ничего особенного. В те времена браки не регистрировались, достаточно было устного заявления, что мужчина и женщина – муж и жена. В политизоляторе мужья и жены сидели вместе. Так, известен случай подачи заявления от Б. Т. Воронова о соединении с А. М. Гарасеевой»¹⁰.

В целом контингент был интеллигентным и неагрессивным, количество заключенных достигало 600–800 человек.

Но с 1934 г. режим в изоляторе постепенно менялся. В 1939 г. последний политизолятор в СССР был закрыт, а

Верхнеуральская тюрьма была поставлена на консервацию в резерв УГБ НКВД.

В 1941 г. Верхнеуральскую тюрьму сняли с консервации. На первых порах в пустующую тюрьму свозили спецконтингент из Выборгской и Бутырской тюрем. При этом в первое время уголовный элемент был перемешан с политическим. После разделения НКВД 14 апреля 1943 г. на два наркомата – НКВД и НКГБ – Верхнеуральская тюрьма была отнесена к отделу «А» НКГБ. В связи с прошедшими изменениями в Верхнеуральской тюрьме появились представители НКГБ, в ведение которых был переведен контингент из политических, выявленных врагов из числа пособников германских войск, пленных, с которыми проводилась оперативная работа. Всего таких заключенных насчитывалось около 500–700 человек.

Тюрьма была разделена на две режимных зоны: в первой содержался спецконтингент из числа осужденных по уголовным статьям с большим сроком заключения, во втором содержались выявленные явные агенты разведок и военнопленные, а также иностранные граждане.

Приказом НКГБ СССР № 00107 от 22 марта 1946 г., в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 г.¹¹, НКГБ СССР был переименован в Министерство государственной безопасности СССР. Соответственно, были переименованы и местные управления, а отделы НКГБ – в управления и отделы МГБ¹².

К 1946 г. в тюрьме две трети спецконтингента составляли заключенные по линии НКГБ. По утверждению бывших ее сотрудников С. Ф. Шелепова, В. В. Крюкова, М. И. Иголина, один из этажей был полностью занят немецкими офицерами. В штатном расписании появилось отделение переводчиков¹³.

В августе 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение П 53/39 о необходимости изменения структуры МГБ СССР. В связи с этим приказом МГБ СССР № 00396 от 27 сентября 1946 г. в структуре МГБ был организован тюремный отдел, в ведение которого была отнесена Верхнеуральская тюрьма. Уже с 1947 г. в книге приказов она начинает именоваться Особой тюрьмой Министерства государственной безопасности № 4. Сюда для службы стали набирать молодых людей из числа местного населения. Местные работали в качестве контролеров, а всей работой с заключенными занимались приезжие офицеры. По периметру тюремный комплекс охраняла специальная рота особого назначения МВД из числа призывников, размещаемая в отдельном двухэтажном деревянном здании. Специальные охранные секреты располагались и в степи на расстоянии 500–900 м от тюрьмы. Военнослужащие из числа внешней охраны не имели права входить в сам комплекс.

По справкам из архива можно посчитать количество заключенных в особых тюрьмах, включая Верхнеуральскую особую тюрьму. Так, к январю 1953 г. в особых тюрьмы МГБ (Александровская, Верхнеуральская и Владимирская) содержалось 1313 заключенных. В Верхнеуральской тюрьме, исходя из данных книги приказов, содержалось 508 заключенных¹⁴. Четыре человека содержались на основании особого секретного приказа МВД, МГБ и Прокуратуры СССР № 00779/00804/234СС.

В связи с тем, что в тюрьме содержались как уголовный особо опасный спецконтингент, так и спецзаключенные, то в тюрьме было двоевластие. Начальником учреждения являлся представитель МВД, а его заместителем – с подчинением Москве – являлся представитель МГБ СССР. Таким представителем в Верхнеуральской особой

тюрьме был капитан В. П. Грязнов (представитель УМГБ по Челябинской области при Верхнеуральской тюрьме в 1952–1960 гг.), а начальниками учреждения от МВД являлись: в 1947 г. – капитан Красичков, в 1948 г. – капитан Галятин, в 1952 г. – майор Речкин. Приказом МВД № 12 от 17 марта 1953 г. был назначен М. В. Кузнецов¹⁵.

14 марта 1953 г. в связи с объединением МГБ и МВД в единое министерство – МВД, на базе тюремного отдела МГБ и тюремного управления МВД было организовано Тюремное управление МВД.

По утверждению исследователей, в особых и специальных тюрьмах МГБ и МВД создавался специальный «обменный фонд» разведчиков, а также проводилась работа по вербовке. Так, А. С. Смыкалин сообщает, что только за 8 лет работы особых тюрем и лагерей, расположенных на территории Среднего и Северного Урала, были завербованы 3061 человек, в том числе с возможностью работы в странах дальнего зарубежья под прикрытием новой легенды 169 человек¹⁶.

В тюрьму заключенные попадали на основании специального постановления МГБ. В постановлении указывались специальные данные и показатели, на основе которых заключенный направлялся для отбытия наказания в особую тюрьму, также особые рекомендации по режиму содержания и работе.

По прибытию такого заключенного, начальник учреждения должен был немедленно известить об этом представителя МГБ и направить заключенного в специализированный блок, где к нему прилеплялись спецагентура и сотрудники для работы.

Лиц, осужденных к лишению свободы за другие преступления, начальник тюрьмы направлял в общие камеры.

О том, что особые тюрьмы являлись местом сосредоточения «обменного фонда», может служить факт перевода из штрафного Уральского лагеря в 1950 г. двоюродной сестры А. Гитлера – М. Коппенштайнер (умерла 6 августа 1953 г.) и другого его родственника – Э. Шмидта (умер 5 сентября 1951 г.)¹⁷, с которыми проводилась специальная работа.

До 1966 г. Верхнеуральская тюрьма оставалась особым учреждением тюремного вида. В 1966 г. учреждение было расформировано, а на оставшейся материальной базе была организована ИК № 13 для больных туберкулезом.

Таким образом, Верхнеуральская тюрьма была включена в список особых тюрем. Так сложились обстоятельства, что на момент организации тюрьма уже являлась особой по своей сути, так как в ее стенах был собран спецконтингент из всех воюющих стран, который мог представлять определенный интерес для спецслужб. Политический режим в политизоляторах просуществовал до 1934 г., когда специальным приказом политизоляторы были преобразованы в обычные тюрьмы, с обычным распорядком дня и режимом содержания, о котором можно судить лишь по отрывкам воспоминаний из-за закрытости архивов. Последним изолятором в системе был Верхнеуральский изолятор, который просуществовал до 1939 г. Но с этого момента началась история особых тюрем МГБ СССР.

© Евсеев И. В., 2023

¹ *Сергиевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887; *Фойницкий И. Я.* Учение о наказаниях в связи с тюремоведением. М., 1889; *Детков М. Г.* Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994; *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2004.

² *Сын Отечества.* XVIII в. СПб., 1819. С. 250–252.

-
- ³ *Кунгурские акты XVII века (1668–1699 г.)* / Ред. А. А. Титов. СПб., 1888.
- ⁴ *Воспоминания Бестужевых* / Ред. ст. и коммент. М. К. Азадовского. СПб., 2005. С. 143–154.
- ⁵ *Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 1.* СПб., 1911.
- ⁶ *Общая тюремная инструкция 1915 г.* Утверждена г. Министром юстиции 28 декабря 1915 года. Пг., 1916.
- ⁷ *Устав о содержащихся под стражей.* СПб., 1886.
- ⁸ *Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов.* СПб., 1904.
- ⁹ *Олицкая Е. Л. Мои воспоминания.* Т. 1. Frankfurt-am-Main, 1971. Гл. 1–6.
- ¹⁰ *Гарасева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминания анархистки / Литературная запись, вступительная статья, комментарии и указатель А. Л. Никитина.* М., 1997.
- ¹¹ *Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник* / Под. ред. А. Н. Яковлева; авт.-сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003.
- ¹² НКГБ – МГБ СССР: апрель 1943 г. – март 1953 г. – <http://istmat.info/node/38992> (дата обращения: 22.08.2022).
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9413. Оп. 1. Д. 128.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1393.
- ¹⁵ Архив текущих документов учреждения ЯВ-48/Т-1. Ф. 433. Оп. 1 (Книги приказов 1947–1953 гг.).
- ¹⁶ *Смыкалин А. С. Пенитенциарная система советской России 1917 – начала 60-х гг. (Историко-юридическое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук.* Екатеринбург, 1998. С. 268.
- ¹⁷ *Гитлер не дошел до Москвы, но родне фюрера ее показали через решетку* // Комсомольская правда. 1998. 13 мая.

Е. А. Пушкарев*

А. А. Швеу**

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Новая экономическая политика в Советской республике, как известно, пришла на смену политике военного коммунизма. Победа большевистского правительства в Гражданской войне позволила сменить вектор внутренней чрезвычайной политики на планомерное строительство государственного аппарата и хозяйственное созидание в рамках «новой», а по сути, в большей степени дореволюционной, «экономической политики».

Актуальным вопросом в этой связи стало уточнение функций Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, его роли в мирное время. Положением о НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. к задачам наркомата были отнесены административные функции наблюдения за органами управления, понуждение к исполнению их распоряжений, а также развитие коммунального хозяйства. Положение от 27 марта 1927 г. определило структуру Наркомата: общее управление, Центральное административное

* *Пушкарев Евгений Александрович* – профессор кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, доктор политических наук.

** *Швеу Анна Анатольевна* – заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

управление (с 1928 г отделы административного надзора, милиции и уголовного розыска), Главное управление мест заключения, Главное управление коммунального хозяйства. По выражению Г. Т. Камаловой и Р. Ф. Зориной, в общем характере компетенции милиции прослеживалась одна из ключевых задач периода нэпа – удержание «командных высот», укрепление политической власти¹.

Корректировка политического вектора привела к преобразованиям в органах государственной безопасности. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совете народных комиссаров РСФСР была преобразована в феврале 1922 г. в Государственное политическое управление при НКВД РСФСР, существенно сузив тем самым бесконтрольную чрезвычайную сферу деятельности ведомства. К примеру, как отмечала Л. А. Боева, продолжавшиеся самовольные аресты местными органами ЧК иностранцев (дипломатического курьера турецкого посольства Феридуна-Бея, сотрудника турецкого посольства Иззет-Измет, германского кинематографиста Бартельсашли) нередко приводили к дипломатическим скандалам и необходимости принятия жестких мер к виновным, шли в разрез взятого курса на установление экономических и дипломатических отношений с капиталистическими державами².

Несомненно, на функционирование НКВД большое влияние оказало образование Союза Советских Социалистических Республик в декабре 1922 г. В этой связи из подчинения Наркомата в ноябре 1923 г. были выведены органы государственной безопасности и образовано Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР. Образованию же общесоюзного НКВД помешали конституционные положения 1924 г. об отнесении

управления внутренними делами к исключительной компетенции союзных республик. Поэтому в практику были введены всесоюзные совещания наркомов внутренних дел, решения которых были консультативно-обязательными для исполнения наркоматами союзных республик.

Возникавшие идеи о ликвидации наркоматов внутренних дел республик с передачей, в частности, милиции в ведение ОГПУ также были отвергнуты на основании конституционных положений, но, как известно, были реализованы уже в начале следующего десятилетия.

Напряженность во взаимоотношениях органов милиции и уголовного розыска с ОГПУ, как отмечала Г. Т. Камалова, обуславливалась отсутствием четкого разделения функций в области борьбы с преступностью. Так, на основании постановления Президиума ЦИК СССР от 9 мая 1924 г. предусматривалось подчинение их в оперативном отношении ОГПУ в местностях, неблагополучных по бандитизму³. Милиция ориентировалась на помощь чекистам, по мнению А. Г. Теплякова, в составлении следственных материалов о должностных и прочих уголовных преступлениях относительно нелояльных к Советской власти лиц⁴. Одной из задач милиции провозглашалась обеспечение законности⁵, понимание которой в условиях нэпа приобрело свою специфику⁶.

Несмотря на достигнутую экономическую стабилизацию в первое десятилетие Советской власти, строительство государственного аппарата без достаточного на то опыта испытывало в том числе финансовые трудности. Проблема финансирования штатной милиции частично была перенесена на организацию общественных форм охраны порядка. В помощь районной милиции на основании Декрета ВЦИК и СНК СССР от 27 марта 1924 г. жи-

тели селений в порядке очереди назначались на срок до 2 месяцев на должности сельских исполнителей. А «лишенные избирательных прав» сельчане облагались особым сбором «по покрытию расходов по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности или по благоустройству селения»⁷.

Сменивший на посту наркома внутренних дел РСФСР, попавшего в политическую опалу, А. Г. Белоборова в 1928 г. В. Н. Толмачев предлагал взамен штатного состава милиции ввести всеобщую «милицейскую повинность». В итоге от штатного состава не отказались, но участие общественности как вспомогательных сил охраны порядка прочно вошло в советскую практику в виде добровольных обществ/бригад/дружин, образуемых из членов трудовых коллективов.

В рамках решения проблем содержания государственного аппарата милиция в 20-е годы передавалась на финансирование местным советам, а также проводились в 1922–1923 гг. и 1929–1930 гг. общегосударственные чистки от политически неблагонадежных и недобросовестных, сокращавшие по 15–20 % личного состава милиции⁸. Различными центральными ведомствами для местных бюджетов предписывалось премировать работников милиции и уголовного розыска за раскрытие преступлений и розыск похищенного имущества, 50 % от штрафных сумм за выявленное самогоноварение, 50 % прибавкой к основному окладу активных сотрудников угрозыска⁹. В то же время местные власти не всегда имели средства даже на выплату зарплат.

Укрепление государственного аппарата предопределило совершенствование его профессиональной деятельности и материальной базы, в частности, восстановление утраченной при революции карточной системы регистра-

ции преступников и связанных с ними лиц. Первым шагом в этом направлении было решение всесоюзного совещания наркомов внутренних дел 13–16 июля 1924 г. о единой для всех республик системе регистрации преступников и их розыска. С 1925 г. ЦАУ НКВД РСФСР циркуляром ввело карточную систему учета разыскиваемых преступников, а в 1927 г. издало Инструкцию по научно-статистической регистрации преступного элемента в органах уголовного розыска¹⁰.

В заключение отметим, что новая экономическая политика раннего СССР была направлена на стабилизацию жизнедеятельности в стране с последующей ликвидацией частнособственнических отношений и полным ее огосударствлением. Борьба с преступностью характеризовалась устранением последствий Гражданской войны (маргинализации населения) и усилением контроля за социально-экономическими процессами. Многофункциональный аппарат НКВД трансформировался под выполнение местных правоохранительных задач. В то же время главенствующую роль постепенно набирала советская политическая полиция – ОГПУ при СНК СССР.

© Пушкарев Е. А., Швецов А. А., 202

¹ Камалова Г. Т., Зорина Р. Ф. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 32. С. 14.

² Боева Л. А. Сужение функций и полномочий ВЧК – ОГПУ в первый год НЭПа // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2009. № 1(3). С. 58–59.

³ Камалова Г. Т. Взаимодействие милиции с органами правопорядка и общественными организациями в годы НЭПа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 9(81). С. 16–18.

⁴ Тепляков А. Г. Криминал и власть в годы гражданской

войны и нэпа // Исторические записки. 2018. № 17(135). С. 248.

⁵ *Нижник Н. С.* О методологических основаниях изучения социоюридического феномена «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // История государства и права в условиях реформирования юридического образования: методологические, методические, социально-культурные аспекты: Межвузовская научно-методическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2011. С. 13–17; *Нижник Н. С., Папырин В. В.* Законность как социоюридический феномен. СПб., 2012; *Нижник Н. С.* 1) Социоюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3(34). С. 226–230. EDN REWTLN; 2) Социоюридический феномен «законность» в контексте диалога научных парадигм современной юриспруденции // Генетические закономерности права: Сборник научных трудов, посвященный 90-летию профессора С. Г. Дробязко / Гл. ред. С. А. Балашенко. Минск, 2013. С. 22–30; 3) Законность: осмысление в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Конституция, личность и суд в современной России: Материалы научной конференции памяти профессора Н. В. Витрука / Под ред. И. А. Умновой, В. Е. Сафонова, И. А. Алешковой. М., 2013. С. 121–126; 4) Законность: плюрализм подходов к рассмотрению социоюридического феномена в современной юридической науке // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 12. С. 30–34. EDN RMCQKS; *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало российского права. СПб., 2021. EDN VIWCXV.

⁶ *Нижник Н. С., Папырин В. В.* Законность как феномен социально-исторической реальности отечественного государства в годы новой экономической политики // Проблемы права в современной России: Сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции 23 апреля 2012 года. СПб., 2012. С. 143–147.

⁷ *Надькин Т. Д., Шишулина Т. П.* Формы участия населения в охране общественного порядка в 1921–1928 гг. // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 4(4). С. 98–99.

⁸ *История* отечественных органов внутренних дел: Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Мулукаева. М., 2005. С. 172–177.

⁹ Федоренко С. А. Борьба с экономическими и должностными преступлениями на Северном Кавказе в условиях нэпа (1921–1928 гг.) // Наука и школа. 2010. № 2. С. 136–137.

¹⁰ Камалова Г. Т., Зорина Р. Ф. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 32. С. 13.

В. В. Синиченко*

ПАРТИЙНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В МОСКОВСКОЙ МИЛИЦИИ В 1918–1941 ГОДАХ

После Октябрьской революции 1917 г. и в годы Гражданской войны в Москве отмечался большой некомплект личного состава милиции. Старые специалисты, служившие еще при царском режиме, по различным причинам ушли со службы. К тому же с первых дней установления власти Советов, подчеркивалась классовая принадлежность будущих московских милиционеров, отрицание всего старого, дореволюционного уклада.

Первоначально набор в милицию не был организован и имел отчасти хаотичный характер. Милиция находилась в двойном подчинении: НКВД СССР и местных советов. Набор на службу в Рабоче-крестьянскую милицию осуществлялся на основе классового принципа (приоритет отдавался выходцам из пролетариата и сельской бедноты). Строго запрещалось принимать на службу представителей так называемых эксплуататорских классов. На особом контроле у руководства была численность коммунистов среди личного состава милиции.

На основании Инструкции НКВД и НКЮ РСФСР «Об организации Советской Рабоче-крестьянской милиции» от 12 октября 1918 г. на службу в милицию могли поступать граждане РСФСР не моложе 21 года, признающие Совет-

* *Синиченко Владимир Викторович* – главный научный сотрудник **по** исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (Москва), доктор исторических наук, профессор.

скую власть, пользующиеся активным и пассивным избирательным правом. Но из-за отсутствия слаженного механизма отбора кандидатов в данный период много случайного элемента попадало в органы внутренних дел¹.

С началом новой экономической политики (1921), была практически в два раза сокращена численность московской милиции. Отчасти это было связано с тем, что содержание стражей правопорядка, теперь было передано на местный бюджет. Увольнялись по политическим мотивам неблагонадежные сотрудники, а также лица, скомпрометировавшие своими действиями честь сотрудника органов внутренних дел (появлением на службе в нетрезвом состоянии, недисциплинированностью, связью с преступным миром и т. д.) и профнепригодные. В результате принятых мер по искоренению коррупции из милиции только в 1922–1923 гг. было уволено около 20 %, в 1929–1930 гг. – 15 %, 1932–1933 гг. – 25 %².

При этом Московский совет делал очень много для создания устойчивой кадровой политики в системе органов внутренних дел. Для улучшения набора на службу в милицию с 1923 г. создаются приемно-испытательные комиссии. Для работы с милицейскими кадрами в московской милиции был образован учетно-распределительный отдел (1924), в мае 1930 г. переименованный в Управление кадров.

Начальный состав московской милиции комплектовался из демобилизованных военнослужащих Красной армии и НКВД, сотрудников рядового и младшего командного состава милиции хорошо себя зарекомендовавших на службе, а также выпускников специализированных учебных заведений и лиц, направленных на службу в органы внутренних дел представителями партийными и советскими организациями.

Серьезное значение уделялось подготовке и переподготовке кадров, повышению профессионального уровня в области физической, огневой и политической подготовки. Были организованы летние сборы московской милиции с выездом в специальные лагеря, где большое внимание уделялось первоначальной военной подготовке.

С первых лет представители Советской власти, создавали специальные учебные заведения: Всероссийскую школу инструкторов милиции, Центральную школу по подготовке строевых инструкторов и инспекторов милиции.

Важное значение в подготовке кадров оказала Центральная высшая школа милиции, расположенная в Москве. С 1 сентября 1919 г. в столице была открыта Всероссийская школа инструкторов милиции и Всероссийские курсы уголовного розыска. Занятия проходили по адресу: город Москва, улица Малая Бронная, дом 14³.

В 1930 г. в высшей школе московской милиции имелось четыре отделения:

- начальников и помощников начальников районных административных отделов;
- агентов уголовного розыска;
- старших участковых надзирателей;
- участковых надзирателей.

За восемь месяцев курсанты изучали свыше 20 предметов. В школе одновременно обучалось 180 человек. Кроме того, при школе существовали трехмесячные курсы переподготовки (25–30 человек) работников милиции районного звена.

С 1921 г. появляются Курсы подготовки высшего командного состава милиции при Главном управлении Республики, где в течение шести месяцев по программам общеобразовательной, политической, военной и специаль-

ной подготовки проходили обучение 450 сотрудников милиции.

В конце 1920-х годов стали функционировать курсы усовершенствования старшего начальствующего состава административно-милицейского аппарата. В 1936 г. Центральная высшая школа милиции была переведена на двухгодичный режим обучения⁴.

Весной 1926 г. административно-правовая секция Моссовета обследовала милицию. Результаты обследования показали, что необходимо «пополнить милицию кадрами хороших партийных работников». В этих целях Бюро МК ВКП(б) в 1927 г. направило для работы в милиции 500 коммунистов.

В марте 1928 г. милицию обследовала комиссия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР. Как показало обследование, штаты милиции Москвы составляли 60 %, от штата дореволюционной полиции, а с учетом увеличения территории и населения города – всего 40 %.

В материалах комиссии отмечалось, что еще высокой оставалась текучесть кадров, которая составляла в 1927 г. 30–34 % (в 1921 г. текучесть в милиции Москвы составляла 102,1 %), довольно частыми были нарушения дисциплины.

В ходе обследования выяснилось, что причинами высокой текучести кадров являются прежде всего тяжелые условия работы, плохие материальные и бытовые условия жизни милиционеров.

Действительно, в конце 1920-х годов работа в милиции считалась непрестижной. Если в Москве в это время средняя месячная зарплата промышленных рабочих составляла 81 руб. 11 коп., у учителей и медработников – 62 руб., то зарплата работников милиции в среднем со-

ставляла 58 руб.⁵

Поэтому были предприняты меры по укреплению кадров милиции: содержание милиции было передано из бюджета Моссовета в общегосударственный бюджет. В Москве произошло увеличение штатной численности столичной милиции на 1320 человек, а число отделений милиции выросло до 50.

Активную роль в укреплении кадров милиции играли партийные органы. Московский городской комитет ВКП(б) 27 июля 1932 г. принял постановление «Об улучшении работы милиции г. Москвы». Этим постановлением предусматривалось осуществить мобилизацию в милицию 325 членов партии и 300 комсомольцев. На 20 % за счет надбавки повышалась заработная плата сотрудников столичной милиции.

В 1934 г. была увеличена зарплата сотрудникам милиции по всей стране, изменен порядок выплаты процентной надбавки за выслугу лет, улучшены жилищно-бытовые условия. Прибавка составила (при средней зарплате милиционера в 150–170 руб.) 65 руб. в месяц для милиционеров, получающих красноармейский паек, и 35 рублей для тех милиционеров, которые не получали красноармейский паек. Участковым была установлена заработная плата в 250 руб. в месяц⁶.

В середине 1930-х годов наблюдалась определенная стабилизация с кадрами, в связи с улучшением материально-бытового снабжения сотрудников милиции. Для сотрудников московской милиции, постепенно решался острый жилищный вопрос, к 1935 г. в столице было построено 8 многоквартирных домов для сотрудников органов внутренних дел. В сентябре 1937 г. были изменены ставки квартирной платы для сотрудников милиции, а с 1 июля 1939 г. всем категориям работников милиции была увели-

чена заработная плата.

Для повышения престижа службы стало (широко освещаемое в прессе) предоставление рапортов о повышении срока своей службы. Так, московские милиционеры 21-го отделения И. П. Мартынов и И. Е. Сорокин изъявили желание служить в милиции пожизненно, а сотрудник Н. Д. Балашев подал прошение о продлении своей службы на 10 лет, до 1949 г.⁷

За профессиональную подготовку московских милиционеров отвечали сотрудники отдела службы и подготовки. Структурно отдел накануне войны состоял из: 1-го отделения (массовых мероприятий), 2-го отделения (постовая служба), 3-го отделения (санитарии и благоустройства), 4-го отделения (административного надзора), 5-го отделения (боевой и физической подготовки), 6-го отделения (специальной подготовки), 7-го отделения (бригады содействия милиции)⁸. Центральная Высшая школа Рабоче-крестьянской милиции в 1937 г. стала Центральной школой усовершенствования руководящего начсостава Рабоче-крестьянской милиции (1 год обучения), а в августе 1940 г. переименованная в Центральную школу милиции (2 года обучения).

Таким образом, с самого начала строительства советской милиции вопросам кадровой политики, партийно-воспитательной работы с личным составом, партийным аппаратом г. Москвы уделялось серьезное внимание. С начала 1930-х годов по мере роста благосостояния страны были осуществлены большие инвестиции в материально-бытовые условия сотрудников московской милиции. Повышались оклады их денежного содержания, решался квартирный вопрос, весьма болезненный для кадрового состава Управления московской Рабоче-крестьянской милиции.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1031–1037.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 393. Оп. 6. Д. 4. Л. 44.

³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 58. Д. 40. Л. 90.

⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 58. Д. 40. Л. 121.

⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 6. Д. 298. Л. 20–31.

⁶ *Московская краснознаменная милиция. Страницы истории.* М., 1988. С. 121.

⁷ На боевом посту: орган политотдела рабоче-крестьянской милиции г. Москвы. 1939. 8 января.

⁸ Архив Зонального Информационного центра ГУ МВД России по г. Москве. Ф. 9. Оп. 3. 1940. Д. 1. Л. 44–79.

А. В. Гусев*

**ПОДГОТОВКА ФОРМИРОВАНИЙ МПВО НКВД
СССР К ЗАЩИТЕ ОТ ВОЗДУШНОГО
И ХИМИЧЕСКОГО НАПАДЕНИЯ
В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941–1945)**

На рассвете 22 июня 1941 г. бомбовыми и штурмовыми ударами немецко-фашистской авиации по войскам и объектам в границах Прибалтийского, Киевского и Одесского особых военных округов, Ленинградского военного округа и Черноморского флота началась для советского народа Великая Отечественная война. В планах гитлеровского командования одной из главных задач военно-воздушных сил являлось нарушение работы нашей промышленности, транспорта и связи, уничтожение советских людей, подавление их воли к сопротивлению. Массированными ударами авиации по крупнейшим административно-политическим и промышленным центрам, железнодорожным узлам, аэродромам и другим, важным в оборонном и экономическом отношении объектам фашисты рассчитывали дезорганизовать наш тыл. В 4 часа началось вторжение в пределы СССР сухопутных войск фашистской Германии¹.

Вероломное нападение фашистской авиации не застало местную противовоздушную оборону (МПВО) НКВД

* *Гусев Александр Викторович* – заместитель председателя Костромского регионального отделения Академии военных наук Российской Федерации, доктор исторических наук, доцент.

СССР врасплох. Так, в Киеве и Ленинграде местная ПВО находилась в боевой готовности к 6 час. 30 мин. первого дня войны². Своевременно были подготовлены формирования МПВО Севастополя, Одессы, Житомира, Каунаса, Вильнюса, Новороссийска, Архангельска, Мурманска и других городов. Основу сил МПВО в первом периоде войны составляли объектовые и цеховые (унитарные) формирования предприятий и учреждений, участковые команды МПВО (в границах участков милиции) и группы самозащиты при домоуправлениях.

Решая задачи защиты населения и объектов от воздушного нападения противника местная ПВО, спасла жизни сотням тысяч граждан, защитила от разрушений тысячи предприятий промышленности и транспорта, энергетики и коммунального хозяйства, другие важные в оборонном и экономическом отношении объекты. МПВО обеспечила защиту в бомбоубежищах и других, приспособленных для укрытия населения защитных сооружениях более чем 25,5 млн человек. Бойцами пожарной и сторожевой охраны, противопожарными звеньями МПВО, добровольными пожарными дружинами было потушено 90 тыс. пожаров, личным составом объектовых команд предприятий предотвращено 32 тыс. аварийных ситуаций на промышленных объектах и системах коммунального хозяйства. Более 430 тыс. невзорвавшихся авиационных бомб, около 2,5 млн артиллерийских снарядов, мин, гранат и других взрывоопасных предметов было обезврежено пиротехническими подразделениями МПВО. Формирования МПВО восстановили 15 тыс. разрушенных жилых строений и общественных зданий³.

Все это стало возможным благодаря тщательно продуманной и четкой организации системы массовой подготовки личного состава объектовых и участковых команд

МПВО, групп самозащиты жилого сектора и, а также всего населения страны правилам противовоздушной и противохимической обороны (ПВХО) в межвоенный период. Бойцы формирований МПВО, групп самозащиты домоуправлений, под руководством инструкторов ПВХО изучали теорию и приобретали практические навыки в ходе отработки вопросов порядка действий при воздушных налетах авиации условного противника, ликвидации последствий воздушных ударов, защите от химического оружия. На тактических и военно-химических учениях местной ПВО, при сдаче норм ПВХО активное участие принимало практически все население СССР. Усилиями оборонных общественных организаций Осоавиахима и Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП) правилам противовоздушной, противохимической и санитарной защиты в стране накануне 1941 г. в общей сложности было обучено около 40 млн человек⁴.

Начавшаяся война убедительно показала значимость заблаговременной всеобщей подготовки населения страны к ПВХО, к проведению аварийно-спасательных и ремонтно-восстановительных работ. Мобилизуя советский народ на успешное решение задач, возникших в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз, СНК СССР 2 июля 1941 г. принял постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». 3 июля 1941 г. И. В. Сталин выступил с программной речью борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков, где, в частности, указал на необходимость «наладить местную противовоздушную оборону». В тот же день газета «Правда» опубликовала передовую статью: «Каждое предприятие, каждый дом – крепость обороны»⁵. По Всесоюзному и Московскому радио прозвучали передачи, разъяснявшие содержание

принятого постановления СНК СССР. Согласно этого документа, все граждане СССР должны были овладевать правилами ПВХО, учиться ликвидировать последствия налетов немецко-фашистской авиации, уметь оказывать первую помощь пострадавшим. Все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 18 до 50 лет в обязательном порядке привлекались к участию в группах самозащиты МПВО на предприятиях, в организациях и жилых домах.

Подготовка населения по нормам «Готов к противовоздушной и противохимической обороне», инструкторов ПВХО и личного состава групп самозащиты МПВО в жилых домах возлагалась на Осоавиахим, а материальное обеспечение обучения групп самозащиты и оснащение их специальным имуществом возлагалось на исполкомы городских, районных советов депутатов трудящихся. Подготовка объектовых и цеховых (унитарных) команд местной ПВО на промышленных предприятиях и в учреждениях возлагалась на руководителей этих организаций.

Большая организаторская работа по выполнению постановления СНК СССР от 2 июля 1941 г. и задач поставленных в программной речи И. В. Сталина была проведена Главным управлением МПВО (ГУ МПВО) НКВД СССР. 3 июля 1941 г. ГУ МПВО утвердило «Положение о группах самозащиты жилых домов, учреждений и предприятий». В документе были дополнены и уточнены задачи групп самозащиты, их состав, порядок обучения, комплектования и оснащения. В рекомендациях ГУ МПВО от 4 июля 1941 г. разъяснялся порядок обучения населения. Непосредственное руководство обучением населения должно было осуществляться исполкомами городских и районных Советов депутатов трудящихся, а проводить его должны были организации Осоавиахима и СОКК и КП. В городах-пунктах ПВО эту работу практически организовывали

штабы МПВО. СНК РСФСР, Центральный Совет Осоавиахима, ГУ МПВО НКВД в своих директивах наметили меры по выполнению постановления правительства, устанавливали сроки подготовки населения и групп самозащиты, разрабатывали программы обучения.

Постановление СНК СССР от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» положило начало всеобщей обязательной подготовке населения к ПВХО. Масштаб предстоящей работы был значителен. В частности, только в Поволжье необходимо было обучить по нормам ПВХО: в ТАССР – 1 445 092, в Куйбышевской области – 1 200 000, в Саратовской – 880 568, в Пензенской – 1 256 080, в Сталинградской – 1 295 580 человек⁶. ГУ МПВО НКВД определило порядок обучения населения предусматривающий изучение 7 тем за 13 часов учебного времени. Занятия должны были проводиться в следующей последовательности: правила поведения по сигналам ПВО – 2 часа; защита от фугасных бомб – 3 часа; подготовка дома (предприятия, учреждения и т. п.) к защите от зажигательных авиабомб и пожаров от них – 2 часа; тушение зажигательных авиабомб и пожаров – 3 часа; противохимическая оборона – 2 часа; использование подручных средств для прохода через участок, зараженный отравляющими веществами – 1 час; оказание доврачебной помощи пострадавшим – 2 часа⁷.

В областях, краях и республиках, объявленных на военном положении, занятия организовывались в два периода: в первую очередь – по 13-часовой программе и по завершению её – по обязательной 28-часовой программе. В остальных регионах обучение следовало проводить сразу по полной программе. Основной формой подготовки формирований МПВО промышленных объектов и жилого сек-

тора к ПВХО были тактические учения по МПВО. Проводились они, как правило, после окончательного усвоения личным составом формирований вопросов программы боевой подготовки. В ходе учений решались следующие задачи: тренировка команд и групп; показ практической работы объектовых и участковых команд, групп самозащиты; проверка готовности формирований МПВО, объектов и населенных пунктов к ПВХО. Исходя из решаемых задач различали три вида учений по местной противовоздушной обороне: показное, тренировочное и проверочное.

Преодолев трудности начального периода войны, ЦК ВКП(б) и советское правительство приняли меры к увеличению сил и средств МПВО, к всеобщему обучению гражданского населения страны правилам противовоздушной и противохимической обороны, к борьбе с последствиями воздушных налетов. Областные и районные школы ПВХО Осоавиахима в тесном взаимодействии со штабами МПВО обеспечили своевременную и качественную подготовку командиров звеньев и групп самозащиты жилого сектора, объектовых и участковых команд. Все это позволило решить главные задачи МПВО – снижение людских потерь, сведение к минимуму материального ущерба и ликвидация последствий воздушных налетов и артиллерийских ударов.

© Гусев А. В., 2023

¹ Военно-исторический журнал. 2004. № 12. С. 21.

² Военные знания. 1964. № 10. С. 16.

³ *Советская военная энциклопедия*: В 8 т. / Гл. ред. комис.: Маршал Сов. Союза А. А. Гречко (пред.) [и др.]. Т. 5. М., 1978. С. 254.

⁴ Там же. С. 253.

⁵ Правда. 1941. 2 июля.

⁶ Ченакал Д. Д. Военное небо Поволжья // ПВО Поволжья в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1986. С. 184.

⁷ *Кобелев П. П.* Новый порядок обучения населения по нормам ПВХО // На страже. 1941. 3 июля.

С. Г. Лысенков*

С. В. Бутов**

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ВОЙСК НКВД СССР В БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ НА УКРАИНЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Преступная деятельность неонацистов на Украине свидетельствует о возрождении нацизма в этой стране и забвении уроков истории. Активизацию нацизма в этом русофобском государстве признают не только в России. «Любой, кто отрицает, что на Украине нацистский, марионеточный режим США и НАТО на сегодняшний день (январь 2023), врет либо самому себе, либо всему миру, либо и то, и другое»¹ – заявил американский политик Джеффри Янг.

Коллективный Запад открыто поощряет деятельность националистических бандформирований на территории современной Украины, где героизация организации украинских националистов (ОУН) и украинской повстанческой армии (УПА), воевавших на стороне немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны явля-

* *Лысенков Сергей Геннадьевич* – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

** *Бутов Сергей Валерьевич* – адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения) факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации.

ется одним из направлений государственной политики. Эта политика направлена в первую очередь на реализацию деструктивной функции в отношении российской государственности, единства населяющих Россию народов, их исторической памяти, поскольку «сохранение памяти о предках обеспечивает во многом единство общества, способствуя, таким образом, социальной стабильности и устойчивости государства»².

Занимаясь фальсификацией истории Великой Отечественной войны, украинские псевдоисторики сочиняют политизированные мифы о якобы переодетых военнослужащих НКВД, терроризирующих, грабящих и убивающих под видом ОУН – УПА мирное население с целью дискредитации бандеровцев в глазах украинских граждан³.

Ежегодно Украина голосует против резолюции России в ООН «О борьбе с героизацией нацизма», пытаясь легализовать действующую в стране фашистско-националистическую власть. Зомбировав свое население, украинская власть стремится навязать чужие ценности России. Используя диверсионно-террористические методы, спецслужбы Украины стараются нанести максимальный ущерб нашей стране, запугать простой народ. Очевидно, что такая враждебная политика, направленная против России, создает угрозу ее безопасности и терпима быть не может.

Участвуя в специальной военной операции войска национальной гвардии Российской Федерации, как и их предшественники войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны, защищают не только интересы своей страны, но и осуществляют правоохранительную функцию, борясь с националистическими бандформированиями на Украине⁴.

Исследованные авторами исторические документы и

архивные материалы свидетельствует о том, что украинские националисты вели свою деструктивную политику, направленную на борьбу с советской властью, задолго до начала Великой Отечественной войны. Активность деятельности националистических бандформирований значительно возросла с начала 1941 года. Бандеровцы надеялись, что, выступив против СССР на стороне фашистской Германии, они станут для немцев равноправными союзниками. Но их желаниям не суждено было сбыться. А. Гитлер не воспринимал украинских коллаборационистов в качестве себе равных, им отводилась роль лишь одного из инструментов войны фашистской Германии против Советского Союза.

Советская власть обоснованно подозревала о сотрудничестве бандформирований ОУН с немцами еще до начала Великой Отечественной войны. В докладе НКГБ УССР в ЦК КП(б) Украины, датированном апрелем 1941 г. было указано, что «во время войны Германии с СССР роль «пятой колонны» немцев будет выполнять ОУН... Так называемый «революционный провод» ОУН, руководимый Степаном Бандерой, не дожидаясь войны, уже сейчас организует активное противодействие мероприятиям советской власти и всячески терроризирует население западных областей Украины»⁵.

По мнению А. А. Климова, уже с момента своего зарождения «украинский национализм нес в себе элементы фашизма и тоталитаризма»⁶. В целях противодействия деструктивной деятельности националистических бандформирований в СССР был сформирован государственно-правовой механизм борьбы с фашистско-националистическим подпольем, показавший высокую эффективность не только в годы Великой Отечественной войны, но и в послевоенные годы⁷.

В соответствии с приказом НКВД СССР 30 сентября 1941 г. в организационно-штатную структуру органов вводились отделы и отделения, предназначенные для борьбы с бандформированиями⁸. Например, в составе НКВД СССР был создан Отдел по борьбе с бандитизмом, а в НКВД УССР образовано соответствующее отделение. На эти подразделения возлагались задачи по организации борьбы с бандитизмом, которые выполнялись посредством проведения агентурно-оперативной и следственной работы, чекистско-войсковых операций, мероприятий по изъятию оружия и боеприпасов у населения. В начале 1943 г. было образовано Управление внутренних войск НКВД Украинского округа.

Названные меры носили превентивный характер, так как весной 1943 г. руководство ОУН начало формировать путем вербовки из числа националистов, немецких ставленников и пособников, а также дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в РККА свои вооруженные силы – УПА. Руководящий состав УПА, укомплектованный из проверенных участников ОУН имел специальную подготовку. Центральным проводом ОУН и командованием УПА были разработаны структура УПА, методы и формы конспирации, связи и снабжения. Бандиты УПА участвовали в диверсиях, вели вооруженную борьбу с воинскими формированиями и правоохранными органами, нападали на государственные учреждения, терроризировали местное население.

Противоборствуя террору националистических бандформирований, в 1943 г. воины НКВД УССР нейтрализовали 77 преступных групп, которые в ходе сопротивления потеряли убитыми 8 бандитов, остальные 355 были арестованы.

В первом полугодии 1944 г. чекистами было ликви-

ровано 16 338, взято в плен – 15 991 бандитов, оформлена явка с повинной 2549 участников ОУН – УПА. Потери НКВД и Красной Армии составили: убитыми 655 военнослужащих войск НКВД и Красной Армии, 37 работников НКВД; 112 работников и военнослужащих войск НКВД пропали без вести⁹.

В заключительный год войны, когда фашисты были изгнаны с территории УССР, их пособники ОУН – УПА продолжили борьбу в тылу Красной Армии. Отступая, оккупанты оставляли бандеровцам оружие и боеприпасы для борьбы с советскими войсками. На территории западных областей Украинской ССР с 1 января по 1 мая 1945 г. было совершено 1289 террористических и диверсионных актов, нападений на учреждения, предприятия, населенные пункты. Только во Львовской области их число достигло 436¹⁰.

В этот же период для ликвидации бандформирований ОУН – УПА органами и войсками НКВД было проведено 6519 чекистско-войсковых операций, в ходе которых ликвидировано 31 157 бандитов (среди них командующий УПА Д. С. Клячковский и два его заместителя, а также руководители областных проводов ОУН), взято в плен – 40 760 чел., при этом еще 23 166 бандитов явились с повинной. Кроме того, органами НКВД было задержано 10 684 пособников бандитов. За время проведения операций у бандитов захвачено и изъято: 5 орудий, 5 огнеметов, 25 гранатометов, 63 ПТР, 100 минометов, 232 станковых пулеметов, 1672 ручных пулеметов, 3906 автоматов, 5453 мин, 13 261 винтовок, 26348 гранат, 2 208 978 патронов¹¹. Потери бойцов НКВД – НКГБ, Красной Армии, истребительных батальонов и советских активистов составили 560 чел. убитыми, 698 чел. ранеными, 62 чел. пропавшими без вести.

Военнослужащие войск НКВД СССР проявили мужество и героизм в борьбе с бандитизмом на Украине. Они во взаимодействии с НКГБ, Красной Армией, истребительными батальонами и партизанскими отрядами разгромили основные банды ОУН – УПА и их подполье, ликвидировали многих руководителей националистов. Однако пособники фашистов, которые сегодня поощряемы Западом, вновь активизировали свою преступную деятельность. А это значит, что борьба продолжается, но в этот раз, опираясь на исторический опыт, необходимо провести полную денацификацию Украины, чтобы никогда больше нацистская нечисть не смогла восстать из мертвых!

© Лысенков С. Г., Бутов С В., 2023

¹ IZ.RU: информационный портал газеты Известия, Ren TV, 5 канала. – <https://iz.ru/1451508/2023-01-08/amerikanskii-politik-prizval-perestat-vrat-o-proiskhodiashchem-na-ukraine> (дата обращения: 20.03.2023).

² Бредихин А. Л., Викторов А. В., Симончук Е. Р. Сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне как задача государства // Экономика. Социология. Право. 2022. № 2(26). С. 70.

³ Лысенков С. Г., Бутов С. В., Мутигуллин А. В. Войска НКВД или ОУН – УПА: миф о злодеяниях на Украине // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11(174). С. 65.

⁴ Никонов Д. А., Сибгатуллин Ф. С. Основные формы реализации правоохранительной функции войсками национальной гвардии Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2(33). С. 43.

⁵ НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): Сборник документов / Сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М., 2008. С. 33.

⁶ Климов А. А. Деятельность внутренних войск МВД СССР по обеспечению общественной безопасности на территории

западных областей Украинской ССР (1944–1953 гг.) (Историческое исследование): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 19.

⁷ Бутов С. В., Мутигуллин А. В. Правовое положение военнослужащих войск НКВД СССР в государственно-правовом механизме борьбы с фашистско-националистическим подпольем на Украине в годы Великой Отечественной войны // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 1. С. 118.

⁸ Приказ НКВД СССР № 001414 «Об организации Отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом». 30 сентября 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 192. Л. 39–43.

⁹ Доклад начальника ОББ НКВД СССР А. М. Леонтьева на имя заместителя наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглова о результатах борьбы с бандитизмом, дезертирством и уклонением от службы в Красной Армии за три года Отечественной войны (с 01.07.41 по 01.07.44). 30 августа 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–197.

¹⁰ Донесение А. М. Леонтьева С. Н. Круглову о проведении операций по ликвидации воинских формирований ОУН – УПА в первом полугодии 1945 г. 3 августа 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 352. Л. 69–77.

¹¹ Донесение А. М. Леонтьева С. Н. Круглову о проведении операций по ликвидации воинских формирований ОУН – УПА с 1 января по 1 мая 1945 г. 16 мая 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 352. Л. 37–41.

*Д. В. Иванов**

**УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК ЛЕНИНГРАДСКОГО РЕГИОНА
В 1960-Х – 1990-Х ГОДАХ:
ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ВВЕДЕНИЕ НОВЫХ ФОРМ РАБОТЫ**

Осенью 2023 г. уголовному розыску Петрограда – Ленинграда – Петербурга исполняется 105 лет. Эта система органов полиции, осуществляющих оперативно-розыскные и другие входящие в их компетенцию меры по предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений против личности, личной собственности граждан, общественного порядка и безопасности¹, по праву, считается ведущей правоохранительной службой страны и северо-запада России.

В предисловии к книге о ленинградском уголовном розыске М. И. Михайлов писал, что вся история угро – «это история мужественной борьбы с преступностью...»². Позже в юбилейном издании об уголовном розыске Санкт-Петербурга утверждалось о том, что именно здесь изначально появлялись «Многие новации, связанные с раскрытием преступлений, розыском преступников, созданием поисковых систем...»³. Службу уголовного розыска укрепляли всегда: в довоенный период, в годы войны, в период непростых 50-х – 60-х годов и позже, нередко за счёт других подразделений и служб. Отчасти это объяснялось усилением специализации борьбы с преступностью и возросшим объёмом задач, решаемых подразделениями уголовного розыска. Так, в Положении об Управлении уголовного

* *Иванов Дмитрий Викторович* – преподаватель Санкт-Петербургской академии милиции имени Н. А. Щёлокова.

розыска МВД СССР (май 1970 г.) прямо подчёркивался приоритет службы уголовного розыска в создании специализированных подразделений⁴.

Между тем, в работах, посвящённых вопросам организационного укрепления и правового обеспечения различных служб милиции северо-запада России, особенно в 1960-х – начале 1990-х годов, созданию специализированных структур уголовного розыска уделено незначительное внимание, а ряд проблем историко-правовой реконструкции этого процесса не поднят вовсе. В деле подготовки кадров, совершенствовании работы по противодействию преступности силами оперативных подразделений подобные упущения могут играть негативную роль.

Из различных источников видно, что процесс специализации службы уголовного розыска Ленинграда в 1960-х – начале 1990-х годов постоянно сталкивался с проблемами, причины которых коренились как в факторах организационно-правового характера, так и объективно-субъективного свойства. Не исчезли они в последующие 90-е – начале 2000-х годов. Например, при создании в феврале 1964 г. в отделах уголовного розыска отделений (групп) по делам несовершеннолетних некоторое время в центре и на местах «блокировался» и трудно решался вопрос (Адмотдел ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратура Союза ССР) по организации агентурно-оперативной работы с подростками⁵. Ещё сложнее продвигался вопрос о создании в УУР УВД Леноблгорисполкомов, на основании приказа МВД СССР от 16 июля 1969 г., специального отделения по борьбе с хищением, незаконным изготовлением и распространением наркотических веществ. Фактически до весны 1986 г. эти задачи выполняли специально выделенные группы сотрудников уголовного розыска. Возникли трудности и по линии экспертно-криминалистического

обеспечения оперативно-следственных мероприятий.

Понадобилось несколько лет, чтобы весной–летом 1972 г. в ОУР УВД, наконец, была создана по приказу МВД СССР оперативно-поисковая группа по борьбе с карманными кражами, по поводу которых в ленинградских газетах не раз публиковались острые заметки⁶. На процесс ускорения организации в УУР ГУВД Леноблгорисполкомов зимой 1975 г. отдела по борьбе с правонарушениями, совершаемыми в отношении иностранных граждан, повлияли не только организационно-правовые и другие юридические документы, подготовленные главком, но и получаемые по линии МИД СССР отклики на зарубежные публикации о состоянии преступности в Ленинграде и области в отношении иностранцев⁷. С середины 1980-х годов в ГУВД Леноблгорисполкомов вводился «План основных организационных и оперативно-розыскных мероприятий служб и подразделений ГУВД Леноблгорисполкомов по предупреждению и пресечению преступлений, антиобщественных и других негативных проявлений в отношении иностранных граждан на 1986–1990 годы»⁸.

Возросли требования и к безопасности на воздушном транспорте, оперативной деятельности созданного в июле 1971 г. в УВД специального отделения, штатная численность которого пополнилась за счёт сотрудников уголовного розыска, транспортных подразделений и следствия. В апреле 1990 г. после захвата самолета ТУ-134 А (Ленинград – Москва) неким Кулагиным была полностью пересмотрена вся схема «работы по угонщикам», внесены коррективы в план оперативно-розыскной деятельности, отдельные из которых предлагались уголовным розыском ленинградского региона ещё в первой половине 1970-х годов⁹.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов оперативная обстановка в стране и ленинградском регионе резко ухудши-

лась. Это уже не скрывалось и на высшем государственном уровне. В марте 1989 г. при ГУВД был создан Оперативный штаб и внештатный сводный отряд численностью 250 чел. Для согласования действий всех сил и средств в регионе создается Комиссия ГУВД по комплексным проблемам борьбы с преступностью, в задачу которой входила разработка и согласование мер борьбы с наиболее опасными преступлениями, резко обострившими оперативную обстановку в городе и области¹⁰. Возглавил комиссию заместитель начальника ГУВД М. И. Михайлов, курирующий службу уголовного розыска региона.

В апреле 1991 г., реализуя Указ Президента СССР от 4 февраля 1991 г. «О мерах по усилению борьбы с наиболее опасными преступлениями и их организованными формами», МВД РСФСР принимает решение об организации при ГУВД Леноблгорисполковом оперативно-розыскных бюро (ОРБ) с возложением на них функции региональных подразделений. В зону оперативной ответственности ОРБ № 3 при ГУВД вошли Карельская и Коми Республики, Ленинградская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Калининградская, Новгородская и Псковская области. Ядром ОРБ становились опытные сотрудники уголовного розыска региона. Ключевой задачей ОРБ определялась борьба с организованной преступностью в этих экономических районах, решить которую планировалось путём координации деятельности территориальных ОВД, нацеленных на локализацию и пресечение деятельности организованных преступных группировок и преступных структур межрегионального, межреспубликанского и международного характера¹¹.

Эти и другие организационно-правовые меры по укреплению оперативно-розыскной линии деятельности ГУВД имели и свои проблемы:

- из территориальных подразделений уголовного розыска увеличился отток опытных профессионалов;
- ослабло взаимодействие между различными службами;
- увеличилось число прервавших службу в ОВД, всё чаще в деятельность оперативных структур ГУВД стали вмешиваться руководители местных администраций, политики и депутаты разных уровней.

Не редкостью стали серьёзные нарушения и даже преступления со стороны оперсостава и их руководителей. Заметно снизился уровень социальной защиты сотрудников, возросли потери среди них в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей. Все это не замедлило сказаться на уровне борьбы с преступностью в стране и регионе.

Подводя итог, заметим, что правовой регламентацией и практикой укрепления правоохранительных органов нужно заниматься уполномоченным на эту деятельность субъектам государственной власти и управления. Усиливая одну оперативную службу, следует делать выверенные прогнозные оценки по отношению к другим структурам, а решение оргштатных, правовых, материально-технических и воспитательных задач не передоверять второстепенным субъектам, особенно по отношению к оперативным подразделениям.

© Иванов Д. В., 2023

¹ Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2008. С. 715.

² Скорябин М. Е., Савченко И. К. Непримируемость: Страницы истории Ленинградского уголовного розыска. Л., 1988. С. 4.

³ Уголовный розыск. Петроград – Ленинград – Петербург. М.; СПб., 2008. С. 5.

⁴ Отдел архивной информации Главного Управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (да-

лее – ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 372. Т. 2. Л. 27–31.

⁵ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 294. Л. 103–105 об.

⁶ Вечерний Ленинград. 1980. 6 июня; Ленинградская правда. 1983. 12 декабря.

⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГА ИПД СПб). Ф. 24. Оп. 137. Д. 14. Л. 32.

⁸ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 694. Л. 60–70.

⁹ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 658. Л. 3, 3 об; Д. 415. Л. 117, 118; Д. 455. Л. 63–75.

¹⁰ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 728. Л. 318.

¹¹ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 666. Л. 17–20 об.

*Д. В. Кулакова**

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЭКСТРЕМИЗМУ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Рост масштабности экстремистской деятельности, расширение многообразных форм ее проявления, превращение незаконных группировок во влиятельные структуры политической жизни превращают вопросы противодействия экстремизму в актуальную полемику, что выражается в проведении ряда научно-практических конференций такой тематики, внесении законодателем изменений в нормативно-правовые акты государства.

В современных реалиях социальной и экономической нестабильности экстремизм в политической сфере становится актуальной проблемой, а противодействие ей – важным элементом деятельности по обеспечению национальной безопасности страны. Несогласие общества с государственной политикой может привести к организации несогласованных митингов, демонстраций и шествий, нарушению общественного порядка, срыву работы избирательных комиссий, государственных органов, призывам к дискредитации осуществления ими своих полномочий. Противодействие экстремистской деятельности в политической сфере реализовалось в ведении поправок в ряд законодательных актов в период с 2020 г. по 2022 г., были введены новые составы административных и уголовных правонарушений.

* *Кулакова Диана Владимировна* – адъюнкт научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (Москва).

В настоящий момент законодателем не закреплены виды экстремизма, лишь делается акцент на мотиве совершения той или иной экстремистской деятельности. Однако многие авторы выделяют расовый, идеологический, религиозный, молодёжный, политический и иные виды экстремизма. Но, следует отметить, что экстремизм, который может проявляться в каких бы то ни было формах (насильственный, в глобальной информационной среде), направлен в первую очередь на государственную власть.

Экстремизм проявляется в преступлениях, административных правонарушениях, но направлен он на подрыв устоявшихся общественных отношений, создания атмосферы страха и недоверия к государству, а впоследствии на подрыв конституционных основ и захват власти. Экстремизм любой почвы отражает политические интересы участников и проявляется в политическом процессе, поэтому считаем, особенным проявлением считать экстремистскую деятельность в политической сфере.

Политическую сферу следует понимать как совокупность взаимодействующих индивидов и социальных групп, которые посредством осуществления своей деятельности, стремятся заполучить политическую власть или воздействовать на неё.

Таким образом, экстремистская деятельность в политической сфере выражается в насильственном изменении конституционного строя или призывах к таковому, нарушении территориальной целостности страны, подрыве доверия граждан к законно избранным органам государственной власти, воспрепятствовании их деятельности; подрыве идеологических основ, духовных и нравственных ценностей российского общества.

Одним из основных субъектов противодействия экс-

тремизму в политической сфере являются органы внутренних дел. В системе государственного противодействия экстремистской деятельности на органы внутренних дел возложена функция головного координатора всей деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности, что раскрывается в Указе Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹.

В целом, законодательная база противодействия экстремизму в политической сфере включает в себя взаимосвязанные нормативно-правовые акты, ключевыми из которых, конечно, являются Конституция Российской Федерации², ратифицированные международные правовые акты и договоры Российской Федерации и федеральные законы.

Основным законом нашей страны закреплены основы конституционного строя, в нем указывается, что никто не может присваивать власть в Российской Федерации (ст. 3), и далее установлен запрет на создание и деятельность общественных организаций, цели и действия которых направлены на насильственное изменение конституционных основ, разжигание расовой, национальной, религиозной розни (ст. 13, 26).

В состав правовой основы также входят законодательные акты, ратифицирующие международно-правовые документы: Федеральный закон от 7 августа 2000 г. № 121-ФЗ «О ратификации Европейской Конвенции о пресечении терроризма»³, направленный на содействие государств-участников в выдаче лиц, совершивших террористические акты; Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции

о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»⁴, в котором дается понятийное определение экстремизма, как деяния, направленного на насильственный захват или удержание власти, что еще раз подчеркивает направленность экстремистской деятельности именно на политическую сферу жизни общества.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁵ закрепляет основные понятия, направления и организационные основы в сфере борьбы с экстремизмом, однако не дает точного понимания этому явлению, перечисляя лишь возможные его проявления в обществе. Данное решение законодателя может породить проблемы квалификации деяния, а при развитии науки и техники и возникновении новых форм проявления экстремизма привести к затруднению отнесения того или иного деяния к экстремистской деятельности.

Основания и порядок привлечения к ответственности за экстремистскую деятельность политических партий, общественных объединений, иных организаций соответственно закреплены Федеральным законом от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»⁶ и Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁷. Министерством юстиции Российской Федерации формируется перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации и запрете деятельности за совершение экстремистских действий.

Также и в отношении другой структурной составляющей политической сферы – СМИ, предусмотрена ответственность за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности (Закон

Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁸).

В целях реализации законного способа получения политической власти Федеральным законом от 12 июня 2022 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁹ защищаются избирательные права граждан, порядок и принципы проведения выборов и референдума, во время которых органы внутренних дел оказывают содействие избирательным комиссиям по обеспечению общественного порядка и безопасности во время подготовки и проведения выборов.

На органы внутренних дел возложены задачи по раскрытию и расследованию уголовных дел, административных правонарушений, а также по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка при митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях и других публичных мероприятиях, организуемых законным или незаконным способом.

Согласно данным ГУООП МВД России за 11 месяцев 2022 г. на территории Российской Федерации состоялось 29 054 публичных мероприятий, число их участников увеличилось в 8,3 раза и составило 3 384 057 чел. (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года – 407 470 чел.), а на охрану правопорядка при проведении публичных мероприятий задействовалось 144 972 сотрудника органов внутренних дел¹⁰.

Именно органы внутренних дел, в лице участковых уполномоченных, следственных и оперативно-розыскных подразделений, специальных подразделений по противодействию экстремизму проводят первичный анализ поступающей информации от граждан, проводят большое количество профилактических мероприятий. Противодей-

ствие очагам экстремизма зависит от своевременного и эффективного реагирования на тревожные сигналы в обществе.

Таким образом, существующая правовая основа в своей совокупности создает определенный пласт построения государственного противодействия экстремистской деятельности в политической сфере. Ее развитие и совершенствование необходимо для отражения изменяющихся общественных отношений. Правовая основа деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия экстремизму в политической сфере достаточно обширна, включает различные направления противодействия и требует тщательного анализа значительного количества нормативно-правовых актов.

© Кулакова Д. В., 2023

¹ Указ Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2008. 10 сентября; Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. 12 сентября.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

³ Федеральный закон от 7 августа 2000 года № 121-ФЗ «О ратификации Европейской Конвенции о пресечении терроризма» // СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3347.

⁴ Федеральный закон от 10 января 2003 года № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 155.

⁵ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 года) «О противодействии экстремистской деятельности» // Парламентская газета. 2002. 30 июля; Российская газета. 2022. 30 декабря.

⁶ Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 года) «О политических партиях» // Российская газета. 2001. 14 июля; <http://pravo.gov.ru> - 24.07.2023.

⁷ Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 года) «Об общественных объединениях» // Российская газета. 1995. 25 мая; <http://pravo.gov.ru> - 24.07.2023.

⁸ Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 13 июня 2023 года) «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февраля; <http://pravo.gov.ru> - 13.06.2023.

⁹ Федеральный закон от 12 июня 2022 г. № 67-ФЗ (ред. от 14 ноября 2023 года) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 15 июня. <http://pravo.gov.ru> - 14.12.2023.

¹⁰ Информационно-справочные материалы ГУООП МВД России за 2021–2022 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. – https://мвд.рф/mvd/sovorg/prav_kom/other_documents (дата обращения: 16.01.2023). С. 6.

**АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Наделение Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации¹ полномочиями в сфере осуществления производства по делам об административных правонарушениях выступает важным фактором в сфере укрепления законности и правопорядка, а также в сфере предупреждения административных правонарушений.

Из анализа положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях следует, что должностные лица Росгвардии уполномочены назначать предупреждение и административный штраф, что с нашей точки зрения является низкоэффективным средством воздействия на правонарушителей и лишь создает дополнительную нагрузку на российские суды. Но это предмет иной статьи.

В представленном исследовании мы будем вести речь о применении правоохранительными органами иностранных государств мер административного взыскания. Так, к примеру, в ФРГ административное законодательство по сравнению с российским двух уровневый аналогом, вы-

* Шеншин Виктор Михайлович – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, кандидат юридических наук, доцент.

страивается в более сложную систему, состоящую из трех уровней: федерального законодательства, законодательных актов земель и правовых актов муниципальных образований. Административно-деликтное законодательство ФРГ в некоторой степени уникально, оно позволяет в ряде случаев, когда имеются необходимые основания применить нормы уголовно-процессуального права при производстве по делам об административных правонарушениях лишь в том случае, если административно-процессуальные нормы не содержатся в законодательстве, либо имеется прямое указание на возможность применения их положений². Указанный вывод вытекает из ст. 53 Федерального закона об административных правонарушениях³, в соответствии с которой на полицию возложены права и обязанности наряду с преследованием преступлений.

Из анализа приведенного закона следует, что он является рамочным, постольку, поскольку его положениям соответствуют все иные федеральные законы и муниципальные акты в сфере административной юстиции. Его положения регламентируют три вида негативных правовых последствий, наступающих для правонарушителей:

- 1) административный штраф;
- 2) предупреждение и предупреждение с взысканием денежной суммы;
- 3) дополнительные наказания.

К штрафу привлекает административный орган за совершение правонарушения в сфере общественного порядка, нарушения правил парковки и т. д. В случае совершения малозначительного правонарушения административный орган обладает правом, но не обязанностью по наложению административного штрафа или вынесения предупредительного денежного штрафа (5–35 евро).

При этом у правонарушителя имеется право принесения жалобы в административный орган, который перепроверяет обоснованность наложения штрафа, и в случае обоснованности привлечения к ответственности, такой орган пересылает акты прокурору, который уполномочен прекратить производство, при не прекращении указанного производства материалы дела направляются в суд для дальнейшего разбирательства.

При характеристике деятельности любого административного органа ФРГ нужно исходить из того, что такой орган должен в своей деятельности исходить из ст. 20 Конституции ФРГ, в которой прописана обязанность администрации соблюдать право и закон. Руководствуясь изложенным принципом, при вторжении в конституционные права граждан, органы публичной власти обязаны выбирать подходящие, необходимые и соразмерные средства.

Земельные полицейские законы, а также законы о поддержании порядка предусматривают генеральную оговорку (генеральную клаузулу), в соответствии с которой, полиция и органы обеспечения общественного порядка и безопасности наделены полномочиями по принятию мер по вмешательству в права и свободы граждан, при наличии опасности либо создания помех общественному порядку или общественной безопасности. Необходимость такой оговорки обосновывается невозможностью предвидения всех жизненных ситуаций, которые могут стать предметом полицейского вмешательства. Неурегулированность отношений в сфере полицейского права, влечет нарушение принципа эффективного отражения опасностей, следовательно, генеральная оговорка рассматривается как разумный законодательный компромисс⁴.

Административное законодательство Российской Федерации, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации). Указанное конституционное предписание находит свое отражение и в дефиниции «административное правонарушение», за совершение которого Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях или законами субъектов Российской Федерации установлена административная ответственность.

Основной закон ФРГ⁵ разграничивает полномочия Федерации и федеральных земель Германии, что регулируется предписаниями об «исключительной» и «конкурирующей» законодательной компетенции Федерации. Федеральные земли в соответствии с Основным Законом ФРГ в рамках «конкурирующего» законодательства наделены полномочиями по законодательному регулированию настолько широко, насколько Федерация не использовала свою законодательную компетенцию.

Некоторыми исследователями отмечается: «Законодательство об административных правонарушениях относится к конкурирующей законодательной компетенции Федерации и федеральных земель Германии. При этом как на уровне Федерации, так и на уровнях земель действуют нормативные правовые акты с административной санкцией»⁶.

В статье 1 Федерального закона ФРГ об административных правонарушениях в понятии административного проступка раскрывается такой признак, как отражение перечня проступков в законах, допускающих в качестве наказания административный (денежный) штраф.

Как мы указывали ранее, административное законодательство ФРГ регулируется муниципальными актами,

что объясняется включением местного самоуправления ФРГ в систему государственного управления.

Здесь мы должны обратить внимание, что в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» единая система публичной власти состоит из федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления в их совокупности, осуществляющих свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

Приведенные положения показывают, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, вместе с тем, они являются частью единой системы публичной власти, что дает основание говорить о необходимости регулирования взаимодействия указанных органов с федеральными органами исполнительной власти.

Нормотворчество местного самоуправления в ФРГ следует рассматривать, в том числе, и через административное нормотворчество. Высказанная позиция подтверждается необходимостью в данном случае защиты мерами административной ответственности первичных правовых предписаний, издаваемых муниципальными образованиями в сфере местного значения.

Уровень местного самоуправления раскрывает административную ответственность в форме полицейских распоряжений, направленных на поддержание порядка на улицах, общественных местах или полицейских постановлениях об охране окружающей среды⁷.

© Шеншин В. М., 2023

¹ Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 15. Ст. 2072.

² Майле А. Д. Административно-юрисдикционная деятельность полиции (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 122–128.

³ Федеральный закон об административных правонарушениях в редакции официальной публикации от 19 февраля 1987 г. (BGBl. 1987. I S. 602) с последующими изменениями и дополнениями.

⁴ Майле А. Д. Административно-юрисдикционная деятельность полиции (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 127.

⁵ См.: Основной Закон Федеративной Республики Германия. Бонн, 2001.

⁶ Майле А. Д., Старостин С. А. Особенности германского административно-деликтного законодательства // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1. С. 158–166.

⁷ Полицейское предписание по поддержанию безопасности и порядка на улицах и сооружениях в столице земли г. Саарбрюккене от 11 апреля 2007 г. – Polizeiverordnung über die Aufrechterhaltung der Sicherheit und Ordnung auf Straßen und in Anlagen der Landeshauptstadt Saarbrücken vom 11. April 2007.

*Е. А. Сорокина**

АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ШВЕЦИИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Многие десятилетия шведское общество развивается в определенной парадигме, получившей в научной литературе и общественном дискурсе название шведская модель. Экономические и социально-политические элементы этой модели развития были разработаны первоначально еще в 1930-е годы социал-демократами. В «шведской модели», актуальной и в наши дни, есть государственное регулирование и рыночные отношения, действуют принципы консенсуса шведского общества. Важные отличительные особенности – это социальная ориентированность экономики и административного ресурса, четко функционирующая социально-правовая система, довольно низкий уровень безработицы и максимальная занятость населения на рынке труда, гибкая система социального страхования и в основе – высокие (до 60 %) налоги¹.

Модель социального государства, существующая в Швеции с середины прошлого века, наряду со многими другими элементами включает в себя систему социального страхования граждан страны, что является важной составной частью такой государственной модели. Эта си-

* Сорокина Елена Анатольевна – старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая **Российской академии наук** (Москва), кандидат исторических наук.

стема успешно работала при различных правительствах – как при социал-демократических, так и при правительствах «правых». Функционирование основных направлений и областей социальной жизни регламентируются многочисленными законами, положениями и актами. Так, существуют специальные нормы, касающиеся, к примеру, правил пребывания детей в школах и детских садах, материнства, деятельности различных общественных и религиозных организаций, принадлежащих к различным конфессиям, и прочее. Такая регламентация касается многих сторон экономической, трудовой, социальной, общественной жизни.

Четко отработанное функционирование национальной правовой системы в целом и полиции как ее важнейшей части является важным элементом и условием стабильного существования общества. Важным принципом функционирования общественно-политической системы является реализация так называемого солидарного принципа. Осуществление такого принципа предполагает наличие равных возможностей для всех жителей (не только граждан) страны в пользовании благами и преференциями социальной системы. Существование такой системы возможно при реализации соответствующей государственной налоговой политики. Именно государство, действуя через бюджет, координирует и перераспределяет финансовые средства в соответствии с обязательствами социального государства. Такими финансируемыми бюджетными направлениями являются, в частности, образование, медицина и здравоохранение, различные социальные службы и оказание разнообразной социальной поддержки как шведским гражданам, так и вновь прибывающим мигрантам, выплаты физическим и юридическим лицам в разных сложных жизненных ситуациях. Таким

же образом финансируется деятельность различных государственных систем и органов, в том числе и органов охраны правопорядка, государственных министерств и управлений.

В течение последних лет одной из важных и востребованных форм деятельности органов правопорядка страны является не только расследование и предотвращение возможных уголовных и административных правонарушений, но и постоянная, довольно кропотливая работа с многочисленными «новыми шведами» – мигрантами по легитимизации их пребывания. Задачами приема и обустройства вновь прибывающих беженцев и мигрантов занимается шведское Миграционное управление – Migrationverket. В Швеции действуют специальные государственные (региональные и муниципальные) органы, занимающиеся организацией приема и обустройства мигрантов, реализацией на практике оказания мер социальной поддержки и адаптации вновь прибывших, оформлением документов и пособий, обучением шведскому языку. Полиция занимается непосредственно различными сложными, с точки зрения охраны общественного порядка, ситуациями. На протяжении последних лет одной из важных и востребованных форм деятельности органов правопорядка страны является не только предотвращение возможных уголовных и административных правонарушений, но и работа с мигрантами.

В последние десятилетия Швеция является одной из самых мощных европейских стран-реципиентов по приему беженцев и мигрантов². По данным Статистической службы ЕС – Евростата, на пространстве всего Европейского сообщества произошел прирост населения более чем на 1 млн человек только за один 2018 г. Это произошло, главным образом, за счет увеличения численности имми-

грантов, так как количество новорожденных граждан ЕС значительно меньше числа умерших граждан Евросоюза³. К примеру, более 20 тыс. беженцев нашли временный приют в Швеции в течение 2018 г. В период известного миграционного коллапса 2015–2016 гг. Швеция в течение года приняла, обеспечила всем необходимым от решения бытовых вопросов до оформления документов для легализации вновь прибывших около 150 тыс. беженцев и мигрантов⁴. Сейчас поток беженцев в страну несколько стабилизировался и достигает в среднем около 20 тыс. человек ежегодно⁵.

Эти люди и прежде (особенно в период миграционного кризиса 2015 г.), и сейчас могут прибывать в страну разными путями, в том числе и нелегальными. Это, в свою очередь, вызывает большое беспокойство, в частности, шведской пограничной полиции (*gränspolisen*). В этой ситуации пограничная полиция пытается предпринимать адекватные меры⁶. В числе таких мер – создание и функционирование специальных мобильных групп полиции, занимающихся контролем за возможным прибытием нелегальных мигрантов в шведские морские порты Стокгольма, Карлсхамна, Карлскруны, Хельсинборга и некоторых других городов, где существуют паромные переправы из стран Балтии в Стокгольме. Таким морским путем могут воспользоваться возможные мигранты из стран Центральной Азии. Они добираются до одной из стран Балтии, получают там туристическую визу, а после прибытия в Швецию они остаются там нелегально, без официального разрешения на пребывание и регистрации в соответствующих органах.

В задачи шведского Миграционного управления входит координационная деятельность по обеспечению вновь прибывших социальными пособиями и всем необходимым

для жизни на весь период рассмотрения документов для получения ими вида на жительства в соответствующих государственных органах, а также размещение в жилых помещениях в различных регионах страны. В случае отказа в выдаче мигранту такого вида на жительство предполагается его отъезд из страны. Однако это происходит далеко не всегда. Зачастую такие мигранты, не получившие необходимых официальных документов, становятся так называемыми нелегалами, которые уже не получают государственных социальных пособий. Отмечаются случаи незаконного использования труда таких мигрантов, получивших отказ в продлении вида на жительство, но не покинувших территорию страны. Они работают в этих случаях практически за еду⁷.

Вопросы размещения, обустройства мигрантов и их последующая социализация представляют серьезную проблему как для шведского общества, так и для властей страны и, в частности, для полиции, отвечающей за соблюдение и поддержание общественного порядка. Шведы традиционно привыкли к размеренной, спокойной, законопослушной жизни, которая изредка подвергается потрясениям. Надо с сожалением отметить, что случаются факты вандализма и нарушения общественного порядка, агрессивного поведения со стороны мигрантов. На протяжении последних лет отмечались факты агрессивных действий и несанкционированных выступлений мигрантской молодежи в некоторых пригородах Стокгольма (Ринкебю, Тенста и Хюсбю) и ряде других мест (Готсунда и Гренбю – под Упсалой, есть такие районы в Мальме и Гётеборге), являющихся практически этническими анклавами и где проживают, главным образом, мигранты.

Криминализация незаконных этнических группировок ведет к обострению криминогенной обстановки в го-

родах, районах и к существованию так называемых уязвимых районов (utsatt område) по терминологии шведской полиции, росту противоправных деяний и преступности. Это серьезные вызовы, стоящие перед шведскими полицейскими, которые предпринимают возможные меры для их преодоления⁸. Это могут быть не обязательно чисто полицейские меры и операции, но действия гуманитарного характера по вовлечению такой, нередко маргинальной, молодежи в активную жизнь города, района.

Проблемы социализации мигрантов – серьезная задача для шведских властей, отвечающих за соблюдение общественного порядка. Для понимания ситуации с «новыми шведскими гражданами» и их восприятием новой страны, надо иметь в виду конкретные социокультурные особенности современного миграционного потока. Зачастую вновь прибывающие мигранты – не самые образованные представители своего народа и страны, далеко не лучшие знатоки своей национальной культуры и обычаев своей родины. Нередко прибывшая молодежь испытывает не просто удивление от новой страны своего пребывания – Швеции. По сравнению с их родиной, покинутой страной, здесь совершенно иные культурные нормы и традиции во всех областях жизни, начиная от еды и одежды до норм взаимного общения в обществе, семье, просто на улице. Это все, в свою очередь, оказывает далеко неоднозначное влияние на поведение и адаптацию молодых людей в стране их пребывания, на поиск ими своего места в новом для них культурном контексте. (Мы сейчас не говорим о тех людях, кто уже проживает в стране определенное время). Нередко случается, новые молодые мигранты ищут опору, поддержку в незнакомой стране у уже живущих здесь своих соотечественников и родственников. Таким образом, происходит воспроизводство опыта и

практики семейных и общественных связей, традиционно существующих на их родине.

Сами шведы, также как и «новые шведы», оценивают друг друга исходя из своего культурного опыта, знаний норм и традиций. Взаимные представления и использование различных стереотипов оказывает серьезное воздействие и на атмосферу в обществе. В таком контексте отметим важную роль школ, где обучаются дети, церковных приходов, ведущих довольно активную работу с населением. Разными путями происходит воспитание взаимной терпимости, толерантности шведов и «новых граждан». Такая работа содействует в перспективе размыванию социокультурных границ и различий в шведском обществе на практике.

Стефан Левен, будучи премьер-министром, еще осенью 2019 г. комментировал в социальных сетях происходящие в некоторых шведских городах противоправные действия и рост насилия со стороны мигрантских группировок. Он отмечал, что все эти события происходят в том числе из-за того, что эти группы людей, живущие в стране, не чувствуют себя ее частью. В качестве решения предлагалось активизировать общественные процессы, чтобы молодые люди из социально неблагополучных районов были вовлечены в социальную жизнь, учились и работали. Альтернативой для тех молодых людей, кто не может или не хочет учиться и работать является, к сожалению, асоциальное существование⁹.

В конце 2019 г. прошло сообщение о создании в шведской полиции спецподразделения по борьбе с бандитизмом. Поводом для создания стал конфликт между двумя наркогруппировками в одном из эмигрантских районов Мальмё. Тогда во время перестрелки погиб один молодой человек и пострадал второй юноша. Тогда же один

высокопоставленный полицейский чиновник заявил, что на протяжении 2019 г. произошло более 180 взрывов и около 30 человек погибло¹⁰. Эти правонарушения в подавляющем количестве произошли в эмигрантских анклавах.

В наши дни исследователи нередко пишут о приоритете индивида, о размывании национальных границ и культурных норм, традиций. Но результаты, к примеру, выборов в Швеции 2022 г. демонстрируют резкий рост популярности относительно молодой националистической партии «Шведские демократы» («Sveriges demokraterna»): с 5 % голосов на выборах 2010 г. до 20 % голосов избирателей на выборах 2022 г. Таковы свидетельства того, как непросто проходят социокультурные процессы консолидации современного шведского общества, как неоднозначно реагирует это общество на опасности размывания своей идентичности.

На протяжении длительного времени шведское общество отличалось политической, экономической и социальной стабильностью, и было практически моноэтничным. Основная группа населения – шведы (более 90 %). На протяжении нескольких последних десятилетий состав шведского населения претерпел изменения и уже около 25 % шведов (2,5 млн человек из 10,25 млн населения Швеции) имеют так называемые «иностранские корни»¹¹. Это означает, что или они сами, или их родители родились вне Швеции, куда впоследствии прибыли и стали жить. Изменения прежде практически гомогенного состава населения связаны с ростом экономики и промышленности как внутри страны, так и с изменениями миграционной ситуации в мире в целом.

Шведское общество за последние десятилетия превратилось в многокультурное общество с достаточно широкой этнической и культурной палитрой¹². Сильнейшим

стимулом такого рода перемен, безусловно, стали усилившиеся общемировые миграционные процессы, взрывной рост миграционного потока из африканского, азиатского регионов последнее десятилетие в Европу, особенно на протяжении последнего десятилетия. Подчеркнем, что для сохранения общественного консенсуса и для самоидентичности граждан любой страны важнейшее значение имеет язык, который использует население в повседневной и официальной практике. Язык является как средством коммуникации и социализации, так и показателем социальной, культурной идентификации и самосознания человека. И в рамках общества язык несет некую консолидирующую функцию.

Более 90 % шведского населения использует шведский язык в официальных контактах, в повседневной бытовой жизни и для межэтнической коммуникации. Также в шведском обществе присутствует понимание, что шведский язык – это важнейший элемент самоидентификации; его надо сохранять. С другой стороны, языковое многообразие является важнейшим составляющим элементом культуры любого общества, в том числе и шведского, и является показателем стабильности этого общества. Официальный государственный язык в Швеции – шведский. Он приобрел такой статус в 2009 г. в соответствии с Законом о языке (Språklag (The Language Law)). Также существуют еще 5 миноритарных языков этнических меньшинств, которые также имеют статус официальных языков страны.

В последние годы в шведском языковом пространстве отмечается появление новых диалектов, которые создают «новые шведы». К примеру, есть группы иммигрантов, легально осевших в Швеции, которые в своей языковой повседневной практике используют свои диалекты, создан-

ные уже в стране проживания. Яркий пример – «ринкебюшведский» диалект (rinkebysvenska), в котором наряду со шведским языком отмечаются значительные заимствования из арабского и сомалийского языков, другими словами – языков стран исхода иммигрантов. Это особенно распространено у тех иммигрантов, кто проживает в этнических анклавах крупных городов. В первую очередь, речь идет о пригороде Стокгольма – Ринкебю, в котором мигранты составляют подавляющую часть населения¹³. Отметим, что такие этнические анклавы существуют и в других крупных городах – Стокгольме, Мальме, Гетеборге, некоторых других. Иммигранты, проживающие в таких этнически компактных анклавах, зачастую на практике не нуждаются в знании шведского языка. В местах такого компактного проживания этнических диаспор используется язык и нормы жизни страны исхода. Повседневная жизнь молодежи здесь проходит обычно там же, где проживают они сами, их семьи и друзья. И, к сожалению, у такой молодежи зачастую нет желания или необходимости изучать шведский язык и шведские реалии, в том числе и в общеобразовательных школах. В так называемых свободных школах мусульманских общин, где может обучаться такая мигрантская молодежь, основное внимание уделено изучению основ ислама, арабского и, в меньшей степени, шведского языков¹⁴.

Обучение шведской и иммигрантской молодежи традициям и языку как страны пребывания – Швеции, так и своих этнических меньшинств, способствует сохранению культуры различных групп населения и делает эту культуру востребованной и живой. Такая традиционная культура востребована как на региональном, так и на муниципальном уровнях. Дети, живущие в двуязычной среде, в итоге владеют обоими родными языками – и шведским, и

своим, этническим¹⁵. В значительной степени это относится, конечно, к шведским языковым миноритарным группам.

Но такой подход можно считать актуальным и по отношению к иммигрантской молодежи, особенно из мусульманских стран. Для них владение и использование шведского языка – это залог успешной жизни в стране пребывания и интеграции в принимающее общество (при желании), больше возможностей для поиска работы и для повседневной и бытовой жизни, для более быстрых решений разных жизненных и рабочих ситуаций. Активное языковое общение способствует, что очевидно, и более успешной социализации. Обратим особое внимание на то, что в обществе актуальны задачи и цели получения молодым поколением мигрантов обязательного образования по программе шведской общеобразовательной школы. Это имеет важное значение и в том смысле, что такие молодые люди могут не только получить базовые школьные знания и навыки, основы владения шведским языком, но и при желании – определенные профессиональные навыки, что может позволить им выйти на рынок труда, вести законопослушную жизнь.

В противном случае существует вероятность, что молодые люди из этнических анклавов, не учившиеся в школе и не прошедшие курс обязательного школьного образования, могут пополнять ряды этнических противоправных группировок или принимать участие в «теневой» экономике и в локальных незаконных этнических группировках, которые часто занимаются наркобизнесом, кражами, иными противоправными действиями. Вопросы успешного обучения иммигрантской молодежи (школьного и языкового) могут приобретать важное и актуальное социально-политическое звучание. Успех образовательной,

языковой политики может в перспективе содействовать не только преодолению социальной пассивности значительной части иммигрантов-беженцев, но и нормализации правовой ситуации в среде иммигрантских анклавов, вовлечению такой молодежи в социальную жизнь¹⁶.

В общественном мнении все чаще звучат предложения о том, чтобы иммигранты начинали бы самостоятельно зарабатывать себе и своим семьям на жизнь, не «повисая» тяжелым грузом на экономике и социальной системе страны¹⁷. Об этом же свидетельствуют следующие недавние сведения. Работу имели, по официальным данным, около 2 % от общего количества иммигрантов, ожидающих рассмотрения миграционным ведомством запросов на получение вида на жительство в Швеции. И около 6 % таких иммигрантов иногда принимали участие в общественных работах. Всего около 20 % новых, официально зарегистрированных, иммигрантов стали заниматься на курсах изучения шведского языка¹⁸.

В середине 2021 г. вступили в силу некоторые уточненные статьи шведского Закона о беженцах. Иммигранты, которые имеют работу и могут самостоятельно обеспечивать себя и свои семьи, получают возможность получить постоянный вид на жительство в Швеции. Те же иммигранты-беженцы, которые нигде не работают, живут только на социальные пособия, смогут находиться в стране на протяжении разрешенного трехлетнего срока. Продление пребывания таким иммигрантам, не знающим шведского языка, нигде не работающим и не имеющим заработка, будет оформить сложнее¹⁹.

Языковая политика, нацеленная на обучение иммигрантов шведскому языку, становится важным элементом общей не только миграционной, но и внутренней политики страны. Главной задачей этой политики является более

успешная интеграция иммигрантов в принявшее их общество. Очевидно, что в значительной степени успех такого процесса может быть обеспечен активным и полноценным вовлечением «новых граждан» на рынок труда. Хорошее владение шведским языком может позволить им претендовать на более квалифицированную и лучше оплачиваемую работу.

Мощные миграционные процессы второй половины XX – начала XXI в. происходят практически во всех регионах мира и, в частности, на европейском континенте. Эти явления имеют многочисленные и разнообразные проявления во многих сферах – экономике, политике, правовой области, в происходящих социальных явлениях и процессах. Практический и правовой опыт разрешения тех задач, которые ставят миграционные явления и потоки очень важен в как контексте взаимоотношений прибывающих иммигрантов и принимающего общества, так и поддержания баланса культур и традиций обеих сторон. Изучение языка и культуры, знание законов и общественных норм жизни принимающей страны представляется важным и крайне необходимым условием для позитивной и успешной интеграции «новых граждан» в принявшее их общество. При всей верности вышеприведенных утверждений надо всегда иметь в виду, что для успешного достижения заявленных целей миграционной (как правовой, так и практической) политики, финансовой и образовательной ее составляющих, необходимо наличие у самих иммигрантов желания участвовать в различных общественных, трудовых, языковых практиках.

В современном шведском обществе на протяжении последних десятилетий уже сосуществуют рядом различные культурные, конфессиональные, ценностные ориентиры, нормы поведения, типичные как для самих шведов,

так и для «новых граждан». Это все связано с уже отмеченным процессом превращения Швеции в этническом и культурном плане в многокультурную страну. Говоря об особенностях современного этапа с точки зрения охраны правопорядка и поддержания общественной стабильности, отметим некоторые особенности качественного состава миграционных потоков. Так, в середине и последней трети XX в. приезжали, как правило, квалифицированные рабочие и иные трудовые кадры из ближайших, европейских, соседних стран. Они сами были заинтересованы в успешном изучении шведского языка и скорейшей интеграции в принявшее их общество. На протяжении последних двух десятилетий основную массу вновь прибывающих приезжих составляют иммигранты-беженцы, убегающие от потрясений на своей родине. Перед ними не стоят задачи успешного изучения языка для поиска лучшей работы и понимания принявшего их общества. Они часто продолжают жить по законам страны исхода. Вместе с тем, сами шведы законопослушны и проявляют исключительное уважение к исполнению установленных норм, правил и законов. Успехи в достижении стабильности общественной жизни и соблюдении правопорядка возможны при хорошей профилактике нарушений и преступлений и при условии достаточной социальной адаптации «новых граждан». Отметим, что, несмотря на неоднократные ситуации с мигрантами в ряде районов страны, шведская полиция в целом действует четко, в рамках законов и стараясь максимально выполнять работу по предупреждению и предотвращению разного рода правонарушений, в том числе и со стороны вновь прибывших мигрантов.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН имени

Н. Н. Миклухо-Маклая «Культурно-сложные общества: анализ мирового опыта».

© Сорокина Е. А., 2023

¹ Плевако Н. С. Шведская модель: прошлое и настоящее // Институт Европы РАН. Аналитическая записка. 2015. № 11. С. 3.

² *Миграция* и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений. М., 2015–2016. С. 335.

³ *Европейский Союз: факты и комментарии*. Вып. 97. М., 2019. С. 511.

⁴ <https://www.scb.se/hitta-statistik/sverige-i-siffror/manniskorna-i-sverige> (дата обращения: 13.02.2023).

⁵ *Европейский Союз: факты и комментарии*. Вып. 97. С. 511.

⁶ <http://swedishnews.se//gr%C3%A4nspoliserna%C5rarm-tillregeringen1.12676378?fbclid=IwAR3> (дата обращения: 15.02.2023).

⁷ <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=78&artikel=7133555> (дата обращения: 17.02.2023).

⁸ <https://www.svd.se/sverige-ar-en-oas-for-kriminella-klaner> (дата обращения: 17.09.2020); Löfvens vändning: Kopplar ihop stor migration med brottsutvecklingen. – <https://www.svt.se/nyheter/inrikes/lofven-ser-sociala-spanningar> (дата обращения: 19.09.2021); https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=5518946281479554&id=329885883718979 (дата обращения: 03.03.2021).

⁹ <https://inosmi./news/20191121/246285180.html> (дата обращения: 19.09.2021).

¹⁰ https://ru.euronews.com/2019/11/11/sweden-police-created-special-task-force-to-combat-gang-violence?utm_term=Autofeed&utm_medium=Social&utm_source=Facebook&fbclid=IwAR0dA7rgooXRp73jwryTFFpK1pm4n8yGhbENnt6QMDRpAq4n7bzPIT-6j80#EchoBox=1573501455 (дата обращения: 19.10.2021).

¹¹ Sverige i siffror. – <https://www.scb.se/hitta-statistik/sverige-i-siffror/manniskorna-i-sverige/sveriges-befolkning> (дата обращения: 03.03.2021); *Välfärdedens förutsättningar. Arbetsmarknad, demografi och segregation*. Stockholm, 2000. S. 37.

-
- ¹² *Borevi K.* Väldfärdsstaten idet mångkulturellasamhället. Uppsala, 2002; *Плевако Н. С.* Шведская модель: прошлое и настоящее // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 8. М., 2015.
- ¹³ *Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В.* Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 133.
- ¹⁴ *Плевако Н. С., Чернышева О. В.* Можно ли стать шведом? М., 2019, С. 232.
- ¹⁵ *Nationella minoriteter. Rättigheter och möligheter.* Stockholm, 2011. S. 4.
- ¹⁶ *Сорокина Е. А.* Миграционный кризис и его последствия в Швеции: некоторые реалии. – <http://society-and-culture.ru/2020/12/06/e-a-сорокина-миграционный-кризис-и-его/> (дата обращения: 19.10.2021).
- ¹⁷ *Плевако Н. С.* Политика иммиграции в Швеции как часть шведской идентичности и составляющая шведской модели // Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008. С. 202.
- ¹⁸ https://www.svensktnaringsliv.se/english/refugee-crisis-not-over_639292.html (дата обращения: 19.10.2021); Sveriges radio sv.r. 25.02.2009.
- ¹⁹ https://sverigesradio.se/artikel/ny-lag-for-uppehallstillstand-i-sverige?fbclid=IwAR2HT8h_daYN3DF7oGB_XNe1wDSQsxYSa9o5xno7fXYna31gs8GxbNtLKAw (дата обращения: 23.12.2021).

Д. О. Усанов*

**О МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПОЛИЦИЕЙ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
И СВОБОД ГРАЖДАН**

Деятельность органов внутренних дел в современном правовом государстве предполагает реализацию конституционно-правовых норм, закрепляющих права и свободы человека и гражданина¹. Одним из основных субъектов обеспечения конституционных прав и свобод граждан являются органы полиции².

Ярким примером эффективного механизма обеспечения полицией конституционных прав и свобод граждан является пример скандинавских стран – Швеции, Дании, Финляндии, Норвегии, где наблюдается высокий уровень доверия населения к органам внутренних дел.

Швецию, Данию, Финляндию, Норвегию относят к государствам, где верховенство права, приоритет прав и свобод личности над интересами государства не только декларируются, но и воплощены на практике. Кроме того, система права обозначенных государств образуют отдельную правовую семью, что объясняется не только сходством исторических путей развития права, а также особенностей законодательства и источников (форм) права, но и тесным сотрудничеством этих государств в законодательной сфере с конца XIX в., приведшим к появлению

* Усанов Дмитрий Олегович – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской юридической академии.

значительного числа унифицированных актов, равно действующих в этих государствах³.

Полиция в скандинавских странах воспринимается населением как некоррупцированная организация, действия которой, прежде всего, направлены на обеспечение прав и свобод населения.

Обратимся к опыту шведской правоохранительной системы, которая является типичным примером всей скандинавской системы правопорядка.

Условием эффективности деятельности полиции скандинавских стран по обеспечению прав личности является существование комплекса мер конституционно-правового и организационного характера. Под данными мерами следует понимать совокупность специальных нормативных правовых актов, определяющих действия скандинавской полиции в интересах человека и гражданина. Данные законодательные акты закрепляют особую компетенцию органов правопорядка – полномочия по охране, защите прав свобод человека и гражданина.

В настоящее время публично-правовую основу деятельности полиции Швеции по реализации прав и свобод составляет законодательство, ориентирующееся на соответствующие положения Конституции и фиксирующее императивное требование защиты населения от пыток, причинения телесного вреда, от необоснованного лишения свободы, от принуждения к общественным контактам, обыска, любых форм принуждения и нарушения личного пространства⁴.

Основой правового регулирования деятельности полиции в сфере обеспечения прав и свобод населения следует считать «Закон о полиции», устанавливающий, что целью сил правопорядка является не только обеспечение безопасности и содействие правосудию, но и поддержа-

ние общественного порядка, обеспечение защиты и помощи обществу⁵.

Среди обязанностей полиции зафиксированы: предоставление обществу защиты, информации и другой помощи, когда такая помощь может быть предоставлена полицией; обеспечение личной охраны свидетелей и других лиц, оказавшихся под угрозой.

Закон содержит требование обязательного сотрудничества полиции с социальными службами в интересах населения. В частности, правоохранительные органы незамедлительно должны сообщать Совету по социальному обеспечению (Socialnämnden) о необходимости защиты прав ребенка. Закон о полиции содержит отсылочную норму на положения «Закона о социальных услугах»⁶, определяющие круг субъектов, ответственных за информирование Совета по социальному обеспечению о насилии над детьми в семье.

Не менее важным является положение, согласно которому полицейский орган после задержания незамедлительно должен передать лицо в возрасте до восемнадцати лет родителям, опекуну или должностному лицу в социальной службе. При необходимости задержанное лицо имеет право на получение от сотрудников полиции юридической и консультационной помощи. «Закон о полиции» устанавливает запрет на задержание лиц, не достигших 15 лет, а также на помещение несовершеннолетнего в полицейскую камеру.

Соблюдение прав и законных интересов личности является приоритетом шведского полицейского законодательства. Так, «Закон о полиции» устанавливает, что вмешательство сотрудника полиции, выполняющего служебные обязанности, должно быть оправданным и соответствующим обстоятельствам. Принуждение допускается

только в форме и объеме, необходимом для достижения намеченного результата. Иначе говоря, общее разрешение полиции на применение любых мер при осуществлении правоохранительной деятельности оправдывается лишь при условии, что сотрудник полиции, имея необходимые юридические обоснования, не ограничивает одно из конституционных прав, закрепленных «Актом о форме правления» или не нарушает любые другие акты или постановления⁷. В частности, сотрудник полиции может остановить транспортное средство: если имеются основания предполагать, что в транспортном средстве находится правонарушитель; если требуется на законных основаниях ограничить свободу передвижения лица и подвергнуть его физическому освидетельствованию; если необходимо проведение законного поискового запроса о транспортном средстве. Таким образом, основными принципами вмешательства полиции в общественную жизнь являются принципы законности, необходимости и соразмерности.

Применение силы полицейским, выполняющим служебные обязанности, допускается в особых ситуациях: во-первых, когда сотрудник сталкивается с насилием или угрозой насилия; во-вторых, когда при задержании было оказано сопротивление; в-третьих, при законном осмотре транспортного средства; в-четвертых, когда поддержание общественного порядка или безопасности не может быть осуществлено без принуждения.

Полицейский имеет право на ограничение свободы передвижения лица, если оно применяет насилие в отношении окружающих и создает угрозу общественной безопасности; если обстоятельства требуют обеспечить безопасность самого задержанного лица⁸. Применение силы означает возможность использовать оружие при обеспечении общественного порядка. Однако шведская полиция

применяет оружие в исключительных случаях, в основном для самообороны. В современном шведском праве подчеркивается, что сотрудник полиции может оказывать силовое воздействие на правонарушителей, в том числе с применением огнестрельного оружия, в трех случаях: во-первых, когда полицейский сталкивается с насилием, направленным непосредственно против него; во-вторых, когда другие средства недостаточны для обеспечения общественного порядка; в-третьих, насилие должно быть оправдано с учетом обстоятельств в каждом отдельном случае⁹.

Обеспечение прав и законных интересов личности осуществляется и при процедуре поиска лица, совершившего правонарушение или представляющего общественную опасность. При осуществлении поиска лица, с целью взятия его под стражу, полиция на законных основаниях получает право на доступ к запрашиваемому месту жительства. Сотрудник полиции обладает также правом доступа к дому, комнате или другому месту, если есть основания предполагать, что кто-либо умер или находится в бессознательном состоянии или иным образом не может обратиться за помощью.

«Закон о полиции» дает правовые основания контролировать передвижение физических лиц путем взаимодействия с транспортными компаниями. Информация предоставляется полиции через компьютерный терминал. Однако полиция обеспечивает соблюдение права на персональную информацию, немедленно удаляя сведения о лицах, полученных иначе, чем путем доступа к терминалу, если они не имеют отношения к расследованию или уголовному преследованию за преступления.

В основе полицейского законодательства Швеции лежит обеспечение разумного баланса между безопасностью

общества и личности с одной стороны и конституционными правами и свободами человека – с другой. Стремление к гармонизации общественных и индивидуальных интересов определило закрепление в шведском законодательстве полномочий полиции по обеспечению правопорядка. Если лицо своим поведением нарушает общественный порядок или представляет потенциальную непосредственную опасность, сотрудник полиции имеет право задержать его и удалить из общественного места. Шведское юридическое сообщество не считает, что взятие кого-либо под стражу в соответствии с этой нормой можно рассматривать как лишение свободы, что коррелируется с положениями Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод¹⁰.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что в основе полицейского законодательства скандинавских стран, регламентирующего механизм обеспечения прав и свобод граждан, лежит принцип обеспечения разумного баланса между безопасностью общества и личности с одной стороны и конституционными правами и свободами человека – с другой. Стремление к гармонизации общественных и индивидуальных интересов определило закрепление в скандинавском законодательстве значительных полномочий полиции по обеспечению правопорядка. Обеспечению прав и свобод личности полицией скандинавских стран в целом, и Швеции в частности, способствует тесное взаимодействие с иными органами государственной власти и государственными организациями, образующими национальный механизм реализации прав человека (суды, прокуратура, Совет по безопасности и защите целостности, Совет по предупреждению преступности и т. д.).

© Усанов Д. О., 2023

¹ *Козинникова Е. Н.* Проблемы взаимодействия государства, общества и личности в правовом государстве (по работам В. М. Гессена) // *Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 28 апреля 2016 года / Под общ. ред. Д. А. Пашенцева. Рязань, 2016. С. 197–201.*

² *Козинникова Е. Н.* Обеспечение безопасности как условие и результат правоприменительной деятельности (по работам В. М. Гессена) // *Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Сборник статей международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 821–824.*

³ *Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В. А. Туманова. М., 2003. С. 183.

⁴ *The Constitution of Sweden the Fundamental Laws and the Riksdag Act... P. 67.*

⁵ *Polislag (1984:387). Svensk författningssamling 1984:387. – http://www.Riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/polislag-1984387_sfs-1984-387 (дата обращения: 5.08.2017).*

⁶ *Socialtjänstlag (2001:453). Svensk författningssamling 2001:453. – https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/socialtjanstlag-2001453_sfs-2001-453 (дата обращения: 30.08.2016).*

⁷ *The Police Act with commentary... P. 22.*

⁸ *Polislag (1984:387). Svensk författningssamling 1984:387. – http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/polislag-1984387_sfs-1984-387 (дата обращения: 5.08.2017).*

⁹ *Blomqvist S.* Polisens laga befogenhet att använda skjutvapen. *Höstterminen 2009. P. 18.*

¹⁰ *The Police Act with commentary... P. 59.*

А. Р. Абдулло*

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТАДЖИКСКОГО ГОСУДАРСТВА

Современный Таджикистан развивает свою государственно-правовую систему как инклюзивный субъект, функционирование которого обусловлено необходимостью учитывать требования международно-правовых норм и институтов, а также ориентироваться на общественный дискурс в целях сохранения своей легитимности. Важнейшим направлением развития современной таджикской государственности является оптимизация деятельности правоохранительных органов. Идет поиск оптимальной модели участия органов правоохраны в защите и укреплении основополагающих ценностей правового демократического государства, прав и свобод граждан, обеспечении безопасности личности, общества и государства¹.

Важнейшим юридическим фактом, определившим перспективы развития современного Таджикистана, стал распад СССР. 9 сентября 1991 г. на внеочередной сессии Верховного Совета Республики Таджикистан 12-го созыва было принято Заявление «О государственной независимости Республики Таджикистан»², в котором, «принимая во внимание революционные изменения в СССР», провозглашалась государственная независимость Республики Таджикистан. Верховный совет Республики Таджикистан

* *Абдулло Абдулло Рахматулло* – начальник кафедры организации тактики ОРД факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан (Душанбе), кандидат юридических наук.

9 сентября 1991 г. внес изменения и дополнения в «Декларацию о суверенитете Республики Таджикистан»³ и провозгласил государственную независимость⁴.

6 ноября 1994 г. на общенародном референдуме была принята Конституция Республики Таджикистан⁵. Содержание Конституции Республики Таджикистан отразило специфику идеальных источников права⁶ постсоветского Таджикистана. Верховенство Конституции Республики Таджикистан (1994) в правовой системе всей страны и ее высшая юридическая сила обеспечиваются механизмом ее реализации и охраны. Конституция Республики Таджикистан:

- закрепляет основы конституционного строя и конституционные особенности Республики Таджикистан как суверенного, демократического, правового, светского, унитарного государства (ст. 1);

- определяет принципы разделения власти в Республике Таджикистан на ветви законодательной, исполнительной, судебной власти (ст. 9);

- закрепляет верховенство конституции как основного закона государства (ст. 10);

- разрешает различные формы собственности (ст. 12);

- наряду с правами граждан объявляет и гарантирует права и свободы человека и гражданина (ст. 5);

- определяет порядок основания и деятельность государственных органов;

- выступает как источник всей правовой системы Республики Таджикистан;

- имеет особый порядок подготовки и принятия, особый порядок принятия и внесения изменений и дополнений.

Обретение независимости и суверенитета Таджикистаном детерминировало то, что правоохранительные ор-

ганы должны были координировать свою деятельность общегосударственном механизме независимого государства. Современная система государственных органов, осуществляющих правоохрану, сложилась в результате проводимых в государстве на протяжении двух десятилетий преобразований. Некоторые из ныне действующих органов являются наследниками существовавших в СССР, другие – были созданы после провозглашения суверенного Таджикистана⁷.

Стабилизация жизни в суверенном государстве потребовала совершенствования государственно-правовой системы в целом и прежде всего ее части – правоохранительной системы с учетом закономерностей ее исторического развития⁸. Для достижения целей и задач реформирования государственно-правовой системы Таджикистана и корректировки осуществляемой работы было определено новое направление деятельности – составление прогнозов совершенствования системы правового регулирования общественных отношений. Была принята «Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан», утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г. № 1021⁹, в которой отмечалось, что после провозглашения независимости в связи с принятием Конституции Республики Таджикистан произошло принятие новых законодательных актов «в соответствии с конституционными нормами и необходимостью обеспечения их систематизации и унификации».

Реформа правоохранительной системы началась с перестройки ее структуры и определения направлений деятельности с учетом новых целей и задач, вставших перед первым в истории человечества суверенным государственным образованием таджиков.

В соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан «О мерах по усилению борьбы с преступностью, укреплению законности и правопорядка» от 23 сентября 1995 г. № 341 Правительством была разработана «Государственная программа по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 гг.»¹⁰, которая была принята Маджлиси Оли Республики Таджикистан 4 ноября 1995 г.

В составлении Программы, наряду с государственными органами и структурами, призванными обеспечить защиту прав и свобод граждан страны, активное участие приняли институты гражданского общества, выработавшие рекомендации по проблемам борьбы с преступностью и обеспечения законности.

Приоритетными задачами государства по созданию эффективной системы противодействия преступности и обеспечения безопасности были определены:

- создание необходимой правовой базы и механизма реализации правовых норм в данной сфере;
- укрепление правоохранительных органов;
- включение государственных структур в предупреждение и пресечение противоправных деяний в пределах их компетенции.

В целях совершенствования законодательной базы предусматривались:

- разработка ряда ключевых законов и нормативных правовых актов (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исправительного кодексов;
- законов об административных правонарушениях, о борьбе с организованной преступностью, об ответственности за организацию вооруженных формирований и участие в них, о противодействии незаконному обороту наркотиков);
- внесение изменений и дополнений в законодатель-

ные акты, касающиеся противодействия пропаганде насилия в средствах массовой информации;

– принятие мер по развитию правовой культуры населения, формированию у граждан уважения к правоохранительным органам, закону и практике его применения.

Основными направлениями правоохранительной деятельности были определены:

– борьба с организованной преступностью, терроризмом и бандитизмом, наркобизнесом;

– обеспечение контроля за оружием;

– борьба с традиционными видами преступлений, экономическими преступлениями и коррупцией;

– профилактика правонарушений;

– усиление борьбы с преступлениями в Вооруженных силах Республики Таджикистан;

– организация международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Новый этап реформирования правоохранительной системы был связан с принятием Государственной программы борьбы с преступностью в Республике Таджикистан на 2008–2015 гг., утвержденной Постановлением Правительства Республики Таджикистан 2 ноября 2007 г. № 543¹¹.

В целях обеспечения стабильности и спокойствия в обществе, укрепления законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека, конституционного строя и осуществляемых политических, экономических и социальных преобразований в Республике Таджикистан и обеспечения решительной борьбы с преступностью Программа предусматривала принятие организационно-правовых и организационно-практических мер, решение вопросов кадрового и материально-технического обеспе-

чения, налаживания более тесного международного сотрудничества в области борьбы с преступностью и поэтапного осуществления плана мероприятий, предусмотренных программой.

Программа определяла основные концептуальные правила, направленные на «создание надежной системы противоборства преступности», а также «первоочередные задачи по пресечению противоправных действий, обеспечивающие усиление роли государства как гаранта безопасности»: создание правовой базы и механизма ее реализации; укрепление правоохранительных органов; привлечение других государственных структур к борьбе против преступности и за ее предотвращения¹².

Были сформулированы практические задачи и определены меры по усилению борьбы с преступностью, часть которых нашла отражение в краткосрочных планах и стратегиях соответствующих государственных правоохранительных структур и органов, в частности: совершенствование национального законодательства, разработка новых законов и нормативных правовых актов; формирование эффективной системы противодействия преступности и ее профилактики; осуществление действенных оперативно-розыскных мероприятий в борьбе против преступности; координация и согласование межведомственных мероприятий в целях обеспечения эффективной правоохранительной деятельности; привлечение государственных органов, общественных организаций, структур гражданского общества и граждан к работе по предотвращению и пресечению преступности; информационное и научное обеспечение борьбы против преступности; улучшение материально-технического и кадрового обеспечения правоохранительных органов, повышение квалификации и переподготовки персонала правоохрани-

тельных органов; организация, развитие и расширение международного сотрудничества в борьбе против преступности.

Одним из основных направлений реализации «Государственной программы борьбы с преступностью в Республике Таджикистан на 2008–2015 годы» было усиление борьбы с коррупцией в Республике Таджикистан. Постановление Правительства Республики Таджикистан «О стратегии борьбы с коррупцией в Республике Таджикистан» от 26 января 2008 г. № 34¹³ определило основные принципы и подходы государства в сфере антикоррупционной деятельности. Попытки борьбы с коррупцией предпринимались уже в первые годы существования суверенного государства, которые нашли отражение в Указе Президента Республики Таджикистан от 21 июля 1999 г. за № 1262 «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью в сфере экономики и коррупции»¹⁴. Были разработаны меры по обеспечению прозрачности и беспристрастности государственной службы, регулированию правовых основ деятельности и полномочий государственных служащих, обязанных ежегодно представлять декларацию о доходах и имуществе, утвержден Кодекс поведения государственного служащего¹⁵.

В 2005 г. был принят Закон «О борьбе с коррупцией»¹⁶], нормы которого отвечали международным стандартам. В сентябре 2006 г. Республика Таджикистан присоединилась к Международной конвенции против коррупции от 31 октября 2003 г.

В ходе проведения реформы органов государственного управления в целях усиления борьбы с коррупцией, координации антикоррупционных усилий государства, привлечения гражданского общества, представителей бизнеса и международных организаций, устранения дублирования

функций государственных органов по противодействию коррупции Указом Президента Республики Таджикистан от 10 января 2007 г. № 143 было создано Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан.

Стратегия борьбы с коррупцией в Республике Таджикистан на 2008–2012 гг. предусматривала принятие мер по повышению активности населения в борьбе с коррупцией, созданию атмосферы нетерпимости к коррупции и устранению причин и условий, способствующих ей, а также активное международное сотрудничество и взаимопомощь в рамках координации борьбы с коррупцией на международном уровне. Стратегия была направлена на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, государства и общества от коррупции; совершенствование нормативной правовой базы по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений, оптимизацию форм, методов, средств противодействия коррупции.

Несмотря на все принятые меры по усилению борьбы с коррупционными явлениями, в жизни общества Республики Таджикистан коррупция до настоящего времени не изжита. Отмечается рост количества «...преступлений, имеющих коррупционный характер, со стороны государственных служащих, работников правоохранительных органов и военных структур», констатировал Эмомали Рахмон.

Одним из важных направлений трансформации правоохранительной системы современного Таджикистана является реформирование милиции. 20 апреля 2012 г. Эмомали Рахмон подчеркнул наличие острой необходимости разработки стратегии реформы милиции в Таджикистане с определением основных направлений совершен-

ствования деятельности милиции. «Стратегия реформы милиции в Республике Таджикистан на 2013–2020 годы», утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 18 марта 2013 года № 1438¹⁷ была разработана национальными экспертами при тесном сотрудничестве с Офисом ОБСЕ в Таджикистане на основе нового подхода к организации деятельности правоохранительной системы, с учетом накопленного опыта борьбы с преступностью, реалий современного социально-экономического развития Таджикистана, мирового опыта осуществления реформ правоохранительных систем и перспектив развития органов внутренних дел в Таджикистане.

Стратегия была направлена «на обеспечение верховенства закона и укрепление законности, последовательную демократизацию и либерализацию судебно-правовой сферы, укрепление судебной власти в целях надежной защиты прав и свобод человека»¹⁸. Отмечалось, что происходящие изменения в деятельности различных элементов правоохранительной системы современного Таджикистана оказывают влияние на характер деятельности всех ее звеньев, одним из основных которых является милиция.

Стратегия определяла основные цели и задачи реформы милиции, в числе которых: обеспечение общественного порядка, безопасности граждан и общества, защита их интересов; обеспечение безопасности локальной среды, профилактика правонарушений, выявление, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, раскрытие и расследование преступлений; минимизация негативных последствий от преступности; создание и поддержание безопасной социальной среды; предупреждение правонарушений и преступлений; создание механизмов и процедур по планиро-

ванию и реализации усилий по поддержанию правопорядка и безопасности; тесное взаимодействие с населением; формирование в общественном сознании нового образа сотрудника милиции, не причастного к коррупции, воспринимающего содействие гражданам как свой главный профессиональный долг; проведение профилактических мер, соответствующих местным условиям; профилактика нарушений прав и свобод граждан со стороны сотрудников милиции.

Важнейшим направлением реформирования милиции является установление тесного взаимодействия милиции с населением, гражданским обществом и средствами массовой информации. Милиция, защищая интересы граждан, должна заслужить доверие народа и «превратиться в круглосуточную сервисную службу с широким спектром социальных услуг»¹⁹. Провозглашенный девиз: «Милиция – это народ, а народ – это милиция» отражает «идею соответствия деятельности милиции интересам общества»²⁰ и задачу обеспечения культуры «открытости со средствами массовой информации»²¹, умения «не пренебрегать их критикой своей деятельности, неверно истолковывать и недооценивать их роль в процессе создания современного, демократического и правового государства в Таджикистане»²².

Реформирование милиции предполагает существенные изменения в организации и функционировании, законодательно закрепленные в Законе «О полиции». В настоящее время проект Закона «О полиции» находится в стадии разработки и определения новых подходов к выполнению органами внутренних дел своих основных функций. Принципами организации и функционирования полиции Таджикистана станут принципы независимости, общественного участия в ее работе; разделения функций и ис-

ключения дублирующих функций. Независимость полиции должна быть обеспечена подчинением ее деятельности только закону, введением системы замещения вакантных должностей, прозрачности комплектования личного состава, принятием кодекса полицейской этики. Участие общества в работе по постановке задач полиции и в оценке их исполнения должно стать важнейшим условием создания «прозрачных» для общественности органов полиции. Из сферы деятельности полиции должны быть исключены функции, дублирующие деятельность других подразделений правоохранительной системы.

Важный этап реформирования правоохранительной системы Таджикистана начался после разработки и утверждения новой «Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы», утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 г. № 1005²³.

В Концепции отмечается, что построение правового, демократического, социального государства и обеспечение устойчивого экономического политического, социального и культурного развития страны зависит от осуществления эффективной правовой политики в Республике. На нынешнем этапе развития основная задача правовой политики государства заключается в защите прав и свобод граждан, укреплении законности и правопорядка, предотвращении преступлений и обеспечении устойчивого экономического развития.

Реализация Концепции направлена на решение задач, в числе которых: укрепление гарантий прав и свобод человека и гражданина и правового механизма их защиты, укрепление законности и правопорядка; развитие законодательства Республики Таджикистан с учетом потребностей устойчивого развития общества, укрепления

суверенитета государства, развития государственного управления и совершенствования правовой жизни, активизации участия Таджикистана в региональном и международном правовом пространстве; совершенствование системы правового регулирования с учетом развития государственных и частных правоотношений, правового статуса личности, свободы экономической, социальной, культурной, творческой и научной деятельности; повышение уровня правового просвещения и правосознания населения, качества правового обучения и воспитания, развитие правовой культуры общества.

Таким образом, в постсоветский период реформирование правоохранительной системы обусловлено тем, что в условиях постановки цели построения в Таджикистане правового государства и развития структур гражданского общества требования, предъявляемые к функционированию правоохранительной системы, изменились. Однако, правоохранительная система Республики Таджикистан, несмотря на проведенное реформирование, не приобрела черт, которые коренным образом отличали бы ее от существовавшей в Советском государстве. Являясь полноправной наследницей советской системы, она сохранила многие недостатки, которые были присущи предыдущим этапам ее эволюции. При этом к ранее существовавшим проблемам прибавились новые, обусловленные несовершенством проведенных реформ.

© Абдулло А. Р., 2023

¹ *Нижник Н. С., Абдулло А. Р. Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние. Душанбе, 2021.*

² Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан от 9 сентября 1991 г. «О государственной независимости Республики Таджикистан» // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1991. № 18. Ст. 237.

³ Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан от 9 ноября 1990 г. № 390 «О внесении изменений и дополнений в Декларацию о суверенитете Республики Таджикистан» // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1991. № 18. Ст. 238.

⁴ Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан от 9 ноября 1990 г. № 392 «О провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан» // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1991. № 18. Ст. 239.

⁵ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1994. № 13. С. 194.

⁶ *Нижник Н. С., Ромашов Р. А., Сальников В. П.* Истоки, источники, формы права: некоторые проблемные аспекты понимания и соотношения // Истоки и источники права: Очерки / Под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2006. С. 8–22.

⁷ *Абдуллоев А. Р.* Становление современной правоохранительной системы Республики Таджикистан // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 3(39). С. 86–94/

⁸ *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: специфика субъектного состава // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/6. С. 182–188; *Абдуллоев А. Р.* Правоохранительные органы – структурный элемент механизма государства Республики Таджикистан // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / Под ред. Н. С. Нижник. Вып. 1. СПб., 2017. С. 55–63; *Нижник Н. С.* Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72. EDN FGENJE; *Нижник Н. С.* Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72; *Бобоназарзода Ф. Ш.* Конституционно-правовые основы обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина органами

внутренних дел Республики Таджикистан: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Таджикистан в годы Великой Отечественной войны: перестройка работы правоохранительных органов в условиях военного времени // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции: В 2 ч. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под ред. Н. С. Нижник. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1016–1028. EDN DAVMHG; *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Пореформенная Россия: формирование специфики повседневной деятельности органов охраны правопорядка в Туркестанском крае // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции 2–4 апреля 2020 г. / Отв. ред. В. А. Верременко, В. Н. Шайдуров. Т. 3. СПб., 2020. С. 237–243; *Абдуллоев А. Р.* Правоохранительная система в условиях трансформации политико-правовой организации современного государства (на примере Республики Таджикистан): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020; *Нижник Н. С.* Отзыв о диссертации Абдуллоева А. Р. «Правоохранительная система в условиях трансформации политико-правовой организации современного государства (на примере Республики Таджикистан)» // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2021. № 1(49). С. 66–68. EDN ZKAMPU; *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Политико-правовая организация общества как доминирующая детерминанта повседневности населения Таджикистана // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01–03 апреля 2021 года / Отв. ред. В. А. Верременко. Т. 1. СПб., 2021. С. 295–302. EDN EGSOSM.

⁹ Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г. № 1021 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт. – <http://www.mmk.tj> (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁰ Государственная программа Республики Таджикистан по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 гг. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от

23 сентября 1995 г. № 341 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт. - <http://www.mmk.tj> (дата обращения: 10.06.2023).

¹¹ Государственная программа борьбы с преступностью в Республике Таджикистан на 2008–2015 гг. Утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 ноября 2007 г. № 543 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт. - <http://www.mmk.tj> (дата обращения: 10.06.2023).

¹² Там же.

¹³ Положение о стратегии борьбы с коррупцией в Республике Таджикистан на 2008–2012 гг. Утверждено Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 26 января 2008 г. № 34 г. // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт. - <http://www.mmk.tj> (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁴ Положение о дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью в сфере экономики и коррупции. Утверждено Указом Президента Республики Таджикистан от 21 июля 1999 г. № 1262 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия»: официальный сайт. - <http://www.adlia.tj> (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Закон Республики Таджикистан от 25 июля 2015 г. № 100 «О борьбе с коррупцией» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2005. № 7. Ст. 402.

¹⁷ Стратегия реформы милиции на 2013-2020 гг. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 1438 // Сборник нормативных правовых актов по реформе милиции / Под ред. Х. Х. Мухаммадиева. Душанбе, 2015. С. 17–40.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 гг. Утверждена Указом Президента Республики Та-

джикистан от 6 февраля 2018 г. № 1005 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт. – <http://www.mmk.tj> (дата обращения: 10.06.2023).

Ф. М. Розикзода*

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ – ЭЛЕМЕНТ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Формирование правоохранительной системы современного Таджикистана началось в условиях Российской империи. После крушения в России монархии, 6 марта 1917 г. Временное правительство приняло решение о ликвидации жандармерии, а 10 марта 1917 г. – о ликвидации полиции. Полиция была преобразована в народную милицию с выборным руководством, подчиненным местной администрации¹.

Октябрь 1917 г. начал формирование новой политико-правовой системы, частью которой являлись правоохранительные органы. Милиция Временного правительства была ликвидирована, Главное управление по делам милиции, было распущено и заменено Военно-революционным комитетом. Был создан специальный комитет для реорганизации городской охраны, упразднения старой милиции и создания на ее месте новых подразделений.

А 28 октября (10 ноября) 1917 г. Народным комиссариатом внутренних дел было принято решение о создании рабочей милиции.

В марте 1918 г. был поставлен вопрос о создании народной (всеобщей) милиции как органа рабочих и крестьян – защитника интересов трудящихся. 21 марта

* *Розикзода Фарход Мирзомахмад* – адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России.

1918 г. на заседании НКВД было предложено «Положение о народной (генеральной) милиции», а 10 мая 1918 г. НКВД приняло следующее решение: «Милиция как постоянное подразделение лиц, выполняющих особые функции, должна быть организована независимо от организации Красной Армии, и ее задачи строго разделены»². Милиция формировалась на территории всей Советской республики, в том числе и на территории Таджикистана³.

Следует указать, что в марте 1917 г. В. И. Ленин в своем труде о полиции в «Письмах издаека» писал: «Милиция действительно должна быть народной, служить народу, быть создана из числа старших лет обеих полов, объединить в себе функции народной милиции и функции полиции, обращена в основной орган государственного порядка и государственного управления»⁴.

Формирование органов дознания в Таджикской АССР началось в 1924 г. на основе опыта, накопленного в Туркестанской АССР и Бухарской Народной Социалистической Республики⁵.

В первые годы существования Таджикской АССР действовали еще те нормативные правовые акты, которые были приняты в Туркестанской АССР. В 1924 г. Революционный Комитет Узбекистана установил «Впредь до утверждения надлежащими органами власти единых законов для Узбекской ССР считать действующими на территории, входящей в состав ее, законы, изданные правительством СССР, и местные законы, действующие на территории Узбекской ССР».

В Таджикской АССР были созданы 11 народных комиссариатов, в том числе и Наркомат юстиции, а также Центральное статистическое управление, Госплан, Арбитражная комиссия, финансовый комитет. Позднее появи-

лись разные комиссии, регулирующие вопросы статистики, торговли, производства и т. д.

Органы дознания входили в состав милиции. В 1924 г. Президиум ЦИК советов Туркестанской Республики принял постановление об образовании в составе Общепамирского ревкома административного и других отделов, в ведение которого и вошли органы милиции⁶. Но датой организации милиции как отдельного органа дознания считается 6 февраля 1925 г., когда отделения милиции были созданы на местах.

Эта дата подтверждается многими архивными документами. Например, было найдено удостоверение начальника милиции и награда за успешную пятилетнюю службу, выданные исполнительным комитетом АГБО за № 471 от 27 марта 1930 г.⁷

В 1991 г. Республика Таджикистан обрела независимость и суверенитет⁸, который означал, что правоохранительные органы должны самостоятельно координировать свою деятельность, направленную на защиту государства. И важное значение здесь отводилось принятому закону «О милиции», который был разработан в 1991 г. и утвержден Верховным Советом 2 мая 1992 г. Закон устанавливал принципы деятельности полиции, обязанности и права, возможность применения полицией силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также правовую и социальную защиту сотрудников полиции⁹.

Закон определял, что вся деятельность милиции направлена на предупреждение и пресечение противоправных действий, защиту законных интересов общества, страны и каждого гражданина от посягательств на преступления. Подчеркивал, что каждый шаг и каждое действие милиции при исполнении служебных обязанностей прямо или косвенно влияет на судьбы людей.

Милиция Таджикистана состоит из управления уголовного розыска, управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, управления по борьбе с организованной преступностью, управления общественной безопасности, следственного управления, управления судебной медицины, паспортно-регистрационной службы, дорожно-патрульной службы и др.¹⁰

В настоящий момент Таджикистан является одной из четырех стран (наряду с Беларусью, Узбекистаном и Кыргызстаном), которые официально сохраняют термин «милиция». Все остальные страны постсоветского пространства и переименовывали свои правоохранительные органы.

Таким образом, становление органов дознания, которые являются частью милиции, в Республике Таджикистан прошло несколько этапов. Сегодня органы дознания развиваются в рамках суверенной Республики Таджикистан.

© Розикзода Ф. М., 2023

¹ *Имомёрбеков А.* История становления органов милиции на Памире в таджикской исторической науке // Вестник Российско-Таджикского (Славянского) университета. 2014. № 2(45). С. 157–160.

² *Имомёрбеков А.* Процессы завершения организационного становления милиции в Таджикистане // Вестник Российско-Таджикского (Славянского) университета. 2021. № 15. С. 11–19.

³ *Нижник Н. С., Абдулло А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние. Душанбе, 2021.

⁴ *Ленин В. И.* Письма издаека // К истории русской революции / Под ред. Н. А. Васецкого. М., 1990.

⁵ *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: специфика субъектного состава // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/6.

С. 182–188; *Абдуллоев А. Р.* Правоохранительные органы – структурный элемент механизма государства Республики Таджикистан // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / Под ред. Н. С. Нижник. Вып. 1. СПб., 2017. С. 55–63; *Нижник Н. С.* Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72. EDN FGENJE; *Нижник Н. С.* Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72; *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Пореформенная Россия: формирование специфики повседневной деятельности органов охраны правопорядка в Туркестанском крае // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции 2–4 апреля 2020 г. / Отв. ред. В. А. Веремченко, В. Н. Шайдуров. Т. 3. СПб., 2020. С. 237–243; *Абдуллоев А. Р.* Правоохранительная система в условиях трансформации политико-правовой организации современного государства (на примере Республики Таджикистан): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020; *Нижник Н. С.* Отзыв о диссертации Абдуллоева А. Р. «Правоохранительная система в условиях трансформации политико-правовой организации современного государства (на примере Республики Таджикистан)» // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2021. № 1(49). С. 66–68. EDN ZKAMPU; *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Политико-правовая организация общества как доминирующий детерминант повседневности населения Таджикистана // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01–03 апреля 2021 года / Отв. ред. В. А. Веремченко. Т. 1. СПб., 2021. С. 295–302. EDN EGSOSM.

⁶ *Имомёрбеков А.* История становления органов милиции на Памире в таджикской исторической науке // Вестник Российско-Таджикского (Славянского) университета. 2014. № 2(45). С. 157–160.

⁷ *Шарофуддинов С.* Описание архивных документов Таджикистана (20-60-е годы XX века) // Роль гуманитарных дисци-

плин в развитии науки и образования в стране: Материалы республиканской научно-практической конференции. Душанбе, 2021. С. 263–271.

⁸ *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: специфика субъектного состава // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/6. С. 182–188; *Абдуллоев А. Р.* Правоохранительные органы – структурный элемент механизма государства Республики Таджикистан // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / Под ред. Н. С. Нижник. Вып. 1. СПб., 2017. С. 55–63; *Нижник Н. С.* Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72. EDN FGENSE; *Нижник Н. С.* Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72; *Бобоназарзода Ф. Ш.* Конституционно-правовые основы обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина органами внутренних дел Республики Таджикистан: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Таджикистан в годы Великой Отечественной войны: перестройка работы правоохранительных органов в условиях военного времени // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции: В 2 ч. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под ред. Н. С. Нижник. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1016–1028. EDN DAVMNG; *Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р.* Пореформенная Россия: формирование специфики повседневной деятельности органов охраны правопорядка в Туркестанском крае // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции 2–4 апреля 2020 г. / Отв. ред. В. А. Веремченко, В. Н. Шайдулов. Т. 3. СПб., 2020. С. 237–243; *Абдуллоев А. Р.* Правоохранительная система в условиях трансформации политико-правовой организации современного государства (на примере Республики Таджикистан): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020; *Нижник Н. С.* Отзыв о диссертации

ции Абдуллоева А. Р. «Правоохранительная система в условиях трансформации политико-правовой организации современного государства (на примере Республики Таджикистан)» // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2021. № 1(49). С. 66–68. EDN ZKAMPU.

⁹ Абдумаджидов Г. Развитие законодательства о расследовании преступлений. Ташкент, 1974.

¹⁰ Абдуллоев А. Р. Милиция как структурно-функциональный элемент правоохранительной системы Республики Таджикистан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4(76). С. 28–31.

В. С. Асламова*

ПРОФАЙЛИНГ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Наиболее серьезной угрозой, с которой сталкивается сегодня общество, является незаконный оборот наркотиков и злоупотребление ими. Противодействие этой угрозе не может решаться только медицинскими или оздоровительными учреждениями.

Быстрое развитие цифровых технологий в течение последних двух десятилетий значительно повлияло на процессы международного уголовного правосудия по линии наркобизнеса.

Первоначально развитие цифровизации рассматривалось как средство согласования и совершенствования исследований и анализа в области международного уголовного права посредством, например, создания онлайн-базы данных, удобной для пользователей, с всеобъемлющим депозитарием правовых инструментов.

Использование современных технологий позволило международной области уголовного правосудия по линии наркобизнеса действовать более эффективно. Чрезмерный оптимизм в отношении современных технологий и стремление включить их в процесс правосудия, независимо от того, нужны они или нет, заставил многих активистов игнорировать многочисленные недостатки использования технологий, в том числе и возникающие в сфере

* *Асламова Валентина Сергеевна* – аспирантка кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России.

«Интернет в правосудии». Например, программное обеспечение для удаленного документирования и мобильные приложения для документирования, на основе подхода к правосудию.

Учитывая исторический опыт рассмотрения проблем, связанных с производством, распространением, употреблением наркотиков, как проблем противодействия преступности, а не проблем общественного здравоохранения, неудивительно. По данным открытых источников, каждый год, начиная с 1996 г., по обвинению в наркоторговле арестовывается больше людей, чем за любое другое преступление, причем их число приближается к нескольким миллионам человек в год.

Идея идентификации наркоторговцев и наркокурьеров с помощью профилей апеллирует к ощущению людей, что люди следуют предсказуемым моделям поведения. Наука может идентифицировать эти модели и использовать эти знания для задержания преступников, совершивших преступления, связанные с наркотиками. Идея профайлинга имеет несколько измерений. Во-первых, это использование поведенческих и экологических сигналов для выявления правонарушителей. Профайлинг выступает как совокупность психологических методов оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков: характеристик внешности, вербального и невербального поведения. Впервые это было опробовано в конце 1960-х годов для выявления потенциальных угонщиков самолетов. Эта ранняя попытка потерпела неудачу, и угоны были сокращены только тогда, когда все пассажиры проверялись на наличие оружия, процесс, который усилился после нападения на Всемирный торговый центр в 2001 г. в США. Первые попытки использовать профилирование для иден-

тификации курьеров наркотиков произошли в середине 1970-х годов, когда агент DEA в аэропорту Детройта разработал список из 11 характеристик, которые предполагают, что кто-то был курьером по наркотикам.

Как правило, суды имеют довольно строгие правила о том, какие научные доказательства могут быть приняты в суде, но профили, основанные на поведении, были признаны действительными, хотя нет никаких научных доказательств их эффективности. Суды постановили, что полный профиль не должен раскрываться в суде, чтобы не раскрывать рабочие моменты. Вместо этого офицерам нужно только определить ключевой элемент, используемый в профиле. По информации американских ученых, изучение судебных дел, в которых использовались профили, показывает, что со временем список идентифицирующих характеристик стал настолько обширным, что можно сказать, что почти каждый соответствует профилю¹. Вера общественности в профилирование была подкреплена сенсационными делами с участием серийных убийц. Агенты, которые разработали эти профили, стали второстепенными знаменитостями, а множество фильмов и телевизионных программ рекламировали точность профилей серийных убийц. Несмотря на общественное увлечение таким подходом, ни один серийный убийца никогда не был найден из-за профиля. Поведенческое профилирование может когда-нибудь оказаться ценным инструментом, но на сегодняшний день ему еще предстоит доказать свою ценность².

В настоящее время одним из важных факторов, влияющих на осложнение наркоситуации, выступает «активное использование Интернета для приобретения наркотиков, распространение синтетических наркотиков преимущественно бесконтактным способом через сеть мелко-

розничных сбытчиков»³. Признаками данного явления выступают: общественная опасность, массовость, совместность, а также существование на конкретной территории, с учетом использования компьютерных технологий.

Заслуживает внимания тревожный факт: ученые, занимающиеся исследованием данного вида преступлений, насчитывают их совершение в России примерно около 1,5 млн ежегодно, в том числе с использованием профайлинга. Причина всему этому, отсутствие в сети Интернет надлежаще работающих механизмов, с помощью которых возможно было бы эффективно отслеживать ресурсы, на которых сосредоточивается информация о наркотиках и незаконных действиях с ними. Кроме того, эти ресурсы, даже в случае их выявления, могут быть за территорией России, поэтому привлечение их владельцев к ответственности не только сложно, но порой и невозможно. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «...единственной мерой, применяемой к владельцам запрещенных ресурсов в сети Интернет, является ограничение доступа со стороны провайдеров, что не исключает возможность использования таких ресурсов»⁴.

Сотрудники органов МВД отмечают, что весьма сложно, учитывая массу психоактивных веществ, которые продаются с помощью сети Интернет, привлечь к уголовной ответственности лиц, совершающих правонарушения, даже с применением профайлинга.

© Асламова В. С., 2023

¹ Адлер А. Этнография сообщества наркоторговцев и контрабандистов высшего уровня // Торговля наркотиками. 2-е изд. Нью-Йорк, 1993. С. 56–57.

² Браун Э. Стукач: информаторы, кооператоры и коррупция правосудия. Нью-Йорк, 2007. С. 255.

³ *Водько Н. П., Кувалдин В. П.* Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью: Учебник. М., 2004. С. 445.

⁴ *Щурова А. С.* Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): Уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. С. 89.

Раздел IX
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ И ОСОБЕННОСТЯХ
РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Н. А. Колоколов*

**ГОСУДАРСТВО, ПРАВО, СУД:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

***Что такое государство и власть вообще,
власть государственная и судебная, в частности?***

Судебная власть – частный случай проявления власти вообще, она – одна из форм публичной власти, а именно,

* *Колоколов Никита Александрович* – заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова; профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук, профессор, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почётной отставке).

государственной власти. Явно недостаточный уровень развития современной науки исследователя власти заставляет оперировать художественными образами.

Например, «но человека человек послал к анчару *властным взглядом*: и тот послушно в путь потек...» (А. С. Пушкин, «Анчар»); «вдруг *слабым мановением руки* на русских двинул он полки...» (А. С. Пушкин, «Полтава»).

Король Фридрих Великий (II-ой Прусский): анализируя отношения *власти и подчинения* сложившиеся между ним и его шестидесятитысячным воинством, отмечал, каждый его солдат и сильнее его, и лучше его вооружен, но и *все они трепещут перед ним*.

Основа стабильности отношений власти и подчинения – *вера в божественное (сакральное) происхождение власти (идеология), невольное очарование народа харизмой конкретных лиц (психология)*.

Исчезает вера, автоматически рушатся коммуникационные связи, составляющие основу режима правления. Народ, вдруг, осознает: «король то – голый». Классический пример: Н. Чаушеску собрал 80-тысячный митинг в Бухаресте, на котором ухитрился утратить коммуникационные связи с народом, который вдруг осознал, что их «кондукэтор» (рум. conducătorul, conducător – фюрер, вождь) – полное ничтожество. Далее – скорый суд и смертный приговор.

Судебная власть

Судебная власть – историческая реальность, уникальные и, в то же время, закономерно возникающие *общественные отношения*, социальная природа которых заключается в потенциальной способности человечества, базируясь в своей деятельности на такую социальную ценность как право, посредством только одному ему ведомых средств, речи, символов и знаков мобилизовать свои ре-

суды для разрешения определенных категорий социальных конфликтов, а равно *наличие у общества права* не только принимать решения в процессе их разрешения, но и добиваться путем неукоснительного следования нормам права обязательного их исполнения.

Судебная власть – институционализация ожидания обществом того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению в соответствии с законами и на их основе будет уделено достойное внимание.

Судебная система, с которой обычно отождествляют судебную власть, – всего лишь ее аппарат

Приказ субъекта, осуществляющего судебную власть (суда, судьи), – воля народа в редукции органов государства, обязательный порядок исполнения данной воли сопровождается угрозой применения санкции.

Судебная власть – ресурс, который необходим для осуществления каких-либо определенных целенаправленных действий. Конечно же, судебная власть в этом случае в умах людей предстает как мощь, сила, воля, в основе которых лежат почитаемые ими право, законы.

Крещение Руси – базовый импульс культурного развития русского государства

988 год в значительной степени предопределил ход дальнейшего развития, как нашей государственности в целом, так и ее институтов – суда в частности. Чтобы убедиться в этом достаточно пройти к Боровицким воротам Московского Кремля и взглянуть на открытый 4 ноября 2016 г. 17-метровый памятник Владимиру Святославовичу Великому (958–1015) – почитаемому в Отечестве нашем за Крестителя Руси. Россия – страна христианская, следовательно, и судебная система осенена Красным знаменем.

Благодаря христианству славянские народы узнали о

наличии европейской культуры, впитали в себя ее азы, опирающееся на «бастион» права римского – социальный феномен, который успешно пережил своего прородителя.

Кому нет памятника в центре Москвы?

Ивану Васильевичу Великому III – создателю государства Московского, пока мы обходимся памятником Минину и Пожарскому, которые помогли народу пережить Смутное время, отстояли государство Московское.

Маятник общественного, правового и государственного развития

Недалеко и Храм Христа Спасителя (Храм Рождества Христова). История данного объекта – точное отражение движений «маятника» в общественном развитии. Храм задумали в 1812 г. в знак спасения от Наполеона. Строить храм начали в 1817 г. на Воробьевых горах. В 1825 г. стройку прекратили, в 1839 г. принципиально новый Храм начали сооружать на Волхонке. Сооружение осветили в 1883 г. К этому моменту отношение в Наполеону и его творческому наследию в юриспруденции у россиян существенно менялись трижды.

Начало XIX в.: «Эх, Франция, нет в мире лучше края!». 1831 г. – запрет на Магдебургское право в России. Далее – поражение России от Франции в Крымской войне (1853–1856). Новый государь Александр II (1818–1881) – «новые идеалы», очередная модернизация: 1864 г. в России на базе Уголовно-процессуального кодекса Наполеона 1808 г. появился его клон – Уложение уголовного судопроизводства, регламентирующее участие народа в отправлении правосудия (первый российский полноценный вариант Jury trial). 13 марта 1881 г. Александр II убит «революционерами», его преемник Александр III организовал очередной «откат» в модернизации.

Далее, по В. Д. Зорькину, «конвульсивный модерни-

зационный процесс закончился *первым распадом* российской государственности» – Великий Октябрь. В народном государстве «народному элементу» – беспартийному Jury trial места не нашлось. 1931 г. – Храм взорван. Начали возведение самого высокого в мире (415 м – крыша, 495 м – антенна/шпиль) нового культового сооружения – Дворца Советов, который планировалось увенчать 100-метровой статуей В. И. Ленина.

После смерти И. В. Сталина от данной затеи как от явного архитектурного излишества отказались, ограничились постройкой бассейна «Москва» (1960), который в 1994 г. закрыт.

***Тупиковый лозунг 90-х XX века:
Вперед, в «идеальное» прошлое!***

1994–1999 гг. – воссоздан Храм Христа Спасителя. В эти же самые годы (1993–2003) в России (за исключением Чеченской Республики) в полном объеме был воссоздан и суд присяжных – новый (очередной) вариант российского Jury trial.

***На самом деле:
судебная власть – лайфхак (уловка)***

Судебная власть – суть феномен далеко не познанный. Судебная власть (особый комплекс правоотношений) в каждом отдельно взятом государстве, как правило, проходит эволюцию от выделения ее (комплекса правоотношений) из совокупности традиционных прав и обязанностей главы государства (монарха): во-первых, особого его суверенного права управлять всем своим народом и всеми свойственными ему социально-политическими институтами, во-вторых, особой его суверенной обязанности охраны вверенной ему Богом и людьми страны (чего не смогли уяснить ни М. С. Горбачев, ни Б. Н. Ельцин) и, в-третьих, его особой

публичной функции – разрешения социальных конфликтов до признания юрисдикции «суверенными» государствами наднациональных судебных структур, которые являются гарантом следования национальных правовых и судебных систем общепризнанным мировым стандартам в сфере правосудия.

По мере роста населения к правящей элите быстро пришло осознание, что в сфере правосудия легко можно наделать ошибок, поэтому постепенно создаются судебные системы, обеспечивается непосредственное участие народа в отправлении правосудия (Jury trial).

***Правосудие – дело неблагодарное,
пусть его осуществляет кто угодно
(поединок, ордалии, рис во рту, полиграф, присяж-
ные), но только не я ...***

Для успешного выполнения судебной системой своих задач необходимы следующие условия:

во-первых, в стране должно быть ясное, четкое и единообразное понимание природы суда, его роли в механизме государства;

во-вторых, за судом должны быть закреплены полномочия на творческое применение права, в том числе, и международного;

в-третьих, у большинства населения страны должно существовать доверие к судебному корпусу.

Для организации эффективного судопроизводства одних только профессионально-подготовленных судей (просвещенных юристов, одетых в мантии) недостаточно, главное – навыками участия в судоговорении обязательно должны обладать представители сторон.

***Бесполезный поиск
«философского камня» в основе права***

Некоторые много пишут о поиске механизмов «иде-

ального судьи». Утопия все это. Ибо чужая душа потемки..., да и судья в процессе – не главный...

Что такое право?

Общеизвестно, что сущность таких категорий, как «право», «государство» и «суд» далеко не познана не только в российской, но и мировой юридической науке. Не случайно Рональд Дворкин (Ronald Dworkin, 1931–2013) свое фундаментальное исследование «Империя права» (Law's Empire), изданное в прошлом веке (XX), начинается главой «Что есть право?» и завершает свое повествование эпилогом «Что есть право?». Иными словами, ответа на вопрос, что есть право, у уважаемого нами метра нет!

С тем же вопросом «What is law?» (Что есть право?) уже в XXI в. обращается к юридической общественности современный и «модный» ныне (судим по числу цитирований – Н. К.) автор – проф. Washington University in St. Louis – School of Law (школы права вашингтонского университета в Сент-Луисе) Brian Z. Tamanaha (Брайон Таманаха), который в понимании сути права совершенно не продвинулся, поэтому в своем повествовании ограничился перечислением много из сказанного по теме ранее другими исследователями.

Здесь уместным и своевременным будет напомнить, что право естественное легко может быть подменено диктатом государства, стоящими за ним элитами. Неслучайно К. Маркс и Ф. Энгельс в своем программном документе – «Манифесте коммунистической партии» (1848) отмечали, что «ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса».

Не будем также забывать и о рассуждениях судьи Верховного суда США Бенджамина Кардозо (1870–1938), который еще 100 лет назад вынужден был признаться, что

норм права для организации судебной деятельности недостаточно (ибо правовое поле *a priori* пробельно), поэтому в поисках справедливости (*justice*) суды (судьи) вынуждены варить «странную смесь», элементами которой являются право и мораль.

***В уставе правила прописаны,
случаев в них нет... (Петр I)***

Что делают судьи по конкретным делам? Как правило, всего лишь заполняют трафарет, меняя фамилии, адреса, суммы...

Парадигму меняем или нет?

«Железо»: «Англичанин мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину, а нас русский мужик...». Далее «Дубинушка» в судебной деятельности. Помочь могут механизация, автоматизация, цифровизация...

Программа

Власть – отношения между людьми, готовы уровнять человека с машиной, допустить его в наши отношения..., для чего возможно придется забыть про некоторые базовые постулаты, например, про адресный характер наказания. По правилам КоАП Российской Федерации на этот принцип уже наплевали: внук катается, а бабке штрафы шлют...

Искусственный интеллект

В 1973 г. в издательстве «Мир» увидела свет книга Нильса Нильсона «Искусственный интеллект». Метод поиска решений» (1971). Автор допустил главное – сам факт существования ИИ, к сожалению, в части определения места ИИ в наших отношениях мировая наука в общем-то не продвинулась...

Причина? Таковая кроется:

во-первых, в нежелании человека признать свое интеллектуальное убожество и «усадить» рядом с собой ма-

шину (Женщину, негра, крепостного);

во-вторых, машины все еще не совершенны, чтобы они в полном объеме могли заменить персону, обличенную в судейскую мантию. Например, в силу данного обстоятельства Верховный Суд Российской Федерации по уголовным делам не признает полиграф;

в-третьих, человек судья – это дешево, а хорошая машина – дорого!

Что нас ждет в будущем?

Первый этап: фундаментальная компьютеризация судопроизводства (расследование уголовного дела в отношении футболистов Мамаева и Кокорина показало, что машина фиксирует события точнее, чем человеческая память).

Второй этап: создание алгоритмов разрешения споров, наличие которых позволит минимизировать участие человека в правосудии. Пример: возможный вариант разрешения дела по обвинению Ефремова. Машины отследили и бесстрастно зафиксировали факт пересечение виновным двойной сплошной, выезд на встречную полосу движения и столкновение с автомобилем, движущимся во встречном направлении...

Для разрешения дела: достаточно добавить два параметра: 1) состояние опьянения у Ефремова; 2) смерть потерпевшего, чтобы без адвоката Пашаева выйти на квалификацию содеянного; 3) машина определит «справедливый размер наказания».

© Колоколов Н. А., 2023

*Д. В. Михаэлис**
*Ю. А. Петрушин***

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА
НЕЗАВИСИМОСТИ СУДА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА М. БЕЙЛИСА)**

Одним из основополагающих принципов российской судебной системы является принцип независимости суда, закрепленный как в Конституции Российской Федерации, так и во всех процессуальных кодексах России. Как указал в своем постановлении Конституционный Суд Российской Федерации: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»¹. Исследователи полагают, что воплощение правосудия независимым и объективным судом – база демократического правового государства, где права и свободы личности практически постоянно составляют основу закона страны².

* *Михаэлис Дмитрий Владимирович* – ассистент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Иркутского государственного университета путей сообщения.

** *Петрушин Юрий Александрович* – профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Иркутского государственного университета путей сообщения, доктор исторических наук, профессор.

Принцип независимости суда впервые появился в России в ходе судебной реформы 1864 г. Известная фраза министра внутренних дел С. С. Ланского о том, что в до-реформенной России «администрация ездил верхом на юстиции», в точности характеризует то место, которое занимали суд и административно-полицейские институты в государственной системе самодержавной России³. В этом смысле судебная реформа 1864 г. является юридической революцией, поскольку в ходе её реализации появляется независимость судебной власти от администрации, реформирование или создание новых институтов правосудия (прокуратура, мировой суд, суд присяжных). В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав) указывалось, что «...одного устранения административных властей от участия в отправлении уголовного судопроизводства недостаточно для того, чтобы судопроизводство сделалось вполне удовлетворительным», а уголовные дела рассматривались без участия административной власти⁴.

Однако, формальная независимость судей в Российской империи не всегда имела место фактически. В первую очередь, это проявлялось в процедуре назначения судей на должность. В соответствии с порядком определения к должностям по судебному ведомству председатели, товарищи председателей и члены окружных судов, а также члены судебных палат назначались на должность высочайшей властью по представлению министра юстиции, который получал списки кандидатов от общего собрания окружного суда или палаты (то есть, кандидаты на судебную должность определялись судебным органом). При этом министр юстиции не был связан решением этих собраний: в дополнение к списку кандидатов от соответствующего суда он представлял императору «...и о других имеющих право...на занятие открывшихся должностей»⁵.

Высокая значимость участия министра юстиции в процедуре замещения должностей судебного ведомства была отмечена Д. Н. Замятиным, чья деятельность на посту министра юстиции выпала на начало Судебной реформы 1864 г. Именно по его инициативе замещение должностей судебного ведомства стало зависеть непосредственно от Министерства юстиции⁶. Д. Н. Замятин лично участвовал в поиске кандидатов на судебные должности.

Давление на судей со стороны чиновников могла проявляться и после назначения судьи на должность. Например, в ходе судебного процесса над Верой Засулич на председателя окружного суда А. Ф. Кони оказывалось давление со стороны министра юстиции К. И. Палена в целях вынесения обвинительного приговора. А. Ф. Кони ответил министру: «Ваше величество, суд постановляет приговоры, а не оказывает услуг»⁷. В зависимости от исполнительной власти попадали и мировые судьи. В некоторых регионах Российской империи, например, в Сибири, мировые судьи назначались, перемещались и увольнялись решением министра юстиции. «Полная зависимость судей от министра юстиции и при назначении, и при перемещении, или увольнении, является очень неблагоприятной особенностью этих правил»⁸, писал журнал «Русская мысль».

В то же время, по Судебной реформе 1864 г. в России появился новый процессуальный институт – институт присяжных заседателей. Если присяжные заседатели оправдывали подсудимого, то председатель суда освобождал его из суда и из-под ареста. Таким образом, в случае оправдательного вердикта со стороны присяжных, судья был связан этим решением и не мог признать виновным подсудимого. По нашему мнению, создание института суда присяжных являлось дополнительной гарантией спра-

ведливого судебного разбирательства наравне с реализацией принципа независимости суда.

Исследователи отмечают, что суд присяжных был встречен обществом с большим одобрением, поскольку «всякий видел, что дела решают не господа в мундирах, а сами присяжные, простые мещане и крестьяне, и пред приговорами их преклоняется само начальство. Народ видел, что это суд одинаковый для всех: для мужиков и господ, и что "вчерашний раб", который, по мановению руки помещика, мог быть истязуем и сослан в Сибирь, – сидит рядом с ним и подает голос по убеждению совести наравне с ним; что приговор их немедленно получает силу, и раз присяжные по совести сказали: не виноват, почти по мановению волшебства падают узы, и подсудимый делается свободным человеком»⁹. Примеры судебных процессов с участием присяжных заседателей иногда попадали в печатные издания Российской империи. Со ссылкой на киевское издание «Жизнь и искусство» столичная газета «Право» описывает «исключительный факт из практики суда присяжных»: в ходе судебного разбирательства с участием присяжных председатель суда прервал речь адвоката, в свою очередь, старшина присяжных заседателей сделал замечание судье и попросил продолжить говорить адвокату»¹⁰.

Ярким примером уголовного процесса с участием присяжных заседателей, в котором роль присяжных оказалась ключевой, является судебный процесс над Менахемом Бэйлисом. В 1911 г. в Киеве был найден труп 12-летнего Андрея Ющинского, в убийстве которого обвиняли местного жителя – еврея М. Бейлиса. На ход расследования и дальнейший судебный процесс оказывал влияние министр юстиции И. Г. Щегловитов, которого С. Ю. Витте охарактеризовал следующим образом: «Несмотря на неза-

висимость судей, Щегловитов сменяет кого вздумается, и судебное ведомство впало в маразм угодничества к министру юстиции, от которого зависит благосостояние судебного персонала»¹¹. Министр юстиции настаивал на убийстве мальчика Бейлисом в ритуальных целях и придавал делу политический характер. Наблюдение за этим делом было возложено на руководителя прокуратуры всего Западного края, который отчитывался о ходе следствия министру юстиции. Кроме того, министр лично давал указания о ходе следствия директору Департамента полиции Белецкому¹². В ходе следствия М. Бэйлис был привлечен к суду в качестве обвиняемого. Слабость собранных улик была очевидна для судей: некоторые члены Киевской судебной палаты считали, что дело должно быть прекращено за отсутствием улик, а председатель Киевского окружного суда Николай Грабор отказался вести дело, в связи с чем судьей был назначен Ф. А. Болдырев, которого характеризовали как человека правых политических взглядов¹³.

В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства, процесс проходил с участием присяжных заседателей, состав которых вызывал неоднозначную реакцию у современников: «Когда по мелкому уголовному делу суд имел в своем распоряжении среди присяжных трех профессоров, десять людей интеллигентных и только двух крестьян, в деле Бейлиса из двенадцати человек девять учились лишь в сельской школе...»¹⁴. Несмотря на обвинительный уклон со стороны формально независимого председателя суда (по мнению исследователей, его заключительная речь и формулировка обвинения походила больше на речь прокурора, чем судьи), присяжными был вынесен оправдательный вердикт и М. Бэйлис был оправдан.

Судебная реформа 1864 г. привела к изменению всей судебной системы России. Главным итогом судебных пре-

образований стал отказ от старых подходов к правосудию, к числу которых относилось отсутствие независимости судебной власти. Анализ дела М. Бэйлиса демонстрирует, что, несмотря на формальную независимость суда, исполнительная власть пыталась оказывать давление на итоговое решение судей. В то же время, оправдательный вердикт присяжных по этому делу показал, что институт присяжных заседателей также является одним из важнейших результатов Судебной реформы 1864 г. и мог гарантировать вынесение справедливого приговора.

© Михаэлис Д. В., Петрушин Ю. А., 2023

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда». – <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072013-n/> (дата обращения: 20.01.2023).

² Зубайдулин А. Р., Галимов Э. Р. Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства // Е-СЦИО. 2020. № 3. С. 298.

³ Краковский К. П. История и правосудия России. Т. 4. Судебное устройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864–1881 годы). М., 2019. С. 7.

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1866. С. 3.

⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья. Учреждение судебных установлений. СПб., 1866. С. 148.

⁶ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 98.

⁷ Высоцкий С. А. Кони. М., 1988. С. 128–129.

⁸ Правила о применении судебных уставов в Сибири // Русская мысль. 1896. № 6. С. 173–174.

⁹ Джанишиев Г. А. Судебная реформа // Эпоха великих реформ. – <http://www.allpravo.ru/library/doc313p0/instrum3064/item3103.html> (дата обращения: 30.01.2023).

¹⁰ Михаэлис Д. В. Освещение судебной реформы 1864 г. и деятельности судебной системы в печатных изданиях России // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 2. С. 134.

¹¹ Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II: В 2 т. Т. 1. Берлин, 1922. – http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0070.shtml (дата обращения: 27.07.2021).

¹² Тагер А. С. Царская Россия и дело Бэйлиса. М., 1933. С. 200.

¹³ Там же.

¹⁴ Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 391.

Н. А. Пушкарева*
И. М. Пушкарева**

**«БУДУТ ИМЕТЬ НЕЗРИМОЕ ВЛИЯНИЕ
НА СУДЕЙ»: ДИСКУССИЯ КОНЦА XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА О ПРАВЕ ЖЕНЩИН
БЫТЬ ПОВЕРЕННЫМИ**

Русское судебное законодательство со времен Судебной реформы 1864 г. и до 1917 г. редко использовало термин «адвокат». Адвокатская деятельность подразумевала включение в группу *присяжных поверенных*, составлявших особую профессиональную корпорацию, либо в социальную группу *частных поверенных*, контролировавшихся судами, которым претендующие называться «частными поверенными» сдавали экзамен, либо, наконец, практиковавшими на основании лицензий в группе *помощников присяжных поверенных*. Последние должны были иметь высшее юридическое образование, не менее 5 лет стажировки в судах и подлежали контролю со стороны своих патронов и советов присяжных поверенных (именно таковыми выпускались молодые юристы, освоившие курс обучения на юридических факультетах

* *Пушкарева Наталья Львовна* – главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, доктор исторических наук, почетный профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

** *Пушкарева Ирина Михайловна* – ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук.

университетов, как например, В. И. Ульянов в Казани). Самостоятельно выступать в судах помощники присяжных поверенных права не имели до тех пор, пока не получали свидетельство частного поверенного или простую доверенность от клиента на право представлять его интересы в суде.

Министерство юстиции осуществляло жесткий контроль за деятельностью Советов присяжных, за приемом защитников в коллегии, налагало на присяжных дисциплинарные взыскания, пыталось ограничить их полномочия, но в отношении помощников присяжных конкретных запретов было меньше, а в отношении невозможности именно женщинам представлять чьи-то интересы в суде вообще не было. Возможно, эта практика отсутствия прямых запретов в отношении женщин сложилась исторически, поскольку в древнерусском законодательстве право женщин быть *послухами* не исключалось, а свидетельства женщин (хотя и редко) рассматривались-таки судами¹.

Обобщая написанное более полутора столетий назад о проникновении женщин в новую для них профессиональную область и вступая в спор о том, кто первая известная русской истории женщина-адвокат, стоит иметь в виду, что речь могла идти не столько о первой женщине – присяжном поверенном или даже о первой женщине – частном поверенном, но именно о первой женщине, выступившей защитницей по чужому делу на основании простой доверенности («адвокаты ad hoc»). Очевидно, что женщинам начать проникновение в новую профессиональную область проще всего было именно примыканием к третьей группе – с попыток выступить представительницей чьих-то интересов на основании бумаги, подтверждающей готовность передать им защиту собственных

интересов. Закон 25 мая 1874 г. о частных поверенных не содержал каких-либо ограничений в отношении лиц женского пола. Однако Высочайшее повеление от 7 января 1876 г. разъясняло, что женщины (на основании того, что не имеют соответствующего образования) не могут получать звание частного поверенного по судебным делам, равно как монашествующие, неграмотные, «опороченные по суду».

Мнения ведущих отечественных юристов в отношении женщин-защитниц на судах разделились. Некоторые участники дискуссии предпочитали обходить именно тему женской адвокатуры, всячески поддерживая получение женщинами права доступа к иным профессиям и, главное, высшего образования как безусловной предосылки успешной деятельности на государственной и общественной службе². Прогрессивная и активно выступавшая в прессе часть русских юристов резко выступила против официальной теории, по которой женщина не могла занимать эту должность, якобы по причине особых физических и духовных свойств женской природы³.

В 1893 г. либерально мыслящие юристы зафиксировали существование женской адвокатуры в России де факто: в в Томском губернском суде в качестве поверенного двух крестьян, обвиняемых в избиении общинного старшины, выступила некая М. П. Аршаулова, которая добилась отмены приговора окружного суда и оправдания подсудимых. Аналогичная история случилась в Енисейске Иркутской губернии, где поверенной согласилась выступить жена столоначальника, некая В. И. Кичеева, сумевшая после негативного решения суда обратиться с протестом в Иркутский губернский совет, а далее в Правительствующий Сенат (высший после царя орган государственной власти и законодательства)⁴. Автор статьи, приво-

дивший эти примеры в защиту требования допущения женщин к практике защиты менее грамотных и образованных сограждан, заключал: «...бывали монархини, со славой правившие государствами, а тут вдруг уверяют, что женщина не может быть поверенной на суде»⁵.

Другой вопрос – о том, что в обеих столицах и самых значимых университетских городах труднее было осуществить подобный прорыв, какой случился в Сибири. Известна судьба Е. Ф. Козьминой, обучавшейся на акушерских курсах Казанского университета, но поступившей переписчицей бумаг к прокурору Казанского окружного суда А. Ф. Кони (впоследствии ставшему всемирно известным юристом). Вхождение в суть дел, которые девушка переписывала, стало серьезной юридической практикой, давшей ей необходимые знания, а личное присутствие на судебных поединках – профессиональный опыт. Девушка стала успешно выступать в судах в качестве защитника, одержала несколько побед (в том числе в сложном процессе о наследстве), попросила допустить ее к экзамену на звание частного поверенного при Московской судебной палате. Но поддержки не получила: в 1876 г. министр юстиции запретил женщинам работать в адвокатуре и приказал аннулировать их свидетельства частных поверенных. Мечты Е.Ф. Козьминой остались нереализованными⁶.

В 1890-х годах развернулась широкая дискуссия (на фоне пересмотра Судебных уставов 1860-х годов) по вопросу о предоставлении женщинам права быть поверенными⁷, о чем специальное мнение составил сенатор Н. Н. Мясоедов. Он полагал, что это могло бы быть достигнуто либо через поправку в законодательстве, либо через прецедент, созданный в именно в Москве или Санкт-Петербурге и желательно поддержанный Сенатом⁸.

Рубеж веков стал временем перевода на русский язык сочинений западных правоведов, обосновывавших возможность получения женщинами адвокатской практики⁹, а события, связанные с изменениями в общественном мнении и сознании в годы первой русской демократической революции 1905–1907 гг., – триггером перемен¹⁰. Все чаще случались примеры удовлетворения просьб жен о допусчении их к уголовным защитам и к ходатайству по трем чужим делам в мировых судебных установлениях. Век спустя в отечественной историко-правовой науке эти допущения получили высокую оценку как свидетельство главного шага к допусчению женщин в адвокатуру¹¹.

Бурные общественные дебаты¹² о возможности женщин «вести защиту» предшествовали принятию закона 11 ноября 1911 г., позволившего получать высшее юридическое образование в России лицам женского пола. Требование такого рода содержалось и в материалах Первого всероссийского женского съезда, работавшего в декабре 1908 г. в Санкт-Петербурге¹³. После принятия закона 1911 г. А. Ф. Кони выступил со специальной брошюрой, в которой признавал, что ранее *был против* «допущения в число частных поверенных юридически необразованных, практически неподготовленных и неразвитых женщин», но ныне ситуация непременно изменится¹⁴. Действительно, число женщин-адвокатов начало стремительно расти, и к 1917 г. в России их стало больше, чем в ряде стран Европы¹⁵ и в качестве примера обычно упоминается имя Е. А. Флейшиц, успеху которой на юридическом поприще безусловно способствовал закон 1911 г.

© Пушкарева Н. А., Пушкарева И. М., 2023

¹ Пушкарева Н. А. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X–XV вв.: вопросы преступления и нака-

зания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126.

² Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе. СПб., 1883.

³ Грацинский Н. И. Безурядица в адвокатуре. Присяжные поверенные и их помощники // Юридическая летопись. 1890. № 8. С. 87–112.

⁴ Женщины-адвокаты в Томске и Иркутске // Северный вестник. 1893. Кн. 6. С. 40–42.

⁵ Тарновский А. К вопросу о женской адвокатуре // Судебная газета. 1893. № 21. С. 5.

⁶ Шниц З. Женщина-поверенная // Судебная газета. 1893. № 8. С. 8–9.

⁷ Женщины-адвокаты // Неделя. 1897. № 40. Стлб. 1258–1260; Справка по вопросу о женской адвокатуре и юридическом образовании // Ариян П. Н. Первый женский календарь на 1899 год. СПб., 1899. С. 138.

⁸ Допущение женщины к адвокатуре // Судебная газета. 1897. № 47. С. 9.

⁹ Зинченко И. Женщина-адвокат (по Луи Франку). СПб., 1901; Пирсторф Ю. Женский труд и женский вопрос. СПб., 1902; Из истории женского движения к получению высшего образования // Образование. 1902. № 1. С. 57–61.

¹⁰ Павлов-Сильванский Н. О праве женщин быть адвокатами // Русское богатство. 1905. № 5. С. 1–26.

¹¹ Тимофеев В. В. Проблемы женской адвокатуры в России в конце XIX – начале XX в. // Марийский юридический вестник. 2002. № 2. С. 91–97.

¹² Набоков В. Может ли женщина вести защиту перед уголовным судом? // Право. 1909. № 46. Стлб. 2473–2481; Шелухин С. Имеют ли женщины право выступать в качестве защитников // Право. 1909. № 50. Стлб. 2761–2769; Флейшиц Е. О. О женской адвокатуре // Право. 1910. № 2. Стлб. 65–73; № 3. Стлб. 143–151.

¹³ Женщины-адвокаты // Женский вестник. 1909. № 1. С. 3; Труды Первого всероссийского женского съезда. СПб, 1909.

¹⁴ Кони А. Ф. К вопросу о допущении женщин в адвокатуру. М., 1912.

¹⁵ Женщины-адвокаты за границей // Женский вестник. 1913. № 12. С. 5; Женщины-адвокаты // Журнал для жен-

щин. 1914. № 9. С. 25; *Люблинский П. И.* Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // *Право*. 1915. № 21. Стлб. 1529–1547.

*Н. И. Биюшкина**

СТАТУС НАРОДНЫХ СУДЕЙ И НАРОДНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В СССР В СРАВНЕНИИ С ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ И КОРОННЫМИ СУДЬЯМИ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Обращение к заявленной теме вызвано непрекращающейся дискуссией относительно статуса судьи, а также целесообразности сохранения и развития института присяжных и арбитражных заседателей, моральной обоснованности и соответствия целям осуществления правосудия, и прежде всего установлению объективной истины в процессе.

Статус коронного судьи, согласно Судебным уставам 1864 г., предполагал обязательное высшее юридическое образование и стаж работы по судебному ведомству не менее трех лет, но фактически сложились деловые обыкновения, согласно которым коронные судьи назначались указом императора за особые заслуги при раскрытии наиболее опасных преступлений или иных достижений в сфере охраны правопорядка. Приведем в качестве примера дело чиновника Вердеревского, обвиненного в махинациях с соляной монополией. Процесс по делу состоялся в 1867 г. За раскрытие этого громкого дела Владимира Иванович Анненков, сын декабриста Ивана Александро-

* *Биюшкина Надежда Иосифовна* – заведующий кафедрой судебной и прокурорской деятельности юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор.

вича Анненкова, был награжден орденом Станислава 2-й степени, назначен губернским прокурором Нижегородского окружного суда, а затем – председателем Самарского окружного суда.

Статус коронного судьи основывался на таких принципах, как назначаемость, независимость, несменяемость. В отличие от коронных судей статус народного судьи предполагал избираемость, возможность досрочного отзыва. Требования высшего юридического образования не предусматривалось до 1922 г. По судебной реформе 1922 г. народный судья должен был иметь высшее юридическое образование и соответствующий стаж работы или опыт руководящей работы в советских, партийных, государственных органах, а также вооруженных силах без требования к юридическому образованию.

Привлечение к процессу осуществления правосудия населения, не обладающего специальными знаниями в области права, восходит своими корнями к древнему периоду развития государства, когда правосудное начало было неотъемлемо связано с общим самоуправлением в лице вече. Впоследствии земскими преобразованиями Ивана IV, датированными началом 50-х годов XVI столетия, были созданы земские и губные избы на основе выборности сословных представителей, наделенные в том числе и правом суда. Важным этапом на пути становления демократических институтов правосудия явилась Судебная реформа 1864 г. Объективно народное представительство в иной форме имело своеобразное продолжение в советский период.

Осуществляя сравнительно-правовой анализ институтов присяжных и народных заседателей, следует выделить определенные критерии.

Во-первых, деятельность присяжных и народных за-

седателей строилась на основе схожих принципов: устности, гласности, коллегиальности, свободной оценки доказательств. Вместе с тем степень демократизма в формировании состава присяжных и народных заседателей различалась: к участию в качестве народных заседателей привлекались более широкие слои населения.

Во-вторых, одной из задач введения народных и присяжных заседателей объективно являлось препятствование коррумпированности суда.

В-третьих, среди задач введения рассматриваемых институтов следует назвать дебиюрократизацию, поскольку они были свободны от иерархического подчинения, свойственного чиновничье-бюрократическому аппарату.

В-четвертых, условия введения присяжных заседателей в России находились в общем контексте либерально-демократических преобразований Александра II, преследующих цель введения юридического равенства, состязательности, права на рассмотрение дела с участием суда присяжных и другие. Установление института народных заседателей в советский период Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде социалистической федеративной советской республики»¹ происходило в совершенно иных обстоятельствах. В России шла Гражданская война, большевистской властью проводилась политика Военного коммунизма, когда целью судебного процесса являлась защита социалистического государства от контрреволюционных преступлений, саботажа, хищений социалистической собственности и др. В этой связи народные заседатели, как и народные судьи, должны были руководствоваться прежде всего революционным правосознанием и отвечать классовому принципу.

В-пятых, различаются требования, предъявляемые законом к присяжным и народным заседателям. Народ-

ное представительство в дореволюционный период связывалось с профессиональным, имущественным цензами, а также цензом осёдлости. В советский период эти цензы законом не предусматривались. Вместе с тем схожим являлся 25-летний возраст, по достижении которого лица могли быть призваны к участию в осуществлении правосудия. Данные требования устанавливаются Судебными уставами 1864 года ст. 81 Учреждения судебных установлений² и «Основами законодательства о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик» от 25 декабря 1958 г.³ и «Основами гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 8 декабря 1861 г.⁴

При общем отсутствии высшего юридического образования как обязательного требования для народных заседателей постановлениями пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 6 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»⁵ и от 6 октября 1970 г. № 11 «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях»⁶ рекомендовалось привлекать к рассмотрению дел народных заседателей по первой категории дел преимущественно педагогов, а по второй – лиц, имеющих опыт управления транспортными средствами. Таким образом, можно говорить о растущей профессиональной специализации при привлечении народных заседателей к участию в процессе применительно к определенным категориям дел. Отметим, что данный фактор полностью отсутствовал при отборе присяжных заседателей.

В-шестых, подсудность присяжных заседателей согласно Судебным уставам (ст. 200 Устава уголовного судопроизводства⁷) предусматривала рассмотрение всех тяжких уголовных преступлений, за совершение которых

следовало лишение всех прав состояния. Согласно УПК РСФСР 1923 г.⁸, Основам законодательства о судостроительстве 1958 г. (ст. 8)⁹, Основам уголовного судопроизводства 1958 г. (ст. 9)¹⁰, УПК РСФСР 1960 г.¹¹ и Закона о судостроительстве 1960 г. (ст. 10)¹² предусматривалось рассмотрение с участием народных заседателей всех уголовных дел во всех судебных инстанциях.

Отсюда видно, что в советский период расширяется сфера действия суда с участием народных заседателей до их полной монополии.

В-седьмых, процессуальная роль присяжных и народных заседателей принципиально отличалась. Присяжные заседатели, как известно, должны были, заслушав судебное заседание, удалившись в совещательную комнату, коллегиально вынести вердикт о виновности или невиновности подсудимого, а также решить вопрос о снисхождении к нему (за основу была взята континентальная модель). Коронный суд не мог преодолеть вердикт присяжных и свой приговор был обязан вынести в соответствии с ним.

В отличие от присяжных заседателей народные заседатели не были пассивными слушателями во время судебного процесса. Народные заседатели были вправе участвовать в решении всех вопросов, возникавших при рассмотрении дела и постановлении приговора (ст. 9 Основ уголовного судопроизводства 1958 г.¹³, ст. 30 Основ законодательства о судостроительстве 1958 г.¹⁴). В этой связи народные заседатели имели право осуществлять многие процессуальные действия, которые не свойственны были присяжным заседателям: могли ставить вопрос об истребовании новых доказательств, участвовать в разрешении ходатайств и заявлений. При этом народный судья был не в праве снимать вопросы, которые поступали от народ-

ных заседателей.

Народные заседатели коллегиально непосредственно выносили решения и приговоры вместе с народным судьёй. Более того согласно ст. 306 УПК РСФСР 1960 г.¹⁵ народные заседатели обладали правом первого голоса по отношению к народному судье при вынесении приговора или решения. В соответствии со ст. 307 УПК РСФСР 1960 г.¹⁶ в случае несогласия народных заседателей с правовой позицией народного судьи они имели право вынести особое мнение. Например, по воспоминаниям народного судьи в отставке В. А. Курочкина, который в 1966 г. рассматривал дело о хулиганстве, совершенном группой молодых людей в поселке Уторгош Новгородской области, прокурор потребовал приговорить юношей к максимальному сроку лишения свободы, предусмотренному санкцией, соответствующей правовой нормы уголовного закона. С позицией обвинения был солидарен судья, руководствуясь Указом Президиумом Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»¹⁷. При обсуждении квалификации рассматриваемого деяния народные заседатели решительно выразили своё несогласие с позицией прокурора и судьи, заявив, что не позволят исковеркать жизнь и судьбу молодым людям. Народным заседателям удалось отстоять своё коллегиальное мнение, и подсудимые были осуждены условно¹⁸. Другим ярким примером, иллюстрирующим самостоятельную процессуальную роль народных заседателей в советском уголовном процессе, является дело по обвинению молодой девушки – почтальона, присвоившей пенсию в размере 50 руб., которая полагалась пожилой колхознице за сына, пропавшего без вести в период Великой Отечественной войны. В процессе судебного разбирательства выяснилось, что подсудимая находилась в крайне тяже-

лом материальном положении. На её иждивении были мать с малолетними детьми. Прокурор потребовал применить наказание в виде полутора лет лишения свободы, несмотря на то, что закон предусматривал значительно больший срок наказания – до семи лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях. В совещательной комнате народные заседатели заявили судье о необходимости оправдания девушки, находящейся в крайне тяжелой жизненной ситуации, однако судья указал на доказанность преступления, но, согласившись с доводами народных заседателей, предложил вынести приговор об условном осуждении. Народные заседатели поддержали такое решение по делу и подписали приговор¹⁹.

В-восьмых, различен был масштаб народного представительства и вовлечения населения в процесс осуществления правосудия. В январе-марте 1969 г. было избрано более 580 тыс. народных заседателей районных (городских) народных судов; в 1982 г. – свыше 730 тыс. Подобный охват, вероятно, превосходил по численности жюри присяжных в Российской империи. Согласно ст. 100 Учреждения судебных установлений в очередной список присяжных по Санкт-Петербургу и Москве вносились 1200 лиц, в дальнейшем по Санкт-Петербургу – 4200, по Москве – 3000, по уездам с числом жителей более 100 000 человек – 400 лиц, если менее 100 000, то – 200²⁰.

В-девятых, различался подход государства к материальному обеспечению присяжных и народных заседателей. До 1913 г. присяжные заседатели не получали вознаграждения за свою деятельность. Народные заседатели исполняли данную обязанность с сохранением рабочего места и заработной платы по основному месту работы (не более чем на две недели в году, кроме случаев, когда продление этого срока было вызвано необходимостью закон-

чить рассмотрение судебного дела, начатого с их участием (ст. 31 Основ законодательства о судоустройстве 1958 г.)²¹.

В-десятых, народные заседатели наделялись рядом функций, которые не были свойственны присяжным заседателям и даже выходили за рамки осуществления правосудия. К этим направлениям их деятельности относились контроль за условно осужденными, связь с товарищескими судами, популяризация правосудия среди населения путем проведения лекций и бесед.

В-одиннадцатых, введение суда присяжных для Российской империи явилось результатом рецепции данного процессуального института, который был распространен в Западной Европе со времен Средневековья. Вместе с тем и народные заседатели, институт которых позиционировался в качестве советской процессуальной новации, тоже не являлись оригинальным политико-правовым явлением. Германские шеффенские суды были основаны на привлечении судебной коллегии из граждан, наделенной полномочиями по вынесению решений и приговоров вместе с судьёй. В то же время СССР, безусловно, дал новый импульс этому процессуальному демократическому институту. Во второй половине XX в. народные заседатели в различных вариациях были представлены в Чехословакии, Румынии, Польше, Китайской Народной Республике, Венгрии, Албании, Болгарии²².

В завершение подчеркнем, что исторические судьбы присяжных и народных заседателей в нашей стране были различны. Если институт присяжных заседателей был ликвидирован революционными событиями Октября 1917 г. и был возрожден в постсоветский период, то народные заседатели продолжили как институт свою деятельность и после ликвидации советской власти на основе

Федерального закона «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ²³ и были упразднены после принятия Европейским судом по правам человека соответствующего решения по делу «Посохов против России», которое было рассмотрено 4 марта 2003 г. Институт народных заседателей был признан противоречащим требованиям ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁴. На наш взгляд, учитывая современную общественно-политическую обстановку, представляется уместным и целесообразным рассмотреть на основе широкой дискуссии вопрос о включении института народных заседателей в российскую судебную систему, не отменяя присяжных заседателей и не противопоставляя эти институты друг другу. Их гармоничное сочетание способно повысить эффективность и демократизм правосудия.

© Биюшкина Н. И., 2023

¹ Положение ВЦИК о народном суде РСФСР // Известия. 1918. 12 декабря.

² Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXIX. № 41475.

³ Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 4.

⁴ Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 8.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 марта 1963 г. № 6 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1963. № 4.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. № 11 «О судебной практике по делам

об автотранспортных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 6.

⁷ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXIX. № 41476.

⁸ Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р. С.Ф.С.Р.» // Известия ВЦИК. 1923. 18 февраля.

⁹ Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 4.

¹⁰ Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом СССР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

¹² Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «О судостроительстве РСФСР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 40. Ст. 588.

¹³ Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

¹⁴ Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 4.

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом СССР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Указ Президиума Верховного Суда СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» от 26 июля 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 8.

¹⁸ *Курочкин В. А.* Записки народного судьи Бузыкина В. А. М., 1990.

¹⁹ *Биюшкина Н. И.* Кодификация советского законодательства (середина 1950-х – середина 1970-х гг.): Учебное пособие. Нижний Новгород, 2018. С. 31.

²⁰ Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXIX. № 41475.

²¹ Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 4.

²² *Вилкова Т. Ю., Насонов С. А.* Принцип участия граждан в осуществлении правосудия в уголовном судопроизводстве. М., 2023.

²³ Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета. 2000. 10 января.

²⁴ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

А. Р. Абдулло*

ДИСКУССИИ О МЕСТЕ СУДА В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Несмотря на широкое распространение термина «правоохранительные органы» среди ученых и представителей органов государственной власти, единый подход к определению понятия «правоохранительные органы» до настоящего времени не выработан. Главная причина заключается в том, что законодательно закрепленного определения понятий «правоохранительный орган» и «правоохранительная деятельность» нет ни в России, ни в Таджикистане. В российском законодательстве ряд нормативных правовых актов называют отдельные органы правоохранительными. С. В. Болотин и Н. В. Сидорова, А. А. Гавриленко, П. Городецкий, С. А. Потапова подчеркивают, что именно неопределенность правового определения не позволяет выработке единого подхода к смысловому наполнению понятия «правоохранительные органы». Негативное влияние такой ситуации на понимание специфики правоохранительной системы и процесс преподавания юридических дисциплин отмечают И. А. Нужных и Е. В. Сопнева.

Попытки определить место суда в системе правоохранительных органов предпринимались и в контексте ретроспективных исследований¹.

В современной юридической науке очевиден плюра-

* *Абдулло Абдулло Рахматулло* – начальник кафедры организации тактики ОРД факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан (Душанбе), кандидат юридических наук.

лизм подходов к пониманию понятия «правоохранительные органы»: одни ученые правоохранительными считают органы, непосредственно ведущие борьбу против преступности, другие – органы, искореняющие преступления и иные посягательства, а третьи – органы, поддерживающие общественный порядок. Учитывая то, что в современном российском и таджикском законодательстве определение термина «правоохранительные органы» отсутствует, а в юридической науке существует плюрализм подходов к его пониманию, вопрос об отнесении органов правосудия к правоохранительным органам продолжает вызывать дискуссии.

А. А. Гавриленко² и Е. В. Сопнева³ полагают, что в законодательстве России существуют примеры характеристики судов как правоохранительных органов и приводят в качестве примера Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР»⁴. При этом анализ принятых в начале 1990-х годов иных нормативных правовых актов свидетельствует об ином подходе: ст. 72 Конституции Российской Федерации указывает, что «в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся кадры судебных и правоохранительных органов, адвокатура, нотариат»⁵, подтверждая разделение законодателем судебных органов и правоохранительных.

С учетом изменившегося содержания правосудия, полагает А. М. Касумов, мнение о вхождении судов в систему правоохранительных органов, устоявшееся в советский период, стало «уязвимым» и «представляется не бесспорным»⁶. Несмотря на то, что в условиях советской власти суд, наряду с иными органами, выполнял правоохранительную функцию, отнесение судов к правоохранительным органам в правовом государстве невозможно «как в

силу независимости суда, так и в силу правоприменительного, а не правоохранительного характера его деятельности», подчеркивает С. В. Бабаченко⁷. Не считают необходимым отнесение судов к правоохранительным органам, либо относят органы судебной системы к отдельной их разновидности Ф. Глазырин, В. Клейн⁸ и В. М. Савицкий⁹. «Агрегирование суда с иными государственными институтами» в корне противоречит принципам правового государства, полагает Е. А. Патрашко¹⁰; «ставить суд в один ряд с МВД или другими органами исполнительной власти вряд ли следует», делает вывод Д. С. Канищев¹¹, а А. Н. Харитонов отмечает, что теории и практике правового государства в корне противоречит объединение суда с иными государственными институтами, не относящимися к судебной власти, в какую-либо систему, пусть даже правоохранительную, поскольку «как только появляется система, немедленно возникает желание управлять ею. Результат, исходя из прежнего опыта, известен: независимость суда неизбежно превращается в декларацию»¹². Несогласие с таким подходом выразил В. В. Лазарев, подчеркнув, что применительно к правоохранительной системе понятие «система» как раз и выявляет значимость и роль суда. Оно создает возможность рассматривать его не изолированно, а в тесной взаимосвязи с другими правоохранительными органами»¹³, что отнесение органа к числу правоохранительных, не означает лишения его независимости и подчинение другим правоохранительным органам. Идею об отнесении судов к правоохранительным органам поддерживают В. Бобров¹⁴, Л. Савюк¹⁵, А. А. Гавриленко¹⁶, П. Городецкий¹⁷, К. Ф. Гуценко и М. А. Ковалев¹⁸. А. М. Артемьев, учитывая дискуссионность вопроса, выделяет понятие «правоохранительные органы» в широком смысле и в рамках такой

классификации относит суды к правоохранительным органам¹⁹.

В современной юридической науке, осмысляющей результаты реформирования российской правоохранительной системы, все большую поддержку получает идея законодательного наделения правоохранительных органов признаком наличия в них института государственной правоохранительной службы. В этих условиях, по утверждению В. Щукина²⁰ и В. П. Божьева²¹, представляется нерациональным и крайне затруднительным внедрение правоохранительной службы в органы судебной системы.

Если резюмировать доводы сторонников точки зрения о том, что суд не является правоохранительным органом, то они сводится к следующему: «современное законодательство не возлагает на суд обязанность борьбы с правонарушениями. Суд – орган правосудия, он лишь разрешает спор между истцом и ответчиком по гражданским делам или между сторонами обвинения и защиты – по уголовным. Суд не может выполнять какие-либо обвинительные функции и вести уголовное преследование. Никакой ответственности за состояние законности и правопорядок он не несет»²².

Аргументы сторонников противоположной точки зрения, в соответствии с которой суд является не просто правоохранительным органом, но основным правоохранительным органом, также выглядят более чем убедительно. Во-первых, отнесение того или иного органа к числу правоохранительных, вовсе не означает посягательство на его независимость, так как между правоохранительными органами нет иерархического соподчинения. Во-вторых, суд нельзя исключать из числа государственных органов, охраняющих право; напротив, на него такая функция возложена в наибольшей степени, в силу чего он находит-

ся на вершине пирамиды всех правоохранительных органов. В-третьих, правоохранительную деятельность нельзя понимать упрощенно, только как деятельность по борьбе с преступностью, охране порядка в общественных местах и т. п. В-четвертых, даже если исходить из концепции борьбы с преступностью, то суд из нее не может быть исключен, так как именно он уполномочен назначать наказания за преступления, в том числе весьма суровые²³.

Таким образом, участвуя в дискуссии по вопросу включения / невключения судебных органов в систему органов правоохранительных системы, на наш взгляд, оправдано неотнесение органов судебной системы к правоохранительным органам, с учетом следующего:

а) обособленность судебной системы от иных органов государства, главным образом, исходит из принципа разделения властей и независимости судебной власти;

б) правозащитный характер деятельности судебных органов отличается от применяемых правоохранительными органами методов, способов и средств;

в) внедрение в органах судебной системы института государственной правоохранительной службы невозможно.

© Абдулло А. Р., 2023

¹ *Нижник Н. С.* Правоохранительная система государства: содержание и организационное оформление // *Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции*, Краснодар, 17 мая 2019 года. Краснодар, 2019. С. 40–47. EDN MRVMT; *Нижник Н. С., Абдулло А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние. Душанбе, 2021. EDN ОСQНІК. С. 256–260; *Кодан С. В., Нижник Н. С., Ромашов Р. А.* История российского суда и правосудия в системном изложении // *Российская юстиция*. 2023. № 3. С. 3–12. DOI 10.52433/01316761_2023_03_03. EDN XEMQRU.

-
- ² *Гавриленко А. А.* Понятие и система правоохранительных органов // Сибирский юридический вестник: правовой журнал. 2009. № 1. С. 97.
- ³ *Сопнева Е. В.* О системе правоохранительных органов // Таможенное дело. 2007. № 3. С. 7.
- ⁴ Постановление Верховного Совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
- ⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
- ⁶ *Касумов А. М.* Административно-правовое регулирование правоохранительной службы Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 129.
- ⁷ *Бабаченко С. В.* Конституционно-правовой статус правоохранительных органов Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 95.
- ⁸ *Глазырин Ф., Клейн В.* Реальность и мифы правовой реформы // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 2–3.
- ⁹ *Организация судебной власти в Российской Федерации: Учебное пособие / Под ред. В. М. Савицкого.* М., 1996. С. 3–7.
- ¹⁰ *Патрашко Е. Л.* Государственная правоохранительная служба Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 91.
- ¹¹ *Канищев Д. С.* Административно-правовые вопросы формирования правоохранительной службы как вида государственной службы Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 140.
- ¹² *Харитонов А. Н.* Государственный контроль над преступностью: теоретические и правовые проблемы. Омск, 1997. С. 160.
- ¹³ *Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева.* М., 2001. С. 232.
- ¹⁴ *Правоохранительные органы в России / Под ред. В. К. Боброва.* М., 1998. С. 15.
- ¹⁵ *Правоохранительные органы: Учебник / Под ред. Л. К. Савюк.* М., 2005. С. 26.

-
- ¹⁶ *Гавриленко А. А.* Понятие и система правоохранительных органов // Сибирский юридический вестник: правовой журнал. 2009. № 1. С. 95–96.
- ¹⁷ *Городецкий П.* К вопросу о содержании понятия правоохранительных органов // Право и жизнь: независимый правовой журнал. 2000. № 30. С. 106–107.
- ¹⁸ *Правоохранительные органы* / Под ред. К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалева. М., 1996. С. 7–9.
- ¹⁹ *Артемьев А. М.* Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 280.
- ²⁰ *Щукин В.* Правоохранительная служба в системе государственной службы Российской Федерации // Российский следователь. 2005. № 6. С. 57–58.
- ²¹ *Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник* / Под ред. В. П. Божьева. М., 2002. С. 17.
- ²² *Суд и правоохранительные органы* / Отв. ред. Ю. К. Орлов. М., 2006. С. 14; *Судоустройство и правоохранительные органы* / Под. ред. А. В. Головки: Учебник. 2-е изд. М., 2022. С. 22.
- ²³ *Суд и правоохранительные органы* / Отв. ред. Ю. К. Орлов. М., 2006. С. 14; *Судоустройство и правоохранительные органы* / Под. ред. А. В. Головки: Учебник. 2-е изд. М., 2022. С. 22.

В. А. Илюхина*

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ СУДОВ

Доктринальные принципы права являются составной частью правовой доктрины и представляют собой социально значимые идеи, сформулированные учеными, судьями, другими практиками, политиками в научных работах и иных текстах (в том числе текстах судебных актов), а также в публичных выступлениях и не нашедшие при этом закрепления в нормативных правовых актах. В отличие от принципов позитивного права (собственно принципов права) доктринальные принципы не являются регулятором правовых отношений, не представляют собой нормы права и не содержат таковых. По своей сущности доктринальные принципы находятся вне сферы права, это разновидность правовых идей. Следовательно, их место – в правосознании¹.

В отличие от доктринальных принципов принципы позитивного права прямо закреплены в текстах нормативных правовых актов в качестве основополагающих идей всей системы правового регулирования или отдельных отраслей права. Соответственно совершенно разная роль принадлежит им в правовой системе. Принципы позитивного права – пусть и специфический, но регулятор общественных отношений, средство устранения пробелов в правовом регулировании, это разновидность норм пра-

* *Илюхина Вера Александровна* – доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России (Рязань), кандидат юридических наук, доцент.

ва. При этом возникает вопрос, какую роль играют доктринальные принципы в правовой системе? Чтобы ответить на него, нужно ответить на вопрос, какую роль в правовой системе играет правовая доктрина вообще.

По этому поводу позиции ученых весьма разнообразны: от непризнания правовой доктрины как источника права в юридическом смысле², признания ее нетипичным источником права³ до признания роли доктрины в правотворческой и правоприменительной деятельности⁴. При этом особый акцент делается на значении доктрины для правоприменительной практики⁵. Некоторые авторы прямо указывают, что «Одним из перспективных направлений развития правовой доктрины в современном государстве является внедрение ее элементов в правовую систему посредством реализации правовой доктрины в правоприменительной практике – судебных решениях и процессуальных документах участников судопроизводства»⁶ и предлагают нормативно закрепить положения (правда, речь идет об армянском законодательстве), «наделяющих участников судопроизводства правом ссылаться на определения, содержащиеся в юридических словарях, доктринальные позиции ученых-юристов, а также на научные комментарии закона в качестве дополнительной аргументации своей правовой позиции в случаях, когда в законе наличествуют правовые неопределенности, противоречия, либо в случаях, когда при применении судом толкования *contra legem* (вопреки закону) необходимо обосновать неправомерный характер законодательного регулирования»⁷.

Данное предложение весьма спорно, поскольку доктрина очень многогранна, позиции ученых по одному и тому же вопросу часто кардинально расходятся. Ссылки на научные труды могут породить в суде дополнительную дискуссию и вместо внесения ясности в судебный процесс

только усложнят вынесение справедливого решения. Рассмотрение и сопоставление позиций ученых и других авторов доктринальных принципов приведет только к затягиванию процесса. Если официально признавать доктрину источником права, то необходимо определиться, все ли научные исследования, комментарии к законодательству, словари, учебники и т. д. являются доктринальными источниками права или же необходимо составить и вести список наиболее авторитетных изданий.

В первом случае мы сталкиваемся с неисчерпаемостью работ, количество которых со временем будет все больше возрастать. Кстати, можно, в том числе, и самому участнику судопроизводства написать работу под конкретное дело со своим видением ситуации, либо заказать такого рода исследование у других лиц (ученых, экспертов, специалистов и пр.). Возникает вопрос, должен ли судья рассматривать такого рода работу в качестве дополнительной аргументации одной сторон? Будет ли более весомой позиция этой стороны в глазах судьи по сравнению со стороной, не сославшейся на научную или иную публикацию, автором которой является, например, ее представитель?

Во втором случае, также возникает очень серьезный субъективный фактор, а именно: кто и на основании каких критериев будет определять, какие работы войдут в список. Само внесение или невнесение работ в этот список может стать предметом судебного разбирательства.

В российской судебной практике не принято ссылаться на труды ученых, словари и т. п., однако при аргументации судебных актов отсылки к принципам права весьма распространены. Причем, наряду с отсылками к принципам позитивного права, нередко встречается упоминание принципов, которые не закреплены в текстах норма-

тивных правовых актов, т. е. доктринальных принципов. Поскольку в судебных актах не указывается, откуда суд взял название того или иного доктринального принципа и трактовки его содержания (использовались ли работы каких-либо ученых, выступления Президента РФ, иных государственных деятелей или что-то иное), авторами таких принципов следует считать судейской сообщество в целом или отдельных его представителей:

– в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 8 сентября 2021 г. по делу № А55-6005/2019 упоминаются «принципы единства судебной практики и правовой определенности»⁸,

– в Апелляционном постановлении № 22К-5606/2014 от 25 ноября 2014 г. по делу № 22К-5606/2014, вынесенном Кемеровским областным судом, содержится ссылка на «принцип разумной необходимости в ограничении его права на свободу в целях защиты основ общества»⁹,

– в Решении № ЗА-99/2022 ЗА-99/2022~М-687/2021 М-687/2021 от 4 марта 2022 г. по делу № ЗА-99/2022, вынесенном Ярославским областным судом, – «принцип разумной достаточности – достаточности с точки зрения поставленной цели»¹⁰,

– в Постановлении от 17 июля 2017 г. по делу № 5-564/2017, вынесенном мировым судьей судебного участка № 130 Выселковского района Краснодарского края – «принцип разумности»¹¹,

– в Постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 6 сентября 2022 г. по делу № А43-25579/2021 – «принцип непосредственности судебного разбирательства»¹²,

– в Определении Арбитражного суда Московской области от 10 февраля 2015 г. по делу № А41-56603/2014 – «принцип объективной истины»¹³ и др.

Мы привели только несколько примеров (на самом деле их, без преувеличения, тысячи!) разных доктринальных принципов, которые упоминаются в судебных актах и судов общей юрисдикции, включая мировых судей, и арбитражных судов разных уровней. Некоторые формулировки доктринальных принципов и их контекст «кочуют» из одного судебного акта в другой и многократно тиражируются, некоторые же формулировки носят единственный, уникальный характер.

Если количество принципов позитивного права ограничивается их перечислением в соответствующих главах и статьях (в названии которых используется слово «принципы» или сочетание «основные начала») нормативных правовых актов, то количество доктринальных принципов практически неисчерпаемо. Следовательно, вести какой-то реестр доктринальных принципов права если практически невозможно, то затруднительно. Также сложно определить место каждого из них в деятельности российских судов – далеко не всегда ясно, какую в реальности роль играют доктринальные принципы при вынесении судебных актов. Многие судьи используют отсылки к принципам права исключительно «для придания красоты» судебному акту. В некоторых же случаях с помощью доктринальных принципов действительно аргументируется судебное решение, устраняется пробел в правовом регулировании. Отдельно следует отметить ситуацию, когда нижестоящие суды в своих актах используют формулировки, связанные с принципами права, из актов вышестоящих судов, особенно, постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации, обобщающих судебную практику. Противоречие этим постановлениям повлечет отмену судебного акта.

© Илюхина В. А., 2023

¹ Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 7.

Также см.: Демичев А. А. 1) К вопросу о принципах гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2005. № 1(42); 2) К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2; 3) Принципы гражданского процессуального права Российской Федерации: проблемы сущности и классификации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10.

² Любитенко Д. Ю. Правовая доктрина Конституционного Суда Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. С. 10.

³ Храмов Д. В. Нетрадиционные источники российского частного права: общетеоретический аспект: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 12.

⁴ Морозова Л. А. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 91.

⁵ Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. С. 169; Кулапов В. Л., Медная Ю. В. Поднормативное правовое регулирование. Саратов, 2009.

⁶ Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Применение правовой доктрины в судебной практике: перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2016. № 6(25). С. 119.

⁷ Там же. С. 121.

⁸ Определение Верховного суда Российской Федерации от 8 сентября 2021 г. по делу № А55-6005/2019. – <https://sudact.ru/vsrf/doc/xz95KeTcvwNP/> (дата обращения: 17.01.2023).

⁹ Апелляционное постановление № 22К-5606/2014 от 25 ноября 2014 г. по делу № 22К-5606/2014. – <https://sudact.ru/regular/doc/3TtZH00sJFUj/> (дата обращения: 13.01.2023).

¹⁰ Решение Ярославского областного суда № 3А-99/2022 3А-

99/2022~М-687/2021 М-687/2021 от 4 марта 2022 г. по делу № 3А-99/2022. – <https://sudact.ru/regular/doc/AzlCUM0V5qlv/> (дата обращения: 17.01.2023).

¹¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 130 Выселковского района Краснодарского края от 17 июля 2017 г. по делу № 5-564/2017. – <https://sudact.ru/magistrate/doc/z5hRNaXiQarB/> (дата обращения: 17.01.2023).

¹² Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 6 сентября 2022 г. по делу № А43-25579/2021. – <https://sudact.ru/arbitral/doc/2zYfwmCMnWUF/> (дата обращения: 22.01.2023).

¹³ Определение Арбитражного суда Московской области от 10 февраля 2015 г. по делу № А41-56603/2014. – <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZkqB63aaeTgt/> (дата обращения: 17.01.2023).

А. А. Насонов*

СУД ПРИСЯЖНЫХ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ СОГЛАСОВАНИЯ В ХОДЕ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Производство в суде с участием присяжных заседателей, принятое считать усложненной формой судебного производства, является наиболее ярким атрибутом современного уголовного процесса, разумно сочетающим в себе профессиональное и народное начала. Эта уникальная уголовно-процессуальная форма имеет непростую судьбу. Достаточно сказать, что институт суда присяжных заседателей то принимался уголовным судопроизводством российского государства, то отторгался им. Впервые он появился в эпоху судебной реформы, проводимой в 1864 г. Институт суда присяжных рассматривался как прогрессивное образование, без которого судебная реформа теряла всякий смысл. Несмотря на восторженные отклики современников о суде присяжных, уже в том же XIX в. сфера его деятельности начинает сужаться в результате проводимых контрреформ. А в советское время от института суда присяжных и вовсе отказались. В этот исторический период широко был востребован иной суд, в котором народный элемент был представлен иным образом, – суд с участием народных заседателей. Длительное пребывание данного института в лоне советского государства продемонстрировало не только его позитивные черты, но и обнажила его недостатки. Необходимость реше-

* *Насонов Александр Александрович* – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук.

ния проблем, сопровождающих деятельность суда с участием народных заседателей, побудила научную общественность, правоприменителя и законодателя задуматься о новой уголовно-процессуальной форме, которой было бы под силу продемонстрировать большую эффективность. Взоры были обращены на некогда забытую уголовно-процессуальную форму – производство в суде с участием присяжных заседателей. Такое позитивное внимание к указанной форме разделяли далеко не все. Нередко отдельными учеными приводились разумные доводы, позволяющие усомниться в необходимости суда присяжных для российского уголовно-процессуального права¹.

На фоне острых дискуссий, которые велись вокруг института суда присяжных заседателей, в стране было принято решение о поэтапном введении его в Российской Федерации. На всей территории страны суд присяжных стал действовать с 1 января 2010 г. Уголовно-процессуальное законодательство в части регламентации производства в суде с участием присяжных заседателей нельзя было признать стабильным. За последние годы соответствующие уголовно-процессуальные нормы подверглись немалой коррекции. Это в свою очередь подтверждает мысль о неоднозначности института суда присяжных заседателей. Несмотря на это значительная часть научной общественности придерживается взгляда о том, что суд присяжных способен отвечать на вызовы времени, бесспорно перспективен и социально полезен².

Нормальное функционирование суда присяжных возможно благодаря уголовно-процессуальным механизмам, позволяющим реализовать его деятельность. Таких механизмов немало. Важное место среди них занимает механизмы согласования. Толковый словарь русского языка определяет согласование как обсуждение, выработ-

ку единого мнения о чем-нибудь, получение согласия на что-нибудь³. В рамках производства, осуществляемого в суде с участием присяжных заседателей, реализуются различные виды согласия. Все их можно разделить на две группы:

1) согласие, применяемое в качестве процессуального средства не только в ходе производства в суде присяжных, но и в других уголовно-процессуальных формах;

2) согласие как процессуальное средство, специфичное только для производства в суде с участием присяжных заседателей.

К первой группе относится, например, согласие, упоминаемое в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23⁴. Оно сводится к одобрению обвиняемым приглашения ему защитника его законным представителем либо другими лицами. Данный вид согласия востребован не только в производстве, осуществляемом в суде присяжных. Он актуален и для других форм осуществления правосудия, тем самым становясь необходимым видом согласия, реализуемым в стадии судебного разбирательства. Кроме того, без указанного вида согласия не обходятся и несудебные стадии уголовного процесса (например, стадия предварительного расследования).

Согласие обвиняемого на приглашение ему защитника, несмотря на свою универсальность, все-таки не может характеризовать специфику производства в суде присяжных. Такую функцию выполняют другие виды согласия. Они формируют вторую группу предложенной нами классификации согласия. К ней относятся: отсутствие возражений со стороны подсудимых на рассмотрение уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей, если один из подсудимых заявляет ходатайство о рас-

смотре́нии уголовного дела судом в данном составе. (ч. 2 ст. 325 УПК РФ); взаимное согласие нескольких подсудимых на немотивированный отвода присяжных заседателей (ч. 15 ст. 328 УПК РФ); согласие большинства присяжных заседателей, данное старшине для включения слова «без ответа» в вопросный лист, если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос (ч. 8 ст. 343 УПК РФ); разрешение председательствующего присяжным заседателям по окончании рабочего времени прервать совещание для отдыха (ч. 3 ст. 341 УПК РФ); согласование с другими участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения позиции государственного обвинителя по отводам (ч. 14 ст. 328 УПК РФ); получение согласия председательствующего на возобновление судебного следствия для исследования дополнительных доказательств (не получило прямого закрепления в тексте УПК РФ с помощью термина «согласие», но вытекает из смысла нормы ч. 5, 6 ст. 344 УПК РФ).

Важной предпосылкой рассмотре́ния судом присяжных конкретного уголовного дела является отсутствие возражений со стороны подсудимых на рассмотре́ние уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей в ситуации, когда один из подсудимых заявляет ходатайство о рассмотре́нии уголовного дела судом в данном составе. (ч. 2 ст. 325 УПК РФ). Такое согласие влечет за собой рассмотре́ние уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей. Однако и при несогласии указанных подсудимых с рассмотре́нием дела в суде присяжных производство в рамках гл. 42 УПК РФ может состояться. Так, при невозможности выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении подсудимых, не согласных с его рассмотре́нием в суде присяжных, уголов-

ное дело в целом будет рассматриваться указанным судом. Важно, чтобы хотя бы один из подсудимых, проходящих по указанному уголовному делу, заявил ходатайство о рассмотрении дела в суде с участием присяжных заседателей.

Рассмотренный вид согласия наряду с другими видами, упомянутыми ранее, относится к механизмам согласования. Указанные механизмы важны для производства в суде присяжных по разным причинам. Среди последних следует назвать: обеспечение прав участников уголовного судопроизводства и прежде всего подсудимого; достижение разумных компромиссов как между сторонами, так и между участниками, относящимися к какой-либо одной из сторон; обеспечение нормальной организации работы суда присяжных. Применительно к последнему фактору, обуславливающему потребность суда присяжных в достижении согласия, необходимо отметить следующее. Организацией работы суда присяжных руководит председательствующий. Как верно отмечает Д. В. Шандров, наряду с другими вопросами, которые ему приходится решать в обычном суде, «в суде с участием присяжных заседателей председательствующий выполняет еще и ряд организационно-распорядительных функций: осуществляет организационное руководство коллегией присяжных заседателей; руководит формированием коллегии присяжных заседателей; приводит присяжных заседателей к присяге, разъясняет им права и обязанности, выступает перед ними со вступительным словом и напутственным словом»⁵. Для того, чтобы такое управление ходом судебного разбирательства было эффективным необходимы некоторые дополнительные гарантии, предполагающие использование согласия в качестве процессуального средства для решения тех или иных вопросов, возникающих в ходе

производства в суде присяжных. Так, следует согласиться с авторами, предлагающими предусмотреть в законе обязанность председательствующего согласовывать со сторонами объем и содержание отдельных фрагментов напутственного слова. Такое усложнение формы напутственного слова позволит, как верно отмечает С. А. Насонов, получить дополнительные гарантии его объективности⁶. С данным выводом нельзя не согласиться, поскольку расширение сферы согласования в суде присяжных в данном случае не выходит за разумные пределы.

Однако для качественного выполнения председательствующим своих обязанностей по руководству судебным разбирательством имеет значение не только согласие, полученное у сторон. Согласие, исходящее от состава суда и адресованное председательствующему, не менее важно для последнего. В связи с этим следует согласиться с Д. А. Лыковым, который успешно обосновал положение о том, что в суде присяжных «должна действовать презумпция согласия и одобрения действий (решений) председательствующего всем составом суда до тех пор, пока кем-либо из судей не будут заявлены возражения»⁷.

Приведенные научные позиции свидетельствуют о том, что согласование в рамках производства, предусмотренного гл. 42 УПК РФ, относится к незаменимым механизмам, обеспечивающим надлежащее функционирование института суда присяжных. К указанному выводу позволяет прийти и исследование уголовно-процессуальных норм, формирующих указанный институт.

Поэтому весьма важным является поддержание механизмов согласования, применяемых в ходе указанного производства, в надлежащем состоянии. Решать указанную проблему вне совершенствования действующей про-

цедуры рассмотрения дела судом присяжных будет весьма затруднительным.

© Насонов А. А., 2023

¹ *Служенье Истине: Научное наследие А. Д. Кокорева: Сборник статей.* Воронеж, 1997. С. 332.

² *Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: Учебник для магистратуры / Под ред. В. А. Лазаревой. А. А. Тарасова. 3-е изд. перераб. и доп.* М., 2016. С. 351.

³ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп.* М., 1995. С. 732.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» –<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1254630/> (дата обращения: 17.03.2023).

⁵ *Шандров Д. В. Роль председательствующего судьи при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей // Вестник Томского государственного университета.* 2008. № 311. С. 125

⁶ *Насонов С. А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: Дис. ... докт. юрид. наук.* М., 2021. С. 365–366.

⁷ *Лыков Д. А. Теоретические основы и проблемы процессуальной организации рассмотрения уголовных дел коллегиальным составом суда: Дис. ... канд. юрид. наук.* Волгоград, 2022. С. 127.

*Е. Д. Баринова**

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОМЕРНЫХ ОЖИДАНИЙ В ЗАРУБЕЖНОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

В общественных отношениях, складывающихся в различных сферах деятельности человека, в частности и правовой, все чаще наблюдается проявление феномена ожидания. В связи с этим в отечественной юридической науке возрос интерес к данной дефиниции и ученые активно предпринимают попытки проследить его проявление в различных отраслях права. Особенно активно исследованиями в данном направлении занимаются ученые зарубежных стран и в некоторых из них юридической наукой сформулировано понятие «правомерные ожидания». Для более глубокого теоретического осмысления данного феномена представляется необходимым проанализировать сложившиеся в юридической науке зарубежных стран о нем представления.

Так свою позицию по поводу места правомерных ожиданий в Европейском праве высказала судья Верховного суда Израиля, профессор права Дафна Барак-Эрез, согласно которой защита правомерных ожиданий является одним из основополагающих принципов публичного европейского права и не считается новым правовым явлением¹. Анализ развития концепции правомерных ожи-

* Баринова Елена Дмитриевна – адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва).

даний в законодательстве зарубежных государств выявил, что впервые о данном феномене было упомянуто в Великобритании председателем Апелляционного Суда Лордом Деннингом в деле Шмидт против Государственного секретаря по внутренним делам (Schmidt v Secretary of State). Предметом судебного разбирательства выступило решение властей Соединенного Королевства об отказе двум американским студентам, изучавшим саентологию в Хаббардском колледже в Ист-Гринстеде, в продлении временного разрешения на пребывание в Великобритании. Власти свое решение аргументировали тем, что саентология является вредным культом, представляющим серьезную опасность как для отдельной личности, так и для благополучия всего общества. Студенты были не согласны с принятым решением и направили апелляционную жалобу, обосновывая ее тем, что им не была предоставлена возможность со стороны органов власти участвовать в слушаниях вследствие чего были нарушены нормы естественного правосудия. По результатам рассмотрения жалобы председатель Апелляционного Суда принял решение, в котором указал на то, что «Орган государственной власти при некоторых условиях может быть обязан дать лицу, чьи интересы будут затронуты решением такого органа, возможность выступить с заявлением. Наличие такой обязанности зависит от того, имеет ли такое лицо какое-либо право, законный интерес или правомерное ожидание, в силу которого было бы несправедливо отказать ему в выражении своей позиции»². Однако данное решение было принято не в пользу студентов, так как суд признал отсутствие у последних права на выражение своей позиции. Аргументы, приведённые студентами в апелляционной жалобе, не были признаны судом, а решение органов власти не рассматривалось в качестве нарушения соответ-

ствующего права, отсутствие которого было установлено в судебном порядке, а также правомерных ожиданий его восстановления, порожденных данным решением.

Анализ вышеприведенного прецедента привел к выводу, что решение органа государственной власти (в данном случае отказ в продлении временного пребывания) может выступать в качестве обстоятельства, способствующего формированию правомерных ожиданий восстановления определенных прав, однако в рассматриваемом случае было признано, что права, нарушение и восстановление которых предполагалось, отсутствовали, поэтому сформированные ожидания носят ошибочный характер.

По мнению некоторых исследователей, концепция правомерных ожиданий берет свое начало из системы общего права или так называемого право быть услышанным (лат. *audi alteram partem*). Развитие концепции правомерных ожиданий начинается с процессуальной отрасли права и представляется как «процессуальное правомерное ожидание» (*procedural legitimate expectation*), но со временем она эволюционировала и охватила материальную область права и ожидание стали рассматривать в качестве материального правомерного ожидания (*substantive legitimate expectation*). Под материальным правомерным ожиданием понимают право лица, имеющего правовое основание ожидать того или иного положения вещей, требовать от правоприменителя принимать решения, руководствуясь сложившейся практикой и с учетом осуществления тех «обещаний» (*promises*), которые были даны лицу правоприменителем³. Анализ вышеприведенного определения выявил следующие признаки, характеризующие материальное правомерное ожидание:

во-первых, для возникновения правомерных ожиданий необходимо наличие правового основания, в качестве

которого могут выступать нормативные акты, определенные решения или действия органов государственной власти, а также обещания совершения определенных действий или принятия определенных решений, послужившие основой возникновения у субъекта ожиданий, касающиеся определенного положения вещей в конкретной правовой ситуации;

во-вторых, правомерное ожидание рассматривается в качестве права требовать от органов государственной власти принятия того или иного решения, или совершения определенных действий. Требование, в свою очередь, выступает внешней формой выражения правомерных ожиданий, поскольку сами ожидания формируются в сознании субъекта правоотношений в виде представлений совершения того или иного действия, или принятия определенного решения и наступления определенных последствий в будущем.

Таким образом, правомерные ожидания возникают из актов, определенных действий или «обещаний» органов государственной власти, на основании которых у субъекта правоотношений могут сформироваться ожидания по поводу того или иного положения вещей (наступление последствий, совершение действий или принятие решения).

В судебной практике некоторых зарубежных государств также встречается употребление феномена ожидания и для более глубокого его анализа представляется необходимым проанализировать одно из таких судебных решений.

Так, в 1995 г. в Австралийском суде рассматривалось дело (*Minister of State for Immigration and Ethnic Affairs v Teoh*)⁴, по которому предметом спора выступило решение Министерства иммиграции и гражданства Австралии о депортации малайзийского гражданина Тэо, которому на

тот момент был предоставлен временный вид на жительство. Но, в связи с тем, что данный гражданин совершил преступление на территории Австралии и был за это осужден, ему отказали в предоставлении разрешения на постоянный въезд. Он подал прошение о пересмотре решения, аргументируя его тем, что его жена, собственные и приемные дети будут испытывать финансовые трудности и страдать от эмоционального потрясения, если он будет депортирован, но его прошение не было удовлетворено, после чего им была направлена апелляционная жалоба в Полный федеральный суд, по результатам рассмотрения которой суд постановил, что *ратификация Австралией Конвенции ООН о правах ребенка создала законные ожидания у родителей и детей, что действия Содружества будут осуществляться в соответствии с принципами Конвенции*, хотя она и не является частью права Австралии. Верховный суд подтвердил данное решение.

Из мотивировочной части решения суда видно, что законные ожидания основывались на международно-правовом регулировании в связи с тем, что Австралия ратифицировала вышеупомянутую Конвенцию ООН, тем самым возложила на себя обязанности по ее исполнению. Лицо с учетом данного обстоятельства сформировало ожидания, что решение органа государственной власти будет принято в соответствии с данным международным документом, что свидетельствует о действиях, направленных на ее исполнение.

С учетом распространения и активного применения концепции защиты правомерных ожиданий в публичном европейском праве по мнению некоторых российских ученых представляется возможным ее реализация в Российском законодательстве. Так, С. А. Ядрихинский считает, что ее применение целесообразно в налоговых право-

отношениях. Свою позицию он обосновывает тем, что основная идея концепции правомерных ожиданий состоит в ограничении злоупотребления со стороны публичной власти (исполнительной и законодательной) и возможности сделать деятельность ее органов предсказуемой и понятной. Опираясь на основную идею данной концепции, С. А. Ядрихинский высказал мнение о целесообразности ее применения в налоговых правоотношениях «поскольку налогоплательщик активно вовлечен во взаимодействие с налоговыми органами, являющимися по своей природе органами исполнительной власти, а сама налоговая деятельность имеет законную форму, то представляется целесообразным распространить положения доктрины законного ожидания на налоговую сферу»⁵. В подтверждении своей позиции автор приводит примеры норм, содержащихся в Налоговом кодексе Российской Федерации, смысл и содержание которых порождает правомерные ожидания у налогоплательщика. В качестве такой нормы выступает ст. 94 НК Российской Федерации, содержащая запреты, соблюдение которых является условием законной деятельности налогового органа. Данные запреты касаются производства выемки предметов и документов при осуществлении налоговым органом выездной налоговой проверки. Например, не допускается производство выемки документов и предметов в ночное время; не подлежат изъятию документы и предметы, не имеющие отношения к предмету налоговой проверки. Обозначенные запреты ограничивают произвольное вмешательство должностных лиц налогового органа во внутренние дела организации в целях обеспечения нормального осуществления предпринимательской деятельности в период проведения налоговой проверки и сохранения предпринимательской инициативы. Данные запреты не являются основанием субъек-

тивных прав у налогоплательщиков, поскольку они могут возникнуть в случае их нарушения со стороны налогового органа, но являются основанием для возникновения правомерных ожиданий, что налоговая проверка будет проходить в ожидаемом для них законном порядке, то есть с соблюдением вышеобозначенных запретов. При злоупотреблении властью со стороны налогового органа у налогоплательщиков возникают субъективные права требовать соблюдения установленного порядка налоговой проверки, а законные ожидания в данном случае можно считать не оправданными действиями проверяющих лиц.

Проведенный историко-правовой анализ основной идеи правомерных ожиданий в публичном европейском праве и ее реализации в судебной практике зарубежных стран, а также проявление данного феномена в некоторых отраслях российского права обосновывает необходимость его исследования в отечественной теоретико-правовой науке.

© Баринаева Е. Д., 2023

¹ *Barak-Erez D.* The Doctrine of Legitimate Expectations and the Distinction between the Reliance and Expectation Interests // *European Public Law*. 2005. Vol. 11. No. 4. P. 584.

² *Черновол К. А.* Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // *Правоведение*. 2019. Т. 63. № 1. С. 184.

³ *Weber-Dürler B.* Vertrauensschutz im öffentlichen Recht. München, 1983. P. 9.

⁴ *Барбук А. В.* Защита законных ожиданий и прямое применение международного права // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 2002. № 3. С. 27.

⁵ *Ядрихинский С. А.* Доктрина законных ожиданий в налоговых отношениях // *Российский журнал правовых исследований*. 2018. № 4(17). С. 77.

М. Ю. Козлова*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВОСУДИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современные методы государственного управления постоянно изменяются в поисках более совершенных средств воздействия на общественные отношения. В частности, разрабатывается концепция «умного регулирования», которая предполагает использование классических и новых регулятивных инструментов таким образом, чтобы достичь smart-эффекта (максимальный результат при минимальных затратах). Данный подход отличается рядом специфических черт, среди которых можно выделить необходимость упрощения процесса регулирования. Цифровизация относится к числу содержательных средств, не только упрощающих, но и повышающих качество регулирования¹.

В правосудии могут найти достаточно много средств, которые могут считаться «цифровыми». Для их обозначения могут использоваться такие термины, как «цифровое правосудие», «электронное правосудие», «смарт-правосудие». Цифровизация предполагает, что процессы, которые ранее выполнялись человеком без цифровых продуктов, организуются в цифровой среде².

В Российской Федерации цифровизация судов включает в себя: дистанционное выполнение процессуальных действий, в том числе дистанционного обращения в суд в электронном виде, дистанционного получения информа-

* *Козлова Марина Юрьевна* – ведущий научный сотрудник кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ции о начавшемся судебном процессе, дистанционного доступа к материалам судебных дел, получения судебных актов и их копий в электронном виде, дистанционного участия в судебных заседаниях; функционирование электронного судебного документооборота; создание электронных судебных дел³.

Кроме этого, цифровизация правосудия может предусматривать использование таких технологий, как распознавание лиц для идентификации участников процесса, мобильные приложения для обращения в суд и участия в процессах, блокчейн для хранения доказательств, искусственный интеллект и т. п.

В целом все технологии можно разделить на три группы. Во-первых, это вспомогательные технологии, которые могут использоваться для информирования, поддержки и консультирования людей, участвующих в судопроизводстве (размещение информации о движении дела в сети Интернет, дистанционное участие в процессе). Во-вторых, это «замещающая» технология, которая может выполнять функции вместо людей (онлайн регистрация дел, распределение дел между судьями). Третья группа – «подрывные» технологии, которые изменяют методы работы судей и юристов (использование искусственного интеллекта при вынесении решения)⁴.

Инструменты первых двух групп, в основном, положительно оцениваются юридическим сообществом, и вызывают сложности, в основном технического свойства в связи со сбоями в работе, некачественным Интернет-соединением, несвоевременностью размещения информации в судебных системах, и т. п.

Однако, гораздо больше проблем – не только технических, но и юридических, и этических, порождает идея внедрения искусственного интеллекта в деятельность гос-

ударственных судов. При этом, уже созданы и в некоторых странах используются программы «алгоритмического правосудия».

В Азербайджане разработана электронная система определения оптимальной меры наказания «Электронные весы правосудия». Предназначена для поиска законной, обоснованной и соразмерной общественной опасности и личности виновного меры наказания. В систему заложены правила, согласно которым обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание индексированы позитивными и негативными баллами. «Электронные весы правосудия» применяются исключительно в совещательной комнате, когда решается вопрос о постановке обвинительного приговора. Программа прошла апробацию и показала свою способность свести к минимуму неоправданно суровые и необоснованно мягкие обвинительные приговоры, количество судебных ошибок⁵.

В Китае в результате реформы судебной системы введена система смарт-судов, которые определяются как суды, в которых большинство или все этапы судебного процесса проходят в цифровой среде, все или некоторые задачи автоматизированы, в том числе, с использованием интеллектуальных систем. Конечной целью реформы является восстановление общественного доверия и авторитета судов и административной системы путем повышения эффективности, последовательности, прозрачности, надзора и справедливости⁶.

Искусственный интеллект анализирует обстоятельства дела, сравнивая их с имеющимися в базе, и предлагает решение, исходя из того, что дела с похожими обстоятельствами должны разрешаться единообразно. Если судья не согласен с предлагаемым выводом, то он должен представить обоснование.

Автоматизация и цифровизация правосудия не могут быть оценены однозначно. Данные процессы направлены на обеспечение доступности и эффективности правосудия, на увеличение возможностей для участников процесса, упрощение работы аппарата судов и судей. Умные суды повышают эффективность судебного разбирательства, ускоряют судебные процессы, сокращают расходы, облегчают поиск информации, обеспечивают прозрачность судебной системы.

Основным аргументом противников замены судей искусственным интеллектом является их неспособность проявить свободное судейское усмотрение. Как отмечает Г. Гаджиев, «роботы не способны принимать суждения, которые принимает суд. Ведь в суде происходит не только взаимодействие правовых норм, в каких-то случаях большее влияние имеет экономическая или этическая эффективность. Заложить в программу эти взаимоотношения довольно сложно. Плюс должен быть культурный компонент, аналитический анализ – все в миксе приводит к судебному решению»⁷.

Кроме того, искусственный интеллект представляет собой технологию, которая по своей природе непрозрачна. Компании, которые обучают искусственный интеллект, оказывают на него влияние, подбирая информацию и устанавливая алгоритм. Поэтому решение, вынесенное с помощью алгоритма, нельзя назвать беспристрастным.

Также сложно разграничить ответственность за принятие решения между судьей и искусственным интеллектом. Судьи могут слишком полагаться на вывод алгоритма, способствуя принятию неверного решения⁸.

В юридической литературе отмечают также такие проблемы, как инерция лиц, ответственных за внедрение, наличие сложных случаев применения закона, когда за-

конное решение может быть несправедливым, отсутствие материально-технической, законодательной базы, квалифицированных кадров⁹.

Сохраняются также сложности цифрового разрыва, который заключается в том, что не все лица, нуждающиеся в защите своих прав через суд, имеют доступ к Интернету или имеют соответствующие технические устройства.

Таким образом, цифровое правосудие как инструмент умного регулирования направлено на повышение качества и доступности судопроизводства. Однако, технологии – это всего лишь инструмент, который способен упростить получение и передачу информации, избавить суды от рутинной и непродуктивной работы, но не способен к свободному судебскому усмотрению.

© Козлова М. Ю., 2023

¹ Давыдова М. Л. Состав юридической техники: классические и новые средства // Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку / Под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. Владимир, 2022. С. 31–32.

² Приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428 "Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации (утв. приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2021 г. № 9-П). – <http://vsrf.ru> (дата обращения: 16.11.2022).

⁴ Shi C., Sourdin T., Li B. The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? // International Journal for Court Administration. 2021. № 12(1). P. 4.

⁵ Электронные весы правосудия – уникальная разработка азербайджанского ученого. – <https://az.sputniknews.ru/20181>

024/azerbaijan-uchenij-otkritie-pravosudie-417556771.html
(дата обращения: 16.11.2022).

⁶ *Paragiannas S.* Towards smarter and fairer justice? A review of the Chinese scholarship on building smart courts and automating justice // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. Т. 51. № 2. Р. 329–335.

⁷ Судья КС России сомневается в способности роботов судить людей. – <https://www.kommersant.ru/doc/3297769><https://www.kommersant.ru/doc/3297769> (дата обращения: 16.11.2022).

⁸ *Paragiannas S.* Towards smarter and fairer justice? A review of the Chinese scholarship on building smart courts and automating justice. Р. 338–339.

⁹ *Колоколов Н. А.* Искусственный интеллект в правосудии – будущее неотвратимо // *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 3. С. 205–208.

Раздел X
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

А. А. Редько*

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРАВОВОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН
(ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Нет в обществе большего, чем в каждой из личностей, и польза общества состоит в пользе каждого. Вредящий обществу вредит в конечном счете себе, а обогащающий общество обогащает таким образом и себя, поскольку единицы – части общего, сумма единиц и составляет общество. Свобода общества и свобода личности тождественны¹.

** Редько Александр Александрович – начальник кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.*

Правовая инициатива способна существенным образом преобразовать механизм современного российского права, в первую очередь, через призму правового сознания и правового воспитания. Граждане, занимающие активную позицию в обществе, стремящиеся изменить околосоциальную среду, а затем в синергии политическую и правовую системы, являются необходимым элементом и ключевым звеном прогрессивного государства.

Несмотря на то, что вопросам правового воспитания в юридической науке традиционно уделялось большое внимание, их актуальность не только не снизилась, а наоборот, в условиях активной реформации социального строя приобрела первостепенное значение. Полагаем, что правовое воспитание – это обусловленное характером общественных отношений организационно-идеологическое воздействие на сознание и психологию людей в целях формирования и повышения их правосознания для обеспечения правомерного, ответственного, социально-активного поведения, гражданско-правовой активности².

Граждане с высоким уровнем правовой культуры остро нуждаются в позитивных изменениях. Бессмысленные нормы права и правила поведения являются для них психологическим раздражителем. Нецелесообразные, тупиковые решения субъектов правотворчества вызывают недовольство в обществе, отдельной социальной группе или микросреде. Именно реализация права, ориентированная на правовую инициативу человека и гражданина «в наиболее концентрированной форме выражает и позитивные изменения, и противоречия процесса демократизации, различные, порой конфликтные, проявления свободы творчества, самоуправленческих начал, дисциплины и ответственности в правовой жизни современного российского общества. Право на инициативу нуждается в

глубоком осмыслении, в увязке с системой действующего законодательства, укреплении правового статуса и комплекса правовых, моральных, социальных, материальных и иных гарантий»³.

Внутренняя стратегия нашей страны по отношению к своим гражданам никогда не отличалась желанием прислушиваться к здравому смыслу, высказываемому отдельными социальными группами. В сознании советского, а затем и российского гражданина твердо укоренилась мысль «инициатива наказуема». Такое обстоятельство выразилось и продолжает выражаться в большинстве своем в негативном формате эгоизма руководителя, когда проявленная инициатива расценивается как желание показаться умнее своего непосредственного начальника, умнее уже устоявшейся системы или сложившейся парадигмы в целом и, в конечном счете, вызывает только порицание и агрессию со стороны коллектива. Другой алгоритм развития событий связан с эгоизмом лиц, ответственных за восхождение закона, когда каждая последующая (согласовываемая) ступень стремится дополнить здравую инициативу собственными поправками и собственным видением проблемы. О такой ситуации точно высказался Г. Эсса: «Все, что вы скажете, будет исковеркано чужим больным разумом и использовано против вас»⁴. При таких обстоятельствах инициатива не достигает конечной цели, поскольку искажается и видоизменяется до неузнаваемости. С прискорбием приходится констатировать, что современное общество продолжает жить в парадигме «власть лучше знает, что нужно для общества, а дело граждан – исполнять и верить при любом исходе, что когда-нибудь все будет хорошо». Необходимо изживать такие подходы и взгляды на инициативу, создавать правовые механизмы поддержки инициативной деятельности

граждан⁵.

Правовая инициатива в структуре современного российского права играет особенно важную роль. Представляется, что государство должно всячески демонстрировать заинтересованность в интеллигентных, эрудированных гражданах, которые проявляют свою правовую активность. В Российской Федерации общество повсеместно деградирует, общий уровень культуры, базисных знаний продолжает оставаться на низком уровне, заменены культурные ценности, расколото ядро нации. В таких обстоятельствах общественная культура и правовая культура как ее часть являются вектором дальнейшего движения и приоритетом государства. Вместе с тем культурного и законопослушного общества сегодня недостаточно. Необходима активная деятельность на всех уровнях по модернизации бытового, социального, правового, политического пространства. В таких условиях правовая инициатива коллективных и индивидуальных субъектов становится общегосударственной задачей, поскольку показатели и качество правовых инициатив прямо влияют на развитие страны, особенно это важно для развития механизма права.

Работа государственного политического и правового механизмов никогда не даст желаемого результата, если человек и гражданин не научится эффективно воздействовать на стратегические векторы развития, формировать свои мысли и желания на всех ступенях социальной общности, ходатайствовать об урегулировании общественных отношений нужным образом. Мир изменяется глобально. Новые механизмы субъектов правотворчества, такие как общественное обсуждение посредством сети Интернет, трансляции заседаний правительства, парламентские часы, не работают для лиц моложе 35–40 лет по

одной простой причине – для старшего поколения это инновации, для молодого – это устаревшие, очень энерго- и времязатратные технологии. Не нужно обладать специальными знаниями, чтобы посмотреть статистику посещаемости такого сайта, заурядный блогер среднего звена набирает в 10, а то и в 100 раз больше просмотров и вызывает больший интерес. Стоит признать, что основной сегмент в формировании правовой культуры, правового сознания и культуры в целом принадлежат смартфону, планшету, ноутбуку, которые всегда под рукой – в поезде, автомобиле, общественном транспорте, в минутных перерывах в течение рабочего дня и т. д. Они выдают нам картинку и информацию, которые подбираются таким образом, чтобы достичь необходимых политтехнологам целей. Именно эти источники информации носят дуалистический характер в силу того, что контроль за содержанием тех или иных статей, видеороликов, интервью и комментариев фактически отсутствует. Человек и гражданин находится в гуще государственных и политических событий, он уже через несколько часов, а иногда и минут в курсе того, что произошло в той или иной отрасли права, какие решения приняты на самом высоком уровне. Однако вся эта информация является поверхностной, никто не проникает в глубокий гносеологический смысл принятия тех или иных решений, такой цикл работает по принципу «хорошо» или «плохо». Совершил кражу – плохо, собрал денежные средства для лечения инвалида – хорошо. К сожалению, в основной своей массе граждане не вникают в суть прочитанного. Например, кража могла быть совершена из крайней необходимости в целях выживания, а сбор денежных средств, представленный как помощь ребенку-инвалиду, может оказаться мошеннической схемой по выводу денежных средств на благотвори-

тельные счета, а затем в офшоры. В связи с этим государству уже сегодня необходимо включаться в работу, сокращать печатную продукцию и переходить в сферу инноваций. Государство должно заниматься правовой пропагандой – распространением среди населения правовой информации посредством видеоигр, вайнов, скетчей, развлекательных программ, используя гифки и месседжеры.

Использование влияния современных технологических возможностей на массовое сознание наблюдается повсеместно. Еще Збигнев Бжезинский писал о том, что «урбанизация приводит к появлению главным образом все более недовольных молодых людей, уровень разочарования которых растет внушительными темпами. Современные средства связи увеличивают разрыв между ними и традиционной властью и в то же время все в большей степени формируют в их сознании чувство царящей в мире несправедливости, что вызывает у них возмущение, и поэтому они наиболее восприимчивы к идеям экстремизма и легко пополняют ряды экстремистов»⁶. Роскошные автомобили, перелеты на частных самолетах, дорогие аксессуары, демонстрирующие уровень жизни представителей так называемой российской элиты, отодвигают на второй план у подрастающего поколения такие ценности, как патриотизм, дружба, взаимовыручка, достоинство, самопожертвование, честь и т. д.

Принципиально важно повышать уровень культуры, наладить преемственность поколений, вырывать молодежь из социального вакуума их же методами. Современные технологии на базе веб-ресурса «Госуслуги» позволили бы при грамотном составлении программной оболочки фильтровать и отбирать у населения значимые правовые инициативы. Сейчас мы видим, что тревожиться по по-

воду того, что законодатель «потонет» в инициативах, оснований нет. Если же учет, классификацию, анализ инициатив поставить на уровень современной информационной техники, многие трудности и проблемы будут сняты. Думается, более демократичным будет сделать субъектами законодательной инициативы любую общественную организацию, политическую партию, группу граждан или в принципе даже любого гражданина. Но обязательность рассмотрения той или иной инициативы высшей законодательной инстанцией (Российской Федерации или субъекта Российской Федерации) должна наступать после предварительной экспертизы. Порядок может быть различен при обязательности рассмотрения. Не нужно бояться инициативы собственных граждан. Возможности искусственного интеллекта необходимо планомерно внедрять для отбора и анализа правовых инициатив граждан. По нашей глубокой убежденности, государственные органы будут удивлены количеством рациональных предложений, способных существенным образом скорректировать правовой механизм.

Пропаганда знаний должна стать стратегической задачей в масштабах всей страны. Таким образом, правовая инициатива как способ совершенствования правовой системы предполагает первоначальное усвоение и осмысление человеком и гражданином правовых знаний, затем появление стремления улучшить сферу общественных отношений, в которой взаимодействует субъект чаще всего (работа, государственные услуги, социальная среда) и, наконец, глубокую убежденность в необходимости позитивных изменений, ощущение собственной причастности к жизни страны.

© Редько А. А., 2023

¹ Лайтман М. Основы каббалы. М., 2005.

² Рыбаков В. А., Рыбаков В. В., Лошакова С. А. Правовая инициатива и гражданско-правовая активность: понятие, сущность, особенности, воспитательная функция // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 93–97.

³ Затонский В. А. Правовая инициатива – мощный фактор прогресса. Право на инициативу и его обеспечение // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 5. С. 15–18.

⁴ Эсса Г. Цитаты и фразы. СПб., 2015. С. 44.

⁵ Затонский В. А. Правовая инициатива – мощный фактор прогресса. Право на инициативу и его обеспечение // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 5. С. 15–18.

⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. О. Ю. Уральской. М., 1998. С. 125.

ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На сегодняшний день феномен доверия активно изучается представителями различных сфер науки, в том числе права. Исследуется, каким образом наличие или отсутствие доверия может влиять на различные показатели общественного развития, эффективности деятельности государства и действия права. «Появление новых требующих научного объяснения явлений в праве, политике и в сфере государственного управления не только существенно расширяет предмет юридической науки, политологии и некоторых других общественных наук, но и с необходимостью приводит к поиску такой научной методологии, которая была бы адекватна природе исследуемых явлений. Неоспоримая связь между предметом научного познания и методологией научного познания требует установления между ними соответствия»¹.

Юридическая наука имеет многовековую историю, в ходе которой формировался круг феноменов, категорий и проблемных вопросов, входящих в сферу ее изучения. По мере укрепления границ между правом и моралью, предметная область правовых исследований очерчивалась все более явно. Если исходить из того, что право и мораль имеют единую природу, истоки которой находятся в человеческой культуре², представляется вполне обоснованным рассмотрение категорий морали в поле правового

* *Напольских Инна Михайловна* – адъюнкт кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

пространства. Это в полной мере относится к доверию.

Правовое доверие отличает наличие оснований, условий, гарантий реализации ожидаемых моделей, способность влиять на эффективность реализации правовых предписаний и выступать мотивом правового поведения.

В юридической науке исследований в области доверия сравнительно немного. Изучаемый феномен в большей степени рассматривается как ценность абсолютная, являющаяся «фоновым результирующим состоянием политико-правовой действительности»³. Н. Н. Тарасов связывает ценность доверия с направлением проведения правовой политики⁴. К примеру, принятие и реализация различных стратегий и программ социального развития является свидетельством реализации ожиданий населения от государства (оправдания доверия). В то же время само обращение к правовым средствам (решение каких-либо жизненных ситуаций посредством права) является демонстрацией доверия.

Также исследуемая категория представляется в качестве элемента, связанного с правосознанием. Доверие, с одной стороны, выступает мотивом вступления в правоотношения. К примеру, при заключении кредитного договора, данный феномен проявляется в наличии оснований (положительные характеристики клиента, репутация банка, платежеспособность заемщика) и гарантий (которые вытекают из положений законодательства, договора и выражаются в наличии механизмов компенсации невыполнения обязательств по договору).

С другой стороны, А. Н. Кокотов отмечает, что доверие как элемент правосознания оказывается непосредственно связанным с правовой идеологией⁵. Она может воздействовать на него, трансформировать его содержание и установки⁶, участвовать в формировании представ-

лений о должном (правомерном) поведении.

Вышеизложенные позиции иллюстрируют наиболее распространенные подходы к доверию в праве, выработанные юридической наукой. Они дают общее представление о доверии в праве как ценности, установке, но не рассматривают доверие в качестве инструмента. Однако подобный подход дает возможность посмотреть на рассматриваемую категорию в действии и сформировать более полное представление о ее сущностном содержании. Это понимание позволит использовать данные механизмы для достижения различных государственно-правовых ценностей.

Рассмотрение доверия в качестве инструмента не является новым. Представители других наук подобными исследованиями занимаются значительно дольше. К примеру, в сфере маркетинга от уровня доверия потребителей во многом зависит объем продаж, а значит эффективность предпринимательской деятельности в целом. Выявление инструментальных свойств моральных ценностей стало причиной многочисленных исследований, в рамках которых происходит измерение индекса счастья, уровня доверия и т. д.

К примеру, результаты проведенного в 2022 г. Всемирного исследования ценностей Рональда Инглхарта, Кристиана Вельцеля и их соавторов (World Values Survey) наглядно демонстрируют, каким образом изменение ценностей общества влияет на экономическое развитие, становление демократии и качество жизни граждан в разных странах мира. Уровень доверия являлся одним из ключевых показателей. Было выявлено, что те страны, где уровень доверия был высоким, демонстрировали более высокую степень развития. В таких обществах ценности самовыражения преобладают над ценностями выжива-

ния, секулярно-рациональные ценности преобладают над традиционными⁷. На сегодняшний день подобные исследования проводятся преимущественно в области политологии, социологии, экономики, психологии.

Как отмечает К. Е. Сигалов, «для любой юридической ситуации чрезвычайно важно, как развивались события, что происходило в прошлом, как это прошлое влияет на настоящее и какие последствия возможны в будущем»⁸. В этой связи целесообразно изучать особенности проявления доверия в праве в прошлом, что позволит вывести некоторые закономерности механизма его влияния на эффективность права.

Не менее важна деятельность по прогнозированию. Разработка данного аспекта предполагает обращение к функциям доверия (его инструментальному проявлению) в правовой действительности. С одной стороны, в зависимости от уровня доверия можно предположить, насколько эффективно будет действовать право в той или иной ситуации. С другой стороны, с помощью доверия имеется возможность повысить степень должной реализации правовых предписаний.

Таким образом, категория «доверие» изучается юридической наукой относительно недавно. В этой связи освещены далеко не все аспекты его проявления в правовой действительности. В частности, не раскрыто доверие в качестве инструментальной ценности и элемента, позволяющего осуществлять прогнозирование в рамках правовых исследований. Изучение обозначенных вопросов важно, поскольку их уяснение и внедрение в практику позволит повысить эффективность действия права как в отдельных его отраслях, так и в целом.

© Напольских И. М., 2023

¹ Сигалов К. Е., Салин П. Б., Чувальникова А. С. Применение технологии блокчейн в праве, политике и государственном управлении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 566.

² Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Философия». М., 2017.

³ Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право / Репр. воспр. изд. 2004 года. М., 2020. С. 50.

⁴ Тарасов Н. Н. Об исследовании социально-психологических аспектов правового регулирования // XXVI съезд КПСС и развитие теории права: Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 79, 80.

⁵ Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М., 2020. С. 48.

⁶ Клименко А. И. Проблема понимания правовой идеологии психологии // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 2–7.

⁷ World Values Surevey (WVS). Исследование жизненных ценностей населения. – <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 11.02.2023).

⁸ Сигалов К. Е. Временной фактор права // Пространство и Время. 2012. № 2. С. 88.

*Н. Г. Русакова**

**ДОЛГ КАК ФОРМА ИМПЕРАТИВНОГО
МОРАЛЬНОГО ТРЕБОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ДОКТРИНАЛЬНОГО АНАЛИЗА**

Упорядочивание отношений между людьми есть необходимость для совместного проживания людей вместе. Одними из первых регуляторов отношений между людьми в истории стала мораль. Мораль есть неотъемлемая часть человеческого общества, на ранней стадии развития общества она единственная обеспечивала единство человеческого общества. Мораль стала одним из наиболее авторитетных социальных регуляторов. Как и юридическая норма, мораль тоже формулирует требования к субъекту. Однако даже сегодня актуальным остается вопрос, как обеспечивать её соблюдение людьми.

Государство в рамках эффективного управления не может обойтись без морали. Мораль чаще всего трактуется как предписания общего характера, предъявляемые обществом к индивиду; как трансляция опыта человечества или зафиксированные в традициях и культуре трансцендентные начала Бога. Согласно первой позиции, мораль представляется как система ценностей и требований, регулирующих отношения между людьми их поведением. Ключевое слово, которое нам необходимо – это *требования*, которые предъявляет мораль. Моральные требо-

* *Русакова Наталья Григорьевна* – доцент кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

вания довольно широки: не лги, не укради, не убий, почитай старших и т. д. Моральные требования – форма морального императива, силы подчинения субъекту, требование вести себя так, а не иным образом.

Согласно идеализму, императивный характер морали выражается в способности морали сохранить себя в общественном сознании. Мораль представляется как некая самостоятельная система, не зависящая от воли человека, но существующая в умах людей. Как пишет В. А. Кутырев, «быть, сохранять себя во времени и пространстве – вот действительная, первичная, исходная, фундаментальная, основная, главная, определяющая цель любой выделившейся из хаоса системы, особенно органической, живой, в том числе человека как целостного телесно-духовного существа. Она реализуется в его желании жить, питаться, влечься к другому»¹.

Следуя философским учениям об идеализме, мораль лежит по ту сторону материального человеческого мира. Сократ говорил, что он признает существование «справедливого самого по себе», «прекрасного и доброго», но ему никогда не случилось видеть что-нибудь подобное воочию. И эти вещи нельзя сравнить с величиной, здоровьем, силой, которые постигаются телесными чувствами, и познать их можно только путем размышления, не привлекая никакой из органов чувств. Только в размышлении, говорил Сократ, перед познающей душой раскрывается что-то от подлинного бытия, и только тогда, когда душа остается одна или почти одна, она устремляется к подлинному бытию².

Другое обоснование морали может исходить из внутреннего мира человека. Как то, что исходит от него. При такой постановке вопроса об императивности моральных требований возникает проблема правомочности норма-

тивных понятий, таких как «добродетель», «справедливость», «долг» и т. д.

Выделение и обоснование этого свойства морали считается одной из важнейших философских заслуг И. Канта. Императивность морали состоит в том, что большинство моральных требований апеллируют не к внешней целесообразности (поступай так-то, и добьешься успеха или счастья), а к моральному долгу (поступай так-то, потому что этого требует твой долг), то есть носит форму императива, прямого и безусловного повеления³.

Следуя его учению, он объединяет всех людей тем, что у них присутствует добрая воля, которая и является вещью в себе у человека. Все люди рождаются с доброй волей, которую И. Кант отождествляет со святостью или божественной волей. Но чувственные побуждения человека и внешние факторы уменьшают доброту в воле человека, поэтому всю свою жизнь человек стремится к божественной воли. Следовательно, человеческая воля несовершенна.

Воля человека есть показатель его свободы, власти над собой. Несовершенство человеческой воли говорит о невозможности полной свободы человека, иначе человек был бы не человеком, а богом. В противовес категории «свобода человека» И. Кант ставит категорию «долг».

В «Основах метафизики нравственности» Кант приходит к выводу, что в разуме должен существовать закон, определяющий поведение людей. Его ценность заключена в нем самом, как в формуле всеобщего законодательства. Этот закон, обязывающий человека как явление чувственно воспринимающего мира, к совершению действий, есть императив⁴.

Императив приказывает человеку действовать так и не иначе. Действия человека, как указывает

Н. В. Ермеева, не могут происходить вне согласия с естественным порядком, поэтому практический разум ставит перед нами задачу решить антиномию свободы и необходимости⁵.

Такие императивы существуют и в морали. Это нравственные законы. Нравственные законы содержатся в доброй воле человека в качестве категорического императива или в практическом разуме как гипотетический императив. Гипотетический императив – объективная необходимость, в соответствии с которой человеку диктуется наиболее целесообразное поведение.

Человек субъективно может им и не следовать. Закон начинает принуждать человека поступить так, а не иначе, из уважения к самому к себе, то есть из-за долга. Моральный закон представляется лишь формой гипотетического императива, которая заполняется чистым разумом. Долг проявляет заложенные в человеке нравственные законы.

Современные научные представления о долге сравнивают его с юридической ответственностью в качестве моральной категории. Долг – внутренне принимаемое (добровольное) обязательство, «обязанность человека, освящённая его совестью»⁶. Юридическая ответственность подразумевает собой претерпевания субъектом, нарушившим юридические нормы, неблагоприятные последствия, которые на него возлагают уполномоченные субъекты государства. Юридическая ответственность существует только в рамках закона и появляется как самостоятельное явление общественной жизни только в государстве. Без государства, формального закрепления субъектов, которые могут воздействовать на правонарушителей, она не может существовать.

Другая связь прослеживается с понятием «обязанность». Обязанность предполагает собой возвратную связь

между одним субъектом и другим, где обязанный нравственно необходимо выполняет определённые действия в пользу другого. Долг – превращение требований нравственности ко всем людям в личную задачу данного конкретного лица, сформулированную применительно к его ситуации, в которой он находится в данный момент. Долг – это отношение личности к обществу⁷. «Долг» как категория этики подразумевает активные действия самого субъекта. Долг не подкрепляется внешними факторами и воздействиями, а исходит из самого субъекта.

Стоит отличать также моральную категорию «долг» от гражданско-правового понятия «долг». В гражданском праве долг подразумевает обязанность субъекта гражданских правоотношений выполнить определённые действия в отношении другого субъекта на основании ранних договорённостей. Моральный долг не обязывает совершать действия ввиду ранних отношений между данными людьми.

Со словом *долг* принято связывать высокую сознательность исполнения нравственных требований, преобладание таких мотивов поведения, которые возникают на основе фундаментальных убеждений⁸. Убеждения – мировоззренческие установки личности. Формируемые обществом убеждения в субъекте становятся самодовлеющим элементом личности и её нравственности, что толкает субъекта к исполнению моральных требований. При выполнении своего долга у человека отсутствует мотив, он выполняет его, исходя из своих убеждений.

В юридической науке долг неразрывно связан с присягой, юридическим фактом, принятием официальной клятвы (торжественного обещания) соблюдать и исполнять права и обязанности в соответствии с принимаемой должностью, определяющей момент изменения специаль-

ного правового статуса субъектов и осуществляемой в особом ритуальном порядке на основе специализированных символических действий⁹. В присяге содержится краткое содержание профессионального долга, который подразумевает высокую ответственность человека при выполнении своих профессиональных обязанностей. Присяга, имея устойчивые исторические корни, успешно эволюционирует в правовом пространстве современного общества. Феномен присяги объединяет в себе нравственный и правовой смысл: беззаветное, честное служение Отечеству, своему народу.

Таким образом, изучение проблем долга как формы императивного морального требования будет способствовать улучшению регулирования общественных отношений государством и укреплению и единства нашего общества.

© Русакова Н. Г., 2023

¹ *Кутырев В. А.* Традиция и ничто // *Философия и общество.* 1980. № 6. С. 188.

² *Петрова Н. И.* «Теория идей» Платона как этап развития его мировоззрения // *Проблемы науки.* 2018. № 11(35). С. 15–21.

³ *Юдин В. В.* Проблема императивности современной морали // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* 2015. № 10-2. С. 111–114.

⁴ *Шашков Н. И.* Категория долга в этической категории И. Канта // *Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта.* 1975. № 1. С. 145–162.

⁵ *Ермеева Н. В.* Свобода, необходимость и долг в феноменальном и ноуменальном мирах в учении М. Лютера и этике И. Канта. // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2018. № 5. С. 122–131.

⁶ *Витрук Н. В.* *Общая теория юридической ответственности.* М., 2009. С. 11.

⁷ *Словарь по этике /* Под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. М., 1989.

⁸ *Этика: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. А. Гусейнова. М., 2022.*

⁹ *Русакова Н. Г. Присяга как общеправовой феномен. Нижний Новгород, 2009. С. 46.*

Н. И. Карчевская*

С. М. Оганесян**

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Соотношение институтов «государство» и «общество» является одной из фундаментальных проблем юридической науки и всегда вызывала большой интерес мыслителей и исследователей.

В контексте социально-экономических преобразований в России актуально рассматривать проблемы взаимоотношений этих институтов через призму их эволюции, поскольку такой подход позволяет понять философско-правовую природу общества и государства и сформулировать представление об оптимальном соотношении интересов общества и государства¹.

Изучая особенности, присущие гражданскому обществу, а также проблематику осуществления его взаимоотношений с различными государственными институтами, в научной литературе авторы, чаще всего, указывают либо на то, что данные категории являются противоположными, либо наоборот, отмечают их тождественность.

Во многих случаях гражданское общество определя-

* *Карчевская Наталья Ивановна* – доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат юридических наук, доцент.

** *Оганесян Степан Мхитарович* – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий (Гатчина Ленинградской области), доктор юридических наук, доцент.

ется как некое явление, которое выступает в качестве противоположного государству, существуя вместе с ним, как некая высшая ступень, на которой находится развитие общества, способное фактически заменить собой государство.

Однако, Г. В. Косов и О. В. Паслер, изучая существующие между государством и гражданским обществом взаимоотношения, используют принцип взаимодополняемости. То есть, они не ищут общих или различных черт, а исследуют эти явления с позиций их взаимодействия и взаимопроникновения².

Поскольку для развитых государств современности характерно наличие демократических принципов, определение максимально эффективного взаимодействия, которое может осуществляться между государством и гражданским обществом, заключается в нахождении в их основах принципов демократии и права, без которых невозможно в дальнейшем развитие общества.

По мнению авторов, понятно, что с помощью гражданского общества реализуется возможность установления определенного баланса в рамках государства, как между интересами отдельного человека, так и целой группы людей, с другой стороны, от которых выступает власть.

Кроме того, гражданское общество выступает в качестве определенной системы, в состав которой входят социальные отношения, а также институты, с помощью которых человек обретает возможность реализации гражданских прав, а также возможность выражения и различных потребностей. При этом речь идет исключительно о внутренних социальных отношениях и институтах. Сюда же относятся и различные интересы, а также ценности, присущие различным членам общества.

В подавляющем количестве научных исследований формы взаимодействия между государством и гражданским обществом изучаются посредством исследования демократических институтов. Подобные подходы позволяют сделать выводы об идентичности форм, присущих прямой демократии формам, посредством которых осуществляется взаимодействие государства с гражданским обществом.

М. А. Пиманова в своем исследовании выделяет институты прямой демократии, подразумевая конституционное право избирать и быть избранным, и процедурные – публичные дебаты, публичные встречи, общественные инициативы, референдум и др.³ С. А. Авакьян рассматривает в рамках указанного взаимодействия некий императив, для которого свойственна преобладающая сила воли народа, согласно которому последнее слово при решении вопросов остается за государством, реализующем свои функции и права через уполномоченные органы⁴.

Однако все вышперечисленные исследования не охватывают такие важные формы, как возможность подачи коллективных исков, заключения различных соглашений, участниками которых могут выступать государственные органы и разные объединения граждан.

Кроме того, указанные исследования не учитывают воздействие права на государство, а только воздействие гражданского общества, что представляется не вполне верным.

Доказательством такого видения, можно считать наличие подобных взаимосвязей, которое отражено и в Конституции Российской Федерации, закрепившей в себе, с одной стороны, правила поддержания правопорядка, которые играют важнейшую роль в защите общественных, политических и индивидуальных прав и свобод че-

ловека и гражданина как участника гражданского общества, и гарантируется функционирование справедливого правопорядка в обществе, с другой стороны⁵.

Само по себе «взаимодействие» представляет одну из важнейших категорий, относящихся к философии. Процесс взаимодействия позволяет изучить возможные способы влияния одних объектов на другие. Изучается также возможность взаимного видоизменения, порождения, взаимозависимости.

По мнению большинства исследователей, проблемы соотношения гражданского общества и государства, следует выделить три формы возможного взаимодействия⁶.

Первая из них – взаимное воздействие, оказываемое государством в отношении гражданского общества, и наоборот. Гражданское общество оказывает воздействие на государство путями референдума, общественной инициативы и др. А, государство в данном случае воздействует через право, которое является важнейшим инструментом поддержания общественного порядка, предотвращает беспорядки и предписывает формы участия некоммерческих организаций.

Вторая форма взаимодействия государства и общества выражается в их взаимной обусловленности и в изменении состояния или взаимном переходе институтов гражданского общества и государства. В качестве проявления такой формы взаимодействия выступает установленное государством делегирование части присущих ему функций обществу.

Существует возможность децентрализованного регулирования (саморегулирования), о чем свидетельствует, например, передача саморегулируемым организациям еще в 2010 г. возможности осуществления контроля за строительной деятельностью. Однако в ряде зарубежных

стран саморегулирование было признано неэффективным, и выбор был сделан в пользу государственного управления⁷.

Более того, в некоторых странах и вовсе были учреждены религиозные суды. В связи с этим Н. А. Голованова указывает, что эти суды функционируют параллельно с существующей правовой системой, являясь самостоятельным правовым институтом⁸.

Таким образом, в ряде государств происходит трансформация действующей правовой системы. В то же время, это вызывает и ряд практических проблем, в частности, в области правового регулирования⁹.

Представляется важным отметить, что в настоящее время морально-этические нормы играют важную роль в регулировании взаимодействия государства и гражданского общества. Например, активно принимаемые кодексы этики должностных лиц по поддержанию правопорядка (кодекс этики судей, кодекс этики сотрудников полиции, адвокатов, нотариусов и т. д.) способствуют формированию морального климата в обществе¹⁰.

Третья форма взаимодействия раскрывает то, как один объект может образовывать другой. Институт политических партий мог бы изучаться в рамках исследования, посвященного взаимодействию между гражданским обществом и государством. Возникновение политических партий инициируется среди групп людей, которые формируют условия для дальнейшей реализации целей, поставленных органами государственной власти. Только соблюдение определенных условий и наличие голосов на выборах позволяют им вступать в политическое взаимодействие, влияющее на состояние государства. Как институт гражданского общества политические партии, получившие места в парламенте в соответствии с законом, явля-

ются частью государственного механизма. Однако не все существующие политические партии могут пойти по этому пути, некоторые из них остаются за пределами государства, фактически вне правового поля¹¹.

С другой стороны, как уже отмечалось; законодательные органы государства могут при установлении норм допускать существование институтов гражданского общества, форм выражения этих институтов (введение новых форм организация юридических лиц, регулирование участия групп граждан, рассмотрение законопроектов и т. д.), что также влияет на состояние гражданского общества и правопорядка в государстве¹².

Таким образом, перечисленные и рассмотренные различные формы правового взаимодействия гражданского общества и государства, складывающиеся в современных общественных отношениях, должны изучаться с учетом всех изменений в самих социальных коммуникациях и эволюции законодательства, направленного на обеспечение верховенства закона.

© Карчевская Н. И., Оганесян С. М., 2023

¹ Карчевская Н. И. Гражданское общество как структурно-функциональный элемент политической системы современной России (историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

² Гараев Г. А. Правовые формы взаимодействия гражданского общества и государства // Образование и право. 2020. № 12. С. 98.

³ Пиманова М. А. Правовой статус государственно-общественных объединений: конституционно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007.

⁴ Организация государственной власти в России и зарубежных странах: Учебно-методический комплекс / Отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2014.

⁵ Степаненко Р. Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. 2020. № 6. С. 79–89.

-
- ⁶ Тюнюкова Е. В., Литвиненко М. О. Организация взаимодействия государства и общества // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2018. № 2(4). С. 11—16.
- ⁷ Чулюков Ю. В. Развитие законодательства о саморегулировании в сфере паевых инвестиционных фондов // Законодательство. 2007. № 4. С. 39—45.
- ⁸ Голованова Н. А. Шариатские суды в Великобритании: параллельная правовая система или религиозный арбитраж? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3(64). С. 23—29.
- ⁹ Батаева П. С., Чаплаев Х. Г. Экономические формы взаимодействия государства и общества // Integral: международный журнал прикладных наук и технологий. 2019. № 4-1. С. 363—372.
- ¹⁰ Муталимов А. Э. Механизмы взаимодействия гражданского общества и государства // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 11(97). С. 219—223.
- ¹¹ Гараев Г. А. Правовые формы взаимодействия гражданского общества и государства // Образование и право. 2020. № 12. С. 100.
- ¹² Горощук С. О., Зеленский П. А. Гражданское общество и государство: современные проблемы взаимодействия // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2018. № 4. С. 72—77.

*Г. В. Марченко**

**НА СТРАЖЕ ПРАВОПОРЯДКА:
РЕТРОСПЕКТИВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ**

Взаимодействие правоохранительных органов с общественными объединениями на территории российского государства начало складываться в период раннего средневековья. Так, в рамках одной из форм государственного управления в Древней Руси – полюдья, осуществлялось, например, взаимодействие князя и его дружины с основными общественными объединениями того времени – крестьянской и ремесленной общинами. По своей сути, полюдье представляло собой форму организации государственной власти, целью реализации которой выступал сбор князем дани с населения. Но при этом присутствовал и правоохранительный аспект¹.

Отметим, что взаимодействие дружины, фактически, первого правоохранительного образования в истории российского государства, с общинами происходило по определенной схеме. Так, еще до прибытия основного состава дружины, в общину направлялись представители князя для обсуждения деталей предстоящих мероприятий. При этом осуществлялся сбор информации обо всех произошедших событиях, обсуждение которых предстояло провести после прибытия князя с дружиной.

* *Марченко Геннадий Викторович* – профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук.

Затем обеспечивалось совместное рассмотрение жалоб и принятие по ним соответствующих решений. Князь, прибывая на ту или иную территорию, организовывал сход населения. Члены общины, ремесленники, торговцы и иные лица могли обратиться к князю, с просьбой разобраться в том или ином вопросе. Чаще других, данные вопросы касались восстановления социальной несправедливости, нарушенной определенными лицами, преимущественно обладающими руководящими полномочиями, и совершившими, по мнению представителей населения, противоправные деяния или преступления.

В дальнейшем, содержание, формы и методы взаимодействия правоохранительных органов и общественных объединений видоизменялись в зависимости от этапа исторического развития и особенностей организации политической власти. Так, в период образования Московского государства были созданы единые централизованные органы исполнительной власти – приказы. Правоохранительную функцию выполняли сразу несколько приказов. Основным среди них был Разбойный приказ. Деятельность приказа по большей степени носила полицейский характер, поскольку «Приказ заведовал делами о разбоях, грабежах и убийствах, палачами, тюрьмами; ему были подчинены губные старосты; он заботился о поимке убийц, воров и разбойников. Разбойный приказ контролировал рассмотрение уголовных дел в Приказных избах и являлся второй инстанцией для рассмотрения уголовных дел на территории государства, кроме Москвы и Московского уезда»². Функционирование этого ведомства обеспечивалась, в том числе, взаимодействием с обществом, его отдельными объединениями и формированиями. В частности, такое взаимодействие осуществлялось с субъектами реализации института общественного призрения. Ра-

ботники приказа получали от представительств общественного призрения большие массивы оперативных данных, а также часто осуществляли вербовку агентов из числа лиц, попавших под общественное призрение.

При Петре I была создана полиция – единый государственный орган, отвечавший за осуществление правоохранительной деятельности и обеспечение правопорядка в государстве. Именно с петровского периода берет свое начало такая форма взаимодействия полиции и общественных объединений, как совместная охрана общественного порядка. Еще до создания полиции, в начале XVIII в., отдельные представители общества, в основном в Санкт-Петербурге стали организовываться в так называемые «ночные народные караулы», задачей которых была охрана порядка в ночное время³.

После создания полиции деятельность таких караулов не была прекращена. Напротив, полиция использовала данную форму гражданской активности для укрепления правопорядка в населенных пунктах. Так, «для содействия народу полицейские установили на концах улиц шлагбаумы и опускали их в ночное время: так было гораздо проще задержать убежавшего вора»⁴. В период правления Екатерины II взаимодействие полиции, общественных объединений и формирования впервые в истории российского государства стало оформляться законодательно. Как указывает Д. И. Раскин, «изначально в рамках «регулярного государства» административно-полицейские учреждения, система органов сословного и местного самоуправления и первые общественные организации, например Вольное экономическое общество, создавались сверху. При этом по замыслу законодателя (в первую очередь Екатерины II) они должны были тесно взаимодействовать с различными губернскими учрежде-

ниями в рамках Устава благочиния и жалованными грамотами дворянству и городам»⁵.

Взаимодействие организовывалось по трем основным направлениям: благотворительному, информационно-аналитическому, обеспечению законности и правопорядка.

Благотворительный характер взаимодействия определяло сотрудничество полиции с учреждениями приказов общественного призрения, сословных органов опеки и других организаций⁶. Информационно-аналитическое взаимодействие обеспечивали губернские статистические комитеты, предоставлявшие полиции определенную статистическую информацию⁷.

В конце XIX – начале XX в. в условиях активизации антиправительственных выступлений на первый план вышло взаимодействие полиции с общественными объединениями по обеспечению совместной охраны правопорядка. Так, в 1881 г. после убийства императора Александра II в Москве была создана добровольная народная охрана, фактически ставшая впоследствии прообразом будущих добровольных народных дружин в период СССР. Руководство царской полиции с одобрения высших чиновников государства всячески поддерживало создание общественных формирований в других крупных городах государства, обеспечивавших правопорядок при проведении массовых мероприятий с участием высочайших особ⁸. Об этом свидетельствуют численность этих общественных формирований. Если при коронации императора Александра III, прошедшей в Москве в 1883 г. общественный порядок совместно с полицией обеспечивало почти 20 тысяч жителей, то коронацию Николая II в 1896 г. уже до 40 тыс. дружинников. К 1905 г. в этих общественных формированиях, действовавших в Москве и

Санкт-Петербурге, состояло около 80 тыс. человек, многие из которых приняли участие в оказании помощи полиции в пресечении беспорядков в период первой русской революции. К 1913 г. Департамент полиции распространил опыт дружинников этих городов на всю Россию, после чего народные дружины стали превращаться в постоянно действующие организации. В этом же году была разработана и принята «Инструкция для организации добровольной дружины», которая содержала в себе основные принципы ее организации: добровольность вступления, фиксированное членство, строгий отбор, подчиненность органам государственной власти⁹.

В период становления Советского государства взаимодействие правоохранительных органов с общественными объединениями и формированиями получило дальнейшее развитие. Так, органами центральной власти были созданы многочисленные общественные объединения (продовольственные отряды, комитеты бедноты, части особого назначения и другие), которые выполняли соответствующие функции¹⁰. В последующем укрепление взаимодействия правоохранительных органов с общественными объединениями и формированиями продолжилось. Одним из основных векторов такого взаимодействия стало оказание гражданами содействия милиции в обеспечении правопорядка.

Особую распространенность получила, например, деятельность дворников и сторожей, бывших еще в дореволюционный период своеобразными источниками получения информации о подозрительных лицах и одновременно надежными свидетелями. Эффективность взаимодействия органов милиции и этой категории населения была очевидной, что послужило принятию в 1925 г. соответствующего Положения о дворниках и ночных сторожах¹¹.

В первой половине 20-х годов прошлого века были созданы такие общественные организации правоохранительной направленности, как «Комиссия общественной помощи милиции» в Петрограде, а в крупных городах Сибири – «Дружины содействия милиции»¹².

Начиная с 1930-х годов развитие института взаимодействия правоохранительных органов с общественными объединениями и формированиями приобрело две тенденции: усиление централизации и более четкое законодательное регулирование. Наиболее ярким выражением обеих тенденций стало принятие в 1930 г. постановления СНК РСФСР «Об обществе содействия органам милиции и уголовного розыска». Данные организации получили аббревиатурное название ОСОДМИЛ. Следует отметить, что, несмотря на то, что они являлись объединениями общественного характера, в основу которого был положен принцип добровольности вступления, саморегуляции и самоконтроля, вся работа указанной организации была строго подконтрольна органам государственной власти и должностным лицам милиции, прежде всего участковым уполномоченным. Последние представляли постоянные отчеты о совместной работе, основным направлением которой была охрана общественного порядка посредством организации совместных патрулей. Впоследствии саморегуляция ОСОДМИЛов была полностью устранена, изменилось и их название на Бригады содействия милиции – БРИГАДМИЛы, что подчеркивало централизованный и структурированный характер этих общественных объединений.

В послевоенный период на государственном уровне стала активно обсуждаться идея создания единого общественного института, функционирование которого было бы направлено на оказание помощи милиции в охране

общественного порядка. Такими организациями во второй половине 1950-х годов в городах Советского Союза стали добровольные народные дружины (ДНД). С момента создания и на протяжении своей деятельности до начала 90-х годов прошлого века, функции ДНД постоянно расширялись: от совместной с органами милиции охраны общественного порядка до борьбы со спекуляцией и проверки паспортного режима¹³.

Деятельность ДНД активно освещалась средствами массовой культуры, в том числе в популярных кинофильмах («Операция "Ы" и другие приключения Шурика», «Ты – мне, я – тебе», «Самая обаятельная и привлекательная» и др.) В этот период также активно работали советы профилактики, осуществлявшие свою деятельность на промышленных предприятиях. Задачей данных советов было снижение количества общеуголовных преступлений, прежде всего, краж, а также борьба с пьянством. Еще одной эффективной организацией стали общественные пункты охраны порядка по месту жительства, действовавшие в плотном взаимодействии с органами милиции.

Таким образом, очевидны следующие выводы:

1) основным фактором, обеспечивавшим эффективную деятельность общественных организаций правоохранительной направленности на различных этапах отечественной истории, является государственный характер их взаимодействия с органами правопорядка. Именно в рамках государственного управления деятельность этих организаций была наиболее эффективной;

2) на современном этапе развития российского государства, необходимо с особой тщательностью относиться к историческому наследию различных моделей взаимодействия правоохранительных органов и общественных объединений, использовать положительный опыт и не до-

пускать прежних ошибок в этой сфере деятельности.

© Марченко Г. В., 2023

¹ *Степкина А. В.* Органы правопорядка и борьбы с преступностью в Древней Руси // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2019. С. 86.

² *Неволин К. А.* Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1844. Ч. 41. № 1/3. Отд. V.

³ *Невский С. А.* Правовое регулирование организации полиции в российской империи в XVIII веке // Вестник ВИПК МВД России. 2017. № 4(44). С. 128.

⁴ *Редин Д. А.* Практика обеспечения общественной безопасности в санкт-петербургской губернии 1716 г. // История: факты и символы. 2020. № 4(25). С. 99.

⁵ *Раскин Д. И.* Полиция и гражданское общество в Российской Империи // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. I. СПб., 2017. С. 128.

⁶ *Захарова И. М.* Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 5.

⁷ *Тот Ю. В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб., 2003. С. 68.

⁸ *Харламов В. И.* Исторический опыт проблемы совершенствования нормативно-правовой базы деятельности народных дружин в Российской Федерации // Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности: Материалы «круглого стола» 27 января 2006 г. в Академии управления МВД России. М., 2006. С. 29.

⁹ *Жеребцов А. В.* Правоохранительные органы (история, теория, практика) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 82.

¹⁰ *Егорышев С. В., Егорышева Н. В.* Из истории взаимодей-

ствия правоохранительных органов с институтами гражданского общества и населением в Российской Федерации // Российский следователь. 2019. № 4. С. 47.

¹¹ Положение о дворниках и ночных сторожах // Бюллетень НКВД РСФСР. 1925. № 15. С. 17.

¹² Гашина Н. Н., Медведева И. В. Ретроспективный анализ взаимодействия полиции и населения по вопросам борьбы с преступностью // В мире научных открытий. 2015. № 3-4(63). С. 2021.

¹³ Пыжиков А. В. Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 7; Нижник Н. С., Козинникова Е. Н., Чукаев Т. О. История Советского Союза в контексте научного анализа XIX Международная научная конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)» (28–29 апреля 2022 Г., Санкт-Петербург) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 226–240. DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-226-240. EDN JNBXIU; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Общественные организации и объединения в СССР: участие в реализации функций советского государства // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 7–12. DOI 10.18572/2221-3287-2023-1-7-12. EDN GXТBYW.

Раздел XI
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕЕ РОЛИ
В ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

И. А. Иванников*

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ
В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Университеты всегда были институтами науки и культуры. Любая наука изучает часть реального мира. Цель статьи – определить и дать краткую характеристику современной российской юридической науки и юридическому образованию, показать их взаимосвязь с идеологией, высказать предложения по их совершенствованию.

В Российской империи во второй половине XIX в. сложилась эффективная система университетского обра-

* *Иванников Иван Андреевич* – профессор кафедры теории и истории государства и права Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

зования. Не менее эффективной она была и в советский период истории России, хотя и была идеологизированной. А. А. Никитина верно отметила, что институт высшего образования даже в первые годы советской власти был «...важнейшим инструментом подготовки квалифицированных кадров и социальным лифтом для представителей различных групп населения»¹. Были и ошибки. В 1918 году отменялись ученые звания, действовавшие в Российской империи. Политика введения всего нового была направлена на прерывание традиций в российском образовании. К ученым званиям пришлось вернуться. Заслугой советской власти является возможность получения бесплатного высшего образования, когда многие представители беднейших слоев населения получили возможность бесплатно получать любое высшее образование. Высшая школа в России всегда была учреждением, готовившим квалифицированные кадры, а поэтому и к нему всегда было повышенное внимание общества. Перестроечные процессы в СССР привели к значительным изменениям в экономической, политической, идеологической, правовой системах общества, что отразилось и на развитии науки и образования. Экономический и политический плюрализм, желание построить современное правовое и социальное государство, повысили спрос на лиц с юридическим образованием, что привело к росту числа юридических факультетов и вузов, появлению коммерческих вариантов получения юридического образования. Появление в 1997 г. большого количества диссертационных советов, снижение контроля, привели в некоторых вузах к их некачественной работе.

Что представляет в 2023 г. российское юридическое образование и наука? Что считать классическим юридическим образованием? Что считать классической юриди-

ческой наукой и что в неё входит? В вопросе образования и воспитания важен ответ на вопрос кто, как и чему учит? Важен и вопрос кого учить? Почему у нас другая правовая культура, отличная от европейской?

Юридическая наука – это высшая теоретическая форма правовой культуры, которая представляет собой совокупность знаний о государстве и праве, описывающая, объясняющая государственно-правовые явления, занимается отбором и систематизацией норм права, государственно-правовых аксиом и ценностей, систематизирующая и прогнозирующая развитие государственно-правовых явлений. Наука занята поиском истины, но иногда приводит к заблуждениям. На эти вопросы должны ответить ученые. Это прекрасно понимал И. А. Ильин, который отмечал, что «воспитывать людей к справедливости нельзя без веры в религию, ибо вера в Бога есть главный и глубочайший источник чувства ранга и воли к качеству. Справедливость есть не что иное, как любовное и художественное вчувствование в живого человека с желанием верно видеть его и верно обходиться с ним»². Однако современная Россия светское государство и вопросы духовности не должны рассматриваться, так как духовность связана с личным отношением человека к Богу. В вопросах воспитания надо формировать у людей положительное восприятие справедливости. Воспитывать надо личным примером и посещая музеи и другие исторические учреждения, которые призваны формировать историческую память. Для сплочения общества необходимо, чтобы оно придерживалось и защищало определённые общие ценности, представления о прошлом.

Без идеологии вопросы качества образования и науки не решить. Механизм государства, основанный на ложной идеологии, никогда не будет эффективным. А. Н. Гумилёв,

И. А. Ильин и другие ученые выступали против преклонения перед Западной культурой. Академик Российской академии наук В. Н. Кудрявцев писал, что «мы постоянно будем испытывать давление прожженных дельцов и коррумпированных чиновников, которым нет никакого дела ни до науки, ни до культуры, ни до процветания России. Их единственный кумир – деньги...»³. Трагедия в науке и образовании там, где управлением научными и учебными учреждениями занимаются люди из бизнеса, которые далеки от науки и не хотят ее развивать. Прав А. А. Гусейнов, который отмечает, что «наука и идеология похожи друг на друга, в особенности, когда речь идет о науках о человеке. Они имеют дело с сознанием, рационально-чувствительным аспектом жизнедеятельности человека, его понятиями, суждениями, мнениями, ментальными установками, мотивами, целями и т. д., но по сути и общественным функциям они принципиально различны»⁴. Магия идеологии должна быть направлена на то, чтобы чужаки не писали для нас нашу историю, искажая жизнь наших предков. Граждане должны быть воспитаны так, чтобы интересы общества и государства были выше их личных интересов.

Нравственность и законы должны соответствовать духу и национальному характеру граждан. Если мы уничтожим русскую культуру (песни, обычаи, язык, государственно-правовые ценности), то мы и уничтожим и суверенное наше государство. Нужна и «теневая идеология», носители которой свою идеологическую работу и борьбу не афишируют⁵. Она необходима при подготовке юристов, формируя их правовую культуру и государственное правовое сознание.

У нас нет чувства отставания от Запада в образовательной сфере. Необходим анализ российского и зарубеж-

ного опыта подготовки юридических кадров. В России уровень образования разнообразен: столичный и провинциальный, в специализированных вузах и многопрофильных университетах.

Университетское образование должно быть ценностью. Количество университетов в России чрезмерно велико, что делает университетское образование доступным. Еще более доступным является высшее юридическое образование. Понятно, что в крупных городах, которые превышают 200–300 тыс. жителей университет или иное высшее учебное заведение необходимы. Но нужен ли при этом юридический факультет, если юриспруденции будут учить историки, экономисты, философы и политологи, а если и есть преподаватели с ученой степенью по юриспруденции, то ведут предметы далекие от их научной специальности? В таких городах достаточно было бы и юридического колледжа или соответствующей специальности в многопрофильном колледже.

В юридических вузах, для повышения качества образования, выпускные государственные экзамены должны принимать лица, не состоящие в трудовых отношениях с вузом, где они принимают экзамены.

Не решен в настоящее время и вопрос об уровнях высшего образования. В 2011 г. в России перешли на двухуровневую, а с 2014 г. на трехуровневую систему высшего образования. С 2011 г. на второй уровень юридического образования – магистратуру – принимают лиц, не имеющих первого уровня юридического образования, что привело к подготовке большого количества малоквалифицированных кадров. На первое место ставится зарабатывание средств, а не качество юридического образования, и тем более не интересы государства. Конечно, могут быть исключения: экономист пришел изучить пред-

принимательское право, политолог государственное или международное право, историк или лингвист – философию права, теорию и историю государства и права. Большой ошибкой было в 2014 г. превращение аспирантуры в третий уровень высшего образования. Магистратура или аспирантура необходима для изучения отдельного, узкого аспекта науки, но тогда после окончания этого уровня образования выпускная работа должна приравниваться к научной, дающей право на получение ученой степени. Если в России сохранится многоуровневая система высшего образования, то особое внимание следует обратить качеству приема в магистратуру и аспирантуру (адъюнктуру). Лицам, которые написали диссертации, имеют публикации в журналах из перечня ВАК России, монографию, на которые есть более 10 ссылок в научных публикациях, нужно предоставить возможность упрощенной защиты диссертаций или присваивать ученые степени по представлению реферата и совокупности опубликованных работ.

В рамках одной статьи невозможно отразить все проблемы современной юридической науки и образования в России, а поэтому автором отражены лишь некоторые из них.

© Иванников И. А., 2023

¹ *Никитина А. А.* Первые советские законодательные акты о высшем образовании // История государства и права. 2021. № 11. С. 28.

² *Ильин И. А.* О воспитании русского народа к справедливости // Ильин И. А. Собрания сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1: Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. М., 1993. С. 238.

³ *Кудрявцев В. Н.* Свобода научного творчества // Государство и право. 2022. № 2. С. 35–36.

⁴ *Гусейнов А. А.* Идеология в России: прошлое и настоящее // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 7.

⁵ *Рубцов А. В.* Идеология в России времени постмодерна //

Т. А. Антонова*

НЕОБХОДИМА ЛИ РОССИИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ?

В Конституции Российской Федерации, стоящей на пороге своего тридцатилетия, в тринадцатой статье закрепляется принцип идеологического плюрализма, означающий, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹. Длительное время введение данного принципа в основной закон расценивалось как завоевание, достижение демократии, имеющее только положительные последствия. Но с некоторых пор, в дискуссиях учёных, политологов, публицистов в общественно-политическом пространстве поднимается вопрос – а так ли уж позитивно отсутствие государственной идеологии, не привело ли это к возникновению некоего вакуума, который заполнился деструктивными идеями, в том числе и в сфере образования, в молодёжной среде? Ведь новое наполнение надстройки в 90-х годов прошлого века породило такие негативные явления: как рост преступности, детской беспризорности, наркомании, кризис института семьи, вовлечение граждан в тоталитарные секты. Очевидно, что в российском обществе всё более актуальной становится проблема создания собственной идеологии.

Идеология в классическом понимании трактуется как совокупность «политических, правовых, нравственных,

* *Антонова Татьяна Александровна* – доцент кафедры истории государства и права Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород), кандидат педагогических наук.

религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности»². Она способна объединить и мобилизовать большие массы людей на деятельность. Россия в поиске государственной идеологии прошла извилистый путь от триединства, выраженного известной формулой С. С. Уварова «Православие – Самодержавие – Народность», до закрепления в качестве ядра политической системы коммунистической партии. Это свидетельствует о том, что наличие идеологического основания государственного устройства является исторической нормой, а его отсутствие – это скорее исключение, нонсенс.

Как указывалось выше, в 1993 г. был введён конституционный запрет на государственную идеологию. Однако, начиная с 2000 г. можно заметить настойчивые поиски неких идеологических ориентиров среди политической элиты как возможных опорных точек в консолидации российского общества, среди которых отчётливо прослеживался патриотизм. Согласимся, что в современных условиях, идеологию следует рассматривать не как единственно верное учение, а именно как гражданскую позицию, мировоззрение, мотивацию в работе, нравственные ценности, которая работает на «сшивание» страны. Поэтому и в современной государственной идеологии на первом месте должна быть гордость за наши достижения, а уже потом ошибки и упущения.

Сейчас, так или иначе, в идеологических ценностях объединяются такие аспекты, как культурная память (коммеморация), духовно-нравственные ценности, традиции, являющиеся основаниями нашей общей цивилизации. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных россий-

ских духовно-нравственных ценностей»³ можно назвать юридическим фундаментом для формирования идеологии новой России. В числе традиционных ценностей названы патриотизм, гражданственность, высокие нравственные идеалы, служение Отечеству и ответственность за его судьбу и др. Указом определяются области, в которых будет проводиться политика по их защите – и на первом месте здесь фигурирует образование. Это объясняется тесной связью образования и идеологии. Одно не существует без другого, так как нельзя свести образование к утилитарной функции передачи навыков, его сущность нельзя интерпретировать как услугу, автоматически перекладывая на него управленческие механизмы, применяемые в бизнес-процессах. Образование – это общественно значимое благо, система воспроизводства социального интеллекта и духовно-нравственных основ общества, процесс воспитания и обучения, подразумевающий взаимодействие педагогов и обучающихся, и нельзя сводить его к оказанию услуг, распределяя роли заказчика и исполнителя.

И в этом плане важным для сферы образования стало давно ожидаемое в педагогическом сообществе и заинтересованных кругах исключение в июле 2022 г. из закона «Об образовании» понятия «образовательная услуга», звучавшего неоднозначно и ассоциировавшегося с коммерческими услугами⁴. Эта мера для России, переживающей новый, сложный период развития, характеризующийся укреплением основ российской государственности, важна прежде всего в содержательном, философско-нравственном смысле. Она обозначает возвращение воспитания в образовательные организации, в том числе патриотического.

Практическую реализацию этого процесса, возможно и несколько запоздалую, мы видим во введении в российских школах с 1 сентября 2022 г. церемонии поднятия флага и исполнении гимна, которой рекомендовано начинать каждую учебную неделю, и внеурочного занятия «Разговоры о важном»; в планируемом введении в учебные планы вузов курса «Основы российской государственности». Предполагается, что эти меры наряду с другими, позволят противодействовать «деятельности по информационному воздействию на население, в первую очередь, на молодых граждан страны, имеющей целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества», которая рассматривается в военной доктрине как одна из основных внутренних военных опасностей Российской Федерации⁵. Именно молодёжь с её неокрепшим сознанием становится первоочередной мишенью такого приобретенного невиданные масштабы информационного воздействия – манипуляции сознанием с использованием СМИ, Интернета. И это приносит свои горькие плоды в виде растущей разобщенности поколений, искажённого представления об отечественной и мировой истории, доминирования принципов крайнего индивидуализма, потребительства, утраты чувства долга. Вместе с тем, представляется очень важным не допустить формализации, примитивизации в вопросе усиления идеологической составляющей в данной сфере, нужно избегать надуманных, спущенных сверху, для отчётности мероприятий, дабы не вызвать раздражение и отторжение от них всех участников образовательного процесса. Такие же риски нужно учитывать при формировании в целом государственной идеологии во избежание вырождения её до формализма и «убийства» политической системы.

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что государственная идеология может опираться на знаковые общекультурные ценности, выработанные опытом предыдущих поколений. Наличие системы общественно значимых идей и ценностей, способной сплотить общество для созидательной деятельности, является неременным атрибутом существования государства. В современных российских условиях модель государственной идеологии выстраивается как патриотизм на основе разумного консерватизма. По нашему мнению, необходимо усилить идеологическую составляющую и в системе образования, и в национальной системе права, которую необходимо выстраивать с учетом исторически сложившихся традиций и норм, что укрепит её перед лицом других правовых систем и усилит национальный суверенитет.

© Антонова Т. А., 2023

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² Современная энциклопедия. – <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/19098> (дата обращения 07.02.2023).

³ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2022. № 46. Ст. 7977.

⁴ Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» – СЗ РФ. 2022. № 29. Ч. III. Ст. 5262.

⁵ Военная доктрина Российской Федерации – <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70730556/> (дата обращения 31.01.2023)

Е. М. Крупеня

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ:
К РЕСУРСАМ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В СИНТЕТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ**

1. «Правовая культура»:

к вопросу о конструкции и смысловых горизонтах

Общетеоретический конструкт «правовая культура» (далее – ПК), включенный в систему объекта общеправовой теории¹, представляет собой результат номинации особого социально-правового явления. Его онтологическая сложность детерминирует многосоставную структуру научной категории, которая включает:

1) правовые ценности и нетипичные по структуре правовые нормы, которые их фиксируют (правовые принципы, правовые декларации);

2) юридические тексты, в числе которых и источники (формы) права – нормативные правовые акты и договоры нормативного содержания, и правоприменительные, и интерпретационные акты;

3) правовые институты на уровне гражданского общества и государства, особенно, если государство позиционирует себя в отношениях с гражданским обществом с качествами правового (!);

4) правовую деятельность субъектов, обеспечивающая функциональную достаточность правовых институций государства и гражданского общества, качество которой обусловлено именно мотивами юридически значимого правомерного поведения, которые позволяют отличать

поведенческие акты высокого качества от маргинального, конформистского или стандартизированного поведения!

Вышеизложенное позволяет утверждать, что смысловой горизонт категории «правовая культура» логически «вычисляется» системно, в единстве значений понятий и категорий, обозначающих все феномены правовой культуры общества. Однако для точного уяснения содержания и смысла данной категории стоит иметь в виду, что каждый структурный элемент оценивается с позиции высоких стандартов культуры, то есть ее качественных характеристик.

В процессе интеллектуального конструирования «цехового», используемого в границах теоретической юриспруденции понятия ПК специалисты активно используют общенаучное понятие «культура»². Все известные семантические конструкции о культуре можно подвергнуть предельному обобщению, результирующая которого представлена тройственнно:

1) культура охватывает всю сферу бытия общества за исключением природной среды обитания;

2) культура и ее отдельные сегменты предстают в отчужденных от человека формах, объективированных в социальных институтах и нормативных комплексах, которые в широком историческом контексте выступают наиболее близкой, а значит, естественной средой обитания человека;

3) человек – это не только «потребитель» достижений культуры предшествующих периодов, но и активный актор и ретранслятор ценностей культуры, при условии активного и деятельностного приобщения к ним.

Экстраполируя данное суждение на сферу настоящего анализа, отметим: правовая культура является сложным социальным феноменом, который, с одной стороны,

представляет собой один из подвидов культуры наряду, например, с политической или художественной культурой и т. д. С другой- непосредственно связана с правом – явлением рукотворным и при этом пронизанным ценностями, усиленными значительным морально-этическим компонентом.

2. Программа исследования правовой культуры: переосмысление опыта

Представляется, что современная, то есть соответствующая основным маркерам науки постмодерна методологическая программа для исследования ПК едва ли может трактоваться упрощенно. Это именно тот случай, когда простота вовсе не лучше, а значительно хуже для науки, поскольку ставит под сомнение вопрос о получении нового истинного знания о правовой культуре и, как следствие, вопрос о функциональной достаточности теоретической юриспруденции. Очевидно, по крайней мере для автора, что описание и объяснение феномена ПК при помощи средств классической правовой теории, ориентированной на догму права, едва ли эвристически перспективны. Основанное на критическом отношении к позитивизму утверждение обусловлено тем, что юридическая догматика как научный инструмент юридического позитивизма, который и в своей первоначальной форме, и в модернизированной варианте «мягкого» позитивизма оказался далек не только от Человека – основного творца права и всей правовой реальности, но и от тех проблем, решение которых нацелено на утверждение правопорядка, конгруэнтного Человеку! Неклассика (постклассика) выступила в принципиальной оппозиции к бессубъектной классической теории права, предложив новую характеристику правовой теории –

человекообразность³ и в отечественной науке еще накоплен достаточный опыт, который нуждается в переосмыслении⁴.

Автор убежден в том, феномен ПК – как значимый объект общеправовой теории, который обуславливает государство, право и связанные с ними явления и процессы в современном обществе, в условиях науки постмодерна подлежит исследованию в границах сложной методологической программы, основанной на синтезе достижений социогуманитаристики.

3. Маркеры эстетического подхода к праву в синтетической методологии исследования правовой культуры

Исходной исследовательской идеей для автора избрана та, которая коррелирует принципу методологического плюрализма. Он позволяет сочетать на фундаменте «доминантной методологии» (в терминологии В. П. Малахова⁵) элементы других, способствуя повышению потенциала той или иной методологии. Эстетический подход в исследовании ПК – это модель методологически сложной рефлексии. Ее качественное своеобразие (синтетичность) состоит в контекстуальности научного мышления⁶, в связанности и детерминированности с рядом самостоятельных методологических направлений: с культурологическим, герменевтическим⁷, аксиологическим, антропологическим подходами и др. Базовой методологией в данном случае выступает культурологическая методология в отношении самого феномена права⁸.

Эстетический подход к исследованию ПК, формируемый на фундаменте культурологической и других, генетически связанных с ней методологий (аксиологическая, антропологическая), все же имеет свои

идейные основания – они и определяют его маркеры. Концептуальными идеями в рамках эстетического подхода в процессе рационального освоения ПК являются корреляции между:

– формой права и формой в эстетике: то, что выражает внутренне во внешнем, облик феномена, который позволяет наблюдать его со стороны, что обуславливает проникновение и внедрение эстетических образов в пространство права и правовой жизни и признание их элементов эстетически значимыми;

– образом права и выразительным образом. Выразительный образ – специфическая для искусства форма отражения действительности и выражения мыслей и чувств творца. Образ рождается в воображении субъекта творчества, воплощается в создаваемом им произведении в той или иной материальной форме (пластической, звуковой, жестомимической, словесной) и воссоздаётся воображением воспринимающего искусства зрителя, читателя, слушателя. В отличие от других типов образа (фотодокументы, абстрактно-геометрические и т. д.) художественный образ отражает те или иные явления действительности, но одновременно несёт в себе целостно-духовное содержание, в котором органически слито эмоциональное и интеллектуальное отношение творца к миру. Художественный образ имеет особую структуру: она, с одной стороны, обусловлена особенностями выражаемого в нём духовного содержания, а с другой – характером материала, в котором это содержание воплощается (в архитектуре образ – статичен, в литературе – динамичен, в живописи – изобразителен, в музыке – интонационно; в одних жанрах искусства образ предстаёт в образе человека, в других – как образ природы, в третьих – вещи, в четвёртых –

соединяет представление человеческого действия и среды, в которой оно развёртывается. Способом восприятия художественного образа во всех случаях является не одно только созерцание, но и переживанием. Это имеет отношение к различным образам права;

– сегментами правовой реальности и эстетическим восприятием и эстетическими оценками познающего субъекта – Человека, которые детерминированы уровнем правосознания и одновременно общей культурой личности исследователя. Наиболее рельефно это проявляется, например, в оценке Конституции Российской Федерации как феномена, с одной стороны, правовой культуры и основы позитивного права в национальной правовой системе России⁹, а с другой – посредством статических и динамических культурных форм, интерпретируемых субъектом анализа¹⁰.

Заключение

Трансформация исследовательской программы общеправовой теории в отношении такого объекта общеправовой теории, как конструкт «правовая культура» осуществляется в парадигме сложности и контекстуальности – самоорганизованной критичности (в терминологии П. Бака), ее эвристическая ресурсность поддерживается за счет междисциплинарного синтеза, который позволяет ПК разрабатывать не по предметному, а по проблемному критерию применительно к каждому элементу сложной конструкции.

© Крупеня Е. М., 2023

¹ *Теория государства и права: Учебный курс в схемах для вузов / Авт.-сост. Л. И. Глухарева, Е. М. Крупеня. М., 2022.*

² *Крупеня Е. М. Правовая культура как объект научного анализа (обзор Международного Конкурса научно-творческих работ «Правовая культура – основа гармоничного развития личности и общества». Москва, 2017) // Вестник МГПУ.*

Серия: Юридические науки. 2017. № 3(27). С. 113–122.

³ Честнов И. А. Человекоразмерность бытия права // Постклассическая онтология права / Под общ. ред. И. А. Честнова. СПб., 2016. С. 77–92.

⁴ Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений / Отв. ред. А. А. Дорская. СПб., 2012.

⁵ Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М., 2018. С. 96–101.

⁶ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М., 2017. С. 173–176.

⁷ Крупеня Е. М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода // Парадигмы юридической герменевтики / Под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. А. Честнова. СПб., 2017. С. 219–234.

⁸ Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М., 2018. С. 96–101.

⁹ Крупеня Е. М., Лучин В. О., Пряхина Т. М. Конституция и культура: эстетический подход в правовых исследованиях // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 76–81.

¹⁰ Лучин В. О., Пряхина Т. М., Галкин Н. А. Живописная конституция. Саратов, 2019; Пряхина Т. М., Галкин Н. А. «Конституция. Текст...». Саратов, 2021.

*И. А. Демидова**

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Формирование теории правовой культуры, призванной пониманию и объяснению функциональных особенностей права, проистекает из социального запроса на эффективное правовое регулирование общественных отношений. Признание особой роли права в системе регуляторов общественных отношений определяется потребностью практической реализации идеи конституционализма – устройства государственного и общественного управления в соответствии с нормами конституции и соответствующих ей законов, обеспечения принципов функционирования правового государства, в числе которых могут быть названы верховенство права, подчиненность государства праву, гарантированность прав и свобод граждан и др. Правовая культура является собой социально-правовой феномен, часть общественной культуры. Как социально-правовое явление она формируется под воздействием совокупности факторов культурного и правового порядка, что устанавливает сложность ее познания. В качестве объекта исследования правовая культура находится в поле зрения многих наук – культурологии, социологии, политологии, истории и ряда других. Как социально значимый феномен современности правовая культура требует осмысления прежде всего с позиций теоре-

* *Демидова Ирина Андреевна* – заведующий кафедрой правовых дисциплин Могилёвского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

тического юридического знания в силу «завязанности» на развитии и функционировании права, которое меняется вместе с обществом. Наличие социального запроса на правовое культурное функционирование общества и правовое культурное взаимодействие различных обществ, значимость правового культурного развития отдельной личности и представителей тех или иных социальных и профессиональных групп, в частности сотрудников правоохранительных органов государственной власти, в совокупности актуализирует проблематику правовой культуры.

Как и любое теоретическое знание, теория правовой культуры вырабатывается посредством концепций, складывающихся в доктрину, принятие научным сообществом в качестве истинных ее базовых положений позволяет считать сформированную теорию догмой. Создание теории правовой культуры предполагает последовательное обозначение научной проблемы, как осознания неполноты сложившегося знания, либо столкновения различных пониманий, знаний, далее – выработку или провозглашения той или иной идеи, в нашем случае – идеи конституционализма, установление принципа, позволяющего дать объяснения и, наконец, нахождение закона – общей, необходимой, существенной, повторяющейся связи между явлениями, процессами, предметами или элементами их структуры¹. В совокупности данный алгоритм познания призван постижению объекта исследования. При этом проблема правовой культуры может иметь разное обозначение как в силу многомерности правового культурного пространства, так и в зависимости от сформированности теоретического представления об объекте исследования. Равно как и идея, принцип и закон развития изучаемого объекта в силу рассмотрения под различным углом зре-

ния, в рамках того или иного методологического подхода, исходя из целевой направленности постижения и ряда других факторов. При этом развитие теории правовой культуры предполагает осознание ценности и значимости права в социальном плане, как следствие, востребованность правовой культуры в общественных отношениях, что отличает данную теорию от других, проявляется в цикличности научного интереса к этому феномену исходя из политических, идеологических и ряда других обстоятельств.

Оценка состояния развитости теории правовой культуры предполагает обозначение этапов развития теории на основе отличительных признаков с учетом факторов, определяющих специфику объекта исследования, характеристику отдельных научных школ.

Анализ научной и учебной литературы позволяет выделить и обосновать последовательные этапы научного постижения правовой культуры в период Новейшей истории.

Установлено, что начало разработки теоретической конструкции «правовая культура» в советской юридической науке определяется введением данного термина в научный оборот известными советскими теоретиками права С. С. Алексеевым и И. Е. Фарбером на рубеже 50–60-х годов XX в., что хронологически соответствует периоду политической «оттепели». Следующий этап датируется 60–80-х годами XX в. и связан с трудами Е. В. Аграновской, Н. М. Кейзерова, Е. А. Зорченко, Д. А. Керимова, Е. А. Лукашевой и др., в которых важнейшей характеристикой правовой культуры признается классовость, что закрепляется посредством категории «социалистическая правовая культура». Новый этап определяется коренными изменениями государственного

строю, начавшимися в 90-х годах XX в. В данном контексте наиболее показательны фундаментальные научные исследования В. П. Сальникова и А. П. Семитко, которые в большей степени имеют не политическую, а методологическую направленность. Изменения общественного устройства в начале XXI в. определяют содержание современного этапа изучения правовой культуры, который характеризует междисциплинарный подход, многообразие методологических оснований исследования². Преобладающим является структурно-функциональный анализ правовой культуры.

Сложившееся в советской юридической науке представление о структуре правовой культуры как единстве правового сознания (правовой идеологии, правовой психологии и правовой морали) и правомерного поведения дополняется рассмотрением правовой культуры с позиций ее генетической, функциональной, логической (логико-философской), психологической, временной, пространственной, стохастической и иных структур, несущих различную смысловую нагрузку. Признается, что генетическая структура устанавливает связь отдельных элементов и правовой культуры в целом с различными сферами общественной жизнедеятельности, в том числе экономическими, политическими, социальными, духовными, организационными, нравственными, юридическими и иными; функциональная – позволяет определить эффективность функционирования и способы взаимодействия элементов правовой культуры, функциональную нагрузку отдельных ее типов и видов, а также правовой культуры в целом; логическая – обозначить взаимосвязи части и целого (например, индивидуальной и общественной правовой культуры), отдельных элементов правовой культуры и системы правовой культуры в целом, содержания и формы

правовой культуры; психологическая – выявить внутреннюю субъективную природу правовой культуры; временная – проследить процесс возникновения и развития правовой культуры; пространственная – охарактеризовать типы, виды и подвиды правовой культуры; стохастическая – установить необходимые и случайные ее свойства в каждом типе и виде³. Представленный подход к структурированию правовой культуры является показательным в части иллюстрации современных теоретических представлений о правовой культуре.

Сохраняет свое значение характеристика правовой культуры в контексте правовой системы общества, концепт, который был предложен и обоснован В. П. Сальниковым. Следует отметить монографии в развитие данного положения под редакцией А. В. Малько «Правовая политика. Право. Правовая система» (2013)⁴; А. В. Малько и В. А. Пономаренков «Правовая жизнь современного общества» (2015)⁵. Связь правовой культуры с общим уровнем культурного развития находит отражение в работе Н. А. Медушевского «Основы толерантности и правовой культуры» (2014)⁶, национальная специфика российской правовой культуры – в трудах И. А. Исаева «Правовая культура России» (2015)⁷, М. А. Месилова «Правовая культура в механизме развития российской государственности» (2012)⁸; Л. А. Петручак «Правовая культура как детерминанта современного российского общества» (2012)⁹ и др.

Необходимо особо подчеркнуть роль в теоретическом постижении правовой культуры научных школ, сформировавшихся на базе Санкт-Петербургского университета МВД России усилиями сотрудников кафедры теории государства и права, что нашло отражение как в тематике их научных исследований в 2000-е годы. В данном случае

необходимо вести речь не только об изучении правовой культуры и правосознания в работах В. П. Сальникова, но и о развитии актуальных направлений теоретического знания в контексте признания сформированности юридической доктрины фактором правовой культуры общества. В их числе: типология правопонимания (Р. А. Ромашов, П. А. Оль, Ю. В. Ячменев); теория источников права (В. В. Талянин); цикличность государственного развития и правового регулирования (Н. С. Нижник), теория юридического конфликта (Р. А. Ромашов, Е. Г. Шукшина), теория конституционализма (Р. А. Ромашов), теория нормотворчества (С. Л. Сергевнин, О. В. Семенова), зарубежный опыт и национальная традиция в российском праве (А. М. Величко, М. В. Сальников), теория прав человека (В. С. Бялт, О. П. Егоршина, И. С. Захаренко, А. П. Стоцкий), теория правового государства и гражданского общества (Н. И. Карчевская, Н. С. Нижник, М. В. Сальников, Р. А. Ромашов, Е. А. Федоринова) и др.¹⁰

Результаты современных исследований получают презентацию на ежегодных международных научно-представительских мероприятиях, организуемых кафедрой теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России¹¹.

Таким образом, теория правовой культуры как результат научных изысканий многих ученых имеет свою историю становления, которая берет начало в советском периоде. Особенности ее развития определяются многоформатностью объекта исследования, специфика функционирования – политическими факторами. Базовые положения теории правовой культуры, которые были сформированы в советской юридической науке, получают развитие в современных исследованиях. Их инструменталь-

ный характер определяется тем, что они позволяют обеспечить синтез знаний, определить качественный уровень теоретического знания о правовой культуре, спрогнозировать востребованные в современных реалиях направления научного поиска.

©Демидова И. А., 2023

¹ Волчек Е. З. *Философия: Учебное пособие*. 3-е изд., испр. и доп. Минск, 1998. С. 193–195.

² Демидова И. А. *Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования*. Могилев, 2021. С. 20–22.

³ Карташов В. Н., Баумова М. Г. *Правовая культура: понятие, структура, функции*. Ярославль, 2008. С. 34–37.

⁴ *Правовая политика. Право. Правовая система* / Под ред. А. В. Малько. М., 2013.

⁵ Малько А. В., Пономаренков В. А. *Правовая жизнь современного общества*. М., 2015.

⁶ Медушевский Н. А. *Основы толерантности и правовой культуры*. М., 2014.

⁷ Исаев И. А. *Правовая культура России*. М., 2015.

⁸ Месилов М. А. *Правовая культура в механизме развития российской государственности*. М., 2012.

⁹ Петручак Л. А. *Правовая культура как детерминанта современного российского общества*. М., 2012.

¹⁰ История становления и развития кафедры теории государства и права. – https://mvd.ru/upload/site125/obrazovan/kafedra/25/Kafedra_TGP_istoriya_stanovleniya_14.01.20.pdf. С. 7–8 (дата обращения: 06.06.2023).

¹¹ См. об этом подробнее: Нижник Н. С. 1) От научного редактора // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, 01–02 февраля 2017 года. Вып. 1. СПб., 2017. С. 3–8. EDN ZUPDJH; 2) От редактора // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): В 2 ч. Ч. 1: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под ред. Н. С. Нижник; сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. СПб., 2020. С. 24–29; 3) От

редактора // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): В 2 ч. Ч. 1: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под ред. Н. С. Нижник; сост. Н. С. Нижник, Т. О. Чукаев. СПб., 2020. С. 17–21; 4) От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): Материалы XVIII международной научной конференции, в 2-х частях, Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 года. Ч. 1. СПб., 2021. С. 14–19. EDN OYOXLQ; 5) От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи) : Материалы XVIII международной научной конференции: В 2 ч. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 года. Ч. 2. СПб., 2021. С. 14–17. EDN WEPFJM; 6) От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): Материалы XIX международной научно-теоретической конференции: В 2 ч., Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года. Ч. 1. СПб., 2022. С. 32–64. EDN VGNHMG; 7) От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): Материалы XIX международной научно-теоретической конференции: В 2 ч. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года / Под ред. Н. С. Нижник, сост. Н. С. Нижник, Е. Н. Козинникова. Ч. II. СПб., 2022. С. 23–41. EDN HTPOUN.

СИСТЕМНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Профессиональное правосознание и юридическое образование взаимообуславливают друг друга. Знания, приобретенные при изучении юридических дисциплин, обеспечивают правовое воспитание субъектов юридического образования (обучающих и обучаемых). Субъекты, получившие соответствующие знания, не принимают идей, которые расходятся с их знаниями о «добром» и «злом» поведении. В результате, у субъектов юридического образования формируется установка на осуществление поведения в направлении основных идей концепции (в данном случае – это правовое государство, гражданское общество и естественное право) посредством тех правовых ценностей (нормы и принципы), которые им предлагает учебная программа¹. Другими словами, у субъектов юридического образования формируется установка на безусловное следование действующему праву в целях построения правового государства, гражданского общества и расширения сферы действия естественного права. Своим поведением субъекты юридического образования оказывают преобразующее воздействие на общественные отношения, которые, изменяясь, корректируют и юридическое образование².

При этом надо учитывать, что взаимное воздействие профессионального правосознания и юридического образования носит системный характер и развивается в рам-

* *Мигущенко Олег Николаевич* – профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

ках метасистем. Только так можно понять закономерности возникновения, существования и назначения изучаемой системы³. Первым шагом на пути определения указанных закономерностей может стать попытка отнесения правосознания к тому или иному виду систем, описанных в работах по теории систем.

Прежде всего, мы должны определить правосознание как нематериальную (духовную) систему, в отличие от материальных, образующих техносферу планеты⁴.

Правосознание будет системой активной, целенаправленной и обладающей обратной связью со средой, поэтому о нём можно говорить и как о бихевиоральной открытой системе⁵. Необходимо отметить, что признаком открытости выступит активная обратная связь со средой. Такие системы называют еще мягкими, то есть способными адаптироваться к внешним условиям с сохранением своих признаков. Сложностью исследования мягких систем, в отличие от жестких, ориентированных на физико-математическую область, является необходимость учета человеческого фактора. Поэтому большую роль в их исследовании должны играть эвристические рассуждения и интуиция⁶.

Помимо целеориентированных систем, где главной задачей системы является достижение заданного состояния, выделяются еще ценностно-ориентированные системы. Для последних большее значение имеет не достижение конечных целей, а процесс, оцениваемый критерием ценности. В случае, когда четкое целеуказание (описание требуемого конечного состояния) отсутствует, понятие «цель» трансформируется в понятие «ценность». В этом случае можно говорить не о целедостижении, а о тенденции развития системы⁷. Применительно к правосознанию это может означать, что как система оно

может ориентироваться как на цель, так и на ценность. И ключевая роль в придании направленности правосознанию принадлежит системе образования и, прежде всего, юридического образования, которое по своей сути является образованием идеологическим⁸.

Вообще правосознание имеет три тенденции:

- ценностная ориентированность правосознания в целом;
- целеориентированность правовой идеологии;
- целеориентированность правовой психологии (в свою очередь, имеет две внутренних тенденции).

Если представить правовые идеологию и психологию как диалектические противоречия, то можно заметить следующее. Правовая идеология будет развиваться в направлении к общегосударственной цели, правовая психология, аккумулируя интересы разных уровней, более тяготеет к частным (негосударственным, прежде всего) целям. Но вместе и правовая идеология, и правовая психология будут формировать ценность. Именно в силу последнего обстоятельства они и приобретают системно-ценностную целостность. Но тогда возникает видимость того, что приоритет противоречия, обусловленного правовой идеологией, превращает правосознание в целеориентированную систему. Победа противоположного придаст системе характер целевой разнонаправленности и, в конце концов, приведет от порядка к хаосу. В этом случае о правосознании нельзя будет говорить как о целеустремленной системе, да и вообще как о системе, в конечном счёте. Другое дело, если правовая психология быстро получит «подпитку» в виде новой идеологии (не обязательно правовой). В этом случае вновь обнаружится целеустремленность правосознания в целом. Целеустремленной системой правосознание будет

выступать, прежде всего, на переходных этапах общественного развития. При этом нельзя смешивать понимание целей в системе «общество» и ее подсистеме «правосознание». Для общества общесистемной целью может стать, например, построение нового общественного строя. Правосознание же будет иметь более узкую цель, хотя и выводимую из общественной. Изменение среды ставит перед системой «правосознание» задачу адаптации к новым условиям, которая выливается в конкретную цель – формирование правового сознания, адекватного окружающей среде. Более конкретной (внутрисистемной) целью станет формирование прежде всего поведенческого элемента системы «правосознание», соответствующего новым правовым отношениям. Однако по достижению заданного состояния оказывается достаточно сложно предсказать как возможные правоотношения, так и форму процесса реализации права будущего. Вследствие этого со временем очередная цель становится в большей или меньшей степени размытой. Правосознание приспособляется к существующим социально-экономическим отношениям, и система «правосознание» переориентируется на саморазвитие в направлении повышения эффективности оценки данного общества. Эффективность оценки (то есть эффективность функционирования правосознания) будет выше тогда, когда ее критерии максимально сблизятся с новыми общественно-политическими ценностями, идеалами и интересами. Другими словами целеориентированность системы правосознание приобретёт новое качество – ценностную ориентированность. Произойдёт это в силу способности правосознания быть «мягкой» системой.

Являясь «мягкой» системой, правосознание будет и динамической системой. А ее способность в зависимости

от условий ориентироваться как на цель, целесообразность (в условиях нестабильного состояния общества), так и на ценность, «справедливость» (в стабильном обществе) позволяет говорить о правосознании в первом случае как о динамически неустойчивой, а во втором – как о динамически устойчивой системе⁹. Динамизм системы «правосознание» проявится в ее способности равновозможного, гибкого осуществления функций каждым элементом системы в зависимости от ситуации. Тем самым можно утверждать, что данная система обладает способностью к альтернативному поведению, где за счет последовательного изменения приоритета в осуществлении функций, для каждой конкретной ситуации, в целом, достигается устойчивость системы. Динамически же неустойчивой она может быть не в смысле возможности распада и прекращения существования, но в смысле несоответствия, рассогласования целей между ее элементами. Следствием этого становится несоответствие, например, официальных правовых идей и массовых правовых настроений или резкие противоречия элитарного и массового правосознания, что дестабилизирует не только само правосознание как целостность, но и правовую систему, и общество в целом. В обществах, осуществляющих кардинальные преобразования, всегда существует такая угроза. А скорость выхода из состояния динамически неустойчивой ситуации в значительной степени зависит от эффективности правовой и социально-экономической политики государства¹⁰.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что правосознание является системой. Оно обладает качествами различных систем: нематериальной (духов-

ной); активной; целенаправленной или ценностно-ориентированной; открытой и мягкой, имеющей обратную связь со средой; бихевиоральной; динамической устойчивой или неустойчивой (в оговоренном выше смысле); сложной и организационной. В то же время здесь необходимо учитывать тот факт, что «размытость границ между видами систем и многообразие их видов»¹¹ вынуждают сделать поправку на некоторую условность выделенных нами системных признаков правосознания. Поэтому вопрос о классификации правосознания по системному критерию нельзя считать закрытым.

© Мигущенко О. Н., 2023

¹ В среднем стандарты меняются каждые четыре года, что, вероятно, должно доказывать колоссальное положительное развитие системы образования.

² Мигущенко О. Н. Основной вопрос юридического образования в современной России // Юридическое образование и наука. 2016. № 4. С. 17.

³ Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. А., 1991. С. 25.

⁴ Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М., 1999. С. 9, 10.

⁵ Разумовский О. С. Бихевиоральные системы. Новосибирск, 1999. С. 26.

⁶ Плотинский Ю. М. Математическое моделирование динамики социальных процессов. М., 1992. С. 22, 23.

⁷ Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М., 1999. С. 82, 83.

⁸ Мигущенко О. Н. Тенденции развития системы юридического образования в постсоветской России // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 3. С. 53.

⁹ Диалектика познания сложных систем / Под ред. В. С. Тетюхина. М., 1988. С. 9.

¹⁰ В нашем случае речь идёт о свёртывании нэпа и форсированной индустриализации.

¹¹ *Разумовский О. С.* Бихевиоральные системы. Новосибирск, 1999. С. 31.

А. В. Хвостова*

ИДЕЯ ОГРАНИЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ПРАВОСОЗНАНИИ

Научное правосознание принято отличать от обыденного и профессионального правосознания прежде всего по глубине отражения им правовой действительности. Так как правовое сознание вне зависимости от того, сколь глубоко оно стремится постигнуть правовую действительность, представляет собой сложную систему смысловых единиц, особенности формирования современного научного правосознания, очевидно, должны отражаться в тех идеях, которые составляют его содержание. Выясним, справедливо ли высказанное суждение там, где речь идет о такой важной для правового сознания идее, как ограничение.

В современном научном правосознании ограничение, как и любая другая значимая для него идея, оказывается неразрывно связанной с идеей права. При этом, с одной стороны, в идее ограничения находит отражение то, что праву имманентно установление пределов свободы, что его действие неразрывно связано с определением границ действия субъектов и их удержанием в этих границах. С другой стороны, ограничение рассматривается в качестве средства устранения произвола и урегулирования общественных отношений, подчеркивается его значимая роль для установления и поддержания порядка, для защиты признаваемых и охраняемых правом интересов. Таким

* *Хвостова Анастасия Вячеславовна* – адъюнкт кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

образом, установлению пределов свободы научным правосознанием придается инструментальный смысл.

С одной стороны, имманентность ограничения праву в качестве того, что служит средством установления пределов свободы, сдерживает человека, с другой стороны, его инструментальная ценность для него в качестве средства упорядочивания и защиты признаваемых правом интересов – это те общие «мотивы», которые объединяют исследования ограничений в праве, осуществляемые с разных позиций. Различия в средствах выражения этих «мотивов», относящихся к одному и тому же мысленному образу, связаны с тем, что для современной науки характерен «методологический плюрализм, который предоставляет исследователю богатейшие и разнообразные возможности в выборе методов исследования»¹.

Справедливость высказанного суждения иллюстрирует сопоставление определений ограничения в праве (правового ограничения), формулируемых разными учеными. Так, А. В. Малько, отождествляя, как и большинство современных исследователей, ограничение в праве с правовым ограничением, предлагает понимать под ним «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите; установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»². И. М. Приходько под правовым ограничением понимает «правовое средство, «направленное на удержание субъекта права в определенных рамках с целью упорядочения общественных отношений путем обеспечения интересов контрsubjекта»³. Г. С. Беляева и А. А. Умарова формулируют следующее определение: «правовые ограничения – закрепленные в

действующем законодательстве и обеспеченные принудительной силой государства границы (пределы) разрешенного поведения субъектов права, выраженные в исключениях определенных возможностей в их деятельности и изъятиях из их правового статуса, создающие неблагоприятные условия для удовлетворения собственных интересов субъектов и направленные на их сдерживание и одновременно на удовлетворение интересов контрагентов или публичных интересов, охраняемых государством»⁴.

В целом, можно утверждать, что в современном научном правосознании правовое регулирование представлено как процесс, в результате которого свобода субъектов права становится ограниченной. В то же время установление пределов свободы активности субъектов права не представляется самоцелью, потребность в нем диктуется необходимостью предотвращения и урегулирования посредством права возникающих конфликтов. Именно способность права к ограничению свободы для предупреждения или устранения конфликтов между социальными субъектами позволяет рассматривать право как одну из высших социальных ценностей.

В осмыслении ограничений научное правосознание опирается на тезис о том, что свобода не может быть абсолютной, поэтому для упорядочения ее реализации правом устанавливается определенная мера. В этой связи справедливо мнение о том, что «ничем неограниченная свобода одного становится несвободой для другого»⁵. Установление посредством правовых предписаний границ деятельности субъектов права позволяет зафиксировать, где заканчивается свобода одного субъекта и начинается свобода другого.

Разрешая вопросы, связанные с инструментальной ценностью и целесообразностью ограничений в праве,

научное правосознание исходит из того, что ограничение – далеко не единственное средство достижения целей права. Чаще всего ограничение рассматривается через призму дихотомии «ограничение-стимулирование»⁶.

В профессиональном правосознании, в отличие от научного, ограничение предстает как необходимое условие порядка, как средство его достижения и поддержания. Носители такого правосознания в правовом ограничении обращают внимание прежде всего на его инструментальную ценность, воспринимая и определяя его в качестве средства регулирования общественных отношений. Для носителей профессионального правосознания ограничение ассоциируется с процессом упорядочения реализации свободы, и, как следствие, предстает неотъемлемым условием нормального развития и функционирования общества и государства. При этом порядок может восприниматься по-разному – и как самоценность, и как условие защищенности общезначимых интересов, и как общая гарантия прав и свобод человека и гражданина – в зависимости от специфики той практической деятельности, которой занимается юрист – носитель правового сознания.

В современном профессиональном правосознании преобладает положительное отношение к правовым ограничениям и их применению, основанное на признании их необходимости и целесообразности: профессиональное правосознание практически, именно поэтому первостепенно значимым в правовом ограничении его носители признают ту пользу для общества, которая достигается посредством их установления и в процессе их реализации.

Что касается обыденного правосознания, то в нем ограничение ассоциируется прежде всего с несвободой, сужением возможностей, принуждением. В центре вни-

мания носителей такого правосознания оказываются вопросы, связанные со справедливостью ограничений. Это обуславливается тем, что для обыденного правосознания имеет значимость понимание права как меры справедливости, как равной меры свободы каждого. Справедливым для носителей обыденного правосознания представляется то, что свобода ограничивается в разумных и равных для всех пределах, в той мере, в какой это необходимо для блага каждого и всего общества.

Описанные особенности ограничения как идеи обыденного правосознания объясняются тем, что правозначимые процессы и явления воспринимаются им в наиболее очевидных своих проявлениях, при этом правосознанию названного вида не свойственна идеализация. Носители обыденного правосознания исходят из того, что для общего блага в соответствии с установками естественного права внешняя свобода человека должна быть ограничена свободой другого, но только при соблюдении принципов равенства и справедливости.

Принимая во внимание изложенное, можно утверждать, что идея ограничения в научном правосознании отражает в себе моменты, значимые, с одной стороны, для обыденного, с другой стороны, для профессионального правосознания. Обыденным правосознанием ограничение воспринимается прежде всего в качестве несвободы, справедливость которой обуславливается общественной необходимостью и обеспечивается строгим соблюдением принципа формального равенства при установлении и реализации общеобязательных требований, профессиональным правосознанием – в качестве средства установления и поддержания порядка. В идее ограничения в научном правосознании находят отражение одновременно и то, и другое. Это дает основание утверждать, что (по крайней

мере, в том, что касается ограничения) научное правосознание действительно характеризуется большей глубиной отражения правовой действительности.

© Хвостова А. В., 2023

¹ Чернявский А. Г., Грудцына Л. Ю. Методологические аспекты изучения природы правовых ограничений и феномена пределов юридической ответственности // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 361.

² Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 240.

³ Приходько И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 20–22.

⁴ См.: Беляева Г. С., Умарова А. А. Правовые ограничения и их институционализация в современном законодательстве: общетеоретическое исследование. М., 2021. С. 47–48.

⁵ Строганова Н. И. Свобода человека: философская и правовая категория // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 299.

⁶ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2005; Семенова И. Ю. Действие правовых стимулов и ограничений в регулировании семейных отношений. Чебоксары, 2012; Хлуднева Н. И. Эколого-правовые ограничения и стимулы в экономической деятельности в России. М., 2022; и др.

*Е. А. Дрогавцева**

ПРАВОСОЗНАНИЕ ГРАЖДАНИНА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩИХ ЦЕННОСТЕЙ

В общественном правосознании происходит анализ правовой информации от ее чувственного восприятия через понимание к осознанию и формированию иерархии правовых ценностей¹. Уровень правосознания общества оказывает влияние на развитие государства в целом и не является стабильным явлением. В свою очередь, государство призвано обеспечить основания для здорового и полноценного развития системы ценностей населения, проживающего на его территории, в том числе методами нормативно-правового регулирования.

В этой связи на современном этапе развития одной из приоритетных задач государственной, национальной, региональной политики Российской Федерации является стабилизация общественных отношений, фундамент которых призваны обеспечить традиционные российские духовно-нравственные ценности, которые возможно априори рассматривать в качестве основы становления как индивидуального, так и коллективного правосознания.

О сосредоточении внимания со стороны законодателя на этой проблеме свидетельствуют конституционные поправки от 2020 г., охватывающие духовно-нравственную сторону жизнедеятельности общества, а также ряд норма-

* *Дрогавцева Екатерина Александровна* – преподаватель кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

тивных правовых актов, к которым можно отнести Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»², Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³, Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴. В этой связи высказано мнение о том, что нужно идти от стратегии к акту постоянного действия – федеральному закону, в котором будут определены конкретные правовые дефиниции, касающиеся рассматриваемой сферы исследования⁵. В данном контексте представляется интересным рассмотреть междисциплинарные категории «гражданство», «гражданственность», «патриотизм», опираясь на единый концептуальный подход оценки степени их значимости в формировании правосознания человека и гражданина.

Длительный и сложный процесс образования государств был связан со становлением институтов государственного управления, формированием в общественном правосознании патриотизма⁶. В Древнем Риме существовала градация приоритетов для гражданина. Ведущую роль занимали обязанности перед Отечеством, затем следовали обязанности перед родными и лишь после – личное благо⁷. Отечество воспринималось как явление многогранное, постоянное и абсолютное, не подлежащее измерению, поэтому не совсем верно характеризовать Отечество как общественную величину⁸, несмотря на то, что без общества оно обособленно существовать не может.

Предпосылки формирования приоритетов гражданина прослеживались и в более ранние периоды. Так, Эпи-

кур трактовал свободу гражданина как осознание ответственности за разумный выбор образа жизни⁹. Платон полагал, что добродетелью гражданина является не только «управление» самим собой и тем, что принадлежит, но и забота о государственных интересах¹⁰. Таким образом, даже на первоначальных этапах становления гражданства в качестве важнейшего государственного атрибута, можно выделить помимо его правового содержания некоторое иное предназначение как источника, обладающего морально-нравственным смыслом.

Для гражданина ведущую позицию занимали обязанности перед государством. Слова великого древнеримского мыслителя Марка Туллия Цицерона прекрасно демонстрируют осознанную гражданскую позицию римлянина: «...природа наделила человека столь великим стремлением поступать доблестно и столь великой склонностью служить общему благу, что сила эта одерживала верх над всеми приманками наслаждений и досуга»¹¹. Это подчеркивает исключительный характер римского гражданства. Акцент делается не только на юридической связи человека и государства, но и на особенности, исключительности самих людей, имеющих честь обладать таким отличительным статусом, как гражданин. Причем рассматривается не один гражданин как личность, а именно общность, некий соединяющий дух в виде долга перед государством. Этот долг не выступал в качестве принуждения, а был почетной неотъемлемой составляющей жизни древнеримского гражданина.

В качестве подтверждения могут выступать отдельные сохранившиеся памятники римского права. Ярким примером являются дигесты Ульпиана (1.1.2): нормы, касающиеся гражданства, относятся к публичному праву, так как частное право касается «пользы отдельных лиц»¹².

Учитывая, что сущность публичной власти заключается в ее осуществлении от имени всего населения, нетрудно сделать вывод о том, что гражданство и правовые нормы, регулирующие данную сферу, направлены на общественное благо. На благо, стоящее выше личного интереса – общее благо, о котором писал Цицерон в «Диалогах о государстве».

Ключевым элементом во взаимосвязи государства и гражданина выступает духовное единство, возникающее вследствие высокого уровня гражданского правосознания античного общества.

Говоря об античной эпохе, следует отметить то, что римское гражданство воспринималось как особое качество, а патриотизм, помимо духовной составляющей, одновременно являлся телесной привязанностью к полису, к земле, на которой выстроен город¹³. В Риме было четко сформировано имперское мышление: понятие «патриот» отождествлялось с понятием «земляк»¹⁴. Принимая во внимание исторически сложившуюся связанность гражданина и территории государства, категория «гражданство» была немислима без высокого уровня гражданского правосознания.

В настоящее время в России не в полной мере осознана роль гражданина и осмыслены специфика формирования его правосознания¹⁵ и его значение для развития государственности. Приоритетом правосознания отдельных индивидов в настоящее время, к сожалению, в большей степени является личное благо, а не интересы Отечества и семьи. Хотя активная работа по сохранению исторической памяти народа и его духовно-нравственных ценностей осуществляется в различных формах¹⁶.

Принимая во внимание правовые нормы, направленные на регулирование духовно-нравственной стороны

жизни общества и развития правосознания, категории «гражданство», «гражданственность» и «патриотизм» возможно рассматривать в рамках единого подхода к правовому регулированию, направленному на повышение уровня правосознания в рамках концепции укрепления государственно-гражданской идентичности населения нашего государства. Вместе с тем, высокая степень внимания со стороны законодателя свидетельствует о проблемах в сфере ценностно-нравственной ориентации российского общества. При таких обстоятельствах важно задать верный вектор координации, отражением его содержания будут дефиниции:

– «гражданственность», характеризующая, с одной стороны, чувство долга и ответственности, уважение к Конституции и законам, а с другой – осознание достоинства личности в демократическом обществе, которое выступает гарантией двусторонней связи человека и государства;

– «патриотизм», фиксирующая баланс любви к Отечеству и уважения других народов и государств, их традиций, обычаев и культуры, а не противопоставление, находящее выражение в поиске антиподов для понимания своей нации и ее интересов выше остальных.

© Дрогавцева Е. А., 2023

¹ Реуф В. М., Сальников С. П. Правосознание как функция и функции правосознания // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12. С. 56.

² Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 17 февраля 2023 года) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 146; <http://pravo.gov.ru> - 17.02.2023.

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351.

-
- ⁴ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.
- ⁵ *Виноградов О. В.* Теоретические и правовые проблемы совершенствования государственной национальной политики Российской Федерации // VI Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 22 мая 2018 года. СПб., 2018. С. 175.
- ⁶ *Головко А. А.* Человек. Личность. Гражданин. Минск, 1982. С. 14.
- ⁷ *Титаренко И. Н.* Философские идеи античности в контексте современности: о сакральном и человеческом. М.; Таганрог, 2012. С. 127.
- ⁸ *Губанов Н. И.* Отечество и патриотизм. М., 1960. С. 9.
- ⁹ Материалисты Древней Греции: Собрание текстов / Под ред. М. А. Дынника. М., 1955. С. 112.
- ¹⁰ *Платон.* Алкивиад I // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 265.
- ¹¹ *Цицерон.* Диалоги: О государстве. О законах / Отв. ред. С. Л. Утченко. М., 1966. С. 7.
- ¹² *Всеобщая история государства и права* / Под ред. К. И. Батыра. М., 1998. С. 102.
- ¹³ *Фан И. Б.* От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург, 2006. С. 54.
- ¹⁴ *Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // *Общественные науки и современность.* 2008. № 1. С. 110.
- ¹⁵ *Буранова В. О., Сафронов В. В.* Правосознание гражданина как один из видов правосознания // *Научный альманах.* 2016. № 5-1(19). С. 357.
- ¹⁶ *Силкин Н. Н.* Знать, чтить и продолжать традиции отцов и дедов! (о совете ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России) // *Государство. Право. Война* (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020.

С. 1850–1859; *Дрогавцева Е. А.* Путь патриотизма от Великой Отечественной войны до современной России // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1875–1880; *Нижник Н. С.* Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Могилев, 19 мая 2023 года. Могилев, 2023. С. 106–114. EDN NYZJON; *Нижник Н. С., Нижник В. А.* Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. редакторы С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 226–237. EDN RVCGWM; *Нижник Н. С.* Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. редакторы С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 219–225. EDN CGYUUA; *Полежаев Е. Е.* Памятники кубанским милиционерам — участникам Великой Отечественной войны как средство сохранения исторической памяти народа России // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве за Москву, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине / Отв. ред.: Е. П. Максименко, З. З. Мухина, Н. А. Тимощук, Д. А. Хорват. М., 2023. С. 201–212; *Нижник Н. С.* Формирование антиэкстремистской среды в

образовательной организации – веление времени // Формирование антиэкстремистской и антитеррористической среды в вузе на современном этапе: Сборник докладов Международной научно-практической конференции, Белгород, 25 марта 2021 года / Под общей редакцией С. Н. Глаголева. Белгород, 2021. С. 25–32. EDN VPUIKQ; Лапина А. А. Коммеморативные практики как средство патриотического воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве за Москву, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине / Отв. ред.: Е. П. Максименко, З. З. Мухина, Н. А. Тимощук, Д. А. Хорват. М., 2023. С. 159–167; Нижник Н. С. Историческая память как детерминанта патриотического воспитания // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве за Москву, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине / Отв. ред.: Е. П. Максименко, З. З. Мухина, Н. А. Тимощук, Д. А. Хорват. М., 2023. С. 180–191; и др.

К. Е. Сигалов*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ

Профессиональное правосознание – это совершенно отдельный феномен, который, разумеется, вне связи с доктринальным и массово-обычным существовать не может, но должно быть рассмотрено в абстракции, то есть отдельно от них. Обычно речь идёт об одном весьма важном аспекте проблемы – о профессиональном правосознании именно юристов и лиц, так и или иначе с этой профессией связанных. Так принято, и это наиболее востребовано, но не вполне правильно по смыслу, ибо профессиональное правосознание есть не только у юристов, но и дантистов, инженеров, бизнесменов, агрономов, артистов и т. д., – то есть лиц, с юридической профессией никак не связанных в своей профессиональной деятельности, но имеющих своё собственное – именно профессиональное, а не массово-обыденное – правосознание.

Каждая буквально профессия имеет свой сегмент профессионального правосознания. У одних профессий – бóльший, у других – меньший, ну а у большинства всё же

* *Сигалов Константин Елизарович* – профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя; профессор кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов (Москва); профессор кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации МВД России (Москва), доктор юридических наук, профессор.

просто ничтожный, и по своей сути сливающийся с массово-обычным в силу массовости и общности этих профессий. Однако некоторые профессии всё же имеют чётко выраженный характер собственного, в каждом конкретном случае отдельного профессионального правосознания, обладающего своими конкретными признаками. К ним можно отнести, в первую очередь:

- 1) экономистов и финансистов;
- 2) пул гуманитарных специальностей (историков, политологов, философов и т. п.);
- 3) пул художественно-артистических специальностей;
- 4) технических специалистов;
- 5) псевдопрофессиональное квазиправосознание преступной среды.

«Цивилизация предполагает формальные механизмы упорядоченного, правового поведения, а не основанные на чьей-то милости, идее или доброй воле»¹.

Профессиональное правосознание, будучи чрезвычайно разнородным, находится не между доктринальным и массово-обычным правосознанием, а на «перекрёстке» между ними. При этом отдельные его части тяготеют, скорее, к доктринальному, отдельные – к массово-обычному. Это и не удивительно, ибо степень профессионализма и юридической обученности весьма различна. На этом перекрёстке предписывающими знаками являются как «*Dura lex sed lex*», так и «Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло», хотя многие используют эти знаки именно по обстоятельствам – когда выгодно одно, когда не выгодно – другое. Этот перекрёсток, этот водораздел все преодолевают по-разному, в зависимости от степени профессионализма и, порой, элементарной порядочности.

Профессиональное правосознание в огромной степени корреспондируется к типам правам, а не к его отрас-

лям, ибо всё же представляет не тиражированную кальку профессионального восприятия правовой реальности административистами, цивилистами, специалистами в уголовном, конституционном и т. д. праве, а пропущенное через собственное восприятие, собственный профессиональный и личный бытовой опыт мироощущение и правопонимание. На это накладывается всё же доктринальное правосознание, воспринимаемое каждым индивидуально: все учились с разной эффективностью и у разных учителей, у каждого всё это преломилось в его внутреннем мире исключительно индивидуально.

Не секрет, что доктрина имеет различное влияние на различные типы права. Условно говоря, доктрины больше, скажем, в конституционном типе права, нежели в уголовном и т. д. Здесь есть ещё один странный именно для современного права аспект. Признаем, что доктрина есть порождение теории права, или рефлексии отраслевых типов права в поднятии их до серьёзного теоретического уровня (например, классических римских юристов). Но представители отраслевых типов права пытаются создавать каждый свою квазитеорию, доказывая, что именно их право (уже отрасль) является как раз эпицентром права и правовой мысли, самым что ни на есть правовым правом.

Казалось бы, в большей степени политизации должно подвергаться доктринальное правосознание – ближе к политике, имеются многочисленные каналы воздействия. Но, вероятно, степень аргументации, сохраняющейся в доктринальном правосознании, заставляет политика не отказываться от попыток политизации доктрины, а использовать возможность заходить в этих попытках «через заднее крыльцо», то есть через профессиональное правосознание, точнее, его отдельные проявления. Профессио-

нальное правосознание в большей степени подвержено различным типам воздействия: административному, моральному, религиозному, личностному (воздействию авторитетов). Вот здесь мы видим огромное разнообразие типов профессионального правосознания, опирающегося на:

- а) собственное правопонимание;
- б) опыт деятельности;
- в) отдалённость от доктринального правосознания;
- г) политизацию;
- д) место и значимость носителя профессионального правосознания во властных структурах;
- е) «заражённость» преступным влиянием, степень коррупционности.

Профессиональное правосознание элиты юридического мира не столь откровенно имеет воздействие массово-обычного правосознания, а когда это происходит, то, разумеется, происходят разного рода казусы.

Однако вернёмся к профессиональному правосознанию за пределами юридического мира. Об этом говорят мало, а зря. Большая часть представлений о праве связана с собственностью и возможностью ею распоряжаться. И. Бентам считал, что «собственность и право рождаются и должны умирать вместе. До появления законов не было никакой собственности: уберите законы – исчезнет всякая собственность»². Правосознание во многих профессиональных сообществах, сопряжённых с экономикой, мягко говоря, очень далеко от идеального. Прежде всего, это касается правосознания в экономической и финансовой сферах. «Экономическое сознание – это сознание хозяйствующего субъекта, достигшее определённого уровня своей развитости и активности, обретшее свою относительную самостоятельность и особую практическую значимость, а не просто имеющее сознание организатора и

производителя продукции»³. Но вот как раз здесь-то и начинаются проблемы. Экономисты различного уровня (от экономистов-аналитиков до банальных счетоводов) изобретают свои правила, которые активно и успешно внедряют в жизнь на различных уровнях – от отдельного предприятия до всей страны. Финансисты, банкиры, налоговики действуют ещё более жёстко и цинично. Право здесь превращается в корпоративное нормотворчество, часто противоречащее и действующему законодательству, и праву в целом, что парадоксально, особенно для налоговиков. «Интересы юристов можно противопоставить интересам экономистов, которые совершенно отличны. Экономистов не интересуют конкретные люди или конкретные каналы, по которым течет богатство. В судебных тяжбах по поводу, например, завещания или контракта экономистов не интересует, по какому адресу попадут деньги. Но им нужно знать ответ на более общий вопрос: можно ли вообще добиться выполнения договора? Если нет – значит, речь идет об обществе, в котором богатство нелегко переходит из рук в руки. Поскольку экономическая теория в основном занята обменом благ, можно предсказать, что такое общество будет экономически примитивным»⁴.

Столь же «профессионально» действуют и чиновники. Прежние меры административного принуждения сменились «юридическим беспределом», когда гражданам предписывается действовать по закону, а сами чиновники в своей профессиональной деятельности от этого избавлены. Причём «крайнего» не найдёшь: всегда ссылаются на вышестоящие инстанции.

Особое место имеет псевдопрофессиональное квазиправосознание криминальных слоёв. Вот здесь сложно говорить, что имеется хоть какое-то значимое влияние док-

трины. Тем не менее, принцип «мы нарушаем, а вы не имеете права это делать» всё более и более работает здесь. «Заражённость» профессионалов от преступной среды была всегда, всегда была профессиональная деформация, но в последнее время это приобрело совершенно иной характер. Сложно говорить о том, насколько это опасно, но то, что банальные взятки и «крышевание» в основном ушли в прошлое – факт; теперь в ходу более сложные и изощрённые схемы. И здесь мы можем констатировать, что изобретатели таковых учились хорошо, прекрасно разбираются в юридических и экономических законах, что свидетельствует, как ни парадоксально, об определённой профессиональной зрелости и «приближенности» такого типа профессионального правосознания к доктринальному.

Столь же парадоксально трансформируется и коррупционная составляющая в чиновничьей среде. Ну зачем брать банальные взятки, когда твоя зарплата в сотни раз превышает профессорскую, социальный пакет позволяет вообще обходиться без денег, а прописанные в подзаконных актах привилегии начисто лишают отдельных персонажей заботы о конкурентной среде.

Как отмечает А. В. Поляков, «в одних обществах право представляет собой высшую социальную ценность, подчиняя себе остальные ценности, в том числе моральные и религиозные. В других – оттесняется на второй план и играет роль вспомогательную»⁵.

Итак, профессиональное правосознание – есть атрибут каждой профессии. И в каждой профессии оно обладает как чисто профессиональными особенностями, так и сопряжёнными с этими профессиональными особенностями позитивными и негативными характеристиками. В то же время не секрет и то, что для отдельных профессий сам феномен права, и, соответственно, правосознания

имеет большее значение, а для других – меньшее. Правонарушения совершают представители всех профессий, и на всех уровнях. Разумеется, правонарушения в высших эшелонах власти, в крупном бизнесе имеют большие негативные последствия и обусловлены более сложными феноменами в проявлении правосознания. Азбучной истиной является и то, что любые правонарушения в отдельных профессиональных сообществах (сотрудники правоохранительных органов и силовых структур, финансисты, экономисты, врачи, крупный бизнес) имеют более значимые последствия. Отсюда и значимость правосознания профессиональных элит.

© Сигалов К. Е., 2023

¹ Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. М., 2004. С. 20.

² Правовая мысль: Антология / Авт.-сост. В. П. Малахов. М.; Екатеринбург, 2003. С. 293.

³ Малахов В. П. Право в контексте общественного сознания. Принцип правопонимания. М., 2015. С. 21.

⁴ Бетелл Т. Собственность и процветание. М., 2008. С. 39.

⁵ Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 325.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДЕКВАТНОГО ПОНИМАНИЯ ДЕФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Адекватное понимание государственно-правовых явлений, равно как и любых иных, имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение. Любые искажения, обусловленные доктринальной недобросовестностью и тем более невежественностью, методологической, идеологической или политической ангажированностью и иными причинами, неизбежно будут приводить к искажению сути явления, и, как следствие, порождать издержки теоретического и практического плана. В этой связи нельзя не согласиться с А. Ф. Черданцевым, который справедливо отметил, что «высший долг ученого заключается в том, чтобы в любой ситуации сохранять объективность – изображать действительность такой, какова она есть, не замалчивая "неприятные" ее стороны и не приписывая ей качества, которыми она не обладает»¹.

Не является исключением и понятие «деформация профессионального правосознания».

В настоящей статье, одна из целей которой состоит в привлечении внимания к более основательному осмыслению заявленной в ее названии проблеме, будут рассмотрены

* *Толстик Владимир Алексеевич* – начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

рены лишь некоторые ее аспекты, нуждающиеся, на наш взгляд, в первоочередной доктринальной проработке.

1. Одной из наиболее существенных проблем, не способствующих адекватному пониманию государственно-правовых явлений вообще и деформации профессионального правосознания в частности, является их идеализация. Ранее эта проблема нами была рассмотрена при анализе «основного вопроса» юриспруденции – проблемы правопонимания и был сделан выводы о том, что:

а) идеализации права является одним из наиболее серьезных препятствий на пути к адекватному его пониманию;

б) необходимо решительно отказаться от какой-либо идеализации права, рассмотрения его в качестве высшей социальной ценности;

в) отказ от идеализации права отнюдь не означает отказа от критики содержательной стороны права (в чем необоснованно обвиняют представителей юридического позитивизма)².

Идеализация имеет место и в отношении деформации профессионального правосознания. В учебной и научной юридической литературе, причем как советского периода, так и современного, рассматриваемую разновидность правового сознания наделяют по большей части положительными качествами, якобы присущими любому их носителю.

Так, в научных изданиях называются такие качества профессионального правосознания, как компетентность, ориентированность на реализацию правовых норм, связь с идеалами справедливости и законности, политическая зрелость, чувство профессионального долга и другие³. В учебной литературе профессиональное правосознание юриста характеризуется как научно обоснованная,

стройная система правовых знаний, убеждений и чувств, которыми он руководствуется в своей деятельности⁴.

Между тем, обращение к реальности, нередко являющейся факты не только низкого уровня правовой культуры в части недостаточности правовых знаний, уважения к закону, практики его реализации, но и откровенного противоправного поведения, порождают некоторое недоумение. Конечно, есть целый ряд работ по проблемам деформации правосознания, в том числе профессионального, но этот факт при сопоставлении его с изначальными характеристиками профессионального правосознания, вызывает диссонанс в сознании обучаемых. По сути, должное выдается за сущее, а оно нередко иное.

2. Методологически значимым является вопрос четкой дифференциации понятий «дефект правосознания» и «деформация правосознания». Для решения указанной проблемы следует обратиться к словарным значениям указанных понятий. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля дефект – это «неполнота, неполный, с изъяном, с порчей, с утратой»⁵. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дефект определен как «изъян, недостаток, недочет»⁶, а смысловое значение деформации можно обнаружить в Большом толковом словаре русского языка (гл. ред. С. А. Кузнецов) «любое изменение чего-л., являющееся отклонением от нормы, принятого, меняющее представление о ком-, чём-л.»⁷. Нетрудно заметить, что объем понятия «дефект правосознания» шире объема понятия «деформация правосознания». Объем понятия «дефект» охватывает все случаи изъянов, недостатков, недочетов, имеющие место и тогда, когда явление, процесс или предмет формируется и тогда, когда он (оно) уже полностью сформировался. С этой точки зрения последнюю обоснованно

рассматривать как одну из разновидностей первого. Подобное представление вполне может быть экстраполировано на соотношение понятий «дефект профессионального правосознания» и «деформация профессионального правосознания»⁸.

Если правосознание конкретного субъекта (индивидуальное правосознание) еще не сформировано (например, недостаточность правовых знаний), нельзя говорить о его деформации. Во всех подобных случаях речь обоснованно вести о дефектах, но не о деформации.

Иное дело групповое и тем более общественное (массовое) правосознание, которое в современный период, так или иначе, сформировано. По этой причине к данным разновидностям понятия «дефект» и «деформация» могут употребляться в двух аспектах. В первом случае для отражения процесса и результата изменений в содержании правосознания, детерминируемых воздействием экономических, политических, нравственных, национальных, этнических, религиозных и иных факторов. Деформация будет отражать процесс, а дефект – результат. Понятно, что позитивные изменения в анализируемых явлениях описываться с помощью анализируемых понятий не будут. Во втором случае, при акцентировании внимания на результате, как это традиционно делается в юридической науке, при выделении видов деформации правосознания, анализируемые понятия вполне могут использоваться как синонимичные.

3. Для адекватного понимания деформации правосознания вообще и профессионального в частности, необходим некий стандарт, эталон, критерий (их совокупность) правосознания, отклонение от которого может квалифицироваться как дефект (деформация). Без наличия этой «лакмусовой бумажки», индикатора в каждом конкретном

случае невозможно констатировать факт наличия или отсутствия рассматриваемых состояний. Более того, в отдельных случаях неопределенность в данном вопросе может приводить к ложным, ошибочным выводам, и как следствие существенно дезориентировать правосознательный процесс.

Для решения этой проблемы ранее нами было предложено использовать понятие «нормальное правосознание» и сформулированы критерии, позволяющие его идентифицировать в качестве такового. В их числе:

– наличие минимального уровня правовых знаний (в данном случае следует иметь в виду два уровня: общий, требуемый для всех субъектов права и специальный, устанавливаемый квалификационными требованиями для отдельных категорий);

– уважительное отношение к действующему праву (закону) и сложившемуся на его основе правопорядку (здесь следует заметить, что в отличие от права, которым должна признаваться любая формально действующая норма независимо от ее соответствия или несоответствия внешним ценностям, для нормального правосознания характерен приоритет ценностного аспекта перед формально юридическим);

– по общему правилу для нормального правосознания должно быть характерно отрицательное отношение к правонарушениям и любым формам злоупотребления правом (неоправданно допустимому правомерному поведению)⁹ (исключения из общего правила могут быть обусловлены вышеуказанным уточнением);

– адекватная оценка преобразующих, созидательных возможностей права. Правовой идеализм, романтизм, фетишизм не столь безобидны как кому-то может показаться. Н. И. Матузов, называя правовой идеализм специфич-

ческой формой деформации правосознания, обоснованно отмечает, что хотя внешне правовой идеализм не столь заметен, не так бросается в глаза как правовой нигилизм, явление это причиняет не меньший вред государству, обществу и гражданам. Он крайне деструктивен по своим последствиям. Его особенность лишь в том, что обнаруживаются такие последствия не сразу, а лишь в конечном счете¹⁰;

– наличие правовых установок и ориентаций на правомерное поведение, а в случае существования правовых препятствий для такого поведения, проявление обоснованной активности на правомерное изменение нормативного и фактического порядка¹¹. И. А. Ильин писал: «Нормальное правосознание есть волевое состояние души, активное и творческое; оно ищет в жизни свободного, верного и справедливого права и заставляет человека вести борьбу за его обретение и осуществление»¹².

Полагаем, что рассмотренные в статье методологические аспекты будут способствовать адекватному пониманию деформации профессионального правосознания.

© Толстик В. А., 2023

¹ Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. М., 1999. С. 30.

² Толстик В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 13–21; Толстик В. А., Трусов Н. А. Борьба за содержание права. Нижний Новгород, 2008. С. 18–19.

³ См.: Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988. С. 9–22; Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009. С. 92.

⁴ Теория государства и права: Учебник / Под ред. А. С. Мордовца, В. Н. Синюкова. М., 2005. С. 167.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. С. 402.

⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского

языка. М., 1999. С. 163.

⁷ *Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2001. С. 255.

⁸ См.: *Толстик В. А.* Концепт нормального правосознания // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 4(56). С. 31–36; *Фролов А. Н.* Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. С. 30.

⁹ Подробнее об этом смотри: *Толстик В. А.* Техничко-юридические способы противодействия злоупотреблению правом // *Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 года)* / Под ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, П. В. Васильева. Нижний Новгород, 2019. С. 110.

¹⁰ См.: *Матузов Н. И.* Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания // *Вестник Саратовской юридической академии*. 2013. № 4(93). С. 22.

¹¹ См.: *Фролов А. Н.* Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России: Автореф. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. С. 8.

¹² *Ильин И. А.* О сущности правосознания / Подг. текста и вступ. ст. И. Н. Смирнова. М., 1993. С. 65.

К. Е. Кордобовская*

ПРАВОВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ КАК КРИТЕРИЙ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНИНА

Россия – самостоятельное государство, интенсивное развитие которого требует поддержки в реализации планов со стороны населения, отличающегося способностью идентифицировать себя с Отечеством и защищать его интересы. Такая характеристика населения – патриотизм, основой которого является правовое сознание граждан. Правосознание играет важную роль во многих сферах деятельности человека – от правотворчества до правоприменения.

Правовое сознание – часть правовой культуры, которая представляет собой исторически сложившуюся относительно самостоятельную разновидность духовно-материальной культуры, совокупность юридических ценностей, отражает качественное состояние правовой системы (степень совершенства и эффективности права, правосознания и юридической практики), уровень правового развития личности (ее представлений, идей, убеждений, знаний, установок, умений, навыков, действий и т. п.), обеспечивает юридическую коммуникативность, упорядоченность и управляемость общественных отношений, законность и правопорядок, прогрессивно влияет на формирование всех сфер жизнедеятельности общества,

* *Кордобовская Ксения Евгеньевна* – специалист (по воспитательной работе) отделения морально-психологического обеспечения отдела по работе с личным составом УМВД России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга.

отдельных индивидов, их коллективов, организаций, всего населения¹.

В современной науке сложились разные подходы к изучению правовой культуры: лингвистический, психологический, исторический, аксиологический, деятельностный, семиотический, культурологический.

Правосознание является отражением грамотной оценки гражданами действий властей. Правовое сознание выступает «визитной карточкой права данного общества»² и является критерием развития социума, подчеркивал С. С. Алексеев.

Важной государственной задачей является формирование правосознания и правовой культуры посредством сохранения исторической памяти³. Именно поэтому повышение эффективности деятельности научных, образовательных, просветительских организаций и организаций культуры по защите исторической правды, сохранению исторической памяти, противодействию фальсификации истории, как и совершенствование деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии⁴, – важные направления работы в условиях современности.

Мощными факторами, влияющими на гражданское общество, являются: информационное воздействие, дефекты правотворческой деятельности, появление и развитие новых форм собственности, разделение властей, политический плюрализм, свобода совести вероисповедания и многие другие, ряд которых оказывают на гражданина негативное воздействие, и приводят к таким последствиям, как трансформация процессов в обществе, которые находят свое отражение в нарушении закона и норм поведения, установленных социумом, и могут проявляться

как правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой фетишизм.

Правовой инфантилизм в отечественной юридической науке понимается:

– как неумение решать поставленные социальные задачи в соответствии с правовыми нормами и ценностями ответственного рационального поведения (Д. Э. Марченко⁵),

– как недостаточный уровень правового сознания, чувства ответственности и осознания своего поведения в правовом деятели (В.Р. Петров⁶),

– как недостаточность или пробельность правовых знаний (А. М. Цалиев⁷),

– как искажение профессионального правосознания, заключающееся в несформированности и отсутствии правовых взглядов, знаний, установок и представлений (П. П. Баранов).

Правовой инфантилизм в современной юридической науке остается феноменом, не исследованным должным образом, и представляющим собой одну из форм отрицательного проявления правового сознания.

Правовой инфантилизм является критерием (показателем) недостаточной правовой социализации и определенной маргинальности сознания индивида и социальной группы; обладает признаками, характерными для инфантильной личности (несформированность знаний, безразличие к нормам права, отсутствие правовых взглядов и представлений).

Подтверждением вышесказанного является проведенное учеными Психологического института Российской академии образования исследование, в котором они сравнили подростков 2019 г. с их сверстниками 1989 г. по следующим критериям:

- самооценка,
- уровень ответственности,
- эмоциональное отношение к обучению,
- мотивация,
- самоощущение психологического возраста,
- выбор направления образования⁸.

Инфантилизацию молодежи отмечают ученые практически всех развитых стран. Если раньше подростковым возрастом считали 12–16 лет, то теперь психологи США все чаще ставят новую границу – 18 лет. А. Рощин, российский социальный психолог считает, что современные дети – индивидуалисты; они склонны думать прежде всего о себе. Их отличает более высокая познавательная активность, но при этом – потеря самостоятельности. По данным ВЦИОМ, для современного подростка предпочтительно виртуальное общение⁹.

Если оценивать деятельность государства через субъекта гражданского общества, имеющего неадекватное восприятие, отношение, поведение в сфере права, то мы можем столкнуться с рисками, которые приведут к неблагоприятным последствиям как для государства в целом (коррупция, экономическая нестабильность, оптимизация налогов), так и для общества и личности в частности (некомпетентная юридическая деятельность, административные правонарушения и преступления и т. д.). Все это невозможно предотвратить не только без профессионалов в юридической области, но и граждан с высоким уровнем правового сознания.

Таким образом, для развития морально-нравственного и правового общества необходимо работу строить исключительно на базовых ценностях российского государства. Необходимо применять юридические, психологические, экономические технологии, способствующие

становлению гражданина и специалиста с профессиональными и нравственными качествами для повышения юридической деятельности.

© Кордобовская К. Е., 2023

¹ *Карташов В. Н., Баумова М. Г.* Правовая культура: понятие, структура, функции. Ярославль, 2008. С. 32.

² *Алексеев С. С.* Теория права: Учебник. М., 1995.

³ *Нижник Н. С.* «Современная история»: оксюморон или направление научных исследований? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(37). С. 81; *Нижник Н. С.* Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Могилев, 19 мая 2023 года. Могилев, 2023. С. 106–114. EDN NYZJON; *Нижник Н. С., Нижник В. А.* Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. редакторы С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 226–237. EDN RVCGWM; *Нижник Н. С.* Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. редакторы С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 219–225. EDN CGYUIA; *Нижник Н. С.* Историческая память как детерминанта патриотического воспитания // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве за Москву, 80-

летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине / Отв. ред.: Е. П. Максименко, З. З. Мухина, Н. А. Тимошук, Д. А. Хорват. М., 2023. С. 180–191; и др.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 07.04.2023).

⁵ *Марченко Д. Э.* Правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм как формы деаксилогического правового сознания. Самара, 2006. С. 67.

⁶ *Петров В. Р.* Деформация правосознания граждан России (Проблемы теории и практики): Дис.... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000. С. 10.

⁷ *Цалиев А. М.* Вопросы правового воспитания, повышения правосознания и правовой культуры. Владикавказ, 2020. С. 70.

⁸ Вечерняя Москва. – <https://vm.ru/society/818347-sovremennaya-molodezh-kuda-bolee-infantilna-chem-ee-roditeli-v-podrostkovom-vozhraze> (дата обращения: 07.04.2023).

⁹ Всероссийский центр изучения общественного мнения. – <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podrostok-v-soczialnoj-seti-norma-zhizni-ili-signal-opasnosti> (дата обращения: 07.04.2023).

Ю. Г. Новикова*

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ

Согласно ч. 1, 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации в России признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Обозначенные нормы Конституции Российской Федерации, закрепляя соответствующий конституционно-правовой принцип, определяют один из важнейших государственных инструментов формирования правосознания в современном обществе, заключающийся в запрете на установление единого понимания и отношения к российской государственно-правовой действительности.

Проанализируем сложившееся содержание принципа идеологического многообразия с точки зрения его влияния на процесс и результаты правового воспитания в России на современном этапе развития, в том числе, с учетом актуальных духовно-нравственных потребностей в обществе. С этой целью сопоставим мнения ученых-правоведов о сущности терминов идеологии и идеологического многообразия.

Следует отметить, что понятие идеологии многоаспектно и определяется в широком философском, а также в историческом и правовом значениях. Очевидно, к его пониманию существует также обывательский, упрощен-

* *Новикова Юлия Геннадьевна* – доцент кафедры судопроизводства и правоприменительной деятельности Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент.

ный подход.

В частности, любопытной представляется философская позиция М. Л. Гаспарова, одновременно излагающего и простое человеческое видение идеологии как комплекса «...идей, не самостоятельно выработанных человеком, а навязанных ему традицией или окружением...», который «...существует всегда, если не как догма, то как мода...»¹.

В связи с этим А. А. Сыродеева приходит к выводу о том, что «...разрушительное воздействие идеологии начинает давать о себе знать, когда мы пытаемся противодействовать ей, перенимая ее же принципы и методы»².

И. Т. Беспалый, применяя исторический подход, отмечает момент возникновения понятия идеологии в Европе в XVI–XVIII вв. в результате «...кризисов и разложения традиционного общества...», ссылаясь на основоположника данного термина – французского философа, экономиста Дестюга де Траси и определяет идеологию как систему «...взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели, программы социальной действительности, направленной на закрепление или изменение данных общественных отношений»³. Названный автор полагает, что «...в основе государственной идеологии государства российского всегда лежало само Государство как священное и неделимое наследие предков, величие и непрерываемость которого выше каждого...»⁴.

А. Б. Венгеров, подходя к исследованию правового аспекта идеологии в качестве одного из пластов в структуре правосознания (наряду с правовой психологией), рассматривает ее как «...осознанное отношение к праву, выражаемое в обоснованной, аргументированной критике или одобрении правовой системы, правовых учреждений,

судов, отдельных законов и т. д.»⁵.

На основе соотношения изложенных научных взглядов можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, в широком смысле сущность понятия идеологии можно трактовать как совокупность объективно и безусловно формирующихся в любом обществе, государстве взглядов индивидов на состояние окружающей действительности в социокультурном, правовом, экономическом, политическом и других ее проявлениях, формирующихся под влиянием внутренних факторов (например, традиций, модных тенденций, норм национального права), а также внешних причин (например, международной обстановки).

Во-вторых, значение понятия идеологии, различным образом определяемое в источниках научной литературы, применительно к конституционно-правовому принципу идеологического многообразия не конкретизируется в ч. 1, 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации в правовом ее аспекте, что может приводить к неоднозначности толкования.

В-третьих, под правовой идеологией можно подразумевать систему взглядов, общественных установок на состояние и перспективы развития важнейших социально-политических институтов, в том числе, государства и права, непосредственно влияющих на правосознание и правовую культуру в обществе.

Исходя из такого определения правовой идеологии, логично было бы предположить необходимость формирования в обществе единообразного понимания и уважительного отношения к нормам национальной системы права, органам государственной власти, обеспечивающим ее функционирование, а также – другим государственным и общественным институтам. Однако подобному предпо-

ложению понятие идеологического многообразия является прямо противоположным по смыслу, порождая противоречия в научных дискуссиях.

Например, Д. А. Назаров, анализируя рассматриваемый конституционно-правовой принцип, выделяет такие общепризнанные его черты, как закрепление в Конституции Российской Федерации, нормативный характер, основанный «...на воле народа и демократических основах функционирования общества и государства...», наличие запрета «...на признание какой-либо идеологии в качестве официальной (обязательной), посредством которого обеспечивается свобода слова, толерантность к мнениям и убеждениям, а также свободное развитие институтов гражданского общества»⁶.

В то же время, например, К. М. Исаева, с одной стороны, отмечает безусловность идеологического многообразия, с другой, – утверждает о необходимости правовых рамок, в которых оно может применяться, и «...за пределами которых возникает злоупотребление правом, нарушение прав и свобод других лиц, причиняется ущерб или создается прямая угроза причинения вреда демократическому строю, традиционным представлениям морального большинства»⁷.

Сопоставление приведенных научных позиций позволяет согласиться с мнением И. Т. Беспалова, который считает идеологию мерой, определяющей пригодные и пагубные средства для достижения социально полезных целей, полагая, что «... именно идеология призвана дать человеку чувство собственного достоинства, определить пути к достижению целей...», поскольку «...не иметь представления того, к чему стремится общество.., все равно, что начинать строить дом, заранее не имея представления, что мы хотим построить»⁸.

С учетом изложенного можно отметить целесообразность уточнения на законодательном уровне норм ч. 1, 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации в части, касающейся видов идеологии и пределов допустимости идеологического многообразия либо – возможного установления единой правовой идеологии в государстве. Такой подход к применению анализируемых понятий обусловлен их юридической природой, а также взаимосвязью с процессом формирования правовой культуры.

Одним из условий данного процесса является правовое воспитание, всегда ориентированное на систему культивируемых в обществе ценностей, общепринятых взглядов и представлений о мере должного, возможного и запрещенного, то есть – на систему морали, права и обеспечивающие их применение органы государственной власти. В ходе проведения соответствующей разъяснительной, просветительской и духовной деятельности создается так называемое мнение общественности, которое и отражает, проявляет во вне существующую в обществе и государстве идеологию, как систему взглядов на важнейшие социально-политические институты. Не случайно А. Б. Венгеров определяет правовое воспитание как целенаправленную систему мер, «...просветительских, образовательных и иных...», создающих «...установки уважения и соблюдения права, цивилизованных способов разрешения споров, профилактики правонарушений»⁹. Правовое воспитание во многом определяется существующими в обществе идеологическими установками, независимо от признания факта их существования.

Подводя итог изложенному, можно прийти к выводам о том, что понятия «идеология» и «правовое воспитание» взаимосвязаны между собой как цель и средство и в совокупности выступают инструментами формирования

правовой культуры, правосознания и, в конечном итоге, безопасности общества и государства.

При таком понимании рассматриваемых терминов проблема ориентирования правового воспитания на идеологическое многообразие в восприятии российским обществом государственно-правовой действительности, системы права, социально-политических институтов, вряд ли отвечает интересам современной России, в связи с чем нуждается в фундаментальном исследовании и приведении в соответствие с актуальными потребностями общества и государства, в том числе непосредственно в части содержания норм ч. 1, 2 Конституции Российской Федерации.

© Новикова Ю. Г., 2023

¹ *Гаспаров М. Л.* Философия как нравственность. М., 2012. С. 79, 184.

² *Рубцов А. В., Любимова Т. Б., Сыродеева А. А.* Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М., 2016. С. 218.

³ *Беспалый И. Т.* Государственное право Российской Федерации: Учебное пособие. Ч. 1. Самара, 2004. С. 110.

⁴ Там же. С. 112–113.

⁵ *Венгеров А. Б.* Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. М., 2006. С. 562.

⁶ *Назаров Д. А.* Идеологическое и политическое многообразие как конституционно-правовые принципы в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8.

⁷ *Исаева К. М.* Идеологическое многообразие как основа конституционного строя Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2015. С. 10.

⁸ *Беспалый И. Т.* Государственное право Российской Федерации: Учебное пособие. С. 111.

⁹ *Венгеров А. Б.* Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. С. 573.

А. Э. Разумовская*

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК СРЕДСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глобальные вызовы современности диктуют необходимость и обуславливают особую социальную значимость гражданско-патриотического воспитания молодежи. Процесс формирования мировоззрения, правосознания, правовой культуры, высоких гражданских качеств личности, как правило, осуществляется органами государственной власти в лице деятелей образования, культуры, политики и многих других отраслей научных и практических знаний. Планомерное и целенаправленное воздействие на сознание молодых людей, на наш взгляд, является самым действенным способом осуществления государственного регулирования всех сфер жизни общества.

Общеизвестно, каждое социально направленное государство имеет своей целью формирование достойного уровня жизни своего населения, представление ему всех необходимых ресурсов для благосостояния и гармоничного развития как отдельно взятого гражданина, так и общества в целом. Данное обстоятельство предопределяет важность и необходимость воспитания в каждом человеке таких качеств как солидарность, сознательность, ответственность, инициативность, трудолюбие, решительность,

* *Разумовская Анастасия Эдуардовна* – аспирантка кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Курского государственного университета.

самопожертвование. Выдающимися советскими учеными – А. Е. Кондратенковой, А. Н. Ацаркиным, В. А. Сухомлинским, В. А. Караковским и многими другими – выше-названные качества определялись как высокие гражданские качества личности.

В основе современной воспитательной работы, проводимой в государственных учебных заведениях, лежат разработанные советскими учёными методики преподавания и воспитания. Кроме того, понятие «гражданин» приобрело особый смысл и наполнилось новым глубоким содержанием именно в условиях социалистического общества, когда всем его членам была представлена возможность в равной мере пользоваться демократическими правами и свободами. Как справедливо отмечали Ж. Е. Завадская и Л. В. Шевченко, «воспитывать в себе гражданина – значит с юных лет формировать в себе идейную убежденность, патриотизм, гордость за исторические достижения свой страны, непримиримость и нетерпимость к враждебной идеологии и морали, аполитичности, унижению человеческого достоинства»¹. Предполагается, гражданственность неразрывно связана с патриотизмом. Во многих работах В. И. Ленина, характеризующих его взгляды на проблемы личности и коммунистического воспитания, красной нитью проходит мысль о патриотизме как об одном из «наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»². Общественный долг, построенный на принципах морали, выражающийся в безусловной любви к Родине, как к семье, как к самому близкому и родному в жизни любого человека, в неотвратимой братской помощи, искреннему стремлению к постоянному развитию, укреплению и совершенствованию основ, предопределяет истинный патриотизм.

Примечательно, что вопрос актуализации ценностно-целевых ориентиров прямо затрагивался в июле 2022 г. в письме Министерства просвещения Российской Федерации «Об актуализации примерной рабочей программы воспитания», где указывалось, что приоритетной задачей государства в сфере воспитания детей является «развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины»³.

В качестве одного из личных результатов воспитательного воздействия, направленного на обучающихся, современный законодатель определяет наличие мотивации к целенаправленной социально значимой деятельности, иными словами – к труду. В этом находит отражение гарантированная основным законом нашей страны преемственность поколений. В советские годы трудовое воспитание занимало особое место среди задач коммунистического строительства и было возможно только как «часть общей системы»⁴. Во многих методических трудах советских педагогов обращалось внимание на важность соблюдения руководящих и основополагающих принципов организации труда молодежи – добровольность, нормированность, рациональность.

Важно также отметить, что в современной Российской Федерации создание условий для формирования и реализации комплекса мер, учитывающих особенности современных детей, социальный и психологический контекст их развития, а также формирование предпосылки для консолидации усилий семьи, общества и государства, направленных на воспитание подрастающего и будущих поколений, – основные задачи уполномоченных органов

власти, отраженные в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года⁵. Указанный документ представляет особый интерес, поскольку содержит ряд ориентирующих положений. Так, например, Правительство Российской Федерации считает, что гражданское воспитание включает:

- создание условий для воспитания у детей активной гражданской позиции, гражданской ответственности, основанной на традиционных культурных, духовных и нравственных ценностях российского общества;

- развитие культуры межнационального общения;

- формирование приверженности идеям Интернационализма, дружбы, равенства, взаимопомощи народов;

- воспитание уважительного отношения к национальному достоинству людей, их чувствам, религиозным убеждениям;

- развитие правовой и политической культуры детей, расширение конструктивного участия в принятии решений, затрагивающих их права и интересы, в том числе в различных формах самоорганизации, самоуправления, общественно значимой деятельности;

- развитие в детской среде ответственности, принципов коллективизма и социальной солидарности;

- формирование стабильной системы нравственных и смысловых установок личности, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, ксенофобии, коррупции, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным признакам и другим негативным социальным явлениям;

- разработку и реализацию программ воспитания, способствующих правовой, социальной и культурной адаптации детей, в том числе детей из семей мигрантов⁶.

Таким образом, воспитание одухотворенной, высоко-нравственной личности с активной жизненной позицией – прямая цель гражданско-патриотического воспитания молодежи. Логичным представляется и вывод о том, что высокий уровень правосознания и правовой культуры подрастающего поколения окажет положительное влияние на благосостояние и безопасность всего населения нашей страны, в связи с чем воспитание есть эффективное средство государственного регулирования общественных отношений.

© Разумовская А. Э., 2023

¹ *Завадская Ж. Е., Шевченко Л. В.* Гражданином быть обязан. Минск, 1987. С. 46.

² *Ленин В. И.* О личности и воспитании. М., 1988. С. 120–122.

³ Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 18 июля 2022 г. № АБ-1951/06 «Об актуализации примерной рабочей программы воспитания» // Администратор образования. 2022. № 16.

⁴ *Макаренко А. С.* О воспитании молодежи // Сборник избранных педагогических произведений. М, 1951. С. 94.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 23. Ст. 3307.

⁶ Там же.

*Е. С. Лапова**

**УЧАСТИЕ СЛУЖБЫ ПО СВЯЗЯМ
С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ МВД РОССИИ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
ОБЩЕСТВА: ПОИСК КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ
ЭФФЕКТИВНОСТИ**

Правовая культура – сложный многогранный феномен, отражающий состояние и трансформации жизненных реалий. Правовая культура выступает как обусловленное социальными, духовными, политическими, экономическими и иными факторами качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в уровне его правового развития, в том числе в достигнутом уровне правосознания его членов, уровне развития правовой деятельности, правовых актов и других правовых явлений¹. Формирование правовой культуры в каждом государстве имеет специфику, обусловленную особенностями исторического развития государства², закономерностями становления национальной теоретической и практической юриспруденции³, принципами формирования национальной правовой системы⁴.

В России основным субъектом формирования правовой культуры выступает государство⁵. Министерство внутренних дел Российской Федерации –

* *Лапова Евгения Сергеевна* – инспектор отделения учета и информационного обеспечения отдела кадров управления по работе с личным составом Краснодарского университета МВД России.

государственный орган, главными задачами которого является поддержание правопорядка и предупреждение правонарушений. Деятельность МВД России существенно влияет на правосознание граждан и результатами выполнения поставленных перед Министерством задач, и отношением к своим служебным обязанностям сотрудников Министерства и посредством деятельности специально созданных для этого подразделений.

Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России сегодня является тем органом, который совместно с региональными службами по связям с общественностью обладает информационными и пропагандистскими ресурсами, позволяющими ему стать одним из важных субъектов формирования правовой культуры современного российского общества⁶. Однако, для совершенствования организации и деятельности служб по связям с общественностью МВД России необходим анализ результативности их работы и определение проблем, оказывающих воздействие на решение вопросов практического значения.

Служба по связям с общественностью МВД России – организация сравнительно молодая, официально возникшая в 1983 г., но и до этого имеющая свою историю. В истории становления связей МВД России с общественностью как субъекта формирования правовой культуры общества можно выделить несколько этапов, отличающихся направлениями деятельности сотрудников в сфере взаимодействия с населением, используемыми каналами распространения информации, формами, методами и средствами правового воспитания. К таким этапам можно отнести установление связи МВД с общественностью: в Российской империи (1804–1917), в

советской России (1917–1991), в Российской Федерации (1991 – настоящее время)⁷.

Изучение службы по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры общества связано с рядом методологических трудностей.

1. В настоящее время в науке имеет место плюрализм подходов к пониманию правовой культуры общества и личности, отсутствует единое понимание структуры этих феноменов. Рассматривая правовую культуру как системное образование (в рамках общенаучного системного метода для решения определенных научных задач) можно выделить несколько различных направлений исследований: системно-методическое, системно-структурное, системно-содержательное, системно-функциональное, системно-генетическое, системно-историческое, системно-информационное, каждое из которых имеет свой методологический потенциал в построении целостного теоретического знания о правовой культуре общества⁸.

2. В российской научной юридической литературе до настоящего времени не получили должного рассмотрения процесс формирования правовой культуры и круг субъектов, оказывающих существенное воздействие на формирование правовой культуры общества и личности⁹. В научной литературе преобладают разрозненные исследования роли государства, а также различных организаций (с акцентом на роль образовательных организаций) в процессе формирования правовой культуры, правосознания, осуществления правового воспитания и образования, в которых не встречается целостных теоретических разработок, дающих комплексное представление о каком-либо субъекте формирования правовой культуры, в числе которых традиционно рассматриваются государство, семья, средства массовой информации, учебные заведения

и общественные организации¹⁰. Рассматривать каждый субъект возможно с учетом того, что под формированием правовой культуры граждан следует рассматривать длительный целенаправленный, комплексный процесс, обусловленный совокупностью мер, используемых для формирования одного или нескольких компонентов правовой культуры личности (познавательного, ценностно-ориентационного, деятельностного), осуществляющийся посредством комплекса социокультурных механизмов трансляции правовой культуры, а также воспитательных и образовательных механизмов, составляющих сложную многофункциональную систему. Следует учитывать специфику субъектов, чьей непосредственной функцией является правовое воспитание, и тех субъектов, которые формируют правовую культуру опосредованно, выполняя иные присущие им функции.

3. Существует множество подходов к пониманию механизма формирования правовой культуры общества и личности. Ученые выделяют особенности правовой пропаганды, обращают внимание на специфику правовой культуры отдельных социальных групп, особенности правовой культуры, формирующейся в различных государствах в различные исторические периоды. Основой многообразия подходов к рассмотрению правовой культуры являются современная научная парадигма, допускающая многообразие точек зрения, появление современных методов исследования, выработка множества различных подходов к пониманию феномена «правовая культура», а также развитие представлений о субъектах формирования правовой культуры и понимание необходимости учета их специфики для наиболее эффективного решения их задач по формированию правовой культуры. В условиях глобализации важным направлением исследований последнего

времени стало изучение механизма формирования правовой культуры в условиях межкультурного заимствования, влияния одних национальных правовых культур на другие, роли правовой аккультурации и механизма обмена правокультурных достижений различных социумов¹¹, а также исследование влияния на правовую культуру глобальных сетевых информационных пространств¹².

4. Механизм формирования правовой культуры различными субъектами зависит от целей и задач самого субъекта; исторического периода, в котором происходит формирование национальных особенностей правовой культуры; типа, вида и формы правовой культуры и др. Детерминанты формирования правовой культуры общества и личности разнообразны и многочисленны. Факторы, оказывающие воздействие на правовую культуру, позитивный тип правосознания и поведения, перечислены в «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан»¹³, однако в условиях современных реалий этот перечень не является исчерпывающим и требует дополнений, а комментарии к нему не отражают взаимосвязи «фактор – следствие влияния фактора». Согласно общенаучному системному подходу, множество факторов, влияющих на формирование правовой культуры как системы и на формирование каждой ее структурной части, также необходимо рассматривать комплексно, учитывая причинно-следственную связь не только отдельного фактора и «следствия его влияния», но и то, что совокупность определенных факторов может давать различные результаты в зависимости от составляющих факторов и от условий, в которых происходит формирование правовой культуры.

5. Служба по связям с общественностью Министер-

ства внутренних дел в качестве субъекта формирования правовой культуры, на протяжении всей истории своего развития выступала в двойной роли. Являясь неотъемлемой частью МВД России как представителя государства (соответственно, взяв на себя часть функций государственного органа), она в то же время выступала и в качестве средства массовой информации, реализуя функции СМИ. В результате чего образовался своеобразный набор каналов распространения информации, форм, методов, средств и инструментов правового воспитания и правового просвещения, используемых службами по связям с общественностью МВД России как субъектом формирования правовой культуры, не характерный ни для какого другого субъекта¹⁴. В настоящее время отсутствуют методики, дающие возможность оценить деятельность такого специфического субъекта формирования правовой культуры. Следовательно, пока отсутствует и возможность грамотно улучшить его функционирование.

Таким образом, изучение формирования правовой культуры имеет теоретико-методологическое, практическое и социальное значение. Выявление актуальных проблем в деятельности государственных органов по формированию правовой культуры общества и личности (и тех, которые, как служба по связям с общественностью МВД России, ставят перед собой эту задачу как первоочередную, и тех органов, которые выполняют ее опосредованно) – важная задача современной науки, решение которой в итоге позволит с большей эффективностью и обеспечивать общественный порядок, и поддерживать государственный строй в сложных условиях современного мира.

© Лапова Е. С., 2023

¹ *Нижник Н. С., Семенова О. В., Стоцкий А. П.* Теория государства и права: Учебное наглядное пособие / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2020. С. 187.

² *Нижник Н. С., Алиев Я. А.* Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция / Под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб., 2021. С. 133–138.

³ *Нижник Н. С.* Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2012. С. 497–506.

⁴ *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. А., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало российского права. СПб., 2021.

⁵ *State and law: transformation vectors in modern conditions / N. S. Nizhnik, M. V. Bavsun, Ya. L. Aliev [et al.] // SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium», Kaliningrad, 11 декабря 2020 года. Vol. 108. Kaliningrad, 2021. P. 01015. EDN ODEVLW.*

⁶ *Лапова Е. С.* Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества – предмет исследований в современной Российской науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(97). С. 27–37.

⁷ *Лапова Е. С.* МВД и средства массовой информации: взаимодействие для укрепления связи с общественностью в советской России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): Материалы XIX международной научно-теоретической конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года. Ч. 1. СПб., 2022. С. 1108–1120.

⁸ *Демидова И. А.* Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования. Могилев, 2021. С. 93–118.

⁹ Лапова Е. С. Служба советской милиции по связям с общественностью как субъект формирования правовой культуры общества // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Могилев, 19 мая 2023 года. Могилев, 2023. С. 417-423.

¹⁰ Балакирева Л. М., Гулакова В. Ю., Дроздова А. М. Правовая культура: Учебное пособие. Ставрополь, 2015. С. 10.

¹¹ Нижник Н. С. Правовая аккультурация в контексте коэволюции политико-правовых систем современности // Международное и национальное право: теория, история, современность: Сборник научных статей / Сост. А. А. Дорская, Н. Ю. Иванова. СПб., 2009. С. 49–50.

¹² Нижник Н. С., Алиев Я. А. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция / Под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб., 2021. С. 134.

¹³ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года № Пр-1168). – <http://www.kremlin.ru/acts/news/11139> (дата обращения: 29.03.2023).

¹⁴ Лапова Е. С. Служба советской милиции по связям с общественностью как субъект формирования правовой культуры общества // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Могилев, 19 мая 2023 года. Могилев, 2023. С. 417–423.

И. А. Леонова*

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Одной из самых серьёзных и трудных профессий в мире является работа сотрудников полиции. Статистика включает данный вид профессиональной деятельности в топ десяти самых опасных и стрессовых. Кто как ни полицейские могут знать, какие усилия требуются, чтобы выполнить свой служебный, а также моральный долг?

Рискуя своим здоровьем, а зачастую и жизнью, сотрудникам правоохранительных органов приходится сталкиваться с многочисленными проблемами, которые невозможно компенсировать никакими льготами и высоким денежным довольствием. В большинстве своём эти проблемы связаны с моральными затратами и высокой степенью ответственности, а так же сформировавшимся в последние десятилетия непривлекательным имиджем сотрудника полиции. На наш взгляд, самой актуальной проблемой, с которой сталкивается практически каждый работник органов внутренних дел, является неодобрение обществом деятельности сотрудников полиции. Безусловно, нельзя сказать, что абсолютно все граждане негативно относятся к полиции. И всё же каждый из нас, скорее всего, встречал достаточное количество людей, которые

* Леонова Ирина Анатольевна – доцент кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук.

недовольны работой, поведением или внешним видом людей в форменном обмундировании полиции.

В результате противоречия взглядов, интересов граждан и полицейских появляется своеобразный волевой барьер. Во многом эффективность работы сотрудников зависит от контакта с социумом, отсюда и возникает трудность во взаимодействии. Все это может стать причиной разрушения обычных моральных обязательств людей по отношению друг к другу, снижения уровня «моральной планки». Как обезопасить и защитить общественность, которая не хочет содействовать расследованию и сотрудничать для их же блага? Каким образом установить психологический контакт с той или иной личностью? Наверняка такие вопросы задавал себе и не раз каждый полицейский. Для успешного выполнения своих профессиональных функций полицейские должны найти те «ниточки», с помощью которых можно изменить ситуацию. С этой целью в помощь сотрудникам полиции был разработан Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460¹.

Однако с момента утверждения Кодекса прошло два с половиной года, но автор регулярно сталкивается при проведении учебных занятий с практическими сотрудниками с тем, что основная масса из них не знает о существовании такого нормативно-правового акта. В лучшем случае, те, кто работают давно, называют приказ от 24 декабря 2008 г. № 1138², которым был утвержден предыдущий Кодекс, утративший законную силу 31 октября 2013 г., иногда вспоминают, что есть «вроде бы» Типовой кодекс (он распространял свое действие на сотрудников полиции с 2013 г. по 2020 г.). Почему же так происходит?

Кодекс 2008 г. был объемным по содержанию и по-статейно давал сотруднику четкие указания на то, что не рекомендовано в служебной и повседневной деятельности, например: недопустимо распространение слухов, сплетен...; выставлять на рабочем столе предметы старины, дорогостоящие письменные приборы, чайные принадлежности...; в форменной одежде посещать рынки, магазины, носить пакеты, коробки хозяйственно-бытового назначения и так далее. Подобные пункты вызвали недовольство со стороны служащих и ряд моментов оспаривался ими как нарушающий права гражданина и конституционные свободы.

Составители нового Кодекса (2020) убрали все спорные моменты, существенно сократив его объем, оставив из 28 пять глав, состоящих из 16 пунктов.

Состав сотрудников полиции существенно омолодился. Половина рядового и младшего начальствующего состава органов внутренних дел – моложе тридцати лет. Именно с ними население сталкивается, как правило, чаще всего. Следовательно, по их поведению и отношению к службе наши граждане составляют впечатление о системе МВД России в целом.

Мировоззрение этих людей сформировалось во времена низкой эффективности социально-нравственного и патриотического воспитания. Должный порядок, регламентированные отношения и субординацию многие из них считают неоправданным формализмом и даже рудиментом советского строя. И если, начиная свое обучение на первом курсе, курсанты, как правило, стопроцентно отдают воинское приветствие, соблюдают требования служебного этикета по отношению к старшим по званию, то к пятому курсу, особенно вернувшись с практики и став младшими лейтенантами, многие считают, что

иерархичность воинской системы – это чистая формальность, потому элементарное правило – пропустить преподавателя на лестнице или в двери, для них становится неактуальным. Помимо того речь наполняется словами нецензурного содержания. Способствует тому и сам тематический план обучения, который в последнее время неуклонно сокращает количество часов отводимых на изучение «Профессиональной этики и служебного этикета», а сама дисциплина много лет предполагавшая для обучающихся семестровый экзамен стала зачетной.

Профессионально-нравственное сознание сотрудников полиции формируется в процессе практической деятельности, профессионального обучения и переобучения, а так же в результате самостоятельного углубленного изучения законодательной базы и ее переосмысления, опираясь на фундамент общих человеческих ценностей и накладывая практический опыт на основу общего морального сознания.

Однако составители Кодекса не учитывали тот факт, что перепад в уровне образования и культуры в последние десятилетия привел к снижению уровня общего нравственного сознания молодежи, а как следствие к отсутствию понимания подрастающим поколением элементарных правил вежливости, утрату многих традиций и правил, способности высмеивать и не ценить то, что было свято для их предшественников. Элементарное правило общей культуры такое как «уступи место в общественном транспорте пожилому человеку» практически исчезло из культуры многих городов, объясняется это подростком поколением очень просто: ушло из обихода само слово общественный транспорт, появились маршрутки, а в маршрутке, как говорят многие из них: «Я заплатил за свой проезд, а потому имею право ехать сидя. Я же раньше

вошел, чем они (пожилые люди)». Люди перестали бояться сделать что-нибудь дурное, поскольку исчезло само понимание значения морального осуждения и моральной ответственности.

Кодекс этики в редакции 2020 г. требовал от сотрудника чаще всего конкретных и понятных действий или ограничений, например: «при пользовании телефоном сотруднику надлежит говорить негромко и лаконично, не создавая неудобств окружающим». В настоящей редакции полицейскому рекомендуется «придерживаться делового стиля поведения» без интерпретаций. Считается, что современный сотрудник все понимает сам. На практике оказывается, что не понимает. С 2008 г. по 2020 г. подросло новое поколение, пришедшее на службу в органы внутренних дел. В силу разницы в миропонимании и мироощущениях мало кто из современной молодежи вообще понимает правила телефонного этикета, ведь для большинства из них это самая желанная игрушка, попадающая в руки с детства, с которой не расстаются и во взрослом состоянии. Здесь приходится проводить целенаправленную работу по разъяснению не только правил телефонного этикета, но и ограничений связанных со служебной деятельностью, особенно для специалистов оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, в Кодексе этики по большому счету сформулированы общие положения о правилах поведения, а если нет множества конкретных статей, то и нет необходимости проводить регулярные зачеты на знание содержания нормативно-правового акта, как это было с Кодексом 2008 г. Нет конкретики, есть общее представление о принципах, а вот как эти принципы усваиваются в профессиональном сознании конкретного индивида, остается вопросом. Отсюда так много нарушений дисциплины

в среде сотрудников полиции, начиная от элементарного неумения разговаривать с гражданином и заканчивая коррупционными правонарушениями.

Автор полагает, что Кодексу этики необходимо вернуть былое значение в среде сотрудников полиции, сделать его основным документом в ряду формирующих нравственное сознание профессионала. Об утратившем силу в 2013 г. приказе № 1138 знали не только сотрудники, но и гражданские работники системы Министерства внутренних дел, а также простые граждане. Поисковые системы Интернет-ресурсов при запросе «Кодекс этики полицейского» по сей день выдают большой объем информации по утратившему силу нормативному правовому акту. Безусловно, по качеству его разработки существовало множество вопросов, но в сознании сотрудников он оставил глубокий отпечаток. Полицейская этика носит деонтологический характер и профессионально-этический кодекс должен занимать центральное место в системе знаний о полицейском этикете и профессиональном поведении.

© Леонова И. А., 2023

¹ Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2023).

² Приказ МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (утратил силу Приказом МВД России от 31 октября 2013 г. № 883) // СПС «КонсультантПлюс». – <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2023).

А. Л. Снигирев*

АСПЕКТЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОСГВАРДИИ

Правосознание личности – необходимое условие отражающая степень освоения военнослужащими правовой и социальной роли. Именно от уровня правосознания напрямую зависит продуктивная организация регулирования общественных процессов. Прохождение военной службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации (далее по тексту Росгвардия), предполагает знание основополагающих законодательных документов, регламентирующих ее деятельность, а также умение применять эти знания в практических ситуациях. Несмотря на то, что в Росгвардии в настоящее время уделяется особое внимание вопросам социальной ответственности, патриотическому воспитанию, проблемам формирования правового сознания военнослужащих Росгвардии (далее – ПСВР) не всегда уделяется достаточное внимание, в то время как оно обладает большим потенциалом в решении многих проблем.

Необходимо отметить, что ПСВР может быть высокого, среднего (достаточного), низкого (недостаточного) уровней¹. В зависимости от отношения военнослужащих, к формирующейся правовой системе выделяются типы ПС: конструктивный, конформистский, деструктивный.

* *Снигирев Александр Леонидович* – начальник кафедры теории и истории государства и права Новосибирского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент.

ПС также обладает особенностями в зависимости от направленности деятельности военнослужащих, а также в зависимости от предоставляемых им полномочий в правоисполнительной и правотворческой сфере соответственно их служебному положению.

По мнению профессора В. Д. Перевалова, «правовое сознание представляет собой одну из сторон общественного сознания. Правовое сознание это совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни, осознание правовой действительности, восприятие ее в мысленных и чувственных образах»². В то же время, нельзя не согласиться с мнением О. В. Григорьева и С. Н. Томских которые отмечают, что «правовое сознание испытывает на себе воздействие всех других видов сознания, оказывая, в свою очередь, определенное влияние и на них»³.

Исходя из вышеизложенного, под сущностью формирования ПСВР понимается педагогический процесс, направленный на овладение ими упорядоченной совокупностью правовых знаний; выработку правовой эрудиции и активного правового мышления; развитие законопослушного правосознания, отражающего отношение к действующему праву, с учетом уровня их общей культуры, усвоения правотворческого и правоприменительного опыта; приобретение правовых убеждений, ценностей и идеалов, позволяющих им оценивать правовые явления, а также строго и неуклонно следовать нормам правомерного поведения в профессиональной деятельности. В ходе формирования ПСВР развиваются:

– ценностное отношение к юридической реальности, которое проявляется через понимание и оценку целей и задач профессиональной деятельности, осознание ценности правовых знаний, признание ценности правотворче-

ской, правоприменительной и правореализующей деятельности;

– технологическая подготовленность, которая предполагает определенный уровень сформированных умений использовать способы решения различных юридических задач в процессе профессиональной деятельности;

– степень развития правового мышления: сформированность юридической рефлексии, отношение к обыденному правовому сознанию, проблемно-поисковый характер деятельности, гибкость и вариативность правового мышления, самостоятельность в принятии законодательно обоснованных решений;

– стремление к правовому самосовершенствованию и др.

Содержание процесса формирования ПСВР включает в себя три составляющие: познавательный-рациональный компонент, представляющий как определенная ступень теоретического освоения законодательства, уровень совершенства правовых знаний; аксиологически-эмоциональный компонент, связанный с восприятием права как общественной и личной ценности, представляющий как определенная степень развитости правовых взглядов, убеждений и идеалов личности в правовой сфере; нормативно-поведенческий компонент, представляющий собой правовое поведение личности на соответствующей стадии ее развития⁴. Системное рассмотрение процесса формирования ПСВР дает основание говорить о том, что они, в свою очередь, является немаловажным элементом более сложной, развивающейся системы – личностной культуры и выступает одновременно в определенной степени в роли ее своеобразного интегрирующего начала с точки зрения насыщения составных ее элементов правовым содержанием, принципами, ценностями и

нормами права, являющимися эталонами правомерного поведения. В целом формирование ПСВР, рассматривается как процесс разрешения противоречий между объективно-социальными (внешними) правовыми требованиями к их личности и субъективными (внутренними) личностными регулятивами, когда приводятся в соответствие сущее и должное, правовые цели и средства профессиональной деятельности по выполнению воинского долга, достигаются ее наилучшие результаты. ПСВР предполагает, с одной стороны, создание благоприятных объективных условий для ее функционирования и развития, а с другой – оптимизацию воспитательных воздействий субъектов ее формирования.

Формирование ПСВР представляется весьма сложным динамичным процессом, которому присущи единство устойчивого и изменчивого, единичного и общего, старого и нового, переход от менее глубокого познания к более глубокому и преобразование правокультурного комплекса в новое качество под влиянием различных объективных условий, субъективных факторов и средств формирования. Формирование ПСВР может и должно выступать сознательной, специально организуемой деятельностью органов управления, командиров частей и подразделений Росгвардии по созданию необходимых условий и факторов, обеспечивающих образование устойчивого правового сознания военно-профессионального характера и их активное функционирование в армейской среде, а также результатом самосовершенствования и правового саморазвития военнослужащего Росгвардии.

Формирование ПСВР представляется совокупностью различных, относительно обособленных и взаимосвязанных процессов. В нем можно выделить три этапа, которые выражают основные характерные стадии развития пра-

вового сознания и стиля правомерного поведения:

а) анализ состояния правокультурных качеств военнослужащего и сравнение их с необходимыми требованиями воинской деятельности;

б) выбор средств их формирования, учет факторов и условий развития правосознательных компонентов личностной культуры военнослужащего;

в) закрепление правосознательных и правокультурных качеств в системе индивидуальных ценностей и проявление их на практике⁵.

Деятельность субъектов управления формированием ПСВР требует многостороннего, комплексного подхода, знания и учета принципов их формирования в новых, динамичных условиях этапа, переживаемого страной и Росгвардией. Совершенствуя ПСВР необходимо развивать следующие их личностные качества: – специфические профессионально-юридические: правовую наблюдательность, правовое воображение, такт и др.; – психологический компонент: эмпатию (то есть умение сопереживать), эмоциональный компонент (который должен базироваться на нормах принятых в конкретном обществе и воинской части), военнослужащий должен быть аутентичным, открытым (в отношении окружающих его людей и обстоятельств), а также терпимым, развивая в себе интуицию, устойчивость к стрессовым ситуациям, чувство здорового оптимизма; – мыслительный компонент: умение анализировать, рефлексировать, быть креативным, наблюдательным, развивая цельное системное, критическое мышление; – поведенческий компонент: разумная инициатива, умение импровизировать, готовность к разумному риску, принимать решения, исполнять команды и нести за них персональную ответственность.

В формировании ПСВР, немаловажно учитывать два

аспекта. Первый – необходимость всемерного повышения социальной обоснованности нормативных актов, а также уровень моральной составляющей их собственно правового содержания. Так как лишь наделенное моральными устоями законодательство, не вступающее в конфронтацию с царствующими в данном социуме мнениями о том, что есть добро и зло, справедливость и предвзятость, истина и ложь найдет отзыв в сердцах военнослужащих. Поэтому практическое претворение закона, игнорирующего упомянутые выше устои, становится тяжким гнетом для правоохранительных структур вообще, и Росгвардии в частности. Второй – важно осознавать необходимость главного направления повышения уровня ПСВР. Речь идет не о простой зубрежке текста законов, а о постоянной работе по стимулированию социальной ответственности военнослужащих, повышению уровня образования, расширению интересов, неспособности находить себя, свое подлинное я в калейдоскопе жизненных событий на базе установившегося морального критерия.

Таким образом, для эффективной организации процесса формирования ПСВР, необходимо учитывать ряд аспектов, что, в свою очередь, является существенным условием поддержания необходимого уровня законности и правопорядка в повседневной жизнедеятельности. Процесс формирования правового сознания военнослужащих Росгвардии в ходе их профессионального образования очень важен на современном этапе, но реализация его возможна лишь при условии глубоко понимания и одобрения военнослужащими Росгвардии его целей и задач.

© Снегирев А. Л., 2023

¹ Землин А. И. Правовая культура личности российского офицера: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1996. С. 18–19.

² *Теория государства и права: Учебник / Отв. ред. В. Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 137.*

³ *Григорьев О. В., Томских С. Н. Правовое воспитание как детерминанта социальной адаптации курсантов военных вузов // Право и образование. 2010. № 10. С. 71–76.*

⁴ *Иванов А. А., Подшибякин А. Н., Сливин Т. С. Формирование правовой культуры у курсантов образовательных учреждений в ходе изучения гуманитарных дисциплин // Мир образования – образование в мире. 2016. № 1. С. 112–117.*

⁵ *Суховецкая Е. Ю. Педагогические условия совершенствования правового воспитания курсантов вузов внутренних войск МВД России: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007. С. 17.*

И. А. Панчук*

**РОЛЬ И МЕСТО ПРЕДМЕТА «ОСНОВЫ
БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ»
В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО
СОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
АБИТУРИЕНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ РОСГВАРДИИ**

Военные вузы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардии) при отборе абитуриентов, нацелены на прием курсантов обладающими определенными правовыми знаниями и сформированной правовой культурой¹. Вместе с тем, необходимо отметить, что отдельные выпускники средних и средних специальных учреждений не обладают требуемыми качествами, а порой проявляют правовой скепсис и нигилизм².

В связи с этим немалую роль играют вопросы формирования элементов правового сознания и правовой культуры юношей на уроках непосредственно связанных с правовой компонентой³. К числу таковых, прежде всего, можно отнести обществознание, однако, необходимо помнить, что ряд правовых тем рассматривается в общеобразовательном курсе «Основ безопасности жизнедеятельности» (далее – ОБЖ). И в этом ключе указанная дисциплина недооценена, хотя ОБЖ обладает большим потенциалом в решении многих проблем связанных с формированием правовой культуры будущих курсантов военных вузов Росгвардии.

* *Панчук Илья Андреевич* – старший помощник начальника группы службы войск Новосибирского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Так, например, в сферу изучения ОБЖ входят вопросы роли государства и права в социуме, проблемы связанные с обеспечением безопасности Отечества, деятельность государственных структур в области ликвидации чрезвычайного-опасных обстоятельств, связанных природными или техногенными факторами, а также проблематика социальных деструкций, прежде всего экстремистских и террористических. Анализируемая дисциплина формируют у обучаемых знания правовых основ национальной безопасности России, вопросы воинской обязанности и прохождения военной службы. Другими словами изучение вопросов заложенных в курсе ОБЖ тесно вплетено в процесс правового воспитания и формирования правовой культуры⁴.

На основании изложенного можно сформулировать задачи, которые стоят перед преподавателями ОБЖ:

- выработка у обучаемых понимания важности правового регулирования вопросов ОБЖ;
- развитие знаний о правах и обязанностях, а также об ответственности за допущенные правонарушения;
- воспитание убежденности в верности правомерного поведения⁵.

Из направлений ОБЖ наиболее значимыми являются вопросы, связанные с изучением темы «Воинская обязанность».

Вот неполный перечень проблем, анализируемых на уроках, касающихся организации воинского учета:

- постановка на воинский учет;
- медицинское освидетельствование;
- призыв на военную службу и порядок ее прохождения;
- увольнение с военной службы и пребывание в запасе⁶.

Перечисленные вопросы разбираются на основе федеральных законов «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ и «Об альтернативной гражданской службе» от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ, тематика ответственности за уклонение от прохождения военной службы – на основе Уголовного кодекса Российской Федерации.

По рассматриваемым вопросам занятия могут проводиться в самых разнообразных формах, от классической лекции, до самостоятельного изучения нормативно-правовой базы, с последующим решением тематических заданий.

Важной для формирования правовой культуры будущих курсантов вузов Росгвардии является тема «Семья в современном обществе. Законодательство и семья». Значительный вклад в формирование правового сознания будущих воинов войск правопорядка вносят темы: «Нормативно-правовая база борьбы с терроризмом и экстремизмом в Российской Федерации» и «Уголовная ответственность за участие в террористической и экстремистской деятельности»⁷.

Как правило, уроки по указным темам сопровождаются изучением положений федеральных законов «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, а также надлежащих разделов Уголовного кодекса Российской Федерации.

Не вдаваясь на этих страницах в проблемы важности правового обучения будущих курсантов вузов Росгвардии, тем не менее, важно помнить, что сама по себе зубрежка законов не является целью предмета ОБЖ, но знакомство с нормативной базой, регулирующей общественные отношения в важнейших для российской государственности

темах, несомненно, способствует формированию правовой культуры обучаемых как будущих курсантов вузов Росгвардии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– в содержании тем, рассматриваемых в курсе ОБЖ, содержатся материалы, способные заложить основу правовых знаний в области национальной безопасности, воинской обязанности и военной службы, ответственности за нарушение указанных норм и многих других важных для будущей служебно-боевой деятельности будущих офицеров войск правопорядка;

– ОБЖ не только вносит значительную лепту в правовое обучение будущих курсантов Росгвардии, но и вырабатывает их правовой кругозор, формирует правосознание и правовую культуру;

– в результате изучения ОБЖ будущие курсанты военных вузов Росгвардии получают правовые знания, умения и навыки, которые обеспечат гарантированное выполнение поставленных командованием задач.

© Панчук И. А., 2023

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр1168). – СПС «Гарант». – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/> (дата обращения 13.12.2022).

² Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 87–100.

³ Харников М. В. Сущность и структура правовой культуры подростка как результат социального воспитания и правового просвещения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 5(175). С. 30–36.

⁴ Гаджиева П. А., Раджабова Р. В. Правовое образование подрастающего поколения: отечественный и зарубежный

опыт // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5(78). С. 122–124.

⁵ Смирнов А. Т., Хренников Б. О. Основы безопасности жизнедеятельности. Рабочие программы. Предметная линия учебников под редакцией А. Т. Смирнова. 10–11 классы: Пособие для учителей общеобразовательных организаций. М., 2014.

⁶ Сергеева Б. В., Гордиенко Е. Э. Система формирования правовой культуры младших школьников в языковом образовании // Перспективы науки и образования. 2018. № 1(31). С. 134–142.

⁷ Смирнов А. Т., Хренников Б. О. Основы безопасности жизнедеятельности. Рабочие программы. Предметная линия учебников под редакцией А. Т. Смирнова. 5–9 классы: Учебное пособие для общеобразовательных организаций. 4-е изд. М., 2016.

О. В. Гаврилова*

ОБРАЗЫ ЮРИСТОВ-ПРАКТИКОВ НА СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЭКРАНЕ

В настоящее время все чаще героями сериалов становятся практикующие юристы, адвокаты, в чью профессиональную деятельность входит защита интересов подозреваемых и обвиняемых участников судебного процесса. И в последние годы таких кинолент становится все больше. В них задействованы как маститые и известные актеры – звезды российского кино- и телеэкрана, так и совсем молодые артисты.

Назовем лишь самые, на наш взгляд, интересные работы российских кинематографистов, где главными героями выступают адвокаты. Это сериалы «Линия защиты», «Адвокат» (2004), «Заступники» (2019), и «Ваша честь», «Адвокатессы» (2009), «Презумпция невиновности» (2020).

Предметом нашего исследования станут сериалы «Адвокат» (2004), «Заступники» (2019) и «Адвокатессы» (2009). Выбор автора статьи вполне очевиден: сами названия сериалов говорят о себе. Герои этих фильмов – профессиональные защитники интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Первая кинолента, на которую мы хотим обратить свое пристальное внимание и профессиональный интерес – это телесериал «Адвокат» с блестящим Андреем Соколо-

* *Гаврилова Ольга Вячеславовна* – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Мурино Ленинградской области), кандидат юридических наук.

вым в главной роли, который выходил на телеэкраны страны более 15 лет подряд.

Премьера сериала состоялась 26 апреля 2004 г. Несмотря на большое количество серий, детективная картина и сегодня смотрится с большим интересом. Создателями сериала на суд зрителя представлена достаточно достоверная и добротная история¹.

В центре захватывающего сюжета его главный герой – принципиальный и неподкупный адвокат по уголовным делам Алексей Николаевич Зимин. В очередной раз он берется за, казалось бы, безнадежные дела и ... выигрывает их!

К нему обращалось за помощью огромное количество людей, и он помогал им отстоять свои законные права в суде. Зимин предпочитал самостоятельно собирать факты, всю информацию по делу, и в итоге докапывался до истины, какой бы она не была.

Каждое дело требует от главного героя честного и принципиального подхода, бесстрашия и готовности идти на риск, ведь правосудие для него важнее любых денег. Верные помощники готовы разобраться во всех запутанных делах, которые потребуют от них нешуточной смелости, ведь расследования могут подвергнуть опасности не только их жизни, но и судьбы их близких.

Надо отдать должное создателям произведения, в каждой серии, повествующей о профессионализме защитника и его помощниц, его нестандартном отношении к своему делу, а в некоторых случаях, рискну заметить, и определенного фанатизма (определение, как нельзя лучше, характеризующее отношение к любимому делу главного героя картины и его помощниц) и преданности избранной профессии главного героя, снимались талантливые российские актеры: Сергей Астахов, Анастасия Маке-

ева, Татьяна Лютаева, Ольга Тумайкина, Людмила Нильская, Александр Рапопорт, Сергей Варчук и др. Верных помощниц и партнерш по адвокатской деятельности сыграли очаровательные Ирина Низина (Вера) и Татьяна Черкасова (Люба Короткова).

Главный герой сериала – адвокат Зимин никак не может привыкнуть к необходимому для своей профессии цинизму. И еще он совершенно не умеет отказывать людям, когда они просят его о помощи. Сталкиваясь с несправедливостью, Зимин забывает о выгоде, о благоразумии, даже о любимой дочери и принимает личное участие в судьбе каждого подзащитного. Деньги – для него, определенно, не главное, а главное – интерес и любовь к своей рискованной профессии. В работе по защите своих бесплатных клиентов он проявляет столько же энергии, профессионализма, азарта и риска, как и в работе со своими клиентами за плату.

Великолепный Андрей Соколов, которого зрители воспринимали только как сексапильного героя советского фильма «Маленькая Вера», где впервые в советском кино «без купюр» была показана эротическая сцена, всегда умен, увлекателен, интеллигентен, интересен для зрителя и зрительниц разных возрастов. В своей работе он использует нестандартные подходы, для того чтобы доказать невиновность своих клиентов. Герой принципиален и неподкупен. Главный его судья и арбитр – Закон. На протяжении всего сериала в отношении Алексея Зимина предпринимались попытки подкупить его большими деньгами, запугать, шантажировать. Становился Алексей Зимин и фигурантом уголовного дела, как и его помощница и партнер, бывший оперативный работник Люба Короткова. Однако главные герои сериала, несмотря на все мате-

риальные соблазны и профессиональные трудности, достойно выходили из самых запутанных ситуаций.

Такая преданность профессии и, как следствие, профессиональный успех имеют обратную сторону. У главных героев сериала, несмотря на блестящую адвокатскую карьеру, не устроена личная жизнь. У адвоката Алексея Зимина есть все, чтобы нравиться женщинам, но даже в любви у него свои принципы. В первой же серии Алексей Зимин, внезапно приехав домой вместе со своей помощницей Верой за забытыми документами, застаёт там свою любимую жену со своим лучшим другом и партнером по адвокатской конторе в очень недвусмысленной обстановке. Не отличается верностью и супруг героини Любови Коротковой. Она вынуждена с ним расстаться. И все попытки устроить личную жизнь у главных героев сериала терпят полное фиаско. У Алексея Зимина всем его попыткам устройства личной жизни препятствует его единственная дочь-подросток, опускаясь в своих действиях порой до самого подлого цинизма, что объясняется подростковым возрастом дочери главного героя.

На мой взгляд, только в восьмом и девятом сезоне сериала попытки нахождения второй половинки у героя Андрея Соколова выглядят немного комично и наигранно, когда он встречается с несколькими дамами с сайта знакомств.

Сериал быстро завоевал зрительские симпатии. Талантливые актеры интересно подали своих персонажей. При явном благородстве характера главные герои сериала – адвокаты не лишены человеческих недостатков и слабостей².

Необходимо отметить, что в сериале нет декораций. Все интерьеры – натуральные. Офис главного героя был обустроен в одной из адвокатских контор столицы. Мно-

гие сцены снимали в настоящих тюрьмах и судебных залах. Все действие сериала максимально было приближено к реальности, именно такое видение съемок было у продюсера и режиссера проекта Дмитрия Фикса. Съёмочная группа криминального сериала «Адвокат» насчитывала несколько сотен человек, включая каскадеров и представителей спецподразделений милиции. Идеи для сюжетов были взяты из реальной жизни. В создании картины принимали участие обычные люди, которые приносили на студию целые подшивки судебных дел. Сценаристы, заручившись поддержкой юриста-консультанта, переосмысливали документы и предлагали свой вариант развития событий³.

Не могу не отметить и такой интересный, на мой взгляд, факт. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в 2010 г. Андрей Соколов, а также продюсеры сериала Максим Стишов и Дмитрий Фикс были награждены медалями «За заслуги в защите прав и свобод граждан» 1-й степени⁴. В Москве на фестивале «Закон и общество» «Адвокат» был удостоен приза за лучший детективный сериал.

Актер Андрей Соколов настолько убедительно сыграл адвоката Зими́на, что возглавил юридическое агентство «Линия защиты», которое предоставляло бесплатные консультации людям творческих профессий.

Нельзя отметить, что в современном российском кинематографе все чаще героями криминальных сериалов, где главный герой адвокат, становятся лица женского пола.

В этой связи не могу не вспомнить ставший уже классикой фильм мэтра отечественного кинематографа Георгия Данелия «Мимино». В роли молодой женщины адвоката, которая бесплатно в качестве защитника от госу-

дарства успешно защитила в суде интересы главного героя в исполнении незабываемого Вахтанга Кикабидзе, выступила молодая талантливая актриса Марина Дюжева. И кинокартина незабываема, памятна и роль молодой адвокатессы, талантливо сыгранная молодой актрисой.

Современные российские кинематографисты уверенно делают главными героями своих фильмов про работу «защитников» – лиц женского пола.

Это сериалы «Адвокатессы» (2009), «Кто, если не я?» (2012) с блистательной Марией Шукшиной и «Заступники» (2019).

Премьера телесериала «Заступники» с успехом прошла на Первом канале в 2019 г. Фильм был снят по мотивам произведения адвоката Дины Каминской «Записки адвоката», основанного на реальных судебных процессах знаменитых советских адвокатов. Действие картины происходит в 1966 г., в конце «оттепели». Главная героиня сериала – молодая амбициозная адвокатесса Нина Метлицкая (актриса Мари Ворожи) берется за самые сложные дела, в том числе и о диссидентстве. Девушка, воспользовавшись удачно выпавшим ей шансом, переводится из дальнего Подмоскovie из небольшой юридической консультации в Филиал № 1 – самую сильную адвокатскую контору в СССР. И она с успехом доказывает, что оказалась на престижном месте совсем не случайно, а заслуженно. Среди ее подзащитных и вор в законе, и цеховик-миллионер, и меломан, обвиняемый в шпионаже, и кинозвезда, осужденная за убийство сожителя, и диссиденты, а также один из двух подростков, несправедливо обвиненных в страшном преступлении.

Она так же, как и главные герои «Адвоката», фанатично предана своему непростому делу. И точно так же личная жизнь ее буквально на глазах рушится от того, что

работе молодая женщина уделяет гораздо больше времени, сил, терпения и старания, чем своей семье и молодому мужу. Интересно в фильме показана работа адвокатов в СССР, о разном их отношении к делу, клиентам, жизненным ценностям и ориентирам. Героиня не может, а главное, не хочет, поступаться своими жизненными принципами. Главный ориентир и путеводная звезда в работе для нее – Закон.

Нельзя обойти вниманием и фильм «Кто, если не я?» (2012), где в роли главной героини – Нины Беркутовой выступила великолепная Мария Шукшина. Личная трагедия (у 42-летней женщины, у которой была успешная адвокатская карьера, семья и полное душевное спокойствие, жизнь резко изменилась: от нее к любовнице ушел муж, дети отдалились) заставила главную героиню – адвоката пересмотреть отношение к своим подзащитным: теперь они для неё больше, чем просто безликие клиенты. Отныне главным мотивом в работе Нины становится не профессиональный успех, а желание помочь людям, попавшим в тяжёлую ситуацию. Она помогает бедным и социально неблагополучным людям, которые никогда не смогли бы позволить себе дорогого защитника, берётся за дела, которые, на первый взгляд, кажутся безнадежными.

Сериал интересен не только захватывающими судебными историями, но и сложной трансформацией личности главной героини, однажды осознавшей, что весь её успех был эфемерным.

Говоря о фильме «Адвокатессы», отметим, что данный проект относится к тому типу телесериалов, где сюжетообразующим элементом становится профессия главного героя. У сериала четыре главные героини – четыре женщины, четыре адвоката городской адвокатской конторы. Героини постоянно сталкиваются с крайне сложными де-

лами, но их знания, профессиональное мастерство и гражданская самоотверженность позволяют с честью выйти из любой ситуации, защитить интересы их клиентов.

Женский подход к защите – это особый взгляд на мир. И этим «Адвокатессы» принципиально отличаются от всех уже известных адвокатских сериалов. В каждой серии показывается переплетающаяся с сюжетом, полная лиризма и юмора, личная жизнь героинь.

С первых минут просмотра «Адвокатессы» заинтересовывает манера съёмок сериала. Такой качественной постановки камеры, расстановки света и прочих атрибутов операторского мастерства я не видела давно в российском кинематографе. Режиссер качественно смонтировал ленту. Режиссер картины Ю. Харнас участвовал ещё в двух проектах – «Детективы» и «След». Считаю, что «Адвокатессы» удались с блеском. Актрисы – Светлана Максимова, Ирина Карташёва, Виктория Коньшина, Екатерина Соломатина – исполнили роли главных героинь замечательно.

Главные героини стойко реагируют на сюжетные повороты, не впадают в депрессию, не начинают глупеть, не замечая самых очевидных фактов, как зачастую бывает в детективах. Для детектива главное – атмосфера, с которой герои расследуют преступление. В сериале есть и юмор, и личная история каждой из героинь, и эмоции, и характер. «Адвокатессы» – эталон того, как на сегодняшний день должен выглядеть в России сериал.

Следует отметить, что женщины-адвокаты в последние десятилетия становятся главными героями и многих зарубежных кинокартин и сериалов. В этой связи нельзя не упомянуть американские ленты «Правильная жена»

(2009), «Схватка» (2007), «Шелк» (2011), «Сделано в Джерси» (2012) и др.

Еще один сериал, о котором мы не могли не упомянуть в своем исследовании это «Ваша честь». Картина «Ваша честь», где главной героиней стала федеральный судья. С адвокатом у судьи сложились неформальные дружеские отношения, несмотря на разницу в возрасте, поле, социальному статусу. Но работа адвоката в сериале также показана очень интересно.

© Гаврилова О. В., 2023

¹ Генералов А. Сериал «Адвокат». – <http://rusactors.ru/film/a/advokat/> (дата обращения: 17.01.2023).

² Волошина Н. Андрей Соколов защищает дезертиров и домработниц: В понедельник НТВ начинает показ сериала «Адвокат-2» // Комсомольская правда. 2005. 4 июня.

³ Беширова Л. Адвокат – больше чем просто сериал. – <https://web.archive.org/web/20160305022807/http://www.nashfilm.ru/modernserials/624.html/> (дата обращения: 18.01.2023).

⁴ Соколов А. Адвокатская профессия – профессия компромисса. – www.bestlawyers.ru (дата обращения: 15.01.2023).

Раздел XII
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
О СРЕДСТВАХ СОХРАНЕНИЯ
КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ, ДУХОВНЫХ
И НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Т. А. Васильева*

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ –
ВЫРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ
ИЛИ ПОПЫТКА «ЮРИДИЗАЦИИ ИСТОРИИ»?

Одной из тенденций, характерных для современной Европы, является увеличение числа актов, регулирующих вопросы, связанные с исторической памятью. Проявлением юридикации, в частности, является разработка и принятие мемориальных законов или законов об исторической памяти, выражающих официальную позицию в отношении исторических событий, «вызывающих особые

* *Васильева Татьяна Андреевна* – главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук (Москва), доктор юридических наук, доцент.

споры и являющихся особо чувствительными»¹ для населения определенной страны. Как отмечается в литературе, к мемориальным законам могут относиться любые правовые акты, касающиеся интерпретации прошлого собственной страны или других государств путем признания или оценки исторических событий, введением ответственности в связи с признанием или оценкой исторических событий, реабилитацией или реституцией в связи с признанием или оценкой исторических событий². Эти законы могут трактоваться и более широко, включая также акты об увековечивании исторических событий и лиц, установлении государственных праздников³, переименовании улиц, доступе к государственным архивам⁴, установлении пенсий ветеранам⁵.

Мемориальные законы могут преследовать различные цели – усиление единства и сплоченности посредством преодоления ошибок прошлого, легализации определенной трактовки исторических фактов, восстановление справедливости в отношении жертв соответствующих событий, устранение политической оппозиции. Они могут носить декларативный характер или предусматривать уголовное наказание за отрицание официальной трактовки событий. Эти законы апеллируют к коллективной памяти, являющейся важной составляющей культурного наследия, позволяющей сохранять важнейшие для данного сообщества ценности и формировать национальную (политическую) идентичность.

Как отмечается в литературе, в настоящее время прошлое становится чрезвычайно важным для формирования идентичности, в особенности – после признания в 80–90 х годах прошлого столетия исторических травм, связанных с Холокостом, Второй мировой войной, строительством социализма⁶. При этом в Европе историческая

память не является однородной, она одновременно объединяет и разъединяет государства континента⁷. И часто воссоздание национального исторического мифа формируется посредством определенного стратегического отбора необходимых воспоминаний, обобщенная избирательная память не только игнорирует историческую память других народов, но и стандарты исторического исследования⁸. По мнению экспертов, коллективная память в значительной степени зависит от политического и идеологического контекста, она корректирует индивидуальную память и позволяет наполнять исторические факты специфическим символическим содержанием⁹.

Так, одной из особенностей Польши является то, что мемориальные законы разрабатываются созданным в 1998 г. парламентом Институтом национальной памяти, в задачу которого входит сохранение памяти об огромных жертвах, утратах и ущербе, причиненных польской нации во время Второй мировой войны, о патриотических традициях борцов с оккупантами, нацизмом и коммунизмом; расследование преступлений против мира, человечности и военных преступлений; выплата компенсаций всем пострадавшим от государства, нарушавшего права человека¹⁰. По мнению экспертов, Институт продвигает открыто националистическое изложение польской истории¹¹.

Считается, что распространение мемориальных законов в определенной степени способствует упрощенному восприятию истории, которое становится обязательным для общественного воспроизводства. Кроме того, мемориальные законы порождают вопросы в отношении ограничений свободы выражения мнения, научного творчества и преподавания, академической свободы. В частности, существует неопределенность в отношении пределов свободы слова в условиях запрета отрицания тех или иных

событий или их оценок, легитимности самих этих запретов, а также правомерности использования мемориальных законов в политических целях в качестве оснований для привлечения к ответственности в условиях смены политического режима¹².

Многие представители исторической науки выступили против таких подходов к истории. Американский специалист по современной истории Дж. Винтер отмечал, что изучение истории базируется на критическом анализе источников, и предопределенность в интерпретации прошлого – это отрицание задач исторической науки. Историки приносят в свои исследования коллективную память, но соблюдая правила доказывания и необходимость отказа от гипотезы, если она не подтверждается документально. Они должны описывать историю вне зависимости от того, что о ней думает законодатель, и использовать документы, чтобы препятствовать тому, чтобы люди, находящиеся у власти или не связанные с ней, лгали о прошлом¹³.

Во Франции представителями исторической науки была создана ассоциация «Свобода истории», которая в своем обращении от 12 декабря 2005 г. провозгласила следующие принципы: «История – это не религия. Историк не принимает никаких догм, не соблюдает никаких запретов, не знает никаких табу... История – это не память. Историк, используя научный подход, собирает воспоминания людей, сравнивает их между собой, с документами, предметами, следами и устанавливает факты. История учитывает память, но не сводится к ней. История не является юридическим объектом. В свободном государстве ни парламент, ни судебная власть не должны определять историческую правду. Политика государства, даже движимая самыми благими намерениями, не является поли-

тикой истории»¹⁴. В обращении 2008 г., которое поддержали и историки из других стран, президент ассоциации П. Нора писал: «В свободном государстве ни одна политическая власть не обязана определять историческую правду и ограничивать свободу историка под угрозой уголовного наказания. Мы призываем историков объединить свои силы внутри своей страны, создавая структуры, аналогичные нашей... Мы призываем политиков осознать, что, хотя они и обязаны сохранять коллективную память, но не должны устанавливать в соответствии с законом и прошлым государственные истины, применение которых в судебном порядке может привести к серьезным последствиям для профессии историка и интеллектуальной свободы в целом. В демократическом обществе свобода для истории – это свобода для всех»¹⁵. В 2013 г. Пьер Нора отмечал в интервью, что мемориальные законы кардинально отличаются от законов о диффамации, которые защищают права человека и производны от Конституции. В свою очередь, мемориальные законы ориентированы на установление определенной исторической правды под угрозой уголовного наказания, а не на защиту прав¹⁶.

© Васильева Т. А., 2023

¹ *Baranowska G., Wójcik A.* In defence of Europe's memory laws // Eurozine. – <https://www.eurozine.com/in-defence-of-europe-s-memory-laws/?pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

² *Mihajlović Trbovc J.* Memory Laws: Legal Regulation of Historical Interpretations // ZRC SAZU Institute of Culture and Memory Studies. 3 April 2017. – <https://ikss.zrc-sazu.si/en/novice/call-papers-memory-laws-legal-regulation-historical-interpretations> (дата обращения: 18.10.2021).

³ В качестве примера можно привести объявление 24 апреля официальным днем памяти жертв геноцида армян во Франции в 2019 г. – *France officially commemorates Armenian genocide for the first time* // RFI. – <https://www.rfi.fr/>

en/france/20190424-france-officially-commemorates-armenian-genocide-first-time (дата обращения: 09.10.2021).

⁴ *Belavusau U., Gliszcyńska-Grabias A.* The Remarkable Rise of 'Law and Historical Memory' in Europe: Theorising Trends and the Prospects in the Recent Literature // *Journal of Law and Society*. 2020. Vol. 47. Iss. 2. P. 326.

⁵ *Mihajlović Trbovc J.* Memory Laws: Legal Regulation of Historical Interpretations // *ZRC SAZU Institute of Culture and Memory Studies*. 3 April 2017. – <https://ikss.zrc-sazu.si/en/novice/call-papers-memory-laws-legal-regulation-historical-interpretations> (дата обращения: 18.10.2021).

⁶ *Assmann A.* Europe: A Community of Memory? Twentieth Annual Lecture of the GHI, November 16, 2006 // *Bulletin of the German Historical Institute*. 2007. Iss. 40. P. 11–12.

⁷ *Muschg A.* Kerneuropa. Gedanken zur europäischen Identität // *Neue Zürcher Zeitung*. 2003. 31.5.

⁸ *Assmann A.* Europe: A Community of Memory? P. 15, 17.

⁹ *Rekść M.* Post-Yugoslav Collective Memory. Between National and Transnational Myths // *Polish Political Science Yearbook*. 2016. Vol. 45. P. 74.

¹⁰ Institute of National Remembrance. Mission. – <https://ipn.gov.pl/en/about-the-ipn/mission/875,Mission.html> (дата обращения: 23.04.2020).

¹¹ *Belavusau U.* Rule of Law in Poland: Memory Politics and Belarusian Minority. P. 1 (дата обращения: 23.04.2020).

¹² *Belavusau U., Gliszcyńska-Grabias A.* The Remarkable Rise of 'Law and Historical Memory' in Europe: Theorising Trends and the Prospects in the Recent Literature // *Journal of Law and Society*. 2020. Vol. 47. Iss. 2. P. 326, 333, 335.

¹³ *Winter J.* Historians and the politics of memory // *Histoire@Politique*. *Politique, culture, société*. 2007. № 2. – <https://www.cairn.info/revue-histoire-politique-2007-2-page-2.htm> (дата обращения: 22.04.2020).

¹⁴ L'appel du 12 décembre 2005 // *Liberté pour l'Histoire*. – https://www.lph-asso.fr/index9e81.html?option=com_content&view=article&id=2&Itemid=13&lang=en (дата обращения: 16.10.2021).

¹⁵ L'appel de Blois (2008) // *Liberté pour l'Histoire*. – https://www.lph-asso.fr/index6a7b.html?option=com_content&

view=article&id=47&Itemid=14&lang=fr (дата обращения: 16.10.2021).

¹⁶ Свобода истории: почему не нужно принимать «законы об исторической памяти» // <https://freespeechdebate.com/ru/discuss/свобода-истории-почему-не-нужно-прини/> (дата обращения: 16.10.2021).

*А. Д. Медведев**

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ И СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Традиции и обычаи, нравственные и духовные принципы, сформированные предшествующими поколениями, являются частью исторического и культурного наследия современного общества и государства. Значительное влияние на историческое и культурное наследие, общественно-политическое устройство общества и государства, оказывают процессы глобализации, происходящие на современном мировом пространстве, которые оказывают разрушительное воздействие на национальные семейные традиции и ценности, что порождает формирование наднациональных образований.

Россия является многонациональным государством, имеющим многовековую историю. На территории государства проживает более 190 различных народов, имеющих свои культурные особенности, обычаи и традиции. Сохранение исторического и культурного наследия страны, решение стоящих вопросов, связанных с его защитой, является одной из приоритетных задач российского общества и государства, и составляет основу российского государства. Одним из фундаментальных принципов построения российского государства является проводимая в

* *Медведев Александр Дмитриевич* – адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Российской Федерации культурная политика¹, направленная на укрепление духовно-нравственных основ общества и патриотических чувств, особенно для молодого поколения россиян, воспитывающегося в эпоху информационной и технологической революции, сохранив при этом всё ценное, что было накоплено за предыдущий исторический период. основополагающую роль в укреплении традиционных духовно-нравственных принципов и формировании патриотизма играет многовековое историческое прошлое и культурное богатство российского народа, в связи с чем проблема обеспечения их сохранности и защиты является одним из ключевых направлений государства, и в настоящее время приобретает первостепенное значение. Противоправные деяния на объекты культурного наследия отнесены в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации² к угрозам национальной безопасности в области культуры.

Необходимо отметить, что систематизация различного рода угроз, представляющих опасность для объектов исторического и культурного наследия, и факторов, способствующих их возникновению, позволит выработать соответствующие механизмы, направленные на их противодействие, а также разработать комплекс мер по их предотвращению и минимизации последствий. Наибольшую опасность представляют риски криминогенного характера, к которым относятся противоправные посягательства, в том числе различного рода кражи, грабежи, разбои, контрабанда, а также повреждение и уничтожение объектов исторического и культурного наследия, совершаемые как отдельными лицами, так и организованными группами, в том числе имеющих транснациональный характер.

Представленные Министерством внутренних дел Российской Федерации статистические данные свидетельствуют о том, что за последние годы количество хищений остается высоким, однако в ходе изучения установлено, что в отдельный учет не выделяются преступные посягательства, связанные с незаконным оборотом культурных ценностей, что, в свою очередь, затрудняет изучение и оценку данной проблемы.

Как правило, в настоящее время в средствах массовой информации все чаще приводятся сведения о преступлениях, посягающих на историческое и культурное наследие, их масштабах и последствиях, выраженных не только в причиняемом существенном материальном ущербе, но и утрате бесценных предметов. Информация о некоторых кражах не всегда является публичной, особенно если это касается ограблений коллекционеров, частных галерей и выставочных залов, предпринимательских структур (например, банков), церквей разных конфессий, в которых традиционно находятся произведения искусства музейного уровня³. Хищения данных предметов наносят невосполнимый ущерб не только их владельцам, но и интересам науки, искусства, культуры и образования⁴.

С развитием телекоммуникационных и иных современных технологий, преступниками стало проще осуществлять взаимодействие с зарубежными клиентами, разрабатывать более изощренные преступные схемы, в том числе носящие транснациональный характер. Ситуация с незаконным оборотом культурных ценностей становится все более серьезной и требует незамедлительного принятия дополнительных мер по сохранению и защите национального культурного достояния.

Обеспечение национальной безопасности в сфере культуры, достижение целей и решение задач Стратегии государственной культурной политики возможно только путем целенаправленного комплексного подхода, включающего: надлежащее правовое, в том числе уголовно-правовое, регулирование; комплексное совершенствование системы управления; совершенствование оперативно-разыскной и криминалистической деятельности⁵. Основные функции по обеспечению сохранности и защиты объектов исторического и культурного наследия возложены на Министерство культуры Российской Федерации и Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Необходимо отметить, что наибольшее количество предметов и объектов, представляющих историческое и культурное значение, сосредоточено в государственных учреждениях культуры Российской Федерации. Зачастую к совершению преступлений, посягающих на предметы, имеющие историческое и культурное значение, причастны сотрудники учреждений культуры Российской Федерации. Данные обстоятельства обуславливают необходимость совершенствования организационно-административных мер, включающих определение квалификационных требований к работникам, четкое выполнение предписаний нормативных документов сотрудниками и совершенствование обеспечения безопасности учреждений культуры от внутренних и внешних угроз. Так, в 2011 г. Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации определены квалификационные требования, функциональные и должностные обязанности руководителей, специалистов и служащих работников культуры, искусства и кинематографии, в том числе направленных на профилактику и защиту музейных предметов и иных объектов культуры, прове-

дение мероприятий по превентивной консервации и реставрации объектов культурного наследия⁶.

Одной из мер противодействия незаконному обороту предметов исторического и культурного наследия, реализуемой Министерством культуры Российской Федерации, является размещение на общедоступном Интернет-сайте сведений обо всех известных случаях, пропавших и похищенных предметов исторического и культурного значения. Представленная на Интернет-сайте информация содержит детальные сведения о пропавшем или похищенном предмете, указывается его название, год создания, материал, размер, данные автора, в том числе публикуется цветная репродукция картины.

Значительное внимание проблеме сохранения предметов, имеющих историческое и культурное значение, уделяется Министерством внутренних дел Российской Федерации. В первую очередь, это обусловлено тем, что криминогенная обстановка, связанная с посягательствами на культурные ценности, продолжает оставаться сложной, а ущерб государству от совершения преступления растет. Одним из главных направлений деятельности органов внутренних дел является предупреждение преступлений. На сотрудников правоохранительных органов, помимо раскрытия преступлений, возложены обязанности по выявлению причин и условий, способствующих их совершению, и принятию мер по их устранению. В настоящее время преступная деятельность, связанная с нелегальным оборотом культурных ценностей, приобретает организованный транснациональный характер, что существенно осложняет работу оперативно-разыскных подразделений органов внутренних дел. О транснациональном характере данного вида преступной деятельности говорит тот факт, что в настоящее время на территории государств СНГ

действует около 30 преступных группировок, специализирующихся на контрабанде предметов старины и искусства, а в Западной Европе – около 40 таких организованных преступных групп, которые занимаются поиском, скупкой и нелегальным вывозом культурных ценностей. Во многих случаях ситуация осложняется тем, что контрабанде культурных ценностей содействуют коррумпированные должностные лица, непосредственно связанные с осуществлением таможенного и смежного с ним пограничного контроля⁷.

Комплекс мер по организации взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств, задержанию преступников и изъятию из незаконного оборота культурных ценностей осуществляет Национальное центральное бюро Интерпола МВД России. В этих условиях возрастает значение международного сотрудничества по вопросам сохранения и защиты национального исторического и культурного наследия.

В целях противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом исторических и культурных ценностей, необходимо проведение дополнительного комплекса мер, включающих:

- создание межведомственной комиссии, включающей Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации и иные заинтересованные правоохранительные и государственные органы; организация обмена информацией;

- создание в рамках межведомственной комиссии рабочей группы, осуществляющей контроль за оборотом и перемещением культурных ценностей на территории Российской Федерации и за её пределами;

– разработку средств учета и идентификации предметов и объектов культурного наследия; создание единого реестра объектов культурного наследия;

– разработку алгоритма совершения сделок с предметами, имеющими историческое, культурное и художественное значение.

Таким образом, решение возникающих проблем, связанных с противодействием преступным посягательствам на культурные ценности, разрешить только уголовно-правовыми средствами невозможно. Необходимо комплексное изучение проблем, их анализ в целях разработки соответствующих рекомендаций для правоохранительных и иных государственных органов.

© Медведев А. Д., 2023

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2016. № 11. Ст. 1552.

² Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 23. Ст. 5351.

³ Кузнецова И. Г., Романова Н. М. Обеспечение сохранности и безопасности музейных коллекций в выставочной практике (по материалам музеев России). СПб., 2018. С. 328.

⁴ Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления деятельности оперативных подразделений ОВД по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с посягательствами на объекты, предметы и документы, представляющие историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность // Вестник экономической безопасности. 2015. № 7. С. 10–14.

⁵ Можаяева И. П. Основные направления противодействия преступным посягательствам на культурные ценности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 72–89.

⁶ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 30 марта 2011 года № 251н «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии»» (Зарегистрировано в Минюсте России 24 мая 2011 года № 20835). – <https://culture.gov.ru/documents/ob-utverzhdanii-edinogo-kvalifikatsionnogo-spravochnika-dolzhnostey-rukovoditeley-spetsialistov-251> (дата обращения: 10.02.2023).

⁷ Кулишов Д. Н. Некоторые правовые вопросы противодействия преступной деятельности, связанной с контрабандой культурных ценностей // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3. С. 172–179.

И. Г. Митюнова*

**ОПЫТ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ
ГАВРИИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА –
ПЕРВОГО МИНИСТРА ЮСТИЦИИ РОССИИ**

Одной из целей государственной политики на всём протяжении истории является формирование наиболее значимых социальных ценностей. В перечень задач по её достижению входит построение национальной идентичности, формирование деятельного патриотизма, чего нельзя добиться без укрепления духовной культуры. Увековечение памяти исторических событий и выдающихся деятелей по праву считается одной из её основ. А. С. Пушкин призывал уважать минувшее и считал это качеством, отличающим образованность от дикости. И вместе с тем он считал, что гордость славой своих предков не чем-то предосудительным, а, наоборот, – необходимым¹.

В российском обществе всегда имело место стремление облачить историческое прошлое в символические формы. Абсолютным примером такого стремления является идея уникального памятника «Тысячелетие России» и её последующее воплощение в 1862 г. в Новгороде. Этот монумент, возведённый в стенах древней крепости напротив Софийского собора, сочетает в себе скульптуры более сотни личностей, оставивших заметный след на историческом пути Российского государства.

* *Митюнова Инна Геннадьевна* – доцент кафедры истории государства и права Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород), кандидат педагогических наук, доцент.

В нашей стране и по сей день сохраняются традиции увековечения исторических событий и памяти выдающихся деятелей, в том числе и внёсших заметный вклад в развитие отечественной юридической науки. В статье будет рассмотрена тема увековечения в Великом Новгороде (до переименования в 1999 г. – Новгороде) памяти первого министра юстиции России Гавриила Романовича Державина. Этот процесс можно считать примечательным, так как он происходил в различные исторические эпохи нашего государства. И в каждую из них значимость этой выдающейся личности была признана безусловной. В то числе и в советское время, несмотря на то, что Г. Р. Державин являлся убеждённым и ярким сторонником самодержавия.

Установка памятника является одной из самых широко распространённых форм увековечения памяти. Такой чести в разных странах были удостоены и выдающиеся представители юридической науки. В сентябре 2022 года накануне 220-летия Министерства юстиции Российской Федерации в Москве около здания министерства были открыты сразу же три памятника выдающимся российским юристам. Первый памятник установлен в честь основоположника профессиональной судебной этики Анатолия Фёдоровича Кони, второй – в честь составителя первого Свода законов Российской империи Михаила Михайловича Сперанского. Третий же памятник был установлен в честь первого министра юстиции России Гавриила Романовича Державина. Именно они были названы яркими представителями триады, состоящей из обеспечения прав и законных интересов граждан, верховенства закона и укрепления государственности.

Память Г. Р. Державина в форме установки ему памятника в 2022 г. была увековечена не впервые. Как уже

отмечалось выше, его скульптура стала одной из более ста, размещённых на памятнике «Тысячелетие России», установленном в 1862 г. на территории кремля в Новгороде. Однако, авторы памятника М. Микешин и И. Шрёдер разместили фигуру Г. Р. Державина на нижнем горельефе, посвящённом писателям и художникам, в числе классиков русской литературы Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина. При этом каждая из фигур памятника и их место на нём утверждались императором Александром II. Г. Р. Державин не был включён в композицию, условно именуемую «государственные люди», в которой была размещена скульптура М. М. Сперанского. Таким образом, в этом случае, прежде всего, признавались творческие поэтические заслуги Г. Р. Державина.

Если заслуги выдающихся юристов А. Ф. Кони и М. М. Сперанского принимались и принимаются неоспоримо, то на протяжении долгого времени наследие Г. Р. Державина в части его вклада в эту сферу было практически предано забвению. Тем временем он, бесспорно, заслуженно входит в когорту крупных государственных деятелей Российской империи XVIII в., снискав себе среди прочего славу и как первый российский министр юстиции, стоявший у истоков подлинной системы правовой законности и справедливости. Будучи на государственной службе, Г. Р. Державин разработал ряд актуальных для того времени проектов, в том числе о введении третейских судов, регулировании дворянских опеки, заёмных отношениях между банками и дворянами и другие. Таким образом, при объективном отношении к исторической действительности неумолимо возникал вопрос о необходимости увековечивания памяти Державина Г. Р. не только как великого русского поэта, но и как государственного деятеля, юриста, имевшего фундаментальные взгляды на государство, обще-

ство, систему права и реализовывавшего их на своём служебном пути. И не случайно, что этот процесс был инициирован в Великом Новгороде.

Г. Р. Державин в 1797 г. с мая по октябрь постоянно проживал на Новгородской земле. Здесь вблизи губернской столицы располагалось его имение Званка, в котором он провёл и свои последние годы. В 1816 г. он был похоронен в Спасо-Преображенском соборе Варлаамо-Хутынского монастыря, располагавшегося в окрестностях города. В годы Великой Отечественной войны монастырь был разрушен. В 1959 г. останки перезахоронены в центре Новгородского кремля. Тем самым уже в советское время была отдана дань вкладу Г. Р. Державина в историю Отечества. В эту эпоху его имя было увековечено в форме наименования улицы. 27 апреля 1970 г. решением Новгородского облисполкома № 212 имя Г. Р. Державина получила новая улица, возведённая в восточной части Новгорода. Но и тогда подчёркивалось, что улица названа в честь выдающегося русского писателя².

В связи с 250-летием в 1993 г. останки Г. Р. Державина были возвращены в отреставрированный и переданный Русской Православной Церкви Варлаамо-Хутынский монастырь. В этом же году в Званке на вершине Званского холма на берегу реки Волхов был установлен и освящён архиепископом Новгородским и Старорусским Львом памятный знак, выполненный по проекту новгородского художника Федота Шишова. Здесь стали проводиться традиционные Державинские чтения. Однако, в отличие от проводимых Всероссийским государственным университетом юстиции Державинских чтений они не были посвящены вопросам юридической науки и практики и наследию Г. Р. Державина в этой сфере.

Следующим шагом увековечивания Г. Р. Державина в

Великом Новгороде стало присвоение его имени открывшейся 1 сентября 2017 г. школе № 36. И в этом случае подчёркивались уже именно его заслуги как выдающегося государственного деятеля, первого министра юстиции России³.

Школа с момента своего создания ведёт активное сотрудничество с Ассоциацией юристов России. Этой организацией была учреждена Всероссийская национальная юридическая премия, являющаяся формой признания особых заслуг в развитии юриспруденции Российской Федерации. Премия получила имя Г. Р. Державина. В положении о награде сказано, что она учреждена в память об известном государственном и общественном деятеле России XVIII в., действительном государственном советнике, поэте эпохи Просвещения и является символом исторической связи поколений юристов России, признания и почитания заслуг великого предка и знаком того, что Ассоциация юристов России, осуществляя свою деятельность, стремится сохранить лучшие традиции отечественной юриспруденции⁴.

Церемония вручения Премии проходит ежегодно в первом полугодии календарного года в Новгородской области, а одним из Атрибутов премии является статуэтка в виде бюста Г. Р. Державина, созданная новгородским скульптором, членом Новгородского отделения Союза художников России и Международной ассоциации изобразительных искусств ЮНЕСКО В. Н. Боровых. Он же по инициативе новгородского писателя и историка В. Г. Смирнова, поддержанной руководством Ассоциация юристов России, начал работу над памятником Г. Р. Державину. Результатом работы стал бронзовый бюст высотой около одного метра, водружённый на гранитный постамент высотой 1 м 80 см. Общий вес памятника составил

около полутора тонн. Местом его установки стала площадь перед школой № 36, в микрорайоне, по границе которого проходит улица Г. Р. Державина.

На памятнике Г. Р. Державин представлен именно как государственный деятель, министр юстиции России со всеми полагающимися чиновнику его ранга регалиями и заслуженными им на государственной службе наградами. Открытие состоялось 26 августа 2020 г. В ней приняли участие руководители региональных органов власти, государственных и муниципальных образовательных учреждений, представители общественности, учащиеся школы. Ассоциацию юристов России представлял её сопредседатель, председатель Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинников. Высокая значимость события была подчёркнута и участием церемонии доктора юридических наук, профессора, заслуженный юрист России, секретаря Общественной палаты Российской Федерации, руководителя Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации Л. Ю. Михеевой.

Процессы, связанные с увековечением имени Г. Р. Державина, на Новгородской земле были очень похожи на подобные, в том числе происходящие и на государственном уровне. На различных исторических этапах значимость этой выдающейся личности была признана безусловной. Вместе с тем, долгое время превалировали литературные заслуги Г. Р. Державина и только в последние годы на первый план всё-таки выходят заслуги на административно-политическом поприще. Безусловно, Державин-политик и Державин-юрист давно заслужил увековечения в различных формах, которые выразили бы его оригинальные взгляды на устройство российского государства и общества, его правовую систему.

¹ *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6: Критика и публицистика. М., 1962. – <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1036.htm> (дата обращения: 12.09.2020).

² *Элементы действительности: улица Державина* // Генплан Великого Новгорода: сетевое издание. – <https://gpnv.ru/20100> (дата обращения: 16.01.2023).

³ *В Великом Новгороде впервые за почти 30 лет открылась новая школа* // ИА «Regnum». – <https://regnum.ru/news/society/2316435.html> (дата обращения: 17.01.2023).

⁴ *Положение о Всероссийской национальной юридической премии имени Гавриила Романовича Державина* // Ассоциации юристов России: официальный сайт. – <https://alrf.ru/upload/.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).

*Н. А. Калинина**

**ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮРИСТОВ –
УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
В ОТРАЖЕНИИ ЭКСПОЗИЦИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И КРАСНОЯРСКОГО
КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

*Посвящается Калининой Елене Михайловне,
моей дочери, первому моему помощнику и советчику,
помощнику Великолукского транспортного прокурора*

В этом году город Санкт-Петербург празднует свое 320-летие со дня основания. Начало городу Святого апостола Петра положила одноименная крепость на Заячьем острове на реке Неве, «город в городе», снискавшая себе страшную славу главной политической тюрьмы России. За всю историю существования «Русской Бастилии» из нее не удалось бежать ни одному узнику¹.

В связи с важностью статуса особо опасных преступников – «врагов престола, Отечества и веры православной» видится интересным изложить в данной работе судьбы узников тюрьмы Трубецкого бастиона, а именно – юристов, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с законотворчеством, процессами становления государства, развития системы правового обра-

* Наталья Анатольевна Калинина – библиотекарь Библиотеки Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России.

зования, утверждения неразрывной связи между принципами права и нравственными ценностями в жизни общества. Какое бы учебное заведение не заканчивал юрист, его всегда отличает активная гражданская позиция, predeterminedенная самим образованием².



*Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
Вход в тюрьму Трубецкого бастиона³*



*Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
Коридор тюрьмы Трубецкого бастиона*

Выражение Евгения Евтушенко «Поэт в России – больше, чем поэт» в полной мере относится и к деятелям юридической науки, которые отстаивали свои убеждения, даже находясь в заключении и многие – ценой собственной жизни.

В списках узников тюрьмы Трубецкого бастиона мы можем видеть фамилию Андрея Ивановича Желябова, студента юридического факультета Новороссийского университета в Одессе (камера № 7). А. И. Желябов прожил всего 30 лет, но стал одним из создателей партии «Народная воля» – самой крупной в России революционной организации второй половины XIX в. Он был арестован за два дня до убийства императора и потребовал приобщить себя к делу «первомартовцев». Приговорён к смертной казни наряду с другими семью народолюбцами и повешен 3 апреля 1881 г. на Семеновском плацу в Санкт-

Петербурге. В память о деятелях «Народной воли» были названы улицы многих городов (в том числе с 1918 г. по 1991 г. улицей Желябова называлась Большая Конюшенная улица в Ленинграде), установлены памятники и бюсты.



*Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
Камера № 47, где содержался А. И. Ульянов*

Спустя шесть лет после убийства Александра II группа студентов юридического факультета и естественного отделения Петербургского университета становятся членами террористической фракции партии «Народная воля» и будут арестованы 1 марта 1887 г. при попытке покушения на жизнь Александра III. Пять участников покушения: Ва-

сидий Денисович Генералов (камера № 5), Василий Степанович Осипанов (камера № 1), Александр Ильич Ульянов (камеры № 3, 47), Петр Яковлевич Шевырев (камера № 11), Пахомий Иванович Андреюшкин (камера № 9) были повешены в Шлиссельбургской крепости. В память об этом событии в Шлиссельбургской крепости установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь 8 мая 1887 года царским правительством был казнен брат В. И. Ленина революционер-народоволец Александр Ильич Ульянов». Один из заключенных крепости – народоволец Михаил Федорович Фроленко посадил на месте казни яблоню⁴.



*Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
Камера подследственного.*

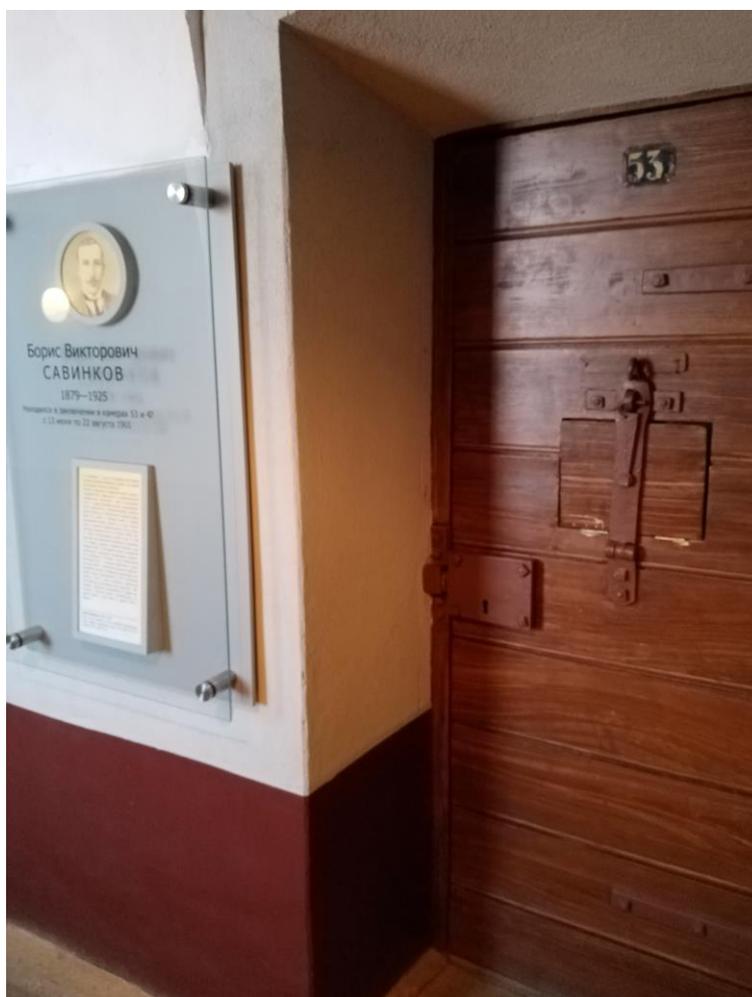


*Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
Обстановка камеры подследственного*

Одним из основателей партии социалистов-революционеров и основным ее теоретиком является Виктор Михайлович Чернов, получивший образование на юридическом факультете Московского университета. В апреле 1894 г. Чернов был арестован по подозрению к нелегальной деятельности партии «Народное право». В Пречистенском полицейском доме его допрашивал сам создатель системы политического сыска дореволюционной России Сергей Васильевич Зубатов. Но привлечь к сотрудничеству с полицией Чернова не удалось и он был переведен в Петропавловскую крепость, в камеру № 62. Находясь за границей, разработал программу партии эсеров и стал членом ее Центрального комитета. В январе 1918 г. был

избран первым и единственным председателем Всероссийского Учредительного собрания, разогнанного знаменитой фразой матроса Железняка: «Караул устал».

Два года учился на юридическом факультете Петербургского университета и был исключен за участие в студенческих беспорядках сын варшавского прокурора Борис Викторович Савинков. Как член Боевой организации партии эсеров Савинков принимал участие в подготовке ряда террористических актов, в том числе убийства министра внутренних дел В. К. Плеве.



*Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
Камера Б. В. Савинкова*

В 1917 г. Савинков вошел в состав Временного пра-

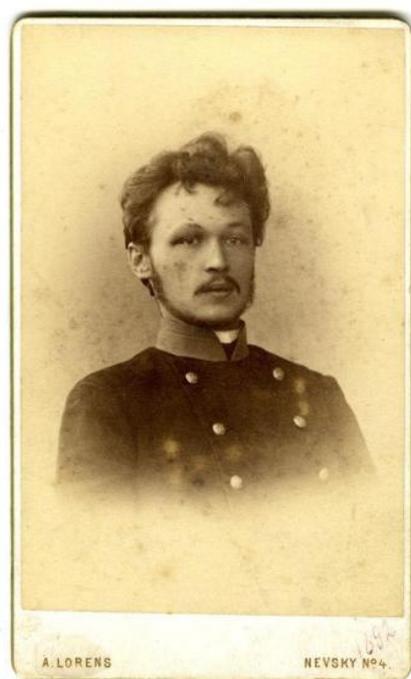
вительства, был военным генерал-губернатором Петрограда и реальным претендентом на полноту диктаторской власти в стране. Октябрьскую социалистическую революцию считал «захватом власти горстью людей» и стал создавать различные союзы для организации восстаний и терактов. Планы агентурно-оперативных мероприятий Контрразведывательного отдела ГПУ при НКВД РСФСР «Трест» и «Синдикат-2» по пресечению преступной деятельности организации Савинкова являются хрестоматийным примером создания легендированных организаций. Автор произведений «Воспоминания террориста», «Конь бледный» и романа «То, чего не было» покончил жизнь самоубийством.

Отдельно хотелось бы остановиться на личности Петра Ананьевича Красикова, родившегося в семье юриста в Красноярске. Петр Ананьевич пошел по стопам отца и в 1891 г. поступил на юридический факультет Петроградского университета. 29 марта 1894 г. он был арестован по обвинению в связях с политической эмиграцией и содержался в камерах № 21, 45 с 14 апреля по 31 октября 1894 г. Затем был освобожден под залог в 500 руб., которые передал дедушка Красикова – протоиерей Красноярского кафедрального Рождественского собора Василий Дмитриевич Касьянов. В декабре 1894 г. Красиков выехал на три года под гласный надзор полиции на родину, в Красноярск. В 1897 г. в Красноярск приехал административно-ссылный по политическому делу Владимир Ильич Ульянов и прожил два месяца до своего отъезда в Шушенское. С Красиковым они были ровесниками (оба 1870 г. рождения), юристами по профессии, марксистами по убеждениям. Поэтому подолгу беседовали на различные темы. Это было началом большой личной дружбы, сохранившейся на всю жизнь.

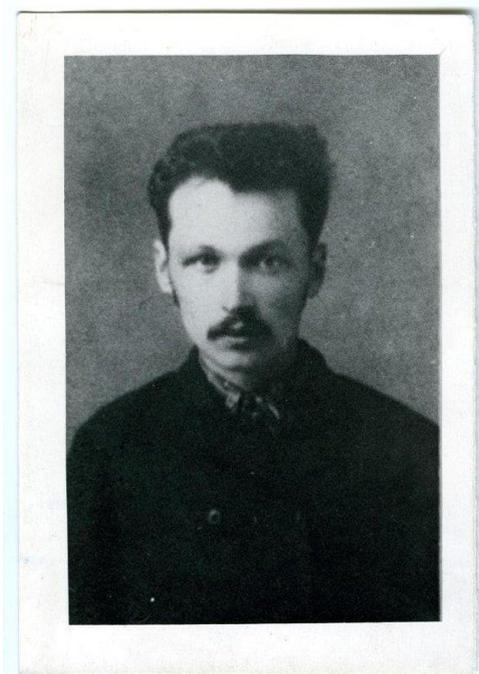


*Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
Камера П. А. Красикова*

После пяти лет гласного надзора полиции П. А. Красиков выехал из Красноярска, а затем перешел на нелегальное положение. Товарищи по революционной борьбе знали его по подпольным кличкам: Шпилька, Музыкант, Игнат, Панкрат как деятельного агента ленинской газеты «Искра». За энергичность, ответственность и знание дела П. А. Красиков был избран вице-председателем II съезда Российской социал-демократической рабочей партии, на котором он проявил непреклонную твердость



*П. А. Красиков – студент Петербургского университета (1892)
(Государственный каталог музейного фонда
Российской Федерации. № 14434563)*



*П. А. Красиков в Петербургском доме предварительного
заключения после ареста (29 марта 1894 г.)
(Государственный каталог музейного фонда
Российской Федерации. № 14434647)*

После пяти лет гласного надзора полиции П. А. Красиков выехал из Красноярска, а затем перешел на нелегальное положение. Товарищи по революционной борьбе знали его по подпольным кличкам: Шпилька, Музыкант, Игнат, Панкрат как деятельного агента ленинской газеты «Искра». За энергичность, ответственность и знание дела П. А. Красиков был избран вице-председателем II съезда Российской социал-демократической рабочей партии, на котором он проявил непреклонную твердость в защите и проведении ленинских тезисов.

В период Октябрьской революции Красиков является председателем Следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, членом коллегии наркомата юстиции. В составе Малого Совнаркома Петр Ананьевич принимал участие в выработке почти всех кодексов, входил в комиссию по выработке Конституции РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924 г. и Конституции 1936 г.



Пропуск № 290 П. А. Красикову на право прохода в Дом Советов к телу Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР В.И. Ульянова-Ленина (1924) (Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. № 14885326)

С 1924 г. по 1933 г. П. А. Красиков занимал должность Прокурора Верховного Суда СССР. В 1933 г. было принято решение об упразднении Прокуратуры Верховного Суда СССР и создании прокуратуры СССР⁵. С 1933 г. и до своей смерти в 1939 г. Красиков являлся заместителем Председателя Верховного суда СССР⁶.

Как непредсказуемо сложилась судьба мальчика Пети, воспитанного дедушкой – прославленным в Красноярске священником. Основные работы юриста Красикова касаются проведения в жизнь антирелигиозной политики. Петр Ананьевич входил в комиссию по написанию Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, в состав руководящего органа «Союза воинствующих безбожников», был инициатором создания центрального периодического антирелигиозного органа – ежемесячного журнала «Революция и церковь».

В 1970 г. в Красноярске в дни празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ульянова (Ленина) в одноэтажном деревянном доме № 124 по улице Ленина (бывшая Благовещенская) был открыт Дом-музей П. А. Красикова. Множество предметов этого дома сохранили обстановку 1897 г. и мять о посещении В. И. Ульянова. В настоящее время в доме планируется организовать Музейно-просветительский центр духовной культуры Красноярского края «Касьяновский дом»⁷. Все экспонаты, связанные с революционной историей Красноярска сейчас находятся в Красноярском краеведческом краевом музее, сотрудники которого оказали неоценимую помощь при подготовке статьи⁸



*Делегаты II съезда РСДРП и агенты «Искра» в Кремле
(второй слева сидит П. А. Красиков) (1923)
(Государственный каталог музейного фонда
Российской Федерации. № 14434705)*



*Музей-квартира П. А. Красикова в Красноярске (1971)
(фото Ю. Ф. Бармина)
(Государственный каталог музейного фонда
Российской Федерации. № 26894309)*

АНКЕТА 1 №

для старых большевиков и ветеранов революции

1. Фамилия, имя и отчество.	Красиков Пётр Иванович
2. Когда, где родился.	В г. Красноярске в 1870г.
3. Социальное положение: Раньше: Теперь:	Рабочий, крестьянин, интеллигент, служащий, партпрофессионал. Рабочий, крестьянин, интеллигент, служащий, партработник.
4. Образование.	Самобразование, низшее, среднее, высшее, специальное (нужное подчеркнуть).
5. Какая Ваша основная профессия, заработок, средства существования.	Сл. в войска. Зар. авторской работы около 100.
6. Кто на иждивении у Вас; их возраст; или вы член иждивенцев Вы закладываете.	Сын Виктор (1907), дочь Вера (1908), внучка Мария (1931).
7. С какого момента и в какой организации началось Вашей революционной деятельности. Были ли перерывы и почему.	с 1898 г. Буржуазно-демократическая Партия.
8. Если состояли членом других партий, то какую выполняли в них работу.	—
9. Были ли в тюрьмах, в ссылке (где). Приговорены судами и тюрьме, ссылке, выторго и т.д.	1893, 1900, 1902, 1906, в Вост. Сибирь (1899) — 2 года, 1906 — 2 г. 10 мес.
10. Были ли в эмиграции, сколько времени и какое принимали участие в революционной жизни там.	в 1907 г. по приглашению (1908 г. работа в Германии) — 1 год, 1909 г. в Швейцарии — 1 год, 1910 г. в Австрии — 1 год.
11. Что делали во время гражданской войны и были ли на фронтах.	Работал в тылу, занимался организацией помощи фронту, был в отделе снабжения в 1918-19 г. в Красноярском крае.
12. С какого времени член фракции большевиков. № Вашего партийного билета. Были ли перерывы и в какие годы.	1898. № 0032175.
13. Как прошла Ваша жизнь и были ли Вам сделаны замечания.	72 — 1931.
14. После Октябрьской революции подвергались ли партийному или Советскому суду и за что.	—
15. Какую исполняете работу: партийную, профессиональную, советскую и т. д.	По специальности и по желанию поработал в М. К. и Ц. К. в качестве старшего редактора и по редакции журналов: «Известия», «Красная газета», «Красная Сибирь», «Красная Москва», «Красная Северная Земля», «Красная Якутия», «Красная Камчатка», «Красная Чукotka».
16. В чем Вы нуждаетесь, чем можно улучшить не только Ваше здоровье, но и Вашу способность к борьбе за нашу власть.	Сильно нуждается в отдыхе.
17. Ваш адрес, телефон, место службы и должность.	Красноярск, г. Красная Горка, кв. № 4, № 31 Самостоятельно на Ю. Красноярск, Восточная Слобода.
Время заполнения анкеты.	28/10/31 — 1931.
Подпись	П. А. Красиков

Анкета для старых большевиков и ветеранов революции, заполненная П. А. Красиковым (1931)
(Государственный каталог музейного фонда
Российской Федерации. № 14885347)

История тюрьмы Трубецкого бастиона не закончилась с падением самодержавия. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. по распоряжению Временного правительства в тюрьму Трубецкого бастиона были заключены 44 человека, среди них: последний министр внутренних дел Российской империи Александр Дмитриевич Протопопов и министр юстиции Российской империи (1906–1915), последний Председатель Государственного Совета Иван Григорьевич Щегловитов. В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. из Зимнего дворца в крепость были доставлены 18 министров свергнутого Временного правительства. В дальнейшем, после 1924 г., в Трубецком бастионе стали проводиться экскурсии. По воспоминаниям первых сотрудников Музея, в роли экскурсоводов выступали бывшие узники тюрьмы.

Несколько слов в этой работе необходимо отвести жизни и деятельности правоведа, криминолога и специалиста по уголовно-исполнительному праву, первого Заслуженного деятеля науки РСФСР среди российских юристов – Михаила Николаевича Гернета. Его труд «История царской тюрьмы»⁹ в пяти томах продолжает сохранять свою актуальность.

Представленный обзор деятельности ярких представителей революционного движения в России в конце XIX – начале XX в. позволяет сделать вывод, что, даже если человек находится в заключении, то юридическую мысль невозможно заключить в рамки. Она будет стремиться к развитию и совершенствованию и активно влиять на развитие государства.

© Калинина Н. А., 2023

¹ Государственный музей истории Санкт-Петербурга: официальный сайт: Экспозиция «История тюрьмы Трубецкого ба-

стиона». – https://www.spbmuseum.ru/exhibits_and_exhibitions/permanent_displays/1254/ (дата обращения: 24.02.2023).

² Ассоциация юристов России: официальный сайт. – <https://alrf.ru/> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Фотографии из личного архива Н. А. Калининой (февраль 2023 г.).

⁴ Государственный музей истории Санкт-Петербурга: официальный сайт: Филиал «Крепость Орешек». – https://www.spbmuseum.ru/themuseum/museum_complex/orshkek_fortress/ (дата обращения: 24.02.2023).

⁵ Балковая В. Г. Становление модели советской прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2(88). С. 114–123.

⁶ Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт: Раздел «Историческая справка о Верховном Суде Российской Федерации». – <https://vsrf.ru/about/info/history/reference/> (дата обращения: 24.02.2023).

⁷ Музейно-просветительский центр духовной культуры Красноярского края «Касьяновский дом»: официальный сайт. – <http://kasdom.ru/dom/history/> (дата обращения: 24.02.2023).

⁸ Красноярский краевой краеведческий музей: официальный сайт. – <https://www.kkkm.ru/> (дата обращения: 24.02.2023).

⁸ⁱ Красноярский краевой краеведческий музей // Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. – <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?museumIds=1392> (дата обращения: 24.02.2023).

⁹ Красноярский краевой краеведческий музей: официальный сайт. – <https://www.kkkm.ru/> (дата обращения: 24.02.2023).

⁹ⁱ Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 5 т. / [Вступ. статья проф. А. Герцензона]. 3-е изд. М., 1960–1963.

А. М. Кожевникова*

**ВЕРНУТЬ ИЗ ЗАБВЕНИЯ.
ПАМЯТИ ПЕРВЫХ СОТРУДНИКОВ
НОВОРОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ МИЛИЦИИ**

Милиция первых лет Советской власти нередко оказывается в фокусе интереса историков органов внутренних дел. Большинство публикаций и научных исследований при этом посвящается нормативно-правовому регулированию деятельности ОВД – как на союзном и республиканском уровнях, так и на местном. Но органы внутренних дел – это не только нормативно-правовых акты и функции, но и люди, которые стоят за всем этим. Восстановлением исторической справедливости и сохранением памяти о первых сотрудниках советской правоохранительной системы занимается немало исследователей, как профессиональных, так и краеведов-любителей.

К сожалению, в первое десятилетие Советской власти повсеместно наблюдалась такая текучка кадров, что фамилии как рядового, так и командующего состава органов внутренних дел ежемесячно сменялись, практически не оставляя после себя никакого следа. Приказ на зачисление на службу, приказ об увольнении, в промежутках фамилия сотрудника может встретиться несколько раз в заработной ведомости. Такая ситуация складывается не только с рядовым, но и с начальствующим составом. В связи с этим очень часто бывает непросто восстановить

* *Кожевникова Анастасия Михайловна* – старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат исторических наук.

биографию сотрудника, даже если он прослужил больше, чем несколько месяцев и оставил более-менее заметный вклад в истории органов внутренних дел своего города или округа.

На примере архивных материалов Черноморского округа хотелось бы продемонстрировать длительный и пока незавершенный путь восстановления биографии одного из начальников милиции города Новороссийска Е. И. Позднякова.

Впервые эта фамилия встретилась в архивном деле «Ежедневные рапорта начальника милиции о происшествиях в городе за 1926/1927 год»¹. Первый же рапорт в деле за 3 ноября 1926 г. содержит подпись «Начальник П/отдела милиции Поздняков» (инициалы отсутствуют). В феврале 1927 г. на рапортах стоит подпись помощника Позднякова – Орешкина, а с 5 марта и по 9 апреля он подписывает рапорта на правах начальника подотдела милиции. Иной информации, касающейся Орешкина, кроме должности, установить не удалось. С 9 апреля и по 5 июня рапорта снова подписывает Поздняков в прежней должности, можно предположить, что в марте он, видимо, находился в отпуске. Время от времени Поздняков временно исполняет обязанности начальника административного отдела, что также удостоверяется формой подписи на рапортах. Обнаружено и изучено это архивное дело было в 2016 г. Сами рапорта, стоит отметить, представляют собой интереснейший очерк повседневной жизни Новороссийска, пусть и с криминальной стороны. Анализ происшествий позволяет установить, что в городе явно наблюдался дефицит одежды, судя по тому, что носильные вещи крали чаще, чем все остальные материальные ценности. Большой проблемой были побегі заключенных из домзака. Нередко совершались нападения на патруль-

ных милиционеров, а один из младших милиционеров и вовсе был убит на ночном дежурстве.

Следующим документом, позволившим установить имя и отчество нашего героя, стало служебной удостоверение, обнаруженное в 2018 г. в деле «Удостоверения, справки, доверенности работников учреждений округа. Январь–декабрь 1927 года»². Документ от 26 марта 1927 г. гласит, что «Предъявитель сего Поздняков Евстафий Иванович состоит на службе в Народном комиссариате внутренних дел в должности Начадмотдела». После подписи владельца документа и его удостоверения заместителем Председателя Исполкома следует перечень прав и обязанностей:

«Согласно Уг. Проц. Код. Гл VIII об органах дознания утвержденного ВЦИК 15.II-23 г. /СУ раб. Кр. Прав. № 7 от 1/III-с.г. тов. Позднякову предоставляются следующие права.

1. Производить обыски, осмотры и выемки во всех случаях предусмотренных ст. 99 УПК.

2. Задерживать подозреваемых в совершении преступлений в порядке ст. 100 УПК.

3. Производить все действия по предупреждению и пресечению преступлений, предусмотренных ст.ст. 97 и 106 УПК.

Кроме того тов. Поздняков имеет право ношения оружия»³.

Полагаем, что этот документ можно смело считать должностной инструкцией начальника административного отдела исполкома.

Вехи жизненного пути Е. И. Позднякова позволила установить собственноручно заполненная им анкета, обнаруженная в 2019 г. в деле «Анкеты членов горсовета 1926/27 год»⁴. Благодаря дате заполнения анкеты

(4 февраля 1927 г.) можно установить приблизительный год рождения Позднякова – 1892 г. либо 1891 г., так как он указывает свой возраст – 35 лет. В графе «Национальность» указано «русский». В графе «Социальное положение» Поздняков указывает «рабочий-шахтер», ту же профессию указывает в графе «Основная профессия до революции». После революции свою профессию он обозначает следующим образом: «служу на общест.-сов. должности», поясняя в следующей графе – «Нач. Нов. Гор. Милиц. и Зам. Начотдела». Образование – домашнее. В Красной армии служил с 1917–1918 г. по конец 1920 г. Член ВКП(б) с 1918 г. Также он указывает в соответствующей графе, что «вообще избирался, но в этом городе впервые». Работать желает в «административно-военной секции». К сожалению, дальнейшая судьба Позднякова пока неизвестна.

Проблема столь длительного установления биографии товарища Позднякова, в первую очередь, обусловлена самим состоянием архивного дела в городе-герое Новороссийске. Немалое количество фондов было уничтожено или испорчено в годы Великой Отечественной войны, часть архива попала в Государственный архив Краснодарского края. Давно не обновлялась картотека архива, при этом сами дела, как и фонды, формировались весьма причудливо. Так, нами были обнаружены архивные дела, содержащие документы о Государственной страже (правоохранительный орган белого движения) в фонде «Абрау-Дюрсо». Евстафий Иванович Поздняков – лишь одно из тех имен, которые хотелось бы открыть миру в память о первых правоохранителях советской эпохи.

На официальном сайте УМВД России по г. Новороссийску советский период истории местной ми-

лиции представлен перечнем начальников, занимавших эту должность с 5 мая 1917 г. по 27 августа 1918 г., в количестве 10 человек. Далее идет перечисление руководителей местных ОВД с 1914 г. Довоенный период заканчивается упоминанием Игнатия Панфиловича Филипенко, который занимал должность начальника 4 месяца, вплоть до занятия города белогвардейцами. И. П. Филипенко прожил долгую жизнь, в городском архиве Новороссийска сохранились несколько его фото, документы, а также собственноручно написанные воспоминания.

Но о тех, кто возглавил милицию после освобождения Новороссийска в марте 1920 г., пока еще мало что известно. Кропотливая работа с разнообразными и разрозненными документами 1920-х годов позволяют мало-помалу выявить фамилии других начальников городской милиции и милиции округа, а также и рядовых сотрудников. Порой встречаются просто анекдотические персонажи, хотя это тот случай, когда и смешно, и грустно.

Так, в 1920–1922 гг.(?) должность начальника милиции Новороссийска занимал Арнольд Герман Германович Руттенберг. И все бы ничего, если бы он не указывал о себе следующую информацию: «38 лет, начальник милиции, образование Выше-среднее. Основной род занятий – техник земледелец, пролетарий, член РКП(б) с 1918, служит по выбору, мещанин, русский»⁵. Сочетание ФИО и указание национальности и профессии прямо-таки поражают своим диссонансом.

Справки и удостоверения, выданные сотрудникам милиции, как и отчеты о деятельности милиции, встречаются практически в каждом фонде в делах, названия которых не всегда отражают их связь с правоохранительной деятельностью. Задача исследователя в такой ситуации – методично просматривать дело за делом, заказывая даже

те, которые кажутся не представляющими интерес исходя из их названия. Благодаря такому подходу формируется помимо всего прочего справочник персоналий советской милиции и других правоохранительных органов (ОГПУ, прокуратура, судебные органы, УИС). Такой подход позволяет восстанавливать историческую справедливость, вырывая из забвения имена тех, кто строил правоохранительную систему Черноморья.

© Кожевникова А. М., 2023

¹ Управление архива муниципального образования город Новороссийск (далее – УА МОГН). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 2485.

² УА МОГН. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 75. Л. 65.

³ УА МОГН. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 75. Л. 65.

⁴ УА МОГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 112. Л. 134.

⁵ УА МОГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 31. Л. 414, 543.

А. А. Вяткин*

**ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ПО СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ
ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-
НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ПРОКУРАТУРЫ**

В условиях современных глобальных вызовов особое значение в Российской Федерации приобрели вопросы обеспечения национальной безопасности. В Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечается, что усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека.

Началом такого процесса, конечно, являются более ранние события, а именно распад СССР. За разрушением системы последовали моральный и идеологический вакуум, пустота. Отброшенная система ценностей уже не регулировала социум, а новая система не была создана. Образовавшийся вакуум стал заполняться чуждыми для

* *Вяткин Андрей Анатольевич* – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

нашего общества идеями, ценностями «дикого» капитализма и вульгарного индивидуализма: быстрые деньги, достижение материального достатка в ущерб духовности, личная безопасность и социальная безучастность, карьера и успех любой ценой и т. п.¹

Представляется, что на современном этапе одной из самых главных угроз является деятельность внешних недружественных субъектов, направленная на разрушение традиционных ценностей, поскольку таким способом фактически уничтожается объединяющая наше общество и государство основа, что, безусловно, может повлечь самые серьезные негативные последствия. И такая опасная деятельность ведется преимущественно путем пропаганды, распространения вредоносной информации в сети Интернет. Поскольку такое воздействие направлено на всех жителей Российской Федерации, можно назвать его современным оружием массового поражения. В зоне повышенного риска находится молодое поколение, мировоззрение которого находится в стадии формирования, однако именно оно в ближайшей перспективе пополнит ряды работников государственных органов все уровней.

По сравнению с другими возрастными группами населения нашей страны молодежь наиболее сильно подвержена деструктивным влияниям: укрепляются безразличие к прошлому страны, незаинтересованность в ее будущем, незнание причинно-следственных связей происходящих в обществе событий, неумение анализировать².

Своевременной и надлежащей реакцией на такое явление является издание Президентом Российской Федерации Указа от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В его положениях обнаруживается подтвер-

ждение вышесказанному – государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется, в том числе, в области образования и воспитания, работы с молодежью. К традиционным ценностям он относит: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России.

Не заставила себя долго ждать и реакция надзорного ведомства на сложившуюся тенденцию, а именно Генеральной прокуратурой Российской Федерации издан приказ от 29 ноября 2022 г. № 718 «Об утверждении квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке выпускников федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации» для прохождения службы в органах прокуратуры Российской Федерации».

При сравнении с ранее действовавшим организационно-распорядительным документом обнаруживается, что новый приказ закрепляет обязательность развития у студентов таких важных качеств личности как патриотизм, гражданская зрелость, глубокое уважение к закону и социальным ценностям правового государства, гуманность, объективность, справедливость и др.

Представляется, что в настоящее время мы наблюдаем важный эволюционный этап развития системы образования и органов прокуратуры, поскольку теперь будущий работник должен не просто обладать нужными зна-

ниями и навыками, но и указанными качествами.

До появления таких нововведений мы имели дело с их предпосылками, которые встречались в научных трудах. Например, А. В. Агутин отмечал, что прокурорская деятельность осуществляется не в вакууме, она представляет собой не однолинейный процесс, а включает в себя и нелинейные процессы, обусловленные особенностями осуществляемого прокурорами познания, например чувственного и творческого³.

Вместе с тем, обнаруживается определенная проблема, связанная с реализацией столь важной образовательной задачи. Для культивирования в студентах таких положительных качеств, а также любви к традиционным российским духовно-нравственным ценностям требуется не только пересмотр существующего подхода к образовательному и воспитательному процессам, но и разработка таких мероприятий, которые позволят добиться необходимых результатов на этом направлении.

Ключ к решению этой проблемы видится, опять же, в положениях Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, в которых закрепляется привлечение институтов гражданского общества, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей.

Представляется, что проводимые в рамках образовательного и воспитательного процессов мероприятия должны обеспечивать возможность передачи необходимых качеств от их носителей к студентам. Ярким примером так называемых «внешних» носителей являются ветераны боевых действий и прокуратуры, культурно-исторические организации. Важно, что работа с ними должна представлять собой непосредственное взаимодействие.

Подобные выводы сделаны Э. Б. Хатовым в научной статье, посвященной воспитательной работе с молодыми специалистами в органах прокуратуры: «Большое воспитательное воздействие на новичков оказывают ветераны органов прокуратуры, члены общественных организаций, действующих в органах прокуратуры, члены Научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации»⁴.

Носителями «внутренними», безусловно, являются преподаватели, а значит, дополнительные меры должны быть направлены на повышение их профессиональной квалификации, которое должно обязательно учитывать обозначенную специфику.

Другим важным направлением является выполнение студентами определенной благотворительной работы на пользу общества и государства. В условиях засилья социальных сетей и информационных технологий молодое поколение втянуто в виртуальное пространство, через которое, как раз, недружественные субъекты оказывают негативное воздействие на их сознание. Выполнение полезных работ не в виртуальном пространстве, а в реальности способствует развитию социальных навыков, критического мышления. Аналогичный положительный эффект имеют спортивные командные мероприятия.

Представляется, что для развития любви к традиционным российским духовно-нравственным ценностям необходимо более наглядное ознакомление студентов с их проявлениями в реальной жизни, ликвидация завесы невежества в этой части.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на современном этапе образовательная и воспитательная деятельность по подготовке кадров для прокуратуры должна сочетать в себе три обязательных компонента:

1) возможность обеспечения непосредственного контакта студентов с носителями тех качеств, которыми должны обладать будущие прокуроры;

2) формирование у студентов критического подхода к транслируемой в сети Интернет информации, а также умения находить баланс между деятельностью в виртуальном пространстве и деятельностью в реальном мире;

3) возможность непосредственного ознакомления студентов с проявлениями традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

© Вяткин А. А., 2023

¹ Вагин Д. Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе // Дискуссия. 2016. № 7(70). С. 54.

² Кузнецова Е. В. Актуальность проблемы реализации духовно-нравственного воспитания в высшей школе // Дискуссия. 2017. № 9(83). С. 86.

³ Агутин А. В. Социокультурные основания прокурорской деятельности // Уголовная юстиция. 2016. № 1(7). С. 116.

⁴ Хатов Э. Б. Воспитательная работа с молодыми специалистами в органах прокуратуры: понятие и правовые основы // Lex russica (Русский закон). 2016. № 12(121). С. 143.

*Н. О. Селиверстов**

**ЗАЩИТА ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ
ЛИБО ИНЫХ МЕМОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ,
УВЕКОВЕЧИВАЮЩИХ ПАМЯТЬ ПОГИБШИХ
ПРИ ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА,
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ НОРМАМИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Появление в Российском уголовном законе ст. 243⁴ УК РФ (уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России), явилось логичным развитием Отечественного уголовного права. Одной из причин появления данной нормы, стали участившиеся случаи посягательства на общественные отношения, охраняющие общественную нравственность в целом и память погибших при защите Отечества в частности. Однако нельзя сказать, что в уголовном законе до принятия ст. 243⁴ УК РФ отсутствовали нормы защищающие память о погибших. В качестве примера данных норм можно привести ст. 243⁴ УК РФ (Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия), ст. 214 УК РФ (Вандализм), ст. 244 УК РФ (Надругательство над телами умерших и местами их захоронений). Появление отдельной нормы для защиты памяти о погибших при защите Отечества показывает направленность государства

* *Селиверстов Николай Олегович* – адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

на приоритетность защиты исторической памяти. Оценивая положительно данный факт, полагаем обратиться к историческому анализу развития отечественного уголовного права в части, касающейся уголовной ответственности за преступления посягающих на память о погибших при защите Отечества.

Нормы и обычаи, защищающие нравственность, существовали с древних времен. Рассматривая памятники Российского законодательства, к сожалению мы не находим норм, напрямую тождественных с нормой ст. 243⁴ УК РФ. Поэтому необходимо изучить вопрос о схожих с данной нормой деяниях в ранний период развития законодательства.

Статья 243⁴ УК РФ предусматривает ответственность, в том числе и за надругательство над местами захоронений, предмет преступления в данном случае выражается как «воинские захоронения».

Первые дошедшие до нас сведения об ответственности за надругательство над телами умерших, а именно за разграбление мощей содержались в Уставе князя Владимира и наказывалось отсечением рук¹. Таким образом Устав устанавливает ответственность за преступление предмет которого крайне схож с одним из предметов преступления предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Так как мощи являются ничем иным как останками умерших людей, причисленных к лику святых, которые также могли принадлежать павшим воинам. На современном этапе развития память о погибших рассматривается, прежде всего, через призму светской морали, а ранее – через мораль религиозную.

В XIV в. Псковская судная грамота в числе прочего устанавливает уголовную ответственность за святотатство². Святотатство – это преступление против веры, ко-

торое могло выражаться в нескольких альтернативных видах деяний, таких как повреждение или уничтожение храмов, разграбление святынь и осквернение мест захоронений. На наш взгляд, данная норма является неким отдаленным прообразом ст. 243⁴ УК РФ, так как речь идет о схожих объектах преступления (под защиту берется общественная нравственность) и о схожих предметах преступления. Если проложить определенную логическую цепочку, то можно прийти к выводу, что в древней Руси зачастую именно храмы и являлись олицетворением памяти о погибших при защите Отечества, так как строились зачастую в честь того или иного события, например в честь победы над врагом или честь святого, покровителя воинства.

Другим примером схожего общественно опасного деяния, упоминающегося в памятниках российского права является Стоглав 1551 г.³ В нем упоминается богохульство. Хулить обозначает, осуждать, порочить, хаять, или каким-либо образом надругаться над чем либо⁴. Иными словами богохульничать означает оскорблять Бога или ту или иную святыню. Исходя из принципа историзма, современное понимание слова оскорбление, не совсем подходит под критерии понимания XVI в. Если сейчас под оскорблением понимается, прежде всего, действие, унижающее честь и достоинство лица или круга лиц, то ранее под категорию «оскорбление» могли подпадать и действия направленные, в том числе на уничтожение или повреждение святых мощей, которые могли также принадлежать воинам, причисленным к лику святых. В то же время монастыри являлись местом захоронения воинов, погибших при его защите, что тоже трактовалось как богохульство.

Многие аспекты жизни того времени в том числе и нормы права носили явный религиозный контекст, которые с развитием времени и науки трансформировались в том числе современные светские нормы права и морали, поэтому полагаем, что определенным прообразом ст. 243⁴ УК РФ, можно считать нормы Стоглава 1551 г.

Масштабным памятником уголовного права также является Соборное уложение 1649 г., в нем, в том числе, были сделаны отсылки к умышленным и неосторожным общественно опасным деяниям, что явилось началом становления учения о субъекте преступления⁵.

Из схожих с положениями современной нормы, посвященной памяти о погибших при защите Отечества, в Соборном уложении также выделяется богохульство. Оно описывается как надругательство над церковными святынями, над священнослужителями или над церковной службой. Стоит отметить, что за данное преступление предусматривалось довольно суровое наказание, а именно смертная казнь⁶.

Подводя итог, следует сделать вывод, что норм права в ранний период развития, напрямую посвященных охране памяти погибших при защите Отечества не существовало, однако их не существовало и до внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации 7 апреля 2020 года № 112-ФЗ, когда была и принята ст. 243⁴, то есть до недавнего времени. Однако зарождение положений данной нормы встречаются уже в ранних памятниках уголовного права. Зачастую они носят религиозный характер исходя из норм морали и нравственности того времени, но именно они явились прообразом современного состояния уголовного права и требуют более детального изучения в дальнейшем.

© Селиверстов Н. В., 2023

¹ Устав князя Владимира Святославовича о десятинах и церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 159–160.

² *Костенко В. И.* Псковская и Новгородская судные грамоты как выражение народной обычной правовой культуры // Современное право. 2007. № 10-1. С. 116.

³ Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 329.

⁴ Цит. по: *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1980. С. 569.

⁵ *Иванова Л. В.* Эволюция понятия «исполнитель преступления» в Российском уголовном законодательстве // Академический вестник. 2012. № 1(19). С. 176.

⁶ Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1985. С. 85–86.

Л. Н. Пивоварова*

**«ГОРЕЛА БЕДНАЯ НАША ЗЕМЛЯ,
БОЕВАЯ ТЕХНИКА ПРЕВРАЩАЛАСЬ
В ГАРЬ И ПЫЛЬ...»
(К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В КУРСКОЙ БИТВЕ)**

Сохранение исторической памяти является важной задачей для всех поколений во все времена, не теряет своей актуальности и в настоящее время¹. Президент России Владимир Путин уверен в том, что сохранение исторической памяти – это не только проявление уважения к прошлому, но и гарантия единства народа и суверенитета государства в будущем. Народ без памяти не имеет будущего, поэтому очень важно бережно сохранить воспоминания ветеранов о тех событиях, а также укрепить связь времен старшего поколения и молодежи.

13 декабря 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения **Евгения Андриановича Иванова** – старооскольца, ветерана Великой Отечественной войны, ветерана труда, ветерана спорта, участника Сталинградской, Курской битвы, участника военной операции по освобождению Варшавы. Закончил войну Евгений Андрианович в поверженном Берлине. В настоящее время ветеран жив и делится своими воспоминаниями о войне с молодежью.

В свой вековой юбилей бывший разведчик и артиллерист надел пиджак, лацканы которого тяжелы от наград.

* Пивоварова Лидия Николаевна – доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института имени А. А. Угарова (филиала) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», кандидат исторических наук, доцент.

Вклад Евгения Андриановича в развитие спорта в городе и области, в воспитание послевоенного поколения и современного юношества достоин самой высокой оценки. Его работоспособность, бескорыстие, скромность и сила воли всегда вызывали восхищение у людей. Вспоминая о военных буднях, Евгений Андрианович называет себя рабочим войны, который воевал в составе 13-го гвардейского артдивизиона. Ожесточенные бои под Курском ему запомнились на всю жизнь.

Тогда, осенью 1941 г., 10-й стрелковый полк, в котором Е. А. Иванов служил разведчиком, находился у станции Кшень Курской области². Перед бойцами была поставлена задача: разведать огневые позиции противника и захватить «языка». При выполнении боевого задания группа разведчиков попала под пулеметный огонь. Один из разведчиков был ранен и командир приказал Иванову вместе с ним возвратиться на свои позиции. Через некоторое время раздались один за другим выстрелы. Вражеская пуля настигла Евгения и прошла через живот, но разведчик Иванов не сразу потерял сознание.

«Я разорвал перевязочный пакет, – рассказывает Евгений Андрианович, – сделал это молниеносным движением, закрыл рану и пополз дальше. Обливался холодным потом, тошнота подступала к горлу, мое тело перестало мне повиноваться, силы иссякли. До своих позиций, оставалось ползти метров двести. Вижу, заметил меня солдат, – сквозь слезы рассказывает Евгений Андрианович, – он добежал до меня, видимо тогда, когда я потерял сознание. Я не помню, как затащили меня в окоп, как отправили в медсанбат. Очнулся я не сразу, не все помню, но часто вспоминаю лицо моего спасителя, склонившегося надо мной»³. Несколько месяцев Евгений Андрианович находился на лечении в госпитале. Его тогда могли оставить в

Старом Осколе. Кто-то из солдат предлагал ему остаться дома, когда эшелон с ранеными проезжал мимо железнодорожной станции. «Нет! Если суждено мне выжить на войне, – думал Иванов, – так я вернусь домой целым и невредимым после ее окончания. И как ни душили меня слезы обиды, что проезжаю мимо родного дома, как ни разрывалось мое сердце, – так хотелось повидать родных, – я стерпел, зная, что спасти меня могут только врачи в военном госпитале. Организм мой выдержал трудную дорогу и поборол заражение раны. Врачи за три месяца поставили меня на ноги. Я снова был в боевом строю. В битве за Сталинград я уже принимал участие наводчиком орудий»⁴. Приближалось жаркое лето 1943 г. После Сталинградского сражения бойцам за многие месяцы боевых действий впервые приготовили баню, выдали новое белье.

Началась подготовка к новому сражению на Курской огненной дуге. Каким оно было, это сражение, можно много говорить и рассказывать. Все фильмы об этом сражении не смогут передать того, что довелось увидеть гвардии сержанту Иванову своими глазами. Горела бедная наша земля. Боевая техника превращалась в гарь и пыль, но гвардии сержант Е. А. Иванов выстоял, находясь на оборонительных рубежах своей малой Родины, и дальше погнал немцев со своей земли в должности командира орудийного расчета. Остаться в живых на фронте, по его словам, помогла спортивная закалка да природная смекалка. Несмотря на серьезное ранение, из троих братьев, ушедших на фронт, он лишь один выжил и вернулся в Старый Оскол в 1946 г.⁵ Среди его боевых наград – Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны 1-й степени, медаль «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне

1941–1945 гг.», нагрудный знак «Гвардия» и нагрудный знак «Отличник-артиллерист».

Евгений Андрианович говорит, что после того, как вернулся домой с войны, для него каждый день – это праздник. Его и сейчас не покидает чувство гордости, что он представитель нашей многонациональной и большой страны – России. «Про войну Евгений Андрианович не любит рассказывать: больно обо всем вспоминать», – уточняет дочь ветерана Марина Игнатова⁶.

После возвращения домой фронтовик сначала преподавал физкультуру в общеобразовательной школе, затем перешел на тренерскую работу в детскую спортивную школу. Свою любовь к физкультуре, к гимнастике он сумел привить своим ученикам. Тренер Е. А. Иванов за свою жизнь подготовил немало спортсменов-разрядников⁷. Многие из них со временем стали известными спортсменами, успешно защищали честь города и области на различных соревнованиях. Несколько человек перешли на тренерскую работу и сами учат молодежь тренерскому мастерству.

И ещё об одном интересном факте из жизни ветерана мы узнаем из репортажей областных и районных газет. Евгений Андрианович еще до войны серьезно занимался акробатикой и спортивной гимнастикой, был участником городских соревнований. На фронте командир отделения Е. А. Иванов сумел заинтересовать своим любимым видом спорта подчиненных солдат и в перерывах между боями они усиленно тренировались. Иногда выступать с концертами в воинскую часть приезжали профессиональные артисты, и тогда с отдельной программой – оригинальными гимнастическими номерами, перед сослуживцами выступали Е. А. Иванов и его товарищи. В мае 1945 г. такой импровизированный концерт состоялся в пригороде Бер-

лина. Одна немецкая девушка – воздушная гимнастка, настолько была восхищена выступлением Евгения, что подарила ему неожиданный подарок – кожаный напульсник, который он хранит до сих пор⁸.

После окончания войны он вернулся в спорт и являлся постановщиком популярных в 50-е – 60-е годы «живых пирамид»⁹. В праздничных мероприятиях, которые проходили в Старом Осколе, главным номером программы всегда считались гимнастические трюки и «живые пирамиды». Гимнасты демонстрировали чудеса акробатической техники. Затаив дыхание, присутствующие следили за выступлением гимнастов. Сердца зрителей замирали, когда над третьим ярусом взлетала ловкая фигура гимнаста Е. А. Иванова.

Прочные жизненные принципы, основанные на добре и справедливости, он вместе со своей супругой привил своим трем детям. Рассказывая о папе, Марина Евгеньевна вспоминает о том, каким счастливым было её детство, как дружно и весело они жили. «Отец вслух читал нам книги, вместе с нашей мамой мастерил куклы, изготавливал приспособления для кукольного театра¹⁰. Больше всего мы любили Новый Год. Во дворе многоквартирного дома наш папа заливал каток. Из самой большой комнаты в нашей квартире убрали всю мебель и ставили большую елку. Все члены нашей семьи устраивали праздник и кукольное представление не только для своих детей, но и для всех ребятишек, живших в доме по улице Революционной в Старом Осколе»¹¹.

«Все выходные он посвящал не только нам, но и ребятам, которых он опекал, с которыми он занимался в спортивной школе. А после войны было много детей без отцов, поэтому он сейчас для них, как отец. До сих пор они приходят к нему на дни рождения, другие праздники и назы-

вают его ласково: "Отец". О нем тепло отзываются соседи: "Такие люди, как Евгений Андрианович, всегда на передовой. Доброта, бескорыстие, любовь к спорту, любовь к людям, к жизни – вот в чём секрет долголетия Иванова Евгения Андриановича"¹². В Старооскольском музее народного образования бережно хранятся фотографии, копии наградных документов и личные вещи фронтовика – Евгения Андриановича Иванова. В настоящее время он передал трудовую эстафету своим внукам и правнукам. Среди многочисленных фронтовых и спортивных наград Евгения Андриановича Иванова, выпускника Рыльского педагогического училища, кандидата в мастера спорта по гимнастике, есть две особо примечательные: Почетный нагрудный знак ВЦСПС «За достижение в самодеятельном искусстве» и медаль «За развитие спорта в Белгородской области». Как в свое время на войне, гвардии сержант и отличник-артиллерист, честно и плодотворно трудился на культурно-спортивном поприще в своем родном городе. Трудился самоотверженно, словно отдавая дань своим родным старшим братьям, погибшим на войне: танкисту Николаю и десантнику Владимиру. Самый почтенный ветеран старооскольского спорта Евгений Андрианович Иванов среди городской общественности считается одним из родоначальников акробатики и спортивной гимнастики в Старом Осколе. Таков он – бескорыстный и вдохновленный рыцарь спорта¹³. Родившаяся до войны мечта – посвятить себя патриотическому, физическому и духовному воспитанию молодежи, у Е. А. Иванова воплотилась в жизнь.

Тихон Григорьевич Безбрежий – староосколец, участник Курской битвы, участник строительства железной дороги «Старый Оскол – Ржава», адъютант генерал-майора технических войск Н. И. Новосельского. Войско-

вая часть, где служил Т. Г. Безбрежий, вошла в Старый Оскол сразу после его освобождения от фашистов в феврале 1943 г.

Тихон Григорьевич часто вспоминал о том, что под началом генерала Н. И. Новосельского железнодорожные бригады прокладывали пути советских эшелонов по всей стране и за границей. Технические войска принимали участие в строительстве знаменитой железной дороги «Старый Оскол – Ржава». «Строили дорогу днем и ночью, – рассказывал Тихон Григорьевич, – она очень нужна была нашим войскам. Останавливалось строительство только тогда, когда подъезжал на мотоцикле разведчик и предупреждал о готовящемся налете, тогда работу прекращали и всё забрасывали ветками. Строители жили в землянках, в палатках, если дорога проходила недалеко от населенного пункта, то жили по хатам. Все делали вручную: насыпь для путей, укладывали шпалы. Землю возили тачками, а женщины носили ее в больших фартуках. Сваи длиной в одиннадцать метров забивали вчетвером. В основном, на строительстве дороги работали женщины, среди них были даже с грудными детьми, но их отпускали с трудовой смены немного пораньше. Держать при себе карту строящейся дороги строго запрещалось. Ничего нельзя было записывать, так как документы могли попасть в руки противника. В обязанности адъютанта Тихона Григорьевича Безбрежего входило и наблюдение за строительством дороги на определенных участках. По заданию Н. И. Новосельского он делал ежедневный доклад генералу о ходе работ. Всех строителей кормили на солдатской полевой кухне. Работа на строительстве железной дороги была опасной. Бывали моменты, когда налетали вражеские самолеты и начинали бомбить. Поврежденные пути прихо-

дилось восстанавливать заново. "Дорогу мужества" построили за 32 дня, раньше намеченного срока»¹⁴.

Рассказывая о боях на Курской дуге, он вспоминает о том, что увидел на поле боя сотни подбитых танков. Среди печальных картин всплывают в его памяти погибшие красноармейцы, как снопы вокруг. Страшно это все вспоминать. Он не раз закрывал телом своего командира, когда ему грозила опасность. Тихон Григорьевич закончил войну в немецком городе Штонау. Он был награжден Орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу». За участие в строительстве железной дороги «Старый Оскол – Ржава» его наградили Почетной грамотой за личной подписью маршала К. Е. Ворошилова.

Наши земляки-старооскольцы принимали участие в битве за Москву, участвовали в обороне Сталинграда и Севастополя, освобождали Белгород и Орел, принимали участие в Пражской операции и штурмовали Рейхстаг. 22 тыс. старооскольцев (включая гражданское население) отдали свою жизнь за Родину

В фондах Старооскольского краеведческого музея и в выставочных витринах бережно хранятся документы, фотографии, письма и личные вещи старооскольцев – участников Курской битвы. 24 старооскольца за мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, были удостоены звания Героя Советского Союза, а трое стали полными кавалерами Орденов Славы.

© Пивоварова А. Н., 2023

¹ *Нижник Н. С.* «Современная история»: оксюморон или направление научных исследований? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(37). С. 80–82; *Нижник Н. С.* Историческая память как детерминанта патриотического воспитания // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: Материалы IV Всероссийской научно-практической конфе-

ренции с международным участием, посвященной 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве за Москву, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине / Отв. ред.: Е. П. Максименко, З. З. Мухина, Н. А. Тимощук, Д. А. Хорват. М., 2023. С. 180–191; *Нижник Н. С., Нижник В. А.* Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 226–237. EDN RVCGWM; *Нижник Н. С.* Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 219–225. EDN CGYU1A; и др.

² *Янина А.* Век побед и свершений. Сто лет исполнилось знаменитому спортсмену и фронтовику Евгению Иванову // Зори. 2022. 13 декабря.

³ Старооскольский краеведческий музей. Папка «Иванов Е. А.». КП 12602.

⁴ Старооскольский краеведческий музей. Папка «Иванов Е. А.». КП 12604.

⁵ *Ровенских Е.* Легенда Старого Оскола // Путь Октября. 2017. 21 декабря.

⁶ Старооскольский краеведческий музей. Папка «Иванов Е. А.». КП 12603.

⁷ *Богомоллов В.* Какие наши годы // Путь Октября. 2007. 13 декабря.

⁸ *Евсюков Е.* Рыцарь гимнастики // Новости Оскола. 2020. 26 февраля.

⁹ *Борисов А.* Высота Иванова // Белгородские известия. 2007.

25 декабря.

¹⁰ *Пивоварова С.* Живая легенда // Зори. 2017. 23 декабря.

¹¹ Старооскольский краеведческий музей. Папка «Иванов Е. А.». КП 12602.

¹² *Черепанова Н. И., Самойлова Н. В.* Старооскольские учителя на защите Отечества. Вып. 1. Старый Оскол, 2013. С. 13.

¹³ *Евсюков Е. Н.* Спорт со знаком восклицания: к истории развития физкультурного и спортивного движения в Старом Осколе. Старый Оскол, 2020. С. 100.

¹⁴ *Кривоченко Ю., Шестакова С.* Дороги мужества Тихона Григорьевича // Православное Осколье. 2012. 11 мая.

ПОИСКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БЕЛГОРОДЧИНЕ

Актуальность проблемы сохранения исторической памяти как социокультурного процесса приобретает особое значение в условиях глобальных общественных трансформаций во всех сферах общественной деятельности. Государственная политика Российской Федерации в области развития социально-экономического пространства и сохранения культурного наследия на протяжении последних лет направлена на сохранение и поддержание исторической памяти народа. В связи с принятием Закона Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» существенное развитие получила тема защиты национальных интересов и сохранения культурной памяти.

Одной из приоритетных задач Российской Федерации является формирование гражданско-патриотической культуры как всего российского общества в целом, так и каждого гражданина страны в отдельности. Это отражается во многих нормативных документах Российской Федерации. В марте 2020 г. были приняты ключевые поправки к Конституции Российской Федерации, отражающие социокультурные и духовные ценности как основу национальной (государственной) идентичности и само-

* *Брендель Виктория Петровна* – ассистент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института имени А. А. Угарова (филиала) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС».

идентификации российского народа. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает обязательства образовательной организации по разработке программы воспитания и календарного плана воспитательной работы, в которые включаются, в том числе мероприятия по формированию патриотизма. В Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» воспитание патриотизма и гражданственности обозначены в качестве ключевого компонента воспитания в целом, основного принципа государственной политики в сфере образования и стержневого направления молодежной политики. Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2015–2025 гг.» нацелена на совершенствование системы патриотического воспитания. Важность гражданско-патриотического воспитания отмечена в указах Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О Национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года» и от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; в федеральных законах от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи». В соответствии со Стратегией развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г. акцент делается на программах патриотического воспитания и развития активной гражданской позиции. Нормативная база патриотическо-

го воспитания представлена также документами регионального и муниципального уровней.

78 лет прошло с окончания Великой Отечественной войны. 80 лет, как отгремели страшные бои на прохоровской земле. Но на протяжении этого времени почва бесконечно избавляется от металла – участника кровопролитных схваток. Жители до сих пор в своих огородах то и дело находят тронутые коррозией патроны и осколки снарядов. Земля также хранит и останки наших воинов-защитников, которые нужно обязательно перезахоронить с почестями, отдать дань уважения их подвигу. Тогда на помощь приходят поисковики. «Этой профессии не учат в образовательных учреждениях. У них желание "поднимать бойцов" (так у них это называется) идёт от сердца, от мысли, что ни один защитник Родины не должен быть забыт»¹.

Белгородская региональная общественная организация «Историко-патриотическое объединение» была организована 7 декабря 1994 г. на базе старейшей в стране общественной организации Старооскольского клуба «Поиск», учрежденного решением Старооскольского горкома ВЛКСМ 19 августа 1968 г. Решением общего собрания председателем правления БРОО ИПО «Поиск» был избран Иван Иванович Андреев.

На территории области существует 14 поисковых отрядов:

– Алексеевская молодежная общественная организация «Военно-патриотический клуб «Патриот» (руководитель – И. А. Белов);

– Белгородская региональная общественная организация историко-поисковый клуб «Огненная дуга» (руководитель – А. Н. Шевченко);

– Белгородская региональная общественная организация «Патриотический поисковый клуб «За Родину» (руководитель – А. Н. Юдин);

– Белгородская региональная общественная организация «Поисковый отряд «Святая Русь» (руководитель – С. А. Тулинов);

– Военно-патриотический клуб «Высота» (Белгород) (руководитель – С. Н. Мазниченко);

– Губкинская общественная организация «Военно-патриотический клуб «Память» (руководитель – В. И. Подколзин);

– Историко-патриотический клуб «Поиск» (Старый Оскол) (руководитель – Д. В. Мишустин);

– Историко-патриотический клуб «Поиск» (п. Красное) (руководитель – В. Н. Потапов);

– Историко-поисковый клуб «Грайворонский рубеж» (Грайворон) (руководитель – В. А. Жеребилов);

– Историко-поисковый клуб «Звезда» (р. п. Ивня) (руководитель – Ю. Ф. Заяц);

– Историко-поисковый клуб «Звонница» (п. Прохоровка) (руководитель – В. Н. Варавин);

– Историко-поисковый клуб «Обелиск» (Шебекино) (руководитель – Ю. Г. Кирик);

– Поисковый отряд «Родина» (Белгород) (руководитель – Р. С. Аббасов)².

Основными направлениями деятельности организации являются:

– воспитание молодежи и населения Белгородчины в духе патриотизма;

– увековечивание памяти воинов, погибших при защите Отечества;

– воспитание интереса у молодого поколения к историческому прошлому Белгородчины.

За 55 лет деятельности общественного объединения «Поиск» на территории Белгородской области и других регионов Российской Федерации и ближнего зарубежья были проведены сотни экспедиций по поиску и захоронению останков павших защитников Отечества, оставшихся на местах сражений Великой Отечественной войны не погребенными, установлению их имен и розыску родственников³.

Благодаря поисковикам была проведена большая работа по уточнению данных Книг Памяти Белгородской области, особенно по пропавшим без вести. Поисковики обследовали места боевых действий на Белгородчине, работали в областных архивах и Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. По крупицам собирали данные о погибших воинах. Выявленные имена погибших воинов передавались в редакционную коллегию, работавшую над изданием Книги Памяти.

Работа по установлению имен советских воинов, обнаруженных во время поисковых экспедиций, начинается с момента обнаружения останков погибших в стрелковых ячейках, в воронках, траншеях. Но, к сожалению, далеко не всегда работа поисковиков завершается успешно: опознание останков советских воинов, которые удастся найти, в большинстве случаев невозможно. Считается большой удачей, если рядом с останками погибших находят предметы, по которым можно их опознать: медалионы, красноармейские книжки, письма, ложки, котелки, фляжки с надписями фамилий или инициалами на них и др.

По данным поисковиков на 100 найденных останков погибших приходится не более 10 капсул с записками, в которых указаны имена и адреса солдат, и всего лишь пять из них удастся прочитать. Тем не менее, даже одно

имя может помочь установить имена рядом находившихся воинов.

Белгородские поисковики не только устанавливают имена безымянных героев, но и принимают самое активное участие в организации братских могил, установлении памятников и торжественном перезахоронении останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны на белгородской земле. В год 80-летия Курской битвы, 55-летия поискового движения на Белгородчине 3 декабря – День Неизвестного солдата – в Яковлевском районе Белгородской области на мемориале Героям Курской битвы состоится перезахоронение 74 бойцов, из которых только пятеро опознано. Белгородскими поисковиками разработан ритуал траурно-торжественного перезахоронения останков погибших воинов в братских могилах. Традиционно на торжественном перезахоронении присутствуют представители администрации района, области, ветераны войны, военнослужащие, молодежь, учащиеся разных учебных заведений, местные жители, служится панихида. Под оружейные залпы останки воинов опускают в братскую могилу. По окончании церемонии поисковики предлагают всем присутствующим солдатскую кашу, приготовленную по рецептам военных лет.

Ежегодно члены клуба с поисковых экспедиций привозят разные находки времен Великой Отечественной войны, таким образом пополняя фонды Музея. Ценность этих экспонатов в том, что они взяты из земли, буквально с мест боёв. Об этом свидетельствуют акты, составленные поисковиками во время вскрытия захоронений. Например, только при вскрытии в июле 1981 г. одного из необозначенных захоронений советских воинов, павших в боях за освобождение города в январе-феврале 1943 г. и похороненных жителями слободы Казацкой, в одной из тран-

шей около казацкого кладбища было обнаружено большое количество разных предметов и личных вещей солдат и офицеров: полуистлевшая верхняя одежда, валенки, шинели, бушлаты, ремни, бритвенные приборы, котелки, ножи, ложки, пуговицы, кисеты с махоркой, расчески, часы, компасы, награды, монеты и др. На войне солдат не просто воевал, он жил на войне. И волей-неволей обзаводился порой очень «невоенными» вещами.

Много сил и времени участники поискового движения уделяют реставрации и реконструкции находок, обнаруженных во время экспедиций. Белгородские поисковики пополняют не только фонды своего музея, но и помогают другим музеям страны в пополнении экспозиций по истории Великой Отечественной войны. Находками пополнены сотни государственных, общественных и школьных музеев. Большое количество экземпляров разной военной техники поисковики передали в такие музеи, как Белгородский музей-панорама «Курская дуга», Музей Центрального управления военных сообщений Министерства обороны, Государственный исторический музей, Владимиро-Суздальский государственный музей-заповедник, краеведческие музеи Старого Оскола, Белгорода, Корочи, Государственный музей-заповедник «Прохоровское поле» и др. Только Старооскольскому краеведческому музею передано более 6 тыс. различных экспонатов. Создание музеев и комнат боевой славы вновь возродилось в последние годы. Так, поисковики отряда «Святая Русь» при поддержке местных властей открыли Музей боевой славы в селе Гостицево Белгородского района, где проводятся экскурсии, организуются дни открытых дверей для детей, молодежи и взрослого населения. Посетителей Музея знакомят с предметами быта, снаряжения и

вооружения солдат Великой Отечественной войны, найденными во время поисковых экспедиций.

Поисковая работа – это прикосновение к подвигу, школа военно-патриотического воспитания. За 55 лет не одна сотня девушек и юношей были воспитанниками патриотических клубов Белгородской области. Молодежь, прошедшая через школу поисковой работы, по-иному смотрит на жизнь, на историю нашей страны, участвует в уходе за памятниками воинской славы, продолжая по-настоящему гордиться героизмом и мужеством советских солдат.

За прошедшие десятилетия на Белгородчине сменилось поколение участников поискового движения, появились новые направления в поисковой работе. Сегодня поисковое движение является государственной задачей, оно в настоящее время находится на подъеме, что подтверждается принятыми в последние годы Федеральными программами и государственной концепцией «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации», нормативными актами о поддержке военно-патриотических объединений и поисковых формирований. «То, что делают поисковики, – отмечал В. В. Путин во время встречи с ветеранами Курской битвы и поисковиками в августе 2018 г., – это очень благородная и важная работа. Она, прежде всего, направлена на то, чтобы отдать дань воинам, которые защищали Отечество. Но она направлена и на воспитание будущих поколений в духе преданности и любви к Отечеству, что чрезвычайно важно для будущего нашей страны»⁴.

© Брендель В. П., 2023

¹ Историко-патриотическое объединение «Поиск» провело раскопки на Прохоровской земле. – <https://prohistoki.ru/articles/istoriya/2023-08-27/istoriko-patrioticheskoe-ob-edine>

nie-poisk-provelo-raskopki-na-prohorovskoy-zemle-344824 (дата обращения: 07.11.2023).

² *Поисковое движение России* – реестр отрядов района Белгородская. – <https://www.v-ipc.ru/org/47/troops> (дата обращения: 11.11.2023).

³ *Календарь знаменательных и памятных дат Белгородской области на 2018 год.* – https://www.bgunb.ru/sources/Publishing/2018.12.11/Calendar_2018.pdf (дата обращения: 07.11.2023).

⁴ *Владимир Путин встретился с курскими ветеранами и поисковиками.* 24 августа 2018 г. – <http://www.dddkursk.ru/lenta/2018/08/24/046505/> (дата обращения: 17.09.2023).

Раздел XIII
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА XXI ВЕКА:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. Ф. Медушевская*

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В связи с последними политическими событиями и указами Президента Российской Федерации В. В. Путина, касающимися стратегии культурной политики, возникла настоятельная потребность в переосмыслении многих позиций научной истории государства и права. Это должно относиться не только к переосмыслению содержания отдельных положений данной области научного знания, но и к пониманию необходимости радикального изменения методологии и проблематизации эпистемологии, особенно в вопросе об исторической отсталости России, когда не учи-

* *Медушевская Наталья Федоровна* – профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

тываются социокультурные и цивилизационные особенности развития каждой страны, в том числе и России. На смену монопарадигмальному подходу должен прийти полипарадигмальный подход, который по-своему интерпретирует такие важные вопросы, как место научного знания в современной интеллектуальной истории, роль гуманизма, традиционности, сущности человека как природного и социального субъекта, толерантности и т. д. Возникает вопрос, каковы должны быть основания для взаимопонимания представителей разных культурных традиций, стереотипов и ментальных особенностей? Эти коммуникации должны основываться на рациональном диалоге с учетом организованного скептицизма (Р. Мертон), без которых теряется креативность и продуктивность дискуссий на социокультурном поле.

В. А. Лекторский отмечает, что в нашей стране долгое время существовала критика гуманистических идеалов. Ученые приводили разные аргументы, свидетельствующие о необходимости пересмотра понятия «гуманизм», а не «об отказе от социально-культурных идеалов вообще и от идеалов гуманизма в частности»¹. Трудно не согласиться с ученым, когда он предлагает отказаться от абстрактных и надуманных, идеологизированных представлений о человеке, его образе, сущности, моделях поведения и действия. «Поиск новой системы идеалов является сегодня для России самым трудным, но, наверное, и самым важным делом, так как лишь на этом пути возможен выход из того духовного, культурного и социального кризиса, который переживает страна»².

Другими словами, и эпистемологически, и методологически, и онтологически возникает необходимость руководствоваться в историко-правовых исследованиях принципом холизма (целостности) с новым пониманием свобо-

ды, когда право рассматривается не только с точки зрения ее умерения, а с позиции внутренней саморегуляции человека, который воспринимает право не как некую надындивидуальную и репрессивную силу, требующую от индивида беспрекословного повиновения, а как экзистенциальную потребность, которая исторически укоренена в его внутренней душевно-духовной жизни. Такая позиция способствует появлению новых методологических способов изучения истории правовой жизни, когда, с одной стороны, рассматриваются основные теории и гипотезы возникновения и функционирования государства, его аппарата и права, а с другой, возникает настоятельная потребность изучить сам внутренний механизм истории права, способы его укорененности и воплощенности в историко-правовом сознании субъектов истории. Этот сложный и противоречивый историко-правовой дискурс не является однозначным и одномерным, его нельзя конституировать, исходя из какой-то доминирующей научной позиции, он многопланов и многофакторен, связан с исторической памятью народа.

Методология социально-гуманитарных наук возникает в эпоху модерна, когда были предприняты попытки обновления и методологии исторической науки, которые связаны, например, с историей культуры (Й. Хейзинга), исторической демографией (А. Гийяр), историей государства и права (Р. Моль), историей религии (С. Н. Трубецкой), историей хозяйства (М. Вебер) и т. д. Новая стратегия исторической науки эпохи модерна отказывается от мировоззренческих однотипных и однолинейных подходов, стремится осмыслить широкий спектр политических, экономических, религиозных, нравственных, бытовых вопросов, не ограничиваясь узкими рамками традиционной научной истории. Особенно это важно

для нашей истории государства и права, которая все еще находится в плену марксистской идеологии и классового подхода к анализу исторических явлений, пользуется устоявшимися штампами и клише. В свою очередь ориентация на либеральную идеологию в эпоху перестройки привела к иному перекосу в исторических исследованиях, в результате которых Россия стала рассматриваться как страна догоняющего развития с отсталой культурой, неразвитыми политическими институтами и абсолютной несвободой.

Долгое время в исторической науке укоренялось представление, что империи – это свидетельство отсталости, угнетения, что они нежизнеспособны. Но вот что пишет по этому поводу Ю. Н. Харари: «По правде говоря, империи на протяжении 2500 лет были основной формой политической организации. Два с половиной тысячелетия большинство людей было подданными той или иной империи. И это очень стабильная форма государственной жизни»³. У империй были и свои преимущества, и свои недостатки. В России, например, империя объединила малые народы и народности, способствовала их образованности и безопасности, распространяла социальные институты, которые до этого были у них не развиты. В эпоху правления Екатерины II на территории России появилось много новых городов, они строились по определенному плану, в них возникла своя система управления, было единое право. Притом отечественные императоры свято верили, что трудятся на благо Отечества. А при Петре I были не только расширены границы империи, но и созданы мощные армия и флот, построены новые заводы и фабрики. В начале XX столетия несмотря на то, что большая часть населения страны была занята в аграрном секторе, к 1913 г. благодаря проведенным реформам во вто-

рой половине XIX – начале XX в. экономика России поднялась на пятое место в мире после США, Германии, Великобритании и Франции. Постепенно стало возникать и гражданское общество: «... его жизнеспособность демонстрирует тот факт, что число политических и литературных периодических изданий, которых к концу правления Николая I насчитывалось 20, увеличилось в 7 раз за последующие 30 лет»⁴.

Итак, чем же должна отличаться современная история государства и права от ее предшествующих теорий? Прежде всего системностью и синтетичностью, «ибо основной и решающей в историческом знании остается именно проблема синтеза»⁵. Принцип исторического синтеза диалектически связан с контекстуальностью исторического знания и его непосредственной зависимостью от изменчивого и противоречивого, конфликтного социального бытия. И в этом смысле следует обратить внимание на основы «Новой исторической науки», сформулированные М. Блоком и Л. Февром в первой половине XX в., которые прежде всего противостояли позитивизму и панлогизму в исторической науке. В история «всегда есть контекст – человеческий, социальный, политический, если хотите, мистический. Орудия значат много, но так же много значат работник и труд, и сердечность, которая встречается или нет»⁶.

Французские историки полемизировали с теми представителями исторической науки своего времени, которые считали возможным ограничиться изучением и интерпретацией исторических источников. Отцы-основатели новой исторической науки во главу угла поставили вопросы самосознания, поэтому история права не может оставаться сухим и бесстрастным изложением исторических фактов, нормативных документов или лето-

писей. За ними всегда стоят люди, обладающие своим уникальным внутренним миром, мировоззренческими приоритетами, интересами, мотивами и целями.

Но не только это следует иметь в виду. И автор документов в своем историческом нарративе привносит субъективность в исторический документ, и сам ученый-историк, исследующий эти документы. «Ученый может даже не сознавать этого, – пишет М. Блок, – а между тем вопросы диктуются ему утверждениями или сомнениями, которые записаны у него в мозгу его прошлым опытом, диктуются традицией, обычным здравым смыслом, то есть слишком часто – обычными предрассудками»⁷.

Почему следует учитывать социокультурный контекст при изучении истории государства и права? Ответ очевиден и заключается не в том, что надо им заменять необходимость изучения реальных фактов и событий правовой жизни своего времени. Но аналитическое изучение истории государства и права не может ограничиться только фактами, нормативными и иными правовыми документами, важно понять, как происходит рождение той или иной идеи, способствующей появлению этих документов. И для этого следует обратиться ко всему социокультурному контексту, благодаря которому можно выявить факторы, аспекты и причины появления правовой идеи, которая находит воплощение в правовых актах и иных документах. И это есть то, что мы называем аналитическим теоретизированием в истории государства и права. Сегодня в юридической науке ставится вопрос не только о расширении междисциплинарного подхода, но и о метадисциплинарном общенаучном подходе⁸, который позволит дать более качественный анализ правовой реальности в историческом дискурсе с учетом не только взаимосвязей, но и взаимопроникновения, растворения, поглоще-

ния, интеграции и синтеза политических, религиозных, нравственных, экономических, эстетических и иных фактов и явлений в правовую реальность и правовое сознание.

© Медушевская Н. Ф., 2023

¹ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. Изд. 3-е. М., 2009. С. 16.

² Там же.

³ Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Пер. с англ. Л. Сумм. М., 2022. С. 237.

⁴ Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства / Пер. с англ.; под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М., 2019. С. 339.

⁵ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». 2-е изд, доп. и испр. М.; СПб., 2018. С. 33

⁶ Бродель Ф. Очерки истории / Пер. с фр. Э. Орловой. 3-е изд. М., 2018. С. 216.

⁷ Блок М. Апология истории / Пер. с фр. Е. Лысенко. М., 2020. С. 82–83.

⁸ Сигалов К. Е., Беляева Н. А. Историческая методология и проблема нарратива // История государства и права. 2022. № 11. С. 15.

Г. Г. Небратенко*

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НАИМЕНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Имя собственное *Россия* как наименование субъекта национального и международного права официально не считается государственным символом, равнозначным Государственному гербу Российской Федерации, Гимну и Флагу, хотя эти институты выполняют тождественные функции, связанные с национальной идентификацией и непосредственно в комплексе влияют на правосознание как один из элементов российской правовой системы. В общегуманитарном смысле государственные символы представляют собой однородные категории, объединяемые термином «святыни Отечества» и имеют идентичное назначение: создают психоэмоциональное возбуждение, мобилизуя жизненные силы для защиты публичных и частных интересов, связанных с предками, современникам и потомками.

Государственные символы представляют собой внешнее выражение категории «Родина» или «иностранное государство», воспринимаются через органы чувств на психологическом и идеологическом уровне, отражая отношение непосредственного человека, общества, субъекта международного права к определенному народу или государству. По этой причине официальный статус зрительных, слуховых и осязательных обозначений, символизирующих государство на его территории или международ-

* *Небратенко Геннадий Геннадиевич* – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, профессор.

ной арене, имеет общий предмет правового регулирования, который может быть закреплен в одном нормативном правовом акте, учитывающем всю палитру правовых позиций, требующих урегулирования, не исключая наименования государства.

В Конституции Российской Федерации, на обложке, в преамбуле и в основном тексте, многократно упоминается название нашего государства, а в п. 2 ст. 1¹, фиксируя тождественность названий *Российская Федерация* и *Россия*. Хотя искомое равенство носит формально-юридическую природу, в приоритете оказывается «первый вариант» наименования, который используется в развернутом исчерпывающем выражении при обозначении органов государственной власти (Министерство внутренних дел Российской Федерации), а второй вариант названия государства употребляется при сокращенном производном обозначении (МВД России).

Конституционно-правовое закрепление в 1993 г. категории «Россия» имело, скорее, компромиссный характер, связанный со стремлением сохранить официальный статус наименования, локализовав его до границ РСФСР, но обществом под ней понималось нечто большее, поскольку исторически термин «Россия» тождественен термину «Российская империя» и предшествующем государственно-правовым формам, а главное последующей – в лице Союза ССР. С логической точки зрения каждое упоминание о Российской Федерации автоматически обозначает и Россию, но не каждое провозглашение России относится к Российской Федерации, поскольку становление последней локализовано событиями в хронологических рамках 25 октября 1917 г. – 12 декабря 1991 г., а с учетом конституционно-правовой реальности – 10 июля 1918 г. – 12 декабря 1993 г. Устойчивое общественное неприятие

деконструкции общесоюзной государственности, осуществленной вопреки результатам Всесоюзного референдума СССР 17 марта 1991 г., привело к тому, что длительное время правовой статус Государственного герба Российской Федерации, Государственного гимна и Государственного флага регулировался указами Президента России Б. Н. Ельцина².

Поэтому правовой статус государственных символов не нашел места в качестве самостоятельной главы в тексте проекта Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. на Всенародном голосовании. Хотя в Конституции (Основном законе) РСФСР от 12 апреля 1978 г. (в редакции от 1 ноября 1991 г.) существовал раздел X «Герб, флаг, гимн и столица РСФСР», как и во всех предыдущих аналогичных актах. В настоящее время статус Государственного флага Российской Федерации, Государственного герба и Государственного гимна урегулирован федеральными конституционными законами, принятыми в 25 декабря 2000 г. (№ 1-3-ФКЗ), и в ходе «Конституционной правки – 2020» законодатель не посчитал необходимым возрождать особый раздел, посвященный российской символам. Тем более что символы государства уже охраняются в уголовном законодательстве.

Между тем в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ имеется ст. 329 «Надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации», охраняющая два официальных символа из трех³, что едва ли можно считать оправданным фактом, но при этом он имеет логическое объяснение. В 1990–2000 гг. Гимном Российской Федерации являлась «Патриотическая песня» Михаила Глинки, исполняемая без слов, что ограничивало возможность совершения надругательства, но

не исключала его, например, в виде осуществления непристойных оскорбительных действий в процессе исполнения музыкального произведения.

Однако с появлением в 2000 г. нового музыкально-поэтического произведения, снабженного текстом Сергея Михалкова, появилось еще больше возможностей нанесения вреда охраняемых государством интересам, тем более с использованием средств массовых коммуникаций как квалифицирующий признак. «Раскрученный» в Интернете аудио-ролик или видеозапись с контентом, имеющих характер надругательства над Государственным гимном Российской Федерации, может набирать тысячи просмотров, будучи искусственно предложенным «администратором сети» в топе новостной или даже в блоке рекламной информации. В этом смысле содержание ст. 329 Уголовного кодекса Российской Федерации несколько устарело, и в «Уголовном законе» требуется учесть современные обстоятельства объективной реальности.

Аналогичным образом имеется необходимость уголовно-правовой защиты официального наименования Российского государства, которое также может выступать в качестве предмета преступного посягательства, и действия правонарушителя в этом случае выражаются в публичных оскорбительных высказываниях или в нанесении оскверняющих надписей или подписей с умышленным использованием официального наименования *Российская Федерация* и *Россия* с целью надругательства. Но в настоящее время привлечь к уголовной ответственности можно лишь лицо, осуществившее надругательство над Государственным флагом Российской Федерации или Государственным гербом Российской Федерации, или даже над иными «святынями», когда такие действия сопряжены с совершением преступления, имеющего, например, экс-

тремистский характер.

В этой связи требуется внесение изменений в действующее законодательство, что особо актуализируется использованием в ходе Специальной военной операции, объявленной 24 февраля 2022 г., предметов воинского обмундирования, на которых содержится слово *Россия* или производные от него наименования. Кроме того, на шевронах и иных знаках различия изображены реплики Государственного флага Российской Федерации и Государственного герба Российской Федерации, например, в виде геральдических символов министерств и ведомств, военнослужащие, сотрудники и работники которых участвуют в выполнении профессионального долга. Публичное осквернение российских святынь не должно оставаться лишь в сфере порицания на основе морали, нравственности и этики, требует официальной оценки законодателем и криминализации, особенно в случае, когда осуществляется под видеокамеру и контент намеренно распространяется в информационно-телекоммуникационных сетях для нанесения психического вреда гражданам, в том числе родственникам и близким участников СВО.

В то же время в сфере гражданско-правовых отношений практике использования наименования Российского государства также уделено определенное внимание. Оно преимущественно связано с применением «Правил включения в фирменное наименование юридического лица официального наименования "Российская Федерация" или "Россия", а также слов, производных от этого наименования»⁴. Однако применение данного юридического акта не снимает всех проблемы, связанных с надлежащим обеспечением правового режима «национального бренда». Очевидно, что такого рода названия могут быть присущи лишь государству, его органам и учреждениям, а также

непосредственно аффилированным с ними юридическим лицам, например, участвующим в выполнении «государственного заказа», в противном случае получение разрешения на использования бренда «России» в коммерческих целях в какой-то мере походит на «торговлю Родиной». Однако по данному случаю могут быть различные суждения, в рамках которых обращаться придется к морали, этике, нравственности и, в конечном счете, к здравому рассудку.

Особое внимание к наименованию Российского государства, а также требования его защиты и дальнейшей охраны в настоящее время детерминированы тем, что США и Великобритания, вместе с континентальными сателлитами, пытаются нанести ощутимый ущерб России как полноправному субъекту международного права, и не скрывают своих намерений, о которых высказываются публично и официально. Сделать это бывшие партнеры Российской Федерации не имеют возможности, поэтому стремятся «отменить Россию» на гуманитарном, культурном, спортивном, психологическом и даже лингвистическом уровне, допуская оскорбление ее «национальных святынь», а затем надеются вовсе победить и придать забвению, как, например, произошло с Византией или Югославией. Допустить такого развития событий невозможно с самого начала, поскольку другой России в мире нет, и никогда не будет.

Поэтому сохранять и динамично развивать следует тот субъект национального и международного права, который остался от Российской империи и Союза ССР, чтоб потомкам передать Россию в облике, более мощном и сильном, чем получили от предков. С учетом того, что Российское государство появилось в 863 г., и за более чем тысячу лет накопилось множество наименований Отече-

ства, в настоящее время их можно классифицировать на три группы: официальные, исторические и научно-популярные.

К первой группе относятся современные наименования *Российская Федерация* и *Россия*, и именно они, в первую очередь, требуют уголовно-правовой защиты как межотраслевой институт национального законодательства.

Ко второй группе, включающей исторические наименования государства, относятся производные от первой группы названия или не производные обозначения, прежде использовавшиеся для официальной идентификации России, в том числе аббревиатурного характера: *СССР*, *Союз ССР*, *Союз Советских Социалистических Республик*; *РСФСР*, *Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика*; *Российская империя*, *Всероссийская империя*; *Русское царство*; *Московское великое княжество*; *Владимирское великое княжество*; *Киевское великое княжество*; *Русское великое княжество*, *Русь*.

К третьей группе – научно-популярные – относятся наименования России, появившиеся в ходе разработки и апробации научных доктрин, в первую очередь исторических, в которых выдвигались и в дальнейшем использовались термины, удобные для восприятия и понимания современников, но не полностью соответствовавшие объективной действительности: *Московское царство*; *Русское государство*; *Владими́ро-Сузда́льская Русь*, *Галицко-Волынская Русь*, *Новгородская и Псковская Республики*; *Киевская Русь*, *Древняя Русь*.

Каждое из выше обозначенных наименований является существенным для истории и культуры Российского государства, и неуместное, некорректное, тем более неблагоприятное, оскорбительное или оскверняющие упоми-

нение о них чувствительно для сознания и психики русского человека, миллионов русскоязычных носителей русской культуры, а также иностранцев. Кроме прочего, любые проявления русофобии являются составной частью ксенофобии, осуждаемой в демократическом обществе и государстве, к которым не относятся политические режимы нацистской и профашистской направленности. Попытки привнести лживое фальсифицирующее представление о современности и о прошлом, сопряженные с использованием официального или хоть одного из производных исторических, а также научно-популярных наименований Российского государства, непосредственно влияет на правосознание, наносит ущерб охраняемым законом публичным и частным интересам. Если таковой ущерб нанесен неосознанно, по незнанию, то это проступок, а если намеренно – преступление.

В настоящее время искажения истории нередко допускаются на территории недружественных государств, для деинсталляции объективной памяти о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне, в которой Советский Союз противостоял немецкому нацизму и общеевропейскому фашизму, исключением из которого были немногие народы и государства, например, греки, сербы и черногорцы. Одновременно США и Великобритания, стяжанием которых в 1933 г. появилась чернокоричневая чума, до 1939 г. были готовы напасть на СССР вместе с Гитлером или предать, не дожидаясь Победы над нацистской Германией и демилитаризации Японии, о чем вели сепаратные переговоры. Объявив холодную войну, коллективный Запад предал союзнические отношения с Советской Россией, но прежде США совершили преступление против мира и безопасности, сбросив ядерные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, демонстративно

уничтожив мирное население для устрашения человечества. Этим была поставлена точка в цепи многих злодеяний, совершенных в ходе Второй мировой войны.

В завершение следует отметить, что с логической и исторической точки зрения самыми лаконичными наименованиями Отечества, лишенными упоминаний об изменяющейся форме государства, являются *Россия* и *Русь*, причем, первый термин – это греко-византийская интерпретация второго, привнесенного к восточным славянам Рюриком, его сподвижниками и потомками (Рюриковичами). Этот факт следует учитывать при дальнейшем государственно-правовом развитии России, а также то, что правовой статус государственных символов (герба, гимна и флага), а также их реплик и наименования Отечества (в различной интерпретации) может быть включен в текст Основного закона. В ином случае может регулироваться единым федеральным конституционным законом, учитывающим межотраслевой характер искомых институтов, уже оформившихся в российской правовой действительности.

Законодателю к государственным символам на паритетных основаниях следовало бы отнести наименование государства, тем самым защищая и охраняя его от преступных посягательств. Поэтому в Уголовном кодексе Российской Федерации может быть криминализировано преступное надругательство, в процессе которого публично использовано слово *Россия* и *Российская Федерация*, а также следовало бы обеспечить уголовно-правовой охраной Государственный гимн Российской Федерации, и предусмотреть в ст. 329 УК РФ квалифицирующий признак распространение «криминального контента» в информационно-телекоммуникационных сетях с использованием Государственного флага Российской Федерации,

Государственного герба и Государственного гимна.

Отдельно законодателю следует обратить внимание на факты незаконного ограничения или запрета демонстрации на международной арене Государственного флага Российской Федерации, Государственного гимна Российской Федерации и Государственного герба Российской Федерации, а также иных символов, демонстрирующих национальную принадлежность граждан Российской Федерации и соотечественников. Такого рода действия не являются надругательством над государственными символами, но, очевидно, наносят ущерб обществу и государству, применяясь незаконно по политическому и ксенофобскому мотивам. Кроме того, рекомендуется ограничить использование государственных символов с коммерческой целью, когда такое применение носит неэтичный характер или в случаях использования юридическими лицами, зарегистрированными в недружественных странах. В настоящее время и в последующем символы Российского государства и его народа имеют такую же высшую ценность, как права и свободы человека и гражданина, а также законные интересы общества и государства.

© Небратенко Г. Г., 2023

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² Указ Президента России от 30 ноября 1993 г. № 2050 // Президент России: официальный сайт. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4934> (дата обращения: 09.01.2023); Указ Президента России от 11 декабря 1993 г. № 2126 // Президент России: официальный сайт. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5011> (дата обращения: 13.02.2023); Указ Президента России от 11 декабря 1993 г. № 2127 // Президент России: официальный сайт. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5012> (дата обращения: 12.02.2023).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954; 2023. № 1. Ст. 33.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2010 года № 52 (ред. от 25 сентября 2017 года) «Об утверждении Правил включения в фирменное наименование юридического лица официального наименования "Российская Федерация" или "Россия", а также слов, производных от этого наименования» // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 660; 2017. № 40. Ст. 5862.

СЫСК И РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Розыскная деятельность в Древнерусском государстве в первый период своего становления характеризуется тем, что работа по поиску преступников, проводилась, по мере необходимости, самим обществом (членами общины). Права феодалов охранялись при помощи войска – княжеской дружины и других крупных феодалов, которые в случае необходимости выполняли и полицейские функции¹. В те времена, пока ещё не существовало специализированных полицейских служб разбойников, беглых и преступников искали посланники князей или царских приказов, а также сами пострадавшие. Тогда лицу, скрывающемуся от наказания, было достаточно сложно оставаться необнаруженным. Чтобы попытаться уйти от наказания он мог бежать только в соседний населенный пункт или близлежащий район.

Необходимо оговориться об исключениях, когда разбойники могли пересекать большие расстояния на лодках, используя естественные водные артерии.

Поиск разыскиваемых преступников и беглых крестьян осуществляли в основном уполномоченные на то лица, как правило, в пределах одного уезда или волости. Сыщики для сыска присылались именно в то место, где

* *Глубоковских Роман Владимирович* – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

территориально проходил процесс розыска, в данных мероприятиях повсеместно участвовали и сами члены общины.

Вопрос о времени возникновения розыскного процесса, розыскной деятельности, розыска и сыска всё ещё остается дискуссионным, поскольку исследователи определяют разные даты. Некоторые из них, например В. В. Сокольский связывает начало розыска со временем правления Ивана Грозного и «посылкой обыщиков на поимку татей и разбойников»².

В то время как М. Ф. Владимирский-Буданов полагает, что розыскной процесс впервые закрепляется Судебником 1497 г.³ В этот период намечаются такие перемены в розыском процессе, как переход от гласности и устности к негласности и письменности⁴.

Мы же полагаем, что начальным этапом возникновения розыскной деятельности, направленной на розыск и поимку преступников, является период XVI–XVII вв. Именно в это время значение термина розыск (сыск) уже предлагается рассматривать с трех позиций: во-первых, это установление истины, во-вторых, это форма судопроизводства, следственного процесса, в-третьих – действия специально уполномоченных лиц по поимке и задержанию разыскиваемых. Однако следует отметить, что в этот временной период как методы розыска преступников, так и возможности последних скрыться были ограничены и несовершенны.

Ярким примером организации розыскного процесса в 1596 г. служит погонная память (грамота) из архива Суздальского Покровского монастыря – административное распоряжение о розыске преступников. Грамота, оформленная от имени царя Федора Ивановича, была адресована в Суздаль, а затем суздальскими губными старостами

переправлена в Покровский монастырь для распространения и объявления на крестьянских сходах и «торжках». В грамоте объявлялась награда за поимку шайки разбойников во главе с Иваном Обоютиным, а также наказание в виде казни за их сокрытие. Особое внимание уделялось описанию примет всех семерых разыскиваемых, которые были даны до мельчайших подробностей, как внешности, так и одежды (длина усов, цвет пуговиц и т. д.). Интересен тот факт, что шайка Обоютина совершала преступления и скрывалась на территории более 200 км, что говорит о навыках преступников ориентироваться и выживать в незнакомой среде⁵. В сочинении А. С. Пушкина «Борис Годунов» мы тоже видим описание розыскного процесса, в котором по указу царя организуется розыск Григория Отрепьева. В произведении подробно указывается на информирование дьяка о совершенном Григорием преступлении (ереси), на издание царского указа о розыске, о выставлении застав на литовской границе и сторожевых приставов по проверке лиц, на использование описания примет разыскиваемого. Словесный портрет – необходимая принадлежность судебного дела конца XVI – начала XVII в., и портрет этот обычно давался так, как это сделано в трагедии Пушкина⁶.

В рассматриваемый период возможности преступников (разыскиваемых лиц) скрыться были ограничены и естественными, и правовыми условиями. Представляется, что разыскиваемый преступник физически мог преодолевать значительные расстояния как пешком порядком, так и верхом (при наличии лошади), но для передвижения на дальние расстояния по речным артериям необходимы были специальные технические средства и разрешение на передвижение.

В правовом аспекте для перемещений разного рода

нужны были «документы». Как свидетельствует Лаврентьевская летопись, уже в 945 г. купцам, занятым торговлей, выдавались «проезжие грамоты». Принятие Судебника 1550 г. ограничивало выдачу «отпускных грамот» (выдача только в наместническом суде, ограничение мест выдачи и взимание платы за данную услугу) в целях предотвращения роста преступности и бегства крестьян. Соборное уложение 1649 г. отменило ограничения по срокам сыска беглых крестьян, вследствие чего передвижения по стране стали очень редкими, за крестьянами устанавливался жесткий надзор. Согласно этому документу всем выезжающим за границу полагалось иметь «проездные» грамоты, за отсутствие которых следовало жесткое наказание⁷.

В этот период одним из основных методов розыска лиц, в котором проявляются элементы практического следования, является «гонение следа», личность устанавливалась по приметам или со слов очевидцев (знавших разыскиваемого лично). Люди, обладающие специальными знаниями – умеющие «читать следы» (охотники, следопыты), были особо востребованы при производстве розысков.

С конца XVII в. появляется массовая миграция крестьянства. Последние в поисках лучшей жизни покидали родные места. В это время издается целый ряд Указов, регулирующих все сферы работы по наведению законного порядка в стране. Указом от 6 ноября 1682 г. Разбойный приказ был переименован в Сыскной приказ, в деятельность которого входило: выявление (открытие) преступлений, розыск преступников и изучение обстоятельств совершенных преступлений. Указ «О посылке сыщиков для отыскивания беглых»⁸ был введён 2 марта 1683 г. для поиска и возвращения крестьян и холопов к законным владельцам на места их жительства, где они числились по

переписным книгам.

Таким образом, ещё в древней Руси, на заре Петровских перемен происходит создание специальных полицейских органов, основной сферой деятельности которых является розыск преступников.

© Глубовских Р. В., 2023

¹ *Мулукаев Р. С.* Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964. С. 4.

² [*Сокольский В. В.*] Главнейшие моменты в истории повального обыска. Исследование В. Сокольского. Киев, 1871. С. 43–52.

³ [*Владимирский-Буданов М. Ф.*] Обзор истории русского права по лекциям профессора М. Ф. Владимирского-Буданова. Вып. 2. Киев, 1886. С. 178–182.

⁴ *Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П.* Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М., 2015. С. 11.

⁵ *Давыдов М. И.* Погонная память 1596 года из архива Суздальского Покровского монастыря // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 14. № 4. С. 7–11.

⁶ *Пушкин А. С.* очинения: Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. Вып. 2. М., 2008. С. 26, 37–39, 262.

⁷ *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 108.

⁸ Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е]. Т. II. № 998. С. 504.

А. У. Сейдахметова*

СВОД ЗАКОНОВ «ЖЕТИ ЖАРҒЫ»: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

В различные исторические эпохи у каждого народа существовали свои обычаи, законы и уставы, сохраняющие порядок в государстве. Во времена существования Казахского ханства особую роль играли степные законы. Одним из таких законов является «Жеті жарғы» («Семь установлений»).

«Жеті жарғы» представляет собой свод законов обычного права казахов, принятый в Казахском ханстве при хане Тауке (который правил в 1660–1715 гг.). В научной литературе часто «Жеті жарғы» именуется как «Уложение хана Тауке», «Законы хана Тауке». Времена правления Тауке хана остались в истории казахского народа как период благоденствия и расцвета¹. Известный российский учёный А. И. Левшин ставит Тауке хана в один ряд с такими государственными деятелями античной Европы как Ликург и Драконт.

В период правления Тауке хана Казахское ханство подвергалось военной угрозе, в связи с чем возросла потребность в создании единого свода законов. Так возник уникальный кодекс судебной власти «Жеті жарғы» – свод законов Казахского ханства, разработанный при знаменитом хане Тауке. Справедливости ради, мы должны отметить, что эта огромная работа была проделана с участием известных казахских правителей конца XVI – начала

* Сейдахметова Асемгуль Уахитовна – адъюнкт кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

XVII в. – Толе-би, Казыбек-бия и Айтеке-бия².

Почему свод законов называется «Жеті жарғы»? В переводе с казахского языка *жеті* означает семь. В переводе с древнетюркского языка слово *жарғы* означает указ, закон, власть, а в известном «Кодексе Куманикуса» (письменный памятник куманского (половецкого) языка начала XIV в.) оно переводится как спор, жизнь, правила жития.

«Жеті жарғы» («Семь установлений») содержал в себе семь разделов, в которых отражались все сферы жизни³:

– земельный закон, регламентирующий пользование землями и разрешение споров о пастбищах и водопоях;

– семейно-брачное законодательство, регламентирующее порядок заключения и расторжения брака, права и обязанности супругов, имущественные права членов семьи;

– военное законодательство, регламентирующее военную службу, формирование подразделений;

– процессуальные нормы права, регламентирующее порядок судебного разбирательства;

– уголовное законодательство, регламентирующее наказания за различные виды преступлений кроме убийства;

– нормы права о куне – выкупе за убийство и тяжкие телесные повреждения, устанавливающий наказания за них;

– закон о вдовах – своего рода право социальной защиты, регламентирующее имущественные и личные права вдов и сирот, а также обязательства по отношению к ним общины и родственников умершего.

По данным историка М. Тынышпаева, единообразное применение и толкование положений «Жеті жарғы» на всей территории Казахского ханства обеспечивалось еже-

годным сбором биев всех трех жузов казахов в ставке Тауке хана⁴.

Гуманность являлась одной из характерных черт «Жеті жарғы», так как в нём отсутствовали жестокие меры наказания, такие как: лишение свободы с отбыванием срока наказания в тюрьмах, зинданах, восточных погребках заточения, а также членовредительство, сожжение, колесование, закапывание живьем и т. д. Такие виды наказания были распространены в уголовном законодательстве многих средневековых восточных странах.

В обычном праве казахов было много норм, поощряющих коллективизм, общность прав, сохранились демократические начала, формы и институты, распространявшиеся на широкий круг отношений – хозяйственных, родовых, бытовых, семейных и политических. Например, правовая традиция избирать ханов и удельных правителей («малых ханов») на народном собрании с участием свободных граждан, способных носить оружие, с поднятием избранного представителями родовых объединений на белой кошме, неукоснительно соблюдалась в периоды ханской власти. Гласность, простота и состязательность судебного процесса, участие в нем представителей сторон, использование силы общественного мнения как средства исполнения судебных решений тоже отличительные черты «Жеті жарғы». Возможность примирения сторон находит прямой аналог в институте медиации, существующем в действующем законодательстве Казахстана⁵.

Разрешением споров в основном занимались бии, но согласно неписанному закону степей, спорящие имели право обратиться за помощью к любому уважаемому человеку, который знает тонкости степного законодательства и владеет ораторским мастерством. Также существовали особые обряды, которые обозначали начало или ко-

нец судебного заседания. Если в настоящее время начало или конец судебного заседания оглашаются молотком, то во времена Казахского ханства о начале разбирательств у бия служили камчи, брошенные с обеих сторон. В конце судебного процесса бий разрезал ала жіп (сплетенные в одну белую и чёрную нити). Этот обряд нёс в себе особый сакральный смысл, который означал, что положен конец распрям. Необходимо отметить, что испокон веков в понятие «ала жіп» («пёстрая верёвочка») казахи вкладывали большой смысл. На сегодняшний день одним из обязательных напутствий детям является пожелание не переступать её, то есть біреудің ала жібін аттама – никогда не бери чужого.

В «Жеті жарғы» сохранился закон «за кровь мстит кровью, за увечье – таким же увечьем». За совершение преступлений виновные подвергались различным наказаниям. Однако наказание могло быть смягчено по приговорам судей или по согласию истцов. Одним из распространённых видов наказаний являлась выплата куна, то есть установленная плата за всякое преступление. В зависимости от социального положения и социального статуса преступника и погибшего человека размер выплачиваемого куна мог меняться. Так, например: за каждого убитого мужчину выплачивалось 1000 баранов, а за каждую женщину – 500 баранов; за убийство аристократа (султана или ходжи) преступник должен был выплатить родственникам погибшего кун за семь человек; за оскорбление султана или ходжи выплата составляла 9 голов скота, а за побои – 27; цена куна, выплачиваемого за раба, приравнивалась к беркуту или гончей. Преступник, нанесший телесные повреждения, также выплачивал кун: большой палец стоил 100 баранов, а мизинец – 20. За воровство украденное возвращалось в трёхкратном размере.

Например, 100 верблюдов приравнивались к 300 лошадям или 1000 овцам.

«Уникальность казахского права «Жарғы» состояла в том, что оно, рожденное в рамках кочевой цивилизации, воплотило в себе многие ценностные черты и оптимумы человеческих мечтаний и человечности этой эпохи, – отмечал выдающийся казахский правовед, академик С. З. Зиманов. – В этом плане оно по праву может и должно занять достойное место в мире исторически значимых правовых систем»⁶.

Таким образом, «Жеті жарғы» содержит нормы административного, уголовного, гражданского права, а также положения о налогах и религиозных воззрениях. Оно узаконило права каждого социального слоя населения. Заслуживает данного свода законов является то, что его нормы сыграли огромную роль в развитии юридической мысли.

© Сейдахметова А. У., 2023

¹ Тынышпаев М. Т. История казахского народа. Алма-ата, 1993.

² Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. М., 2011.

³ Султанов Т. И., Абусеитова М. Х. Общество и культура // История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, 2001.

⁴ Тынышпаев М. Т. История казахского народа. Алма-ата, 1993.

⁵ Нурлигенова З. Н., Колосова М. Ю. «Жеті жарғы» Тауке хана как памятник права Казахстана: его сущность и значение // Молодой учёный. 2013. № 12(59). С. 750–752.

⁶ Зиманов С. З. Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования. Алматы, 2009.

А. А. Михневич*

**СУДЕБНИК КАЗИМИРА 1468 ГОДА –
ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО**

Важное место в правовой системе Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) занимали не только отдельные нормативные правовые акты, касающиеся разных вопросов жизнедеятельности государства, но и сборники законодательства, полученные путем кодификации норм взаимосвязанных отраслей права. Одним из первых таких примеров является Судебник Казимира 1468 г. (далее – Судебник). Анализ его статей во многом помогает понять не только порядок привлечения к ответственности правонарушителей, но и осуществление судебно-процессуальных мероприятий. Важность Судебника в том, что он вообрал себя в адаптированном виде под реалии XV века нормы обычного права, восходящие к древнему периоду, а также нормативно закрепил начальный период становления судебных прав шляхты, а самое главное – отразил в целом новый этап в развитии судебного процесса¹.

После опубликования Судебника в 1826 г. в России, многие ученые используют его в своих исследованиях. Однако отсутствуют его современные официальные переиздания с переводом и толкованием текста. Наиболее достоверным изданием на данный момент можно считать

* *Михневич Александр Андреевич* – научный сотрудник отдела научно-правовых исследований Белорусского института системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы (Минск).

опубликованное в Актах, относящихся к истории Западной России 1846 г.² Все последующие научные публикации, касающиеся Судебника, как правило, базируются именно на этом издании 1846 г. При этом продолжает оставаться актуальной тема его исследования, так как недостаточная изученность природы происхождения Судебника не позволяет в полной мере использовать его текст, а также экстраполировать положения Судебника на современные отрасли законодательства. К сожалению, до наших дней не сохранился оригинал текста Судебника, хотя существует несколько копий оригинала, которые содержатся в трех различных списках: Румянцевский, Тарановский, Увровский³.

Проанализировав текст Судебника, содержащийся в трех отмеченных списках, можно прежде всего прийти к выводу: Судебник, по сути, являлся продолжателем правовых идей, закрепленных в привилее Великого князя Казимира 1447 г.

Судебник 1468 г. – уникальный памятник феодального права, являющийся первым сохранившимся письменным закреплением материальных и процессуальных норм права, главным образом регламентирующих уголовные и судебно-процессуальные правоотношения в ВКЛ. Наибольший интерес, учитывая специфику рассматриваемого правового акта, представляют нормы, затрагивающие вопросы судебного процесса. Однако прежде всего необходимо сказать, что привилей Казимира 1447 г. закрепил право феодалов судить свое зависимое население за вознаграждение, что фактически и являлось одной из причин принятия Судебника. Обращая внимание на наиболее важные и прогрессивные нормативные предписания, отметим, что в ст. 11 Судебника впервые в праве заметна попытка обеспечения выполнения феодалами су-

дебных обязанностей в случае злостного уклонения их от отправления суда Великий князь или его наместники посылали децкого для разрешения спора⁴. Кроме того, такие дела мог рассматривать общий суд – суд, который, вероятнее всего, должен был состоять из обоих собственников или по договоренности, из их представителей. Однако некоторые ученые считают, что «общий суд» – это самый древний копный суд (разновидность общинного суда).

Также данная статья определяла правила подсудности вотчинным судам в случае возникновения спора между подданными разных феодалов. Учреждение вотчинного суда является ярким свидетельством увеличения прав феодалов ВКЛ. Одним из главных признаков феодального строя является сосредоточение в руках феодала права собственности и права верховной власти в пределах земель, которые ему принадлежали⁵.

В Судебнике содержались также нормы, посвященные разрешению земельных споров: обеим сторонам предлагалось вместе со свидетелями и судьями выехать непосредственно на место возникновения разногласий. В целях установления пределов участка в спорном месте стороны должны были предъявить доказательства права обладания землей. Такими доказательствами являлись письменные документы, межевые знаки, о которых говорилось в этих документах, а также свидетельские показания «людей добрых, веры достойных». Выигрывала спор сторона, чьи межевые знаки были четче, а свидетели – более убедительными⁶. Свидетельством давности происхождения судопроизводства по земельным спорам является тот факт, что процедура их разрешения обставлялась торжественно, а стороны и свидетели, принося присягу, обходили участок с землей на голове (позже – с иконой).

Для решения земельных споров правящей элитой ВКЛ широко использовался институт третейского судопроизводства. Так, сторонам в Судебнике предлагалось взять ездоков – лиц, которым доверяют обе стороны: «А тако ж кому буде ь до кого какое дело, будеть земноедело, ино ездокы побрати;...»⁷. Фактически шла речь о создании третейских судов, в которых ездокам отводилась роль третейских судей. Укрепление позиций института третейских (полюбовных, приятельских) судов в ВКЛ не случайно. Как отмечал Ф. Леонтович «в литовско-русском праве никогда не исчезал один из коренных взглядов древнерусского права о посредническом характере суда как князя, так и других органов общественной власти»⁸.

Слабость механизмов обеспечения выполнения судебного решения по земельным спорам предопределяла частые случаи самоуправства со стороны феодалов. Учитывая это, ст. 21 Судебника в дополнение к ст. 20 и с целью усиления центральной власти установила законодательный запрет на разжигание феодальных войн. Ее содержание указывает на существование в ВКЛ великокняжеского суда – самого главного суда в государстве.

Следует отметить, что Великий князь имел право предоставить определенным слоям населения, или лицам судебный иммунитет – право исключительной подсудности дел с их участием великокняжескому суду, что было значительной льготой, поскольку великокняжеское правосудие было относительно быстрым, недорогим и непредвзятым, а кроме того глава государства считался носителем высшей справедливости⁹. В свою очередь, из-за большой загруженности великокняжеского суда государственными делами Великий князь не мог своевременно рассмотреть все споры и, следовательно, делегировал часть своих полномочий суду панов-радных. Это было

вынужденной мерой и фактически суд панов-радных по своим функциям дублировал суд Великого князя.

Необходимо подчеркнуть, что довольно значимым нововведением в праве ВКЛ являлось указание перечня уважительных причин, по которым сторона могла пропустить рассмотрение дела. К ним, в частности, относились: прохождение великокняжеской или земской службы, а также болезнь.

В отношении Судебника остаются открытыми многие вопросы, в том числе, кто составлял его текст, когда точно он был разработан и принят и др. Хотя по мнению большинства ученых Судебник был принят в 1468 г. Великим князем Литовским и королем Польским Казимиром VI Ягеллончиком и был одобрен панами радными.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что Судебник Казимира был тесно связан с общеземскими привилегиями. Он был принят в период активной раздачи земли феодалам и поэтому в первую очередь направлен на защиту права феодальной собственности и регламентацию мер ответственности¹⁰. Подчеркнем особую значимость данного исторического документа в сфере формирования процессуального права ВКЛ. Несмотря на то, что в нем содержалось всего шесть статей прямо, или косвенно относящихся к судебному процессу, они вместе с нормами обычного права значительно повлияли на развитие суда и судебного процесса в государстве. Его нормы, а также последующая практика их использования стали основой дальнейшего развития судебно-процессуального права, что особенно проявилось в статутах 1529 г., 1566 г., 1588 г.

© Михневич А. А., 2023

-
- ¹ *Вішнеўскі А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных гадоў да нашых дзен): Вучэбн Дап. / Пад рэд. Я. А. Юхо. Мінск, 2003. С. 147.
- ² *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией.* Т. 1: 1340–1506. СПб., 1846. № 61. С. 74.
- ³ *Вішнеўскі А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных гадоў да нашых дзен): Вучэбн Дап. / Пад рэд. Я. А. Юхо. С. 153
- ⁴ *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией.* Т. 1. № 61. С. 75.
- ⁵ *Балінський І.* Нариси з історії феодалізму та феодального права в Польщі, Литві та на Україні // ВУАН. Праці комісії для виучування історії західно-руського та вкраїнського права. Вип. 2. Київ, 1926. С. 273
- ⁶ *Ковальова С. Г.* Судоустрій і судочинство на українських землях Великого князівства Литовського. Миколаїв, 2008. С. 93.
- ⁷ *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией.* Т. 1. № 61. С. 76.
- ⁸ *Леонтович Ф.* Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1894. С. 190.
- ⁹ *Грамоти XV ст.* / Ред. В. М. Русанівський. Київ, 1974. С. 123.
- ¹⁰ *Ясинский М.* Очерки по истории судоустройства в Литовско-Русском государстве. Главный Литовский Трибунал. Его происхождение, организация и компетенция. Вып. 1. Киев, 1901. С. 87.

Ю. П. Шкаплеров*

**СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
1588 ГОДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНОЕ
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

XVI век для правовой сферы белорусских земель, входивших в то время в состав Великого княжества Литовского, ознаменовался принятием статуты Великого княжества Литовского 1529 г., 1566 г., 1588 г., что связывают с расцветом правовой теории и практики законодательной деятельности периода феодализма на обозначенной территории. В статутах были систематизированы нормы конституционного, гражданского, военного, земельного, брачно-семейного, уголовного, уголовно-процессуального и других отраслей права.

Появление первого Статута Великого княжества Литовского, носившего сначала названия «Книга прав писанных», «Право посполитое всей земли», «Статут земский», а позднее известного под названиями «Литовский Статут первой редакции», «Литовский Статут Сигизмунда I», относится к 1529 г., когда составленный специальной комиссией из духовных и светских юристов нормативный акт был утвержден великим князем Литовским Сигизмундом I на Виленском сейме и обнародован для руководства при решении дел на всей территории страны¹.

* Шкаплеров Юрий Павлович – первый заместитель начальника Могилёвского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В Статутах Великого княжества Литовского 1529 г., 1566 г., 1588 г. довольно детально, даже в сравнении с сегодняшним днем, регулировался порядок досудебного судопроизводства. В частности, определялся статус должностных лиц, его осуществлявших, регламентировались правила проведения процессуальных действий, их фиксации и т. п. Поэтому статуты Великого княжества Литовского, безусловно, имеют важное значение для истории белорусского уголовно-процессуального права.

Вместе с тем, названные статуты важны не только для истории права Беларуси, но и России. Еще в XIX в., анализируя источники Соборного уложения 1649 г., П. И. Числов указывал на то, что Литовский статут являлся вторым из них по значимости, так как из него российским законодателем было заимствовано до 175 статей, что составляет более 18 % от общего их количества², о чем, в том числе, свидетельствуют пометки на полях оригинального свитка Уложения³. Вместе с тем, как отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, фактически в России рецепция положений Статута 1588 г. началась еще раньше, когда приказные дьяки в начале XVII в. «принуждены были создать сами для себя *субсидиарные источники права* [курсив в источнике. – Ю. Ш.] из постановлений Литовского статута (3-ей ред.)... Из статута делались выписки..., переводились (весьма неискусно) на московское наречие, расчленялись на статьи, приписывались в Указные книги ... и, несомненно, применялись на практике»⁴.

Также относительно взаимодействия положений статутов Великого княжества Литовского и Соборного уложения 1649 г. П. И. Числов отметил один интересный факт. После распада Киевской Руси на землях Северо-Восточной Руси в связи с наступлением эпохи так называемых местных законов происходило постепенное исключение из

нормативных актов процессуальных институтов, закрепленных ранее в Русской правде, а «под конец XV столетия от них почти не осталось и следа», что особенно видно на примере Судебника 1497 г. и Судебника 1550 г.⁵ В то же время в статутах Великого княжества Литовского были сохранены многие институты процессуального доказательственного права Русской правды, что, в частности, заметно по разделам «О судьях и о суде», «О гвалтах и головщицах шляхетских», «О гвалтах и головщицах людей посполитых», «О грабежах и навезках» и т. п.⁶ В итоге в первой половине XVII в. российский законодатель, заимствуя соответствующие нормы из статутов, фактически возвращал в правовую сферу своей страны утраченные ранее юридические институты⁷.

В качестве примера такой рецепции П. И. Числов приводит ст. 88 и 89 гл. XXI Соборного уложения 1649 г., в которых исключается ответственность за убийство вора на месте преступления и устанавливается порядок фиксации такого деяния. В российском государстве эта норма, ранее не существовавшая ни в названных судебниках, ни в Книге Разбойного Приказа, была заимствована из Статута Великого княжества Литовского 1588 г., в котором она, в свою очередь, повторяла и развивала ранее действовавшее положение Русской правды⁸: «Если кого-либо убьют (за кражею), в доме или (вообще) во время какой-либо кражи, то пусть убьют (его) как собаку; если же додержат до рассвета, то вести (его) на княжеский двор; если же убьют его и люди видели (его) уже связанным, то платить за него 12 гривен»⁹.

Определенное влияние положений статутов Великого княжества Литовского на российское уголовно-процессуальное законодательство прослеживалось и в первой половине XIX в. Например, по мнению

В. А. Линовского, в качестве одного из основных источников для конструирования ст. 44 кн. 2 т. XV Свода законов Российской империи, регулирующей порядок подачи и фиксации доноса как повода к началу следствия, выступал Статут 1588 г.¹⁰

Помимо этого, названный автор предполагал, что институт явки с повинной относящийся к случаям, когда заявитель сообщал об убийстве им преступника, напавшего на его дом, либо оказавшего сопротивление при задержании, также был заимствован из Статута Великого княжества Литовского 1588 г. при составлении Соборного уложения 1649 г.¹¹ В качестве источника рассматриваемой нормы права можно назвать, к примеру, ст. 19 «Кто бы убил преступника в своем доме и его сообщников» разд. 11 Статута Великого княжества Литовского 1588 г.¹²

Таким образом, Статут Великого княжества Литовского 1588 г. представляет интерес не только для белорусской уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науки. Видится, что положения данного нормативного акта, как и Статутов 1529 г., 1566 г. должны стать объектом пристального внимания и для российских ученых, как это было в XIX в.

© Шкаплеров Ю. П., 2023

¹ Числов П. И. История русского права от издания Соборного уложения царя Алексея Михайловича до издания Свода законов. М., 1896. С. 48.

² Там же. С. 48, 54.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. СПб.; Киев, 1907. С. 230.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Числов П. И. История русского права от издания Соборного уложения царя Алексея Михайловича до издания Свода законов. С. 50, 52.

⁶ Там же. С. 51.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ Там же. С. 52–53.

⁹ Русская Правда // Памятники русского права / Под общ. ред. С. В. Юшкова. Вып. 1: X–XII вв.: Памятники права Киевского государства. М., 1952. С. 126.

¹⁰ *Линовский В. А.* Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. С. 131.

¹¹ Там же. С. 141.

¹² Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал. І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1989. С. 430.

А. А. Ошмарин*

СУДЕБНИК ФЕДОРА ИОАННОВИЧА 1589 ГОДА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ И СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В XVI в. происходит завершение формирования единого Русского государства. Постепенно начинает складываться единое правовое пространство, появляются первые кодифицированные акты, сфера действия которых распространяется на всю территорию Московского государства, – судебники. Наметившийся переход к сословно-представительной монархии сопровождался социально-экономическими и политическими изменениями, которые не могли не отразиться на содержании правовых норм. И если Судебники 1497 г. и 1550 г. достаточно подробно исследованы, то Судебнику 1589 г. в этом отношении повезло намного меньше. Кроме того, место в системе законодательства и сфера действия этого Судебника вызывают множество вопросов.

Текст данного нормативного источника был открыт и впервые напечатан С. К. Богоявленским в 1900 г. В дальнейшем были обнаружены еще несколько списков, которые были объединены в две редакции. Их исследованием в имперский период занимались М. Ф. Владимирский-Буданов, В. О. Ключевский.

* *Ошмарин Александр Александрович* – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института имени Михаила Михайловича Сперанского Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

В советский период изучением памятника занимались А. И. Андреев, А. И. Копанев, А. Г. Поляк, С. В. Юшков. Велись дискуссии о времени происхождения редакций, их соотношении, сфере действия норм источника.

На современном этапе среди исследователей можно назвать М. Д. Чупову, М. Б. Казанцева, Н. В. Паршину, А. А. Чупрову.

Цель настоящей статьи – выявить изменения, произошедшие в системе преступлений, закрепленной в Судебнике 1589 г. по сравнению с предыдущими законодательными актами (в первую очередь, Судебником 1550 г.).

Выявлено, что категориальный аппарат не претерпевает значительных изменений. Сохраняются те же виды преступлений, что и в Судебниках Ивана III и Ивана IV: против государства, против порядка управления и суда, против личности и имущественные преступления. Но появляются новые составы преступлений, трансформируются и дополняются составы, закрепленные ранее.

В первую очередь, это касается преступлений против личности. Много внимания уделяется преступлениям против чести – оскорблению словом и действием. Расширяется круг потерпевших. Это и дифференцированные по статусу посадские люди и крестьяне, служилые люди, церковнослужители, а также нищие, скоморохи, незаконнорожденные, ведьмы и женщины «с пониженной социальной ответственностью».

В отдельную категорию выделены представители волостного управления. По мнению А. С. Смыкалина, это было связано с тем, что «высокий размер бесчестия для выборных должностных лиц был одним из путей обеспечения господства разбогатевших волостных крестьян»¹.

Закреплялись и категории населения, которые лишались права на возмещение бесчестия. К ним относились ведомые лихие люди, воры, разбойники, поджигатели.

Новеллой Судебника является и норма о взыскании с жалобщика бесчестия в пользу ложно обвиняемого, наказании его кнутом и заключении в тюрьму.

Происходят изменения и в группе преступлений против порядка управления и суда. Детальной проработке подверглись нормы о взяточничестве, лжесвидетельстве, вынесении заведомо неправомерного решения. Наказывалось теперь не только получение, но и дача взятки. Судья мог быть подвергнут наказанию за волокиту, ошибки и упущения работников своего аппарата.

К числу уголовно-наказуемых в сфере имущественных отношений деяний теперь относится уничтожение чужого домашнего скота и птицы. Конокрадство включается в перечень преступлений, за которые следует смертная казнь. Появляются нормы о нарушении складнических отношений, границ земельных участков, о потраве угодий и др.

Таким образом, новых видов преступлений в Судебнике Федора Иоанновича не появляется. Развиваются, дополняются и конкретизируются нормы, сформированные предыдущими судебниками. Меньше всего изменений претерпели преступления против государства. В большей степени были реформированы статьи о преступлениях против порядка управления и суда и против личности, имущественные преступления. Связано это было усилением централизации аппарата управления и суда, ускорением социальной дифференциации, спецификой развития (в первую очередь, экономического) отдельных регионов государства.

© Ошмарин А. А., 2023

¹ *Смыкалин А. С.* Русское законодательство конца XVI – начала XVII веков. Судебник 1589 г. Судебник 1606–1607 годов. Екатеринбург, 2005. С. 64.

Н. В. Щукина*
И. И. Погорлецкая**

БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ И НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА XVI–XVII ВЕКОВ

Семейное право в Молдавском княжестве XVI–XVII вв., в основном, основывалось на нормах обычного и римско-византийского права. В числе источников семейного права XVI–XVII вв. можно указать законодательные установления молдавских господарей, а также первый памятник молдавского права – Уложение Василия Лупу 1646 г.

Семейное право в полной мере отражало классовый характер средневекового молдавского общества. После закрепощения Уложением 1646 г. молдавских крестьян, если феодально-зависимая девушка выходила замуж в другое село, то за нее платили выкуп главе общины. При заключении брака между цыганом одного феодала и цыганкой, принадлежавшей другому феодалу, дети от их брака распределялись между хозяевами родителей.

Родительская власть имела в Молдавии ограниченное действие, но дача согласия родителей или опекунов на за-

* *Щукина Наталья Викторовна* – заведующий кафедрой предпринимательского и трудового права Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко (Тирасполь, Молдова), доктор юридических наук, профессор.

** *Погорлецкая Ирина Ивановна* – старший преподаватель кафедры международного права и теории государства и права Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко (Тирасполь, Молдова).

ключение брака было обязательным. Заключение брака сопровождалось венчанием, либо получением благословения. Родители были обязаны содержать детей, обеспечивать их жилищем и пищей, выдать приданное при заключении брака. Однако в случае их недостойного поведения они могли быть лишены приданного.

Закон точно не устанавливал брачный возраст, однако согласно нормам обычного права, для мужчины он составлял 15–16 лет, для женщины – 13–15 лет. Восточное влияние проявлялось в том, что допускалось заключение брака и в более раннем возрасте: у девочек – в 12–13 лет, у юношей – с 14–15 лет.

Молдавское обычное право регламентировало вопросы надления приданным, которое передавалось молодым супругам или родственникам невесты и жениха. В Уложении Василия Лупу 1646 г. область семейного права не получила детальной разработки: оно содержало лишь отдельные положения брачно-семейные права. Вопросы приданого регулировались либо «обычаями страны», либо превращая прецеденты в практику с помощью закона.

Обычай приданого уходит корнями вглубь веков. Приданое служило материальной основой для существования будущей семьи. Приданое являлось частью родительского богатства, которое девушка получала во время замужества. На основании Уложения 1646 г. можно сделать вывод, что состав приданого является частью обязанностей отца. Выдача приданого – важная моральная обязанность, которую каждый отец старался выполнить при любых условиях.

Первые сведения о выделении приданого невесте и жениху в Молдавии содержатся в документах XV в. Особенность молдавского обычая выдачи приданного состояла в том, что приданным наделялись не только сыновья,

но и дочери¹. Тем самым, братья и сестры имели равные права на приданое.

Содержание приданого во многом зависело от социального статуса семьи, от возможностей каждой семьи. Величина приданого не была закреплена законом и во многом зависела от возможностей и щедрости родителей. Приданое состояло из предметов быта, скота, недвижимости (дом, земля), денег, драгоценностей. В качестве приданного могли выступать рабы-цыгане, поместья и вотчины со всеми документами на их владение.

Уложение 1646 г. не дает точно ответа, на чьи плечи ложится обязанность выдачи приданного, если умер отец. Источники дают сведения, что если отец не оставил ни завещания, ни состояния на выдачу приданного, это бремя переходило на всех братьев, которые были обязаны жертвовать на придание своих сестер даже из своего состояния. Из документов также следует, что за приданое отвечала и мать. Даже при самых тяжелых обстоятельствах она старалась выполнить это обязательство. Например, документ от 17 октября 1677 г. сообщает нам, что Тофана Андроничеаса, чтобы обеспечить девушку приданным, продает несколько домов с каменными погребам².

Если Уложение Василия Лупу умалчивает об источниках и структуре приданого, то оно очень подробно описывает условия, при которых женщина или мужчина сохраняет (наследует) или теряет приданое. Если семья распадается, приданое остается в собственности женщины в том случае, если муж совершает прелюбодеяние. Если муж изгонял свою жену из дома без всякой причины, то он возвращал ей все приданное. Приданое не могло быть продано мужем, так как в случае расторжения брака оно должно быть возвращено семье жены.

Уложение содержало условия, при которых жена не

получала приданого при расторжении брака: когда жена убивает своего мужа, когда женщина совершает прелюбодеяние, когда женщина клеветает на своего мужа, чтобы скрыть прелюбодеяние, когда вдова не соблюдает года траура: и это будет год смерти мужа ее³.

Начиная с XVII в. на выданное приданое господари стали выдавать феодалам подтвердительные грамоты.

При вступлении в брак женщина оставалась исключительной собственницей имущества, принадлежащего ей в виде приданного. Такое положение вещей делало женщину более независимой. Она могла быть лишена приданного только в исключительных случаях, если она обесчестила мужа вследствие своего аморального поведения, если выявились какие-либо скрытые физиологические недостатки или если брак в других случаях был расторгнут по вине жены. В этом случае распорядителем имущества становился муж.

Оформление приданного происходило путем заключения контракта между родителями жениха и невесты в присутствии свидетелей. Контракт именовался «Izvod de zester» и, по мнению А. И. Галбен, представлял собой «юридический документ, который устанавливал имущественные отношения между молодыми супругами при совместной жизни, уточнял материальную сторону будущей семьи, определял объем имущества каждого из членов семьи в случае прекращения брака»⁴.

Брак мог быть расторгнут по причине прелюбодеяния, неспособности мужа к супружеской жизни, бесплодия жены, длительной тяжелой болезни, принятия супругом монашества, смерти супруга. Развод осуществлялся церквями.

Наследственное право в Молдавии регулировалось также преимущественно обычным правом, которое отли-

чалось более строгим порядком наследования земли. Нормы наследственного права стали складываться одновременно с институтом права собственности еще до образования молдавского государства в 1359 г. Несмотря на то, что ряд норм наследственного права содержался в Уложении Василия Лупу, оно не уделяло слишком много внимания вопросам наследственного права.

Молдавское право в отличие от волошского предусматривало возможность наследования недвижимости для женщин. С конца XV в. женщины могли наследовать наравне с мужчинами не только недвижимость, но и земельные владения.

В случае смерти вдовы купленной вотчины, право на нее могло переходить как в род мужа, так и в род жены. В случае смерти жены, ее приданое распределялось между детьми, при этом родители умершей сохраняли за собой право надления каждого из ее детей частью приданного. Недвижимое имущество, пахотная земля оставалась в распоряжении мужа до наступления совершеннолетия детей. При этом родственники умершей жены имели право контролировать сохранность ее приданного. В случае бездетности жены, приданное после ее смерти возвращалось ее родителям, а мужу оставались лишь брачные дары. Тем самым, приданое жены становилось частью семейного имущества, но не частью имущества мужа.

Другим важным отличием средневекового молдавского права выступали некоторые черты минората – то есть приоритета младшего сына по отношению к старшему. Черты минората известны в Молдавии начиная с XV в. Минорат в Молдавии получил распространение не только в отношении сыновей, но и дочерей. Минорат регулировался обычным правом, и согласно данному обычаю младшие дети (сын или дочь) имели некоторые преимуще-

ства при наследовании. Как правило, они получали родительский дом с усадьбой и пристройками. А. И. Галбен приводит один такой документ, который гласит: «В связи с тем, что все сыновья поженились, а дочери вышли замуж, родной дом с усадебным участком оставляю самой младшей из сестер Настасии, ибо она еще не успела обзавестись семьей, а старшие получили от меня приданое»⁵.

Минорат был связан с тем, что, как правило, старшие дети раньше уходили из семьи и заводили свои семьи, а, следовательно, уже не участвовали в ведении отцовского хозяйства. Почти всегда родительское имущество (усадебная, скот, орудия труда) создавалось при помощи младших детей, так как они дольше оставались в доме отца и помогали вести ему хозяйство.

Другим следствием минората было предотвращение дробления земельных участков и другого имущества, так как институт минората распространялся и на наследование земельных участков. Впоследствии, к XVIII в., принцип минората стал все чаще нарушаться. Минорат был известен и на севере Руси⁶, где к наследованию призывались не только братья, но и сестры⁷.

Право наследования, предусмотренное для младшего сына, распространялось и на младшую дочь. Известно, что уже в XV в., в отличие от соседних Валахии и Трансильвании, в период правления господаря Александру чел Бун (1400–1432) в молдавском праве уже существовало равноправие полов в вопросах наследования имущества. Как отмечает Л. П. Заболотная, «в средние века в Молдове в отличие от многих других государств (Сербии, Англии, Великое Литовское Княжество)»⁸ и женщины, и мужчины обладали равными правами на наследования недвижимого имущества.

Обычай наследования дочерьми в XVI–XVII вв. назы-

вался синисфора. Несмотря на то, что молдавские девушки ранее получили приданое имущество, после смерти родителей всё наследственное имущество (синисфора) делили поровну с их братьями. Право на наследование земель было истоком «вольностей» женщин Молдовы, особенно, вдов. Синисфора допускалась только тогда, когда вступали в силу нормы наследования по закону.

А. И. Галбен пришел к выводу, что синисфора допускалась до позднейшего времени лишь относительно наследования по закону. Позднейшие кодификации византийского права разрешили наследование дочерью, получившей ранее приданое как по закону, так и по завещанию⁹.

Согласно данному обычаю, дочь, ранее получившая приданое, могла наследовать землю, присоединив ее к ранее наследованному имуществу. Тем самым дочь, вышедшая замуж, могла участвовать в разделе отцовского имущества, в том числе и земли.

Временем открытия наследства признавался день смерти наследодателя, а местом открытия наследства – последнее место жительства наследодателя либо место нахождения наследственного имущества или его основной части.

В Молдавии, начиная с XV в., допускалось наследование как по закону, так и по завещанию. Наследование по закону выступает исторически первой формой распоряжения имуществом после смерти. Если наследников не оказывалось либо они отказывались от принятия наследства, имущество умершего переходило к государству. Отказ от наследства влек за собой прекращение обязательств по долгам.

Самым древним видом наследования является наследование по закону. Нормы наследования по закону всту-

пали в действие тогда, когда:

- не было составлено завещание;
- завещание было признано недействительным;
- наследники отказались от наследства;
- наследники по завещанию умерли до открытия наследства.

Согласно нормам обычного права, с XV в. в Молдавии к наследованию призывались близкие родственники, прежде всего дети как со стороны матери, так и со стороны отца. Если к наследованию призывались родственники по восходящей линии, то они также допускались как со стороны матери, так и стороны отца. Если и таковых не было, то призывались к наследованию наследники по боковым линиям. Нормы обычного права в области наследования предусматривали пять очередей наследования. При отсутствии наследников имущество признавалось выморочным и поступало в государственную казну.

Допускалось и наследование по завещанию. Первое упоминание о завещательном распоряжении относится к 1407 г.¹⁰ В период XVI–XVII вв. количество упоминаний о завещаниях возрастает. Тем не менее, в XVI в. количество завещаний было незначительным. Согласно обычаю земли, передача имущества по завещанию предусматривалась, в первую очередь, прямым родственникам. В случае их отсутствия, завещание могло составляться в пользу родственников второй или третьей степени, в пользу церкви, посторонних лиц, сельской общины при отсутствии прямых родственников.

Вначале использовалось завещание в устной форме, в XVII–XVIII вв. распространяется письменное завещание. Завещание представляло собой письменный документ, в котором определялась судьба имущества завещателя.

Завещание в письменной форме было обязательным в

случае его составления сторонним лицам. При этом, согласно нормам обычного права, если завещание писалось или подписывалось рукой завещателя, то оно признавалось действительным и без свидетелей.

К личности завещателя предъявлялись определенные требования. Оно должно было быть дееспособным, действовать по доброй воле, без принуждения, в присутствии свидетелей. Их количество колебалось от 5 до 7. Завещатель вправе был лишить наследства прямых родственников в случае их недостойного поведения и завещать имущество третьим лицам. При этом наследодатель должен был объяснить причину лишения наследства прямых наследников.

Для принятия наследства существовала определенная процедура. Наследник считался принявшим наследство, если он фактически вступил в управление наследственным имуществом либо заявил в присутствии свидетелей о его принятии.

Молдавское феодальное право знало правовые особенности наследования вотчины. По обычному праву наследодатель был обязан распределить родовую вотчину между всеми прямыми наследниками обоего пола. Он не мог, как правило, обойти их и в завещании. До XVIII в. завещатели были более ограничены в свободе завещательных распоряжений. Глава семьи не мог завещать имущество лицам, не принадлежавшим данной семье.

В целом, наследственное право Молдавии в период XVI–XVII вв. было еще мало разработано. При этом система молдавского наследственного права XV–XVIII вв. знала меньше ограничений в вопросах наследования, чем соседняя Валахия и другие страны Западной Европы.

Проведя анализ документов XVI–XVII вв., можно прийти к выводу, что наследование в Молдавии движимо-

го и недвижимого имущества допускалась наследниками обоих полов (сыновьями и дочерьми) на условиях равенства. Это свидетельствует о зарождении известного современному праву принципа равенства долей наследников по закону вне зависимости от пола. В этом смысле при всей незрелости молдавской правовой системы в определенных положениях наследственного права, а именно: в равенстве прав наследников вне зависимости от пола, Молдавия опережала многие развитые европейские страны с богатыми правовыми традициями. Эти сюжеты еще ждут более присыального внимания исследователей¹¹.

Даже после получения приданного молдавские женщины получали наследство наравне с братьями и принимали участие в его разделе (синисфора). Что свидетельствовало об относительно независимом положении женщины в Молдавии, которое объясняется исторически сложившимися семейными традициями, а также обычным правом.

© Щукина Н. В., Погорлецкая И. И., 2023

¹ Галбен А. И. Из истории феодального права Молдовы конца XVIII – начала XIX века (турецко-фанариотский период). Кишинев, 1998. С. 157.

² *Documente privitoare la istoria oraşului Iaşi*. Vol. II: acte interne (1661–1690). Iaşi, 2000. P. 435.

³ *Carte românească de învăţătură*. 1646. Gl. 16 (11).

⁴ Галбен А. И. Из истории феодального права Молдовы конца XVIII – начала XIX века (турецко-фанариотский период). С. 347.

⁵ Там же. С. 139–140.

⁶ Нижник Н. С. 1) Русское семейное право (досоветский период): Учебное пособие. Челябинск, 1999; 2) Правовое регулирование брачно-семейных отношений в русской истории (IX – начало XX века). СПб., 2002; 3) Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006; 4) Брачный союз: многообразие способов создания в Древне-

русском государстве (Marriage union: a variety of ways to create it in the Old Russian state) // „Tyragetia”: Muzeul Național de Istorie a Moldovei. Vol. XIV. Nr. 2. P. 45–57; *Nizhnik N.* A new outstanding Work on «Women's history» // Codrul Cosminului. 2019. Т. 25. № 1. С. 223–232.

⁷ *Ефименко А. Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. М., 1884. Гл. VI.

⁸ *Заболотная Л.* Наследственное право молдавских женщин (XIV–XVII вв). Компаративное исследование (The Law of succession concerning Moldavian women in the 14th – 17th centuries: A Comparative study) // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, XX, Poznań, 2013. P. 75–82.

⁹ *Галбен А. И.* Из истории феодального права Молдовы конца XVIII – начала XIX века (турецко-фанариотский период). С. 139.

¹⁰ *Синицына И. Е.* Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978.

¹¹ См.: *Заболотная Л. П.* Имущественные и наследственные отношения в европейском праве XVIII века (на примере взаимоотношений Екатерины Дмитриевны Голицыной с семьей Кантемир) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(82). С. 27–41; *Заболотная Л. П.* Указ императора Николая I от 7 марта 1850 года как нормативная основа регулирования брачно-семейных отношений в Бессарабской губернии Российской империи // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи) [Электронный ресурс]: В 2 ч. Ч. 1: Материалы XVIII международной научной конференции. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. / Под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, А. В. Демидов. СПб., 2021. С. 424–429; *Нижник Н. С. Л.* Заболотная – исследователь истории женщин Молдовы // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы: Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН Кишинев, 30 сентября – 3 октября 2021 года / Отв. ред. Н.Л.Пушкарева. Институт этнологии и антропологии им.Н. Н. Миклухо-Маклая РАН Российская ассоциация исследователей женской истории Национальный музей истории Молдовы. М., 2021. С. 60–64.



О. М. Хабарин*

**ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКИХ ФИСКАЛОВ
КАК ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ОРГАН
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ
В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА**

В период правления Петра I за сравнительно короткие сроки происходило не только активное развитие внешней политики России, но и радикальное преобразование внутривластной, экономической, социальной сфер жизни государства и общества¹. Помимо широкой экспансии на запад, проводились реформы органов государственного управления, областная, судебная, административная, военная, финансовая, церковная и другие реформы. При Петре I с 1700 г. по 1709 г. было издано более 500 актов, а в следующее десятилетие их число дошло до 1238 и почти столько же их напечатано за одно пятилетие 1720–1725 гг. Как уже говорилось выше, в таких условиях государству был жизненно необходим эффективный институт надзора и контроля.

Экстренная необходимость в учреждении института фискалов назрела к 1711 г., что объясняется целым комплексом внутри- и внешнеполитических причин и обстоятельств.

В 1700 г. началась длительная Северная война со Швецией, которая требовала колоссальных финансовых затрат на строительство русского флота и содержание и

* Хабарин Олег Михайлович – преподаватель кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

пополнение постоянной рекрутской армии. Так, приход государственной казны за 1705–1707 гг. покрывал только $\frac{4}{5}$ расхода, $\frac{2}{3}$ которых шло на армию и флот. Денег на ведение войны хронически не доставало, а участвовавшие случаи уклонения дворян от службы в армии в военных условиях были губительны для страны. Военно-финансовые потребности подчинили себе всю внутреннюю политику правительства², которое вынуждено было реагировать серией финансовых реформ, на первом этапе сводившихся к поиску новых средств путем перечеканки иностранных монет, проведением денежной реформы, утверждением новых налогов: на частную рыбную ловлю, бани, пчельники, мельницы, конюшни, за право ношения бороды и других; введением государственной монополии на соль, алкоголь, деготь, рыбий жир и т. д. Однако, как известно, эти меры не могли быть долговечными и были направлены на скорейшее извлечение как можно большей прибыли для ведения войны, которая продолжалась вплоть до 1721 г. Таким образом, государство нуждалось не только в органе надзора за преступлениями, связанными с уклонением от службы и, как следствие, увеличении численности армии, но и назревала объективная необходимость для проведения радикальной финансово-административной реформы, рассчитанной на продолжительный эффект.

Непосредственной внешнеполитической причиной для ее проведения стала внезапно начавшаяся во время Северной войны Русско-турецкая война 1710–1713 гг. и организация Прутского похода 1711 г., окончившегося окружением русской армии и заключением унижительного финансово невыгодного перемирия, в результате которого были потрачены значительные средства и сданы позиции России на Азовском море.

Другим немаловажным аспектом чрезвычайного характера утверждения фискалитета явилась внутривнутриполитическая ситуация, характерная для начала XVIII в. Разрастающийся бюрократический аппарат требовал огромных расходов, что вело к усилению налогового гнета, разорению народных масс. Денежные потоки, регулируемые казной, таинственно мелели, не достигнув назначения³. М. М. Богословский приводит в своей работе любопытное свидетельство современника, согласно которому «50 % всего платежа, падавшего на крестьянский двор, не доходило до казны»⁴. Известный исследователь Н. В. Муравьев подробно описывал данную проблему: «...эти характерные свойства старой служилой среды были язвой, растлевающее значение которой портило исполнение лучших мыслей преобразователя и мешало стройному и дружному действию его учреждений. Нужно было неусыпно следить за их деятельностью и, раскрывая и карая уклонения, поддерживать ее именно в том направлении, которое имел в виду законодатель. А для этого и чтобы пресекать в самом зародыше всякое зло, грозившее успеху новых созданий его творческого гения, он должен был знать все, что в них делается, держать их под постоянным своим надзором. Отдельные, еще несплоченные части новой правительственной машины нуждались в объединении какую-либо живую и деловую силу, которая охраняла бы везде правильное применение истинной мысли Государя, оберегая при этом и драгоценные для выполнения его преобразований финансовые интересы фиска или казны»⁵. Его мысль развивает профессор А. Д. Градовский, который считает, что «правительство должно было прибегнуть к такой должности, которая имела бы целью стоять на страже закона, не доверяясь способности служащих лиц, и восполняла бы деятельность народа в деле

охранения личной безопасности и общественного спокойствия»⁶. По замечанию еще одного исследователя той эпохи, С. А. Петровского, поскольку «все основывалось на жалобах и на личном досмотре Государя, но Государю, хотя и Петру, за всем не усмотреть и не мало случаев, где челобитчика не будет ...давно пора было установить целое государственное учреждение для специальной потребности надзора»⁷.

Конкретным поводом для создания фискалитета явилось учреждение 22 февраля 1711 г. Правительствующего Сената, который по своему положению верховного органа в государстве на время отсутствия монарха, участвовавшего в Прутском походе 1711 г., осуществлял высший контроль за всеми государственными учреждениями, однако, поскольку «Сенат не имел административной организации ...он не мог лично преследовать и обвинять»⁸. Для того, чтобы сделать его деятельным органом контроля, необходимо было еще учреждение с чисто личным характером, созданное для непрерывного надзора и преследования. Таким учреждением и явились фискалы. Связывая собою Сенат и местные учреждения, они составили одну из трех главных частей правительственной системы Петра Великого⁹.

Будучи сформированным указами 2 и 5 марта 1711 г. практически одновременно с Сенатом, который выполнял функции высшего государственного органа в стране во время отсутствия монарха, находившегося в Прутском походе, он не имел четких полномочий, структуры, состава и даже материальной базы вплоть до окончания русско-турецкой войны в 1713 г. и изданием указа 17 марта 1714 г. «О фискалах и об их должности и действии», что также подчеркивает экстренность его учреждения.

Изначальное отсутствие наказаний за лжедонос и

фиксированного государственного жалования, подчиненность подконтрольному органу, ненависть и неподчинение государственных чиновников и многое другое свидетельствовало, что законодательная база фискалитета как органа, учрежденного в чрезвычайных обстоятельствах и в экстренном порядке, требовала значительной дальнейшей доработки, на проведение которой законодатель часто просто не имел времени. Даже дореволюционные историки, в большинстве своем идеализировавшие деятельность Петра, признавали несовершенство законов первой четверти XVIII в. В частности, Н. П. Ламбин писал: «...неопределенность и запутанность законов, не приведенных еще в стройную систему, были причиной частых недоразумений и, при невежестве судей, рождали неумышленное уклонение от истины; а под личиной невеждения скрывалась нередко страсть, злоба и корыстолюбие»¹⁰.

По мнению Н. И. Павленко, «история возникновения фискальной службы с точки зрения формирования ее компетенции поучительна в том отношении, что подтверждает старинную притчу о том, что может случиться с транспортным средством, если лошадь запряжена не впереди телеги, а позади нее: сначала царь провозгласил об учреждении фискалов, затем через три дня объявил об их обязанностях...»¹¹.

Таким образом, чрезвычайный характер учреждения института гражданских фискалов в России стал одной из причин невысокой эффективности деятельности системы государственного контроля в начале XVIII в. и необходимости регулярного реформирования правовых основ фискалитета.

© Хабарин О. М., 2023

¹ Платонова Н. В. Институт гражданских фискалов в представлениях российского общества // Постигая историю

России: К 50-летию научного студенческого кружка отечественной истории средневековья и нового времени. М., 1997. С. 131.

² *Шестаков С. Е.* Формирование института гражданских фискалов в России в первой трети XVIII в. // Реформы в России XVI–XIX вв. М., 1992. С. 103.

³ *Шестаков С. Е.* Деятельность фискалов в эпоху петровских реформ // Студент и научно-технический прогресс: Материалы XXI Всесоюзной научной конференции. Новосибирск, 1983. С. 30.

⁴ *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 293.

⁵ *Муравьев Н. В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. Ч. 2. М., 1889. С. 245.

⁶ *Градовский А. Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 89.

⁷ *Петровский С. А.* О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875. С. 100.

⁸ *Градовский А. Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. С. 89.

⁹ Там же.

¹⁰ *Ламбин Н. П.* История Петра Великого. СПб., 1843. С. 612.

¹¹ *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990. С. 456.

А. В. Жуланов*
А. Н. Самарский**

ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Российское законодательство претерпевало изменения на каждом из исторических этапов становления правовой системы. Рассматриваемый период характеризуется рядом изменений в государственной, общественной и как следствие правовой системе. Вопрос о систематизации и кодификации российского законодательства к началу XIX в. стоял достаточно остро. Возникшая необходимость в упорядочивании правотворческих актов обуславливалась действием устаревших в этот период норм, которые создавали большое количество коллизий. После принятия Соборного уложения 1649 г. в правовой системе Российской империи существенных изменений не производилось, действовали нормативные правовые акты, которые не соответствовали тенденциям развития страны и зачастую противоречили друг другу¹. Попытки систематизировать российскую правовую систему предпринимались и не раз в годы правления Петра I, Екатерины Великой, но все попытки не имели существенного успеха.

Правовая система должна была объединить уже име-

* *Жуланов Александр Владимирович* – доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук.

** *Самарский Александр Николаевич* – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России.

ющиеся нормативно-правовые акты, внести изменения в соответствии с социально-экономическими тенденциями развития страны и кодифицировать всё в кодексы. Изменений требовали все нормативные правовые акты без исключения, но работы было достаточно много. Так попытки по упорядочиванию и кодификации российского законодательства начались с правления Александра I, а закончить удалось только во времена правления Николая I. Активный период преобразования российского законодательства начался с 1826 г., когда по указанию императора Уложенная комиссия была преобразована во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое фактически возглавлял видный юрист этого периода М. М. Сперанский. Многие исследователи связывают успешную деятельность комиссии именно с М. М. Сперанским, который был привлечен к кодификации еще в 1808–1809 гг. Он разделил работу на два этапа, каждый из которых характеризовался рядом изменений. Первый этап включал в себя создание полного Собрания законов Российской империи², в котором все нормативные правовые акты находились в хронологической последовательности, разделившись на два этапа: первый от Соборного уложения 1649 г. и до 1825 г., второй – с 12 декабря 1825 г. по время завершения работ. Второй не менее масштабный и наиболее важный для правовой системы Российской империи этап начался с работы по созданию свода законов Российской империи³. При создании нового правового акта проводился полный анализ входящих в него норм, исключались недействующие нормы, устранялись коллизии и ошибки, производилась работа по обработке и редакции текста. Свод законов имел отличительные особенности, он более соответствовал правовым и социально – экономическим стандартам государ-

ства. В отличие от Полного собрания законов Свод законов Российской империи имел отраслевое строение, и деление права на частное и публичное, что говорит о развитии российской правовой системы в XIX в. Изменения касались всех основных правовых отраслей: гражданское, семейное, наследственное, уголовное право, внесение изменений и разработка новых норм, кодификация и систематизация законодательства.

Гражданско-правовые нормы были систематизированы в т. X Свода законов, включая в себя систему вещного права, строящуюся из права собственности, права владения, залогового права и права на чужую вещь. Развитие и изменение норм гражданского права было связано с ростом темпов промышленности и торговли, тем самым гражданское законодательство формировало новую систему гражданских правоотношений во многом схожую с нынешним правовым укладом. Происходит деление имущества на движимое и недвижимое, с возможностью законного и незаконного владения им. В гражданско-правовой норме закрепляется охрана от насилия и самоуправства всякое владение независимо от формы собственности и законности. Возникает договорная форма гражданских правоотношений, договор мог заключаться с взаимного согласия заключающих его сторон. Обеспечивался договор такими правоотношениями, как задаток, неустойка, залог, поручительство, заклад. Впервые вводится определение собственности, как «права лица исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно». Определяются формы собственности, которые включают в себя две основные: частная и государственная. Возникает понятие интеллектуальной собственности, а именно «общественная литературная и музыкаль-

ная собственность». Государство оставляет за собой право безвозмездного изъятия и конфискации, которая, как правило, применялась в виде наказаний за совершение преступного деяния⁴.

Изменениям были подвержены и нормы семейного права. Систематизация нормативных правовых актов, регулирующих семейные отношения, позволила исключить противоречия и сложные в трактовке нормы. Так, в начале XIX в. значение имел только церковный брак, что говорит о неразрывной связи государственно-политических отношений с духовенством. Для вступления в брак закон закреплял особые условия, которые откликаются и в отражении современных норм семейного права. К обязательным условиям относилось: достижение возраста для невесты 16 лет, для жениха 18 лет, согласие вступающих в брак, наличие у них таких важных атрибутов, как сознание и наличие свободы воли. Обязательным являлось согласие родителей на вступление в брак. Закон закреплял факторы, препятствующие браку, такие как монашество, состояние в другом браке, различие вероисповеданий, родство. Возможность супругов на развод предполагалась только в исключительных случаях. Закреплялось законодательное разделение детей на законных и незаконных, при этом законные имели общие права, а незаконные не имели права на фамилию отца и наследование его имущества. В имущественных отношениях супругов и детей закреплялся принцип раздельности имущества.

В наследственном праве начала XIX в. происходит укрепление завещательной свободы. Происходит расширение завещательных прав, имущество возможно передавать не только прямым наследникам, но и в установленном порядке по завещанию любому человеку. При этом

закон ограничивал возможность завещать таких лиц, как умалишенные, самоубийцы, несовершеннолетние, лица, лишенные правом суда всех прав состояния, монахи, их завещания считались недействительными. Завещание могло иметь только письменную форму, должно было составляться при свидетелях и имело нотариальную или домашнюю форму составления. При отсутствии завещания наследование производилось по закону в соответствии с общими закрепленными правилами и нормами.

Уголовное право имело особое значение для изменяющихся социально – экономических тенденций государства. Свод законов Российской империи закрепил 765 статей Общей и Особенной части, но большая часть из них имела противоречивый и устаревший характер, требующий переработки и изменения. Подготовкой нового законотворческого документа занялся М. М. Сперанский, после его смерти работа продолжилась, и в 1846 г. был введен в действие новый уголовный кодекс «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Нормативный правовой акт сохранял сословное деление при назначении наказаний и квалификации содеянного с учетом привилегий. Закон выделял случаи, при которых наказание не назначалось, а именно малолетство, случайность содеянного, сумасшествие, принуждение, непреодолимая сила, необходимая оборона. Выделялась субъективная сторона преступления в виде неосторожности и умысла, а так же были выделены формы соучастия. Система наказаний имела особую иерархию, в которой были выделены 11 родов наказаний, разделенных на 35 последовательных ступеней от смертной казни до внушения.

Изменения в российском праве в первой половине XIX в. имеют большое значение для становления всей

правовой системы. Основоположником кодификации и систематизации правовых норм в начале XIX в. стал видный юрист М. М. Сперанский, который разработал ряд важных правовых проектов, которые воплотились в жизнь и успешно действовали. Принятые нормы права во многом схожи с современными, что говорит о верном векторе развития правовой системы начала XIX в.

© Жуланов А. В., Самарский А. Н., 2023

¹ Толстая А. И. История государства и права России: Учебник для вузов. М., 2010. С. 129.

² Фролов В. Б. Полное собрание законов Российской империи как итог систематизации российского законодательства в XVIII – первой половине XIX вв. // Вопросы студенческой науки. 2022. № 1(65). С. 172–175.

³ Самарский А. Н., Жуланов А. В. Совершенствование законодательства Российской империи в первой половине XIX века: Свод законов Российской империи // Философия права. Право. 2020. № 1(92). С. 100–104.

⁴ Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. М., 2004. С. 401.

А. В. Курас*

**БУРЯТСКИЕ СТЕПНЫЕ ДУМЫ:
СОВРЕМЕННОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**

На современном этапе национально-государственного строительства Российской Федерации особую актуальность представляет история этнического управления сибирских народов, бурят в частности, в XIX – начале XX в., которое было введено по Уставу «Об управлении инородцев» (1822) М. М. Сперанского. При этом следует подчеркнуть, что введение М. М. Сперанским «Учреждение для управления Сибирских губерний» стало не только первым в России, но и наиболее полным комплексом регионально-территориального законодательства, действовавшего без существенных изменений вплоть до конца XIX в. и опередившего общероссийскую кодификацию на 10 лет. Учитывая тот факт, что Россия всегда была и есть многонациональное и многоконфессиональное государство, особый интерес вызывает история этнического управления.

История управления кочевых народов Сибири, учрежденная по Уставу 1822 г., хронологически охватывает почти столетие (XIX – начало XX в.). Устав 1822 г. учредил трехступенчатую систему местного самоуправления у сибирских кочевых народов: бурят, хакасов, эвенков и якутов, которая действовала вплоть до проведения волостной

* *Курас Леонид Владимирович* – главный научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ), доктор исторических наук, профессор.

реформы в начале XX в. У бурят было учреждено 12 степных дум: Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верховенская, Ольхонская, Тункинская, Кударинская, Баргузинская, Селенгинская, Хоринская и Агинская; у хакасов – Кызыльская, Койбальская, Качинская, Сагайская, у эвенков – Урульгинская степная дума; у якутов – Якутская степная дума. Всего в Сибири, в соответствии с Уставом «Об управлении инородцев» 1822 г., было образовано 18 степных дум.

В силу разных причин, в основном, идеологического характера долгие годы комплекс документов архивов Байкальского региона по истории бурятских степных дум оставался неизученным. В Государственном архиве Республики Бурятия (далее – ГАРБ) хранится богатейший корпус документов по истории органов местного самоуправления бурят XIX – начала XX в. (11 фондов степных дум, 21 фонд инородных управ и 11 фондов родовых управлений, насчитывающих в общей сложности более 37 тыс. единиц хранения).

Необходимо отметить, что в дореволюционный период больше документов было опубликовано по истории бурят XVII в., где сам характер этих публикаций, подбор документов в них ограничивали исследователя кругом определенных вопросов и не давали возможности более или менее всесторонне изучить исторический процесс¹.

При Советской власти и до начала XXI в. в Бурятии было издано всего два сборника документов² и одна хрестоматия³ по дореволюционной истории бурят, в которые вошли более 200 документов за XVII в. – 1917 г. Несмотря на существование довольно обширной литературы по истории бурят, многие проблемы, в том числе история этнического управления, не получили надлежащего освещения, одной из причин чего, несомненно, являлось недо-

статочное изучение и публикация архивных источников. Следует подчеркнуть, что первый сборник был опубликован под редакцией руководителя Архивного управления Бурят-Монгольской АССР, выпускника Московского университета (1906) первого профессионального историка Сибири – В. П. Гирченко. Причем документы были им опубликованы еще до фондирования документов. Но именно В. П. Гирченко принадлежит заслуга создания уникальной коллекции документов, ставшей украшением Госархива Бурятии.

Таким образом, к 2000-м годам региональное источниковедение в Байкальской Сибири находилось в зачаточном состоянии, хотя логика развития исторической науки показывает, что именно разработка вопросов источниковедения является приоритетным направлением в исторических исследованиях по дореволюционному периоду.

На современном этапе принятие Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, регулирующего деятельность местного самоуправления, убедительно показало настоятельную потребность обращения к историческому опыту местного самоуправления.

В 2010 г. под редакцией автора вышли два первых сборника документов ГАРБ по истории Кударинской и Ольхонской степных дум, где архивисты впервые использовали методику сплошного полистного изучения всех дел фондов, раскрывающих деятельность степных дум⁴.

С 2012 г. начинается совместная планомерная и серьезная работа Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в лице автора статьи совместно с ГАРБ в лице директора Госархива

Б. Ц. Жалсановой над осуществлением долгосрочного проекта по выявлению и публикации документов фондов степных дум – органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Нами была разработана концепция проекта, которая получила название «М. М. Сперанский. Устав об управлении инородцев 1822 г.». Согласно концепции, перед исследователями была поставлена задача по изучению разных видов письменных источников и, прежде всего, нормативных правовых актов Российской империи, архивных документов, статистических материалов, бурятских летописей, памятников обычного права бурят; проработка правил публикации исторических источников, вспомогательных исторических дисциплин, особенно археографии, палеографии, ономастики, хронологии; изучение видов делопроизводственной документации органов местного самоуправления бурят; выявление интересных документов в ходе просмотра дел по описи, а также максимально возможного полистного просмотра дел⁵.

К настоящему времени подготовлены и изданы документы по истории Баргузинской⁶, Аларской⁷, Хоринской⁸, Агинской⁹ (в трех частях) степных дум. Завершается работа на фондом Балаганской степной думы. По просьбе администрации Аларского района Иркутской области было опубликовано 2-е значительно дополненное издание документов по истории Аларской степной думы¹⁰.

Публикация сборников документов по истории бурятских степных дум позволила содружеству ученых Бурятии и Иркутска подготовить две монографии, получившие положительный отзыв научной общественности¹¹.

Тем самым, совместная исследовательская работа Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН и ГАРБ позволила ввести в науч-

ный оборот около 6 тыс. документов из фондов шести бурятских степных дум, опубликовать почти 700 самых интересных документов, свидетельствующих об административной, хозяйственной, судебной и социальной политике бурятских степных дум – органов местного самоуправления в XIX – начале XX в. и сделать современное региональное источниковедение соответствующим современным потребностям общества.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

© Курас Л. В., 2023

¹ *Сборник документов по истории Бурятии / Сост. Г. Н. Румянцевым и С. Б. Окунь; [Предисл. Г. Н. Румянцева]. Улан-Удэ, 1960.*

² *Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX века. Вып. 1 / Под ред. и с примеч. В. П. Гирченко. Верхнеудинск, 1926; Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 / Сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. XVII век. Улан-Удэ, 1960.*

³ *Хрестоматия по истории Бурятии: Документы и материалы. С древнейших времен до 1917 г. / Сост. И. А. Асалханов, С. Г. Аюшиева, А. И. Беч, Н. В. Ким, П. Б. Коновалов, Г. Л. Санжиев, Г. М. Семина; отв. ред. Г. Л. Санжиев. Улан-Удэ, 1986.*

⁴ *История Кударинской степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903) / Авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова; науч. ред. Л. В. Курас. Улан-Удэ, 2010; История Ольхонской степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1824–1890) / Сост. Б. Ц. Жалсанова, О. И. Прокопьева, А. Т. Дадаева; науч. ред. Л. В. Курас. Улан-Удэ, 2010.*

⁵ *Жалсанова Б. Ц., Дамешек Л. М. Региональное источниковедение в современном сибиреведении (на материалах этнической истории бурят эпохи империи): к 70-*

летию профессора Л. В. Кураса // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 1(41). С. 65.

⁶ Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Баргузинской степной думы в документах Баргузинской степной думы (1824–1903) / Науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск, 2012.

⁷ Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Аларской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): Сборник документов, перечень документов / Авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск, 2015.

⁸ Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Хоринской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): Сборник документов, перечень документов / Авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск, 2016.

⁹ Базаров Б. В., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Агинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. I: Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской степной думы / Авт.-сост. Б. В. Базаров, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Н. Н. Крадин. Иркутск, 2017; Базаров Б. В., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. III: Ревизские сказки, посемейные списки агинских бурят Галзотского и Саганского родов Сборник документов, перечень документов / Авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск, 2018; Базаров Б. В., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Агинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. II: Делопроизводственные документы Агинской степной думы Сборник документов, перечень документов / Авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск, 2019.

¹⁰ Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Аларской Степной думы и Аларской инородной управы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1840–1907 гг.): [Сборник документов, перечень документов]. Изд. 2-е. доп. и испр. / Авторы-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск, 2022.

¹¹ Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск, 2013; Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX в.) / Науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск, 2020.

*Е. Н. Корчагина**

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЛУЖБЫ И СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЧИНОВ И ПОЖАРНЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Значительный рост Санкт-Петербурга в XVIII в. и большие пожары вызвали необходимость создания профессиональной пожарной охраны. Указом Александра I от 29 ноября 1802 г. повелевалось приступить к ее созданию по примеру существовавшей уже тогда при полиции ночной стражи. 24 июня 1803г. император Александр I подписал указ о создании профессиональной пожарной команды столицы при 11 полицейских частях из солдат внутренней стражи. Необходимые на ее содержание средства выделялись из городских доходов. 24 июня 1803 г. указом Александра I «О повинностях обывателей города Санкт-Петербурга» население столицы было освобождено от несения пожарной повинности: назначения ночных сторожей, содержание пожарных работников, освещение улиц. С этого периода содержание пожарных команд полностью брало на себя государство¹.

По штатам 1803 г. (года создания пожарной команды) жалование брандмайора составляло 450 руб. в год, жалование брандмейстеров – по 200 руб. в год, жалование рядовых пожарных, а их было по 48 человек в каждой части, всего 36 руб. в год. Но, надо учесть, что казна оплачивала и провиант, и обмундирование, и отопление, и

* *Корчагина Елена Николаевна* – референт отдела Департамента кадровой политики МЧС России (Москва).

освещение и прочие расходы.

Например, муки ржаной в месяц выдавалось на 3 руб. каждому пожарному служителю. Продуктовые, или так называемые «харчевые деньги» шли на артельный стол. Питались, что называется из одного котла (отделение I, параграф 2).

Кроме того, в 1803 г. каждому пожарному в год полагалось: 3 рубахи по 80 коп. каждая, одни порты за 40 коп., две пары чулок шерстяных и одна пара нитяных, две портянки, один галстук, две пары сапог коротких по 3 руб. за пару. Кроме того: на сюртук и шинель, камзол и полушубок, две пары панталон, шапку фуражную и картуз кожаный, рукавицы, ремень с пряжкой и многое другое полагалось еще около 12 руб. в год. На отопление квартир отпускались дрова по числу печей: полагая в год на голландскую – полено длиною 2 сажени, а на русскую – 4 сажени каждое полено диаметром 2,5 аршина. На освещение в зимнее время сальных свечей полагалось каждым 16 человек в сутки по две свечи. На исправление и содержание пожарным служителям для пожаров топоров, железных ведер полагалось по 15 копеек в год. Всего же обходилось содержание каждого человека с обмундированием, провиантом, отоплением, освещением и ремонтом в год – 100 руб. 40,5 копеек ассигнациями².

Когда через 35 лет появилось новое штатное расписание, оклад брандмайору там был 2000 руб. в год, брандмейстерам – 1000 руб., жалование рядовых без изменений – 36 руб. в год. Таким образом, в сравнении с чинами полиции, жалование высших чинов (брандмайора, брандмейстера) не очень отличалось и было достаточно высоким, служить было выгодно, а служители (рядовые пожарные) получали мало.

В 1866 г. для улучшения быта и поощрения нижних

чинов пожарной команды введены новые оклады жалования в зависимости от разряда: старшему разряду по 12 руб. в год, младшему – 10, 17 коп. в год.

Для упорядочения службы пожарных в 1818 г. было издано Практическое наставление брандмейстерам, где были изложены обязанности и права должностных лиц, виды взысканий, порядок выезда и возвращения с пожара, основные тактические приемы тушения пожаров, сроки носки имущества, финансирование и прочие немаловажные вопросы. Так, пункт 1 Наставления содержал вопросы про «Число людей, пожарной команды и окладное в год жалованье», п. 2 рассматривал «Содержание брандмейстерских помощников и пожарных служителей»³.

В 1832 г. был издан Пожарный устав⁴, в котором были обобщены все нормативно-правовые документы по вопросам пожарной безопасности России. Финансирование пожарных частей на местах финансировалось отныне в основном за счет городских бюджетов, а личный состав комплектовался из военного ведомства. В сельской местности тушение пожаров возлагалось на местных жителей во главе с сельским старшиной⁵.

С 1865 г. введены в действие новые правила о сроках и порядке службы в пожарных частях. Поступивших на службу до 1859 г. увольняли в запас после 15-летней действительной службы, а после 20-летнего нахождения в запасе они увольнялись окончательно. Поступившим после 1859 г. срок действительной службы был сокращен до 12 лет и срок пребывания в запасе – до 15 лет, при желании пожарного остаться на действительной службе по истечении установленного срока, годовое жалование увеличивалось на 50 %. Вдовам погибших пожарных назначались пенсии, в каждом случае по высочайшему повеле-

нию.

Комплектовались пожарные команды до 1873 г. солдатами нестроевой службы, а затем по вольному найму на договорных условиях. К концу XIX в. после многочисленных организационных перестроек сложилась типовая структура пожарной команды, состоявшей из отрядов водоснабжения, трубного, лестничного, топорного и охранительного; устанавливалась должностная и профессиональная специализация пожарных, в числе которых были топорники, факельщики, лазальщики. В крупных городах пожарная команда делилась на части, обслуживающие тот или иной район города. Отдельные части возглавлялись брандмейстерами, а вся пожарная охрана города – брандмайором.⁶

На протяжении длительного периода времени пожарные служители находились на казарменном положении. Поэтому в здании пожарных частей располагались помещения самого разного назначения: служебные – трубные, конюшня, каланча, телеграфная, цейхгауз, а также и бытового – квартиры брандмейстера и его помощника, казармы, кухня, кладовая⁷. Пожарные не только 25 лет служили, но и 25 лет жили при пожарных частях. Никаких квартир, никаких отдельных домов. «Казарма для семейных служителей представляет из себя комнату, разгороженную на несколько кают с переборками не до потолка, благодаря чему помещение пользуется полусветом окон»⁸. В казарме для холостых служителей никаких перегородок не предполагалось, каждый пожарный имел в своем распоряжении только кровать и небольшие шкафы для держания мелких вещей.

Рабочий день пожарного служителя продолжался 12–14 часов, выходных дней представлялось от одного до трех в месяц по усмотрению брандмейстера. Дежурили

пожарные бесшменно, не раздеваясь даже на ночь, лишь в 1886 г., пожарным служителям, находящимся в резерве, было разрешено в ночное время снимать сапоги. При этом рекомендовалось: «В виду того, что пожарные спят в сапогах, на каждой кровати должна находиться клеенка, которая подкладывается под обувь во избежание загрязнения постельных принадлежностей».

Пожарные носили форменное обмундирование, а для работы на пожарах предназначались рабочий кафтан и штаны, кожаный пояс и рукавицы. Пожарный, которому при работе грозит ежеминутная опасность, не может обойтись без пожарной каски. Медные каски начищали до блеска истолченным кирпичом или мелом.

Долгое время пожарные не имели надежных средств защиты от дыма. Чаще всего они шли в дым, зажав в зубах мокрую рукавицу или закрывая рот и нос мокрой тряпкой, что не спасало от отравления угарным газом. Позже стали применять вуали Винклера. Эту сетку смачивали в содовом растворе и закрывали ею лицо⁹.

8 июня 1895 г. утверждены образцы «нормальной» формы обмундирования и снаряжения для пожарных.

Таким образом, с изданием указа «О повинностях обывателей города Санкт-Петербурга» население столицы было освобождено от несения пожарной повинности: назначения ночных сторожей, содержание пожарных работников, освещение улиц. До этого вся ответственность была возложена на население.

В XIX в. создаются государственные профессиональные пожарные команды, их содержание полностью обеспечивает государство: жалование, продукты (ржаная мука), одежда, дрова (на отопление квартир отпускались), сальные свечи (на освещение в зимнее время).

В сравнении с чинами полиции, жалование пожар-

ных было не хуже. В середине XIX в. существовал разрыв между жалованием пожарных чинов и пожарных служителей.

Однако это жалование было соизмеримым и достойным. Тяжелые условия службы справедливо компенсировались возмещением получения пенсии и предоставлением жилья при выходе на пенсию.

На протяжении XIX в. происходит постепенное оформление комплекса социальных гарантий должностных чинов и пожарных служителей. Анализ нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что объем социальных гарантий чинов (брандмайора, брандмейстера) и пожарных служителей существенно отличался. Более защищенными были должностные чины.

© Корчагина Е. Н., 2023

¹ Об учреждении при Полиции особенной пожарной команды // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. Т. XXVII. № 20532.

² Смирнова А. А., Опарина Т. И. Нормативно-правовое регулирование деятельности первых пожарных команд в Российской империи // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013. № 1(18). С. 32–36.

³ *Практическое наставление брандмейстерам*. СПб., 1818.

⁴ *Пожарный устав Российской империи: Хрестоматия* / Под общ. ред. В. С. Артамонова. СПб., 2015.

⁵ Смирнова А. А. История создания Пожарного устава Российской империи // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 3. С. 71–80.

⁶ Смирнова А. А. К вопросу о правовом статусе полицейских и общественных пожарных команд в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // Государство и право. 2020. № 3. С. 176–185.

⁷ Прокофьева С. М., Смирнова А. А. Особенности правового положения пожарных команд в системе министерства внутренних дел Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 43–48.

⁸ *Практическое наставление брандмейстерам.* СПб., 1818.

⁹ *Клейгельс Н. В.* Инструкция С.-Петербургской пожарной команды. СПб., 1899.

Т. Ю. Шестова*

УСТАВЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О СОДЕРЖАНИИ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

В XIX в. произошел перелом в старых представлениях о психиатрических заболеваниях. Умалишенные стали называться душевнобольными, что предполагало возможность излечения или некой социализации. Это изменение видно и по правоприменительной практике, когда на эту социальную группу было направлено два Устава – Врачебный Устав и Устав об общественном призрении¹. Последний, в основном, и расписывал содержание душевнобольных, так как лечение практически не проводилось, и функция органов власти заключалась в изоляции пациентов с точки зрения безопасности.

Первоначальным документом стал Врачебный Устав 1857 г. После первого года он отдельно не издавался, будучи основой Уставов 1882 и 1905 г., куда были внесены правки в связи с развитием земской медицины в губерниях². Указы были изданы впоследствии Л. А. Кольчевым³. Устав об общественном призрении 1857 г. намного шире отражает проблемы содержания душевнобольных. Его статьи вошли в Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г.⁴

Устав зафиксировал разобщенность медицинского обслуживания в России. Заведование делами призрения в

* *Шестова Татьяна Юрьевна* – профессор кафедры теории и практики управления Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор исторических наук, доцент.

целом относилось к Министерству внутренних дел, в казачьих войсках – к Военному министерству, по отношению к самоедам, калмыкам и евреям – к Министерству Земледелия и Государственных имуществ. Приказ Общественного призрения возглавлялся губернатором и тремя заседателями, в иногородних западных губерниях присоединялся губернский предводитель дворянства. По вопросам, связанным с больницами, присутствовали инспектора Врачебных управ. Медицинские чиновники входили в приказ только по решению медицинских вопросов или по управлению больницами.

По Врачебному уставу освидетельствование безумных и сумасшедших производилось в губернском врачебном правлении в рамках судебной медицины. Врачебное правление Санкт-Петербургской губернии было связано со столицей именно процедурой медицинского освидетельствования душевнобольных, будучи совершенно изолированным по всем остальным вопросам. Врачебный устав не фиксировал помощи душевнобольным, кроме больницы в Забайкальском казачьем войске, Указывалось, что прием и выписка из больницы для умалишенных осуществляется по предварительному освидетельствованию в присутствии войскового хозяйственного правления через войскового врача, его помощника и врача, заведующего больницей⁵.

Устав о призрении определил источник оплаты за пациентов. Душевнобольные арестанты, находящиеся в больницах для освидетельствования, оплачивались больницам приказов через тюремное ведомство. Бесплатно находились в больницах преступники, совершившие убийство в невменяемом состоянии, но только после соответствующего решения суда. Душевнобольные военноморского ведомства могли лечиться в гражданских боль-

ницах, но сроком не более года. Плата за содержание с бедных не взималась, обеспеченные больные вносили плату, равную простому больничному содержанию. Определялись и средства для перевозки к местонахождению умалишенных, но только для военных чинов. «Относительно дома для умалишенных, приказ заботится, чтобы поступающие в оный несчастные были врачуемы с тщанием и содержимы с человеколюбием, всемерно наблюдая при том, чтобы они не могли вредить себе и другим»⁶.

Для размещения душевнобольных рекомендовалось иметь отдельное крепкое просторное строение, чтобы избежать побегов. С 1859 г. для удешевления содержания в стране перешли к созданию окружных больниц для нескольких смежных губерний за счет совокупных вложений приказов общественного призрения. С 1879 г. МВД позволило и земствам вносить средства в окружные дома для умалишенных⁷.

Для надзора за порядком рекомендовалось нанять добропорядочного и твердого надзирателя, желательно из отставных солдат. Две другие категории персонала представляли смотрители и обслуга. В помещениях, садах и местах для прогулок запрещалось ставить караулы. Умалишенных делили по степени заболевания и расселяли без возможности нанесения вреда себе и окружающим.

Также Устав о приказах общественного призрения констатировал положения особых лечебниц. Так, Варшавская лечебница для душевнобольных управлялась главным врачом, именуемым директором лечебницы. По методикам лечения был создан совет, состоящий из всех ординаторов лечебницы. Хозяйственная часть находилась в коллегиальном управлении директора, трех ординаторов, смотрителя и эконома.

Директор Варшавской лечебницы входил в состав

приказа, возглавляемый президентом Варшавы. Советы приказов общественного призрения, находящиеся в губернских городах, объединяли функции уездных и губернских обществ, исключая Варшаву. Лечебница для душевнобольных находилась под попечительством варшавского генерал-губернатора, а ее заведование в ведении варшавского городского совета общественного призрения. Для лечебницы приписывались особые правила содержания⁸. Городской совет выбирал специального попечителя для лечебницы умалишенных. Фактически ему отводилась роль наблюдателя, поскольку вмешиваться в дела хозяйства и лечения попечитель не мог. Зато он мог ставить соответствующие вопросы перед городским советом. Бедность больного, дающая право на бесплатное содержание, свидетельствовалась начальником уезда или президента в города, а в самой Варшаве – управлением обер-полицеймейстера. Помимо основного сбора в пользу лечебницы были дополнительные поступления за счет платы за больных, доходов от обработки принадлежащих больнице угодий, от продажи изделий рук душевнобольных и кружечный сбор.

Следующим специфическим управлением обладала больница для душевнобольных войска Донского в Новочеркасске. Число находящихся в нем не определялось, хотя следовала оговорка, что возможен прием на сверхштатные места и людей невоинского сословия в случае необходимости немедленной медицинской помощи. Тихие умалишенные располагались по несколько человек в комнате, буйные – по одиночке. Несколько раз Устав подчеркивал, чтобы в доступе не было никакого рода орудий. Спокойные больные могли свободно гулять во дворе, буйные только под присмотром. Вокруг лечебницы должна была быть высокая и крепкая ограда, во дворе никаких

камней или предметов, которые можно было бы использовать как оружие. Задачей перед директором лечебницы стояло возвращение больных к здравому рассудку⁹.

Таким образом, государство предусматривало содержание душевнобольных как своими силами, так и органами местного самоуправления. Уставы прописывали наиболее общие положения, рекомендуя создавать окружные психиатрические лечебницы при участии перекрестного финансирования. Наиболее подробно была изложена управленческая структура Варшавской психиатрической больницы.

© Шестова Т. Ю., 2023

¹ Врачебный устав // Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ). Т. VIII. М., 1857; Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебный // СЗРИ. Т. XIII. СПб., 1892; Врачебный устав // СЗРИ. Т. VIII. СПб., 1905.

² Пономарев А. В., Хлебодаров С. А. Правовая база деятельности земских учреждений в области медицины (1864–1914) // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3(13). С. 119.

³ Кольчев Л. А. Устав врачебный, изд. 1905 г. и по прод. 1912 и 1913 гг., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / Сост. пров. Л. А. Кольчев. Неофиц. изд. Пг., 1915.

⁴ Мыш М. И. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. Т. 1. Изд. 4-е, испр. и значительно доп. СПб., 1904.

⁵ Врачебный устав // СЗРИ. Т. XVIII. СПб, 1892. С. 117, 127, 150.

⁶ Устав об общественном призрении // СЗРИ. Т. XVIII. СПб, 1892. С. 44, 49–50, 64, 66, 70.

⁷ Фрейберг Н. Г. Врачебно-санитарное законодательство в России: Узаконения и распоряжения правительства по гражд. мед., сан. и фармацевт. частям, опубл. по 1 янв. 1913 г. 3-е

изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 770.

⁸ Устав об общественном призрении // СЗРИ. Т. XIII. СПб, 1892. С. С. 71, 73, 75, 77–78.

⁹ Там же. С. 112.

*Ю. Г. Серова**

**ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СПРАВОЧНЫХ
КОНТОР О КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ПЕРЕД
ЛИЦАМИ, О КОТОРЫХ ВЫДАВАЛАСЬ СПРАВКА:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ
НОРМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РОССИЙСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

В дореволюционном российском законодательстве нормы, посвящённые деятельности справочных бюро о кредитоспособности содержались в специальном законе¹, который появился в 1905 г. и определял порядок их открытия и деятельности. Взаимоотношения контор с физическими лицами данным нормативным актом не регулировались.

На практике справочные конторы о кредитоспособности взаимодействовали с частными лицами и такие отношения можно разделить на три основные группы: правоотношения с агентами – теми, кто выполнял поручения справочных контор; правоотношения с клиентами конторы – лицами, запрашивающими справку о кредитоспособности, и правоотношения с лицами, о кредитоспособности которых выдавалась справка, так называемые «потенциально кредитуемые».

С первыми двумя группами справочная контора о кредитоспособности состояла в договорных отношениях,

* *Серова Юлия Геннадьевна* – заместитель начальника Волго-Вятского главного управления Центрального банка Российской Федерации (Нижний Новгород), кандидат юридических наук.

правовой анализ регулирования и вопрос ответственности конторы перед данными субъектами не является предметом рассмотрения в рамках данной статьи.

Остановимся подробно на третьей группе – правовые взаимоотношения между справочными бюро о кредитоспособности и лицами, в отношении которых выдавалась справка о кредитоспособности. Данный вопрос представлял интерес и для российских цивилистов дореволюционного периода, имел и важное практическое значение.

Сама деятельность по выдаче справок о кредитоспособности, осуществляемая специальными субъектами – справочными контрами о кредитоспособности, созданными и действующими в соответствии с законодательством, – являлась легитимной. Данный подход подтверждался и судебной практикой: «убыток может быть причинен посредством действия лица, не имеющего законного права на совершение его»², а действия, совершаемые при наличии законного права, не создают ответственности за вред и убытки.

В каком же случае и при каких условиях могла возникнуть ответственность справочного бюро о кредитоспособности перед лицом, в отношении которого выдавалась справка о кредитоспособности?

При отсутствии специального правового регулирования, обратим внимание на общее законодательство дореволюционного периода. Так, в ст. 670 т. X ч. 1. установлена ответственность за нарушение кредита: «если вследствие личной обиды или оскорбления обиженный понес ущерб в кредите или в имуществе, то обидевший или оскорбивший его обязан вознаградить за сии потери и убытки»³. Это положение применимо и к случаям нарушения кредита, произошедшим от нанесенной личной обиды, при этом «обидой называется не всякое оскорбление

чести, а лишь непосредственно личное оскорбление»⁴. При этом справка о кредитоспособности выдавалась заявителю, при условии сохранения ее содержания в тайне. Справки о личности самого обратившегося, как правило, конторой о кредитоспособности не выдавались.

Рассмотрим еще один случай возможного нанесения оскорбления путем выдачи справки – это клевета. На основе анализа норм российского дореволюционного законодательства⁵, необходимым являлось знание лица, допустившего клевету о том, что распространяемые им факты не являются правдивыми. Также важно было, чтобы «клевета предполагала указание на какое-либо определенное преступное или безнравственное действие со стороны оклеветанного лица»⁶. Дореволюционное российское законодательство различало клевету, совершенную устно и клевету «в печатном или же иным образом, по распоряжению виновных или с их согласия, распространенном или получившем гласность сочинении или письме». В первом случае – несоответствующие действительности факты сообщаются хотя бы одному лицу⁷, в том числе, и когда такие сведения сообщаются конфиденциально⁸. Во втором случае необходимо было, чтобы ложные сведения получили широкое распространение. В данном случае при выдаче справки пострадавший должен был доказать, что справка о его кредитоспособности была выдана широкому кругу лиц.

Необходимым для рассмотрения вопроса об ответственности справочного бюро о кредитоспособности являлась причинно-следственная связь между ущербом, понесенным кредитуемым, и выданной справочным бюро кредитоспособности о нем справкой. «Эта связь должна быть непременно непосредственной»⁹.

Последствия для лица, которому было отказано в по-

лучении кредита, могли быть различными, от этого зависел и размер ущерба. Это мог быть «отказ в кредите со стороны одного лица, либо распространение содержания справки в торговом мире, что могло подорвать вообще кредит данного лица и тем самым повести к полному разорению».¹⁰

Нормами дореволюционного законодательства было закреплено, что «виновный в совершении какого-либо преступления или проступка, несмотря на то, что с предумышлением или без оного учинено им сие преступление, обязан вознаградить за все непосредственно причиненные сим деянием его вред и убытки»¹¹. При наличии в действиях лица умысла, виновный обязан был «вознаградить не только за убытки, посредственно произошедшие от сего деяния, но и за все те, хотя бы отдаленные, которые им действительно с сим намерением причинены»¹².

При рассмотрении вопроса об ответственности бюро о кредитоспособности более подробно остановимся на анализе норм Уголовного уложения 1903 г. Ответственность «за разглашение заведомо ложного обстоятельства, подрывающего доверие к промышленной или торговой деятельности» устанавливалась в ст. 540. В ст. 533 говорилось «об оскорблении в распространенных или публично выставленных произведениях печати, письме или изображении». Эта статья применялась к случаю многократной выдачи справки о кредитоспособности лица по запросам разных клиентов. В ст. 537 отражены были случаи, когда «опозорение» не являлось наказуемым в силу закона: «если обвиняемый докажет: 1. Что разглашенное обстоятельство истинно; 2. Что он имел достаточное основание считать разглашенное обстоятельство истинным и учинил такое разглашение ради государственной или общественной пользы». На основании вышеизложенного, за

выдачу справки о кредитоспособности, в случае претензий со стороны лица, о котором выдана справка, – освобождение от уголовной ответственности могло наступить только при наличии одновременно двух условий – это цель выдачи справки и существование оснований для признания действий по выдаче справки законными, например, в силу заключенного договора о выдаче справки.

© Серова Ю. Г., 2023

¹ Свод Законов Российской империи (далее – СЗ РИ). Т. XI. Ч. 2. Устав торговый. СПб., 1906. Ст. 46. Примечание 2.

² Решение гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1883. СПб., 1884. Решение № 78. С. 381.

³ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / Сост. И. М. Тютрюмов. Кн. 2. М., 2004. С. 424.

⁴ Решения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1871 год. Екатеринбург, 1910. Решение № 846. С. 764.

⁵ СЗ РИ. Т. XV. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1914. Ст. 136; Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. Ст. 1535.

⁶ Решение Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Екатеринбург, 1910. Решение № 1491. С. 1510.

⁷ Решения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1893 год. Екатеринбург, 1911. Решение № 17. С. 46.

⁸ Решения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1871 год. Екатеринбург, 1910. Решение № 846. С. 764.

⁹ *Дембург Г.* Пандекты. Т. III. Обязательственное право / Пер. под рук. и ред. П. Соколовского. 2-е изд. М., 1904. С. 148.

¹⁰ *Генкин Д. М.* Справки о торговой кредитоспособности (юридическое исследование). М., 1911. С. 88.

¹¹ СЗ РИ. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. СПб., 1914. Ст. 644.

¹² Там же. Ст. 645.

А. В. Дашин*

А. Н. Качур**

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕКИ ПО РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В целях предупреждения и пресечения чрезмерной роскоши и излишеств над имуществом расточителей учреждались опеки. Обязанность по выявлению лиц, склонных к безмерным тратам и тем самым способствующих своему полному разорению, возлагалась на органы полиции.

Опекуны, назначаемые на расточителями, при исполнении своих обязанностей должны были руководствоваться теми же правилами, что и для опекунов, назначаемых над малолетними¹. Вместе с тем, опекуны расточителей были вправе отвечать в суде за расточителей без их ведома². Более того, признание находящегося под опекой за расточительность для опекуна было не обязательным.

Наибольшую озабоченность у властей вызывало положение дворянства. Значительное количество дворян-

* *Дашин Алексей Викторович* – профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина (Краснодар), доктор юридических наук, кандидат исторических наук.

** *Качур Александр Николаевич* – доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Кубанского государственного университета в г. Новороссийске, кандидат юридических наук, доцент.

ских имений к 1870-м годам разорилось или было заложено за долги.

Установление опеки над имуществом дворян осуществлялось по решению губернаторов, причем вне зависимости от мнения дворянского общества. Первому департаменту Сената предписывалось в случае получения сведений об установлении опеки в одной губернии, распространить ее действие на имущество расточителя в других местностях, если таковое имелось. Особо отмечалось, что Сенат не вмешивается и не оспаривает решений губернских властей о наложении опеки иначе, как вследствие восстановления нарушенного права. Указывалось, что в случаях получения расточителем какого-либо имущества по наследству или иным образом, указанное имущество также поступает под опеку управления.

Не менее остро стояла проблема сохранения имущества иных слоев общества: купцов, мещан, почетных граждан.

Главным начальникам губернии или губернаторам вменялось в обязанность оперативно реагировать в случае получения достоверных сведений о расточительстве имущества указанной выше категории лиц. В этом случае законом предписывалось представить полученные сведения купеческому или мещанскому сообществу для принятия решения по установлению опеки на имущество расточителя. Решения о наложении опеки над имениями расточителей из числа почетных граждан и купцов приводились в исполнение по заключению общего присутствия губернаторского правления при участии прокурора окружного суда или одного из его заместителей. В случае несогласия с постановлением губернаторской власти допускалась апелляция в Правительствующий Сенат на общем основании.

В целях предотвращения продажи находящегося под опекой имущества расточителей, должностным лицам надлежало немедленно налагать на него арест. Любые операции с имуществом опекаемого производились исключительно опекунами. В их обязанности входило немедленное погашение бессрочных долгов.

Опекаемый совсем отстранялся от права на продажу или заклад своего имущества, а также от права заключения всякого рода обязательных актов. Вместе с тем, лицо, находящееся под опекой, было вправе составить завещание на случай своей смерти, но с согласия учрежденной над ним опеки.

Особый интерес представляет опека над имуществом безвестно отсутствующих. В случае, когда имелись веские основания считать лицо, к имуществу которого имелись законные притязания, безвестно отсутствующим, необходимо было уведомить окружной суд, в ведении которого имущество находилось, к принятию мер по сохранению имущества пропавшего. После изучения представленных доказательств, подтверждающих безвестное отсутствие лица, делалось соответствующее объявление и назначался опекун для охраны права и имущества пропавшего. Информацию надлежало размещать в губернских ведомостях и повторять каждые полгода. По истечении пятилетнего срока после первой публикации окружной суд по просьбе лица, возбудившего производство о признании безвестно отсутствующим или нашедшихся наследников, приступал к рассмотрению дела.

Окружной суд производил, прежде всего, расследование по делу на случай, если безвестно отсутствующий явится прежде истечения десятилетнего срока со дня объявления безвестно отсутствующим и сможет доказать, что имущество по наследству принадлежит ему. В этом случае

имение возвращалось со всеми доходами с момента назначения опеки, за исключением издержек на сохранение имущества, но не более 1 % от стоимости имущества.

В случае неявки наследников в полугодовой срок, имение поступало в опекуновское управление в целях сохранения имущества, хотя еще не являлось выморочным, но могло стать таковым, что не являлось препятствием для возвращения наследникам, если таковые объявятся до истечения установленного срока. Сведения обо всех имениях, поступающих в опекуновское управление, немедленно направлялись местным управлениям имуществ.

В некоторых случаях, а именно вследствие споров между наследниками о разделе, не урегулированных в течение двух лет, раздел имущества производился судебными органами. До завершения судебного раздела все спорное имущество передавалось в управление дворянской опеки или сиротского суда. Со всего имущества взималась плата 6 % в пользу местных благотворительных учреждений.

Таким образом, в Российской империи институт опеки действовал по сословному разделению, а опекуны выбирались на основании имеющегося завещания или по назначению специальных органов власти.

© Дашин А. В., Качур А. Н., 2023

¹ См.: *Нижник Н. С.* 1) Защита интересов несовершеннолетних в России. Челябинск, 2000; 2) Защита прав и законных интересов несовершеннолетних в контексте генезиса института // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 14 декабря 2001 г. / Под общ. ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб., , 2002. С. 270–273.

² *Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века.* М., 1988.

*В. П. Брендель**

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДЕТЕЙ В КРЕСТЬЯНСКОМ СОЦИУМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Без глубокого осмысления истории русского крестьянства, в частности изучения детства, его правовых аспектов, сложно понять жизнь страны в целом в определенный период и перспективе. Во второй половине XIX в. в России, несмотря на проведение судебной реформы, действовали официальное гражданское право и народное обычное право. Вопрос о правовом положении детей в крестьянском социуме крайне сложен и его весьма затруднительно свести к каким-либо определенным и точным положениям¹.

«Свод законов гражданских» – основополагающий законодательный акт Российской империи регулировал семейные отношения до начала XX в. Семья – составляющая система государства. Основой семьи является родительская власть. Глава II Свода законов Российской империи «О власти родительской» гласит, что «власть родительская простирается на детей обоего пола и всякого возраста»². Способом установления родительской власти, кроме законного рождения, могло быть признание за внебрачными детьми юридического статуса законных – узаконение.

Законы Российской империи закрепляли властные полномочия отца, а после его смерти или потери им прав

* *Брендель Виктория Петровна* – старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института имени А. А. Угарова (филиала) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС».

состояния – матери над детьми. Родительская власть не ограничивалась возрастом детей, прекращалась только со смертью родителей³. Согласно ст. 166 «Свода законов гражданских» суд рассматривал показания детей против родителей как непочтительное отношение⁴.

Содержание детей согласно ст. 172 Законов гражданских являлось общей обязанностью родителей⁵. Известный юрист И. М. Тютрюмов в своих комментариях этой статьи пишет, что «родители, будучи нравственно обязаны заботиться о своих детях, должны нести эту обязанность, не требуя от государства, чтобы оно приняло таковую на себя»⁶.

В крестьянской среде, как и в других российских условиях, кроме родных детей, были и незаконнорожденные (внебрачные) дети. На протяжении второй половины XIX в. такие дети «выпадали» из правового поля российского законодательства. Но в то же время, пишет С. В. Пахман, «всматриваясь в сведения, имеющиеся у нас относительно положения незаконнорожденных в крестьянском сословии, нельзя не прийти к заключению, что незаконнорожденные... пользуются несравненно лучшим положением, чем в быту других классов общества»⁷. Термин «внебрачные дети» был легализован только в 1902 г. в результате выхода соответствующего закона, закрепившего за матерью право представления интересов незаконнорожденных детей.

В Своде законов гражданских в третьем разделе определялся порядок опеки над детьми, оставшимися без родителей, а также инстанции, возглавляющие организацию опеки над сиротами и их имуществом. Для детей крестьян в селениях были приказные старосты. Четко определенных требований к личности опекунов не было,

на них возлагалась главным образом нравственная ответственность.

Важной составляющей в семейных отношениях являются наследственные права. Имущественные отношения в семье на протяжении истории регулировались государственным законодательством. По законодательству XIX в. наследниками «первой очереди» по закону признавались сыновья, после – внуки, правнуки. Если в семье не было сыновей, наследство переходило дочери, внучке, правнучке. Сестрам при живых братьях доставалась $\frac{1}{4}$ часть недвижимого имущества и $\frac{1}{8}$ часть движимого. Отменяется это правило 3 июня 1912 г., и закон делает равными права в наследовании имущества сыновей и дочерей.

В системе права Российской империи во второй половине XIX в. имело место обычное право, регулировавшее повседневную жизнь в крестьянской среде, что не было предусмотрено гражданским законом. Нормы обычного права не были едиными, они различались не только в волости, уезде, но и в каждой крестьянской общине. Нормы обычного права все члены крестьянского социума узнавали с самого детства на своем личном опыте, на примере собственной семьи.

Нормы обычного права в значительной степени определяли образ жизни крестьянского социума, установки и систему ценностей, на которые должен был ориентироваться каждый ее член. В первую очередь, нормы обычного права выражали отношения господства и подчинения, доминирования мужских членов сообщества, жесткого разделения половозрастных ролей. Различие половозрастных статусов получило яркое отражение в имущественном праве. В основе народных юридических обычаев лежало крестьянское мировоззрение.

Отметим, что крестьянская семья, помимо значения личного союза родственников, носила еще характер хозяйственной ассоциации, порожденной условиями земледельческого быта и основанной главным образом на началах общего совместного труда. При такой организации семьи все ее имущество составляло общее достояние, совершенно неизбежное при существовавшей практике хозяйствования, разделить имущество было бы невозможно без ущерба и даже расстройтва всего хозяйства. Однако такой подход к праву собственности шел вразрез с официальным гражданским правом России, это была особенность крестьянства, выделявшая его среди других классов⁸.

Каковы были наследственные права детей в крестьянском сообществе? По обычному праву основанием для наследования служило кровное родство, поэтому наследниками являлись дети. Сложность и неоднородность этого вопроса явились следствием не только многообразия локальных традиций, к этому еще примешивалось множество факторов, обусловленных особенностями конкретной крестьянской семьи. Давно было отмечено, что в наследственном праве явно проявлялись гендерные отношения. «Наследниками считаются как сыновья, так и дочери, – пишет Н. К. Бржеский, – но последние в меньшей степени против первых; впрочем, твердо сказать не могут, так как общество лучше знает, что кому следует»⁹.

Наследственные права дочерей различались при наследовании после отца и после матери. Рассмотрим сначала права наследования дочерей после отца. Существенное значение при этом имело, остались ли после смерти отца сыновья и дочери или же только дочери. Можно считать распространенным правилом, что при сыновьях дочери отстранялись от наследства¹⁰. «Сыновья

получают по смерти отца обыкновенно поровну; дочери же вовсе наследницами не считаются»¹¹. Распространенное правило отстранения дочерей от наследования при наличии сыновей находит объяснение в характере крестьянского хозяйства: дочь не наследует, так как она в семье была как бы чужая, всегда готовая при замужестве уйти в другую семью, так что выделение ей части имущества было бы потерей для остальных членов семьи. Вместо наследства дочь получала содержание от братьев, один из которых выступал для сестры в роли отца: кормил и одевал ее, а при выходе замуж обеспечивал приданым¹². Несмотря на свою распространенность, правило отстранения дочерей от наследства не являлось всеобщим и неукоснительным. Так, уже в 1870-е годы в некоторых местах «по смерти отца наследство делится поровну между сыновьями; всем дочерям вместе выделяют $\frac{1}{7}$ часть; прежде дочерям ничего не давали»¹³. Однако в основном сохранялось гендерное неравенство в наследовании: после смерти отца наследство делилось поровну между сыновьями, дочерям отводилась малая часть¹⁴.

Таким образом, при регулировании наследственных отношений и обеспечении правового статуса ребенка во второй половине XIX – начале XX в. в среде российского крестьянства, наряду с нормами российского законодательства, продолжали действовать нормы обычного права.

© Брендель В. П., 2023

¹ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 2. СПб., 1879. С. 250.

² Свод законов Российской империи. Издания 1857. Т. X: Законы гражданские. СПб., 1857. Ч. 1. Стб. 164. С. 33.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ <https://www.counselex.ru/> (дата обращения: 13.01.2023).

⁶ *Тютрюмов И. М.* Законы гражданские с разъяснение правительствующего Сената и комментариями русских юристов, извлеченными из научных и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 февраля 1915 г.). Т. 1. Петроград, 1915. С. 162.

⁷ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. С. 250.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ *Бржеский Н. К.* Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902. С. 70.

¹⁰ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. С. 228–229.

¹¹ Труды комиссии по преобразованию волостных судов: Словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения: волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий. Т. 1. СПб., 1873. С. 242.

¹² См.: *Нижник Н. С.* Рецензия на монографию: Мухина З. З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX - начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 736 с., ил. // Вестник антропологии. 2019. № 2 (46). С. 211–215; *Нижник Н. С.* Мухина З. З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 736 с.: ил. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1(94). С. 194–198.

¹³ Труды комиссии по преобразованию волостных судов: Словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения: волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий. Т. 1. СПб., 1873. С. 124, 142.

¹⁴ Там же. С. 160, 174, 175.

И. В. Синова*

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ДЛЯ ДЕТЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Создание благотворительных заведений и развитие системы благотворительности в Российской империи являлось не только уникальным явлением, но определялось государственными задачами, направленными на снижение социальной напряженности в обществе, которые включали социализацию детей, получение ими воспитания и образования, в том числе, если не в первую очередь, профессионального.

Общественное призрение создавалось «для детей из семей неимущих, сирот или брошенных родителями, которые давали им жилище, пищевое и вещевое довольствие, и заботились об их жизненных потребностях, то есть их насущных нуждах, телесных, нравственных и умственных»¹. Специализация заведений осуществлялась по гендерному, конфессиональному, профессиональному и другим признакам, в том числе это были приюты-корабли, ремесленные школы, земледельческие колонии для малолетних правонарушителей, дома милосердия и пр.

7 ноября 1838 г. Император Николай I подписал ре-

* *Синова Ирина Владимировна* – старший научный сотрудник научно-образовательного центра краеведческих исследований Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (Пушкин); профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор исторических наук, доцент.

скрипт, согласно которому учреждался особый Комитет в виде Попечительства детских приютов под покровительством Императрицы Александры Федоровны². Через год, в 27 декабря 1839 г., было принято Положение о Комитете Главного Попечительства для учреждения и управления детских приютов. В столице эту роль выполнял Санкт-Петербургский Совет детских приютов. Положение регулировало в правовом поле все вопросы, связанные как с призреваемыми, принципами и системой их образования, воспитания, в том числе религиозного, охраны здоровья, так и со служащими приютов, финансированием и материальным снабжением учреждений, обеспечением санитарно-гигиенических норм.

Каждый приют имел Устав, утвержденный Министерством внутренних дел, который являлся правовым основанием его функционирования и определял цели и задачи в соответствии с категорией призреваемых, для которых он создавался. В Уставах закреплялись также права и обязанности членов Правления приютов, которые действовали на общественных началах и для Императорской России их можно рассматривать как элемент формирующегося гражданского общества и процесс развития принципов коллегиального принятия решений и руководства.

Но наряду с общими положениями Уставы содержали и статьи, связанные с особенностями контингента призреваемых, состава попечителей, целей и форм деятельности благотворительных заведений. Устав Еврейского Сиротского дома гласил, что он «имеет целию воспитание бедных сирот евреев обоего пола для приготовления из них лиц, способных к ремесленному и частному домашнему служебному труду»³. Именно создание условий для получения профессиональных знаний и навыков, которые

позволили бы впоследствии зарабатывать воспитанникам на жизнь, подготовка к самостоятельному принятию решений и формирование полноценных членов социума являлись первостепенными в деятельности всех без исключения благотворительных заведений. Это было государственной задачей, решение которой способствовало стабильности общественного развития и превентивным действиям по предотвращению правонарушений и различных проявлений девиантного поведения.

Общей во всех приютах, вне зависимости от их профиля, в соответствии с Уставом была должность надзирательницы, для непосредственного заведывания учреждением, в обязанности которой входил «постоянный бдительный надзор за поведением и нравственностью девочек и малолетнего (до 8 лет) отделения мальчиков, а также наблюдения за их занятиями и успехами, за экономией, чистотою и порядком в заведении»⁴. Несмотря на то, что в Уставе не оговаривался пол надзирательницы, но судя по формулировкам, используемым в женском роде, априори предполагалось, что это должна быть женщина. В Уставе также закреплялось наличие в каждом заведении врача для лечения призреваемых.

Согласно Уставу, все благотворительные заведения ежегодно представляли отчет в Правление, Петербургскому градоначальнику и в Министерство внутренних дел обо всех формах деятельности, в том числе финансовой, а также составляли и утверждали бюджет на следующий год. В письме из Дамского Комитета заведующего Еврейским Сиротским Домом Санкт-Петербургскому градоначальнику говорится: «Препровождая при сем два экземпляра отчета Санкт-Петербургского Еврейского Сиротского Дома за 1912 год Дамский Комитет почтительнейше просит один из этих экземпляров препроводить в Хозяй-

ственный Департамент Министерства Внутренних Дел»⁵.

Любые пожертвования в пользу благотворительных заведений документально фиксировались, при этом обязательно указывалось, кто, что и в каком количестве передал приюту. Это могли быть как деньги, так и материальные предметы, лекарства, а также определенные услуги. В частности, в Санкт-Петербургском Еврейском Сиротском Доме среди пожертвований за 1911 г. были игрушки, инструменты для ручного труда, уроки гимнастики, гуси, телятина, угощения, гимнастический прибор, книги, кровати, простыни, клеенка для столовой, салфетки, одежда⁶.

Устав Санкт-Петербургского Эстонского благотворительного общества, утвержденный в 1880 г. разрешал для членов Попечительского Совета замену денежных пожертвований на личный труд. Так, например, «звание действительного члена представляется медикам, принявшим на себя бесплатное пользование, аптекарям обязавшимся снабжать покровительствуемых Обществом бедных лекарствами по возможно пониженной цене, учителям, взявшимся безвозмездно обучать детей неимущих, находящихся на попечении общества»⁷.

Согласно Уставу, утвержденному в 1899 г., приютов для детей обоего пола при финской евангелическо-лютеранской церкви Св. Марии в Санкт-Петербурге состоявшего в ведении Министерства внутренних дел, их целью было призрение «истинно бедных, сирот и полусирот лютеранского вероисповедания оставшихся от родителей, принадлежавших приходу Св. Марии не менее трех лет»⁸. Кроме этого оговаривалось, что они должны быть «родившиеся в законном браке»⁹.

Локальные нормативные акты, связанные с деятельностью благотворительных заведений, определяли обязан-

ности служащих и членов совета, избранных для выполнения определенных поручений. В частности, Сенатор Князь Н. Д. Голицын, член Совета Императорского Человеколюбивого общества утвердил 23 марта 1910 г. Инструкцию заведующего хозяйственной частью Комитета Мариинско-Сергиевского приюта и Надеждинского убежища¹⁰. Это была выборная должность, на которую избирали одного из членов Убежища сроком на 3 года.

Согласно Инструкции на заведующего хозяйственной частью возлагался широкий круг разнообразных вопросов, прежде всего «распоряжение по правильному расходованию отпускаемых на содержание заведений сумм; внесение на обсуждение Комитета, со своим заключением вопросов: о своевременной заготовке одежды, обуви и белья с торгов или хозяйственным способом, о заключении контрактов и условий с поставщиками и подрядчиками на годовые поставки; наблюдение за правильным расходованием припасов и за доброкачественностью их при поставках и покупках» и др.¹¹

Заведующий хозяйственной частью был обязан посещать заведения не менее двух раз в неделю, при этом один раз в месяц в определенные дни и часы, чтобы все имеющие вопросы могли с ним встретиться. Он должен был лично удостоверяться в доброкачественности поставляемых в заведения продуктов и материалов, а также приготовленной пищи, наблюдать за правильным расходованием припасов и денежных средств, изыскивая способы к удешевлению приобретаемых продуктов и материалов. Данная должность, являясь выборной была не только почетной, но и ответственной, требовавшей значительных усилий и знаний по ее выполнению.

Благотворительные заведения, несмотря на то, что они были государственными, общественными или част-

ными и осуществляли разнонаправленный спектр деятельности, имели четкое правовое регулирование как на уровне органов управления и контроля – Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Министерства просвещения, Четвертого отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Совета детских приютов, Санитарной комиссии¹², так и на основе локальных актов, которые конкретизировали и регламентировали вопросы, связанные с хозяйственно-бытовыми вопросами, гигиеной, питанием, досугом.

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>.

© Синова И. В., 2023

¹ *Ведомство учреждений императрицы Марии. 1797–1897.* СПб., 1897. С. 146.

² *Комитет главного попечительства детских приютов. Положение о детских приютах.* СПб., 1840. С. 10.

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 13. Д. 825. Л. 3.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 825. Л. 3 об.

⁵ Там же. Л. 24.

⁶ Там же. Л. 11 об. – 12.

⁷ Там же. Д. 29. Л. 7 б.

⁸ Там же. Д. 56. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Там же. Д. 1188. Л. 1.

¹¹ Там же.

¹² *Семёнова О. А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. № 4(12). С. 77.*

ИДЕЯ МИЛОСТИ / МИЛОСЕРДИЯ В СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ АЛЕКСАНДРА II

Идея милости является важной системной идеей отечественной ментальности и правового сознания. Ее истоки восходят к религиозным традициям отечественной культуры и в целом к религиозности русского человека, правовые основы жизни которого питались мечтой о справедливости, понимаемой как воплощение правды, совести и моральности. Отечественная правовая традиция отражает эту идею, несмотря на угнетенное положение россиян и отсутствие правосубъектности. Милость означает не только униженность индивида, но его глубокую смиренность, умение прощать и открытость покаянию. Вместе с тем нельзя не увидеть в отечественной истории ростки милосердного понимания человека, которое нашло отражение в государственной правовой политике второй половины XIX в.

Это время стало для России периодом проведения крупных реформ. Так, в 1864 г. Александром II была реформирована система судоустройства и судопроизводства. Благодаря данной реформе судебная система была полностью изменена: появился суд «скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных», сформировались такие институты, как адвокатура, нотариат и суд присяжных.

До середины XIX в. судебная система базировалась на

* Ломовская Алина Вячеславовна – адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

принятом в 1775 г. «Учреждении о губерниях» и включала следующие уровни: уездный, губернский и общегосударственный. Согласно этому нормативному правовому акту, суды каждого уровня напрямую зависели от административных учреждений, а из-за отсутствия в нем сроков рассмотрения дел данный процесс затягивался на многие годы. Судебный процесс усложняло также наличие большого количества правил и исключений из них. При расследовании дел подозреваемые подвергались устрашению и истязаниям с целью получения признания вины, а само судебное разбирательство проходило без их присутствия, оно основывалось на предоставленных документах по делу. Институт защиты отсутствовал, а подсудимые лишались права на обжалование приговора.

Впервые о судебной реформе заговорил государственный секретарь Российской империи М. М. Сперанский, но ему удалось провести лишь министерскую реформу и преобразовать коллегии в восемь министерств. Так, 25 июля 1810 г. был издан Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с обозначением предметов, каждому управлению принадлежащих», согласно которому министерствами управлял министр, подотчетный Сенату, а устройство судов было поручено Министерству юстиции.

Следующим шагом на пути к глобальной реформе явилось создание председателем департамента законов Государственного совета графом Д. Н. Блудовым в 1842 г. Свода законов, а в 1845 г. – Уложения о наказаниях. Кроме того, граф направил Николаю I записку, в которой отразил собственное видение реформ. Император согласился с ее содержанием, но ни одна из идей не была воплощена в действительность¹.

Следующие изменения в Российской Империи про-

изошли в 1855 г., когда на престол взошел Александр II. После окончания Крымской войны в 1857 г. Александр II объявил: «Да правда и милость царствуют в судах». Для реализации данных принципов судопроизводства в 1861 г. были созданы такие подразделения, как: специальный Совет, который разрабатывал тексты законопроектов, и Государственная канцелярия, призванная редактировать данные законопроекты и в последующем утверждать их. В 1862 г. был разработан первый проект судебной реформы, а в 1864 г. представлены Судебные уставы, которые и были приняты.

Александр II подписал Указ Правительствующему сенату 20 ноября 1864 г. Данный документ закреплял идею создания самостоятельного суда «скорого, правого, милостивого и равного для всех подданных». В связи с этим были приняты следующие документы: Устав уголовного судопроизводства; Устав гражданского судопроизводства; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; Учреждение судебных установлений; Изменение судопроизводства в старых судебных местах.

Благодаря проведенной реформе суды стали независимы, а судебный процесс основывался на таких принципах, как: гласность, открытость и состязательность. Немаловажную роль при создании новой судебной системы играет принцип милосердия. Данная основополагающая идея означает необходимость учета смягчающих обстоятельств, а также милосердного отношения к подсудимому. Указанные обстоятельства в обязательном порядке должны были быть учтены при реализации этой идеи, что соответствует правовым традициям и аксиологическим установкам российского общества. Следование этому принципу привело и к отмене некоторых видов телесных наказаний, например, розги, плети, клейма для мужчин и

все виды для женщин.

Согласно реформе, судебный процесс должен был завершаться в установленный нормативными правовыми актами срок. Немаловажную роль в реализации судебной реформы играло создание института адвокатуры. К адвокатам предъявлялись следующие требования: наличие профильного высшего образования и стаж работы не менее пяти лет. Кандидатов утверждал выборный Совет присяжных поверенных. Работа адвокатов оплачивалась либо по соглашению сторон или официальной таксе, либо из фонда, в который поступал определенный процент от гонораров всех поверенных округа, в случае отсутствия у подсудимого возможности внести деньги.

Основываясь на принципе милосердия, для рассмотрения особо тяжких уголовных дел, был создан институт присяжных заседателей. Коллегия присяжных заседателей утверждалась губернатором, основываясь на принципах оседлости, возраста и благосостояния. Присяжные заседатели выносили вердикт путем проведения тайного голосования.

Благодаря реформе суды стали общими для всех сословий, а стороны по делу получили одинаковые права и процессуальную независимость на предоставление и опровержение доказательств.

Первый суд был открыт в 1866 г. в Санкт-Петербурге. Тогда же были открыты суды в Новгородской, Псковской, Московской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской и Ярославской губерниях. А в 1868 г. новая судебная система была распространена и на Харьковскую, Курскую, Орловскую, Воронежскую губернии, на Закавказский край². Реформа должна была быть реализована в течение четырех лет, но данный процесс затянулся практически на четверть века.

При правлении Александра III реализация новой судебной системы продолжилась, но к концу XIX в. произошел незначительный возврат к прежнему режиму.

Таким образом, судебная реформа Александра II явилась одним из лучших демократических преобразований в Российской империи. Благодаря реформе, судебный процесс стал четко регламентироваться. Ученые-историки отмечают, что новые суды отличались компетентностью, честностью, милосердием и преданностью делу. В. Д. Зорькин писал: «Нельзя не признать, что мы, сегодняшние, до сих пор в существенной мере пользуемся плодами этих реформ во всех сферах нашей жизни. В том числе в сфере правовой и судебной системы»³.

© Ломовская А. В., 2023

¹ Диковская Л. И. Судебная реформа Александра второго // Эволюция российского права: Материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 28–29 апреля 2022 года. Екатеринбург, 2022. С. 135.

² Мотин С. В. И. С. Аксаков об использовании экспериментального метода в ходе внедрения судебной реформы 1864 года // Наследие семьи Аксаковых в русской культуре, отечественной истории и общественной жизни: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 9 сентября 2022 года. Самара, 2022. С. 328.

³ Зорькин В. Д. Выступление председателя Конституционного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2014 года. – <https://clck.ru/33VVQd> (дата обращения: 27.01.2023).

С. В. Куликов*

**БЫЛО ЛИ ПОЛОЖЕНИЕ 14 АВГУСТА 1881 ГОДА
«НАСТОЯЩЕЙ КОНСТИТУЦИЕЙ»
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ?**

К числу актов, оказавших заметное влияние на историю России в царствования Александра III и Николая II, относится Положение Комитета министров, утвержденное Александром III 14 августа 1881 г., «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Данный акт предусматривал два вида исключительного положения – усиленной и чрезвычайной охраны, вводимые временно, на три года¹. Впоследствии его действие продлевалось по ходатайствам министров внутренних дел высочайше утвержденными положениями Комитета министров в 1884, 1887, 1890, 1893, 1896, 1899 и 1902 гг.²

В 1974 г. Р. Пайпс характеризовал Положение 14 августа 1881 г. как «наиболее важный законодательный акт в истории Императорской России между отменой крепостного права в 1861 г. и Октябрьским Манифестом 1905 г.» и как «документ, оказавшийся более долговечным, чем оба вышеупомянутых акта», и полагал, что он «сделался настоящей конституцией, по которой по сей день управляется Россия»³. «Данный акт, – отмечал А. Н. Медушевский, – по существу вводил систему чрезвычайного положения, легализируя широкомасштабное применение насилия к политическим оппонентам режима

* *Куликов Сергей Викторович* – старший научный сотрудник отдела Новой истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, кандидат исторических наук.

(объявление чрезвычайного положения в любой местности, возможность ареста, ссылки и предания военному суду любого гражданина)»⁴. Насколько адекватны подобного рода мнения?

Прежде всего, представляется несостоятельным утверждение о некой уникальности Положения 14 августа 1881 г. для законодательства Российской империи. «Вопреки установившимся взглядам, – указывал В. М. Гессен, – Положение 14 августа 1881 г. о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия в историю русского законодательства по вопросу о так называемой борьбе с крамолой ничего существенно нового не вносит. По своему содержанию Положение это является ничем иным, как кодификацией законодательных мероприятий, разновременных изданных...»⁵. Положение 14 августа 1881 г. не было чем-то уникальным и в контексте европейской истории конца XIX столетия. В 1894 г. Р. О. Бесторн, сравнивая Россию с государствами Западной Европы, писал: «То, что сделала Россия в 1881 г., то совершается теперь в названных европейских государствах. Германия ведет в настоящее время ожесточенную борьбу против революционных партий, и германское правительство готово прибегнуть к еще более репрессивным мерам, сравнительно с теми, какие изложены были в высочайшем Указе императора Александра III»⁶.

В 1881 г., при издании Положения 14 августа 1881 г., состояние усиленной охраны царское правительство ввело в Петербургской, Московской, Бессарабской, Волынской, Киевской, Подольской, Полтавской, Харьковской, Херсонской и Черниговской губерниях, а также в Евпаторийском, Перекопском, Симферопольском, Феодосийском и Ялтинском уездах и городе Бердянске Таврической губернии, Воронеже и его уезде, Мариуполе и Ростове-на-Дону

Екатеринославской губернии и в Керчи, Одессе и Таганроге. Следовательно, усиленная охрана была введена из 101 губернии и области Российской империи только в десяти губерниях, шести уездах и семи городах. В это время район действия Положения 14 августа 1881 г. не превышал 500 тыс. квадратных верст, с населением более 27 млн человек⁷, составляя 2,6 % площади и (на 1897 г.) 21 % населения Российской империи⁸.

В 1882 г. усиленную охрану ввели в Николаеве, с 1883 г. ежегодно на положении усиленной охраны объявлялся Нижний Новгород с прилегающими уездами при проведении Нижегородской ярмарки, к 1889 г. усиленная охрана была введена еще и в Кронштадте, Саратове и Севастополе и нескольких станицах Области Войска Донского. В 1889 г. усиленную охрану сняли в Полтавской и Черниговской губерниях, в пяти уездах Таврической губернии, в Керчи, Саратове и Севастополе, в 1890 г. – в Бессарабской и Херсонской губерниях. В 1894 г. на положении усиленной охраны были объявлены Сырдарьинская область и три уезда Ферганской области (Аулиэтский, Ташкентский и Чимкентский) Туркестанского генерал-губернаторства. К 1895 г., не считая последнего случая, усиленная охрана распространялась лишь на шесть губерний, города Кронштадт, Нахичевань, Николаев, Одессу, Ростов-на-Дону и Таганрог и несколько станиц Области Войска Донского⁹.

В 1881–1905 гг. в состоянии усиленной охраны оставались непрерывно в течение 24 лет только шесть губерний (Петербургская, Московская, Волынская, Киевская, Подольская и Харьковская) и три города (Одесса, Таганрог и Ростов-на-Дону). В 1901 г., с развитием революционного движения, усиленная охрана вводится еще в 17 губерниях – Бакинской, Бессарабской, Виленской, Витеб-

ской, Владимирской, Гродненской, Казанской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Тифлисской, Томской и Ярославской¹⁰. К концу 1903 г. действие Положения 14 августа 1881 г. распространялось на местности общей площадью до 850 тыс. квадратных верст, с населением свыше 30 млн человек¹¹ или 4,5 % всей площади и 23 % всего населения Российской империи. Очевидно, что в 1881–1903 гг. ареал усиленной охраны был таков, что не позволяет утверждать, будто Положение 14 августа 1881 г. в указанный период получило широкое распространение как в территориальном, так и в демографическом смысле.

Как же обстояло дело с распространением обычного, не чрезвычайного порядка управления в колониальных империях Западной Европы? В порядке убывания к 1914 г.¹²: в Британской империи обычный порядок управления распространялся на $1/100$ территории империи, в Бельгийской империи – на $1/77$, в Датской империи – на $1/50$, в Нидерландской империи – на $1/50$, в Португальской империи – на $1/25$, во Французской империи – на $1/22$, в Итальянской империи – на $1/8$, в Германской империи – на $1/7$, в Испанской империи – на $1/7$.

По мнению Дж. Гобсона, «новый империализм увеличил площадь британского деспотизма и далеко не достиг такого же успеха в деле культурного развития народов и практического осуществления истинной демократической свободы, которой пользуются лишь немногие колонии. Он ничего не сделал для насаждения британской свободы и для пропаганды наших принципов управления. Те страны и народы, которые мы аннексировали, управляются нами, поскольку они вообще управляются, явно автократическими методами, диктуемыми, главным образом, из Дау-

нинг-Стрит, а частью из центров нашего колониального управления в тех случаях, когда нам удалось аннексировать независимые колонии»¹³. Неудивительно, что в конце XIX – начале XX в. самая большая жемчужина в короне Британской империи – Индия представляла собой «военную деспотию, в которой голос народа, хотя и не заглушаемый правителями, едва ли является конституционной силой»¹⁴. Следовательно, в данном случае Российская империя не догоняла, а перегоняла европейских государства, поскольку в ней в 1881–1917 гг., то есть за все время действия исключительных законов, их применение никогда и нигде не достигало тех масштабов, которые были характерны для колониальных империй Западной Европы.

Рассматривая Положение 14 августа 1881 г., надо принимать во внимание не только содержащиеся в нем формальные юридические нормы, но и то, как они реально применялись на практике. В исторической реальности никогда и нигде в Российской империи Положение не действовало в полном объеме, а его статьи – не получали максимальной реализации. Внешне Положение создавало эффект морального устрашения, который был необходим в условиях государства, страдавшего от недоуправляемости. По наблюдениям В. И. Гурко, «порядок во многих местностях России, на ее громадных пространствах с населением тем более редким, чем местности эти восточнее, держался исключительно на обаянии власти, лишенной, в сущности, материальных средств остановить не только какое-нибудь народное движение, но даже обеспечить в ней жизнь и имущество обывателей от разбойных нападений»¹⁵.

Можно только согласиться с выводом Д. У. Дэйли о том, что Положение 14 августа 1881 г. было «не поворотным пунктом на пути к современному "полицейскому гос-

ударству", а знаком непростого перехода страны от абсолютистского порядка к конституционному»¹⁶. Мнение же Р. Пайпса о том, что Положение 14 августа 1881 г. было «настоящей конституцией» Российской империи, нельзя не признать историографическим анахронизмом.

© Куликов С. В., 2023

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. I. № 350.

² Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 174.

³ Пайпс Р. Россия при старом режиме: В 2 ч. Ч. 1. М., 1993. С. 398.

⁴ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 348–349.

⁵ Гессен В. М. Исключительное положение. С. 160–161.

⁶ Бесторн Р. О. Самодержец // Император Александр III. СПб., 1894. С. 488, 489.

⁷ Высочайше утвержденный 10 февраля 1905 г. Особый журнал Комитета министров 11 января 1905 г. о порядке выполнения пункта пятого именного высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. // Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. СПб., 1905. С. 98–99.

⁸ От 19 056 411,4 квадратных верст и 128 924 289 человек. – См.: Анучин Д. Н. Население // Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 76.

⁹ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.). М., 1970. С. 156.

¹⁰ Гессен В. М. Исключительное положение. С. 172.

¹¹ Высочайше утвержденный 10 февраля 1905 г. Особый журнал Комитета министров 11 января 1905 г. // Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. СПб., 1905. С. 98.

¹² Пропорции между площадями метрополий и колоний подсчитаны по: Александров Б. А. Колониальные владения империалистических государств. М., 1937. С. 9, 11.

¹³ Гобсон Дж. Империализм. М., 2010. С. 109–110.

¹⁴ Ольстон Л. Очерк современных конституций. Введение к изучению политической науки. СПб., 1905. С. 90.

¹⁵ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 155.

¹⁶ *Daly J. W.* Emergency Legislation in Late Imperial Russia // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 3. P. 602.

В. М. Деревскова*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПОЛИЦИЕЙ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Судебной реформой 1864 г. в целом и Уставом уголовного судопроизводства (далее – УУС) в частности предусматривалось взаимодействие полиции и прокуратуры на досудебной стадии уголовного процесса. Участие полиции в производстве предварительного расследования осуществлялось в следующих формах:

- дознание;
- совершение отдельных следственных действий в порядке ст. 258 УУС;
- выполнение отдельных поручений следователя, в том числе и розыск.

Первая и наиболее распространенная форма участия органов дознания в производстве предварительного следствия заключалась в первоначальном исследовании деяния. В соответствии со ст. 250 УУС полиция немедленно после получения сведений о происшествии, содержащем признаки преступления или проступка, должна была сообщить судебному следователю и прокурору. Если сведения о происшествии, заключающее в себе признаки преступления или проступка, относились к ведению мировых судей, то полиция передавала в суд (ст. 251 УУС), поскольку по делам, не связанным с лишением или ограни-

* *Деревскова Валентина Михайловна* – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

чением прав обвиняемого, уголовное преследование возбуждалось перед мировыми судьями без предварительного расследования. Дознание определялось как действие полиции по становлению факта преступления (ст. 253 УУС) посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения, при этом, не должны были производиться обыски и выемки (ст. 254 УУС). До прибытия судебного следователя, полиция должна была принять меры к сохранению следов преступления и к предотвращению возможности для подозреваемого скрыться с места преступления (ст. 256 УУС). Самостоятельного предварительного расследования полиция не проводила и по прибытии на место преступления судебных следователей передавала ему все собранные материалы и сообщала об этом прокурору (ст. 255 УУС).

Другая форма участия полиции заключалась в исполнении функций судебного следователя в случаях, определенных законом (когда судебный следователь отсутствовал на месте преступления, а полицией было застигнуто совершающееся или только, что совершившееся преступление; до прибытия судебного следователя на место происшествия следы преступления могли быть утрачены и полиция выполняла следственные действия, не терпящие отлагательств (ст. 252, 258 УУС). При этом в законе подчеркивалось, что, совершая эти действия, полиция должна соблюдать правила, установленные для производства предварительного следствия, и по прибытии следователя, должна передать ему все производство (ст. 259–260 УУС). В этом случае акты дознания имели доказательственное значение.

Третья форма участия полиции в предварительном следствии заключалась в том, что полиция исполняла отдельные поручения следователя по производству дознания

и собиранию справок (ст. 271 УУС). Производство всех дознаний происходило под руководством прокуроров, а не полицейского начальства (ст. 279 УУС). Все действия полиции, производящей дознание, обжаловались прокурору (ст. 493 УУС).

Полиция уведомляла прокуроров о начатом уголовном расследовании и обязана была сообщать обо всех дознаниях, переданных судебным следователям. В случаях, когда в сообщениях полиции следователь не находил достаточных оснований для производства следствия, то сообщал об этом прокурору для решения вопроса (ст. 309 УУС), поскольку прекратить дознание могла только прокуратура. Все полицейские чины, за ненадлежащее исполнения обязанностей по следственной части, привлекались к ответственности прокурором, который мог либо вынести предостережение, либо передать решение вопроса на рассмотрение суда (ст. 485 УУС).

Полномочия прокурора при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью полиции уточнялись в других принятых актах, в частности в решениях Правительствующего Сената. К числу таковых можно отнести:

– право прокурора, а не полицейского начальства устанавливать для чинов полиции порядок производства дознаний по отдельным уголовным делам, право давать общие и циркулярные разъяснения по данному предмету прокурору судебных палат (решение Общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената № 143 1871 г.);

– право прокурора объявлять полицейским чинам выговор не только за упущения и беспорядок в проведении дознания, но и за все неправильные действия вне зависимости от того, совершены ли они до или после передачи дела судебному следователю (решение Общего собрания

кассационных департаментов Правительствующего Сената 1882 г. № 50)¹;

– право прокурора привлекать к ответственности чинов полиции за неисполнение обязанностей по производству дел у мировых судей (Указ Правительствующего Сената от 8 января 1880 г. № 839)²;

– право прокурора давать чинам полиции общие и циркулярные разъяснения о порядке производства дознаний и следственных действий (определение Правительствующего Сената от 25 мая 1871 г., Циркуляр Министра юстиции № 2735 от 31 января 1881 г.)³.

Законом «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г.⁴ предусматривалось создание в губернских и областных центрах, крупных промышленных и транспортных центрах сыскных отделений. В статье 4 Закона сыскные отделения как структурные подразделения общей полиции должны были производить дознание и на них возлагались все права и обязанности, предусмотренные УУС, а с другой стороны, в ст. 1 этого же закона подчеркивалось, что основной задачей сыскных отделений было производство розыска по общеуголовным делам. Следственные действия на месте обнаружения преступления чины сыскных отделений могли производить только в особых случаях, которые предусматривались УУС при производстве следственных действий чинами полиции (Инструкция по чинам полиции сыскных отделений от 9 августа 1910 г.).

Закон восполнил пробел, который существовал в части определения розыска как деятельности, направленной на раскрытия преступления посредством собирания, фиксации и сохранения информации о преступлении, обнаружения и поимку преступника. Тем самым намечалась тенденция превращения сыскных отделений в оператив-

но-розыскные органы общей полиции и, как следствие размежевание дознания и розыска⁵. Чины прокурорского надзора были правомочны давать непосредственные поручения чинам сыскных отделений в отношении производства розыскных действий (ст. 6 Закона 1908 г.). Начальники сыскных отделений и их помощники назначались и увольнялись от службы по предварительному согласованию с губернатором и прокурором окружного суда (ст. 5 Закона 1908 г.).

Как отмечает С. А. Невский, прокуроры окружных судов отмечали достаточно хорошую работу сыскных отделений, когда чины прокурорского надзора или следователи обращались к сыскной полиции с поручениями, которые в большинстве касались розыска преступников и похищенного. Если сыскная полиция встречала какие-либо затруднения в исполнении поручения, то обращались к прокурору за разъяснениями. Качество взаимодействия по уголовным делам следователей и лиц прокурорского надзора с чинами сыскных отделений был выше, в сравнении с чинами общей полиции⁶.

Производство предварительного расследования по государственным преступлениям, согласно УУС, осуществлялось органами политической полиции (жандармерией) и судебное преследование по этой категории дел поручалось прокурору судебной палаты (ст. 1037 УУС). Однако по мере нарастания революционной ситуации порядок расследования по делам о государственных преступлениях был изменен «Правилами о порядке действия членов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» от 19 мая 1871 г.⁷, которые в последующем были включены в УУС. За офицерами Корпуса жандармов закреплялись полномочия, которые предусматривались как для чинов

полицейской при производстве дознания, так и право на проведение всех следственных действий, которые производились судебными следователями с процессуальным оформлением материалов дела⁸. Они, как и следователи, могли заключать под стражу обвиняемых и без законодательного регламентирования, привлекать лицо в качестве обвиняемого⁹. В отличие от чинов полиции, производящих дознание и привлекаемых к ответственности прокурором за ненадлежащее исполнения обязанностей по следственной части, чины Жандармского корпуса непосредственно были подчинены своему начальству и в случае совершения ими неправильных действий прокурор имел право только сообщить об этом начальству виновного и руководство обязано было лишь уведомить прокурора о принятом решении. Если же прокурор окружного суда не соглашался с принятым решением, то он обращался к прокурору судебной палаты, который затем обращался к начальнику Штаба Корпуса жандармов. Если и в этом случае прокуратура не была согласна, то прокурор палаты обращался к министру юстиции и последний направлял документы для решения шефу жандармов (ст. 9, 10 Закона 19 мая 1871 г.). Дознание, производимое жандармами, являлось ни чем иным, как предварительным следствием, но без соблюдения гарантий, установленных законом для предварительных следствий.

Еще более существенные изменения в производстве расследования по государственным преступлениям произошли с принятием «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Полиция и жандармерия могла задерживать подозреваемых в причастности к

государственным преступлениям в местностях, объявленных в состоянии с усиленной охраны, производить обыски и выемки. Все указанные действия полиция и жандармерия производила без санкции прокурора, только с последующим его уведомлением (ст. 21, примечание к ст. 21, ст. 29, примечание к ст. 29)¹⁰. Фактически не требовалось участие прокурора в дознании, в отличие от УУС, а также предусматривался административный (внесудебный) порядок рассмотрения дел.

Необходимо отметить, что к судебному порядку рассмотрения таких дел вернулись позднее в соответствии с Законом «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного уложения» от 7 июня 1904 г., по которому дознание по делам о государственных преступлениях проводилось жандармскими чинами и осуществлялось под наблюдением прокурора окружного суда (ст. 1035⁵ УУС). Но в полном объеме этот порядок так и не был восстановлен, поскольку продолжало действовать Положение 14 августа 1881 г. Нормы последнего использовались, тогда, когда для производства формального дознания не имелось фактических оснований и необходимо было убедиться в благонадежности лица¹¹. Необходимо отметить, что жандармерия отрицательно относилась к Закону 7 июня 1904 г., предпочитая действовать самостоятельно, и с мест неоднократно высказывалось мнение по устранению прокуратуры от надзора за действиями жандармских чинов¹².

В заключение необходимо подчеркнуть, что после проведения Судебной реформы 1864 г. произошло орга-

низационное и правовое оформление предварительного следствия, дознания и розыска. Закон 1908 г. стал юридической основой для специализации деятельности общей полиции, разграничения дознания и розыска и формированием оперативно-розыскной деятельности. Полиция не являлась органом предварительного следствия, была отделена от суда, осуществляемое ею дознание находилось в прямом подчинении прокурора. Однако дознание по государственным преступлениям было превращено в предварительное следствие, но без гарантий, которые были предусмотрены УУС при проведении предварительного следствия судебными следователями, а также существенно ограничились прокурорский надзор за действия политической полиции.

© Деревскова В. М., 2023

¹ Селивёрстов Т. А. Организационно-процессуальные основы деятельности прокуратуры России в XIX – начале XX столетий // LEX RUSSICA. 2007. № 1. С. 63.

² Симонян Р. З. Прокурорский надзор за деятельностью чинов полиции при производстве дознания на стадии предварительного следствия во второй половине XIX – начале XX в. // Клио. 2013. № 7. С. 118.

³ Саморядов А. В. Взаимодействие полиции с судебными учреждениями при расследовании преступлений на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // Психология. Экономика. Право. 2014. № 2. С. 103.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (далее – ПСЗ-3). Т. XXVIII. Отд. 1. № 30672.

⁵ Матиенко Т. А. Взаимодействие органов предварительного следствия и общеуголовного сыска в России во второй половине XIX – начале XX в. // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 36.

⁶ Невский С. А. Полиция и уголовное судопроизводство в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 86.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLVI. Отд. 1. № 49615.

⁸ Ябанжи И. И. Расследование дел о государственных преступлениях в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2(15). С. 173.

⁹ Краковский К. П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 323.

¹⁰ ПСЗ-3. Т. I. № 350.

¹¹ *Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний* / Сост. А. А. Попов. СПб., 1885. С. 135.

¹² Сафонов Д. А. Жандармское управление в провинциальной губернии: реальные направления и методы работы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 90–91.

*В. П. Горбачев**

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ
ВОЗБУЖДЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПОСЛЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА**

После Судебной реформы 1864 г. в Российской империи одним из направлений прокурорского надзора был надзор за законностью разрешения полицией поступившей информации о преступлениях и возбуждения ею уголовных дел.

По информации о совершенном преступлении полиция проводила дознание с целью проверки наличия в происшествии признаков преступления. Если, по мнению полиции, в ходе проверки был установлен факт преступного деяния, то материалы дознания она передавала судебному следователю для производства предварительного следствия (ст. 255 Устава уголовного судопроизводства). Направление материалов дознания непосредственно следователю, минуя прокуратуру, приводило к тому, что прокуратура имела возможность проверить законность возбуждения полицией уголовного дела только в тех случаях, когда с решением полиции не согласился судебный следователь, который не усматривал в материалах дознания достаточных оснований для производства предварительного следствия. Такие материалы дознания следователь направлял в прокуратуру (ст. 309 УУС), которая проверяла их и решала разногласие, возникшее между полицией и

* *Горбачев Василий Павлович* – адвокат Донецкой областной коллегии адвокатов, кандидат юридических наук, доцент.

следователем.

Практика показала, что полиция материалы дознания направляла судебному следователю во многих случаях необоснованно. По свидетельству в начале 1880-х годов прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты, следователи на основании ст. 309 УУС направляли в прокуратуру большое количество необоснованно возбужденных полицией дел, которые она (прокуратура) после проверки прекращала¹. В целом в империи факты необоснованного возбуждения полицией дел также были многочисленными. Судебные следователи на основании ст. 309 УУС (то есть в связи с тем, что в поступивших к ним сообщениях полицейских и других должностных лиц они не усматривали достаточных оснований для производства следствия), например, в 1890 г. направили в прокуратуру 7839 дел (или 5,8 % от общего количества возникших у следователей дел)², а в 1895 г. – 12386 дел (6,8 %)³. Однако правительственная комиссия в середине 1890-х годов отметила, что возбуждение уголовного преследования полицией, а также присутственными местами и должностными лицами «в общем представляется более или менее основательным»⁴.

В начале XX в. количество материалов, направленных следователями в прокуратуру в порядке ст. 309 УУС, продолжало увеличиваться: в 1900 г. – 12906 дел (5,3 % от всех возникших следствий)⁵, в 1905 г. – 17734 (4,9 %)⁶, в 1910 г. – 30761 (6,9 %), т. е. за 21 год их количество увеличилось почти в 4 раза, однако их удельный вес оставался примерно одинаковым. А из материалов, поступивших только от полиции и других правительственных учреждений, в 1910 г. следователи в порядке ст. 309 УУС направили в прокуратуру их десятую часть (9,8 %); при этом наименьший удельный вес таких дел был в округе Одес-

ской судебной палаты – 5,2 %, Киевской – 5,5 % и Виленской – 6,6 % (в этих же округах этот удельный вес был наименьшим и в 1900 г.), а наибольший – в округе Тифлисской (27,8 %) и Новочеркасской (15,0 %) судебных палат⁷.

До издания министром юстиции в 1896 г. Наказа чинам прокурорского надзора не было единой практики разрешения разногласий между полицией и судебными следователями по дознаниям, поступившим в прокуратуру в порядке ст. 309 УУС. В одних округах они разрешались прокурорами окружных судов, а в других – товарищами прокурора (при необходимости по согласованию с прокурорами). Однако в большинстве судебных округов вопрос о прекращении таких дознаний решали прокуроры⁸, а товарищи прокуроров принимали решение о прекращении только тех дознаний, по которым отсутствие состава преступления установила сама полиция.

Н. В. Муравьев в качестве прокурора Санкт-Петербургской, а затем и Московской судебной палаты установил, что сообщения полицейских, оставленные судебным следователем без производства следствия, должны направляться участковому товарищу прокурора. Если последний не соглашался с мнением следователя, то предлагал ему провести предварительное следствие. Если же товарищ прокурора соглашался с мнением следователя, то материалы представлял прокурору окружного суда, который принимал окончательное решение о прекращении дознания⁹. Став министром юстиции, Н. В. Муравьев этот порядок распространил на всю империю¹⁰. И архивные материалы свидетельствуют о том, что этот порядок соблюдался¹¹.

Прокуратура, получив материалы от следователя, могла прекратить дознание, предложить полиции прове-

сти дополнительное дознание или же предложить следователю провести предварительное следствие; кроме того, прокуратура могла предложить материалы направить по подсудности мировому судье. Архивные материалы свидетельствуют о том, что прокуратура в основном соглашалась с мнением следователей об отсутствии оснований для производства предварительного следствия. Например, в прокуратуру Новочеркасского окружного суда в 1915 г. в порядке ст. 309 УУС поступило около 300 материалов, из них по 2 делам прокуратура предложила полиции собрать дополнительные материалы, по 2 делам предложила следователю провести следствие, по 1 делу предложила материалы направить мировому судье, а все остальные дела прокуратура прекратила. Мотивами прекращения дознаний было отсутствие состава преступления (например, «корова не была похищена, а сама отбилась от стада», пожар произошел по неизвестной причине, смерть наступила от болезни, доказан факт самоубийства и т. п.)¹².

Циркуляр министерства юстиции от 30 сентября 1867 г. обязал прокурора, прекратившего дознание, сообщать об этом должностным лицам, которые направили следователю сообщения о преступлении¹³. А в инструкциях прокурора Казанской, а затем и Московской судебной палаты С. Гончарова конкретизировалось, что прокурор суда, оставляя на основании ст. 309 УУС без исследования сообщения полиции, присутственных мест и других должностных лиц, должен сообщить им об этом с подробным изложением оснований своего распоряжения¹⁴. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что о мотивах прекращения дознания прокурор сообщал только заявителям, если такие были¹⁵.

По свидетельству современников, прекращение дел по ст. 309 УУС было одним из тех «больных мест», которое

часто вызывало «несогласие и препирательства» прокуратуры с администрацией¹⁶. Правильность прекращения прокуратурой дознаний проверялась при ревизиях и рассмотрении жалоб, которые подавались вышестоящим прокурорам¹⁷. При этом предложения о желательности обжалования таких решений прокурора в суд министерства юстиции отклонил, мотивируя это отсутствием существенной необходимости подчинять прокурорские распоряжения о прекращении дознаний контролю суда и тем, что применение на практике существовавшего порядка обжалования этих распоряжений только начальству «не обнаружило каких-либо неудобств»¹⁸.

Таким образом, возможности прокурорского надзора за законностью возбуждения полицией уголовных дел были ограничены законом, установившим, что материалы дознаний, по которым полиция считала доказанным факт совершения преступных деяний, направлялись не прокурору, а судебным следователям. В результате многие незаконно возбужденные дела проверялись и прекращались прокуратурой только после направления ей таких материалов судебными следователями.

© Горбачев В. П., 2023

¹ *Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий*. Ч. 2. СПб., 1882. С. 235.

² *Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1890 году*. Ч. 1. СПб., 1895. С. 6.

³ *Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1895 году*. Ч. 1. СПб., 1899. С. 10.

⁴ *Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды*. Т. 3. СПб., 1897. Разд. 2. С. 36–37.

⁵ *Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1900 году*. Ч. 1. СПб., 1903. С. 12.

⁶ *Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1905 году.* Ч. 1. СПб., 1908. С. 12.

⁷ *Сборник статистических сведений министерства юстиции.* Вып. 26. СПб., 1912. С. 198–207.

⁸ *Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды.* Т. 3. Разд. 2. С. 103–104.

⁹ *Инструкция чинам прокурорского надзора округа С.-Петербургской судебной палаты / Сост. Н. В. Муравьев.* СПб., 1884. С. 20; *Инструкция чинам прокурорского надзора округа Московской судебной палаты / Под ред. Н. В. Муравьева.* М., 1886. С. 26–27.

¹⁰ *Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов.* СПб., 1896. С. 37–38.

¹¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 383. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–356.

¹² Там же. Л. 4, 14, 16, 19, 30–33, 40, 313, 320, 339, 350.

¹³ *Сборник циркуляров и инструкций министерства юстиции.* С 1 января 1865 по 31 декабря 1877 г. СПб., 1878. С. 99–100.

¹⁴ *Инструкция прокурора Казанской судебной палаты С. Гончарова о порядке действий лиц прокурорского надзора округа Казанской судебной палаты.* Ч. 1. Казань, 1880. С. 6; *Инструкция прокурора Московской судебной палаты С. Гончарова о порядке действий лиц прокурорского надзора округа Московской судебной палаты.* Ч. 1. М., 1881. С. 6.

¹⁵ ГАРО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 82. Л. 12, 36, 71, 73, 105, 240.

¹⁶ *И. С. Признаки времени в мире новых судов // Юридический вестник.* 1880. № 10. С. 273.

¹⁷ *Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Труды.* Т. 3. Разд. 2. С. 103.

¹⁸ *Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части: Свод замечаний ведомств.* Ч. 3. [СПб., 1901]. С. 57.

В. В. Керов*

**«ЦАРСКИЕ СЛОВА СТАРООБРЯДЦЫ
ДОЛЖНЫ ПОНИМАТЬ КАК ДОДУМАЛАСЬ
УЗКАЯ ГОЛОВА УМНОГО УРЯДНИКА»:
РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ТИСКАХ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ НАЧАЛА XX ВЕКА**

В полноценном государстве исполнительная власть в соответствии с юридическими нормами, прежде всего, осуществляет подзаконное регулирование; реализует управленческую деятельность, направленную на исполнение законов, а также обеспечивает административное правоприменение. При этом деятельность, в том числе нормативная, исполнительной власти – подзаконна. В соответствии с Основными государственными законами Российской империи от 23 апреля 1906 г., «обязательные постановления, инструкции и распоряжения, издаваемые Советом Министров, Министрами и Главноуправляющими отдельными частями, а также другими на то законом уполномоченными, установлениями, не должны противоречить законам»¹.

Однако в отношении старообрядчества в начале XX в. сложилась своеобразная ситуация. С одной стороны, Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении основ веротерпимости» каждому подданному обеспечивал «свободу верования и молитв по велению его совести»². Еще больше прав старо-

* Керов Валерий Всеволодович – профессор кафедры социальной и экономической истории России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), доктор исторических наук, профессор.

обрядческим общинам предоставлял Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» от 17 октября 1906 г.³ С другой – старообрядческие издания содержат большое число указаний на случаи, когда права старообрядцев на свободное исповедание серьезно ограничивалось.

Таким образом, задача исследования – выяснить, шла ли речь о нарушении представителями исполнительной власти законов, декларировавших всем российским подданным «свободу веры»⁴, или дело было во внутренних противоречиях самого законодательства.

В массе информации о продолжении после 1905 г. преследований староверов целесообразно выделить один аспект: право старообрядческих священников на проведение публичных богослужений вне храмов, в том числе крестных ходов. После многих случаев противодействия местных властей проведению староверами крестных ходов вне храма – «после ряда недоразумений», постоянный Совет Всероссийских старообрядческих съездов обратился в МВД, и Министерство в особом циркуляре разъясняло, что старообрядцам можно отправлять духовные требы не только в храмах, но и в «иных потребных случаях», и, соответственно, «старообрядцам предоставлено право и устройства крестных ходов и вообще религиозных процессий без особого на то полицейского разрешения», а также что «старообрядцам предоставлено свободное исповедание их веры и отправление их обрядов»⁵. Однако, несмотря на разъяснение МВД, случаи запретов на старообрядческие крестные ходы продолжались⁶.

Дело было в том, что в Российской империи в начале

XX в. государственные меры по вопросам вероисповедания во многом зависели от позиции Российской православной церкви. В Основных государственных законах провозглашалось, что «первенствующая и господствующая в Российской империи» вера – «Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» – осуществляется через «господствующую церковь». Главой церкви и «блюстителем всякого в церкви благочиния» является император, действующий через Святейший Правительствующий Синод⁷. Огосударствленная официальная церковь, будучи, по сути, духовным ведомством, в то же время во многом определяла государственную политику в отношении старообрядчества, в котором синодальные власти видели конкурентов. Государство учитывало это, ощущая идеологическую поддержку со стороны РПЦ и веря в контроль Церкви над умами российских православных подданных. Так, товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский заявил, что правительство в стремлении расширить права староверов дошло «до предела, преступить который не может, не нарушая отношений Российского государства к Православной Церкви, предусмотренных Основными Законами». Чиновник утверждал, что в результате изменения Указа 1906 г. «явилось бы образование рядом двух совершенно самостоятельных иерархий, признающих себя православными» и произошло бы «уничтожение ... первенствующего положения» Российской православной церкви⁸. Обер-прокурор Синода В. К. Саблер подтверждал, что «государство не может ставить в одинаковые условия старообрядческое духовенство с духовенством [официально] православным»⁹.

Формально обер-прокурор Синода был приравнен к министрам: ему по должности присваивался 2-й чин (который имел не каждый министр) и он мог присутствовать

«на заседаниях Государственного Совета, Совета Министров и Комитета Министров на равных с министрами основаниях»¹⁰. По мнению П. А. Столыпина, законный путь в вероисповедных вопросах заключается в том, что государство, «не стесняя самостоятельности церкви в церковном законодательстве, оставляет за собой и право, и обязанность определять политические, имущественные, гражданские ... нормы, вытекающие из вероисповедного состояния граждан». Но и в таких вопросах, подчеркнул премьер, правительство должно «согласовывать интересы вероисповедной свободы ... с интересами господствующей первенствующей церкви»¹¹. Действительно, по конкретным вопросам отношения к старообрядцам верховная власть периодически обращалась к мнению Синода. Так, после запроса Военного министерства Синод в лице обер-прокурора и митрополита Московского Владимира утверждал, что недопустимо присваивать старообрядцам офицерские звания и, соответственно, принимать в офицерские школы и военные училища¹². Старообрядцы все же становились офицерами¹³, но часто выпускники училищ не получали офицерских и унтер-офицерских званий без перехода к официальной церкви¹⁴.

Проблема заключалась в том, что отношение господствующей церкви к старой вере носило непримиримый характер. По мнению старообрядцев, после указов 1905 г. и 1906 г. «правительство церковное ... тосковало о минувших днях всякого насилия над совестью старообрядцев ... вековая рознь и братоненавидение поддерживаются церковью»¹⁵. «Официальная иерархия ... продолжает травить старообрядчество как врага Церкви».¹⁶ Староверы указывали на множество примеров этого¹⁷.

Как объявили «Миссионерские ведомости», сам указ 17 апреля 1905 г. «был первым предательским законода-

тельным актом в отношении благочестивого царя – помазанника Божия» и дарован не царем, а «масонским международным правительством». Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) заявил, что указ ужасен и идет «вразрез с народным духом»¹⁸. В декабре 1907 г. Синод принял определение «о законопроектах, касающихся осуществления свободы совести», где предписывалось губернаторам содействовать «в охранении прав Церкви», а полиции – наблюдать за тем, чтобы «старообрядцы не распространяли своего учения и своих заблуждений в народе». Старообрядцам, по мнению Синода, следовало осуществлять богослужения, богомоления [в том числе крестные ходы], строительство молитвенных зданий не только с разрешения губернских правлений, но после обязательного получения согласия «епархиального начальства»¹⁹.

Подобная позиция Синода, по сути, органа исполнительной власти, в ряде случаев входила в противоречие с нормативными актами Министерства внутренних дел, например, в отношении упоминавшегося права старообрядцев на публичные богомоления. В Российской империи сила законов была «равно обязательна для всех без изъятия»²⁰, однако конкретизация и уточнение правовых норм во многом зависели от позиции конкретного ведомства, а при их различии, правоприменение определялось точкой зрения конкретного должностного лица, даже низкого чина, в данном случае имевшего возможность выбирать между нормативными актами Министерства внутренних дел и Синода Российской церкви.

В ситуации такой церковно-государственной взаимозависимости и ведомственных противоречий не вызывала сомнений вплоть до 1917 г. правота делегатов старообрядческого съезда, заявивших в обращении к министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому: «Правовое по-

ложение наше зависит в большинстве случаев от личных взглядов и убеждений губернатора, исправника, и большей части населения – от урядника»²¹.

© Керов В. В., 2023

¹ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1912. Ст. 122. С. 9.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (далее – ПСЗ-3). Т. XXV. Отд. 1. № 26125. С. 257.

³ ПСЗ-3. Т. XXVI. Отд. 1. № 28424. С. 908.

⁴ Основные государственные законы. Ст. 81. С. 6.

⁵ Церковь: старообрядческий церковно-общественный журнал. 1910. № 50. С. 1240; 1911. № 1. С. 3, 4; и др.

⁶ Например, в Московской губернии см.: Старообрядческая мысль: ежемесячный журнал, посвященный церковно-общественной жизни старообрядчества. 1911. № 5. С. 391.

⁷ Основные государственные законы. Ст. 62–65. С. 5.

⁸ Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 62–63; Селезнев Ф. А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. 2008. № 1. С. 135–136.

⁹ Слово Церкви: старообрядческий церковно-общественный журнал. 1914. № 3. С. 80.

¹⁰ ПСЗ-3. Т. XXIV. Отд. 1. № 25486. С. 1194.

¹¹ Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 г. М., 1991. С. 213.

См. также: Смолич И. К. История русской церкви (1700–1917). М., 1994. С. 80–122.

¹² Слово церкви. 1914. № 7. С. 156–157.

¹³ См., например: Слово церкви. 1914. № 47. С. 948.

¹⁴ См., например: Слово церкви. 1914. № 52. С. 1042–1043.

¹⁵ Церковь. 1908. № 16. С. 570.

¹⁶ Слово Церкви. 1914. № 25. С. 539.

¹⁷ Церковь. 1908. № 12. С. 410–413; № 14. С. 503–505; № 46. № 46. С. 1542; и мн. др.

¹⁸ Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 521–522.

¹⁹ Церковные ведомости. 1908. № 1. С. 7, 8.

²⁰ Основные государственные законы. Ст. 85. С. 6.

²¹ *Пятый* всероссийский старообрядческий съезд, август 1904 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 579. № 189. Л. 16 об.

А. В. Олейников*

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОПЛЕННЫХ К НАЧАЛУ XX ВЕКА

Основные правовые принципы юридического статуса военнопленных были установлены еще нормами эпохи Великой Французской революции – в Декрете от 4 мая 1792 г. и Постановлении Конвента от 25 мая 1793 г. Указанные акты базировались на принципах Декларации прав человека и гражданина. И основные положения статуса военнопленного, указанные в обозначенных документах, были впоследствии восприняты международными конвенциями и актами государств Европы.

Было объявлено: военнопленные находятся под защитой закона. Какое бы то ни было насилие по отношению к пленным запрещалось.

Питание военнопленных должно было соответствовать довольствию войск, их захвативших. Военнопленные могли рассчитывать на медицинскую помощь, и в то же время к какой-либо службе принуждаться не могли.

Конвенции второй половины XIX – начала XX в. (Брюссельская декларация 1874 г., Гаагские 1899 г. и 1907 г. и Женевские 1864 г. и 1906 г. конвенции) основывались на данных принципах.

* *Олейников Алексей Владимирович* – профессор кафедры истории Астраханского государственного университета; профессор кафедры правоведения Астраханского государственного технического университета, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент.

Гаагская конвенция 1907 г. была ратифицирована всеми великими державами и имела обязательное значение для воевавших коалиций.

В соответствии с ней к комбатантам (воинам враждебного государства) приравнивались лица добровольческих формирований, ополченцы, и (при наличии подтверждающих документов) сопровождавшие войска корреспонденты, поставщики, маркитанты и т. п. Соответственно, на них также распространялись права военнопленных. Статья 4 устанавливала, что военнопленные оказываются во власти правительства, а не захвативших их лиц. Обращаться с пленными следует человеколюбиво. Они сохраняют личные вещи, кроме оружия, военной документации и лошадей¹. Отвечать пленный был должен только на вопросы касательно своего имени и чина.

Привлекаться к работе пленные могли соответственно способностям и чинам (за исключением офицеров), и работа не должна была быть обременительной и иметь отношение к военным действиям. Данная работа оплачивалась, исходя из цен в соответствующей местности (ст. 6), а заработок следовало использовать для нужд военнопленного (остаток, за вычетом расходов на содержание, возвращался пленному на руки при освобождении). Офицеры обладали правом на оклад в соответствии с рангом.

Военнопленные (если межгосударственные соглашения не предусматривали иное) пользовались помещением, пищей и одеждой (ст. 7), подчиняясь правовым нормам вражеской армии (ст. 8). Лица, бежавшие из плена и пойманные, подлежали дисциплинарному взысканию. Но бежавший удачно и затем вновь попавший в плен военнослужащий за прежний поступок преследоваться не должен (ст. 8). Военнопленных могли под честное слово освободить при условии исполнить взятые на себя обяза-

тельства (например, для офицеров и генералов – не служить больше в своей армии). При повторном попадании в плен такой нарушивший свое слово пленный предавался суду (ст. 8, 10, 12).

Военнопленные были свободны в реализации религиозных обрядов, могли оставлять завещания. Возвращение пленных на родину после заключения мира предполагалось в максимально короткие сроки (ст. 20).

Предусматривалось создание справочных бюро военнопленных, отвечающих на соответствующие запросы. Бюро должно было составлять на каждого пленного военнослужащего карточку с указанием места рождения, фамилии, имени и отчества, номера (выдаваемого в лагере), возраста, чина, места и времени пленения, места содержания, информации о ранениях, смерти и др. Переводы и почтовые отправления военнопленных освобождались от сборов и платы за провоз по казенным железным дорогам.

Предусматривалось и допускалось создание обществ, оказывавших военнопленным помощь.

Женевская конвенция 1906 г.² должна была улучшить положение больных и раненых. Статьи 1–5 устанавливали, что эти лица пользовались со стороны воюющего, во власти коего оказались, покровительством и уходом, в случае захвата становясь военнопленными. Статьи 9–13 определяли положение санитарных частей и санитаров. К ним приравнивался персонал обществ частной помощи, надлежащим образом уполномоченных своим правительством. При попадании к противнику они, не считаясь пленными, должны были продолжить выполнение обязанностей. Противнику следовало обеспечить жалованье и довольствие, аналогичные персоналу своей армии, а оказавшиеся в плену санитарные учреждения сохраняли материальную часть (ст. 14).

Таким образом, теория военного плена, отличаясь прогрессивностью и демократизмом, сводилась к следующему:

а) военным пленом признавалось временное ограничение свободы законных комбатантов государства-противника, оказавшихся в руках воюющей державы (целью плена являлось предотвращение участия пленных в боевых действиях, и плен рассматривался не в качестве наказания, а как вынужденное состояние воина державы-противника);

б) за пленным признавалось достоинство исполнявшего долг перед Родиной обезоруженного воина;

в) пленные обладали правом на общение с Родиной, на различные виды помощи от надлежащим образом учрежденных организаций.

Данная концепция была продублирована во внутренних актах государств Европы (например, в Положении о военнопленных в Собрании узаконений России 1914 г.).

В целом, реальное положение пленных в войнах начала XX в. соответствовало конвенционному.

© Олейников А. В., 2023

¹ *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920. С. 23.

² *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С. 9.

*Д. И. Раскин**

ЮРИСТЫ В РУКОВОДСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Роль юридического образования (а также принадлежности к профессиональной корпорации юристов) в функционировании российской правительственной бюрократии (прежде всего, пореформенного периода) трудно переоценить.

Становление этой роли происходило в рамках процесса неуклонного повышения образовательного уровня российского чиновничества. Если говорить о его высшем звене, то в период с конца 1825 г. до 1855 г. среди высшей российской бюрократии (министры, товарищи министров, директора департаментов) лица с высшим образованием составляли около 55 %, а в конце XIX – начале XX в. уже 85 %¹. В низшем звене в 1840-х – 1850-х годах высшее образование имели лишь 3,2 % чиновников, а среди поступивших на службу в 1894–1895 гг. – уже 32 %².

При этом необходимо отметить, что юридическое образование являлось профильным для гражданской службы в Российской империи (за исключением ведомств, требовавших специальных технических, медицинских и т. п. познаний). В особенности эта профильность стала проявляться в пореформенное время, по мере роста специализации российской бюрократии. Не случайно за период

* *Раскин Давид Иосифович* – профессор кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук.

1894–1917 г. из 43 министров гражданского ведомства 20 окончили юридические факультеты университетов, 9 – Александровский лицей и 5 – Училище правоведения, то есть лица с высшим юридическим образованием занимали около 80 %.

Формирование профессиональной корпорации юристов окончательно оформилось после Судебной реформы 1864 г. Этому способствовало особое положение чинов судебного ведомства в структуре российской бюрократии, в том числе требование наличия юридического образования и соответствующего стажа для прохождения карьеры в этом ведомстве (чего не было в дореформенном Министерстве юстиции). А важнейшей предпосылкой становления юридической корпорации стало завершение системы профессионального юридического образования, включившей как юридические факультеты российских университетов, так и окончательно ставший юридическим высшим учебным заведением Александровский лицей, Демидовский юридический лицей (ставший с 1847 г. специальным учебным заведением с подготовкой в области «камеральных наук в связи с отечественным законоведением», а с 1868 г. приравненный к юридическим факультетам университетов) и, конечно, Училище правоведения.

Роль юристов ярко проявилась в истории МВД Российской империи.

Сразу же отметим, что должность министра внутренних дел всегда (а в особенности после 1880 г.) была, прежде всего, политической. Успешный администратор (особенно из военных), имевший опыт местного и центрального управления, пользовавшийся доверием императора, был лучшей кандидатурой на этот пост. В гораздо большей степени роль профильного (юридического) образования проявлялась в руководстве структурными частями

МВД, прежде всего, выполнявшими наиболее специфические для этого многопрофильного ведомства функции.

В первую очередь, следует говорить о руководстве Департамента полиции. Если до 1880 г. руководство политической полицией, то есть Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, принадлежало в основном людям военным, а среди директоров Департамента полиции исполнительной МВД преобладали карьерные чиновники без профильного образования (из 8 сменявших друг друга директоров этого департамента лишь один – М. И. Похвиснев – окончил Александровский лицей), то во вновь образованном Департаменте полиции картина была принципиально иной.

Как показала З. И. Перегудова, при комплектовании руководящего состава этого департамента «стремились брать в штат преимущественно лиц с юридической подготовкой. Директора Департамента полиции, вице-директора, чиновники особых поручений, прикомандированные к Департаменту, руководители структур (делопроизводств), как правило, имели высшее юридическое образование»³. Идея «наполнить центральную структуру политического сыска юристами» принадлежала еще М. Т. Лорис-Меликову⁴. За время существования Департамента полиции высшее юридическое образование имели 18 директоров этого департамента. Исключение составляли лишь имевшие военное образование и опыт жандармской службы Н. И. Петров (1893–1895) и Е. К. Климович (1916)⁵. Большинство руководителей департамента имели солидный стаж работы в судебном ведомстве, были прокурорами окружных судов или судебных палат⁶.

В то же время руководители Отдельного корпуса жандармов, а также охранных отделений были из воен-

ных, а к концу XIX – началу XX в. получали, как правило, и специальное военное образование. В этом нет ничего удивительного. Жандармерия была военизированной структурой. Поэтому и служили там, и занимали высшие посты военные. Бывшие военные составляли большинство и в полиции. Специальных высших учебных заведений для подготовки к полицейской службе в Российской империи не было. А вот служба в канцеляриях или департаменте (в том числе, кстати, и в канцелярии Третьего отделения) была гражданской. Гражданские чиновники с общим (средним или высшим образованием) в них и служили.

Юристы преобладали и в руководстве Земского отдела МВД. Из 14 начальников Земского отдела 10 имели высшее юридическое образование, в том числе 2 окончили Училище правоведения, 1 – Александровский лицей, остальные – юридические факультеты Петербургского и Московского университетов⁷.

В то же время из 11 директоров Хозяйственного департамента МВД лишь двое окончили Александровский лицей (И. И. Кабат и А. А. Хвостов) и один – юридический факультет Московского университета (А. Д. Шумахер)⁸.

В Главном управлении по делам печати из 16 его начальников, по крайней мере, 8 имели высшее юридическое образование (5 окончили юридические факультеты Петербургского и Московского университетов, 1 – Демидовский юридический лицей, 1 – Училище правоведения и 1 Александровский лицей)⁹.

И, наконец, во главе такой важнейшей структурной части МВД, как Департамент общих дел, также преобладали юристы. За время с создания Департамента по 1917 г. из 16 его директоров 10 были юристами по образованию, в том числе 3 окончили Училище правоведения,

2 – Александровский лицей, 5 – юридические факультеты Петербургского, Московского и Киевского университетов¹⁰.

Кроме формального наличия высшего юридического образования и в ряде случаев наличия служебного опыта в судебном ведомстве необходимо отметить, что пребывание в стенах Училища правоведения и Александровского (Царскосельского) лицея означало принадлежность к довольно узкому кругу бюрократической элиты, связанной дружескими и корпоративными связями, взаимной поддержкой¹¹. Этот корпоративный дух включал и верность принципам законности.

Степень межведомственной мобильности в МВД до-реформенного периода была весьма высокой. Около 70 % высших чиновников МВД ранее служили в Министерстве юстиции, МИД, Министерстве финансов и т. д., примерно 60 % таких же по значимости должностей в Министерстве юстиции занимали бывшие служащие МВД, МИД, Министерства народного просвещения и др. В пореформенной России эта мобильность также сохранялась в значительной степени. Например, почти 50 % министров внутренних дел за период 1894–1914 гг. служили ранее на прокурорских должностях¹². По утверждению директора Департамента полиции (в 1912–1914 гг.) С. П. Белецкого (окончившего, кстати, юридический факультет Киевского университета), все его предшественники на этом посту были ранее прокурорами судебных палат¹³.

В какой степени это обстоятельство повлияло на деятельность Министерства внутренних дел Российской империи?

Разумеется, деятельность МВД, в особенности полиции (а в особенности политической полиции) были далеки от идеалов правового государства.

Но важно, что наличие у руководителей и ответственных чиновников центральных учреждений МВД юридического образования и тем более опыта службы в реформированном судебном ведомстве обеспечивали не только юридическую корректность разрабатывавшихся ими законопроектов и административных актов, но и привычку в своей повседневной служебной деятельности руководствоваться рамками формальной законности.

Эта привычка соответствовала как официальным установкам, так и психологии российской бюрократии (по крайней мере, пореформенного периода). Она, помимо всего прочего, способствовала и самосохранению государственного служащего на всех ступенях бюрократической иерархии.

При этом буква закона в установках и в практической деятельности российских чиновников решительно преобладала над соображениями и справедливости, и целесообразности, и абстрактного духа законности.

Легизм российских бюрократов (в том числе и из МВД), зачастую воспринимался как чиновничий формализм. Но реальной альтернативной чиновничьему формализму в рассматриваемое время мог быть только ничем не ограниченный военно-феодалный произвол. Формальная законность была, несомненно, шагом вперед по сравнению с неформальными нормами служебной деятельности, преобладавшими (как бы императорские указы не призывали к обратному) ранее, в XVIII – начале XIX в. (не говоря уже о Московской Руси). Изменение оптимальной стратегии служебного поведения и психологии государственных служащих в пореформенной России было несомненным и значимым для всей российской государственности явлением.

Деятельность бюрократии в строго ограниченных за-

конодательных рамках можно рассматривать как переходную стадию к функционированию государственного аппарата Российской империи как правового государства. Это процесс не был завершен, не был он и достаточно последовательным. Но тенденция, безусловно, имела место. Ее необходимо учитывать при характеристике деятельности дореволюционного МВД.

© Раскин Д. И., 2023

¹ *Раскин Д. И.* Специализация высшей российской бюрократии XIX – начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 31–35.

² *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 32, 52.

³ *Перегудова З. И.* Политический сыск в России. 1880–1917. М., 2000. С. 337.

⁴ *Ульянова Л. В.* Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб., 2021. С. 71.

⁵ *Раскин Д. И.* Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX – начала XX века: образование и профессиональная квалификация // Научный диалог. 2021. № 4. С. 417.

⁶ *Ульянова Л. В.* Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. С. 72.

⁷ *Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4 т. Т. 2: Центральные государственные учреждения.* СПб., 2001. С. 47.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 44.

¹¹ *Раскин Д. И.* Специализация высшей российской бюрократии XIX – начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 37.

¹² Там же. С. 34, 37.

¹³ *Ульянова Л. В.* Политическая полиция и либеральное

движение в Российской империи: власть игры, игра властью.
1880–1905. С. 72.

Р. Т. Москвина*

**ЮРИСТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
1906 ГОДА:
КРИЗИС РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА**

Государственной думе 1906 г., существовавшей всего 72 дня, посвящена довольно обширная историография, в том числе и участию в ней представителей юридического сообщества¹. Особое место в перечне изданных трудов занимает уникальное литературно-художественное издание, содержащее 453 портрета и краткие биографические данные депутатов Думы, которые успели передать издателям свои портреты до роспуска Думы². В Государственную думу первого созыва намечалось избрать 524 человека. Избрано было 478 человек. В некоторых «неблагонадежных» местностях выборы не проводились совсем или откладывались, так что несколько депутатов Думы еще не успели доехать до Петербурга, как Дума была уже распущена царским правительством.

Портреты депутатов предварял краткий исторический обзор народного представительства в России, а также изложение целей и задач думской деятельности. Портреты были сгруппированы по партийной принадлежности, биографические данные в алфавитном порядке. От партии Народной свободы опубликованы портреты и биографические данные 165 депутатов, от Трудовой партии – 78, беспартийные – 90 депутатов. Еще 6 думских фрак-

* *Москвина Раиса Тимофеевна* – доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат исторических наук, доцент.

ций насчитывали от 15 до 30 человек. В издание были также включены портреты лидеров партии Народной свободы, не вошедших в Государственную думу: С. Н. Трубецкого, П. Н. Милюкова, П. Б. Струве, В. М. Гессена.

Собственно, размежевание по партийному признаку не имело существенного значения, по причине зародышевого характера политических партий, чье существование было легализовано только с октября 1905 г., а также в силу неотдифференцированности интересов социальных групп, на что указывают эмоционально-ударные названия партий: «Партия Народной свободы», «Трудовая группа», «Союз 17 Октября». Практически каждый пятый депутат был внепартийным, а и те, что примыкали к какой-нибудь партии, очень слабо представляли ее программу. Так, охваченный эйфорией свободы, Дмитрий Илларионович Назаренко, депутат от Харьковской губернии (фракция трудовиков), после избрания дал избирателям клятву: «Я клянусь, что душа моя будет там, где будет правда. Я клянусь, что разум мой будет там, где польза народа. Я клянусь, что сердце мое будет там, где истинная любовь». Свою политическую программу он охарактеризовал так: «где кончаются требования партии Народной свободы, там начинаются мои»³ Он сочувствует идеалам социализма, но не сочувствует практической деятельности социалистов.

Что касается рода занятий, то самой многочисленной группой в Думе были крестьяне (120 депутатов), представленные в основном волостными старшинами.

Следующей по численности была группа депутатов, имеющих юридическое образование (82 депутата). И это не случайно, потому что роль юристов в социально-политической жизни в переломные моменты истории возрастает в силу того, что юристы закрепляют в норматив-

ном блоке результаты перемен в обществе и государстве. Именно так представляли свою задачу депутаты-юристы в первой российской Государственной думе 1906 г. Большинство депутатов-юристов (48 человек) принадлежали к партии кадетов, которая определяла в целом работу Первой Государственной думы. Это были профессора университетов, земские деятели, присяжные поверенные.

Председателем Государственной думы был единогласно избран юрист, присяжный поверенный при московском окружном суде, Сергей Андреевич Муромцев⁴, выпускник Московского и Геттингенского университетов, профессор, знаток римского права. Он принимал деятельное участие в городских и земских делах в качестве гласного московского и тульского земских собраний и московской думы. Фигура С. А. Муромцева олицетворяла собой связующее звено между европейской либеральной мыслью и русской демократической интеллигенцией, «между поколением Великих реформ 60-х годов, земского либерализма 1880–1890-х годов и конституционного движения начала XX века»⁵. Судебная реформа 1864 г. была самой продвинутой в либеральном отношении реформой. Отделение суда от администрации позволило сформироваться значительному корпусу юристов-профессионалов, получивших образование не только в России, но и в Европе. Гласность, состязательность судебного процесса, равенство перед судом (но не перед законом), суд присяжных как процессуальная гарантия прав обвиняемого были, по сути, реализацией одной из важнейших либеральных ценностей, а именно судебной защиты прав. Судебная реформа, как и земская, во многом способствовали либерализации общественного сознания. Показательно, что именно в ходе так называемой банкетной кампании 1904 г. по поводу 40-летия судебной реформы оформи-

лась организационно и идейно партия Народной свободы.

Товарищем Председателя от парламентской Трудовой группы был избран Николай Андреевич Гредескул, декан юридического факультета Харьковского университета. На момент выборов в Думу он находился в административной ссылке в Архангельске как редактор газеты «Мир», закрытой правительством⁶.

Секретарем Государственной думы был избран князь Дмитрий Иванович Шаховской, выпускник Московского и Санкт-Петербургского университетов по юридическому факультету, видный земский деятель, один из организаторов партии Народной свободы. Товарищем Секретаря – Федор Федорович Кокошкин, выпускник и приват-доцент юридического факультета Московского университета, автор многочисленных трудов в области государственного права.

Свой вклад в дело преобразования государственного строя нашей родины на конституционных началах способен был внести Габриель Феликсович Шершеневич – профессор гражданского права в Казанском университете, редкий знаток «прав человека и гражданина»⁷.

Университетскую профессию представляли также Лев Иосифович Петражицкий – декан юридического факультета Санкт-Петербургского университета, выпускник юридического факультета Киевского университета, европейски образованный выдающийся правовед; Павел Иванович Новгородцев – выпускник юридического факультета Московского университета, ординарный профессор Московского университета, один из членов-учредителей конституционно-демократической партии.

Выдающимся знатоком конституций и политического быта Англии и Америки являлся Матвей Яковлевич Острогорский, выпускник юридического факультета Петербург-

ского университета.

Среди депутатов выделялся Владимир Дмитриевич Набоков – один из главных основателей партии Народной свободы, редактор «Вестника партии Народной свободы», выпускник юридического факультета Петербургского университета, автор «Учебника особенной части русского уголовного права», председатель уголовного отделения Петербургского юридического общества, председатель русской группы международного союза криминалистов.

Крупнейшим знатоком западноевропейской государственности и строя жизни в конституционных государствах Европы являлся Максим Максимович Ковалевский – всемирно известный ученый социолог, профессор ряда европейских университетов, доктор государственного права, член-корреспондент Российской академии наук, автор ряда первоклассных трудов в области первобытного права. В Думе примкнул к фракции Партии демократических реформ.

Депутатом Думы стал Максим Моисеевич Винавер, выпускник Варшавского университета, выдающийся цивилист, теоретик и практик, известный своей адвокатской деятельностью.

Фактически в Думе был представлен «цвет» либеральной интеллигенции, и это требует пояснения. Российская интеллигенция представляет собой не столько профессиональную, сколько морально-этическую группу, объединенную не содержанием труда, а социальной позицией ментального происхождения. Идеи либерализма, за неимением экономической и социальной почвы в России, укоренились в небольшом социальном слое образованных и, как правило, не очень состоятельных людей, заинтересованных в прочном обеспечении прав личности на свободу мысли, слова и убеждения. В основе либерализма лежит

идея гражданских прав, экономической основой которых является частная собственность. Свобода экономическая и политическая, неприкосновенность личности и жилища, право на сопротивление угнетению и безопасность тесно связаны с правом частной собственности, поскольку это право легко нарушается, если не является элементом целой системы прав и свобод. Проблема российского либерализма коренилась в слабости российской буржуазии как его экономической и социальной базы. Ни в промышленности, ни в аграрном секторе так и не появилась прочная социальная база либерализма в лице массового мелкого товаропроизводителя. Аграрная реформа 1861 г. фактически освободила не личность отдельного крестьянина, а крестьянскую общину, так как собственность на землю, основное средство производства, сохранялась за крестьянской общиной, выход из которой был фактически запрещен. В промышленности российского капиталиста потеснил иностранный капитал и государственный чиновник, управляющий казенными военными заводами.

Таким образом, в Первой Государственной думе со всей отчетливостью обозначились две линии противостояния. С одной стороны, либеральной интеллигенции и царской бюрократии прежде всего по вопросу о конституционном устройстве страны. Интеллигенция брала за образец конституции европейских демократий, бюрократия – образец самых реакционных монархий – «прусской, австрийской, японской»⁸. В частности, Сергей Юльевич Витте считал, что в Своде Основных Государственных законов Российской империи 1906 г. следует «побольше места оставить указу, то есть царю, и поменьше закону, то есть Думе». В конечном счете проблема, как дать законодательные полномочия Думе и в то же время оставить их в полном объеме у царя, была решена за счет многих

юридических уловок, свойственных бюрократии. Дума начала работу 26 апреля 1906 г., то есть три дня спустя после введения в действие Новой редакции Свода Основных Государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г., где говорилось, что «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной думой»⁹. Помимо разногласий относительно конституционного устройства России и другим вопросам, между бюрократией и интеллигенцией существовало еще одно непримиримое противоречие. В Думе со всей отчетливостью проявилось противостояние интеллигенции как носителя творческого потенциала общества и бюрократии, способной единственно только на то, чтобы распускать существо дела в бюрократические формы прежде всего с целью самосохранения.

С другой стороны, основным стало противостояние либеральной интеллигенции и крестьянства, которое составляло 80 % населения страны. В Государственной думе первого созыва впервые столкнулись европейское понятие свободы, представленное интеллигенцией и крестьянское понятие воли. Понятие свободы как прав человека, рационально обоснованных, базирующихся на законе и главное, предполагающих уважение прав другого человека, столкнулось с понятием воли как прав эмоционально обоснованных, опирающихся на силу и поведенческий «беспредел», по принципу «что хочу, то и ворочу» и полное неуважение прав другого человека. Это объясняется тем состоянием, в котором находился российский крестьянин-общинник. С. Ю. Витте обозначил его понятием «полуперсона», что выражалось в отсутствии частной собственности на землю и, как следствие, экономической свободы, а также в судебной и административной власти земских

начальников и волостных судов, основанных на обычном праве. Картину дополняет неграмотность основной массы населения. Идеал уравнительной справедливости, стремление взять всю землю без выкупа с последующим уравнительным распределением по трудовой норме явно противоречил либеральным устремлениям интеллигенции. Именно эта – дорыночная, докапиталистическая – российская деревня объединится с антирыночной, антикапиталистической идеологией большевиков в Октябре 1917 г. Декрет о земле, отменяющий частную собственность на землю, обеспечит большевикам поддержку крестьянства и в конечном счете победу в ходе Гражданской войны и крах российского либерализма.

© Москвина Р. Т., 2023

¹ *Грибовский М. В.* Участие профессоров и приват-доцентов российских университетов в работе государственных дум в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5(25). – <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-professorov-i-privat-dotsentov-rossiyskih-universitetov-v-rabote-gosudarstvennyh-dum-v-nachale-xx-v> (дата обращения: 15.03.2023); *Овчинников В. А., Николаева О. А.* Юристы Первой Государственной Думы // Управленческое консультирование. 2006. № 1. – <https://cyberleninka.ru/article/n/yuristy-pervoy-gosudarstvennoy-dumy> (дата обращения: 15.03.2023).

² *Первая Российская Государственная Дума.* Литературно-художественное издание / Под ред. Н. Пружанского. СПб., 1906.

³ Там же. С. 140.

⁴ Там же.

⁵ *Медушевский А.* Сергей Андреевич Муромцев: «Великий труд на благо избравшего нас народа» // Российский либерализм: идеи и люди / Под ред. А. А. Кара-Мурзы: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 354.

⁶ *Первая Российская Государственная Дума.* С. 133.

⁷ Там же. С. 148.

⁸ *Куликов С. В.* История создания основных государственных

законов 1906 г.: предварительные итоги изучения // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. Вып. 12 / Глав. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург, 2021. С. 326.

⁹ Свод Основных Государственных законов (В новой редакции от 23 апреля 1906 года) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVI. № 27808.

М. М. Сафонов*

АКТ ОТРЕЧЕНИЯ НИКОЛАЯ II С ЮРИДИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

На здании железнодорожного вокзала г. Пскова, установлена мемориальная доска. Надпись гласит: мемориальная доска. Надпись гласит: «2(15) марта в 15 часов 05 минут в салоне-вагоне царского поезда на станции Псков император Николай II отрекся от престола Государства Российского». Однако в сборнике «Российское законодательство X–XX веков», где собраны наиболее важные документы нашей страны за тысячелетнюю историю ее существования, говорится, что последний русский царь отрекся 2 марта 1917 г. в 15 часов»¹.

То же чувство недоумения возникает, если взять в руки сборник «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы», где собраны наиболее важные свидетельства, запечатлевшие это судьбоносное событие. В самом корпусе документов напечатан текст абдикационного документа. Он назван «манифестом отречения» и датирован 2 марта 1917 г. 15 часов 5 минут². Но на обложке сборника воспроизведена фотография этого уникального источника. Здесь он датирован 2 марта 1917 г. 15 часов. Выходит абдикационный документ существовал в двух ипостасях: акт отречения с датой 15 часов и манифест, датированный 15 часов 5 минут. Может быть царь вначале подписал акт отречения, а затем через 5 минут утвердил своей подписью манифест об этом?

* Сафонов Михаил Михайлович – старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, кандидат исторических наук.

В личном фонде Николая II в ГАРФ находится акт отречения с датой 2 марта 15 час. 1917 г.³ Подпись химическим карандашом. Но здесь же хранится и фотокопия акта отречения с датой 2 марта 15 час. 5 минут 1917 г. Подпись чернилами. Этот документ существует только в фотокопии, оригинал же неизвестен. Существует и факсимиле. Оно находится здесь же. На экземпляре с датой «15 час» перед словом «мин» имеется подчистка. В затертом месте первоначально стояло цифра «5». Ее исправили на «3», а потом затерли. Очевидно вначале на документе была дата 15 час 5 мин с подписью царя химическим карандашом. Документ сфотографировали, предварительно обведя подпись царя чернилами. Сделали факсимиле этого документа. Затем на документе с карандашной подписью цифру «5» затерли и написали цифру «3», затем затерли и ее. В итоге получился «акт отречения», который сегодня считается подлинным. Но при его печатном воспроизведении обычно опускается ставшее лишним слово «мин».

В личном фонде царя находится еще один любопытный документ. Он не привлекал к себе внимание ученых потому, что на нем нет подписи Николая II. То есть подпись есть, но она не является автографом. Документ написан на пишущей машинке на розовой бумаге, которая употреблялась в штабе Северного фронта в Пскове. Документ оформлен как «Акт» об отречении со всеми добавляющими этому виду документов атрибутами. И он датирован так: «2 марта 15 часов 3 минуты 1917 года»⁴. Очевидно этот экземпляр отражает промежуточный этап работы на манифестом, подготовленным к печати.

В отделе рукописей БАН в ходе «академического дела» в 1929 г. был обнаружен экземпляр акта отречения. Специально созданная комиссия, возглавляемая председате-

лем правительственной комиссии по проверке аппарата Академии Наук СССР Ю. Л. Фигатнером, исследовала его на предмет подлинности. Чекисты, расследовавшие это дело, настаивали на том, что там тайно хранился уникальный документ – подлинный акт отречения Николая II. Архивисты же отвергали его уникальность, ссылаясь на то, что актов было несколько⁵. Специальная комиссия, в которую входил и П. Е. Щеголев, редактор сборника документов об отречении, подвергла этот документ экспертизе и пришла к выводу о его подлинности. Согласно выводам комиссии от 26 октября 1929 г. этот акт выглядел так: «...напечатан на пишущей машинке. Внизу, с правой стороны имеется надпись «Николай», изображенная химическим карандашом. Внизу же, с левой стороны имеется написанная от руки цифра «2-го», далее напечатанное на машинке слово «марта», затем написанная от руки цифра «15», после чего имеется напечатанная на машинке слово «час». После этого следует подчистка, но явно проглядывает написанная от руки цифра «3», затем следует напечатанное на машинке слово «мин», а далее напечатанное на машинке «1917 года»⁶.

Принято считать, что экземпляр акта отречения, ныне находящейся в личном фонде Николая II, и есть тот, который описала комиссия Фигатнера. Но никто не обратил внимание на то казалось бы маловажное обстоятельство, что в заключении экспертной комиссии, состоявшей из профессиональных архивистов, говорится: в датировке документа содержались слова «1917 года», тогда, как в самом абдикационном документе была абривиатура «1917 г.». Если допустить, что эксперты допустили такую досадную небрежность, то придется признать: они еще и не заметили цифру «5», которую после затирки составители документа исправили на цифру «3», в последствии так

же затертую. Не слишком ли много небрежности допустили специалисты, привлеченные правительственной комиссией? Цифра же «3» не может не привлечь внимания. Ведь она фигурирует в правильно оформленном «Акте об отречении», о котором речь шла выше. В нем, кстати сказать, абривиатура «1917 г.» раскрыта.

Согласно установленному порядку закон приобретал силу после того, как монарх удостоверит текст его своей подписью, министр юстиции приложит к подписанному самодержцем документу свою печать и текст его будет обнародован в официальном органе «Правительственный вестник». В ходе Февральской революции его заменил «Вестник Временного правительства». 5 марта 1917 г. министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский внес в 1-й департамент Сената акт об отречении Николая II. Сенаторы его одобрили. В тот же день «Вестник Временного правительства» обнародовал этот акт «первостепенной государственной важности», завершавший, «упразднение старого государственного строя»⁷. В публикации дата документа была проставлена так: «2-го марта 15 час. 5 мин. 1917 г.». Именно она должна была стать официальной датой отречения последнего русского самодержца.

Однако уже 6 марта, в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» был обнародован такой же «акт об отречении», но с иной датой: «2 марта 15 час. мин. 1917 г.»⁸ История повторилась накануне апрельского кризиса 1917 г. 17 апреля журнал «Солнце России», по публикациям которого можно проследить шаг за шагом создание культа Керенского, опубликовал фотографию акта отречения⁹. На этой фотографии, как и в публикации в «Собрании узаконений правительства» стояла дата «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.» Однако Керенский не ограничился

публикацией «Солнца России». Факсимиле акта отречения было обнародовано отдельной брошюрой, изданной с разрешения министра юстиции в войсковой типографии¹⁰. В брошюре факсимиле «акт» был датирован пятью минутами позже: «15 час. 5 мин. 1917 г.» – также как и на страницах «Вестника Временного правительства». Возникает закономерный вопрос, какой же документ Керенский предъявил Сенату?

Видимо, говоря «акт отречения», мы сильно грешим против истины. Правильнее было бы употребить множественное число, что само по себе является нонсенсом. Важнейшие правительственные акты Российской империи никогда не существовали в нескольких экземплярах. Император всегда подписывал только один экземпляр. Но оба экземпляра имеют разную дату подписания, один представляет собой оригинал, а другой известен только как фотография и факсимиле. Более того мы не можем даже точно сказать, сколько вообще существовало экземпляров акта отречения: один, два или быть может три. Оригинальный же экземпляр имеет подчистку в дате!

При этом надо иметь в виду, что вел. кн. Михаил, которому передавался престол, состоял в морганатическом браке и в силу этого не мог стать императором. Более того император не имел ни права передавать престол своему младшему брату, в обход несовершеннолетнего наследника цесаревича Алексея. Наконец, Основные законы Российской империи не вообще предусматривали отречения монарха.

Любой начинающий юрист без труда вынесет свой вердикт: с юридической точки зрения никакого «акта отречения Николая II» не существует! Что же касается мемориальной доски на псковском вокзале, то прежде чем устанавливать нечто подобное, неплохо было бы прокон-

сультироваться со специалистами.

© Сафонов М. М., 2023

¹ *Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.* М., 1994. С. 122–123.

² *Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы.* М., 1990. С. 223.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100 а. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100. Л. 3.

⁵ *Сафонов М. М. С. Ф. Платонов и акт отречения Николая II // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы.* СПб., 2011. С. 146–164.

⁶ *Историк.* 2017. № 3. С. 22; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100 а. Л. 9–11.

⁷ *Вестник Временного правительства.* 1917. 5 марта.

⁸ *Сборник указов и постановлений Временного Правительства.* Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. V–VI.

⁹ *Солнце России.* 1917. 17 апреля.

¹⁰ *Факсимиле актов отречения Николая II и Михаила Александровича.* Печатается с разрешения министра юстиции А. Ф. Керенского. [Б. м., б. г.].

Раздел XIV

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА XXI ВЕКА:
РЕЗУЛЬТАТЫ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ**

*А. А. Борисов**

**К ВОПРОСУ О ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ
ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В СВЕТЕ УЧЕНИЙ О ЗАКОНЕ**

Историческое наследие русских юристов, разрабатывавших учение о законе и выражавших свои взгляды на закон и законотворчество, позволяют дать оценки качества первых актов Советской России об отчуждении промышленной собственности и соотнести их с характеристиками ряда актов о конфискации и национализации промышленных предприятий современных исследовате-

* *Борисов Андрей Андреевич* – адвокат адвокатской палаты города Санкт-Петербурга и Ленинградской области (коллегия адвокатов «Лапинский и партнёры») (Санкт-Петербург); аспирант кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета (Курск).

лей. Оценки правовых форм и их качества – закономерный итог осмысления этих проблем старшими поколениями юристов, труды которых позволяют сделать новые обобщения. Одно из современных исследований политико-правовой мысли России XIX – начала XX в. применительно к учениям о законе провела Е. Г. Лукьянова¹, дав анализ трудов более тридцати юристов того периода.

В переходный период формационного слома (1917) принималось много политико-декларативных и нормативных актов, ставших фундаментом зарождающейся системы социалистического права, и справедливы утверждения о том, что «разрушение старого правопорядка неизбежно влечет за собой рождение правопорядка нового»². Действительно, до 1921 г. было принято около 4 тыс. нормативных правовых актов³, что, по нашему мнению, свидетельствует о твердой стратегической установке победившей партии на государственное строительство, об активном проведении государственной политики и поддержке этой политики большинством населения. Среди этих документов особое значение имели акты о переходе частной собственности промышленников и предпринимателей в собственность Советской Республики.

Из справки отдела управления предприятиями при коллегии организации производства ВСНХ следует, что к 1 июня 1918 г. было национализировано 513 предприятий⁴. Экспроприация проводилась в основном актами Совета Народных Комиссаров и Высшего Совета Народного Хозяйства. Декреты и постановления советских органов признавались актами, имеющими силу закона, что было установлено нормативно⁵, но значительная часть объектов отчуждалась актами местных органов и ввиду революционной ситуации, военной интервенции, экономической разрухи и спешности решения возникающих управленче-

ских проблем. Многие акты отличались низким уровнем юридической техники.

Что в этом отношении можно сказать о качестве конфискационных декретов и постановлений СНК и ВСНХ?

Как утверждает Е. Г. Лукьянова, прогрессивное развитие общества во всех сферах возможно только на основе права, главной формой (источником) которого продолжает оставаться закон⁶. Указав на невысокую роль и авторитет закона в российском обществе, автор пишет: «Неудовлетворительное качество закона и законодательной деятельности обуславливает многие другие проблемы жизнедеятельности российского общества, а именно: недостатки в деятельности судов, правоохранительных органов, всего механизма государства в целом, что негативно сказывается на состоянии прав граждан»⁷. Отмечается, что развитие учений о законе есть поступательное движение от материальной трактовки закона в начале XIX в. к формализации этого понятия в начале XX в., от интерпретации закона в широком смысле как всех форм (источников) права к разделению этих понятий, признанию закона одной их форм права и сведению права к закону⁸. Вопросы законодательной техники составляли реальную проблему правотворчества послереволюционного периода и низкое качество закона Е. Г. Лукьянова связывает с неэффективной законодательной процедурой, что приводило к форсированному принятию, недостаточной проработанности и обоснованности, политизированности актов⁹. Эти черты обнаруживаются в первых декретах Советской власти.

Существенным качеством закона Е. Г. Лукьянова называет его общность (общий характер), но первые экспроприационные акты как законы не имели общего ха-

рактера, поскольку определяли судьбу отдельных предприятий. Локальный характер имели Постановление СНК об объявлении собственностью Российской Республики Ликинской мануфактуры¹⁰ (от 17 ноября 1917 г.), Постановление Президиума ВСНХ «О национализации имущества Акц. О-ва Петроградского механического и литейного завода «Вулкан»¹¹ (29 мая 1918 г.) и др. В практике отечественного правотворчества дореволюционного периода также встречается множество актов локального действия, в частности, к таким относятся акты об отчуждении имуществ при строительстве железных дорог.

Заочным участником дискуссии об общности закона можно признать Н. М. Коркунова, учение о законе которого описано в исследовании Е. Г. Лукьяновой и который не столь категоричен в своем мнении: «Общность юридического закона крайне условна и относительна»¹². Представляется, что тезис «Общность закона суть юридическое выражение его объективности»¹³ неприменим к характеристике некоторых законов, особенно принимаемых в переходные периоды развития общества, и объективность закона следует рассматривать как самостоятельную его характеристику, связанную с *востребованностью* нормы, регламентирующей поведение участников правоотношений, определяющей или изменяющей правовой статус лица, юридическое значение явлений и предметов, принадлежность имуществ и т. д. В таких случаях объективность, как и общность или локальность закона, несут в себе аксиологические аспекты. Например, если речь идет о юридикации каких-то ценностных категорий системообразующего характера, относимых к иному типу формационных отношений, таких как «общественная собственность на средства производства».

Принятие законов как общего, так и локального характера обусловлено объективными обстоятельствами социально-политического, экономического и иного содержания, и в вышеприведенных актах это содержание передают мотивировочные положения. Например, фабрику Товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова было недопустимо закрывать «в интересах народного хозяйства, широкой массы потребителей и 4 000 рабочих и их семей»¹⁴.

Как заключает Е. Г. Лукьянова, «закон есть общая норма, выражающая необходимое (отражающая и выражающая социетальную необходимость) и должное (с точки зрения свободы и справедливости) поведение человека»¹⁵.

Здесь также возможны вариации применительно к характеристике *общая*¹⁶ и расширяющему смысл фразы уточнению, касающегося не только поведения человека, но и вообще общественных отношений – *необходимое и должное в общественных отношениях*: необходимое в контексте рациональности новой общественно-экономической формации, а должное в контексте не только нового, социалистического права, но и морали. Социальная ценность закона как его характеристика приобретает философско-социологическое уточнение – закон не только правовая форма в законодательной технике, применяемая для целей казуистического нивелирования справедливости, а правовая форма выражения определенного правила общежития, отвечающего принципам справедливости как цивилизационным достижениям человеческого разума.

Первые экспроприационные акты Советской власти по своим признакам даже с современной точки зрения, которая основана на соответствующих представлениях начала XX в., вполне легитимны. В исследовании

Е. Г. Лукьяновой выделен ряд признаков нормативных правовых актов, которые: есть результат правоустановительной деятельности компетентных органов и должностных лиц; содержат правовые нормы; принимаются и реализуются в особом процедурно-процессуальном порядке; имеют строго определенную документальную форму¹⁷. Такие нормативные правовые акты характеризуются способом создания, способностью централизованно регулировать общественные отношения, четкостью и доступностью предписаний (для их понимания), легкостью их систематизации и кодификации. Однако эти же характеристики позволяют использовать нормативные правовые акты в неправовых или даже противоправных субъективных целях, то есть злоупотреблять ими¹⁸.

В процессах принятия и проведения в жизнь экспроприационных актов допускались ошибки правотворческого и правоприменительного свойства, но в целом, если отчуждение происходило в рамках государственной политики огосударствления промышленности Советской России, то недопустимо говорить о злоупотреблении властью уполномоченными органами, ибо они в этих актах реализовывали государственную волю победившего трудового народа.

Относительно такой характеристики нормативного правового акта как юридическая сила, можно утверждать, что она не принималась во внимание при реализации законотворческих полномочий съездами Советов, ВЦИК, СНК или ВСНХ, поскольку все акты обретали силу законов согласно положениям первого нормативного установления о правотворчестве, принятого на четвертый день после свершения Октябрьского переворота – акта «О порядке утверждения и опубликования законов»¹⁹. В пункте первом речь ведется о составлении и опубликова-

нии законов, а в пункте шестом – о придании силы закона сборникам узаконений и распоряжений правительства, в которых публиковались все акты вышеназванных органов власти. Иными словами, тогда они рассматривались как акты одинаковой юридической силы. Это не недостаток, а именно особенность законотворчества органов Советской власти послереволюционного периода.

Во второй половине XVIII в. русскими правоведами обозначались такие признаки закона, как принудительность (обязательность) и нравственность, официальность, подкреплённость государственной санкцией, целевая направленность и соответствие общественным интересам, точность и ясность выражения воли законодателя, доступность языка пониманию, краткость²⁰. Так, Е. Г. Лукьянова цитирует Б. Н. Чичерина, считавшего, что: право составлять, принимать и отменять основные законы принадлежит власти учредительной, что должен определять закон; эта власть принадлежит народу, если прекратилась законная власть, а с ней и сила положительного закона; основные законы не обладают признаками неизменности; порядок принятия обыкновенных законов предусматривает инициативу законопроекта, обсуждение (первичное и окончательное) и его утверждение главой государства²¹.

Ситуация в России 1917 г. характеризовалась тем, что законная власть дважды прекратила свое существование (Февраль – самодержавная власть и Октябрь – Временное правительство). Новую Советскую власть отличала легитимность, решения II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов положили начало слому прежнего государственного аппарата, созданию новых органов государственной власти и формированию нового советского права в основополагающих актах²², затем по-

следовала отмена законов императорского России, некоторые из которых сохраняли свою силу.

Правотворчество советских органов имело свои особенности и недостатки, но, в целом, отвечало требованиям времени и сложившимся представлениям: проекты актов готовились наскоро, но в порядке инициативы уполномоченных органов; принимаемые решения и акты обсуждались, о чем свидетельствуют архивные протокольные материалы (коллегиальный характер работы съездов, ВЦИК, СНК, ВСНХ); принимаемые нормативные правовые акты, распоряжения и иные акты подписывались уполномоченными лицами (на съездах – выборными, а в иных органах – должностными); все акты распускались в печати, передавались местным советам по телеграфу или радио. Но это правотворчество было неидеальным в силу различных причин, среди которых – некомпетентность субъектов правотворчества и технических исполнителей.

О качестве самой власти, которое определяет качество закона, писал И. В. Михайловский, определяя необходимость полноты многочисленных знаний для формулирования закона, установления процедуры принятия закона, в основе которого должна лежать жизненная потребность. Еще одна особенность, обозначаемая И. В. Михайловским, состояла в учете иностранного элемента и реализации принципа выбора закона применения, ибо в соответствии с наработками российской и зарубежной юриспруденции и судебной практики применению подлежали законы места нахождения имущества (*lex rei sitae*), закон места жительства или подданства (*lex domicilii*), закон совершения действия (*lex loci actus*), закон места заключения контракта (*lex loci contractus*), закон исполнения договора (*lex loci solutionis*), закон места

судебного разбирательства (*lex fori*). Также у И. В. Михайловского четко выражено мнение о том, что иностранный закон неприменим, если он противоречит закону страны или вводит институт, чуждый отечественному праву²³.

В этой связи отметим, что русская промышленность контролировалась международным банковским капиталом. Европейский капитал в России стал монопольным вершителем судеб основных отраслей капиталистической промышленности, а общая доля иностранных банков составила 73,2 % всей суммы банковских капиталов²⁴. Машино- и судостроение, металлургия, электротехническая, каменноугольная, нефтяная и золотодобывающая отрасли промышленности находилась под управлением собственников Англии, Бельгии, Германии, Нидерландов, США, Франции. Весомые активы имели собственники из Австрии, Греции, Дании, Италии, Латвии, Польши, Финляндии, Швейцарии, Эстонии. Принадлежали иностранцам 80 сахарных и 8 рафинадных заводов²⁵.

Практика национализации привела к многочисленным экономическим спорам с Советской Россией в судах иностранной юрисдикции, но эти вопросы анализировались, что доказывают архивные материалы. Так, 11 октября 1918 г. в Президиум ВСНХ поступил ответ юридического отдела ВСНХ на запрос Главного управления государственных заводов резиновой промышленности о судьбе предприятий иностранной собственности. По мнению юристов, с точки зрения международного частного права национализация: вполне возможна и правомерна, так как все иностранные государства признавали переход прав собственности от одного владельца имущества к другому, если он совершен по закону той страны, где он происходит и где находятся прежний и новый владелец; она

является «ни чемъ инымъ, какъ переходомъ опредѣленныхъ правъ на имущество отъ частныхъ лицъ къ государству, при чемъ переходъ сей производится въ согласіи съ закономъ Россійской Республики, где национализація производится и где находятся прежніе владельцы имущества. Посему означенный переходъ правъ подлежитъ полному признанію со стороны иностранныхъ государствъ, въ частности въ отношеніи имуществъ, находящихся за границей»²⁶.

В завершение подчеркнем, что Е. Г. Лукьянова рассматривает закон как форму права, его сущность раскрывается в свободе, справедливости, равенстве²⁷. Материальная концепция закона (сущностная его сторона) должна основываться на этих идеях-принципах, и автор отвергает волюнтаризм в законодательной деятельности, пишет о таких качествах законодательства и законотворчества, как предсказуемость, определенность, стабильность, эффективность правового регулирования, они должны обладать помимо явного экономического и широким социальным эффектом в виде предсказуемого социального развития²⁸. Представляется, что в этом отношении декреты и постановления о конфискации и национализации промышленной собственности отвечали данным требованиям (свободный от эксплуатации труд и распределение благ на началах справедливости), что позитивно воспринималось большинством населения и обеспечило рост социально-экономического потенциала Советской России.

Выводы: общее учение о законе и законотворчестве в России сформировалось в течение XIX в. и его основные положения были реализованы в декретах и постановлениях высших органов Советской власти о национализации промышленности; проблемы качества экспроприацион-

ных актов и наличие недостатков в организации законодательства не стали препятствием в осуществлении государственной политики отчуждения имущества производственных предприятий в пользу Республики Советов; современные воззрения ученых-юристов подтверждают актуальность проблемы сущностного содержания законов, состоящего в выражении и обеспечении идей справедливости в общественной жизни.

© Борисов А. А., 2023

¹ Лукьянова Е. Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX – начала XX вв.: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

² Правовые основы российских революционных преобразований 1917 года / Под ред. Д. А. Пашенцева, С. А. Боголюбова. М., 2020. С. 7.

³ Никулин В. В. От чрезвычайного права к «революционной законности». Формирование концепции «революционной законности» в советской правовой доктрине // Право: история и современность. 2020. № 4(13). С. 9.

⁴ Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству / Под ред. Юрид. отдела ВСНХ. Вып. 1: (25 октября 1917 г. – 25 октября 1918 г.). М., 1918. С. 279–281.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1917. № 1. Отд. 1. Ст. 12.

⁶ Лукьянова Е. Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX – начала XX вв.: Дис. ... докт. юрид. наук. С. 4.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 13, 20.

⁹ Там же. С. 4-5.

¹⁰ Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советовъ. 1918. 24 мая (11 мая). С. 4.

¹¹ Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству / Под ред. Юрид. отдела ВСНХ. Вып. 1. С. 274.

¹² Лукьянова Е. Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX – начала XX вв.: Дис. ... докт. юрид. наук. С. 188.

¹³ Там же. С. 58.

-
- ¹⁴ Известія Всероссійскаго Центрального Исполнительнаго Комитета Советовъ. 1918. 24 мая (11 мая). С. 4.
- ¹⁵ Лукьянова Е. Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX – начала XX вв.: Дис. ... докт. юрид. наук. С. 58.
- ¹⁶ Там же. С. 309–314, 322–323.
- ¹⁷ Там же. С. 60.
- ¹⁸ Там же. С. 61.
- ¹⁹ СУ РСФСР. 1917. № 1. Отд. 1. Ст. 12; *Декреты Советской власти*. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 29–30.
- ²⁰ Лукьянова Е. Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX – начала XX вв.: Дис. ... докт. юрид. наук. С. 72–73, 163, 213 и др.
- ²¹ Там же. С. 144–145.
- ²² *Правовые основы российских революционных преобразований 1917 года* / Под ред. Д. А. Пашенцева, С. А. Боголюбова. С. 7–8, 21–23.
- ²³ Лукьянова Е. Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX – начала XX вв.: Дис. ... докт. юрид. наук. С. 162–166.
- ²⁴ Ваняг Н. Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны: опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. [Харьков], 1930. С. 58, 103.
- ²⁵ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 6. Д. 34. Л. 3–80, 91, 106–108, 158–159.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 194(1). Л. 7.
- ²⁷ Лукьянова Е. Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX – начала XX вв.: Дис. ... докт. юрид. наук. С. 300–309.
- ²⁸ Там же. С. 362.

Ф. С. Сосенков*

ПОИСК КОНЦЕПЦИИ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА В МАТЕРИАЛАХ КОМИССИИ ПО ВЫРАБОТКЕ КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 ГОДА

Политико-правовая трансформация формы национально-территориального устройства Российского государства, проходившая в рамках бифуркационных процессов исторического и цивилизационного перелома, требовала нормативно-правового оформления. Уровень отношений, касающихся государственного устройства, требовал конституционного регулирования, которое являлось новацией для отечественной правовой системы. Становление будущих субъектов советского федеративного государства зачастую происходило в условиях правовой неопределенности, явочным путём¹. Беспрецедентность происходящих бифуркационных процессов породила бурную дискуссию относительно концепций и параметров дальнейшего развития молодого Советского федеративного государства. Считаю целесообразным сопоставить основные точки зрения по поводу образования РСФСР, используя соответствующие материалы Государственного архива Российской Федерации.

На этапе разработки Конституции РСФСР 1918 г. во-

* *Сосенков Федор Сергеевич* – заместитель декана юридического факультета; доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент.

просы федеративного устройства зачастую ставились одними из первых. Член Комиссии по выработке конституции Советской республики Ю. М. Стеклов отметил на этот счет: «Конечно, мы начали говорить о вопросе федерации потому, что в других вопросах мы более или менее солидарны. Поэтому позвольте сейчас говорить, что вопрос о советской конституции сводится к вопросу о федерации»². Действительно, в ходе заседания Комиссии по выработке конституции Советской республики 5 апреля 1918 г. заместитель председателя М. Н. Покровский предложил «вести обсуждения в таком порядке: 1) отношение Центральной и областной власти; 2) о Конструкции власти, 3) о правах и обязанностях граждан»³. Знаменитый историк также утверждал о нецелесообразности строительства федерации на национальной основе: «О культурном самоопределении нации тут спорить не приходится, но поскольку речь идет о политическом самоопределении нации, тут получаются совершенно несообразные вещи, вроде того, что за Уралом, совершенно своеобразной областью, можно отрицать право на самоопределение, потому что Урал есть чисто Великорусское население, а за А..... краем, говорящем на особом языке и представляющем особую нацию это право признается, хотя какой культурный базис для этого, трудно сказать ... Этот принцип нужно совершенно оставить, мы строим свою федерацию отнюдь не на национальном принципе»⁴. При этом М. Н. Покровским подчеркивалось, что право наций на самоопределение не входило изначально в марксистский политический инструментарий, а было скорее тактическим приемом: «Этот момент, надо сказать, прямо, замешался в тот период, когда мы не были окончательными социалистами, в период между январем и октябрём. Тут была принципиальная мешанина, среди этой мешанины

всплыл принцип о самоопределении нации»⁵. В целом в своих представлениях о федерации М. Н. Покровский исходил, по всей видимости, из неизбежности мировой революции и формирования в будущем федерации планетарного масштаба. В переходный же период следовало, по его мнению, учитывать буржуазный по своей сути национальный критерий построения модели государственного устройства России: «Между тем, как мы из опыта, из практики знаем, что сейчас, в переходный момент всемирной федерации, когда обострены отношения всех мелких народов и наций мы не можем давать вполне законченных формул и прямых ответов»⁶.

Член комиссии государствовед М. А. Рейснер при этом понимал федерализм как делегирование полномочий из центра в регионы: «Сейчас намечаются 2 противоположных мнения – одно желание начать рассмотреть отношения центрального областного учреждения по принципу федеративному, то есть сверху, а другие – проектируют начать с местных учреждений»⁷. Иной позиции придерживался член комиссии И. Н. Смирнов: «Принимая во внимание конструкцию Федеративной Советской Республики, которая слагается из определенных частей, и если начнем строение снизу, то мы пойдем к цели, не теряя времени»⁸. Проект конституции, предложенный М. А. Рейснером, предполагал строительство федерации по принципу коммун как хозяйственных единиц, без учета национального принципа. В социалистической федерации, по мнению М. А. Рейснера субъекты федерации свободны от этнической идентификации: «Совершенно отпадает вопрос о федерации крупных государственных соединений или государств, кантонов, штатов, областных республик как основного и крупнейшего субъекта федерации, так как в коммунистической или социалистиче-

ской республике совершенно нет ни национальной государственности, ни капиталистических интересов области, которые бы делали территорию исходным пунктом или даже единственным субъектом федерации»⁹. В федерации нового типа также имеет место полная консолидация, в связи с чем отсутствует своеобразный территориальный эгоизм, характерный для субъектов буржуазных федераций: «Нет никакого всеобщего интереса к федерированию исключительно мелких территориальных единиц как единственных субъектов федерации, ибо нет ни замкнутости, ни сепаратизма, ни самодовлеющего значения мелких территориально ограниченных коммунальных образований»¹⁰. Вместе с тем, нет необходимости к нарочитой централизации управления, концентрации властных полномочий у федерального центра: «Нет тем более никаких оснований к скрытой централизации по внешности федеративной структуры, к преобладанию во что бы то ни стало центральной власти во имя централизованного и объединенного капитала»¹¹. В этой связи в федерации социалистического типа, по мнению А. М. Рейснера, гармонично уравновешены центробежные и центростремительные тенденции, которые были неактуальны для федераций профессиональных соединений и классовых групп. В целом проект российской федерации представлялся как прообраз всемирной федерации нового коммунистического будущего: «мы смотрим на Российскую социалистическую Республику как на часть другой, грядущей Республики, ВЕЛИКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА (выделено у А. М. Рейснера. – Ф. С.) трудящихся всего мира»¹².

На широкой дискуссии относительно конструкции федерации настаивал Народный комиссар по делам национальностей РСФСР И. В. Сталин: «Я предлагаю путь

работы таков, мы должны столкнуться, как понимать федеративную республику, которую мыслят по-разному»¹³ И. В. Сталин находился в курсе складывающихся в регионах взаимоотношений с центральной властью в крайне нестабильных условиях начинающейся Гражданской войны. В этой связи он был склонен, по всей видимости, подвести конституционное регулирование под фактически существующие властеотношения, вывести некую среднюю «правовую формулу»: «Как предписано у наших работ, общее толкование необходимо установить, после того, как установим, я полагаю, потом придётся разбираться комиссии. Что касается федерализации, у меня имеется ряд проектов. Среди инородцев, где $\frac{1}{2}$ буржуазии и полудемократические группы, они требуют полной автономии, а что касается низов татарских, мусульманских, киргиз, башкиров и казанских татар, наблюдается совершенная индифферентность»¹⁴. Он поднимал вопрос о необходимости широкой дискуссии даже после того, как председатель комиссии Я. М. Свердлов объявил о прекращении прений: «Необходимо открыть общую дискуссию по вопросу о том, что мы должны понимать под федерацией. Доклад необходим по вопросу, как мы должны понимать федеративную советскую республику»¹⁵.

Проект А. М. Рейснера не принимался наркомом по делам национальностей за то, что даже попытка его практической реализации была чревата потерей государственного управления в масштабах страны: «... я извиняюсь за резкость, там идет вакханалия федерации. Дается возможность совершенно свободно, вольно группироваться известным областям, известным единицам административной вольной группировкой, у нас войдут сотни единиц, отношения с которыми будет устанавливать страшно трудно»¹⁶. И действительно, согласно азам теории управ-

ление, увеличение количества управляемых субъектов усиливает сложность такого управления. При этом И. В. Сталин настаивал на выделении именно национально определенных регионов в качестве субъектов новой советской федерации: «Вы должны дать определенный тип федерации. Это есть тип федерации областей, отличающихся известным составом, национальным составом, или определенным бытом. Такой тип надо дать вполне определенно. Поэтому проект г. Рейснера нельзя класть в основу»¹⁷. Кроме этого, при такой не вполне понятной системе определения субъектов федерации, совершенно невозможно выделить группы предметов ведения федерации и её составных частей: «Там не говорится, какие отношения от центра к местам»¹⁸.

Достаточно любопытно, что И. В. Сталин критиковал проект А. М. Рейснера не только по фактическим и доктринальным основаниям, но и по формально юридическим: «... вырабатывающая конституцию наша комиссия ... при ЦИК – это есть известный совещательный орган, а 3-й съезд дал нам известные директивы, с которыми надо считаться формально. Там говорится о Российской республике как о федерации советских республик народов России, причем подразумевается как объективная единица область, отличающаяся особым духом, национальным составом, населенная единым населением»¹⁹. Подобные рассуждения тем интересней, что И. В. Сталин в целом не был склонен к абсолютизации формальной законности: «Ясно сказано, что у нас м. б. и должна быть речь о федерации как о известной области, не всякой, а известной области, не городов, а определенных областей, отличающихся особо выделенным составом населения. Выйти из рамки формального права мы не имеем»²⁰. По всей видимости, мы имеем в данном случае дело не столько с пиете-

том по отношению к букве закона, сколько с дополнительным обоснованием построения федерации на национальной основе. И. В. Сталин сам на это указывает в продолжении своего выступления 12 апреля 1918 г.: «... Любые формальные рамки можно изломать и отбросить в архив, если они не сойдутся с действительностью Главная основа не формальная, главное основание то, что существует на деле живые области, окраины, отличающиеся бытом особым и национальным составом областей, трудовые элементы, которые требуют от нас широкой автономии, права языка, права управления, ... словом, самостоятельного заведования своими делами и пр.»²¹.

А. М. Рейснера поддерживает М. Н. Покровский, который не видит нарушения логики в его проекте. Да, Россия провозглашена федерацией, но это вовсе не означает территориального или тем более национального принципа определения субъектов такой федерации: «Я высказываюсь в пользу проекта т. Рейснера по формальным соображениям. Этот проект логически развивает основную мысль, именно, что Российская республика есть федерация Советов, известным образом координированных группировок, если хотите, анархически поставленных ...»²². Сталинский же проект, напротив, упрекается в отсутствии логики в образовании субъектов федерации: «... Проект т. Сталина ... не представляет собой развития одной основной идеи, а он опутывает чисто формальные признаки хозяйственного государственного строя с его материальными задачами, при этом даже в отдельных пунктах он впадает не то что в противоречие, а в разноречие ... Совершенно нелогическое соединение хозяйственных, культурных, национальных особенностей»²³.

Промежуточную позицию, совмещающую национальный и территориально-административный принцип по-

строения федерации, выразил Ю. М. Стеклов, критиковавший проект Рейснера: «Необходимо совместить территориальный принцип с национальным, хотя бы на переходной стадии к будущему социалистическому строю»²⁴. При этом Ю. М. Стеклов соглашается с М. Н. Покровским, что принцип права наций на самоопределение есть атрибут буржуазного общества, однако указывает на целесообразность его учета при федеративном строительстве: «...Можно исторически доказать, что момент национальный есть момент буржуазный..., но для переходного периода, когда не всё буржуазное умерло, с ним надо считаться. Надо признать, что поскольку мы переживаем такой момент, когда классы не уничтожены совсем, полностью, такой момент, когда мы уже вышли из периода национальных войн и национального государственного строительства, и когда мы не пришли к уничтожению национальных особенностей, в такой момент уничтожить признак национального объединения ни в коем случае не приходится...»²⁵. Рассуждения с позиций формационного подхода дополняются отечественными цивилизационными особенностями: «... Тем более что в России, где, несмотря на то, что Украина стала независимым государством, ещё имеются достаточное количество разных национальностей ... Не приходится говорить об интегральном составе населения»²⁶.

Профессор Д. А. Магеровский, по всей видимости, первым предложил модель асимметричной федерации, при которой одни субъекты – области и края, не получали законодательных полномочий, а другие – республики, ими наделялись и в этой связи являлись «федеративными»: «Первым вопросом следует поставить ... какие области являются федеративными. Если это мы установим, то это будет краеугольным камнем, из которого создается отдел

федеральной республики»²⁷. Отметим, что стенографист, по всей видимости, не вполне владел соответствующими юридическими конструкциями и в этой связи смысла отдельных тезисов членов комиссии приходится восстанавливать. Государствовед предлагал при этом прежде прочего определить три группы вопросов:

«1) определение признаков отдельных федеральных областей;

2) определение компетенции центральной власти федеральной;

3) конструкция центральной федеральной власти и областной»²⁸.

При этом Д. А. Магеровский, критикуя в целом проект М. А. Рейснера, выступал за достаточно широкую автономию субъектов федерации как в области исполнительной, так и законодательной власти: «... Необходимо нам сейчас разграничить законную компетенцию именно органов областных. Здесь для меня мыслилось именно такое разграничение в следующем виде: ведению федераций относятся все те мелочи, которые нельзя осуществлять при осуществлении действий отдельной области. Сюда бы я отнёс внешнюю торговую политику, общие государственные законы, таможенные пошлины, армию, флот, меру веса, авторское право, железные дороги и только это к ведению центральной власти; все остальное относится к ведению областной законодательной власти ... В таком положении и в таком виде, и именно в этих пределах я считаю необходимым безусловно определить и широкую автономию ... областной законодательной власти»²⁹.

Своеобразную позицию занял заместитель народного комиссара юстиции левый эсер А. А. Шрейдер. Прежде всего резкой критике с известной долей иронии подвергся

Сталинский проект построения федерации: «Построения тов. Сталина – это типичное империалистическое построение, типичный кулак, который к тому же, не стесняясь, заявляет, что он – кулак. Тов. Сталин настолько привык к такому положению, что в совершенстве усвоил себе даже империалистический жаргон»³⁰. В целом А. А. Шнейдеру удалось весьма точно уловить мотивацию большевиков в построении национальной федерации: «Вы очень желаете создать единое централизованное государство без всякого деления, но только потому, что на пути встречаются непреодолимые требования национальностей, вы должны спасаться – уступать»³¹. Национальный принцип построения федерации совершенно отвергался: «Мне кажется, что нужно прежде всего условиться о том, что под федерацией мы будем подразумевать отнюдь не объединение единиц по территориально-национальным признакам. Это будет федерация по признаку исключительно территориальному, признаку территориального удобства разделения России на некоторые части, которые будут внутри себя составлять территориально удобную единицу – нечто объективно целое, которое будет иметь право законодательной инициативы»³².

Против установления того или иного принципа построения федерации высказывался комиссар по делам Армении при Наркомате по делам национальностей РСФСР В. А. Аванесов: «Я считаю, что [за] голую формулу национальной федерации или федерации трудящихся совершенно невозможно голосовать ...»³³. В. А. Аванесов исходил прежде всего не из теории, а из требований текущего момента: «... Мы разбирали вопрос не для установления того или иного принципа – мы не для абстрактного утверждения формул, а должны установить задачи переходного момента – формулы сегодняшнего дня»³⁴. Таким

образом, на первый план выдвигалась проблема распределения предметов ведения и полномочий центра и регионов, а не теоретические схемы.

Достаточно радикально прозвучало предложение редактора газеты «Известия ВЦИК» Ю. М. Стеклова, который вообще считал возможным отказаться от декларирования федеративного государственного устройства: «Я предлагаю предварительно вопрос о том, какой тип федерации положить в основу, и предлагаю совершенно выкинуть слово федерация»³⁵. По его мнению, когда федерация была провозглашена Всероссийским съездом Советов, имела место принципиально иная по сравнению с текущим моментом работы комиссии внешне- и внутреннеполитическая обстановка: «Я полагаю, что когда съезд принял эту декларацию, он имел в виду, что Финляндия и Украина входят в состав России, когда о федерации можно было видеть не шутя, потому что когда стали говорить о федерации, то это звучит смешно с Крымом и Тверской областью»³⁶. По этой логике субъектами федерации могут быть только регионы, готовые к стабильной государственности: «Раз Украины, Белоруссии нет, раз Финляндии нет, никакой федеративной республики нет, и это слово потеряло всякий смысл»³⁷. Таким образом, в отсутствие таких значимых субъектов федерации, как Украина, Белоруссия, Финляндия, отношения регионов внутри советской России видятся Ю. М. Стеклову фактически унитарными. В этой связи и проект А. М. Рейснера не представляется опасным и нереализуемым: «... Проект т. Рейснера опасен только до тех пор, пока остается слово федерация. Если заменить слово [на] союз, раз нет Украины и Финляндии. Я предлагаю выработать проект и заменить словом союз»³⁸. Предложение об удалении словесного обозначения российской республики как федеративной комиссией

поддержано не было³⁹.

Конституция РСФСР 1918 г. не обозначала конкретных параметров компетенции органов власти России и субъектов федерации, круг полномочий был не определен, а формировался каждый раз применительно к конкретной республике в составе РСФСР. В качестве примера можно привести создание автономной Киргизской Социалистической Советской Республики в составе РСФСР в 1920 г. При этом советующий Декрет ВЦИК и СНК не просто констатирует создание нового субъекта федерации, а определяет предметы ведения, что, по сути, должно быть урегулировано в Конституции РСФСР в отношении всех аналогичных субъектов:

«б. В целях сохранения единства финансовой и хозяйственной политики Р. С.Ф.С.Р. по всей территории Республики, Народные Комиссариаты Киргизской Социалистической Советской Республики Продовольствия, Финансов, Рабоче-Крестьянской Инспекции, а также Совет Народного Хозяйства и Управление Почт и Телеграфов и Киргизское Статистическое Бюро, Киргизская Чрезвычайная Комиссия, Народный Комиссариат Труда и Народный Комиссариат Путей Сообщения остаются в непосредственном подчинении соответствующих Народных Комиссариатов Р. С.Ф.С.Р.

Примечание I. Народные Комиссары поименованных в пункте б-м Комиссариатов и Киргизский Краевой Военный Комиссар назначаются по соглашению Совета Народных Комиссаров Киргизской Республики с соответствующими Народными Комиссариатами Р. С.Ф.С.Р.

Примечание II. Коллегии при Народных Комиссариатах назначаются Советом Народных Комиссаров Киргизской Республики.

7. Народные Комиссариаты К. С.С.Р.: Внутренних Дел

(без управления Почт и Телеграфов), Юстиции, Просвещения, Здравоохранения, Социального Обеспечения и Земледелия автономны в своих действиях и ответственны непосредственно перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом»⁴⁰.

Следует заключить, что принятая на V Всероссийском Съезде советов первая советская Конституция послужила Основным законом, фиксирующим федеративные начала Советского государства. Выбранный путь федеративного развития как союза национально-территориальных единиц был выбран путем преодоления определенных дискуссий, развернувшихся в рамках обсуждения проекта Конституции. Определенная модель федеративного устройства впоследствии легла в основу формирования нового уровня федерации в рамках Союза Советских Социалистических Республик, образовав в итоге уникальную двухуровневую федерацию.

© Сосенков Ф. С., 2023

¹ Биюшкина Н. И., Сосенков Ф. С. К вопросу об образовании Татаро-Башкирской Советской Республики // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР): Материалы международной научно-практической конференции (г. Омск, 20–22 октября 2022 г.) / Отв. ред. Т. Ф. Ящук. Омск, 2022. С. 114–117.

² Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] и тезисы о типе федерации Российской республики // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.

³ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 5 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] с приложением проекта Конституции РСФСР, предложенного на заседании // ГАРФ. Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁴ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] с приложением доклада члена комиссии об основных началах Конституции Р. Ф.С. С. Республики и проекте положения о Федеральных учреждениях Российской республики // ГАРФ. Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

⁵ Там же.

⁶ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 19 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр] с приложением проектов общих положений, Конституции РСФСР товарища И. В. Сталина и других членов Комиссии // ГАРФ. Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

⁷ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 5 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] с приложением проекта Конституции РСФСР, предложенного на заседании . Л. 7.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] с приложением доклада члена комиссии об основных началах Конституции Р. Ф.С. С. Республики и проекте положения о Федеральных учреждениях Российской республики. Л. 39.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 49.

¹³ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 5 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] с приложением проекта Конституции РСФСР, предложенного на заседании. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 15.

¹⁶ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 19 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр] с приложением проектов общих положений, Конституции РСФСР товарища И. В. Сталина и других членов Комиссии. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 3–4.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] и тезисы о типе федерации Российской республики. Л. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 3–4.

²² Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 19 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр] с приложением проектов общих положений, Конституции РСФСР товарища И. В. Сталина и других членов Комиссии. Л. 4.

²³ Там же.

²⁴ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] с приложением доклада члена комиссии об основных началах Конституции Р. Ф.С. С. Республики и проекте положения о Федеральных учреждениях Российской республики. Л. 12.

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ Там же.

²⁷ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 5 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] с приложением проекта Конституции РСФСР, предложенного на заседании. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 14.

²⁹ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] с приложением доклада члена комиссии об основных началах Конституции Р. Ф.С. С. Республики и проекте положения о Федеральных учреждениях Российской республики. Л. 33.

³⁰ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр с рукописной правкой] и тезисы о типе федерации Российской республики. Л. 22.

³¹ Там же. Л. 23.

³² Там же. Л. 23–24.

³³ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 19 апреля 1918 г. [машинописный экземпляр] с приложением проектов общих положений, Конституции

РСФСР товарища И. В. Сталина и других членов Комиссии.
Л. 13.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 11.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 11–12.

³⁹ Там же. Л. 13–14.

⁴⁰ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «Об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики» // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1920. 1 сентября.

И. В. Шебалкин*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В СССР

Современное Российское государство с его разнообразным населением, пестрой политической историей, предоставляет сокровищницу государственно-правовых сравнительных данных. Одним из важнейших элементов является его федеративное устройство. В советский период отечественной истории государства и права бытовало условное предположение о том, что советские государственные институты являются аналогами западных институтов, имеющих такое же формальное обозначение. Но, имея дело с такой концепцией, как федерализм, на которую сильно повлияли два столетия западной институциональной разработки, необходимо более внимательно и досконально разобраться в данной проблеме. Наиболее жизнеспособным представлялся подход, который приравнивает федерализм к более широкому направлению отношений между центром и периферией¹.

К. Маркс, Ф. Энгельс считали институциональное государство в целом реакционным, но и правильно воспринимали национальные или этнические различия как более устойчивые, более глубоко укоренившиеся, чем почти любые другие характеристики досоциалистического

* *Шебалкин Игорь Вячеславович* – доцент кафедры теории и истории государства и права прокурорско-следственного факультета Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук, доцент.

общества. Маркс рассматривал федерализм как потенциальное краткосрочное решение острых этнических конфликтов.

Но В. И. Ленин не разделял идеи Маркса и предполагал лишь номинальную федерацию, подчиняющуюся центральному контролю. Ещё в августе 1917 г. в книге «Государство и революция»² он резко осудил федерализм в принципе, оставив открытой возможность переходного федерализма. Через несколько недель после Октябрьской революции Сталин в присутствии Ленина прямо заметил, что «принцип самоопределения – это не право буржуазии, а право трудящихся масс данной нации на самоопределение»³. Значительно раньше Ленин отрицал, что «трудящиеся массы» или даже их пролетарская составляющая могут развить сознание исторического процесса; только авангард, то есть большевики, могли воспринять истинное направление событий. Следовательно, имелась доктринальная основа для утверждения, что большевистская фракция, какой бы малочисленной она ни была, имела право решать вопрос о независимости государства. Поскольку составные части СССР (союзные республики) были исключительно территориальными единицами, большевики могли претендовать на значительное число членов в каждой из них, хотя это членство обычно набиралось преимущественно из местных русских, а не из коренного населения. Высокоорганизованное политическое меньшинство большевиков подчинялось центральному руководству в соответствии с принципами партийной дисциплины и демократического централизма. Ленин был осторожен, настаивая на том, чтобы все большевики на территориях бывшей Российской империи, включенных в состав СССР, были не членами местных союзных республиканских партий (они рассматриваются как администра-

тивные подразделения), а Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б), с 1952 г. – КПСС). Следовательно, разделение, против которого Ленин и Сталин с готовностью признали, что они и все другие лояльные большевики будут выступать, больше не было значимо как право в ранее независимых периферийных государственных образованиях до прихода там к власти большевиков.

Объем статьи не позволяет исследовать формальные различия между союзными республиками и меньшими категориями этнических регионов в СССР⁴. Однако краткий обзор критериев союзной республики необходим, чтобы показать, как эти территориальные федеральные единицы могут быть адаптированы к марксистско-ленинским целям. Очевидно, что критерии статуса союзной республики использовались задолго до того, как Сталин изложил их в 1936 г., и долго оставались в силе⁵. Три принципа Сталина таковы:

1) «соответствующая республика должна быть пограничной республикой, не окруженной со всех сторон территорией СССР..., чтобы она могла быть в состоянии логически и фактически поднять вопрос об отделении»⁶. Формальная логика безупречна, но принцип исключал статус союзной республики для наиболее развитой этнической группы мусульманского происхождения – волжских татар;

2) «национальность, которая дает название данной советской республике, должна составлять более или менее компактное большинство в пределах этой республики»⁷; этот принцип исключал статус союзной республики для крымских татар, которые одними из первых провозгласили независимость, поскольку советский режим включил территорию, где они проживали. Этот принцип дает новое обоснование для отказа в статусе союзной республики

татарам Поволжья; он узаконил формальную отмену статуса союзной республики для Карело-Финской республики в 1956 г.; он нависает как угроза над этническими группами, такими как казахи, которые сейчас являются меньшинствами в своих республиках или (как эстонцы) на путь к тому, чтобы стать меньшинством. И наоборот, Молдавская Автономная Республика 1940 г., в которой было небольшое меньшинство румын среди моря славян, была фактически пересажена (было незначительное перекрытие территории) через реку Днестр, когда Бессарабия была отторгнута у Румынии; затем Молдавия была возведена в статус союзной республики и десятилетиями рекламировалась как первоначальная родина «молдаван»⁸;

3) «население республики не должно быть слишком маленьким; оно должно составлять, скажем, не меньше, а больше миллиона человек... чтобы сохранить свое существование как независимое государство»⁹.

Главным следствием признания союзных республик с титульными этническими группами «национальными по форме, социалистическими по содержанию» стал мощный импульс к языковой дифференциации. В течение более чем семи лет после образования СССР, местные коммунисты в республиках поощряли развитие школьных систем на родном языке, которые обеспечили грамотность целого поколения крестьян (многие из которых стали городскими рабочими). Несмотря на многочисленные ограничения с 1929 г. и усилия по содействию использованию «общепринятого языка» (общепринятый, государственный язык – то есть русский), подавляющее большинство на Украине, в Белоруссии и других регионах сохраняли родные языки в качестве обычной речи и в раннем школьном образовании. В союзных республиках Центральной Азии и Закавказья 98–99 % населения владели грамотностью на своих

родных языках и проявляли очень слабую тенденцию к освоению русского языка. Таким образом, сближение через принятие русского языка (которое Сталин и некоторые последующие представители явно одобряли) оказалось химерой. И наоборот, меньшинства за пределами своих республик (даже многие из тех, кто имеет меньшие автономные этнические территории) начинали двуязычное изучение русского и своего родного языка в раннем возрасте и русифицируются лингвистически в значительных пропорциях¹⁰.

Более того, в отличие от языковой дифференциации, практика назначения местных жителей на аппаратные должности, по-видимому, распространялся почти в такой же степени на чисто административные подразделения, как и на союзные республики. Таким образом, можно проследить карьеру в «ленинградском аппарате», «днепропетровском аппарате», «уральском аппарате», а также в «украинском аппарате» или «грузинском аппарате». Наиболее вероятное объяснение этого любопытного феномена связано с широко распространенным формированием личных последователей вокруг основных соперничающих лидеров советской олигархии. Точно так же, как реальное политическое значение американских штатов в значительной степени зависит от политических организаций, которые развивались для победы на выборах (для выборщиков в президенты, сенаторы и губернаторы) на общегосударственной основе, так и возможно, что большая часть сохраняющегося значения республик Советского Союза может быть связана с тем, как в котором неформальная элитарная политическая культура сложилась вокруг территориальных разделений.

СССР не дожид до XXI в., и потому мы так и не смогли, к сожалению, увидеть его возможное развитие или обновление.

© Шебалкин И. В., 2023

¹ *Lerner D.* Some Comments on Center-Periphery Relations // The Use of Quantitative Data in Cross-National Research / eds. S. Rokkan and R. L. Merritt. New Haven, 1966. P. 259–266.

² *Ленин В. И.* Государство и революция. М., 2022.

³ *Arnold J.* Die nationalen Gebietseinheiten der Sowjetunion: Staatlichkeit, Souveränität und Autonomie im Sowjetföderalismus. Köln, 1973. S. 22.

Сравни в особенности: *Soviet Nationalities Policy in Practice.* New York, 1967. P. 26.

⁴ *Arnold J.* Die nationalen Gebietseinheiten der Sowjetunion: Staatlichkeit, Souveränität und Autonomie im Sowjetföderalismus. Köln, 1973. S. 44.

⁵ *Сталин И. В.* О проекте конституции Союза ССР. Молотов, 1945.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ *Kleess A.* Rumanisch and Moldauisch // Osteuropa. 1955. V. P. 281–284.

⁹ *Сталин И. В.* О проекте конституции Союза ССР. Молотов, 1945.

¹⁰ О языковой политике и ее результатах см.: *Silver B.* 1) The Status of National Minority Languages in Soviet Education // Soviet Studies. 1974. XXVI. P. 28–40; 2) Bilingualism and Maintenance of the Mother Tongue in Soviet Central Asia // Slavic Review. 1976. XXXV. P. 406–424.

Г. А. Удодов*

СТАНОВЛЕНИЕ ОДНОПАРТИЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Деятельность политических партий в современном мире во многом обусловлена событиями, произошедшими в России в первой четверти XX в. Россия в это время предложила миру новый образец парламента, при избрании которого не было партийных списков, однако это не означало, что политические партии в нем не играли никакой роли. Несмотря на то, что данный эксперимент закончился формированием однопартийной политической системы, нельзя делать вывод о невозможности развития советов в русле многопартийной системы.

Изучение механизмов становления политической системы указанного периода, взаимоотношений партии большевиков с бывшими попутчиками может способствовать творческому подходу при формировании новых механизмов функционирования государственной власти, её взаимодействия с обществом, на основе показавших свою устойчивость моделей. По указанным причинам исследование деятельности советов в период политического плюрализма помимо познавательного может иметь большое значение в правотворческой деятельности.

Стоит оговориться, что при захвате власти большевиками, в России действовало множество советов, не контролируемых ими, а Петроградский совет рабочих и сол-

* *Удодов Григорий Александрович* – старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России.

датских депутатов, выступая главным органом Революции, в свою очередь, включал представителей множества революционных политических партий.

Так, постоянно действующий руководящий орган Петросовета – исполнительный комитет при возникновении 27 февраля 2017 г. включал 15 членов, из которых: шестеро меньшевиков, двое эсеров, пять внефракционных социал-демократов, и лишь двое большевиков.

Однако к началу июля большевистская фракция добилась преобладания в рабочей секции Совета. Политический состав Петросовета изменился после корниловского выступления, когда вследствие революционного подъёма произошла его массовая большевизация.

Уже 31 августа (13 сентября) подавляющим большинством голосов на общем заседании Петросовета была принята резолюция большевиков «О власти», которую затем принял Моссовет. «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики», – писал В. И. Ленин, – «могут и должны взять государственную власть в свои руки»¹.

25 октября (7 ноября) в 2 часа 35 минут в Смольном дворце прошло чрезвычайное заседание, на котором В. И. Ленин открыл новую страницу истории словами: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась»². С этого момента Петросовет становится полноправным органом власти, а 10 декабря избран новый исполком, включавший 34 большевика и 10 эсеров левого крыла.

Тем временем политическая борьба переходила в состояние Гражданской войны. Уже к середине ноября 1917 г. депутаты кадетской партии, организовывавшие Учредительное собрание, были подвергнуты аресту, кроме

того была запрещена их партия (Народной свободы). В это же время было объявлено, что в осуществление декрета СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции», лидеры партии подлежали «аресту и преданию суду революционных трибуналов», как «враги народа».

С этого момента начинается история советов как органа государственной власти, а Всероссийских съездов советов как органов представительной власти. При этом в период со второго по пятый съезд большевики представляли лишь 60–70 %, остальные мандаты были разделены между представителями других политических партий и организаций³.

В IV Чрезвычайном съезде советов, по данным мандатной комиссии, опубликованным в газете «Известия ВЦИК» 17 марта 1918 г., принимали участие 1204 делегата, из них: 795 большевиков, 284 левых эсеров, 14 анархистов, 24 эсера-максималиста, 29 эсеров центра, 3 украинских эсера, 38 меньшевиков различных группировок и 17 делегатов определялись как беспартийные⁴.

Пятый Съезд проходил с 4 по 10 июля 1918 г., уже в Москве и насчитывал 1132 делегата, из которых большевиков было 745, левых эсеров 352, эсеров-максималистов 14, остальные участники были определены общей категорией «представителей других мелкобуржуазных партий (анархистов, Интернационалистов и т. п.) – 11 делегатов, беспартийных – 10⁵.

Как видно, левые эсеры – временные союзники большевиков увеличили представительство на треть (30,3 %) на V Съезде по сравнению с предыдущим, когда меньшевики и правые эсеры были исключены из состава советов и их съездов. И все же на Всероссийские съезды становятся фактически однопартийными⁶.

На VI Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в

ноябре 1918 г., мандатная комиссия не произвела подробного фиксирования партийной принадлежности делегатов. Однако в документах было обозначено, что всего присутствовало 1296 делегатов, из которых правом решающего голоса обладали 963, правом совещательного голоса – 333.

946 делегатов обозначены как коммунисты, все представители других партий сведены в одну категорию и насчитывают 16 участников. Кроме того присутствовало трое беспартийных. Как видно, представительство большевиков составляло 74 %.

Особенностью VII Съезда было то, что на него были допущены с правом совещательного голоса члены партий, мобилизовавших своих членов на фронты Гражданской войны на защиту Советской республики. Однако представляет интерес включение в списки представителей национальных партий, которые ранее не учитывались в документах мандатной комиссии.

Всего в съезде принимали участие 1366 делегатов, из которых совещательным были наделены 355, а решающим – 1011, из них коммунистов (большевиков) 970, революционных коммунистов – 3. Количество беспартийных увеличилось до 35⁷.

Как видно, представительство большевиков составляло 98,2 %. На VII–X всероссийских съездах советов представительство большевиков существенно превосходило губернские и уездные съезды (на 20–30 %), и составляло от 90 до 95,9 %, соответственно. Оппозиционные партии были представлены немногочисленными делегатами в пределах долей процентов⁸.

На X Съезде, проходившем в декабре 1922 г., присутствовали лишь пятеро представителей отличных от большевистских политических организаций, что составляло

лишь 0,2 % от общего числа участников, на XI Съезде, проходившем в январе 1924 г., партийная принадлежность представителей других партий больше не указывалась⁹, что, вероятно, подводило итог окончательному утверждению однопартийного характера представительной власти.

© Удодов Г. А., 2023

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34, М., 1969. С. 239.

² Там же. Т. 35. С. 2.

³ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 78–111.

⁴ Съезды советов в документах. 1917–1936. М., 1959. С. 59.

⁵ Там же.

⁶ Советы в первый год пролетарской диктатуры. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г. М., 1967. С. 46.

⁷ Съезды советов в документах. 1917–1936. С. 99.

⁸ Саламатова М. С. Большевики и оппозиционные партии на выборах в Советы: способы формирования однопартийной политической системы (1918–1923) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 2. С. 63.

⁹ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик. Т. 1. М., 1959.

П. В. Максимов*

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ О НАКАЗАНИИ ЗА БАНДИТИЗМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

После Октябрьской революции 1917 г. и установления Советской власти в России возникла очень неустойчивая общественно-политическая и социально-экономическая ситуация, связанная с противостоянием сторонников большевиков и их оппонентов. Собственно, напряженной ситуация была и ранее, что обуславливалось разными причинами. Прежде всего речь идет об активизации революционного движения с начала XX в. Далее нужно учесть, что Россия вступила в Первую мировую войну, что обусловило появление на территории стран огромного количества вооруженных людей (военнослужащих), причем как только что мобилизованных, так и уже вернувшихся с арена боевых действий. Наконец, в начале марта было объявлено об отречении императора. В совокупности эти и другие факторы привели к всплеску преступности, это касалось и бандитизма, который стремительно политизировался, что, видно, в частности, о понятийной трансформации «шайки» при империи в «банду» при советской власти, и отнесении советскими законами бандитизма к уголовно-политическим составам общественно опасных деяний.

В данном контексте советскому законодателю предстояло определяться с наказанием за такого рода обще-

* *Максимов Павел Викторович* – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

ственно опасные деяния, поскольку они существенно дестабилизировали обстановку, и особенно в крупных городах. Сделать это было непросто, учитывая, что советская власть принципиально отказалась от прежнего имперского законодательства как законодательства капиталистического эксплуататорского государства, и лишь начинала формировать собственную правовую базу¹. В этой связи нужно заметить, что меры наказания за бандитизм за весь период советского государства были очень жесткими (начиная от длительных сроков лишения свободы и до расстрела).

Вместе с тем уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм имело противоречивое развитие, что отражало соответствующую политико-правовую характеристику советского общества. Например, в первые месяцы после Октябрьской революции 1917 г., когда функционировал Петроградский Военно-революционный комитет, принимались не столько правовые, сколько политико-репрессивные акты, направленные на пресечение общественно опасных деяний (составы таковых определяли, причем нередко смотря по обстановке, советские органы власти и должностные лица, которые реально контролировали страну, соответственно их действия и решения априори считались законными, и соответственно действия и решения лиц, нарушающие декреты советской власти, считались незаконными). В частности, в своем воззвании от 28 октября 1917 г.² Военно-революционный комитет предупреждал, что будут «немедленно караться» такие преступные действия, как «воровство, разбои, нападения, погромные попытки», то есть то, что позже, буквально через год, будет охватываться составом бандитизма. Военно-революционный комитет указывал также, что виновные в совершении указанных деяний будут пре-

даны военно-революционному суду, и этим судом преступники будут «беспощадно судимы».

Такой подход Советской власти («беспощадность») по отношению к бандитизму будет в своей основе сохраняться и в последующее время, а термин «беспощадно» и производные от него слова окажутся самыми используемым в такого рода актах о политико-правовой ответственности за рассматриваемое преступное деяние. При этом в актах советской власти первых лет ее функционирования в части воздействия на совершивших бандитизм, акцент делается обычно на таких мерах, как арест и предание суду, то есть, предусматривалось применение прежде всего уголовно-процессуальных процедур (такой акцент, на наш взгляд, объяснялся тем обстоятельством, что соответствующие меры уголовного (материального) права еще не были приняты. Так, 9 ноября 1917 г. СНК обратился к Военно-революционному комитету, указывая, что «в условиях величайших народных бедствий преступные хищники ради наживы играют здоровьем и жизнью миллионов солдат и рабочих. Такое положение не может быть более терпимо ни одного дня. Совет Народных Комиссаров предлагает Военно-революционному комитету принять самые решительные меры к искоренению спекуляции и саботажа, скрывания запасов, злостной задержки грузов и пр. Все лица, виновные в такого рода действиях, подлежат по специальным постановлениям Военно-революционного комитета немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта, впредь до предания военно-революционному суду»³. В свою очередь, Военно-революционный комитет обратился к гражданам со своим обращением: «Военно-революционный комитет постановляет: хищники, мародеры, спекулянты объявляются врагами народа. Лица, виновные в этих тягчайших преступлениях, будут немед-

ленно арестовываться по специальным ордерам Военно-революционного комитета и отправляться в кронштадтские тюрьмы впредь до предания их военно-революционному суду ... Борьба с этим злом – общее дело всех честных людей. Военно-революционный комитет ждет поддержки от тех, кому дороги интересы народа. В преследовании спекулянтов, мародеров Военно-революционный комитет будет беспощаден»⁴. В начале декабря Военно-революционный комитет был упразднен, и функции по непосредственной реализации правоохранительных полномочий от имени советской власти взял на себя СНК, который занял такую же непримиримую позицию в части «беспощадности» по отношению к виновным в общественно опасных деяниях, включая бандитизм. Так, в Обращении СНК ко всем трудящимся о борьбе с восставшим чехословацким корпусом и контрреволюцией в Сибири от 10 июня 1918 г. был поставлен вопрос о необходимости принятия «исключительных мер» в отношении «бандита Дутова», бывших помещиков, кулаков и других противников советской власти, объединившихся в «союз против рабочих и крестьян». Здесь следует отметить то обстоятельство, что ранее в актах Военно-революционного комитета говорилось о борьбе преимущественно уголовного бандитизма, то в данном Обращении СНК – уже о политическом бандитизме. Не удивительно, что и мена наказания самая жесткая, а именно смертная казнь (как сказано в Обращении – «смерть врагам народа!»⁵).

В начале 1919 г. Председатель СНК В. И. Ленин направил предписание ВЧК, где, среди прочего, указывалось: «Ввиду того что налеты бандитов в Москве все более учащаются и каждый день бандиты отбивают по нескольку автомобилей, производят грабежи и убивают милицио-

неров, предписывается ВЧК принять срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами»⁶. В другом документе, датированном 27 марта 1919 г. (ответе Ленина на письмо профессора М. Дукельского), подчеркивается: «пойманных бандитов, рвачей, авантюристов мы расстреливаем и расстреливать будем».

Как видно, здесь «бандиты» поставлены на первое место среди тех, кто, по мнению Ленина, вождя пролетариата, выступал против советской республики, мешая всяческим образом строить новое социалистическое государство рабочих и крестьян. Следует, однако, обратить внимание на то, что в подобных документах имелось определенное юридическое противоречие, имея в виду, что «виновность» без судебного приговора не могла быть определена органами, которые могли лишь пресекать указанные преступные действия и представлять доказательства виновности. Однако в условиях острой нестабильности общественно-политической обстановки такие правовые «мелочи» игнорировались. Кроме того, как отмечалось выше, не указывались конкретные меры уголовного наказания.

При этом нужно заметить, что применительно не к бандитизму, а к иным составам преступлений, советский законодатель более конкретно определял меры наказания, хотя еще также бессистемно⁷. Так, Декретом СНК от 29 октября 1917 г. регулировался вопрос о продолжительности рабочего дня, и в этом акте указывалось, что «виновные в нарушении настоящего закона караются по суду лишением свободы до одного года»⁸. Вместе с тем и здесь было противоречие, связанное с неконкретностью диспозиции данной уголовно-правовой нормы, поскольку «нарушение закона» не имело своей детализации. В другом примере (Декрет СНК от 8 ноября 1917 г. «О введении государственной монополии на объявления») было опреде-

лено наказание в виде конфискации имущества и тюремного заключения⁹. Декретом ВЦИК от 13 апреля 1918 г. для дезертиров предусматривалось «лишение прав гражданина Советской республики»¹⁰. Заметим также, что тогда еще не говорилось об исправительно-трудовом воздействии на преступников¹¹. При этом меры в отношении виновных в тяжких преступлениях, и прежде всего, бандитизме, законодателем прямо не формулировались, но определенные наметки уже были.

Так, в отношении указанного выше «бандита Дутова» и его «приспешников» в одном из правительственных актов говорилось о необходимости применять такое наказание как «объявление вне закона»¹². В известном законе о «красном терроре»¹³ среди мер, которые, по мнению власти, позволят защитить от классовых врагов молодую республику от «классовых врагов», а к ним относились и бандиты, значились такие меры, как «изоляция в концентрационных лагерях», «расстрел». Позже в системных уголовно-правовых актах законодатель уже более четко стал определять уголовную ответственность¹⁴. И здесь следует выделить прежде всего первый уголовный кодекс советской России – УК РСФСР 1922 г.¹⁵ Ответственность за бандитизм определялась в ст. 76 УК РСФСР 1922 г. За организацию банды (вооруженной шайки), участие (членство) в ней, а также участие в совершаемых бандами разбойных нападениях предусматривался расстрел. Предусматривалась также конфискация имущества. При наличии смягчающих обстоятельств наказание могло быть смягчено (лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества). Уголовная ответственность предусматривалась также за пособничество бандам и укрывательство банд и отдельных их участников, а равно сокрытие добытого и следов преступ-

ления (расстрел, а при наличии смягчающих обстоятельств лишение свободы не ниже чем на срок 2 года). Следует еще отметить, что наказание за бандитизм было почти самым жестким из числа всех санкций, которые включались в УК РСФСР. Кроме того, законодатель довольно четко определял наказание за сам факт организации банды, и это наказания такое же, как совершаемые бандой преступления, что существенно отличает подход законодателя к наказанию за бандитизм в более поздние периоды.

© Максимов П. В., 2023

¹ Курдюк П. М., Упоров И. В., Акопян А. В. Преступность как социально опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации. Краснодар, 2007. С. 29.

² *Воззвание* Военно-революционного комитета «Ко всему населению Петрограда и окрестностей» от 29 октября 1917 г. // *Документы Великой пролетарской революции*. Т. 1. М., 1938. С. 71–72.

³ *Обращение* Совета Народных Комиссаров к Военно-революционному комитету от 9 ноября 1917 г. // В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922). М., 1987. С. 15.

⁴ *Обращение* Военно-революционного комитета «Ко всем честным гражданам» от 10 ноября 1917 г. // *Документы Великой пролетарской революции*. Т. 1. М., 1938. С. 226.

⁵ *Обращение* Совета Народных Комиссаров ко всем трудящимся о борьбе с восставшим чехословацким корпусом и контрреволюцией в Сибири от 10 июня 1918 г. // *Декреты Советской власти*. Т. 2. М., 1959. С. 408–411.

⁶ *Предписание* Председателя СНК Всероссийской чрезвычайной комиссии от 25 января 1919 г. // *Известия ВЦИК*. 1919. 25 января.

⁷ *Турицын И. В., Упоров И. В.* Уголовное наказание в теоретических и законодательных конструкциях (историко-правовой аспект) // *Право и практика*. 2014. № 14. С. 11–19.

⁸ *Декрет* СНК «О восьмичасовом рабочем дне» от 29 октября 1917 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства* (далее – СУ РСФСР). 1917. № 1.

⁹ *Декрет* СНК «О введении государственной монополии на объявления» от 8 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 2.

¹⁰ Декрет ВЦИК «О сроке службы в Рабоче-Крестьянской красной армии» от 13 апреля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 33.

¹¹ *Рассказов Л. П., Упоров И. В.* Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. Краснодар, 1998.

¹² Обращение СНК «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной радой» от 26 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4.

¹³ Постановление СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 // Известия ВЦИК. 1918. 10 сентября.

¹⁴ *Старков О. В., Упоров И. В.* Юриспруденция: введение в специальность. М., 2005.

¹⁵ Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

А. В. Кудрявцев*

ТЕОРИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ МОЛОДОГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

29 декабря 1922 г. на географическом пространстве прекратившей свое существование Российской империи было образовано новое государство, политическая и экономическая идеология которого на протяжении XX в. оказывала влияние на весь мир – Союз Советских Социалистических Республик.

Предшествовавшая этому событию Октябрьская революция 1917 г. положила конец капиталистической модели хозяйствования оптимистическим лозунгом «Фабрики – рабочим, земля – крестьянам!». Однако при всей идеализации будущего устройства общества, которой грезили теоретики-революционеры, привнесение новой действительности в систему достаточно консервативных экономических законов, пронизывающих все сферы жизни общества в независимости от политического уклада, поставили перед экономистами задачу теоретического обоснования нового типа экономики с учетом товарно-денежных отношений субъектов рынка в условиях возведенного в нерушимую догму экономического учения К. Маркса, что существенно ограничивало свободу научного творчества,

* *Кудрявцев Андрей Вадимович* – оперуполномоченный Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Тверской области; старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Тверского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета, кандидат экономических наук.

оставляя для новых идей развития экономической теории очень узкие рамки.

Среди советских идеологов в первые послереволюционные годы было популярно мнение о том, что нормальные рыночные отношения несовместимы с новой системой социалистического уклада хозяйствования и в скором времени прекратят свое существование. На это обстоятельство указывал и В. И. Ленин в своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «Империалистическая война предопределяет пролетарское восстание, распаляет огонь социалистической революции, и не столько потому, что эти процессы катализируют социализм... Ни одно восстание не в силах сделать этого, если социализм не созрел экономически. Между государственной монополично-капиталистической системой хозяйствования и социализмом не существует промежуточных ступеней»¹. Таким образом, согласно взглядам В. И. Ленина, переход к новому социальному строю произойдет благодаря смене буржуазных собственников и концентрации всех производственных мощностей и рычагов управления хозяйством страны в руках пролетарского государства. Необходимые при переходе к новой системе хозяйствования коренные изменения в производственном процессе, такие как овладение производством пролетариями, сменившими капиталистов и буржуазию, воспитание нового человека и реорганизация традиционного общества в производственно-потребительские коммуны остаются на подмостках истории, играя роль второго плана. Таким образом, по мнению В. И. Ленина и его соратников, Февральская буржуазная революция быстро переросла в революцию социалистическую, в отличие от западных стран, переживавших революционные потрясения с дальнейшим длительным господством буржуазии. Однако дальнейшее развитие исто-

рии показало несостоятельность утопических макроэкономических суждений, отрицающих законы рынка. Неготовность экономики молодого государства к глобальным изменениям проявилась в возвращении к институту буржуазии и взятии курса на проведение новой экономической политики, оживившей до 1929 г. рыночные отношения и торговлю. В последующем советскими учеными-экономистами было преодолено утверждение о несовместимости рыночной и социалистической экономики. Консенсус был найден на балансе действия закона стоимости в социалистической модели, пусть и не в полном его смысле, не «как стихийно действующая сила, а как сознательно используемый метод планового руководства».

Однако воскрешение мелких собственников, получивших название «нэпман», «кулак», звучало диссонансом с заявленной политической программой молодого Советского государства. Недостаточный контроль за сельским хозяйством, часть земельных площадей которого находилась у зажиточных крестьян, повлек кризис хлебных заготовок для нужд государства в период с 1927 г. по 1928 г. Кроме того, непропорциональное развитие в масштабах страны сельского хозяйства, на долю которого приходилось 60 % всех производственных мощностей, и промышленности, с удельным весом 40 %, характеризовало Советский Союз как аграрное государство, что не позволяло конкурировать на международном геополитическом пространстве с другими державами. Указанные причины послужили свертыванию новой экономической политики и переходу к жесткой системе централизованного планирования народного хозяйства, резко ограничившей систему рыночных отношений.

Теория централизованного планирования народного хозяйства являлась одной из основных в советской эконо-

номической модели. Расцвет данного направления пришелся на 20-е годы XX в. В обозначенный период советскими учеными был сделан ряд открытий, существенно обогативших сокровищницу мировой экономической мысли, были предложены новые методы теории планирования, по своей сути выходящие далеко за ограниченность рамок плановой экономики, и активно используемые экономистами различных школ и направлений и в наше время. Среди них балансовый метод, методы математического моделирования, прогнозирования, и другие.

Особенно хочется подчеркнуть вопрос использования новых экономических методов в практической деятельности. В 1923–1924 гг., в еще совсем молодом советском государстве, при составлении межотраслевого баланса был впервые применен метод «затраты – выпуск», изобретенный еще в 1898 г. русским экономистом В. К. Дмитриевым и развитый впоследствии американским экономистом русского происхождения В. В. Леонтьевым, удостоенным за научные достижения в данной области Нобелевской премии по экономике². Данный факт говорит об энтузиазме советских экономистов, совершавших важные открытия в довольно трудных формациях становления нового общества на руинах недавно потухшего огня Гражданской войны. Однако смелые творческие посылы порой натыкались на жесткость и отсутствие пластичности государственной машины, что сводило на нет научные открытия и приводило к оттоку научного человеческого капитала из страны. В этой связи показательны наличие двух различных направлений теории экономического планирования.

Первое направление исследователей воспринимали планирование как прогноз будущего состояния экономики с помощью анализа макроэкономических показателей и

проектирования направления движения экономической динамики. Основным постулатом деятельности данной группы, возглавляемой Н. Д. Кондратьевым, заключался в том, что план развития экономики должен быть в первую очередь реальным, то есть базироваться на данных экономического анализа, возможностях и реакциях рынка на те или иные запланированные экономические действия. Правильность плана, по их мнению, подтверждается только практическими обоснованиями теоретических изысканий.

Представители второго направления исследователей во главе с С. Г. Струмилиным в условиях сворачивания курса гласности полагали, что план не должен ориентироваться на рынок и его законы, а должен соответствовать тем целям и задачам, которые ставят перед ним политические силы страны. Положение о реальности составленного плана было отброшено на задворки истории с формулировкой о том, что даже «невозможные задачи могут быть решены благодаря творческой воле пролетариата». В соответствии с программной директивой данной провластной группы ученых, план не должен ориентироваться на рынок, а, как его антипод, должен вытеснять его и в конце концов заменить рынок собой. Наиболее радикальным выражением экономической мысли данного направления было утверждение о том, что планы государства (на тот момент реализовывались первые пятилетки), предстают в статусе неоспоримых экономических законов. Тем не менее, полного отрешения от законов рыночной экономики не произошло, и впоследствии плановая экономика была вынуждена опираться на постулаты рыночной, используя принципы стоимостной обоснованности. В этом плане выгодно отличались ученые, не принадлежащие к официальной науке, имеющие свое, порой отлич-

тельное от генеральной линии, мнение на происходящие экономические события. Одним из таких ученых являлся Н. Д. Кондратьев, уже упомянутый выше. Помимо больших циклов экономической конъюнктуры, которые он выявил с помощью проведенного анализа огромного количества эмпирических данных, характеризующих цены, объемы производства и потребления и др. в четырех развитых индустриальных странах (США, Англия, Франция и Германия) в период с конца XVIII в. по начало XX в., он также являлся одним из авторов так называемого генетического метода планирования, суть которого заключается в прогнозировании экономики на основе существующих тенденций экономического развития. Однако с учетом отечественных реалий 30-х годов прошлого века, предложенный Н. Д. Кондратьевым метод планирования был признан «классово враждебным», ученого репрессировали, а после восьми лет заключения расстреляли.

Стоит констатировать факт, что экономическая наука в рассматриваемый период находилась в зависимости от властных кругов и в большинстве случаев обслуживала интересы плановой верхушки, подгоняя экономические законы под грандиозные, но не всегда экономически обоснованные планы советского строительства. Тем не менее, в рассмотренный период отечественными учеными были сделаны грандиозные научные открытия, которые находят свое практическое применение во всем мире и по сей день.

© Кудрявцев А. В., 2023

¹ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. М., 1982. С. 44.

² Клюкин П. Н. Балансовые методы и макро моделирование в долгосрочном прогнозировании // Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование: Учебник. М., 2011. С. 151–188.

Ю. О. Новикова*

КООПЕРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Кооперативная политика Российского государства с момента возникновения первых кооперативных товариществ в конце XIX в. на основе западных идей кооперативного строительства до мощного общественно-экономического движения страны претерпело несколько серьезных трансформационных витков.

Следует отметить, что данная статья охватывает хронологические рамки с революционных событий 1917 г. до 1930 г. – период, когда кооперативное движение перестает быть инструментом развития единоличных крестьянских хозяйств на основе самоуправления, самоорганизации и самодеятельности и становится государственным экономическим механизмом общегосударственного товарообмена.

Нормы кооперативного законодательства Временного правительства, закрепленные в трех основных нормативных правовых актах: Положении от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах», Положении от 21 июня 1917 г. «О регистрации товариществ, обществ и союзов» и Положении от 1 августа 1917 г. «О съездах представителей кооперативных учреждений», принци-

* *Новикова Юлия Олеговна* – доцент кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент.

ально отличались от нормативных установок царского правительства и достаточно широко отражали идеи кооператоров в деле построения кооперации. Именно означенными документами законодатель закрепил определение понятия «кооперативное товарищество», установил явочный (заявительный) характер регистрации юридического лица, определил кооперативное товарищество как центр не только повышения финансового благосостояния населения, но и как центр духовного и культурного развития. Более того, законодательно было закреплено право низшей сети кооперативных объединений свободно объединяться в союзы и собирать кооперативные съезды с целью решения насущных практических и теоретических вопросов построения кооперативной сети.

Государственная кооперативная политика в годы нэп предопределила положение кооперации на несколько лет вперед. Кооперация рассматривалась В. И. Лениным как эффективный инструмент построения социализма. Однако сама сущность кооперативной идеи, основанной на демократических началах, была трансформирована в необходимость перехода от «низших форм кооперирования» к их «высшей форме» – колхозам¹. Это означало отказ государственной власти от индивидуального развития крестьянских хозяйств посредством кооперации в пользу всенародной кооперативной организации, включавшей все «население поголовно»². Интерпретация кооперации в данном ключе разрушала те представления царского правительства, которые определяли государственное кооперативное строительство, выражавшееся в добровольности объединения граждан, их инициативе и самоорганизации.

Одним из принципиальных и важных нормативных правовых актов, принятых в 1919 г. в рамках политики

«военного коммунизма» был Декрет Совета Народных Комиссаров от 20 марта 1919 г. «О потребительских коммунах»³. В соответствии с данным документом все виды кооперации были объединены под эгиду потребительской, которая стала единым распределительным центром, включающим частную торговлю, которая переходила в сегмент централизованного распределения товаров. Этот нормативный правовой акт можно считать первым и серьезным шагом государственной власти в огосударствлении кооперативного движения с жестким государственным контролем его деятельности⁴.

Новая экономическая политика определила роль кооперации как основного распределительного экономического института путем товарообмена между городом и деревней. Декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» законодатель закрепил норму – право крестьян на обмен излишков своего труда на продовольственные и непродовольственные товары других отраслей через распределительные кооперативные товарищества⁵. Исходя из подхода государственной власти к процессам перераспределения и обеспечения населения товарами видно, что речь шла о потребительской кооперации. Еще к началу XX в. в России сложилась весьма развитая сеть кооперативных объединений, включавшая разные ее виды: кредитную, потребительскую, сельскохозяйственную, производственную и др. Данным документом законодатель урегулировал не только новый юридический статус кооперации, но и упорядочил новую кооперативную конструкцию. В соответствии со ст. 14 анализируемого документа кооперативная сеть состояла из центрального объединительного звена кооперации – Центросоюза и региональных кооперативных союзов, подчиняющихся первому.

Развитие системы кооперативного законодательства в 20-е годы XX в. продолжилось Декретом СНК от 13 мая 1921 г. «Об обменном фонде рабочих и служащих». Данным нормативным правовым актом законодатель создает рабочий Кооперативный Комитет при Центросоюзе (Рабкоп). Данный кооперативный институт был наделен правом заготавливать продовольственные товары для «состоящих членами профессиональных союзов рабочих, служащих и членов из семей, необязанных трудовой повинностью»⁶.

Кооперативное законодательство 1924 г. продолжает проводить, с одной стороны, демократизацию детально-сти вновь созданной кооперативной сети путем закрепления прав граждан на свободное создание потребительских кооперативов с применением явочного характера регистрации, самоуправления путем принятия решений через коллегиальный орган управления, с другой – применять аналогию закона к другим видам кооперации, не затрагивая их правовой статус⁷.

С 1927 г. круг прав потребительских товариществ стал заметно сужаться. Это было продиктовано трендами государственной политики в направлении преобразования мелких товаропроизводителей в крупные производственные коллективы, с помощью которых единоличные крестьянские хозяйства были бы преобразованы в общую социалистическую собственность.

Первым шагом государственной власти на этом пути стало Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 июня 1927 г. «Об утверждении Положения о порядке прекращения кооперативных организаций при их ликвидации, соединении и разделении». Означенным документом законодатель расширил права государственных органов на местах в сфере управления и ликвидации кооперативных

объединений, что породило параллелизм в кооперативном управлении и, как следствие, некий паралич в деятельности потребительских кооперативов⁸.

В 1929–1932 гг. в связи с новым курсом экономического развития страны проходило упразднение кооперации.

Идея трансформации индивидуальных форм хозяйственности во всеобщую социалистическую собственность при помощи кооперации выразилась и в нормах кооперативного законодательства, которое регулировало деятельность других видов кооперативных товариществ. Так, Постановлением ЦК ВКП(б) от 29 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» задачей кооперации становится повсеместное перерастание «простейших производственных объединений в более сложные формы производственного кооперирования и организации на этой основе крупного коллективного производства»⁹. А Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 30 января 1930 г. «О кредитной реформе» законодатель окончательно ликвидировал кредитные товарищества передав право кредитования Государственному Банку¹⁰.

Таким образом, государственная кооперативная политика в 1917–1930 гг. претерпела несколько трансформационных витков от демократизации деятельности кооперативных товариществ до полного их огосударствления и ликвидации многих их видов. Роль кооперации как серьезного общественного социально-экономического движения высоко оценивалась государственной властью в направлении экономического развития страны периода ранней советской России, однако суть кооперативных принципов, на которых происходило становление данного социально-экономического явления в конце XIX в., была

трансформирована и встроена в идею и впоследствии в практику построения общегосударственной социалистической собственности.

© Новикова Ю. О., 2023

¹ Ленин В. И. О кооперации // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 45. М., 1970. С. 370.

² Ленин В. И. Проект декрета о потребительных коммунах // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 35. М., 1974. С. 209.

³ Декрет Совета Народных Комиссаров от 20 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. С. 279–281.

⁴ Новикова Ю. О. Эволюция правового регулирования потребительской кооперации в России в 1917–1929 гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 170.

⁵ Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. П. 8. С. 245–246.

⁶ Декрет Совета Народных Комиссаров от 13 мая 1921 г. «Об обменном фонде рабочих и служащих» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. Ст. 1. С. 459–462.

⁷ Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 20 мая 1924 г. «О потребительской кооперации» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 26. Ст. 150.

⁸ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 июня 1927 г. «Об утверждении Положения о порядке прекращения кооперативных организаций при их ликвидации, соединении и разделении» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. 1927. № 37. Ст. 371–372.

⁹ Постановление ЦК ВКП(б) от 29 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации». М., 1929. П. 1.

¹⁰ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 января 1930 г. «О кредитной реформе» // Собрание законов и распоряжений

Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год. М.,
1930. П. 1. С. 175–180.

*У. Е. Якушева**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМЕШАННЫХ КОНЦЕССИЙ В ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ: ОПЫТ УЧАСТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНВЕСТОРОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Начало XX в. было наполнено политическими событиями в России: Первая мировая война, Октябрьская революция и др. Произшедшие изменения существенным образом повлияли на экономическую ситуацию в стране: изменение валютного баланса, снижение объема инвестиций, падение валового регионального продукта, дефицит товаров, разрушение производственных мощностей и др. Обозначенные факторы предопределили курс развития советской экономики – новую экономическую политику. Для решения проблемы дефицита иностранной валюты Советское правительство активно привлекало иностранных инвесторов через концессионный механизм. С этой целью в 1920 г. Советом Народных Комиссаров был принят Декрет № 481 «Общие экономические и юридические условия концессий», где были прописаны гарантии для концессионеров и основной курс взаимодействия. Наиболее показательна деятельность иностранных инвесторов на примере лесной отрасли в силу ее экспортной ориентации. Советское правительство выделяло Архангельскую

* *Якушева Ульяна Евгеньевна* – доцент кафедры государственного и муниципального управления; старший научный сотрудник отдела планирования и сопровождения научных исследований Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск), кандидат экономических наук.

губернию как потенциальную площадку для формирования связей с западными партнёрами в силу наличия тесных межличностных коммуникаций между представителями бизнеса и наличия на ее территории леса, необходимого для западных потребителей. Для более эффективной деятельности на территории губернии был сформирован один из 12 отделов Наркомата внешней торговли¹.

Таким образом, целью исследования является определение механизма взаимодействия с иностранными инвесторами при развитии лесной отрасли в период с 1918 г. по 1930 г. Объектом исследования является Архангельская губерния. Для достижения поставленной цели применялись историко-системный, ретроспективный, сравнительный методы исследования, а также литературный анализ. Источниками информации послужили вторичные данные: материалы Государственного архива Архангельской области, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, работы отечественных ученых.

В результате анализа выявлено, что на начало 1925 г. было заключено 84 концессионных договора, где четыре – в лесной отрасли². Количество поступивших предложений равнялось 1256, в лесной отрасли – 75. Таким образом, только 6 % поступивших предложений были одобрены, что говорит о достаточно строгих критериях. К 1928 г. количество договоров возросло до 106, где уже шесть концессий оперировало в лесном хозяйстве. Иностранные инвестиции в лесную отрасль поступали из Великобритании, Германии, Нидерландов, Норвегии, Финляндии и Японии³.

Половина лесных концессий оперировала на территории Архангельской губернии: «Руссанглолес» (Англия), «Руссголандолес» (Голландия), «Русснорвеголес» (Норвегия).

Все они относились к смешанным концессиям и имели форму акционерного общества, где уставной капитал был сформован за счет инвестиций иностранных партнеров и средств правительства РСФСР. Со стороны Советского правительства был создан лесной трест «Северолес», который внес 50 % капитала. Половина капитала со стороны иностранных инвесторов была внесена в виде леса и материалов, представляющих собой долг Советского правительства за конфискованное иностранное имущество в период Октябрьской революции⁴. Мотивом такой уступки послужил сговор между западными партнерами о возврате только на те промышленные объекты, где они оперировали до революции. Также известны случаи о сговоре по ограничению объемов покупки российского леса или покупки его по заниженным ценам⁵. В отчете работы АО «Руссанглолес» в 1923–1924 гг. отмечается, что продажи идут плохо, цена продажи стандартов снизилась с 25 до 23,10 фунтов стерлингов за 9-ку третьего сорта⁶.

В свою очередь, Советское правительство ввело значительный размер платы за концессию, помимо существующих налогов и сборов. Так, таксовая стоимость на 1 куб. фут варьировалась от 0,83 до 11,61 коп. в зависимости от вида продукта, типа материала и места его производства. Кроме того, взимались дополнительные начисления на таксовую стоимость, выручку и сборы при превышении цены на рынке 15–19 фунтов стерлингов⁷. В общей сложности размер уплаченной попённой платы оценивается в 30 млн руб., а поступление валюты в «Северолес» – 134 млн руб.⁸

Другим ограничением деятельности иностранных инвесторов была защита прав работников концессионных предприятий и курс на привлечение преимущественно граждан РСФСР: доля иностранных работников среди ра-

бочих не должна была превышать 10 %, а среди квалифицированных специалистов – 25 %⁹.

Помимо этого, существовали экономические ограничения в виде норматива на объемы вывоза валюты – «до двух рублей золотом на одно лицо и сверх того на каждого члена семьи, выезжающего по паспорту главы семейства на сумму до ста рублей золотом по официальному курсу»¹⁰.

Привлечение иностранных концессионеров для разработки лесных ресурсов представляло собой попытку уйти от полной экономической блокады, формирование платежного баланса за счет экспорта ресурсов, но на условиях и принципах Советского правительства. И. В. Сталин при докладе о работе пленума ЦК ВКП(б) отмечал: «старая Россия, сдавала кабальные концессии и получала кабальные займы, стараясь таким образом выбраться постепенно на путь индустриализации... Этот путь тоже закрыт для нас»¹¹.

В результате анализа было выявлено, что иностранные инвесторы имели цели возврата утраченного до Октябрьской революции капитала, полагаясь на прежние принципы финансового империализма. Но «ловушка» не сработала за счет внедряемых Советским правительством институциональных инструментов в сфере регулирования внешней торговли, рынка труда, валютных операций и деятельности в отрасли. В итоге иностранные инвесторы прекратили свою деятельность, и лесные концессии были проданы государственному лесному тресту «Северолес». Опыт участия иностранных инвесторов в России имеет схожие черты с происходящими в начале XXI в. процессами и дает существенные уроки для дальнейшего развития рынка России, в частности, в обеспечении экономической безопасности.

Статья написана в рамках исследования, поддержанного Администрацией Архангельской области и Российским научным фондом (проект № 22-18-20061))

© Якушева У. Е., 2023

¹ Трошина Т. И. Внешнеторговые эксперименты в Архангельской губернии (1916–1921 гг.): исторический опыт выживания в условиях санкций // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 122–141.

² Ляндау Л. Г. Иностранный капитал в дореволюционной России. М.; Л., 1925.

³ Данильченко С. А. Концессионная политика советского государства в условиях НЭПа // Экономический журнал. 2002. № 2(5). – http://economicarggu.ru/2002_5/02.shtml (дата обращения: 21.02.2023).

⁴ Загорулько М. М., Парфенов А. Е. Смешанные лесные концессионные предприятия на севере Европейской России в период НЭП // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2006. № 5(22). С. 181–188.

⁵ Косых Е. С. Смешанные общества в советской экономике и внешней политике 1920-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 5. С. 50–57.

⁶ Государственный архив Архангельской области (далее – ГАО). Ф. 554. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.

⁷ Концессионный договор с «Руссанглолес» от 24 марта 1923 г.; Концессионный договор с «Руссголандолес» от 27 марта 1923 г.; Концессионный договор с «Русснорвеголес» от 3 июля 1923 г.

⁸ Зыкин И. В. Советский союз и торговля древесиной во второй половине 1920-х – в 1930-х годах // Устойчивое лесопользование. 2022. С. 36–45.

⁹ Государственный архив Архангельской области. Ф. 552. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

¹⁰ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19 апреля 1923 г. (с изм. от 30 мая 1923 г.) «О порядке вывоза и перевода за границу валютных ценностей» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1923. № 32. Ст. 360.

¹¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. М., 1948. С. 123.

Т. И. Трошина*

О. В. Минчук**

**ЛЕСНЫЕ КОНЦЕССИИ 1920-Х ГОДОВ В СССР:
СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ
СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Роль иностранных концессий в восстановлении советской экономики рассматривается неоднозначно. Есть предположение, что допуск иностранного капитала имел, скорее, политический, нежели экономический смысл. О двоякой роли концессий (политической и экономической) говорил и В. И. Ленин, отмечая, что выборочным предоставлением концессий можно создавать противоречия в капиталистическом мире в интересах Советской России, а также экономическими методами минимизировать опасность войны¹.

В Архангельской губернии концессии на северные леса получили бывшие английские, голландские, норвежские владельцы лесозаводов, одновременно с правом аренды этих заводов. Концессионные (акционерные) общества – Русанглолес, Русголландлес, Руснорвеголес имели смешанный характер, так как уставной капитал форми-

* *Трошина Татьяна Игоревна* – профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск), доктор исторических наук, доцент.

** *Минчук Олег Викторович* – старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск).

ровался из национальной и иностранной доли. В литературе отмечается реституционный характер этих концессий².

На примере практики создания Руснорвеголеса стоит отметить в некоторой степени условный характер обозначенной иностранной части формирования уставного капитала. В соответствии со ст. 4 Учредительного договора от 10 октября 1923 г. консорциуму из норвежских лесных фирм (правопреемников дореволюционных организаций) предоставлялись лесные материалы, ранее им принадлежавшие. Им же поручалась их реализация. Средства от продажи должны были пополнить уставной капитал общества, но с первоначальным возмещением расходов Правительства СССР и выплаты 40 тыс. фунтов стерлингов консорциуму для обеспечения ими своих дореволюционных кредитных обязательств³. Непокрытая зачетом сумма должна была вноситься норвежскими фирмами наличными «по мере поступления денег, выручаемых от продажи товаров»⁴.

Таким образом предприниматели на этапе получения концессии имели невысокий риск своих активов, так как вложения, по сути, были перезачетом ликвидного имущества. Наряду с этим, устанавливались обязательства, по предоставлению фирмами консорциума отказа от претензий на принадлежавшее им ранее и национализированное имущество, а также – по оборудованию, строительству и содержанию заводов⁵. За неполный год общество вложилось в улучшение производства и постройку домов рабочим суммой в 66 тыс. фунтов, а на финансирование производства было затрачено больше четверти миллиона фунтов стерлингов⁶.

Смешанный характер организованных обществ и механизм их создания служил как для преодоления эконо-

мического бойкота русского лесного экспорта в западные страны, так и для легализации национализированных предприятий перед зарубежными государствами⁷. При этом продолжали повторять, что «всякий концессионер должен дать обязательство в рамках советских законов и признавать все распоряжения советской власти»⁸.

В заключенных договорах специально оговаривалась гарантия «невмешательства профессиональных организаций в хозяйственные распоряжения Общества». Но это не означало освобождения концессионера от всех принятых в Советской России социальных отчислений, которые, по мнению директора-распорядителя норвежской компании, относятся к «непродуктивным»⁹.

Высокие внутренние налоги и таможенные пошлины превращали лесную промышленность в совершенно невыгодное предприятие для капиталистов-концессионеров. Напрягали их и коллективные договоры с рабочими коллективами, дающие слишком много прав завкомам; в результате, даже в интересах производства невозможно было провести сокращение штатов.

Концессионеры были разочарованы: во время переговоров с Л. Б. Красиным в 1922 г. у них «была полная вера в уверениях представителей советского правительства»; им «обещали поддержку, не сообщая истинное положение вещей». Попытки самим перед подписанием договоров найти необходимые сведения, наталкивались на угрозы наказания за «экономический шпионаж»¹⁰.

Столкнувшись с экономическими просчетами, англичане и голландцы были вынуждены уйти, продав свои акции государственному тресту «Северолес» (дочерними предприятиями которого лесные концессии и являлись). Более благополучное в этом отношении АО «Руснорвеголес» настаивало на льготах, которые были предоставлены ан-

гличанам и голландцам, первыми решившимися согласиться на условия советской стороны. Государственный концессионный комитет (ГКК) согласился на «освобождение Общества от оплаты наддач к попённой плате, от уплаты портовых сборов, от платежей по аренде заводов, от платежей делового отчисления за весь тесаный и пиленный лесной материал, вывозимый за границу, от уплаты земельной ренты, и в приравнении Общества к соответствующим государственным предприятиям в отношении тарифов страхования имущества, и ...к государственной лесной промышленности Севера» в отношении возможностей эксплуатации лесов¹¹. Концессионеры настаивали также на понижении отчислений по социальному страхованию до 4 % и отмены обязательств по содержанию рабочих клубов и финансированию другой культурно-просветительской работы. ГКК рассчитывал, что в обмен на эти льготы Общество выполнит свои обязательства, включенные в концессионный договор и нередко нарушаемые по причине, как объясняли концессионеры, конъюнктуры рынка и отсутствия финансирования.

К немалым сложностям для концессионеров можно отнести несовершенство советского законодательства. Формально правовая система была вполне определенной: существовал арбитраж, собирались конфликтные комиссии для разрешения трудовых споров, при необходимости можно было обратиться с гражданским иском в Народный суд. Но непростая структура советского общества создавала немало трений при решении этих вопросов.

Особое положение концессионных предприятий, которые «не являются государственными или приравненными к ним организациями, а действуют в СССР как частноправовые»¹², неоднократно разъяснялось местным властям и ГКК, и Наркоматом юстиции. Но проблемы перио-

дически возникали.

Так, осенью 1923 г. штормом раскидало и унесло в море около 60 тыс. бревен, переданных «Русанглолесу», но то «уклонялось от него», поскольку он был не экспортного качества. Концессию пытались привлечь к ответственности «за бесхозяйственность или халатное отношение к делу», что, по мнению суда, прислушавшегося к доводам адвоката, было неприменимо, поскольку Общество «является частновладельческой фирмой», и данный вопрос следует рассматривать в рамках гражданского иска¹³.

В 1927 г. организатор лесозаготовок концессионного предприятия был признан виновным по статье «халатное отношение к службе», фактически – в преступлении по должности (рабочие обвиняли подрядчика в «старорежимных формах» работы: подкупе – спаивании артельного старосты, который в результате подписал крайне невыгодный для рабочих договор, а когда те его разорвали, то и акционерное общество оказалось в убытке) и осужден на 1,5 года лишения свободы. Концессионеры убытками эти расходы не считали, поскольку «все случаи находятся в пределах обычного для коммерческого предприятия, а связанные с ним потери являются неизбежными расходами»: например, «выдача заподрядных денег – обычное явление, и то, что рабочие потратили их на вино, – это их личное дело...»¹⁴. Защищать подрядчика взялся даже представитель «Северолеса», утверждая, что без его навыков концессионерам не удастся выполнить обязательства перед Советским государством.

В замешательство вводили концессионеров (считавших, что умеют работать в России, не предполагая, как все изменилось за несколько революционных лет) и новые государственные правила. Так, «Русанглолес» в качестве аванса за будущие лесозаготовки передал одной из воло-

стей зерно. Договор оказался нарушен, но деньги решением суда волисполком возвращать не стал, поскольку последовало постановление СНК о списании с крестьян долгов по ссудам¹⁵.

В результате, с одной стороны, мы видим, что иностранцам, решившимся в крайне нестабильной политической и экономической ситуации начать (или продолжать, как это было в случае концессионеров в северной лесной промышленности) свой бизнес, предоставлялись достаточно комфортные условия. С другой – концессионеры испытывали давление со всех сторон, что заставило многих из них свернуть свой так и не развившийся бизнес. Собственно, случился конфликт интересов, который в тех условиях сосуществования социалистического законодательства и элементов капиталистического производства разрешить не представлялось возможным.

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РНФ (проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России»)

© Трошина Т. И., Минчук О. В., 2023

¹ Ленин В. И. Доклад о концессиях // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 42. М., 1974. С. 55–78.

² Курьсь Н. В, Тищенко С. Г. Концессионное право Союза ССР. История, теория, факторы влияния. СПб., 2011. С. 32; Булатов В. В. Концессионные отношения в СССР. Волгоград, 2011. С. 40.

³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. Р-71. Оп. 7. Д. 196 а. Л. 285 об.

⁴ Там же. Л. 286 об.

⁵ Там же. Л. 286, 288.

⁶ Там же. Л. 281.

⁷ Пятаков Г. Л. Концессионная политика в лесном деле // Лесопромышленное дело. 1923. № 5-6. С. 1–6.

⁸ *Красин Л. Б.* Внешторг и внешняя экономическая политика Советского государства. Пг., 1921. С. 32

⁹ ГААО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 196 а. Л. 160 об.-166.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 3. Л. 377.

¹³ Там же. Л. 375 а.

¹⁴ Там же. Л. 377.

¹⁵ Там же. Л. 183, 184.

З. А. Шалагина*

**ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ СССР 1936 ГОДА
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ
В РОССИИ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Говоря о советском этапе развития уголовно-процессуального законодательства, необходимо отметить Конституцию СССР 1936 г., которая создала важные предпосылки для формирования и развития института обеспечения доступа к правосудию в России на досудебных стадиях уголовного процесса.

Неоднократно отечественными учеными отмечалось высокое значение Основного закона 1936 г., который законодательно оформил не только социально-экономические, культурные и политические реалии того времени, но и положил начало качественным преобразованиям в отечественной правовой системе¹.

Так, гл. 9 Конституции СССР 1936 г. «Суд и прокуратура» выделила органы правосудия в отдельную главу. В соответствии с гл. 9 Конституции правосудие в СССР осуществлялось Верховным Судом СССР, верховными судами республик, краевыми, областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными, специальными и народными судами (ст. 102).

Таким образом, благодаря разработке и принятию

* Шалагина Зинаида Андреевна – адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кафедра уголовного процесса.

Конституции СССР 1936 г., свое оформление получила специализированная судебная система. Что свидетельствует о сосредоточении судебных функций в отдельной ветви власти. Кроме того нормы гл. 9 Конституции СССР фактически закрепили независимость судебных органов. Это позволяет нам говорить о последовательном оформлении независимости судебной власти, что одновременно способствовало разделению полномочий государственной власти и формированию института обеспечения доступа к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса.

Также рассматривая вопрос о формировании и развитии института обеспечения доступа граждан к правосудию, следует отметить, что Конституция СССР 1936 г. вложила особый смысл в такое понятие как «гражданин». О чем свидетельствует гл. 10 «Основные права и обязанности граждан», где каждое провозглашенное право обеспечивалось соответствующей гарантией от государства, что позволяет нам говорить о закреплении взаимной ответственности гражданина и государства. Например, право на труд, гарантировалось получением работы с оплатой труда (ст. 118). Право на отдых обеспечивалось и гарантировалось сокращением рабочего дня до 7 часов, установлением ежегодных отпусков с сохранением заработной платы, предоставлением сети санаториев, домов отдыха (ст. 119). Право на образование (ст. 121), гарантировалось закреплением общеобязательного начального образования и закреплением бесплатного образования, включая высшее.

Следует подчеркнуть, что гл. 10 Конституции СССР 1936 г. предоставила женщинам равные права с мужчинами (ст. 122), закрепила равноправие всех граждан (ст. 123) и гарантии свободы слова, печати, собраний, демонстраций (ст. 125). Еще одним важным моментом в

формировании и развитии института обеспечения доступа к правосудию в России на досудебных стадиях уголовного процесса – было закрепление Конституцией СССР 1936 г. обеспечения неприкосновенности личности (ст. 127)².

Таким образом, на примере Конституции СССР 1936 г. можно отметить развитие отечественного законодательства того периода в интересах человека и гражданина, что, безусловно, способствовало формированию и развитию института обеспечения доступа к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса. Тогда как, международное сообщество «заговорило» об обеспечении доступа к правосудию в контексте прав человека и гражданина только после Второй мировой войны: в 1948 г. право на доступ к правосудию получает свое оформление в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека³, в 1950 г. – в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴, в 1966 г. в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах⁵. Это позволяет нам говорить о том, что развитие отечественного законодательства происходило достаточно последовательно, в соответствии с потребностями людей в конкретный исторический период и ничуть не отставало от других стран. Поэтому, говоря о развитии института обеспечения доступа к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса, следует подчеркнуть ключевое значение норм, содержащихся в Основном законе СССР 1936 г. В настоящей статье мы не будем говорить о том, в какой степени эти нормы были реализованы на практике, поскольку эта тема требует отдельного научного осмысления.

В заключении хотелось бы отметить, что Конституция СССР 1936 г. создала важную предпосылку для развития идеи защиты прав и свобод человека и гражданина как

самостоятельной ценности и наложила свой отпечаток на современный этап развития института обеспечения доступа к правосудию в России на досудебных стадиях уголовного процесса. Кроме того, социальная природа советского государства во многом положительно способствовала созданию юридических и фактических возможностей для отстаивания гражданами в суде своих прав и свобод, что, на наш взгляд, сыграло прогрессивную роль в процессе зарождения, формирования и развития института обеспечения доступа к правосудию в России на досудебных стадиях уголовного процесса.

© Шалагина З. А., 2023

¹ Шершенева Е. А. Создание Конституции СССР 1936 года: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 3.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов от 5 декабря 1936 года) // Известия ЦИК ССР и ВЦИК. 1936. № 283.

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

⁴ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

А. Н. Самарский*

А. В. Жуланов**

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1930-Е ГОДЫ

Становление нового советского государства проходило в сложных условиях. Поскольку все действующие законы, относящиеся к Российской империи, были отменены, правовая система советской республики формировалась на новых принципах и новых подходах к пониманию сущности права и государства. Право рассматривалось как буржуазное явление, мешающее построению социализма. Все источники права, используемые до этого, были отвергнуты.

Изучению социалистического права посвящены исследования многих авторов¹. Исследователи отмечают, что социалистическое право стало представлять собой систему (совокупность) общих правил поведения (норм), «установленных социалистическим государством и выражающих материально обусловленную и направляемую Коммунистической партией волю трудящихся масс во главе с рабочим классом и охраняемых от нарушения принудительной силой государства»². Право стало отождествляться с законами, которые рассматривались как орудие в руках государства (правлящей большевистской

* *Самарский Александр Николаевич* – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России.

** *Жуланов Александр Владимирович* – доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук.

партии), как рычаг подчинения граждан воле государства.

Источниками права стали рассматриваться не только официальные законы и подзаконные акты, но и постановления ЦК ВКП(б), которые приобрели общеобязательную юридическую силу, хотя формально партия оставалась общественно-политической организацией. Представительные органы власти откровенно притеснялись управленческим аппаратом, который был щедр на разработку различных инструкций, приказов и прочих документов, имевших силу закона. При этом часть подзаконных актов (а иногда и законов) была засекречена и не была известна широкой общественности. Но незнание закона от ответственности не освобождало, а широко использовалось в репрессивной политике 30-х годов XX в.

Положения Конституции СССР отменяли принцип разделения властей, что сосредотачивало огромную власть и силу в руках Верховного Совета СССР. С 30-х годов XX в. сложилось представление о праве как об инструменте государственной политики, поэтому постановления правительства принимались, как правило, совместно с руководящим партийным органом – ЦК ВКП(б). А если решения касались проведения той или иной политики, то силу закона им придавали отдельные постановления ЦК (как, например, при проведении коллективизации, индустриализации и т. д.)³.

Процесс сосредоточения власти в руках узкого круга людей (партийных чиновников), которые получили название номенклатуры, существенным образом ограничивал права населения, а введение института паспортов и прописки, по сути, «закрепляло» людей на конкретных территориях и делало полностью подконтрольным. Население сельскохозяйственных районов часто не имело паспортов

и практически теряло право передвигаться по стране.

В это время осуществилось закрепление за конкретным лицом его ответственности перед государством и гражданами. Документом, закрепляющим это, стала трудовая книжка, предусматривающая периоды работы, должность гражданина, а также сведения обо всех достижениях и взысканиях в период работы, что, с одной стороны, служило укреплению трудовой дисциплины, а с другой – сделало более легким привлечение к ответственности за любую провинность неудобного работника.

Новым содержанием наполнились традиционные отрасли права. Были положены основы новых отраслей права – колхозного, хозяйственного. Существенную трансформацию претерпело семейное право⁴.

Таким образом, становление правовой системы советского государства отражало специфику общественных отношений в период военного коммунизма, новой экономической политики, индустриализации, коллективизации, культурной революции. В 1930-е годы в правовой системе были определены источники и система права, был закреплен тип понимания права, утверждающий, что право – это воля господствующего класса, возведенная в закон. Правовая система советского государства обрела черты, которые фактически будут сохраняться до распада СССР в 1991 г.

© Самарский А. Н., Жуланов А. В., 2023

¹ См., в частности: *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* Советское Государство и общество: основные направления взаимодействия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 384–394. EDN MEWUES; *Нижник Н. С.* 1) От научного редактора // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России,

Санкт-Петербург, 01–02 февраля 2017 года. Вып. 1. СПб., 2017. С. 3–8. EDN ZUPDJH; 2) От редактора // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): В 2 ч. Ч. 1: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под ред. Н. С. Нижник; сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. СПб., 2020. С. 24–29; 3) От редактора // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): В 2 ч. Ч. 1: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под ред. Н. С. Нижник; сост. Н. С. Нижник, Т. О. Чукаев. СПб., 2020. С. 17–21; 4) От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): Материалы XVIII международной научной конференции, в 2-х частях, Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 года. Ч. 1. СПб., 2021. С. 14–19. EDN OYOXLQ; 5) От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): Материалы XVIII международной научной конференции: В 2 ч. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 года. Ч. 2. СПб., 2021. С. 14–17. EDN WEPFJM; 6) От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): Материалы XIX международной научно-теоретической конференции: В 2 ч., Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года. Ч. 1. СПб., 2022. С. 32–64. EDN VGNHMG; 7) От редактора // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): Материалы XIX международной научно-теоретической конференции: В 2 ч. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года / Под ред. Н. С. Нижник, сост. Н. С. Нижник, Е. Н. Козинникова. Ч. II. СПб., 2022. С. 23–41. EDN НТРОUN; *Нижник Н. С., Козинникова Е. Н., Чукаев Т. О.* История Советского Союза в контексте научного анализа XIX Международная научная конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)» (28–29 апреля 2022 Г., Санкт-Петербург) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 226–240. DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-226-240. EDN

JNBXIU; *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* Общественные организации и объединения в СССР: участие в реализации функций советского государства // *Гражданское общество в России и за рубежом.* 2023. № 1. С. 7–12. DOI 10.18572/2221-3287-2023-1-7-12. EDN GXTBYW; *Кодан С. В., Нижник Н. С., Ромашов Р. А.* История российского суда и правосудия в системном изложении // *Российская юстиция.* 2023. № 3. С. 3–12. DOI 10.52433/01316761_2023_03_03. EDN XEMQRU; и др.

² *Вологдин А. А.* История государства и права России: Учебное пособие. М., 2007.

³ *Самарский А. Н.* Изменения в советском праве в период проведения сплошной коллективизации в 30-е годы XX века // *Вопросы государства и права: Сборник научных статей / Редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев и др.* Краснодар, 2022. С. 233–237.

⁴ *Нижник Н. С., Бурданова Н. А.* Личные неимущественные родительские права и обязанности: направления эволюции института в российской правовой системе в IX–XX веках // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2014. № 2(62). С. 28–35; *Бурданова Н. А.* Права родителей по присвоению и изменению имени ребёнку в советской России // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2016. № 2(70). С. 83–86; *Нижник Н. С.* Год 1917: начало революции в семейно-брачных отношениях // *Гражданское общество в России и за рубежом.* 2017. № 4. С. 25–31; *Нижник Н. С.* Об эволюции принципов семейного права в истории российского государства // *Принципы права: проблемы теории и практики. Материалы XI международной научно-практической конференции (Москва, 18–22 апреля 2016 г.).* М., 2017. С. 202–209; *Нижник Н. С.* Насилие как деструктив семьи (по сводкам о преступлениях в Ленинграде в 1960-х гг.) // *Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В. А. Веремченко.* СПб., 2019. С. 170–175; *Нижник Н. С.* Милиционерка: новый образ трудящейся женщины в России // *Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности / Отв. ред: З. З. Мужина, А. В. Белова, Н. А. Белова, С. В. Канькин.*

М., 2019. С. 214–220; *Нижник Н. С., Бурданова Н. А.* Защита интересов ребёнка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2020. № 3(87). С. 80–91; *Бурданова Н. А.* Институт личных неимущественных прав и обязанностей родителей в праве советской России // *История государства и права.* 2021. № 6. С. 75–80. и др.

А. В. Панфилец*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

За время, прошедшее после Великой Отечественной войны и блокады, как только не изгалялись новоявленные историки и юристы, описывая «узурпаторские» методы поддержания общественного порядка и борьбы с преступностью в военное время, а тем более во время блокады Ленинграда. Автор в своем скромном исследовании показывает правовую базу, действующую в чрезвычайных условиях войны и блокады Ленинграда.

Ожидаемая война для Советского Союза, тем более, что Вторая мировая война уже бушевала по всей Европе с 1 сентября 1939 г., ворвалась в страну все же неожиданно, вероломно, в ночь с субботы на воскресенье 22 июня 1941 г. Гитлеровский Евросоюз всей мощью навалился на СССР, ударив сразу в трех направлениях: на Ленинград, на Москву и на Киев. Несмотря на первые часы оторопи и растерянности, руководство страны быстро занялось нормотворческой базой чрезвычайного военного времени, что впоследствии дало возможность организовать невиданных размеров эвакуацию и перевести всю страну на военные рельсы. Во все исторические периоды существования большинства европейских государств, военное поло-

* *Панфилец Александр Владимирович* – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, профессор Академии военных наук.

жение немислимо без государственного принуждения практически во всех сферах до того мирной жизни, ужесточения многих положений, как уголовного, так и гражданского законодательства, тем более, когда идет борьба за само существование страны и народа. Уже в первый же день войны 22 июня 1941 г. принимаются Указы Президиума Верховного Совета (далее – ПВС) СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» и «О военном положении». В первом указе ПВС СССР, еще не зная развития событий на фронте, направлений ударов и будущей оккупированной территории, провидчески объявил военное положение на большей части европейской территории страны, в том числе в городе Ленинграде и Ленинградской области, что во многом помогло сконцентрировать все ресурсы для борьбы с захватчиками¹.

Во втором указе ПВС СССР «О военном положении» в п. 3 все функции органов государственной власти в таких местностях передавалась военным советам фронтов и командованию, в том числе и обеспечение общественного порядка и государственной безопасности. Именно военным властям предоставлялось право государственного принуждения для привлечения граждан к трудовой повинности на оборонных работах и других важнейших объектах, установления режима работы предприятий и учреждений, введения комендантского часа, установления особого пропускного и паспортного режимов, высылки социально опасных элементов. В пункте 4 повышались санкции за наказания в административном порядке в виде лишения свободы сроком до шести месяцев или штрафа до трех тысяч рублей, за преступления, направленные против обороны общественного порядка и государственной безопасности, виновные предавались суду военных

трибуналов². Конечно же, большинство репрессивных мер военные власти делегировали для проведения в жизнь органам милиции или сотрудникам Наркомата внутренних дел, в Ленинграде – это Ленинградской городской милиции и Управлению НКВД по Ленинградской области, которые всю войну и блокаду стояли на страже общественного порядка и борьбы с преступностью.

В этот судьбоносный день начала Великой Отечественной войны объявляется и Указ ПВС СССР «Об утверждении положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий», где четко определялось, где они организуются и действуют, практически во всех воинских соединениях и военизированных учреждениях, подсудность, порядок рассмотрения дел и опротестование приговоров³. В военное время, когда так дорог каждый час и нет возможности выдерживать процессуальные сроки расследования преступлений, оперативность судебных репрессий стала характерной особенностью работы военных трибуналов. Несмотря на ярко выраженную карательную практику военных трибуналов, чаще всего они принимали взвешенные приговоры, в особенности после коренного перелома в войне, причем по наиболее опасным преступлениям (шпионаж, измена Родине, пособничество врагу и другим) применялись наиболее жесткие санкции вплоть до высшей меры наказания – расстрелу, по менее опасным преступлениям применялись законодательно предусмотренные отсрочки приговоров с направлением на передовую действующей Красной Армии для искупления вины в бою⁴.

Государственное принуждение жителей города Ленинграда по преступлениям, рассматриваемым в военных трибуналах, нашло свое отражение в средствах массовой

информации. Так, газета «Смена» с июня 1941 г. стала публиковать под рубрикой «В Военном трибунале» наиболее одиозные в военное время преступления и приговоры по ним. Санкции по преступлениям в военное время были значительно ужесточены, в особенности в первый год войны, начиная с 1943 г. тяжесть наказания была снижена, а лиц призывного возраста направляли на передовую. Военные трибуналы войск НКВД СССР и Ленинградского военного округа в июне-июле 1941 г. опубликовали свои приговоры: домохозяйку Д. за спекуляцию приговорили к 10 годам лишения свободы с конфискацией продуктов и мануфактур⁵; повара столовой А. и ее мужа за скупку, хищения в огромных количествах и спекуляцию продуктами приговорили к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества⁶; жителей города К. и С. за распространение контрреволюционных листовок среди рабочих оборонных предприятий, а также вражеских измышлений и слухов приговорили обоим к расстрелу⁷. В первый день войны Указом ПВС СССР «О мобилизации военнообязанных» была объявлена всеобщая мобилизация военнообязанных 1905–1918 г. рождения⁸. И это тоже было государственное принуждение, но встречено народом, как и многие другие, с пониманием; надо было защищать свою семью, народ, землю. Мобилизационные пункты райвоенкоматов города Ленинграда были переполнены, сотрудникам органов милиции пришлось разъяснять, что для них тыл – это фронт борьбы с преступностью, так как практически все члены партии городской милиции записались добровольцами на фронт⁹.

Совместная директива Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех средств на разгром фашистских захватчиков» от

29 июня 1941 г.¹⁰ существенно расширяла задачи органов внутренних дел и войск НКВД определяя им значительные дополнительные функции, вызванные велением военного времени: обеспечения скорейшего продвижения транспортов с войсками и военными грузами, охраны важных в военном отношении объектов, борьбы с дезертирами и различными дезорганизаторами тыла, уничтожения шпионов, вражеских парашютистов и диверсантов, организации в тылу захватчиков партизанских отрядов и диверсионных групп¹¹. Это была основная нормативная база, составляющая программу работы Военных Советов, действующих в местностях, объявленных на военном положении, для расширения властных полномочий по государственному принуждению населения и военнослужащих.

Используя исторический опыт царской России и Гражданской войны, для оперативного решения многих назревших вопросов обеспечения фронта, над учреждениями аппарата управления государством мирного времени решением ПВС СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июня 1941 г. образуется Государственный Комитет Обороны, возглавляемый И. В. Сталиным¹². С этого времени невыполнение постановлений ГКО грозило руководителям предприятий и организаций вплоть до высшей меры наказания, конечно это было сверх государственное принуждение, но и решить эвакуационные проблемы, организации заводов и фабрик на новых местах Сибири и Средней Азии, обучить и поставить в строй вновь призванных солдат не было другой возможности. После установления блокады Ленинграда немецко-фашистские захватчики неоднократно пытались захватить город, что потребовало, несмотря на истощение личного состава органов милиции и госбезопасности, их сверхзанятость по

поддержанию общественного порядка и государственной безопасности города-фронта, сформировать весь личный состав органов внутренних дел, на основании приказа командующего войсками внутренней обороны города от 15 мая 1942 г., в полки на случай прорыва врага внутрь городских кварталов. Привлечение сотрудников органов внутренних дел города к выполнению зачастую несвойственных им задач длилось всю блокаду, что отвлекало значительные силы от их прямых обязанностей¹³. В последующем, в ходе войны ПВС СССР, ЦК ВКП(б), СНК СССР, НКО и НКВД СССР, а в Ленинграде еще и в период блокады партийные, советские и военные власти, принимали новые акты, вносили дополнения и изменения в ранее действующие, увеличивая или снижая, в зависимости от обстановки на фронтах, государственное принуждение граждан по выполнению мер, диктуемых военным положением¹⁴. Но, как правило, они были оправданными и помогли выстоять и победить в жесточайшее время Великой Отечественной войны.

© Панфилец А. В., 2023

¹ *Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942 гг. А., 1942. С. 70.*

² *Сборник законов СССР. 1938–1975. Т. 2. М., 1975. С. 408–409.*

³ *Ленинградская милиция в годы войны 1941–1945 гг. Ощущение времени. СПб., 2010. С. 79–80.*

⁴ *Панфилец А. В. Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2016. С. 22–23.*

⁵ Смена. 1941. 29 июня.

⁶ Смена. 1941. 1 июля.

⁷ Смена. 1941. 3 июля.

⁸ *Белозеров Б. П., Сидоренко В. П. Войска и органы НКВД СССР в Ленинградской битве. СПб., 2014. С. 14.*

⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 2386. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

¹⁰ *Хрестоматия* по истории КПСС. М., 1967. С. 314–316.

¹¹ *Викторов В. Г., Виктор А. В.* Внутренние войска на Северо-Западе России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., использование опыта войск в современных условиях // *Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): Сборник научных статей Всероссийской НПК 18–19 февраля 2015 года.* Ч. 1. СПб., 2015. С. 65–66.

¹² *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам:* В 5 т. Т. 3. 1941–1952 годы. М., 1968. С. 40.

¹³ Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 173.

¹⁴ *Сальников В. П.* Предисловие // *Белозеров Б. П.* Войска и органы НКВД в обороне Ленинграда (историко-правовой аспект). СПб., 1988. С. 4.

Н. С. Сидоренко*
Н. С. Нижник**
А. В. Боровкова***

**МОБИЛИЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ: ТЫЛОВАЯ ГАЗЕТА
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ»
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Установлено, что СМИ принадлежит особая роль в формировании мировоззренческих установок, ценностной ориентации граждан и особенно молодежи. Они способствуют формированию общественного мнения и политического поведения, способны консолидировать граждан вокруг социально значимых политических фигур и инициировать их политическую активность. Особое значение данные свойства СМИ приобретают в период сложных и кризисных ситуациях. Свою положительную роль проявили СМИ в годы Великой Отечественной войны. В это время работа печати обрела особое значение. Перед ними

* *Сидоренко Надежда Семеновна* – профессор кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск), доктор исторических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

** *Нижник Надежда Степановна* – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

*** *Боровкова Анна Валерьевна* – магистр кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск).

встали новые, отличные от других периодов, задачи и направления ее деятельности. Печати необходимо было провести масштабную агитационно-пропагандистскую работу и таким образом выработать единую установку в массовом сознании народа, мобилизовать граждан на достижение победы над врагом.

В данной статье на основе привлечения архивных документов, газетной периодики и научной литературы проанализирован арсенал действий одной из крупнейших тыловых газет – областной газеты «Челябинский рабочий», выходившей в Челябинске, заслуженно получившем в рассматриваемый период звание Танкограда.

Понимание роли печати в деле формирования идеологических и политических установок, определило принцип партийного руководства делом печати и пропаганды и выработку общих принципов подачи материала.

Вопросы организации печати и работы редакторов газет становятся предметом совещаний с участием партийного руководства. В июле 1942 г. на перед редакторами городских и районных газет выступил секретарь ОК ВКП(б) Шварев. В его выступлении были сформулированы важнейшие задачи, определившие основные направления деятельности и структуру тыловых газет области:

- воспитание советских граждан в духе патриотизма, воспитание в них ненавистного отношения к врагу путем публикации на страницах газет рассказов очевидцев из захваченных районов;

- воспитание граждан в духе уважения к оружию и стремление к выработке навыков владения тем или иным его видом;

- воспитание трудового героизма, прославление передовиков производства и осуждение иных форм поведения.

– поддержка партийных и общественных инициатив в деле добровольных сборов средств для армии, оказания ей всесторонней помощи¹.

Реализация поставленных задач столкнулась с рядом технических и иных трудностей. С технической стороны, основные проблемы были обусловлены общесоюзным «бумагодефицитом», который привел к выпуску газеты в уменьшенном формате, тираже и с меньшей периодичностью.

Другим серьезным препятствием для нормальной работы редакции был дефицит квалифицированных сотрудников. Кадровая проблема решалась совмещением должностей, закрытием некоторых отделов, рубрик в газете. Нехватка кадров привела к увеличению нагрузок на них, что отражалось на качестве газеты.

К поиску материалов для статей стали привлекать внештатных корреспондентов. В практику входило создание актива из числа трудящихся заводов, колхозов, совхозов, МТС, а также членов местных партийных организаций. В целях поддержания материальной заинтересованности рабкоров и рабселькоров, не входящих в состав собкоров газеты, им были установлены денежные выплаты. Правда, их размер был меньше, чем гонорар собкоров (в соотношении 37 % к 63 %)².

Кадровый состав «Челябинского рабочего» пополнялся за счет эвакуации на Южный Урал сотрудников газет временно оккупированных территорий³. Приезд опытных литсотрудников позволил повысить качество работы газеты.

В целях повышения мобилизующего потенциала газетной информации, приближения его к конкретным категориям читателей, стали практиковать работу «выездных редакций». Собкоры посещали крупные военные

предприятия области, сельские районы в горячую пору сева и уборки урожая. Так, для строителей Челябинского трубного завода в 1942 г. «Челябинский рабочий» организовал ежедневный выпуск «боевых листков», которые поднимали дух трудящихся в трудное время⁴.

Сотрудники газеты выезжали не только на промышленные предприятия области. Они работали в самих местах военных действий. Военный корреспондент «Челябинского рабочего» Аркадий Георгиевич Ходов в танке с фотоаппаратом прошел от Москвы до Берлина, запечатлевая исторические события. Его фотографии отправлялись в фотохронику ТАСС. Так, благодаря его работе, население тыла узнавало на фотографиях с фронта своих родных, близких, челябинские танки в атаке, в лесу, на переправе⁵.

С 1942 г. начали организовывать «литературные среды» – еженедельные встречи сотрудников редакции с известными людьми. Гостями газеты был и писатель Лев Никулин, композитор Дмитрий Шостакович и другие. Благодаря таким вечерам были созданы условия для обогащения опыта работы журналистов с известными людьми. Помимо этого, проводился обмен газетами для передачи опыта⁶. Однако эта практика была непродолжительной и только с августа 1944 г. проведение «литературных сред» вновь возобновилось. Теперь там организовывались лекции, беседы по военным, экономическим и другим вопросам и вечера для обсуждения профессиональных проблем журналистов. Помимо этого, в редакции начали проводить теоретические конференции, где сотрудники выступали друг перед другом с докладами по заданной теме. Был составлен график повышения квалификации для сотрудников, определявший различные ее формы – учеба в

пединституте, учеба совместно с обкомовскими работниками, членство в кружке для технических работников⁷.

На повышение качества публикаций были направлены и конкурсные практики и организация социалистического соревнования. Кроме присуждения звания лучшего отдела редакции жюри соревнования поощряло и продуктивную работу отдельных сотрудников, присуждая им звания ударников и отличников, объявляя благодарности и награждая их премиями и талонами на промтовары⁸. В 1943 г. был проведен конкурс на лучший очерк о передовых людях Южного Урала. Победителем был признан очерк литсотрудника партийного отдела Христины Аверьяновны Кузнецовой «Бригада Дуси Оспельниковой», за что автор была награждена денежной премией⁹.

Мобилизационный потенциал газеты базировался на фактической стороне освещаемых событий и явлений, которые передавались читателю в процессе упорядочения информации и формирования массивов информации, предназначенных для последующей передачи.

Решению этой задачи был подчинен механизм структурирования текста – доминирующим видом упорядочения информации была семантическая информация, обращенная к логике и здравому смыслу, и эстетическая информация, нацеленная на эмоциональное восприятие отдельных фактов и событий. Основным приемом достижения поставленных задач выступал принцип контрастности – противопоставления добра – злу, воину-защитнику Родины – противника в лице фашистских агрессоров. Контрастность в формировании образов противоборствующих сил достигается использованием ряда приемов:

– разной длительности информации – короткие сообщения о врагах и объемные статьи о бойцах красной Армии.

– значительным числом отдельных статей о бойцах Красной Армии и отсутствием таковых о фашистских захватчиках

– сменой манеры изложения – сухого, сжатого изложения о действиях и зверствах фашистов, эмоциональной передачи сведений о подвигах бойцов Красной Армии, их горячего желания добиться победы. Ряд других приемов.

На начальном этапе войны газеты «Челябинский рабочий» уделяла особое внимание формированию в сознании граждан сознание единства советского народа и его власти. Решению этой задачи служили публикации о массовых митингах, охвативших различные слои уральского общества. Речи граждан и решения, принимавшиеся на них, отражали эмоциональное созвучие народа и власти. Трудящиеся в ответ на вызов внешней угрозы повсюду высказывали готовность вставать на защиту Родины.

В дальнейшем центром притяжения внимания читателей становятся Сводки Советского информационного бюро. Они информировали читателей о ходе военных действий, а также о зверствах немецко-фашистской войск на временно оккупированной территории, что содействовало поддержанию в общественном сознании образ ненавистного врага и стремления к его разгрому. Упоминание о подвигах земляков, формировало лично-эмоциональное восприятие линии фронта южноуральцами, осознание неразрывной связи фронта и тыла¹⁰.

Одной из важнейших задач газеты «Челябинский рабочий» как органа тыловой печати, являлась мобилизация трудящихся области на выполнение и перевыполнение народно-хозяйственных планов, на героический труд во

имя Победы. Решению этой задачи было подчинено значительное количество текстов статей, число их составляло подавляющее большинство содержания газеты в рассматриваемый период. Одним из механизмов достижения информационного воздействия на читателей, выступал принцип подачи материала в соответствии со спецификой читательской аудитории, или дифференцированный подход к различным группам населения – трудящимся промышленных предприятий, труженикам сельского хозяйства и др.

Газета «Челябинский рабочий» содействовала организации социалистического соревнования, публикуя на своих страницах рекомендации по методам агитации к вовлечению трудовых коллективов в это движение, обязательства трудовых коллективов и отчеты об их исполнении¹¹. Газета поддерживала передовиков производства, образцовые предприятия и принимала меры для выявления и подтягивания отстающих. «Челябинский рабочий» часто публиковал фотографии передовиков производства. Например, 20 декабря 1942 г. была размещена фотография 60-летнего мастера Макушинского зерносовхоза К.К. Виноградова за работой. Под фото комментарий: три его сына сражаются на фронте, и он, помогая Красной Армии приблизить победу, работает за четверых – ежедневно выполняет по четыре нормы¹².

Газета «Челябинский рабочий» показывает многочисленные примеры активных женщин, готовых встать на рабочие места вместо своих сыновей, мужей, братьев. Чтобы удовлетворить желания патриоток, руководители предприятий организовывали курсы по освоению профессий¹³. Так страна получила новые кадры трактористок, токарей, слесарей и др.¹⁴

Таким образом, газета «Челябинский рабочий» обладала серьезным мобилизующим потенциалом. Ее содержание было направлено на формирование в сознании уральского общества представления о стране как о едином военном лагере, что содействовало поддержанию высокого общенационального патриотического подъема советских граждан, мобилизации усилий трудящихся в поддержку фронта и достижения Победы. Механизмом реализации этого потенциала являлся набор средств и приемов подачи и структурирования информации, арсенал которых совершенствовался по мере накопления опыта.

© Сидоренко Н. С., Нижник Н. С.,
Боровкова А. В., 2023

¹ *Шварев.* О задачах городских и районных газет в дни Отечественной войны // Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 6. Д. 246. Л. 6, 11, 14–15, 43.

² ОГАЧО. Ф. П-2030. Оп. 1. Л. 5; 15, Л. 2, 3, 8.

³ *Сидоренко Н. С., Боровкова А. В.* Литературные сотрудники областной газеты «Челябинский рабочий» в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). [Свидетельство о регистрации базы данных № 2022620798. Дата гос. регистрации: 05.04.2022].

⁴ *Липатов Н. Н.* Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1960. С. 91.

⁵ *Францева Е.* От Москвы до Берлина // Челябинский рабочий. 2005. № 81. С. 7; *Фонотов М.* Первопроходец // Челябинский рабочий. 2006. № 4. С. 8.

⁶ *Францева Е.* «Черноморская коммуна» в «Челябинском рабочем» // Челябинский рабочий. 2010. № 58. С. 3.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-2030. Оп. 1. Д. 15. Л. 15, 18, 21–24.

⁸ ОГАЧО. Ф. П-761. Оп. 2. Д. 7. Л. 107–109. Д. 9. Л. 86, 121, 150, 156, 177; Д. 11. Л. 14, 28, 46.

⁹ Там же. Л. 94, 106.

¹⁰ *Троскунов Л.* Боевые силы снайпера Василия Зайцева // Челябинский рабочий. 1942. № 287. С. 2; *Марковский Н.* В районе Сталинграда // Челябинский рабочий. 1942. № 293.

С. 2.

¹¹ *Коркин И.* Августовский план будет перевыполнен // Челябинский рабочий. 1942 № 201. С. 2.

¹² *К. К. Виноградов* за работой. Фото Г. Шиндельгайма // Челябинский рабочий. 1942. № 299. С. 2.

¹³ *Паюсов Д.* На место мужей и братьев // Челябинский рабочий. 1941. № 150. С. 3.

¹⁴ *Свинцова Е., Тырданова Е., Карачкова П.* Ко всем женщинам-домохозяйкам и девушкам совхозов и МТС Челябинской области // Челябинский рабочий. 1941. № 154. С. 3; *Б. А.* 1) Успешно осваивают технику машин // Челябинский рабочий. 1941. № 155. С. 3; 2) Домохозяйки идут на производство // Челябинский рабочий. 1941. № 155. С. 3; 3) На смену мужьям и братьям // Челябинский рабочий. 1941. № 155. С. 3.

О. Е. Финогентова*

Д. В. Бурин**

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1948)

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. была создана Кенигсбергская область¹ (позднее переименованная в Калининградскую²), которая была включена в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. До 7 апреля 1946 г. управление на территории области осуществляло Временное гражданское управление при Особом военном округе через систему военных комендатур.

Указом от 7 апреля 1946 г. управление из компетенции военной администрации было предано в руки вновь созданной гражданской администрации в лице областного управления по гражданским делам³, перед которым очень остро встал вопрос создания на территории Калининградской области системы правоохранительных органов, одним из элементов которой являлась прокуратура.

Состояние преступности, а также специфику борьбы с ней на территории Калининградской области в послевоенные годы следует рассматривать через призму особых

* *Финогентова Ольга Евгеньевна* – профессор Института управления и территориального развития Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), доктор юридических наук, профессор.

** *Бурин Денис Владиславович* – аспирант Института управления и территориального развития Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград).

условий, в которых она находилась.

1. Основной массой населения Калининградской области были немцы, не имеющие советских документов. Паспортизация и учет населения не проводились, что создавало благоприятные условия для роста преступности.

2. Правовое положение немецкого населения не было урегулировано, его правовой статус был неясен, что приводило к многочисленным злоупотреблениям произвольными действиями со стороны отдельных руководителей организаций и должностных лиц.

3. Отсутствовала организация надлежащего учета и охраны государственного, кооперативного и общественного имущества, в том числе трофейного.

4. Острый кадровый голод вынуждал руководителей хозяйственных и торгующих организаций принимать на материально-ответственные должности лиц, не имеющих нужной квалификации, не прошедших необходимых проверок в правоохранительных органах, а также представителей местного немецкого населения.

5. Система правоохранительных органов на территории Калининградской области не была до конца сформирована и испытывала острый кадровый голод.

Тяжелое экономическое положение как местного немецкого населения, так и вновь прибывшего на территорию Калининградской области советского населения не могло не вызвать резкого роста преступности. В данных условиях бандитизм, разбой, кражи, хулиганство стали обычным явлением.

Перед местной властью очень остро стоял вопрос наведения порядка на новых территориях Советского Союза.

Активно развернувшаяся борьба с преступностью привела к резкому росту возбужденных уголовных дел.

Так, число возбужденных уголовных дел с июля 1946 г. по август 1946 г. за бандитизм выросло на 375 %, за вооруженный разбой – на 420 %, за убийства (ст. 136, 137, 138 УК СССР) – на 450 %, за хулиганство – на 450 %, за кражи – на 296,55 %⁴. Такой резкий рост числа возбужденных уголовных дел в указанный период был вызван тем, что органы власти начали активно развертывать свою борьбу с преступностью.

Еще одной острой проблемой Калининграда и области являлась жилищная проблема, поскольку в результате боевых действий жилищный фонд был уничтожен на 70 %⁵. Прокуратурой Калининградской области отмечалось, что в таких условиях грубо нарушалось жилищное законодательство. Например, выселение и переселение граждан производились без санкции прокурора и без решения суда. А неурегулированность вопроса правового статуса немецкого населения приводило к произвольным действиям со стороны отдельных руководителей организаций и должностных лиц в отношении немецкого населения, что вызывало серьезную напряженность во взаимоотношениях местных властей и немецкого населения⁶.

Временные типовые штаты органов прокуратуры Калининградской области Государственной штатной комиссией были утверждены 4 июля 1946 г. Именно с этого момента началось комплектование кадров прокуратуры Калининградской области.

Организационный период в работе и низкая квалификация следователей отрицательно отразились на показателях следственной работы. За август 1946 г. следователями городских и районных прокуратур окончено следствием только 18 уголовных дел, что составляло 10 % к общему числу дел оконченных всеми следственными органами области⁷. Прокурор Калининградской области в

своем докладе от 28 сентября 1946 г. указывал на то, что большое количество работников направленных на должности помощников городских и районных прокуроров и следователей не имели юридического образования и необходимого опыта и для работы были «мало пригодными»⁸.

Для решения данных проблем на 26 сентября 1946 г. прокуратурой Калининградской области была произведена аттестация работников, в результате которой лица, не справляющиеся со своими обязанностями, были уволены или переведены на нижестоящие должности, а укомплектование органов прокуратуры новыми кадрами было продолжено⁹.

В ходе проведенной прокуратурой Калининградской области проверки был выявлен ряд других проблем: отсутствие должного учета поступающих жалоб, нарушения сроков разрешения жалоб, несообщение заявителям о результатах разрешения жалоб, необоснованные аресты и задержания граждан¹⁰. В связи с выявлением этих проблем прокурор Калининградской области был вынужден дать указание всем городским и районным прокурорам по надзору за органами милиции устранить указанные недостатки и прекратить необоснованные аресты граждан¹¹. Однако к 1948 г. проблема, связанная с необоснованными арестами граждан, так и не была решена¹².

Еще одной острой проблемой, которую было необходимо решить в кратчайшие сроки, являлась частнопредпринимательская деятельность, которая осуществлялась под видом государственной торговли¹³. Подобные факты были вскрыты в Краснознаменском, Гурьевском, Полесском, Гвардейском и других районах. Это было вызвано тем, что прокуроры осуществляли недостаточный надзор за деятельностью коопераций, не вели должным образом борьбу со спекуляцией. В связи с чем прокурор Калинин-

градской области предлагал усилить оперативную работу по выявлению спекулятивных элементов¹⁴, но отсутствие кадрового состава обладающего навыками такой работы, не давало возможности решить эту проблему. Так, проведенная в Краснознаменском районе прокурорская проверка по сообщениям о фактах спекуляции таких фактов не выявила¹⁵.

Помимо указанных проблем имелось множество случаев незаконного пересечения государственной границы, но отчеты прокуратуры указывают, что вплоть до 1948 г. данная проблема так и не была решена¹⁶.

Таким образом, органы прокуратуры Калининградской области в 1946–1948 гг. столкнулись с рядом серьезнейших проблем, которые напрямую были связаны со специфическими особенностями Калининградской области. Формирование правоохранительной системы находилось в начальной стадии, острый кадровый голод, отсутствие у работников прокуратуры необходимого образования и практических навыков, сложная экономическая и социальная обстановка, языковые сложности – все это влекло за собой неудовлетворительную работу органов прокуратуры в исследуемый период.

© Финогентова О. Е., Бурин Д. В., 2023

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. «Об образовании Кенигсбергской области в составе РСФСР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. Ю. И. Мандельштам. М., 1956. С. 47.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. «О переименовании города Кенигсберга в город Калининград и Кенигсбергской области в Калининградскую область» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. Ю. И. Мандельштам. С. 47.

³ Самая западная: Сборник документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области. Вып. 1: 1946–1952 гг. Калининград, 1980. С. 18.

⁴ Государственный архив Калининградской области (далее – ГАКО). Ф. 231. Оп. 7. Д. 2. Л. 9.

⁵ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 2. Л. 3.

⁶ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 2. Л. 14.

⁷ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 2. Л. 16.

⁸ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 2. Л. 5–6.

⁹ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 2. Л. 24.

¹⁰ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 17. Л. 157.

¹¹ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 7. Л. 2–5.

¹² ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 7. Л. 157.

¹³ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 7. Л. 90–91.

¹⁴ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 7. Л. 24–25.

¹⁵ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 17. Л. 39.

¹⁶ ГАКО. Ф. 231. Оп. 7. Д. 17. Л. 63.

Т. А. Чумаченко*

**УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
В 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГОДОВ:
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ**

В начале XX в. Русская православная церковь располагала широкой и стройной системой образования: 4 духовные академии, 57 семинарий, более тысячи уездных училищ, и более 37 тыс. церковно-приходских школ. Политика воинствующего безбожия, линия на ликвидацию Церкви как института привела к тому, что с 1928 г., времени «самороспуска» высших богословских курсов в Ленинграде¹, патриаршая церковь потеряла возможность готовить кадры священнослужителей.

Во время исторической встречи И. Сталина с иерархами Православной церкви – патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитом Алексием (Симанским), митрополитом Николаем (Ярушевичем) 4 сентября 1943 г. обсуждался и вопрос о возрождении духовного образования в стране². Было решено открыть в Москве Богословский институт и богословско-пастырские курсы.

Уже 28 ноября 1943 г. Совнарком принял Постановление «О православном богословском институте и богословско-пастырских курсах в Москве»³. В декабрьском номере «Журнала Московской патриархии» были помеще-

* Чумаченко Татьяна Александровна – ректор Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск), доктор исторических наук, доцент.

ны объявления о приеме 25 студентов в институт с трехгодичной программой обучения и 30 слушателей на двухгодичные курсы. Обучение в институте и на курсах объявлялось бесплатным, нуждающимся выплачивалась стипендия и предоставлялось общежитие. Учебные заведения находились на содержании Московской патриархии, а епархиям по решению Синода было предложено вносить ежемесячно не менее 15 тыс. руб.

В мае 1944 г. СНК СССР своим Постановлением за подписью И. Сталина разрешил открыть богословско-пастырские курсы в Саратове⁴. Постановлением от 20 июля 1944 г. Комиссия по освобождению от призыва по мобилизации предоставила персональные отсрочки 17 студентам богословского института при Московской патриархии, поступившим на первый курс⁵.

В марте 1945 г. Совнарком утвердил предложение Совета открыть православные богословско-пастырские курсы в городах Киеве, Ленинграде, Львове, Луцке, Минске, Одессе, Ставрополе; в августе этого же года – в Вильнюсе⁶.

Точку зрения правительства в отношении духовных учебных заведений Русской православной церкви выразил председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов. Обращаясь к членам Совета, он подчеркнул: «...Подготовка новых священнослужителей несколько освежит и даст возможность иметь молодой состав, который родился и обжился в условиях советской современной обстановки. Они не вкусили ту психологию, мораль, политику, которая была в период монархизма». Существовала, по признанию Карпова, еще одна цель, «узкая» – «использовать новые кадры для выхода церкви на международную арену»⁷.

В 1946 г. правительство СССР согласилось на решение Московской патриархии вернуться к традиционной

структуре духовного образования – Постановлением СМ СССР от 29 мая 1946 г. разрешалось открытие духовных академий в Москве, Ленинграде, Киеве; распоряжением от 9 июля 1946 г. все богословско-пастырские курсы были преобразованы в духовные семинарии⁸.

Для руководства «делом духовного образования» при Московской патриархии учреждался Учебный комитет, председателем которого был назначен митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), членами Комитета были назначены протопресвитер Н. Колчицкий и профессор С. В. Савинский⁹.

Однако Постановления правительства на местах выполнялись с трудом и не везде. Это было связано как с объективными обстоятельствами, так и с позицией местных руководителей, не желающих иметь «рассадника мракобесия» на своей территории. Так, вопрос об открытии духовного учебного заведения в Саратове решался более двух лет. В ноябре 1945 г. Саратовский горисполком обратился с письмом в Совнарком РСФСР, в котором «довел до сведения, что он лишен возможности выполнить постановления правительства СССР о предоставлении в г. Саратове помещения для богословско-пастырских курсов и ввиду этого ходатайствует о перенесении богословско-пастырских курсов в другой город РСФСР»¹⁰. Семинария во Львове не была открыта вообще, решения правительства об открытии в Киеве духовной академии также осталось на бумаге.

Всего в 1946–1947 учебном году в СССР функционировали 2 духовные академии (31 учащийся) и 8 семинарий (324 учащихся) с 63 преподавателями¹¹.

Студентами духовных академий являлись, в основном, люди зрелого возраста, имеющие определенный жизненный опыт – 78 % из них были в возрасте более 40 лет,

они имели в большинстве своем высшее светское образование – 62 %; среднее богословское – 18,7 %. Слушателями духовных семинарий в основном, была молодежь. Как отмечал Совет по делам РПЦ, среди учащихся духовных школ можно было встретить представителей всех слоев общества¹².

Программные цели и задачи, которая Московская патриархия ставила перед своими учебными заведениями, сформулировал патриарх Алексей в речи при открытии Ленинградской духовной академии: «готовить таких пастырей, которые путем духовного руководства своими пасомыми будут воспитывать ... в народе любовь к труду, ведя его к нравственному совершенству, возгревая в нем преданность Родине, к исконным священным традициям родной земли». Патриарх Алексей подчеркнул, что «...теперь же в наши семинарии приходят учить и учиться только те, в ком бьется верующее сердце»¹³.

Слова патриарха подтверждали анкеты поступающих в духовные учебные заведения. Например, для подавших заявления в церковные школы в 1946 г. побудительными причинами для поступления были: религиозное воспитание, влияние религиозной литературы, переживания, связанные с войной. Лица среднего и старшего возраста пошли в духовные учебные заведения в силу «религиозного побуждения». Церковь они рассматривали как «могучую преобразующую силу, с помощью которой можно оказывать влияние на народ и просвещать его»¹⁴.

Итоги вступительных экзаменов в духовные школы осенью 1946 г. заставили руководство Совета обратить пристальное внимание на деятельность духовных учебных заведений. 14 ноября 1946 г. состоялось заседание, специально посвященное этому вопросу. На нем был заслушан доклад старшего инспектора К. Г. Иванова «О духов-

ных учебных заведениях в Советском Союзе». В результате обсуждения Совет постановил работу К. Г. Иванова признать неудовлетворительной. Он был переведен в инспекторский отдел, а контроль за деятельностью духовных школ был поручен старшему инспектору И. Кириллову¹⁵.

Главным минусом в работе К. Г. Иванова было то, что он «просмотрел» среди подавших заявления и поступивших в церковные школы членов партии. Карпов прямо заявил: «В духовной академии учится Пронин, брат известного государственного деятеля, министра... Склоняют это на всех языках... Тов. Иванов должен был это знать...» В целом же члены Совета признали, что учебными учреждениями церкви Совет практически не занимался, что проводившаяся работа была организована кустарно.

Председатель Совета Г. Г. Карпов выразился определенно: «...Мимо вопроса, как и кого готовят, мы не можем проходить. И в некоторых вопросах будем прямо корректировать, прямо предлагать, прямо запрещать...» В своем выступлении Карпов и определил те аспекты деятельности духовных учебных заведений, которые Совету необходимо было взять под контроль:

– состав учащихся: «...мы должны изучать состав слушателей: социальное происхождение, национальность, образование, откуда пришел, чем раньше занимался, почему пришел в духовное заведение, если коммунист – надо информировать ЦК...»;

– преподавательский состав: «...к преподавательскому составу надо подходить с большими требованиями, на каждого завести дело... Надо, чтобы Учебный комитет специально рассмотрел на своем заседании вопрос о степенях: профессор, магистр, доцент, чтобы было понятно, как они этот вопрос видят, а затем внести свои коррективы (проконсультируемся, где надо)»;

– учебные программы духовных школ: «...когда будут готовы программы, т. Уткин должен будет их просмотреть, потом – в ЦК, и проговорить по этому вопросу... Вопрос главных предметов: истории религиозно-философской мысли, христианской психологии, основ психологии, метафизики и логики... Я поговорю по этому вопросу в ЦК, но если с их стороны будет предложение, что они исключат эти предметы из академического курса, мы не будем протестовать и удовлетворим их просьбу...»;

– библиотечный фонд: «...надо проверить все библиотеки... все книги надо просмотреть, а не только по списку Главлита как антисоветские, может, надо в этих книгах заклеить, замазать краской, вырезать (портрет монарха, например); все это будет делаться не Советом, а Главлитом при участии Совета...»;

– бытовая сторона, досуг учащихся: «...мы должны интересоваться досугом учащихся, итогами учебы... надо интересоваться бытовой стороной, надо оказывать содействие. Это не значит, что все заявки мы будем удовлетворять, но считаться с тем, что без нас они ничего не получат, мы должны...».

Единственное, что председатель Совета оставил непосредственно ведению церкви, – это вопросы финансового обеспечения, стипендий и оплаты преподавательской работы: «...кассой интересоваться мы не имеем права»¹⁶.

Основные положения выступления Г. Г. Карпова легли в основу Инструктивного письма уполномоченным от 3 декабря 1946 г. Уполномоченным рекомендовалось, «не создавая впечатления контроля», собрать интересующие Совет данные¹⁷.

По итогам первых отчетов уполномоченных со стороны Совета последовали рекомендации. Уполномоченному по УССР Ходченко было указано, что к деятельности пре-

подавательского состава Киевской семинарии необходимо отнестись «с особым вниманием», так как присланные им сведения свидетельствовали о «засоренности преподавательского состава нежелательными элементами». Данные о преподавателях Вильнюсской семинарии поставили Совет перед необходимостью решить – «кого оставить, кого отсеять», так как практически весь его состав работал при оккупантах. Наиболее «неблагополучное» положение сложилось, по мнению Совета, в Луцкой семинарии, так как из 10 человек преподавателей 8 жили в панской Польше, получили образование там, все жили на оккупированной территории. Совет решил рекомендовать Учебному комитету Московской патриархии ввести в Луцкой семинарии курс истории народов СССР¹⁸. Учебному комитету также было рекомендовано, чтобы во всех духовных учебных заведениях отмечались советские праздники, а уполномоченным было дано указание о «целесообразности их личного участия в проведении этих праздников (лекции, доклады и пр.)»¹⁹.

Был не только усилен контроль над действующими духовными школами. «Наверху» было признано нецелесообразным появление новых учебных заведений РПЦ. Были отклонены ходатайства патриарха Алексея об открытии семинарий в Черновцах УССР, в Казахской ССР, Краснодарском крае, в Ярославской и Смоленской областях²⁰. Ходатайство патриарха об открытии семинарии в Ростове-на-Дону Совет счел возможным удовлетворить, однако правительство посчитало это «нецелесообразным»²¹. Однако в этих областях были разрешены курсы подготовки приходского духовенства.

Семинария в Вильнюсе была в 1947 г. закрыта, ее учащиеся переведены в Луцкую и Жировицкую семинарии. Но в этом же году была, наконец, открыта семинария

в Саратове, таким образом общее число учебных заведений в стране не изменилось. В 1948 г. были открыты в Ленинградских духовных школах сектора заочного обучения, единственные в стране. Заочное обучение стало даже более популярным, чем стационарное, число обучающихся росло с каждым годом. Так, если в 1949 г. на заочной форме обучались в академии 11 и в семинарии 14 человек, то на 1 июня 1951 г. – в целом, около полутора сотен учащихся²².

В 1947 г. состоялся первый выпуск православных учебных заведений – 38 человек. Из них 26 были направлены в приходы; в 1948 г. из 53 выпускников 27 человек было направлено в приходы; 18 поступили в академии, 2 человека было оставлено для работы в семинариях, 6 зачислены в резерв²³. Несмотря на все издержки становления духовного образования в стране и полный контроль за этой системой со стороны государства, ее организация и деятельность были очень важным и значительным событием для Русской православной церкви. Московская патриархия после Октября 1917 г. получила, наконец, возможность готовить новые кадры православного духовенства и обеспечить тем самым преемственность поколений священнослужителей в храмах и молитвенных домах.

С 1948 г. со стороны идеологического аппарата ВКП(б) усиливается давление на Церковь в целом и деятельность учебных заведений в частности. Выполняя указания ЦК ВКП(б) об усилении контроля над комплектованием и деятельностью духовных учебных заведений, инспекторский отдел Совета в октябре 1948 г. разработал для уполномоченных новую форму отчетности. Уполномоченные обязывались, «используя для этого различные источники», предоставлять подробную информацию по

набору слушателей в духовные учебные заведения, о внутренней жизни семинарий и академий, об отношениях в коллективах учащихся, атмосфере среди преподавательского состава и т. д.²⁴

На основании принятого Министерством высшего образования СССР документа «Изменения, внесенные в Положение о духовных учебных заведениях», из учебных планов духовных академий были исключены логика, христианская психология, история философии, христианская педагогика, из планов семинарий – основы психологии и обзор философских учений²⁵. Осенью 1948 г. сам патриарх объявил о своем решении закрыть кафедры истории русской религиозной мысли в Ленинградской и Московской духовных академиях. Формальной причиной послужило отсутствие учебных пособий и квалифицированных кадров²⁶.

С 1948–1949 учебного года в Ленинградской духовной академии была введена стенографическая запись лекций. С одной стороны, это нововведение решало проблему обеспечения слушателей учебным пособием, с другой – давало возможность контролировать содержание лекций. Г. Г. Карпов настоятельно рекомендовал патриарху ввести стенограмму и в Московской академии²⁷.

В начале 1949 г. учебный процесс всех учебных заведений Московской патриархии был поставлен под угрозу решением власти отменить действующее с 1944 г. распоряжение о предоставлении слушателям и студентам отсрочек по мобилизации на военную службу. В январе Совет по делам РПЦ дал указание уполномоченным поставить об этом в известность епископов и руководство учебных заведений²⁸. Только в октябре 1950 г. было разрешено предоставить отсрочку от призыва слушателям

всех курсов духовных академий и последнего курса духовных семинарий²⁹.

После смерти Сталина руководство Московской патриархии предпринимает ряд мер по укреплению материальной базы учебных заведений, повышению уровня учебной и воспитательной работы в них. Большая заслуга в этом принадлежала председателю Учебного комитета при патриархии, митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову). По его инициативе в июле 1953 г., впервые за 10 лет существования новой богословской школы РПЦ, было проведено совещание ректоров, проректоров, инспекторов и преподавателей духовных учебных заведений. Совещание разработало и утвердило единые программы и Устав для духовных семинарий, в целом было достигнуто единство взглядов на вопросы учебной и воспитательной работы³⁰. Улучшилось материально-бытовое положение студентов и слушателей: были повышены стипендии, введено четырехразовое питание, увеличилось число экскурсий в музеи, посещений театров и кино. Духовные учебные заведения укреплялись кадрами молодых богословов из выпускников нового поколения. Патриархия повысила ассигнования на содержание духовных учебных заведений³¹.

В 1955–1957 гг. действовали все семинарии и академии РПЦ, открытые в предшествующий период. Число желающих обучаться в них возрастало с каждым годом: если в 1950 г. подали заявления 269 человек; в 1953 – 560 человек, в 1954 г – 401 заявление, в 1955 г. – 597, в 1956–1957 гг. – по 750–800 человек³².

К концу 1950-х годов, за более чем 10 лет деятельности, духовные учебные заведения РПЦ выпустили из своих стен 1203 человек (208 – из академий и 995 – из семинарий). Четвертую часть преподавателей духовных школ

(133 человека) составляли люди в возрасте «не старше 30 лет»³³.

Хрущевские гонения конца 1950-х годов положили конец поступательному развитию системы духовного образования в стране. Однако ее достижения с 1940-х годов обусловили и обеспечение преемственности кадров, и развитие богословской школы Русской православной церкви на следующие десятилетия.

© Чумаченко Т. А., 2023

¹ Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века // Вестник Церковной истории. 2008. № 4. С. 171.

² Записка Г. Г. Карпова о приеме И. Сталиным иерархов Русской православной церкви. Сентябрь 1943 г. / Публ. М. И. Одинцова // Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 284, 289.

³ Постановление СНК СССР № 1324 «О православном богословском институте и богословско-пастырских курсах в Москве». 28 ноября 1943 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 17

⁴ Постановление СНК СССР. Май 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 37.

⁵ Из протокола заседания Совета по делам РПЦ. Июль 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

⁶ Распоряжения СНК СССР. Март 1945 г.; август 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 37; Оп. 1. Д. 29. Л. 123; Оп. 1. Д. 30. Л. 94.

⁷ Протокол заседания Совета по делам РПЦ при СНК СССР. Июль 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

⁸ Постановление СНК СССР № 1132-456с. от 29 мая 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 128; Распоряжение СМ СССР № 8537-рс от 9 июля 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 123. Л. 332.

⁹ Григорий (Чуков), митрополит Ленинградский и Новгородский, Александрова-Чукова Л. К. Деятельность Учебного Комитета Священного Синода в 1946–1955 годах: к 70-летию осно-

вания

//

<https://bogoslav.ru/article/4888315?ysclid=lp741f7jt0448580205> (дата обращения: 18.03.2023).

¹⁰ Протокол заседания Отдела по делам центрального управления РПЦ от 4 января 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 52. Л. 24.

¹¹ Справка «О духовных учебных заведениях» зав. Отделом по делам центрального управления РПЦ Уткина Г. Т. Март 1947 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 37. Л. 89.

¹² Справка о православных духовных учебных заведениях Московской патриархии. По состоянию на 1 января 1947 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 122. Л. 191.

¹³ ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 122. Л. 160.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 122. Л. 165.

¹⁵ Протокол заседания Совета по делам РПЦ при СМ СССР. 14 ноября 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 45. Л. 154.

¹⁶ Приложение к протоколу заседания Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР № 16 от 14 ноября 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 122. Л. 14–19.

¹⁷ Инструктивное письмо уполномоченным СДРПЦ. 3 декабря 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 7. Л. 80.

¹⁸ Материалы Совета по делам РПЦ при СМ СССР по духовных учебным заведениям Московской патриархии // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 122. Л. 69, 197, 198, 200.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 122. Л. 200.

Это указание Совет скорректировал в письме уполномоченным от 3 декабря 1947 г.: «Совет, руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) сообщает, что уполномоченным не следует выступать с докладами в духовных учебных заведениях и заботиться о выделении докладчиков в ОК или ГК ВКП(б). От приглашения участвовать в торжественном вечере отказываться не следует» // Инструктивное письмо уполномоченным Совета по делам РПЦ при СМ СССР. 3 декабря 1947 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 148. Л. 27.

²⁰ Из протоколов заседаний Совета по делам РПЦ при СМ СССР. 1946–1947 гг. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 122. Оп. 2. Д. 37. Л. 29, 34, 40–42, 45, 47, 54, 57, 106.

²¹ В СМ СССР. Ворошилову К. Е. от зам. Председателя Совета по делам РПЦ Бельшева С. К. 20 августа 1947 г. // ГАРФ.

Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 150. Л. 87; В Совет по делам РПЦ. Чаадаев. Сентябрь 1947 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 150. Л. 125.

²² Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века // Вестник Церковной истории. 2008. № 4. С. 184.

²³ В СМ СССР, ЦК ВКП(б). Справка о положении и деятельности РПЦ в 1947 г.; 1948 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 153. Л. 21; Оп. 2. Д. 37. Л. 142.

²⁴ Протокол заседания Совета по делам РПЦ при СМ СССР. Октябрь 1948 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 287. Л. 61.

²⁵ Материалы СДРПЦ по духовным учебным заведениям РПЦ // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 37. Л. 130, 143.

²⁶ Запись беседы Г. Г. Карпова с патриархом Алексием. Сентябрь 1948 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.

²⁷ Запись беседы Г. Г. Карпова с патриархом Алексием. 17 февраля 1949 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 457. Л. 18.

²⁸ Письмо уполномоченным СДРПЦ, в чьих областях действуют духовные учебные заведения РПЦ. Январь 1949 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 569. Л. 1.

²⁹ Письмо уполномоченным СДРПЦ, в чьих областях действуют духовные учебные заведения РПЦ. 1950 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 606. Л. 42.

Однако постановление СМ СССР от 15 апреля 1954 г. аннулировало предоставленные отсрочки. – ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1116. Л. 49.

³⁰ Материалы по деятельности учебных заведений Московской патриархии. 1953 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Д. 1013. Л. 145–146.

³¹ Материалы по деятельности учебных заведений Московской патриархии. 1953, 1954 гг. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1013. Л. 142; Оп. 1. Д. 1224. Л. 12.

³² В СМ СССР, ЦК КПСС. Информация Совета по делам РПЦ при СМ СССР. 1953–1957 гг. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1113. Л. 144; Д. 1224. Л. 122; Д. 1226. Л. 58; Справка о духовных заведениях РПЦ. Ноябрь 1957 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1439. Л. 82–84.

³³ Справка о духовных заведениях РПЦ. Ноябрь 1957 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1439. Л. 82–84.

Н. В. Алексеева*

РОЛЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1953–1964 ГОДАХ

Придя к власти, Н. С. Хрущев одной из основных задач внутренней политики поставил окончательное уничтожение Русской православной церкви. Однако часть внешнеполитических вопросов невозможно было решить без ее участия. В таких условиях необходимо было создавать видимость соблюдения закона о свободе совести в стране.

В 1957 г. стало понятно, что готовится новая масштабная атака на русскую Церковь. В августе было проведено первое заседание «Общества распространения политических и научных знаний». В ходе заседания отмечалось серьезное ослабление работы в данном направлении, о чем свидетельствовала статистика увеличения посещаемости церковных служб. Кроме того, патриархат (хотя и ограниченным тиражом) получил разрешение напечатать Библию, вследствие чего государственным органам было предписано активизировать антирелигиозную кампанию.

Одновременно перед властями стояла задача вывести СССР из изоляции, порожденной холодной войной, а также усилить влияние Советского Союза на «народные демократии» стран социалистического лагеря и государства третьего мира. При этом советское правительство стремилось к тому, чтоб Запад верил в независимость и свобод-

* *Алексеева Надежда Викторовна* – доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

ное развитие Русской православной церкви и меньше знал о репрессиях, уже готовых на нее обрушиться.

Понимая нависшую над Церковью угрозу, патриарх Никон и митрополит Николай начали искать поддержку у других христианских Церквей, надеясь, что, завоевав признание в международных организациях, русская Церковь добьется уступок у себя на Родине. Таким образом, задачи государства и чаяния Церкви во внешнеполитических вопросах совпадали¹. Это придало новый импульс работе Совета по организации и проведению внешнеполитических мероприятий Московской патриархии.

В этот период возобновились отношения между Сербской и Русской православными церквями, были урегулированы вопросы, связанные с имуществом приходов русской Церкви в КНР, восстановлены контакты с зарубежными представительствами Московской патриархии, активизировалась деятельность Церкви в международном миротворческом движении. Все это способствовало нормализации межгосударственных отношений, формированию положительного имиджа СССР на международной арене.

Кроме того, Московская патриархия, следуя рекомендациям Совета уполномоченных по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР о необходимости сближения с Церквями стран Ближнего Востока, «развивала традиционно дружественные связи с Антиохийским и Александрийским патриархатами, пыталась установить контакты с главами Константинопольской и Иерусалимской церквей, с Эладской и Коптской церквями»².

Частью репрессивной государственной политики в отношении Церкви было сокращение ее учебных учреждений. Заботясь о сохранении хотя бы некоторых, в

частности, Московской духовной академии, патриархат весьма удачно использовал внешнеполитическую ситуацию. Руководство Советского Союза заявляло мировому сообществу о своей «миролюбивой политике» и пропагандировало эту идею на многочисленных форумах, ассамблеях и конференциях. Участие представителей Русской православной церкви в этом движении могло принести большую пользу правительству, так как к голосу русской Церкви на Западе прислушивались. По заданию председателя Совета уполномоченных Г. Г. Карпова 26 апреля 1955 г. Академия отправила на Всемирную ассамблею представителей миролюбивых сил всех стран «Обращение администрации, профессоров и преподавателей Московской духовной академии и семинарии»³.

Сохранить Ленинградскую духовную академию помог назначенный в октябре 1963 г. на ленинградскую кафедру митрополит Никодим (Ротов). Будучи председателем отдела внешнецерковных связей, он стал энергично включать Академию в международную деятельность: сюда зачастили иностранные делегации, академические профессора стали активно посещать заграничные симпозиумы. Зная о симпатиях Н. С. Хрущева к развивающимся африканским странам, митрополит смог пригласить на учебу семь африканцев из Уганды и Кении⁴.

Кроме того, власти активно использовали семинаристов и молодое духовенство для пропаганды советской внешней политики. В преддверии шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего летом 1957 г. в Москве, 2 января 1957 г. в Совете по делам Русской православной церкви прошла встреча Г. Г. Карпова с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем и ректором Московской духовной академии К. И. Ружицким. Председатель Совета уполномоченных по делам Рус-

ской православной церкви Г. Г. Карпов поставил задачу подготовить группу студентов Академии для встреч и бесед с зарубежными участниками. От Академии выделялось до 20 студентов в качестве гидов по Троице-Сергиевой лавре и 12 молодых священнослужителей для пропагандистских встреч и бесед с молодежью. В программу фестиваля входил духовный концерт хора Елоховского собора, просмотр фильмов о жизни Церкви и посещение выставки в Московской духовной академии. Окончательная цифра представителей Церкви для встречи с зарубежной молодежью была определена таким образом: 260 студентов и воспитанников, 35 преподавателей академий и семинарий, 40 мирян-прихожан.

При этом «в обязанности всех, кто встречался с иностранцами, вменялось составление подробнейших письменных отчетов. Конкретные лекции о религии и Церкви для иностранной молодежи, за исключением общего официального доклада о положении Церкви в СССР, который содержал только общие формальные сведения, а также доклады, касающиеся религии и богословия, были поручены молодым философам-марксистам, преподавателям и аспирантам вузов и НИИ, профессиональным атеистам»⁵.

Таким образом, роль Русской православной церкви в решении некоторых внешнеполитических задач была велика настолько, что не давала возможности руководству Советского государства уничтожить ее полностью. Но правительство настойчиво продолжало политику, нацеленную на серьезное ограничение влияния Церкви внутри страны. В 1959 г. на XXI съезде КПСС была принят план семилетки – перехода страны к коммунизму, где религии места не было. Началось массовое закрытие церквей под любыми предлогами, компрометирование клириков, возобновление судебных процессов против них, активная

агитация против религии и пропаганда естествознания на всех уровнях. При этом использование авторитета Русской церкви в международных отношениях продолжало сохраняться и даже набирало силу. Православная церковь активно включалась в экуменическое движение, и ее деятельность стала незаменимой в решении многих политических вопросов.

В рамках этой довольно противоречивой политики уже в середине 1950-х годов началось активное развитие религиозного туризма в СССР. После смерти И. В. Сталина в страну начали приезжать иностранные делегации, представители которых живо интересовались всеми сторонами жизни советского народа, в том числе и религиозной. В этих условиях в мае 1955 г. появляется секретное распоряжение Совета уполномоченных по делам Русской православной церкви за подписью Г. Г. Карпова, в котором, в частности, говорилось: «Совету известно, что некоторые представители инопосольств и миссий в СССР, интуристы и другие иностранцы, разъезжая по автомагистралям, проявляют интерес к встречающимся на пути церквям (осматривают, фотографируют, беседуют с духовенством и т. д.).

В связи с этим Совет предлагает Вам (уполномоченным на местах. – *Н. А.*) проверить, какие церкви области расположены на автомагистралях, какой имеют внешний вид. Кто является настоятелем, способен ли он с точки зрения политической и личных качеств дать соответствующие ответы на вопросы иностранцев»⁶.

Началась работа по реставрации действующих храмов, располагающихся на значимых автострадах, подбору священников, которые могли общаться с иностранцами и давать правильные ответы на провокационные вопросы и т. д.⁷

14 сентября 1955 г. в Совете по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР было проведено совещание на тему обслуживания иностранных делегаций. По результатам этого совещания к 1 ноября 1955 г. были подготовлены: список городов и других населенных пунктов, с которыми было рекомендовано знакомить иностранные делегации, план мероприятий для расширения кругозора тех кадров духовенства, которые будут обслуживать эти приезды⁸, разработаны ответы на наиболее часто задаваемые иностранцами вопросы, особенно о свободе совести в СССР и о взаимоотношениях между государством и Церковью⁹, отработаны маршруты. Естественно, все эти мероприятия жестко контролировались компетентными органами.

Таким образом, несмотря на весьма тяжелые условия существования, жесткие ограничения в деятельности, авторитет Русской православной церкви в решении многих внешнеполитических задач стал одной из причин, по которым попытка Н. С. Хрущева к 1980-м годам окончательно решить религиозный вопрос в СССР путем уничтожения церкви, не удалась. Кроме того, за рубежом долгое время получалось поддерживать миф о серьезной демократизации религиозной жизни в Советском Союзе. Организация туризма для иностранных граждан в этой сфере сыграла не последнюю роль. Подтверждением может служить тот факт, что во второй половине 1950-х годов в СССР начали возвращаться эмигранты первой волны и многие это делали по приглашению Московского патриархата.

© Алексеева Н. В., 2023

¹ *Массип Мирей*. Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. М., 2010. С. 568.

² *Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943–1965 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011. С. 37.

³ *Матюшин С., диакон.* Духовное образование в России при Н. С. Хрущеве (1954–1964) // Церковь и время: научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2001. № 1(14). С. 312.

⁴ Там же. С. 311.

⁵ *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 302–303.

⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 9324. Оп. 3. Д. 37. Л. 5.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 37. Л. 5.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 37. Л. 34.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 37. Л. 35, 36.

*Д. В. Иванов**

АНТИКРИМИНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ

Выступая 20 сентября 2022 г. на торжественном заседании, посвящённом 220-летию основания Министерства юстиции России В. В. Путин подчеркнул, что сотрудники ведомства в переломные 1990-е годы внесли весомый вклад в возрождение сильной государственной власти¹. Им действительно предстояло восстанавливать заново всю систему исполнения наказаний, фактически пришедшую в упадок к концу 1980-х – началу 1990-х годов.

Однако сегодня многие сюжеты процесса крайне опасной криминализации уголовного мира в системе ИТУ в эти годы почти забыты, в достаточной мере не анализируются и не изучаются, что заметно отражается на объективности оценок роли ИТУ в «исправлении» осужденных. Между тем, именно в «зонах» в эти годы лидеры уголовного мира одними из первых оценили криминальные возможности перестроечного поворота к рынку и окончательного формирования системы бизнес-криминального партнёрства². Для них замаячили новые возможности и перспективы консолидации уголовных корпораций и модернизации противоправного механизма достижения материальных целей и удовлетворения³.

* *Иванов Дмитрий Викторович* – преподаватель Санкт-Петербургской академии милиции имени Н. А. Щёлокова.

Анализ различных источников и литературы показал, что на усиление криминализации преступности среды и её рецидивности, активно противодействующей мерам государственного принуждения в системе ИТУ, ускоренное влияние оказал ряд факторов.

Во-первых, произошёл окончательный крах господствующего долгие годы политико-идеологического подхода к постановке «сверхцелей» и «сверхзадач» в борьбе с преступностью⁴. Диктатура преступности возобладала над диктатурой социально-правового контроля государства, ослабленного полумерами советских управленцев⁵. Борьба с преступностью государством и обществом к началу 1990-х годов была проиграна, а вскоре произошёл и слом самой государственной машины, разрушение советского права⁶.

Во-вторых, в управленческом звене системы ИТУ страны запоздало обратились к анализу новой генерации объектов государственного принуждения с явным деструктивным потенциалом агрессии, экспансии и лживости⁷. Причём происходило упорное нежелание диагностировать очевидную факторную природу появления и распространения новых «секуляризированных зеков»⁸ как порождения и продукта социальной деструкции.

В 1980-е годы в зоны пришли молодые, злые, необразованные и не имеющие рабочих специальностей осужденные⁹. К тому же, каждое третье предприятие ИТУ к 1990 г. не выполняло план по прибыли, а 141 предприятие работало убыточно¹⁰. На конец 1986 года в системе ИТУ длительное время не были заняты трудом 19 тыс. осужденных¹¹. Эти и другие факторы ускорили своеобразный «переплав» как фрагментированных антропоморфных преступных кодексов и культур, так и самих носителей в новую генерацию преступного мира и его де-

виантные практики. По оценке некоторых экспертов принципиальная смена стратегии преступного мира привела в середине 1980-х годов к очередному его расколу¹².

В-третьих, произошла резкая экзальтация насилия в среде осужденных и по отношению к субъектам государственного принуждения, связанная во многом с конфронтационным типом отношений, избранным осужденными. Спекулируя вокруг принципов перестройки и гласности главари уголовного мира путём давления на администрацию ИТУ и актами массового насилия «выбивали» уступки, расширяя эту преступную практику. К началу 1990-х годов, как государству, так и обществу уже было не до «зон».

Слом прежней системы государственно-правового контроля за преступностью, в системе исполнения наказания, незамедлительно отразился на антикриминальном потенциале государственного принуждения, механизм которого предстояло воссоздавать и регулировать уже все последующие годы в Российской Федерации, изучение которого имеет сегодня и практическое значение.

© Иванов Д. В., 2023

¹ Торжественное заседание по случаю 220-летия Минюста России. – <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69382> (дата обращения: 17.01.2023).

² *Нилов А. Цеховики. Рождение теневой экономики.* СПб., 2006. С. 67–68.

³ *Кондатюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / Под ред. К. К. Горяинова.* М., 2008. С. 203–204.

⁴ *Харитонов А. Н. Государственный контроль над преступностью (теоретические и правовые проблемы).* Омск, 1997. С. 18–19.

⁵ *Лунев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции.* 2-е изд. М., 2005. С. 860–861.

⁶ *Иванов Д. В.* Государственно-правовой концепт и практика борьбы с преступностью на Северо-Западе РСФСР в 1917–1991 годах. СПб., 2018. С. 26–88.

⁷ *Кондратюк Л. В.* Антропология преступления (микрокриминология). М., 2001. С. 84.

⁸ *Некрас Рыжий (Майер В. А.).* Чешежопица. Очерки тюремных нравов. М., 1995. С. 8–9.

⁹ *Шумилин С. В.* Государство под номером восемь. К пятидесятилетию учреждения ЯВ–48/8. Историко-литературный очерк. Челябинск, 2003. С. 55.

¹⁰ Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 654. Л. 143.

¹¹ Там же. Д. 621. Л. 160 об.

¹² *Подлесских Г., Терешонок А.* Воры в законе: бросок к власти. М., 1995. С. 23.

А. В. Белова*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

Концепт социального оптимизма, наряду с идеологией социалистического Интернационализма, был включен в советскую общественную риторику как один из ценностных векторов, определявших приоритеты коллективного сознания. Данные установки формулировались и в нормативно-правовых документах, и в СМИ, закреплялись на уровне жизненных практик, начиная с этапа социализации. «Дружба народов» в условиях социализма трактовалась как одно из проявлений «веры в светлое будущее», жизнеутверждающего настроения и «уверенности в завтрашнем дне» советских людей.

Посредством фратерналистского дискурса в официальной идеологии Советский Союз позиционировался как «старший брат» и образец для подражания и копирования «младшими братьями», входившими в социалистическое содружество. Коммунистические и рабочие партии назывались «братскими партиями»¹. При этом теорию осмысления отношений со странами социалистического лагеря можно интерпретировать как социалистический «неоэволюционизм» – концепцию запаздывающего вступления на

* Белова Анна Валерьевна – заведующий кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета; ведущий научный сотрудник Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва), доктор исторических наук, доцент.

путь социализма с прохождением одних и тех же обязательных этапов. Для соцстран это означало клонирование институтов, структур и ошибок, подвёрстывание социальных реалий под навязываемые идеологические стандарты. Та же модель взаимоотношений «старшего» и «младшего брата» практиковалась и применительно к союзным республикам², правда иногда озвучивалась в терминах «сестринства». Советским детям внушалась формула, отражающая структуру СССР как «пятнадцать республик советских – пятнадцать могущих сестёр», которых при этом, говоря словами советского поэта Николая Асеева (1889–1963), «сблизила в братство Москва». Фратерналистский дискурс советской идеологии, являвшийся «эвфемизмом реальной патерналистской модели взаимоотношений СССР и социалистических стран, соотносился с официальной интерпретацией этих отношений как дружеских»³.

Германская Демократическая Республика (1949–1989) входила в ближний круг распространения советского влияния среди коммунистических режимов Центральной и Восточной Европы. При этом она выполняла функцию своего рода витрины социалистического строя. Из-за близости ФРГ, родственных связей людей и просачивавшейся через Берлинскую стену информации в ней стремились искусственно поддерживать более высокий уровень жизни, чем в других странах соцлагеря. ГДР принимала правила субординации по отношению к СССР – «старшему брату» и наставнику.

В ГДР мифологема «дружбы с СССР» была закреплена на уровне конституционного права. Причем соответствующее положение Конституции 1968 г. входило в важнейшую ее часть – в Раздел I «Основы социалистического общественного и государственного строя», в главу 1 «Поли-

тические основы», в которой в ст. 6 провозглашалось, что «Германская Демократическая Республика поддерживает и развивает в соответствии с принципами социалистического Интернационализма всестороннее сотрудничество и дружбу с Союзом Советских Социалистических Республик и другими социалистическими государствами»⁴ (пер. с нем. мой. – А. Б.).

В Конституции СССР 1977 г. содержалась более пространная формулировка в разделе «Основы общественного строя и политики СССР», в главе 4 «Внешняя политика» в ст. 30: «СССР как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе принципа социалистического Интернационализма, активно участвует в экономической интеграции и в международном социалистическом разделении труда»⁵. При очевидном различии в статусе нормативных положений, первое из которых относится к внутриполитическим основам государственности, а второе – к внешнеполитическим, они созвучны в трактовке отношений между СССР и социалистическими странами в терминах «дружбы», базирующейся на «принципе социалистического Интернационализма». В основе последнего провозглашались «марксистско-ленинская идеология, классовая солидарность, дружба, добровольное сотрудничество на основе взаимной выгоды и взаимопомощи, полное равноправие, уважение независимости и суверенитета каждого государства»⁶.

«Дружба народов» предстаёт скрепляющим концептом в идеологии конструкта под названием «мировая система социализма», выступая одновременно и одним из её оснований, и декларируемой нормой организации внутренних отношений, базирующихся, по официальной версии,

на началах «добровольности», «равноправия» и «независимости». Интернационализм, идеология и дружба декларировались как фундаментальные взаимосвязанные концепты не только социалистической теории, но и практики. К 1972 г. Общество германо-советской дружбы в ГДР насчитывало 3,5 млн членов, 35 600 первичных ячеек и провело 460 000 манифестаций, занимая среди массовых организаций место между Объединением свободных немецких профсоюзов и Демократическим союзом женщин Германии⁷.

Время «оттепели» в СССР было сопряжено с осознанием важности направляемого и контролируемого Интернационализма, первым опытом которого стал Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москве в 1957 г. Интернациональная дружба школьников воспринималась как способ социализации и формирования у них представления об орбитах советского идеологического и политического влияния.

В ГДР рубежа 1950-х – 1960-х годов, как и в СССР, концепт дружбы репрезентировался по-разному: от толерантности между представителями разных рас до внутренней солидарности между членами общества разного социального статуса, принадлежащими к разным возрастным когортам и полам. На пропагандистских иллюстрациях можно встретить репрезентации «дружбы», например, между двумя девочками и мальчиком дошкольного возраста из «трёх частей света» (интересно, что на этом фото мальчик занимается с куклой, а девочки с конструктором, вопреки расхожим поло-ролевым клише; если фото постановочное, то речь может идти о преднамеренной инверсии)⁸; между пионерами, девочками и мальчиками младшего и среднего школьного возраста и представителями Народной полиции (женщиной и муж-

чиной)⁹; между взрослыми девушками, представительницами трёх рас¹⁰.

Главным условием установления и поддержания Интернациональной дружбы между школьниками из соцстран становилось изучение иностранных языков. Процесс носил асимметричный характер, поскольку русский язык был обязательным предметом. В ГДР признание важности изучения иностранных языков имело идеологическое обоснование. В энциклопедии 1962 г., обращённой к женщинам и девочкам ГДР, в разделе «Воспитание» сообщалось, что «для каждого человека изучение одного или нескольких иностранных языков хорошо и полезно. Это улучшает владение родным языком, расширяет картину мира и способствует дружбе народов. Поэтому дети в ГДР уже с 5-го класса (в так называемых Р-классах уже с 3-го учебного года) изучают русский язык, язык самого большого народа дружественного Советского Союза. Наряду с этим им предоставляется возможность получения второго иностранного языка (французского, английского или языка дружественных народных демократий). Родители должны были стремиться к тому, чтобы их ребенок хорошо использовал эти возможности. Ни в какое время ребенок не изучает другой язык легче, чем в школьное время. Позже овладение иностранным языком требует гораздо большего усилия»¹¹ (пер. с нем. мой. – А. Б.). Русский язык в ГДР имел особый идеологический статус среди прочих иностранных языков.

Отношение к немецкому языку в СССР менялось от послевоенного неприятия до признания во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов. В то время немецкий язык был более распространён в школах, чем английский или французский. Тогда же стали появляться специализированные школы с углублённым изучением немецкого

языка, в которых обучались не всем классом, как ранее в обычных школах, а по группам. Так, в городе Калинин (ныне Тверь) школа с преподаванием ряда предметов на немецком языке открылась в 1963 г.

Явлением советской школьной повседневности стали Клубы Интернациональной дружбы (КИДы), посредством которых инициировалась дружеская переписка школьников – пионеров ГДР и СССР. Возраст пионерского детства рассматривался как оптимальный для коммуникации и межкультурного обмена. Часто межкультурный обмен сводился не только к обмену письмами, но и небольшими артефактами – предметами детского коллекционирования – марками, стикерами, переводными наклейками, открытками, календариками, значками. Девочки проявляли большую склонность к ведению переписки, чем мальчики, поскольку это требовало затрат времени, определённых дисциплинирующих усилий и в целом более высокой языковой подготовки. Само по себе ведение переписки есть поддержание социальных связей, создание «сети отношений» (термин Кэрол Гиллиган). Мальчики чаще вступали в переписку не ради самого общения или языковой практики, а вследствие своего хобби и мотивации к получению, например, необычных почтовых марок.

Письмо иностранной подруге – один из значимых текстов детской повседневности в социалистических обществах. Переписка, несмотря на то, что она официально поощрялась, и власть, очевидно, усматривала в ней способ Интернационализации подрастающего поколения и внушения должных идеологических представлений, а также косвенный контроль над умами, самими школьницами считалась интересным и увлекательным занятием. Среди мотиваций к ведению Интернациональной переписки – стремление не только к узнаванию «нового», но к

расширению круга общения, к практике иностранного языка, а в перспективе, при условии возникновения эмоциональной привязанности между адресатами, к посещению «другой» страны.

Обрести подругу по переписке можно было и по официальным каналам, через школьный КИД, и спонтанно через публикуемые адреса или отправку письма без конкретного адреса с указанием страны, города и ремарки «какой-то основной школе». Однако наиболее надёжными и устойчивыми оказывались контакты, устанавливаемые посредством личных связей, например: знакомство с родственниками одной из сторон межэтнического брака (чаще речь шла о выходе советской девушки замуж за немца из ГДР) или с обучавшимися в СССР студентками из ГДР, у которых были младшие сёстры, или передача по наследству от матери к дочери эстафеты переписки, превращавшейся в своего рода семейную традицию на протяжении нескольких десятилетий. К сожалению, эти долговременные связи были разрушены крушением социалистического мира, то есть именно в нём они имели особое функциональное предназначение.

Переписываясь с девочками из ГДР советские школьницы обретали уникальный опыт «иной» повседневности, который в процессе присвоения становился как бы их собственной «пережитой историей». Сопоставимость школьной мифологии ГДР и СССР, рассчитанной на узнаваемость и построенной по принципу прямых аналогий, закреплялась наглядной иллюстрацией к билингвистической песне 1975 г. «Drushba – Freundschaft» об «одинаковых целях» «наших народов», «единстве помыслов и чувств и нерушимости братских уз», резюмировавшей «всегда мы вместе, ГДР и Советский Союз»¹². Слово «всегда» много значит для детского сознания (да, и не только детского),

создавая дизайн незыблемости, неизменности раз и навсегда закреплённого порядка. Для советских школьниц ГДР – самый «близкий» и «понятный» Другой из всего социалистического лагеря, ассоциирующийся с жизнеутверждающим оптимизмом в отношении общественного развития.

Крушение социализма привело к исчезновению социальных и культурных реалий, переоценке отношения к ним. Однако Интернациональная дружба по переписке остается своего рода «неприкосновенным запасом», «оазисом» детства, позитивным ресурсом социалистического опыта. Такие письма продолжают храниться в домашних коллекциях, несмотря на переезды и изменения интерьеров, воплощая социальный оптимизм женской истории эпохи «хрущевской оттепели».

Текст подготовлен в рамках проекта РНФ «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)» (№ 22-28-01428).

© Белова А. В., 2023

¹ *Пролетарский Интернационализм* // Краткий политический словарь / Сост. и общ. ред. Л. А. О니кова и Н. В. Шишлина. 5-е изд., доп. М., 1988. С. 349–350.

² См. например: *Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века* / Под ред. В. В. Керова. М., 2013. С. 770.

³ Белова А. В. Концепт «Интернациональная дружба» в идеологии и повседневности позднесоциалистических обществ ГДР и СССР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2018. № 1. С. 7.

⁴ *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik* (06.04.1968). – <http://www.documentArchiv.de/ddr/verfddr1968.html> (дата обращения: 16.02.2014).

⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (7 октября 1977 г.). – <http://>

www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#4 (дата обращения: 16.02.2014).

⁶ *Пролетарский Интернационализм* // Краткий политический словарь / Сост. и общ. ред. Л. А. О니кова и Н. В. Шишлина. С. 349–350.

⁷ *Grosser A. Geschichte Deutschlands seit 1945: Eine Bilanz.* München, 1975. S. 411.

⁸ *Kinder aus drei Erdteilen im Hauptkinderheim Königsheide bei Berlin* // *Kleine Enzyklopädie: Die Frau* / Hg. Irene Uhlmann unter Mitarbeit von L. Mallachow, G. Thomas-Petersein, I. Brandt. Leipzig, 1962. Foto zwischen S. 160–161.

⁹ *Die Volkspolizei ist Freund und Helfer unserer Jugend – Verkehrspolizisten mit Jungen Pionieren* // *Kleine Enzyklopädie: Die Frau* / Hg. Irene Uhlmann unter Mitarbeit von L. Mallachow, G. Thomas-Petersein, I. Brandt. Foto zwischen S. 160–161.

¹⁰ *Junge Frauen aus aller Welt, in Freundschaft verbunden* // *Kleine Enzyklopädie: Die Frau* / Hg. Irene Uhlmann unter Mitarbeit von L. Mallachow, G. Thomas-Petersein, I. Brandt. Foto zwischen S. 384–385.

¹¹ *Erziehung* // *Kleine Enzyklopädie: Die Frau* / Hg. Irene Uhlmann unter Mitarbeit von L. Mallachow, G. Thomas-Petersein, I. Brandt. Leipzig, 1962. S. 199.

¹² *Drushba – Freundschaft* // Эстеррайхер З. Мы поем по-немецки: Сборник песен для учащихся 2–10 классов. 2-е изд. М., 1976. С. 118–119.

*И. В. Богдашина**

**ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЖЕНСКОГО ТРУДА
И ЗДОРОВЬЯ В НЕСТОЛИЧНОМ РЕГИОНЕ:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЖИЗНЕННЫЕ
РЕАЛИИ (1950-Е – 1960-Е ГОДЫ)**

Советский период в истории страны, пожалуй, является важнейшим в отношении устроения равноправия между полами. Ключевым документом явилась Конституция СССР 1936 г., в которой было указано, что женщинам «предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни», в том числе на охрану здоровья и труда, его оплату¹. Здесь однако стоит отметить, что женский труд и здоровье требовали к себе особого внимания, в первую очередь, потому, что каждая работница потенциально являлась и матерью. Реконструировать, а также сравнить с действительностью правовой статус женщин позволит привлечение как общесоюзных нормативных правовых актов, так и сведения региональных профсоюзных органов и эго-документов (дневники, воспоминания). Использование нестандартной источниковой базы объясняется стремлением сравнить правовой статус (предписанный законодательством) с действительным положением и реальными жизненными условиями. Особенно интересно, на наш взгляд, выяснить степень защиты женских прав в отдаленном от столицы, но доста-

* *Богдашина Ирина Владимировна* – выпускница Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва), кандидат исторических наук.

точно крупном городе страны. Одним из таких городов в 1950–1960-е годы являлся Сталинград/Волгоград. Он был не только центром Нижнего Поволжья, но и мощным промышленным регионом. Собственно период 1950-е –1960-х годов является знаковым не только в сфере совершенствования законодательства, но и женской истории, в частности; именно в период «хрущевской оттепели» женщины действительно были «услышаны», а права работниц стали защищаться на более высоком уровне. Для исследователя гендеролога-повседневноведа представляется крайне важным изучить реальное положение женщин в статусе работниц и матерей, выяснить, как законодательные нормы повлияли на их повседневную жизнь.

Трудовые отношения в 1950-е –1960-е годы регулировались Кодексом законов о труде РСФСР, который вступил в силу в 1922 г. Согласно документу, женский труд был запрещен на особо тяжелых и вредных для здоровья производствах, на подземных работах, женщины не допускались к ночным работам; беременные и кормящие женщины не должны были работать в ночную смену и привлекаться к сверхурочной работе, кроме того, предусматривались перерывы для кормления ребенка, а собственно декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком длились 112 дней (8 недель до и 8 недель после родов)². Но соблюдались ли данные установки в реальной трудовой повседневности? На этот вопрос нам предстоит ответить в ходе данного исследования.

Действительность возрождающегося после войны нестоличного города требовала повышенной работоспособности женщин, которые нередко были вынуждены трудиться не только на тяжелых и вредных работах, но и сверх нормы. Конкретные жизненные ситуации, а также факты нарушений трудового законодательства нам уда-

лось вскрыть благодаря обращению к документации профсоюзных органов (Облсовпроф) и женским эго-документам. Стоит отметить, что профсоюзные организации играли весьма значительную роль в защите прав работников, в том числе женщин. На уровне страны 28 сентября 1962 г. был принят очень важный документ – Постановление Президиума Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов «Об улучшении работы профсоюзных организаций среди женщин»³. На региональном уровне, в свою очередь, было издано Постановление Президиума Волгоградского промышленного областного совета профессиональных союзов и Нижне-Волжского Совета народного хозяйства от 15 мая 1963 г. «О мерах по дальнейшему улучшению условий труда женщин, работающих на промышленных предприятиях области, подчиненных Нижне-Волжскому совнархозу», которое положило начало массовым проверкам рабочих предприятий на вопрос соблюдения женских трудовых прав⁴.

На законодательном уровне порядок приема беременных женщин на работу и их увольнение был закреплен лишь в 1960 г.; согласно ст. 139 УК РСФСР от 27 октября 1960 г., беременной женщине не могли отказать в приеме на работу, равно как и уволить, на том же уровне защищались права и кормящих матерей⁵. Однако некоторые руководители предприятий этими правами пренебрегали, о чем рассказала одна из респонденток: «Мама много раз ходила на завод устраиваться, но потом, спустя время, ее все-таки взяли. Ребенок был маленький, кормила грудью, поэтому она работала неполный рабочий день, материально было тяжело. Мама переживала, что рано отдала брата в ясли, но деваться было некуда, деньги надо было зарабатывать»⁶ (начало 1960-х годов. – И. Б.).

Высоким был производственный травматизм, что во

многим было связано с низкой трудовой дисциплиной. Так, одна из работниц завода «Стройдеталь» фрезерным станком нанесла травму трем пальцам; имелись и смертельные случаи: работница Силикатного комбината получила смертельный удар головы⁷, а невнимательность сотрудниц на Сталинградском кислородном заводе привела к несчастному случаю, в результате которого одна из работниц пострадала, а другая скончалась⁸. Высокий травматизм на предприятии подтвердила и одна из респонденток, которая работала медицинской сестрой в здравпункте Тракторного завода: «Я работала в здравпункте, в основном занималась травматизмом, дикие травмы были в конце 1950-х годов, было очень часто. Одной женщине кисть оторвало на станке. В основном травмировались женщины, видимо плохо с ними проводили технику безопасности»⁹. Вышеуказанные случаи тщательно скрывались от общественности, а результаты проверок хранились под грифом «секретно».

Отметим, что открыто о производственном травматизме заговорили лишь в 1960 г.; на IV городской экономической конференции было обращено внимание на то, что снижение травматизма могло бы являться одним из факторов повышения производительности труда. В результате проведенной проверки было проанализировано 2700 несчастных случаев на предприятиях города, основными причинами которых были: отсутствие технического надзора за работой, нарушение производственной и трудовой дисциплины, недостаточный инструктаж и обучение правилам техники безопасности, неправильная организация рабочего места, а также неисправность оборудования. На 2900 несчастных случаев приходилось 62 % ушибов и ранений, 15 % переломов, 8 % ожогов и 6 % глазных травм¹⁰. Стоит предположить, что большинство

травм было получено работниками на тяжелых и опасных участках.

Однако занятость на тяжелых и вредных местах производства позволяла женщинам иметь относительно высокий заработок. Мама одной из наших респонденток работала стерженщицей на заводе: «Денег хватало, родители зарабатывали достаточно прилично, мама в свое время зарабатывала до 400 рублей, как ни странно, вредное было производство, стерженщица, это 1960-е годы, и поэтому что-либо купить препятствий не было»¹¹. Врач Зинаида Сергеевна Седельникова в своем дневнике жаловалась не только на зарплату врачей, но и нянь в больницах, которые «получали от 35 до 45 рублей, будут получать 45–50. И все-таки, мало за их труд, мало! Возмутительно мало!»¹² (1964 г. – И. Б.). Но работницы промышленных предприятий (и на опасных участках) получали немногим более занятых в непромышленных сферах: «Звонила Вас. Ив., просила помочь Дусе найти др. работу без ночных смен. Согласна нянечкой в гинекологическое отделение больницы, где работает Вера. Зарплата у Веры теперь 50 р., это кое-что и немногим меньше, чем зарабатывает Дуся»; «У Дусястика ожог 2 степени на лице, обожгла стружкой горячей на работе, выглядит усталой, но бодрится», – записала в дневник З. С. Седельникова о своей близкой подруге¹³ (работница завода Красный Октябрь, 1964 г. – И. Б.). Повышенная рабочая нагрузка естественным образом негативно сказывалась на здоровье женщин, их безопасности в целом.

Нарушения имели свое место буквально на каждом предприятии города. Результаты проверок показали, что несчастные случаи происходили по организационным причинам: отсутствие или недостаточный инструктаж и обучение рабочих правилам техники безопасности, загро-

можденность и захламленность рабочих мест, отсутствие технического надзора за производством работ, несоблюдение норм и правил техники безопасности. Например, в 1963 г. результате безответственного отношения произошло два несчастных случая со смертельным исходом – оба с женщинами. На заводе им. Петрова погибла крановщица У., а на чулочной фабрике им. Крупской погибла работница Н. на окрасочной машине¹⁴. Однако не только проверяющие, но и руководство предприятий, воспринимали травматизм и гибель работников, в первую очередь, как ущерб и простои в работе, а не человеческие здоровье и жизнь. Потому на предприятиях, в частности, с преобладающим количеством женщин-работников, допускались серьезные нарушения техники безопасности, а опасные участки зачастую не были ограждены, что приводило к травматизму рабочих¹⁵. Проверка состояния охраны труда и техники безопасности на предприятиях города была проведена и в апреле–мае 1964 г. В результате было выяснено, что на предприятиях самого южного Красноармейского района города «имеется большое количество нарушений правил и норм техники безопасности, промсанитарии, в результате чего происходит значительное количество несчастных случаев»¹⁶.

Активно женщины были задействованы и в ночных сменах, особенно в машиностроительной промышленности. Например, на заводе «Красный Октябрь» посменно работали 1829 женщин, которые имели детей в возрасте до 8 лет. Одной из таких работниц была уже упомянутая нами Дуся: «Я давно говорила Дусе о необходимости сменить работу. 6 ночей подряд работать это убийственно. Дуся выглядит плохо и никак не успевает поправиться», – записала врач Зинаида Седельникова в своем дневнике¹⁷. Всего же на 14 проверенных предприятиях на посменной

работе было занято 13 486 женщин, большинство из них – это работницы-матери. Настолько широкое привлечение женщин к работе в ночные смены определялось тем, что на законодательном уровне это не было запрещено, исключением был лишь труд беременных женщин и кормящих матерей¹⁸. Таким образом, данная проверка позволила выявить в отношении соблюдения трудовых прав женщин крупные нарушения, которые имели практически повсеместный характер на промышленных предприятиях города. Конечно, данные сведения не поступали в СМИ, а значит, не были широко известны общественности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несоблюдение трудового законодательства во многом диктовалось необходимостью восстановления хозяйства региона, требовавшего повышенного использования трудовых резервов, основным источником которых выступали все еще женщины. Анализ женских эго-документов убедил в двойственности положения женщин-работниц, которые были готовы трудиться на вредных и тяжелых условиях и сверх нормы не только для того, чтобы получить более высокий заработок, но и в силу производственной необходимости. Несмотря на организацию специальных проверок, трудовые права женщин, в том числе беременных и кормящих матерей на многих предприятиях города продолжали нарушаться. Правда, теперь в лице государства (партии) работницы видели защитника своих прав и возможностей, с помощью которого иногда они могли надеяться на то, чтобы изменить свое непростое положение.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22–28–01428) «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)».

-
- ¹ Конституция (основной закон) СССР // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М., 1956. Ст. 122. С. 14.
- ² *Труд женщин и несовершеннолетних* // Кодекс законов о труде, издания 1922 г. М., 1925. Ст. 129–134.
- ³ Постановление Президиума Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 28 сентября 1962 г. «Об улучшении работы профсоюзных организаций среди женщин». М., 1962.
- ⁴ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-523. Оп. 2. Д. 38. Л. 1–5.
- ⁵ *Законодательство о правах женщин в СССР*. Сборник нормативных актов / Сост. А. М. Белякова. М., 1975. С. 14–15.
- ⁶ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Л. Г. 1954 г. р.
- ⁷ ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 303. Л. 126, 140.
- ⁸ ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 5. Д. 61. Л. 3–4.
- ⁹ ПМА: Л. В. 1936 г. р.
- ¹⁰ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 34. Д. 43. Л. 117, 127–128.
- ¹¹ ПМА: Т. А. 1954 г. р.
- ¹² ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 30. Л. 171.
- ¹³ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 31. Л. 93, 96.
- ¹⁴ ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 2. Д. 102. Л. 73–74.
- ¹⁵ ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 2. Д. 102. Л. 75–76.
- ¹⁶ ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 2. Д. 102. Л. 31.
- ¹⁷ ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 31. Л. 93.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 2. Д. 37. Л. 200.

В. В. Кирюхин*

О ПРАВАХ ДЕТЕЙ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Один из гуру европейских правовых позитивистов Ганс Кельзен стремился показать нам право «очищенным» от всякой политической идеологии и всякого влияния социального мира, так как, по его мнению, «юриспруденция совершенно некритично смешалась с психологией и социологией, этикой и политической теорией»¹.

И хотя отечественное правоведение советской эпохи отрекалось от «буржуазных течений» юриспруденции, оно было плотным узлом связано с нормативным пониманием права, которое утвердилось с подачи «сталинского прокурора» А. Я. Вышинского, одобренным на Совещании по вопросам науки советского государства и права 1938 г.

Условия постмодерна создали благоприятную ситуацию осмысления права как нормативного выражения «социокультуры или коллективного воображаемого определенной эпохи, его собственного юридического языка и дискурса»².

Следует заметить, что каждое общество на определенном этапе своего развития придерживается гегемонистских убеждений в отношении того, что такое право. При смене форм общественного устройства особенно ак-

* *Кирюхин Владимир Викторович* – доцент кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (Москва), кандидат юридических наук, доцент.

тивно выдвигаются альтернативные концепции, которые предлагают иной образ права, предполагающий обсуждение его «новой» роли, которую оно должно играть в «новом» обществе, на что оно должно воздействовать и какие группы населения ставить под особую охрану.

В. И. Ленин еще до октября 1917 г. в работе «Государство и революция» писал об отмирании государства в будущем, не определяя временных границ этого явления, и о буржуазном характере права переходного периода³.

После революционного захвата власти осенью 1917 г. большевики столкнулись с проблемой создания новой государственной структуры и управления унаследованной от империи огромной территорией.

Если я правильно понимаю буквальное прочтение и тайный смысл государственно-правовой доктрины большевиков, находящихся у власти⁴, то для В. И. Ленина и соратников переход к коммунизму и отмирание государства возможны не сразу. Под отмиранием государства понимается отмирание социалистического государства, а не буржуазного капиталистического государства, которому может положить конец только насильственная революция. Переход к коммунизму будет возможен на втором этапе, после учреждения пролетарского государства, которое, конечно, придет в упадок, но исключительно после исчезновения класса эксплуататоров и окончания классовой борьбы. До наступления этого второго периода необходимо установить диктатуру пролетариата и дать ему возможность действовать путем создания нового, революционного права.

Большевистская революция 1917 г. привела к значительным изменениям, как в юридическом статусе детей, так и в жизни детей в советском государстве. По всей видимости, сущностным смыслом этих изменений явился

переход в сфере охраны, опеки над детьми от частных организаций, существовавших при царском режиме, к государственным учреждениям, расширение юридической «автономии» детей и придание им особого статуса.

В революционную эпоху советская пропаганда, государственные чиновники провозглашали, что советская Россия – единственная страна в мире, которая добилась идеальных условий для детей. «В этот период освобождения ребят от рабства в приюте, в семье, от томления в общих судах и тюрьмах – дети были провозглашены «цветами жизни», «надеждой государства»⁵.

Отношение к правонарушителям отражалось в советском зеркале почти так же, как в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Два аспекта капиталистического общества служили фокусными точками для критического анализа: сама экономическая система (базис) и «буржуазная культура» (надстройка). Советское стремление докопаться до самых главных причин социальных явлений ярко проявлялось, когда речь шла о преступности и делинквентности.

Правонарушения несовершеннолетних для восприятия революционной эпохи были социальным явлением, корни которого глубоко уходили в экономическую и социальную структуру старой России. В связи с тем, что статистика правонарушений несовершеннолетних постоянно обновлялась с начала века, фиксирую на каждом новом витке все большие и большие показатели. Для большевиков, видимо, казалось неприемлемым использовать те методы, которые не приводили к надлежащему результату при старом режиме.

Задачи по организации борьбы с правонарушениями детей изначально возлагались одновременно на три Наркомата: просвещения, внутренних дел и соцобеспече-

ния.

Всего через несколько недель после прихода к власти, и в то время, когда судьба нового государства все еще висела на волоске, советское правительство провозгласило и немедленно ввело в действие очень важный закон о защите детей – Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях по делам несовершеннолетних»⁶.

Натан Берман очень метко назвал этот юридический документ «Великой Хартией вольностей для русского ребенка»⁷.

Комиссиям по делам несовершеннолетних (далее – Комиссии) передавались все дела несовершеннолетних правонарушителей (судебное разбирательство и тюремное заключение для несовершеннолетних до 17 лет было упразднено). В их компетенции было решение: освободить подростка в случае признания его проступка незначительным либо, напротив, направить его для исправления в соответствующие учреждения Наркомата соцобеспечения. Комиссии состояли из судьи, педагога и врача. Их подход к несовершеннолетнему был не с точки зрения его проступка, но с точки зрения его личностного склада. Диспозиция определялась степенью «социальной запущенности» несовершеннолетнего, физическим состоянием и личностью. Ни при каких обстоятельствах Комиссия не могла бы отправлять несовершеннолетних в исправительное учреждение, независимо от того, насколько серьезными или тяжкими были их правонарушения.

В начале 1920 г. маятник в отношении несовершеннолетних правонарушителей качнулся в другую сторону, была восстановлена юрисдикция народных судов по делам несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, если Комиссия приходила к выводу о невозможности применить меры медико-воспитательного характера. Народному

комиссариату юстиции предписывалось создавать для помещения несовершеннолетних реформатории⁸.

В 1935 г. правительственным постановлением⁹ была начата масштабная реорганизация политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Комиссии были упразднены. Несовершеннолетние правонарушители в возрасте 12 лет и старше, обвиняемые в совершении тяжких преступлений, были переданы под юрисдикцию народного суда.

Таким образом, большевистский правовой эксперимент по расширению прав детей-правонарушителей в первые годы существования советского государства базировался на воплощении идеи их потенциального источника морального возрождения и трансформации нового общества. Права детей служили инструментом для воспитания идеального советского гражданина – строителя советского государства и коммунизма, сочетая понятия революционной модернизации и детства. Декрет СНК РСФСР «О комиссиях по делам несовершеннолетних»¹⁰, который воспринял сущность шестнадцатого положения «Декларации прав ребенка», написанной К. Н. Вентцелем в сентябре 1917 г.¹¹, можно считать образцовым законом революционной эпохи.

Поворот в правовой политике 30-х годов XX в. в отношении несовершеннолетних правонарушителей был обусловлен тем, что верховная власть в условиях «великого перелома» во время второй пятилетки, когда «жизнь стала лучше; жизнь стала веселей», была явно неудовлетворена существованием значительного числа молодых правонарушителей. Молодые преступники, как отмечали официальные лица государства, были больше не жертвами старого режима, дефицита разрушенной экономики и нарушенных социальных связей, а скорее продуктом безраз-

личия в период строительства социализма. Об этом свидетельствует тот факт, что подавляющее большинство несовершеннолетних, арестованных в Советском Союзе в 1930-е годы, на момент ареста жили дома, посещали школу и были вполне типичными детьми того исторического периода.

© Кирюхин В. В., 2023

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб., 2015. С. 10.

² Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка: монография / Науч. ред. В. В. Лазарев. М., 2023. С. 21.

³ Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 33. М., 1969. С. 1–120.

⁴ Как полагает автор, государственно-правовые взгляды большевиков в периоды рассуждения о власти, завоевания власти и нахождения у власти не тождественны, что связано с разнообразными причинами, не являющимися предметом настоящей статьи.

⁵ Радин Е. П. Как создает Советская Республика из детей поколение людей-великанов духа // Радин Е. П., Узданский А. В. Ко второй годовщине Октябрьской революции: Издание Комитета памяти В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). М., 1919. С. 8–9.

⁶ Декрет СНК РСФСР «О комиссиях по делам несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1918. № 16. Ст. 227.

⁷ *Berman N. Juvenile Delinquency Under the Soviets // Journal of Criminal Law & Criminology. 1939. Vol. 30. Issue 1. Art. 6. P. 68.*

⁸ Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях» // СУ РСФСР. 1920. № 13. Ст. 83.

⁹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. 1935. № 19. Ст. 155.

¹⁰ Декрет СНК РСФСР «О комиссиях по делам

несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

¹¹ *Вентцель К. Н.* Провозглашение Декларации прав ребенка // *Вентцель К. Н.* Теория свободного воспитания и идеальный детский сад. 3-е изд. Пг.; М., 1923. С. 89–92.

*Н. А. Бурданова**

СУДЕБНЫЕ СПОРЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ, В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Современное российское семейное право продолжает традиции, заложенные в советский период российской истории. Одним из важнейших направлений семейно-правовой политики с 1917 г. до настоящего времени является приоритетная защита прав и интересов ребенка. Физиологическое развитие человека не позволяет до определенного возраста в полной мере самостоятельно реализовывать принадлежащие правомочия. В правовой системе России данный вопрос решается через законное представительство родителей и непосредственный учет мнения ребенка. Проследим эволюционное развитие данного института, чтобы лучше воспринять предшествующий опыт и иметь возможность дальнейшего совершенствования юридической практики.

Молодое советское гражданское и гражданское процессуальное законодательство не закрепляли особенности правового статуса несовершеннолетних. Данные нормы были целиком сосредоточены в нормативном правовом акте, который формально относился к семейному праву, но содержал в себе нормы процессуального, а также иных отраслей права, – Кодексе законов об актах гражданского

* *Бурданова Наталия Анатольевна* – судья Московского районного суда г. Санкт-Петербурга; преподаватель факультета повышения квалификации Северо-Западного филиала Российского университета правосудия (Санкт-Петербург).

состояния, брачном, семейном и опекуном праве¹ (далее – КЗАГС). Впоследствии определение возраста совершеннолетия, гражданская дееспособность были закреплены в нормах гражданского законодательства, содержащихся в Гражданских кодексах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 г.² (далее – ГК РСФСР 1922 г.) и 1964 г.³ (далее – ГК РСФСР 1964 г.) Особенности рассмотрения гражданских дел с участием несовершеннолетних нашли отражение в Гражданских процессуальных кодексах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1923 г.⁴ (далее – ГПК РСФСР 1923 г.) и 1964 г.⁵ (далее – ГПК РСФСР 1964 г.) Регламентация родительских прав и обязанностей по законному представительству детей, градация семейных прав ребенка в зависимости от возраста обрела узаконение через семейное законодательство – Кодекс законов о браке, семье и опеке⁶ (далее – КЗОБС), Кодекс о браке и семье Российской Советской Федеративной Социалистической Республики⁷ (далее – КОБС).

Возраст совершеннолетия с 1918 г. согласно ст. 191 КЗАГС для женщин составлял 16 лет, для мужчин – 18 лет. С 1922 г. по ст. 7 ГК РСФСР 1922 г. возраст совершеннолетия был уравнен по полу и составил 18 лет. В 1964 г. было введено дополнение о приобретении полной дееспособности в случае вступления в брак (ст. 11 ГК РСФСР 1964 г.)

Законное представительство детей «на суде и вне суда» было возложено на родителей ст. 155 КЗАГС. Законное представительство в процессуальном производстве понималось как предъявление исков родителями за детей и обращение исковых требований к родителям вместо детей в соответствии со ст. 13 ГПК РСФСР 1923 г. Отсутствие необходимости специального оформления полномочий ро-

дителей как представителей ребенка подтверждалось в ст. 71 КЗОБС. Защита интересов ребенка законодательно закреплялась не только как право, но и как обязанностей родителей⁸, начиная с 1926 г. согласно ст. 43 КЗОБС; затем аналогичное положение было отражено в ст. 53 КОБС. С 1964 г. было введено правило о том, что дети по достижению 15 лет подлежали самостоятельному привлечению к участию в гражданском деле, хотя их интересы представляли родители, кроме отдельных категорий дел, по которым участие родителей оставлялось на усмотрение суда (ст. 32 ГПК РСФСР 1964 г.) Отдельная регламентация допроса свидетеля, не достигшего совершеннолетия, впервые была установлена в ст. 173 ГПК РСФСР 1964 г., согласно которой до 14(16) лет в суде обязательно присутствовал педагог, а родители вызывались по необходимости.

Ограничение родительских прав и обязанностей по достижению ребенком определенного возраста впервые можно обнаружить в ст. 148 КЗАГС – принадлежность детей к религии родители были вправе определить до достижения ребенком четырнадцати лет, ст. 157 КЗАГС – определение на работу допускалось в отношении детей с 16 лет. Обязанность родителей отвечать по обязательствам ребенка была ограничена четырнадцатилетним возрастом в силу ст. 9 ГК РСФСР 1922 г. В дальнейшем специально был оговорен запрет родителям на распоряжение заработной платой и стипендией несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет (ст. 13 ГК РСФСР 1964 г.) Обращал на себя внимание тот факт, что место жительства родителей определяло место жительства ребенка согласно ст. 17 ГК РСФСР 1964 г. только до 15 лет.

Согласие ребенка как обязательное условие осуществления родительских прав можно было обнаружить уже в

самых ранних советских нормативных правовых актах. В ст. 157 КЗАГС содержалась норма, согласно которой родители могли отдать детей в наем только с согласия детей. Впоследствии данная тенденция углублялась. Согласие ребенка должно было быть получено родителями, в силу ст. 45 КЗОБС, на заключение договора о поступлении ребенка в ученики, на работу, в силу ст. 60, 63, 65 КЗОБС – на усыновление, отмену усыновления, присвоение отчества усыновителя. Здесь следует отметить, что в приведенных нормах семейного права впервые возникло указание на десятилетний возраст ребенка как процессуальный порог, после которого суд обязан произвести учет мнения ребенка; такой подход воспринят последующим нормативным регулированием (ст. 103, 106, 114, 117 КОБС) и сохраняется до настоящего времени (ст. 132, 134, 136 Семейного кодекса Российской Федерации⁹). В КОБС вопрос о порядке выявления мнения ребенка нашел специальную регламентацию, причем невыполнение данного требования влекло отмену усыновления¹⁰. Так, согласно ст. 103 КОБС согласие ребенка на усыновление подлежало выяснению органами опеки и попечительства, что объяснялось административным порядком усыновления.

Ответственность за вред, причиненный детьми, возлагалась на родителей с определенными ограничениями¹¹. Так, ст. 9, 405 ГК РСФСР 1922 г. было установлено правило о самостоятельной ответственности несовершеннолетних, достигших 14 лет. В 1964 г. пограничный возраст, с которым связывалось ограничение ответственности родителей, был изменен на 15 лет: до него родители в полном объеме обязаны были возместить вред, после дети отвечали самостоятельно своим имуществом и заработком, но родители привлекались к субсидиарной ответственности при недостаточности средств несовершеннолетних

(ст. 450, 451 ГК РСФСР 1964 г.), причем в научных работах высказывалось мнение о необходимости дальнейшего снижения ответственности родителей за действия детей¹².

Подводя итог нашему краткому обзору судебных споров, связанных с осуществлением личных неимущественных родительских прав и обязанностей, в советской России, возможно сделать следующие выводы. Развитие нормативного регулирования данных вопросов носило последовательный характер, соответствующие нормы содержались преимущественно в семейном, гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве. Возраст совершеннолетия постепенно увеличивался, уравнивался применительно к полу ребенка. Защита прав и законных интересов детей стала рассматриваться одновременно и как право, и как обязанность родителей. Ее ограничение связывалось со взрослением ребенка; основной объем правомочий родителей усекался после достижения ребенком возраста от 14 до 16 лет в различные исторические периоды. Уже в советское время ребенку было предоставлено право непосредственно решать важные вопросы путем получения обязательного согласия на совершение юридически значимых действий (после 10 лет), а также участия в судебном разбирательстве (после 15 лет). Как законные представители родители были обязаны отвечать за вред, причиненный ребенком в возрасте до достижения 14 (15) лет, после чего ответственность родителей была ограничена.

© Бурданова Н. А., 2023

¹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22 октября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1918. № 76. Ст. 818.

-
- ² Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 31 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 94.
- ³ Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – ВВС РСФСР). 1964. № 24. Ст. 406.
- ⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принят на 2-й сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва 7 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 4647. Ст. 478.
- ⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 11 июня 1964 г. // ВВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
- ⁶ Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
- ⁷ Кодекс о браке и семье Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, утвержденный Законом РСФСР от 30 июля 1969 г. // ВВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.
- ⁸ *Семейное право* / Под ред. А. И. Беспаловой, У. К. Ихсанова. Алма-Ата, 1984. С. 147–148.
- ⁹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 19 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
- ¹⁰ *Кузнецов К. И., Курепчикова О. С.* Практическое пособие (в помощь судьям, рассматривающим дела в отношении несовершеннолетних). ДСП. Горький, 1989. С. 65.
- ¹¹ *Тархов В. А.* Советское семейное право. Саратов, 1963. С. 65.
- ¹² *Ворожейкин Е. М.* Семейные правоотношения в СССР. М., 1972. С. 190.

*Н. Д. Петрова**

СОВЕТСКОЕ СЕМЕЙНОЕ ПРАВО В РАБОТАХ ИНОСТРАННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Отрасль семейного права – показатель социальной направленности государства: с помощью анализа правовых норм в области семейных правоотношений можно сложить картину понимания векторов развития всей страны. Именно поэтому нормы, регулирующие именно такого рода отношения, неоднократно привлекали к себе внимание исследователей в области юриспруденции.

Безусловно, отечественные ученые-правоведы имеют интерес в исследовании не только современных, но и исторических аспектов в области семейного законодательства, и вносят огромный вклад как в доведение до общественности ранее не изученных материалов, так и в реформаторскую деятельность в области брачно-семейных отношений.

Однако и иностранные исследователи, изучая правовые нормы других государств, в том числе и семейно-правовых норм, а также изучая исторический контекст их действия, также приносят в науку истории права новые результаты и видения. Именно тому, как видят (и видели) иностранные исследователи применение норм советского семейного права, и посвящена данная статья.

Так, Д. П. О'Коннел в статье «Семейные отношения в Советском праве»¹ рассуждает о том, советское право в

* *Петрова Наталья Дмитриевна* – преподаватель кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук.

целом развивалось под влиянием идей марксистской догматики, однако шло по пути консолидирования законодательства, в том числе и в семейной сфере. К такому выводу автор приходит под влиянием мнений В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, А. М. Коллонтай, Я. Н. Браденбургского, которые не мыслили регулирования институтов семьи и брака без вмешательства государства. Однако, как указывает автор, тесная связь церковного права и семейных отношений в дореволюционной России не позволила советской власти окончательно и полностью подчинить эту область государственному контролю, в связи с чем он приходит к выводу о том, что советское семейное право является неким симбиозом, компромиссом государственного советского права и права естественного².

Статья Гарольда Дж. Бермана «Советское семейное право в свете российской истории и марксистской теории»³ начинается с рассуждения о том, как после революции в советском семейном праве происходило соединение традиций и новых принципов марксизма. Автор решает дать оценку советскому семейному праву через призму изучения этапов истории и теории марксизма.

Выводы автора сводятся к тому, что марксистской теории и ее идеалов было недостаточно для того, чтобы поддержать устойчивость брака и создать сильные семьи. Семья, несмотря на то, что является союзом двух человек, по мнению автора, не сможет нормально функционировать без государственной поддержки и вмешательства. Упоминается, как и Д. П. О'Коннелом, что первичный отказ от всех постулатов дореволюционного законодательства также оказался неверным шагом советской власти, поскольку часть из них была впоследствии восстановлена в законодательстве 40-х годов⁴.

Аналогичные рассуждения мы можем наблюдать в

статье Л. Камински «Утопичные взгляды на семейную жизнь в сталинскую эпоху Советского Союза»⁵.

С авторами указанных статей в данном контексте сложно не согласиться. Действительно, история развития советского семейного права наглядно показывает, что имеющий место в первые годы существования советского государства отказ властей от семейных традиционных ценностей, выразившийся в легальном признании института сожителства и легализации аборт, стремлении к упразднению институтов брака и развода, не выдержал проверку временем: общество ответило на эти реформы снизившейся рождаемостью, детской беспризорностью и увеличившимся количеством несовершеннолетних преступников, а также беспрецедентным числом разводов в соотношении с заключаемыми браками⁶.

Таким образом, по представленным взглядам можно сделать вывод о том, что иностранные исследователи как современности, так и прошлого века рассматривали систему советского семейного права через призму соединения публичных и частных интересов как некий симбиоз естественных прав и государственного контроля.

Интересно, что исследования советского семейного права не ограничивались лишь вопросом изучения сущности советского семейного законодательства и его истории развития. Так, статья Джулии Гаррет «Обычные люди: Советско-Американские транснациональные браки и международные последствия разделения супругов»⁷ посвящена существующей на момент проведения исследования проблеме препятствий к совместному проживанию супругов из США и СССР. Для обозначения существующей проблемы автор статьи даже вводит новый термин «разделенные супруги» («separated spouses»). Сами по себе ситуации, когда супругам из разных государств по разным

причинам препятствовали к тому, чтобы проживать вместе (как в США, так и в СССР), автор рассматривает как способ манипуляции со стороны советской власти.

Несмотря на ярко выраженное недовольство политической Советской власти, в вопросах определения возможности совместного проживания супругов, состоящих в межнациональном браке, автор статьи в заключение говорит о том, что все изученные ей случаи касаются пар, которые стали жертвами национальных и политических интересов со стороны двух стран, поскольку политика «холодной войны» и «железного занавеса» не является результатом действия одного государства. Разрешение же указанной проблемы автору видится только в тесном взаимодействии США и СССР в области семейно-правовых отношений⁸.

Несмотря на то, что с момента написания статьи Д. Гаррет прошло уже более 35 лет, а СССР прекратил свое существование, отношения между США и Россией остаются крайне напряженными, что, разумеется, отражается и на межнациональных отношениях в области семейного права, однако выражается не в столь серьезной проблеме, как раздельное проживание супругов по политическим и национальным мотивам.

Отдельно стоит упомянуть статью Г. Витмора «Изучение советского семейного права в перспективе»⁹, так как она представляет из себя анализ написанных учеными разных стран работ по теме изменений советского семейного законодательства. На основе такого анализа, автор делает вывод о том, что семейное советское право было сформировано под влиянием социологии, особенно в части формирования его основных принципов. Тем самым, автор представляет на осмысление нетривиальную мысль о том, что на советское семейное право решающее влияние

оказала не марксистская, а социальная школа права¹⁰.

Подводя итог исследования советского семейного права в работах иностранных исследователей, можно сделать выводы.

1. Несмотря на существующую прохладу в отношениях между американскими и советскими властями во времена «железного занавеса», научные изыскания не прекращались в силу политических мотивов – достаточный объем литературы по теме является в данном случае прямым тому доказательством.

2. При пристальном изучении текстов необходимо отметить, что только статья про межнациональные браки за авторством Дж. Гарретт наполнена критическим содержанием, в довольно резкой форме осуждающей действия Советской власти; остальные статьи, несмотря на исторические ошибки в действиях советской власти в области семейного права, не имеют острой критической составляющей и написаны в необходимом ученом ключе с соблюдением научной этики.

3. Наконец, изучение научных работ иностранных ученых позволяет сделать вывод о том, что работы написаны исключительно в изучающем ключе, в них не чувствуется давления со стороны государства.

Данные выводы свидетельствуют о том, что даже в условиях наличия политики в других государствах, отличной от отечественной, научные изыскания в большинстве своем остаются вне субъективного поля и приводят к логичным, аргументированным и значимым выводам, которые имеют значение как для теории, так и для практики.

© Петрова Н. Д., 2023

¹ *O'Connell D. P. Domestic Relations in Soviet Law // The Catholic Lawyer. 2016. Vol. 5. No. 4. Article 3.*

² Ibidem. P. 7.

³ *Berman H. J.* Soviet Family Law in the Light of Russian History and Marxist Theory // The Yale Law Journal. 1946. Vol. 56. No. 1..

⁴ Ibidem. P. 31.

⁵ *Kaminsky L.* Utopian Visions of Family Life in the Stalin-Era Soviet Union // Central European History. 2011. Vol. 44. P. 28.

⁶ *Нижник Н. С.* Год 1917: начало революции в семейно-брачных отношениях // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 25–31; *Петрова Н. Д.* История алиментных обязательств в советский период: проблемы теории и практики // Проблемы науки. 2020. № 3(51). – <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-alimentnyh-obyazatelstv-v-sovetskiy-period-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 21.03.2023).

⁷ *Garrett J. T.* Ordinary People: Soviet-American Transnational Marriage and The International Implications of Divided Spouses // Penn State International Law Review. 1987. Vol. 6. No. 1. Article 5.

⁸ Ibidem. P. 26.

⁹ *Whitmore G.* Scholarship on Soviet Family Law in Perspective // Colum. L. Rev. 1970. № 70.

¹⁰ Ibidem. P. 17.

Раздел XV

**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ XXI ВЕКА:
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ НАУК**

А. Ф. Малый*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ВЛАСТЬ»
В КОНСТИТУЦИЯХ РОССИИ**

Понятие «власть» имеет многоаспектное значение, оно используется в широком понятийном диапазоне представителями всех гуманитарных наук, а также в публицистике. Часто можно увидеть публикации, в которых присутствуют словесные конструкции: «власть коррумпирована», «власть недостаточно активна», «власть не обращает внимания» и пр. Применение данного термина в правовом значении (в нормативных правовых актах) обуславливает его более узкое понимание, поскольку норма права

* *Малый Александр Федорович* – профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор.

должна иметь юридическое содержание, быть определенной, не допускать двойного толкования. Законодатель при утверждении текста нормы всегда исходит из факта применения юридического термина уполномоченными субъектами, что вынуждает исключать неопределенность в его понимании.

Конституционный законодатель более свободен в использовании термина «власть», поскольку конституция является политико-правовым документом и, все же, требование определенности используемых в Основном Законе понятий должно доминировать при разработке конституционно-правовых конструкций. На данный аспект нормотворчества обращает внимание Ю. А. Тихомиров, который отмечал: «важнейшее значение имеет четкое фиксирование конституционных понятий и терминов. Они приобретают тем самым базовый обязательный смысл для всего законодательства, всех подзаконных актов. Так, «чистота» и содержательность понятий «власть», «народовластие», государственная власть», «государственное управление», «исполнительная власть» во многом определяют обоснованность построения отдельных институтов и законов»¹

При разработке проекта любой конституции используются термины, получившие апробацию в аналогичных актах, ставшие общеупотребительными. Конституция РСФСР 1918 г. вобрала в себя достижения представителей государственноведческой науки. Воля, власть, господство, государство – все эти понятия детально отображены в многочисленных исследованиях ученых, труды которых, безусловно, использовались при конструировании Основного Закона молодого российского государства. К одним из них следует отнести работу «Общее учение о государстве», которую в 1908 г. опубликовал Г. Еллинек². Он из-

ложил понятийный ряд, составляющий содержательную основу любой конституции. Его понимание власти опирается на необходимость установления единой воли, которая позволяет организовать жизнь большого числа людей на определенной территории. «Всякое состоящее из людей целевое единство нуждается в руководстве единою волею. Волею, имеющую попечение об общих целях союза, повелевающую и руководящую исполнением ее велений, ...»³.

Г. Еллинек использует понятие «власть» в различных контекстах, поэтому четко выделить его понимание власти сложно. Рассуждая о государстве, он связывает ее содержание с понятиями «господство», «воля», «государство». Различные словосочетания меняют и содержательное наполнение термина, рождают новые понятия. Государственная власть – наиболее емкое понятие, пригодное для использования в правовом регулировании (в отличие от понятия «господствующая власть»). Однако этот термин нуждается в уточнении относительно его правового смысла. Г. Еллинек пишет: «Прежде всего всякое государство нормирует своими законами принадлежащую ему господствующую власть»⁴. Власть нормируется законами, а исходя из того, что эта власть господствует (т. е. действует, осуществляется), можно предположить, что она представляет собой компетенцию (права, обязанности, предметы ведения), которыми наделены органы власти.

Слово «власть» в комбинации с иными словами служит для обозначения юридических фикций, может наполняться юридическим содержанием, чтобы быть пригодным для использования в регулировании правовых отношений.

Конституция РСФСР 1918 г. принималась в сложный период для вновь возникшего государства, провозгласившего своей целью строительство нового общества. Рево-

люционные лозунги и декларации определяли не только содержание идеологии, но и находили отражение в правовых документах. Идеология нашла отражение во многих положениях Основного Закона, что отразилось на терминах и юридических конструкциях, которые использовались при ее подготовке и принятии.

Если обратить внимание на понятие «власть», то Конституция 1918 г. использует его для обозначения различных явлений⁵. В гл. 1 (ст. 1) провозглашалось: «Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам». В таком контексте слово «власть» не использовалось для обозначения органа. В другом положении «... Советская власть пойдет твердо по этому пути ...» (ст. 3 п. «г») сложно выявить юридическое содержание термина, также как и в п. «ж» этой же статьи: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов». В иных положениях Основного Закона термин «власть» служит для обозначения органа. Так, в словосочетании «... проводимой Советской властью политике...» (ст. 4 гл. 4) можно усмотреть понимание власти как органа.

В статье 24 третьего раздела «Конструкция Советской власти» провозглашалось: «Всероссийский съезд Советов является высшей властью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Использовалась и конструкция «... органы Советской власти ...» (ст. 61).

Конституция РСФСР 1925 г. избавилась от многих идеологических штампов, текст стал более юридически выверенным⁶. Это заметно и по использованию в конституционных нормах словосочетаний со словом «власть». В

статье 3 зафиксировано: «Носителем Верховной власти в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике является Всероссийский съезд Советов, а в период между съездами – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов». Конструкция «носитель власти» в данной норме может быть истолкована как обозначение органа, обладающего властными полномочиями. Активно использует Конституция 1925 г. и такие словосочетания, как «органы государственной власти», «высший орган государственной власти». Хотя остались нормы, в которых властью именуется «съезд советов» (ст. 49).

Еще более выверенным с точки зрения юридического содержания являются формулировки с использованием термина «власть» в Конституции РСФСР 1937 г.⁷ В статье 3, например, устанавливается: «Вся власть в РСФСР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся». Как видим «власть» понимается не как орган или обозначение верховенства какой-либо социальной группы или класса, а как атрибут органа власти – совета депутатов трудящихся, что в большей степени соответствует ее юридическому пониманию.

Даже идеологическая по своей сути формулировка ст. 2 говорит о том же: «Политическую основу РСФСР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата». Можно трактовать власть в данном контексте как господство права, принадлежащего «помещикам и капиталистам», а не как орган или неопределенное обозначение абстрактного явления.

Конституция РСФСР 1937 г. содержит словосочетание «осуществляет государственную власть», что равносильно

пониманию власти как совокупности полномочий (функций). Можно осуществлять полномочия, обладать властью (полномочиями) могут только официально учрежденные структуры, госаппарат.

В Конституции РСФСР 1978 г. использовались те же правовые конструкции, словосочетания, что и в Конституции СССР 1977 г. Их схожесть, единообразие объяснимо, поскольку в основе лежали единые понятия, одинаковые правовые конструкции. Разработчики проекта Основного Закона опирались на одни и те же доктринальные положения, идеологические установки.

В статье 2 Конституции РСФСР 1978 г. имелась следующее положение: «Вся власть в РСФСР принадлежит народу»⁸. В таком контексте понимание власти исключает ее толкование как органа. Принадлежать какому-либо субъекту (в данном случае народу) могут полномочия, возможности принудительного воздействия с целью упорядочивания общественных отношений. В этой же ст. 2 закрепляется способ реализации власти: «Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу РСФСР». Государственная власть осуществляется органами государства (Советами). В юридическом смысле осуществляется – значит, реализуется, используется специально учреждаемыми органами, которые, в свою очередь, наделяются правами и обязанностями, позволяющими проводить организационные мероприятия, издавать акты, принуждать физических и юридических лиц к выполнению законно установленных обязанностей, вводить ограничения.

В Конституции РСФСР 1978 г. широко использовались общие формулировки, в которых фиксировались функции и обязанности государства: «государство способ-

ствует», «государство заботится», «государство обеспечивает», «государство поощряет», «государство проявляет заботу». Подобные словесные обороты закреплялись в разделе 1 «Основы общественного строя и политики РСФСР». В то же время из текста видно, что конституционный законодатель разделяет понятия «власть», «орган власти», «государство». Конкретными правами и обязанностями по осуществлению власти наделялись органы государства.

Отсутствуют в Конституции РСФСР 1978 г. формулировки «власть обеспечивает», «власть гарантирует» и пр. Строго выдержано соотношение понятий «власть» и «орган власти». Это свидетельствует о высоком уровне проработки содержания используемого категориального аппарата.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. термин «власть» используется в различных значениях⁹. Даже в Главе 1 «Основы конституционного строя» правовые конструкции с использованием слова «власть» не имеют одинакового юридического содержания. Отдельные конституционные положения идеологически насыщены и не дают представления о юридическом содержании понятия «власть». Например, сложно найти юридическое содержание понятия «власть» в ч. 1 ст. 3 – «источником власти ... является ... многонациональный народ». Народ как источник власти – источник чего: органов государства, полномочий этих органов, возможности принуждать к исполнению велений органов? Можно, конечно, ответить таким же идеологически окрашенным образом, что имеется в виду совокупность всех возможностей народа осуществлять властвование посредством формирования органов власти, их полномочий, осуществлять принуждение, избирать представительные органы публичной власти. Только это объяснение не приближает нас к пониманию юридического содержания термина «власть».

Более точным на наш взгляд являются формулировки ст. 10 и 11 Конституции Российской Федерации 1993 г. В статье 10 содержится следующее положение: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». Власть осуществляется, что равносильно – «реализуется». Эта же правовая конструкция применена и в ст. 11 – «государственную власть ... осуществляют ...». Осуществляться могут полномочия, которыми наделены специально учреждаемые в установленном законом порядке органы государства¹⁰. Следовательно, власть не есть орган власти.

Подобная трактовка понятия «власть» расходится с пониманием этого термина, которое следует из наименования гл. 7 Конституции: «Судебная власть и прокуратура». В главу включены статьи, закрепляющие систему органов, осуществляющих правосудие, полномочия судов, принципы деятельности, систему и полномочия органов прокуратуры. Отсюда можно сделать вывод, что конституционный законодатель понимает под судебной властью всю совокупность судов с их правомочиями, требованиям к судьям, принципами осуществления правосудия. В то же время используется формулировка «судебная власть осуществляется», что соответствует правовому содержанию термина «власть».

Использование в Конституции Российской Федерации 1993 г. рассматриваемого термина в его многозначном понимании не добавляет ясности относительно его юридического содержания.

© Малый А. Ф., 2023

¹ Конституционное законодательство России / Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1999. С. 14.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908.

³ Там же. С. 311.

⁴ Там же. С. 361.

⁵ Конституция РСФСР 1918 г. // Отечественные конституции 1918–1978 гг. / Отв. ред. и авт. вступ. слова П. В. Крашенинников; сост.: П. В. Крашенинников, О. А. Рузакова. М., 2018. С. 33–49.

⁶ Конституция РСФСР 1925 г. // Отечественные конституции 1918–1978 гг. С. 74–117.

⁷ Конституция РСФСР 1937 г. // Отечественные конституции 1918–1978 гг. С. 242–397.

⁸ Конституция РСФСР 1978 г. Отечественные конституции 1918–1978 гг. С. 486–715.

⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

¹⁰ *Малый А. Ф.* Организация органов государственной власти области как субъекта Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. Северодвинск, 2000. С. 16.

А. В. Юрковский*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЭСТОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аксиология как инструментарий гуманитарной науки направлена на изучении природы ценностей, их места в реальности и структурировании мира.

Ценности связаны между собой, с социальными и культурными феноменами, происходят из сознания людей и структурируют личностные характеристики людей.

Аксиоло́гия (от др.-греч. ἀξία «ценность» + λόγος «слово, учение») – теория ценностей, раздел философии.

Согласно научно обоснованному мнению Л. Н. Столовича, аксиология – это сфера не просто научного, но философского знания, которое базируется на метафизических аксиомах, научно не доказуемых и не опровергаемых¹. В аксиологии, по мнению указанного исследователя, выделяется семь типов научных подходов: натуралистический, психологический и социологический, объективно-онтологический и феноменологический, логико-семантический и семиотический, экзистенциалистский, теологический²

Ценности всех сфер жизни «пронизывают» правосознание общества, создавая определенные идеалы, и в итоге становятся основными и наиболее важными ценностями права.

* Юрковский Алексей Владимирович – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Понимание основных аксиологических подходов в правоведении, позволяет обеспечить эвристическую функцию правоведческой науки, которая в условиях ускорения и усложнения информационных процессов в обществе позволяет открывать новые объекты исследования.

Юриспруденция и аксиология тесно связаны друг с другом. В праве и государстве не применяются всеобщие ценности философско-этического порядка, а, наоборот, создаются собственные ценности, которые затем признаются и применяются в разных областях жизни³. Правовые ценности и ценность позитивного права прямо связаны и одновременно обуславливают социокультурные ситуации в государствах современного мира.

В аксиологическом сравнительном правоведении очень часто исследуются оценочные понятия и категории. Например, этические модели поведения государственных и муниципальных служащих, судей, прокуроров, следователей и т. п. Аксиологический аспект присутствует в различных отраслях юриспруденции. В ряде научных дисциплин исследуется нравственно-психологическая типология личностей в зависимости от ценностных приоритетов.

Предполагаем возможным высказать гипотезу о том, что в рамках правовой аксиологии наименее развитой является теория правовых интересов, интересов в праве и интересов права. Именно поэтому полагаем возможным объединить два самостоятельных конструкта «интерес» и «наука» и постулировать образование категории, которая могла бы обобщать интересы как объект научного поиска и оценки.

Для научного оборота принято использовать латинский язык. В латинском языке термин «интерес» – *causa*, *ae, f (reipublicae)*; *ratio*, *onis, f*; *studium*, *ii, n*; *cura*, *ae, f*;

studium, ii, n, jucunditas, atis, f; animiattentio, affectusus, voluntas, observantia – используется для разных смысловых предназначений. Однако очевидно, что корень смыслового значения содержится в понятии est.

Полагаем возможным обратить внимание не только на латинский способ словообразования для достижения поставленной в названном формате исследования цели. Можно попытаться отойти от греко-римской этимологии и, используя приемы юридической компаративистской лингвистики, научно рассмотреть исследование интересов в конституционном праве методами конституционно-правовой аксиологии, обратившись к другим (не европейским) языковым культурам.

В качестве уникального, на наш взгляд, языка для предлагаемого контекста исследования, является китайская иероглифическая письменность. В контексте китайской письменной культуры, которой пользуется на сегодняшний день как минимум треть населения земного шара термин «интерес» 兴趣 (xìngqù) в буквальном смысле означает – внимание, возбуждаемое чем-нибудь значительным, привлекательным.

В свою очередь, «наука» в латинской терминологии традиционно рассматривается в контексте термина – scientia; doctrina; disciplina; ars; litterae; studium (studia adulescentiam alunt), а корень смыслового значения содержится в греческом слове логос – «слово», «мысль», «смысл», «понятие», «число».

С точки зрения китайской языковой культуры термин «наука» 科学 (kēxué) может быть воспроизведен как система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления, а также отдельная отрасль таких знаний.

Объединение двух иероглифов 兴趣 и 科学 влечет за собой словообразование 兴趣科学 (xìngqùkēxué), которое звучит как интерес к науке, что напрямую не отвечает поставленным в названии предлагаемого исследования целям. Однако, в китайском языке вполне допустимо следующее словосочетание 科学的利益 (kēxuédelìyì) – наука об интересах, что может быть сопоставимо с предлагаемым термином, который в греко-латинской транскрипции звучит как эстология.

Таким образом, объединяя содержание двух терминов, которые не должны, по нашему мнению, вызвать серьезных возражений в рамках междисциплинарной научной дискуссии, предлагаем ввести в научный оборот категорию «эстология».

Еще один важный постулат, который, по нашему мнению, следует рассмотреть, – это характеристика эстологии в контексте аксиологии, с одной стороны, в рамках правовой аксиологии и в сочетании с наукой сравнительного правоведения, с другой стороны.

Основными направлениями применения категорий «интересы» как «ценности» и «антиценности»⁴ в технике и технологии сравнительно-правовых исследований⁵, по нашему мнению, являются следующие.

1. *Изучение свойств объекта исследования.* В рассматриваемом контексте поиск интересов как ценностей и антиценностей – самый распространенный вид сравнительно-правовой познавательной деятельности, позволяющий систематически получать, интерпретировать и анализировать информацию, необходимую для успешного применения её в научных целях.

2. *Анализ свойств объекта исследования.* Техника сравнительно-правовых исследований интересов как цен-

ностей и антиценностей применяется в процессе анализа свойств объекта исследования таких его составляющих, как экономические, социальные, демографические, законодательные и других факторы.

3. *Анализ структуры объекта исследования.* Предполагает выделение специфических качеств интересов как ценностей и антиценностей, которые выявляются при помощи как предыдущих исследований, конкурирующих гипотез и выводов, так и при помощи новых сопоставлений эмпирического материала, получаемого в так называемых полевых исследованиях, в результате выявления новых знаний о ценностях и антиценностях. Данное направление позволяет верифицировать уровень и степень исследованности объекта, возможности и риски, ожидаемые в ходе и результате исследования, прогнозы последствий и тенденций развития аксиологической науки и науки сравнительного правоведения.

4. *Анализ внешней и внутренней среды существования ценностных ориентиров.* В контексте данной научной деятельности проводятся исследования, которые позволяют выявить сильные и слабые стороны деятельности исследователя, определить его реальный уровень конкурентоспособности с другими исследователями, занимающимися решением равнозначных научных задач, потенциальные возможности. Результаты такого анализа дают возможность адаптировать исследование к изменяющимся условиям.

5. *Анализ потребительских качеств научных выводов.* Обозначенное направление связано с исследованием потребителей окончательного продукта, научных выводов сравнительно-правовой деятельности в области познания интересов. Данное направление позволяет определить весь комплекс побудительных факторов, которыми руко-

водствуются потенциальные потребители (практикующие юристы и политики, преподаватели равнозначных учебных дисциплин, студенты и иные потребители). Основными результатами таких исследований являются: типологизация потребителей результатов ценностно-эстологических исследований, моделирование их поведения, прогноз ожидаемого спроса на результаты сравнительно-правовых исследований.

Эстология – это элемент общей, гуманитарной, юридической науки, методологическая, комплексная (историко-теоретическая и отраслевая) правовая дисциплина, изучающая происхождение интересов как феномена социальной действительности, их свойств, определяющих отношение индивида к окружающему миру, правовой интерпретации интересов, их влияния на правовую политику государства, обстоятельств, детерминирующих содержание интересов, их психоэмоциональную оценку, специфику реализации в социальных отношениях и трансформацию в условиях изменения реальной действительности.

Современные конституционно-правовые исследования, основанные на использовании метода сравнительного правоведения, опираясь на значительный эмпирический материал, сталкиваются с проблемой его синтеза и обобщения. Именно поэтому ряд исследователей приходят к мнению о том, что необходимо использовать достижения целого ряда наук (гуманитарных и естественных), чей инструментарий и собственный эмпирический материал могут способствовать решению актуальных задач для продолжения результативного научного поиска.

При изучении сложных, комплексных артефактов человеческой цивилизации, к которым относится конституционно-правовая система, в целях практического приме-

нения этологии целесообразно конкретизировать данное явление через систему методологических инструментов, к которым относятся не только гносеологические, общенаучные методы, но и специализированные средства, приемы и способы научного поиска (например, контент-анализ, компаративистская юридическая лингвистика, юридическая география).

Применение этологии становится возможным благодаря метафорическому описанию сложных явлений в терминах более простых, более понятных, знакомых и освоенных массовым сознанием.

В любом неоднородном обществе, где существуют противоречивые интересы наций, социальных слоев, классов и т. д., возникает потребность в регулировании отношений между ними и, значит, в деятельности государства. Ведь государство, как правило, выполняло и выполняет ряд общественно значимых функций, и, прежде всего таких, как поддержание общественного порядка и стабильности в обществе; использование имеющихся возможностей для экономического развития; защита безопасности страны.

Посредством конституционно-правового регулирования (его механизма) происходит:

- персонификация политической воли политических сил, нашедших закрепление в конституционном праве;
- персонификация интересов социальных слоев, нашедших закрепление в конституционном праве;
- формируется определенная степень легитимности конституции конкретного государства.

Интересы в праве и последующие интересы правового регулирования позволяют выявлять социально-правовые закономерности, несмотря на различия в конфигурации политических систем стран современного ми-

ра, их правовых систем, особенностей правовой идеологии и правовой политики.

Можно сказать, что нормативный компонент социальных систем – безусловная закономерность существования ноосферы земного пространства. Принятие феноменологии образования права как феномена существования социальных систем, предполагает изменение восприятия конституционализма как генетической составляющей, обуславливающей образование упорядоченных процессов эволюционного развития людей.

Эстологическое исследование конституционного права, осмысление его предназначения и состояния его реализации (конституционализм) может рассматриваться фактором, определяющим вероятность прогнозов тактических и стратегических изменений конкретного геополитического пространства, и их потенциального влияния на соседние участки политической географии.

© Юрковский А. В., 2023

¹ *Столлович Л. Н.* О системном плюрализме в философии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 46–56.

² *Столлович Л. Н.* Природа эстетической ценности. М., 1972.

³ *Нерсесянц В. С.* Философия права: Учебник для вузов. М., 2005.

⁴ *Джагарян А.* Суверенная демократия как отражение конституционных ценностей в зеркале общенациональных интересов // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4. С. 156–161; *Карнаухов С. С.* «Интересы или ценности»: основная проблема исследований безопасности как государственно-правового феномена // История. 2009. № 7. С. 18–21; *Юрковский А. В.* Ценностные ориентиры в конституционном праве стран Северо-Восточной Азии // Проблемы права. 2014. № 4(47). С. 56–66.

⁵ *Митькина С. А.* Категория гуманности в китайской культурно-философской традиции // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 330–337; *Юрковский А. В., Тугутова Д. А.* Исследование правовой категории «интересы» во взаимосвязи с

правовыми категории «нужда» и «потребность»: на примере Российской Федерации и государств Северо-Восточной Азии // Современная научная мысль. 2016. № 2. С. 254–264.

Ш. Т. Шукюров*

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО – ОТРАСЛЬ ПРАВА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что для правовой науки (в основном административного, конституционного, процессуального права и не только) вопросы взаимодействия государственных органов (в особенности правоохранительных органов государства), теории и практики их функционирования являются наиболее значимыми.

На современном этапе целью каждого государства, в широком контексте конституционного и международного правового регулирования, является служение интересам всего общества, создание порядка в обществе, а также разрешение или смягчение противоречий, урегулирование внутренних и внешних конфликтов.

Исследование деятельности органов государственной власти, способствуют более глубокому пониманию механизма его взаимодействия с иными структурами общества в решении наиболее важных политических, экономических, социальных, экологических, культурных и других задач. Обратим внимание частично на институты конституционного права, на заключения ученых, из которых исходят положения, отражающие влияние на область

* *Шукюров Шахин Тейюб оглы* – доцент кафедры административной деятельности ОВД Академии полиции МВД Азербайджанской Республики (Баку); член Научно-консультативного Совета при Совете министров внутренних дел государств – участников СНГ от МВД Азербайджанской Республики, доктор философии по праву, доцент.

взаимодействия государственных, правоохранительных органов. Рассмотрим понятие конституционного права и его непосредственное влияние на исследуемую тему.

А. Б. Страшун указал, что: «... правильнее считать конституционное право основой права, а не ветвью. От этой основы отходят различные ветви-отрасли (гражданское право, уголовное право и др.), базовые принципы которых обычно содержатся в конституционном праве»¹.

А. В. Шашкова отметила, что: «конституционное право как отрасль права в любом государстве – составная часть его национальной правовой системы. Эта отрасль права, как и другие, является совокупностью правовых норм, установленных и охраняемых государством. Основными критериями для уяснения сущности отрасли конституционного права являются предмет и методы правового регулирования»².

А. В. Шашкова рассмотрела сущность конституционного права во взаимосвязи предмета и метода правового регулирования.

Ученые-конституционалисты обращаются к понятию «конституционное право», опираясь на конституционное законодательство. «Конституционное право – это отрасль российского права, представляющая собой систему правовых норм, регулирующих основы взаимоотношений человека и государства, устройства государства и организации государственной власти путем закрепления в Конституции Российской Федерации и конституционном законодательстве основ конституционного строя, основ правового статуса человека и гражданина, федеративного устройства, основ организации системы государственной власти и местного самоуправления»³.

«Конституционное право как отрасль права в любом государстве является составной частью его национальной

правовой системы, занимая в ней ведущее положение. Отличительная его особенность от других отраслей права, воздействующих на общественные связи в какой-либо одной области жизни, заключается в регулировании основ отношений, складывающихся во многих важнейших сферах жизнедеятельности общества и государства (политической, экономической, социальной и др.)»⁴.

И. А. Соколов подчеркнул, что «конституционное право – ведущая отрасль системы права Российской Федерации представляет собой совокупность правовых норм, то есть общеобязательных правил поведения людей, соблюдение которых в необходимых случаях обеспечивается применением государственного принуждения в различных формах. Конституционное право по сравнению с другими отраслями права регулирует отношения, складывающиеся во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, экономической, социальной, духовной и др.»⁵.

Важными являются вопросы, характеризующие предмет конституционного права. Конституционное право имеет свой особый предмет, которым «выступают, прежде всего, и преимущественно общественно-политические отношения. Соответственно конституционное право может быть определено как система норм, регулирующих отношения, складывающиеся в процессе взаимодействия индивида, общества и государства, связанные с осуществлением публичной власти и призванные обеспечить легитимность этой власти, если она существует и действует в интересах человека, в рамках и на основе права. Таким образом, конституционное право представляет собой определенную систему правовых норм, обеспечивающих и гарантирующих реализацию и защиту основных прав и свобод человека, развитие демократических общественных институтов, построение и функцио-

нирование государства и его институтов»⁶.

Конституционное право имеет особенности. «Опыт развитых государств подтверждает, что одна из особенностей современного конституционного права заключается в заметном усилении юрисдикционного контроля за реализацией конституционно-правовых норм. Уже в настоящее время во многих странах развитие конституционного права начинает выступать как один из результатов судебного правотворчества. Функционирование системы юрисдикционного контроля, безусловно, необходимо, а это приводит к тому, что все больше внимания вопросам защиты основных прав и свобод уделяют суды общей юрисдикции. С этим же связано и то обстоятельство, что дальнейшее развитие в демократических странах получает конституционное судопроизводство, а решения, выносимые органами конституционного контроля, начинают занимать все большее место в общей системе норм конституционного права»⁷.

В конституционном праве находят отражение структура органов государства, которое «представляет собой целостную систему, состоит из совокупности государственных органов в строго определенной зависимости составляющих компонентов с присущими ему внутренними и внешними взаимосвязями и взаимодействиями. Так, взаимодействие и сотрудничество органов внутренних дел и общества является проявлением целостности государства, в силу чего носит объективный характер»⁸.

Конституционное право как отрасль современного права отличается методом правового регулирования, который представляет собой «совокупность и сочетание ... способов и приемов юридического воздействия норм права на общественные отношения»⁹. «Основными признаками конституционно-правового метода регулирования яв-

ляются: широкое использование властеотношений, отношений подчинения одного субъекта другому в сфере отношений, определяющих устройство государства и организацию государственной власти; ограничение полномочий субъектов конституционного права, наделенных властными полномочиями, строго установленными правовыми пределами, в рамках которых они осуществляют свою деятельность»¹⁰.

Конституционное право как самостоятельно, так и во взаимосвязи с административным правом определяет особенности государственного управления. В развитие представлений о государственном управлении, как отмечает С. А. Агамагомедова, внес Ю. Е. Аврутин. «Им были обозначены некоторые относительно новые аспекты данного понятия. Так, характеризуя отечественную систему государственного управления, ученый обращал внимание на то, что эффективность государственного управления не соотносится с его социальностью, то есть "наполненностью" общественными запросами и ожиданиями, реальным бытием людей. Ученый критиковал формальный подход к позиционированию эффективности, отсутствие системности и системной подоплеки в ее понимании, а также традиционные для отечественной системы управления попытки повысить ее «по частям» В качестве характерных признаков и элементов концепции эффективного государственного управления Ю. Е. Аврутина следует отметить выделение "побочных эффектов" деятельности при оценке ее эффективности, определение социальной наполненности управленческой деятельности, построение ее соотношения с конституционными ценностями»¹¹.

Важное предназначение конституционного права состоит в обеспечении и защите прав и свобод человека и гражданина. И. Э. Никитина обратила внимание на то,

что «неотъемлемое право человека, предусмотренное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., – право на справедливое судебное разбирательство. Принимая во внимание разнообразие заинтересованных сторон в рамках судопроизводства, вполне ожидаема вероятность наличия разных точек зрения в отношении правомерности множества действий, таких как: сбор информации, выбор метода исследований, принятие решения об использовании сведений, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий»¹².

© Шукюров Ш. Т., 2023

¹ *Страшун Б. А.* К вопросу об определении конституционного права. Исследование Российской государственности // *Lex Russica*. 2016. № 3(112). С. 147–151.

² *Шашкова А. В.* Курс лекций по конституционному праву зарубежных стран. М., 2008. С. 6.

³ *Катков Д. Б., Корчиго Е. В.* Конституционное право России: Учебное пособие / Отв. ред. Ю. А. Веденеев. М., 1999. С. 6.

⁴ *Комкова Г. Н., Колесников Е. В., Кулушева М. А.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М., 2011. С. 6–7.

⁵ *Соколов И. А.* Конституционное право Российской Федерации: Учебное пособие. М., 2010. С. 8.

⁶ *Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина.* М., 2004. С. 9.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ *Беляева О. В.* Взаимодействие и сотрудничество органов внутренних дел и общества в современной России. – <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-i-sotrudnichestvo-organov-vnutrennih-del-i-obschestva-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 30.01.2023).

⁹ *Катков Д. Б., Корчиго Е. В.* Конституционное право России: Учебное пособие / Отв. ред. Ю. А. Веденеев. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ *Агамагомедова С. А.* Концепция эффективного

государственного управления Ю. Е. Аврутина, или размышления об управлении надлежащем // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) [Электронный ресурс]: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 26 марта 2021 года / Под общ. ред. А. И. Каплунова; сост.: А. И. Каплунов, Н. М. Крамаренко. СПб., 2021. С. 89–92.

¹² *Никитина И. Э.* Взаимодействие следственных, судебных и экспертных технологий в обеспечении правосудия // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 17 декабря 2020 г. / Отв. за вып. М. А. Вершкова. М., 2021. С. 24.

С. А. Денисов*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Развитие науки в современном мире идет по пути междисциплинарных исследований¹. Яркими примерами результатов таких исследований является рождение наук биофизики, биохимии, экономической географии. Междисциплинарность позволяет посмотреть с разных сторон на изучаемый объект, синтезировать методы исследования разных наук.

Конституционные правоотношения сегодня стали объектом изучения следующих междисциплинарных наук: философия конституционализма, конституционная экономика, конституционная политология, конституционная социология, конституционная культурология, конституционная психология, конституционная антропология, конституционная девиантология, конституционная имиджелогия, конституционная инноватика, конституционная экспертология, общая теория движения к конституционализму и борьбы за конституционализм. В них соединяются знания и методы конституционного права с знаниями и методами других наук. Общим объектом исследования большинства из этих наук является доконституционный общественный строй, конституционный строй, процесс движения от доконституционного строя к конституционному, переходный период между двумя полюсами, развитие конституционного строя. Для описания своего пред-

* *Денисов Сергей Алексеевич* – доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета г. Екатеринбурга, кандидат юридических наук, доцент.

мета исследования каждая междисциплинарная наука вырабатывает свой, более богатый язык, чем имеет конституционное право, часто заимствующее термины из законодательства.

Соединение конституционного права с науками об обществе позволяет увидеть место норм государственного (конституционного) права в социальной системе, обнаружить факторы, которые определяют их действие или бездействие. Социальные науки принуждают науку конституционного права выйти за пределы норм и посмотреть, откуда они берутся, почему они реализуются или не реализуются, искать средства и пути воплощения их в жизнь.

Для всех междисциплинарных исследованиях присутствует двойной подход. Представитель каждой науки, объединяемой в ходе исследований, смотрит на объект исследования со «своей колокольни» и выделяет свой предмет исследования. Например, в конституционной политологии представители конституционного права смотрят на политику, как средство реализации (нейтрализации) конституционных норм. Нормы для них главный предмет исследования. Политолог смотрит на нормы государственного права, как на одно из средств реализации интересов субъектов, представленных во властных отношениях.

Использование междисциплинарных исследований позволяет применить интегративно-плюралистический подход к пониманию государственного (конституционного) права. Помимо юридического позитивизма философия конституционализма предлагает аксиологический подход к конституционному праву, как системе ценностей социократии, демократии, республики, децентрализации власти, правового государства и верховенства прав и свобод человека и гражданина. Конституционная социология да-

ет представление о реально действующих в обществе нормах государственного права, вне зависимости от того, написаны они на бумаге или нет, признает их государство или пытается бороться с ними. Социологический подход позволяет напомнить юристам-позитивистам, что некоторые их термины не что иное, как юридические фикции, за которыми не стоит реальной жизни.

Развитие междисциплинарных исследований идет в России достаточно трудно поскольку научная деятельность осуществляется в рамках защиты кандидатских и докторских диссертаций в специализированных советах. Создавать междисциплинарные советы затруднительно. Поэтому развивать междисциплинарные науки могут только свободные исследователи, которых в России очень мало. Проблема развития междисциплинарных исследований связана с наличием у исследователя универсальных знаний. Кроме того, каждая дисциплина имеет свой язык и эти языки трудно совместить². Люди, в силу своего консерватизма, сопротивляются возникновению нового языка, возникающего на стыке нескольких дисциплин.

Кратко опишем предмет исследования важнейших из названных наук. Философия конституционализма формулирует понятие конституционных ценностей и обосновывает необходимость следовать им. Она показывает место конституционных норм в общей картине мира. Конституционная девинатология³, отталкиваясь от названных ценностей, формулирует понятие конституционной девиации, выявляет виды этих девиаций, причины и условия их возникновения и средства, направленные на их устранение. Конституционная деликтология⁴ является частью конституционной девиантологии. Если конституционным деликтом может быть только неконституционное поведение, то девиантным может быть основной закон страны

(неконституционная конституция), существующий в обществе строй (юридическое состояние), субъект права (девиант), его сознание (неуважение к ценностям прав человека). Девиантами могут быть отдельные страны, не сумевшие перейти к конституционному строю. В современных условиях большинство неконституционных государств и обществ имитирует переход к конституционному строю. Эта имитация является предметом исследования конституционной имиджелогии⁵.

Общая теория движения мира и отдельных стран к конституционализму⁶ исследует эволюционные (стихийные) и искусственные пути и средства движения мира и отдельных стран к конституционному строю. В рамках этой науки выделяется общая теория борьбы за конституционализм⁷, изучающая целенаправленную деятельность, осуществляемую разными акторами. Еще более узким направлением исследования является конституционная инноватика⁸, которая предлагает использовать методы инноватики для внедрения конституционных норм в общественные отношения. Прикладным направлением исследований является конституционная экспертология⁹. Это наука о применении общих методов экспертологии к оценке разного рода документов (в основном, нормативных актов) и поведения людей с точки зрения их соответствия доктрине конституционализма и требований основного закона страны.

Общественная жизнь (общественные отношения) традиционно разделяется на сферы, в которых действуют нормы государственного (конституционного) права. Правовое регулирование политической сферы изучается конституционной политологией¹⁰. Конституционная социология изучает связи между государственным правом и социальной системой общества. Конституционное право по-

является только при формировании в обществе групп, заинтересованных в подчинении себе государства и превращения административного класса в идеальную веберовскую бюрократию, подчиненную публичным политикам. Принятие конституционного акта при отсутствии в стране таких общностей неизбежно ведет к имитации перехода страны к конституционному строю. Общество состоит из людей. Движение к конституционализму связано с эволюцией человека, с превращением «человека доконституционного» в «человека конституционного»¹¹. Этот процесс изучается конституционной антропологией¹². Конституционный человек отличается от человека доконституционного устройством своей психики. Эти вопросы изучаются конституционной психологией¹³.

Важнейшей сферой общественной жизни являются отношения производства и распределения материальных благ. Экономика может быть конституционной и неконституционной. Эта сфера правового регулирования изучается конституционной экономикой¹⁴. При конституционной экономике право обеспечивает экономическую свободу индивида. Соединение методов культурологии и конституционного права дает такое направление исследований, как конституционная культурология.

Итак, развитие конституционного права происходит путем сознания междисциплинарных направлений исследований, соединяющих в себе знания и методы разных общественных наук.

© Денисов С. А., 2023

¹ *Междисциплинарность* в науках и философии. М., 2010.

² Книгин А. Н. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 3. С. 18–19.

³ Денисов С. А. 1) Конституционная девиантология (общая теория): В 3 кн. Кн. 1: Наука конституционной

девиантологии. Конституционные девиации. Екатеринбург, 2020; 2) Конституционная девиантология (общая теория): В 3 кн. Кн. 2: Факторы конституционных девиаций. Екатеринбург, 2022.

⁴ Денисов С. А. Конституционная девиантология и деликтология // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 1. С. 11–16

⁵ Денисов С. А. Имитация конституционного строя: В 4 кн. Екатеринбург, 2018–2019.

⁶ Денисов С. А. Общая теория конституционализации мира, как направление научного исследования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 19–27.

⁷ Борьба за конституционализм, как предмет исследования социальной философии и политологии // Политическая концептология. Журнал междисциплинарных исследований. 2022. № 1. С. 50–61.

⁸ Денисов С. А. Научные направления, возникающие на стыке политологии и конституционного права (конституционная девиантология, правовая имиджелогия, конституционная инноватика) // X Юбилейный Южно-Российский политологический конвент «Политическая власть региональные и глобальные аспекты»: Материалы Всероссийской онлайн-конференции. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2020. С. 44–48.

⁹ Денисов С. А. Конституционная экспертология // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 282–289

¹⁰ Денисов С. А. Конституционная политология как наука о конституционализации политической системы // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1.

¹¹ Денисов С. А. Человек конституционный // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 15–22.

¹² Денисов С. А. Наука конституционная антропология // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 3–10.

¹³ Денисов С. А. Конституционная психология как наука // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 3–9.

¹⁴ Конституционная экономика. М., 2010.

Л. А. Нудненко*

ТЕОРИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ – ДОСТИЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Теория разделения властей была обусловлена борьбой крепнущей буржуазии против феодального абсолютизма, который тормозил развитие общества и государства. Идею разделения властей впервые высказал Дж. Локк, который исследовал ее с точки зрения представительной демократии, имевшей место в Великобритании. Ш. Л. Монтескье развил эту идею, которая является гарантией свободы личности и демократии. Ш. Л. Монтескье выделил три рода власти: законодательную, исполнительную и судебную. Последовательно рассмотрев каждую из указанных властей, а также различные их комбинации, Монтескье пришел к выводу, что главная опасность для свободы граждан заключается в объединении всех трех властей в одних руках, которое делает гражданина совершенно беззащитным перед лицом государства. «Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении... были соединены эти три ветви власти»¹. Все три власти – законодательная, исполнительная и судебная – находятся в тесной взаимозависимости и взаимодействии друг с другом, в результате чего на практике они ограничивают друг друга.

* *Нудненко Лидия Алексеевна* – профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшей школы Российской Федерации.

Суть разделения властей – в обеспечении защиты свободы граждан² путем создания системы сдержек и противовесов, нейтрализующих тенденции к захвату власти той или иной группой граждан или отдельным должностным лицом. Концепцию разделения властей Ш. Л. Монтескье принято называть организационно-правовой.

Свое развитие концепция разделения властей нашла в трудах Ж. Ж. Руссо, который впервые указал источник власти – народ. Поэтому концепцию разделения властей Руссо называют социологической.

Концепция разделения властей получила юридическое воплощение в конституциях всех демократических государств, в том числе ст. 10 и 11 Конституции Российской Федерации. В общественной науке имеются разные суждения относительно содержания идеи разделения властей. Представляется возможным выделить ряд общепризнанных основных положений.

1. В демократическом правовом государстве должны отдельно функционировать три независимые, равные и взаимно уравновешенные власти – законодательная, исполнительная и судебная в целях обеспечения наиболее эффективности народовластия.

2. Разделение властей понимается не как противостояние и конфронтация, а как разумное разграничение полномочий между ветвями власти, закрепленное в конституциях государств. Законы должны обладать высшей юридической силой и приниматься только законодательным органом государственной власти. Исполнительные органы государственной власти занимаются исполнением законов. Судебные органы независимы и самостоятельны в отправлении правосудия.

3. Все три ветви власти должны находиться во взаимном равновесии, чтобы ни одна из них не могла получить преобладание над другими. Это достигается посредством системы сдержек и противовесов, нейтрализующих тенденции к захвату власти той или иной группой граждан или отдельным должностным лицом.

Российские ученые обоснованно отмечают в конституционной модели разделения властей российского государства ряд недостатков³. По мнению С. А. Авакьяна, в числе недостатков:

- дисбаланс полномочий Федерального Собрания и Президента;

- отсутствие надлежащей эффективно действующей системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях различных властей, раздвоение исполнительной власти (Президент, Правительство) в сочетании с независимостью Правительства от Федерального Собрания;

- наличие органов, которые не вписываются в схему разделения властей на три группы (Президент Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации, ЦИК Российской Федерации, Счетная палата, Прокуратура);

- отсутствие необходимой ясности в распределении полномочий между Российской Федерацией в целом и ее субъектами⁴.

Представляется убедительным мнение В. С. Нерсесянца о том, что необходимо доступными конституционными средствами ввести полномочия Президента в русло и границы исполнительной власти, усилить полномочия парламента как представительной и законодательной власти, создать и утвердить сильную правозащитную судебную власть и в результате всего этого добиться такого реального баланса трех самостоятельных ветвей власти, ко-

торый необходим и достаточен для нормального функционирования демократии как механизма управления⁵.

Была ли достигнута эта цель в ходе конституционной реформы 2020 г.? Произошло ли усиление роли Федерального Собрания Российской Федерации в системе разделения властей?

Ключевыми в этом плане стали поправки в в п. 2 ст. 95 Конституции Российской Федерации об изменении состава Совета Федерации. Теперь кроме двух представителей от каждого субъекта Российской Федерации (по одному от законодательной и исполнительной властей)⁶ в составе Совета Федерации появятся не более 30 представителей Российской Федерации, назначаемых Президентом Российской Федерации, из которых не более семи могут быть назначены пожизненно. Также в перспективе в состав Совета Федерации войдет Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки – пожизненно. Таким образом, если ранее в составе Совета Федерации законодательная и исполнительная власть были представлены равным числом его членов, то теперь налицо преобладание сенаторов Российской Федерации от исполнительной власти, которая находится под «общим руководством Президента Российской Федерации»⁷. Совет Федерации, будучи верхней палатой, вправе наложить «вето» на закон, принятый Государственной Думой⁸.

Конституционные поправки 2020 г. усилили круг полномочий Президента Российской Федерации. Согласно ст. 110 Конституции Российской Федерации Правительство Российской Федерации осуществляет исполнительную власть под общим руководством Президента Российской Федерации. Президент назначает заместителей

Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров (за исключением федеральных министров, указанных в п. «д. 1» ст. 83 Конституции Российской Федерации) после утверждения перечисленных кандидатур Государственной Думой. Мнение о расширении полномочий Государственной Думы относительно утверждения полномочий вышеназванных государственных гражданских должностных лиц сомнительно в силу того, что после трехкратного отклонения Государственной Думой представленных кандидатур заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров Президент вправе назначить их самостоятельно. При этом если после трехкратного отклонения Государственной Думой представленных кандидатур более одной трети должностей членов Правительства Российской Федерации (за исключением должностей федеральных министров, которые назначаются Президентом самостоятельно), остаются вакантными, Президент Российской Федерации вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы⁹.

Президент утверждает структуру федеральных органов исполнительной власти, вносит в нее изменения. В структуре федеральных органов исполнительной власти самостоятельно, без согласования с Государственной Думой, Президент Российской Федерации определяет органы, руководство которыми он осуществляет самостоятельно. Руководство остальными федеральными органами исполнительной власти осуществляет Правительство Российской Федерации (п. «б.1» ст. 83 Конституции Российской Федерации). Конституция Российской Федерации, таким образом, зафиксировала явный дисбаланс в полномочиях Президента и Федерального Собрания по контролю за деятельностью Правительства¹⁰.

Качественные изменения были внесены в правовой статус Конституционного Суда Российской Федерации. Еще с 2009 г. Президент получил право представлять кандидатуры на пост Председателя Конституционного Суда и его заместителей, а Совет Федерации получил право на их назначение и досрочное прекращение полномочий, хотя раньше данные функции осуществляли сами судьи. В ходе конституционной реформы 2020 г. число судей Конституционного Суда Российской Федерации было сокращено до 11 при одновременном увеличении их полномочий; отменено право Конституционного Суда выступить с посланием на совместном заседании палат Федерального Собрания Российской Федерации; появилась норма о досрочном прекращении полномочий Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного Суда Российской Федерации Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации «в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»¹¹; установлен запрет на публикацию особых мнений судей Конституционного Суда Российской Федерации¹².

Анализ конституционных поправок 2020 г. позволяет сделать вывод, что реальная система сдержек и противовесов не обеспечивает четкое разделение властей. Судебная власть является слабой, хотя именно она отвечает за правосудие. Президент, призванный обеспечивать взаимодействие между органами государственной власти, имеет слишком сильные рычаги воздействия на законодательную и судебную власти.

© Нудненко Л. А., 2023

¹ *Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 290–291.*

² *Нудненко Л. А. 1) Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства // Государство и право. 2010. № 12. С. 93–102; 2) К вопросу о правовом регулировании народовластия в России // Государство и право. 2012. № 7. С. 13–21; Кондрашев А. А. Конституционные поправки – 2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустранимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 18–29; Нудненко Л. А. Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия. М., 2021.*

³ *Азаров Н. И. Идея разделения властей и ее реализация в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Вып. 1. 1994. С. 19–20; Энтин Л. М. Разделение властей. М., 1995.*

⁴ *Авакьян С. А. Проблемы реформы конституции // Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999. С. 74–78.*

⁵ *Правовое государство, личность, законность. М., 1997. С. 38; Болдырев О. Ю. Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Часть 1: Государство по Конституции 1993 года: на бумаге и в жизни // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 3–8.*

⁶ *Болдырев О. Ю. Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Часть 2: Поправки к Конституции: нерешенные и новые проблемы и вектор дальнейшего реформирования // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 3–8; Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 62–67; Нудненко Л. А. Изменения в правовом статусе высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): В 2 ч. Ч. 1: Материалы XIX международной научно-теоретической*

конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / Под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. СПб., 2022. С. 757–763.

⁷ Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 37–40; Нудненко Л. А. К вопросу о конституционной реформе 2020 года // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы II Международной научно-практической конференции. Грозный, 2021. С. 181–188; Осавелюк А. М., Будаев А. М., Заикин С. С., Кабышев С. В. Глава государства. М., 2023.

⁸ Парламентское право России / Под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2013. С. 207–212.

⁹ Боброва Н. А. Конституционная реформа – 2020 как решение проблемы «транзита власти» – 2024 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 3–9.

¹⁰ Абаева З. Р., Нудненко Л. А. Отчет Правительства перед парламентом как форма парламентского контроля (на примере Республики Северная Осетия – Алания) // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): В 2 ч. Ч. 1: Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / Под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. СПб., 2022. С. 2197–2002.

¹¹ Брежнев О. В. Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3–6.

¹² Нудненко Л. А. Новеллы Конституции России о статусе Конституционного Суда Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 28–33.

Н. В. Бутусова*

Л. А. Нудненко**

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА О РАЗДЕЛЕНИИ ВЛАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституция России, принятая в 1993 г., в качестве основы конституционного строя закрепляет принцип разделения властей, без которого невозможна свобода личности, соблюдение ее конституционных прав¹.

Исследование теории и практики реализации разделения властей в Российской Федерации позволило обнаружить нарушения системы сдержек и противовесов в рамках доктрины разделения властей. В юридической науке высказаны идеи о совершенствовании законодательства о взаимодействии органов государственной власти в рамках концепции разделения властей.

К числу недостатков законодательного регулирования разделения властей в России можно отнести: определение роли и места Президента Российской Федерации в системе власти и механизме сдержек и противовесов; слабое использование форм парламентского контроля Федерального Собрания Российской Федерации за деятельностью

* *Бутусова Наталия Владимировна* – профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

** *Нудненко Лидия Алексеевна* – профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшей школы Российской Федерации.

исполнительных органов государственной власти²; зависимость персонального состава Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации от Президента Российской Федерации; особая роль органов государственной власти с особыми полномочиями в разделении властей и, прежде всего, прокуратуры Российской Федерации. В науке конституционного права отмечается, что изменение порядка формирования Совета Федерации предоставили главе государства практически неограниченные полномочия.

Правила взаимоотношений трех органов власти воспроизводятся и на уровне субъектов федерации. Они определены в ст. 77 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет систему органов государственной власти субъектов Российской Федерации и характер взаимодействия между ними. Предписания Конституции России конкретизированы Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»³.

В связи с этим ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации устанавливает разграничение полномочий и предметов ведения между органами государственной власти в целом по вертикали системы: между федеральными и региональными органами государственной власти. Такое разделение властей следует считать «вертикальным»⁴.

Применение принципа разделения властей должно служить не ослаблению власти, а взаимодействию и взаимодействию всех ее ветвей. В связи с этим **для реализации принципа разделения властей необходимо** провести следующие мероприятия:

1) исключить возможность присвоения законодательных полномочий другими органами государственной власти и, прежде всего, Президентом и Правительством Рос-

сии, конституционно определив перечень вопросов, подлежащих регулированию исключительно законом⁵;

2) усилить парламентский контроль за подзаконным нормотворчеством исполнительной власти, обеспечив механизм сдержек и противовесов между законодательной и исполнительной ветвями власти во избежание концентрации власти в одной из ее ветвей⁶;

3) укрепить независимость судебных органов за счет совершенствования законодательства о порядке их формирования, а также ответственности судей;

4) исключить возможность вмешательства одной ветви власти в другую, а тем более слияния с ней или ее подмены⁷;

5) разработать конституционную систему сдерживания каждой власти путем установления взаимных балансов для всех властей⁸.

Даже в системе разделенной власти ветви власти не могут действовать в вакууме. Простое разделение власти, вероятно, привело бы к созданию доминирующего законодательного органа, подобного тому, который был создан в первых американских колониях. Сдерживание – это контроль, который одна ветвь власти может осуществлять над другой, создавая баланс сил.

Анализ мировой практики показывает, что создатели конституции в странах Европы опасались господства законодательной власти над исполнительной. Недавняя история показала, что демократия может опасаться больше могущественной исполнительной власти. Президент обычно является единственным избранным должностным лицом, имеющим действительно общенациональный избирательный вес. Таким образом, это способствует созданию культа личности, который может ослабить конституционные ограничения. С другой стороны, сильный президент,

особенно в нестабильных республиках бывшего СССР, может обладать исполнительной властью таким образом, чтобы это благоприятствовало демократическим реформам. Поэтому необходима конституционная структура, позволяющая ветвям власти развивать как работоспособные внутренние системы, так и, что более важно, жизне-способные системы сотрудничества⁹. Конституция Российской Федерации нарушает доктрину разделения властей, предоставляя Президенту непропорциональные полномочия. Фактически созданная политическая система в России получила название суперпрезидентской.

© Бутусова Н. В., Нудненко Л. А., 2023

¹ *Права человека* / Под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1999. С. 91; Нудненко Л. А. 1) *Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия*. М., 2021; 2) *Справедливость как критерий баланса публичных и частных интересов* // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 46–50.

² Азаров И. И. *Идея разделения властей и ее реализация в России* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1994. Вып. 1. С. 19–20; Нудненко Л. А. *К истории разработки и принятия Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации»* // Государство и право. 2008. № 3. С. 5–13; Спиридонов А. А. *Парламентский контроль в Российской Федерации*. М., 2011. С. 36–37; Нудненко Л. А. 1) *Проблемы правовой регламентации парламентского запроса* // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 50–54; 2) *Практика реализации парламентских и депутатских запросов в Федеральном Собрании Российской Федерации* // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 89–95.

³ *Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52. Ч. I. Ст. 8973.

⁴ *Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2009. С. 450–455; Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 62–67; Нудненко Л. А. Изменения в правовом статусе высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): В 2 ч. Ч. 1: Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / Под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. СПб., 2022. С. 757–763.*

⁵ *Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 37–40.*

⁶ *Парламентское право России / Под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2013. С. 207–212.*

⁷ *Авакьян С. А. Десять конституционно-правовых «заповедей» законоотворчества // Вестник Московского университета. 2010. № 1. С. 6–28.*

⁸ *Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Конституционные основы парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 4. С. 30–35.*

⁹ *Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866; Нудненко Л. А. Правовое регулирование депутатских запросов в законодательных органах государственной власти Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 2. С. 7–11; Авакьян С. А. Проблемы обеспечения конституционных публично-политических прав свобод граждан Российской Федерации: новые реальности // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 1. С. 3–34; Нудненко Л. А. Практика реализации парламентских и депутатских запросов в Федеральном Собрании Российской Федерации // Вестник*

Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020.
№ 2(86). С. 89–95.

В. С. Зубкова*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Конституция Российской Федерации в ст. 2 в качестве высшей конституционной ценности закрепляет человека, его права и свободы. Это определяет внимание российских конституционалистов к проблеме прав и свобод человека и гражданина.

Одной из теоретических проблем правового статуса личности является его структура, которой посвящены работы С. А. Авакьяна¹, Е. А. Лукашевой², Е. И. Козловой³, Л. Д. Воеводина⁴. Наиболее распространенной является концепция о пяти институтах в правовом положении личности: гражданство; общая правосубъектность; права, свободы и обязанности личности; принципы правового статуса личности; гарантии.

Содержание конституционного статуса личности, всех ее составных частей определяется принципами, на которых он строится. Конституционные принципы в системе средств конституционного регулирования закрепляются как нормы-принципы и обладают свойствами нормы позитивного права: нормативностью и общеобязательностью.

Принципы правового статуса личности: понятие, виды и сущность достаточно подробно проанализированы в трудах Н. В. Витрука⁵ и Л. А. Нудненко⁶. Несмотря на различие во взглядах ученых относительно круга принци-

* *Зубкова Вера Сергеевна* – старший преподаватель кафедры конституционного права Алтайского государственного университета (Барнаул).

пов правового статуса личности, ученые единодушны в выделении в качестве таковых:

- принципа равенства прав и равенства обязанностей;

- принципа признания прав и свобод личности непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемыми правосудием;

- принципа гарантированности прав и свобод человека и гражданина;

- принципа осуществления прав и свобод человека и гражданина в гармонии с правами и свободами других лиц.

Необходимым условием осуществления демократии как народовластия, проявления автономии личности являются политические права и свободы гражданина Российской Федерации. Наличие и реальная реализация политических прав и свобод обеспечивают легитимацию органов государственной власти и местного самоуправления. В связи с этим значительное внимание в науке конституционного права уделено характеристике правам и свободам личности в сфере реализации избирательного права⁷: поднимаются вопросы правовой регламентации праймериз⁸, люстрации⁹, характеристики принципов избирательного права второго поколения¹⁰.

Существенный вклад в процесс совершенствования правовой регламентации избирательного законодательства внес С. Д. Князев¹¹, который рассмотрел проблемы дистанционного и электронного голосования, совершенствования статуса избирательных комиссий. Е. И. Колюшин в многочисленных работах, посвященных совершенствованию избирательного законодательства¹², отмечает,

в частности, наличие нарушений системных взаимосвязей (согласованности) между нормами одного и того же избирательного закона и уклонение законодателя от регулирования избирательных отношений посредством закрепления в законах возрастающего количества адресованных избирательным комиссиям бланкетных (отсылочных) норм.

Одним из основополагающих и неотъемлемых элементов правового статуса личности в России является конституционное право на публичные мероприятия. Данное право необходимо для мирного конструктивного диалога между гражданским обществом и государством. Этим объясняется внимание в науке конституционного права проблемам правовой регламентации порядка проведения публичных мероприятий. Анализ законодательства, практики его реализации позволяют ученым вносить предложения по дальнейшему совершенствованию правовой регламентации порядка проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования¹³.

Предпосылкой реализации права на публичные мероприятия являются: свобода мысли и слова, право на объединение, право на информацию, право на обращение. Эти права неразрывно связаны с демократией, находятся с ней в диалектическом единстве. Главная задача демократии состоит в том, чтобы обеспечить свободное выражение идей, чтобы никто не подвергался ограничениям, чтобы новые мысли и идеи свободно могли реализовываться. От того, какие условия реализации политических прав граждан предусмотрены Конституцией Российской Федерации и развивающимися ее нормы текущим законодательством, зависят условия функционирования российского общества и государства. Этим проблемам посвящены труды российских конституционалистов¹⁴.

-
- ¹ Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2005. С. 499.
- ² Права человека / Под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1999. С. 91.
- ³ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. 4-е изд. М., 2006. С. 175–176.
- ⁴ Воеводин Л. Д. Советское государственное право / Под ред. С. С. Кравчука. М., 1975. С. 137–139.
- ⁵ Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985.
- ⁶ Нудненко Л. А. 1) Конституционные права и свободы личности в России: Учебное пособие. СПб., 2009; 2) Личность в координатах взаимодействия гражданского общества и государства // Государство и право. 2015. № 4. С. 13–21; 3) Принципы пассивного избирательного права: система и взаимодействие с конституционными правами и свободами личности в России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 48–54; 4) Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 52–55; 5) Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия. М., 2021; 6) Справедливость как критерий баланса публичных и частных интересов // Конституционное и муниципальное право. 2021 № 1. С. 46–50; 7) Конституционное право России. 8-е изд. М., 2023.
- ⁷ Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В. В. Лазарев. 4-е изд. М., 2009. С. 58–60; Избирательное право Российской Федерации и зарубежных стран: Учебник / Под ред. И. А. Алексеева, Л. А. Тхабисимовой. М., 2019.
- ⁸ Нудненко Л. А. 1) Праймериз в России – партийная политехнология или инструмент реальной внутрипартийной конкуренции? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 51–54; 2) К вопросу о возможности законодательного регулирования праймериз в России // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 26–29.
- ⁹ Нудненко Л. А. Проблема люстрации в решениях Европейского Суда по правам человека // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 37–42.

¹⁰ *Кривцов В.* Новые стандарты информационной открытости в деятельности избирательных комиссий // Журнал о выборах. 2011. № 3. С. 30–33; *Нудненко Л. А.* Принцип свободных выборов в реализации пассивного избирательного права в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 11. С. 27–31.

¹⁰ *Князев С. Д., Хохрякова О. С.* Досрочное голосование на российских выборах: за или против // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5. С. 24–31; *Нудненко Л. А.* Принцип альтернативности в содержании пассивного избирательного права // Вопросы правоведения. 2014. № 3(24) С. 41–54; *Права человека.* М., 2015; *Нудненко Л. А.* Некоторые проблемы реализации принципа открытости и гласности выборов в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 11. С. 49–53.

¹¹ *Князев С. Д.* Конституционно-правовая парадигма организации и деятельности избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2019. № 2. С. 55–58; *Князев С. Д., Кокотов А. Н.* Еще раз о судебной защите избирательных прав // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 5. С. 1–7.

¹² *Колюшин Е. И.* 1) Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–27; 2) Избирательная реформа 2020 г. в свете принципов избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 55–61; 3) Проблема квазиверховенства закона в избирательном праве // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 51–56.

¹³ *Нудненко Л. А.* Теоретические основы права граждан Российской Федерации на проведение собраний, митингов, шествий и пикетирования // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 64–73; *Симонова С. В.* Установление режима специально отведенных для публичных мероприятий мест: юридико-ошибочный аспект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1531; *Саленко А. В.* Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 123–

124; *Нудненко Л. А.* Правоприменительная практика Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях шествиях и пикетированиях» в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека // *Государство и право.* 2021. № 1. С. 63–72.

¹⁴ *Права человека и правовое социальное государство в России.* М., 2011; *Нудненко Л. А.* Конституционно-правовая природа права гражданина на информацию // *Конституционное и муниципальное право.* 2017. № 8. С. 26–29; *Трансформация прав человека в современном мире.* М., 2018; *Нудненко Л. А.* Некоторые проблемы правовой регламентации конституционного права гражданина на информацию // *Конституционное и муниципальное право.* 2018. № 5. С. 40–44; *Права женщин и мужчин в России: реализация принципа равенства.* М., 2019; *Нудненко Л. А.* Влияние СМИ на реализацию конституционного права гражданина на свободу мысли // *Конституционное и муниципальное право.* 2021 № 6. С. 33–37; *Права человека: между прошлым и будущим.* М., 2021; *Нудненко Л. А.* Конституционно-правовая природа права граждан на объединение // *Конституционное и муниципальное право.* 2021. № 8. С. 14–18.

Т. Е. Ланг*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ

Право на информацию является одним из основных прав граждан и гарантирует взаимодействие с информацией, необходимой для участия в общественной жизни, принятия решений и защиты своих интересов. Право закрепляется в международных документах, таких как Декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и других, а также в конституциях многих стран. Статья 29 Конституции Российской Федерации провозглашает: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»¹, что определяет содержание конституционного права на информацию. Однако оно включает в себя не только приведённый выше список, но и право на свободу мысли и слова, право на выражение мнения, право на конфиденциальность персональных данных, тем самым составляя группу информационных прав личности. Детализируют рассматриваемое право на информацию, определяют гарантии, ответственность и ограничения прав и свобод в части, касающейся взаимодействия ст. 29 и 55 Конституции Российской Федерации, ряд нормативных правовых актов: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации,

* Ланг Татьяна Евгеньевна – адъюнкт кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и другие.

Несмотря на долгую историю и неоспоримую популярность исследуемого права, на настоящий момент не сформировалось единого легального определения термина, существуют лишь различные авторские трактовки данной правовой дефиниции. «Право на информацию» может быть понято по-разному в зависимости от ситуации и метода анализа. Исследуя различные варианты трактовок этого термина, мы пришли к выводу, что существуют две основные точки зрения отечественных ученых на рассматриваемое право. Первая концепция предполагает, что право на информацию само по себе является самостоятельным. Вторая концепция, наоборот, утверждает, что это право не имеет самостоятельного значения. Теоретические подходы к изучению права на информацию при рассмотрении его как самостоятельного подразделяются на две группы: понимание права в широком и узком смыслах. Представителями узкого толкования являются Д. В. Гавришова, В. В. Стахова, А. А. Чеботарева, М. К. Башаратьян и другие. В таком подходе ученые видят обусловленное конституцией положения о реализации права на поиск, получение, передачу, производство и распространение сведений любым законным способом². Сторонники второго подхода – Ю. И. Гришаева, М. В. Алексеева, Э. В. Талапина, М. А. Погорелова – стремятся к расширительному пониманию, руководствуясь развернутой трактовкой права на информацию. В качестве довода, иллюстрирующего широкий подход к праву на информацию, М. В. Алексеева приводит следующий пример: в соответствии с ч. 1 ст. 37 Конституции Россий-

ской Федерации каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Для реализации этого права, как полагает исследователь, необходимо обладать информацией, касающейся характера и особенностей того или иного рода деятельности и профессии. Сходный характер связи с правом на информацию обнаруживает и право каждого гражданина нашей страны на получение образования³.

На наш взгляд, наиболее точно право на информацию определяет Т. В. Паршина, понимая его как основное, неотъемлемое право личности (гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина, лица без гражданства), состоящее из совокупности информационных правомочий (создание, поиск, получение, передача, распространение информации), а также обеспечения защиты информации и информационной безопасности личности и общества (защиты от информации), выступающее в качестве гарантии полноценной реализации всей системы прав и свобод человека и гражданина⁴.

Следует также отметить, что в контексте конституционного права на информацию, разнообразие способов использования информационных ресурсов признается как важный аспект свободы получения и распространения информации. Конституционное право на информацию подчеркивает значение свободного доступа к информации для граждан, способствуя тем самым разностороннему и разнообразному развитию общества. Информационные ресурсы, медиапространство, сведения и данные, представляющие собой элементы информационной среды, которые могут быть соотнесены следующим образом. Данные представляют собой цифры, текст или другие символы, которые не имеют смысла без обработки и интерпретации. Это могут быть, например, числа в таблице,

буквы в текстовом документе или пиксели на изображении⁵. Сведения – это данные, которые были обработаны и интерпретированы таким образом, что они стали иметь смысл и структуру. Сведения могут включать в себя выводы, анализ, интерпретацию или контекст, который делает данные полезными для конкретных целей. Медиапространство относится к местам и каналам, через которые информация и сведения могут быть представлены и распространены. Это может включать в себя печатные и онлайн издания, телевидение, радио, социальные медиа и другие средства массовой информации, где информацию можно публиковать и распространять. Информационные ресурсы, в свою очередь, представляют собой обширное понятие, которое объединяет данные, сведения и медиапространство в рамках доступных источников и средств для получения, хранения, передачи и использования информации. Это может включать в себя как физические ресурсы (например, библиотеки или архивы), так и электронные и онлайн-ресурсы (например, веб-сайты, базы данных, цифровые архивы и т. д.)⁶. Информационные ресурсы предоставляют средства для доступа к данным и сведениям через медиапространство.

Таким образом, данные являются основой для создания сведений, а информационные ресурсы и медиапространство служат средствами для хранения, передачи и распространения этой информации и сведений. В современном обществе информационные ресурсы приобретают особенное значение, являясь наиболее ценным и востребованным активом. Важно отметить, что у каждого человека эти ресурсы могут обладать различной ценностью. Эта индивидуализация придает информационным ресурсам выдающееся положение среди прочих ресурсов. Однако, следует подчеркнуть, что уникальной особенностью

информационных ресурсов является разнообразие методов их хранения и обработки данных. Это многообразие способов воздействия на информацию, находящуюся в ресурсе, играет ключевую роль в развитии информационных пространств всех стран.

Авторские позиции ученых по отношению к понятию и содержания конституционного права на информацию, позволили отечественной науке конституционного права достаточно серьезно продвинуться вперед в решении вопроса об определении значимости права на информацию в системе прав и свобод человека и гражданина. Многообразие позиций свидетельствует об актуальности темы исследования и оставляет место для новых научных взглядов. Все это позволяет обеспечить гармоничное функционирование демократического общества, поскольку обеспечивает прозрачность и открытость власти, позволяет гражданам реализовывать свои конституционные права и принимать участие в управлении государством.

© Ланг Т. Е., 2023

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² Ковалева Н. Н. Информационное право России. М., 2008.

³ Алексеева М. В. О проблемных вопросах реализации конституционного права на информацию как одного из основных прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 16–19.

⁴ Пашнина Т. В. Дискуссионные аспекты определения термина «Право на информацию» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 2. С. 98–103

⁵ Захаров В. П. Информационные системы (документальный поиск). СПб., 2002.

⁶ Хорошилов А. В., Селетков С. Н. Мировые информационные ресурсы. СПб., 2004.

К. С. Сусликова*

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ
О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ**

Конституционное право граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, закрепленное ст. 42 Конституции Российской Федерации¹, является одним из основополагающих конституционных прав человека наряду с другими основными правами. В качестве одной из главных целей текущей государственной политики, касающейся экологического развития в России, выступает обеспечение благоприятной окружающей среды².

Открытость и доступность информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) является основой институтов экологического права, позволяет обеспечить активное участие общественных объединений и граждан в природоохранной деятельности, повышает уровень эффективности государственного управления в области охраны окружающей среды, обеспечивает проведение надлежащей оценки воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду и повышает качество и научный уровень экологических государственных и общественных экспертиз. Предоставление государством обществу возможности контроля за своей деятельностью в экологической сфере и при этом отсутствие препятствий

* *Сусликова Кристина Сергеевна* – аспирантка кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета.

для получения информации о действиях органов государственной власти позволяют повысить степень открытости деятельности государственных органов, а также усовершенствовать методы борьбы с коррупцией и злоупотреблениями должностными полномочиями³.

В марте 2021 г. были приняты изменения, внесенные в Федеральный Закон «Об охране окружающей среды», которые сформулировали перечень экологической информации и ввели в законодательство само понятие «экологическая информация», которую органы федеральной, региональной и муниципальной власти обязаны публиковать в открытом доступе в сети Интернет. В этот список входит информация о состоянии окружающей среды, почвы, атмосферного воздуха, вредных выбросов в атмосферу, о состоянии водоемов, рек, озер, о качестве питьевой воды, о водных источниках, о состоянии радиационного фона, о системе обращения с отходами⁴.

Согласно ст. 23 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵ граждане имеют право на регулярное получение достоверной и своевременной информации о факторах, способствующих сохранению здоровья и оказывающих на него вредное влияние, включая информацию о санитарно-эпидемиологическом благополучии территории проживания (в том числе информацию о состоянии воздуха, воды и т. п.), рациональных нормах питания, о продукции, работах, услугах, их соответствии санитарным нормам и правилам, о других факторах.

В связи с намеченными целями экологического развития государством организуется масштабная цифровизация того объёма данных, который имеет отношение к информации об окружающей среде, также на базе экологических данных создаются экологические государствен-

ные информационные системы. Таким образом, право граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии – это правовой институт, который в последнее время развивается так же стремительно, как и цифровые технологии. Как обозначено в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации, «информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка»⁶.

Однако необходимо констатировать, что проблемы реализации, охраны и защиты конституционного права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды до настоящего времени далеки от решения в том числе и по объективным причинам. В текущей ситуации в стране граждане, и органы публичной власти больше обеспокоены проблемами государственной безопасности, социальной, экономической и политической ситуацией, вследствие чего проблемы, связанные с проведением специальной военной операции, социально-экономические проблемы превалируют над экологическими.

В результате анализа практики реализации права на доступ к информации об окружающей среде, (в частности, проблем доступа к информации о состоянии воздуха и воды), при изучении информации на соответствующих официальных сайтах органов публичной власти (Росприроднадзор, Росгидромет, Роспотребнадзор и т. д.), нами была выявлена проблема несогласованности информации, полученной из разных источников. Более того, пуб-

ликуемая информация противоречит выводам ученых-экологов по данной проблеме⁷.

Необходимо признать, что размещаемая государственными органами на своих официальных ресурсах в сети Интернет экологическая информация, как правило, имеет общий, шаблонный характер, зачастую эта информация вовремя не обновляется. Кроме того, большинство разделов сайтов и информационных систем, на которых размещается экологическая информация, находится в стадии становления, в процессе разработки либо являются недоступными и недействующими. Все это значительно затрудняет для граждан и их объединений доступ к достоверной экологической информации.

Для решения этих проблем необходимо осуществлять дальнейшую цифровизацию экологической информации одновременно с корректированием и совершенствованием существующих механизмов предоставления экологической информации для открытого доступа. Таким образом, проблема обеспечения достоверности информации о состоянии окружающей среды и ее доступности населению в соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации требует своего незамедлительного решения.

© Сусликова К. С., 2023

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 года) (документ опубликован не был). – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=4&nd=102433572&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%FD%EA%EE%EB%EE%E3%E8%FF++ / (дата обращения: 14.02.2023).

³ Бутусова Н. В., Сусликова К. С. К определению права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды в Российской Федерации // Конституционализм и государственное устройство. 2020. № 4(20). С. 7–8.

⁴ Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 года) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 октября 2023 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133; <http://pravo.gov.ru>, 04.08.2023.

⁵ Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 года) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724; <http://pravo.gov.ru>, 24.07.2023.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 14.02.2023).

⁷ Сусликова К. С. Проблемы цифровизации экологической информации в Российской Федерации как одно из условий ее достоверности // Општествениите промени во глобални от свет: Зборник на научни трудови. Осмии меѓународна научна конференција. Универзитет Гоце Делчев. Штип, 2021. С. 58.

A. Rakoto*

THE ROLE OF TRADITIONAL ECOLOGICAL KNOWLEDGE IN PROMOTING SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN MADAGASCAR

Madagascar is known for its rich biodiversity and abundant natural resources. Besides, the country also has important cultural and traditional values that differentiate it from other countries. 'Fihavavana' (the spirit of kinship) and 'Fitiavan-tanindrazana' (love for the ancestors' land) are part of the critical values for any Malagasy¹. Living in a healthy environment is an important right protected by the Malagasy Constitution. In its preamble, it highlights the importance of preserving the wealth of fauna and flora for future generations. Indeed, Article 37 of the Constitution provides that 'The State guarantees the freedom of enterprise within the limit of the respect for the general interest, the public order, morality and the environment². In light of this, the decree named 'MECI' aims to promote the compatibility of investments with environmental concerns³. It shows the will of the lawmakers to make environmental issues more important than economic benefits.

Besides, Article 5 of the Malagasy Charter of Environmental Law provides that environmental concerns constitute a priority for the State. The management, valorisation, restoration and protection of the environment are part of general

* *Ракото Андриамирадо* – научный сотрудник Исследовательского института экологического права юридического факультета Уханьского университета (Китай), PhD в сфере экологического права.

interests and the State should allocate the necessary resources to promote the rational management of the environment⁴.

The Malagasy Charter of Environmental Law also considers that every person has a right to live in a healthy and balanced environment. The concept of sustainable development aims to balance economic, social, and environmental concerns with the considerations of the needs and interests of future generations.

Often, local communities and traditions are not given the important role that they should play in protecting the environment. This may be linked to the existence of other priorities for government funding and also the lack of research highlighting the benefits of the use of tradition and the participation of local communities to preserve the environment.

Traditional Ecological Knowledge is a very important tool that can make a difference in promoting sustainable development in Madagascar. Numerous studies have demonstrated the advantages of incorporating this knowledge into conservation projects. Among the benefits are the gain of local acceptance, and the active participation of local communities in the projects⁵. Berkes describes Traditional Ecological Knowledge as a cumulative body of knowledge, practice and belief evolving by adaptive processes and handed down through generations by cultural transmission, about the relationships of living beings (including humans) with one another and with their environment⁶. In the field of sustainable natural resource utilization and management, Traditional Ecological Knowledge (TEK) systems and institutions can serve as valuable entry points. TEK systems and institutions are a means of gaining insight into indigenous and local knowledge of the ecological systems that surround us and thereby identifying ecologically sound and culturally appro-

priate ways of using and managing natural resources. By leveraging the knowledge and perspectives of those who have lived near the natural world for generations, we can develop sustainable resource management practices that are both effective and equitable⁷.

The case study of Vezo could give us more insights into the practice of this Traditional Ecological Knowledge in Madagascar. Vezo is one of the tribes forming the Malagasy community, and their village is located on the southwestern coast of Madagascar. Also, Vezo are mainly fishing people, and fishing activities constitute their source of income. They participate in artisanal fisheries by using pirogues. There are two important components of Vezo traditional beliefs which are the worship of the ancestors (razana) and the respect for taboos or fady (restrictions established by traditional authority). Those beliefs have an important influence on the management of local resources. In the Vezo community, there is an elder person called 'Hazomanga', who acts as the intermediary between the ancestors and family members. Indeed, he attends different important village events such as Bilo, Tromba, Savatse, Takasy and Soro⁸.

In select regions, there exist customary laws known as fady that prohibit certain activities. One such example is the area surrounding Andavadoaka Rock, where swimming, fishing, and touching the sacred rock are forbidden. The Euphorbia tree holds great significance as a sacred site on both the northern and southern regions of Nosy Andranombala island. It is a revered place where people go to seek blessings from their ancestors. Furthermore, it is strictly forbidden to exploit any natural resources from the mangrove forest, dominated by *Avicenia marina* species, situated in the southern part of Nosy Mitata island. Fishing or cutting mangrove trees are among the forbidden activities.

The Traditional Ecological Knowledge of the Vezo Community has a positive impact on ensuring food security and protecting the environment. The Vezo's Knowledge of terrestrial food sources and their traditional trade with Masikoro contributes to ensuring reliable food security for the community. Nonetheless, some challenges remain such as the development of industrial activities within the coastal zones, the effects of climate change, and the lack of legal tools to protect and enhance the role of local fisheries activities.

Traditional Ecological Knowledge is still playing an important role within the different regions of Madagascar and has the potential to enhance the sustainable development of the country. However, without proper policies, it will be difficult to put them into practice.

The preamble of the Constitution acknowledges the importance of preserving traditional fundamental values and principles of the Malagasy society. Even the recent law on national cultural policies emphasizes the important role of local communities in preserving traditions, cultures, and customs. However, the provisions on Traditional Ecological Knowledge don't exist until today. This lack of clear policies results in the difficulty of promoting and using this traditional tool to enhance environmental protection. Also, it increases the risk for Traditional Ecological Knowledge of losing its influence, with the trends of industrialization. In this regard, the government needs to develop policies that consider the needs of these local communities, the preservation of the environment, and the need for industrialisation. Public consultation could be used in this case to receive public input, and this could ensure that the policies developed will have legitimacy and get local acceptance.

© Rakoto A., 2023

¹ *Njara E.* Le fihavanana // Droit et cultures. 1992. No. 24. P. 152–159.

² The Constitution of the Republic of Madagascar. – <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mad128141.pdf> (date of the application: 17.03.2023).

³ *Decree MECI (2004).* – https://edbm.mg/wp-content/uploads/2017/12/Decret_MECIE.pdf (date of the application: 19.03.2023).

⁴ The Malagasy Charter of Environmental Law (2015). – <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mad142814.pdf> (date of the application: 17.03.2023).

⁵ *Marie C. N., Sibelet N., Dulcire M., Rafalimaro M., Danthu P., Carrière S. M.* Taking into account local practices and indigenous knowledge in an emergency conservation context in Madagascar // Biodiversity and Conservation. 2009. No. 18. P. 2759–2777.

⁶ *Berkes F., Folke C., Gadgil M.* Traditional ecological knowledge, biodiversity, resilience and sustainability // Biodiversity conservation: Problems and policies: Papers from the Biodiversity Programme Beijer International Institute of Ecological Economics Royal Swedish Academy of Sciences. Dordrecht, 1994. P. 269–287.

⁷ *Rai S. C.* Traditional ecological knowledge and community-based natural resource management in northeast India // Journal of Mountain Science. 2007. No. 4. P. 248–258.

⁸ *Langley J. M.* Vezo knowledge: Traditional ecological knowledge in Andavadoaka, southwest Madagascar. London, 2006.

*Д. Д. Аксёнова**

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

Основой всех прав и свобод человека является право на жизнь, закрепленное в Конституциях всех правовых государств мира. Право на жизнь – это естественное право, оно не провозглашается и не предоставляется человеку государством, а возникает с момента рождения человека. Право на жизнь закреплено в ст. 20 Конституции Российской Федерации и является основополагающим правом. Часть 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый имеет право на жизнь»¹.

Институт права на жизнь включает в себя императивные нормы: нормы-запреты, нормы-санкции, с тем, чтобы превентивно воздействовать на поведение физических и юридических лиц. Нормативные правовые акты, принимаемые законодателем в России, регулируют общественные отношения в области здравоохранения, природоохраны, материнства и детства, образования и иных сферах.

Донорство, в том числе, и в России, является одной из специфических форм реализации права на жизнь, закрепленного в ч. 1 ст. 20 Конституции России, а также на охрану здоровья и медицинскую помощь, предусмотренную ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации.

* *Аксёнова Дарья Дмитриевна* – аспирантка кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета.

Стоит признать, что донорство необходимо рассматривать как форму реализации конституционного права человека на жизнь в целях обеспечения прав и законных интересов, как донора, так и пациента, нуждающегося в донорских органах и тканях.

Права донора в нашей стране защищены рядом конституционных норм, направленных на обеспечение защиты, как физической, так и нравственной неприкосновенности донора (ст. 20, 21, 22, 23, 41 Конституции Российской Федерации), в том числе Конституция России содержит ряд принципов, ограничивающих право донора на распоряжение своими органами и тканями в интересах самого донора, его прав и свобод (ст. 2, 21, 55 Конституции России) и в интересах жизни и здоровья реципиента.

Проблема трансплантологии осложнена тем, что донорство, как явление, содержит немало правовых и этических проблем, имеющих отношение к человеческому организму. Безусловно, встаёт вопрос о пределах реализации права человека распоряжаться собственным организмом и его частями. Таковые не могут и не должны быть объектами купли-продажи. Согласно международно-правовой доктрине, коммерческие сделки с объектами трансплантации запрещены под угрозой уголовного наказания.² Еще в октябре 1987 г. на XXXIX сессии Всемирной медицинской ассамблее была принята «Декларация по трансплантации человеческих органов», в которой коммерческое донорство было подвергнуто осуждению. В 1991 г. на своей 44 сессии Всемирная организация здравоохранения Резолюцией WHA 44.25 приняла Свод основополагающих принципов (их 11) по вопросам трансплантологии. Согласно основным положениям свода, «тело человека и его части не могут быть объектом купли-продажи»³.

Схожие позиции отражены в «Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины», принятой в Овьедо, Испании, 4 апреля 1997 г.⁴ Данная Конвенция является первым юридически обязывающим международным документом, призванным защитить человеческое достоинство, права и свободы посредством ряда принципов и запретов на неправомерное использование биологических и медицинских достижений. Основной идеей Конвенции является то, что интересы человека должны стоять выше интересов науки или общества.

В России существует модель презумпции согласия на изъятие органов человека после его смерти.

Под моментом смерти человека принято считать смерть мозга. Согласно Приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации № 73 от 4 марта 2003 г., «смерть мозга проявляется развитием необратимых изменений в головном мозге, а в других органах и тканях частично или полностью»⁵. Смерть мозга определяется в том числе с помощью исследования электрической активности мозга, электроэнцефалографии. Диагноз «смерть мозга» должен быть очень строгим, поскольку речь идёт непосредственно о праве на жизнь. Установление диагноза «смерть мозга» должно происходить при соблюдении ряда этических принципов:

- определение «смерть мозга» должно быть дано на основе одинакового подхода;

- должен быть принцип коллегиальности, то есть обязательное участие нескольких врачей в диагностике смерти мозга. Минимально допустимое количество врачей – три специалиста. Меньшее число не обладает полномочиями констатировать смерть мозга, что значительно снижает риск ошибки или злоупотреблений;

– должен соблюдаться принцип организационной и финансовой независимости медицинских бригад, их должно быть три, первая – только констатирует смерть мозга, вторая – проводит забор органов, третья бригада трансплантологов, собственно, и осуществляет пересадку органов реципиенту. Финансирование этих бригад должно быть строго раздельным. Нельзя допустить, чтобы поощрение трансплантологов (и иных специалистов) зависело от количества пациентов с диагнозом «смерть мозга». Это юридически закреплённый принцип. Так, ст. 9 Федерального закона о трансплантации говорится, что трансплантологам и членам бригад, обеспечивающим работу донорской службы, участвовать в диагностике смерти мозга запрещено⁶.

Для некоторых людей посмертное изъятие органов и тканей неприемлемо, в частности, из-за религиозных и этических взглядов. Вопрос изъятия органов и тканей у донора и дальнейшая их трансплантация реципиенту неоднократно становился предметом рассмотрения спора в судах общей юрисдикции в России, Конституционном суде Российской Федерации (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 224-О), также особая практика по данному вопросу сложилась у Европейского суда по правам человека (дело Петрова против Латвийской Республики «Case Petrova vs Latvia»).

Российское законодательство становится на сторону врачей и основано на презумпции согласия на изъятие органов человека после его смерти. Конституционный Суд Российской Федерации отказал в своем определении принять к рассмотрению жалобу группы граждан в лице Т. М. Бирюковой, Е. В. Саблиной, Н. С. Саблиной в нарушении их конституционных прав ст. 8 Федерального за-

кона «О трансплантации органов и (или) тканей человека»⁷. Законодательство Европейского Союза в большей мере нацелено на поддержку интересов родственников умершего реципиента. В Европейском Союзе параллельно существует несколько вариантов получения согласия на донорство, созданы специальные реестры, в которых ведется учет давших такое согласие граждан, в то время как в России такие реестры отсутствуют⁸.

Считаем этот европейский опыт полезным для России, где существующее положение дел в этой сфере открывает широкую дорогу возможным злоупотреблениям. Именно поэтому в Государственную Думу внесен законопроект № 1148614-7 о поправках в закон Российской Федерации «О трансплантации органов и тканей человека», в котором предлагается установить формальный порядок прижизненного согласия или отказа человека от изъятия органов, в виде специального заявления, но на сегодняшний день данный законопроект не принят.

© Аксенова Д. Д., 2023

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² *Попова Т. В., Сергеев А. Б.* Преступная деятельность при оказании медицинской помощи по профилю хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека): правовой и виктимологический аспект // *Медицинское право.* 2018. Т. 6. № 2. С. 361.

³ Проект Резолюции «Трансплантации человеческих органов» от 21 января 1991 года // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. – EB 87/Conf.Paper№8.: Сессия 87. Предварительная повестка дня Исполнительного Комитета. П. 6 (дата обращения 14.02.2023).

⁴ Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 года в Овьедо (Испания) (в ред. 4 апреля 1997 года) //

Московский журнал международного права. 1999. № 35. С. 300–309.

⁵ Приказ Минздрава Российской Федерации от 4 марта 2003 года №73 «Об утверждении инструкции по определению критериев и порядка определения смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий» // Российская газета. 2003. 15 апреля.

⁶ Федеральный закон от 20 июня 2000 года № 91-ФЗ «О внесении дополнений в Закон Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека"» // СЗ РФ. 2000. № 26. Ст. 2738.

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 года №224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Т. М., Саблиной Е. В., Саблиной Н. С. на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека"» – <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision225217.pdf> (дата обращения 14.02.2023).

⁸ *Нестерова Е. М.* Особенности правового регулирования посмертного донорства в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3 № 9. С. 17.

С. Л. Кабулов*

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА В НАУКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Несмотря на то, что институт президентства имеет уже достаточно длительную историю в Российской Федерации, до сих пор существуют проблемы, связанные с доктринальным пониманием конституционно-правового статуса Президента России.

В науке конституционного права выдвигаются различные предложения относительно состава конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации. Как подчеркивает М. Н. Марченко, «спектр проблем, касающихся правового статуса президента, весьма широк и разнообразен. Он затрагивает практически все стороны и аспекты института президентства в стране: саму его суть, назначение, место и роль в системе других государственных органов; предпосылки и необходимость его установления; правовые полномочия и функции президента; общие и специальные требования, предъявляемые к кандидатам на пост президента; общественно-политический статус; границы президентской власти, механизм ее осуществления и др.»¹.

Существуют различные подходы к пониманию категории «статус»: в виде основных обязанностей и прав, которые неотделимы от конкретного субъекта; установленного правовыми нормами положения субъектов; всей си-

* Кабулов Сослан Львович – аспирант кафедры конституционного права Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ).

стемы прав и обязанностей; комплекса присущих субъектам прав общего характера, которые определяют правоспособность. Соответственно, основания для дифференциации правового положения и правового статуса практически отсутствуют.

Дискуссионной в науке конституционного права является проблема роли и места Президента Российской Федерации в системе высших органов государственной власти. По мнению Е. И. Козловой и О. Е. Кутафина, Президент не входит непосредственно ни в одну из трех ветвей власти². Другие авторы называют Президента четвертой – президентской – ветвью власти³. Убедительные аргументы в пользу отнесения Президента Российской Федерации к исполнительной власти приводили А. А. Безуглов и С. А. Солдатов⁴. Последняя концепция, высказанная еще в 2000 г., получила закрепление в ст. 110 Конституции Российской Федерации в редакции 2020 г.⁵, которая гласит «Исполнительная власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации».

Заслуживает внимания мнение ученых о необходимости дифференцировать конституционно-правовое положение, предусмотренное нормативно, и статус, являющийся фактическим, в виде занимаемого субъектом конституционно-правовых отношений реального положения. Фактический статус определяется реализацией конституционно-правовых норм в конкретном политическом и социальном контексте⁶.

Следует отметить необходимость выделения в составе конституционно-правового статуса Президента нормативную и фактическую составляющие. Подобный подход позволяет оценить публично-правовую сущность конституционной фигуры Президента, выявить влияние Прези-

дента на государственные органы и гражданское общество.

Значительное внимание в науке конституционного права уделяется проблемам взаимодействия Президента Российской Федерации с Федеральным Собранием Российской Федерации⁷, Правительством Российской Федерации⁸, судебными органами государственной власти⁹, органами местного самоуправления¹⁰.

В доктрине совокупность относящихся к феномену президентства отношений характеризуется с использованием различных понятий – «президентура», «президентство», «президентская форма правления», «президенциализм», «институт президентства».

Интегрирующим понятием является такая предельно широкая категория, как «президентство». Ее составляющие представлены особенностями института президентства в определенном государстве; правилами формального и неформального характера; политикой, которую проводит определенное лицо, находящееся на должности президента; формой правления.

Понятия «президентство» и «президентура» могут использоваться, по мнению В. Е. Чиркина, лишь в отношении структурных и коллегиальных форм. В свою очередь, понятие «президент» может употребляться лишь применительно к существующему в государстве с республиканской формой правления главе государства, являющемуся единоличным¹¹.

Основная проблема состоит, по нашему мнению, в том, что имеющиеся трактовки являются дуалистичными. Ряд исследователей исходит из того, что институт президентства охватывает всю систему связанных напрямую или косвенно связанных с президентской властью организационных структур и практик. По мнению других, ука-

занный институт представлен системой правил, определяющих деятельность главы государства, являющихся устойчивыми.

Обоснованность каждого из данных подходов применительно к проведению прикладных исследований не вызывает сомнений. При этом, синтезируя данные подходы, можно сделать вывод, что анализируемый институт включает обеспечивающие осуществляемую высшим должностным лицом деятельность структурные подразделения; объем полномочий, который обуславливается конкуренцией сил, действующих в политической сфере; феномены и процессы, которые возникают при осуществлении президентских функций.

Таким образом, как представляется, в сопоставлении с конституционно-правовым положением Президента Российской Федерации понятие «институт президентства» является более широким. В соответствии с вышеизложенным видится необходимым понимать указанный институт в виде конституционно-правового института, являющегося комплексным, включающего как нормативную составляющую, так и фактическое осуществление власти Президента в рамках системы публичной власти.

© Кабулов С. А., 2023

¹ *Марченко М. Н.* Политико-правовой статус института президента (исторический аспект) // Вестник Московского университета. 1992. № 2. С. 3.

² *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России. М., 2006. С. 378.

³ *Колушин Е. И.* Конституционное (государственное) право России. М., 1990. С. 219.

⁴ *Безуглов А. А., Солдатов С. А.* Конституционное право России. М., 2003. С. 467–470.

⁵ *Кондрашев А. А.* Доктринальное осмысление места главы государства в различных республиканских формах правления // Российский юридический журнал. 2020. № 4(133) С. 9–20;

Нудненко Л. А. Конституционное право России: Учебник. М., 2023. С. 450.

⁶ *Основы органов государственной власти России: Учебное пособие.* М., 2017. С. 154.

⁷ *Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В. В. Лазарев.* М., 2009. С. 510–518; *Нудненко Л. А.* Комментарий к Федеральному закону «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (постатейный комментарий). М., 2012; *Парламентское право / Под ред. Т. В. Хабриевой.* М., 2013; *Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А.* Конституционные основы парламентского контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации // *Юридический вестник Самарского университета.* 2018. № 4. С. 30–35.

⁸ *Нудненко Л. А.* Система исполнительной власти в Российской Федерации: проблемы правовой регламентации. М., 2017; *Болдырев О. Ю.* Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Часть 2. Поправки к Конституции: нерешенные и новые проблемы и вектор дальнейшего реформирования // *Конституционное и муниципальное право.* 2020. № 12. С. 3–8; *Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А.* Тенденции и правовая регламентация взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право.* 2020. № 10. С. 37–40.

⁹ *Кондрашев А. А.* Конституционные поправки – 2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустранимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России // *Конституционное и муниципальное право.* 2021. № 3. С. 18–29; *Нудненко Л. А.* Новеллы Конституции России о статусе Конституционного Суда Российской Федерации // *Гражданское общество в России и за рубежом.* 2021. № 2. С. 28–32.

¹⁰ *Нудненко Л. А.* Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия. М., 2021; *Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А.* Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в

системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 62–67; Осавелюк А. М., Будаев А. М., Заикин С. С., Кабышев С. В. Глава государства. М., 2023.

¹¹ Чиркин В. Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. М., 2018. С. 111.

Е. Е. Новопавловская*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНЗ СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Требования к кандидатам на должность судьи в Российской Федерации зафиксированы сразу в нескольких нормативных правовых актах¹, в том числе профильных, касающихся регламентации правового статуса отдельных видов судов российской судебной системы². К числу таких требований среди прочего относится образовательный ценз. Так, судьей Конституционного Суда Российской Федерации может стать гражданин Российской Федерации с безупречной репутацией, высшим юридическим образованием, стажем работы по юридической профессии не менее 15 лет, который обладает признанной высокой квалификацией в области права³. Оценивая конституционность отдельных законоположений о статусе судей в Российской Федерации и требованиях, предъявляемых к ним, КС РФ не раз в своих решениях подчеркивал, что особенности судебной деятельности в обязательном порядке предполагают наличие высокого профессионального уровня и высоких морально-этических качеств представителей судейского корпуса (Постановление КС РФ от 19 февраля 2018 г. № 9-П⁴, Определение КС РФ от

* *Новопавловская Елена Евгеньевна* – исполняющий обязанности заведующего кафедрой экономики, управления и социологии; доцент кафедры конституционного, финансового и гражданского права Самарского филиала Московского городского педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент.

18 июля 2006 г. № 310-О⁵). По справедливому замечанию КС РФ, этим обусловлено закрепление на законодательном уровне особых квалификационных и иных требований к кандидатам на должность судьи, а также порядка назначения, пребывания в должности и прекращения судейских полномочий (Постановления КС РФ от 20 июля 2011 г. № 19-П⁶, от 28 февраля 2008 г. № 3-П⁷).

Признаем, что не во всех странах к кандидатам на должность судьи органа судебного конституционного нормоконтроля предъявляются подобные требования к образованию и стажу работы по специальности. Например, в Австрии в отношении членов Конституционного Суда установлен более низкий временной порог стажа работы по профессии, составляющий не менее 10 лет.

В ряде стран законодатель идет по пути уточнения содержания терминов «стаж» или «опыт» работы по специальности. Наглядным примером тому выступает законодательство Испании, где судьей Конституционного Суда может стать гражданин Испании, который получил юридическое образование, имеет опыт работы в должности судьи, прокурора, преподавателя высшего учебного заведения, государственного служащего, а также юрист, имеющий признанный авторитет и стаж юридической практики не менее 15 лет. При этом, даже после занятия должности судьи лицо вправе совмещать свои судейские полномочия с иными видами деятельности по юридической специальности, например, осуществляя преподавательскую, научную и иную творческую деятельность. В разные годы многие судьи КС РФ успешно совмещали свои судейские полномочия с преподавательской и научной деятельностью. Так, председатель КС РФ В. Д. Зорькин имеет ученую степень доктора юридических наук, звание профессора, является почетным докто-

ром Санкт-Петербургского государственного университета, лекции которого можно послушать не только в аудиториях образовательной организации, но и ознакомиться с ними в онлайн формате⁸.

В. Д. Зорькин и судьи КС РФ регулярно принимают участия в научно-практических конференциях и иных мероприятиях различного уровня, выступая, как в качестве докладчиков, так и модераторов мероприятия. Вот лишь некоторые наглядные примеры последних месяцев. В период с 29 ноября по 1 декабря 2022 г. судьи КС РФ приняли участие в X Всероссийском съезде судей, собравшем более 800 избранных делегатов от Российской Федерации и представителей 14 иностранных государств, включая делегатов из Армении, Белоруссии, Индии, Ирана, Казахстана, Киргизии, Кубы и др. На съезде обсуждались различные вопросы, в том числе отдельные направления совершенствования и развития судебной системы⁹. 29 июня 2022 г. судьи КС РФ приняли участие в Петербургском международном юридическом форуме, где В. Д. Зорькин представил доклад о рисках в праве в условиях глобального кризиса¹⁰.

Следует вспомнить и о ежегодно проводимых мероприятиях с участием судей КС РФ. Примером тому являются сенатские чтения, представляющие собой проводимые с 2009 г. публичные дискуссии по актуальным проблемам современной российской науки и практики при участии ведущих представителей российского и зарубежного научного сообщества, судов и иных властных структур государства, независимых экспертов в области права и экономики. Материалы сенатских чтений размещаются на официальном сайте КС РФ¹¹.

Более того, судьи КС РФ являются авторами внушительного числа научных трудов. Например, за последние

несколько лет В. Д. Зорькиным опубликовано ряд монографий по актуальным проблемам российского права¹² и, судя по его профилю в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, его научные исследования не только активно читаются, но и цитируются представителями юридического сообщества. В частности, в названной базе труды В. Д. Зорькина процитированы более 7550 раз, а его индекс Хирша составляет 26¹³. Для лиц, сведущих в данной сфере, приведенные показатели говорят сами за себя и не требуют каких-либо дополнительных комментариев.

Акцентируем внимание на то обстоятельство, что перечисленные выше преподавательская, научная и иная творческая деятельность может осуществляться судьей КС РФ только при соблюдении важнейшего условия. В частности, занятие таковыми не должно препятствовать реализации судебных полномочий и не может служить уважительной причиной отсутствия на заседании, если на это не дано согласия КС РФ, что прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 11 ФКЗ № 1.

Учитывая сложность и значимость нормоконтрольной деятельности весьма логично, что требования к образованию и уровню квалификации предъявляются не только на этапе назначения судьи КС РФ. Согласно ч. 4 ст. 11 Кодекса судейской этики на судей, в том числе КС РФ, возложена обязанность постоянно поддерживать высокий уровень квалификации, расширять профессиональные знания, совершенствовать практический опыт и личные качества, необходимые для надлежащего исполнения судебных обязанностей¹⁴.

В целях поддержания высокого уровня своей квалификации и расширения профессиональных знаний судья обязан не только использовать различные возможности самостоятельного обучения и самосовершенствования, но

и систематически проходить переподготовку в государственной системе повышения квалификации. Еще в 2018 г. было утверждено Положение, регламентирующее различные аспекты профессиональной переподготовки, повышения квалификации, в том числе в форме стажировки судей федеральных судов¹⁵. При этом, как следует из п. 2 ст. 20.1 Закона № 3132-1 повышение квалификации судей федеральных судов осуществляется по мере необходимости, но не реже одного раза в три года. Оно проводится в образовательных организациях высшего образования и организациях дополнительного профессионального образования, которые правомочны осуществлять дополнительное профессиональное образование судей. Например, подобную деятельность осуществляет ФГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», в структуре которого имеется отдельный факультет повышения квалификации и переподготовки судей¹⁶.

Полагаем, что в современных реалиях на повестке дня особо остро стоит вопрос о высокой квалификации представителей всего судейского сообщества, поскольку, как верно отметил В. Д. Зорькин, сегодня ведется информационная война по внедрению в общественное сознание недоверия ко всем государственным институтам, в том числе к судебной власти¹⁷. Только высокий уровень профессионализма, постоянное повышение своей квалификации, совершенствование практического опыта приведут к надлежащему исполнению судейских обязанностей, вынесению законных и обоснованных решений, что всецело согласуется с устоями правового государства.

© Новопавловская Е. Е., 2023

¹ Например, см.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2022 года) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание

законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1997. № 1. Ст. 1; 2022. № 16. Ч. I. Ст. 2592; Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 (ред. от 19 декабря 2022 года) «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон № 3132-1) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792; Российская газета. 2022. 22 декабря.

² Например, см.: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ (ред. от 1 июля 2021 года) «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ № 1) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2021. № 27. Ч. I. Ст. 5045.

³ Обратим внимание читателей, что законодательство предусматривает и иные цензовые требования к кандидатам в судьи КС РФ, но они не составляют предмет настоящего исследования.

⁴ СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1436.

⁵ СПС «Консультант Плюс».

⁶ СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4809.

⁷ СЗ РФ. 2008. № 10. Ч. 2. Ст. 976.

⁸ Например, *Зорькин В. Д.* Справедливость – императив цивилизации права; Право силы и сила права» // <https://legalacademy.ru/speaker/10361> (дата обращения: 15.01.2023).

⁹ X Всероссийский съезд судей. – <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3716> (дата обращения: 17.01.2023).

¹⁰ *Зорькин В. Д.* Право России: альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности. – <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=92> (дата обращения: 17.01.2023).

¹¹ Сенатские чтения. – <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/default.aspx> (дата обращения: 17.01.2023).

¹² Например, см.: *Зорькин В. Д.* 1) *Legal Path of Russia*: монография. М., 2019; 2) *Конституционный Суд России: доктрина и практика*. М., 2019; 3) *Civilization of Law and Development of Russia*. М., 2019; 4) *Право против хаоса*. М., 2023.

¹³ <https://www.elibrary.ru/authors.asp> (дата обращения: 17.01.2023).

¹⁴ Кодекс судейской этики (утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года) (ред. от 1 декабря 2022 года) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

¹⁵ Положение о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов (утверждено Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года) (ред. от 22 июля 2020 года) // СПС «КонсультантПлюс». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406366/ (дата обращения: 17.01.2023).

¹⁶ Российский государственный университет правосудия: официальный сайт. – <https://rgur.ru/?mod=pages&id=3> (дата обращения: 17.01.2023).

¹⁷ Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени. – <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=93> (дата обращения: 16.01.2023).

А. В. Санакоев*

ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА ДЕПУТАТА ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В НАУКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

В науке конституционного права, достаточно большое внимание уделяется исследованию статуса депутата. Этим проблемам посвящены работы многих ученых¹. Предпосылкой получения депутатского мандата являются демократические выборы, характер правовой регламентации которых широко обсуждается в юридической литературе².

Дискуссионным является вопрос о структуре депутатского мандата. Так, Н. В. Витрук к элементам конституционно правового статуса депутата относит права и обязанности депутата; его законные интересы³ А. А. Безуглов, выделяет пять элементов конституционно правового статуса депутата: политико-правовую природу депутатского мандата; основания возникновения и сроки действия депутатского мандата; полномочия депутата; гарантии осуществления депутатских полномочий; отчетность, ответственность и поощрение депутатов.⁴

А. В. Зиновьев, полагает, что в систему конституционного правового статуса депутата входят: императивность депутатского статуса; основания возникновения и срок действия депутатского мандата; функции и полномочия парламента; гарантии депутатской деятельности.⁵

По мнению А. А. Стремоухова элементами конститу-

* Санакоев Алан Витальевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета (Владикавказ).

ционно-правового статуса депутата являются возникновение и срок действия депутатского мандата; функции и полномочия членов парламента; гарантии депутатской деятельности.⁶

Безусловно, все выделяемые учеными элементы относятся к системе правового статуса депутата, однако, по нашему мнению, среди перечисленных элементов можно выделить основные: политико-правовую природу депутатского мандата, права и обязанности депутата, ответственность депутата и гарантии депутатской деятельности, в состав которых войдут остальные элементы.

Так, законные интересы, выделяемые Н. В. Витруком в качестве отдельного элемента можно рассматривать в контексте гарантий депутатской деятельности, а императивность депутатского статуса с основаниями возникновения и сроком действия депутатского мандата возможно рассмотреть, раскрывая суть политико-правовой природы депутатского мандата.

Длительное время в науке конституционного права является дискуссионным характер депутатского мандата. Некоторые авторы отождествляют правовой статус депутата с правовой природой депутатского мандата⁷, другие (в большинстве случаев) считают правовую природу депутатского мандата элементом правового статуса депутата.⁸

Однако, есть еще третья точка зрения, где понятие «мандат депутата» рассматривают в качестве другого правового явления, которое отличается от понятия «правовой статус». Так, среди приверженцев этой версии можно выделить А. Т. Карасева, который по итогам своего исследования определил депутатский мандат как более устойчивое политико-правовое образование, нежели права, обязанности, иные элементы конституционно-правового статуса депутата, которые могут меняться при

принципиальном сохранении имеющегося депутатского мандата (свободного, императивного, смешанного).⁹

В последние десятилетия в отечественном конституционном праве дискутируются три вида мандатов: императивный, свободный и полусвободный. Каждый вид мандата имеет особую модель взаимоотношений депутата с избирателями. Идею полусвободного мандата в юридической литературе впервые предложила Л. А. Нудненко¹⁰.

В науке конституционного права наблюдаются различные точки зрения относительно какой депутатский мандат наиболее подходит для российского общества. И. П. Окулич выдвинул тезис о необходимости обеспечения «реальной независимости и свободы деятельности депутатского корпуса»¹¹. Т. А. Ефимов, напротив, считает, что в правовую систему современной России необходимо вернуть отчеты, наказания и отзывы при императивном мандате и мажоритарной избирательной системе¹². Представляется, что закрепление в Конституции страны нормы о характере депутатского мандата, было бы положительным шагом в урегулировании указанных разночтений.

Важной формой деятельности депутата является контроль за выполнением решений представительного органа публичной власти. Этой проблеме посвящены ряд работ российских ученых¹³.

Специфика правового статуса депутата представительного органа муниципального образования проанализирована в работах Л. А. Нудненко¹⁴.

Правильно замечает О. О. Миронов – «В Конституции страны должны быть закреплены отправные начала избирательного процесса, механизм получения от избирателей права на осуществление законодательной власти. Конституция призвана отразить характер депутатского мандата (свободный, императивный, с элементами того и другого),

¹ *Нудненко Л. А.* Комментарий к Федеральному закону «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (постатейный комментарий). М., 2012; *Парламентское право* / Под ред. Т. В. Хабриевой. М., 2013; *Бошно В.* Статус члена Совета Федерации: историческая преемственность и современность // *Право и современные государства*. 2015. № 3. С. 5–13; *Черепанов В. А.* Свободный депутатский мандат: за и против // *Журнал российского права*. 2015. № 6. С. 15–26; *Бошно С. В.* Неприкосновенность парламентариев: современная практика и дискуссия // *Право и современные государства*. 2015. № 4. С. 7–10; *Нудненко Л. А.* Разделение властей и замещение вакантного депутатского мандата // *Журнал конституционного правосудия*. 2017. № 1. С. 19–23; *Князев С. Д.* Электронное голосование на российских выборах: в поисках юридической парадигмы // *Академический юридический журнал*. 2017. № 2. С. 52–55; *Нудненко Л. А.* К вопросу о балансе публичных и частных интересов в правовом регулировании встреч депутатов с избирателями // *Государство и право*. 2019. № 4. С. 85–91; *Авакьян С. А.* Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022; и др.

² *Нудненко Л. А.* Принцип свободных выборов в реализации пассивного избирательного права в России // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2013. № 11. С. 27–31; *Князев С. Д.* Досрочное голосование на российских выборах: за или против // *Журнал конституционного правосудия*. 2014. № 5. С. 24–31; *Нудненко Л. А.* Проблема люстрации в решениях Европейского Суда по правам человека // *Конституционное и муниципальное право*. 2014. № 11. С. 37–42; *Нудненко Л. А.* Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. М., 2016; *Нудненко Л. А.* Праймериз в России: партийная технология или институт реальной внутрипартийной конкуренции? // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 9. С. 51–55; *Колюшин Е. И.* Актуальные проблемы избирательного права России. М., 2019;

Избирательное право Российской Федерации и зарубежных стран: Учебник / Под ред. И. А. Алексеева, Л. А. Тхабисимовой. М., 2019; Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А., Цанко М. И. Тенденции правового регулирования муниципальной демократии в Российской Федерации. М., 2020; Колюшин Е. И. Инновационные технологии избирательного процесса в свете верховенства закона // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3. С. 124–150; Нудненко Л. А. Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия. М., 2021; и др.

³ *Витрук Н. В. Структура правового статуса депутата: Вопросы теории // Закон о статусе депутатов на практике: Материалы научно практической конференции. Ярославль, 1976. С. 21.*

⁴ *Безуглов А. А. Теоретические проблемы правового статуса советского депутата: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1971. С. 7.*

⁵ *Зиновьев А. В. Статус народного депутата в СССР. Л., 1987. С. 51.*

⁶ *Стрелмоухов А. А. Конституционно-правовой статус депутата Государственной Думы: понятие и структура // Актуальные проблемы юридической науки: Материалы Международной научной конференции / Министерство образования и науки Российской Федерации. Новосибирск, 2015. С. 164.*

⁷ *Комаров С. А. Общая теория государства и права: Учебник для вузов. М., 1998. С. 68.*

⁸ *Нудненко Л. А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации. СПб., 2004. С. 37, Варлен М. В. Статус парламентария: теоретические проблемы. М., 2011. С. 52.*

⁹ *Карасев А. Т. Депутатский мандат и конституционно-правовой статус депутата: некоторые вопросы содержания и соотношения в свете Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 34-П // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 69–70.*

¹⁰ *Нудненко Л. А. Теория демократии. М., 2001. С. 85–87*

¹¹ *Окулич И. П. Депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Правовой статус. Природа мандата. Проблемы*

ответственности: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 9.

¹² *Ефимов Т. А.* Статус депутата представительного органа местного самоуправления: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10.

¹³ *Нудненко Л. А.* 1) К истории разработки и принятия Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации // Государство и право. 2008. № 8. С. 5–13; 2) Практика реализации парламентских и депутатских запросов в Федеральном Собрании Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2(86). С. 89–95; 3) Проблемы правового регулирования парламентского запроса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 59–54; и др.

¹⁴ *Нудненко Л. А.* 1) Тенденции правового регулирования досрочного отзыва избирателями выборного представителя местного сообщества // Административное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 25–35; 2) Проблемы правового регулирования отчетов выборных представителей местного сообщества перед избирателями // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 58–62; 3) Некоторые тенденции правового регулирования наказов избирателей в системе местного самоуправления // Государство и право. 2018. № 10. С. 86–94; 4) Правовая основа статуса депутата представительного органа муниципального образования // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 46–51.

¹⁵ *Мионов О. О.* Конституционный статус депутатов парламентов // Журнал российского права. 1997. № 4. С. 138.

З. Р. Абаева*

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ДЕПУТАТСКИХ ЗАПРОСОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Глубокое изучение правовой регламентации депутатского запроса в законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации возможно посредством сравнения с таковым на федеральном уровне, для которого характерно выделение двух видов запроса: парламентского и депутатского. Парламентский запрос представляет собой форму контроля, инициируемую депутатами для получения информации о деятельности должностных лиц и обстоятельствах имеющих общественно важное значение. Парламентский запрос должен быть одобрен соответствующей палатой Федерального Собрания Российской Федерации. Таким образом, парламентский запрос имеет коллегиальный характер. Депутатский запрос – это реализация того же права только в индивидуальном порядке¹.

В реализации парламентских запросов существуют проблемы². Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко выразила обеспокоенность недобросовестным отношением или полным игнорированием запросов парламентариев со стороны некоторых представителей исполни-

* Абаева Зарина Руслановна – аспирантка кафедры конституционного права Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ).

тельной власти и выразила намерение привлекать чиновников к ответственности за невыполнение своих обязанностей. Спикер Совета Федерации в своём выступлении упомянула возможность наложения санкций за непредоставление информации по запросу. Однако до реальных действий дело так и не дошло. Так, например, заместитель руководителя фракции ЛДПР Я. Нилов, согласившись с наличием проблемы, уточнил, что «банальные отписки на запросы унижают статус депутата». А. Куринный (КПРФ) подчеркнул, что нарушения особенно часто происходят в отношении депутатов, представляющих парламентскую оппозицию³. Следует упомянуть, что данная проблема продолжает регулярно проявляться и на региональном уровне.

Другим недостатком в реализации парламентских запросов является отсутствие открытой информации о парламентских запросах. Информации о депутатских запросах, в принципе, нет. На сайте Государственной Думы последний парламентский запрос датируется ноябрем 2019 г., а всего за данный год их было отправлено четыре. Отсутствие подробной информации о парламентских запросах, невозможность осуществления гражданского контроля делают данный институт парламентского контроля абсолютно неэффективным. Относительно депутатских запросов нельзя не согласиться с утверждением Л. А. Нудненко о том, что публичными становятся запросы, используемые депутатами в пиар-компаниях, а теневой характер данного института даёт возможность использовать его в лоббистских целях⁴.

Безусловно, тут прослеживается явная необходимость в открытом характере данного института, в контроле со стороны общества, с помощью которого можно было бы решить сразу несколько проблем. С одной стороны, это

способствовало бы к более активному и добросовестному использованию данного права парламентариями, а с другой – побуждало бы к более ответственному подходу должностных лиц при ответе. Более того, это бы осложнило возможность игнорирования должностными лицами получаемых запросов.

Если на федеральном уровне идёт четкое разграничение парламентского и депутатского запроса, то на региональном уровне ситуация немного иная. Различия существуют и в регулировании. В некоторых регионах отсутствует понятие «парламентский запрос» и его регулирование. Были приняты отдельные специализированные акты, регулирующие депутатский запрос. Так, Закон Санкт-Петербурга от 27 сентября 2013 г. № 99-19 «О порядке внесения и рассмотрения депутатских запросов» определяет депутатский запрос как особую форму обращения депутата (группы депутатов) в адрес губернатора Санкт-Петербурга по вопросам, входящим в компетенцию исполнительного органа государственной власти. После чего Законодательное Собрание Санкт-Петербурга принимает решение о признании данного обращения депутатским запросом. То есть не каждое обращение становится запросом, а лишь то, которое было ранее отправлено в адрес вице-губернатора, а ответ на данное обращение было признано автором (либо авторами) неудовлетворительным.

Мы видим систему, которая достаточно часто используется на региональном уровне, когда депутатский запрос ввиду своей коллегиальности по своей сути является парламентским. Однако институт парламентского запроса в Законе не упоминается. Данный закон даёт возможность применения дисциплинарной ответственности, в случае, если ответ должностного лица трижды за год было при-

знан неудовлетворительным. На официальном сайте Законодательного собрания Санкт-Петербурга есть данные о количестве запросов каждого депутата, а сами тексты запросов размещаются уже после получения ответов губернатора. Наличие законодательного закрепления ответственности, также как и более публичный характер освещения деятельности парламентариев, несомненно, способствует эффективной работе в сфере контроля.

Закон Карачаево-Черкесской Республики от 19 декабря 2005 г. № 102-ФЗ «О депутатских и парламентских запросах» предусматривает административную ответственность за предоставление заведомо ложной информации либо несоблюдения сроков ответа на запрос. Сроки ответов на запросы были уменьшены до 10 рабочих суток, что выглядит вполне логичным и позволяет получать запрашиваемую информацию более оперативно.

В Республике Северная Осетия – Алания институт депутатских и парламентских запросов дублирует федеральное законодательство. Депутатский запрос регулируется, главным образом, в Законе от 14 июля 2008 г. № 34-РЗ «О статусе депутата Парламента Республики Северная Осетия – Алания». Согласно ст. 14 депутатский запрос – это обращение депутата, группы депутатов в государственные органы, органы местного самоуправления, предприятия, учреждения, организации и к должностным лицам по вопросам, входящим в их компетенцию. Депутат Парламента не ограничен в количестве запросов, не требуется их оглашение на заседаниях Парламента. Нет никакой возможности отследить эффективность и целесообразность отправляемых запросов, а также ответов на них.

Парламентский запрос регулируется Регламентом Парламента. Парламент принимает постановление боль-

шинством голосов, а письменные ответы на них оглашаются на заседании. Несмотря на то, что Регламент даёт право опубликовывать все стадии парламентского запроса, начиная от самого запроса заканчивая постановлением, принятым по результатам обсуждения ответа на него, информации в открытом доступе нет. Официальный сайт Парламента не содержит никакой конкретной информации ни о депутатских запросах, ни о парламентских. Закон Республики Северная Осетия – Алания от 8 апреля 2014 г. № 10-РЗ «О Парламентском контроле» копирует федеральную норму и даёт возможность парламентариям повторно отправлять запрос в случае признания ответа на него неудовлетворительным.

Анализируя законодательную базу, которая регулирует данный институт в Республике Северная Осетия – Алания и в ряде других субъектах Российской Федерации, а также отсутствие какой-либо информации об использовании данной формы контроля, видится необходимым внедрение специального учета, который следует возложить на аппарат Парламента. Обязанностью аппарата должно стать обобщение и систематизация практики отправляемых запросов, а также контроль за своевременным и качественным ответом на них. Полагаем, что эти данные необходимо доводить до общественности посредством опубликования на официальном сайте Парламента Республики Северная Осетия – Алания.

Представляется положительным пример отдельных субъектов Российской Федерации, которые законодательно закрепили ответственность за недобросовестное отношение должностных лиц к запросам парламентариев. Наличие негативных последствий придаст данному институту большую значимость и будет способствовать достижению изначально поставленных целей. Реализация

вышеизложенных мер создаст благоприятную почву для эффективного использования данной формы парламентского контроля за деятельностью исполнительных органов государственной власти.

© Абаева З. Р., 2023

¹ Нудненко Л. А. Правовое регулирование депутатских запросов в законодательных органах государственной власти Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 2. С. 8.

² Нудненко Л. А. Проблемы правовой регламентации парламентского запроса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 50–54.

³ Дюрягина К. Банальные отписки унижают статус депутата. 19.09.2019. – <http://kommersant.ru> (дата обращения: 16.02.2023).

⁴ Нудненко Л. А. 1) Практика реализации парламентских и депутатских запросов в Федеральном Собрании Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2. С. 89–90; 2) Запрос депутата муниципального образования в сфере осуществления контроля за соблюдением прав и свобод личности // Представительная власть. XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 5-6(172-173). С. 25–29.

А. П. Ельчанинов*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСТРАДИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современный миропорядок во многом характеризуется глобальными процессами, которые затрагивают все сферы общественной жизни. Это справедливо и в отношении такого негативного социального явления как преступность, которая в XXI в. приобретает глобальный характер, когда действия преступников или преступных групп не ограничиваются территорией отдельного государства, а затрагивают законные интересы граждан различных стран. В связи с этим особую актуальность приобретает международное сотрудничество по противодействию преступности, которое раскрывается, прежде всего, в рамках правовой помощи по уголовным делам. Одним из весьма важных направлений международного сотрудничества в правоохранительной сфере является развитие сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в такой специфической сфере, как выдача для уголовного преследования или исполнения приговора: в Российскую Федерацию – лиц, находящихся на территории иностранного государства; другому госу-

* *Ельчанинов Андрей Петрович* – начальник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Научно-исследовательского института ФСИН России (Москва), кандидат юридических наук.

дарству – лиц, находящихся на ее территории и не являющихся ее гражданами (иностранными гражданами или лицами без гражданства), обвиняемых в совершении преступления запрашивающим государством либо осужденных судом этого государства.

В соответствии с ч. 1 ст. 61 Конституции граждане Российской Федерации выдаче иностранному государству не подлежат¹. Однако, несмотря на то, что Россия достаточно давно является активным участником международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере², все же некоторые проблемы в решении вопросов по выдаче (экстрадиции) преступников существуют и в настоящее время. Необходимо отметить, что сложности в реализации процедур выдачи (экстрадиции) преступников, в первую очередь, связаны с тем, что правовое регулирование этих процедур находится на стыке национального и международного права. Помимо соответствующих норм российского законодательства должны быть учтены положения международных договоров и конвенций о выдаче преступников, заключенных, как в многостороннем формате, так и между Российской Федерацией и иностранным государством, из которого выдают преступника.

Определенной проблемой правового регулирования выдачи (экстрадиции) в Российской Федерации является отсутствие легального определения этих понятий. Следует отметить, что в юридическом обиходе закрепилось фактическое тождество понятий (терминов) «выдача» и «экстрадиция».

При этом, понятие «экстрадиция», не нашло широкого применения не только в законодательстве Российской Федерации (оно содержится всего лишь в одном федеральном законе, двух модельных законах Содружества независимых государств (СНГ), одном Указе Президента Рос-

сийской Федерации³ и нескольких ведомственных нормативных правовых актах), но и в международных правовых актах. Это понятие не имеет легального, законодательно закрепленного определения. Кроме того, отсутствует согласованная позиция ученых и практических работников относительно вопроса о его тождественности понятию «выдача». Вместе с тем, понятие «экстрадиция» широко используется в теории права, в диссертационных и иных научных исследованиях, в юридической литературе, его применение весьма распространено на практике. Одновременно отметим, что и понятие «выдача» также не имеет строго определенного, законодательно закрепленного определения.

Как правило, под выдачей (экстрадицией) лица понимается осуществляемая в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, международными договорами Российской Федерации либо на основе принципа взаимности деятельность соответствующих федеральных государственных органов, направленная на передачу Российской Федерации по ее запросу другим государством находящегося на его территории лица, обвиняемого Российской Федерацией в совершении преступления либо осужденного ее судом, для уголовного преследования или исполнения приговора в Российской Федерации.

Данное определение основано на положениях уголовно-процессуального закона и в полной мере согласуется с определением, которое было дано авторским коллективом ученых-юристов и практиков высшей квалификации (судей Верховного Суда Российской Федерации) при толковании ст. 13 УК РФ.

Субъектами института выдачи (экстрадиции) являются: иностранное государство (в лице соответствующих

уполномоченных органов), на территории которого находится подлежащее выдаче лицо; Российская Федерация в лице специально уполномоченного федерального государственного органа – Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее – Генпрокуратура России) и других федеральных органов государственной власти (судов общей юрисдикции, Следственного комитета Российской Федерации, ФСИН России, Министерства внутренних дел Российской Федерации, пограничных органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации), в той или иной степени задействованных в осуществлении процесса экстрадиции; лицо, подлежащее выдаче иностранным государством Российской Федерации.

Обратим внимание на то, что не только приведенное выше, но и многие другие определения понятия «выдача или экстрадиция» содержат термин (понятие) «передача». Однако данное понятие, используемое в качестве самостоятельного, следует отграничивать от понятия «выдача». Институт «передачи» применяется для других случаев. А именно, когда лицо, находящееся на территории иностранного государства, осуждается судом страны пребывания за преступление, совершенное им на территории этого государства или на территории любого другого государства, но против охраняемых уголовным законом этого государства интересов, к наказанию в виде лишения свободы (которое, как правило, начинает исполняться на территории государства, вынесшего обвинительный приговор). В этом случае под передачей осужденного понимается направление его на основании соответствующего запроса для отбывания наказания (оставшейся его части) в государство, гражданином которого он является.

При этом регулирование вопросов, связанных с выдачей и передачей лиц, различно: в первом случае это

гл. 54 УПК РФ «Выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора», во втором случае – гл. 55 УПК РФ «Передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является»⁴.

Кроме того, это различие зафиксировано и в перечне полномочий ФСИН России, к числу которых относится исполнение по существу разных международно-правовых обязательств Российской Федерации: по передаче осужденных в государства их гражданства и по экстрадиции⁵.

Рассматривая проблематику правового регулирования выдачи (экстрадиции) в Российской Федерации, необходимо отметить и пробелы в отечественном законодательстве. К ним, в частности можно отнести неурегулированность порядка зачета в срок лишения свободы времени содержания под стражей в иностранных государствах лиц, выданных в Российской Федерации для уголовного преследования или исполнения приговора.

Применительно к рассматриваемой проблеме в части, касающейся ФСИН России, процесс экстрадиции условно можно разбить на следующие составные части (этапы):

1 этап – с момента задержания (взятия под стражу) лица компетентными органами иностранного государства по запросу Генпрокуратуры России о его выдаче Российской Федерации для уголовного преследования или исполнения приговора и до момента передачи экстрадируемого лица уполномоченным представителям Российской Федерации (назначенному караулу ФСИН России). Периоды времени, в течение которых лицо по тем или иным причинам освобождалось из-под стражи, не учитываются и в продолжительность данного этапа не включаются. Информация о продолжительности времени содержания под стражей в государстве выдачи сообщается уполномочен-

ным представителям Российской Федерации;

2 этап – с момента передачи экстрадируемого лица представителями иностранного государства уполномоченным представителям Российской Федерации (назначенному караулу ФСИН России) на территории иностранного государства (в пограничном пункте аэропорта, железнодорожного вокзала или иного стационарного объекта транспортного сообщения государства выдачи) и до момента прибытия на территорию Российской Федерации (прилета в аэропорт назначения при следовании воздушным транспортом или пересечения государственной сухопутной границы Российской Федерации при следовании иными видами транспорта). Данный этап не является обязательным. Он характерен только для случаев, когда, во-первых, передача экстрадируемого лица осуществляется в пограничном пункте аэропорта или железнодорожного вокзала иностранного государства, и, во-вторых, когда осуществляется транзитная перевозка выданного лица по территории третьих стран железнодорожным или иным наземным транспортом;

3 этап – начинается либо с момента передачи экстрадируемого лица уполномоченным представителям РФ (назначенному караулу) на пограничном переходе сухопутной границы Российской Федерации (когда отсутствует 2 этап процесса экстрадиции), либо с момента прибытия на территорию Российской Федерации (при наличии 2 этапа процесса экстрадиции) и до момента передачи экстрадируемого лица назначенным караулом должностному лицу следственного изолятора (далее – СИЗО), в котором в дальнейшем данное лицо будет содержаться – дежурному помощнику начальника СИЗО или его заместителю.

Очевидно, что в процессе конвоирования экстради-

руемого лица с момента его передачи назначенному караулу и до момента передачи в СИЗО (2 и 3 этапы) данное лицо, во-первых, находится под юрисдикцией Российской Федерации (даже находясь на территории иностранного государства, например, при транзитной перевозке) и, во-вторых, считается содержащимся под стражей на основании вынесенного ранее российским судом постановления о взятии его под стражу.

Поэтому представляется вполне обоснованным, что указанный период времени (продолжительность второго и третьего этапов) в любом случае следует засчитывать в срок лишения свободы по правилам, установленным ст. 72 УК РФ.

Касательно рассматриваемого вопроса о том, по каким правилам следует засчитывать в срок лишения свободы период времени содержания под стражей в иностранном государстве выданного в Российской Федерации лица (первый этап процесса экстрадиции), необходимо указать следующее.

Во-первых, указанный период в любом случае подлежит зачету в силу требования, установленного п. 4 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, а также на основании положений международных правовых актов.

Между тем в действующем законодательстве отсутствует какое-либо указание на то, каким образом этот зачет должен осуществляться. В этой связи необходимо обратить внимание на следующее.

После вступления в силу УПК РФ и до внесения изменений в УК РФ о «кратности зачета» каких-либо проблем в правоприменительной практике с зачетом сроков в контексте поставленной проблемы не было, поскольку такой зачет производился по единому правилу – день содержания под стражей за день лишения свободы. Изменениями,

внесенными в 2018 г. в ст. 72 УК РФ⁶, была введена кратность зачета для различных случаев, однако рассматриваемый случай (выдача лица в Россию иностранным государством) в уголовном законодательстве никак не был обозначен. То есть, фактически возник пробел в правовом регулировании.

Во-вторых, в указанный период времени вплоть до его передачи уполномоченным представителям Российской Федерации экстрадируемое лицо находится под фактической юрисдикцией иностранного государства. Следовательно, именно это иностранное государство несет полную ответственность за соблюдение установленных его национальным законодательством условий содержания под стражей, за соответствием этих условий общепризнанным нормам международного права, положениям заключенных этим государством международных договоров и, как следствие, несет ответственность за жизнь и здоровье содержащегося под стражей экстрадируемого лица.

В соответствии со ст. 2 (ч. 1), 45 и 46 (ч. 1, 3) Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства; государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется; каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; каждый вправе в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Так, в частности, к числу основных задач, решение которых входит в компетенцию МИД России, относится защита дипломатическими и международно-правовыми

средствами прав, свобод и интересов граждан Российской Федерации за рубежом⁷. Однако при этом у РФ отсутствует обязанность компенсировать каким-либо образом лицам, выданным в Российской Федерации для уголовного преследования или исполнения приговора, вред, причиненный нарушениями, допущенными в отношении них неисполнением этим иностранным государством в должной мере своих международных обязательств по экстрадиции, в том числе, и по причине ненадлежащих условий содержания в местах принудительного содержания.

В-третьих, как следует из пояснительной записки к законопроекту (впоследствии Федеральный закон от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ): «в соответствии с законодательством РФ условия содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений по степени изоляции соответствуют самым строгим, примерно таким, как в тюрьмах. В следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, подозреваемые и обвиняемые размещаются в закрытых камерах и практически не имеют возможности для занятий каким-либо видом деятельности, в течение дня им предоставляется только часовая прогулка в прогулочном дворе»⁸. В то же время большая часть подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых применялась мера пресечения в виде заключения под стражу, по приговору суда направляются для отбывания наказания в исправительные учреждения, условия содержания в которых значительно гуманнее.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что противодействие международной преступности, существующей в условиях глобального миропорядка, возможно лишь при расширении международного сотрудничества государств в уголовно-правовой сфере посредством оптими-

зации международных договоров и совершенствования национального законодательства. В частности, требуют разрешения отдельные проблемы правового регулирования экстрадиции в РФ, отмеченные нами в этой статье. Преодоление этих проблем возможно осуществить исключительно внесением необходимых изменений (дополнений) в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

© Ельчанинов А. П., 2023

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² Ельчанинов А. П. Особенности правового регулирования института выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора в Российской империи во второй половине XIX века // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2021. № 2. С. 30–32.

³ Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 6 февраля 2023 года) «О полиции» // *Собрание законодательства Российской Федерации* (далее – СЗ РФ). 2011. № 7. Ст. 900; 2023. № 6. Ст. 921.

Ст. 17. Ч. 3. П. 43; Модельный закон о пограничных ведомствах (силах) // СПС «КонсультантПлюс». Ст. 11; Модельный закон о прокуратуре // СПС «КонсультантПлюс». Ст. 62; Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4109. П. 3. Подп. 5; П. 7. Подп. 1.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 года) // pravo.gov.ru – 30.12.2021.

⁵ Приказ ФСИН России от 14 августа 2020 года № 555 «Об утверждении Регламента Федеральной службы исполнения наказаний» // www.pravo.gov.ru – 05.10.2020.

⁶ Федеральный закон от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 28. Ст. 4150.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 года № 865 «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2880.

⁸ Федеральный закон от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 28. Ст. 4150.

*У. К. Каримзода**

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЖИМА ПРЕБЫВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из безусловных ориентиров при разработке правовой политики Республики Таджикистан в части регулирования конституционно-правового статуса иностранных граждан выступают модели и механизмы конституционно-правового регулирования соответствующих правоотношений в сфере внешней миграции в Российской Федерации. Так, на протяжении последних десятилетий основным вектором внешней (преимущественно трудовой) миграции граждан республики выступает Российская Федерация. Сопоставимо высокий уровень социально-экономического развития, дефицит собственной рабочей силы, исторические и культурные связи делают Россию основным реципиентом рабочей силы из нашей республики¹.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, иностранные граждане пребывают на территории России, реализуют свои права и обязанности в рамках специального режима, который определяется и подтверждается специальным документом: временное пребывание, временное проживание и постоянное проживание.

* *Каримзода Умар Карим* – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан (Душанбе), кандидат юридических наук.

Наиболее распространенный режим пребывания иностранных граждан в Российской Федерации – временное пребывание. Статус временно пребывающих имеют все иностранные граждане, которые находятся на территории Российской Федерации на основе одного из ключевых документов – визы или приглашения на въезд (оно оформляется либо Министерством иностранных дел Российской Федерации, либо Федеральной миграционной службой Российской Федерации). Срок временного пребывания по визе ограничен сроком действия выданной визы. Срок временного пребывания по приглашению – не более 90 суток. Аналогичные требования устанавливаются для категорий иностранных граждан, пользующихся правом безвизового въезда на территорию Российской Федерации в силу законодательства РФ или двусторонних (многосторонних) межгосударственных соглашений.

Правовой режим таких граждан подтверждается совокупностью документов – национальным паспортом иностранного гражданина, по которому осуществлен въезд на территорию Российской Федерации, с отметкой пограничного органа ФСБ России о пересечении границы Российской Федерации, а также миграционной картой, заполняемой при пересечении государственной границы России с проставлением отметки о въезде.

Для пересечения государственной границы Российской Федерации, в соответствии с действующим законодательством², иностранный гражданин должен предъявить документ, выданный уполномоченным органом иностранного государства и предназначенный для выезда за границу. В данном документе проставляется отметка о пересечении границы Российской Федерации, которая фиксирует дату въезда на территорию России и является начальной датой исчисления срока временного пребыва-

ния данной категории граждан на территории Российской Федерации, которое не может превышать по общему правилу 90 дней. В отдельных случаях данный срок может быть продлен как в индивидуальном порядке (например, на срок действия разрешения на работу или патента), так и в силу законодательства для граждан определенных стран (например, в определенный временной период было легализовано право продления срока временного пребывания граждан Украины на территории РФ в связи с возможностью их мобилизации на родине).

Граждане некоторых государств (как правило, бывших республик СССР) имеют право пересекать границу РФ по внутреннему документу (паспорту) своего государства. Обычно подобные привилегии являются взаимными, то есть граждане Российской Федерации имеют встречное право пересекать границу такого государства по внутреннему гражданскому паспорту Российской Федерации, хотя могут быть предусмотрены исключения. В таком случае документом, подтверждающим правовой режим такого иностранного гражданина будет действительная миграционная карта с отметкой о пересечении границы Российской Федерации.

Вторым режимом пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации является временное проживание. Иностранные граждане, пребывающие в России и имеющие статус временно проживающих, в значительной степени подчиняются юрисдикции Российской Федерации. Основным документом, подтверждающим статус лица, временно проживающего на территории РФ, является разрешение на временное проживание, которое представляет собой, как правило, специальную отметку в документе, подтверждающем гражданство иностранного государства, предназначенном для выезда за рубеж, или

оформляется отдельным документом. Ключевыми основаниями для получения указанного статуса являются такие, как наличие постоянного места жительства в РФ, пребывание в браке с гражданином Российской Федерации, факт рождения на территории СССР и пребывания ранее в гражданстве, наличие детей – граждан РФ и ряд других. Приобретение статуса временно проживающего лица возможно в результате прохождения сложной системы административных процедур и в большинстве случаев обязательным этапом натурализации иностранного гражданина (приобретения гражданства Российской Федерации). Срок действия разрешения на временное проживание в Российской Федерации составляет три года, и его действие в ряде случаев может быть прекращено, прежде всего, в случаях, когда лицо проживает на территории РФ менее установленного срока в течение календарного периода. Необходимо отметить, что разрешение на временное проживание выдается в пределах конкретного субъекта РФ, и у иностранного гражданина отсутствует право самостоятельно, по своему усмотрению и без соответствующего разрешения его изменить.

Наиболее приближенным к правовому статусу гражданина Российской Федерации выступает статус постоянно проживающего на территории РФ иностранного гражданина, основанием для подтверждения которого выступает наличие специального документа – вида на жительство. Срок действия указанного документа – 5 лет, его получению, как правило, предшествует обязательное получение статуса временно проживающего иностранного гражданина, в то же время для получения указанного статуса, в первую очередь, требуется намерение иностранного гражданина вступить в более устойчивую правовую связь с Российским государством, а в перспективе – полу-

чить российское гражданство, право на которое по общему правилу возникает по истечении пятилетнего срока постоянного проживания на территории России. В ряде случаев действующим законодательством Российской Федерации предусматривается возможность подачи запроса на приобретение гражданства Российской Федерации без наличия вида на жительство сразу после получения разрешения на временное проживание.

В Российской Федерации режим пребывания является ключевым факультативным элементом правового статуса иностранного гражданина, однако не единственным. Во-первых, особенности правового статуса имеются у иностранных граждан – сотрудников дипломатических представительств, консульских учреждений, международных организаций, а также у аккредитованных иностранных журналистов.

Кроме того, существенные отличия имеются в правовом статусе иностранных граждан, имеющих право на безвизовый въезд в Российскую Федерацию, – речь идет, прежде всего, об их участии в трудовых отношениях, однако имеются также и особенности, связанные с пересечением государственной границы Российской Федерации, и целый ряд других аспектов правового статуса.

Необходимо отметить, что правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации имеет существенную специфику в зависимости от режима пребывания на территории Российской Федерации, особенности которого определяют степень подчиненности юрисдикции государства.

В законодательстве Республике Таджикистана в отличие от Российского законодательства об иностранцах, с точки зрения пребывания, устанавливаются две категории иностранных граждан:

- 1) постоянно проживающие иностранные граждане;
- 2) временно пребывающие иностранные граждане.

Постоянно проживающими в Республике Таджикистан признаются иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие вид на жительство³. Вид на жительство в Республике Таджикистан иностранным гражданам, достигшим 16-летнего возраста, выдается органами внутренних дел по месту постоянного жительства в Республике Таджикистан на срок действия загранпаспортов, но не более, чем на 5 лет, а достигшим 45-летнего возраста – на весь срок действия загранпаспортов.

Получение вида на жительство зависит от срока пребывания. Согласно вышеупомянутому положению, если иностранные граждане въезжают в Республику Таджикистан на срок более шести месяцев, то они в обязательном порядке должны получить вид на жительство в органах внутренних дел. Срок вида на жительство продлевается с продлением срока въездной и выездной визы. Без продления срока въездной и выездной визы срок вида на жительство не продлевается.

Временно пребывающие в Республике Таджикистан иностранные граждане проживают на территории Республики Таджикистан по заграничным паспортам, зарегистрированными в установленном порядке. Заграничные паспорта представляются для регистрации по прибытии в пункт назначения в течение 10 рабочих дней⁴.

Иностранцы граждане, временно пребывающие в Республике Таджикистан в безвизовом порядке, регистрируются на срок, не превышающий сроки, установленные международными договорами Таджикистана. В случае отсутствия таких международных договоров Таджикистана, если срок безвизового пребывания не указан, регистрация осуществляется на срок, указанный в

заявлении иностранного гражданина или заявке организации, принимающей иностранного гражданина, но не более чем на один год.

Для всех иностранных граждан и лиц без гражданства, кроме граждан тех стран, которые на основании двустороннего или многостороннего Соглашения въезжают в Республику Таджикистан и выезжают из республики без визы с дипломатическими, служебными и общегражданскими заграничными паспортами, для въезда, проживания и выезда из Республики Таджикистан необходима виза⁵. Согласно законодательству Республики Таджикистан действуют 19 категорий виз, которые выдаются в зависимости от цели поездки иностранного гражданина и лица без гражданства. Визы разделяются на следующие категории: дипломатическая, служебная, инвесторская, деловая, трудовая, туристическая, учебная, частная, на постоянное место жительства, экипажу воздушных судов и т.д.⁶

На основании двусторонних и многосторонних соглашений, подписанных Республикой Таджикистан с иностранными государствами, в отношении 21 страны действует порядок безвизового въезда и выезда по определенным видам паспортов. В целях повышения уровня инвестиционной и туристической привлекательности республики для граждан отдельных иностранных государств, предусмотрен упрощенный порядок условий въезда, пребывания и передвижения иностранных граждан на территории республики. На сегодняшний день в Таджикистане внедрена упрощенная визовая система для граждан 112 иностранных государств.

Анализ законодательства Республики Таджикистан показал, что законодатель разделяет иностранных граждан на две категории:

- 1) постоянно проживающие;
- 2) временно пребывающие иностранные граждане.

Такая категория иностранных граждан, как временно проживающие, в законодательстве Таджикистана отсутствует. Однако в Законе Республики Таджикистан «О правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан» от 2 января 2018 г. некоторые социальные права предусмотрены именно для этой категории иностранных граждан. Например, ст. 7 предусматривает, что «иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в Республику Таджикистан для временного проживания, могут заниматься определенной трудовой деятельностью ...» и «иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в Республику Таджикистан для временного проживания, имеют право на получение пособий и другие виды социального обеспечения ...».

Законодатели иностранных государств стремятся разрешить терминологические противоречия разными путями. Примечателен опыт российского законодателя, который разделяет иностранных граждан на три группы: временно пребывающих, временно проживающих и постоянно проживающих⁷. Отсутствие такой категории иностранных граждан, как временно проживающие, на наш взгляд, является пробелом в законодательстве Республики Таджикистан и требует нормативного регулирования. В связи с этим, с учетом опыта Российской Федерации, предлагается закрепить в ст. 5 Закона Республики Таджикистан «О правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан» следующее положение: *«Временно проживающий в Республике Таджикистан иностранный гражданин – лицо, получившее разрешение на временное проживание».*

¹Каримозда У. К., Абдулло А. Р. Регулирование конституционно-правового статуса иностранцев в советском Таджикистане // В сборнике: Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР). Материалы XIX международной научно-теоретической конференции: в 2 ч.. Санкт-Петербург, 2022. С. 1277-1287.

²Косовец Т. И. Правовые аспекты пересечения государственной границы несовершеннолетними гражданами Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 1. С. 25.

³Муминов У. К. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению режима пребывания иностранных граждан в Республике Таджикистан // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5-3. С. 50.

⁴Постановление Правительства Республики Таджикистан от 15 мая 1999 г. № 218 «Правила пребывания иностранных граждан в Республике Таджикистан и Правила транзитного проезда иностранных граждан через территорию Республики Таджикистан» [Электронный ресурс] // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия». – <http://www.adlia.tj> (дата обращения: 28.04.2021).

⁵Муминов У. К. Особенности режима пребывания иностранных граждан в Республике Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. Серия: Социально-экономические и общественные науки. 2018. № 10. С. 127–133.

⁶Постановление Правительства Республики Таджикистан от 25 января 2017 г. № 31 «Правила оформления, выдачи визы и электронной визы Республики Таджикистан иностранным гражданам и лицам без гражданства» [Электронный ресурс] // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия». – <http://www.adlia.tj> (дата обращения: 28.04.2020).

⁷Жемчужников А. А. Основы правового положения иностранцев в России и государствах Таможенного союза. Волгоград, 2017. С. 20.

Э. Р. Чернова*

ОСНОВНЫЕ СТАДИИ МОНИТОРИНГА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Мониторинг законодательства и правоприменительной практики в Российской Федерации является относительно новым институтом и реализуется на основании Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657¹. В соответствии с данным нормативным правовым актом мониторинг законодательства представляет собой деятельность государственных органов власти, органов власти субъектов Федерации, направленная на сбор, анализ, систематизацию всей необходимой информации, используемой в нормотворческой и правотворческой деятельности. Данный правовой институт оказывает большое воздействие на совершенствование законодательного регулирования общественных правоотношений, позволяет оценить эффективность принятых в стране законодательных актов, оценить их качество и действенность, позволяет проанализировать степень соответствия практики реализации законодательных актов планируемому результату правового регулирования, способствует совершенствованию правотворческой и законотворческой деятельности государственных органов власти².

Мониторинг нормативных актов осуществляется последовательно, в несколько этапов, состоящих из последовательных стадий:

* Чернова Эльвира Рамилевна – доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

- подготовительный;
- основной;
- завершающий.

Первый этап является подготовительным, на котором осуществляется определение объекта мониторинга; определяется законодательный акт или система правовых актов, подлежащих анализу и оценке; выявляется цель и задачи осуществления мониторинга правового акта или системы законодательных актов; устанавливается круг субъектов, уполномоченных осуществлять мониторинговые мероприятия. В последующем необходимо разработать программу и план осуществления мониторинга законодательства, что является завершающей стадией подготовительного этапа мониторинговых мероприятий.

Второй этап мониторинга законодательства является основным и включает в себя несколько стадий.

1. Сбор и систематизация информации. На данной стадии осуществляется сбор необходимой информации, подлежащий исследованию и оценке. Здесь целесообразно собрать весь информационный и нормативный массив, непосредственно касающийся объекта мониторинговых мероприятий. Исследованию и оценке подлежат не только нормы федерального законодательства, но также и подзаконные, ведомственные акты, акты регионов государства. В ходе исследования и сбора всей необходимой информации учёту подлежат различные источники, в том числе мнение ученых и экспертов; данные, представленные в средствах массовой информации; мнение специалистов в различных областях знаний; опыт зарубежных государств, мнение зарубежных учёных и исследователей; мнение специалистов-практиков в анализируемой сфере правоотношений; результаты проведённых служебных, прокурорских и прочих проверок, а также прочая информация.

2. На следующей стадии осуществляется экспертиза законодательного акта или системы правовых актов. В процессе проведения экспертизы устанавливается соответствие анализируемого законодательного акта общепризнанным нормам и принципам международного права, его соответствие нормам Конституции и Федеральным конституционным законам, а также системе федеральных законов, устанавливается согласованность с прочими нормативно-правовыми актами.

В процессе экспертизы выполняется также следующая деятельность:

– устанавливается круг общественных правоотношений, урегулированных подлежащим оценке законодательным актом;

– устанавливается круг правоприменителей и их полномочия по вопросам применения норм анализируемого законодательного акта;

– анализируются законодательные акты, являющиеся конкретизирующими анализируемого законодательного акта;

– устанавливается целесообразность разработки и принятия правовых актов, которые могут выступать в качестве развивающих нормы анализируемого правового акта;

– анализируется региональное законодательство, осуществляется сопоставление норм регионального законодательства с нормами анализируемого правового акта.

3. Далее осуществляется мониторинговая оценка законодательного акта. В процессе реализации данной стадии производится ретроспективный анализ, в процессе которого подлежат оценке такие критерии, как эффективность правового регулирования, действенность норм законодательного акта, целесообразность законодательно-

го регулирования.

Для осуществления мониторинга и оценки применяются различные инструменты:

- анализ и оценка результатов контрольных мероприятий за исполнением норм анализируемого законодательного акта;

- реализация социологических исследований;

- анализ статистических показателей;

- систематизация, оценка и анализ правоприменительной практики, связанной с вопросами реализации норм анализируемого правового акта.

Заключительный этап мониторинга законодательства и правоприменительной практики включает в себя также несколько стадий.

1. Обобщение выводов, в процессе чего представляется возможным сформулировать основные итоги мониторинговых мероприятий, разработать методические рекомендации для отдельных государственных органов власти, органов власти регионального уровня, органов власти муниципальных образований, должностных лиц.

2. Оформление результатов проведенного мониторинга законодательства и правоприменительной практики. Как правило, все мониторинговые мероприятия систематизируются в едином документе, подлежащем обнародованию и опубликованию (доклад, справка, заключение, отчет). В данном документе или докладе должны быть представлены результаты проведенного анализа и оценки мониторинга законодательства и правоприменительной практики, выявляются основные пробелы правового регулирования, определяются основные недочеты, связанные с применением норм проанализированного законодательного акта, устанавливается направления совершенствования правового регулирования, рекомендации по реше-

нию выявленных проблем.

3. На следующей стадии осуществляется внесение рекомендаций по последующему совершенствованию законодательства. Все собранные материалы предоставляются профильным комитетам законодательных органов власти, руководству исполнительных органов власти, при необходимости региональным органам, муниципальным органом власти, на заседаниях которых осуществляется обсуждение вопросов и проблем, выявленных в процессе осуществления мониторинга законодательства и правоприменительной практики.

В отдельных случаях результаты мониторинга законодательства и правоприменительной практики подлежат обсуждению на пленарных заседаниях законодательных органов власти.

4. На заключительной стадии осуществляется информирование о результатах мониторинга законодательства и правоприменительной практики. Данный процесс тесным образом связан с принципом открытости и гласности мониторинга законодательства и правоприменительной практики, посредством чего все результаты подлежат официальному опубликованию в различных источниках средств массовой информации, в том числе и сети Интернет; осуществляется оглашение результатов мониторинговых мероприятий в теле- и радиопередачах с вопросами телезрителей и ответами на них; распространение методических рекомендаций и брошюр – результатов мониторинговых мероприятий.

В качестве дополнительной стадии мониторинга законодательства и правоприменительной практики выступает разработка концепций и проектов законодательных актов, которыми будут исключаться все выявленные пробелы, коллизии и противоречия, установленные в процес-

се мониторинга законодательства и правоприменительной практики.

Таким образом, мониторинг законодательства и правоприменительной практики выступает в качестве эффективного механизма, призванного отслеживать качество разработанного или принятого нормативного правового акта и его применения на практике. Мониторинг законодательства имеет свою стадийность, последовательность, все стадии которого тесным образом взаимосвязаны. Результаты мониторинга законодательства и правоприменительной практики подлежат обнародованию и способствуют совершенствованию законодательства посредством устранения тех пробелов и противоречий нормативных правовых актов, которые были установлены в процессе мониторинга.

© Чернова Э. Р., 2023

¹ Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 657.

² Чернова Э. Р. Значение и роль мониторинга законодательства и правоприменительной практики для правовой системы России // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики: Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2022. С. 32.

В. Е. Подшивалов*

**О ПРАВОТВОРЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЯХ
НА ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА
В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН**

Приращение знаний в общественных науках, в отличие от естественных и технических наук, редко сопровождается проведением экспериментов. Прежде всего причиной этого является невозможность проведения эксперимента в полностью контролируемых исследователем условиях, а следовательно, наличие влияния на результат эксперимента уникальной общественно-политической ситуации, в которой он проводится, что влечет невозможность получения полностью воспроизводимых результатов эксперимента¹. Тем не менее, экспериментальные методы находят свое место и в юридических науках, в том числе в связи с процессами правотворчества. В последние пять лет в России принято 12 федеральных законов, более 50 постановлений Правительства Российской Федерации, предусматривающих проведение правовых экспериментов в области организации какой-либо сферы деятельности либо установление экспериментальных правовых режимов.

Модернизация и развитие избирательных правоотношений часто делают целесообразной апробацию разно-

* *Подшивалов Владимир Евгеньевич* – директор Института правовых исследований Байкальского государственного университета (Иркутск); член Избирательной комиссии Иркутской области с правом решающего голоса, кандидат юридических наук.

образных технических или организационных новшеств, то есть их внедрение в ограниченном числе избирательных кампаний и (или) на ограниченной территории, перед возможной реализацией этих новшеств в общем правовом регулировании.

Заметная специфика избирательных отношений, равно как и отношений в некоторых иных сферах, состоит в сложной структуре избирательного законодательства и соответствующей ей структуре правотворческих полномочий: Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав) содержит базовые правовые конструкции и закрепляет основные гарантии реализации избирательных прав; иные федеральные законы об отдельных видах выборов имеют равную с ним юридическую силу, закрепляют дополнительные гарантии избирательных прав применительно к некоторым видам выборов³; законы субъектов Российской Федерации закрепляют дополнительные гарантии избирательных прав применительно к выборам в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления и не могут делать исключений, отменяющих или изменяющих основные гарантии. Кроме того, принцип равного избирательного права (ст. 5 указанного Федерального закона), взятый в его широком понимании, и иные принципы налагают ограничения на экспериментальное правовое регулирование, препятствуя введению специальных норм, нарушающих требования этих принципов⁴.

Таким образом, корректное правовое оформление проведения эксперимента в сфере реализации избирательных прав граждан зависит от того, затрагивает ли

данный эксперимент основные или дополнительные гарантии избирательных прав граждан либо касается только организационных моментов, не описанных в соответствующих законодательных актах. Прежде всего, данное обстоятельство отражается на форме правового акта, который может предусмотреть проведение эксперимента, сделав исключение из действующих правил (федеральный закон, закон субъекта Российской Федерации, или подзаконный акт – например, решение избирательной комиссии, организующей выборы). При проведении в один и тот же день голосования на одной и той же территории выборов различного уровня многие избирательные процедуры (составление списков избирателей, проведение голосования, установление его итогов) целесообразно совершать по единообразным правилам, чтобы исключить путаницу в действиях избирателей и организаторов выборов, которая может возникнуть вследствие проведения эксперимента. Это также оказывает влияние на выбор вида выборов, территории, затрагиваемых экспериментом, и на продолжительность его проведения.

Практика проведения выборов Российской Федерации знает множество новаций (использование комплексов обработки избирательных бюллетеней, комплексов электронного голосования⁵, технологии «мобильный избиратель»⁶, видеонаблюдение на избирательных участках⁷, машиночитаемые коды на протоколах об итогах голосования и другие), которые перед включением в избирательный закон были реализованы при проведении отдельных видов выборов без формального объявления эксперимента. Как правило, это осуществлялось путем принятия правовых актов ЦИК России. Между тем Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав (п. 9 ст. 21) не предусматривает для ЦИК России полномочий по уста-

новлению, пусть и в порядке эксперимента, процедур, отличающихся от предусмотренных законодательными актами (этот вывод справедлив и по отношению к ранее действовавшим федеральным законам с аналогичным предметом правового регулирования). Определенные возможности предоставляют ЦИК России полномочия по организации единого порядка организации итогов голосования (подп. «г»), по методической и организационно-технической помощи нижестоящим комиссиям (подп. «е»), по установлению нормативов изготовления избирательной документации (подп. «и» п. 9 ст. 21), а также полномочия, предоставленные комиссиями специальными нормами (п. 11 ст. 16, п. 15.2 ст. 17, п. 9 ст. 63.1, п. 14, 15 ст. 64 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав). Анализ достаточности полномочий ЦИК России для опытной реализации каждого из соответствующих новшеств требует проведения отдельного исследования.

В последние годы в российском законодательстве наметилась иная тенденция, состоящая в формальном объявлении о проведении эксперимента путем издания правового акта. Применительно к сфере реализации избирательных прав следует указать на три федеральных закона, предписавших проведение в городе Москве экспериментов в области организации и проведения электронного голосования⁸, а также логически с ними связанные законы города Москвы⁹. Научный анализ содержания этих экспериментов предпринят А. В. Григорьевым¹⁰. Заслуживает внимания и поддержки формирующаяся практика «двойного регулирования» проведения одного и того же эксперимента в форме федерального закона и закона соответствующего субъекта Российской Федерации в соответствии с распределением полномочий между соответствующими законодателями, но при этом необходимо

обеспечить более четкое взаимодействие между органами государственной власти (так, для эксперимента на выборах депутатов Московской городской думы 2019 г. закон субъекта Российской Федерации был принят ранее принятия соответствующего федерального закона). В других субъектах Российской Федерации опыт правового регулирования и проведения экспериментов в области реализации избирательных прав граждан отсутствует, между тем нет никаких препятствий для вовлечения регионов Российской Федерации в соответствующую деятельность.

Представляется, что отсутствие в Федеральном законе об основных гарантиях избирательных прав положений, регулирующих вопросы проведения экспериментов в сфере выборов и референдумов, прежде всего разграничивающих полномочия различных государственных органов (включая избирательные комиссии), по инициированию, определению целей и задач, организации этих экспериментов, снижает возможный потенциал данной формы деятельности как в отношении общественно-политического развития государства, так и в отношении научного познания складывающихся общественных тенденций. Сказанное, однако, не означает необходимости ожидания внесения изменений в избирательное законодательство для организации правовых экспериментов в указанной сфере и требует лишь более внимательного отношения, серьезной аналитической работы для принятия решения об их проведении.

© Подшивалов В. Е., 2023

¹ *Скорик А. П.* Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе: Дис. ... докт. философ. наук. Ростов-н/Дону, 2002; *Ельцов В. Н.* Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: Дис... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 8–11.

² Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ (ред. от 14 ноября 2023 года) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2002. № 24. Ст. 2256; <http://pravo.gov.ru> - 14.11.2023.

³ Федеральный закон от 10 января 2003 года № 19-ФЗ (ред. от 14 ноября 2023 года) «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171; <http://pravo.gov.ru> - 14.11.2023; Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ (ред. от 29 мая 2023 года) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740; <http://pravo.gov.ru> - 29.05.2023.

⁴ Подробнее об этом см.: *Колюшин Е. И.* Инновационные технологии избирательного процесса в свете верховенства закона // *Правосудие/Justice*. 2021. Т. 3. № 3. С. 142–143.

⁵ *Колюшин Е. И.* Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов // *Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 9. С. 130–132.

⁶ *Назарцев Е. И.* Институт «мобильного избирателя» как способ обеспечения принципов избирательного права на выборах в Российской Федерации: опыт избирательных кампаний 2018 года // *Юридический вестник Самарского университета*. 2018. Т. 4. № 4. С. 57–61.

⁷ *Колюшин Е. И.* Инновационные технологии избирательного процесса в свете верховенства закона // *Правосудие/Justice*. 2021. Т. 3. № 3. С. 130–132.

⁸ Федеральный закон от 29 мая 2019 года № 102-ФЗ «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года» // СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2658;

Федеральный закон от 29 мая 2019 года № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению

дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской думы седьмого созыва» // СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2659;

Федеральный закон от 23 мая 2020 года № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» // СЗ РФ. 2020. № 21. Ст. 3231.

⁹ Закон города Москвы от 22 мая 2019 года № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // Ведомости Московской городской Думы. 2019. № 6. Ст. 61;

Закон города Москвы от 10 июня 2020 года № 10 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования» // Ведомости Московской городской Думы. 2020. № 4. Ст. 45; Закон города Москвы от 19 мая 2021 года № 11 «О внесении изменений в отдельные законы города Москвы и проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах в органы государственной власти города Москвы, органы местного самоуправления в городе Москве в 2021 году» // Ведомости Московской городской Думы. 2021. № 7. Ст. 48.

¹⁰ Григорьев А. В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 101, 105–120.

*Л. А. Тхабисимова**

**НАУКА МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА
КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ
В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Продолжающаяся в Российской Федерации муниципальная реформа в последние годы во все большей степени затрагивает основополагающие аспекты местного самоуправления, что актуализирует перед муниципально-правовой наукой новые вызовы в сфере выработки рекомендаций, направленных на обеспечение права граждан на участие в решении вопросов местного значения.

Еще до принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 г.¹, в системе местного самоуправления стали происходить изменения, которые в настоящее время стали основным направлением трансформации местного самоуправления в целом и муниципальной демократии в частности. Так, еще в 2011 г. с принятием Федерального закона от 3 декабря

* *Тхабисимова Людмила Аслановна* – директор Юридического института; заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², при осуществлении процедуры изменения границ между субъектами Российской Федерации «...учет мнения населения перестал выступать необходимым условием изменения границ муниципальных образований»³. Осмысляя упомянутые изменения законодательства, С. А. Авакьян указывал, что, когда «на уровне местного самоуправления постепенно на смену опросов населения при территориальных изменениях (проводятся по процедуре местного референдума) приходит «выявление мнения» органов местного самоуправления, чаще всего результат предрешен»⁴.

В 2017 г. произошли существенные изменения в законодательстве о местном самоуправлении – требования п. 7 ст. 13 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ⁵ (далее в тексте – ФЗ «Об общих принципах...») в отношении необходимости голосования населения по вопросам создания или упразднения городского округа изменены на аналогичную вышеупомянутым формулу – согласие население выражалось не голосованием, а решениями представительных органов. Это сделало возможным частичный переход в ряде субъектов Российской Федерации к одноуровневой модели местного самоуправления путем укрупнения городских округов, в том числе – присоединения к ним муниципальных районов.

Анализируя процесс укрупнения муниципальных образований и их трансформацию в городские округа, А. Н. Швецов указывал, что «обоснования преобразований

районно-поселенческой структуры, например, в формат городского округа, сводятся, как правило, к лапидарной малодоказательной аргументации и только одной заинтересованной стороны – региональной и местной власти [...] и ни слова о рисках негативных последствий»⁶.

В 2019 г. были приняты новые изменения в ФЗ «Об общих принципах...», что, в свою очередь, сделало возможным окончательный переход к одноуровневой модели организации местного самоуправления – появились новые муниципально-территориальные единицы – муниципальные округа. Параллельно с формированием предпосылок и развитием механизмов отказа от двухуровневой модели местного самоуправления, в российском законодательстве возникают процедуры, предназначенные для применения не на поселенческом уровне местного самоуправления – в городских и сельских поселениях, а в населенных пунктах, в частях населенных пунктов и в отдельных их видах, например – в сельских населенных пунктах.

Таким образом, на фоне сформированной в период 2017–2019 гг. возможности перехода субъектов Российской Федерации к одноуровневой модели организации местного самоуправления, в законодательстве происходит постепенное оформление нового уровня реализации отдельных демократических процедур, и, следовательно – становление нового уровня местной демократии и нового уровня взаимодействия власти и населения. Полагаем, в настоящее время этот новый уровень можно обозначить как локальный (субмуниципальный) и в настоящее время именно этот уровень требует наибольшего внимания.

Принятие поправок в Основной Закон открыло возможность создания федеральных территорий. В

2020 г. создана первая федеральная территория – федеральная территория «Сириус». В отношении вновь созданной федеральной территории в настоящее время продолжается переходный период, в течение которого решаются вопросы организации функционирования системы публичной власти и организации местного самоуправления в пределах данной федеральной территории, который продлится до 2025 г.

Согласно положениям ч. 1 ст. 67 Конституции России возможно создание и других федеральных территорий, включающих, в том числе, – несколько городских и муниципальных округов, в частности, назывались Кавказские Минеральные Воды⁷.

При этом анализ действующего федерального законодательства в отношении уже созданной федеральной территории показывает, что нормативно-правовая регламентация муниципального народовластия в ее пределах имеет пробелы и коллизии. В частности, Федеральный закон «О федеральной территории "Сириус"» № 437-ФЗ от 22 декабря 2020 г. не содержит упоминаний о местном референдуме. При этом Устав федеральной территории «Сириус» (утвержден решением Совета федеральной территории «Сириус» от 19 ноября 2021 г. № 1-3/16) содержит нормы о референдуме федеральной территории (то есть это не местный референдум), не раскрывающие при этом порядок его проведения и вопросы, обязательные для вынесения на такой референдум.

При этом согласно положениям Устава федеральной территории «Сириус», учреждается новый институт местного самоуправления – уполномоченный по вопросам местного самоуправления. Тем не менее, в настоящее время уполномоченный не назначен, а его права и

обязанности определены самым общим образом. Фактически в Уставе отсутствуют положения о конкретных функциях, правах и обязанностях уполномоченного, а специальный нормативный акт об уполномоченном до сих пор не принят.

Таким образом, новый вид территориальных публичных образований – федеральные территории, особенно с учетом целей, для достижения которых они созданы или будут созданы, актуализирует как осуществление существующих, так и поиск новых институтов народовластия, как на муниципальном, так и на новом, особом уровне – уровне федеральных территорий.

При этом перед наукой муниципального права стоят вопросы адаптации существующих институтов муниципального народовластия к особенностям организации публичной власти федеральных территорий. Таким образом, в настоящее время законодательство в анализируемой сфере содержит существенные пробелы. Необходим научный прогноз проблем осуществления народовластия в случае возможного создания новых федеральных территорий, в том числе на территориях, где существуют несколько муниципальных образований. Думается, только в случае своевременного устранения пробелов правового регулирования, опыт осуществления муниципальной демократии в пределах федеральной территории «Сириус» может стать основой для разработки предложений по совершенствованию законодательства об организации местного самоуправления на вновь создаваемых федеральных территориях.

Анализ направлений совершенствования и практики реализации законодательства в отношении такого важнейшего явления, как муниципальное народовластие,

позволяют спрогнозировать вероятные более значимые проблемы, которые будут возникать в рассматриваемой сфере при создании новых федеральных территорий, особенно – включающих крупные и сложные по составу муниципалитеты и населенные пункты.

Особенное научное значение будет иметь прогностический анализ проблем и разработка моделей организации народовластия в случае создания федеральных территорий с включением в их пределы ряда крупных муниципальных образований, созданных в рамках одноуровневой модели местного самоуправления и не имеющих поселенческого уровня, включающие населенные пункты, где в настоящее время демократических процедур законодательством предусмотрено сравнительно немного.

© Тхабисимова Л. А., 2023

¹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 11. Ст. 1416.

² Федеральный закон от 3 декабря 2011 года № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ч. V. Ст. 7070.

³ Тхабисимова Л. А., Цапко М. И. Участие населения в решении вопросов изменения территорий муниципальных образований: тенденции отказа от прямого волеизъявления // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. № 4. С. 31–33.

⁴ Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2–9.

⁵ Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 года) «Об общих принципах организации

местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 января 2023 года) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; <http://pravo.gov.ru>, 04.08.2023.

⁶ *Швецов А. Н.* Можно ли остановить «маятник» массивированных трансформаций муниципального пространства? // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. № 4. С. 13–19.

⁷ *Клишас А. А.* Инициатива о «федеральной территории» заслуживает особого внимания // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. – <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/113261/> (дата обращения: 12.02.2023).

Е. Ю. Киреева*
Л. А. Нудненко**

НАУКА МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА О ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Конституция Российской Федерации в ст. 130 закрепляет осуществление гражданами местного самоуправления путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. И хотя Конституция среди форм осуществления местного самоуправления на первое место ставит институты непосредственной демократии, на практике в основном все вопросы местного значения решают органы местного самоуправления. Этим объясняется то внимание организации и функционирования органов местного самоуправления, которое им уделено в науке муниципального права.

Специфика деятельности представительных органов местного самоуправления во многом определяется характером депутатского мандата, который закрепляется зако-

* *Киреева Елена Юрьевна* – заведующий кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), доктор юридических наук, профессор.

** *Нудненко Лидия Алексеевна* – профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшей школы Российской Федерации.

нодательством субъектов Российской Федерации и уставами муниципальных образований. Распространенным является императивный депутатский мандат¹, включающий указы избирателей депутатам, отчетность депутатов перед избирателями², возможность отзыва депутата избирателями. Многие субъекты Российской Федерации закрепляют полусвободный депутатский мандат, содержанием которого являются: предвыборная программа кандидата в депутата, его отчетность перед избирателями, право избирателей на отзыв депутата в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами³. Названные факторы объясняют то внимание, которое уделяется наказам избирателей, отчетности и ответственности депутатов перед избирателями в науке муниципального права.

Центральной фигурой представительной демократии в системе местного самоуправления является депутат. В правовой основе статуса депутата представительного органа муниципального образования можно выделить три уровня: федеральный, региональный и местный. При этом на федеральном уровне не регламентированы многие депутатские права и обязанности: обязанность выполнять указы избирателей, депутатский запрос, депутатское расследование и др. По замыслу федерального законодателя эти вопросы должны быть урегулированы муниципальными нормативными правовыми актами. Однако в науке высказано сомнение в наличии профессиональных кадров в муниципальных образованиях, обладающих навыками нормотворчества, а также достаточными юридическими знаниями в области представительной демократии, особенно на уровне городских и сельских поселений⁴.

Депутат представительного органа муниципального образования является представителем местного сообще-

ства, главной задачей которого является защита прав и свобод своих избирателей⁵. Восстановлению нарушенных прав и свобод избирателей способствуют формы контрольной деятельности депутата, в числе которых: обращение депутата, депутатский запрос⁶, парламентские расследования⁷.

Последние 15 лет ознаменовались существенными изменениями в правовом статусе главы муниципального образования, которые стали предметом анализа российских ученых. В частности, в науке муниципального права в рамках внесенных в Конституцию Российской Федерации изменений 2020 г. исследуются: история, теория и практика развития института выборности глав муниципального образования в российском законодательстве; роль и место главы муниципального образования в системе местного самоуправления; его взаимоотношения с представительным органом местного самоуправления, региональными органами государственной власти; правовая конструкция удаления главы муниципального образования в отставку представительным органом местного самоуправления, отрешения главы муниципального образования в отставку высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, совершенствования законодательства о полномочиях органов местного самоуправления⁸.

Основная тяжесть в решении повседневных вопросов местной жизни ложится на муниципальных служащих. Предметом исследования ученых являются региональные и муниципальные правовые акты, регулирующие: понятие, признаки муниципальной службы, ее соотношение с государственной службой; основные задачи, поставленные муниципальными образованиями по совершенствованию работы с кадровым составом муниципальных об-

разований; обозначаются проблемы правовой регламентации и практики реализации муниципальной службы, предложения, направленные на решение этих проблем⁹.

Значительное внимание в науке муниципального права уделено механизму реализации принципа гласности в системе государственной и муниципальной службы, изучаются возможности использования зарубежного опыта внедрения открытых конкурсов для лиц, замещающих должности государственной и муниципальной службы.

Предметом исследования в науке муниципального права являются региональные и муниципальные правовые акты, регулирующие программы развития муниципальной службы, а также практика их реализации в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. В научных статьях отмечается определенный прогресс в части роста количественных показателей принимаемых в муниципальных образованиях программ социально-экономического развития муниципальных образований, а также регулирование отдельных индикаторов эффективности их реализации, вопросы профессионального развития муниципальных служащих¹⁰.

© Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А., 2023

¹ Малько А. В., Синюков В. Н. Императивный мандат: прошлое и настоящее // Правоведение. 1992. № 2. С. 20–22; Нарутто С. В. Муниципальная демократия как основа конституционного государства // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2019. № 4. С. 22–26; Нудненко Л. А. К вопросу о балансе публичных и частных интересов в правовом регулировании встреч депутатов с избирателями // Государство и право. 2019. № 4. С. 85–91.

² Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М., 2001. 34–46; Нудненко Л. А. Некоторые тенденции правового регулирования наказов избирателей в системе местного самоуправления // Государство и право. 2018. № 10. С. 86–

94; *Чиркин В. Е.* Статьи 10 и 11 Конституции Российской Федерации: три или четыре ветви государственной власти в России? // *Государство и право.* 2018. № 9. С. 124–128; *Нудненко Л. А.* Проблемы правового регулирования отчетов выборных представителей местного сообщества перед избирателями // *Конституционное и муниципальное право.* 2018. № 9. С. 58–62; *Баженова О. И.* Реализация преобразованной конституционной модели местного самоуправления в России: первые шаги // *Конституционное и муниципальное право.* 2020. № 12. С. 30–34.

³ *Ефимов В. И.* Власть в России. М., 1996. С. 831; *Нудненко Л. А.* Досрочный отзыв депутата, выборного должностного лица местного самоуправления – конституционный деликт // *Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран.* М., 2001. С. 391–394; *Нудненко Л. А.* Тенденции правового регулирования досрочного отзыва избирателями выборного представителя местного сообщества // *Административное и муниципальное право.* 2018. № 6. С. 25–35; *Авакьян С. А.* Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022. С. 382–388.

⁴ *Сергеев А. А.* Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М., 2006. С. 327–328; *Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А., Цанко М. И.* Тенденции правового регулирования муниципальной демократии в Российской Федерации. М., 2020. С. 194.

⁵ *Боброва Н. А., Иванов А. А.* Ответственность государственной власти за реформу местного самоуправления // *Муниципальная служба: правовые вопросы.* 2020. № 4. С. 21–24; *Нудненко Л. А.* Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия. М., 2021.

⁶ *Васильев В. И.* Запрос депутата муниципального представительного органа: правовое регулирование и практика // *Журнал российского права.* 2017. № 4(244). С. 33–34; *Нудненко Л. А.* Запрос депутата муниципального образования в сфере осуществления контроля за соблюдением прав и свобод личности // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы.* 2019. № 5-6. С. 25–29; *Нудненко Л. А.* Проблемы правового регламентации

парламентского запроса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 50–54.

⁷ Нудненко Л. А. К истории разработки и принятия Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Государство и право. 2008. № 8. С. 5–13; Авакьян С. А. Десять конституционно-правовых «заповедей» законоотворчества // Вестник Московского университета. 2010. № 1. С. 6–28.

⁸ Баженова О. И., Бялкина Т. М., Вишневецкий А. С., Шугрина Е. С., Ялтонская Н. С. Глава муниципального образования: теория, законодательство, правоприменение. М., 2019; Шугрина Е. С. Гарантии деятельности главы муниципального образования в материалах судебной практики // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. № 1. С. 3–11.

⁹ Шугрина Е. С. Дисциплинарная ответственность выборных должностных лиц органов местного самоуправления // Право и политика. 2006. № 3. С. 31–38; Киреева Е. Ю.

1) Соотношение принципов централизации и децентрализации в правовом регулировании муниципальной службы в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 14. С. 30–32; 2) О некоторых аспектах реализации принципа взаимосвязи государственной и муниципальной службы // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2007. № 2. С. 19–22; Шугрина Е. С. Контрольный орган муниципального образования // Российский юридический журнал. 2009. № 4(67). С. 124–127; Киреева Е. Ю. Муниципальная служба в условиях реформы государственного управления (вопросы методологии и практики): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010; Шугрина Е. С. Основные направления повышения престижа муниципальной службы // Муниципальная власть. 2015. № 5; Киреева Е. Ю. Кадровый резерв муниципальной службы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 41.

¹⁰ Фадеев В. И. Муниципальная служба в Российской Федерации. М., 2000; Киреева Е. Ю. О некоторых проблемах в регулировании вопросов денежного содержания муниципальных служащих // Административное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 45–47; Шугрина Е. С. Особенности ответственности государственных и

муниципальных служащих// Муниципальная служба. 2013. № 3. С. 2–11; *Киреева Е. Ю.* Программы развития муниципальной службы: от норм к действию // Административное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 10–17.

Раздел XVI
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ XXI ВЕКА:
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ
ЧАСТНОПРАВОВЫХ НАУК

Э. А. Гурулева*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРЕНДЫ ЧАСТИ НЕДВИЖИМОСТИ

Договор аренды недвижимого имущества является одним из самых распространённых договоров в гражданском обороте, который дает возможность арендодателю выгодно распорядиться своим недвижимом имуществом, а арендатору возможность получить это имущество в пользование, при этом в некоторых случаях интерес у обеих сторон возникает в отношении не всей недвижимой вещи, а только ее части.

В соответствии с п. 1 ст. 607 ГК РФ в аренду «могут

* *Гурулева Эльвира Александровна* – доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета имени М. М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук, доцент.

быть переданы земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи)». Законодатель прямо не говорит о возможности аренды части вещи, как и не устанавливает прямого на то запрета, при этом указывает на такое свойство объекта аренды, как обособленность. В связи с этим в цивилистической науке и правоприменительной практике сложились различные подходы к пониманию вопроса: может ли часть недвижимой вещи выступать в качестве самостоятельного объекта договора аренды.

Гражданско-правовой договор считается заключенным, если стороны согласовали все его существенные условия. Во всех договорах существенным является условие о предмете договора. Для того чтобы условие о предмете договора аренды считалось согласованным, в договоре должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору (объект). При отсутствии этих данных соответствующее условие считается не согласованным сторонами, а договор не считается заключенным (п. 3 ст. 607 ГК РФ). Если есть неопределенность в вопросе: в достаточной степени согласован сторонами предмет договора аренды недвижимости, то ответ будет зависеть от совершенных арендодателем и арендатором действий. В отношении гражданско-правовых договоров действует правило, согласно которому сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкрет-

ных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (п. 3 ст. 432 ГК РФ). Таким образом, стороны не вправе требовать признания незаключенным договора аренды недвижимости, в котором отсутствуют индивидуальные характеристики предмета договора, но во исполнение которого арендодатель фактически передал определенное имущество, а арендатор принял его, использовал и оплачивал такое пользование¹.

Объектом аренды может выступать нежилое помещение, которое является обособленной частью здания или сооружения². Следовательно, договор аренды недвижимости должен содержать индивидуальные характеристики объекта аренды, которые содержатся в кадастре недвижимости. В соответствии с п. 2 ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» к основным сведениям об объекте недвижимости «относятся характеристики объекта недвижимости, позволяющие определить такой объект недвижимости в качестве индивидуально-определенной вещи, а также характеристики, которые определяются и изменяются в результате образования земельных участков, уточнения местоположения границ земельных участков, строительства и реконструкции зданий, сооружений, помещений и машино-мест, перепланировки помещений»³.

Сведения, индивидуализирующие объект недвижимости, могут быть как указаны в самом договоре, так и в приложении к нему, например, в подписанном сторонами в качестве приложения к договору плане здания (сооружения) могут быть схематично обозначены помещения, передаваемые в аренду.

Для всех видов недвижимости общим идентификатором является кадастровый номер недвижимости, присва-

иваемый регистрационным органом⁴.

Нормы гражданского законодательства допускают заключение договора аренды части недвижимой вещи, части помещения, при этом в договоре часть помещения должна быть индивидуализирована должным образом⁵.

В ст. 606 ГК РФ сказано, что арендодатель (наймода- тель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование, из этого следует, что наряду с арендой, которая предусматривает передачу вещи во временное владение и пользование, возможна передача имущества только во временное пользование без владения. Передача части вещи является так называемой пользовательской арендой, то есть арендой, по которой часть вещи передается только во временное пользование без права владения.

В соответствии с п. 7 ст. 287.5 ГК РФ «общее имуще- ство в здании или сооружении, пригодное для самостоя- тельного использования, может быть предоставлено в пользование третьим лицам по решению, принятому дву- мя третями голосов собственников помещений, машино- мест в здании или сооружении, при условии, что такое предоставление третьим лицам не нарушит охраняемые законом интересы собственников иных помещений, ма- шино-мест в этих здании или сооружении». Данная норма закона свидетельствует о том, что законодатель допускает аренду части недвижимости при определенных условиях.

Судебная практика в решении вопроса о возможно- сти аренды части вещи была сложной и неоднозначной, что обусловлено рядом причин.

Во-первых, само понятие «часть вещи» не имеет ле- гального определения в действующем российском законо- дательстве и что понимать под частью недвижимой вещи,

которая может выступать в качестве объекта договора аренды, представляется затруднительным.

Во-вторых, как определить часть вещи, находящуюся в пользовании, каким образом ее индивидуализировать и обозначить в договоре. В качестве доказательств согласования сторонами части вещи как объекта аренды суды принимали текстовое описание этой части в договоре, графическое обозначение в различных документах (кадастровом плане, чертеже и т. д.), отсутствие возражений сторон по поводу идентификации этой части при заключении и исполнении договора⁶.

В пункте 9 Постановления № 73 сформирована позиция Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации относительно возможности сдавать в аренду части индивидуально-определенных непотребляемых вещей следующим образом: «Судам следует иметь в виду, что это положение ГК РФ (в том числе с учетом статьи 606 Кодекса о возможности передачи объекта аренды только в пользование арендатора) не ограничивает право сторон заключить такой договор аренды, по которому в пользование арендатору предоставляется не вся вещь в целом, а только ее отдельная часть»⁷. В пункте 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» сделано разъяснение, что по соглашению собственников общего имущества (собственников помещений в здании) допускается передача отдельных частей здания *в пользование*. Например, может быть заключен договор пользования несущей стеной или крышей здания для размещения наружной рекламы. Стороной такого договора, предоставляющей имущество в пользование, признаются все сособственники общего

имущества здания, которые образуют множественность лиц в соответствии с действующим законодательством. К подобного рода договорам аренды применяются по аналогии положения законодательства о договоре аренды, и они подлежат государственной регистрации применительно к п. 2 ст. 651 ГК РФ⁸. При этом обременение устанавливается на все здание в целом.

Таким образом, судебная практика признает договор о возмездном пользовании частью чужой вещи в качестве договора аренды и с теоретической точки зрения нет причин, которые бы препятствовали возможности аренды части вещи.

Росреестр и Минэкономразвития России придерживаются позиции, что предмет договор аренды части здания, сооружения, помещения определяется, в том числе, посредством составления *технического плана* в отношении арендуемой части объекта недвижимости, который и будет являться основанием для осуществления кадастрового учета части объекта недвижимости. «Если предметом договора аренды будет являться не поставленная на кадастровый учет часть поставленного на кадастровый учет помещения, то необходимо одновременное осуществление государственного кадастрового учета такой части и государственной регистрации ее аренды»⁹.

Позиция Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по этому вопросу менее требовательна: стороны договора аренды могут подготовить документ, содержащий графическое и (или) текстуальное описание той части недвижимой вещи, которую арендодатель обязуется передать арендатору.

Таким образом, на сегодняшний день в России отсутствует единая позиция государственных органов по вопросам, связанным с арендой части объекта недвижимо-

сти (части помещения). Сложившаяся ситуация не лучшим образом влияет на регулирование деятельности хозяйствующих субъектов.

© Гурулева Э. А., 2023

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 1. П. 15.

² Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июня 2000 г. № 53 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 7.

³ Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 года) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 января 2023 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29. Ч. I. Ст. 4344. П. 2. Ст. 8.

⁴ Там же. Ст. 5.

⁵ Информационное письмо Президиума ВАС Российской Федерации от 25.02.2014 № 165 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 4. П. 1.

⁶ Жевняк О. В. Договор аренды части вещи: теория и арбитражная практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 4(187). С. 22.

⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

⁸ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 9. П. 7.

⁹ Письмо Минэкономразвития России от 7 сентября 2018 г.

№ Д23и-4886. – <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.02.2023).

К. Р. Мельникова*

Н. М. Силуянова**

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ОТ ПОЖАРА

Пожары до сих пор занимают одну из лидирующих позиций по причинению имущественного ущерба юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. По статистическим данным МЧС России за шесть месяцев 2022 г. произошло 197 100 пожаров, материальный ущерб составил 7,4 млрд руб. Более трети зарегистрированных случаев произошли на объектах малого и среднего предпринимательства.

По сравнению с аналогичным периодом в 2021 г. наблюдается прирост количества пожаров в зданиях производственного назначения (17,0 %), складских зданиях и сооружениях (3,7 %), зданиях сервисного обслуживания населения (21,0 %), административных зданиях (66,4 %), зданиях, сооружениях и помещениях для культурно-досуговой деятельности населения и религиозных обрядов (41,2 %), зданиях и помещениях для временного пребывания (проживания) людей (8,3 %)¹. Эти здания являются собственностью юридических лиц (индивидуальных пред-

* *Мельникова Ксения Романовна* – инспектор профилактики группы профилактики пожаров специальной пожарно-спасательной части № 22 Специального отдела № 2 Специального управления ФПС № 50 МЧС России.

** *Силуянова Наталья Михайловна* – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени героя России генерала армии Е.Н. Зиничева.

принимателей).

В ходе выступления Президента Российской Федерации на итоговой пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. была затронута тема помощи бизнесу в условиях сложившейся экономической ситуации. Ранее для поддержки бизнеса Правительством Российской Федерации было принято Постановление от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля»², в рамках которого на период 2022 г. были отменены плановые мероприятия и проверки, в том числе проводимые федеральным государственным пожарным надзором. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своей речи подчеркнул важность поддержки бизнеса и предрек продление режима на 2023 г.³

Таким образом, наблюдается снижение эффективности административных методов контроля пожарной безопасности. Однако с учетом статистических показателей, актуальным становится вопрос о новых методах обеспечения пожарной безопасности юридических лиц (индивидуальных предпринимателей).

Страхование имущества юридических лиц (индивидуальных предпринимателей) может стать одним из таких методов. Российское законодательство имеет давние традиции в этой области. Еще в 1827 г. было создано Российское страховое от огня общество. Факт наличия страхового полиса подтверждал принадлежность к элите.

В Уставе пожарном 1832 г. и 1857 г. были описаны нормы, регулирующие страхование от огня. Наряду с этим издавались акты, уставы и манифесты, регулирующие вопросы страхования⁴. Отдельно отметим существование периодических изданий «Страховое обозрение», «Борьба с

огнем и страхование». Советский период характеризовался монополизацией страхования⁵.

В настоящее время пожар включен в перечень страховых случаев наряду с прочими рисками природного и техногенного характера. Законодательством предусмотрено добровольное страхование на основании имущественного договора (п. 1 ст. 927 Гражданского кодекса Российской Федерации) (далее – Гражданский кодекс)⁶. Несмотря на увеличение количества пожаров и доступность системы добровольного страхования, мотивация у юридических лиц (индивидуальных предпринимателей) по-прежнему остается низкой⁷.

Неоднократно высказывались мнения о совершенствовании системы страхования. С 2001 г. предлагается ввести институт обязательного страхования от огня. В первоначальном виде законопроект «Об обязательном страховании имущества юридических лиц на случай пожара» был отклонен в связи с необходимостью существенного изменения гражданского законодательства, а именно устранения противоречия ст. 935 Гражданского кодекса. При доработке законопроекта МЧС России были предложены изменения и внесен новый проект «О противопожарном страховании». Однако высказывались мнения, что основным препятствием в принятии закона является предмет страхования – имущество. Позже законопроект изменил концепцию. В качестве предмета договора предлагалась гражданская ответственность⁸. Однако и эта идея не была принята страховым сообществом, и законопроект не получил дальнейшего развития⁹.

На протяжении развития идеи введения противопожарного страхования как обязательного учеными предлагались различные механизмы осуществления страхования. Высказывались мнения об усилении роли государственно-

го пожарного надзора и введении пожарного аудита или аудита безопасности¹⁰; предлагались расчеты выгодных условий для страхователя в рамках добровольного страхования¹¹; рассматривалась возможность добровольного дотационного страхования. Обсуждение обязательного страхования шло в рамках имущества физических лиц, минуя при том юридических лиц. Однако рассмотренные механизмы возможно преломить и к страхованию юридического лица (индивидуального предпринимателя).

Основной причиной отказа от формы обязательного страхования называлась необходимость существенных изменений в законодательстве. Форму обязательности предлагалось восполнить через усиление мотивации юридических лиц к добровольному страхованию.

Аргументировалась данная позиция экономическим фактором. «Для снижения рисков по факту пожара страховая организация имеет возможность предъявить повышенные требования к застрахованным объектам»¹². Связывалось это с коммерческим интересом страховщика. Далее указывалось, что собственники сохранят право производить страхование на индивидуальных условиях. В контексте рассматриваемой системы возникает противоречие. Для его устранения следует конкретизировать, что понимается под индивидуальными условиями страхования.

В научном сообществе наблюдается старательный уход от обсуждения института обязательного страхования имущества юридических лиц (индивидуальных предпринимателей) от пожара. Это может быть вызвано отсутствием представлений о необходимости выделения противопожарного страхования в самостоятельный институт, сложностью интеграции в законодательство и иными причинами.

Однако нельзя не согласиться с действительностью данного подхода. Идея создания льготного режима уплаты налогов для застрахованных юридических лиц (индивидуальных предпринимателей)¹³ вполне применима к концепции помощи бизнесу в условиях сложившейся экономической ситуации.

Создание комплексной системы обязательного страхования позволит эффективно реализовать возмещение ущерба от огня как собственнику, так и иным пострадавшим¹⁴.

При этом стоит обратить внимание на механизм обязательного страхования. Возможно, создание громоздкой системы вокруг исходного пожарного риска даже с учетом его многообразия будет неэффективно.

Неэффективность будет выражаться в излишней обособленности противопожарного страхования. На наш взгляд, акцентировать внимание на данном виде страхования (создание отдельных форм документов, электронных баз и систем и т. д.) среди прочих не стоит. Выделить данный институт можно иначе. Страхование имущества от пожаров, несмотря на весь спектр страховых случаев, вполне возможно внедрить в систему налогов и сборов, кредитование, коммунальные платежи. Таким образом, страхование пожаров будет также естественно, как страхование при перевозке пассажиров, социальное страхование и иные виды обязательного страхования.

По итогам анализа правового регулирования страхования имущества юридических лиц от пожара, отметим следующие моменты:

– несмотря на богатый исторический опыт противопожарного страхования, в настоящее время отсутствуют эффективные механизмы его реализации. Добровольное страхование не дает ожидаемого результата;

– в научном сообществе не уделяется достаточно внимания противопожарному страхованию юридических лиц (индивидуальных предпринимателей);

– предлагаемые механизмы организации обязательного страхования громоздки и сложны;

– интегрирование страхования от пожара в привычную структуру налогов, сборов и т. д. позволит быстро и без создания отдельных систем внедрить обязательное страхования в необходимые сферы жизни общества.

© Мельникова К. Р., Силуянова Н. М., 2023

¹ МЧС России: официальный сайт. – <https://clck.ru/32Yh6q> (дата обращения: 01.11.2022).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 года № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1715.

³ Президент России: официальный сайт. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ Силуянова Н. М. Правовое регулирование противопожарного страхования в дореволюционной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013. № 2(19). С. 63–67.

⁵ Огненное страхование: История создания обществ и компаний страхования от огня / Под общ. ред. Н. И. Уткина. СПб., 2004.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 года, с изм. от 8 июля 2021 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 411; <http://pravo.gov.ru>, 22.12.2020.

⁷ Силуянова Н. М. Противопожарное страхование в России в первой половине XX века как мера обеспечения пожарной безопасности // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-

Петербург, 26 апреля 2022 года. СПб., 2022. С. 165–168.

⁸ Немченко С. Б., Муталиева Л. С. Страховое право: Учебное пособие / Под общ. ред. В. С. Артамонова. СПб., 2010.

⁹ Уткин Н. И. Совершенствование противопожарного страхования жилых помещений // Проблемы управления рисками в техносфере. 2015. № 2(34). С. 102–108.

¹⁰ Митичкин А. А. Страхование от пожаров в системе мер обеспечения общественной безопасности // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. 2008. № 1. С. 138–144.

¹¹ Бруслиновская А. И. Превентивное страхование от пожаров в системе экономической безопасности // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. 2021. № 3(10). С. 64–68.

¹² Уткин Н. И. Совершенствование противопожарного страхования жилых помещений. С. 106.

¹³ Там же.

¹⁴ Немченко С. Б., Муталиева Л. С. Страховое право: Учебное пособие / Под общ. ред. В. С. Артамонова. С. 140.

З. Н. Кузнецова*

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЗАНЯТОСТИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Занятость населения – это процесс вовлечения людей в трудовую деятельность. Проблемы трудоустройства и занятости обычно рассматриваются как проблемы безработицы. Согласно российскому законодательству, а именно: Закону «О занятости населения в Российской Федерации», безработными признаются трудоспособные граждане, которые по независящим от них причинам не имеют работы и заработка (трудового дохода), зарегистрированные в государственной службе занятости в качестве лиц, ищущих работу, способные и готовые трудиться, и которым эта служба не сделала предложений подходящей работы¹. Достичь положения, чтобы все трудоспособное население было занято, невозможно, поскольку рынок рабочей силы постоянно меняется.

В регулировании сферы занятости населения значительную роль играют работодатели, охватывающие следующие направления: реализация мер, предусмотренных законодательством о труде, соблюдение условий трудовых договоров; содействие в трудоустройстве, профессиональной подготовке и переподготовке, повышения квалификации; предоставления дополнительной материальной помощи высвобождаемым работникам за счет

* *Кузнецова Зоя Николаевна* – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Брянского филиала Всероссийского института повышения квалификации МВД России, кандидат юридических наук.

средств организаций. Работодатели содействуют проведению государственной политики занятости населения на основе:

- соблюдения условий договоров, регулирующих трудовые отношения в соответствии с законодательством Российской Федерации – мер, предусмотренных трудовым законодательством, коллективными договорами и соглашениями по защите работников в случае приостановки производства или увольнения работников;

- оказания помощи в трудоустройстве, прохождении профессионального обучения, получении дополнительного профессионального образования и предоставления сверх установленной законодательством дополнительной материальной помощи, увольняемым работникам за счет средств работодателей;

- создания условий для профессионального образования, профессионального обучения, в том числе, женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Суммы средств, затраченных работодателями на эти цели, учитываются в составе расходов в порядке и на условиях, которые установлены законодательством о налогах и сборах;

- разработки и реализации мероприятий, предусматривающих сохранение и рациональное использование профессионального потенциала работников, их социальную защиту, улучшение условий труда и иные льготы;

- соблюдения установленной квоты для трудоустройства инвалидов;

- трудоустройства определяемого органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления числа граждан, особо нуждающихся в социальной защите, или резервирования отдельных видов работ (профессий) для трудоустройства

таких граждан;

– привлечения трудовых ресурсов в субъекты Российской Федерации.

Улучшить ситуацию с занятостью могла бы поддержка различных категорий населения. Для молодёжи – квотирование рабочих мест с льготным налогообложением соответствующих предприятий, развитие молодёжного предпринимательства. Для женщин – гибкие формы занятости (неполный рабочий день, свободный режим работы), распределение рабочих мест для тех, кто из них имеет детей, создание дополнительных рабочих мест в сфере услуг; открытие предприятий, производств. Для инвалидов и лиц предпенсионного возраста – налаживание специализированных производств, учреждение дополнительных финансовых льгот в целях их вовлечения в предпринимательскую деятельность, стимулирование семейного бизнеса. Для лиц, освободившихся из мест лишения свободы – бронирование рабочих мест, обеспечение условий для социальной адаптации.

В настоящее время одной из наиболее острых социальных проблем является проблема безработицы выпускников профессиональных учебных заведений. Молодежный рынок труда характеризуется негативными тенденциями: растут масштабы регистрируемой и скрытой безработицы среди молодежи, увеличивается ее продолжительность. Трудоустройство молодежи – довольно сложная и актуальная проблема, так как спрос на молодую рабочую силу есть, а опыта работы, дополнительных навыков – нет. **Причины невозможности трудоустройства молодежи** можно условно разделить на три группы.

К первой группе можно отнести сложившееся мнение у работодателей о молодом специалисте. В настоящее время отмечается несоответствие уровня квалификации

выпускников требованиям работодателей – отсутствие опыта принятия самостоятельных решений, недостаток знаний, необходимых для работы в рыночных условиях, отсутствие практических навыков по полученной профессии. Вторая группа характеризуется *необоснованными представлениями молодежи о путях адаптации в сфере труда и занятости*. Это проявляется в выборе будущей профессии, а в дальнейшем – в определении перспектив собственного трудоустройства. Выбор специальности, по которой будет осуществляться обучение, часто делается абитуриентом исходя из идеальных представлений о будущей работе, а не в результате анализа реальной ситуации на рынке труда. К третьей группе относится *падение престижа производительного труда, профессий технической направленности* для значительной части молодых людей. Наибольшим спросом у молодежи пользуются профессии гуманитарной направленности. Все эти причины ведут к невозможности трудоустройства молодежи. Решение проблемы трудоустройства ложатся на плечи не только самой молодежи как заинтересованного в этом объекта, но и на плечи государственных и негосударственных учреждений. Также практикуют поиск специалистов по заказу предприятия, тогда плата берется с предприятия. Такая форма работы является более приемлемой, так как идет трудоустройство специалистов с высокой профессиональной квалификацией, а также гарантированное трудоустройство на постоянную работу².

В числе **мероприятий, направленных на решение проблем занятости и трудоустройства** в настоящее время, можно назвать следующие:

1) проведение профессионального обучения работников, находящихся под угрозой массового высвобождения. Такое обучение может проводиться с отрывом или без от-

рыва от производства и проводиться по профессиям и специальностям, пользующимся спросом на рынке труда, или требующимся работодателю с последующим трудоустройством в своей организации. При этом на период обучения за работником сохраняется средняя заработная плата;

2) организация общественных работ (с ними заключается срочный трудовой договор), в период участия безработных граждан в общественных работах за ними сохраняется право на получение пособия по безработице. Общественные работы являются важным звеном в системе обеспечения занятости. Они представляют собой одну из действенных форм социальной защиты граждан, оставшихся без работы, и являются средством решения хозяйственных проблем работодателей. Кроме того, организация общественных работ позволяет оказывать адресную государственную поддержку безработным из числа наименее конкурентоспособных граждан, способствует сокращению периода безработицы и улучшает ситуацию на рынке труда. Но в общественных работах есть и свои минусы, а именно: их малая привлекательность в силу непрестижности, относительно невысокой оплаты, неразвитостью инфраструктуры, охватывающей целый комплекс условий: финансовых, институциональных и организационных;

3) проведение ярмарок вакансий рабочих и учебных мест. Это одна из форм оказания государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников. Такие ярмарки обеспечивают возможность потенциальным работникам найти работу путем непосредственного общения с работодателями, а работодателям – подобрать необходимые кадры. На ярмарках вакансий рабочих мест созда-

ются условия для непосредственной встречи граждан, ищущих работу, с широким кругом работодателей, оказываются гражданам консультативные услуги по вопросам занятости, профессиональной ориентации и переобучения, а также юридическим вопросам.

Центрами занятости оказывается следующее содействие: информирование граждан о возможности создания собственного дела (семинары, собрания); тестирование на наличие способностей к предпринимательству и консультации по различным аспектам организации и ведения бизнеса; обучение основам предпринимательской деятельности и профессиям для создания своего дела; финансовая поддержка, а именно, оплачиваются расходы на подготовку документов, на оплату нотариальных действий, оплату услуг правового и технического характера, изготовление печатей и штампов³.

Рассмотрев основные проблемы, связанные с занятостью и трудоустройством населения в России, можно сделать следующие выводы:

1) рынок труда в России и сложившаяся на нём ситуация – одна из наиболее сложных проблем современного рынка производства, а проблема занятости и безработицы – одна из главных в развитии общества;

2) низкий уровень заработной платы является важнейшим ограничителем для экономического роста промышленности и служит причиной отсутствия мотивации к труду;

3) проблемами занятости населения занимаются органы Федеральной службы по труду и занятости, безработным предлагаются, в основном, рабочие специальности; возможности центра занятости по трудоустройству граждан в ряде случаев ограничены, так как далеко не

все работодатели прибегают к услугам центров занятости при поиске и найме рабочей силы;

4) сложности с трудоустройством социально незащищенных слоев населения – инвалидов (незаинтересованность коммерческих организаций в их трудоустройстве); молодежи (отсутствие опыта); лиц, освободившихся из мест лишения свободы (неготовность к современному рынку труда); лиц предпенсионного возраста (отсутствие мотивации к труду и ограничения по здоровью) и др.

Таким образом, одной из основных задач государства выступает обеспечение социальной защищенности населения и разработка системы мер, обеспечивающих всеобщую рациональную занятость и трудоустройство населения.

© Кузнецова З. Н., 2023

¹ Закон Российской Федерации 19 апреля 1991 года № 1032-1 (ред. от 28 декабря 2022 года) «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 января 2023 года) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 18. Ст. 566; Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1. Ч. I. Ст. 16.

² Григорьева И. А. Проблема безработицы и пути ее преодоления // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 5.

³ Боровик В. С., Ермакова Е. Е., Похвоцев В. А. Занятость населения: Учебное пособие. Ростов-н/Д., 2011. С. 34.

Раздел XVII

**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ XXI ВЕКА:
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК**

*К. Н. Евдокимов**

**ТЕХНОТРОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ГЕНЕЗИСА
СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

В последние годы преступность, за счет противоправного использования новых компьютерных, информационно-телекоммуникационных, когнитивных, космических, робототехнических и иных высоких технологий, вышла на новый технологический уровень.

В частности, следует констатировать значительное увеличение количества деяний, совершенных с использованием информационно-коммуникационных и компью-

* *Евдокимов Константин Николаевич* – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

терных технологий. Так, если в 2015 г. в России было зарегистрировано 43 816 преступлений, совершенных с помощью компьютерных и информационно-коммуникационных технологий, то в 2018 г. – 174 674 подобных преступлений, в 2019 г. – 294 409 преступлений, в 2020 г. – 510 396 преступлений, в 2021 г. – 517 722 преступлений, в 2022 г. было зафиксировано 522 065 преступлений – рост на 0.8 %¹. Таким образом, практически каждое четвертое преступление совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе посредством сети Интернет.

В настоящее время завершился процесс трансформации компьютерной преступности в технотронную преступность (технотронный – связанный с использованием технотроники, то есть техники, технологий с использованием электроники, оказывающей влияние на развитие общества), в основе которой лежит применение высоких технологий, основанных на использовании микроэлектроники, для совершения общественно опасных деяний.

Для криминологической науки вышеуказанный термин малоизвестен. Поскольку для обозначения совокупности преступлений, совершенных с применением информационно-коммуникационных, компьютерных и иных высоких технологий, учеными используются различные понятия, например, «цифровая преступность»², «высокотехнологичная преступность» или «преступность в сфере высоких технологий»³.

Для унификации в криминологической науке понятийно-терминологического аппарата, определяющего совокупность преступлений, совершенных с применением высоких технологий, нами предлагается использовать понятие и термин – **«технотронная преступность»**.

Под технотронной преступностью мы понимаем сово-

купность взаимосвязанных и образующих единую целостность общественно опасных деяний, совершенных лицами с использованием компьютерных, информационно-телекоммуникационных, когнитивных, космических, робототехнических и иных высоких технологий на определенной территории за определенный период времени, где основным объектом преступного посягательства выступают конкретные общественные отношения в сфере безопасного создания, использования и распространения высоких технологий.

При этом высокотехнологические устройства, механизмы, системы, сети, данные, материалы и т. д., являются не только предметом преступного посягательства, но и выступают в качестве средства и (или) орудия совершения преступления⁴.

Проводя анализ современного состояния, тенденций и динамики развития технотронной преступности, автор приходит к выводу, что данный вид высокотехнологичной преступности в настоящее время является неконтролируемым со стороны российских государства и общества. На это указывают следующие факторы.

Во-первых, современное общество в своей сущности является технотронным, то есть зависимым от техники и высоких технологий (информационно-коммуникационных, когнитивных, робототехнических и др.), активно используя в повседневной жизни: компьютеры, информационно-телекоммуникационные сети, мобильные средства связи, Интернет-вещи и иные средства создания, поиска, сбора, хранения, обработки, распространения информации.

В частности, из 145 млн граждан России, пользователями сети Интернет являются 127,6 млн человек (88,2 %), участниками социальных сетей – 106,0 млн человек

(73,3 %), гражданами используется 227,0 млн мобильных телефонов, смартфонов, айфонов⁵.

Однако при этом большинство людей слабо представляют принципы и способы их работы, не обладают специальными техническими познаниями и навыками компьютерного программирования, сетевого администрирования, защиты компьютерной информации, выявления преступных действий и обнаружения противоправного контента. Поэтому технотронная безграмотность населения, отсутствие индивидуальной и общественной культуры информационной безопасности, приводит к неконтролируемости технотронной преступности обществом и отдельными индивидуумами.

Во-вторых, латентность технотронных преступлений, сложность их выявления, раскрытия и расследования, привела к тому, что количество раскрытых преступлений, удельный вес выявленных технотронных преступников и уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением, из года в год сокращается, что говорит о проблемах в деятельности правоохранительных органов по противодействию технотронной преступности.

В-третьих, хакеры, вирусмейкеры и прочие профессиональные технотронные преступники образуют «теневую» технократию, не контролируемую обществом, но оказывающую на общество и его институты (государство, СМИ, политические партии, местное самоуправление, финансово-банковскую систему и др.) сильное негативное воздействие.

Яркими примерами вмешательства технотронных преступников в политическую жизнь общества являются: президентские выборы в Республике Беларусь в 2020 г.; «цветные» революции в Армении, Грузии, Кыргызстане, Украине 2003–2015 гг.; «арабская весна» в Алжире, Тунисе

се, Египте, Ливии, Сирии и других арабских государствах в 2010–2011 гг.; протестные марши в поддержку оппозиционного политика А. Навального в январе 2021 г.⁶

В-четвертых, в рамках так называемых информационных войн происходит симбиоз преступной технократии с государственными спецслужбами для осуществления последними кибершпионажа, киберсаботажа, кибершантажа и других технотронных преступлений с целью оказания политического, экономического, финансового давления на критическую инфраструктуру государств-соперников.

В-пятых, масштабное использование преступниками для совершения технотронных преступлений анонимных информационно-коммуникационных сетей (например, TOR, Freenet, Zeronet и др.) и мессенджеров (Wickr, Brosix, Jabber и др.) также обусловил процесс выхода из-под контроля правоохранительных органов технотронной преступности.

Так, Россия вышла на первое место по количеству пользователей сети Tor, обогнав США, Иран, Германию и Индонезию, о чем свидетельствует статистика на официальном сайте Tor Project. Например, только в июле 2019 г. к анонимной информационной сети подключилось более 600 тыс. граждан России⁷.

В-шестых, современные технотронные преступники легализуют доходы от преступной деятельности, финансируют, получают плату за совершение противоправных действий, используя неконтролируемые государством и обществом криптовалюты (Bitcoin, Litecoin, Ethereum и др.), которые являются анонимными электронными средствами платежа и фактически составляют финансовую основу технотронной преступности⁸.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в ре-

зультате генезиса преступности в российском обществе появился новый вид высокотехнологической преступности, являющейся дальнейшей формой развития преступности с использованием высоких технологий – неконтролируемой технотронной преступности, требующей от российских государства и общества принятия скорейших мер для ее нейтрализации, предупреждения, устранения причин и условий возникновения.

© Евдокимов К. Н., 2023

¹ Форма федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за 2015–2022 год // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. – Портал правовой статистики. – <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.04.2023).

² Воронин Ю. А. Преступления в сфере обращения цифровой информации и их детерминанты // Виктимология. 2020. № 1(23). С. 74–80; Поляков И. В. Цифровая преступность: проблемы понятийного аппарата, систематизации и правоприменительной практики // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 21.

³ Кудрин А. Л., Бегтин И. В., Кучерена А. Г., Ларина Е. С., Лукацкий А. В., Овчинский В. С., Сачков И. К. Высокотехнологичная преступность: новые вызовы для общества, государства и бизнеса // Индекс безопасности. 2016. Т. 22. № 1(116). С. 121–136; Мазуров В. А., Поляков В. В. Криминологическое предупреждение преступности в сфере высоких информационных и телекоммуникационных технологий // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2(62). С. 95–98.

⁴ Евдокимов К. Н. 1) Технотронная преступность: причины возникновения и меры противодействия // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения): Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Университет прокуратуры Российской Федерации. Москва, 2022. С. 32–33; 2) К вопросу совершенствования специальных мер противодействия

технотронной преступности в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2(22). С. 48–49.

⁵ Digital 2023 – We Are Social. – <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения: 07.04.2023).

⁶ *Евдокимов К. Н.* Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021. С. 96–98.

⁷ Россия стала мировым рекордсменом по числу пользователей Tor. – https://www.cnews.ru/news/top/2019-07-17_rossiya_us_tanovila_mirovoj_rekord_po_chislu_polzovatelej (дата обращения: 07.04.2023).

⁸ *Евдокимов К. Н.* Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: Дис. ... докт. юрид. наук. С. 96–98.

В. К. Дмитриев *

**«КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ»
И СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Россия в соответствии с ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации¹ является правовым государством, что, в частности, означает признание обеспечения безопасности личности одним из важнейших направлений работы государства и системы публичного администрирования в целом.

Поскольку действующая Конституция Российской Федерации провозгласила высшей ценностью человека, его права и свободы, то их защита, способы такой защиты, ее эффективность являются «по умолчанию» актуальным вопросом как теории, так и практики.

Дополнительной «остроты» этому направлению публичного администрирования придает тот факт, что развитие технологий «не стоит на месте». Все мы стали свидетелями того, как буквально за несколько лет (или, по крайней мере, десятилетие – полтора) произошла своеобразная «информационная революция». Для самых широких слоев населения слова «компьютер», «мобильный телефон», «Интернет» и т. д. стали не просто абстрактными терминами, обозначающими редко встречающееся технические устройства или некие современные технологии.

* *Дмитриев Владимир Константинович* – заместитель заведующего кафедрой конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Эти средства и технологии стали частью повседневной жизни российских граждан².

В связи с этим, безусловно, можно отметить целый ряд положительных факторов – наличие адекватной связи, бóльшая прозрачность деятельности органов государственной власти и должностных лиц, и так далее. Однако с сожалением приходится признать, что процесс информатизации современного общества носит далеко не всегда положительный характер. Все перечисленные достоинства тотальной информатизации и компьютеризации несут в себе опасности разного рода. Причем такая опасность может быть как незначительной, технической, так и критической.

Последнее наиболее актуально в свете требований разработки новой политики безопасности правового государства в условиях информационного общества, для которого характерна не только высокая степень прозрачности процесса публичного управления, но и в некотором смысле «вторжение» информационных технологий в жизнь человека и государства.

В первую очередь, такое «вторжение» – это следующие факторы.

Первый – активная реализация таких направлений государственной политики как «сервисное государство», «электронный порядок предоставления государственных услуг», «электронное государство», «электронное правительство»³ и т. д. Второй – создание государствами на национальном уровне, а также их экономическими и политическими объединениями на международном уровне, необходимых для функционирования таких государств (или их объединений) баз данных того или иного рода. Также сюда можно отнести главные (важнейшие) информационные, или точнее сказать публично-

информационные сервисы. Под последними мы понимаем такие технологии и средства взаимодействия глобального (информационного) правового государства и гражданского общества как единый государственный портал оказания государственных услуг; «личный кабинет» гражданина на Интернет-сайтах органов государственной власти; Интернет-ресурсы, отражающие сведения о государственном земельном кадастре, земельном фонде и т. д. соответствующего субъекта Российской Федерации и иные публичные Интернет-ресурсы (информационные базы данных).

Когда мы говорим о современном состоянии проблем противодействия киберпреступности, то, наверное, в первую очередь должны упомянуть о том, что российское государство (как и любое другое современное государство, активно использующее информационные технологии), создает соответствующие базы данных, используемые органами государственной власти для реализации возложенных на них задач и обязанностей. Причем если мы говорим о Российской Федерации как правовом государстве, то использование органами власти таких ресурсов в конечном счете, прямо или косвенно, должно быть направлено на защиту высшей конституционной ценности – человека, его прав и свобод.

Обеспечение адекватных технических условий создания и функционирования таких баз данных (кроме всего прочего, с учетом их функционального назначения, предполагающего хранение информации, или представляющей собой персональные данные граждан, подлежащие правовой охране⁴, или сведения, отнесенные законодательством Российской Федерации к тому или иному виду охраняемой законом тайны), защита от киберпреступлений, на них посягающих – серьезнейший современный вызов для

всех правоохранительных органов. Причем речь идет как о национальной системе правоохранительных органов конкретного государства, так и о механизме их взаимодействия в рамках признанных международных организаций.

Рассматривая киберпреступления в целях разработки актуальных и эффективных мер противодействия им на национальном и международном уровне, как мы и отметили ранее, в первую очередь следует определиться с тем, какие из этих посягательств критичны для национальной безопасности или нарушают в значительной мере права, свободы и законные интересы граждан государства и иных находящихся на его территории физических лиц, а также юридических лиц. Среди них мы предлагаем выделить следующие две основные группы:

Первая – целенаправленная организация так называемых фишинговых и ddos атак на критически важные информационные и иные ресурсы. Их можно сгруппировать по следующим основным направлениям (предназначению):

- Интернет-сайты органов государственной власти и местного самоуправления;

- информационные базы данных, имеющие публично-правовое значение, находящиеся в ведении органов государственной власти и органов местного самоуправления;

- информационные базы данных, которые предполагают хранение информации частного характера, однако в силу своего масштаба имеют общегосударственное (или хотя бы региональное) значение;

- Интернет-сайты федеральных и региональных средств массовой информации. Представляется, что на это следует обратить особое внимание, поскольку на сегодня информационные ресурсы имеют значение не мень-

шее, а зачастую и большее, чем все иные, поскольку в том числе способны формировать общественное мнение;

– информационные и иных технологическое ресурсы, обеспечивающие нормальное функционирование банковской системы Российской Федерации, в том числе средства и формы ее взаимодействия с иностранными банками и банковскими системами;

– информационные системы и системы безопасности транспортных узлов и гаваней (порт, аэропорт, железнодорожные и автобусные вокзалы и т. д.);

– информационные системы и Интернет-технологии, обеспечивающие нормальное функционирование объектов здравоохранения;

– любого рода объекты, посягательство на нормальное функционирование которых, совершенное при помощи Интернета или информационных технологий, нарушает интересы общественной безопасности и безопасности государства в целом или отдельных его субъектов и др.

Вторая группа критически важных угроз – это, как мы полагаем, использование Интернет-ресурсов в целях пропаганды или продажи, иных видов распространения веществ, запрещенных к обороту на территории Российской Федерации либо тех, в отношении которых установлены ограничения и специальные меры контроля⁵. Это касается как наркотических средств, психотропных веществ и иных психоактивных токсичных веществ, так и материалов, предметов иного рода, изъятых из оборота.

Одним из обязательных условий эффективного противодействия киберпреступности и устранения существующих проблем борьбы с преступлениями такого рода является переосмысление национального законодательства каждого государства (и в первую очередь прямо или косвенно регулирующего вопросы безопасности) в соот-

ветствии с вызовами современного информационного общества, а также корректировка международных договоров в этом же смысле, их «переосмысление».

Главное, что подлежит учету при «переосмыслении» законодательства и международных договоров – тот факт, что все нормы национального законодательства и нормы международного права должны иметь единую направленность – защита человека, его прав и свобод; обеспечение состояния защищенности личности от внешних и внутренних угроз независимо от государства проживания (пребывания).

© Дмитриев В. К., 2023

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² См. подробнее: *Новиков А. Б., Дмитриев В. К.* Реализация конституционной модели правового государства в условиях интеграционных процессов // Проблемы гармонизации законодательных механизмов обеспечения безопасности личности, общества и государства на евразийском пространстве: Сборник научных статей (из материалов Международной научно-практической конференции в рамках Евразийского научного форума «Интеграционные процессы на евразийском пространстве: успехи, проблемы, перспективы». Санкт-Петербург, 28–29 ноября 2013 г.) / Науч. ред. А. Е. Шилова. СПб., 2013. С. 178–182.

³ *Дмитриев В. К.* Правовое управление как атрибут правового государства: конституционный и административный аспекты // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 25 мая 2015 г. / Отв. ред. Е. В. Трофимов. СПб., 2015. С. 32–37.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2006. № 31. Ч. I. Ст. 3451.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 года № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 41. Ст. 5624.

А. В. Никуленко*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Обстоятельства, которые в настоящее время именуются исключаящими преступность деяния, зародились, разумеется, не сегодня. Полагаем, что в древние века так же, как и сейчас, существовала необходимость защиты прав и интересов, к коим можно отнести жизнь и собственность, наиболее ценимые в то время. Впрочем, в настоящее время институт необходимой обороны содержится в том или ином виде в законодательстве практически каждой из стран мирового сообщества.

В связи с этим уместно привести высказывание А. Ф. Кони: «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу своему вечен. Поэтому понятие о необходимой обороне существует исстари и никогда не перестанет существовать; это *non scripta, sed nata lex* (Cicero pro Milone), закон, вытекающий непосредственно из человеческой природы»¹.

Почти сразу после начала Октябрьской социалистической революции, большая часть прежних уголовных законов была отменена – «кодексы пережитой эпохи можно и должно было сдать их в архив истории»². Практически все принятые в то время декреты, постановления признавали правомерным жестокий, но крайне действенный метод

* *Никуленко Андрей Вячеславович* – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

внесудебной расправы³. Хотя и в наше время разумно иногда обращаться к исторически проверенным механизмам подобного воздействия на преступность, особенно террористической и экстремистской направленности⁴.

В этой связи следует рассмотреть декрет СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г., который законодательно подтвердил право ВЧК применять в отношении «классовых врагов» высшую меру наказания без суда и следствия: «...необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»⁵. Другой нормативный акт содержал такие положения: «При наличии вооруженных выступлений... за чрезвычайными комиссиями сохраняется право непосредственной расправы для пресечения преступлений»⁶. Для борьбы с преступлениями на железной дороге: «...пойманных на месте преступления расстреливать в порядке непосредственной расправы, а остальных заподозренных, но на месте не застигнутых, судить в 24-часовой срок по законам военного времени»⁷.

Благодаря первопроходцам⁸ современным ученым стало известно о существовании Советского Уголовного Уложения – первейшего источника уголовного права Советской России. Данный источник уголовного законодательства был разработан левоэсеровским руководством Наркомюста в конце 1917 г. – начале 1918 г. В основу этого правового акта было положено Уголовное уложение 1903 г., принятое в период царствования Николая II, но так и не вступившее в силу в полном объеме.

Как справедливо отмечают авторы издания, с одной

стороны, Уложение является находкой для исследователей истории отечественного права, представляется ценным памятником, с другой – оно полезно для ученых- юристов в сфере уголовного права.

Почти 100 лет назад, в пояснительной записке к Советскому уголовному уложению А. А. Шрейдер писал: «Тотчас же после окончания острого периода борьбы за право встал перед Народным комиссариатом юстиции вопрос о необходимости создания Нового Уголовного кодекса взамен старого, изжитого, отброшенного самой жизнью. Плодом большой и напряжённой работы явилось это Уложение»⁹.

Следует отметить, что, по данным А. А. Герцензона, за период с 25 октября 1917 г. до принятия первого советского Уголовного кодекса 1922 г. было издано свыше 400 законодательных и иных нормативных актов, содержащих уголовно-правовые нормы¹⁰. Содержание большинства из них известно ныне лишь узкому кругу историков. Между тем, некоторые нормативные установления того времени имеют не только чисто познавательную историческую ценность.

Как видно, уголовное законодательство самого раннего советского периода не предусматривало иных норм о причинении правомерного вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Только в Уголовном кодексе РСФСР, принятом 26 мая 1922 г., наконец, такие установления появились, правда, не в Общей, а ст. 145 и 152 Особенной части.

В последующих законодательных актах, таких как «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик» 1924 г.¹¹, в ст. 9 разд. II. Общие постановления содержалось: «Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим дей-

ствия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены лишь в состоянии необходимой обороны против посягательств на советскую власть и революционный порядок либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Меры социальной защиты не применяются, когда те же действия совершены для отвлечения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным вредом». ¹²

Ст. 32 Основных начал предусматривала более мягкую меру социальной защиты, если преступление было совершено: «а) хотя и с превышением мер необходимой обороны, но для защиты от посягательств на советскую власть, революционный правопорядок или личность и права оборонявшегося либо другого лица; ... д) под влиянием угрозы, принуждения, служебной или экономической зависимости; ... ж) в состоянии голода, нужды и вообще под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий...».

Даже по сравнению с УК РСФСР 1922 г. такая либеральность законодателя в отношении регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, представляется не вполне обоснованной.

К сожалению, УК РСФСР 1926 г. еще в меньшей степени озаботился их регламентацией. Так, ст. 13 гласила: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не применяются вовсе к лицам, совершившим общественно-опасные действия, если судом будет признано, что эти действия совершены ими в состоянии необходимой обороны против посягательств на советскую власть

и революционный порядок, либо на личность обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не применяются, когда те же действия были совершены для отращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным вредом»¹³.

То есть, в Общей части остается упоминание лишь о необходимой обороне и крайней необходимости. Также, ст. 48 признавались смягчающими обстоятельствами совершение преступления «хотя и с превышением пределов необходимой обороны, но для защиты от посягательства на Советскую власть, революционный правопорядок или личность и права обороняющегося или другого лица, под влиянием угрозы, принуждения, служебной или материальной зависимости, в состоянии голода, нужды или под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий».

Уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны содержалась в ст. 139 «Убийство по неосторожности, а равно убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны» и предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или принудительные работы на срок до одного года.

В уголовных кодексах союзных республик 1926–1935 гг., правомерность причинения вреда, а также порог превышения необходимых мер для этого специально не регламентировался, что, по словам И. С. Тишкевича, «вносило неопределенность в этот вопрос»¹⁴. Вышеуказанные нормы об ответственности за убийство и причинение

тяжкого телесного повреждения при превышении необходимых для задержания мер в Уголовный кодекс 1926 г. не вошли, что являлось шагом назад в решении рассматриваемой проблемы»¹⁵.

По мнению М. И. Якубовича, «законодательство, действовавшее до принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., устанавливало весьма широкие пределы необходимой обороны». В то же время он признавал, что и «широкое понятие необходимой обороны, которое было известно нашему законодательству, не всегда правильно понималось и применялось следственными и судебными органами, в результате чего имели место случаи неосновательного осуждения граждан, активно борющихся с преступными посягательствами»¹⁶.

Следует отметить, что в Основах 1958 г. впервые в советском уголовном законодательстве необходимая оборона и крайняя необходимость получили свое официальное название и провозглашалось, что действия, совершенные при этих обстоятельствах, не являются преступлениями. Кроме того, Основы закрепили понятие превышения пределов необходимой обороны, а также назвали ее в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность¹⁷. Данные, не столь уж значительные, на наш взгляд, изменения в регламентации указанных обстоятельств, Б. В. Волженкин оценил как «... развернутые нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния...»¹⁸.

Хотя, по справедливому мнению С. В. Пархоменко, законодатель, наконец, сформулировал эти обстоятельства таким образом, что и необходимая оборона, и крайняя необходимость «не являлись преступлением...»¹⁹.

Накопленный в прошлом опыт правового регулирова-

ния обстоятельств, исключающих преступность деяния, научных комментариев законодательства и следственно-судебной практики – необходимая основа и ориентир для современных разработок этой проблемы²⁰.

© Никуленко А. В., 2023

¹ Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. М., 1996. С. 10–11.

² Введение к Руководящим началам по уголовному праву РСФСР 1919 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953. С. 57.

³ Декрет СНК от 24 ноября 1917 г. «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1917. № 4; Декрет СНК от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах» // СУ РСФСР. 1918. № 35; Постановление СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» // СУ РСФСР. 1918. № 65.

⁴ *Корецкий Д., Милюков С.* Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1; С. 112–114; *Милюков С. Ф.* Насилие как средство осуществления уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 107–116.

⁵ Постановление СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» // СУ РСФСР. 1918. № 19. Отд. 1. Ст. 710.

⁶ Декрет СНК от 17 февраля 1919 г. «О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.

⁷ Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 10 октября 1919 г. «Об ответственности за злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений» // СУ РСФСР. 1919. № 50. Ст. 488.

⁸ *Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И.* Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2015.

Кроме того, см.: *Новоселов Г. П., Щелконогова Е. В.* Находка исследователей (Рецензия на: Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Под ред. А. И. Чучаева. – М.: Проспект, 2015. 303 с. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9(58). С. 208–210;

Ныркова Н. А. Маргиналии благодарного читателя (Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Под ред. А. И. Чучаева. – М.: Проспект, 2015. 303 с.): // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3. С. 178–181.

⁹ Цит. по: *Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И.* Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Под ред. А. И. Чучаева. М., 2015. С. 147.

¹⁰ *Герцензон А. А.* Социалистическое уголовное законодательство в период до издания первого советского уголовного кодекса // Социалистическая законность. 1937. № 12. С. 75–85.

¹¹ *Исаев М. М.* Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. М.; Л., 1927; *Уголовное право: история юридической науки* / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 213–232.

¹² Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 года) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. 1924. № 24. Ст. 205.

¹³ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

¹⁴ *Тишкевич И. С.* Право граждан на задержание преступника. Минск, 1974. С. 17.

¹⁵ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953. С. 168–171; *Калашникова А. И.* Уголовный кодекс 1926 г.: концептуальные основы и общая характеристика: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009.

¹⁶ *Якубович М. И.* Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 56.

¹⁷ См. подробнее: *Пархоменко С. В.* Деяния, преступность которых исключается в силу их социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 24.

¹⁸ Волженкин Б. В. Развитие российской науки уголовного права // Энциклопедия уголовного права. Т. 1: Понятие уголовного права. СПб., 2005. С. 657.

¹⁹ Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу их социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 24.

²⁰ См., например: Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2019.

*И. Г. Елесина**

ПОНЯТИЕ «РЕЦИДИВ» ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Термин «рецидив» происходит от латинского *recidivus*, что означает возвращающийся¹. Толковый словарь русского языка даёт трактовку понятия «рецидив» – как возвращение, повторение чего-либо негативного, после его кажущегося исчезновения.

В настоящее время уровень рецидивной преступности достаточно высок. Данный факт свидетельствует о том, что человек, совершивший преступление, оказался невосприимчив к применявшимся к нему мерам воспитательного характера и средствам уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера, что указывает на повышенную общественную опасность преступника-рецидивиста. Также можно говорить и о социальных проблемах в обществе.

В связи с вышесказанным важно отметить, что Российская уголовная политика стремится к сокращению процента рецидивной преступности за счет совершенствования уголовного законодательства, практики его применения.

Для подробного рассмотрения понятия «рецидив» преступления необходимо обратиться к истории Россий-

* *Елесина Ирина Геннадьевна* – доцент кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук.

ского законодательства. В различные исторические периоды развития уголовного законодательства России понятие «рецидив» преступления имело разное значение.

Обратимся к правовым документам России конца XV в. Именно в этот период впервые упоминается уголовная ответственность за рецидив – в Псковской судной грамоте. В последующих нормативных правовых актах (Соборное уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г.) подчеркивалось значение рецидива, а также давалось четкое определение данного явления и его основные признаки, а именно обязательное отбытие наказания за предыдущее преступление². В вышеперечисленных правовых источниках рецидив определялся как:

- обстоятельство, увеличивающее наказание;
- квалифицирующий признак в особенных частях уголовных уложений.

В 1397 г. впервые как юридическое понятие приводится термин «повторение», а именно в ст. 8 Псковской судной грамоты: «Что бы и на посаде, но крадется, ино дважды е пожаловати, а изличивказнити по его вине, и в третий ряд изличив, живота ему не дати, крам Крамскому татю», а также в ст. 5 Двинской уставной грамоты: «А татя впервые продатипротиву поличного; а в другие уличат, продадут его не жалуя; а уличат в третие, иноповесити, а татя всякого пятнити».

Из вышеприведённых примеров видно, что за совершение преступления (в данном случае – кражи) в третий раз, виновный наказывался смертной казнью, не смотря на то, что он уже понес наказания за предыдущие преступления.

В XIX в. изучением рецидива преступлений занимались такие ученые как Сергиевский Николай Дмитриевич,

Таганцев Николай Степанович. Однако стоит отметить, что они занимались изучением рецидива как явления, но не давали ему четкого определения.

Н. С. Таганцев считал, что еще со времён Русской правды рецидив указывал на особую общественную опасность виновного.

А. В. Лохвицкий предлагал понимать рецидив как повторение не только однородных преступлений, но и разнородных преступлений.

После 1917 г. из юридической терминологии пропало само слово «рецидив». Это объясняется тем, что новое государство отказывалось от всей классической школы уголовного права. Однако уже в 1950-х годах в уголовном законодательстве вновь появилось понятие «рецидив»³. Тем не менее, законодательно это явление было закреплено лишь в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г.

Следует отметить, что рецидив – правовой институт, известный только в уголовном праве. Другими словами, технически лицо не может быть признано рецидивистом, если не совершило повторно преступление. Таким образом, рецидив напрямую связан с преступностью.

На практике, согласно закону, рецидивистом является любой, кто уже, будучи осужденным за умышленное преступление, совершает еще одно преступление. Когда это происходит, рецидивисту может быть увеличен срок наказания: это означает, что рецидив является отягчающим обстоятельством во всех отношениях.

В Уголовном кодексе Российской Федерации в ст. 18 закреплено легитимное определение понятия «рецидив»: «рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление».

Углубившись в анализ уголовного законодательства, практики его применения, сущности самого понятия рецидива преступлений, становится ясна необходимость совершенствования правовых основ деятельности всех государственных структур.

© Елесина И. Г., 2023

¹ *Гамзатов М.* Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка. М.; СПб., 2016.

² *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 57.

³ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР И РСФСР 1917–1952 гг. М., 1953. С. 178.

П. А. Мухаметов*

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ
В ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ:
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ**

С точки зрения истории права особый интерес представляет исследование норм зарубежного законодательства о праве на необходимую оборону, в частности в уголовном праве Франции, Бельгии и Норвегии эпохи Средневековья и Нового времени. Необходимо учитывать, что в эпоху кризиса феодального права и перехода к буржуазным правовым принципам, происходит становление мировых правовых семей, в которых правовые институты подвергались унификации и приводились к единообразию.

К началу Новейшего времени действующее *французское уголовное право*, регулирующее необходимую оборону, как обстоятельство исключающее преступность деяния существенно устарело. В связи с этим его понимание невозможно без предварительного ретроспективного ознакомления с развитием этого правового института.

В Средние века действующим правом во Франции считались законодательные сборники *Lex Salica* (для Северной Франции) и *Lex Burgundiorum* (для Южной Франции)¹. Эти правовые сборники предусматривали лишь случай убийства при необходимой обороне и считали это

* *Мухаметов Павел Алексеевич* – заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук.

деяние «извинительным» – смягчающим обстоятельством. Эта юридическая установка оставалась единственной законодательной нормой и в последующие годы. Суды в большинстве случаев за деяния, совершенные в состоянии необходимой обороны, привлекали к юридической ответственности. Освобождались от уголовной ответственности лишь лица, получившие от короля особые письма справедливости (*letters de justice*). Само собой разумеется, что королевская власть, выдавая подобные иммунитеты, руководствовалась исключительно собственными классовыми интересами и реализовывала сословно-классовые начала в феодальном праве. Обыкновенные вилланы не могли совершить никакого преступления в состоянии необходимой обороны в случаях, если им можно было прибегнуть к бегству или иным способом избежать нападения.

На всем протяжении абсолютизма во Франции изменений в правовом институте необходимой обороны не происходило. Однако, Французская буржуазная революция 1789 г. изменило сложившееся положение. Во французской Конституции 1791 г. уже присутствуют правовые нормы, регулирующие применение института необходимой обороны. Так, убийство при защите уже носило характер *homicide legitime* («законного убийства»)².

В конце XVIII – начале XIX в. в связи с тем, что уголовное законодательство претерпевало либерализацию и стало строиться на принципах демократии, расширилось и понимание права на необходимую оборону³. Так, Уголовный кодекс Наполеона (*Code penal imperial*), изданный в 1810 г., отразил все новеллы уголовного права того времени и стал образцом для многих европейских уголовных кодексов XIX в.

В Уголовном кодексе Наполеона необходимая оборона

регулировалась ст. 328 и ст. 329. Согласно ст. 329 не считается «преступным убийство, раны или увечья нанесенные ночью при отражении приступа или подкопа или вообще при нападении на обитаемый дом и его принадлежности, а также при отражении нападений воров и грабителей, нападающих с насильем»⁴.

Здесь, как мы видим, устанавливается, во-первых, необходимость наличности нападения. Как поясняют комментаторы кодекса, требовалась опасность налицо не только в момент начатого нападения, но и также при предстоящем нападении. Судебная практика толковала положение о наличности нападения очень широко и допускала защиту и при помощи различных защитных приспособлений в том размере, насколько допускалась и личная защита.

Что касается защищаемых благ, то есть объекта правоотношений, то французский закон допускал необходимую оборону только при нападении на личность, то есть на его жизнь, здоровье, личную свободу. Оборона чести и достоинства (при словесных оскорблениях) не предусматривалась. Однако опять же судебная практика допускала необходимую оборону при реальных обидах, когда имелось насилие против личности. Не распространялся институт необходимой обороны при защите частной собственности. В этом отношении, как полагают комментаторы, ст. 329 лишь дополняет ст. 328 и допускает лишь необходимую оборону при посягательстве на личность (которое и предполагается в преступлении, предусмотренном ст. 329). И хотя судебная практика старалась расширить пределы необходимой обороны и распространяла ее и на защиту имущества, то это делалось в удовлетворение потребностей жизни и существующих общественных отношений и ни в коем случае не могло вытекать из буквы за-

кона.

Другие вопросы, связанные с институтом необходимой обороны, во французской юридической практике Нового времени разрешались следующим образом. Так, превышение необходимой обороны рассматривалось с точки зрения защищающегося и наказывалось обычно более мягкой санкцией. При оценке превышения необходимой обороны большой простор предоставлялся на усмотрение правоприменительного органа – судьи. О гражданских исках в случае применения института необходимой обороны французская юридическая практика ничего не свидетельствует, исходя из того, что необходимая оборона рассматривалась не только как ненаказуемое, но и даже правомерное действие. Гражданские иски, рассматривались лишь в случае превышения необходимых пределов обороны.

Бельгийская правовая мысль второй половины XIX в. основывалась на французской правовой доктрине института необходимой обороны. В 1893 г. при составлении нового уголовного кодекса Бельгии этот институт получил свое дальнейшее развитие. Но крайний лаконизм содержащейся в нем правовой нормы породил ее неопределенность и, как следствие, усложнял судебную практику⁵.

Норвежское Уголовное уложение от 22 мая 1902 г. было составлено согласно требованиям современных правовых доктрин, получивших свое закрепление в конце XIX в. В этом нормативном правовом акте признавалась защита всех объектов правоотношений⁶. Хотя проект Уложения говорил только о защите личности и имущества, исключая, защиту чести, ст. 48 Уголовного уложения давала общее определение, допускающее право на оборону всех объектов правоотношений. Закон требовал противозаконности нападения, не говоря ничего о его налично-

сти. Этот вывод вытекал из судебной практики. Также признавалось неограниченное право защиты третьих лиц. Как и во французском варианте, большой простор толкования нормы предоставлялось на усмотрение судьи.

Превышение необходимой обороны, по общему правилу, наказывалось более мягкой санкцией. В случае сильного душевного волнения потерпевшего, превышение пределов необходимой обороны расценивалось как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Здесь были уже известны как астенические, так и стенические аффекты.

Надо отметить, что юристы, современники норвежского уложения 1902 г., расценивали право необходимой обороны с точки зрения слишком широкого толкования нормы. Так, ст. 48 Норвежского уложения предусматривала, что защита допускается, если она остается в размерах, казавшихся в случае совершения преступления необходимыми. Это требование могло казаться логичным, поскольку оно предоставляло право применения нормы на усмотрение судьи, который должен был учитывать и опасность нападения, вину нападающего, ущерб нанесенный объекту правоотношений и вынести определенное решение только после оценки всех этих условий. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что необходимы были и закрепленные нормативно законные границы необходимой обороны, в рамках которых должен был держаться обороняющийся. Отсутствие таких правовых норм составляло пробел уголовного права Бельгии начала XX в.

Таким образом, можно сделать вывод, что несовершенство уголовного законодательства европейских государств эпохи Нового времени в части проработки правового института необходимой обороны компенсировалось расширенным судебным рассмотрением. В свою очередь,

французское уголовное законодательство Нового времени стало эталонным для государств романо-германской правовой системы.

© Мухаметов П. А., 2023

¹ Временник Демидовского юридического лица. Кн. 105. Ярославль, 1911. С. 88.

² Конституция Франции 1791 г. – <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1791.htm> (дата обращения: 13.02.2023).

³ *Кишинева Г. Б.* Сравнение истории развития института необходимой обороны в уголовном праве Франции и Германии // *Colloquium-Journal*. 2021. № 18-2(105). С. 62.

⁴ Уголовный кодекс Франции 1810 г. – https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio50/ (дата обращения: 13.02.2023).

⁵ Временник Демидовского юридического лица. Кн. 105. С. 91.

⁶ Там же. С. 92.

*Ю. Д. Сададьский**

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современное уголовное законодательство разделяет уголовно-правовые последствия на наказания и иные меры уголовно-правового характера, что указывает на их институциональность и значимость, ведь именно наличие последствий обеспечивает реализацию функций уголовного права. К сожалению, как в самом законодательстве, так и в науке, иные меры уголовно-правового характера оказались менее разработанными. Кроме того, эти нормы разнородны и с трудом объединяются в единую систему. В первоначальной редакции УК РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ данные меры только декларировались в ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 7 УК РФ при характеристике задач УК РФ и содержания принципов уголовной ответственности – принципов справедливости и гуманизма. Они не обособлялись в законодательстве структурно. Дальнейшая трансформация УК РФ на этом направлении знаменовалась выделением иных мер уголовно-правового характера путем переименования существовавшего изначально разд. VI «Принудительные меры медицинского характера» в «Иные меры уголовно-правового характера»¹.

В настоящее время по поводу положений данной главы ведется активная дискуссия в научных кругах. Кроме

* *Сададьский Юрий Дмитриевич* – адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

того, законодатель также ведет работу по совершенствованию системы иных мер уголовно-правового характера.

Одним из серьезных нововведений в отечественном уголовном законодательстве стала разработка совершенно новой нормы в качестве иной меры уголовно-правового характера. Как общество не стоит на месте, так и законодатель, двигаясь в направлении гуманизации и либерализации² уголовного права, принял решение о введении судебного штрафа в перечень иных мер уголовно-правового характера. В основании данного решения лежал комплексный анализ правоприменительной практики и судебной статистики за более чем десятилетний период. Итак, начиная с 2002 г. в нашей стране наблюдался постоянный спад количества уголовных дел, поступающих в суды на рассмотрение. Однако в общей структуре судимости была выявлена устойчивая тенденция роста показателя осужденных лиц за совершение преступлений небольшой степени тяжести. Поскольку временной промежуток был взят значительно больше, чем с момента внесения изменений в 2011 г. в ст. 15 УК РФ, касающихся повышения предела максимального размера наказания в виде лишения свободы для отнесения преступления к категории небольшой степени тяжести, законодатель пришел к обоснованному выводу о неадекватности последствий судимости к характеру деяний, а также несправедливости по отношению к личности осужденных. Таким образом, реакция государства на социальные изменения выразилась во введении нового механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших впервые преступление небольшой или средней тяжести с назначением судебного штрафа.

В настоящее время отечественное законодательство идет по пути расширения иных мер уголовно-правового

характера³, а также переноса некоторых видов наказания в категорию иных мер, что усложняет четкое разграничение этих групп правовых последствий.

Так, например, Верховный Суд Российской Федерации предлагает закрепить в уголовном законодательстве понятие уголовного проступка. Авторы законопроекта исходят из того, что уголовный проступок, с одной стороны, содержит все признаки преступления, в том числе является общественно опасным, а с другой стороны, отличается тем, что его опасность для общества является минимальной, равно как и опасность лица, его совершившего, что позволяет применить к нему иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся уголовным наказанием⁴. Законопроектом предлагается дополнить раздел УК РФ об иных мерах уголовно-правового характера новыми элементами: «Общественные работы» и «ограниченно оплачиваемые работы»⁵. Это позволяет сделать вывод о большой востребованности исследования института иных мер уголовно-правового характера и перспектив его развития. После введения в 2006 г. в уголовный закон нового раздела, иные меры уголовно-правового характера стали рассматриваться как самостоятельный институт, состоящий из давно существующих мер, которые, хоть и разрозненно, но регламентировались законодательными актами на протяжении всей истории уголовного законодательства России.

В настоящее время иные меры уголовно-правового характера стали необходимым элементом, дополняющим карательное воздействие наказания, который также может выступать альтернативой наказанию. В связи с этим ведется активная политика, направленная на усовершенствование института иных мер уголовно-правового характера, что позволит более системно и всесторонне обеспе-

чивать защиту общественных отношений.

© Садальский Ю. Д., 2023

¹ Павлова А. А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 21.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2015 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов» // Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». – <http://asozd.duma.gov.ru> - 14.12.2015.

³ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности в Уголовный кодекс Российской Федерации» была внесена новая иная мера уголовно-правового характера – судебный штраф.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка"» // СПС «КонсультантПлюс». – <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/65178.html/> (дата обращения: 08.11.2021).

⁵ Там же.

А. В. Пискур*

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОРРУПЦИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Коррупция – это не новое явление в жизни общества. Она появилась много лет назад и на всем протяжении человеческого развития породила серьёзную тревогу. Кыргызская Республика не стала исключением.

Формы проявления коррупции во многом обусловлены менталитетом и обычаями народа.

Упоминание о коррупции есть в Библии и Коране: «Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих»¹, «Не пожирайте незаконно между собой своего имущества и не подкупайте судей, чтобы пожирать часть имущества людей, сознательно совершая грех»².

Если вспомнить историю, а именно: время покорителя Великого хана Чингисхана – времена, ставшие отправным толчком начала коррупции, станет понятным упоминание о первых предпосылках коррупционных проявлений в Кыргызстане³.

Родословная Чингизхана имеет прямую генеалогическую связь со степными кыргызскими племенами, чему свидетельствует ряд различных научных исследований и источников⁴. Под предводительством Чингисхана Монгольская империя, возникнувшая в степях Средней Азии, имела протяженность от Восточной Европы до Японского моря и была самой влиятельной и глобальной державой тех времен. Согласно источникам, Чингисхан отличался особым умом и осторожностью, выразившимися в доверии лишь нескольким приближенным, которые с его веле-

* Пискур Анастасия Владимировна – адъюнкт кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

ния помогали ему руководить Империей, он не допускал к управлению непроверенных лиц.

Однако после его смерти начался необратимый раскол и потеря компетентного руководства Империей, в котором непосредственное участие приняли его внуки, ринувшиеся делить корону своего деда. С уходом Чингисхана стало проще получить титул предводителя. Лица, не обладавшие соответствующей компетенцией, не имевшие способностей руководить, занимали главенствующие посты. Это повлекло за собой волну коррупции. Коррупция, выразившаяся в нелепых кадровых назначениях, снизила потенциал управляющего аппарата и разрушила Монгольскую империю.

Коррупционные следы прослеживаются и в советской Киргизии в виде подкупа и получения взяток, в то время признававшихся как «контрреволюционная деятельность, несущая жесткие последствия вплоть до расстрела»⁵. Термин «коррупция» практически не употреблялся. Совершенные нарушения и преступления со стороны должностных лиц чаще всего трактовались как «должностные преступления» и «взяточничество». Деяния, составлявшие данную категорию преступлений, – получение взятки, дача взятки и посредничество во взяточничестве. Большим упущением являлось то, что законодатель того времени не выделял разновидности получения взятки, фактическое совершение которых имело место. Имеется множество мнений ученых о необходимости разграничения видов взяточничества (на обусловленные и не обусловленные взяткой действия должностных лиц), а также о необходимости введения ответственности лиц за протекционистские и лоббистские действия.

Судя по статистическим данным, борьба с коррупцией в советской Киргизии в большей степени имела точеч-

ный характер. Сложившиеся условия политической неприкосновенности партийных работников, бюрократия, избирательный подход к преступности, а также неэффективное государственное управление свели борьбу с взяточничеством к выявлению отдельных мелких преступных посягательств. Говорить об эффективности борьбы с коррупцией в то время представляется сложным.

Лишь только в конце 1980-х годов в обществе стали обсуждаться громкие дела, в которых были замешаны должностные лица, требовавшие материальные блага или принимавшие подношения. В большинстве случаев привлекали к ответственности должностных лиц низшего звена.

Вместе с этим, все чаще стало практиковаться мздоимство при устройстве на работу, поступлении в вузы и решении отдельных вопросов.

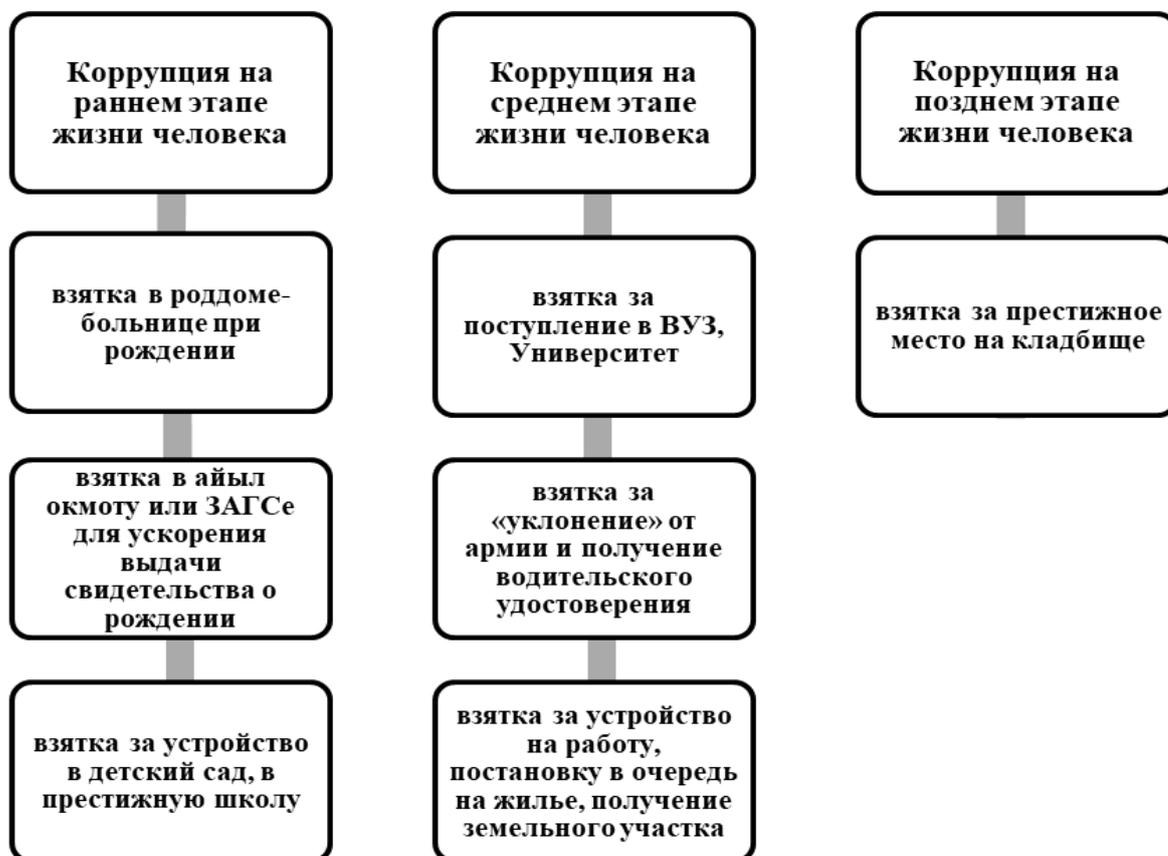
Коррупция проникла в жизнь кыргызского общества, и как опасная болезнь поразила ведущие сферы жизни.

Представления о внедрении коррупции в жизнь кыргызского общества отражены в схеме.

Коррупция, представляется многоаспектным феноменом, распространившим свое пагубное влияние в социальную, экономическую, политическую духовно-нравственную жизнь общества.

Как ни прискорбно осознавать, но в стране имеется немалое количество нечистоплотных на руку государственных служащих и некомпетентных сотрудников, наделенных распорядительными полномочиями и использующих свое положение для извлечения незаконного дохода. Об этом свидетельствует большая популярность некоторых профессий среди подрастающего поколения

Проявление коррупции на жизненных этапах человека



Представленная схема подходит большинству постсоветских стран.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что не каждый трудящийся, работающий в коррумпированных госорганах / организациях – коррупционер. Немалое количество добросовестных кадров трудится по принципу «за страну обидно». Но при этом имеются случаи, когда в процессе трудовой деятельности законопослушные сотрудники, попадая под плохое влияние, становятся заложниками коррумпированной системы, переходя на сторону зла. Коррумпированность стала социокультурным явлением, присущим жизнеустройству. Для уничтожения и разрушения данной устоявшейся коррупционной системы важно менять все элементы системы общественного бытия. Коррупционное поведение со стороны нечистоплотных на со-

блюдение закона государственных чиновников, представителей правоохранительных структур, граждан, «серые» коррупционные схемы – угроза национальной безопасности страны.

Опыт многих государств свидетельствует, что выкорчевать коррупцию всецело не удастся, но ограничить и упорядочить контроль за ней возможно. Сингапурский опыт «лечения заразной жадности» позволил одной из самых коррумпированных азиатских республик занять доминирующее место в глобальных рейтингах по отсутствию коррупции и экономической свободе⁶.

Кыргызстан имеет свой многолетний немалый опыт борьбы с коррупцией. Попытки побороть коррупцию осуществлялись, но нерешительно и были подобными борьбе с ветряными мельницами. Проводилось публичное освещение резонансных уголовных дел и разбирательств, касающихся чиновников, ужесточалось законодательство, разрабатывались антикоррупционные меры, однако данные инициативы существенных результатов не дали, уровень коррупции не уменьшался.

При этом за последние два года произошли существенные изменения, о чем свидетельствуют немаловажные системные изменения. Антикоррупционная служба при Государственном комитете национальной безопасности⁷ была упразднена. В Конституцию Кыргызстана впервые включены нормы антикоррупционной борьбы, а именно: ст. 4 Конституции запрещает всякие попытки, способствующие вовлечению государственных и муниципальных служащих в коррупционные действия. В настоящее время проводится инвентаризация законодательства, корректируются противоречащие друг другу законы.

На политике устранения коррупции в государстве

акцентирует внимание Президент Кыргызской Республики, подчеркивая: «У нас достаточно решительности и политической воли усмирить это "пакостное" явление, причиняющее гигантский ущерб функционированию нашей страны! И меры в этой сфере должны быть направлены на улучшение качества жизни наших граждан, работы государственного аппарата и более эффективного расходования бюджетных средств!».

Важным шагом в борьбе с коррупцией стало образование Антикоррупционного делового совета⁸, который был создан по инициативе Президента страны⁹. Главной задачей формирования Антикоррупционного делового совета является увеличение стержневых и значительных аспектов государственной политики в войне и предупреждении коррупционной преступности, а также предоставление действенного диалога между госорганами и обществом. В его состав входят не только госслужащие, но и представители бизнеса, гражданского общества, представители других стран, компетентные в вопросах антикоррупционной деятельности. Данная мера дает возможность сделать работу указанного совета прозрачной и более эффективной.

Хочется верить, что планируемые антикоррупционные меры, обещающие все-таки побороть коррупцию, дадут результат и увенчаются успехом.

Таким образом, концепция борьбы с коррупцией необходима, она должна выстраиваться на увеличении антикризисных и антикоррупционных морально-этических убеждений и граждан, и государственных служащих.

© Пискур А. В., 2023

¹ Библия. Ветхий и Новый заветы. Синоидальный перевод. Библейская энциклопедия. арх. Никифор. 1891. Исх. 23:8. См также: Втор. 16:19.

² Священный Коран. Сура «Аль-Бакара» / Корова / Аят 188: Запрет незаконно пожирать чужое имущество.

³ Великий хан Монгольской империи. – <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B8%D1%81%D1%85%D0%B0%D0%BD> (дата обращения: 31.01.2023).

⁴ Акеров Т. Древние кыргызы и Великая степь – по следам древнекыргызских цивилизаций. – <http://www.pr.kg/gazeta/number376/125/> (дата обращения: 31.01.2023).

⁵ Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. М., 1947. С. 114.

⁶ Борьба с коррупцией в Сингапуре: извлекая уроки. История новой России. – <http://ru-90.ru/node/1487/> (дата обращения: 31.01.2023).

⁷ Упразднена Антикоруptionная служба ГКНБ. – https://www.president.kg/ru/sobytiya/ukazy/19876_uprazdnen_a_antikorruptsionnaya_sluzhba_gknb (дата обращения: 31.01.2023).

⁸ Антикоруptionный деловой совет. – https://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/sovety_pri_prezidente/antikorrupcionnyu_delovoy_sovet (дата обращения: 31.01.2023).

⁹ Утвержден состав Антикоруptionного делового совета при Президенте. – https://24.kg/ofitsialno/211555_utverjden_sostav_antikorruptsionnogo_delovogo_soveta_pri_prezidente/ (дата обращения: 31.01.2023).

*Е. А. Писаревская**

*М. А. Дворжицкая***

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУК УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Сегодня преступность приобретает все новые формы, а уголовный закон, стремясь догнать динамично развивающиеся общественные отношения, постоянно изменяется. В Уголовный кодекс Российской Федерации неоднократно вносятся поправки, порой бессистемные и криминологически необоснованные. В результате этого наблюдается противоречивость отдельных положений УК РФ, а также дисбаланс его Общей и Особенной частей. Складывается парадоксальная ситуация, когда нормативный акт, призванный охранять наиболее значимые ценности и предупреждать общественно опасные посягательства, наоборот, создает опасность для правового режима, стимулируя несоблюдение правовых норм и пренебрежительное отношение к ним.

Представляется, что суть вышеуказанных обстоятельств кроется в отсутствии должного взаимодействия наук

* *Писаревская Елена Анатольевна* – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент.

** *Дворжицкая Марина Андреевна* – старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук.

уголовного права и криминологии, которые должны подпитывать и обогащать друг друга. С одной стороны, криминология обособилась от уголовного права, сформировав наполненный собственным содержанием предмет исследования, который складывается именно на основе уголовного права. К тому же криминология исследует преступность, которая складывается из деяний, признающихся согласно действующему законодательству преступлениями. С другой стороны, названные науки являются самостоятельными направлениями исследований, что диктует необходимость рассмотрения их взаимодействия.

Наиболее актуальная проблема взаимодействия названных наук связана с криминализацией и декриминализации деяний и обоснованности таковых. Решением этой проблемы должны заниматься представители обеих наук. Как было сказано выше, преступность образуется на основе первичных элементов – преступлений, признаваемых таковыми государством, однако не всегда это происходит при наличии достаточных к тому оснований. В результате иногда криминализируются деяния, не причиняющие серьезный вред гражданам, обществу или государству. Как справедливо отмечали И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев, многие и не задумываются об основаниях появления того или иного деяния в уголовном законе, должно ли оно там быть и что побудило законодателя его криминализировать¹.

Кроме того, следует выделить проблему понимания сущности общественной опасности деяния. Исходя из определения понятия «преступление» общественная опасность объявляется его признаком и, на первый взгляд, является понятием сугубо уголовно-правовой науки. Криминология же оценивает преступность как существенный и неотъемлемый признак этого явления. Соответственно,

криминологи лишь признают общественную опасность деяний, предусмотренных в уголовном законе. Толкование указанных категорий свидетельствует о том, что термины «общественная опасность» и «социальность» пересекаются и отличаются тем, что в первом случае идет речь о единичном деянии, в другом – о явлении, существующим в обществе. Также следует согласиться с тем, что «общественная опасность деяния есть категория не правовая, а социологическая»², и более близка к криминологии, в рамках которой и должна обосновываться. Отсюда делается вывод о том, что криминологи должны в обязательном порядке участвовать в проведении экспертизы всех уголовно-правовых законопроектов.

Взаимодействие криминологии и уголовного права можно проследить при рассмотрении такой проблемы, как личность преступника. Известно, что понятия «личность преступника» и «личность лица, совершившего преступление», – категории криминологические. В уголовном праве в ч. 3 ст. 60 УК РФ упоминается о «личности виновного», подлежащей исследованию при назначении наказания. Однако зачастую на практике личность виновного изучается формально, так как для проведения комплексной оценки характеризующих личность данных не хватает времени у лиц, проводящих расследование, или судей. В этой связи необходимо разработать некий обязательный перечень характеризующих личность данных, позволяющих оценить личность обвиняемого, включая не только социально-демографические и отдельные уголовно-правовые показатели, а также нравственно-психологические и социально-ролевые сведения о личности преступника. Полученную информацию следовало бы включать в своеобразную карту, содержащую сведения о личности обвиняемого (подсудимого, осужденного), которую по результатам рассмот-

рения дела в суде можно было бы передавать органам и учреждениям уголовно-исполнительной системы.

Еще один аспект, на который следует обратить внимание, связывается с наказуемостью деяний и возможностью исправления преступника. Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ, целями наказания являются, в частности, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Однако реализация этих целей на практике затруднительна, о чем свидетельствует высокий уровень рецидива среди лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности. Так, в 2021 г. лицами, ранее совершавшими преступления, было совершено 618 158 преступлений. Чем больше преступлений остается безнаказанными, тем большее количество преступников испытывает уверенность в том, что можно, совершив преступление, избежать уголовной ответственности. В таких случаях у преступников формируются устойчивые криминогенные установки и правовой нигилизм. И в этом направлении с целью реального достижения целей наказания также должны учитываться возможности криминологии. Иными словами, уголовное наказание взаимодействует как с личностью преступника, так и с социальными проблемами, детерминирующими преступность, что признается уже криминологической проблемой.

Взаимодействие обозначенных наук может происходить и при конструировании санкций уголовного закона. Связь размера и суровости санкции нормы названного закона с общественной опасностью деяния очевидна. В оценке общественной опасности могут помочь криминологи, а избрание справедливой санкции, в свою очередь, будет способствовать достижению целей наказания. Взаимосвязь исследуемых наук прослеживается и в том, что состояние преступности как криминологически значимый

показатель помогает определить эффективность уголовно-правовой политики государства.

Решение вышеуказанных проблем должно быть комплексным. Юристами предлагается осуществить: разработку дорожной карты интеграции рассматриваемых наук, установление точек их соприкосновения³; привлечение при криминализации / декриминализации деяний специалистов-криминологов, обладающих высокой квалификацией и опытом работы; учреждение обязательной криминологической экспертизы законопроектов в сфере уголовного права; создание постоянно действующего независимого экспертного совета по криминологической экспертизе, одним из направлений которого являлся бы мониторинг уголовного законодательства и эффективность применения тех или иных норм действующего уголовного законодательства⁴.

Таким образом, чем дальше уголовное право и криминология отдаляются друг от друга, тем менее обоснованным с научной точки зрения становится Уголовный кодекс Российской Федерации, и тем более затруднительным становится эффективное противодействие преступности. Для решения вышеуказанных проблем юристы должны быть нацелены на интеграцию исследуемых наук, на взаимодействие их представителей с распределением своеобразных зон ответственности.

© Писаревская Е. А., Дворжицкая М. А., 2023

¹ Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Криминализация: баланс политического и социального? // Российский следователь. 2022. № 5. С. 28.

² Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 4. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ *Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства* / Отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2018.

О. С. Яхонтова*

Р. Н. Яхонтов**

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВИКТИМНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Одним из наиболее значимых направлений государственной политики Российской Федерации является соблюдение прав и законных интересов лиц, ставших жертвами преступлений. Достижение эффективного результата в противодействии преступности невозможно без учета ее социальных последствий. С такого рода последствиями сталкиваются миллионы человек, проживающие на территории России. Цена преступности исчисляется не только тысячами криминальных смертей, физических увечий, материальными потерями, но моральными вредом, причиненным этим людям. Названные обстоятельства определяют научный интерес к проблемам лиц, ставшими жертвами преступлений. Особую роль во всем перечне преступлений отводят насильственным преступлениям, что ознаменовывает собой первостепенную важность проведения исследований в научных трудах, полученные результаты которых позволят не только снизить количество совершаемых преступлений, сопряженных с насиль-

* *Яхонтова Олеся Сергеевна* – доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

** *Яхонтов Роман Николаевич* – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

ем, но и снизить уровень виктимизации отдельных категорий населения, а как результат – общества в целом.

Исследование жертвы преступления является неотъемлемой частью системы профилактики преступности, обеспечения личной безопасности, что представляет собой совокупность социальных, правовых и организационных способов, методов и средств, обеспечивающих состояние защищенности жизни, здоровья, иных социально значимых интересов личности от возможного причинения вреда, а также предотвращение реальных и потенциальных угроз в виде общественно опасных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Как отмечает П. А. Кабанов, в настоящее время существует острая необходимость проведения криминологических исследований, посвященных виктимологическому измерению преступности в России, так как криминологический анализ виктимологических данных российской преступности в их общем виде (количество погибших в результате совершения преступления, количество лиц, которым причинен тяжкий и средней тяжести вред здоровью, среди которых лица женского пола и несовершеннолетние лица) был проведен ВНИИ МВД России более 10 лет назад¹.

Несмотря на нормативное закрепление такой формы профилактики правонарушений, как помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми, в действующем законодательстве отсутствует регламентация механизма проведения такой индивидуальной профилактики. Необходимо учитывать также отсутствие единого нормативно- правового акта на федеральном уровне в части виктимологической профилактики правонарушений в России. Все вышеперечислен-

ные обстоятельства подчеркивают актуальность выбранной темы научной статьи и обуславливают интерес к ней.

Вопросы виктимизации и социальных последствий преступности в отношении несовершеннолетних в современной России уже были обозначены в научной литературе, и были охарактеризованы как «не осознанные в полной мере»². В значительной степени, это применительно и к сегодняшним реалиям. Как и более чем десятилетие назад, когда данная проблема подвергалась комплексному исследованию, реализуется минимум специальных программ защиты несовершеннолетних, и по-прежнему недостаточно развита научная база решения указанных проблем. Предупреждение совершения насильственных преступлений в отношении такой категории, как несовершеннолетние, необходимо выстраивать на основе виктимологических данных. Однако отсутствие должной правовой регламентации осуществления виктимологической профилактики остается сопутствующей проблемой функционирования всей системы профилактики преступности.

Период детства играет ключевую роль в ходе развития личности. Именно в это время индивид проходит процесс социализации, усваивает общепринятые нормы и стандарты поведения. События, происходящие с человеком до наступления совершеннолетия, оказывают существенное влияние на его характер, определенные особенности поведения и выбор жизненного пути в целом³.

К сожалению, уголовная статистика по учету несовершеннолетних потерпевших не отличается упорядоченностью и полнотой. Так, виктимизация несовершеннолет-

них от наиболее значимых насильственных преступлений характеризуется негативной тенденцией роста.

В соответствии со статистическими данными ГИАЦ МВД России по учету количества потерпевших от преступлений всего на территории Российской Федерации в период с 2017 г. по 2022 г. несовершеннолетними потерпевшими стали:

в 2017 г. – 95 430 человек, из них 43 426 – лица женского пола (45,5 %);

в 2018 г. – 102 608 человек, из них 48 375 – лица женского пола (47,1 %);

в 2019 г. – 78 698 человек, из них 38 173 – лица женского пола (48,5 %);

в 2020 г. – 105 519 человек, из них 53 126 – лица женского пола (49,4 %);

в 2021 г. – 106 779 человек, из них 53 319 – лица женского пола (49,9 %);

в 2022 г. – 107 571 человек, из них 53 701 – лица женского пола (49,9 %)⁴.

Как можно увидеть, за период 2017–2022 гг. наблюдается устойчивый рост количества как всех несовершеннолетних потерпевших, так и увеличение доли несовершеннолетних женского пола в общей массе всех несовершеннолетних потерпевших.

Среди различных видов нарушений прав несовершеннолетних, особое социальное негативное значение, безусловно, имеет жестокое обращение с ними со стороны лиц, от которых несовершеннолетние находятся в определенной зависимости⁵. Так как к насильственным преступлениям по способу совершения можно также отнести преступления, предусмотренные гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних»⁶, в которых способами совершения преступлений являются: угрозы, приме-

нение насилия или угрозы его применения, жестокое обращение с несовершеннолетним, то особое место в криминологической картине виктимизации несовершеннолетних лиц от криминального насилия занимают преступления, предусмотренные гл. 20 УК РФ.

Тем не менее, среди стратегических приоритетов государственной политики Российской Федерации выделяется забота о подрастающем поколении и их социальная защита. Неслучайно 2018–2027 гг. признаны Десятилетием детства, что подчеркивает серьезность и актуальность рассматриваемого вопроса. Конституция Российской Федерации провозглашает идеи демократического правового государства, что априори предопределяет наличие отлаженного государственного механизма профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. В число неотъемлемых элементов указанного механизма безусловно входит и правовое воспитание подростков.

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно подчеркивал: «важно наращивать активность в направлении профилактики правонарушений несовершеннолетних, подключать к работе общественные и религиозные организации, социальные службы, учителей, родителей, волонтеров. Невнимательное, формальное отношение оборачивается здесь сломанными судьбами, а иногда и настоящими трагедиями»⁷.

Многообразие форм преступного насилия, динамичность криминальных процессов и криминологической обстановки в целом требуют поиска новых решений в совершенствовании правовых основ и организации правоприменительной деятельности по предупреждению преступного насилия в отношении несовершеннолетних.

В связи с этим, проблема профилактики насилия в отношении подростков требует постоянной мобилизации

усилий как ученых, так и сотрудников ОВД, прокуратуры, суда, медицинских работников и социальных служб. Все они обязаны непрерывно и последовательно доносить до населения мощный сигнал о том, что насилие является не только социальной проблемой, но и опасным фактором риска, негативно влияющим на здоровье населения в целом.

Но, к сожалению, пробелы правового обеспечения и несовершенства организационного характера (недостатки законодательства, информационно-аналитической работы, планирования, программирования, прогнозирования, организации взаимодействия субъектов, обеспечения контроля в представленной области) не представляют возможным в полном объеме использовать весь механизм средств виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

© Яхонтова О. С., Яхонтов Р. Н., 2023

¹ Кабанов П. А. Виктимологическое измерение последствий современной российской преступности: криминологический анализ официальной статистики 2009–2016 гг. // Виктимология. 2017. № 2(12). С. 5–23.

² Банных Е. Н. Виктимологический аспект поведения женщин – жертв преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 11.

³ Дзейтов С. А., Яхонтов Р. Н., Яхонтова О. С. Роль предупредительной деятельности в профилактике преступности несовершеннолетних // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 1. С. 62.

⁴ Сводные данные по форме 493 раздел 4 ГИАЦ МВД России за период 2017–2022 гг. на всей территории России.

⁵ Запандова Ю. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: уголовно-правовой и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 3.

⁶ Преступления, предусмотренные гл. 20 УК РФ: ст. 150. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления; ст. 151. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий; ст. 151.1. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции; ст. 151.2. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего; ст. 152 утратила силу; ст. 153. Подмена ребенка; ст. 154. Незаконное усыновление (удочерение); ст. 155. Разглашение тайны усыновления (удочерения); ст. 156. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего; ст. 157. Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

⁷ Расширенное заседание Коллегии МВД России 2022 года. – <http://kremlin.ru/events/president/news/54014> (дата обращения: 26.12.2022).

Е. А. Ширшанова*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ
ПРЕСТУПНИКА-ВЗЯТКОПОЛУЧАТЕЛЯ –
СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Одной из центральных проблем криминологии является изучение личности преступника. Именно криминология изучает природу личности преступника, ее формирование, психологические и социологические особенности, а также выделяет определенную типологию.

В криминологии исследованием личности преступника занимались многие ученые. Так, например, Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов писали: «Личность преступника выступает в совокупности социально значимых негативных свойств, образовавшихся в ней в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми. Этими свойствами, которые к тому же поддаются коррекции, личность, конечно, не исчерпывается»¹.

Понятие «личность преступника» не ограничивается одним человеком, оно включает в себя всё множество лиц, совершивших преступление. Также в науке присутствует точка зрения, что правильным было бы говорить не личность преступника, а «личность человека (индивида), совершающего (совершившего) преступление»². Более точное определение личности преступника раскрывается в

* *Ширшанова Екатерина Алексеевна* – адъюнкт кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

следующем определении: «В целом можно определить личность преступника как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата»³.

Необходимо отметить, что у лиц, совершивших неосторожные преступления, некоторые черты, присущие лицам, совершающим умышленные преступления, могут отсутствовать, но данный факт не говорит о том, что не нужно изучать преступное поведение «неосторожных преступников». Эта особенность позволяет рассуждать о том, что личность преступника – это самостоятельный психосоциальный тип.

Изучение личности преступника основывается на выявлении тех особенностей и свойств, которые породили преступное поведение. Криминологи выделяют различные свойства, подлежащие изучению. Так, например, Н. Ф. Кузнецова считает необходимым исследовать социально-демографические, социально-ролевые и другие свойства личности преступников⁴. А. И. Алексеев при характеристике личности преступника выделяет следующие критерии: социально-демографический (пол, возраст, семейное положение, образование, должностное положение); уголовно-правовой (наличие или отсутствие судимости на момент совершения преступления, единоличный или групповой характер преступной деятельности); нравственно-психологический (потребности, мотивы совершения преступления, ценностные ориентации)⁵.

Что касается личности преступника-взяточполучателя, данному вопросу посвящено исследование

Н. Б. Завольской, в котором она рассматривает в качестве субъекта коррупционного преступления сотрудников правоохранительных органов. Если говорить о классификации преступников – сотрудников правоохранительных органов Н. Б. Завольская подчеркивает: «В зависимости от их положения в системе управления они могут быть классифицированы на две группы: руководители и рядовые исполнители»⁶. Сотрудников правоохранительных органов можно классифицировать и по уровню осуществляющих ими полномочий: на федеральном уровне, на региональном или на уровне муниципального образования.

Существует также утверждение, что «субъекты коррупционных деяний из числа должностных лиц имеют достаточно высокий образовательный уровень, обладают познаниями, позволяющими им скрывать истинный характер своей деятельности в течение довольно продолжительного времени»⁷, и это, действительно, так. Данный факт объясняется тем, что, например, при поступлении на службу в органы внутренних дел, лицо может и не иметь высшего образования, но при назначении на определенные должности есть отдельное требование – наличие высшего образования, что регламентируется ведомственными нормативными правовыми актами.

В рамках исследования личности взяточполучателя – сотрудника органов внутренних дел нами было проведено исследование приговоров судов Санкт-Петербурга, а также содержащихся в электронной системе судебных и нормативных актов «Судакт». В соответствии с изученной судебной практикой портрет личности преступника сотрудника органов внутренних дел, совершающего получение взятки можно охарактеризовать следующим образом: это сотрудник органов внутренних дел мужского пола в возрасте от 36 до 40 лет, имеющий корыстную мотивацию

и злоупотребляющий своим должностным положением в целях незаконного обогащения, имеющий стаж службы в органах внутренних дел от 11 до 15 лет, замещающий должность среднего начальствующего состава, имеющий на иждивении несовершеннолетнего ребенка, состоящий в браке. Особенностью сотрудника органов внутренних дел, совершающего преступление, является отсутствие у него судимости, так как на службу в органы внутренних дел могут поступать лица, не имеющие судимости.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что личность преступника – один из важнейших элементов криминологической характеристики взяточничества в органах внутренних дел. Изучение личности взяточполучателя – сотрудника органов внутренних дел должно носить системный характер и включать в себя не только изучение объективных признаков, но и субъективных, включающих мотивацию, ценностные ориентации, отношения с членами семьи, а также психологический климат в коллективе. Теоретическое изучение личности такого преступника носит практическое значение, которое позволит в дальнейшем выявлять лиц, склонных к совершению взяточничества в органах внутренних дел.

© Ширшанова Е. А., 2023

¹ Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1(50). С. 107–112.

² *Криминология: Учебник* / Под ред. И. И. Карпеца, В. Е. Эминова. М., 1992.

³ Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое-психологическое исследование. М., 2010.

⁴ Кузнецова Н. Ф., Лунев В. В. Криминология. М., 2004.

⁵ Алексеев А. И. Криминология: Курс лекций. М., 2004.

⁶ Завольская Н. Б. К вопросу о личности современного коррупционера // Государство и право в XXI веке. 2014. № 2. С. 23–26.

⁷ Жажина Ю. А., Петрушина Н. В. Анализ личности коррупционного преступника // IX Державинские чтения в Республике Мордовия. Саранск, 2013.

Е. Н. Костина*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕОСЪЕМКИ ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО

Допрос является одним из основных процессуальных действий, производимых в рамках уголовного дела. Однако наибольшее внимание стоит уделить допросу несовершеннолетнего потерпевшего, в связи с тем, что процессуальные действия, производимые с участием данной категории лиц, являются более проблематичными, в связи с психологическими особенностями детей. В свою очередь в ст. 191 УПК РФ применение видеозаписи или киносъемки обязательно в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает. Материалы видеозаписи или киносъемки хранятся при уголовном деле¹.

Согласно ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации с 10-летнего возраста несовершеннолетний имеет право выражать самостоятельно свое мнение, а также может быть заслушан в суде, то целесообразно считать, что его показания полностью являются осмысленными и к моменту достижения указанного возраста он осознает свои действия². Право ребенка выражать свое мнение предусмотрено ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г.³ Государства – участники обеспечивают ребенку,

* *Костина Елена Николаевна* – адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России.

способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим интересы ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с его возрастом и зрелостью. С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного производства, затрагивающего его интересы, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

Учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. При несогласии с мнением ребенка суд, другие государственные и муниципальные органы обязаны обосновать, по каким причинам решение было принято вопреки мнению ребенка.

Принимая во внимание данный факт, целесообразно дополнить ч. 5 ст. 191 УПК РФ, следующими словами: «Применение видеозаписи или киносъемки обязательно в ходе следственных действий, предусмотренных настоящей главой, с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель, достигший десятилетнего возраста, либо его законный представитель против этого возражает».

При этом на практике возникают ситуации, когда допрос несовершеннолетнего производится не в кабинете следователя, а непосредственно на месте преступления. В данной ситуации видеосъемка, как правило, осуществляется на мобильный телефон сотрудника следственно-оперативной группы. При этом камера должна быть постоянно направлена на ребенка и сотрудника производя-

щего допрос. В свою очередь это вызывает огромный дискомфорт, как для несовершеннолетнего, так и для сотрудника. В подобных ситуациях, как правило, законный представитель и сам несовершеннолетний отказываются от видеосъемки, что в свою очередь не противоречит нормам уголовно-процессуального законодательства. Также зачастую возникают ситуации, когда сами законные представители и несовершеннолетние категорически против применения видеозаписи процесса допроса, ссылаясь на то, что ребенок будет нервничать, зная о том, что его снимает камера, может полностью замкнуться, либо наоборот, начнет придумывать события, которые не имели места быть.

Согласно опросу сотрудников отдела дознания и следственного отдела ЛО МВД России на станции Москва-Савеловская УТ МВД России по ЦФО за 2022 г. потерпевшими по уголовным делам признаны 15 несовершеннолетних, при этом при их опросе видеосъемка не применялась, так как законный представитель возражал против видеосъемки. При этом документальная фиксация процедуры допроса, а также сам допрос несовершеннолетнего был отражен непосредственно только на бумаге, а именно в протоколе допроса.

Процесс допроса несовершеннолетних, участвующих в уголовном судопроизводстве, особенно в качестве потерпевшего, характеризуется большей сложностью и представляет перед следователем определенные трудности, связанные с выбором механизма формирования их показаний, приёма их получения, дальнейшей проверки и оценки, это можно увидеть на конкретном примере работы полицейских Республики Казахстан. Комнаты для допросов детей содержат яркий интерьер с настольными играми и игрушками, например, есть куклы с половыми

признаками, на примере которых при необходимости несовершеннолетние смогут показать и рассказать, что с ними произошло⁴.

В данном случае целесообразно рассмотреть проведение допроса несовершеннолетнего с возможным вовлечением ребенка в игру, таким образом, следователем предлагается ребенку на примере кукол, либо других игрушек, изобразить действия происходящие с ним. Так ребенок демонстрирует действия с двумя игрушками, изображая одной игрушкой себя, а другой лицо, совершавшее в отношении него противоправные действия. Участвующим лицам заранее сообщается о проведении данного действия, о том, что в кадре будут запечатлены только игрушки, живые лица в кадре при производстве видео и фото съемки не фиксируются. При этом при изображении тех либо иных поз, действий, ребенок ставит игрушки так и в те позы, в которых происходили действия. После чего каждое действие с игрушками фотографируется либо снимается на камеру следователем в той последовательности, в которой демонстрирует ребенок, происходящее с ним событие. Так же в ходе данной игры можно дать игрушкам имена, чтобы ребенок, мог играющее перенести все события в действия с игрушками. Данный процесс способен заинтересовать ребенка, и несовершеннолетний сможет раскрыться перед следователем и изложить все факты, произошедшие с ним.

После чего каждый снимок отдельным файлом загружается в компьютер следователя, впоследствии данные снимки загружаются в программу «ВидеоМонтаж», которую, в свою очередь, легко скачать на рабочий стол компьютера. С помощью данной программы создается небольшое видео, где файлы в определенной последовательности сменяют себя. В свою очередь, это поможет следо-

вателю наглядно понять процесс происходящих событий. Также в данной ситуации можно использовать презентацию, где с помощью определенных заданных параметров будут меняться слайды. После чего данное видео записывается на диск, который приобщается к материалам уголовного дела. Если же производилась видеозапись, то она также переносится на электронный носитель и приобщается к уголовному делу.

Значительным плюсом данного мероприятия, является то, что процесс происходит в ходе игры, а, как известно, дети малолетнего и младшего школьного возраста в основном познают мир в ходе игровой деятельности, что является для них более интересным фактором. Здесь же при осуществлении фотофиксации, видеосъемки изображения игрушек, на снимках будут отсутствовать изображения людей, в том числе и несовершеннолетних, что в свою очередь дает следователю право на изготовление, осуществление действий с данными снимками, видеозаписью, не нарушая прав законных представителей и самого потерпевшего. Обращаясь к ст. 191 УПК РФ следует, что при получении согласия с несовершеннолетнего потерпевшего, либо его законного представителя в обязательном порядке осуществляется процесс киносъемки либо видеосъемки допроса, при этом о проведении фотосъемки не упоминается⁵. Следовательно, проведение фотосъемки не запрещено при допросе несовершеннолетнего потерпевшего.

Автор считает, что данные действия наиболее целесообразно проводить при допросе несовершеннолетних в возрасте до 10 лет, явившихся потерпевшими по уголовным делам, связанными с насильственными действиями, а также действиями сексуального характера в отношении несовершеннолетних, так как при данных ситуациях дети

наиболее подвержены стрессовой ситуации и не всегда с помощью использования речевого диалога могут объяснить, произошедшее с ними событие. Так для данной возрастной категории детей наибольший акцент следует уделять психическому состоянию ребенка стараться сделать так, чтобы его моральное состояние менее было подвержено стрессу.

Подводя итог, целесообразно судить о том, что предложенные автором действия, проводимые при допросе несовершеннолетнего, смогут значительно наладить контакт с ребенком и получить от него более полную и достоверную информацию о произошедшем событии.

© Костина Е. Н., 2023

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 17 февраля 2023 года) // СПС «КонсультантПлюс». – www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/5b85bfbdd8ff2c78ae85d8401597a741b40398b7/ (дата обращения: 07.02.2023)

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (ред. от 19 декабря 2022 года) // СПС «КонсультантПлюс». – www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 08.02.2023)

³ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) // СПС «КонсультантПлюс». – www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 07.02.2023).

⁴ Хаургельдин Даурин. Полицейские допрашивают детей при помощи игрушек [Электронный ресурс] // URL: <https://exk.kz/news/51739/politsieiskiiedoprashivaiut-dietiei-pri-pomoshchi-ighrushiek> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 17 февраля 2023 года) // СПС «КонсультантПлюс». – www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/5b85bfbdd8ff2c78ae85d8401597a741b40398b7/ (дата обращения: 07.02.2023)

*М. Э. Молдобаев**

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ
«ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН» НА ДОСУДЕБНОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ В РОССИЙСКОМ
И КЫРГЫЗСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

В законотворческой и правоприменительной деятельности определение понятий имеет большое значение, поскольку они являются исходными и должны использоваться в юридической практике в качестве однозначных нормативных ориентиров. Четкая формулировка ключевых понятий института примирения сторон на досудебном производстве в качестве основания для прекращения уголовного преследования важна для определения условий, процедуры и составных частей разрешения конфликта между потерпевшим и лицом, совершившим преступление. Понятийная и терминологическая определенность – это не только вопрос правоприменения, но и выражение четкого (устоявшегося) мышления и осмысления определенного процесса¹.

В отношении указанного интересной представляется позиция немецкого ученого Ю. Шреклинга, который настойчиво предлагает при выработке понятий сочетать как теоретические разработки, так и рекомендации практических работников², чтобы, с одной стороны, не возникало соблазна опираться исключительно на результаты практической работы (появление слишком эмпирической

* *Молдобаев Максат Элмуратович* – адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России.

дефиниции), а с другой – преувеличенно теоретизировать понятия (абстрагирование, невозможность практической реализации нормы, а также догматическая неспособность учитывать случаи, которые могут возникнуть на практике).

В названии и тексте ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – УПК РФ) используется дефиниция «примирение сторон», а в названии и тексте ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ) говорится о примирении с потерпевшим. Из контекста самих уголовно-правовых и уголовно-процессуальной нормы проистекает, что речь идет о примирении с потерпевшим лица, совершившего преступление, с указанием на то, что примирение возможно лишь при условии, если речь идет о преступлении небольшой или средней тяжести. При этом в самих нормах российских уголовного и уголовно-процессуального законов речь идет также о примирении виновного с потерпевшим и о возмещении причиненного ущерба или устранении причиненного вреда без раскрытия содержания этих понятий. То есть название статьи, по сути, не охватывает всех понятий, составляющих ее основное содержание, а именно – необходимость загладить причиненный потерпевшему вред (ст. 77 УК РФ, ст. 25 УПК РФ) или же возместить причиненный потерпевшему ущерб (ст. 75 УК РФ). Однако разъяснения данных понятий осуществил Верховный суд Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»⁵.

Аналогичная ситуация наблюдается и в ст. 57 Уголовного кодекса Кыргызской Республики⁶ (далее – УК КР) «Лицо, совершившее преступление небольшой тяжести и

(или) менее тяжкое преступление, а также преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 154 (Изнасилование) и ч. 1 ст. 155 (Насильственные действия сексуального характера) УК КР, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и возместило причиненный ущерб, за исключением случаев, затрагивающих интересы общества и государства».

Как представляется, примирением является достигнутый мир (взаимопонимание) между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, то есть факт восстановленного бесконфликтного состояния между этими лицами. Исходя из указанного, условиями юридической действительности примирения (условиями, при которых примирение признается основанием для применения смягченных правовых последствий совершения преступления), являются:

а) возмещение потерпевшему материального, морального или физического вреда, причиненного преступлением,

б) совершение других действий в пользу потерпевшего, которые свидетельствуют, что совершившее преступление лицо загладило причиненный вред (в иной формулировке – ущерб).

В законодательстве Кыргызской Республики используются сходные понятия, например в п. 2 ст. 505 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики⁷ (далее – УПК КР) – «примирение между сторонами», а также, если лицо, совершившее преступление, согласно ч. 1 ст. 57 УК КР «примирилось с потерпевшим и возместило причиненный ущерб».

Таким образом, категория «примирение лица, совершившего преступление, с потерпевшим» должна раскрываться в том числе через содержание понятия «возмеще-

ние вреда», а также через отдельные условия самого примирения сторон.

Понятие «возмещение вреда» представляется целесообразным понимать как частноправовые меры по компенсации причиненного ущерба и наличие такого поведения лица, совершившего преступление, которое позволяет свидетельствовать о предпринимаемых усилиях, направленных на достижение с потерпевшим примирения, то есть на восстановление правового мира. При таком формулировании достигается объединение понятий «примирение» и «возмещение вреда» посредством анализа деятельности раскаяния субъекта преступления. Исходя из представленного, совершившее преступление лицо пытается достичь примирения, возмещая причиненный совершением преступления ущерб полностью или хотя бы в возможной, исходя из обстоятельств преступления, части. Тем самым примирение функционально охватывает возмещение вреда.

Основываясь на указанном, следует определить следующие элементы, которые охватывают все ключевые аспекты исследуемой категории:

1. *Повод.* Поводом для примирения является конфликт, возникший либо во время совершенных отношений между лицами, либо непосредственно перед совершением преступного деяния, либо во время него.

2. *Субъекты.* При примирении сторон речь идет преимущественно о преступлениях, потерпевшими от которых являются физические лица. При этом лицо, совершившее преступное деяние, непосредственно или опосредованно взаимодействует в ходе совершения преступления с потерпевшим, а при разрешении вопроса о примирении и возмещении вреда указанные лица действуют компетентно с учетом своих интересов и в рамках соб-

ственных процессуальных полномочий (разумеется, за исключением ситуаций, когда в интересах недееспособных, несовершеннолетних или иных лиц действуют их законные представители).

3. *Цель.* Главной целью примирения между сторонами является урегулирование конфликта и возмещение потерпевшему вреда.

4. *Предмет примирения.* Предметом обсуждения между лицом, совершившим преступное деяние, и потерпевшим могут быть возможные модели возмещения вреда и/или другие пути урегулирования конфликта (работы в пользу потерпевшего, подарки ему, публичное извинение и т. д.).

5. *Коммуникация.* При осуществлении примирения между сторонами, по возможности, должен происходить коммуникативный процесс (общение между лицами), потому что только вследствие встреч, бесед возможен максимально удачный эффект. Такой процесс может происходить также при содействии третьего лица (медиатора).

6. *Правовые последствия.* Соотношение между процессом примирения и уголовным преследованием должно выражаться в завершении последнего, то есть, отказе правоохранительных органов от дальнейших мер.

Указанное коррелируется с подходом Е. В. Смахтина и А. А. Ларионовой, которые среди потенциальных составляющих процесса примирения сторон называют признание лицом, совершившим деяние, своей вины, раскаяния, извинения перед потерпевшим и возмещения вреда⁸, то есть тоже рассматривают «примирение» как понятие, достаточное для обозначения всех необходимых действий.

Таким образом, под **примирением сторон в уголовном судопроизводстве** предлагается понимать соглаше-

ние между участниками уголовно-правового конфликта, направленное на его погашение и выраженное в восстановлении обвиняемым прав потерпевшего, а также в одновременном отказе потерпевшего от претензий уголовно-правового характера к обвиняемому. Исходя из приведенной формулировки, субъектный состав непосредственных участников таких примирительных действий включает обвиняемого и потерпевшего как лиц, чей процессуальный статус непосредственно связан с совершенным преступным деянием, что соответствует выявленным элементам процесса примирения в уголовном судопроизводстве.

© Молдобаев М. Э., 2023

¹ *Mueller-Dietz H.* Was bedeutet Taeter-Opfer-Ausgleich im Strafrecht // Hering R.-D., Roessner D. Taeter-Opfer-Ausgleich im allgemeinen Strafrecht. Bonn, 1993. S. 7–24.

² *Schreckling J.* Taeter-Opfer-Ausgleich nach Jugendstraftaten in Koeln. Bonn, 1991. S. 130.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 17 февраля 2023 года) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 года) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 (ред. от 29 ноября 2016 года) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8. Август.

⁶ Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 9 августа 2022 года) – <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru> (дата обращения: 13.03.2023).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от

28 октября 2021 года № 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15 февраля 2023 года) – <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308> (дата обращения: 13.03.2023).

⁸ Смахтин Е. В., Ларионова А. А. К вопросу о примирении сторон в уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1(19). С. 204–216.

М. В. Складенко*

**СРОК НА АПЕЛЛЯЦИЮ:
ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Процессуальный институт – срок на обжалование судебного решения, во-первых, величина физическая, во-вторых, категория философская, психологическая, социальная и правовая. Размер этого срока, будучи predetermined множеством объективных и субъективных факторов, зависит от явных и тайных целей уголовного судопроизводства, уровня нашей общей и юридической культуры. Предлагается не только проследить эволюцию института в России с конца XVIII в. до наших дней, но и заглянуть в будущее. В текущий момент времени в системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений «бумажный» документооборот последовательно замещается на «электронный», «цифровой». Уже в наши дни компьютерные технологии позволяют участникам процесса поднять уровень судебно-контрольных процедур на качественно новый уровень. Longread (лонгрид) – инновационная практика оформления апелляционных и кассационных жалоб. Автор убежден, что будущее за новыми компьютерными технологиями в уголовном процессе, в котором со временем свое место по праву займет искусственный интеллект.

***Срок – важнейшая составляющая
процессуальной формы***

* Складенко Марина Владимировна – советник Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (Москва).

Для уголовного судопроизводства характерна жесткая процессуальная форма, важнейшим элементом которой является не только физическая, но и философско-правовая категория срок – «отрезок, промежуток времени, определяемый для чего-либо»¹. Автор Философского словаря Андре Конт-Спонвиль в данном случае использует термин «temporalite» (временность), характеризуя это явление как «изменение сознание», «осмысленное время»², которое согласно закону дается участникам процесса для направления в вышестоящий суд воззвания (используются термины *appellation*, *Berufung*), а то и мольбы о помощи.

Что касается времени («длительности отпущенного, в первую очередь, осужденному на обжалование»)³, то это – одна из форм существования материи (в том числе и процессуальной), ее, так называемое, четвертое изменение. Время – это форма протекания физических и психических процессов, надежда на изменение (коррекцию) будущего в рамках конкретных сроков. Время – одно из основных понятий философии, мерило длительности существования всех объектов, характеристика последовательной смены их состояний в процессах и самих этих процессов: изменения и развития. Время – одна из координат единого пространства-времени. В уголовном процессе, как и в философии, время течет не только в одном направлении (стрела времени), но и необратимо, оно отличается одномерностью, наличием ряда свойств симметрии.

В психологии признается, что течение времени (сроки) во многом зависит от субъективных ощущений и состояния наблюдателя. Кто-то за сутки успевает сделать очень многое, а про кого-то в народе говорят: «бедному жениться – ночь коротка».

Процессуальные сроки – это отрезки времени, установленные Конституцией Российской Федерации, УПК РФ, специальными федеральными законами или иными актами (например, постановлением Федеральной палаты адвокатов, см. ст. 50 УПК РФ, регламентирующие порядок подбора защитника по назначению). Сроки в процессе могут также регламентироваться признанными Российской Федерацией нормами международного права.

Речь идет о сроках, которые делятся на императивные и диспозитивные. Первые – не могут быть изменены соглашением сторон; вторые – ими устанавливаются и корректируются. Особо следует выделить срок, установленный конкретным судебным решением, например, период, отведенный лицу, подавшему апелляционную жалобу, на приведение ее в соответствии с требованиями закона (ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ).

Еще одной уникальной особенностью процессуального права является возможность восстановления судом пропущенных сроков на принесение жалобы (ст. 389.5 УПК РФ).

Действие считается выполненным в срок, если оно завершено до двадцати четырех часов последнего дня срока, кроме случаев выполнения таких действий в организациях (в этом случае срок исполнения истекает в тот час, когда в организации в соответствии с установленными правилами прекращаются соответствующие операции).

Письменные жалобы, заявления и извещения, поданные в органы официальной связи до 24 часов последнего дня срока, считаются сданными в срок. Данное обстоятельство обязывает участников процесса (например, суд) к исчислению сроков на обжалование подходить «творчески», с некоторым «разумным» запасом времени, не спе-

шить с исполнением приговора, поскольку в течение какого-то времени в суд может поступить «запоздалая» апелляционная жалоба, поданная в установленный законом срок в организацию связи.

Пробел в законе: УПК РФ, предусматривая возможность подачи апелляционной жалобы по почте, не знает регламента проверки факта направления такой жалобы.

Пример: жалоба, которую не ждали

Петрозаводский городской суд Республики Карелия 23 января 2015 г. по делу М. поспешил исполнить свое решение от 12 декабря 2014 г. (мотивированное; текст изготовлен 22 декабря 2014 г.), что позволило истцу оперативно получить значительную сумму денег, после чего в суд поступила апелляционная жалоба ответчика, поданная по почте 20 января 2015 г. (в срок). Итог: суд второй инстанции спорное решение отменил, истец к этому моменту деньги поспешил растратить, разбирательство по делу затянулось на годы, ответчиком М. был поставлен вопрос о компенсации государством, вреда, причиненного, ему «поспешным» исполнением судебного решения⁴.

С одной стороны, суд первой инстанции формально прав: срок на подачу жалобы истек, решение оперативно должно быть исполнено. Задержка исполнения решения – брак в работе суда. С другой стороны, если жалоба подана в срок, то как долго ее следует ждать? Почта России ответа на данный чисто технический вопрос не дает.

В США имели место случаи, когда при наличии жалобы, поданной в срок, осужденных успевали казнить. В конечном итоге, бесспорно, что решения судов Карелии по делу М. не соответствовали критерию законности.

Разумность temporalite

Как видим, в процессуальных законах изначально заложено противоречие, с одной стороны, в ст. 389.4

УПК РФ мы видим конкретный срок, с другой – этот срок легко торпедруется направлением апелляционной жалобы по почте. Наконец, при определенных обстоятельствах установленный в законе срок может быть восстановлен, то есть скорректирован фактически соглашением, заключаемым между автором жалобы и судом. Возникает вопрос, что лежит в основе «temporalite», продолжительность «временности», суть которой А. Конт-Спонвиль видит не в физике явления, а в сознании людей.

Позволим себе сформулировать наше авторское определение этого «temporalite». Представляется, что общий срок на обжалование судебного решения должен быть таким, чтобы все заинтересованные лица, действуя естественно без неоправданной задержки, успели бы получить обжалуемое судебное решение в копии, изучить его, обсудить свои будущие действия с адвокатом, оформить и подать жалобу.

Всегда ли срок на обжалование (воззвание о помощи) является достаточным? Согласно ч. 11 ст. 108 УПК РФ общий срок на подачу кассационной жалобы на постановление о заключении подозреваемого (обвиняемого) под стражу законодателем изначально ограничен тремя сутками. Представим себе ситуацию: постановление в порядке ст. 108 УПК РФ вынесено судом в пятницу поздно вечером; защитника по соглашению у арестованного нет; адвокат, назначенный ему в порядке ст. 50 УПК РФ только на участие в судебном заседании, посчитал, что свою функцию выполнил и ушел домой. Срок на апелляционное обжалование начинает свое неумолимое течение с «ноля» часов следующих суток: это два выходных дня (действующему календарю, как и когда-то в царское время, известны и праздники, некоторые из них до 8 дней кряду). Вопрос, когда и как лицо, помещенное в СИЗО, сможет в

полном объеме получить гарантированную Конституцией РФ (ч. 1 ст. 48) квалифицированную юридическую помощь? В лучшем случае, в понедельник (иной первый рабочий день), да и то, если следователь окажет ему в этом соответствующие содействие.

Эволюция регламентации срока на подачу жалобы

Процессуальная форма, в том числе, и продолжительность сроков на обжалование обусловлены, в первую очередь, уровнем развития производительных сил общества (совокупность материальных фактов) и свойственных ему производственных отношений (совокупность межличностных факторов). Во вторую очередь, важное значение при установлении категории «срок» в законе имеют соответствующие конкретному обществу традиции, уровень его общей и юридической культуры. В подтверждение данной констатации приведем некоторые наши наблюдения по истории развития анализируемого процессуального института (срок на обжалование) в России.

1835–1864 годы:

процесс инквизиционный, письменный

Анализ срока на обжалование предлагаем начать с середины Нового времени (XVII–XVIII вв.), включая первую половину «долгого XIX века», то есть периода нашей истории непосредственно предшествующего Великой судебной реформе 1864 г. Впервые регламент исчисления данной категории сроков в порядок был приведен М. М. Сперанским (1722–1839) в изданном по его руководством в 1835 г. 15-томном Своде законов Российской империи (далее – Свод). Нормы, непосредственно регулирующие уголовное судопроизводство и судопроизводство находились в I и II томе Свода. Последний XV том этой систематизации образовывал Свод законов уголовных, в

второй книге которого можно было найти некоторые правила принесения жалоб на судебные решения в уголовном процессе, и, естественно, сроки на их подачу.

Впрочем, упоминания, касающиеся, исследуемого института, встречались и в других томах Свода. Чтобы не потеряться в обилии существовавших в те времена норм и правил, доставшихся российской юриспруденции от предыдущих кодификаций позднего Средневековья и Нового времени (Соборное уложение 1649 г. Алексея Михайловича; Новоуложенная книга 1703 г., одобренная Петром I; доекатерининские систематизации Комиссий 1728–1761 гг.; результаты деятельности Екатерининской Комиссии по составлению законов в конце XVIII – первой четверти XIX в.), обратимся к «Практическому руководству по русскому уголовному судопроизводству», составленному в 1852 г. Н. И. Стояновским (1821–1900)⁵.

Напомним, что дореформенный уголовный процесс первой половины XIX в. был преимущественно инквизиционным и письменным, правда, уже с некоторыми элементами состязательности, в частности, ряд участников процесса получил право на принесение жалоб на судебные решения по маловажным делам.

Впрочем, главной особенностью дореформенного уголовно-процессуального регламента являлось полное отсутствие у большинства судов первой степени (с 1775 г.: сельский суд, нижняя расправа, верхняя расправа, совестный суд, нижний земский суд, уездный суд, городской магистрат)⁶ права на постановление окончательного приговора по всем важным делам⁷, каковые в обязательном порядке по письменным материалам подвергались ревизии – дополнительной проверке вышестоящими судебными инстанциями, в числе которых мы находим не только палату уголовного суда в губерниях, Правитель-

ствующий Сенат в Санкт-Петербурге, но и самого государя императора. Естественно, что существование данного порядка, в рамках которого практически все важные дела из суда первой инстанции последовательно восходили в палату уголовного суда и, далее, как минимум, в Правительствующий Сенат, делало абсолютно ненужным существование самого института обжалования первоначальных судебных решений, так как таковые рано или поздно обязательно становились объектом исследования (проверки и пересмотра) вышестоящими инстанциями.

В то же время по целому ряду маловажных уголовных дел российский дореформенный уголовный процесс уже знал такие понятия, как: «апелляция», «апелляционный порядок обжалования» и «апелляционный отзыв» (жалоба)⁸. Их наличие предполагало обязательное установление государством срока на подачу апелляционной жалобы, таковой до 1864 г. равнялся одному календарному месяцу с момента подписания обжалуемого решения. Например, если приговор постановлен судом 25 мая, то, срок подачи апелляционной жалобы истекал 25 июня.

Регламент уголовного судопроизводства дореволюционной России использовал понятие «присутственный день» (рабочий день). Если окончание срока на обжалование приходилось на nepřисутственный день, то жалоба принималась к рассмотрению в следующий за ним первый присутственный день. Если срок на апелляционное обжалование истекал во время больших религиозных праздников (Пасха, Страстная неделя), то жалобы принимались в первый следующий за ними присутственный день. При этом запоздалое получение заинтересованным лицом копии обжалуемого решения никакого значения не имело⁹.

Чтобы правильно разобраться в этой ситуации, мы призываем читателя мысленно переместиться в первую

половину XIX в.: присяжная адвокатура – на этапе своего генезиса; в процессе подготовки жалоб сторонам, в лучшем случае, помогают стряпчие уголовных или казенных дел, а также удельные стряпчие для удельных крестьян¹⁰, в то время как подавляющее большинство участников процесса – люди абсолютно неграмотные, расписаться даже не могут. Отсюда и минимизации в части диспозитивности сторон, и необходимая вертикаль обязательных ревизий, сохраняющая диспозитивность в процессуальном поведении только за чиновниками, составляющими справки, сопровождающие движение дела «наверх».

Из средств официальной коммуникации – только почта. К этому следует добавить полное отсутствие множительной техники, все копии судебных решений акакии акиевичи¹¹ пусть и тщательно, но неспешно переписывают от руки, следовательно, ждать документы сторонам приходится очень долго. Не случайно, законодатель в Своде специально зафиксировал срок на выдачу копий судебных решений – минимум за десять дней до истечения срока на подачу апелляционной жалобы.

К этому нельзя не добавить: простая писчая бумага – стоит дорого, а гербовая бумага, на которой сторонам разрешается подавать документы в суд, – страшно дорога (отзывы первого разбора пишутся на гербовой бумаге лист – 15 коп. серебром, второго – 30 коп. серебром, а третьего – 60 коп. серебром)¹².

Особо следует отменить, что законодатель, чтобы не отвлекать по пустякам вышестоящие суды, перед авторами жалоб поставил жесткое и трудно выполнимое условие: «В отзывах осужденные должны были прописать в чем они почитают приговор несправедливым, а также обозначить каким именно законом он противен»¹³, сказанное означает, что лицо, составляющее отзыв, должно обладать

минимумом юридических знаний, навыками составления специальных процессуальных документов. О важности данного законодательного установления свидетельствует и то, что в суде второй инстанции автора жалобы совершенно не ждали, слушать его не планировали, что автоматически повышало требование к качеству изложения жалобы на бумаге.

1864–1917 годы:

процесс состязательный, устный

Авторы Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (далее – УУС)¹⁴ сделали все возможное, чтобы максимально полно уничтожить письменную составляющую «старого» процесса. Вольные вершители судеб подсудимых – присяжные заседатели позиции обвинения и защиты обязаны были уловить «на слух». Приговоры окружных судов, постановленные с участием присяжных заседателей и приговоры судебных палат считались окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежали (ст. 854), следовательно, таковые могли быть подвергнуты только кассации (ст. 855).

Порядок обжалования решений общих судебных установлений регламентировался разд. 5 УУС. При этом апелляционный регламент обжалования неокончательных приговоров (ст. 853) был установлен в главе второй. Срок на подачу апелляционной жалобы в 1864 г. по сравнению с предыдущим периодом сокращен вдвое – с одного месяца до его половины, точнее – до двух недель или 14 дней. Согласно ст. 865 УУС «протесты и отзывы (жалобы) должны быть поданы в суд, постановивший приговор, не позже как в двухнедельный срок со времени его объявления».

Для нас особый интерес представляет подход законодателя к исчислению начала и окончания апелляционного срока на обжалование, для чего мы обратимся не только к

тексту УУС, но и к краткому комментарию «Судебных уставов Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями, подготовленному С. Г. Щегловитовым» (1856–?)¹⁵.

По общему правилу «приговор прочитывался при открытых дверях» (то есть, любой желающий в это время имел право войти в зал судебного заседания и выслушать судебное решение), даже в тех случаях, когда участники процесса в суд не явились (ст. 831). «По прочтению приговора Член суда своею рукою на первой его странице делал соответствующую отметку (ст. 834), после чего разъяснял присутствовавшим срок и порядок обжалования» (ст. 832). Таким образом, «за исходную точку исчисления срока на обжалование принималось объявление приговора, то есть его прочтение в присутствии суда в окончательной форме, а никак не время получения подсудимым копии документа (см.: дело 69/709 Квидзе)¹⁶.

Впрочем, в календарном исчислении срок на обжалование начинали отсчитывать со дня, следующего за объявлением приговора (см. подробнее: дело 74/466 Мезин, ср. пол. 10 к ст. 557), так что по приговору, объявленному, например, 25 мая, началом срока следует считать 26 мая, а последним днем на подачу жалобы – 8 июня (см, например: дело 71/1313 Кадыма-Мамади-оглы); вообще последним днем срока считался 14-тый день со дня, следующего по объявлению приговора (дело 68/435 Раскина), Если последний день срока приходился на nepřисутственный день, то жалоба принималась в следующий за тем присутственный день (см. дела: 68/64 Спиридонова и 71/1313 Кадима-Мамади-оглы).

В общих судебных местах срок на подачу жалоб продолжался по правилам ст. 821 и 825 Устава гражданского судопроизводства до 3 часов пополудни, или же, если су-

дебное заседание будет закрыто после 3 часов, до закрытия сего заседания (дела: 69/863 Хомутово, 74/466 Мезина), за исключением, конечно, отправления прошений по почте (ст. 867) по штемпелю которой определялось начало течения срока на обжалование приговора (ст. 833).

Отзывы (жалобы) представлялись письменно или словесно (ст. 862), последние записывались в протокол (ст. 864). Процесс устный: апофеоз данного института заключался в том, что осужденный, выслушав приговор по малозначительному делу, тут же в присутствии своего защитника (или без такового) приносил на него устный отзыв, который секретарем фиксировался в протоколе. Кроме того, зафиксированный секретарем отзыв осужденного подписывался его автором, если последний, конечно, был грамотным (см. дело: 70/746 Магнита)¹⁷.

Опять-таки, чтобы правильно разобраться с процедурой подачи жалоб во второй половине XIX в. и до Октябрьской революции 1917 г., просим читателя вспомнить о том, что присяжная адвокатура переживает «золотой век в своем развитии» – есть кому писать жалобы! В то же время подавляющее большинство участников процесса – люди по-прежнему неграмотные, очень многие расписаться все еще не могут.

В современном понимании множительной техники нет. Правда, начиная со второй половины XIX в. акакии акакьевичи в делопроизводстве (пусть и крайне медленно) заменяются пишущими (печатными) машинкам и копировальной бумагой, что позволяет изготавливать до 10 копий процессуальных документов в одну закладку. Данный уровень механизации российского делопроизводства просуществует до начала XXI в., предопределив тем самым облик большинства копий судебных документов (закладки после пятой читались с трудом).

Единственный коммуникационный посредник между участниками процесса и судебными инстанциями – все еще только почта.

1917–2023 годы:

«советское» – видоизмененное «царское»

Первые Декреты Советской власти о суде (№ 1 – 23 ноября 1917 г., № 2 – 7 марта 1918 г. и № 3 – 20 июля 1918 г.), с одной стороны, полностью отменяли УУС 1864 г., с другой – устанавливали регламенты, содержащие апробированный временем институты на обжалование судебных решений и, естественно, определили сроки на подачу жалоб на решения судов. В виду многочисленности норм и правил существовавших в первые послереволюционные годы обратимся, во-первых, к «Истории законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.», сборнику документов, опубликованных под редакцией С. А. Голунского (1895–1962)¹⁸, а также к «Истории советского суда» М. В. Кожевникова¹⁹.

В данных изданиях обнаруживаем, что Декрет № 2, отменяя апелляцию, не исключал кассации судебных решений²⁰. Из текста Инструкции «Об организации и действии местных народных судов», утвержденной постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г. следует, что срок на кассационное обжалование равен одному месяцу, свое течение он начинает с момента вручения копии приговора²¹.

«Положение о полковых судах» сокращало данный срок до 7 суток, которые начинали свое течение:

- а) с момента провозглашения приговора, если дело слушалось с участием осужденного;
- б) с момента вручения копии приговора, если дело слушалось в отсутствие последнего²².

Следующими этапами развития регламентов о сроках обжалования являются УПК РСФСР 1922 и 1923 годов, в которых, соответственно в ст. 350 и 346 читаем: все жалобы на приговоры народных судов приносятся в течение 14 суток со дня вынесения²³.

Существовали и сокращенные сроки на обжалование согласно УПК РСФСР 1922 г. в военных трибуналах:

- 1) в мирное время до 48 часов (ст. 433);
- 2) в местностях, объявленных на военном положении – 24 часа (ст. 435);
- 3) в боевой обстановке обжалование приговоров предусмотрено не было (ст. 434)²⁴.

Высший судебный контроль осуществлялся НКЮ²⁵, который, как и соответствующие административные органы, существовавшие до 1864 г. в Российской империи, мог истребовать из любого суда, проверить и пересмотреть любое дело.

Согласно УПК РСФСР 1923 г. срок на обжалование приговоров губернских судов был равен всего 72 часам (ст. 400)²⁶.

Анализ первых советских регламентов позволяет сделать вывод, что осужденные, с одной стороны, как правило, имели право на получение копии приговора, с другой – писать кассационные жалобы им практически всегда проходило самостоятельно, так как права реального права на квалифицированную юридическую помощь они фактически не имели. Зато грамотность осужденных росла год от года, к середине 30-х годов не умеющих читать и писать были единицы. Закон не требовал детального обоснования жалоб, последний по существу повод, обязывающий вышестоящие инстанции проверить работу нижестоящих судов. Контрольный процесс по сути свой письменный: заслушивание сторон законом не возбраня-

лось, но и не приветствовалось. Кассационные коллегии практически 100 % дел рассматривались с кабинетах судей. Осужденные, содержащиеся под стражей, в суды не доставлялись.

1961–2003 годы:

УПК РСФСР 1960 года

Согласно ст. 328 УПК РСФСР любой приговор суда мог быть обжалован в течение 7 суток с момента его провозглашения, а содержащимся под стражей осужденным в этот же срок с момента вручения последнему его копии.

Федеральным законом от 7 августа 2000 г. № 119-ФЗ, УПК РСФСР был дополнен правом принесения в тот же срок апелляционных жалоб на приговоры, постановленными мировыми судьями.

Процесс проверки и пересмотра судебных решений вступил в новую стадию: он не только письменный, но уже и устный, кассационные коллегии свои заседания из судебных кабинетов переносят в залы, появилась ВКС²⁷.

2003–2023 годы:

УПК Российской Федерации

Согласно ст. 356 УПК РФ 2001 г. жалоба и представление на приговор (иное решение суда первой инстанции) могли быть поданы сторонами в апелляционном или кассационном порядке в течение 10 суток со дня провозглашения приговора, а осужденным, содержащимся под стражей, – в тот же срок со дня вручения ему копии приговора.

Эволюция регламентации срока на подачу жалоба

Процессуальная форма, в том числе, и продолжительность сроков на обжалование обусловлены, в первую очередь, уровнем развития производительных сил общества (совокупность материальных фактов) и свойственных ему

производственных отношений (совокупность межличностных факторов). Во вторую очередь, важное значение имеют существующие конкретному обществу традиции, уровень его общей и юридической культуры.

Все существующие в современном мире системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений – порождение эпохи индустриальной (века прошлого, а то и позапрошлого). Им просто нет места в постиндустриальном в обществе. На смену «офису судебному» стремительно идет «офис», пусть тоже судебный, но уже виртуальный, а смена систем мысли неизбежно ведет к смене всех прочих стратегических схем и систем, в ряду которых системы защиты жертв преступлений.

Как точно отметил в своем интервью судья Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиев: «Общества вступили в новую фазу исторического развития. Перемены происходят гораздо быстрее, чем раньше. Раньше можно было прожить всю жизнь в одинаково комфортных условиях и не чувствовать, что технологические изменения выталкивают тебя из жизни. Сейчас, и я это чувствую на себе даже физически, быстрое вхождение в жизнь явлений, связанных с цифровизацией, ограничивают возможности многих. Это может быть связано как с биологическими особенностями человека, например возрастом, когда сложно воспринимать изменения, так и с самим фактом доступа к новым технологиям»²⁸.

Компьютеризация неизбежно явилась следствием процессуальной революции: изменилась форма, структура и содержание документов. Если в 20-х – 60-х годах прошлого века приговор по делу о квалифицированном убийстве умещался на одном-двух печатных листах, то документы нашего времени насчитывают десятки, а то и сот-

ни страниц текста, воспринять, которые на слух практически невозможно.

2017 год:
законопроект об оптимизации
сроков на обжалование

27 апреля 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 13 о внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта об оптимизации некоторых процессуальных сроков²⁹. Судьи предложили оглашать в зале судебного заседания только вводную и резолютивную части приговора, что автоматически предполагает необходимость вручение всем заинтересованным участникам процесса его копий. Что, в свою очередь, потребовало увеличение срока на подачу жалоб на судебное решение.

2022–2023 годы:
реализация законопроекта

Начиная с 9 января 2023 г. в силу последней редакции ч. 7 ст. 241 УПК РФ «Приговор суда (иное решение), вынесенное по результатам судебного разбирательства, провозглашается в открытом судебном заседании (оглашаются их вводная и резолютивная части). Срок подачи апелляционной жалобы с 10 суток увеличен 15 суток (ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ в ред. ФЗ от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ).

Судебное решение о временном (до 6 месяцев) помещении в лечебных целях лица, нуждающегося в оказании ему психиатрической помощи, может быть обжаловано в апелляционном порядке также в течение 15 суток (ранее – 10 суток).

Имеются достаточные основания предположить, что на очереди увеличения с 3 до 15 суток специального срока

на подачу апелляционной жалобы для лиц, в отношении которых вынесено постановление о заключении под стражу (ч. 11 ст. 108 УПК РФ).

Несмотря на то, что в наши дни в теории процесса считается, что современное уголовное судопроизводство является устным, законодатель, формально признавая за автором жалобы право на выступление в суде вышестоящей инстанции, по-прежнему категорически настаивает на обоснованности жалоб. Как и двести лет назад, автор жалобы в ее обоснование в обязательном порядке приводит доводы (п. 4 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ), с указанием оснований, предусмотренных, например, ст. 389.15 УПК РФ. Как видим, законодатель требует от автора жалобы своего рода мотивированный «контрприговор», в котором по пунктам автор жалобы доказывает:

1) почему выводы суда не соответствуют действительности;

2) в чем заключаются существенные нарушения УПК РФ;

3) в силу чего применения норм УК РФ следует признать неправильными;

4) почему вдруг приговор несправедлив.

С компьютеризацией уголовного судопроизводства наблюдается бессистемное «разбухание» подавляющего большинства процессуальных документов. Если в 1950-х – 1970-х годах приговор, которым лицом осуждалось к смертной казни, вполне мог уместиться на двух, а то и на одной странице машинописного текста, то в наши дни многие из судебных решений насчитывают десятки, а то и сотни страниц печатного текста. Соответственно, увеличились в своем объеме и жалобы на процессуальные решения. Как в этой связи не вспомнить слова

В. В. Маяковского «обдают дождем дела бумажные» (Прозаседавшиеся, 1922).

О росте «бумажного» документооборота (культура века прошлого и позапрошлого) свидетельствует замечание заместителя председателя Первого кассационного суда общей юрисдикции (КСОЮ) С. О. Сундукова, который в своей публикации, посвященной проблемам доступности правосудия, как бы невзначай отметил, что ежедневно в Первый КСОЮ поступает от 100 до 300 дел, с учетом того, что большинство из них являются многотомными, вес почты может составлять несколько тонн³⁰. Неудивительно, что перспективы развития документооборота и С. О. Сундуков, и секретарь Пленума Верховного Суда Российской Федерации проф. В. В. Момотов видят исключительно в переходе на электронное (свойство носителя информации: информационно-коммуникационные технологии, ВКС), а еще лучше цифровое (форма существования данных в цифровой среде) правосудие³¹.

Развивая данную тему, Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев 14 марта 2023 г. в своем выступлении отметил, что «заинтересованные лица получили возможность подавать иски в суд через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ). Сотрудники МФЦ помогают гражданам создать личный кабинет пользователя на портале ГАС "Правосудие", отсканировать документы, загрузить нужные файлы в систему. В течение года, таким образом, было подано более 5,5 миллиона документов. Во многих МФЦ дежурят адвокаты, которые могут проконсультировать участников процесса по некоторым вопросам»³².

В условиях НТР творчески к оформлению жалоб порой подходит и сторона защиты. В последнее время неко-

торые адвокаты овладели навыком подготовки документов в стиле лонгрид. Буквально этот английский термин longread (long read) переводится как «долгое чтение», фактически же речь идет о формате подачи юристами материалов, спецификой которого является большое количество текста, разбитое для его лучшего восприятия на части с помощью различных мультимедийных элементов: фотографий, видеофрагментов, инфографики и т. п.

Формат лонгрид предполагает чтение жалобы не только на бумаге, но и с различных электронных носителей. Это позволяет читателю документа преодолеть «информационный шум», которым перегружены многие процессуальные документы, более глубоко вникнуть в тему. Важнейшим отличительным признаком стиля лонгрид является обязательное наличие содержательной основы документа, поэтому правильно выстроенный лонгрид воспринимается как целостная хорошо иллюстрированная, а то и увлекательная история. Авторы жалоб ограничены только глубиной разработки темы, наличием комплекса иллюстративных материалов. Сами по себе эти жалобы отличаются уникальной версткой и дизайном.

Классическим примером такого подхода к оформлению жалоб является работа группы самарских адвокатов, защищающих лиц, которые с целью поддержания высокого уровня расценок на услуги покусились на картельный сговор, чтобы не допустить демпинга со стороны случайных конкурентов (ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ). События развивались следующим образом.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскные действия, в 2015 г. собрали информацию о том, что ряд лиц намеривается вступить в картельный сговор, чтобы не допустить к подрядным работам случайных конкурентов. Данная информация явилась основанием для воз-

буждения громкого уголовного дела по ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ, которое по окончании предварительного расследования было направлено в суд.

Ввиду наличия у общественности интереса к судьбе создателей картеля, судебное разбирательство широко освещалось в СМИ, в частности, в зал судебного заседания с разрешения председательствующего было допущено местное телевидение, операторы которого записали практически 100 % процесса, данной информацией телевизионщики, как водится, поделились с адвокатами.

Приговором Самарского районного суда г. Самары от 31 июля 2019 г. группа лиц была признана виновной в совершении преступления в виде покушения на картельный сговор (ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ) и осуждена в том числе к реальным срокам лишения свободы.

В суде второй инстанции стороне защиты удалось зародить разумные сомнения в доказанности вины осужденных (планы о возможном финансировании – уловка органов, осуществляющих ОРД, естественно, что финансирование подрядных работ еще открыто не было, их подзащитные еще только собирались «делить шкуру неубитого медведя»), в результате чего апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 29 июля 2020 г. обвинительный приговор был отменен, а уголовное дело возвращено в суд первой инстанции для повторного судебного разбирательства.

По представлению заместителя прокурора Самарской области судебной коллегией по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11 февраля 2021 г. благоприятное для защиты апелляционное определение было отменено (чем фактически возвращалась промежуточная легитимность решения суда первой инстан-

ции) и уголовное дело было возвращено в Самарский областной суд для нового судебного разбирательства во второй инстанции.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах сторона защиты, обращаясь в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (вторая кассация) продемонстрировала все свои возможности, чтобы доказать правильность и обоснованность своей позиции, для чего ею в процессе оформления комплекса кассационных жалоб был использован стиль лонгрид.

Мало того, что авторы жалоб оспаривали буквально всё, начиная от проведения ОРМ и постановления о возбуждении уголовного дела, до отказа Шестым КСОЮ удовлетворить некоторые их ходатайства, свое пространное повествование они дополнили включенными в текст жалобы фотографиями и видеофайлами, в которых были зафиксированы все нюансы хода судебного разбирательства в первой инстанции. Суду данный видеоряд был представлен на стандартных флэшносителях.

Видеозаписями тексты своих документов, адресованных в органы правоохраны и суды, дополнил и волгоградский адвокат, защищавший Б., валюту которого дерзко присвоил следователь А., проводивший обыск в квартире у обвиняемого в получении взятки за написание им за деньги докторской диссертации. Данное дело было признано громким, телевидение отсняло даже ход обыска, в процессе которого следователем была изъята валюта. Несмотря на то, что на камеру была продемонстрирована одна сумма (1405 евро), следователь в протоколе обыска умышленно указал меньшую сумму (800 евро), а разницу присвоил.

Сторона защиты, приобщила все имеющиеся в ее распоряжении видеоматериалы по делу Б., что повлекло

сначала изобличение следователя А., а затем и его осуждение по ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 303 УК РФ (приговор Центрального районного суда г. Волгограда от 5 мая 2019 г. № 1-34/2019)³³.

С сожалением приходится констатировать, что электронных мощностей не хватает. Например, в 2023 г. осужденный П. ходатайствовал перед Первым КСОЮ о рассмотрении его жалобы:

1) с участием избранного им защитника;

2) с помощью ВКС, так как оплатить свою и адвоката поездку из Курска в Саратов он не в состоянии по материальным причинам.

Первый КСОЮ в удовлетворении данного ходатайства отказал, рассмотрел дело без участия осужденного, неофициально мотивируя это отсутствием необходимых мощностей ВКС.

Со временем совершенствование всей системы уголовного судопроизводства на базе компьютерных технологий откроет дорогу искусственному интеллекту, как в судебной деятельности в целом, так и в системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений.

Основные научно-практические выводы

1. Как видим, в основе, казалось бы, самого элементарного документа – апелляционной жалобы просматриваются и уровень развития производительных сил и производственных отношений, общая и юридическая культура населения, если проще, то грамотность населения (до середины 20-х годов прошлого века большинства не умело читать и писать). В текущий момент времени речь идет уже о поголовной компьютерной грамотности, неудивительно, что бумажный документооборот последовательно замещается на электронный, цифровой как в уголовном

судопроизводстве в целом, так и в системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений, в частности.

2. Использование электронных и цифровых технологий позволяет участникам процесса поднять уровень уголовного судопроизводства на качественно новый уровень.

3. Будущее – за электронными и цифровыми технологиями в уголовном процессе, в котором найдется место и искусственному интеллекту.

© Склярченко М. В., 2023

¹ *Срок* // Словарь русского языка: В 4 т. [гл. ред. А. П. Евгеньева; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. Т. 4: С–Я. М., 1988. С. 241.

² *Временность* // Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012. С. 110.

³ *Время* // Словарь русского языка: В 4 т. [гл. ред. А. П. Евгеньева; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. Т. 1: А – Й. М., 1985. С. 227.

⁴ Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2016 года № 75-КГ16-13 и от 16 января 2018 года № 75-КГ17-10 // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации. 2016, 2018.

См. также: *Маракулин Д., Пушкарская А.* Высшая мера указания. Верховный суд отреагировал на личную безответственность судей // Комерсантъ. 2018. 4 сентября.

⁵ [Стойновский Н. И.] Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству, составленное Николаем Стояновским. СПб, 1852. С. 2.

⁶ См. подробнее: *Томсинов В. А.* Судебная система Российской империи в XVII – первой половине XIX веков (по материалам законодательных актов) // Вестник Московского университета им. М. В. Ломоносова. Серия 11: Право. № 5. С. 3–21.

⁷ [Стойновский Н. И.] Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству, составленное Николаем Стояновским. С. 132–133.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 161–162.

¹¹ Акакий Акакиевич Башмачкин, бедный титулярный советник, очень любивший переписывание бумаг и неспособный ни на что иное, – трагический персонаж драмы Н. В. Гоголя «Шинель», опубликованной в 1843 г.

¹² [Стойновский Н. И.] Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству, составленное Николаем Стояновским. С. 162–163.

¹³ Там же. С. 163–164.

¹⁴ Здесь и ниже текст документа приводится по: *Свод законов Российской империи, составленный помощниками обер-секретаря 2-го Департамента Правительствующего Сената Н. Е. Озерецковским и П. С. Цыпкиным под ред. сенатора А. А. Добровольского.* СПб., 1913.

¹⁵ *Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав Уголовного судопроизводства. Девятое издание, исправленное и дополненное по 15 февраля 1917 года С. Г. Щегловитова (Неофициальное издание).* СПб., 1917.

¹⁶ Там же. С. 685.

¹⁷ Там же. С. 685.

¹⁸ *История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: Сборник документов / Под ред. С. А. Голунского.* М., 1955.

¹⁹ *Кожевников М. В. История советского суда.* М., 1957.

²⁰ *История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: Сборник документов / Под ред. С. А. Голунского.* С. 40.

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 99.

²³ Там же. С. 216, 281.

²⁴ Там же. С. 223–224.

²⁵ Там же. С. 227–228.

²⁶ Там же. С. 285.

²⁷ *Колоколов Н. А. Палочка-выручалочка – видеоконференц-связь // Правовые вопросы связи.* 2011. № 1. С. 2–4.

²⁸ *Гаджиев Г. А. Сейчас мы занимаемся развитием права // Закон.* 2023. № 12. С. 8–9.

²⁹ Письмо Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева от 28 апреля 2017 г. за № 3-ВС-

3117/17 и пакет соответствующих документов был направлен председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

³⁰ *Сундуков С. О.* Доступность правосудия: современные возможности реализации // Российская юстиция. 2021. № 10. С. 33.

³¹ *Момотов В. В.* Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 2–3.

³² *Куликов В.* Глава Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев: обратиться в суд можно через МФЦ // Российская газета. 2023. 13 марта.

³³ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 25 июня 2019 г. № 22-2428/2019 // Электронный архив Волгоградского областного суда. 2019.

*П. А. Акименко**

**ПРОБЛЕМЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ИСПОЛНЕНИЯ
ПРИГОВОРОВ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ,
ПО КОТОРЫМ ГРАЖДАНЕ РАНЕЕ БЫЛИ
ОСУЖДЕНЫ К УГОЛОВНЫМ НАКАЗАНИЯМ,
НЕ СВЯЗАННЫМ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ**

24 февраля 2022 г. на территории Республики Украина началась Специальная военная операция (далее – СВО). Однако ее правовой режим до настоящего времени юридически в полном объеме не определен и не конкретизирован.

В соответствии с Федеральными законами от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (далее – закон № 31-ФЗ) и от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», а также в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» с 21 сентября 2022 г. в Российской Федерации объявлена частичная мобилизация.

Согласно ч. 4 ст. 17 Закона № 31-ФЗ призыву на военную службу по мобилизации не подлежат граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за со-

* *Акименко Павел Александрович* – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук.

вершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего либо преступлений, предусмотренных ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276–280, 282.1–282.3, 360, 361 Уголовного кодекса Российской Федерации. Таким образом, осужденные за совершение иных категорий преступлений могут быть призваны на военную службу по мобилизации.

В связи с чем, в правоприменительной практике возник вопрос о возможности предоставления отсрочки исполнения приговора в связи с призывом осужденных на службу в зону СВО в рамках проводимых мобилизационных мероприятий.

Исходя из анализа изученных постановлений судов Республики Татарстан, видно, что в подавляющем большинстве случаев суд удовлетворял ходатайства о предоставлении отсрочки исполнения приговора в связи с призывом осужденных на военную службу в зону СВО в рамках проводимых мобилизационных мероприятий. При этом в указанных судебных решениях основанием для отсрочки исполнения приговора являлся п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ, и только в одном судебном постановлении осужденному было отказано в удовлетворении ходатайства по приведенному выше основанию. Еще в одном судебном заседании было установлено, что с соответствующим ходатайством обратилось не предусмотренное законодательством лицо, поэтому суд его вернул без рассмотрения по существу.

В статье 398 УПК РФ содержатся основания для отсрочки исполнения приговора об осуждении лица к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, принудительным работам, аресту или лишению свободы на определенный срок. При этом одним из таких оснований является тяжкие последствия или угроза их

возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, – на срок, установленный судом, но не более 6 месяцев (п. 3 ч. 1).

Согласно Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 1491-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ракова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ не ограничивает перечень обстоятельств, которые вызывают угрозу возникновения для осужденного или его близких родственников тяжких последствий и которые по решению суда могут быть признаны исключительными и позволяющими отсрочить исполнение приговора.

В соответствии с Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. № 2058-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яхина Альберта Ахтямовича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 3 части первой статьи 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» содержащиеся в п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК Российской Федерации понятия, в частности «тяжкие последствия или угроза их возникновения», «тяжелая болезнь единственного трудоспособного члена семьи», «другие исключительные обстоятельства», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этих законодательных терминов в правоприменительной практике и не препятствуют правильному

пониманию и применению соответствующего законоположения.

Таким образом, исходя из принятой нами позиции расширительного научного толкования категории «другие исключительные обстоятельства» полагаем, что под ними наряду с иными можно подразумевать потенциальную возможность гибели или получения увечий, несовместимых с продолжением дальнейшей нормальной жизнедеятельности, осужденным, призванным на военную службу в связи с мобилизацией и направленным в зону проведения СВО.

В связи с изложенным считаем, что для формирования единой судебной практики на территории Российской Федерации видится необходимым применять п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ при поступлении от уполномоченного законодательством лица соответствующего ходатайства (а для прокурора – представления) в суд в случае призыва на военную службу по мобилизации осужденного лица к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, принудительным работам, аресту или лишению свободы с возможностью предоставления отсрочки на срок до 6 месяцев. На основании ч. 1 ст. 398 УПК РФ вопрос об отсрочке исполнения приговора решается судом по ходатайству осужденного, его законного представителя, близких родственников, защитника либо по представлению прокурора, при этом перечень лиц, которые имеют возможность заявить ходатайство, расширительному толкованию не подлежит.

© Акименко П. А., 2023

Раздел XVIII
ЮРИСТ –
ЛИЧНОСТЬ МНОГОГРАННАЯ

П. Д. Николаенко*

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ КОЧУБЕЙ –
ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ

В 2023 г. исполнилось 255 лет со дня рождения В. П. Кочубея. Оценивая его успешную государственную деятельность сквозь призму прожитого нами непростого времени, мы отчётливее и ярче видим подлинного патриота своего Отечества, талантливого государственного деятеля, выступавшего сторонником умеренных реформ. В. П. Кочубей среди правящей элиты того времени являлся наиболее просвященным и влиятельным политиком. Он выступал одним из инициаторов и авторов учреждения министерской системы в России и стал первым министром внутренних дел, внося значительный вклад в ста-

* *Николаенко Петр Дмитриевич* – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

новление и развитие Министерства. Его реформаторская деятельность в тесном сотрудничестве с М. М. Сперанским коснулась всех сторон функционирования нового многопрофильного ведомства. Первому министру принадлежит инициатива в придании деятельности МВД широкой гласности, обеспечении «прозрачности» в работе многих его служб, в том числе и полиции. Этому в значительной мере способствовал «Санкт-Петербургский журнал», который стал издаваться по инициативе В. П. Кочубея, и издавался с 1804 г. по 1809 г., то есть фактически до ухода В. П. Кочубея в свою первую отставку.

В. П. Кочубей, будучи активным сторонником образования и просвещения народа, сознавая крайнюю необходимость усиления его воспитания, умело направлял усилия издателей журнала на решение данной проблемы. При содействии министра в журнале публиковались годовые отчеты о работе МВД, извлечения из работ известных западноевропейских ученых в качестве рекомендаций и советов по организации образования и воспитания граждан.

Так как их советы и рекомендации весьма актуальны сегодня, нам представляется важным обратить внимание читателя, особенно молодого, на некоторые мысли, которые и сегодня могут побуждать нас добросовестно учиться, чтобы быть полезным своему Отечеству: «Гражданином нельзя сделаться иначе, как посредством воспитания»; «Человек рождается наг, гражданственность (воспитание. – П. Н.) его одевает. Он рождается животным, воспитание делает его человеком, то есть гражданином. Он, наконец, рождается невеждою и жестоким, и то же воспитание делает его сведущим и кротким»¹.

На наш взгляд, не меньший интерес вызывают рекомендации и советы о заботе государства по отношению к

учителю, которые опубликовал журнал из проекта закона Шепталя «О народном учении»².

Несомненно, особую значимость приобретают сегодня те статьи закона, которые тесно переплетаются с положениями проекта будущего закона о статусе учителя российской школы, который вызвал активные дебаты в Госдуме, когда обсуждали несколько законопроектов по повышению престижа учительской профессии и защите ее представителей. При этом учителей хотят наделить статусом государственных служащих, подняв до их уровня зарплату педагогов, предоставить им аналогичные льготы и социальные гарантии. С января 2023 г. идет разработка законопроекта в целях повышения статуса учителя и престижа профессии. Эти намерения государства получили отражение и в проекте закона Шепталя. Немаловажную значимость приобретают сегодня те статьи закона Шепталя, в которых идет речь о материальном обеспечении преподавателей. Так, в ст. 7 «О пенсиях по отставке» обосновываются три условия, связанные с материальным обеспечением профессорско-преподавательского состава и влияющие на качество обучения и воспитания студентов.

Во-первых, правительство должно «отдавать сему почетному званию (учителя. – *П. Н.*) то уважение, без которого оно вскоре сделалось бы рабством». Во-вторых, «обеспечить... их достаточным жалованием», чтобы им не приходилось «обращаться еще к какому-либо другому труду» (как преподавателям нашего вуза в 90-е годы прошлого века – разгружать вагоны, охранять собственность «новых русских» и т. д. – *П. Н.*) для обеспечения своего содержания; в-третьих «предоставить... достаточный пенсион», чтобы оградить «от забот и беспокойств лета его старости». Весьма злободневны слова, которыми заканчивается законопроект Шепталя: «Щедрость народная должна

простираться на наставника... и тогда, когда сложит он с себя свое звание», то есть уйдет на заслуженный отдых. И чтобы пенсия, заслуженная «долговременными и полезными делами... предоставляла ему время будущее, не как время бедности, а как покой».

Регулярная публикация на страницах журнала передовых идей известных западноевропейских ученых и государственных деятелей заметно повысила в глазах русского общества авторитет В. П. Кочубея как самого просвещенного министра. Историк второй половины XIX в. А. Н. Пыпин в связи с этим писал, что, к сожалению, «современные ученые отстали от образованных людей Министерства внутренних дел 1804 г.»³.

Писатель Ф. В. Булгарин свою высокую оценку журнала заключил словами: «Санкт-Петербургский журнал» составляет эпоху не только в русской администрации, но и в русской письменности»⁴.

Являясь активным проводником политики дома Романовых, князь В. П. Кочубей на протяжении четырёх царствований занимал высокие государственные посты. Столь успешный карьерный рост, несомненно, зависел от знатности его рода, а также его деловых и нравственных качеств.

Психологи, рисуя портрет современного руководителя, отмечают необходимость таких качеств, как: компетентность; умение действовать силой убеждения; видеть перспективу развития проблемы и творчески ее разрешать; быть интеллектуальным лидером; уметь подбирать и воспитывать кадры; эмоциональная зрелость, то есть умение сдерживать свои эмоции (чувства); твердость, настойчивость в достижении цели; независимость и самостоятельность в принятии решений; забота о подчиненных; коммуникабельность; умение организовывать свой

отдых и др.⁵

«Умение» В. П. Кочубея как руководителя заключалось в том, что он, не считаясь со временем, постоянно и обстоятельно изучал состояние дел на вверенном ему участке путем сравнения фактов и данных, поступающих с мест; тщательно анализировал собственный опыт и только после этого принимал оптимальный вариант решения возникшей проблемы. Современник А. Д. Боровков, который, исполняя обязанности помощника статс-секретаря Государственного совета по военному департаменту под началом В. П. Кочубея, так отзывался о нем: «Он был умен, опытен, проницателен; бегло обнимал дела и особенно искусен был постановлять вопросы ясно и определенно, ловко схватывая в деле, точки от которых зависит решение»⁶.

Становление еще совсем молодого В. П. Кочубея как государственного деятеля пришлось на 90-е годы XVIII в., и в историю следующего века он вошел уже как лидер нового поколения высших административных деятелей, выступающий активным сторонником внедрения новых форм управления с учетом западноевропейского опыта. Тяга к нововведениям сопровождала В. П. Кочубея на протяжении всей его жизни. Однако наиболее продуктивно в роли руководителя-новатора В. П. Кочубей выступал в первое пятилетие своего пребывания на посту министра внутренних дел. Почти все современники связывают с его именем учреждение министерств в России, а также все нововведения, исходившие от руководства МВД в период либеральных преобразований Александра I. Обратимся к некоторым из них.

Чиновник Министерства иностранных дел П. Г. Дивов, будучи ярким защитником старины и, соответственно, непримиримым противником В. П. Кочубея, в своем

дневнике писал, что образование министерств явилось «произведением легкомысленности и честолюбия молодых людей, окружавших царя», что Кочубей, получив МВД и страдая честолюбием, был трудолюбив, но к несчастью, не зная своего Отечества и «удивляясь премудрости иностранной, истребил весь древний порядок и главный есть виновник многосложности, которая потом внедрилась в управление государством»⁷. Спустя год, 21 июня 1831 г. П. Г. Дивов, характеризуя реформаторскую деятельность В. П. Кочубея, занес в дневник: «Проникнутый либеральными идеями, он был их главным сторонником как в предшествовавшее, так и в настоящее царствование. По его инициативе изменился весь прежний государственный строй, были уничтожены коллегии и созданы министерства, которые ему удалось отстоять неприкосновенными при восшествии на престол ныне царствующего императора»⁸.

Надо заметить, что дневник П. Г. Дивова – один из немногих сохранившихся документов, автор которого на протяжении 16 лет своей жизни, описывая происходящие события, оценивал деятельность В. П. Кочубея в различных ситуациях. И хотя он писал о В. П. Кочубее с явным негативизмом, но признавал его как сторонника либеральных реформ в России. Автор дневника считал, что он «поклонник либеральных идей, которые совершенно не совместимы с переживаемым нами временем ...». А через год, в 1828 г., П. Г. Дивов выставлял нашего героя уже чуть не революционером, утверждая, что он «сторонник мысли о необходимости низвергнуть весь прежний строй»⁹

Такие заявления, как известно, не имели под собой оснований, так как в годы царствования Николая I жизнь В. П. Кочубея протекала «без увлечений либеральными преобразованиями и была насыщена лишь повседневной

служебной деятельностью»¹⁰.

Но, с другой стороны, важно то, что П. Г. Дивов, как и другие современники, отмечал, что В. П. Кочубей был «трудолюбив», «опытен в делах» и «отсюда имел большое влияние на императора»¹¹.

На эти качества В. П. Кочубея указывали и его подчиненные. Так, губернатор князь И. М. Долгоруков вспоминал впоследствии об исключительном усердии и трудолюбии министра в исполнении своих обязанностей: «Он не играл службой, а исправлял ее со всей возможной деятельностью; не кичился своим титулом, но всю его тягость нес, и разделял с нами ношу, неослабно»¹². Ф. П. Лубяновский, служивший секретарем у министра в 1802–1807 гг., в своих воспоминаниях также отмечал, что В. П. Кочубей «в труде не щадил себя»¹³.

Успех дела в конечном итоге определяют кадры. Поэтому, как считают исследователи в области управления, важнейшей задачей руководителя любого ранга является его участие в подборе и расстановке кадров. Все без исключения современники и исследователи того времени, по-разному характеризуя В. П. Кочубея как государственного деятеля, единодушно признают в нем столь редкое и в то же время крайне необходимое руководителю качество – умение объективно оценивать людей и использовать их в интересах службы.

В числе тех, кто первым по-настоящему оценил это достоинство В. П. Кочубея, был барон М. А. Корф – биограф М. М. Сперанского. Автор, повествуя о том, что в одно время будущий светило российской бюрократии служил в МВД, пишет: «Кочубей, к числу достоинств которого принадлежало и необыкновенное искусство в выборе людей, тотчас сумел открыть эту жемчужину и привлечь ее в свое ведомство»¹⁴.

Благодаря высоким организаторским и интеллектуальным способностям В. П. Кочубея уже на первом году существования МВД удалось в основном сформировать центральный аппарат, в составе которого оказались люди с основательной подготовкой и значительным управленческим опытом.

В. П. Кочубею важно было прежде всего укомплектовать должности управляющих экспедициями людьми, обладающими высоким профессионализмом, безупречными нравственными качествами и хорошей репутацией в обществе.

В результате реорганизации департамента МВД по рекомендации министра в 1803 г. состоялось назначение статского советника К. И. Габлица и барона Б. Б. Кампенгаузена управляющими экспедициями, соответственно, первой – государственного хозяйства и третьей – государственной медицинской управы. В их лице В. П. Кочубей получил высокообразованных и эрудированных специалистов, детально знавших свое дело и являвшихся для своих подчиненных образцом безупречного исполнения своего служебного долга.

Удачно подобранные В. П. Кочубеем управляющие экспедициями сумели укомплектовать не менее способными чиновниками остальные структурные подразделения департамента МВД.

Что же представлял собой чиновный аппарат, служивший в департаменте МВД в первое пятилетие правления министра В. П. Кочубея? Рассмотрим его социальный портрет на примере послужных списков 76 чиновников экспедиции государственного хозяйства, которая по степени важности задач, выполняемых в интересах экономики страны, занимала ведущее место среди подразделений МВД¹⁵. Кстати, в указанный период именно ей

В. П. Кочубей уделял наибольшее внимание.

Каждый третий чиновник первой экспедиции был дворянином. Правда, как правило, они не располагали земельной собственностью и крепостными. Только 9 (11,8 %) служащих имели крепостных от 1 до 40 душ мужского пола.

67,1 % служащих экспедиции составляли выходцы из непривилегированных сословий: из обер-офицерских детей (28,9 %), духовенства (17,1 %), мещан (9,2 %), купечества (2,6 %), крестьян (1,3 %), прочих (8,9 % – сюда отнесены иностранцы, сословная принадлежность которых в послужных списках не указывалась).

Это свидетельствует о том, что даже низшее звено чиновного аппарата МВД в основном комплектовалось за счет представителей господствующего класса и сословий, преданно служивших самодержавию.

Данные послужных списков по состоянию на 1 декабря 1805 г. показывают молодость чиновников экспедиции (средний возраст 28 лет). Но при этом будет интересно заметить, что 94,7 % служащих к моменту поступления на службу в МВД прошли хорошую профессиональную подготовку в различных государственных учреждениях.

Что же касается образовательной подготовки чиновников экспедиции, то по тогдашним представлениям они были достаточно хорошо образованы. Уже сам факт, что среди данной категории чиновников 15,8 % имели высшее образование, свидетельствует о тщательном подборе кадров.

Вне всякого сомнения, можно утверждать, что чиновники, в послужных списках которых отсутствует запись об образовании, тоже обладали достаточно высокой общеобразовательной подготовкой. Подтверждением тому

служат такие косвенные примеры. 18 чиновников до поступления на гражданскую службу были военными, из них 15 служили офицерами в частях лейб-гвардии. Или, к примеру, 7 человек, у которых не указано образование, служили в канцеляриях генерал-прокуроров А. Б. Куракина, А. А. Беклешова, П. Х. Обольянинова, а также в канцелярии Совета, получившего позднее название Государственного, главным начальником которой являлся Д. П. Трощинский.

Анализ показывает, что руководство МВД отбирало в Министерство, в первую очередь, тех чиновников, которых знало ранее по совместной службе или проявивших усердие в работе, находясь в составе различных комиссий по ревизии губерний.

Даже по далеко неполным данным можно заключить, что В. П. Кочубею и его помощникам удалось успешно решить задачу по укомплектованию остальных структурных подразделений департамента МВД людьми образованными, знающими свое дело и стремившимися должным образом проводить в жизнь линию министра. Недаром чиновников первого административного аппарата В. П. Кочубея современники отмечали весьма подготовленными и культурными, а «кочубеевскую канцелярию» считали школой обучения и воспитания кадров. «Канцелярия его, – вспоминал бывший губернатор князь И. М. Долгоруков, – наполнена была людьми опытными в делах, сведущими в познаниях теоретических и ко всякому благосклонными»¹⁶.

Успех министра в решении кадровых вопросов во многом определялся его образованностью, характером, деловыми личными качествами и жизненным опытом.

Свои достоинства он сполна проявлял и во время встреч и бесед с теми, кто намеривался служить под его

началом.

Наиболее точно и подробно раскрыл содержание «кочубеевской методики» по отбору кадров Д. Б. Мертваго, который в своих «Записках» мастерски описал ситуацию своего назначения на пост губернатора. Дворянство Тавриды, пишет автор, надеясь, что только он может «истребить укоренившиеся там беспорядки», рекомендовало его на вакантный пост губернатора.

По ходатайству министра, получив высочайшее дозволение, Д. Б. Мертваго осенью 1803 г. приехал в столицу на беседу к В. П. Кочубею.

В первой ознакомительной беседе участвовали министр, его товарищ П. А. Строганов, управляющий экспедицией государственного хозяйства К. И. Габлиц и начальник отделения по соляной части. Доклад Д. Б. Мертваго начали слушать с большим пристрастием и с множеством вопросов со стороны министра и других присутствующих. Однако, как вспоминает Д. Б. Мертваго, по мере «жаркого» обсуждения доклада, мои «доказательства обратили министра на мою сторону». Так закончилось первое знакомство с министром. Далее автор «Записок» рассказывает, что В. П. Кочубей с каждым днем все ближе и с «большим отличием» принимал его у себя дома, приглашая даже на обеды. После нескольких таких встреч министр предложил Д. Б. Мертваго пост гражданского губернатора Таврической губернии. При этом было оговорено, что он одновременно будет продолжать исполнять обязанности управляющего соляной экспедицией, дополнительно получая за это 2400 рублей. «Я согласился, – пишет автор, – и вскоре был определен»¹⁷.

Важно заметить, что выдвигенец министра оправдал его доверие. В течение четырех лет Д. Б. Мертваго самым добросовестным образом исполнял обязанности губерна-

тора и начальника соляной части Таврической губернии. Со своей стороны, В. П. Кочубей, собираясь в отставку, не забыл отметить столь ревностное усердие подчиненного новым повышением его по службе. По ходатайству министра внутренних дел в конце октября 1807 г. последовал указ о назначении Д. Б. Мертваго генерал-провиантмейстером военного ведомства¹⁸.

Описанный случай назначения Д. Б. Мертваго на пост губернатора убедительно доказывает умение В. П. Кочубея привлекать на ведущие административные должности одаренных людей, которые разделяли его взгляды и были готовы безупречно исполнять свои обязанности.

Эффективность управленческой деятельности руководителя любого ранга, тем более министра, во многом зависит от деловых качеств и работоспособности чиновников его канцелярии. Именно канцелярия выступала душой центрального административного аппарата МВД. Она аккумулировала всю поступающую информацию с мест, программы и планы, служила передатчиком всех указаний и распоряжений руководителя ведомства непосредственным исполнителям.

Общая канцелярия В. П. Кочубея была самой многочисленной. Ее численность составляла в 1822 г. 82 чиновника против 39 человек в 1818 г.¹⁹ Структурно она состояла из директора, трех отделений, группы чиновников для особых поручений, статистического отделения и Комитета для рассмотрения состояния приказов общественного призрения и их заведений.

Кроме общей канцелярии министру подчинялась Особенная канцелярия бывшего Министерства полиции. Это небольшое структурное подразделение, состоявшее в 1822 г. из 10 чиновников²⁰, выполняло функции тайной

полиции, осуществляя надзор за поведением иностранцев и граждан Российской империи; изучение общественного мнения; цензуру, в частности, текстов новых театральные представлений, а также изданных книг отечественных и зарубежных авторов; выдачу паспортов выезжающим за границу и т. д.

Охарактеризуем служащих Общей канцелярии по тем же показателям, что и сотрудников экспедиции государственного хозяйства департамента МВД по состоянию на 1 декабря 1805 г. В ходе изучения сохранившихся служебных списков 52 чиновника общей канцелярии министра по состоянию на 1 декабря 1822 г. нам удалось набросать некоторые штрихи их социально-профессионального портрета²¹.

Результаты деятельности канцелярии, настрой людей на слаженную работу, нравственная атмосфера в коллективе во многом зависит от руководителя. В. П. Кочубей это отлично понимал и поэтому крайне осторожно подходил к отбору кандидатуры на должность директора канцелярии, служившего связующим звеном между министром и центральной администрацией ведомства. Глава канцелярии являлся одним из ближайших и доверенных лиц в администрации министра. В период болезни В. П. Кочубея или отсутствия его на службе по другим причинам, директор канцелярии должен был принимать и анализировать всю поступающую информацию, оперативно доносить о ней министру или лицу, временно его замещающему.

Известно, что в годы первого управления В. П. Кочубеем МВД обязанности директора его Канцелярии (департамента) блестяще исполнял М. М. Сперанский. В 1819–1821 гг. Общую канцелярию министра возглавлял М. А. Прокопович, а после его смерти в августе 1821 г. –

М. К. Михайлов.

Как известно, неограниченным доверием и широкой самостоятельностью пользовался первый директор департамента МВД М. М. Сперанский. Но, справедливости ради, следует отметить, что режим наибольшего благоприятствования В. П. Кочубей предоставлял и другим чиновникам своего ведомства. При этом особую заботу министр проявлял о своих личных секретарях.

Кроме М. М. Сперанского особым доверием у министра пользовался его секретарь Ф. П. Лубяновский. Его назначение состоялось в ноябре 1802 г. Ему посчастливилось служить рядом со Сперанским до 1807 г. Лубяновский близко с ним познакомился и многое позаимствовал у него для своей секретарской и будущей губернаторской деятельности. Ф. П. Лубяновский оказался достаточно подготовленным чиновником и пользовался у министра большим уважением. Он знал иностранные языки, особенно немецкий, хорошо владел пером, а также грамотно составлял и редактировал деловые бумаги для министра. Нам кажется, что он был реальным помощником В. П. Кочубея.

Из воспоминаний Ф. П. Лубяновского можно предположить, насколько интересно ему было служить в канцелярии Кочубея и насколько труднее стало при его преемнике. Автор с горечью сетует, что с увольнением графа В. П. Кочубея он лишился «... любимого и уважаемого по уму и по сердцу начальника»²². Что же касается его дальнейшей службы в качестве секретаря при новом министре, то он оценил ее следующим образом: «Недолго я был под начальством князя Куракина, но это было для меня тяжелое время ...»²³.

Несмотря на разнообразие социального происхождения, все же основную массу служащих (68,5 %) составляли

дети дворян, обер-офицеров и духовенства. При этом лидирующее положение среди чиновников канцелярии занимали представители дворянства.

Очевидно, такая тенденция объясняется двумя важными обстоятельствами. В министерской канцелярии дворяне, не имевшие собственности, стремились быстрее сделать служебную карьеру (подтверждений тому множество). Второе обстоятельство, которое заставляло дворян идти служить чиновниками канцелярии министра, – это материальные интересы. Оклады там были значительно выше. Министерский писец, например, получал в 1,5 раза больше, чем исправник в большинстве губерний²⁴. Как следствие, желающих служить в кочубеевской канцелярии было значительно больше, чем вакансий в ней.

Средний возраст личного состава канцелярии оказался несколько старше (31,4 года), чем у чиновников первой экспедиции МВД в 1805 г. (28 лет). Что касается распределения чиновников по возрастным категориям, то полученные данные показывают, что возраст 75,1 % сотрудников не превышал 30 лет. Следовательно, в кадровой политике руководителя МВД четко просматривается тенденция омоложения служащих центрального управленческого аппарата Министерства на протяжении всей первой четверти XIX в.

Вместе с тем важно заметить, что В. П. Кочубей, соблюдая официальную установку на омоложение кадров, и в период своего второго правления МВД строго придерживался правила – отбирать на службу лишь опытных чиновников. При этом, отдавая предпочтение тем, кого знал лично, он все же при комплектовании своей канцелярии не делил личный состав на «своих» и «чужих». Так, общая канцелярия в 1822 г. была укомплектована более чем на 72 % сотрудниками бывшего МВД и Министерства поли-

ции.

Общая канцелярия министра кроме указанных выше штатных должностей включала в себя отдельную группу чиновников для особых поручений. Их численность в 1822 г. составляла 21 человек против 26 – в 1820 г.²⁵ По указанию министра они осуществляли проверки и ревизии, собирали на местах необходимую информацию о результатах деятельности учреждений и организаций, подвластных МВД, контролировали выполнение ими распоряжений и указаний вышестоящих органов власти. Столь ответственное предназначение чиновников данной категории требовало от министра подходить к комплектованию их группы без спешки, тщательно отбирая кандидатов с учетом их образования и профессиональной подготовки, моральных качеств и общей культуры.

Располагая послужными списками 21 чиновника по особым поручениям, мы имеем возможность показать социальный портрет данной категории служащих канцелярии министра²⁶.

Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что из 21 человека 13 чиновников (62 %) служили в армии: из них три полковника, один подполковник, два майора, один капитан 2-го ранга, три ротмистра, два капитана и один поручик. Преобладание бывших военно-служащих можно объяснить многофункциональностью и спецификой задач, выполняемых МВД.

По социальному составу в группе преобладали потомственные дворяне – 62 % (13 человек), из духовенства – 2, обер-офицерские дети – 1, прочие – 2, в трех списках происхождение чиновников не указано.

Результаты анализа позволяют выделить существенную особенность чиновников по особым поручениям канцелярии В. П. Кочубея. Большинство из них было старше

40 лет (63.2 %). Их средний возраст в 1822 г. составлял 43.5 года. Таким образом, они были значительно старше других чиновников общей канцелярии министра (43.5 года против 28.2 лет). Это можно объяснить тем, что на чиновников по особым поручениям возлагалось исполнение контролирующих функций, что, естественно, требовало от них не только большого профессионального опыта, но и умения правильно строить взаимоотношения с представителями местных органов. А это приходит только с возрастом и опытом службы. Ведь по роду своей служебной деятельности им нередко приходилось встречаться и ревизовать губернскую администрацию, отстаивать и проводить на местах линию министра по самым различным вопросам службы.

Несмотря на то, что каждый чиновник по особым поручениям имел свою историю зачисления, образно выражаясь, в группу доверенных лиц министра, все они по многим показателям выгодно отличались от других канцелярских служащих. За плечами каждого имелся большой жизненный путь и богатый служебный опыт. Многие из них участвовали в боевых действиях, награждены орденами и медалями.

Виктор Павлович всегда стремился к сотрудничеству с известными учеными, часто советовался с ними, нередко привлекал их на службу в МВД. Например, известный архитектор академик А. Д. Захаров (являвшийся автором проекта и руководителем реконструкции Адмиралтейства) более четырех лет работал в Министерстве на общественных началах в качестве эксперта.

С 1811 г. начальником статистического отделения при канцелярии министра внутренних дел являлся статский советник, профессор по историческим наукам, адъютант Императорской академии наук по статистике и по-

литическим наукам К. Ф. Герман²⁷. В 1820 г. на службу в статистическое отделение был принят статский советник профессор французской словесности А. А. Дегуров²⁸, избранный через два года деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

В канцелярии В. П. Кочубея трудились и другие известные люди России. Так, в сентябре 1814 г. в Комитет для рассмотрения состояния приказов общественного призрения и их заведений был определен В. П. Стасов²⁹. До своего назначения он в течение шести лет учился архитектуре во Франции и Италии, имел звание академика Римской академии художеств.

Членами этого Комитета также являлись действительный статский советник, доктор медицинских наук Е. Е. Эллизен, статский советник, доктор медицинских наук Ф. К. Уден и другие известные ученые своего времени.

Заведенные В. П. Кочубеем в своем Министерстве порядки, содействовавшие утверждению в коллективе здорового морального климата и доверительного отношения начальников к подчиненным, стали достоянием широкой гласности. О кочубеевском стиле работы заговорили уже в первые два года существования МВД. При этом деятельность В. П. Кочубея в качестве министра оценивалась далеко неоднозначно со стороны двора, высших русских сановников и даже иностранных дипломатов.

Чувство зависти к В. П. Кочубею заставляло некоторых министров и высших сановников крайне негативно высказываться о нововведениях в МВД. Особенно страдали этим Г. Р. Державин, А. Д. Балашов, Г. А. Розенкампф, Ф. В. Ростопчин, Д. П. Троцинский и другие. Так, оскорбленный своим увольнением в 1803 г. с поста министра

юстиции Г. Р. Державин, спустя 10 лет в своих «Записках ...» утверждал, что «все учреждаемое господином Кочубеем и господином Сперанским было несообразно с настоящим делом...»³⁰. Еще более желчно о В. П. Кочубее отзывался его друг молодости Ф. В. Ростопчин: «Нет великой нации, коея кафтан он бы не носил, исключая русского ...»³¹.

Приведенный анализ позволяет нам утверждать, что В. П. Кочубей, выражаясь языком современных ученых психологов, использовал делегирующий стиль руководства. Представляя сотрудникам широкую инициативу и самостоятельность в работе, он делегировал многие свои полномочия подчиненным, оставляя за собой лишь решение кардинальных вопросов. Такой стиль работы министра, с одной стороны, заметно стимулировал подчиненных, с другой – позволял В. П. Кочубею уделять больше времени решению наиболее важных проблем и осуществлению общего руководства Министерством.

В то же время, по воспоминаниям современников, министр, хотя и был выше сословных предрассудков, все же предпочитал не сближаться с подчиненными, чтобы сохранить свой должностной авторитет. Эту черту характера Виктора Павловича отмечал в своих воспоминаниях бывший губернатор князь И. М. Долгоруков: «Сам он обходился с губернаторами благородно и без надменности. Холоден от природы, он не допускал ... ни к какой короткости с собой, но всегда был вежлив и благопристойен. В письменных его сношениях не было никакой суровости. Приятно было исполнять его приказания»³².

Несмотря на «природную холодность» В. П. Кочубей в полной мере обладал таким столь важным качеством руководителя, как умение влиять на окружающих, убеждать и заставлять их подчиняться его воле.

Это достоинство В. П. Кочубея отмечается всеми, кто знал графа по совместной государственной службе. В этом убеждаемся и мы, анализируя, например, результаты обсуждения в Комитете министров вопросов, касавшихся различных сторон жизни государства.

Сошлемся на один пример, свидетельствующий об искусстве министра убеждать членов правительства в целесообразности принятия мер, предлагаемых руководством МВД. В 1823 г. власти губернского города Владимира в целях увеличения городского дохода обратились в правительство с просьбой отдать им рыбные ловли на реке Клязьме. Бывший министр финансов Д. А. Гурьев отказал в просьбе на том основании, что город при ежегодном доходе в 29 тыс. руб. расходует лишь только 20 тыс. руб. Но В. П. Кочубей настаивал на отдаче рыбных промыслов городским властям, так как у местного бюджета не хватало средств на улучшение содержания полиции. Правительство согласилось с обоснованными доводами В. П. Кочубея, но против выступили недавно назначенный министр финансов Е. Ф. Канкрин и министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский. Однако и на этот раз император фактически поддержал предложение управляющего МВД, одобрив мнение большинства членов Комитета министров.

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, насколько высоко ценилось членами правительства мнение В. П. Кочубея. Нередко перед всеобщим рассмотрением проекта постановления по какому-либо важному вопросу Виктор Павлович тщательно изучал его, к какой бы области он не относился.

Реконструируя психологический портрет В. П. Кочубея, необходимо отметить такое его качество (столь важное для руководителя любого ранга), как доброжелатель-

ное отношение к людям и готовность помочь попавшему в беду человеку. Подтверждением тому являются мемуары современников с описаниями поступков, совершенных Виктором Павловичем по велению сердца.

Ф. В. Ростопчин, неоднозначно относившийся к нашему герою, в письме князю П. Д. Цицианову от 15 апреля 1804 г. вынужден признать, что хотя «В. П. Кочубей ... и недоволен Россией знает, чтобы быть внутренним министром, но сердце и душу имеет благородную, следовательно, полезен и государю и государству»³³.

Буквально спустя девять месяцев после письма Ростопчина благородство министра было проверено несчастным случаем, виновником которого стал кучер В. П. Кочубея. В январский день 1805 г. на одной из улиц Петербурга под колеса быстро мчавшегося экипажа министра случайно попал прохожий. Им оказался крестьянин Иван Андреев, крепостной помещика майора Герасима Мицкого, проживавшего в Ярославской губернии. В результате наезда кареты крестьянин был изувечен, и, несмотря на все усилия врачей, остался калекой, полностью потеряв трудоспособность.

Посоветовавшись с женой графиней Марией Васильевной, министр в письме к ярославскому губернатору князю М. Н. Голицыну подробно изложил свой план материальной помощи крестьянину, ставшему калекой по вине его кучера. С губернатором было оговорено, что потерпевший Иван Андреев из внесенного, министром В. П. Кочубеем, капитала в сумме 1000 руб. ежегодно в качестве пенсии будет получать проценты в размере 50 руб.

Кочубей ошибся, думая пережить калеку. Напротив, крестьянин Иван Андреев пережил своего патрона и ровно 33 года получал так называемую кочубеевскую пен-

сию. 19 декабря 1838 г. И. Андреянов скончался. Встал вопрос, как поступать с капиталом В. П. Кочубея в дальнейшем. По волеизъявлению жены покойного Виктора Павловича министр внутренних дел А. А. Перовский совместно с местным руководством решил учредить «Кочубеевскую премию». Было решено внесенный покойным князем В. П. Кочубеем капитал в размере 1000 рублей и причитавшиеся с него проценты со дня смерти крестьянина Ивана Андреянова (с 19 января 1838 г.) по 1 января 1843 г. впредь именовать кочубеевскими. Ежегодно, начиная с 1843 г., в день ангела жертвователя (11 ноября) за счет процентов, получаемых с указанной суммы, награждать «Кочубеевской премией» одного из беднейших помещичьих крестьян Ярославской губернии. Кандидатом на премию мог стать лишь тот, кто отличался справедливостью и честностью, примерным попечительством о родителях и семействе своем, а также точным исполнением христианских заповедей.

Несмотря на строгие критерии, изложенные в «Положении», разработанном МВД, «Кочубеевская премия» выдавалась ежегодно на протяжении 17 лет, вплоть до 1860 г. После упразднения приказа общественного призрения капитал, предназначенный для «Кочубеевской премии», был использован по указанию руководства МВД для устройства ремесленного училища³⁴.

В. П. Кочубей, обладая особым чутьем на поиск деловых людей, в не меньшей степени располагал умением наиболее целесообразно расставлять кадры с учетом их деловых качеств и интересов службы. В этом плане заслуживает внимания факт назначения В. С. Хвостова томским гражданским губернатором. В феврале 1803 г. по инициативе МВД Тобольская губерния была разделена на две губернии – Тобольскую и Томскую³⁵. По рекомен-

дации министра В. П. Кочубея на новую должность гражданского губернатора Томской губернии был назначен действительный статский советник В. С. Хвостов. Зная его с 1794 г., министр поручил ему не только сформировать и укомплектовать сотрудниками административные органы управления, но и обустроить новую губернию.

Инициативный и творчески мыслящий губернатор В. С. Хвостов в 1806 г. без ведома нового генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля поднес прямо министру В. П. Кочубею свои предложения о перспективах развития края. Через В. П. Кочубея содержание программы В. С. Хвостова о перспективах освоения Сибири стало известно императору, который выразил автору монаршее благоволение и наградил орденом св. Владимира 3-й степени³⁶.

Вскоре В. П. Кочубей ушел в отставку. А честолюбивый и мстительный генерал-губернатор И. Б. Пестель стал притеснять своего «самостоятельного» губернатора и дело дошло до суда. В 1808 г. В. С. Хвостов был вынужден уйти в отставку. Полностью оправдан только в 1820 г. после вмешательства М. М. Сперанского и В. П. Кочубея³⁷.

Обладая высокой человеческой и управленческой культурой, В. П. Кочубей умел слушать людей. Примеров тому в воспоминаниях его современников можно найти достаточно. Слушая собеседника, В. П. Кочубей старался сосредоточиться на главной мысли говорящего. «Он любил говорить о делах губернии, – пишет князь И. М. Долгоруков, – расспрашивал обо всем, что до нее касалось, не сбивался в посторонние материи, но, очертя круг своего разговора, всегда находился в той губернии, о которой давался ему отчет»³⁸. В. П. Кочубей никогда не прерывал собеседника, пока он продолжал говорить. Нередко собеседники в ходе доверительной беседы полностью раскры-

вались. Этому способствовало искреннее внимание и интерес министра к делу и говорящему.

Говоря о нравственных и деловых качествах министра В. П. Кочубея, необходимо подчеркнуть еще одно достоинство: его обязательность в выполнении данного слова. По отзывам современников, В. П. Кочубей, даже будучи больным (а это случалось в последние годы жизни довольно часто), стремился не срывать запланированных заседаний. В. И. Панаев вспоминает: «В 1834 г., равно через два года, ... башкирский комитет неожиданно возобновился. Хотя князь был тогда болен, но прислал за мною и лежа в постели объяснился на счет заседания, назначаемого им через два дня. Я никак не ожидал, достанет ли у него на это сил. Но он превозмог себя, и в назначенное утро я нашел его уже в другой комнате, близ спальни, в сюртуке, но не на креслах, а лежащего на кушетке, придвинутой к столу заседаний. Он был худ, бледен и грустен, и когда дочь его графиня Строганова, прежде прибытия членов, подошла к нему с выражением участия, он пожал ее руку, и две слезы выкатились у него из глаз. Я едва удержался, чтобы не заплакать от этой сцены»³⁹.

Подводя итоги, следует отметить, что многогранная деятельность министра В. П. Кочубея требовала высокой работоспособности, возможной лишь при условии крепкого здоровья, которым, к сожалению, наш герой не располагал. Можно определенно утверждать, что хронические болезни и семейные трагедии не позволили В. П. Кочубею в полной мере использовать свои дарования и опыт на службе Отечеству, хотя, как утверждал современник, «все соединялось в этом человеке: и образование, и опытность, и способность писать, и дар слова, чтобы быть где угодно первенствующим министром»⁴⁰.

© Николаенко П. Д., 2023

-
- ¹ Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 241, 261.
- ² Санкт-Петербургский журнал. 1805. № 11. С. 53–69; № 12. С. 105–125.
- ³ Пыпин А. Н. Русские отношения Бенстама // Вестник Европы. 1869. Кн. 4. С. 813.
- ⁴ Булгарин Ф. В. Воспоминания: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: В 6 ч. Ч. 5. СПб., 1848. С. 312.
- ⁵ См.: Кузьмин Е. С., Волков И. П., Емельянов Ю. Н. Руководитель и коллектив. Л., 1974; Труд руководителя: Учебное пособие для руководящих управленческих кадров. М., 1977; Кричевский Р. А. Если вы руководитель. Элементы психологии и менеджмента в современной работе. М., 1993.
- ⁶ Боровков Александр Дмитриевич и его автобиографические записки. СПб., 1899. С. 88.
- ⁷ Дивов П. Г. Из дневника // Русская старина. 1899. Т. 100. № 10. С. 82–83.
- ⁸ Там же. С. 541.
- ⁹ Там же. С. 519.
- ¹⁰ Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 20. М., 1913. С. 325.
- ¹¹ Дивов П. Г. Из дневника // Русская старина. 1899. Т. 100. № 12. С. 83, 540; 1898. Т. 93. № 3. С. 503.
- ¹² Долгоруков И. М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1874. С. 337–338.
- ¹³ [Лубяновский Ф. П.] Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834. М., 1872. С. 224.
- ¹⁴ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 95.
- ¹⁵ Данные, характеризующие социальный портрет 76 служащих экспедиции государственного хозяйства департамента МВД по состоянию на 1 января 1805 г. получены автором на основе анализа их послужных списков, хранящихся в РГИА. – Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1349. 1805 г. Оп. 4. Д. 20. Л. 1–130.
- ¹⁶ Долгоруков И. М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. С. 338.

¹⁷ [Мертваго Д. Б.] Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. М., 1867. С. 163, 172.

¹⁸ Там же. С. 274.

¹⁹ Подсчитано по: *Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на ... 1818.* Ч. 1. СПб., 1819. С. 396–399; *Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на ... 1822.* Ч. 1. СПб., 1823. С. 336–339.

²⁰ *Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на ... 1822.* С. 371.

²¹ Все данные получены автором на основе анализа послужных списков 52 сотрудников общей канцелярии министра в 1822 г., хранящихся в РГИА. – РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 16. Л. 1–89.

²² [Лубяновский Ф. П.] Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834. С. 242.

²³ Там же. С. 246.

²⁴ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 78.

²⁵ *Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской Империи на ... 1820.* Ч. 1. СПб., 1821. С. 404; *Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на ... 1822.* Ч. 1. С. 538.

²⁶ Все данные получены автором на основе анализа послужных списков чиновников для особых поручений, хранящихся в РГИА. – РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 17. Л. 1–66.

²⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 1. Л. 48–50.

²⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 30. Л. 2–3.

²⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 30. Л. 6, 9.

³⁰ Державин Г. Р. Записки. М., 2000. С. 248.

³¹ Цит. по: Мальшинский А. П. Высшая полиция при императоре Александре I // Исторический вестник. 1889. Т. 35. № 1. С. 173.

³² Долгоруков И. М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. С. 337.

³³ Цит. по: Бартенев П. Деятельный век. Исторический сборник: В 2 кн. Кн. 2. М., 1872. С. 43.

³⁴ Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 344.

³⁵ Чечулин Н. Д. Князь В. П. Кочубей // Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1903. С. 376.

³⁶ Записки Василия Семеновича Хвостова // Русский архив. 1868. № 1–12. С. 599.

³⁷ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1872. С. 313, 499.

³⁸ Долгоруков И. М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. С. 338.

³⁹ Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. № 3–4. С. 177.

⁴⁰ Там же. С. 163.

В. И. Цвиркун*

**ДМИТРИЙ КАНТЕМИР
И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ
ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ**

До настоящего времени вопрос участия Дмитрия Кантемира в законодательной деятельности Российского государства периода петровских преобразований не рассматривался исследователями как предмет самостоятельного изучения. Отчасти, он был затронут в ряде наших публикаций¹. Обращение к этой теме в настоящее время является актуальным по ряду причин. С одной стороны, для того, чтобы доказательно опровергнуть утверждения ряда историков о том, что «будучи чужд реформам Петра I и самой жизни страны пребывания ... он не имел никакой связи с тогдашней Россией»². С другой стороны, опираясь на архивные документы, осветить деятельность Д. Кантемира в составе главного законодательного органа Российского государства – Правительствующего Сената.

Несмотря на то, что молдавский господарь и Светлейший князь Российской империи фактически являлся членом этого важнейшего законодательного и административного органа страны в течение неполных двух лет, он принял участие в разработке и утверждении ряда важнейших законодательных актов, некоторые из которых действовали на всем протяжении существования Империи³. Особое место среди них занимает такой фунда-

* *Цвиркун Виктор Иванович* – Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Молдова в Государстве Катар (Кишинев), доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор.

ментальный документ, как Табель о рангах, на несколько столетий определивший и закрепивший социально-иерархическую систему Российской империи. По мнению исследователей истории петровского времени, «Табель о рангах» создавала настоящий переворот не только в служебной иерархии, но и в основах самого дворянства. Поставив в основу деления на чины должность служащего, замещавшуюся путем заслуги по личным качествам и по личной годности лица в нее вступающего, «Табель о рангах» упраздняла совершенно старинное деление на основе родовитости и происхождения и искореняла всякое значение аристократизма в государственном строе России. Со времени принятия этого документа служба престолу и Отечеству, личная заслуга и таланты становятся основными принципами существования российского дворянства. Считаю уместным привести мнение Д. Кантемира, в числе других членов Правительствующего Сената, относительно статей и положений этого фундаментального документа⁴.

«Кто выше своего ранга будет себе почести требовать или сам место займет выше данного ему ранга, тому, за каждой случай платить штрафу 2 месяца жалования. А ежели кто без жалования служит, то платить ему такой штраф, как жалование тех чинов, которые с ним равного рангу и действительно жалование получают.

Понеже сего 1721 году февраля 1 дня прислан в Сенат за подписанием Его Царского Величества руки Табель о определении всего государства чинов рангам и при конце той Табели приписано, дабы к сентябрю месяцу, подумав в Сенате, изготовить свое мнение, ежели что надлежит переменить, прибавить или убавить, и которые чины переменить и как.

По тому Его Царского Величества имянному указу в Сенате смотрен тот Табель, так же ради примеру других самодержавных государей – регламенты о рангах. И по усмотрению прилагается Его Царскому Величеству о тех рангах в доношение следующее всепокорнейшее мнение.

1. Понеже о воинских сухопутных и морских чинах сочиненной порядок в рангах сходен против рангов других государей, а особливо же французского, яко древнего и самодержавного короля, того ради об оных ничего к перемене потребного не разсуждаем показать во мнении своем, о протчем же доносим.

2. В регламентах о рангах во французском, в дацком, в аглинском – канцлер, а во Швеции – из сенаторей старший королевский советник, написаны в первой класе, а в присланной табели написан канцлер во второй класе, того ради мнение наше – тому чину не изволит ли Царское Величество быть в первой класе.

3. В дацком⁵ написаны тайные советники, которые в королевском совете выше генералов полных, а во французском – написаны министры и секретари штацкие в равенстве с генералы полными, а в швецком – в первых королевские советники и сенаторы. А в присланной Табеле о рангах написаны тайные действительные советники ниже генералов. И по тому доносим свое мнение. Не изволит ли Его Царское Величество по вышеписанным примерам причесть чин действительных тайных советников против других дворов, а которые сидят в Сенате, по вышеписанному же примеру не изволит ли его величество почесть за действительных же⁶.

4. Во французском дворе – великой мастер двора французского – во-первых, а в присланной Табеле написан обер-маршал – против генералов-лейтенантов. А по нашему мнению, не изволит ли Его Царское Величество,

по примеру других дворов, быть тому чину хотя бы во втором классе.

5. Кавалеры Св[я]таго Андрея⁷ в присланной Табеле написаны ниже генералов-лейтенантов, а в равенстве с президенты от коллегиев. А в дацком ордена Слонова⁸ написаны с генералами полными. Не изволит ли Его Царское Величество оных кавалеров повысить по вышеписанному примеру, для почтения того ордена.

6. В присланной Табеле, президенты от коллегии написаны ниже генерала-лейтенанта, а выше генерала-майора. А в Швеции президенты в коллегиях, королевские советники.

7. Обер-штаммейстер в присланной Табеле написан ранг бригадирской, а во французском – великой конюшей имеет ранг между дворовыми⁹ первыми чинами, а в дацком – обер-штаммейстер, выше генерала-майора.

8. Генерал-ракетенмейстер, в присланной табели – против полковника, а в прусском, написан ниже генерала-поручика, а выше генерала-майора.

9. Обер-церемониймейстер, в присланной табели написан против полковника. А в дацком [наравне] с генерала-маеора, в прусском – выше генерала-маеора.

10. Штатс-комисар написан против подполковника. И наше мнение, не изволит ли Его Царское Величество оной ранг поровнять против коллегей советников.

11. Гоф-маршал, в присланной Табели написан против полковника. А в дацком – во 2-ом классе, выше генералов-маеоров. А в швецком – ниже генерала-маеора.

12. Обер-ягермейстер¹⁰, в присланной Табели написан против полковника. А в дацком и прусском – выше генерала-маеора.

13. Обер-шенк¹¹ в присланной Табели написан против полковника, а в дацком – во 2-й класс, выше генерала-

маеора.

14. Тайный кабинет секретарь, в присланной Табели написан против полковника. А в французском, комнатные секретари написаны против генерала-маеора. Не изволит ли Его Величество сравнить чужестранной коллегии¹² с тайными канцелярии советниками.

15. Вице президенты в надворных судах, написаны против маеора. А в швецком ниже подполковника лейб-регимента а выше подполковника артиллерии. Не изволит ли Его Царское Величество повысить [этот чин] против полковника, как советники в коллегиях.

16. Обер секретарь в Сенате, написан против маеора. А в дацком – во 2-й класе, выше генерала-маеора. Не изволит ли Его Царское Величество сравнить [этот чин] против советников коллегей.

17. Обер комисары в канцеляриях, написаны против маеора. А хотя в Швеции написаны под капитаном гвардии. Не изволит ли Его Царское Величество повысить в ранг полуполковничей, понеже иные в тех чинах служат из полковников и из подполковников.

18. Асессоры в коллегиях в присланной Табели написаны против маеора, а в Швеции – ниже капитанов от гвардии. Не изволит ли Его Царское Величество повысить в ранг полуполковничей, понеже советники [коллегий] в ранге полковничем.

19. Обер рейт мейстер¹³ в резиденции написан против капитана. А в дацком – во 2-й класе, выше генерала-маеора. Не изволит ли Его Царское Величество повысить онаго против коллежских советников

20. Обер провиант мейстер в резиденции написан против капитана. Не изволит ли Его Царское Величество повысить против советников коллежских.

21. Полицымейстер в резиденции: в Табели написан

против капитана. Не изволит ли Его Царское Величество повесить против маеора, понеже и ныне полицымейстерское дело употребляет¹⁴ маеор.

22. Обер секретари при коллегиях, секретари в Сенате, в Табели написаны против капитана. Не изволит ли Его Царское Величество повесить их против ассессоров коллежских.

23. Камер-юнкеры написаны против капитана. И из них действительным камер-юнкерам разсуждается быть против титулярных камергеров, понеже в дацком [регламенте] написаны после подполковников от лейб-регимента.

23. Секретари при коллегиях и архиварии при обоих государственных архивах¹⁵ написаны против капитана-лейт[е]нанта. Не изволит ли Его Царское Величество их повесить против обер лантрихтера¹⁶, понеже и ныне в обер лантрихтеры вчинены из приказных людей.

24. Ассессоры в надворных судах написаны против капитана-лейтенанта. А в Швеции написаны ниже капитана гвардии. Не изволит ли Его Царское Величество повесить [их] против лантрихтера.

25. Нотариев других государств в канцеляриях не определяется, токмо бывают у крепостных дел для сочинения крепостей, а которые обретаются в коллегиях, те именуются протоколисты. Не изволит ли Его Царское Величество нотариам писатца протоколистами. И переводчиков Сенатских и иностранной коллегии, и Сенатского протоколиста повесить против секретарей коллежских.

27. Секретари в надворных судах и губерниях, написаны против ундер лейт[е]нанта. Не изволит ли Его Царское Величество повесить их против лейт[е]нантов.

28. Актуариус¹⁷ и регистратор сенатские, написаны в Табеле против фендрика¹⁸. Не изволит ли Его Царское Ве-

личество оных повысить против лейтенанта, понеже корабельные секретари поставлены в том же ранге.

29. Нотарии, архивариус и переводчики при коллегиях, написаны в Табеле против фендрика. Не изволит ли Его Царское Величество те чины повысить против ундер-леит[e]нанта.

30. Актуариусов и регистраторов коллежских и канцеляристов, как сенацких, так и коллежских, в Табеле не написано. Не изволит ли Его Царское Величество учинить ранги актуариусов и регистраторов коллежских, и канцеляристов сенацких против ундер-леит[e]нанта. А канцеляристов коллежских старших – против фендрика.

Понеже ныне в соизволении Его Царское Величество есть в такие чины производить из шляхетства, дабы тем оных к тому заохотить.

Протчие же ранги, о которых в сем мнении против Табеля не предложено, и о тех в доношение к перемене потребного не усмотрено.

Что же принадлежит по вышеписанному Его Царское Величество указу о объявлении мнения нашего, о определении жалования статским и дворовым чинам против ли ранга служивых в одном класе с ними обретающихся или меньше или больше оным учинить, и о том доноситца наше мнение.

О жалованье вышних чинов статских и дворовых по ранг генерала-маеора полагается на волю Его Царское Величество, а в Сенате о том определения учинить невозможно.

А от ранга генерала-маеора и до низних чинов жалованье уровня статским и дворовым чинам против военных, по нашему разсуждению, невозможно для того, понеже было б оным нижним чинам жалованье малое, которым пропитаться им будет невозможно, ибо оные мало

не все безпоместные, и в некоторых канцеляриях кроме жалованья никаких доходов не получают. А по чему из тех чинов по рознь и какое учинить жалованье, о том справясь с камор и с штате кантор коллегиями подается Его Царское Величество доношение впредь.

При том же всеподданнейше доносим, понеже еще остались в древних чинех некоторые персоны. А имянно: бояре, кравчие, околниче, думные дворяне, спалники, столники и протчие чины, того ради предлагаетца, не изволит ли Его Царское Величество оных по их живот¹⁹(15) определить против других рангами. Ибо в России из тех чинов ныне определены и впредь определяемы быть имеют в губернаторы, в вице-губернаторы, в воеводы. И ежели ранги им будут не определены, то от подчиненных им будет не без противности.

Подписали:

*Генерал-адмирал граф Апраксин
Канцлер граф Головкин
Князь Дмитрий Кантемир
Князь Григорей Долгорукой
Князь Дмитрий Голицын
Действительный тайный советник
барон Петр Шафиров
Петр Толстой
А[лексей] Матвеев
Граф Иван Мусин-Пушкин*

Сентября 20 дня 1721 года».

Однако не одним этим документом ограничилась законодательная деятельность Д. Кантемира в составе Правительствующего Сената. Его подпись стоит под протоколами об обсуждении и утверждении многочисленных документов относящихся к проведению налоговой политики

страны, комплектации армии и флота рекрутами, строительства и благоустройства новой столицы империи – Санкт-Петербурга, а также принятия условий заключенного со Швецией мира. При его участии были обсуждены и утверждены постановления Сената, относительно должности этого важнейшего государственного органа страны²⁰, вместе с ними были приняты и регламенты, определяющие должность генерал-прокурора Сената²¹ и прокуроров коллегий, магистратов и надворных судов²². В общей сложности за 1721–1722 гг., по нашим подсчетам, Д. Кантемир принял участие в 43 заседаниях Правительствующего Сената, на которых были обсуждены и приняты к исполнению более 90 законодательных актов²³.

Присутствие и деятельность Д. Кантемира в составе Правительствующего Сената отмечено еще одним событием эпохального значения в истории государства Российского. 22 октября (2 ноября 1721 г.) в Троицком соборе новоучрежденной столицы России прошла торжественная литургия в благодарность за заключенный со шведами мирный договор. По ее завершении государственный канцлер граф Г. И. Головкин от имени членов Сената и Синода обратился к царю с просьбой принять титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского. Следует заметить, что Дмитрий Кантемир, был не только подписантом этого обращения, но инициатором и активным проводником идеи придания царю Петру I титула императора Всероссийского.

За много лет до этого акта, в первых числах апреля 1714 г., устами сына Дмитрия Кантемира Сергея, в публичном собрании, в присутствии царя, праздновавших Воскресение Христово, озвучен «Панегирик Петру Первому Пресветлейшему и Державнейшему, благочестивейшему Победителю и всемилостивейшему Императору Госу-

дарю и Покровителю...»²⁴. Впервые в русском обществе публично к монарху обращались с использованием титула император.

В последующие годы в частной переписке, адресованной Петру I, молдавский князь неоднократно обращался к монарху, используя этот титул, а само Российское государство именовал империей²⁵.

Помимо того, что данное обращение Д. Кантемир использовал в своей корреспонденции с российским государем, он и в деловой, и частной переписке с государственными сановниками²⁶ задолго до официального принятия этого титула Петром Великим именовал его императором. Смеем утверждать, что на протяжении многих лет, используя в публичных выступлениях, в частной переписке этот титул в отношении российского монарха, он как бы исподволь продвигал в правящих кругах страны идею придания царю и государству более высокого статуса в иерархии абсолютных монархий того времени. Ни в приватной, ни в официальной переписке российских сановников петровского времени, не говоря о публичных выступлениях, до осени 1721 г. мы не встретим обращения к Петру с использованием титула «император».

Опираясь на вышеизложенное, можно с полной уверенностью утверждать, что несмотря на непродолжительное пребывание в числе членов Правительствующего Сената, Д. Кантемир принял активное участие в разработке и претворении в жизнь основополагающих законов Российского государства, значительная часть которых действовала на протяжении существования империи.

© Цвиркун В. В., 2023

¹ Цвиркун В. И. 1) Под сенью двух держав. История жизни и деятельности Д. Кантемира в Турции и России. Кишинев, 2013; 2) Политическая и государственная деятельность

Дмитрия Кантемира в России // Стратум плюс. 2021. № 5. С. 423–434.

² *Ciobanu Ș. Dimitrie Cantemir în Rusia // Analele Academiei Române, Mem. Sect. Literare, Ser. III, tom. II, Mem. București, 1925. P. 50, 430.*

³ *Цвиркун В. И. Под сенью двух держав. История жизни и деятельности Д. Кантемира в Турции и России. С. 186–187.*

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 9 «Кабинет Петра Великого». Отд. II. Д. 93. Л. 212–219 об.; *Цвиркун В. И. Дмитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010. С. 255–260; Țvircun V. Moștenirea epistolară a lui Dimitrie Cantemir // Documente privind Istoria Românilor. Colecția Eudoxiu Hurmuzaki. Seria a 3-a, Vol. III. București-Brăila, 2020. P. 274–283.*

⁵ Регламент о рангах XVII в.

⁶ Действительных тайных советников.

⁷ Орден Святого Андрея Первозванного был учрежден Петром I 10 марта 1699 г. Эта награда являлась высшим орденом Российской империи на всем протяжении ее существования. Согласно статуту, орден жаловался «в воздаяние и награждение одни за верность, храбрость и разные нам и Отечеству оказанные услуги, а другие, для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям». Награжденным вручались восьмиконечная звезда, голубая лента, надевавшаяся через плечо, и знак в виде Андреевского распятия – косоугольного креста на котором, по преданию, был распят апостол Андрей Первозванный, издревле считавшийся одним из небесных покровителей России. Первым кавалером ордена стал генерал-адмирал Ф. А. Головин.

⁸ Кавалеры ордена Белого Слона.

⁹ Придворными.

¹⁰ *Jagermeister* (нем.) – ловчий. Обергермейстер – старший ловчий.

¹¹ *Schienk* (нем.) – кравчий. Обер шенк – придворный чин, начальник над людьми прислуживающими за столом царя.

¹² Коллегии иностранных дел.

¹³ *Reitmeister* (нем.) – конюший. Обер рейтмейстер – придворный чин, главный конюший, отвечавший за царский выезд.

¹⁴ Осуществляет.

¹⁵ Имеются в виду Архив Сената и Архив Коллегии Иностранных Дел.

¹⁶ Landrichter (нем.) – судья в Земельном суде.

¹⁷ Actuarius (лат.) – делопроизводитель.

¹⁸ Fanrik (шведск.) – прапорщик.

¹⁹ Пожизненно.

²⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 15. Д. 132. Л. 55–57.

²¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 15. Д. 133. Л. 57 об. – 59 об.

²² РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 15. Д. 134. Л. 59 об. – 61.

²³ Цвиркун В. И. Под сенью двух держав. История жизни и деятельности Д. Кантемира в Турции и России. С. 221–231.

²⁴ Байер З. История о жизни и делах Молдавского Господаря Князя Константина Кантемира. М., 1783. С. 323–328; Цвиркун В. И. Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. С. 189–192.

²⁵ РГАДА. Ф. 68. 1718 г. Д. 1. Л. 3–7; Цвиркун В. И. Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. С. 209, 231, 237.

²⁶ Цвиркун В. И. Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. С. 239.

Е. С. Соколова*

**«ЭТОТ САМЫЙ УДИВИТЕЛЬНЫЙ
ИЗ СОВЕТНИКОВ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ...»:
МИР ЮРИСТА В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ
И БИОГРАФИИ Э. Т. А. ГОФМАНА**

Проблема взаимодействия права и художественной культуры является существенным аспектом новейших юридических исследований теоретико-исторического цикла, ориентированных на междисциплинарность. Отражение природы и сущности государственно-правовых институтов в художественных образах, нацеленных на формирование идеальных представлений о красоте и упорядоченности окружающего мира, имеет ценностное значение и играет определяющую роль в формировании субъективного правосознания. В то же время духовное значение произведений искусства не исчерпывается созданием почвы для обновления дискурса о роли права в регулировании общественных отношений и создании условий для самоопределения личности в границах должного. Многомерность их воздействия на самосознание личности носит самый широкий характер и тесно связана с процессами самоидентификации отдельных субъектов и целых общественных групп, с коммемориальными традициями, деятельностью профессиональных корпораций, формированием общественных настроений, эволюцией политико-юридических практик.

* *Соколова Елена Станиславовна* – доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, доцент.

Становление и развитие права опосредовано совокупностью социокультурных факторов, отражающих стремление личности к достижению абсолюта в организации структурных элементов социального бытия. Следует согласиться с бытующей в новейшем правоведении точкой зрения на тесную взаимосвязь права и художественной литературы как в общности семантических методов интерпретации текста, так и в ценностных установках на гуманизацию правовой сферы, совершенствование правосознания и уровня социализации личности¹.

Спектр вопросов, связанных с отражением правовых реалий образными средствами, представляется весьма широким, особенно в историческом контексте политико-юридической проблематики и исследовании существовавших в истории юридической профессии возможных способов самоидентификации. В мировой литературной традиции существуют примеры, связанные со стремлением отдельных представителей юридического сообщества дать оценку повседневной деятельности юриста-ученого или юриста-практика. Предметом литературной рефлексии является и определение критериев идеального «служителя Фемиды» наряду с выявлением противоречий между рациональным осмыслением права и обыденным восприятием правовой реальности.

Интересный образец художественного осмысления вопроса о месте профессионального юриста в государстве и обществе содержится в творчестве Э. Т. А. Гофмана – одного из основоположников немецкого романтизма и выдающегося представителя прусской юридической практики первой четверти XIX в.

Исследование литературного наследия Гофмана имеет солидную традицию. Его новеллы, сказки и романы изучаются сегодня в рамках теории синтеза искусств, имею-

щей глубокие корни в общей концепции немецкого романтизма и в немецкой классической философии. Персонажи Гофмана противоречивы и неидеальны, судьбы многих его героев изначально predeterminedены силами зла. Тем не менее, все они воодушевлены поисками универсума и стремятся осмыслить феномен двоемирия, основанный на противоположности между дневной и ночной сторонами человеческой души.

Биография Гофмана, получившего хорошее юридическое образование в кёнигсбергской Альбертине, достаточно полно изучена. Известно, что в студенческие годы он почти не посещал общеуниверситетские лекции Иммануила Канта, находя их скучными и не объясняющими те противоречия человеческой души, которые определяют философский смысл и поэтику его будущих литературных опусов².

В то же время следует согласиться с теми исследователями, которые находят глубокие следы влияния кантианства в творчестве и профессиональной карьере Гофмана³. Мотив двойника, присущий его мироощущению, безусловно, имеет эпистемологические сходство с кантовской «вещью в себе», объективно существующей вне человеческого сознания до тех пор, пока она не познана. Кантианская идея двоемирия проявляется в том противоречии, которое возникает между миром умопостигаемых вещей и эмоционально-чувственной природой человека. Возможность его преодоления И. Кант видел в наличии формализованных предписаний права, общеобязательность которых продиктована не принуждением, а нравственным чувством, определяющим представление человека о должном.

В творчестве Гофмана содержатся иные ценностные ориентиры, основанные на идее фатализма и критиче-

ском отношении к рационалистической науке. Многие его персонажи далеки от абсолютизации нравственного закона. Жизнь ставит перед ними неразрешимые дилеммы, вызванные неожиданным столкновением с тем загадочным миром, где господствуют темные силы и самые низменные побуждения души. Герои Гофмана мучительно пытаются преодолеть двойственность человеческого сознания и нередко становятся игрушкой безжалостной судьбы, которая мстит им за стремление постичь непознаваемое и упорядочить то, что не подвластно человеческому разуму.

О скептицизме Гофмана в вопросе о пределах научного познания свидетельствуют как эго-источники, так и некоторые мотивы его литературного творчества, выраженные при помощи гротеска. Например, в сказочном княжестве Керпенес, где царит великий и ужасный Крошка Цахес, большой популярностью пользуются лекции профессора естественных наук Моша Терпина, который прославился тем, что вывел «после многочисленных физических опытов заключение, что темнота происходит преимущественно от недостатка света»⁴.

Друзья и сослуживцы Гофмана отмечали, что основной импульс его недоверчивого отношения к философскому рационализму коренился в хорошем знании человеческих характеров и последовательном интересе к новейшим для того времени данным психологии. По свидетельству современников, он «был прекрасным следователем» и успешно сочетал занятия изящными искусствами с профессией юриста⁵.

О многомерности своих занятий и увлечений говорил и сам Гофман: «по будням я юрист, да еще чуть-чуть музыкант, но в воскресенье днем я рисую, а вечерами и допоздна превращаюсь в весьма остроумного автора...»⁶.

Тем не менее, созданный им мир художественных образов не отличается столь высокой степенью упорядоченности. Здесь царит иная, очень тревожная атмосфера. Безупречное выполнение профессионального и гражданского долга не всегда приводит к торжеству закона, отступающего перед хитростью, алчностью и полным пренебрежением нравственными принципами.

Показательной в этом отношении является новелла Гофмана «Майорат», действие которой разворачивается на Куршской косе в старинном феодальном замке Росситен (ныне это поселок Рыбачий в Калининградской области – *Е. С.*). Преступление, совершенное в этой, отделенной своим тягостным величием от всего остального мира, твердыне, было изначально предугадано старым стряпчим Ф., прототипом которого стал двоюродный дед Гофмана по материнской линии, советник юстиции Фётери⁷. Когда-то именно он помог учредить майорат главе аристократического семейства, не пожелавшему, из мелочных соображений, разделить состояние между своими сыновьями. На глазах опытного законника, хорошо понимающего опасность решений, продиктованных фамильной гордостью, соперничество из-за огромного наследства отравляет жизнь нескольких поколений владельцев Росситенского замка.

Трудно предугадать, кто из них совершит преступление, так как все они в равной мере унаследовали «дурные качества своих предков». Только суровость их постоянного поверенного в делах принуждает наследников придерживаться в своих действиях буквы закона. Однако весь практический опыт пожилого нотариуса оказывается бессильным предотвратить убийство, замысел которого лишь косвенно связан со спором о судьбе майората и продиктован «темным предопределением», тяготевшим над до-

мом росситенских баронов⁸.

В отличие от персонажа «Майората» с его непоколебимой верой в силу судьбы, сам Гофман не отрицал социального значения своей профессии, хотя, как свидетельствуют его письма, видел в ней, прежде всего, средство к существованию. В 1816 г., он председательствует в Сенате уголовного суда (Берлин), «как старейший советник, с достоинством и энергией», пользуясь при этом славой признанного литератора и композитора. По свидетельству Юлиуса М. Хитцига, в служебной деятельности Гофмана не было ни малейшего признака беспорядка. При этом он так хорошо умел «разделять государственную службу и частную жизнь, что это делало высочайшую честь его практическому уму»⁹.

Как и другие мемуаристы, Хитциг с восхищением отзывается о разносторонних дарованиях Гофмана, позволявших ему преодолевать разрыв между идеалом и действительностью. Выбор в пользу романтического «синтеза искусств» был продиктован потребностью Гофман-писателя в универсальном изобразительном средстве. Основной лейтмотив его литературного творчества заключается в противопоставлении красоты и благородства тем низменным силам, которые изначально присутствуют в окружающем мире¹⁰.

Гофман отстаивал необходимость гармоничного развития человеческой личности и видел истоки успешной профессиональной деятельности юриста в сочетании формального подхода к вопросам права с поиском нравственного абсолюта. Таков, например, старший советник суда Дроссельмейер из сказки о Щелкунчике, в образе которого объединены, казалось бы, не сочетаемые качества ученого-педанта, искусного мастера, создающего обезличенные игрушки-автоматы, и мудрого сказочника, тво-

рящего мир высокого волшебства, и проникающего в сокровенные уголки человеческой души.

Гофман презирал монотонную повседневность обывателей-филистеров, в которой процветает наслаждение «необыкновенным телесным благоденствием» под прикрытием утонченных, но бессодержательно «высоких стремлений к наукам и поэзии»¹¹. Образованный кот Мурр отдает дань моде на просвещение и штудировать книги, не тратя время на чтение их заголовков. Постепенно он начинает замечать, что под воздействием кулинарного искусства живущей в доме служанки интерес к духовной пище начинает вытесняться интересом к благам земной жизни в форме «лакомой манной каши ... и набитой конским волосом подушки»¹².

В произведениях Гофмана встречается немало персонажей, склонных к подобной «кошачьей» философии. Ее основной вопрос заключается для них в стремлении понять, «отчего наша душа, прикованная к тирану, называемому телом, вынуждена жертвовать ради него своей свободой»¹³. Идеал таких обывателей-филистеров сводится к мещанскому благополучию, обеспеченному доходным местечком на государственной службе. Взамен поиска нравственного абсолюта здесь господствует стремление к «мнимой идентичности», не имеющей ничего общего с вечным стремлением Гофмана-юриста и писателя определить должную грань между разумной строгостью закона в духе кантианства и правом личности на внутреннее самоопределение¹⁴.

Политико-юридическое значение творческого наследия Гофмана не исчерпывается рассмотренными сюжетами, позволяющими в перспективе поставить вопрос о воздействии охранительных мероприятий Прусского государства первой четверти XIX в. на процессы профессио-

нальной самоидентификации в юридической среде. Историко-правовой срез литературной традиции немецкого романтизма открывает научную перспективу для осмысления вопроса об отношении интеллектуальных слоев прусского общества к юридическому сообществу и политико-юридическим практикам. В более широком контексте обращение к теме «Право и литература» дает широкий материал для исследования социальных последствий полного отрицания взаимозависимости права и морали, наряду с подменой ценностного значения правовых запретов и дозволений категорией субъективного интереса.

© Соколова Е. С., 2023

¹ *Куксин И. Н., Иванова Ж. Б.* Юридические сюжеты в русской литературе: симбиоз содержания и формы // Ценности и смыслы. 2016. № 1(41). С. 78–84; *Тимофеева А. А.* Русская художественная литература как компонент повышения профессиональной правовой культуры юристов // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 3(24). Т. 7. С. 311–313; *Рамазанов Н.* Право и литература: правовой дискурс в литературе и перспективы трактовки правовых текстов художественными методами // Review of law sciences. 2020. Т. 4. С. 180–188.

² *Гиппель Т. Г., фон.* Воспоминания о Гофмане // Э.Т. А. Гофман: Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Пер. с нем.; сост. К. Гюнцеля. М., 1987. С. 39; *Лавринович К. К.* Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета. К 450-летию со времени основания. Калининград, 1995. С. 192–193.

³ *Козлова Г. А.* Гофман и западноевропейская философия // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 1(26). С. 85–89; *Калинников Л. А.* Э.Т. А. Гофман и Кант: преодоление романтизма. Калининград, 2012. С. 22–42; *Катречко С. Л.* Специфика кантовского трансцендентализма и концепт «Вещь-сама-по себе» // Кантовский сборник. 2017. Т. 36. № 4. С. 68–87.

⁴ *Гофман Э. Т. А.* Крошка Цахес, по прозванию Циннобер / Пер. А. Морозова // Гофман Э. Т. А. Избранные произведе-

ния: В 3 т. Т. 1 / Вст. ст. и прим. И. Миримского. М., 1962. С. 361.

⁵ Э. Т. А. Гофман: Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Пер. с нем.; сост. К. Гюнцеля. С. 250.

⁶ Из писем Теодору Готфриду фон Гиппелю // Э.Т. А. Гофман: Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Пер. с нем.; сост. К. Гюнцеля. С. 53.

⁷ Ильченко Н. М. Символика круга в автобиографической новелле Э. Т. А. Гофмана «Майорат» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 204–209.

⁸ Гофман Э. Т. А. Майорат / Пер. А. Морозова // Гофман Э. Т. А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1 / Вст. ст. и прим. И. Миримского. С. 323, 308.

⁹ Хитциг Ю. Э. Рождение Крошки Цахеса // Э. Т. А. Гофман: Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Пер. с нем.; сост. К. Гюнцеля. С. 280–282.

¹⁰ Бэлза И. Ф. Э. Т. А. Гофман и романтический синтез искусств // Художественный мир Э. Т. А. Гофмана / Под ред. И. Ф. Бэлзы. М., 1982. С. 31.

¹¹ Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мурра, вкуче с фрагментами биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera, случайно уцелевшими в макулатурных листах // Гофман Э. Т. А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 3 / Прим. И. Лаврентьевой. М., 1962. С. 306–307.

¹² Там же. С. 307.

¹³ Там же.

¹⁴ Сафрански Р. Гофман / Пер., вступ. ст. и прим. В. Д. Балакина. М., 2005. С. 301–302, 331–339.

Е. В. Васильева*

**ФРИДРИХ ГЕНРИХ ШТРУБЕ ДЕ ПИРМОН:
ВКЛАД В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО
ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ**

Новое знание – продукт творческих усилий отдельно взятого ученого. Однако современная наука с невниманием относится к проблеме индивидуального начала в исследовательской деятельности. Даже несмотря на появление в последние годы работ, посвященных жизни и творчеству отечественных ученых прошлого, мы можем констатировать факт, что за пределами научного интереса по-прежнему остается целая плеяда профессоров права Российской империи, которые, к сожалению, оказались забыты и современниками, и потомками. Среди таковых оказались некоторые немецкие ученые, приглашенные на службу в Императорскую Академию наук в XVIII в., в том числе Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон. В то же время именно ему, по замечанию Г. С. Фельдштейна, было суждено «приступить к разработке непочатой нивы русского правоведения»¹.

Примечательно, что служба Штрубе в Академии наук, куда он впервые был назначен на должность «профессора юриспруденции и политики» в сентябре 1738 г., популярности и славы не принесла. В 1741 г. ученый был вынужден оставить свою работу и уехать из страны в связи с назначением его секретарем графа П. Г. Чернышева, направленного послом в Копенгаген.

* *Васильева Евгения Владимировна* – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, кандидат исторических наук.

Шанс вернуться в Россию и продолжить своё любимое дело у Штрубе де Пирмона появился по воле случая. Во время пребывания в Берлине, куда он был переведен по службе вместе с П. Г. Чернышевым, ученый занимался преподаванием права и политики графу К. Г. Разумовскому, будущему президенту Академии наук. Ходатайство последнего позволило переехать Штрубе в Россию в 1746 г., занять прежнюю должность профессора юриспруденции².

Поручение президента Академии наук читать лекции по «правам натуральным и философии практической и нравоучительной»³ Штрубе воспринял с воодушевлением и для привлечения внимания студентов к своим занятиям подготовил специальное пояснение, в котором пытался доказать большую пользу от изучения юриспруденции, нежели от военных наук. Однако старания Штрубе де Пирмона студенты академического университета не оценили. Лекции успехом не пользовались, да и сам профессор, по собственному признанию, интерес к проблемам естественного права уже потерял. Данное обстоятельство стало поворотным в жизни ученого. Именно тогда у него появилась мысль заняться подготовкой «Краткого руководства к российским правам». Предложение Штрубе де Пирмона Академия приняла.

Стоит отметить, что данное направление исследования для Штрубе было ещё незнакомо. Предстояло не просто погрузиться в чужую для себя историю, проанализировать огромный массив источников, но и отчасти переключиться с проблем естественного права на позитивное. Позже ученый признается, что и представить себе не мог, насколько трудным окажется изучение русского права: «Для исполнения сего с пользою думал я последовать некоторым писателям, упомянувшим о законах Российской

империи. Но тотчас увидел, что они сами, не имея об них довольного понятия, не могли описать их ясно, почему и подражания недостойны»⁴. Ежемесячные отчеты о ходе работы, сжатые сроки, сам характер исследования не позволили завершить начатое в том виде, как себе представлял Штрубе. Руководство Академии наук дало резко отрицательную оценку результатам деятельности ученого, обвинив автора в неспособности подготовить то, что может называться кратким руководством, ибо в представленной на суд критиков книге «ничего более не учинено, как только что под краткими заглавиями расположены материи и содержания указов, регламентов и прочего во всем их пространстве от слова до слова...»⁵. В печати Штрубе было отказано.

Естественно, с критикой современников согласиться нельзя. Труд Штрубе де Пирмона под названием «Краткое руководство к российским правам» опережал своё время, поэтому многие выводы ученого в XVIII в. казались непонятными и абсурдными.

Начнем с того, что Штрубе являлся приверженцем естественно-правовой теории, отсюда он право (закон⁶) трактовал как «сходство всякого морального или свободного действия со всеобщим человеческим сохранением и благополучием»⁷. Однако, размышляя о природе права, автор пришел к выводу о сложности и неоднозначности самого понятия. По мнению, Штрубе де Пирмона в процессе своего исторического развития право менялось, превращаясь из законов, тождественных «натуральной справедливости» и исходящих от Бога, в правила поведения, установленные государством и ради общей пользы иногда содержащие в себе «нечто строгое и неприятное»⁸. Таким образом, ученый развел естественное и позитивное право (закон). Последнее он определил как совокупность

правовых процедур. В числе обязательных признаков позитивного («гражданского») закона Штрубе назвал следующие:

- 1) он должен исходить от главы государства (компетентного субъекта);
- 2) опубликован (надлежащим образом объявлен в печатной или письменной форме);
- 3) должен быть полезен для общества;
- 4) иметь принудительную силу⁹.

В «Кратком руководстве» Штрубе де Пирмона раскрываются правила толкования и классификация прав и законов. Следуя римской правовой традиции, ученый разделил право (законы) по предмету правового регулирования на частное («земское», «народное»; «до собственной пользы каждого члена общества») и публичное («государственное»; «до пользы всего государства или главы онаго»¹⁰). По субъекту правотворчества Штрубе предложил различать законы натуральные («всемирные», или естественные), данные обществу самим Богом для «собственной каждого пользе и всеобщему сохранению и благополучию рода человеческого»¹¹, и «гражданские» (позитивные). Наконец, по способу фиксации правовых источников автор развел письменные и устные законы и права.

Возвращается профессор и к вопросу о практической пользе юриспруденции, который уже поднимался им в своих лекциях. В «Кратком руководстве» Штрубе были раскрыты межпредметные связи. Причем автор подчеркнул, что лучше «разуметь и употреблять в делах»¹² права и законы юриспруденции помогает философия, благодаря которой ученый-юрист лучше сможет понять натуральное право и политику, история, по которой известно становится «не токмо состояние и нравы тех земель и народов, которым права и законы даются, но и самое их начало и

причины...»¹³, и, наконец, языкознание, дающее возможность читать источники в оригинале.

Нельзя не остановиться ещё на одной заслуге Штрубе де Пирмона. Именно с его именем связан первый опыт применения сравнительно-правового метода в исследовании. Ученый проанализировал богатый массив открытых на тот момент исторических источников, которые были предоставлены ему Академией наук для завершения работы над «Кратким руководством по российским правам». Однако в данной работе только содержится небольшой обзор некоторых из них. Большую же ценность представляет «Слово о начале и переменах российских законов», произнесенное Штрубе на торжественном собрании 6 сентября 1756 г. В нем производится детальное сравнение законодательства Древней Руси с датским, шведским и германских. Множество фактов, подтверждающих сходства между ними, по словам Н. М. Коркунова, было использовано А. Л. Щлёцером в качестве подтверждения своей теории происхождения Древнерусского государства¹⁴. Однако анализ законодательства Российского государства конца XV–XVII вв. позволил Штрубе прийти к выводу о самобытности русского права.

В заключении отметим, в первой половине XVIII в., когда только складывались предпосылки для формирования и развития отечественной исторической, а также историко-правовой науки, в России появились первые работы, где были подвергнуты научному осмыслению проблемы становления и развития русского права. Они принадлежали ученому немецкого происхождения Фридриху Генриху Штрубе де Пирмону, который может претендовать на право быть признанным в качестве основателя историко-догматического направления в юриспруденции, разработавшего научные классификации права и впер-

вые использовавшего сравнительно-правовой метод в российской науке, одного из первых исследователей, научно осмысливших правовые памятники России XI – начала XVIII в.

© Васильева Е. В., 2023

¹ *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 150.

² По совместительству в 1746–1749 гг. Штрубе де Пирмон выполнял функции конференц-секретаря Императорской Академии наук.

³ *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: В 3 т. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 2015. С. 103.

⁴ *Штрубе, де П.* Слово о начале и переменах российских законов в торжественное празднество тезоимператорства Ея Императорского Величества Всемилоостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийской в публичном собрании Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году и переведенное на российский язык Семёном Нарышкиным. СПб., 1756. С. 2–3.

⁵ Цит. по: *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 154.

⁶ «Право» и «закон» Штрубе рассматривал в качестве тождественных понятий.

⁷ *Штрубе, де П.* Краткое руководство к российским правам: избранные фрагменты. СПб., 1755. С. 322. – https://bstudy.net/872110/politika/pirmont_kratkoe_rukovodstvo_rossiyskim_pravam_1755_izbrannye_fragmenty (дата обращения: 11.02.2023).

⁸ Там же. С. 330.

⁹ Там же. С. 322.

¹⁰ Там же. С. 325.

¹¹ Там же. С. 326.

¹² Там же. С. 329.

¹³ Там же.

¹⁴ *Кожевина М. А.* Сравнительно-правовой метод познания в дореволюционном отечественном правоведении // Публично-правовые аспекты юридической компаративистики.

V Прокопьевские чтения: Материалы международной научно-практической конференция (Калининград, 17–18 декабря 2021 г.). Калининград, 2022. С. 70.

Н. В. Дунаева*

П. Г. РЕДКИН НА СЛУЖБЕ ПО МИНИСТЕРСТВУ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Имя Петра Григорьевича Редкина (1808–1891) прочно вписано в историю российского права, юридической науки, образования и просвещения. Начало изучения его научной биографии было положено еще до 1917 г. При жизни ученого были изданы его лекции, научные работы по истории философии и энциклопедии права, а также педагогические и публицистические статьи. В единственном, вышедшем после 1917 г. томе Русского биографического словаря, был помещен обширный очерк жизни и деятельности ученого с подробной библиографией¹. В советский период интерес вызывало педагогическое наследие П. Г. Редкина², и только в последние два десятилетия наметилась тенденция к комплексному изучению места и роли этой личности в развитии отечественной науки, образования, издательского дела, но монографических исследований по теме пока не имеется³. Не изучена и деятельность П. Г. Редкина на государственной службе, которую он в течение нескольких десятилетий проходил в удельном ведомстве, с 1826 г. входившем в структуру Министерства императорского двора.

На службу в Департамент уделов П. Г. Редкин поступил в сорокалетнем возрасте, имея за плечами прекрасное, полученное в университетах Москвы, Дерпта, Берлина, образование, защиту двух диссертаций на степень

* Дунаева Наталья Викторовна – ученый секретарь Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, доцент.

доктора права (энциклопедии (теории права) и уголовного права), а также богатый опыт научной работы в России и за рубежом, 12-летний профессорский стаж в Московском университете, успешные результаты писательской и издательской деятельности (первый юридический журнал в России – «Юридические записки», педагогические журналы для внеклассного чтения «Библиотека для воспитания», «Новая библиотека для воспитания»).

Рекомендации для поступления на престижное место службы были получены Редкиным от товарища по учебе в Дерптском профессорском институте – В. И. Даля (1801–1872)⁴, который в 1849 г. приступая к исполнению обязанностей начальника Нижегородской удельной конторы, рекомендовал кандидатуру Редкина для назначения на оставляемые им должности секретаря товарища (заместителя) министра уделов и по совместительству – управляющего собственной канцелярией министра⁵. Уже спустя два года Редкин назначается членом общего присутствия Департамента уделов⁶.

Должность товарища министра уделов в 1840–1852 гг. замещал видный государственный деятель, талантливый руководитель Л. А. Перовский (1792–1856), который не оставил ее и после назначения в 1841 г. министром внутренних дел. Подобное совмещение руководящих должностей по удельному ведомству и гражданским министерствам не было редкостью: например, в 1810–1823 гг. министр финансов Д. А. Гурьев продолжал возглавлять Департамент уделов, а в 1857–1861 гг. должность председателя этого органа одновременно будет замещать и министр государственных имуществ М. Н. Муравьев.

С именем Л. А. Перовского связан самый яркий период в истории удельного ведомства – период преобразова-

ния управления, реализации широкой программы социального попечительства, сделавшей удельные территории экспериментальной площадкой для отработки механизмов социально-экономических реформ и решения крестьянского вопроса во всем государстве⁷. Таким образом, П. Г. Редкин пришел в удельное ведомство в то время, когда значительно расширился объем управленческих функций и существенно возросла реальная нагрузка на чиновников всех уровней.

С началом преобразований императора Александра II Петр Григорьевич стал уделять много времени вопросам реформирования отдельных звеньев системы образования. Так, в мае 1859 г. он вошел в состав Комитета для пересмотра положения об управлении сельскими школами, сеть которых, подведомственная двум коронным министерствам – государственных имуществ и императорского двора, за несколько десятилетий существенно выросла, и теперь должна была перейти в ведение новых проектируемых местных органов управления. В декабре того же года Редкин стал членом Комитета при Министерстве народного просвещения для обсуждения вопроса об установлении точных и подробных условий, требуемых для получения мест преподавателей в учебных заведениях. В это же время он активно занимался созданием первого в России Педагогического общества, и 11 октября 1859 г. в его столичной квартире состоялось собрание педагогов, поддержавших эту идею. Общество создавалось для «изучения и исследования вопросов воспитания и обучения, сближения отечественных педагогов между собою и распространения в обществе здравых педагогических понятий и сведений», и вскоре, 9 января 1860 г., обрело легальный статус по решению попечителя Петербургского учебного округа, а в 1869 г. было официально при-

знано и Министерством народного просвещения⁸. П. Г. Редкин был бессменным председателем этого общества до 1874 г.

На службе по удельному ведомству Редкин с 1862 г. неоднократно в периоды краткосрочных отпусков и командировок председателя Департамента уделов исполнял его обязанности. В апреле 1864 г. он был произведен в тайные советники и после утверждения нового штата Департамента стал членом Совета этого органа коронного управления.

В это же время возобновилась его профессорская деятельность, но уже в Императорском Санкт-Петербургском университете, где в июле 1863 г. он получил должность ординарного профессора по кафедре энциклопедии права, а спустя 10 лет был избран ректором, утвержден приказом министра народного просвещения и руководил Университетом до сентября 1876 г., оставив этот пост по собственному желанию.

Назначение на должность ректора не привело к увольнению со службы по удельному ведомству. Редкин продолжал периодически временно замещать графа Ю. И. Стенбока на посту председателя Департамента, а с 13 декабря 1874 г. после увольнения последнего по причине болезни принял управление Департаментом, и 25 апреля следующего года был утвержден в должности управляющего. С 9 августа 1878 г., окончательно завершив профессорскую карьеру, он занял должность председателя Департамента уделов.

За долгую отличную службу по удельному ведомству П. Г. Редкин был достойно вознагражден. Согласно формулярному списку, сохранившемуся в деле о службе П. Г. Редкина как члена Государственного совета (в состав которого он вошел согласно указу императора Алек-

сандра III 31 января 1882 г.), только в 1866–1874 гг. он был удостоен орденов Св. Равноапостольного князя Владимира 2-й степени, Св. Александра Невского, Белого Орла. Из удельного бюджета в знак признания его усердия по службе выделялась недвижимое имущество (земельные участки) в аренду с правом субаренды с ежегодным доходом в 2 тыс. руб. сроком на 12 лет (с возможностью продления), неоднократно преподносились подарки стоимостью не менее 3 тыс. руб.⁹

В служебной, научной, профессорской и просветительской карьере П. Г. Редкина ярко проявились основные доминанты и противоречия развития в XIX в. российской культуры, науки, государственного аппарата. Но до конца жизни этот удивительный ученый и чиновник сохранял гуманизм и веру в преобразовательные возможности права. В памяти слушателей его лекций, в истории юриспруденции осталось созвучное российской научной традиции правопонимания, идущей от М. М. Сперанского, понимание права как осуществления правды и справедливости в реальной действительности.

© Дунаева Н. В., 2023

¹ *Княжнин В. Н.* Редкин Петр Григорьевич // Русский биографический словарь Т. 17: Романова – Рясковский / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Петроград, 1918. С. 713–723.

² *Редкин П. Г.* Избранные педагогические сочинения. М., 1958.

³ См., например: *Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С.* Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006. С. 203–204; *Ванчугов В. В.* Редкин // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010; *Редкин Петр Григорьевич* // Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи: Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 666–668; *Редкин Петр Григорьевич* // Летопись Московского университета. – <http://letopis.msu.ru/people/839> (дата обращения: 13.01.2023); *Биографика* СПбГУ. –

<https://bioslovhist.sp> (дата обращения: 13.01.2023); и др.

⁴ В. И. Даль в Дерпте (Тарту) учился на медицинском факультете, поступив туда на два года ранее Редкина. В департамент уделов на должность секретаря Л. А. Перовского Даль поступил в 1841 г. по рекомендации своего прежнего начальника, брата министра, Оренбургского военного губернатора генерала В. А. Перовского (1795–1857), у которого он восемь лет служил чиновником особых поручений.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 6. Д. 2867.

Спустя 10 лет (в 1859 г.) действительный статский советник В. И. Даль переедет из Нижнего Новгорода в Москву, где в 1861–1868 гг. будут изданы его главные труды – «Толковый словарь живого великорусского языка» и «Пословицы русского народа». В Москве он будет вновь причислен к Департаменту уделов с соответствующим содержанием. – РГИА. Ф. 515. Оп. 6. Д. 4216.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 6. Д. 3005.

⁷ См. подробнее: *Дунаева Н. В.* Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.): историко-правовое исследование. СПб., 2006.

⁸ Деятельность Педагогического общества // Женское образование. 1878. № 4. С. 266–268; *Семенов Д. Д.* Петр Григорьевич Редкин как педагог // Женское образование. 1891. № 5. С. 481–487.

⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 446 «Дело о службе члена Государственного совета ... П. Г. Редкина». Л. 14–41.

П. Н. Кобец*

**ВКЛАД ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО
И СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО М. Н. ГЕРНЕТА
В ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Гернет Михаил Николаевич являлся «ярким представителем социологической школы уголовного права, специалистом в области уголовного, уголовно-исправительного права и криминологии, заслуженным деятелем наук РСФСР, профессором Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Петербургского психоневрологического института, лауреатом Государственной премии СССР, Заслуженный деятель науки РСФСР»¹.

Становление и дальнейшее развитие юриспруденции в России с момента ее возникновения проходило под непосредственным влиянием отечественных ученых, мыслителей и правоведов, работы которых совместно с их доктринальными взглядами послужили серьезным импульсом по совершенствованию юридической науки. Особая роль в развитии отечественной науки принадлежит профессору М. Н. Гернету, который в своей научной деятельности уделял большое внимание помимо общих вопросов уголовного права и криминологии, в том числе и различной проблематике, связанной с преступностью, включая уголовное наказание, смертную казнь, преступность несовершеннолетних и др. Научные исследования М. Н.

* *Кобец Петр Николаевич* – главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной детальности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (Москва), доктор юридических наук, профессор.

Гернета и сегодня широко применяются учеными различных научных направлений. В 2024 г. исполнится 150 лет со дня рождения М. Н. Гернета – крупнейшего отечественного ученого ставшего первопроходцем в развитии отечественной криминологической науки, посвятившего всю свою жизнь во благо изучения, как самой преступности, так и ее причинного комплекса, а также подготовившего не мало научных работ, которые и сегодня несут в себе сильнейший научный заряд, и не теряют своей актуальности в деятельности по борьбе с преступностью. Наряду с этим научные труды М. Н. Гернета являющиеся теоретико-эмпирическими обобщениями в области юриспруденции и социологии, богатейшие по своему внутреннему содержанию не подвергаются влиянию времени и остаются востребованы не только современными учеными, но и практиками.

Особый интерес многих современных ученых к научной деятельности М. Н. Гернета по большей части обусловлен огромным его вкладом в теоретическую и практическую составляющие отечественной правовой мысли. Имеющий феноменальную память, исключительную эрудицию и высочайшую работоспособность М. Н. Гернет является автором 53 монографий и брошюр, 150 статей, вышедших в журналах и сборниках, 23 научных статей энциклопедических словарей, более 90 рецензий на различные научные работы отечественных и зарубежных ученых. Многие из его научных работ опубликованы в различных зарубежных изданиях.

Еще в то время, когда М. Н. Гернет обучался в Московском университете (1893–1897), его «наградили золотой медалью за подготовку дипломной работы, которая рассматривала вопросы влияния юного возраста на меры уголовной ответственности»². В ней также были подверг-

нуты серьезной критике используемые на тот момент виды наказаний, которые могли применяться за совершение противоправных деяний к юным правонарушителям. С учебой М. Н. Гернет совмещает работу помощника присяжного поверенного, которая способствовала его ознакомлению с отечественной правоприменительной системой, а также получением необходимого опыта по ведению уголовных дел. Обучение, практическую деятельность, «общественно-политическую работу в студенческие годы он также сочетал с академической деятельностью по правоведению, в том числе, им досконально были изучены уголовное право, криминалистика, криминология, уголовная статистика»³. Поэтому неспроста во многих своих работах М. Н. Гернет отмечал, что «общество достойно счастья и свободы, кроме того, в научных трудах им также исследовались вопросы человеческой жизни от момента зарождения плода до прекращения жизни с социальных, психологических, педагогических и юридических позиций»⁴.

Будучи профессором Московского университета, в котором М. Н. Гернетом читался курс по обеим частям уголовного права в 1906 г., им защищается диссертационное исследование на тему «Социальные факторы преступности»⁵. С 1911 г. по 1917 г. уже умудренный большим научным опытом, он занят преподавательской работой в университетах таких российских городов, как Санкт-Петербург, Харьков, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, при этом одновременно издавая научные работы, которые рассматривали вопросы не только уголовного права, но и затрагивающие смертную казнь, детскую преступность, уголовно-правовую статистику, проблемы предупреждения преступности и другую, остающуюся актуальной для правоохранителей в настоящее время пробле-

матику. В это же время им была издана работа «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества, за подготовку которой он был награжден премией Российской академии наук»⁶. В начале двадцатого столетия им была «организована первая отечественная лаборатория, которая изучала личность преступника и преступность в целом, также им была создана теория социологии преступности, которая получила большую известность не только в нашей стране, но и за рубежом»⁷. Что касается данной теории, то автором она выстраивалась «на тесной взаимосвязи преступности и ее параметров со всеми сторонами жизнедеятельности общества, а ее основой стало видение преступности, как объективно существующего в обществе негативного явления, связанного с иными социальными явлениями и зависящего от личностных особенностей преступников и его социально-экономического положения»⁸.

Долгие годы М. Н. Гернет преподавал на кафедре уголовного права Московского университета, подготовив и опубликовав свыше трехсот научных работ. Весь его жизненный и творческий путь является научным подвигом крупнейшего ученого-юриста, прошедшего сложный путь, и выступает в качестве образца служения своей стране. В связи с большими заслугами перед страной в 1928 г. М. Н. Гернету «было присвоено звание Заслуженный деятель науки РСФСР, а в 1936 г. решением Академии наук СССР»⁹ без защиты диссертационного исследования, ему была присвоена докторская степень. В 1944 г. М. Н. Гернет «был награжден орденом Трудового Красного Знамени»¹⁰, а в 1947 г. Государственной премией СССР. Всю свою трудную, но интересную жизнь он стремился, как можно больше добыть разнообразных научных знаний, читая лекционные курсы, прослушивая курсы лек-

ций, исследуя архивы и музеи, посещая зарубежные страны, собирая информационные и статистические данные о преступности при этом, проводя их системный анализ, а также во всех подробностях изучая разнообразные научные источники в сфере уголовного права и тюрьмоведения.

В начале нового тысячелетия большинство научных работ, подготовленных М. Н. Гернетом, снова оказались востребованными в нашей стране. Основные научные работы М. Н. Гернета посвящены пенологическим, криминологическим, социологическим исследованиям преступных посягательств и личностным особенностям преступников, а также причинного комплекса, способствующего совершению противоправных деяний. В том числе эти работы, также пронизаны размышлениями относительно результативности используемых к правонарушителям мер воздействия. Выдающийся теоретик русского и советского права, исследователь европейских законодательных норм, противник смертной казни М. Н. Гернет обладал энциклопедическими знаниями в области права.

В своих научных трудах он предлагал не прибегать к смертной казни, обосновывая невысокий эффект от применения данной меры уголовного наказания. Последовательно отстаивая свою принципиальную позицию по данному вопросу, автор всегда стремился к глубокому анализу причинного комплекса преступности, а также мер по ее противодействию. Усвоив приобретенные научные знания и опыт, М. Н. Гернет стремился тут же передать их своим ученикам и последователям, посредством открытия и организации музеев и библиотек, народных университетов, читая курсы лекций, и проводя семинарские занятия, подготавливая и публикуя

научные труды, оказывая помощь коллегам и практикам. В процессе многолетнего труда М. Н. Гернетом был внесен огромный вклад в отечественную юридическую науку, который позволил в дальнейшем изучать особенности организации научной деятельности, советского и дореволюционного периода. Его многочисленные научные исследования, выступают и сегодня в качестве неопенимого вклада в отечественную юриспруденцию, потому, как в настоящее время они востребованы среди специалистов различных юридических направлений.

© Кобец Н. П., 2023

¹ *Варенцова Л. Ю., Варенцов С. Ю.* Деятельность советского ученого-тюрьмоведа М. Н. Гернета в годы Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 1260.

² *Шаргородский М. Д.* Избранные работы по уголовному праву / Сост. и предисл. Б. В. Волженкина. СПб., 2003. С. 18.

³ *Бочкарева В. И.* М. Н. Гернет о смертной казни (Из истории российской «социологической школы в уголовном праве») // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 61.

⁴ *Ельчанинова О. Ю.* Роль научного наследия М. Н. Гернета в развитии представлений о причинах преступности // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 года / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018. С. 332.

⁵ *Гернет М. Н.* Социальные факторы преступности. М., 1905. С. 152.

⁶ *Гернет М. Н.* Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. Вып. 26–27. М., 1916. С. 242.

⁷ *Сизова В. Н.* Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства в творческом наследии Михаила Николаевича Гернета // Юридическая наука и практика: Вестник

Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1(29). С. 45.

⁸ *Гернет М. Н.* Первая русская лаборатория по изучению преступности // *Право и Жизнь*. Кн. 2. М., 1924. С. 31.

⁹ *Захаров Д. П.* Михаил Николаевич Гернет (1874–1953) // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1978. № 5. С. 99.

¹⁰ *Анощенкова С. В.* М. Н. Гернет. Взгляд в прошлое. *Социально-политические науки*. 2013. № 1. С. 25.

Н. В. Митрофанов*

НАУЧНАЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф. Ф. КОКОШКИНА

Федор Федорович Кокошкин (1871–1918) – выдающийся юрист, преподаватель, политический и общественный деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии. Ученый родился в городе Холм Люблинской губернии. В 1874 г., сразу после смерти отца, с матерью и младшим братом переехал во Владимир, где и обучался в гимназии с 1881 г., окончив ее с золотой медалью в 1889 г. Особое внимание следует обратить на его выпускное сочинение, посвященное исследованию произведения древнегреческого драматурга Софокла «Антигона»¹. Конфликт между государственными и общественными законами, суть которого раскрывалась в данном произведении, заложили основу для дальнейшего интереса Ф. Ф. Кокошкина к сфере правотворчества.

С 1889 по 1993 гг. Ф. Ф. Кокошкин получал высшее образование на юридическом факультете Императорского Московского университета. Выпускная работа была посвящена учению Аристотеля, но, к сожалению, не сохранилась. По одним свидетельствам она называлась «Политика Аристотеля»², по другим – «Учение Аристотеля о государственных переворотах»³.

После получения юридической степени в феврале

* *Митрофанов Никита Владиславович* – преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса; аспирант кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

1994 г. Ф. Ф. Кокошкин продолжил обучение на кафедре государственного права Императорского Московского университета с целью написания магистерской диссертации и получения профессорского звания под руководством одного из выдающихся ученых тех лет в области государственного права – Александра Семеновича Алексева. Изначально период обучения был рассчитан на два года, но в дальнейшем был продлен. Ф. Ф. Кокошкин отмечал в своей автобиографии, что в 1897 г. он выдержал магистерский экзамен и по прочтении пробных лекций был зачислен в приват-доценты Московского университета, после чего был командирован за границу, сроком на два года⁴.

По возвращению из-за границы Ф. Ф. Кокошкин в 1900 г. начал свою преподавательскую деятельность в Императорском Московском университете и в лицее Цесаревича Алексея. Он читал лекции по муниципальному праву (курс о местном самоуправлении в России), а также вел практические занятия по государственному праву⁵. В 1903 г. Ф. Ф. Кокошкин оставил преподавательскую деятельность в лицее по причине стремления руководства к изменению статуса данного учебного заведения, связанного с его привилегированностью по отношению к университетскому образованию.

Несмотря на большие успехи в учебе, первый значительный научный труд Ф. Ф. Кокошкина был написан только в 1896 г. Статья называлась «К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти» и была посвящена исследованию понятия государства, его органов и сложившихся научных подходов. В работе отмечалось, что государство должно пониматься с позиции юридического лица, одним из сторонников которого являлся немецкий юрист Еллинек, который в даль-

нейшем стал наставником и научным руководителем Ф. Ф. Кокошкина, в период его заграничной командировки. Во время отсутствия в России Кокошкин слушал лекции ученых в разных городах Европы, а также работал в библиотеке над своей диссертацией «О субъективных правах органов государственной власти»⁶, которую он успешно защитил и в 1899 г. и стал магистром государственного права.

О преподавательской деятельности Ф. Ф. Кокошкина после возвращения в страну в начале XX в. известно немного, поскольку в основном в исторических источниках раскрывается его политическая и законодательная работа тех лет. Однако в этот период были написаны многие научные труды и брошюры Ф. Ф. Кокошкина, такие как: «Областная автономия и единство России» (1905), «Об основаниях желательной организации народного представительства в России» (1906), «О правах национальностей и децентрализации» (1906), «К вопросу о реформе Сената» (1908), «Юридическое и государственное мышление» (1909). Данные работы посвящены самым разным правовым вопросам, начиная от формы государственной устройства страны, включая рассмотрение особенностей отдельных структурных единиц Российской империи и заканчивая вопросами, связанными с избирательными и иными личными правами граждан.

О точной дате временного прекращения работы в Императорском Московском университете неизвестно, но с сентября 1907 г. Ф. Ф. Кокошкин снова стал преподавать там муниципальное и государственное право. Уже в следующем году им был разработан курс авторских лекций, которые были изданы в Москве в виде отдельной книги под названием «Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного

права»⁷. В 1912 г. курс лекций был улучшен и выпущен вторым изданием под названием «Лекции по общему государственному праву».

2 февраля 1911 г. Ф. Ф. Кокошкин покинул Императорский Московский университет совместно со значительной группой профессоров, в том числе выражая протест против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо. О наличии негативного отношения к действующему министру свидетельствует его переписка с И. И. Петрункевичем. В ней Ф. Ф. Кокошкин дает характеристику Л. А. Кассо: «Он – человек, лишенный всякого духовного содержания, циник и эгоист до мозга костей. Кроме личного благополучия для него ничего не существует, а личное благополучие сводится для него, во-первых, к материальному комфорту, а во-вторых, к честолюбию мелкого чисто-чиновничьего масштаба и я бы сказал даже провинциального масштаба»⁸.

В письме А. А. Мануйлову (ректору Императорского Московского университета) Ф. Ф. Кокошкин подробно излагает события, произошедшие 1 февраля 1911 г., послужившие причиной увольнения из Московского университета. Мотивы своего поведения Ф. Ф. Кокошкин описывал так: «По моему глубокому убеждению, научная деятельность, вообще, и университетское преподавание, в частности, не могут удовлетворять своему назначению, если они поддерживаются при помощи мер полицейского принуждения, направленных именно против лиц той самой среды, для которой предназначается преподавание»⁹.

2 мая 1911 г. на заседании Попечительского Совета Университета Ф. Ф. Кокошкина избрали преподавателем Московского Городского Народного Университета имени А. Л. Шанявского (далее – университет Шанявского) на 1911-1912 академический год для чтения курса: «Русское

государственное право», о чем Ф. Ф. Кокошкина оповестили 12 мая¹⁰. Ф. Ф. Кокошкин также читал лекции на Высших женских юридических курсах. По состоянию на 1913 г., к моменту выхода большого выпуска «Русских ведомостей», посвященного юбилею от даты создания газеты, Ф. Ф. Кокошкин остается действующим преподавателем в университете Шанявского и на Высших женских юридических курсах. Как указывает А. Г. Клушин, преподавательской деятельностью Ф. Ф. Кокошкин занимался в университете Шанявского до 1917 г., читая курс русского государственного права¹¹. Об окончании работы в качестве преподавателя на Высших женских юридических курсах информации не имеется.

Подводя итоги научной и преподавательской деятельности Ф. Ф. Кокошкина, нельзя не отметить, что вклад ученого в развитие юриспруденции как науки и становлении юристов того времени неоценим. Ф. Ф. Кокошкин – не только автор многочисленных произведений, посвященных исследованию и дальнейшей разработке его государственно-правовой концепции, но и уникальных курсов лекций в сфере муниципального и государственного права. Научное наследие Ф. Ф. Кокошкина, несомненно, представляет значительный интерес для развития современной юридической науки.

© Митрофанов Н. В., 2023

¹ Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Т. 2. М., 2007. С. 317.

² Федор Федорович Кокошкин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6(46). С. 202.

³ Клушин А. Г. Общественно-политическая деятельность Ф. Ф. Кокошкина: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2000. С. 17.

⁴ Кокошкин Ф. Ф. Работы земских съездов и «Русские ведомости» // Русские ведомости. 1863–1913: Сборник статей. М., 1913. С. 87.

⁵ Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006. С. 131.

⁶ Клушин А. Г. Общественно-политическая деятельность Ф. Ф. Кокошкина: Дис. ... канд. ист. наук. С. 27.

⁷ Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. С. 338.

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5839. Оп. 1. Д. 47.

⁹ ГАРФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 4.

¹¹ Клушин А. Г. Общественно-политическая деятельность Ф. Ф. Кокошкина: Дис. ... канд. ист. наук. С. 133.

В. Ю. Туранин*

**ВКЛАД ПРОФЕССОРА А. С. ПИГОЛКИНА
В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ**

Каждый, кто хоть немного соприкасался с отечественной юридической наукой, знает это имя. Многие научные выводы профессора А. С. Пиголкина (1931–2004) послужили ориентиром для многочисленных монографических и диссертационных исследований в области теории государства и права.

Творческому наследию А. С. Пиголкина посвящена кандидатская диссертация К. В. Шубенковой «Теоретико-правовые концепции А. С. Пиголкина», подготовленная под руководством проф. В. А. Летяева и успешно защищённая в СГЮА в 2014 г.¹

Готовя свои диссертации – и кандидатскую, и докторскую, работая в Российской государственной библиотеке (ранее – Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина) я внимательно изучал в читальном зале, в том числе, и диссертации Альберта Семеновича. Вот что мне особенно запомнилось: они обе напечатаны на печатной машинке, но уже в этом, финальном тексте, есть правки, которые от руки вносил автор. Это значит, что его мысль работала постоянно и даже тогда, когда уже, казалось бы, всё готово, его всё равно что-то беспокоило, терзало. И это, конечно же, говорит о

* *Туранин Владислав Юрьевич* – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор.

неравнодушии в творчестве, о постоянном поиске, в котором и должен находиться настоящий Учёный.

Вся жизнь профессора А. С. Пиголкина отражена в его книгах, статьях, творческих размышлениях. Круг его научных интересов был достаточно широк: структура и содержание норм права, проблемы правотворчества и систематизации законодательства, вопросы источников права, юридической техники, применения и толкования права, правовых систем современности.

В. В. Оксамытный справедливо отмечает, что «сочетание нормативного подхода к праву с социологически ориентированным изучением процессов создания и практической реализации правовых норм, характерное для А. С. Пиголкина, определяет концептуальную направленность современных теоретических исследований не только российского права, но и права многих зарубежных стран»². Он является одним из основоположников разработки, в частности, научного направления отечественной юриспруденции, связанного с исследованием языка закона.

А. С. Пиголкин был категорическим сторонником кодификации законодательства, последовательно отстаивая её преимущества, разрабатывая основные принципы. Вслед за древнеримскими учеными Ульпианом и Цельсом, западноевропейцами И. Бентамом, Р. Иерингом, К. Штоссом, А. Вахом, Ф. Жени, О. Гирке, российскими и советскими исследователями Е. В. Васьковским, В. Д. Катковым, П. И. Люблинским, А. А. Ушаковым, профессор А. С. Пиголкин детальнейшим образом исследовал особенности законотворческой деятельности. Во всех своих работах он предлагал всё новые и новые пути совершенствования российского законотворчества, разрабатывал и обосновывал

различные концепции оптимального законотворческого процесса в России.

В частности, весомым вкладом в развитие современной юридической науки является разработка Альбертом Семеновичем Пиголкиным основных требований (принципов) законодательной техники, которые получили заслуженное признание в российской юридической науке³.

Без преувеличения, важнейшим явлением в российской юридической науке является книга «Язык закона», подготовленная коллективом авторов под редакцией профессора А. С. Пиголкина. Именно в ней была впервые концептуально сформулирована обобщенная позиция ученых-юристов по поводу роли и значения языка для современного права. Таким образом, произошло научное признание важности проблем языкового оформления правовых норм для развития законодательства.

Абсолютное большинство идей профессора А. С. Пиголкина актуально и в настоящее время. В частности, его научный вектор, направленный на исследование языка закона имеет множество последователей в отечественной юридической науке.

Всего Альбертом Семеновичем Пиголкиным было опубликовано около 250 научных работ. Среди них монографии «Толкование нормативных актов в СССР» (Москва, 1962), «Подготовка проектов нормативных актов» (Москва, 1968), «Право, законность, гражданин» (М., 1976), «Правоприменение в советском государстве» (М., 1985), «Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации» (М., 1998). Он был соавтором и главным редактором таких научных исследований, как: «Советское законодательство: пути перестройки» (Москва,

1961), «Язык закона» (Москва, 1990), «Российское законодательство: развитие и совершенствование» (Москва, 1996), «Закон: создание и толкование» (Москва, 1998), «Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие)» (Москва, 2000), а также целого ряда других работ.

Отдавая должное профессору А. С. Пиголкину, нельзя не привести *некоторые тезисы*, составляющие лишь малую часть его творческого наследия, которые стали классикой российской правовой мысли и имеют особую актуальность для современного российского правотворчества:

«...нормативный текст вовсе не должен быть интересным и увлекательным, как художественная литература, не должен быть глубоко аргументированным, как научная литература. Но точным и четким такой текст должен быть обязательно, так как он призван регулировать человеческое поведение, предусматривать эталон, модель для такого поведения»⁴;

«...качество юридической терминологии, ее точность, степень разработанности олицетворяют уровень юридической культуры правотворчества в том или ином государстве, отношение к законности, заботу о совершенствовании права, укреплении правопорядка. Чем более разработана юридическая система, тем шире развивается наука о праве, чем больше проявляется забота о совершенствовании законодательства и укреплении законности, тем более разработана юридическая терминология, тем она более совершенна, точна, тем больше внимания уделяется ее изучению»⁵;

«...восполнение пробела права – это прерогатива законодателя, а не органа, осуществляющего применение права»⁶;

«...принцип плановости правоподготовительных работ, обоснованный юридической наукой, делает процесс совершенствования законодательства более целенаправленным и организованным, способствует четкому определению главных направлений этой работы, позволяет лучше распределить усилия правотворческих органов, сделать их нагрузку более равномерной»⁷.

Все эти мысли профессора А. С. Пиголкина востребованы и по сей день. Отметим, что результатом многолетней работы коллектива ученых под руководством А. С. Пиголкина стала разработка методологических основ измерения эффективности как отдельных видов правоприменительной деятельности, так и деятельности различных субъектов правоприменения.

Следует отметить, что профессор А. С. Пиголкин осуществлял не только теоретические разработки по проблемам нормотворчества, толкования и систематизации законодательства, но и принимал непосредственное участие в подготовке проектов законов и других нормативных актов. Он был в числе разработчиков проекта Конституции Российской Федерации, участвовал в подготовке нормативных правовых актов и управленческих решений в Государственной Думе, Совете Федерации, федеральных органах исполнительной власти, привлекался в качестве эксперта Конституционным Судом России, Правительством Москвы и другими органами власти.

Профессор А. С. Пиголкин многократно участвовал в различных дискуссиях по вопросам систематизации и кодификации законодательства, толкования норм права и иным правовым проблемам на заседаниях экспертно-консультативных советов при различных государственных органах.

Кроме этого, Альберт Семенович Пиголкин с 1957 г. по 2004 г. непрерывно занимался педагогической деятельностью, читал лекции по теории государства и права, давая глубокие профессиональные юридические знания студентам. Профессор А. С. Пиголкин является разработчиком многих курсов, автором десятков учебников для студентов высших юридических учебных заведений.⁸ При этом учебники, написанные авторскими коллективами под руководством А. С. Пиголкина, выдержали не одно переиздание и пользуются большим спросом до сих пор.

В заключение отметим, что научное наследие профессора А. С. Пиголкина, охватывающее различные области правотворческой деятельности, систему формирования советского и российского законодательства, а также другие насущные проблемы российского права, является бесценным источником юридической мысли не только российского, но и мирового масштаба.

© Туранин В. Ю., 2023

¹ *Шубенкова К. В.* Теоретико-правовые концепции А. С. Пиголкина: Дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

² *Оксамытный В. В.* Правовед А. С. Пиголкин: масштаб личности в контексте современного развития юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 134.

³ *Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие)* / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 2000. С. 243–253.

⁴ *Пиголкин А. С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 422.

⁵ Там же. С. 459.

⁶ *Пиголкин А. С.* Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49.

⁷ См.: *Казьмин И. Ф., Пиголкин А. С.* Новый план законопроектных работ в СССР // Хозяйство и право. 1987. № 1. С. 10–

15; Николаева М. Н., Пиголкин А. С. Планирование законопроектной деятельности // Советское государство и право. 1972. № 11. С. 43–49.

⁸ См. например: Пиголкин А. С. Право и законность в советском обществе: Учебный курс. М., 1971; Проблемы применения советского права: Учебное пособие / Под ред. А. С. Пиголкина. Иркутск, 1980; Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1996; Теория государства и права: Учебник / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 2005; и др.

*Л. И. Беляева**

**ВКЛАД ПРОФЕССОРА Н. А. СТРУЧКОВА
В ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУКИ
И УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО
И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА**

В текущем году отмечается два важных юбилея, к которым причастен профессор Николай Алексеевич Стручков, и чье столетие со дня рождения отмечено в 2022 г.

2023 год – год 80-летия со дня победы в Сталинградской битве. В самом её пекле оказался юный авиационный техник штурмовой авиации Николай Стручков. Он стал победителем в этой битве, в битве на Курской дуге, сражениях за Белоруссию, Польшу и дошел до Берлина. Свидетельством мужества и отваги являются его награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й и 2-й степени, многие медали.

Война закончилась, началась мирная жизнь, в которой Николай видел себя военным, а потому поступил в Военную юридическую академию (при конкурсе в 20 человек на место), которую окончил с отличием и здесь же поступил в адъюнктуру. Как успешный исследователь, подготовивший интересную кандидатскую диссертацию, был оставлен преподавателем. Однако долго служить не пришлось: реформы в армии заставили искать места в

* *Беляева Лариса Ивановна* – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

гражданской жизни. Так Н. А. Стручков стал старшим научным сотрудником сектора уголовного права Всесоюзного института юридических наук, затем старшим научным сотрудником, руководителем отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Институт по-разному назывался в отдельные периоды. Сегодня это Государственный Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, он готовится к своему столетнему юбилею. Как свидетельствуют архивы, Н. А. Стручков имеет непосредственное отношение и к этому празднику.

Работая в институте, Николай Алексеевич обратился к проблемам исправительно-трудового законодательства, обратив внимание на отсутствие необходимой систематизации, базового нормативного правового акта всесоюзного значения¹, отсутствие в Систематическом Собрании законодательных актов и решений Правительства СССР специального раздела «Советское исправительно-трудовое законодательство»². Таким образом тема исполнения уголовных наказаний стала основной в научном интересе Н. А. Стручкова.

С мая 1956 г. он переходит на службу в органы внутренних дел. Сначала он был старшим преподавателем, доцентом, заместителем начальника кафедры уголовного права Высшей школы МВД СССР. Вопросы правового обеспечения исполнения уголовных наказаний, особенности деятельности, с этим связанной, стали предметом его научного внимания.

Он стал одним из организаторов кафедры исправительно-трудового права, впервые созданной в стране в ВШ МВД СССР. Этой кафедрой он руководил с 1958 г. по 1967 г.

Будучи организатором, наделенным лучшими качествами, он смог создать на кафедре активный творческий коллектив, увлеченный научными исследованиями в новой области. Здесь сформировались и стали развиваться такие новые научные направления как исправительно-трудовая педагогика, исправительно-трудовая психология, организация деятельности ИТУ и др.

В 1963 г. в диссертационном совете ВИЮН А. Н. Стручковым была защищена докторская диссертация на тему «Правовое регулирование исполнения наказания (основные проблемы советского исправительно-трудового права)»³. Анализ научных источников свидетельствует, что эта работа – первое фундаментальное исследование наиболее значимых проблем исправительно-трудового права. В этой работе теоретически обоснованы самостоятельность исправительно-трудового права как отрасли права, исследованы исправительно-трудовые правоотношения, проанализированы основные средства исправления осужденных, правовое положение осужденных к наказаниям, связанным с исправительно-трудовым воздействием и другие вопросы⁴.

В 1967 г. Николай Алексеевич назначен заместителем начальника ВШ МВД СССР по научной работе. В этом качестве он многое делает для развития науки исправительно-трудового права, организации новых современных научных исследований, создания соответствующих научных коллективов, разработки новых учебных курсов.

Продолжая исследования в области исполнения наказаний, Н. А. Стручков обнаруживает новые проблемы, которые становятся предметом изучения⁵. Так, обосновал необходимость расширения предмета исправительно-трудового права за счет включения в него института исполнения наказаний, не связанных с применением мер

исправительно-трудового воздействия. На основе полученных результатов исследования Н. А. Стручков предопределил основные перспективы развития новой отрасли – уголовно-исполнительного права⁶.

В 1975 г. Николай Алексеевич назначен на должность заместителя начальника ВНИИ МВД СССР. Здесь им проводится большая работа по исследованию проблем исполнения наказаний и разработке нормативных правовых актов, регулирующих исполнение наказаний. При непосредственном участии профессора Н. А. Стручкова разработаны Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, исправительно-трудовые кодексы союзных республик.

Во ВНИИ МВД СССР велось активное изучение зарубежного законодательства и практики исполнения уголовных наказаний. Профессор сам принимал в этом активное участие. По имеющимся данным в период с 1960 г. по 1980 г. профессор Н. А. Стручков практически ежегодно бывал в командировках за рубежом, где изучал опыт правотворчества и правоприменения в области исполнения наказаний. Он изучал опыт исполнения наказаний в Болгарии, Великобритании, ГДР, Кубе, Монголии, Польше, Португалии, Румынии, Чехословакии, Японии.

Итоги многолетней педагогической и научной деятельности Н. А. Стручкова в области правовых проблем исполнения наказания и перевоспитания правонарушителей нашли отражение в двухтомном курсе исправительно-трудового права⁷, который в 80-х – начале 90-х годов XX в. стал одним из наиболее полных учебников по исправительно-трудовому праву.

Профессор Н. А. Стручков первым обращает внимание на то, что деятельность, связанная с исполнением наказания образует исправительно-трудовую политику,

которая тесно связана с уголовной политикой. Он стал первым разработчиком теории исправительно-трудовой политики. Им дано понятие исправительно-трудовой политики, определено её содержание, задачи, сформулированы и раскрыты принципы, особенности деятельности государственных органов и негосударственных организаций в области исполнения наказаний.

Исторически справедливым является вывод о том, что развитие науки исправительно-трудового права неразрывно связано с его именем. Им разработана и теоретически обоснована структура исправительно-трудового права, проанализированы основные его институты, исследованы вопросы правового положения осужденных и правового регулирования исполнения наказаний различного вида, изучена система правоотношений, возникающих при исполнении наказаний.

Николай Алексеевич является основателем исправительно-трудового, а затем уголовно-исполнительного права, как отрасли отечественного законодательства и права, юридической науки и учебной дисциплины. Им написано более 300 работ, которые заложили основы науки исправительно-трудового права и известны далеко за пределами нашего государства. Ряд работ переведены и изданы за рубежом на болгарском, венгерском, немецком, польском, чешском языках. Сам Николай Алексеевич владел несколькими иностранными языками. Это позволяло ему, находясь в зарубежных командировках, обходиться без переводчиков, читать лекции и вести беседы самостоятельно.

© Беляева Л. И., 2023

¹ *Теоретические* вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М., 1962. С. 556.

² Там же. С. 557.

³ *Стручков Н. А.* Правовое регулирование исполнения наказания (основные проблемы советского исправительно-трудового права): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1963.

⁴ *Пономарев П. Г., Шамис А. В.* Реформатор уголовно-исполнительной науки (к 75-летию со дня рождения Н. А. Стручкова) // Журнал российского права. 1997. № 2. С. 151.

⁵ См., например: *Стручков Н. А.* О месте и роли уголовного наказания в системе мер борьбы с преступностью // XXVII съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка: Сборник статей. М., 1987. С. 103–107.

⁶ *Стручков Н. А.* Правовое регулирование исполнения наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. № 30 / Гл. ред. И. Н. Кузнецов. М., 1985. С. 150–163.

⁷ *Курс* исправительно-трудового права: Проблемы общей части. М., 1984; *Курс* исправительно-трудового права: Проблемы особенной части. М., 1985; *Рецензия* на первый том курса: Чхиквадзе В. М., Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. М., 1984. 240 с. // Советское государство и право. № 12. С. 144–145.

В. В. Ефремова*

**АВТОРСКОЕ ПРАВО
КАК ОСОБАЯ СФЕРА КУЛЬТУРЫ
С ЮРИДИЧЕСКИМИ «ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ»
ИЗ ТРУДОВ Я. А. КАНТОРОВИЧА**

*«Орельен Рошфер стал пчеловодом из любви к золоту...
Этот человек искал красоту...
Для Орельена жизнь была похожа на сверкающую
вдалеке любопытную золотую пчелу...»¹*

Обращая особое внимание на начало переосмысления культурологических основ Конституции Российской Федерации, положенное принятием новых поправок, особенно интересными становятся авторско-правовые нормы гражданского законодательства, призванные обеспечить создание будущего культурного фонда государства.

Задумываясь, как и когда-то Бертольд Брехт, над «судьбой произведения» в условиях распоряжения им обществом и учитывая одну из основных его (произведения) функций – обеспечения общения между, в частности, гражданами одного государства в их идеальном состоянии обладания, наряду с национальным и государственным менталитетом, видим необходимость существования специального авторско-правового регулирования в целях

* *Ефремова Валерия Владимировна* – старший преподаватель кафедры истории государства и права юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук.

улучшения правопорядка в обществе и повышения правовой культуры граждан.

Интересным дополнением к вышесказанному станет далее приведенная историко-правовая иллюстрация присяжного поверенного Я. А. Канторовича, которая подтверждает традиционность для российской правовой действительности связи норм, затрагивающих права авторов, с интересами государства и индивидуальной личности: «Указ 1771 г. установил цензуру на иностранную литературу, и, вместе с тем, была дана некоему иностранцу Гартунгу, открывшему частную типографию, привилегия для печатания в Петербурге книг исключительно на иностранных языках»². Обращаясь к положениям современной Конституции Российской Федерации, свидетельствующим о существовании суверенитета, обеспечивающего интересы населения государства, было бы актуально спрогнозировать скорейшее нормативно-правовое определение роли индивида в созидании правопорядка, обеспечивающего духовное здоровье граждан государства.

Свою идею о праве авторов на их произведения Я. А. Канторович связывал с появлением технической возможности воспроизводить многократно авторские произведения, он же отмечал и их естественную природу, которая независима от привилегий, исторически предоставляемых издателям. Невозможность пренебрежения правами автора даже в интересах корпорации была впервые четко выражена в английских парламентских актах 1643 г., 1662 г., в которых явным образом было отражено, что существует естественный приоритет воли автора над предоставленными возможностями использования созданного им произведения. Поэтому в нашем исследовании нам никак не обойтись без авторского права «с британским акцентом».

Я. А. Канторович компетентно отметил в своем научном труде «Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения» то, что в указанных случаях «еще не было защиты, предоставленной самому автору, а только защита издателей, но уже тогда эта защита рассматривалась как защита естественного права, вытекающего из принципа справедливости»³. В этой связи и нам, современным, необходимо соблюдение извечного справедливого баланса интересов общества и авторов в очевидной и вопиющей необходимости нормативного уточнения принципиальных основ института авторского права. Речь не идет о теоретически, а иногда практически соблюдаемой в применении иерархии источников авторского права в каждом конкретном случае возникновения правоотношений автора и других членов общества, например, в ситуации выплаты авторского вознаграждения иллюстратору к книге Артема Веселого «Отваги зарево», или о доступности произведения, рассматриваемого в качестве «экономического блага», но о фундировании возможностей создания произведений, независимых от политических, экономических процессов в мире, тем более от технического прогресса. Речь идет о произведениях, служащих мировоззренческим фундаментом экологичного, истинно гуманного отношения к внутригосударственному человеку благоразумному. Я. А. Канторович обращал внимание юристов – его современников на наименование английского акта, который «защищал произведения литературы против перепечаток», чем «оказывал содействие литературе» – «закон о споспешествовании просвещению» 1710 г.⁴

А что же возможно предпринять в современности в целях развития сферы правоотношений, регулируемых авторским правом? Например, не отождествляя термины

«авторское право» и «копирайт», исходя из английского понимания *copyright* как права недопущения других к воспроизведению произведения, обратимся к одному из основных постулатов авторского права – предоставлению правовой охраны так называемым *expressions*, а не идеям. И сфокусируем наше внимание на таком предмете культурной деятельности человека, как произведении художественного ремесла. Причем сразу сделаем акцент на термине «*craftsmanship*» – «ремесло» как «мастерство» «человеколюбия». И тогда многие объекты, относящиеся к предметам повседневной жизни, свидетельствующие об ее культуре, приобретут новый статус в свете объекта правовой охраны авторским правом, если соответствуют критериям ее предоставления, в частности, установленным английским законодательством: являются оригинальными, представляют из себя художественную ценность и являются произведением человеческого мастерства (ремесла, искусства). Таким образом, благодаря этим критериям охраноспособности можно охарактеризовать объект – произведение художественного ремесла. Причем, термин «*craftsman*» также интересен и тем, что отрицает всяческие попытки пренебрежительного или уничижительного отношения к данной разновидности созидательной деятельности или попытки отринуть ее человечность, так как «*true craftsman*» – персона, сформировавшаяся таким образом, которая не просто осуществляет тот или иной вид культурной деятельности, но и выросла в ней в истинного мастера.

В русской исторической традиции существовало аналогичное понятие – «умелец». Термин, относящийся к зодчим, столярам и т. д. Особенно интересно и важно задуматься над причинами исчезновения этого понятия в законотворческой российской практике и распространения

на субъектов всех видов интеллектуальной деятельности термина «автор», включая декоративно-прикладную деятельность. Исторические примеры свидетельствуют о том, что, например, при наличии доморощенных умельцев, воспитанных в местных традициях, в Новгороде XVIII в., было множество прецедентов замены «великолепных древних росписей» «невыразительной клеевой росписью»⁵. И это в периоды отсутствия финансового кризиса. В этой связи наличие качества автора – мастерства как условия достижения цели произведения – ценностного преподнесения человеческого ремесла особенно значимо. Оно приобретает юридическое значение в свете необходимости достижения правоохранительной цели. Декоративно-прикладные произведения при удовлетворении нормативным условиям предоставления правовой охраны охраняются в качестве оригинальных произведений искусства. А исторический пример с Новгородом полезен в условиях современных стремлений развития и расширения культурной сферы территории Российской Федерации, так как город слыл крупнейшим центром русских ремесел и славился своими мастерами: кузнецами, плотниками, кожевниками, гончарами, иконописцами⁶.

Хотелось бы обратить внимание на ценностную составляющую авторско-правовой культуры, отмеченную Я. А. Канторовичем, – ее духовную содержательность. Так, по его мнению, субъектом авторского права является прежде всего лицо, духовному творчеству которого произведение обязано своим возникновением (автору); именно ее, гарантированную конституционными положениями, далее и нужно поддержать специальными положениями об авторском праве.

© Ефремова В. В., 2023

¹ Фермин М. Пчеловод. М., 2001. С. 1–2.

² *Канторович Я. А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Петроград, 1916. С. 54.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же.

⁵ *Гормин В. В.* Ярославово дворище и древний Торг. Л., 1976. С. 21.

⁶ Там же. С. 57.

В. К. Грошева*

**ВКЛАД ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО
ПЕТРА ПЕТРОВИЧА МИХАЙЛЕНКО
В РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ НАУК**

Исследование истории становления и развития советской милиции, ее теоретических и организационно-правовых основ, а также деятельности работников советской милиции представлено широким кругом работ. Данная тема освещалась в трудах известных советских ученых и ученых постсоветского периода, как в области юриспруденции, так и в области истории.

Неоценимый вклад в развитие историко-правовой науки, несомненно, был сделан Петром Петровичем Михайленко (1914–2008) – академиком Национальной академии правовых наук Украины, доктором юридических наук, профессором, ведущим ученым в области юридической науки Украины второй половины XX – начала XXI в. П. П. Михайленко признан в Украине основателем нескольких научных школ, одной из которых является научная школа «История органов внутренних дел Украины».

Под его руководством была подготовлена коллективная монография «Из истории Советской Украины»¹ (1965), ставшая первым в СССР исследованием истории республиканской милиции. В других республиках, входивших в состав СССР, подобные работы были изданы значительно позже.

* Грошева Виктория Константиновна – проректор по научной работе Академии Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики имени Ф. Э. Дзержинского (Донецк), кандидат юридических наук, доцент.

В дальнейшем под его редакцией были изданы сборники «История милиции Украинской ССР в документах и материалах (1917–1937)» (1969)², трехтомный сборник «Історія міліції України у документах і матеріалах (1917–1990)» (1997–2000)³, «Міліція України: історичний нарис. Портрети, події» (2002)⁴, а также ряд статей, посвященных истории милиции Украины, охватывающих все периоды становления и развития украинской милиции.

Направление научных изысканий П. П. Михайленко состоит в изучении исторических, теоретических и практических проблем становления и развития милиции Украины второй половины XX – начала XXI в.

В научных работах П. П. Михайленко был проведен анализ нормативных правовых актов, касающихся организации и деятельности органов внутренних дел Украины и практики применения законодательных норм на различных этапах их развития. Основными направлениями научных исследований ученого являлись: освещение процесса создания милиции в период Украинской революции; процесса становления милиции на Украине в первые годы Советской власти; развитие правовых основ организации милиции, ее реорганизации и деятельности в годы Советской власти на Украине и в период ее независимости; организационно-правовые основы деятельности высших руководящих аппаратов органов внутренних дел (народных секретариатов, комиссариатов, министерств); деятельность милиции в борьбе с преступностью на различных этапах ее существования. Также исследованы организационные, кадровые, воспитательные меры; взаимодействие органов милиции с другими правоохранительными органами; оказание содействия сотрудникам милиции с помощью привлечения милицией обществен-

ных формирований в борьбе с правонарушениями и преступностью.

В своих публикациях П. П. Михайленко представил авторскую периодизацию истории органов внутренних дел:

- период, который предшествовал вхождению Украины в состав Советского Союза (1917–1924);

- период от вхождения Украины в состав Советского Союза до начала Великой Отечественной войны (1924–1941), который делится на три временных периода: до ликвидации в СССР и УССР Народного комиссариата внутренних дел (1923–1930), пребывание милиции в составе Народного комиссариата государственной безопасности СССР (1930–1934), после восстановления в СССР и Украине Народного комиссариата внутренних дел до начала Великой отечественной войны (1934–1941);

- период Великой Отечественной войны (1941–1945);

- послевоенный период, связанный с реорганизациями системы органов внутренних дел (1945–1968);

- период после реорганизации системы органов внутренних дел в 1968 г. и до последних лет существования СССР (1969–1990);

- период первых лет независимости Украины (1990–1992).

В настоящее время труды профессора П. П. Михайленко, посвящённые истории становления и развития органов внутренних дел Украины, не утратили своей актуальности и широко используются специалистами.

Актуальность исследований академика П. П. Михайленко подтверждается использованием учеными результатов его изысканий при написании научных работ, а также подготовке диссертационных исследований по историко-правовым наукам на получение ученой степени кан-

дидата и доктора юридических наук, подготовке монографий, учебников, научных статей, посвященных становлению и развитию органов милиции на Украине, а также осуществлению их деятельности в борьбе с преступностью на различных исторических этапах.

Научное наследие П. П. Михайленко по вопросам истории органов внутренних дел Украины исследовалось многими украинскими учеными, такими как: А. Н. Джужа, В. А. Довбня, А. П. Закалюк, Р. А. Калюжный, В. В. Коваленко, В. С. Ковальский и др.

В 2014 г. Е. А. Матвиенко было проведено комплексное исследование на тему «Историко-правовые взгляды академика Петра Михайленко – основателя научной школы истории органов внутренних дел Украины»⁵. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук освещала научные работы профессора, посвященные вопросам организации и деятельности, правового и кадрового обеспечения органов внутренних дел Украины на разных этапах государственного строительства. В работе излагались результаты комплексного исследования научных достижений П. П. Михайленко в области историко-правовой науки и других смежных наук, затрагивающих теоретические и практические проблемы деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка и борьбы с преступностью, в частности, истории их становления, развития правовых и организационных основ, усовершенствование структуры, форм и методов, организационного и кадрового обеспечения. Были исследованы научные работы профессора за весь период существования украинских государственных образований – Украинской Народной Республики времен Украинской Центральной Рады и Директории, Украинской Державы времен Гетьманата, Украинской Социалистической Со-

ветской Республики, Украинской Советской Социалистической Республики и Украины как суверенного государства. Кроме того, проведена систематизация и анализ научных работ П. П. Михайленко, а также рассмотрены основные направления его научных исследований.

Таким образом, П. П. Михайленко внес значительный вклад в историко-теоретические науки в сфере изучения становления и развития органов милиции советской Украины на различных исторических этапах ее существования, изучая проблемы от организационных основ до борьбы с преступностью.

Исследования Петра Михайленко и ряда других ученых позволили широкому кругу лиц узнать об исторических реалиях генезиса органов правопорядка, несмотря на всю неоднозначность общественного мнения о роли органов внутренних дел в становлении и развитии Украинской ССР, часть территорий которой вошли в состав Российской Федерации в качестве новых субъектов.

© Грошева В. К., 2023

¹ *Из истории милиции советской Украины* / Под ред. П. П. Михайленко. Киев, 1965.

² *Министерство внутренних дел СССР. Киевская школа милиции. История милиции Украинской ССР в документах и материалах. Т. 1: 1917–1937 гг.* / Под ред. П. П. Михайленко. Киев, 1969.

³ *Михайленко П. П., Кондратьев Я. Ю. Історія міліції України у документах і матеріалах: В 3 т. Т. 1: 1917–1925 Київ, 1997; Т. 2: 1926–1945. Київ, 1999; Т. 3: 1946–1990. Київ, 2000.*

⁴ *Міліція України: істор. нарис. портрети, події* / Упоряд. П. П. Михайленко, В. К. Гіжевський, О. С. Гордецький. Київ, 2002.

⁵ *Матвієнко К. О. Історико-правові погляди академіка Петра Михайленка – засновника наукової школи історії органів внутрішніх справ України: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень* / Кер. роботи В. С. Калиновський; офіц. опон.:

О. О. Шевченко, П. В. Рекотов; Нац. акад. внутр. справ України. Київ, 2014.

А. И. Мелихов*
Т. И. Андрющенко**
Г. А. Никитина***

ПРОФЕССОР ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ОЗОЛИН – ПРИМЕР СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Владимир Александрович Озолин (1923–2013) – ветеран Великой Отечественной войны, кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, «Знак Почета», гражданского ордена Серебряная звезда «Общественное признание», заслуженный работник МВД СССР, профессор, почетный профессор Волгоградской академии МВД России, полковник милиции в отставке.

Владимир Александрович родился 26 мая 1923 г. в Сестрорецке Ленинградской области в семье большевика-подпольщика – командира отряда частей особого назначения. С 1941 г. на фронтах Великой Отечественной войны: воевал на Керченском фронте, принимал участие в обороне Феодосии, готовясь к освобождению Крыма. В 1942 г. в составе 1-го казачьего кавалерийского корпуса назначен начальником полковой радиостанции. После ра-

* *Мелихов Александр Иванович* – доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

** *Андрющенко Татьяна Ивановна* – начальник кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

*** *Никитина Галина Анатольевна* – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

нения вернулся к службе в качестве старшего радиста полковой радиостанции 334-го стрелкового Степного фронта. После второго ранения в феврале 1944 г. направлен в Москву для дальнейшей службы в конвойных войсках НКВД, откуда в 1946 г. был демобилизован с военной службы.

После военной службы, в 1951 г., с отличием окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. С 1951 г. по 1968 г. работал в Иркутске в должностях заместителя директора Иркутской юридической школы Министерства юстиции РСФСР по учебной работе, заведующего учебной частью и старшего преподавателя Иркутского филиала ВЮЗИ, старшего преподавателя и доцента Иркутского отделения заочного обучения Московской высшей школы МВД СССР.

В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Общественные начала в административной деятельности милиции» в диссертационном совете Высшей школы МООП СССР под научным руководством профессора М. И. Еропкина.

К моменту прихода в наш вуз в 1968 г. он имел 17-летний опыт преподавательской и административной работы в учебных заведениях юридического профиля. Впоследствии (с 24 июня 1968 г.) был первым начальником кафедры конституционного и административного права.

В 1968–2011 гг. работал в Высшей следственной школе МВД СССР в должностях начальника кафедры административного права, заместителя начальника Высшей следственной школы по учебной работе, профессора кафедры конституционного и административного права.

В течение 13 лет (1971–1983) Владимир Александрович руководил учебной работой, координировал ее основные направления. Административный талант В. А. Озоли-

на, его стремление упорядочить учебно-методическую работу, повысить ее качество, внедрить в процесс обучения новейшие научные достижения позволили осуществить коренные преобразования образовательного процесса.

В 1970 г. наша кафедра впервые среди учебных заведений МВД начала преподавание по самостоятельно разработанной В. А. Озолиным дисциплине «Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел»; в 1973 г. было опубликовано учебное пособие по данному курсу.

С 1971 г. по инициативе В. А. Озолина стал издаваться рукописный журнал «Вопросы методики». На его страницах педагоги делились своим опытом преподавания различных дисциплин, тиражировались достижения коллег из других вузов страны.

В 1974 г. под руководством Владимира Александровича в институте начал работать Совет по научной организации труда (НОТ), внесший большой вклад в оптимизацию учебного процесса. Он состоял из следующих секций: научной организации учебного процесса, внедрения в него технических средств обучения, НОТ преподавателей, НОТ слушателей.

Советом НОТ в учебный процесс были внедрены существующие по ныне методические разработки преподавателей института:

- методика составления модели специалиста и построения на ее основе учебного плана;

- обеспечение тематической взаимосвязи и устранение дублирования в преподавании смежных учебных дисциплин;

- использование прогрессивных форм и методов обучения, оперативных форм контроля за текущей успеваемостью слушателей и т. д.

Можно без всякого преувеличения сказать, что В. А. Озолин заложил основы вузовского обучения в нашей образовательной организации, наиболее существенные элементы которых сохраняются и в настоящее время.

В. А. Озолин оставил богатое научное наследие в области управления органами внутренних дел, учебно-методического обеспечения образовательной деятельности в вузах МВД России. В частности, он обосновал необходимость создания штабных подразделений органов внутренних дел как центров научной организации управления, пути повышения эффективности организации управления и труда в органах внутренних дел, важность социально-психологических проблем в руководстве, особенности организации управления следственным аппаратом в системе МВД России.

Сферу научных интересов В. А. Озолина составляли проблемы организации управления в органах внутренних дел и следственном аппарате в системе МВД. Всего В. А. Озолиным опубликовано более 80 научных и методических работ, из них восемь учебных и учебно-методических пособий, в их числе – «Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел» (ВСШ МВД СССР, 1973), «Обратная связь в управлении вузом» (ВСШ МВД СССР, 1979, в соавторстве), «Научная организация управления органами внутренних дел» (ВСШ МВД СССР, 1980, с грифом МВД СССР) и др.

Задачу ведомственной науки профессор В. А. Озолин видел в активном участии в развитии юридической науки и обеспечении внедрения ее достижений в деятельность правоохранительных органов.

В одной из своих последних статей, отражающих многолетний опыт преподавания, профессор В. А. Озолин

отмечал, что «организация учебного процесса и управления вузом должна быть построена таким образом, чтобы силы и время преподавателей максимально использовались для их активной научно-исследовательской работы, для совершенствования педагогического мастерства».

Главным, по мнению Владимира Александровича, является вопрос о том, «что важнее в работе преподавателя вуза – учебный процесс или научно-исследовательская деятельность? По этому поводу до сих пор ведется дискуссия, и от ее решения зависят правильная организация труда преподавателей и наиболее эффективное использование их сил и времени.

Представляется бесспорным, что основной задачей всех преподавателей вуза является обучение специалистов высшей квалификации, а решение этой проблемы невозможно без тесной связи с наукой, без постоянного научного роста самих преподавателей. Обучение должно вестись на базе последних научных достижений и передовой практики органов внутренних дел.

Значит, хотя основным и главным для всех преподавателей является учебный процесс, они должны вести и научно-исследовательскую работу, причем главным в научной работе должно быть совершенствование учебного процесса.

Такая постановка вопроса не исключает дифференцированного подхода к использованию сил преподавательского состава. Следует учитывать, что одни преподаватели в силу своей квалификации, способностей, характера большую пользу могут принести в научно-исследовательской работе, а другие – в учебном процессе. Это должно учитываться на кафедрах при планировании работы и распределении учебной нагрузки»¹.

В 1981 г. В. А. Озолину по совокупности опубликованных работ и на основании ходатайства руководства МВД СССР присвоено ученое звание профессора по кафедре административного права.

Общий педагогический стаж В. А. Озолина – почти 60 лет. За время своей педагогической деятельности он внес существенный вклад в подготовку специалистов для органов внутренних дел, развитие юридической науки, нравственное и героико-патриотическое воспитание личного состава.

Всегда поражала его работоспособность. До 88 лет Владимир Александрович читал лекции и вел семинарские занятия, будучи давно в отставке, профессором кафедры, всегда приходил практически на все общеакадемические мероприятия, искренне интересовался жизнью вуза.

Владимир Александрович был творческим и разносторонним человеком, о чем говорит следующий эпизод из жизни. В 2005 г. в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне Национальным центром «Гражданское общество» проводился Международный форум «Живые голоса истории», в котором Владимир Александрович по приглашению организаторов принял активное участие. Владимир Александрович подготовил видеофильм, в котором рассказал о своем отце, известном партийном деятеле Александре Ивановиче Озолине и о своем участии в Великой Отечественной войне. По итогам конкурса данный видеофильм стал призером, а Владимир Александрович Озолин был награжден юбилейным гражданским орденом «Серебряная звезда (Общественное признание)».

Весь жизненный путь В. А. Озолина является примером высокого служения Отечеству, образцом порядочности и профессионализма.

В настоящее время российское общество находится в поиске так называемых духовных скреп, пытаюсь найти их в религиозных нормах, коллективном подсознательном, западных традициях, однако настоящим фундаментом общества, являлись люди поколения Владимира Александровича Озолина, пришедшие к истинным человеческим ценностям через огромные жизненные невзгоды, войны, непосильный труд и передающие эти ценности вопреки смерти новым поколениям.

Именно про таких людей – гигантов – современный поэт Алексей Гуськов написал стихотворение «Время гигантов»:

*Слышал легенду,
Будто когда-то
Эту страну населяли гиганты.
Будто бы жили
Странной судьбою:
Были готовы к работе и к бою,
От недостатка
Хлеба и мяса
Бредили Марксом, Победой и Марсом,
Снежной тайгой,
Арктикой хмурой,
Яркими звёздами над Байконуром,
Пламенем жарким,
Бездной бездонной...
Строили шахты, плотины и домны.
И заблуждались,
И побеждали.
Ждали гостей из немыслимой дали.
Сквозь канонаду
Бойни кровавой
Мчались, чтоб рухнуть в высокие травы,*

*В снег почерневший,
В воду и в глину...
Алый свой флаг вознесли над Берлином.
Шли от колхозной
Луковой грядки
К Олимпиаде, Афгану, разрядке.
Шли сквозь шаблоны
И трафареты,
Шли, за собой увлекая планету,
Кровью писали
Добрую сказку.
Даже ошибки их были гигантски.
Верили, веру
В сердце лелея,
В непогрешимость речей с Мавзолея,
Знали, что правы
Серп их и молот,
Знали, что мир лишь на время расколот,
Что не навечно
Боль и печали...
Но измельчали. Увы, измельчали...
Их же потомки
Прячутся робко
В затхлой тиши кабинетных коробок,
Мыслят стандартно,
Далью не бредят,
Сводят безжизненно с дебетом кредит,
Мелко мечтают,
Думают редко...
В них ничего не осталось от предков.*

© Мелихов А. И., Андрющенко Т. И.,
Никитина Г. А., 2023

¹ *Озолин В. А.* Проблемы организации труда ППС вуза // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2007. № 1(4). С. 70–71.

Д. А. Пашенцев*

**ВКЛАД
НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА АЛЕКСАНДРОВА
В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПРАВООТНОШЕНИЯ**

В современных условиях, когда привычная методология научных исследований, в том числе, юридических, по ряду позиций подвергается пересмотру, представляется актуальным обращение к хорошо известным понятиям теории права. Их осмысление должно осуществляться на основе сочетания устоявшихся, проверенных временем подходов и концепций, и современных методов научного познания правовой реальности¹. При этом стоит учитывать, что не всегда теоретические разработки ученых советского периода сегодня хорошо известны, порой им уделяется явно недостаточно внимания.

Одно из центральных мест в теории права занимает учение о правоотношениях. По поводу этой правовой категории продолжаются споры ученых, признающих «сложность категории правоотношения, в которой сочетаются элементы абстрактной конструкции, отсылающей к норме права, и конкретика фактического поведения участников реальных общественных отношений»².

* *Пашенцев Дмитрий Алексеевич* – профессор Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета; профессор кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Николай Григорьевич Александров – выдающийся ученый-правовед – родился в 1908 г., в 1929 г. окончил факультет советского права в Московском государственном университете. В 1936 г. его назначают заведующим сектором трудового права Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН). В этой должности он оставался до 1952 г., одновременно (с 1946 г по 1952 г.) являясь заместителем директора Института по научной части.

Н. Г. Александров известен как специалист в области трудового права. В то же время, почти половина его трудов посвящена вопросам теории. Он изучал понятие права, его признаки, понятие источника права. Ученый также внес вклад в разработку теории правоотношения. Некоторые ключевые аспекты его понимания данной теории были изложены в докладе «Основные вопросы учения о правоотношениях» на Научной сессии, посвященной 20-летию существования ВИЮН в 1945 г.

В своем докладе Н. Г. Александров, в то время кандидат юридических наук, доцент, отмечает, что, в отличие от определения права, в отношении которого в советской юридической науке было достигнуто определенное единство, такого не наблюдалось в вопросах о правоотношении. Он подчеркнул, что в научных дискуссиях надо исходить из того, что правоотношения представляют собой особый вид идеологических отношений. Им предшествует представление людей о должном поведении, которое, в свою очередь, коренится в материальных условиях их жизни. Прежде чем сложиться, правоотношения проходят через сознание и волю господствующего класса, возведенную в закон.

Исходя из понимания неразрывной связи правоотношения с государством, ученый определял правоспособность как особое отношение лица с государством. Само

правоотношение он рассматривал как правомочие одного субъекта и соответствующую обязанность другого субъекта. При этом возможно усложнение структуры правоотношения за счет встречных прав и обязанностей, множественностью сторон и т. д.

Н. Г. Александров предлагал разграничивать правовые статусы, обусловленные принадлежностью индивида к определенному государству, и правоотношения в узком смысле – правовую связь между определенными субъектами. Он подчеркивал роль юридических фактов в развитии правоотношений, определяя эти факты как действия или события, «с которыми возведенная в закон воля господствующего класса связывает требования должного поведения»³.

Сформулировав ряд тезисов о понятии правоотношения, его структуре и основаниях, ученый уделил внимание особенностям правоотношений в советском обществе. «Советские правоотношения, – пишет Н. Г. Александров, – отношения в советском обществе, регулируемые волей рабочего класса и всего трудового народа, волей, содержание которой определяется условиями материальной жизни трудящихся, волей, выраженной в правилах поведения, непосредственно установленных (либо признанных) советским государством и охраняемых принудительной силой последнего»⁴. В качестве важной особенности социалистической правоспособности ученый отмечал отсутствие эксплуатации чужого труда. Эту правоспособность он связывал с рядом элементов, которые характеризуют положение граждан в экономической, политической и культурной жизни и закреплены в Конституции. Также представляет интерес положение о том, что в конкретных правоотношениях между физическими и юридическими лицами находят выражение отношения между индивидом и

обществом, которые, в свою очередь, основаны на сочетании личных и общественных интересов. Это положение сохраняет свою актуальность в контексте попыток навязать российскому обществу несвойственное для него чрезмерное идеализирование прав индивида в ущерб правам коллектива. В любых индивидуальных правах, в любом единичном правоотношении неизменно проявляется общественный интерес, социально-экономически и культурно-исторически обусловленный, и не учитывать его невозможно.

Таким образом, в сообщении на научной сессии Н. Г. Александров в обобщающем виде раскрыл основные аспекты теории правоотношения, в том виде, в котором она сложилась к 1945 г., с позиций марксизма подчеркнул социально-классовую природу правоотношений и правоспособности.

В рамках одной из глав монографии «Право и законность в период развернутого строительства коммунизма» ученый продолжил развивать теорию правоотношения применительно к социалистическому обществу. По его мнению, при строительстве социализма «происходит процесс все большего сближения правовых и общественно-моральных отношений»⁵.

Н. Г. Александров подробно анализирует основные элементы любого правоотношения: субъективные права и юридические обязанности, подчеркивает их диалектическое единство, а также останавливается на вопросе о субъектах социалистического правоотношения. Этот вопрос раскрывается через характеристику правоспособности и правового статуса. В завершение ученый исследует понятие юридических фактов, подчеркивает их роль в возникновении правоотношений, дает характеристику объектам имущественных правоотношений.

Правоотношения складываются в обществе потому, что право и общественные отношения неразрывно взаимосвязаны. Эта взаимосвязь, по мнению Н. Г. Александра, проявляется в двух аспектах. Во-первых, право существует в государственно-организованном обществе именно потому, что господствующий класс считает необходимым обеспечить существование определенных отношений. Во-вторых, право предназначено для того, чтобы воздействовать на указанные отношения в интересах господствующего класса. Поэтому в каждой правовой норме можно различить два элемента: объективный и классово-субъективный. Следовательно, наличие каждой правовой нормы указывает на существование реальных общественных отношений определенного вида, а также указывает на отношение государства к этим общественным отношениям⁶.

В целом, воздействие права на общественные отношения проявляется в четырех формах. Во-первых, с помощью правовых запретов устанавливаются рамки поведения людей. Во-вторых, право определяет правовое положение людей, организаций и учреждений в данном обществе. В-третьих, право оформляет компетенцию органов государства. В-четвертых, право устанавливает взаимосвязь участников общественных отношений, превращая их в правоотношения.

Таким образом, концепция правоотношения, разрабатываемая Н. Г. Александровым, соответствовала представлениям о праве, его роли в обществе и классовой природе, которые были характерны для советской правовой теории. В то же время, ряд положений, высказанных ученым о правоотношении, и сегодня признается теоретиками права. Исследование этих положений с позиций новой, современной методологии открывает перспективы

для более глубокого понимания сущности правоотношений и их места в конструировании правовой реальности.

© Пашенцев Д. А., 2023

¹ Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 1. С. 17.

² Малиновская Н. В., Хорунжий С. Н. К вопросу о сущности категории «правоотношение» // Современный ученый. 2019. № 5. С. 326.

³ Александров Н. Г. Основные вопросы учения о правоотношениях // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925–1945): Тезисы докладов / Отв. ред. Б. С. Ошерович. М., 1946. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 223.

⁶ Там же. С. 256.

Т. И. Довнар*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛ В БЕЛАРУСИ

Необходимость более эффективного функционирования государства и общества, потребности законотворческой и правоприменительной деятельности стимулируют развитие правовой науки в Беларуси. В контексте этого зарождались и развивались научные школы в сфере юриспруденции, создателями которых преимущественно являлись ученые, прошедшие Великую Отечественную войну. Так, основателем историко-правовой школы Беларуси (1963) являлся доктор юридических наук, профессор И. А. Юхо, опубликовавший свыше 15 монографий, 60 научных статей, более 30 учебных и учебно-методических пособий и подготовивший двух докторов и десять кандидатов юридических наук. Научной заслугой И. А. Юхо является разработка постановка многих проблемных вопросов истории белорусского государства и права¹. В начале XXI в. научную школу возглавила его ученица – доктор юридических наук, профессор Т. Т. Довнар (более 350 публикаций, из них: 9 монографий, свыше 150 научных статей, 2 учебника, свыше 20 учебных и учебно-методических пособий и др.)². Под ее руководством защищены одна докторская и девять кандидатских диссертаций.

Основателем теоретико-правовой школы Беларуси (1972) являлся профессор С. Г. Дробязко – участник

* *Довнар Таусия Ивановна* – профессор кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета (Минск), доктор юридических наук, профессор.

рабочих групп по разработке проектов Конституции БССР 1978 г., Конституции Республики Беларусь 1994 г., опубликовавший более 250 работ, подготовивший одного доктора наук и 6 кандидатов наук. Совместно с ним научной школой руководил профессор А. М. Абрамович – заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (2004–2008), автор более 200 научных работ, подготовивший 2 докторов и 5 кандидатов юридических наук³. С 2019 г. научной школой «Концептуальные теоретические закономерности развития и функционирования государства и права» руководит кандидат юридических наук, доцент С. А. Калинин – автор более 200 научных работ.

Основы научной школы в сфере конституционализма были заложены знаменитыми учеными-конституционалистами (А. А. Головко, Е. Н. Тагуновым, А. Т. Лейзеровым и др.). С 1998 г. кафедру конституционного права и научную школу «Теория и практика развития правового демократического социального государства» возглавляет профессор, член-корреспондент НАН Беларуси Г. А. Василевич, занимавший в течение ряда лет важнейшие государственные должности и принимавший участие в подготовке Конституции Республики Беларусь 1994 г., изменениях и дополнениях в Конституцию Республики Беларусь 1996, 2004, 2022 г., ряде законов. О существенных достижениях научной школы свидетельствуют работы ее руководителя (свыше 30 монографий и 1000 научных статей, десятки учебников и др.), опубликованных не только в Беларуси, но и в России, Польше, Турции, Болгарии, Италии, Франции, Нидерландах и др. Г. А. Василевич много внимания уделял проблемным вопросам конституционного права в

монографиях: «Конституционная юстиция в защите прав и свобод человека» (2003), «Белорусское государство на рубеже века» (2006, 2007), «Конституционные основы национальной правовой системы» (2009), «Конституционное правосудие» (2012), «Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели» (2014), «Актуальные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь» на современном этапе (2020) и др. Ученый подготовил 4 докторов и 27 кандидатов юридических наук.

Научной школой в сфере цивилистики «Юридические лица и граждане как субъекты гражданско-правовых отношений: проблемы теории и практики» (1983) руководили доктор юридических наук, профессора В. Ф. Чигир и В. Н. Годунов. Социальная значимость и актуальность работ В. Ф. Чигира подтверждена изданием в 2014 г. его избранных трудов⁴. Всего он опубликовал более 500 научных работ, охватывающих всю ключевую проблематику гражданского права, а также подготовил одного доктора и более 20 кандидатов юридических наук. Под руководством В. Н. Годунова защищено 10 кандидатских диссертаций. В рамках научной школы активно развивается семейно-правовое направление, международное частное право, проводятся междисциплинарные исследования в области правового регулирования цифровых технологий (совместный Грант БРФФИ-РФФИ 2020–2022) и др.

Становление школы гражданского процессуального права связано с именем доктора юридических наук, профессора С. В. Курылева⁵, а ее развитие – с именами докторов юридических наук, профессоров Н. Г. Юркевича (подготовил более 20 кандидатов наук в сфере права и социологии) и В. Г. Тихини (подготовил 31 кандидата

юридических наук). Представители школы участвовали в разработке Гражданского процессуального кодекса 1999 г. и многих законодательных актов, их комментировании, публиковали научные работы по гражданскому процессу, нотариату, медиации и др. Защищены докторские диссертации: Т. С. Тарановой (2012), О. Н. Здрок (2019). Положено начало формирования научной школы трудового права⁶.

Научная школа в области экологического, природоресурсного и аграрного права формировалась на созданной в 1991 г. кафедре экологического и аграрного права под руководством докторов юридических наук, профессоров А. И. Бобылева (по 1992 г.), Н. В. Сторожева (1993–2004), С. А. Балашенко (2004–2017), Т. И. Макаровой (с 2017 г.). В рамках научной школы подготовлены три доктора и пятнадцать кандидатов юридических наук, опубликован ряд монографий⁷. Ученые участвуют в международных и национальных программах и проектах в области охраны окружающей среды (проекты ПРООН-ГЭФ, ОБСЕ, ПРООН-ЕС, TEMPUS) и др.

Становление научной школы хозяйственного права началось с момента образования в 2004 г. кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности БГУ во главе с доктором юридических наук, профессором В. С. Каменковым – автором более 250 публикаций, из них: «Защита интересов юридических лиц и граждан в хозяйственном (арбитражном) процессе» (1999); «Экономика и правосудие: вопросы теории и практики» (2006); «Хозяйственный договор: общие положения» (2007); «Проблемные процессы в регулировании хозяйственного процесса в Республике Беларусь» (2010); «Посредничество (медиация) в хозяйственных судах Респуб-

лики Беларусь (2011); Спортивное право (2011) и др. Под его руководством защищено 10 кандидатских и 2 докторских диссертаций (Я. И. Функ, 2009) и Ю. П. Гаврильченко, 2017). С 2021 г. кафедрой руководит доктор юридических наук, профессор Н. Л. Бондаренко. Участниками школы было издано 15 монографий⁸, научно-практические комментарии к ряду кодексов, учебные издания по хозяйственному, банковскому, спортивному праву, праву ВТО и др. В рамках ГПНИ осуществляется тема: «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (2021–2025).

Созданная в 1990 г. кафедра социально-политических теорий и политологии БГУ была преобразована в 1992 г. в кафедру политологии. Возглавляли кафедру: доктор философских наук, профессор А. М. Байчоров, затем доктор политических наук, профессор С. В. Решетников (1993–2019), доктор политических наук, профессор Н. А. Антанович (с 2019 г.). В докторском совете Д 02.01.18 при БГУ под председательством С. В. Решетникова защищено 10 докторских и 44 кандидатских диссертаций по политическим наукам (1992–2021). Учеными издан ряд монографий, учебников, учебных пособий и др. Так, учебник «Политология» под ред. С. В. Решетникова выдержал восемь изданий (1999–2013). Научные исследования кафедры политологии многоаспектны. В настоящее время реализуется ГПНИ «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности» (2021–2025).

Зарождение научной школы в сфере уголовного права связано с именами докторов юридических наук, профессоров И. И. Горелика, И. С. Тишкевича и их последователями – докторами юридических наук, профессорами В. М. Хомичем, И. О. Грунтовым, А. Л. Савенком. Учены-

ми опубликованы многие статьи, учебники и учебные пособия, более десяти монографий, в том числе – три тома коллективной монографии «Курс уголовного права в 5 томах» (2018–2021). Исследуется тема НИР «Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты» (2021–2025).

В последние годы активно формируется научная школа в сфере уголовного процесса и судоустройства, чему содействуют труды известных докторов юридических наук, профессоров И. И. Мартинович и В. Н. Бибило⁹.

Возникновение научной школы в области криминалистики и судебной психологии (1965) связано с трудами доктора юридических наук, профессора А. В. Дулова – автора многих публикаций по теории криминалистики, юридической психологии, юридической этике, в том числе первого учебника «Судебная психология» (1970). Подготовил трех докторов и около 50 кандидатов юридических наук, которые продолжают дело своего Учителя.

Члены научных школ участвуют в выполнении масштабных научных исследований в рамках государственных программ, выполнении договоров на научно-исследовательские и опытно-технологические работы с предприятиями, организациями, осуществлении интеграции научной и образовательной деятельности (например, в совместной образовательной программе «Гражданское право, семейное право, международное частное право» с выдачей двух дипломов БГУ и РУДН по второй ступени высшего образования), а также в подготовке кадров высшей квалификации и многое другое.

О реальных успехах научных школ свидетельствует ежегодный отчет юридического факультета Белорусского

государственного университета. Так, за 2022 г. было издано: 30 индивидуальных и коллективных монографий, в том числе 13 – за рубежом; 3 учебника и более 60 учебных пособий; 13 сборников материалов и тезисов докладов научных конференций; 574 научных статей, из них 261 в изданиях, входящих в перечень ВАК и 69 за рубежом, в том числе 4 – в изданиях, зарегистрированных в базах Scopus и Web of Science, а также оформлено 53 акта внедрения. Ученые участвуют в научной экспертизе проектов нормативных актов, многих экспертных комиссиях, редакционных советах журналов, а также в рабочих группах по разработке нормативных правовых актов и др. Ведущие ученые являются членами советов по защите диссертаций, осуществляют научную экспертизу и оппонирование диссертационных исследований.

В целом деятельность научных правовых школ достаточно результативна и значительно содействует процессу эффективного развития права и совершенствования законодательства Республики Беларусь.

© Довнар Т. И., 2023

¹ Юхо И. А. 1) Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке. Минск, 1978; 2) Крыніцы беларуска-літоўскага права. Мінск, 1991.

² Доўнар Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях. Мінск, 2000; Доўнар Т. І., Васілевіч Г. А., Юхо І. А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі. Мінск, 2001; Доўнар Т. І. Гісторыя Дзяржавы і права Беларусі. Т. I. 2-е выд., выпр. і дап. Мінск, 2021; и др.

³ Абрамович А. М. Избранные труды. Минск, 2019.

⁴ Чигир В. Ф. Избранные труды. Минск, 2014.

⁵ Курилев С. В. Избранные труды. Минск, 2012.

⁶ Томашевский К. Л. Система источников трудового права Беларуси: история, теория и практика. Минск, 2013.

⁷ Макарова Т. И., Лизгаро В. Е. Проблемы эффективности экологического права в условиях участия Республики Беларусь в интеграционных процессах // Дискуссионные проблемы теории экологического права / Под общ. ред. А. П. Анисимова. М., 2020; Макарова Т. И. Проблемы эффективности аграрного и экологического права в условиях интеграционных процессов / Под ред. Т. И. Макаровой. Минск, 2021.

⁸ Гаврильченко Ю. П. Теория и практика финансово-правового регулирования сбережений населения. Минск, 2017; Бондаренко Н. Л. Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь / Под ред. Н. Л. Бондаренко, О. А. Бакиновской. Минск, 2019; Бондаренко Н. Л. Право цифровой среды / Под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М., 2022; и др.

⁹ Бибило В. Н. Проблемы правоведения: избранные труды. Минск, 2011; Мартинович И. И. Избранные труды. Минск, 2016; Бибило В. Н. Теория и история права, судоустройства и уголовного процесса Минск, 2020.

В. А. Манин*
В. К. Нехайчик**

**ЧТО ЕСТЬ НАУЧНЫЙ ВКЛАД?
(К ВОПРОСУ О ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТИ РАБОТ
А. Б. ЗЕЛЕНЦОВА)**

Наука как вид общественной жизнедеятельности и высший вид человеческой практики традиционно делится на три части: фундаментальная, прикладная и подготовка научных кадров.

Очень редко одному ученому, особенно в области гуманитарного знания, удастся не только объединить в себе эти части, но и создать настоящую научную, признанную профессиональным сообществом, школу.

Это без сомнения, одному из немногих, присуще, Александру Борисовичу Зеленцову.

Мы не будем останавливаться на его биографии, об этом достаточно написано его учениками¹ и коллегами². Остановимся на том, что, без сомнения характеризует Александра Борисовича как основоположника важного фундаментального направления административно-правовой науки.

С учетом истории становления современного россий-

* *Манин Вячеслав Анатольевич* – доцент кафедры государственного и муниципального права Института государства и права Сургутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

** *Нехайчик Владимир Казимирович* – доцент кафедры государственного и муниципального права Института государства и права Сургутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ского права и науки его изучающей, нет ничего удивительного, что с момента зарождения самостоятельной административно-процессуальной отрасли она оказалась под пристальным изучением, не скроем и под тесным догматическим влиянием, представителей гражданско-процессуальной науки. Поэтому перед учеными-административистами встала, с учетом российских реалий, многотрудная задача, из комплекса административных процедур, которые имели всегда подчиненное, производное значение, найти полноценный предмет и обосновать догмат самостоятельной отрасли судебного административного права. И эти достижения сейчас трудно представляемы, и во многом невозможен административно-процессуальный дискурс без основополагающих трудов А. Б. Зеленцова.

Известный ученый, профессор Ю. Н. Стариков выделяет темы и направления, в которых не только отметился А. Б. Зеленцов, но и его вклад их исследования оказался основополагающим: публичная администрация; административная власть; административно-правовой спор; административная юстиция; административное судопроизводство; административный иск; административно-процессуальное право; судебное административное право; ответственность в судебном административном праве; судебное санкционирование³, но, по нашему мнению, даже такой значительный перечень оказывается далеко не полным.

В основе работ Александра Борисовича лежит важнейшая парадигма, которую он выводит для себя и постоянно следует ей в своих изысканиях: основа и идея административного права должна соответствовать «требованиям социального правового государства»⁴.

И эта идея, тесно связанная с безусловным приорите-

том прав человека в общем, и ее защитой правовыми средствами, в особенности инструментарием административно-процессуальной защиты в частности, лежит в основе всего направления его научной деятельности, что делает его научные «штудии» фактически фундаментальными для всей правовой науки.

Отсюда и понимание им основополагающей идеи «правового государства: «правовое государство – это государство судебной справедливости», а «подчиняя публичное управление административному правосудию, правовое государство предполагает "апробацию" административного права административной юстицией»⁵. Административная юстиция – это есть «одно из формальных, но существенных проявлений правового государства»⁶.

Это понимание заставляет ученого поставить основополагающий для любой правовой отрасли вопрос: каков предмет административного права, его границы и структура. И тут ученый выступает, скорее, как традиционалист, очищая эту категорию от позднейших произвольных псевдоученых наносов, цель которых не поиск истины, а всего лишь нахождение новизны никак не подтверждённой доказательной теорией, ни самой юридической практикой. Он вполне разумно применяет ограничительное толкование.

По мнению Александра Борисовича, к предмету административного права следует отнести «отношения, возникающие в деятельности публичной администрации», то есть «административные отношения в связи с реализацией различных видов административной деятельности, а не законодательной деятельности или судебной деятельности по отправлению правосудия»⁷. Этот поход А. Б. Зеленцов в соавторстве со своим учеником О. А. Ястребовым раскрывают в своем учебнике «Судебное ад-

министративное право». Это первая попытка рассмотреть на монографическом уровне систему процессуальных норм КАС Российской Федерации как самостоятельную отрасль российского права. Это позволяет нам констатировать высокую научную насыщенность этого издания, исходя из понимания этого законодательства «как самостоятельной отрасли судебного права, равноценной по своему значению другим отраслям, регулирующим осуществление судебной власти, и его служебной роли по отношению к административному праву, которое рассматривается как материально-правовая основа административной юстиции»⁸.

Анализируя работы Александра Борисовича, как недавние, так и написанные десятилетия назад, рассматривая конституционализм административного права, невольно ловишь себя на мысли, почему истины и подходы, которые в работах А. Б. Зеленцова кажутся такими простыми и очевидными смогли воплотиться в начала законодательной и правоприменительной практики буквально в последнее десятилетие, не получив своего воплощения на заре российского законодательства и особенно в нормах Конституции Российской Федерации в редакции 1993 г.

Этот правовой феномен, исправленный только конституционной реформой 2020 г., мы можем объяснить уровнем правопонимания в то время, когда административный процесс, тем более в судебной его части, сводился фактически только к обслуживанию административно-деликтного права, осуществляемого не столько судами, по лекалам гражданского права, сколько административными и квазисудебными органами.

И касаясь преодоления этих теоретических постулатов, нельзя пройти мимо первых новаторских работ Алек-

сандра Борисовича, которые касались вначале довольно узкой проблемы административных споров, смогли заложить основы сегодняшнего правопонимания не только административно-судебного процесса, но и самой публичной власти в целом, показывая ее существенные отличия от принятого нормативного понимания административной власти.

В своих исследованиях А. Б. Зеленцов последовательно отстаивает идею «интегративного подхода» формирующейся теории административного процесса в современной России, суть которого состоит, с одной стороны, в единстве общего процесса, куда наряду с уголовным и гражданским процессом включен административный процесс, с другой стороны, в отмежевании судебного (юрисдикционного) административного процесса от управленческого процесса, осуществляемого с помощью позитивных процедур, а также административного юрисдикционного процесса квазисудебных органов

Особое внимание А. Б. Зеленцовым в научных исследованиях в контексте изучения вопроса о формировании административного судопроизводства в Российской Федерации (административной юстиции) в теории административного права было уделено проблеме дуализма в институте административной ответственности. Речь идет о необходимости признания в институте административной ответственности двух ее форм.

В этой связи еще в 2001 г. А. Б. Зеленцов в составе административной ответственности выделяет ее восстановительную разновидность доказанного противоправного действия (либо бездействия) органов власти и их должностных лиц и штрафную, карательную (репрессивную) административную ответственность за нарушение запретов, установленных административным законодатель-

ством. Позднее, укрепившись в своем мнении о существовании двух правовых оснований административной ответственности и двух разновидностей такой ответственности, в одной из своих работ ученый даст правовую характеристику восстановительной административной ответственности, сопоставляя ее с признаками наказательной (карательной) разновидности административной ответственности, признавая таким образом наличие двух видов административной ответственности в ее составе⁹. Нельзя не отметить, принципиальную позицию А. Б. Зеленцова по вопросу о проблемах обсуждения принятия административно-процессуального Кодекса Российской Федерации в концепции разделения материальной и процессуальной частей действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Как отмечает сам ученый, «разделение действующей доктрины применения административного наказательного права на материальную и процессуальную часть есть тупиковый вариант развития современного административного права»¹⁰.

Таким образом, исследуя в начале 2000-х годов достаточно узкую проблему сущности и разрешения административно-правовых споров, Ученый выходит на фундаментальные проблемы административно-процессуального права, впервые поставив вопросы, которые через десятилетие определяют сущность и прогресс этой зарождающейся отрасли.

© Манин В. А., Нехайчик В. К., 2023

¹ Ястребов О. А. 70-летие профессора Александра Борисовича Зеленцова // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 6–8.

² Стариков Ю. Н. От административной власти до судебного административного права: о широте научного подхода в трудах профессора Александра Борисовича Зеленцова //

Журнал административного судопроизводства. 2021. № 1. С. 5–22; Манин В. А., Нехайчик В. К. К юбилею Александра Борисовича Зеленцова. О его вкладе в развитие современной административно-правовой науки // Вестник академии Евразийской академии административных наук. 2021. № 1(54). С. 7–10.

³ Стариков Ю. Н. От административной власти до судебного административного права: о широте научного подхода в трудах профессора Александра Борисовича Зеленцова // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 1. С. 7.

⁴ Зеленцов А. Б. Границы и структура предмета административного права современной России: дискуссионные вопросы // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 18.

⁵ Зеленцов А. Б. Административная справедливость и административная юстиция // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства / Под ред. Ю. Н. Старикова. Воронеж, 2013. С. 379–390.

⁶ Зеленцов А. Б. Контроль за деятельностью исполнительной власти в зарубежных странах: Учебное пособие. М., 2002. С. 119.

⁷ Зеленцов А. Б. Границы и структура предмета административного права современной России: дискуссионные вопросы // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 19.

⁸ Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право. М., 2017. С. 18.

⁹ Зеленцов А. Б. Административный деликт и проблемы юридической ответственности // Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С. 466.

¹⁰ Зеленцов А. Б. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации как предпосылка смены парадигмы административного права // Административное право и процесс. 2015. № 11. С. 22–38.

В. А. Мун*

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: НАЧАЛО ПУТИ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Вторая половина XIX в. ознаменована отменой крепостного права, изменением экономических условий жизни, вступлением женщин на путь эмансипации, стремлением их к самостоятельному заработку и активным привлечением к труду. Для обеспечения экономической самостоятельности от профессиональной деятельности, исключая тяжелый физический труд, требовались специальное образование и соответствующая подготовка. В России женщины не были допущены в университеты вплоть до 60-х годов XIX в. Сперва женщин стали допускать в университеты на открытые лекции, а в сентябре 1860 г. первая русская студентка Н. Корсина поступила в Петербургский университет. За ней последовали А. Кравцова, М. Богданова, Е. Корсина, Н. Сулова, М. Бокова и др. Однако последовавшие бунты крестьян в 1861 г., участие студенток в массовых выступлениях, привели в 1864–1865 гг. не только к исключению их из Университета, но и категорическому запрету приема женщин в университеты и к слушанию лекций¹.

В рассматриваемый период по большей мере благодаря частным и общественным усилиям появились медицинские, сельскохозяйственные, политехнические, архи-

* *Мун Виктория Анатольевна* – старший преподаватель кафедры истории государства и права Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

тектурные женские курсы. Активистками, выступающими за женское образование, организовывались общеобразовательные курсы (Владимирские, Аларчинские и др.)². Российские женщины, получив профессиональное врачебное, техническое образование, успешно осуществляли практическую работу в качестве врачей, агрономов, архитекторов, инженеров.

Вопрос о допуске женщин к юриспруденции оставался на протяжении долгого времени закрытым для обсуждения. Лишь в Указе 1846 г. содержалось упоминание о том, что служащие в Сибири чиновники, их жены и члены их семей не могут быть поверенными других лиц³. Судебные уставы не упоминали о женщинах, однако содержали требование о необходимости наличия высшего юридического образования. Учитывая, что женщины в 1864 г. не имели доступа в высшие учебные заведения, они не могли удовлетворять и требованиям, предъявляемым к присяжным поверенным. Лишь позже, женщины начали получать юридическое образование за границей. Так, в 1873 г. А. М. Евреинова окончила юридический факультет Лейпцигского университета, Е. А. Флейшиц в 1904 г. – юридический факультет Парижского университета. Наконец, в 1906 г. свои двери для женщин открыл юридический факультет на Высших женских (Бестужевских) курсах в Санкт-Петербурге и женщины получили возможность осваивать юридическую профессию, не выезжая за границу. Всего в дореволюционной России было открыто 13 юридических отделов, где учились женщины⁴.

Постепенно формировался новый тип современных женщин – целеустремлённых, старательных, дисциплинированных, стремящихся к профессиональной самореализации. Однако выучиться на юриста было половиной дела. Необходимы были законодательные изменения, разре-

шавшие женщинам осуществлять юридическую практику, либо не запрещающие эту деятельность. Между тем, Высочайшим повелением от 14 января 1871 г. было установлено: «Воспретить прием женщин, даже и по найму, на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях»⁵.

Поскольку должность частных поверенных не имела отношения ни к правительственным, ни к частным учреждениям, после утверждения в 1874 г. должности частных поверенных женщинам стали выдавать свидетельства на право ведения судебных дел. Так, с 1870-х годов Е. Ф. Козьмина работала в канцелярии прокурора Казанского окружного суда А. Ф. Кони и имела обширную адвокатскую практику в качестве частного поверенного в округе Нижегородского суда. Однако в 1875 г. министром юстиции был издан циркуляр о запрете выдавать лицам женского пола свидетельства на право хождения по чужим делам с указанием на необходимость соблюдения Высочайшего повеления 1871 г. Так, свидетельство Е. Ф. Козьминой было отобрано. Спустя год, в 1876 г., Высочайшим повелением разъяснялось, что запрет приема женщин по найму распространялся также и на звание частного поверенного.

В 1908 г. были удовлетворены прошения о зачислении в помощники присяжных поверенных выпускниц юридического факультета Московского университета – Я. С. Подгурской, М. М. Гиршман и Л. А. Бубновой. Однако в том же году эти решения были отменены по протесту прокурора. В 1909 г. в зачислении в помощники присяжных поверенных было отказано Е. А. Гинцбург, окончившей Харьковский университет. Основанием для отрицательных решений для женщин-юристов во всех случаях являлась неясность российского законодательства, не ука-

зывающего напрямую на возможность женщин заниматься адвокатской практикой⁶. Аналогичная ситуация сложилась у А. Г. Ярошевской. В 1910 г. она была зачислена в помощники присяжного поверенного, однако спустя месяц после выдачи соответствующего разрешения, постановление о ее зачислении было отменено.

Стоит отметить, что отстранение женщин от должности частных поверенных не повлияло на их решимость в занятии юридической практикой. Женщины, становились помощниками присяжных поверенных, доказывая свою компетентность и практическую подготовку, отстаивая свое право занимать достойное место в российской адвокатуре несмотря на отрицательное отношение ряда юристов-практиков и общественности.

Однако, пожалуй, наиболее ярким эпизодом стало дело с участием Е. А. Флейшиц. Поскольку дипломы иностранных вузов не приравнивались к российским дипломам, Екатерина Абрамовна, окончив в 1904 г. юридический факультет Парижского университета, в 1909 г. сдала государственные экзамены за полный курс юридического факультета Петербургского университета и 30 октября 1909 г. Совет присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты выдал ей установленное свидетельство помощника присяжного поверенного. Однако, первое и единственное участие Е. А. Флейшиц в судебном заседании по уголовному делу не состоялось поскольку прокурор счел невозможным свое участие в процессе из-за «незаконного состава», имея в виду женщину-адвоката, и демонстративно быстро покинул зал судебного заседания⁷.

Данный случай рассматривался в обществе и широко освещался в средствах массовой информации не как частный эпизод в жизни одной женщины, а был поднят

на общегосударственный уровень и анализировался с точки зрения исторического ограничения прав женщин на участие в общественной и политической деятельности, проблем получения женщинами высшего образования и расширения сферы применения женского труда, важности обеспечения материальной независимости женщин в семье, и, наконец, жизненной необходимости повышения роли женщин в обществе.

В своей первой статье «О женской адвокатуре», опубликованной в журнале «Право» в 1910 г. Е. А. Флейшиц отмечала, что происходящее вокруг «женской адвокатуры» в России не является новшеством и не отличается оригинальностью. Аналогичную реакцию с некоторыми вариациями и отклонениями можно было наблюдать в других странах, где женщинам сперва приходилось отстаивать право на получение высшего образования, затем доказывать свою компетентность на занятие юридической практической деятельностью, наконец, быть причисленной в корпоративные учреждения адвокатов, а после, обыкновенно следовала отмена решений этих учреждений судебными постановлениями, и юридическая практика оставалась вне досягаемости для женщин. При этом отстаивание женщинами права на занятие юридической профессиональной деятельностью сопровождалось одобрением одних и осуждением других юристов, общественных деятелей, философов⁸.

Несмотря на то, что Е. А. Флейшиц фактически была отстранена от участия в судебных заседаниях, впоследствии она продолжила юридическую карьеру и стала известным цивилистом и первой в СССР женщиной – доктором юридических наук⁹. Ее перу принадлежит около 100 печатных работ, среди которых монографии и учебники по гражданскому, торговому, римскому праву, об-

щей теории права, которые долгое время считались эталонными, переиздавались и пользуются большим спросом и сегодня¹⁰.

Таким образом, борьба за «женскую адвокатуру» стала одним из ключевых в требованиях женщин к допуску к квалифицированному труду. Женщинам предстояло не только доказать свою компетентность, способность анализировать юридические дела, грамотно совершать юридические действия, но и продемонстрировать однозначное намерение занять достойное место в российской юриспруденции.

© Мун В. А., 2023

¹ Семенкова Т. Г. Высшее образование для женщин в России XIX века (страницы истории) // Вестник финансовой академии. 1998. № 1(5). С. 101–111.

² Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 9.

³ Указ «О недозволении служащим в Сибири чиновникам быть поверенными по делам частных золотопромышленников» от 6 июня 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-2). Т. XXI. Отд. II. № 20101.

⁴ Ворошилова С. В. Женщины-юристы России начала XX в. в борьбе за женское равноправие // Права человека: формы реализации и способы защиты в исторической ретроспективе (российский и зарубежный опыт): Сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2021. С. 29–35.

⁵ Именной указ, объявленный сенату Министром юстиции «О допущении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения» от 14 января 1871 г. // ПСЗ-2. Т. XLVI. Ч. 1. № 49137. С. 36–37.

⁶ Решетников Г. Л. К вопросу о «женской адвокатуры» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1(82). С. 179–186.

⁷ Полянская Г. Н. Начало жизненного пути // Ученые записки. Ученые записки ВНИИСЗ. 1968. Вып. 14. С. 5–33.

⁸ Флейшиц Е. А. О женской адвокатуре // Право. 1910. № 2. С. 65–78.

⁹ Гаврилов С. Н. Прекрасная половина адвокатуры: история появления (к 100-летию допуска женщин к адвокатской профессии в России) // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 12 (40). С. 146–149.

¹⁰ Титова Е. А. Женское лицо русской присяжной адвокатуры // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 278–284.

Т. В. Сезонова*

ВЫДАЮЩИЕСЯ РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-КРИМИНАЛИСТЫ

Формирование криминалистики как науки фактически произошло в конце XIX в. Зародившись в недрах уголовного процесса, она, тем не менее, пошла по собственному пути, превратившись за более чем сто лет из прикладной вспомогательной дисциплины в особый вид деятельности, без которой невозможно раскрыть и расследовать преступление.

В дореволюционной России в 1864 г. была проведена судебная реформа, которая вызвала потребность внедрения криминалистических знаний о собирании и исследовании вещественных доказательств в уголовный процесс. Опубликование в России трудов зарубежных криминалистов Г. Гросса, А. Вайнгардта и других способствовало появлению и развитию отечественной криминалистики. В дальнейшем на протяжении нескольких десятилетий вклад в развитие криминалистики и экспертно-криминалистической деятельности вносили выдающиеся ученые Е. Ф. Буринский, В. И. Громов, С. М. Потапов, И. Н. Якимов и другие. Но все они были мужчинами. Весомый вклад женщин-ученых в развитие криминалистики можно заметить начиная с 1960-х годов. Ведущими российскими женщинами-учеными в области криминалистической и судебно-экспертной деятельности являются

* *Сезонова Татьяна Владимировна* – старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат педагогических наук.

В. Ф. Орлова, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинская, Т. В. Аверьянова. Путь в науку этих незаурядных женщин-ученых в общем-то одинаков: получив базовое высшее образование они посвятили себя изучению различных вопросов криминалистики. Их деятельность была направлена на решение задач внедрения естественнонаучных знаний в деятельность экспертов, следователей, судей и других представителей юридической практики.

Имя *Валерии Федоровны Орловой* тесно связано с почерковедческой экспертизой. Именно её можно назвать создателем научной школы судебного почерковедения в советской криминалистике. Она не только была идеологом и научным руководителем, но и принимала самое активное участие в фундаментальных теоретических разработках и научных исследованиях, направленных на создание частных методик. Учебно-методическое пособие «Судебно-почерковедческая экспертиза», подготовленная под её научной редакцией, долгое время служила повседневным руководством для специалистов, исследующих рукописные тексты, и источником знаний об основах судебного почерковедения для сотрудников правоохранительных органов.

В летопись развития трасологии в нашей стране золотыми буквами вписано имя *Надежды Павловны Майлис*. Не случайно ей принадлежит высказывание: «Я считаю, главным достижением в жизни то, что я нашла свою профессию, я нашла себя в ней, и я состоялась в этой профессии..»¹. Своими научными трудами она доказала, что данный раздел криминалистической техники играет систематизирующую роль в методологии криминалистики и судебной экспертизы. Работая над кандидатской диссертацией Н. П. Майлис в 1979 г. создала методику криминалистического исследования следов зубов человека.

Профессор Н. П. Майлис является руководителем научной школы в области трасологии. Ею и её учениками выполнен целый ряд важных научных трасологических исследований зубов, обуви, повреждений на одежде, результаты которых успешно используются в практической деятельности экспертов. При её непосредственном участии созданы новые направления – микротрасология и трасологическая диагностика.

Профессора *Елену Рафаиловну Россинскую* можно по праву считать автором и теоретиком новой самостоятельной отрасли криминалистических знаний – судебной экспертологии.² Её путь в науку был предопределен по факту рождения. Е. Р. Россинская – дочь выдающегося русского юриста, основоположника советской криминалистики Р. С. Белкина. На выбор её дальнейшего жизненного пути, а также на круг интересов в сфере юриспруденции оказала учеба в Московском институте тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова. Полученные там знания по специальности «технология специальных материалов электронной техники» позволили Елене Рафаиловне внести свою лепту в развитие пожарно-технической экспертизы и экспертизы веществ, материалов и изделий, зарождение которых пришлось на 80-е – 90-е годы прошлого столетия. Практическим результатом работы над кандидатской диссертацией на тему «Комплексные криминалистические экспертизы с применением рентгеновских методов исследования материалов, веществ и изделий» стало внедрение методов рентгеноструктурного анализа в экспертную практику. Профессор Е. Р. Россинская – профессионал высочайшего уровня, её перу принадлежат более 400 научных и учебно-методических работ, некоторые из которых являются «настойной книгой» для ученых и практических сотруд-

ников. Спектр её научных интересов чрезвычайно широк. Это вопросы общей теории криминалистики, назначение и производство судебных экспертиз, правовая регламентация судебно-экспертной деятельности³.

Среди признанных лидеров в разработке общей теории судебной экспертизы в России и зарубежных странах можно назвать *Татьяну Витальевну Аверьянову*. В 1975 г. Т. В. Аверьянова окончила радиوفизический факультет Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, получив специальность «инженер-радиофизик». Затем, в 1985 году, обучаясь в аспирантуре при ВНИИ судебных экспертиз, занялась научной деятельностью. Её кандидатская диссертация, представленная к защите в 1988 г., была посвящена теоретическим и практическим проблемам определения расстояния выстрела с учетом данных о метеорологических условиях. В 1994 году в Академии управления МВД России защитила докторскую диссертацию по теме «Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития». Обладая большим опытом практической работы в экспертных подразделениях правоохранительных органов Т. В. Аверьянова уделяла внимание изучению законов развития экспертного и криминалистического знания, применения специальных познаний в судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности, методов судебно-экспертных исследований, проблем криминалистической техники. Её научное наследие насчитывает более 170 академических работ по криминалистике и судебной экспертизе, среди которых монографии, учебники и учебные пособия.

Упомянутые нами в статье выдающиеся российские женщины-криминалисты внесли значительный вклад в формирование, развитие и совершенствование различных

направлений криминалистики и судебной экспертизы на современном этапе. Результаты их научных исследований легли в основу учебников, являющихся базовыми для обучения отечественных и зарубежных специалистов в области юриспруденции.

© Сезонова Т. В., 2023

¹ *Майлис Н. П.* Моя профессия судебный эксперт. М., 2018. С. 170.

² *Грибунов О. П.* Концептуальные идеи профессора Е. Р. Российской в криминалистике и судебной экспертизе // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е. Р. Российской. К юбилею ученого, эксперта, педагога: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 145–149.

³ *Россинская Е. Р.* Ревизия определения предмета криминалистики: за и против // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4(5). С. 328–335.

И. В. Баданина*

НАЗВАНИЯ ЖЕНЩИН-ЮРИСТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Женщины успешно работают в юриспруденции, как и в большинстве других видов деятельности. Названия женских профессий тождественны с названиями профессий мужчин, трудящихся в той же сфере деятельности. Однако в последние годы в СМИ весьма оживленно обсуждается вопрос о создании и употреблении для называния женщин в разных профессиях специальных слов женского рода – феминитивов. Мнения о целесообразности введения таких слов в широкий оборот разделились. Многие известные ученые, политики, писатели и др. выступают против феминитивов, в том числе женщины. Как известно, Марина Ивановна Цветаева настаивала на том, что она поэт. Примеры негативного отношения к словам женского рода, называющим профессии, можно продолжать. В чем причина неприятия слов женского рода? Почему сами женщины порой не хотят, чтобы в русском языке были специальные слова, называющие только женщин по их профессиям? Ответ на этот вопрос можем найти в историческом прошлом нашего народа и русского языка. Еще в XIX в., не говоря уже о более ранних этапах развития нашего общества, женщина в течение всей своей жизни была зависима от мужчины, не имела возмож-

* *Баданина Ирина Васильевна* – доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент.

ности самостоятельно работать и, следовательно, не могла называться в какой-либо профессии специальным словом, отличающимся от слова мужского рода. Во всех социально значимых профессиональных сферах были заняты только мужчины. Это объективная реальность, обусловленная социально-экономическими и религиозно-культурными факторами. В ходе длительного времени именно мужчина был единственным работником почти в любой профессиональной области, поэтому и названия профессий – слова мужского рода. Закономерно сложился стереотип восприятия эталонного представителя любой (или почти любой) профессии: это мужчина, а название профессии – слово мужского рода.

Именно поэтому до сих пор мужчину по умолчанию считают лучшим в профессии. Часто это касается видов деятельности, связанных с интеллектуальным трудом и/или высоким уровнем социальной ответственности. И так исторически сложилось, что для женщины признание ее заслуг, высокого профессионального уровня – это, в частности, именование по профессии словом мужского рода. С точки зрения мужчин, отсутствие надобности в феминитивах связано, возможно, с «мужским шовинизмом»: мужчины не хотят делиться своим преимуществом, стремятся сохранить за собой первенство в профессиях, где необходим интеллектуальный труд. Но женщины весьма активно осваивают все эти профессии, и многие из женщин становятся настоящими мастерами своего дела, достигают в нем вершин. Во многих сферах деятельности, требующих высшего образования, женщины количественно превосходят мужчин, в частности в образовании и медицине. В юриспруденции также много женщин. По данным агентства HeadHunter, в 2019 г. в юридической сфере наблюдался относительный баланс: женщин

было 59 %, а мужчин – 41 %. Внутри данной профессиональной области распределение мужчин и женщин не столь равномерно. Так, по данным <https://dzen.ru/a/Yahbmeg>

QxVtXhedL, в 2021 г. адвокаты и судьи были примерно поровну мужчины и женщины; среди юристов, сопровождающих онлайн-бизнес, большинство женщин; в прокуратуре, следствии, исполнительных органах мужчин больше. Нотариусы примерно на 80 % женщины. Эти цифры показывают, что женщин в юридической сфере немало. Но названий их профессий – слов женского рода, равноправных в официально-деловом стиле русского литературного языка со словами мужского рода, нет.

Если в каком-либо тексте СМИ автор намерен назвать пол юриста, то использует конструкцию *женщина-юрист*. Эту конструкцию надо считать нейтральной для женщин, в отличие от феминитивов – существительных женского рода, образованных от существительных мужского рода и называющих женщин. В Интернете на различных сайтах, в том числе посвященных юристам, можем встретить именно такие номинации: ***Женщина-юрист*** – сочетание вполне привычное. В юридических вузах не делают разницы при наборе. Но считается почему-то, что успешных ***женщин-юристов*** мало. ... В преддверии праздника мы попросили коллег-мужчин поделиться историями о ***женщинах-юристах***, которые показались им значимыми, впечатлили, врезались в память¹.

В СМИ в наши дни нередко можно встретить иногда шуточные, иногда же серьезные выступления специалистов разного профиля о том, годится ли тот или иной феминитив для номинации (называния) женщин в профессиях, в том числе юридической сферы. Так, от слова *юрист* образовано *юристка*, оно квалифицируется как

разговорное². В Интернете можно встретить самые разные, подчас не основанные на языковых закономерностях объяснения таких слов, как *юристка* (сохранена авторская пунктуация): *...по законам русского литературного языка слова «юристка» действительно не существует, ни в одном толковом словаре русского языка такого слова (или такой формы слова) нет (но это не так. – И. Б.), а потому использоваться в художественной литературе, журналистике (в том числе теле- и радиожурналистике), деловой или частной переписке этот с позволения сказать «неологизм» – ЮРИСТКА – не может³.*

Адвокат и *адвокатесса* – эти два названия профессии также вызвали дискуссию в Интернете. Словом *адвокат* в официально-деловом стиле называют и мужчину, и женщину. Но некоторые спрашивают, можно ли женщину-адвоката называть *адвокатессой*, ведь никто из женщин не обижается на названия *стюардесса* и *поэтесса*. Ответ такой: *Если речь идёт об адвокате женского пола, то **адвокатессой** её можно назвать только в разговорной речи. Юридически термина **адвокатесса** законом не закреплено⁴. Употребляется и *адвокатша*, в том числе в современной художественной литературе: Она не просто **адвокатша**, она, во-первых, блестящий **адвокат**, во-вторых, похлеще любого следователя прокуратуры будет.* – Анна Данилова, Серебряная пуля в сердце, 2014⁵.

В русском языке есть пара слов *прокурор* и *прокурорша*. Они распределяются по стилям примерно так же, как и другие названия юридических профессий: *прокурор* – нейтральное название для мужчин и женщин, принятое во всех стилях литературного языка, а *прокурорша* отмечено в немногих толковых словарях и в орфографическом словаре. В прошлом это слово имело значение «жена прокурора», а в современном языке может выступать как с

этим значением, так и с другим – «женщина-прокурор». В Интернете можно встретить *прокурорша* в контекстах, где речь идет о женщине-прокуроре, выполняющей свои профессиональные обязанности не на высоком уровне, замеченной в коррупционных действиях и т. п.: в статье под заголовком **«Прокурорша под колпаком у ФСБ»** речь идет о женщине-прокуроре, сотрудничающей с преступниками⁶.

В русском языке последних лет выявляется тенденция выражать женщине неодобрительное отношение с помощью названия ее словом женского рода, обозначающим профессию. Это отмечается для разных сфер профессиональной деятельности, юриспруденция здесь не исключение.

Если же речь идет о женщинах – достойных представителях профессии, употребляется уже упомянутая конструкция «женщина + название профессии»: *В современном мире практически не осталось сфер деятельности, где бы женщины не трудились наравне с мужчинами. Никого уже давно не удивляют женщины полицейские, астронавты, капитаны воздушного и водного транспорта. Сегодня женщины работают и в бизнесе, и в политике. Но существует особая категория женщин – **женщины-прокуроры***⁷.

Слова *следователь* и *следовательница* подчиняются тем же закономерностям употребления, что и другие названия юридических профессий. Но *следовательница* в Словаре В. И. Даля, созданном в XIX в., имеет значение не «жена следователя»: **Следователь, следовательница, кто производит, делает судебное следствие, розыск. Ошибка следователя, допущение к присяге прикосновенного лица, портит дело неисправимо**⁸. В современном языке *следовательница* представлено, по нашим наблю-

дениям, в немногих толковых словарях, но в художественной литературе встречается: *Не поддаёшься на провокации этой рыжей **следовательницы**, другие тебя уважают больше, чем её, к тебе прислушиваются, с тобой совещаются.* – Наталья Тимошенко, Дочки-матери, 2022⁹.

Таким образом, наименования женщин-юристов в современном русском языке, прежде всего в его разговорном стиле, подчиняются тем же закономерностям образования и функционирования, что и другие слова, называющие женщин по их профессиональной деятельности.

© Баданина И. В., 2023

¹ https://regforum.ru/posts/3023_ona_zhenschiny_yuristy_glaz_ami_kolleg/ (дата обращения: 14.02.2023).

² *Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005. С. 767.*

³ <https://otvet.mail.ru/question/44924042> (дата обращения: 14.02.2023).

⁴ <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3605558-mozhno-li-zhenschinu-advokata-nazyvat-advokatesoj.html> (дата обращения: 14.02.2023).

⁵ <https://kartaslov.ru/значение-слова/адвокатша> (дата обращения: 14.02.2023).

⁶ https://dzen.ru/a/X5aoCbJhMzKwEG_L (дата обращения: 14.02.2023).

⁷ https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_10/mass-media/news?item=84514541 (дата обращения: 14.02.2023).

⁸ <https://gufo.me/dict/dal/%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 14.02.2023).

⁹ <https://kartaslov.ru/значение-слова/следовательница> (дата обращения: 14.02.2023).

Раздел XIX
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
И ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Н. И. Бююшкина*

А. К. Балдин**

**РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ
НА ОТДЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПАХ**

На протяжении длительного периода исторического развития комплекс знаний о праве, составляющий содержание юридической науки, постоянно развивался и со-

* *Бююшкина Надежда Иосифовна* – заведующий кафедрой судебной и прокурорской деятельности юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор.

** *Балдин Александр Константинович* – доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук.

вершенствовался. Юридическая наука была призвана служить научным ориентиром при решении задач, связанных с государственным и правовым строительством. Учитывая особенности предмета юридической науки, решающее влияние на ее развитие оказывали важнейшие социальные институты – государство и право, в связи с чем механизм познания государственно-правовой материи на конкретном историческом этапе формировался под воздействием политической среды. Объективный процесс эволюции юридического научного знания детерминирован, в том числе, практическими потребностями Российского государства в подготовке специалистов – юристов в учебных заведениях.

По справедливому убеждению С. Н. Овчинникова¹, обозначить начальный момент истории юридической науки и определить дату её возникновения не представляется возможным, но общеизвестно, что попытки выделить юриспруденцию в самостоятельный предмет обучения предпринимались еще в XVII в. Так, в первом высшем учебном заведении России – Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1687 г., предписывалось преподавание «учения правосудия духовного и мирского»². Формирование элементов отечественной юридической науки и юридического образования, развивавшихся одновременно, связывают с именем императора Петра I, который своими волевыми актами заложил фундамент будущего академического образования.

Образовательные проекты императора – реформатора принесли свои плоды и в 1725 г. в Петербурге торжественно открылась Академия наук, в структуре которой предусматривалось создание кафедры правоведения. С этого момента в России началась история юридического университетского образования, поскольку в Академиче-

ском университете, созданном при Академии наук, преподавалась юриспруденция.

Следующим важнейшим этапом в развитии университетского юридического образования необходимо рассматривать открытие в 1755 г. по инициативе и по проекту М. В. Ломоносова Императорского Московского университета и юридического факультета в его структуре. В этом же году в Московском университете впервые прочитаны лекции по праву. В период правления императрицы Екатерины II особое внимание уделялось юридическому образованию дворян, знание права предполагалось как обязательный элемент дворянского образования. В связи с этим в 1778 г. при Московском университете учрежден Благородный пансион, в котором читали лекции университетские профессора права. С формированием университета в России начала складываться образовательная архитектура, сочетающая научные исследования и образовательную деятельность. Об университете сложилось представление как об институте, «функция которого состоит не только в передаче знаний, но и в их генерировании»³.

В дальнейшем процесс создания университетов в Российской империи значительно интенсифицировался. Царствование Александра I отмечено созданием новых университетов, являвшихся центрами развития гуманитарных научных знаний – Дерптского, Харьковского, Казанского, Варшавского, Санкт-Петербургского.

Реформаторская и кодификационная деятельность М. М. Сперанского в определенной степени способствовала и систематизации научного знания о праве. Приобретение правовой средой системности, по мнению профессора М. А. Кожевиной, явилось условием зарождения отечественной юридической науки, которая появилась «не

ранее конца XVIII в., а скорее всего – к середине XIX столетия»⁴.

Несмотря на то, что в последующие периоды развития юридического образования в России был определен иной идеологический вектор, вместе с тем ряд основных принципов, заложенных в рассматриваемых исторических отрезках, сохранился и получил дальнейшее воплощение с учетом новых реалий, вызовов и условий. Профессионализм профессорско-преподавательского состава, нацеленность на служение своему Отечеству, патриотические начала профессиональной деятельности, защитительные идеи, практикоориентированный подход носят непреходящий характер.

© Биюшкина Н. И., Балдин А. К., 2023

¹ Овчинников С. Н. История юридической науки: к методологии исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 113.

² Степанова И. А. Правовое просвещение в России в XVIII в // Педагогическое образование. 2007. № 1. С. 133.

³ Чарная И. В. Российские реалии гуманитарной университетской науки в контексте Болонского процесса // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 20.

⁴ Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. Омск, 2013. С. 8.

С. Н. Жаров*

ИЗУЧЕНИЕ ОСНОВ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ КАДЕТАМИ СУХОПУТНОГО ШЛЯХЕТНОГО КОРПУСА

Обучение в Сухопутном шляхетном корпусе в начальный период его существования рассматривалось российскими монархами как подготовка резерва государственных служащих, причем не только в военную, но и в статскую службу. Эта идея была великолепно сформулирована первым директором Корпуса И. Л. Люберасом фон Поттом в рапорте на имя императрицы Анны Иоанновны: «Понеже не каждого человека природа к воинскому склонна, тако же и в государстве нужно политическое и гражданское обучение того ради иметь при том учителей чужеземных языков, истории, географии, юриспруденции, танцования, музыки и прочих полезных наук, дабы видя природную склонность, потому бы и к учению определить»¹. Поэтому в программу обучения были включены множество учебных дисциплин, повышавших общую образованность и культуру, а также и специальных, в том числе 19 общеобразовательных, 3 специальные дисциплины и 9 художеств. Среди них – «полицейская и государственной экономии науки, ... право естественное, всенародное и прочие гражданские науки»².

* *Жаров Сергей Николаевич* – профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института права Челябинского государственного университета; профессор кафедры публичного и уголовного права Российского нового университета (Челябинск), доктор юридических наук, доцент.

Кроме учебных занятий, кадеты занимались самообразованием, чему весьма способствовала библиотека Корпуса, предназначенная, согласно высочайше утвержденному 1 сентября 1788 г. Уставу, «не токмо для употребления кадетам», но доступная офицерам, преподавателям и служителям Корпуса. Здесь имелись произведения выдающихся авторов французского Просвещения Дидро, Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Руссо и других³. Кроме французских просветителей, имелись и первые переводные на русский язык книги Пуффендорфа «Введение в историю знатнейших европейских государств»⁴, исторические сочинения Ш. Роллена. Среди изданных в России переводных изданий привлекают внимание книги, посвященные вопросам воспитания и морали. Переведенная В. К. Тредиаковским книга Фенелона «Истинная политика знатных и благородных особ» рекомендовала этим особам быть добрыми, повиноваться законам гражданским, быть преданными только государю, а не вельможам, и пр. Книга испанского автора Б. Грациан-и-Моралеса «Придворный человек» была переведена С. С. Волчковым и содержала ряд афоризмов, составивших в комплексе кодекс чести. Среди них имелись и политические, например: «Государь. С государями надобно смело, однако ж с почтением говорить. Государь иначе любим быть не может, ежели подданных своих не любит»⁵.

Результаты воспитательного воздействия подобной литературы можно выявить, изучая такие интересные источники, как рукописные журналы, выпускавшиеся кадетами по инициативе директора Корпуса в 1787–1794 гг., графа Ф. Е. Ангальта. Особенно интересен в этом плане журнал «Плоды счения господ кадетов» (1790–1794 гг.), в котором кадеты записывали наиболее понравившиеся им

цитаты из прочитанных книг или сформированные на основе прочитанного мысли и убеждения.

В частности, кадет Маловиневский писал: «Послушание и повиновение суть первые должности человека, хотящего исправить свою должность. Тот, кто хочет повелевать, должен знать повиноваться, и чтобы требовать повиновения, должен сам быть первым»⁶. О законах кадеты высказывались так: «Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам» (кадет Монахтин); «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все были подвержены тем же законам» (кадет Лопотов); «Законы можно назвать способами, коими люди сохраняются в обществе, и без которых общество бы разрушилось» (кадет Сквердин)⁷.

Подобный образ мыслей вполне мог приветствоваться в годы правления Екатерины II, и даже в «дней Александровых прекрасное начало», но в дальнейшем стал вызывать сомнения у руководства страны. Уже во второй половине царствования императора Александра I о всесторонней подготовке кадетов речь не шла, их готовили исключительно к военной службе, а шпицрутены и карцер стали основным средством воспитания. Крайне неудовлетворенный образом мыслей кадетов великий князь Константин Павлович 9 июня 1822 г. издал приказ «О недопущении, дабы в учебные заведения мог вкрасться дух якобинизма и вольнодумства»⁸. Но было уже поздно, выросшие в условиях пропаганды естественно-правовых идей несколько поколений кадетов вошли в ряды декабристов. А самым первым примером «вольнодумства и якобинизма» стал отличник учебы и личный паж Екатерины II А. Н. Радищев.

© Жаров С. Н., 2023

-
- ¹ *Мельницкий Н. Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1857. С. 14.
- ² *Бенда В. Н.* Совершенствование учебно-воспитательного процесса в сухопутном шляхетном корпусе (СШКК) во второй половине XVIII в. // Вестник КГУ. 2020. № 4. С. 19.
- ³ *Бондаренко М. А.* Библиотеки военно-учебных заведений XVIII – начала XX в. и их роль в формировании офицеров русской армии // Библиосфера. 2012. № 3. С. 18.
- ⁴ *Пуффендорф С.* Введение в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими рассуждениями. СПб., 1767.
- ⁵ *Баренбаум И. Е.* Издание французской переводной книги в России во второй четверти XVIII в. // Книга в России до середины XIX века / Под ред. А. А. Сидорова и С. П. Луппова. Л., 1978. С. 87–90.
- ⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1057. Плоды счисления господ кадетов. 3 возраст. 1790. Л. 4.
- ⁷ Там же. Л. 71–72 об.
- ⁸ *Аурова Н. Н.* Кадетские корпуса в системе дворянского образования и культурной жизни России: конец XVIII – первая половина XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 58.

К. Л. Яковлев*

**К ВОПРОСУ О РОЛИ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
И МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Важнейшей особенностью социально-экономического развития России первой половины XIX в. являлся усиливающийся процесс разложения феодально-крепостнического строя. К 1830-м – 1850-м годам противоречия между старыми феодальными производственными отношениями и быстро развивающимся капиталистическим укладом в промышленности, а отчасти и в сельском хозяйстве, приводили к конфликтной ситуации.

Развитие государственного аппарата Российской империи в первой половине XIX в. отражает процесс поиска оптимальной модели управления в условиях изменения социально-экономических условий существования государства. В этой связи одной из задач органов центрального отраслевого управления становится подготовка квалифицированных кадров для обеспечения вверенных сфер государственного управления. Следует отметить, что в исследуемый период вопрос об уровне подготовки стоял остро как на периферии, так и в центре. По мнению П. А. Зайончковского, уровень образования всего чинов-

* *Яковлев Константин Леонидович* – профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации (Москва), доктор юридических наук, профессор.

ничьего корпуса в начале XIX в. «был крайне низким, что прежде всего являлось следствием отсутствия сети учебных заведений. Только в 1804 г. была создана единая система высших, средних и низших учебных заведений: университеты, губернские гимназии и уездные училища. Основным видом образования было домашнее, весьма разнообразное, в большинстве своем сводящееся к знанию грамматики и четырех правил арифметики»¹.

Стремясь изменить столь плачевное состояние уровня подготовки должностных лиц государственного аппарата, Александр I 24 января 1803 г. издал указ «Об устройстве училищ», в котором, в частности, говорилось: «Ни в какой губернии спустя пять лет... никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»². Однако это не оказало никакого влияния на существующее положение дел: созданные университеты и губернские училища пустовали. В результате появился Указ от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники»³, который, по словам современников, вызвал ужас у чиновников и лютую ненависть к М. М. Сперанскому. Этим документом устанавливался новый порядок производства в гражданские чины коллежского асессора (8-й класс) и статского советника (5-й класс). Эти чины приобретались не только заслугами, но и простой выслугой лет. Вводимый указ запрещал производство в эти чины служащих, не имевших свидетельства об окончании курса в одном из российских университетов или не сдавших экзамена в университете по программе, прилагаемой к указу. В соответствии с этой программой от кандидатов на чин коллежского асессора или статского

советника требовались знания русского языка и одного из иностранных, государственной «экономии» и статистики, гражданского и уголовного права, отечественной истории и основ всеобщей истории. Соискатель также должен был обладать познаниями в географии и даже в математике и физике⁴. Законом об экзаменах на чин были недовольны и широкие круги дворянства⁵. Но, несмотря на это, в царствование Александра указ этот отменен не был, хотя приведенные выше данные позволяют считать, что особой пользы он не принес.

Еще с конца XVIII в. на генерал-прокуроре, который с 1802 г. занимал и должность министра юстиции, лежала обязанность по руководству Юнкерской школой, учрежденной 14 января 1797 г.⁶ Эта школа готовила чиновников для Сената. Экзамены у юнкеров обычно принимали сами генерал-прокуроры – вначале П. В. Лопухин, впоследствии А. А. Беклешов и Г. Р. Державин. В более поздний период, под «главным начальством» министра юстиции состояли образовательные учреждения, входящие в ведомство Министерства юстиции: Императорское Училище правоведения⁷, Константиновский межевой институт⁸ и землемерные училища. Он назначал их директоров, утверждал в должности преподавателей училищ, утверждал учебные программы, правила проведения экзаменов, размер оплаты за обучение⁹.

В связи с тем, что Министерство внутренних дел в рассматриваемый период руководило самыми разными центральными и местными учреждениями, вопрос подготовки кадров также являлся весьма актуальным. Особо следуют отметить эту деятельность по подготовке медицинских и ветеринарных кадров. В изучаемый период наблюдалась нехватка медицинских кадров, и Министерство внутренних дел проводило политику развития меди-

цинских образовательных учреждений и введения различных льгот для определяющихся на медицинскую службу. Все возрастающая потребность во врачах в связи с войной привела к увеличению числа слушателей Медико-хирургической академии (до 400 в 1807 г. вместо прежних 280). Выпускник Академии после прохождения годовой стажировки в одном из госпиталей должен был прослужить 6 лет в военном ведомстве или 10 лет на гражданской службе¹⁰.

В Медико-хирургическую академию в 1805 г. было принято 30 студентов, которые по окончании обучения должны были стать преподавателями медицины в духовных училищах¹¹. Кроме того, в 1809 г. 120 воспитанников духовных училищ были приняты в Медико-хирургическую академию для продолжения обучения. При отборе кандидатов, который проводился местными врачебными управами, учитывались «знания в латинском языке и словесных науках, а также и нравственность их поведения»¹². Это позволило иметь среди приходских священников людей, сведущих в медицине, которые параллельно со своими основными обязанностями могли следить за здоровьем прихожан.

В 1808 г. был высочайше утвержден новый Устав Медико-хирургической академии, в соответствии с которым число слушателей достигло 720. «По принадлежности медицинской части к Департаменту внутренних дел, – говорится в уставе, – Медико-хирургическая академия состоит под главным начальством министра внутренних дел и имеет особого президента»¹³.

Кроме расширения подготовки специалистов в Медико-хирургической академии, экспедицией департамента внутренних дел в апреле 1808 г. были подготовлены правила аттестации иностранных медиков, поступающих на

российскую службу¹⁴. Иностранцы должны были сдать необходимые экзамены в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. От экзаменов освобождались профессора и врачи, руководившие госпиталями и имевшие соответствующие свидетельства. По результатам этих экзаменов врачи разделялись на классы в соответствии с их квалификацией. «Первый класс будет заключать в себе таких, которые, обнимая всю врачебную науку, были бы способны к занятию важнейших медицинских должностей по военной и гражданской части». Такой врач получал чин 8-го класса по Табели о рангах и годовое жалование 1000–1200 руб. «2-й класс заключает в себе тех врачей, которые, не имея надлежащих познаний в практической хирургии, отличаются в прочем основательными знаниями других частей врачебной науки, и могут также занимать высшие места». Их производили в чин 9-го класса с жалованием 800–1000 руб. годовых. «3-й класс состоит из врачей, которым хотя и не достают некоторые сведения опытности, при всем однако под руководством старших врачей и хирургов могут быть полезны». Таких производили в чин 12-го класса с окладом 300–500 руб.¹⁵

Однако выписанные из чужих краев врачи не всегда соответствовали предъявляемым к ним требованиям. По состоянию на 30 октября 1808 г., из 121 врача, приглашенных в российскую службу, в Санкт-Петербург явилось 70, из которых только 13 сдали экзамены и были отправлены к местам службы (из них один врач 1-го класса и по шесть врачей 2-го и 3-го классов). Из числа остальных 25 были определены для доучивания в Медико-хирургическую академию, а остальные отправлены обратно¹⁶. К декабрю число оставленных на доучивание приблизилось к 60. После этого министром внутренних дел

была дано указание не вызывать впредь в Россию врачей 3-го класса, а имеющихся кандидатов, не удостоившихся по результатам экзаменов «независимой врачебной практики», отправить для усовершенствования в медицине в Дерптский университет, где читались лекции на немецком языке и процесс обучения должен был проходить быстрее¹⁷.

В связи с нехваткой ветеринарных врачей в армии и сельском хозяйстве еще в августе 1803 г. был утвержден план создания сети «скотоврачебных» училищ для подготовки ветеринаров для армии и гражданской службы. В соответствии с этим планом такие училища должны были быть открыты в Санкт-Петербурге, Москве и Лубнах¹⁸. Для изучения ветеринарного искусства за границу были отправлены профессор И. Д. Книгин и шесть кандидатов медицины¹⁹, которые возвратились в 1807 г. После их возвращения решено было открыть Ветеринарное училище в Санкт-Петербурге, пока в качестве опыта, что и было сделано 31 декабря 1807 г. Для обучения в нем приглашены воспитанники Медико-хирургической академии, и было разрешено поступление в него людям всех свободных состояний²⁰. В 1808 г. началось обучение на ветеринарных отделениях при Петербургской и Московской Медико-хирургических академиях.

Дальнейшее развитие системы подготовки кадров ветеринарных специалистов относится ко второй трети XIX в., когда начинается их подготовка также в трех ветеринарных школах – Варшавской, Юрьевской (Дерптской) и Харьковской. Варшавская ветеринарная школа была организована в 1840 г. с двухгодичным сроком обучения. В 1846 г. срок обучения продлили до трех лет, а в 1858 г. установили четырехлетний срок обучения и выпускникам присуждали степень ветеринарного врача.

Юрьевская (Дерптская) ветеринарная школа была организована в 1849 г. Из нее выпускали ветеринарных специалистов с двухгодичной и четырехгодичной подготовкой. Харьковская ветеринарная школа была организована в 1852 г. Но еще до этого при медицинском факультете Харьковского университета функционировала кафедра скотолечения. Ее объединили с организованной ветеринарной школой. Харьковская ветеринарная школа готовила более квалифицированных специалистов, по сравнению с другими ветеринарными школами.

В конце 20-х годов XIX в. под руководством Министерства внутренних дел начинает создаваться ведомственная система учебных заведений для подготовки квалифицированных чиновников – училища детей канцелярских служащих. Первое такое училище было создано в Рязани в 1825 г. для обучения 35 детей бедных дворян за счет средств местного дворянства. В 1828 г. был издан Устав училищ для детей канцелярских служащих, на основании которого они были открыты в Костроме (1828), Орле, Вятке, Перми, Нижнем Новгороде (1829), Смоленске, Петрозаводске (1830), Воронеже, Херсоне (1832), Астрахани, Архангельске (1833), в которых обучалось 545 воспитанников²¹. Устав устанавливал три основные цели создания этих учебных заведений:

«1) Оказать пособие недостаточным приказным служащим или семействам их в воспитании детей.

2) Доставить сим детям приличное воспитание.

3) Образовать людей, способных к должностям канцелярским и вообще к гражданской службе»²².

Позднее эти училища были переданы в ведение приказов общественного призрения. К 1855 г. насчитывалось уже 15 таких училищ, в которых обучалось 826 человек (при комплекте 725 мест)²³. С помощью данных учебных

заведений Министерство обеспечивало приток в чиновничью среду квалифицированных кадров из числа обедневших представителей дворянского сословия.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на существование в исследуемый период специального органа центрального отраслевого управления в сфере образования, вопросы подготовки кадров решались и иными министерствами, о чем свидетельствуют рассмотренные в данной статье примеры. Таким образом, в первой половине XIX в., наряду с развитием системы общего и университетского образования, развивается и система ведомственного образования.

© Яковлев К. А., 2023

¹ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 29.

² Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е] (далее – ПСЗ-1). Т. XXVII. № 20597. Ст. 24.

³ ПСЗ-1. Т. XXX. № 23771.

⁴ Там же.

⁵ *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1904. С. 260, 306.

⁶ ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17733.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-2). Т. X. Отд. 1. № 8185.

⁸ ПСЗ-2. Т. X. Отд. 1. № 8121.

⁹ ПСЗ-2. Т. XLIX. Отд. I. № 53624.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. XXX. № 22974.

¹¹ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21978.

¹² Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 433. Оп. 1. Д. 51. Л. 5, 6, 7.

¹³ ПСЗ-1. Т. XXX. № 23185.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. XXX. № 22974.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ПСЗ-1. Т. XXX. № 23322.

¹⁷ ПСЗ-1. Т. XXX. № 23404.

¹⁸ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20912.

¹⁹ *Отчет* МВД за 1803 г. // Санкт-Петербургский журнал.

1804. Ч. 1. Кн. 2. С. 138.

²⁰ ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22733.

²¹ *Извлечение* из отчета министра внутренних дел за 1833 г. СПб., 1834. С. 98.

²² ПСЗ-2. Т. III. № 1814.

²³ *Извлечение* из всеподданнейшего отчета министра внутренних дел за 1855 г. СПб., 1857. С. 95.

Т. И. Еремина*

НАГРАЖДЕНИЕ ОРДЕНАМИ – ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ СЛУЖЕБНОЙ КАРЬЕРЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Для служебной карьеры профессорско-преподавательского корпуса университетов как государственных гражданских служащих немаловажное значение имели государственные награды. Помимо повышения в чинах и получения почётных званий преподаватели жаловались орденами, медалями и наградными знаками. Российская орденская система начинается с 1689 г., когда Петр I учредил орден Святого Андрея Первозванного и окончательно оформляется в первой трети XIX в. Перечень орденов и условия награждения ими определялся правилами «Учреждения орденов и других знаков отличия» (Свод законов Российской империи. Т. 1). Не имевшие статуса государственного служащего могли получать ордена в порядке постепенности, по орденской иерархии, но не выше ордена Святого Владимира третьей степени¹.

Награждение орденами стало важным компонентом успешной служебной карьеры с начала 40-х годов XIX в. В 1874 г. в основу наградной системы было положено отношение общего числа служащих в конкретном ведомстве к выделяемому ежегодно количеству наград. В целом по

* *Еремина Татьяна Ивановна* – доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

стране соотношение числа награжденных и числа служащих составляло 1 : 20². Для наград за отличие были установлены общие правила, по которым устанавливался срок: одна за другой награды за отличие могли быть пожалованы не ранее чем через три года. Для ежегодного числа наград устанавливалась норма, различная для каждого ведомства.

Существовали специальные наградные нормы, которые не для всех чинов были одинаковы и в этом отношении лица, находящиеся на государственной службе по ведомству министерства народного просвещения, делились на три категории. В первую категорию включали лиц учёно-учебной службы в учёных учреждениях и высших и средних учебных заведениях. Причем, из учителей приготовительных классов средних учебных заведений в эту категорию вносили только тех, кто получил высшее образование. Во вторую категорию включали лиц учебной службы, служащих в низших учебных заведениях, учителей приготовительных классов средних учебных заведений, не получивших высшего образования, а также директоров и инспекторов народных училищ. В третью категорию включали лиц, не пользующихся правами учебной службы (почетные попечители, почетные смотрители, делопроизводители и другие). Лица, служащие по найму (не утвержденные в занимаемых должностях) в эти списки не включались. По каждой из трех категорий награды определялись соответственно в пропорции: одна награда на восемь человек; одна награда на двадцать человек; одна награда на сорок человек.

Представления в Министерство на награды за служебные отличия от каждого учебного округа должны были поступать ежегодно не позднее первого сентября. В законодательстве о государственной гражданской службе под-

черкивалось, что начальства не должны «испрашивать наград без истинных заслуг и достоинств» и иметь ввиду, что «одна выслуга соответствующих для конкретных наград сроков и прямое исполнение служебных обязанностей, по долгу присяги, не составляя особенного отличия не могут служить основанием ходатайства о награде»³. В случаях должностных или уголовных преступлений многие правительственные награды, в частности чины, ордена отнимались по судебному приговору, как и право на вознаграждение, приобрести которое вновь можно было лишь вновь отличившись по службе.

Обладание орденами было не редким явлением в профессорско-преподавательской среде. Награждение представителей «ученого сословия» в годы управления Министерством народного просвещения А. В. Головниным стало не эпизодическим, а частым явлением. Ежегодно по учебному ведомству награждалось 150 человек из 4450 служащих, среди них было немало и профессоров⁴. Из 500 штатных профессоров и преподавателей, служивших в отечественных университетах в 1887/88 учебном году, те или иные ордена имелись у 399 человек⁵. В послужных списках профессоров университетов представлены награды в виде орденов Святого Владимира, Святой Анны (различных степеней)⁶, а также орденов Святого Александра Невского (одностепенного), Белого Орла (одностепенного), Святого Станислава (различных степеней)⁷. До середины XIX в. пожалование любым орденом сопровождалось возведением в потомственное дворянство (что было немало важно для преподавателей университетов, в большинстве своем выходцев из недворянских сословий). С 1845 г. награждение третьей степенью ордена Святой Анны стало давать только личное дворянство, как и изменившийся статут двух низших степеней ордена Святого Станислава.

В 1859 г. изменился и статут Знака отличия беспорочной службы (учрежденного в 1827 г.) за 15 и более лет (по пятилетиям) нахождения в классных чинах, который теперь присваивался за выслугу не менее 40 лет. До 1859 г. получение Знака было условием награждения очередным орденом. Возможность получения ордена связывалась с классом чина награждаемого, хотя ордена и не были формально приравнены к классам Табели о рангах. С 1856 г. потомственное дворянство давало награждение орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени. С 1900 г. – награждение орденом Владимира 3-й степени. Орден могли получить чиновники не ниже V класса⁸. О награждении отличившихся преподавателей ректор университета по уставу 1863 г. ходатайствовал через попечителя, в Уставе 1884 г. попечитель в этой процедуре уже не упоминается, ходатайства о награждении служащих в университет лиц «восходят к начальству от ректора».

Большинство университетских профессоров одновременно несли службу в различных учебных заведениях, что позволяло улучшить им свое материальное положение и ускоряло процесс получения наград, так как награды присуждались по Министерству народного просвещения, а не по отдельному учебному заведению⁹. Гражданские служащие различных учреждений в губерниях награждались орденами при условии, что они имеют должность и чин не ниже 10 класса. Исключение из этого правила допускалось для служащих по учёной и учебной части. Они могли иметь чин не ниже девятого класса, независимо от занимаемой должности¹⁰. Получение каждого ордена и степени предоставляло награжденному определённые права и привилегии, повышение его социального статуса, в частности, возведение в потомственное дворянство. Как

отмечает в своем исследовании Л. Е. Шепелев, до начала XX в. дворянство легче было получить по ордену, а не по чину. В период с 1882 г. по 1896 г. 72 % лиц было утверждено в правах потомственного дворянства по ордену и только 28 % – по чину¹¹. Награждение орденом давало возможность преподавателям университетов иметь соответствующие преимущества по службе, способствовало улучшению их материального положения, укрепляло их статус как внутри своего сословия, так и в обществе в целом.

© Еремина Т. И., 2023

¹ Хитров А. А. Награды за благотворительную деятельность в императорской России (на примере благотворительных ведомств под покровительством дома Романовых) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 12. С. 8.

² Зубов В. Е. Кризис наградной системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23(161). С. 14.

³ Свод законов Российской империи. Т. 3. Кн. 1. СПб., 1896. Ст. 667.

⁴ Перфилова Т. Б. «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов Императорских университетов. Ярославль, 2014. С. 229.

⁵ Грибовский М. В. Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1. С. 77.

⁶ Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 1. Д. 205. Л. 10 об, 32. 35–36, 40, 65.

⁷ Вязьмитинов М. Н. Система материального обеспечения и поощрения преподавателей и учителей в образовательных учреждениях императорской России // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2017. № 2(78). С. 11.

⁸ *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 199, 210, 211.

⁹ *Захарко К. И.* Чины и награды в карьере российского профессора (первая половина XIX в.) // Академик А. С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: Сборник статей / Отв. ред. В. В. Козловский, А. В. Малинов. СПб., 2019. С. 516.

¹⁰ *Вязьмитинов М. Н.* Система материального обеспечения и поощрения преподавателей и учителей в образовательных учреждениях императорской России. С. 11.

¹¹ *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С. 348.

*А. А. Кальсина**

**ОБ УСТРОЙСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
В ИНОСТРАННЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ
(ЗАМЕТКИ М. А. БАЛУГЬЯНСКОГО
В «ЖУРНАЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ» 1834 ГОДА)**

По мнению исследователя А. Ю. Андреева, в 1820-х годах выявился кризис российской университетской системы, который выражался в недостатке отечественных кадров высокого уровня. Об этом писал в записке императору Александру I, профессор Дерптского университета Г. Ф. Паррот. Изменения в жизни университетов произошли на рубеже 1820-х – 1830-х годов. Император Николай I разрешил массовые стажировки университетской профессуры за границей, благодаря этому, фактически появилось новое поколение университетских ученых, приобщившихся к идеям классического университета¹. Помимо стажировок широко использовался и зарубежный опыт организации университетского дела. Популяризировал этот опыт «Журнал Министерства народного просвещения».

В 1834 г. интересную статью опубликовал правовед М. А. Балугьянский, фигура известная в отечественном правоведении тем, что в 1813–1817 гг. он преподавал

* *Кальсина Алла Алексеевна* – доцент кафедры теории и практики управления Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент.

естественное, публичное и народное право великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. В 1826 г. М. А. Балугьянский был назначен начальником Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где вместе с М. М. Сперанским руководил работой по изданию Полного собрания и Свода законов Российской империи. А с 1828 г. он контролировал подготовку молодых русских юристов в Берлинском университете и по возвращению из Берлина совместно с Министерством народного просвещения руководил их аттестацией и распределением в университеты Российской империи. Данная программа была разработана М. М. Сперанским, и как исполнитель программы подготовки, М. А. Балугьянский продолжал поддерживать связи с Берлинским университетом и в последующие годы².

В своей статье в «Журнале Министерства народного просвещения» М. А. Балугьянский разъясняет особенности устройства «классического» германского университета в сравнении с противоположной государственной моделью, австрийских университетов, на примере юридических факультетов. Он четко разграничивает два типа университетов Европы. К первому типу он относит университеты Северной Германии, где господствует «свобода преподавания» и «свобода слушания» лекций, и второй тип, австрийские и французские университеты, где процесс преподавания и слушания лекций определен законом и четко регламентирован. Различия между ними существуют по количеству предметов, числу преподавателей, системе преподавания, и особенностях обучения студентов.

Так, на юридических факультетах немецких городов – Берлина, Бонна, Гейдельберга, Тюбингена и Вирцбурга постоянными предметами были: «Энциклопедия прав общих и особенно германских», «Естественное право» или

«Философия права», либо «Право публичное» и «Право народное», «Право римское» в рамках которого изучались история римского права с древнейших времен и до Юстиниана, институты Юстиниановы и древности римского права, пандекты – исторические сборники извлечений из сочинений древнеримских юристов, являвшиеся в древности справочниками по вопросам права, «Право наследства». В рамках римского права изучались вопросы об опеке и попечительстве, о закладе и залоге, об устройстве судебных мест в Риме, что свидетельствует о высоком уровне профессуры немецких университетов³.

Кроме того, в университетах Северной Германии изучалось каноническое право католиков и протестантов, а в Бонне, профессор Валшер преподавал Право церковной Восточной и Греко-Российской церкви. Особенно подробно изучались студентами дисциплины «Германское право», «Публичное право бывшей империи» и «Частное право разных областей Германии». Уголовное право и судопроизводство читали в каждом германском университете. Как пишет М. А. Балугьянский, «Examinatoria, Disputatoria, Exercitia practica» в германских университетах осуществлялись в основном, доцентами. Университеты готовили судей и адвокатов. Помимо названных курсов, студентам в германских университетах преподавались Конституции европейских и американских государств, можно было послушать лекции в рамках Камеральных наук, камералистикой обозначались знания, необходимые для управления государственными имуществами, соответственно, это были такие дисциплины, как «Политическая экономия» и «Финансы»⁴.

Преподаватели германских университетов имели следующие звания: ординарных, экстраординарных профессоров и доцентов. Работая на юридических факультетах

первые получали жалование от Университета, у остальных твердых окладов не было, и они получали, так называемый гонорар от слушателей, по 1 или 2 луидора за лекцию. Считалось, что таким образом сокращаются издержки казны, а между преподавателями существовала своего рода конкуренция, по привлечению на свои лекции студентов. Соответственно, зарабатывал больше тот, кто привлекал больше студентов. И количество таких преподавателей было довольно большим: в Геттингенском университете в 1831 г. лекции читали 24 преподавателя⁵.

В системе свободного преподавания, которое утвердилось в германских университетах, каждый преподаватель сам определял читаемую им дисциплину, сам готовил руководство к нему (в нашем понимании, учебник). Такие руководства в изобилии продавались на ежегодной Лейпцигской ярмарке и были весьма востребованы. Студенты посещали лекции по желанию и экзаменов не производилось, профессор делал лишь пометку: такой-то студент посещал лекции с прилежанием. Экзамен сдавали лишь те, кто желал получить ученую степень. В отношении остальных студентов испытания проводились при приеме на службу. Обучение на юридических факультетах осуществлялось в течение 6 семестров⁶.

Вместе с тем, поступить в университет было довольно сложно. Соискатели студенческого звания должны были иметь за плечами курс гимназии и сдать сложные экзамены по философии, истории и филологии, без этих экзаменов в университет никто не принимался.

В австрийских университетах, как отмечает М. А. Балугьянский, подходы к преподаванию юридических дисциплин были несколько иные. В частности, все предметы, лекции и занятия четко регламентировались законом, и юридические науки преподавались не в чистом виде, а

были скорее политико-юридической направленности, в качестве примера приведем дисциплины, изучаемые в старейшем Пражском университете. На юридическом факультете Пражского университета изучались: энциклопедия, естественное, частное, государственное и народное право, история и теория римского права, но в усеченном виде; каноническое право на примере Австрийской монархии, ленное право, австрийское частное право, коммерческое и вексельное право, горное право, уголовное право. Среди политических наук: полиция или полицейстика (наука изучающая деятельность по охране публичного и общественного порядка, личных и имущественных благ (полицейская власть проявлялась в надзоре, профилактических мероприятиях и полицейской юрисдикции); политическая экономия и финансы, статистика общая, европейская и австрийская, административные законы, государственная бухгалтерия; словесность гражданская, то есть, производство дел в правительственных местах⁷.

В Пражском университете столь разнообразные дисциплины преподавали всего 8 профессоров, прикрепленных к одной кафедре. Отбор профессуры происходил путем конкурса. Конкурс состоял из словесного испытания, письменного (вопросы для этого конкурса готовились в закрытой комнате и носили конфиденциальный характер), а также публичной пробной лекции в присутствии всего факультета. Избранный профессор утверждался в звании Главой государства. Что касается оплаты, в отличие от профессуры германских университетов, труд которых оплачивался с помощью гонораров. В австрийских университетах *honoraria* были строго запрещены. Жалование профессора Венского университета составляло 3–4 тыс. серебряных гульденов. Кроме работы в университете профессора юридического факультета работали в Апел-

ляционной палате, либо в Губернском правлении (со слов М. А. Балугьянского) и, соответственно, также получали жалование, в соответствии с чином⁸.

Австрийский профессор не мог выбирать читаемую дисциплину по желанию, как и не мог самостоятельно писать руководство к ней, он читал по определенному учебнику, в определенные часы и дни, а студенты сдавали обязательный экзамен. В австрийских университетах первые два года все студенты учили философские дисциплины, такие как логика, метафизика, нравственная философия, религия, Кроме того, классическую литературу, латинскую и греческую, общую историю, математику и физику, а далее шла специализация по факультетам, так, обучение на Юридическом факультете продолжалась еще 4 года. Одной из форм итоговой аттестации, кроме экзамена были публичные диспуты, которые проходили в торжественной обстановке, для наиболее одаренных студентов. К диспуту студенты готовили тезисы по всем пройденным дисциплинам и отвечали на вопросы профессуры. Цель таких диспутов – поощрение лучших студентов⁹.

Статья М. А. Балугьянского, помещенная в официальном издании Министерства народного просвещения, способствовала популяризации юридической профессии и давала возможность оценки эффективности подготовки будущих юристов в Российской империи.

© Кальсина А. А., 2023

¹ Андреев А. Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX века) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы. XVIII – начала XX века. М., 2009. С. 20.

² Балугьянский М. А. Устройство юридических факультетов в разных иностранных университетах, особенно в Германии //

Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология: Учебное пособие для вузов / Сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М., 2011. С. 128.

³ *Балугьянский М. А.* Устройство юридических факультетов в разных иностранных университетах, и в особенности в Германии // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 8. С. 317.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Там же. С. 321.

⁶ Там же. С. 328.

⁷ Там же. С. 332.

⁸ Там же. С. 334.

⁹ Там же. С. 340.

В. С. Павлов*

МЕСТО ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА ПРАВОВЕДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ (1835–1918)

В первой трети XIX в. в России было уже восемь императорских университетов с юридическими факультетами: Московский (с 1755 г.), Дерптский (с 1802 г.), Виленский (1803–1831 гг.), Казанский (с 1804 г.), Санкт-Петербургский (с 1819 г.), университет святого Владимира (Киевский) (с 1834 г.), Харьковский (с 1805 г.), Александровский (Хельсинский) (1827 г.) и три лицея: Императорский Царскосельский (1811 г.), Демидовский (1803 г.) и Нежинский юридический (1840 г.). Однако работников с юридическим образованием явно не хватало¹, и даже большинство судей не имели юридического образования².

Подготовка, утверждение и введение в силу Свода законов Российской империи (с 1 января 1835 г.) требовали от служащих по Министерству юстиции наличие юридического образования. Главный составитель Полного собрания законов Российской империи в 45 томах и действующего Свода законов в 15 томах М. М. Сперанский стал одним из организаторов специального учебного заведения для подготовки служащих по судебной части.

* *Павлов Валерий Семенович* – доцент кафедры правоведения юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Важную инициативу в этом проявил племянник Николая I – принц П. Г. Ольденбургский, взявший на себя все финансовые и организационные вопросы. 29 мая 1835 г. именным указом Николая I было учреждено Императорское Училище правоведения, устав которого был составлен М. М. Сперанским. Торжественное открытие состоялось 5 декабря 1835 г. По своему статусу Училище было уравнено с Царскосельским лицеем: «императорское Училище правоведения состоит в 1 разряде учебных заведений, и в правах и в преимуществах своих равняется с Царскосельским лицеем».

В Училище ежегодно принималось в среднем около 100 сыновей потомственных дворян от 12 до 17 лет: «Прием воспитанников в сие заведение дозволяется только из сословия древнего потомственного российского дворянства...»³, а обучение продолжалось 6 лет (позже 7 лет). Воспитанники жили на казарменном положении, носили зеленый мундир, треугольную шляпу (а старшекурсники даже шпагу) и готовились к государственной службе по Министерству юстиции.

Лекции воспитанникам читали самые лучшие юристы того времени: И. Е. Андриевский, Э. Н. Брендтс, А. Е. Вормс, А. Д. Градовский, А. Ф. Кони, В. Н. Латкин, Ф. Ф. Мартенс, В. Д. Спасович, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий и др.

В Училище преподавали различные курсы, в числе которых: энциклопедия правоведения, история правоведения, российское законоведение, римское законоведение, практическое судопроизводство, церковное право, гражданское, государственное, уголовное, международное, полицейское право и др. Из неюридических предметов изучались: греческий, латинский и французский языки, философия, политическая экономия, финансы, судеб-

ная медицина, история вероисповеданий, география и др. Благодаря великолепной общегуманитарной подготовке из стен Училища вышли выдающиеся люди своего времени: А. А. Алехин (чемпион мира по шахматам), А. Н. Апухтин (поэт), А. Г. Булыгин (министр внутренних дел), И. Г. Горемыкин (председатель Совета министров Российской империи), А. М. Жемчужников (поэт), Д. Н. Набоков (министр юстиции), К. П. Победоносцев (обер-прокурор Синода), В. В. Стасов (критик), П. И. Чайковский (композитор) и др.

Второй Устав Училища, утвержденный 27 июня 1838 г. именным указом Николая I, содержал в 2 раза больше статей (272 против 135) и был намного консервативнее первого. Так § 3 Устава 1838 г. гласил: «Прием воспитанников в сие заведение дозволяется только из сословия древнего потомственного российского дворянства, внесенного в шестую часть родословной книги, также детей: военных чинов не ниже полковника, а гражданских 5-го класса или статского советника»⁴.

Система управления Училища была следующей: попечитель, директор, инспектор классов, Совет и Хозяйственное правление. Именно попечитель был главной фигурой, председательствовал в Совете Училища и принимал все решения. А директор был членом Совета и вел его заседания только от отсутствия попечителя. Директор Училища правоведения назначался и увольнялся по представлению попечителя через министра юстиции (§ 204) и состоял в 5-м классе по Табели о рангах. Профессора Училища состояли в 7-м классе, адъюнкты и преподаватели – в 8-м; все они избирались Советом Училища и утверждались попечителем. Параграф 114 Устава 1838 г. требовал от профессоров, адъюнктов и преподавателей не только «основательных сведений в науках», но и нравственных досто-

инств, «способности свободно и правильно изъяснять преподаваемый предмет».

За период своего существования Училище подготовило около 2000 высококвалифицированных юристов. Наиболее отличившиеся награждались золотыми и серебряными медалями, а фамилии самых лучших заносились золотыми буквами на мраморную доску (§ 51 Устава). В то же время § 56 Устава 1838 г. допускал применение к нерадивым воспитанникам «исправительного наказания» в виде розог (но применялось оно только в исключительных случаях в трех младших классах).

Несомненно, что вклад Императорского Училища правоведения в историю юридического образования России весьма значителен. Абсолютное большинство выпускников служило по линии Министерства юстиции и оказались в числе активных деятелей Судебной реформы 1864 г., например: В. А. Арцимович, Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский, К. П. Победоносцев и др.

В. В. Стасов, выпускник 1843 г., будущий тайный советник, академик, литератор и критик, считал, что деятельность Училища правоведения имела большое значение для России: «Оно заменило прежнее наше приказное племя полу-византийских сутяг и подьячих на манер Европы образованными, честными, хорошими молодыми юристами и чиновниками»⁵.

В 1918 г. Училище было окончательно закрыто, а в 1925 г. органами ГПУ было сфабриковано «дело лицейстов», главным образом касающееся выпускников Александровского лицея, но арестованы были и выпускники Училища правоведения: М. Н. Фицтум, фон Экстед, А. А. Арнольди, П. Н. Юматов и др. Коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу 26 человек, к различным срокам заключения – 32 человека, а остальных – к различным сро-

кам ссылки в Соловецкий лагерь (А. А. Арнольди). Почти все осужденные по «делу лицейстов» позднее были расстреляны или погибли в лагерях. Реабилитированы 31 января 1994 г.⁶

© Павлов В. С., 2023

¹ См.: *Нижник Н. С.* 1) О профессиональной подготовке юристов в контексте идеологии юридического утилитаризма // *Современные формы и методы обучения праву юристов, государственных и муниципальных служащих: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-методической конференции, Екатеринбург, 01–03 февраля 2005 года / Ответ. ред. С. В. Кодан. Екатеринбург, 2005. С. 33–36. EDN ZAXHXW*; 2) *Отечественная юриспруденция: специфика взаимосвязи структурно-функциональных элементов в контексте выявления тенденций утилитаризма и фундаментализма // Социально-гуманитарные науки и их роль в системе высшего и профессионального образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 22 мая 2007 года / Редкол.: А. Л. Худобородов (науч. ред.), Н. С. Сидоренко (отв. ред.), М. В. Егорова. Челябинск, 2007. С. 9–22. EDN PLUUVS*; 3) *Юриспруденция как комплексный социально-правовой институт: специфика становления и развития в России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / Науч. ред. Н. С. Нижник. Вып. 1. СПб., 2012. С. 5–14. EDN VIVXPV*; 4) *Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы международной научно-практической конференции, г. Новороссийск, 29–30 сентября 2011 года. Новороссийск, 2012. С. 497–506. EDN SRWQAB*; и др.

² *Серов Д. О.* Российские судьи и высшее юридическое образование // *Из жизни вуза. 2013. № 10. С. 77–82.*

³ *Высочайше утвержденный Устав императорского Училища правоведения от 27 июня 1838 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XIII. Отд. 1. № 11363. С. 1000–1017.*

⁴ Там же.

⁵ *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад // [Стасов В. В.] Собрание сочинений В. В. Стасова. 1847–1886. Т. 3. СПб., 1894. Столб. 1589–1590.

⁶ *Телетова Н. К.* «Дело лицеистов» 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 115–131.

*А. Н. Подольская**

**ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
КАК ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА
ПРАВОВЕДЕНИЯ)**

В современных условиях источниковедческого поворота (разворота) в историко-юридических науках¹ важно обратить внимание на соотношение понятий «источник (форма) права» и «источник познания права». Данный вопрос ранее уже оказывался в центре научного дискурса. Так, В. М. Баранов предлагает рассмотреть источник права в трех проекциях: «а) источник права в материальном смысле (развивающиеся общественные отношения); б) источник права в идеальном смысле (правовое сознание); в) источник права в юридическом (формальном) смысле (различные формы (способы) выражения, объективизации правовых норм)»². Профессор С. В. Кодан представляет следующее понимание источника и формы права: «Источниками права являются развивающиеся общественные отношения, условия жизни общества, система экономико-хозяйственных связей, формы собственности как конечная причина возникновения и действия права. Форма права отражает и выступает как продукт деятельности государственной власти по образованию позитивного права и институционализации правовых предписаний,

* *Подольская Анна Несторовна* – ассистент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург).

определения и закрепления последних в отдельных видах и общей конфигурации носителей нормативно-правовой информации»³. В то же самое время, «источник познания права», по предложению С. В. Кодана, – это носитель информации, который позволяет изучать правовые явления и институты⁴.

Следует также согласиться с Н. П. Загоскиным, по мнению которого записки (мемуары) и письма современников являются источниками познания «истории права»⁵. Кроме прочего, такие материалы, нашедшие отражение в отечественной периодике, небезынтересно исследовать, осмысляя традиции подготовки юридических кадров в стране. Согласно Толковому словарю русского языка под редакцией С. И. Ожегова, «периодическими изданиями являются газеты, журналы, ежегодники, выходящие через определенные промежутки времени»⁶. Обратимся к некоторым периодическим изданиям XIX столетия как информативным источникам познания истории юридического образования в Российской империи. Для примера рассмотрим два журнала как источника познания событий, относящихся к Императорскому училищу правоведения: «Журнал Министерства народного просвещения» и «Русская старина».

«Журнал Министерства народного просвещения» – официальное периодическое издание об успехах просвещения в России – издавался с 1834 по 1917 г. Редакция журнала была уверена в том, что «если для каждого человека необходим выход из грубой тьмы невежества и непрерывное дальнейшее движение к свету, то для народов необходимо попечительное участие правительства в образовании. Только правительство имеет все средства знать и высоту успехов всемирного образования, и настоящие нужды Отечества»⁷.

Императорское училище правоведения было уникальным учебным заведением, миссия которого состояла в повышении уровня правосознания профессиональных работников суда из числа так называемых привилегированных юристов⁸. Учебное заведение было открыто в 1835 г. Данный факт был отражен в выпуске одного из номеров за 1835 г. в отделении VI «Новости и смесь» заметкой «Учреждение Императорского училища правоведения в С. Петербурге». В ней указывалось, что Училище учреждено при Министерстве юстиции для образования молодых дворян к гражданской службе по судебной части, охарактеризован правовой статус училища, который приравнивался к существовавшему на тот момент, на правах высшего учебного заведения, Царскосельскому лицей. Окончание Училища означало получение действительных по государственной службе чинов. Публикация содержала информацию о необходимом возрасте поступающих (от 12 до 17 лет), которые принимались в разные классы в зависимости от уровня своих знаний. Обучаться в училище были вправе только лица, имеющие дворянское происхождение.

Небезынтересны преподававшиеся дисциплины, подразделявшиеся на три блока: предметы общего образования (закон Божий и церковная история, всеобщая, российская, естественная история, иностранные языки, др.), правоведение (история правоведения, российское, римское законоведение, практическое судопроизводство) и искусство (чистописание, пение, гимнастика, др.), а также указана штатная структура Училища⁹.

Представленная иллюстрация отражает юридически значимые аспекты функционирования нового в Российской империи привилегированного учебного заведения для подготовки юристов.

В периодических изданиях иного типа, например, журнале «Русская старина», обнаруживаем примечательные материалы, раскрывающие деятельность исследуемого учебного заведения с другой, менее официальной стороны.

«Русская старина» – это исторический журнал, выпускавшийся ежемесячно в Петербурге с 1870 г. по 1918 г. Основной целью его издания, как указано в первом издании 1870 г., является служение отечественной истории и истории русской литературы сообщением на своих страницах: записок и воспоминаний исторических деятелей, очерков, автобиографий, исторических исследований, государственных и дипломатических актов, писем и разных заметок, относящихся к отечественной истории и истории русской литературы преимущественно за два последних столетия¹⁰. В структуре журнала 17 разделов, в первом – предисловие об издании «Русской старины», далее следует перечисление записок на различные темы, например, воспоминания, рассказы очевидцев о различных исторических событиях.

В контексте рассматриваемой проблематики важно обратить внимание на публикации, связанные с деятельностью Училища правоведения, которые по сути, можно отнести к эго-источникам. В современных исследованиях под эго-источниками (источниками личного происхождения) предлагается понимать «письменные исторические источники, которые отражают личностное восприятие произошедших событий и фиксируют их на документально-субъективном уровне в различной форме, отражающих прошедшую через память информацию о прошлом с учетом личного опыта и социально-коммуникационных связей автора¹¹.

В номерах «Русской старины» 1880-х годов опублико-

ваны, в частности, воспоминания питомцев Училища разных лет В. В. Стасова¹² и И. А. Тютчева¹³. Обе статьи приурочены к 40-летию и 50-летию Училища, соответственно.

Заметки позволяют изучить внутреннюю жизнь воспитанников учебного заведения, взаимоотношения и моральную обстановку в коллективе. Также из заметок можно выявить личные, профессиональные характеристики персонала Училища.

Благодаря подобным воспоминаниям можно определить субъективную оценку качества преподаваемых дисциплин, методов, которые применяли преподаватели, проследить эволюцию программ обучения, сделать выводы об усвоении информации обучавшимися в Училище, а значит (в известной степени), и о качестве образования, которое оно предоставляло. Из этих материалов можно сделать вывод, что учебные дисциплины были разнообразны, а педагоги применяли различные, а иногда и уникальные, методы преподавания. При этом складывается впечатление, что основная – воспитательная – функция в Училище правоведения реализовалась отнюдь не самым наилучшим образом. В обеих заметках содержится похожая информация о «проделках» учащихся, об их взаимоотношениях, о так называемой дедовщине старших над младшими питомцами.

Кратко резюмируя, подчеркнем, что журналы XIX столетия оказываются действительно информативными источниками познания истории юридического образования в стране. Если в периодическом издании, официально издававшемся главным идеологическим ведомством Российской империи – Министерством народного просвещения, публикации об учебных заведениях, в частности, об Училище правоведения, носят официальный характер, а

данная информация юридически важна и значима, то публикации в общеисторическом и популярном журнале – «Русской старине» представляют собой небезынттересные воспоминания питомцев, которые добавляют красок для понимания полной и рельефной картины развития юридического образования.

© Подольская А. Н., 2023

¹ *Зипунникова Н. Н.* Методологические повороты в социогуманитаристике и отечественная историко-правовая наука: некоторые размышления о перспективах развития // *Методология изучения истории российского государства и права: традиции в науке: Сборник Президентской библиотеки. Серия «Историческое правоведение» / Отв. ред. Н. В. Дунаева. Вып. 9. СПб., 2022. С. 167.*

² *Баранов В. М.* Формы (источники) права // *Общая теория права: Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 249.*

³ *Кодан С. В.* «Форма права», «источник права» и «источник познания права» как базовые понятия юридического источниковедения // *Личность, право, государство. 2018. № 4. С. 42–56.*

⁴ Там же.

⁵ *Загоскин Н. П.* Курс истории русского права. Т. 1. Казань, 1906. С. 64–84.

⁶ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 2007. С. 513.

⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Вып. 1. С. 3–7.

⁸ *Ренненкампф Н. К.* Судьбы привилегированных и непривилегированных юристов (к статистике юрид. образования в России с 1863 г.). СПб., 1881. С. 24.

⁹ Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Вып. 6. С. 567.

¹⁰ Русская старина. 1870. Вып. 1. С. 2.

¹¹ *Кодан С. В.* Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // *Genesis: исторические исследования. 2014. № 3. С. 60–93.*

¹² *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад. 1836–1842 гг. // Русская старина. 1880. Декабрь. С. 1016–1038.

¹³ *Тютчев И. А.* В училище правоведения в 1847–1852 гг. // Русская старина. 1885. Ноябрь. С. 436–459; Декабрь С. 663–678; 1886. Январь. С. 361–376.

Э. Ф. Шамсумова*

**О ПОДГОТОВКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ
И ПРАВОВОМ ПРОСВЕЩЕНИИ НА СТРАНИЦАХ
«ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ»
В 1922 ГОДУ**

Настоящей иллюстрацией перехода к новой экономической политике стал 1922 год, поскольку полемика о путях перехода к ней и содержательных представлениях правового регулирования была неоднозначной. Происходящие с конца 1921 г. события требовали общего освещения, объективного обсуждения и правовой оценки, в связи с чем 1 января 1922 г. выходит в свет журнал «Еженедельник советской юстиции». Важными для рассмотрения являлись общие вопросы судоустройства и судопроизводства, взаимоотношений органов юстиции, вопросов уголовного и гражданского права и процесса, карательно-исправительной политики, местной жизни суда и работников его, правоприменительной практики. Вопросы права и революционной законности, приобретая глубокое значение, нуждались в незамедлительной реакции и способности решать их так, чтобы они соответствовали общему направлению политики Советской власти. Так, А. Г. Гойхбарг, критикуя статью Самойлова, подмечаящего, что «новая экономическая политика требует решительного, единого, централизованного законодательства,

* Шамсумова Эмма Файсаловна – доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент.

направленного ценою уступок интересам частных лиц и буржуазной идеологии на развитие производительных сил страны»¹, не соглашается с ним, ибо право переходного периода самобытно и заключается в незначительных уступках частнопровым институтам.

Кроме того, анализ «Еженедельника советской юстиции» за 1922 г. очень ярко демонстрирует, насколько активно обсуждались проекты отраслевых кодексов, сколь непрофессиональной выглядела деятельность следствия, суда, прокуратуры, какие потребности имелись на местах и многие другие насущные вопросы. Однако на протяжении всего года прослеживается стремление к организации подготовки юридических кадров и правового просвещения, что и стало одной из задач выделенных IV Всероссийским съездом деятелей Советской юстиция².

Обобщая опыт 1922 г., отраженный в «Еженедельнике», следует констатировать: подготовка юридических кадров, как и профессионализация имеющих, была острой необходимостью, продиктованной временем, причем не только со стороны государства, государственных органов, но и со стороны конкретных правоприменителей. Так, иллюстрация потребности и «тяги» к овладению правовыми знаниями – письмо следователя села (города) Богородского (Павловского уезда, Нижегородской губернии) тов. Абросимова, который обращаясь в редакцию «Еженедельника», отмечал, что в их уезде как судьи, так и следователи, будучи из рабочей среды либо с домашним образованием, либо вовсе малограмотны³ и просит указать, где можно пройти курсы по подготовке работников юстиции.

Таким образом, можно определить направления и мероприятия, предпринятые в 1922 г. для решения имеющейся проблемы.

1. *Организация юридических школ.* 22 сентября 1922 г. Государственный ученый совет (ГУС) рассмотрел представление Наркомюста об организации 10 областных юридических школ с одногодичным курсом для подготовки судебных работников⁴. Был разработан проект учебного плана и представлен в особую комиссию Главпрофобра, где корректировался, а затем поступил в ГУС. Здесь создается комиссия (Стучка, Магеровский, Славин) для рассмотрения и последующего внесения в ГУС; вместе с тем, идет разработка сметных затрат, но о конкретных датах открытия школ пока речи нет. В связи с тем, что университетские правовые отделения не способны решить вопрос пополнения юридических кадров специалистами⁵, предлагается открыть сеть специализированных юридических школ, среди которых Высшая юридическая школа (Москва), со сроком обучения 2 года, где преподаватели и слушатели, кстати, приравнивались к слушателям военных учебных заведений. Проектировалось также открытие юридических школ в областях (областные юридические курсы в Петрограде, Смоленске, Иваново-Вознесенске, Туле, Ростове-на-Дону, Перми, Ташкенте, Саратове, Омске и Екатеринбурге)⁶, со сроком обучения один год. На местах все народные судьи должны были пройти двухнедельные курсы (организация их ложилась на плечи Наркомюста, который должен был создать отдел юридического образования, в том числе, для взаимодействия с Наркомпросом, в ведении которого находились областные школы). Учебные планы годичных школ включали общетеоретические и дисциплины по ключевым отраслям права с общим количеством часов 1296 за 3 триместра. Для двухгодичной ВЮШ предусматривалась углубленная программа плана, включающая курс по экономике, хозяйству, финансовой политике и т. д.⁷ Далее, в

декабре 1922 г. выходит Постановление СНК РСФСР «Об открытии юридических курсов»⁸, подтвердившее вышеизложенное.

2. *Обеспечение учебного процесса учебниками и пособиями.* Такая задача была определена упомянутым съездом и юридическое сообщество понимало это. В. Л. Санчов эмоционально, восклицает: «Книг! Книг! Книг!»⁹; особая потребность была в пособиях по отраслям уголовного, гражданского и процессуального права. Профессор М. М. Гродзинский уже более сдержанно и содержательно излагает свою позицию, отмечая, что вопрос об обеспечении пособиями и руководствами с каждым днем обостряется все больше, а значит, учебные материалы потребно составлять так, что при научном уровне теоретического знания, важно объяснить, как действует право здесь и сейчас, и, возможно, подвергать его критике. Оно должно быть доступным и даже иллюстрированным¹⁰.

3. *О подготовке профессорско-преподавательского состава для высших учебных заведений.* Основным субъектом здесь выступал Институт советского права (при МГУ), которому предписывалось «всестороннее изучение проблем правового социалистического строительства и подготовка профессоров и преподавателей для высших учебных заведений и квалифицированных научных работников в области советского правового строительства»¹¹. Исследование правовых проблем осуществлялось по секциям: государственного и административного права (А. И. Елистратов, С. А. Котляревский, В. И. Устинов, В. А. Коровин), судебно-карательного права и криминологии (М. М. Исаев, А. М. Аронович, Я. А. Берман и др.), хозяйственно-трудового права (А. Э. Вормс, З. Р. Теттенборн, Л. С. Таль, В. Н. Шретер, Д. В. Кузовков, А. Н. Крицман, Д. С. Розенблюм, И. С. Войтинский,

Д. М. Генкин, А. И. Елистратов), в которых заслушивались доклады, шли дискуссии, а также переводились издаваемые сборники на иностранные языки. Подготовка научных сотрудников осуществлялась в формате семинаров, целью которых выступало овладение методами научной работы. Устанавливалась система триместровых отчетов и обязательных докладов по теоретическим вопросам права, исторического материализма и политической экономики и сообщения о работах над источниками советского права¹². Прием же научных сотрудников осуществлялся по двум требованиям: необходимо было представить письменную работу по специальности и сдать устный экзамен в рамках установленного списка источников¹³.

3. *Правовое просвещение, которое осуществлялось в рамках юридических обществ и кружков.* В конце 1921 г. в Москве был образован кружок юристов-марксистов, где Гойхбаргом, Крыленко, Черлюнчакевичем, Славиным, Дьяконовым и др. читались доклады, освещавшие разного рода вопросы советского права в связи с необходимостью его изучения и пропаганды. В мае 1922 г. он преобразуется в Общество работников советского права, которое было сосредоточено на разработке, систематизации, толковании и совершенствовании советского права с целью широкого освещения трудящимся¹⁴. Докладчиком первого открытого собрания общества был Эстрин, а прения принимали участие: Исаев, Прушицкий, Войтинский, Нехамкин и Лисицын. Острая дискуссия развернулась по ст. 10 УК РСФСР (собрание завершилось лишь в 12 часов ночи). В последующем на страницах «Еженедельника» также публикуются тезисы докладов и прения по ним¹⁵. «Общества» функционировали на основе Положения, с процедурой принятия: заполнения регистрационных анкет и получения членских билетов¹⁶. На протяжении

1922 г. общества возникают в разных концах страны. Организованное в Туле в начале 1922 г. юридическое общество ставило себе задачей в полном объеме, в соответствии с требованиями жизни, изучение действующего права (не только законоведение, но и правоведение) и его пропаганду¹⁷. В Ставрополе, по инициативе губернского прокурора т. Кретьова¹⁸, создается общество с упомянутыми ранее целями; затем, по московскому примеру, в Петрограде – организация Общества работников советского права¹⁹.

Работа кружков имела схожие причины создания и функционирования. Так, в апреле 1922 г. кружок образуется в Вятке с целью обогащения правовыми знаниями²⁰. По инициативе прокурорского надзора в Павловске Акмолинской губернии создан кружок судебных работников. Цель кружка: коллективное обсуждение всех спорных вопросов, встречающихся в судебной практике и изучение кодексов²¹.

С другой стороны, правовое просвещение осуществлялось в рамках ликвидации правовой безграмотности. Л. Эратов отмечал: «то обстоятельство, что на осуществление судебной деятельности привлекается в очередном порядке огромное количество трудящихся в качестве народных заседателей народного суда, делает правовое просвещение столь же существенным и ударным, как и ликвидацию общей безграмотности. В решении IV съезда (п. 12) отмечалась необходимость введения курса советского права в школе²², а консультативным бюро ЦК профсоюзов, методическим и программным комиссиям военно-учебных заведений – расширить программу обществоведения.

Таким образом, страницы «Еженедельника советской юстиции» за 1922 г. ярко демонстрируют потребности как

в подготовке квалифицированных специалистов для суда, следствия, прокуратуры, так и в правовом просвещении населения в целом. Такая потребность была продиктована масштабной кодификационной работой в условиях новой экономической политики.

© Шамсумова Э. Ф., 2023

¹ *Гойхбарг А.* Наша экономика и право // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19/20 (31 мая). С. 1.

² *Черлюнкаевич Н.* Задачи нашего IV Всероссийского Съезда // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1 (1 января). С. 3.

³ *Вести с мест* // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 7 (12 февраля). С. 13.

⁴ *К организации юридических школ* // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 35 (23 сентября). С. 21.

⁵ *Организация юридических школ в России* // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 39-40 (27 октября – 4 ноября) С. 35.

⁶ *Новогодний подарок* // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46-47 (30 декабря). С. 37.

⁷ *Организация юридических школ в России* // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 39-40 (27 октября – 4 ноября) С. 36.

⁸ *Постановление СНК РСФСР «Об открытии юридических курсов»* // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46-47 (30 декабря). С. 43.

⁹ *Санчов В. Л.* Очередная задача Наркомюста // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 11 (16 марта). С. 7.

¹⁰ *Гродзинский М. М.* К вопросу о юридических пособиях // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 14-15 (8–15 апреля). С. 7.

¹¹ *Институт советского права* // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 18 (20 мая). С. 12.

¹² Там же. С. 13.

¹³ *Условия приема в научные сотрудники Института советского права* // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 16 (29 апреля). С. 14.

¹⁴ *Первое* открытое общее собрание членов Общества работников советского права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 29-30 (10–17 августа). С. 27.

¹⁵ *В Институте* советского права и в Обществе работников советского права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 42 (18 ноября). С. 21; *В Обществе* работников советского права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46–47 (30 декабря). С. 35–36.

¹⁶ *В Обществе* работников советского права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 37-38 (13–20 октября). С. 39.

¹⁷ *Как* должно работать юридическое общество // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46–47 (30 декабря). С. 20.

¹⁸ *Юридическое* общество в Ставрополе // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 37-38 (13–20 октября). С. 40.

¹⁹ *Общество* работников советского права в Петрограде // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 39-40 (27 октября – 4 ноября). С. 37.

²⁰ *К изучению* советского права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 18 (20 мая). С. 14.

²¹ *Кружок* судебных работников // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46-47 (30 декабря). С. 41.

²² *Эратов* Л. К ликвидации правовой безграмотности // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 8 (23 февраля). С. 8–9.

Раздел XX

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Е. В. Лебедева*

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ**

Юридическое образование в современный период в России занимает по степени своего развития неоднозначное положение.

С одной стороны, оно находится в определённом развитии состоянии, имеет сформированные научные правовые школы (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Екатеринбург, Челябинск и др.). С другой стороны, активно развивающиеся общественные отношения (в т.ч. процесс

* *Лебедева Екатерина Владимировна* – доцент кафедры гражданского права Уральского филиала Российского государственного университета правосудия (Челябинск), кандидат юридических наук.

цифровизации государства и общества) накладывают свой отпечаток и на юридическое образование, задачей которого является неизбежный процесс реагирования на вышеуказанные различные общественные изменения.

Вместе с тем, при многообразных различных факторах, влияющих на юридическое образование, одно остается неизменным: конструктивное понимание необходимости формировать интеграцию теории (науки) и практики в образовательном процессе.

Данной точки зрения придерживался и дореволюционный правовед К. К. Дыновский. Он отмечал, что «единство юридического образования требует, следовательно, чтобы условия и недостатки практической подготовки были поставлены в связь с вопросом об условиях и характере образования теоретического»¹.

Безусловно, теоретические (пусть и фундаментальные) рассуждения, умозаключения, доводимые преподавателем до студентов важны для формирования их общего правового мировоззрения, правосознания и правовой культуры. Вместе с тем, представляется весьма важным демонстрировать на занятиях и возможности применения полученных знаний на практике.

Формирование общих, базовых знаний в области юриспруденции во многом обозначено чётким пониманием основ римского права, истории государства и права России и зарубежных стран, теории государства и права и др.

В дореволюционной России правоведение было создано университетской наукой² под влиянием германской юриспруденции³. Несомненно, что важное влияние на формирование немецкой школы права оказало римское право и процесс его рецепции.

Впоследствии в первой четверти XX в. и позже юридическое образование претерпело реформирование. «Из учебных программ исчезли римское право, история русского права, история правовых и политических учений и другие предметы, признанные «академическими». Появились новые»⁴ учебные дисциплины, соответствовавшие рассматриваемому историческому периоду развития СССР. Указанные обстоятельства повлияли на искажение понимания основных начал права.

В дальнейшем после формирования Российской Федерации произошёл процесс включения в образовательный процесс базовых правовых дисциплин (с корректировкой их содержательной части).

В настоящее время данный процесс можно считать завершённым.

Однако подобное нельзя сказать относительно реализации второго необходимого шага для формирования качественного юридического образования – применении полученных знаний на практике.

Возникает вопрос: как можно на высоком уровне «привить» студентам умение применять полученные правовые знания на практике? Представляется необходимым создать такую модель образования, в рамках которой студенты имели бы не только теоретические знания, но и навыки их применения на практике?

Имеющиеся образовательные стандарты и учебные программы предусматривают в качестве одну из форм получения таких навыков – прохождение преддипломной, производственной практики. Однако представляется, что указанная форма является несовершенной, поскольку не соответствует рассматриваемым целям. Зачастую студенты, которые проходят данную практику (производственную, преддипломную), занимаются лишь вопросами дело-

производства (в судах, правовых отделах организаций и т. д.).

Представляется, что одной из эффективных возможностей получения навыков применения полученных знаний на практике являются интерактивные, тщательно подготовленные семинарские (практические) занятия. На данных занятиях студентам должны предлагаться не только возможности демонстрации их теоретических знаний (умение пересказать прочитанный материал по теме семинара), но и практических знаний (разрешение различных спорных правовых ситуаций). Указанное может достигаться различными способами: решение задач, игровой процесс (гражданский, уголовный и пр.), деловая игра и пр.

Одной из инновационной формой достижения рассматриваемой цели может стать *team-based learning* (далее – TBL), то есть метод командного обучения. Командное взаимодействие прививает определенный образец социального и этического поведения, необходимого в юридическом сообществе, например уважительное отношение к коллегам и к себе. Развиваются и уважение к иным культурам, способность преодолевать межкультурные стереотипы в дальнейшей профессиональной жизни⁵.

Данный метод может быть также рассмотрен в качестве возможного способа получения навыков применения полученных знаний на практике.

При этом представляется важным со стороны преподавателя демонстрировать, с одной стороны, связь отраслей права друг с другом и, с другой стороны, алгоритм поиска исходных позиций в спорной ситуации для определения правильной нормы права.

Таким образом, необходимо соблюдение баланса – сочетания в рамках юридического образования фундамен-

тальных теоретических знаний (то есть выстраивание у студентов общей «конструкции», системы права, регулирующей общественные отношения) с навыками практической юриспруденции (то есть умение применять полученные знания при разрешении различных спорных правовых ситуаций (кейсов)).

© Лебедева Е. В., 2023

¹ *Дыновский К. К.* Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия. Одесса, 1896. С. 3.

² См.: *Нижник Н. С.* 1) О профессиональной подготовке юристов в контексте идеологии юридического утилитаризма // Современные формы и методы обучения праву юристов, государственных и муниципальных служащих: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-методической конференции, Екатеринбург, 01–03 февраля 2005 года / Ответ. ред. С. В. Кодан. Екатеринбург, 2005. С. 33–36. EDN ZAXHXW; 2) Отечественная юриспруденция: специфика взаимосвязи структурно-функциональных элементов в контексте выявления тенденций утилитаризма и фундаментализма // Социально-гуманитарные науки и их роль в системе высшего и профессионального образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 22 мая 2007 года / Редкол.: А. Л. Худобородов (науч. ред.), Н. С. Сидоренко (отв. ред.), М. В. Егорова. Челябинск, 2007. С. 9–22. EDN PLUUVS; 3) Юриспруденция как комплексный социально-правовой институт: специфика становления и развития в России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / Науч. ред. Н. С. Нижник. Вып. 1. СПб., 2012. С. 5–14. EDN VIVXPV; 4) Утилитаризм и фундаментализм как феноменологические характеристики российской юриспруденции // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы международной научно-практической конференции, г. Новороссийск, 29–30 сентября 2011 года. Новороссийск, 2012. С. 497–506. EDN SRWQAB; и др.

³ Там же. С. 5

⁴ *Казарин В. Н.* Пять моделей юридического образования во Втором Сибирском университете в условиях трансформации общества и государства (1918–1931 гг.) // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 151.

⁵ *Селькова А. А.* Метод командного обучения (team-based learning) в юридическом образовании // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 81.

С. Э. Либанова*

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Юридическое образование, как и юридическая профессия, во многих государствах является одним из самых престижных, так как оно уникально по своей сути, предполагая наличие знаний, относящихся к области общественных наук, предназначенных для практической деятельности. Обширный диапазон знаний и умений, получаемых студентами в ходе обучения, сочетающего теорию и практику, позволяет глубоко понять дух права, научиться учитывать мельчайшие детали, принимать ответственные решения, касающиеся судеб людей.

Система образования, являясь сферой воспроизводства человеческого капитала выполняет важнейшую общественную функцию. От эффективности организации системы образования зависит сохранение и передача научных знаний и навыков, культурного наследия и нравственных ориентиров¹.

В рамках поставленной в статье задачи отметим наличие различных моделей юридического образования, существующих в различные периоды истории России и предложим свою авторскую, обосновав ее востребованность временем и обществом.

* *Либанова Светлана Эдуардовна* – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург); адвокат-медиатор, доктор юридических наук, доцент.

В дореволюционной России юридические профессии, в основном адвоката и государственного служащего, относились к буржуазным занятиям. Серьёзные изменения в системе юридического образования прошли в период революции и образования СССР. В начале становления новой власти они продолжали относиться к мелкобуржуазным занятиям. В последствии юридическое образование в СССР приобрело элитарный характер. Его отличительной особенностью стала ориентация на фундаментальность. Юрист перестал восприниматься обществом как узкий специалист. Он стал представителем интеллектуальной профессии. В СССР появились новые направления и профессии, в том числе судья, прокурор, криминалист, следователь и др. Распад СССР повлек за собой череду преобразований, вызванных сменой общественного строя. В стране появился запрос на новый класс специалистов в области юриспруденции, вектор профессиональной направленности сместился от защиты общественных интересов к защите частной собственности². В разных сферах экономики требовались юристы, обладающие знаниями в области экономики, финансов, строительства. Восребованными стали риэлторы, коллекторы, медиаторы, юристы-представители, юристы-консультанты и другие. Иногда они не имели высшего юридического образования. Система юридического образования быстро адаптировалась к изменению рынка и предложила программы переподготовки и повышения квалификации. Появились магистерские программы, давшие возможность специалисту без высшего юридического образования, после прохождения обучения получить диплом магистра юриспруденции.

В мае 2022 г. Министерство образования и науки неожиданно заявило, что Россия откажется от Болонской системы и будет разрабатывать собственную – «уникаль-

ную» – модель высшего образования. Постановка вопроса вызвала горячий интерес широкой общественности. Глава министерства В. Фальков пояснил, что реформа связана с приданием большей значимости специалитету, исторически сложившемуся в России, что не означает запрета бакалавриата и магистратуры. Кроме того, министр считает необходимым «навести порядок» в системе магистратуры, чтобы бакалавры могли выбирать только «профильно близкие» направления. При этом Валерий Фальков признает, что «плавная и последовательная перестройка» системы высшего образования «растянется на многие годы вперед»³. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время действует перестроечная модель.

Юридическое образование в России, включающее среднее и высшее, можно получить на юридических факультетах институтов, университетах, академиях, а также в техникумах и колледжах (среднее профессиональное образование). С 2022 г. стало невозможно получить первое высшее юридическое образование в заочной форме. Не углубляясь в анализ ситуации, такой подход к современному юридическому образованию представляется верным с позиции моего 23-летнего преподавательского опыта. Принятое решение позволит повысить качество образования, а главное выпускать специалистов-юристов, способных работать по специальности.

Объективной реальностью в 2023 г. является ситуация с беспрецедентными экономическими вызовами и ограничениями. Полагаем, что для благоприятного отражения на реализации юридического образования без дополнительных проблем необходимо сместить акцент в обучении студентов с большого объема теории в сторону практикоориентированного подхода к преподаванию права в интерактивной форме, предлагаемой автором.

В нормативных документах, посвященных модернизации образования, ясно выражена мысль о необходимости смены ориентиров образования с получения знаний и реализации абстрактных воспитательных задач – к формированию универсальных способностей личности, основанных на новых социальных потребностях и ценностях. Достижение этой цели прямо связано с освоением практических навыков студентом еще в стенах вуза.

В эпоху информации, в век цифровизации и минимизации, необходимости поглощения, а главное усвоения студентами большого объема информации в минимальный срок, разработка методик универсальных интерактивных технологий обучения, становится особенно актуальной как для самих студентов, так и профессорско-преподавательского состава. Именно в силу этих объективных причин практико-ориентированный подход к обучению приобретает все большую реальную значимость, а наличие практических навыков у студента-выпускника вуза имеет в XXI в. высочайшую практическую ценность на рынке труда. Эволюционное развитие моделей юридического образования, прошедшее путь от признания профессии юриста буржуазной до элитной, позволяет и во времена экономических кризисов и политических катаклизмов перестроенной модели развиваться по универсальному для России пути развития.

Студенты-юристы должны не только хорошо знать право, понять как его эффективно применять в судебном процессе, но и научиться уже в вузе избегать конфликтов и решать их при помощи уникального инструмента – медиации.

Медиация, как активно развивающийся, альтернативный судебному, способ разрешения правовых конфликтов в авторской методике универсальной интерак-

тивной технологии практико-ориентированного обучения юристов, предлагается в составе уникального трио, именуемого «ТРИ КИТА»: основы ораторского искусства, состязательность судебного процесса и основы методики медиации.

Принципиально новая методика «ТРИ КИТА практико-ориентированного подхода» поможет устранить имеющийся пробел в системе российского образования и помочь решить такую глобальную проблему, как существенное сокращение разрыва в обучении студентов-юристов не только между теоретическими знаниями и практическими навыками, но и значительно повысить востребованность студентов, имеющих знания о процедуре медиации, а тем более обладающих реальными практическими навыками по ее применению для урегулирования правовых конфликтов в совокупности с навыками ораторского искусства и состязательности в различных видах судебных процессов⁴.

Идея инновационной модели обучения профессиональным (практическим) навыкам юриста все более и более актуальна в цифровой век скоростей во всем, в том числе в освоении студентами не только теоретических и даже же не только практических, а уже и медиационных навыков в XXI в.

Методика, объединяющая уникальное трио, не только способствует формированию у студентов знаний, но и позволяет в ходе игровых занятий, имитирующих профессиональную деятельность юриста и направленных на формирование практических навыков (коммуникативного взаимодействия, выработки позиции по делу, работы с документами, выбора этически верного варианта поведения, разрешения юридического конфликта в судебном процессе, публичного выступления в условиях состяза-

тельного процесса, медиативной процедуры и др.) впервые в России именно в таком сочетании использовать процедуру медиации и учить студентов-юристов не доводить рассмотрение некоторых конфликтов до суда, где ранее любящие друг друга супруги и преданные друзья зачастую превращаются во врагов при разделе имущества и бизнеса. Студенты смогут практически овладеть навыками по разъяснению спорящим сторонам сути процедуры медиации в общем виде; а сами научиться выявлять суть спора и определять его медиабельность.

Так как представители юридических профессий, как правило стремятся к примирению сторон и мирному урегулированию конфликтов, за предлагаемой нами методикой юридического образования «ТРИ КИТА практико-ориентированного подхода» – как универсальной интерактивной технологией обучения студентов-юристов, перспективное будущее каждого юриста. Этому призвана способствовать российская модель фундаментального образования, результатом которого явится гармонично развитая личность юриста, хорошо знающего теорию права, обладающего навыками ораторского искусства (знающего русский язык и уважающего вечные конституционные ценности), получившего уже в вузе не только фундаментальные юридические знания, но и практические и медиационные навыки, как никогда востребованные работодателями в XXI в.

© Либанова С. Э., 2023

¹ Шпилевская Е. В. Совершенствование механизма управления уровнем жизни населения (на примере Нижегородской области): Дис. ... канд. экон. наук. Н. Новгород, 2005.

² Маркова С. М. Ретроспективный анализ развития профессионального образования в России // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 3(28). С. 3.

³ Коммерсантъ. 2022. 2 июня. С. 1.

⁴ *Либанова С. Э.* Методика «ТРИ КИТА практико-ориентированного подхода» как универсальная интерактивная технология обучения студентов-юристов // Современное право. 2023. № 1. С. 79–85.

*Г. М. Лановая**

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ВУЗОВСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Юридическое образование является связующим звеном между наукой и практикой. В этой связи важным оказывается использование в организации и управлении познавательной деятельностью обучающихся таких подходов, которые, с одной стороны, дают возможность максимально полно использовать потенциал юридической науки, с другой стороны, позволяют готовить специалистов, способных эффективно решать те профессиональные задачи, с которыми они в дальнейшем сталкиваются на практике.

Одним из таких подходов сегодня выступает практико-ориентированный подход. Он, во-первых, нацелен на формирование прежде всего профессиональных компетенций, во-вторых, подразумевает в этой связи перенесение акцента на изучение прикладных юридических дисциплин, в-третьих, предполагает приоритетное использование таких форм организации учебного процесса и проведения занятий, которые позволяют обучающимся «погружаться» в реальную профессиональную практику.

Вряд ли уместно оспаривать тот факт, что реализация рассматриваемого подхода позволяет юридическим вузам и факультетам, ориентируясь на новейшие научные до-

* Лановая Галина Михайловна – профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

стижения, выпускать специалистов с более высоким уровнем развитости профессиональных умений и навыков, чем при применении других образовательных подходов, – при условии, что компетенции, формируемые в процессе обучения, в точности соответствуют тем обстоятельствам и проблемам, с которыми выпускник в дальнейшем сталкивается на практике. Однако, в связи с последней оговоркой возникают соображения, которые представляется важным принимать во внимание, оценивая возможности и перспективы применения практико-ориентированного подхода в современном вузовском юридическом образовании.

Сегодня мы живем в условиях многократного увеличения темпов происходящих в государственно-правовой жизни изменений, а как следствие – перманентного обновления законодательства, правореализационной практики, технологий и, следовательно, характера знаний, умений и навыков, необходимых юристу. В этой связи многие из тех практических умений и навыков, которые получает студент, изучающий прикладные юридические дисциплины, достаточно быстро устаревают. Более того, практическая деятельность юриста в отдельных своих аспектах меняется настолько быстро, что иногда «набор» профессиональных умений и навыков, с учетом которых формируется программа обучения в момент, когда абитуриент поступает в вуз, оказывается уже не вполне соответствующим с умениями и навыками, которыми должен обладать выпускающийся из вуза молодой юрист для того, чтобы успешно осуществлять профессиональную деятельность. В этом плане показательным является тот факт, что качество высшего образования сегодня никого не устраивает; работники вузов делают для его повышения все возможное, но практики продолжают утверждать, что,

окончив вуз, выпускники остаются плохо подготовленными¹.

Итак, именно в современных условиях практико-ориентированный подход в вузовском юридическом образовании не позволяет в полной мере реализовывать цели, для достижения которых он применяется.

К счастью, это не имеет катастрофических последствий, так как сегодня юрист включен в процесс получения новых знаний на протяжении всей профессиональной жизни. Самообразование и дополнительное образование позволяют восполнять недостаток умений и навыков, необходимых для успешного осуществления деятельности в соответствии с избранным профилем.

Однако, и самообразование, и дополнительное образование (которое, как правило, осуществляется в довольно сжатые сроки, без отрыва от профессиональной деятельности) могут быть эффективными лишь тогда, когда человек обладает глубокими и разносторонними теоретическими знаниями, необходимыми для успешного усвоения нового материала, а также надпредметными и метапредметными умениями и навыками, обеспечивающими способность личности к саморазвитию и самообучению. Уровень таких знаний, умений и навыков, к сожалению, неизбежно снижается в условиях применения в вузовском юридическом образовании практико-ориентированного подхода.

Это связано уже с тем, что реализация рассматриваемого подхода происходит в условиях сохранения либо уменьшения прежнего срока обучения в вузе. В данной ситуации перенесение акцента на изучение прикладных юридических дисциплин приводит к уменьшению количества часов, отводимых на освоение фундаментальных юридических дисциплин и спецкурсов, дающих углублен-

ные знания о закономерностях, входящих в предмет теоретических и исторических наук о праве, и расширяющих профессиональный кругозор. В результате зачастую оказывается, что обучающиеся имеют возможность овладеть набором ключевых юридических понятий, но не более того.

Не обладая глубокими системными теоретико-правовыми знаниями и имея узкий профессиональный кругозор, юрист нередко оказывается неспособен анализировать и творчески применять правозначимую информацию, строить логические цепочки, отыскивать наиболее рациональные решения возникающих в практической деятельности нестандартных задач, в том числе в ситуациях, когда оказываются недостаточными или неприменимыми специальные профессиональные умения и навыки, сформированные в процессе обучения в юридическом вузе.

Сложности порождает не только то, что применение практико-ориентированного подхода в вузовском юридическом образовании объективно не способствует формированию у обучающихся знаний, умений и навыков, во-первых, необходимых для того, чтобы изучение отраслевых и прикладных наук не превращалось в поверхностное знакомство со значительными объемами разнородной, зачастую не связанной в единый комплекс информации, и, во-вторых, в дальнейшем составляющих основу эффективного самообразования и дополнительного профессионального образования практикующего юриста. Самостоятельной проблемой является то, что в силу ограниченности количества часов, отводимых на изучение фундаментальных юридических дисциплин, в них неоправданно мало внимания уделяется общим закономерностям возникновения, изменения и функционирования правосо-

знания. В этом плане показательно то, что вопросы, с ними связанные, в учебниках по теории государства и права рассматриваются лишь в рамках одной-двух тем, а при изучении историко-правовых дисциплин вопросы становления и развития правосознания чаще всего затрагиваются лишь косвенно.

Важно понимать, что любой вуз, помимо образовательных функций, выполняет культурную миссию². Юридический вуз в этом смысле не является исключением. Фундаментальные юридические дисциплины не только призваны раскрыть основные закономерности, составляющие их предмет, но и играют важную роль в решении воспитательных задач образования. Эта роль увеличивается по мере того, как возрастает деформирующее влияние на правосознание современного человека факторов самого разного рода (например, усиливается деструктивное идеологическое воздействие на правовое сознание информации, содержащейся в отдельных Интернет-ресурсах). Она увеличивается и по мере ускорения изменений правового пространства, когда адаптация к нему, а иногда и производство новых смыслов (доступные только человеку с развитым правовым мышлением и широким профессиональным кругозором) становятся более эффективными в сравнении с перманентной доработкой и модификацией уже существующих моделей способами выхода из тех затруднительных ситуаций, в которых оказывается юрист.

Чрезвычайно значимой является роль фундаментальных юридических дисциплин в сохранении и укреплении традиционных ценностей российской правовой культуры, осмысление и безусловное принятие которых юристом оказывается важным для решения задач государственной политики Российской Федерации, нашедших свое закреп-

ление в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³.

Итак, реализация практико-ориентированного подхода в том виде, в каком он сегодня применяется в вузовском юридическом образовании, не позволяет в полной мере использовать весь потенциал юридической науки и обеспечивать подготовку специалистов, безусловно способных эффективно решать те профессиональные задачи, с которыми юристы сталкиваются на практике. В то же время следствием ослабления внимания к изучению фундаментальных юридических дисциплин становится то, что студенты лишаются возможности расширять профессиональный кругозор, получать опыт осмысления и разрешения нестандартных правозначимых ситуаций, который в отдаленной перспективе может оказаться более полезным, чем приобретение практически значимых умений и навыков, актуальных для юриста определенного профиля на тот момент, когда студент в вузе изучает конкретную прикладную дисциплину. В условиях реализации практико-ориентированного подхода затрудняется также решение воспитательных задач юридического образования.

Изложенное не должно рассматриваться в качестве аргумента для того, чтобы отказаться от реализации практико-ориентированного подхода в юридическом образовании, однако должно стать мотивом по-новому взглянуть на возможности и перспективы его использования. Последние, безусловно, могут стать предметом самостоятельного глубокого научного исследования.

© Лановая Г. М., 2023

¹ Беликов В. А., Романов П. Ю., Валеев А. С., Филиппов А. М. Дидактика практико-ориентированного образования. М., 2020. С. 4.

² *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета. Минск, 2005. С. 31–33, 45–46, 53–54, 60–65; *Бочаров Т. Ю., Дмитриева А. В.* Юридическое образование в России и за рубежом: между университетом, профессией, государством и рынком. М., 2021. С. 119–120, 173.

³ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.01.2023).

*П. П. Марченя**

РУСОФОБСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МИФОЛОГЕМЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Сразу оговорюсь, в силу жанра и формата подобной публикации вынужден прибегнуть к предельной редукции. За ее обоснованием можно обратиться к другим моим работам¹, здесь же, в порядке интеллектуальной провокации, предлагаю к обсуждению лишь намеренно упрощенные и полемически заостренные тезисы.

Отечественная система взаимодействия власти и общества издревле выстраивается на основе духовной вертикали смыслообразующих императивов, воспринимаемых как всеобщие веления свыше, которые интегрируют элиты и массы в единую сеть эсхатологических координат Служения и абсолютных ценностей вселенской провиденциальной борьбы Добра со Злом. В этом заключается одно из принципиальных ее отличий от Запада, с его материалистическими горизонталями относительных «еврочеловеческих» ценностей («войны всех против всех», «разделения и властвования», «согласовывания частных интересов», конкурентного «естественного отбора» и всевозможных вариаций спекулятивной и политико-правовой легитимации «золотой» жизни «сильных» за счет «слабых».

* *Марченя Павел Петрович* – заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат исторических наук, доцент.

Вся история российской цивилизации, начиная, как минимум, с Крещения Руси не по римско-католическому, а по греко-кафолическому образу, – это история реально великой (не только количественно, но и качественно) части мира, неизменно выступающей неуничтожимой цивилизационной альтернативой Западу, самым болезненным вызовом ему, на который он не в состоянии дать решающий, «окончательный» ответ, главной помехой на его пути к мировому господству.

Кандидаты в мировые гегемоны, как с бельмом на глазу, никак не могут примириться с существованием огромнейшей державы, обладающей колоссальными ресурсами, которая упорно не желает жить по их правилам и постоянно служит «дурным примером» самой возможности оставаться непокорными для всех остальных незападных стран и народов, с интересом и надеждой наблюдающими за вековыми неудачами европейских «походов на Восток». Поэтому в мечтах западных «цивилизаторов» еще со времен крестовых походов «псов-рыцарей» Русь-Россия должна быть обязательно «отменена». И исторически, по факту, и историографически, концептуально.

Для глобалистов Запады Россия во всех своих исторических инвариантах (Киевская Русь, Московское царство, Петербургская Империя, Советский Союз, Российская Федерация...) – это перманентная экзистенциальная «угроза», которую необходимо, как минимум, нейтрализовать. А лучше – ликвидировать, и физически, и метафизически. А потом «цивилизованно», «правомерно» воспользоваться наконец-то нашими несметными ресурсами, которыми мы владеем якобы «не по праву».

Соответственно, нашу «неевропейскую» цивилизацию, неизменно объявляемую русофобским «экспертным сообществом» Запады «неправильной», «ненормальной», «де-

формированной», «отсталой» и т. д. и т. п., из века в век пытались насильно «перецивилизовать» и «окультурить» тевтонцы, ливонцы, поляки, шведы, французы, немцы, прочие «передовые» европейцы ... а теперь еще и американцы...

В современных условиях ожесточенной, все далее и далее заходящей эскалации в необъявленной (пока?) войне с коллективным Западом для ученых и преподавателей практически всех социально-гуманитарных дисциплин (историков, правоведов, политологов, культурологов, социологов и всяких прочих обществоведов) России (впрочем, как и иных незападных стран) актуальным методологическим вызовом является очевидная неадекватность теоретико-терминологического инструментария, определяющего каноны и тренды мейнстримного англоязычного социального и гуманитарного «знания». Сегодня жизненно необходимо критическое переосмысление и радикальное обновление всего «научного» аппарата, который до сих пор во многом детерминирован выдаваемыми за универсальные, «общечеловеческие» ценности западоцентристскими, «еврочеловеческими», колонизаторскими оценками и критериями «правильности» и «неправильности» исторического развития конкретных цивилизаций, стран и народов.

Увы, но даже сейчас, в разгаре информационной (и уже не только) войны с отчаянно рвущимся к глобальной гегемонии евроатлантическим миром, когда до российской власти начинает доходить подлинная значимость социогуманитарной составляющей образования и необходимость защиты своей цивилизационной идентичности и коллективной памяти, в большей части всей учебной литературы по соответствующим ключевым дисциплинам (отечественной и всеобщей истории, истории и теории

государства и права, истории политических и правовых учений, политологии, социологии, социальной философии и пр. – сохраняется почти монополярный диктат транзитологических схем Западной Европы и США, возмнившими себя цивилизационным эталоном для всего остального человечества.

О каком реальном патриотическом воспитании и противоборстве теоретико-историческим фальсификациям и прочим приемам информационно-психологического противостояния может идти речь, если из методологии и теории социогуманитарного образования в России до сих пор не вычищены даже самые одиозные, откровенно русофобские политико-правовые мифологемы наших закланных евроатлантических «партнеров»?

Формально продекларированный «новой Россией» три десятилетия назад принцип «деидеологизированности» на практике обернулся замещением одной идеологии на другую, причем цивилизационно чужую, чуждую, разрушительную для отечественной государственности и культуры.

Генерализующее влияние на обществознание в целом сегодня оказывает априорное и аксиоматическое представление, что все страны мира делятся на «передовые», «цивилизованные» – и остальные, которые подлежат «объективной» оценке по степени их приближения к первым.

Соответственно, все действия «локальных», «региональных» элит, направленные на внедрение иноцивилизационных ценностей и институций от так называемых «мировых лидеров», объявляются «реформами» (иногда даже «великими») и «модернизацией», а любые попытки отстаивать право на самобытность и опираться на собственные цивилизационные традиции – «контрреформами» и «реакцией».

Так, компрадоры от науки и прочие прозападно ориентирующиеся авторы продолжают бесконечно (в условиях войны!) тиражировать русофобские и антисоветские мифы, в том числе (только к примеру): об извечной кровожадности русской / российской / советской / постсоветской власти (которой, на самом деле, в этом плане бесконечно далеко до европейских и американских «цивилизаторов»); о «неевропейскости» цивилизации России (неоднократно Европу спасавшей) как якобы (в лучшем случае) «Европы второго сорта»; о вторичности русской элитарной культуры (подарившей культуре мировой многие недостижимые, «вершинные» ее духовные сокровища); об отсталости политико-правовой культуры и правовом нигилизме русского народа (великого народа, построившего самое большое государство в мире и веками отстаивающего собственный политический и правовой порядок на бескрайних евразийских территориях, с которыми не в состоянии сравниться по масштабам никакие западные страны), *et cetera et cetera*².

С холуйской готовностью (когда за гранты и прочие бонусы от «передовой» заграницы, а когда еще и за наши государственные средства), и вполне сознательные агенты влияния – предатели «на жаловании», и не вполне осознающие своей реальной цивилизационной аффилированности «идейные» эпигоны задов англосаксонской империалистической традиции – транслируют и поддерживают призывы к отказу России от «имперских амбиций» – то есть к геополитическому и цивилизационному суициду Русского мира³.

Уже почти сорок лет (как в известной библейской истории) отечественное социогуманитарное образование, отказавшись от родных корней собственной духовной традиции, плутает по бесплодным пескам зарубежного

чужебесия и путается в евроатлантических постмодернистских сумерках мертворожденного, давно потерявшего связь с исторической реальностью псевдоинтеллектуального «дискурса», подменившего собой живую социальную мысль.

Пожалуй, с началом СВО всем вменяемым представителям «экспертного сообщества» стала понятна иллюзорность самонадеянных представлений западного мира о победе евроглобалистов и «конце истории» а-ля фукуяма. Однако выродившаяся «старушка Европа» все же решилась тряхнуть своей расистской стариной и вспомнить блудливую молодость былых «Дранг нах Остен», в последней попытке предсмертного реванша за своих карлов, наполеонов и гитлеров... Коллеги, не пора ли нам вернуться к родной истории и пересмотреть гуманитарные основы того, чему мы учим поколения, которым приходится снова спасать наше Отечество?

© Марченя П. П., 2023

¹ См., напр., публикации автора (со свободным полнотекстовым доступом): ИСТИНА [Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных] / МГУ им. М. В. Ломоносова. – <https://istina.msu.ru/profile/marchenyap/> (дата обращения: 16.02.2023).

² См. подробнее, например: *Марченя П. П.* 1) Мифология правового нигилизма в России и проблема переосмысления реальной роли массового правосознания в русских смутах и революциях // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: Сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / Под ред. А. А. Дорской и Д. А. Пашенцева. М.; Саратов, 2022. С. 175–186; 2) Правовые мифологемы и юридическое образование в эпоху перемен // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 197–199; и др.

³ *Марченя П. П.* 1) Империя как форма бытия российской цивилизации (к вопросу о мировоззренческих императивах государственной политики в России) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1(53). С. 315–317; 2) Об имперской природе Советского Союза и современной России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Н. С. Нижник; сост. Н. С. Нижник, М. В. Савельева. СПб., С. 156–162; и др.

Е. А. Петрова*

ПРОБЛЕМЫ СОЧЕТАНИЯ НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Юриспруденция – это сфера, имеющая в большей степени прикладную, чем теоретическую направленность. Выпускники юридических вузов и факультетов, как правило, начинают работать в области реализации, применения права, а не остаются преподавать и (или) заниматься научной деятельностью в высшей школе. Это подкрепляется во многом материальными предпосылками, поскольку юридическая практическая деятельность традиционно более высоко оплачиваемая, чем педагогическая. Как следствие, лица с юридическим образованием предпочитают, если и заниматься преподаванием, то в качестве совместителей, а не штатных работников. Между тем обучать праву не менее сложно, чем его применять, и соответственно, педагогическая деятельность в сфере юриспруденции требует особой подготовки, постоянного повышения квалификации и саморазвития, что сочетать с другой основной деятельностью весьма не просто.

Ситуация осложняется и тем, что преподаватели юриспруденции редко имеют педагогическое образование: праву учат профессиональные юристы, а не педагоги. ФГОС бакалавриата по направлению «Юриспруден-

* *Петрова Екатерина Алексеевна* – заведующий кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ция» не предусматривает подготовку выпускников к такому виду профессиональной деятельности, как педагогическая. Поэтому в бакалавриате, как правило, не изучаются дисциплины педагогической направленности. Только в ФГОС магистратуры по направлению «Юриспруденция» появляется такая область профессиональной деятельности выпускника как «образование и наука» (в сферах профессионального обучения, среднего профессионального и высшего образования, дополнительного образования; научных исследований)¹. В соответствии с данными положениями стандарта в учебные планы магистерских программ стали включаться дисциплины педагогического профиля, начиная от «Педагогики высшей школы» как таковой и заканчивая «Методикой преподавания юриспруденции в высшей школе». Однако подобные дисциплины обычно занимают весьма незначительную часть в общем объеме изучаемых дисциплин, большинство из которых имеют собственно юридическую направленность. Указанные обстоятельства приводят к тому, что педагогическая деятельность в сфере юриспруденции, как правило, базируется не на профессиональных педагогических компетенциях преподавателя, а на опыте его старших коллег («как нас учили, так и мы учим»), а также собственных, приобретенных уже непосредственно в ходе работы педагогических умениях и навыках (ведь даже педагогическая практика как тип производственной практики присутствует далеко не во всех магистерских программах). В этом контексте считаем необходимым подчеркнуть важность курсов повышения квалификации (причем педагогической) именно для преподавателей юридических факультетов.

Следующий аспект, на который стоит обратить внимание, связан с тем, что в соответствии с уже упоминав-

шимися стандартами «юридических» бакалавриата и магистратуры, педагогические работники, участвующие в их реализации, *должны вести научную и учебно-методическую деятельность*, соответствующую профилю преподаваемой дисциплины (п. 4.4.3 Стандартов). Соответственно, профессиональная деятельность преподавателя в сфере юриспруденции складывается, как минимум, из двух основных составляющих: научной и педагогической. Особенно значимым данное требование является для руководителя научным содержанием магистерской программы, который должен осуществлять самостоятельные научно-исследовательские проекты, иметь ежегодные публикации в ведущих отечественных или зарубежных рецензируемых научных журналах и изданиях, а также проводить ежегодную апробацию результатов научно-исследовательской деятельности на национальных и международных конференциях (п. 4.4.6 ФГОС магистратуры). И здесь возникает ключевая проблема *оптимального сочетания научной и педагогической деятельности* с учетом занятости преподавателя в образовательном процессе. Одно дело, когда речь идет о научном работнике, для которого научная деятельность основная и преобладающая, и другое дело – о преподавателе. Сложности обусловлены здесь целым рядом факторов. Назовем лишь некоторые из них.

Так, постоянное увеличение часов аудиторной работы приводит к сокращению времени на научную деятельность. С учетом известных кадровых проблем ежегодная нагрузка на преподавателя нередко достигает установленного законодательством максимума в 900 часов, в результате чего ему приходится находиться в аудиториях ежедневно, а с учетом введения очно-заочной (по сути вечерней) формы обучения – с утра до вечера. Между тем,

научная деятельность – это творческий процесс, который не может осуществляться в перерывах или «окнах» между парами и объективно требует свободного от работы со студентами времени. Не случайно, в практике еще советской высшей школы сложилось такое понятие, как «библиотечные дни», когда преподаватель мог заниматься исключительно научной деятельностью. К сожалению, в настоящее время подобные дни, исходя из педагогической нагрузки преподавателя, большая редкость. Постоянная занятость в образовательном процессе вызывает сложности и с апробацией результатов научных исследований в ходе очного участия в конференциях, особенно проводимых в других городах и странах, так как заменить преподавателя на время его командировки бывает некому. По этой же причине не все преподаватели могут позволить себе длительные научные стажировки. Особенно остро обозначенная проблема стоит в региональных вузах, испытывающих «кадровый голод», а также у молодых неостепененных преподавателей, которые вынуждены брать большую «горловую» нагрузку. В результате профессиональная деятельность преподавателя имеет явный перекос в сторону педагогической, а не научной составляющей. Здесь нужно учитывать также тот факт, что нередко преподавателю дают читать и те дисциплины, которые выходят за сферу его собственно научных интересов.

Проблема становится еще более существенной, когда приходится осуществлять и организационные функции, сочетая работу преподавателя и заведующего кафедрой или декана, а также руководителя образовательной программы. Как правило, руководящие должности занимают лица, имеющие ученые степени и звания, а, значит, априори вовлеченные в научную деятельность. Не случайно, для данных должностей обычно предусматриваются не-

сколько меньшие нормы аудиторной работы, но освободившееся тем самым время, как правило, «съедается» составлением всевозможных отчетов и планов. Соответственно, наука опять отходит на второй план.

Еще один фактор, который необходимо учитывать, – это специфика самой юридической сферы научных исследований. Формальными критериями «эффективной» научной деятельности педагога высшей школы сейчас выступают так называемые наукометрические показатели, которые закладываются и в эффективные трудовые контракты, то есть напрямую влияют на размер оплаты труда. И здесь наиболее значимыми оказываются индекс научного цитирования и до недавнего времени наличие публикаций в зарубежных рецензируемых журналах. Между тем, учитывая, что юридические исследования, как правило, касаются права национального и не носят универсального характера, как, например, работы в области технических или естественных наук, то они представляют интерес в первую очередь для отечественной аудитории. Соответственно, российскому юристу гораздо полезнее прочитать работу своего коллеги на русском языке в российском журнале (например, рекомендованном ВАК России), чем эту же статью, переведенную на иностранный язык в зарубежном издательстве, или опубликованную в иностранном журнале статью зарубежного коллеги о российском праве. Конечно, в сфере юриспруденции ведутся сравнительно-правовые исследования, требующие изучения разных правовых систем, но они не носят преобладающего характера. Подобная «привязка» научной деятельности преподавателя, без учета специфики изучаемой сферы, к обозначенным наукометрическим показателям, по нашему мнению, придает данной деятельности во многом формальный характер, негативно сказываясь

на качестве проводимых исследований.

Наконец, последнее обстоятельство, на которое хочется обратить внимание, заключается в вопросе внедрения проводимых преподавателем научных исследований в сам процесс обучения студентов-юристов. Несомненно, занятие наукой повышает профессионализм педагога, но применительно к преподавателю в сфере права, особенно, когда речь идет об отраслевых юридических дисциплинах, более ценным может оказаться практический опыт юридической деятельности, чем научные изыскания, результат которых (опять же в отличие от негуманитарных наук) может быть и не виден «на практике». Учитывая же преимущественно прикладную направленность ФГОС бакалавриата и сокращенные (по сравнению со специалитетом) сроки обучения юристов-бакалавров, в педагогической деятельности преподавателя на первый план выходит передача навыков и умений юридической деятельности, а не научных знаний. Более востребованными результаты научной деятельности педагога становятся в магистратуре, где сами студенты занимаются научно-исследовательской работой под руководством преподавателя. Соответственно, у преподавателей, задействованных в реализации магистерских образовательных программ, научная деятельность по сути предопределяет педагогическую.

Естественно, мы обозначили далеко не все существующие в настоящее время проблемы, связанные с достижением максимально эффективного баланса педагогической и научной деятельности в сфере юриспруденции. Какие-то из них являются общими для высшей школы в целом (например, увеличение аудиторной нагрузки), другие обусловлены спецификой самой юриспруденции как науки и направления подготовки (в частности, её пре-

имущественно прикладной характер). Однако, очевидно, на наш взгляд, что какие бы сложности в занятии одновременно и педагогической, и научной, и организационной, и практической деятельностью у преподавателя в сфере юриспруденции ни возникали, без сочетания этих видов деятельности невозможно достижение высокой профессиональной педагогической компетентности, а значит, и качественной подготовки будущих юристов.

© Петрова Е. А., 2023

¹ Приказ Минобрнауки России от 25 ноября 2020 г. № 1451 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция». – <http://pravo.gov.ru> – 09.03.2021.

С. В. Ворошилова*

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Цифровизация, ставшая неотъемлемой частью современной общественной жизни, активно проникла в сферу юриспруденции. Законодательство последних лет способствовало широкому внедрению цифровых технологий в осуществление нотариальных действий¹, работу правоохранительных органов² и судов³. Электронная идентификация личности и дистанционное участие в судебном заседании, использование компьютерных программ при проведении допроса, подача документов и ознакомление с материалами дела в электронном виде, цифровая подпись при осуществлении нотариальных действий – все это прочно вошло в юридическую повседневность.

Цифровые технологии, позволяющие автоматизировать различные сферы юридической деятельности, обуславливают необходимость не только комплексного осмысления и исследования данного явления, но и расширения возможностей подготовки будущих квалифицированных специалистов, в том числе, в области LegalTech (от англ. legal technology – правовая технология), касающейся разработки и использования различных программных продуктов, платформ, инструментов, предназначенных специально для оптимизации работы юриста⁴.

* *Ворошилова Светлана Вячеславовна* – профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» регламентирует мероприятия по цифровой трансформации, в том числе системы образования, что предусматривает: обновление в образовательных организациях материально-технической базы, средств вычислительной техники, программного обеспечения, развитие цифровой среды для взаимодействия в процессе обучения, платформ для проведения онлайн-занятий и многие другие мероприятия. При этом в рамках реализации национального проекта «Цифровая экономика РФ», который подразумевает широкое внедрение digital-технологий в различные сферы российского общества, предусмотрен проект «Кадры для цифровой экономики», в котором сформулированы основные направления преобразования образовательной политики в РФ⁵. С целью выполнения Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» Министерством науки и высшего образования РФ разработана Стратегия цифровой трансформации науки и высшего образования, определяющая основные подходы достижения «цифровой зрелости» отрасли науки и высшего образования⁶.

Следует признать, что современные технологии не только прочно вошли в юридическую практику, но и способствовали реформированию высшего юридического образования. В образовательном процессе широко применяются онлайн-курсы и электронные учебники, образовательные платформы для доступа к лекциям преподавателей и научной литературе, цифровые сервисы для контроля за успеваемостью обучающихся и электронного обмена учебной информацией. Вместе с тем, активное внедрение цифровых технологий в систему высшего юридического образования вызывает неоднозначную реак-

цию как обучающихся, так и профессорско-преподавательского сообщества.

Проведенные российскими правоведами исследования свидетельствуют, что в качестве положительных моментов цифровизации юридического образования опрошенные студенты отмечают доступность, удобство, скорость и актуальность получаемой информации, при этом отсутствие личного контакта с преподавателем и другими обучающимися в процессе освоения образовательных программ и необходимость жесткой самодисциплины оцениваются как негативные факторы⁷.

Часть респондентов высказывает сомнение в определяющем влиянии цифровых технологий на качество юридического образования, заявляя о невозможности получения фундаментальных знаний в онлайн-формате. Более того, встречаются и утверждения о том, что «неограниченное» использование электронных ресурсов молодежью «снижает уровень интеллекта, критического мышления, размывает традиционные ценности, способствует фальсификации истории, а следовательно, несет угрозу национальной безопасности»⁸. Более обоснованной, на наш взгляд, представляется позиция авторов, отстаивающих преимущество использования инновационных образовательных технологий по сравнению с традиционными методами преподавания⁹.

Практика проведения дистанционных занятий в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 убедительно доказала, что эффективность использования образовательных платформ тесно связана с техническими возможностями вуза и уровнем информационно-компьютерной грамотности как обучающихся, так и преподавателей, наличием у них технических средств и возможностей, а иногда и соответствующих навыков, для

продолжения образовательного процесса в новом формате. В этой связи, можно согласиться с мнением В. А. Троицкого о том, что «если плохое юридическое образование может существовать как с технологиями, так и без, то хорошее, в значении востребованное на рынке, высшее юридическое образование вне интеграции с ПравоТех инновациями существовать уже не сможет»¹⁰.

Вместе с тем, существующие образовательные стандарты в области юриспруденции не предусматривают в качестве обязательных приобретение навыков в сфере LegalTech, что противоречит условиям активной цифровизации общества, в которых рассматриваемые компетенции являются максимально востребованными. Необходимость обучения данным навыкам определяется, в том числе, трансформацией права под воздействием цифровых технологий. Р. Ф. Азизов, В. В. Архипов, Э. В. Талапина, О. В. Танимов, А. В. Корнев, В. Б. Наумов, Г. А. Пчелинцев, Я. А. Чирко и другие исследователи отмечают необходимость осмысления новой правовой реальности, связанной с признанием информации объектом правовых отношений, возможностью определения правосубъектности роботов, выделением информационного права в самостоятельную отрасль российского права и его трансформацией под воздействием цифровых технологий и т. д.¹¹.

Совершенно очевидна необходимость внедрения междисциплинарного подхода к формированию образовательных программ, включающих в себя специальные адаптивные учебные курсы, позволяющие юристам овладеть необходимыми компетенциями в цифровой сфере. Сочетание преподавания правовых дисциплин и компьютерных технологий, отвечающих потребностям современной цифровой реальности, является важным фактором,

определяющим качество высшего юридического образования. Среди юристов все чаще звучит мнение об эффективности использования математического моделирования и системы искусственного интеллекта в качестве инструментария изучения правовых явлений и различных юридических дисциплин. А. В. Воронин, А. А. Васильев, В. А. Еровенко, О. В. Михайлович, Л. П. Жагорина и др. характеризуют целесообразность использования математической составляющей в высшем юридическом образовании¹².

Подводя итог, следует отметить, что инновационные цифровые технологии занимают важное место в системе высшего юридического образования, что определяет необходимость развития цифровых компетенций, таких как, информационная грамотность, умение создать цифровой контент и др. как у обучающихся, так и у преподавателей. Процесс обучения с использованием преимуществ цифровой образовательной среды позволит выпускникам юридических вузов освоить необходимые в их дальнейшей практической деятельности цифровые компетенции, для успешной реализации себя в информационном пространстве.

© Ворошилова С. В., 2023

¹ Федеральный закон от 27 декабря 2019 года № 480-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 года) «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2019. № 30. Ст. 4099, 4128; 2022. № 1. Ст. 10.

² Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 года) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2022. № 27. Ст. 4603.

³ Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 417-ФЗ «О

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52. Ч. I. Ст. 8976.

⁴ *Фомина О. Ю.* LegalTech для извещений в гражданском судопроизводстве // Перспективы развития гражданского процессуального права: Сборник статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках Саратовского юридического форума, посвященного 90-летию СГЮА. Саратов, 2021. С. 168–170.

⁵ Кадры для цифровой экономики // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: официальный сайт. – <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁶ Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования – <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dvbedzmr0og5dm57dtm0wyllrbuwtujw.pdf> (дата обращения: 17.12.2022).

⁷ *Ершова И. В.* Цифровизация образования: pro & contra // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 61–68.

⁸ См. например: *Сомов В. А.* Проблема цифровизации образования в контексте стратегии национальной безопасности России // Государство и право в изменяющемся мире: правовая система в условиях информатизации общества: Материалы IV научно-практической конференции с международным участием. Нижний Новгород, 2018. С. 50.

⁹ *Садыкова М. К., Аюпова Г. Т.* и др. Дистанционное образование в вузе // Цифровизация как драйвер роста науки и образования. Петрозаводск, 2020. С. 33–52.

¹⁰ *Троицкий В. А.* Инновационные цифровые технологии обучения «ПравоТех дисциплинам» в высшем юридическом образовании // Научное мнение. 2021. № 7-8. С. 67.

¹¹ *Азизов Р. Ф.* Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2017. С. 18; *Талапина Э. В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17; *Архипов В. В., Наумов В. Б., Пчелинцев Г. А., Чирко Я. А.* Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. 2016. № 2. С. 18–25; *Корнев А. В., Танимов О. В.* Информационное право в условиях цифровой

трансформации российского права. М., 2022.

¹² *Воронин А. В., Михайлович О. В.* Математическое моделирование и системы искусственного интеллекта как инструменты изучения историко-правового опыта суда присяжных // *Права человека: формы реализации и способы защиты в исторической ретроспективе (российский и зарубежный опыт)*. Саратов, 2021. С. 20–29; *Жагорина Л. П.* Математическое моделирование в подготовке студентов юридических факультетов // *Новые педагогические исследования*. 2007. № 3. С. 74–76; *Еровенко В. А.* «Математическое правоведение» в контексте современного юридического образования // *Юстиция Беларуси*. 2010. № 11. С. 56–58; *Васильев А. А.* Искусственный интеллект и юридическое образование // *Государство и право в изменяющемся мире: правовая система в условиях информатизации общества*. Н. Новгород, 2018. С. 362–365.

Р. Э. Арутюнян*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Современная эпоха имеет особенность, отличающую ее от предыдущих. Она заключается в том, что современные технологические уклады меняют не только привычные уклады жизни человека и его окружения, но и характер правового регулирования и образования. Взаимосвязь между системой образования и процессами цифровизации обусловлена тем, что наука стремительно развивается, и получение юридического образования в стране меняется в соответствии с современными технологическими вызовами.

Цифровые технологии продолжают проникать во все сферы общественной жизни. В наше время они наполняют функциональное воздействие права новым содержанием, что отражается, во-первых, в динамично развивающемся отраслевом законодательстве¹ и, во-вторых, в концентрированном виде в формировании общих правовых норм, составляющих основу цифровизации.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», регулирующий основные вопросы, связанные с организацией и проведением образовательного процесса в России, закрепляет понятия электронного обучения. В соответствии со ст. 16 данного нормативного правового акта, электронное обучение – это организация образова-

* *Арутюнян Радмила Эдуардовна* – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Пятигорского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

тельного процесса с использованием содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников.

С 2019 г. по 2024 г. в России действует национальный проект «Образование», в рамках которого реализуется проект «Цифровая образовательная среда». Был принят национальный проект «Цифровая экономика», который также предусматривает внедрение информационных технологий в образование.

Развитие цифровых технологий со временем требует от традиционных образовательных учреждений поиска новых и инновационных решений и совершенствования существующих методов обучения и приобретения профессиональных навыков (в том числе правовых знаний) на основе достижений в области цифровых технологий. В организации обучения и различных видов деятельности в юридической сфере, в частности, возникают новые реалии, порожденные цифровизацией.

Цифровые технологии обуславливают разработку новых концептуальных, организационных и управленческих подходов к формированию системы профессиональной подготовки юристов, развитие адаптированных к цифровым реалиям форм и направлений юридического образования (специализации), обновление элементов содержания юридического образования и т. д., разработку комплексных инновационных моделей управления профессиональной подготовкой и переподготовкой кадров в условиях цифровой экономики, изменение подходов к юридическому образованию².

Проблема цифровизации в юридическом образовании заключается в том, что от преподавателей по закону не требуется компетентность в области информационных технологий. Некоторые ученые-юристы утверждают, что требования к будущим преподавателям должны быть изменены с учетом новой реальности. Другой проблемой является отсутствие достаточной компетентности у студентов. Необходимо законодательно закрепить дисциплину, направленную на обучение студентов необходимым навыкам в области информационных технологий.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению «Юриспруденция» закрепляет компетенцию, по которой студент должен уметь целенаправленно и эффективно получать юридически значимую информацию из различных источников, включая правовые базы данных, решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий и с учетом требований информационной безопасности³.

Поэтому, чтобы выпускать успешных профессионалов в юридической сфере, университетам необходимо не только внедрять современные технологии в свои образовательные программы, но и обучать своих студентов цифровым компетенциям. Таким образом, информационная культура, требуемая от студентов, является одним из важнейших элементов общего уровня культуры.

Цифровые технологии становятся неотъемлемым атрибутом в преподавании и обучении юристов, так как широко востребованными становятся онлайн-курсы и консультации, общедоступные учебники, тренинг системы⁴. К компьютерным справочным правовым системам можно отнести «Гарант» и «Консультант Плюс». Данные программы автоматизирует процесс поиска информации.

К новым подходам в организации юридического образования, предполагающим использование цифровых технологий, можно отнести:

- непрерывное обучение (постоянное, добровольное и самомотивированное получение правовых знаний);

- обучение через опыт (прохождение практик, а также воспроизведение процессов и ситуаций, обеспечивающих интерактивный опыт обучения с контролируемым уровнем рисков, разработка решений реальных правовых проблем);

- адаптивное обучение – разработки учебных курсов таким образом, чтобы студенты с разным начальным уровнем подготовки могли по индивидуальным траекториям изучать дисциплину и достигать единых результатов обучения, определенных образовательной программой;

- коллаборацию – объединение усилий разных групп профессионалов, организаций, учебных заведений и их структурных подразделений для создания и продвижения цифровых образовательных курсов в области юриспруденции. Инструментом организации являются социальные сети.

Анализируя статистику, можно наблюдать избыток кадров в юридической сфере. В связи с этим цифровизация юридического образования состоит не только во внедрении новых технологий в учебный процесс, но и в обучении будущих юристов навыкам в сфере информационных технологий, так как подготовка специалистов, отвечающих вызовом цифровой эпохи, является основой конкурентоспособности юристов в современном мире.

Преимущества цифрового юридического образования многочисленны, например, экономия временных ресурсов; доступность образования, совмещение студентами учебы и практики, что, безусловно, будет конкурентным

преимуществом; не переезжать из своего города, но при этом учиться в вузе своей мечты и т. п.

Однако ряд авторов предостерегают от чрезмерного внедрения цифровых технологий в юридическое образование, предполагая взвешенный подход к их внедрению в учебный процесс, прагматично соотнося задачи, стоящие перед образованием, с теми инструментами, которые способны их решать. Также неблагоприятное внедрение онлайн-образования проявляется в уменьшении взаимодействия между преподавателями и студентами, что является существенным⁵.

Другие авторы приходят к выводу о том, что в ближайшем будущем необходимость в количестве юристов будет только сокращаться, так как юридическая деятельность во многом поддается цифровизации, в связи с чем возникает необходимость в подготовке сетевых юристов. Требуется переориентация образования, нацеленная на добывание и усвоение новых знаний⁶.

Таким образом, цифровые технологии создают новые возможности для развития юридического образования, однако их интеграция в образовательный процесс вызывает ряд сложностей. Также, с одной стороны, совершенствование системы подготовки юристов должно основываться на применении современных методов обучения, предполагающих эффективное использование цифровых технологий. Именно их внедрение в уже сложившиеся обучающие практики становится залогом успеха в цифровом образовательном мире. С другой стороны, эта тенденция несет в себе серьезную опасность, начиная с потенциально низкого качества образования, заканчивая проблемой социализации⁷. Необходимо в той или иной мере придерживаться традиционного подхода к преподаванию.

¹ *Хачатуров Р. А.* Становление отраслей права Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1(41). С. 91 – 97.

² *Жуковская Н. Ю., Калинина Е. В.* Трансформация системы профессиональной подготовки юристов в условиях цифровой экономики (организационно-управленческие аспекты) // Тренды и управление. 2018. № 4. С. 11–16.

³ Приказ Минобрнауки России от 13 августа 2020 г. № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» (Зарегистрировано в Минюсте России 7 сентября 2020 г. № 59673) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ *Ершова И. В., Тарасенко О. А.* Цифровое преобразование подготовки юристов: от программной модели к практике реализации // Юридическое образование и наука. 2019. № 3. С. 16–21.

⁵ *Цареградская Ю. К.* Высшее юридическое онлайн-образование: миф или реальность? // Юридическое образование и наука. 2019. № 1. С. 3–4.

⁶ *Корнев А. В.* Цифровые технологии, социальные процессы, модернизация права и возможное будущее российского юридического образования // LexRussica. 2019. № 4(149). С. 23–30.

⁷ *Мушкатеров М.* К вопросу о цифровизации юридического образования. – https://zakon.ru/blog/2022/1/28/k_voprosu_o_cifrovizacii_yuridicheskogo_obrazovaniya (дата обращения: 17.02.2023).

Ф. Р. Мовсумова*

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Нынешняя страсть к технологиям (технофилия) в образовании оказывает глубокое влияние на класс, изменяя отношения между учителем и учеником и между коллегами, поскольку такие отношения все больше основываются на биноме «субъект – машина», несмотря на прямую интерессубъективность, уменьшающую таким образом способность формировать связи, уровень связи между учителем и учениками, а также между учениками. Параллельно разрабатываются новые процессы обучения, в которых учителя становятся координаторами процесса, а не носителями специальных знаний, которые необходимо преподавать.

До сих пор юридическое образование имело тенденцию быть «ретроспективным», основанным на передаче устоявшихся знаний, анализе существующих законов, постановлений, дел и т. д. Это создает впечатление, что изучение и понимание исторического развития позволяет решать будущие проблемы, путем применения предыдущих доктрин и юридических решений. Таким образом, отношения педагога и ученика были обязательно иерархическими.

* *Мовсумова Фарида Рауф кызы* – старший преподаватель кафедры права Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку); докторант Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Азербайджанской Республики (Баку).

Но прошлый опыт, которым обладает преподаватель, обладающий знаниями и авторитетом, может оказаться неактуальным в меняющейся реальности, когда вся информация доступна в Интернете. Таким образом, образование должно стать гораздо более дальновидным и основанным на навыках, а не на содержании. Массовое производство и доступность цифровой информации привели к широкомасштабным техническим и социальным изменениям, которые создают новые методологические проблемы для юридических исследований. Получение юридически значимой информации с помощью цифровых средств, такой как судебные решения, государственные правила, контракты, доктринальные и научные тексты, исследования, юридические факты и их метаданные, такие как количество слов, а также меж- и гипертекстовые связи, вызывают плюрализацию методов. Традиционная («аналогическая») герменевтика права будет все чаще учитывать знания, полученные в результате анализа данных, которые становятся все более и более «цифровыми»¹.

Цифровизация права, то есть распространение правовых данных и автоматизация сбора юридически значимой информации, делает доступными дополнительные формы правовых знаний, поскольку меняет способы представления этих знаний. Обработка юридических данных также предполагает изменение традиционных функций правового знания, которые по сути представляют собой систематизацию и обобщение регулятивных структур для целей производства знаний и в качестве резервуара вариантов регулирования. Анализ юридических данных добавляет к юридическим знаниям, как минимум, две функции:

– обеспечивает определенную предсказуемость конкретного результата юридических решений, что может

повысить правовую прозрачность и последовательность решений судов, а также предотвратить, например, нарушения прав человека со стороны государства;

– демонстрирует эффективность правил или правовых режимов, что может быть интересно, например, для лучшего понимания условий общего соответствия нормам.

Юридические знания, полученные таким образом, затем могут быть использованы для совершенствования процесса принятия решений и законотворчества. Необходимо достичь синергии между традиционной правовой рациональностью, которая делает юридическую рациональность видимой и применяемой, и подходами, основанными на данных, и это могло бы повысить надежность права, но не забывая при этом о необходимости критического упорядочения этого процесса. В этом смысле эмпирические количественные юридические исследования могут стать еще одной основой, на которой могут формироваться или критиковаться доктринальные аргументы, наряду, например, с историческими или этическими аргументами².

Юридическое образование должно пройти процесс перехода от получения традиционных знаний к системно иному, построенному на основе информационных технологий. Меры по компьютеризации образования должны быть направлены на подготовку учащихся таким образом, чтобы они могли эффективно работать в новых экономических условиях. Будущему юристу важно получить не только определенный объем теоретических знаний, но и практические навыки. Цифровые процессы этому способствуют.

Выпускники юридических факультетов должны уметь безопасно квалифицировать конкретную правовую ситуацию, получая необходимую информацию из нескольких

видов источников, что означает развитие хорошего владения навыками, связанными с цифровыми технологиями. Им необходимо приобретать знания о создании и обращении электронных документов типа петиций, а также о взаимодействии с физическими и юридическими лицами посредством информационных и телекоммуникационных технологий. При этом необходимо учитывать юридическую и техническую защиту от искажения информации. Это приводит, например, к внедрению больших данных в повседневную юридическую практику, что существенно снизит важность проверки документов. С использованием таких технологических систем использование противоправной информации станет все более затруднительным, а это упростит работу юриста, поскольку ему придется каждый день иметь дело, например, с нечестными оппонентами.

Будущих юристов необходимо обучать не только классическим знаниям и навыкам, но и использованию самых разнообразных технических средств, что позволит наиболее полно распространять информацию по изучаемым темам, помимо помощи в проведении занятий, стать более практичным³.

Необходимо рассмотреть, какие аспекты технологии необходимо включить в основные курсы – блокчейн в контрактах и собственности, электронное открытие в гражданском процессе и т. д., необходимы ли новые предметы, такие как программирование для юристов. Возможно, всем юристам необходимы определенные базовые технологические способности, но в остальном это будет вопрос личных предпочтений, связанных с приобретенными технологическими навыками.

Юридические работники-люди продолжают существовать, но им придется адаптировать свои навыки к посто-

янно меняющемуся миру. Технологические достижения могут опередить юриста и изменить его работу, а клиенты вскоре смогут получить доступ к персонализированным юридическим консультациям и документации без необходимости в адвокате. Цифровые технологии дадут эффективные формы разрешения конфликтов. Возможно, споры, связанные с автомобильными авариями, очень скоро будут разрешаться путем проверки записей и программирования автоматизированного транспортного средства; жалобы потребителей на услуги доставки могут быть быстро решены посредством проверки GPS; возможно, процедуры развода начнутся с того момента, как чей-то смартфон через GPS и текстовые сообщения обнаружит, что кто-то из пары изменил; и, возможно, завещание будет исполнено, как только носимое устройство обнаружит смерть своего пользователя⁴.

Альтернативный взгляд на эту ситуацию заключается в том, что только юристы-люди могут заниматься юридической практикой, и к такому выводу можно прийти с трех точек зрения:

а) юрист-человек необходим для защиты клиентов от неквалифицированных и неэтичных действий, тем самым способствуя компетентности и честности в общественных интересах. Отношения между адвокатом и клиентом являются не просто коммерческими или потребительскими, но и фидуциарными, в отличие от отношений с водителем такси, турагентом или агентом по недвижимости, которые пошатнули Uber, Expedia и AirBnB;

б) юридическая практика требует, чтобы адвокат обеспечивал клиенту суждение, осмотрительность, творческий подход, сочувствие и понимание – характеристики, которые очень человечны и, возможно, полностью приоб-

рести их в ближайшее время с помощью алгоритмов невозможно;

в) юристы в своих многочисленных ролях необходимы для поддержания гражданского общества, свободы и верховенства закона – ценностей, целей и условий, которые люди стремятся защитить⁵.

Однако каждой из этих причин может оказаться недостаточно, чтобы сдержать эволюционное развитие технологий. Если юридические услуги недоступны или не оценены по той ценности, которую они предлагают, потребители будут выбирать юридические услуги, предоставляемые с помощью технологий, даже если они имеют более низкое качество. Хотя на самом деле во многих случаях технологии могут быть даже такими же хорошими или даже лучше, чем услуги человеческих юристов. Текущая загадка, с которой сталкивается юридическое образование и практика, отражена в таких афоризмах, как «время покажет» и «время никого не ждет». Таким образом, новые юридические операторы (в основном юристы) должны быть оснащены необходимыми навыками для выполнения своего призвания в этой постоянно меняющейся среде.

© Мовсумова Ф. Р., 2023

¹ Носов С. И. О некоторых проблемах юридического образования и аттестации научных кадров высшей квалификации // Юрист. 2013. № 14. С. 39–46.

² Шевелева Н. А., Лаврикова М. Ю. Некоторые проблемы нового этапа развития юридического образования // Закон. 2014. № 1. С. 42–50.

³ Захаров В. В., Ильина Т. Н. Юридическое образование в Германии: конкуренция традиций и новаций в контексте эволюции правовой системы // Юридическое образование в странах Европы и Америки. 2013. № 2. С. 40–45.

⁴ Nagan M. L. Modernising Legal Education. Cambridge, 2020.

P. 109–125.

⁵ *Thomson D. I.* Online Learning and the Future of Legal Education: University of Denver Legal Studies Research Paper. Denver, 2020. N. 20-01. P. 1–26.

С. А. Бурьянов*
М. С. Бурьянов**

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Глобальная цифровизация сегодня становится трендом не только экономики¹, но и всех сфер общественно-техноприроднокосмических взаимодействий. Современные исследователи отмечают фундаментальность происходящих общественных трансформаций «в самом широком спектре областей, включая, для примера, искусственный интеллект, роботизацию, Интернет вещей, автомобилороботы, трехмерную печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, накопление и хранение энергии, квантовые вычисления»². Новые возможности несут разрабатываемые на принципах открытости и децентрализации Интернет-технологии Web 3.0. Развитие следующего поколения Web 4.0 будет направлено на усиление интеграции виртуальных и реальных объектов, что создает еще более существенные возможности для развития эко-

* *Бурьянов Сергей Анатольевич* – доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент.

** *Бурьянов Максим Сергеевич* – магистрант департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета; эксперт молодежной группы стран СНГ МСЭ ООН (ITU UN); эксперт Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

номики и образования. Осенью 2022 г. был запущен проект чат-бота от технологической компании OpenAI ChatGPT (Generative Pre-trained Transformer). Уже весной 2023 г. стала доступна новая версия GPT-4, способная взаимодействовать в режиме диалога с достаточно широким спектром возможностей от ответов на вопросы до написания кода. Технологические новинки наряду с интересом вывали многочисленные опасения по поводу безопасности. Общей тенденцией является появление новых глобальных вызовов 4.0, связанных с внедрением цифровых технологий. В условиях усиления глобальных негативных последствий, в том числе угрожающих самому существованию цивилизации, представляется актуальным исследование значения и перспектив развития юридического образования в контексте поиска адекватных ответов на современные глобальные вызовы человеческой цивилизации.

ООН неоднократно указывала на проблемы развития образования и риски внедрения новых технологий³. В начале 2023 г. А. Гутерриш напомнил, что на Саммите по преобразованию образования, состоявшемся в сентябре 2022 г., страны собрались вместе, чтобы «переосмыслить системы образования, чтобы каждый учащийся имел доступ к знаниям и навыкам, необходимым для достижения успеха»⁴. Глава Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам Ли Цзюньхуа отметил необходимость инвестиций в цифровую грамотность и преодоление цифрового разрыва. «Мы должны продолжать расширять доступ к Интернету и цифровым технологиям для образования», – подчеркнул сотрудник ООН⁵.

Поиск эффективной стратегии преодоления глобальных цифровых вызовов и достижения устойчивого человекоориентированного развития цивилизации должен

быть основан на понимании необходимости большей свободы⁶, самостоятельности и возможности самоопределения людей и их сообществ, вытекающих из усложнения общественных отношений⁷. Это значит, что современное понимание права должно быть неразрывно взаимосвязано с правами человека⁸. Объективной необходимостью является развитие теоретико-правовой концепции, правового регулирования⁹ и иных стадий реализации прав человека в условиях новой цифровой реальности¹⁰. В указанном контексте необходимо принятие Декларации (а затем и пакта) глобальных цифровых прав человека на уровне ООН. «Необходимо создать курс цифровизации, ориентированный на развитие каждого человека и устойчивое развитие человеческой цивилизации, а также организовать внедрение технологий таким образом, чтобы максимизировать выгоды и сократить негативные непреднамеренные последствия и злонамеренное использование»¹¹.

Формирующаяся в последние десятилетия Интернационализация образования включает в себя создание и распространение общих стандартов и норм в образовании, развитие международных образовательных программ, взаимное признание квалификаций и дипломов, а также расширение доступа к образованию для студентов из разных стран и культур. Этот процесс становится все более открытым, взаимопроникающим и приобретает планетарный охват, позволяя говорить о глобализации образования. В целом он стал возможным благодаря развитию технологий, ускоренному обмену информацией и растущей международной связанностью.

Некоторые из преимуществ глобализации образования включают более высокое качество образования, большую доступность образования для разных групп людей, повышение межкультурной осведомленности и уве-

личение международной конкуренции в образовании. Также данная концепция подразумевает учебные программы и практики, которые направлены на развитие глобального мышления, преодоления культурных барьеров и уважения к разнообразию, а также на укрепление межкультурных связей и сотрудничества на международном уровне. Глобальное образование также ориентировано на развитие навыков критического мышления, эффективное принятие решений, управление конфликтами, лидерство и коммуникацию в многонациональной среде. Цель глобального образования – содействие формированию современного общества, которое может эффективно решать глобальные вызовы и улучшать качество жизни людей во всем мире.

Сегодня глобализация образования все более становится цифровой, где использование новых технологий позволяет улучшить обучение, стимулировать инновации и существенно ускорить воспроизводство знаний. Глобальная цифровизация образования 3.0 подразумевает внедрение технологий в образовательном процессе с целью получения доступа к большему количеству информации и улучшения качества образования. Этот процесс может включать в себя использование компьютеров, Интернета, мультимедиа-технологий, онлайн-курсов и других средств, которые помогают учащимся эффективно усваивать знания и навыки.

Наступающая новая эпоха глобальной цифровизации образования 4.0 базируется на внедрении цифровых технологий и инновационных подходов в образовательный процесс, таких как большие данные, искусственный интеллект, блокчейн, виртуальная и дополненная реальность, метавселенные и многие другие. Также цифровизация образования 4.0 может включать в себя широкий спектр

инновационных методик обучения. Это персонализированное обучение, обучение через игры, онлайн-обучение, обучение в виртуальной и дополненной реальности, использование электронных ресурсов и методических материалов. Цифровизация образования 4.0 позволит создать более гибкую, адаптивную и доступную в каждой точке планеты планетарную систему образования, ориентированную на максимально полный учет индивидуальных потребностей и реализацию возможностей каждого ученика.

В условиях стремительной глобальной трансформации мира необходимость формирования глобального образования для преодоления проблем и подготовки людей к жизни в новых условиях усиления глобальных интеграционных процессов носит объективный характер¹². Глобальное юридическое образование 4.0 – интегрированная с наукой планетарная общественная подсистема опережающего воспроизводства знаний, умений и навыков, формируемая для преодоления глобальных негативных последствий и перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации через содействие формированию основ глобальных права¹³ и управления¹⁴, а также для подготовки людей к жизни в изменяющемся, взаимопроникающем, взаимозависимом, цифровом мире¹⁵. В юридических вузах представляется целесообразным введение учебной дисциплины «Правовая глобалистика 4.0».

© Бурьянов С. А., Бурьянов М. С., 2023

¹ *Epifanov A. E., Kudriavtceva R. E., Mironova S. M., Kulik S. V.* Legal aspects of economic regulation in the field of waste management // 18th International Multidisciplinary Scientific Geo-Conference SGEM 2018. Conference proceedings. 2018. P. 553–560.

² *Schwab K.* Shaping the Fourth Industrial Revolution. Portfolio Penguin. 2018.

³ *Guterres* advocates for digital world that ‘strengthens human

rights, advances peace'. – <https://news.un.org/en/story/2020/09/1073292>. (дата обращения: 27.04.2023); UNDESA World Social Report 2020. – <https://www.un.org/development/desa/dspd/world-social-report/2020-2.html> (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ UN chief urges world to commit to transforming education. – <https://www.ungeneva.org/en/news-media/news/2023/01/77133/un-chief-calls-worldwide-commitment-transforming-education> (дата обращения: 27.04.2023).

⁵ UN commission examines threats to global education goal. – <https://www.ungeneva.org/en/news-media/news/2023/04/79871/un-commission-examines-threats-global-education-goal> (дата обращения: 27.04.2023).

⁶ *Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики* / Под ред. Ф. М. Рудинского. М., 2006.

⁷ *Епифанов А. Е.* К вопросу о влиянии международного права на формирование механизмов защиты прав и свобод человека (вопросы теории и истории) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 14–20.

⁸ *Бурьянов М. С.* Значение права в условиях современных глобальных процессов // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы Российской Федерации: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. М., 2018. С. 130–133.

⁹ *Епифанов А. Е., Панченко А. В.* Механизм обеспечения личной безопасности граждан (конституционно-правовой аспект). Волгоград, 2009.

¹⁰ *Комарова В. В.* Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста // Образование и право. 2022. № 2. С. 38–46.

¹¹ *Бурьянов М. С.* Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации. М., 2022.

¹² *Минченко Т. П.* Проблема мировоззренческой идентичности и принцип свободы совести в постсекулярном мире // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 47–51.

¹³ *Бурьянов С. А.* О необходимости глобального права в

контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития // Век глобализации. 2019. № 4(32). С. 129–142.

¹⁴ Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Концепция эволюционного перехода к человекоориентированному глобальному управлению // Век глобализации. 2021. № 3. С. 86–100. DOI: 10.30884/vglob/2021.03.07

¹⁵ Бурьянов С. А., Кривенький А. И. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое // Государство и право. 2019. № 8. С. 95–100.

А. В. Антропов*

ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНЫЕ ПРОГРАММЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Информационно-справочные системы на современном этапе развития юриспруденции определяются как класс компьютерных баз данных, содержащих постоянно обновляющуюся информацию, подкрепленных нормативными документами, которые существенно повышают производительность юристов при решении вопросов правоприменительного характера¹.

Справочно-информационные системы – это любой объект, который одновременно рассматривается и как единое целое, и как объединенная в интересах достижения поставленных целей совокупность разнородных элементов. Существующие системы значительно отличаются между собой как по составу, так и по главным целям. Справочно-информационная система – взаимосвязанная совокупность средств, методов, используемых для хранения, обработки и выдачи информации в интересах достижения поставленных задач.

Основная цель справочно-информационной системы – реализовать информационные процессы в той области деятельности, где данная информационная система функционирует².

* *Антропов Алексей Владимирович* – старший преподаватель – заведующий лабораторией кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург).

Внедрение информационных технологий требует:

– знания базовых информационных процессов, структуры, моделей, методов и средств базовых и прикладных информационных технологий, методики создания, проектирования и сопровождения систем на базе информационной технологий;

– умения применять информационные технологии при решении функциональных задач в различных предметных областях, а также при разработке и проектировании информационных систем;

– получения представления об областях применения информационных технологий и их перспективах в условиях перехода к информационному обществу.

Именно этими критериями было обусловлено создание **информационно-справочной энциклопедии** на базе кафедры криминалистики УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева под названием **CrimLib.info**: это энциклопедия криминалистики и уголовного процесса, которая всегда у вас в кармане и доступна для вас в вашем смартфоне, планшете и компьютере. Данная энциклопедия разработана Бахтеевым Дмитрием Валериевичем, доктором юридических наук, доцентом кафедры криминалистики УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева совместно с членами кафедры криминалистики УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева и будет полезна и студентам юридических вузов, и практикующим юристам, и всем, кто хочет лучше понять профессию следователя, дознавателя и эксперта³.

Существующая энциклопедия CrimLib.info – бесплатно и без рекламы. В ней собран качественный контент по криминалистике и уголовному процессу, исчерпывающе: 544 статьи на русском языке, посвященные актуальным вопросам криминалистики и уголовного процесса, прокурорской и адвокатской деятельности, методические мате-

риалы для студентов, изучающих указанные дисциплины, наличие огромной базы прикрепленной литературы как актуальной на современном этапе, так и литературы прошлых лет. Удобна для пользования – имеет адаптированный формат типа Википедия.

В приложении CrimLib.info⁴ можно найти актуальные источники для научных работ, практической деятельности и материалы, необходимые для учебы.

Описываемая энциклопедическая программа была создана в рамках грантового проекта 18-29-16001 «Комплексное исследование правовых, криминалистических и этических аспектов, связанных с разработкой и функционированием систем искусственного интеллекта» при финансировании РФФИ создан справочник «CrimLib.info – Справочник следователя» в виде приложения для мобильных устройств (смартфоны, планшеты). Он содержит краткую структурированную справочную информацию по отдельным ситуациям следственной деятельности, в первую очередь, по осмотрам мест происшествия. Приложение предназначено для практических сотрудников органов следствия и дознания, студентов юридических вузов и курсантов, обучающихся на программах подготовки сотрудников правоохранительных органов. Используемые платформы: Android, iOS. Срок основной части разработки длился с 2017 г. по 2019 г.

Разработчиками являются Д. В. Бахтеев (руководитель проекта), Р. О. Судариков, А. В. Ивановский, А. В. Антропов, А. А. Беляков. Приложение «CrimLib.info» прошло государственную регистрацию в Роспатенте, внедрено в деятельность сотрудников Следственного комитета России, ряда ведомственных и гражданских вузов.

Мобильное приложение «Справочник следователя» содержит:

– большое количество сведений о тактико-технических особенностях производства следственного осмотра;

– алгоритмы описания отдельных объектов в протоколах следственных действий с обозначением их основных частей и улов в соответствии общепринятой терминологией;

– перечень объектов, решаемых задач и типовых вопросов для различных видов судебных экспертиз;

– системы типовых вопросов для допросов;

– методические рекомендации по расследованию преступлений различных категорий;

– проблемные вопросы квалификации различных составов преступлений;

– бланки и образцы заполнения основных процессуальных документов, составляемых следователем (дознавателем);

– компас и систему регистрации географических координат для ориентирования на местах происшествия, находящихся за чертой населённого пункта.

При первом запуске приложения потребуется загрузка базы данных через wi-fi или мобильную сеть. Большая часть иллюстративного материала и текстов в приложении были специально созданы и внедрены в данное приложение. Материалы соответствуют нормам законодательства Российской Федерации и регулярно актуализируются, и расширяются. С помощью приложения можно быстро перейти на сайт CrimLib.info – Энциклопедия и библиотека криминалистики и уголовного процесса. Приложение для работы не требует выхода в Интернет, обновления можно загрузить по необходимости при возможности подключения к Интернету (исключение – бланки процессуальных документов, доступные только по сети). В

приложении реализована система поиска по основным терминам и разделам. Возможность ставить закладки позволяет быстро вернуться к необходимому материалу. Приложение станет отличным помощником для практикующих следователей и дознавателей, экспертов, а также для всех тех, кто хочет овладеть этой профессией.

Структура приложения:

– *осмотр места происшествия.* Осмотр жилого помещения. Осмотр нежилого помещения. Осмотр участка открытой местности. Осмотр места авиационного происшествия. Осмотр места железнодорожного происшествия. Осмотр места ДТП;

– *осмотр отдельных объектов.* Осмотр трупа и частей трупа. Осмотр орудий и средств преступления. Осмотр цифровых устройств и носителей цифровой информации. Осмотр документов;

– *описание объектов осмотра.* Примеры описания объектов;

– *назначение судебных экспертиз.* Классы и виды экспертиз. Подготовка объектов для исследования. Вопросы экспертам;

– *следственный осмотр.* Подготовка к осмотру. Осмотры по объектам и ситуациям. Отдельные действия при осмотре. Процессуальные требования к вещественным доказательствам. Описание объектов. Изображения типичных объектов следственного осмотра с указанием их основных признаков. Правила, примеры и алгоритмы описания объектов в протоколе. Программы допросов. Программы допросов потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых по различным категориям преступлений. Бланки процессуальных документов. Типовые формы протоколов и постановлений следователя. Образцы процессуальных документов. Образцы заполнения

протоколов, постановлений и иных процессуальных документов.

Справочные информационные системы прочно вошли в современную жизнь общества. Для юристов такие системы служат незаменимыми помощниками, так как с легкостью позволяют решить любой сложности вопросы. На сегодняшний день у каждого есть выбор, какую справочную правовую систему выбрать, общий принцип работы этих программ это сбор, аккумуляция, систематизация, хранение и предоставление всем пользователям различных сведений правового характера.

Таким образом, сама стратегия образовательной политики в юриспруденции расставляет акценты, которые, по мнению А. А. Соколовой, заключаются, во-первых, в изучении современных информационно-коммуникационных технологий; во-вторых, предполагают подготовку элитарной группы специалистов, обладающих знаниями и компетенциями юриста и IT-специалиста, способных совместными усилиями разрабатывать цифровые программы, алгоритмы, др. продукты, наиболее эффективно влияющие на результаты юридической деятельности⁵. Развитие технико-гуманитарной подготовки юристов-интеллектуалов усилит их вклад в филигранную сферу юриспруденции и будет минимизировать риски, связанные с внедрением в экосистему искусственного интеллекта.

© Антропов А. В., 2023

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403203308/#review> (дата обращения: 01.02.2023).

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 2267

29 декабря 2022 года) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ч. I. Ст. 3448; 2023. № 1. Ч. I. Ст. 51.

³ <https://crimlib.info>

⁴ Энциклопедия CrimLib.info находится по ссылке: crimlib.info. Там же находятся ссылки на Google Play и AppStore для загрузки мобильного приложения.

⁵ *Соколова А. А.* Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // *Юридическая техника.* 2019. № 13. С. 356.

А. А. Дерюгин*
Г. Н. Крижановская**

**ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ГЕЙМИФИКАЦИИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

С давних времен единение науки, образования и культуры закладывает основу для реализации социального предназначения образования – передачи новым поколениям граждан Российской Федерации духовно-нравственных ценностей, составляющих ядро российской самобытности. Нашей страной накоплен уникальный опыт осуществления образовательной деятельности – на этом строилась российская государственность и формировалась общероссийская гражданская идентичность.

Сегодня обстановка в мире характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и

* *Дерюгин Алексей Александрович* – начальник кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

** *Крижановская Галина Николаевна* – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент.

моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях. На фоне этого возрастает роль и значение сохранения культурного суверенитета и безопасности национальных образовательных традиций как одного из элементов российских духовно-нравственных ценностей¹.

Однако не стоит забывать о том, что фактором, объективно характеризующим современную реальность, является внедрение цифровых технологий и элементов геймификации во многие сферы общественных отношений, в том числе в образовательную сферу (юридическое образование).

Наверное, ни у кого, не вызывает сомнения то, что цифровизация в целом стимулирует развитие общества и является основой для динамичного развития государства в целом и ведомственной системы образования в частности, благодаря внедрению различных технологических платформ, аналитических и информационных систем, прикладных сервисов и пр.

Развитие системы современного российского образования предполагает активную инновационную и экспериментальную деятельность, что прямо закреплено в ст. 20 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»². В связи с этим, для качественной реализации государственной политики по модернизации образовательной среды особое внимание должно быть обращено на осуществление мероприятий по цифровой трансформации. Поэтому в положениях Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 474 одной из национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. определена «Цифровая трансформация», а распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2021 г.

№ 3759-р утверждено Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования³.

Как показывает практика, за последние два десятилетия цифровизация, информатизация, Интернационализация и широкое применение интерактивных форм и игровых технологий стали новыми тенденциями развития образования. Вопросы о необходимости модернизации российской системы образования поднимаются уже достаточно давно, но не все предложенные и реализуемые действия, как показало время, принесли положительное влияние для нашего общества и государства. Причин таких изменений несколько: и быстро развивающийся мир, и желание Российской Федерации присоединиться к Болонскому процессу, и трансформация личностных качеств молодежи.

Сейчас стало понятно, что попытка интегрировать западные стандарты и принципы в российскую систему образования было серьезной ошибкой: под угрозой оказалась самобытность российского образования, с его традициями, устоями, духовно-нравственными ценностями; негативному воздействию подверглась высшая школа и российская интеллигенция; многоуровневая система высшего образования, готовившая эффективных и востребованных специалистов, оказалась практически разрушена. По своей сути, присоединение к Болонской системе высшего образования нанесло нашей стране удар по ее культурному суверенитету.

Необходимость отстаивать национальные интересы требует от нашей страны провести модернизацию системы образования, с целью в кратчайшие сроки подготовить высококвалифицированных специалистов, в том числе и выпускников ведомственных образовательных организа-

ций высшего образования, получающих юридическое образование.

Сейчас реалии таковы, что в кратчайшие сроки необходимо искать новые пути повышения качества усвоения обучающимися учебного материала. И делать это нужно обязательно с учетом психологических и биологических особенностей современной молодежи. Среди них можно выделить следующие факторы.

Во-первых, современная молодежь чаще находится в виртуальном пространстве онлайн, чем офлайн.

Во-вторых, современная молодежь, находится под влиянием общения в социальных сетях где определяющая работоспособность заключается в том, что посты в социальных сетях позволяют человеку очень быстро достичь одобрения в виде «лайка» как результата своей деятельности. Молодые люди считают, что признание должно обязательно повлечь за собой популярность, будь то трудовой коллектив, дружеская компания или социальные сети.

Поэтому, одной из важных задач в рамках образовательной деятельности, является необходимость показать молодым людям важность постоянной, кропотливой и систематической работы, увлечь этой работой, научить получать от нее удовлетворение, показать прямую зависимость авторитета молодого человека в обществе, от его умения и желания трудиться, достигнутых успехов, уровня компетентности, важности его индивидуальных достижений для общества и государства.

Важный фактор современного образования – интерактивность. Современная молодежь не может находиться вне виртуального социума, у них есть потребность постоянно быть на связи. В связи с этим обучающихся следует вовлекать в систематическое практическое взаимодействие как между собой, так и с преподавателем через раз-

личные игровые технологии, в образовательных и воспитательных целях.

Все перечисленные меры и являются элементами геймификации образования, под которой принято понимать процесс внедрения элементов игры и соревнования в любой неигровой процесс – обучение и воспитание.

Стоит заметить, что в настоящее время нет общего понимания сущности геймификации. Данное явление рассматривается исходя из двух подходов – как средство (инструмент) и как определенный процесс⁴. В большинстве своем исследователи данного явления понимают под геймификацией «использование игровых элементов, игровой механики, игрового дизайна и структуры в неигровых контекстах»⁵ (например, в образовании) в целях повышения мотивации и производительности.

Тем не менее, геймификация является органичным процессом, так как использует естественные склонности людей к конкуренции, соревнованиям, сотрудничеству и достижениям. Главная задача геймификации состоит в вовлечении обучающихся в процесс получения знаний, максимального повышения эффективности образовательной деятельности. Вовлечение достигается через повышение мотивации обучающегося. Разрабатывая программу изучения учебной дисциплины в рамках процесса геймификации, преподаватель должен постараться разбить «образовательный маршрут обучающегося» таким образом, чтобы в процессе обучения он мог достичь нескольких конкретных целей, достижение каждой из которых будет двигать его вперед, а итогом станет формирование запланированных компетенций будущего специалиста.

Инструментами вовлечения могут стать уровни, которые обучающийся должен пройти, чтобы быть допущенным к сессии, рейтинг и вознаграждения в виде баллов

или других форм поощрения. В ведомственной системе образования это может быть возможность продвинуться по карьерной лестнице (получить воинское или специальное звание на ступень выше занимаемой должности и пр.), дополнительное увольнение, несколько дней, прибавленных к каникулярному отпуску, различные меры материального стимулирования и т. д. Каждый новый уровень должен быть сложнее предыдущего, соответственно, и вознаграждение за каждый новый уровень должно быть выше. Вознаграждение, получаемое обучающимся на промежуточных этапах изучения учебной дисциплины, будет побуждать его действовать быстрее и лучше, стимулировать дополнительный интерес к изучаемой дисциплине и к процессу обучения в целом.

Геймификацию стоит отличать от обучения с применением игровых технологий, о необходимости внедрения которых в учебный процесс мы уже писали⁶. Применение игровых технологий позволяет внедрить в конкретное занятие или цикл занятий элементы игры, геймификация же является более комплексным подходом и предполагает внедрение балльно-рейтинговой системы и применения игровых методик в ходе процесса обучения в целом в оффлайн и онлайн пространстве.

И геймификация, и внедрение игровых технологий побуждают обучающихся действовать самостоятельно, делают их активными участниками образовательного процесса, повышают мотивацию обучающихся, активизируют их творческий потенциал посредством использования разнообразных видов как учебной, так и внеучебной деятельности. Последний момент является очень важным. Потому что позволяет выйти в процессе изучения дисциплины за рамки аудиторных занятий, плавно перейти от образовательной к исследовательской деятельности обу-

чающегося. При этом обучающийся сознательно делает этот шаг, так как понимает, что чем он активнее и результативнее участвует в олимпиадах, научных конференциях и других представительских мероприятиях, пишет научные статьи и рефераты, тем выше его рейтинг среди сверстников, тем выше его самооценка.

Все это будет способствовать решению еще одной важной задачи – патриотическому воспитанию молодежи, позволит внедрить в ее сознание глубокое внутреннее уважение к Родине, к старшему поколению, традиционные российские ценности семьи, долга, чести, ответственности, уважения к народам, населяющим Россию. Это может стать мощным «щитом» от проникновения и укоренения чуждых и вредных западных ценностей в молодежную среду, позволит им ощутить нашу суверенность.

Как правило, ведомственные учебные выпускают офицеров, которые в будущем должны и обязаны оказывать непосредственное воспитательное воздействие на своих подчиненных и окружающих граждан. Здесь их миссия равна миссии учителя. Как для учителя, так и для офицера особенно важно знание законов, истории и традиций своей страны. Это очень важно для защиты российского общества, прежде всего молодежи, которая является объектом информационных атак, проведения информационных операций.

Таким образом, цифровая трансформация юридического образования за счет применения элементов геймификации выступает как целенаправленное создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество юридического образования, объективно значимые потребности личности, общества и государства, культурный суверенитет, устой-

чивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Внедрение новых высокотехнологичных образовательных решений должно стать одной из важнейших задач по цифровой трансформации образовательной деятельности, в ведомственных организациях, ставящих цели по подготовке кадров в области обороны и безопасности государства с учетом передовых мировых тенденций, а также российского опыта цифровой трансформации. Это будет способствовать не только накоплению знаний у обучающихся, но и развивать у них способность учиться, ориентируясь в большом информационном потоке, оценивая актуальность знаний и навыков для будущей самостоятельной практической деятельности.

Явление геймификации в юридическом образовании следует рассматривать не только как следствие цифровизации данной области, но и как применение различных игровых элементов не в виртуальной среде. Преимущества использования данного подхода очевидны: игра позволяет посмотреть на практическую правовую проблему (ситуацию) с разных сторон, структурировать групповую дискуссию и индивидуальную умственную деятельность, обладает стимулирующим эффектом для обучающихся.

Использование геймификации в образовательной деятельности и во вне учебное время, позволит решить одновременно несколько проблем:

1) происходит формирование морально-деловых качеств обучающихся на основе осмысления ими правовых, нравственных и социальных установок;

2) раскрываются закономерности и характерные черты функционирования и развития явлений объективной реальности через моделирование игровых ситуаций (например, каких-либо юридических фактов);

3) становится возможным изучение форм и способов взаимодействия субъектов правоотношений в ходе моделирования социально-ролевых игр.

Применение игровых технологий формирует у обучающихся различные необходимые им в будущем навыки и компетенции. Среди них мотивационная готовность к межличностному взаимодействию во внеучебной деятельности; навыки многомерного освоения учебного материала; эффективного использования знаний в практической деятельности; техники публичного выступления; способности к мобилизации интеллектуального потенциала в ситуациях повышенной сложности. Кроме того, растет личностная и профессиональная самооценка обучающихся, возрастает желание обучающихся постоянно самосовершенствоваться.

© Дерюгин А. А., Крижановская Г. Н., 2023

¹ Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2014. № 52. Ч. I. Ст. 7753; Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 31 декабря.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2021 года № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования». – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403203308/> (дата обращения: 21.02.2023).

⁴ Муравская С. А., Смирнова М. М. Геймификация: подходы к определению и основные направления исследований в ме-

неджменте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Менеджмент. 2019. № 18(4). С. 510–530.

⁵ Аверин А. В., Погодина И. В., Авдеев Д. А. Применение геймификации в государственном управлении (потенциал технологии) // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 10. С. 18–22.

⁶ Крижановская Г. Н., Нестерова Н. В., Коновалова М. Н. Игровые технологии в преподавании исторических дисциплин как фактор повышения интереса к истории у молодежи // Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: вузовское измерение. Конституционные ценности и развитие парламентаризма в России: ко 20-летию Конституции Российской Федерации: Материалы IX Международной научно-практической конференции / Под ред. Т. С. Болховитиной. Брянск, 2014. С. 203–210.

К. В. Макарова*

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОМУ НИГИЛИЗМУ

Юридическое образование является достаточно важным аспектом правоотношений в обществе, формирует правосознание личности, которое достигается в рамках юридического образования.

В современных условиях развития общества остро встает проблема правового нигилизма. Нигилизм – негативное явление в обществе, отрицание успешного регулирования взаимоотношений между людьми. Н. И. Матузов и А. В. Малько определяют нигилизм как неуважительное отношение к законам и нормативному порядку, правопорядку¹.

Противодействовать формированию правового нигилизма могут юридическое образование, правовое просвещение, правовое воспитание.

Юридическое образование способствует максимально широкому распространению правовых знаний и идей. Правовое воспитание – продуктивная и планомерная деятельность государства и общества по формированию и повышению правосознания и восприятия культуры населения в целях противодействия правовому нигилизму. Эффективность правового просвещения проявляется в процессе реализации комплекса мер, включающих пропагандистскую работу во всех средствах массовой инфор-

* Макарова Кристина Викторовна – помощник прокурора города Черкесска Карачаево-Черкесской Республики; аспирантка факультета подготовки научных кадров Университета прокуратуры Российской Федерации (Москва).

мации и социальных сетях с учетом региональной специфики, обусловленной особенностями правового менталитета и правовой культуры граждан².

Формированию нигилизма могут противостоять:

- правовое просвещение и правовое информирование граждан;

- совершенствование системы образования и подготовки квалифицированных юридических и педагогических кадров в области права;

- обеспечение правопорядка и повышение правосознания работников государственных и муниципальных органов;

- расширение деятельности в сфере оказания квалифицированной юридической помощи, в том числе создание значимой системы оказания юридической помощи.

Особое внимание в сфере недопущения формирования нигилизма должно быть уделено молодежи, в отношении которой необходимо применять различные меры правового просвещения и правового воспитания.

Субъектами правового просвещения населения выступают органы прокуратуры, о чем свидетельствует приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию»³. В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» основная цель функционирования данного ведомства состоит в обеспечении законности. Прокурор как представитель и выразитель воли государства посредством правовых инструментов должен выявлять правонарушения и принуждать виновных к устранению причин и условий, способствующих их совершению, а также привлекать виновных лиц к ответственности и возмещению

причиненного вреда. Однако важно не допустить совершения правонарушений (для чего и нужна профилактика)⁴. Деятельность прокуратуры по предупреждению противоправных действий может осуществляться как в процессе прокурорского надзора, так и впоследствии при реализации ненадзорных функций. Одним из таких направлений ненадзорной деятельности и является правовое просвещение⁵.

Органы прокуратуры современной России имеют ведомственные информационные системы, позволяющие решать задачи, направленные на осуществление правового просвещения и правового информирования населения (например, информационную систему обеспечения надзора за исполнением законов; государственные информационные системы (государственная автоматизированная система правовой статистики, информационно-аналитический ресурс «Портал правовой статистики» (crimestat.ru), официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации (genproc.gov.ru) единой системы межведомственного электронного взаимодействия, локальные сайты региональных ведомств).

Несмотря на стремление прокурорских работников, особенно в регионах, к активному использованию новых цифровых технологий, очевидны некоторые проблемы:

- на платформах прокуратуры нет удобных поисковых программ, способных в один клик предоставлять искомую информацию;

- недостаточно быстро работает система обратной связи с населением. Для оперативного двустороннего контакта можно было бы использовать роботизированные программы, как это делается в некоторых государственных и частных структурах;

- многие региональные прокуратуры при планирова-

нии пропагандистской и просветительской работы используют устоявшиеся стереотипы⁶.

Таким образом, правовой нигилизм осложняет построение правового государства и развитие гражданского общества. Для формирования высокой правовой культуры населения и противодействия правовому нигилизму важное значение имеют юридическое образование, правовое просвещение, правовое воспитание.

© Макарова К. В., 2023

¹ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. М., 2004.

² Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утверждены Президентом России 28 апреля 2011 года № Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля.

³ Худойкина Т. В. Правовое воспитание как основной фактор предупреждения юридических конфликтов // Глобальный научный потенциал. 2015. № 11(56). С. 206–208.

⁴ Петров А. И. К вопросу о понимании сущности правового просвещения как самостоятельной функции органов прокуратуры // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 1(7). С. 85–90.

⁵ Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ (ред. от 24 июня 2023 года) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6725; <http://pravo.gov.ru> - 24.06.2023.

⁶ Брыжинская Г. В. Факторы правовой социализации // Перспективы науки. 2015. № 11(74). С. 100–102.

Е. С. Хозикова*

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ В РОССИИ: ТОЧКИ РОСТА

Общепринятой является точка зрения, что система современного юридического образования восходит к XI в., когда в юридической школе Болоньи началось преподавание римского права на основе «Corpus Juris Civilis» Юстиниана и канонического права. К концу XII в. в Болонье уже обучалось не менее 1000 студентов, потому что это отвечало потребности их участия в развитии новых правовых институций при европейских королевских дворах.

Одним из первых факультетов, появившихся в европейских университетах, наряду с философскими, искусств и медицинскими, стали юридические факультеты. Например, Парижский договор 1229 г. между королем Франции Людовиком IX и графом Тулузским Раймундом VII по окончании Альбигонского крестового похода обязывал последнего учредить двух магистров канонического права, помимо магистров теологии и искусств во вновь открывающемся Тулузском университете.

Вопросы рациональной организации общества и государства, создания справедливых законов на правовых началах являются цивилизационной повесткой человечества. Поэтому уже более тысячи лет интерес к юридиче-

* *Хозикова Екатерина Сергеевна* – преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

скому образованию и юридической профессии на всех континентах мира не ослабевает.

Значимость юридической профессии неоднократно отмечали видные ученые. Так, О. Е. Кутафин, выступая в роли провидца, говорил: «Я уверен, что юридическая профессия будет вечной, и чем дальше, тем более популярной»¹.

Современные юристы в нашей стране – это славные наследники российских «законоискусников», «законоведов» и «правоведов». Юридическая профессия многие годы является одной из самых востребованных в России.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), профессии специалиста в юридической сфере традиционно входят в топ-5 самых престижных профессий в России². Если брать распределение по годам, то среди опрошенных в 2021 г. о престижности работы в качестве специалиста в юридической сфере (юрист, адвокат, прокурор) заявили 13 %, в 2018 г. – 14 %, в 2012 г. – 23 %, в 2009 г. – 20 %, в 2006 г. – 28 % опрошенных. Несмотря на существенное снижение уровня оценки престижности профессии юриста по сравнению с 2006 г. (-15 п. п.), профессии в сфере юриспруденции среди молодых россиян 18–24 лет по престижности занимают второе место (20 % опрошенных), уступая только работникам медицинской сферы (32 %).

Ежегодный набор на юридические факультеты вызывает ажиотаж у абитуриентов. По словам ректора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова В. А. Садовниченко, «конкурс среди поступающих в 2021 г. составил более девяти человек на место. Высокий конкурс на факультеты гуманитарные, в том числе юридический»³.

И причин тому несколько. Во-первых, юридическое

образование – это не только определенный набор знаний о правах и свободах личности, но и широта кругозора, возможность работать по значительному спектру направлений, как узко юридических, так и административно-управленческого профиля, в государственных и частных компаниях, перспективы карьерного роста и профессионального развития. Значительное число видных государственных деятелей современной России имеют юридическое образование. В их числе Д. Ю. Григоренко, А. А. Козлов, В. А. Колокольцев, А. О. Котяков, Д. В. Мантуров, Д. А. Медведев, В. Н. Фальков, К. А. Чуйченко и другие.

Во-вторых, так или иначе, применять некоторые юридические знания приходится ежедневно каждому человеку. Трудовые отношения по месту работы, авторские права на продукты интеллектуальной деятельности, обеспечение права на свободный доступ и распространение информации, наследственные отношения, сделки, договоры купли-продажи, мены, аренды, дарения и другие прочно вошли в повседневную жизнь. Как и фраза о том, что незнание закона не освобождает от ответственности. Повседневная действительность такова, что каждый стремится не только знать свои права и обязанности, но и активно отстаивать их в нормативно установленном порядке. Именно поэтому все чаще проявляется стремление овладеть юридическими знаниями с целью свободной реализации своих прав и свобод.

Однако не все так радужно в юридическом сообществе в современной России. Специалисты отмечают переизбыток юридических кадров на фоне имеющегося дефицита высококвалифицированных специалистов, способных решать многопрофильные задачи. По справедливому замечанию ряда авторов, противоречия между ожидани-

ями работодателей и компетенций выпускников юридических вузов из небольшого разлома превращаются в видимую трещину⁴.

Соглашаясь с позицией Н. С. Нижник, которая рассматривает «современную юриспруденцию как комплексный социально-правовой институт, объединяющий профессиональную юридическую деятельность, юридическую науку и юридическое образование»⁵, предположу, что проблема повышения качества образования требует совершенствования по всему фронту, но начинать нужно с того, чему учат юристов – с ревизии и оптимизации нормативных правовых актов.

В настоящее время правовая база в сфере образования охватывает комплекс федеральных законов, постановлений Правительства Российской Федерации, приказов Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации, иных органов власти по профессиональному и дополнительному профессиональному образованию, а также локальные акты самих высших учебных заведений. Здесь же укажем многочисленные изменения в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по направлению подготовки Юриспруденция, в том числе запланированный переход с 3++ на 4.

В связи с этим возникает предложение о проведении кодификации нормативных правовых актов в сфере образования с формированием Образовательного кодекса Российской Федерации, что позволит избежать дублирования норм, объединить огромный массив информации и нормативных правовых актов в единый законодательный акт.

Следующим важным аспектом выступает расширение взгляда на юридическое образование, в том числе за счет

более широкого преподавания юридических дисциплин не юристам. Современная действительность такова, что налицо укрепление междисциплинарных связей, повышение требований к работнику как к специалисту с широким кругозором и обширной областью знаний, расширение содержания знаний, когда узости одной специальности уже недостаточно. Работа современного специалиста предполагает наличие как знаний в области права, так и наличие компетенций в сфере психологии, лингвистики, информатики, математики и т. д.

В этой связи приведем позицию И. А. Честнова, рассматривающего юридическую деятельность как «многомерный феномен, включающий субъектов взаимодействия, ее знаково-ментальное, ценностное опосредование через систему значений и личностных смыслов, образующих картину мира, результат и его оценку, контекст. Контекст юридической деятельности образуют поле права (внутренний контекст) и социокультурные явления и процессы (внешний контекст, включающий историческое измерение этих явлений и процессов)»⁶.

Таким образом, юридическая профессия, оставаясь одной из самых популярных среди молодежи в России, претерпевает значительные изменения. Как видится, дальнейшее совершенствование связано с оптимизацией законодательства – разработкой и принятием Образовательного кодекса Российской Федерации; с универсальным междисциплинарным подходом и расширением преподавания юридических дисциплин на неюридических факультетах; с повышением качества образования – подготовкой высококвалифицированных специалистов, ориентированных на практическую деятельность. Формирование личности молодого юриста должно сочетаться и с педагогическим процессом, направленным на воспитание

честности, неподкупности, безусловного уважения закона и личности.

© Хозикова Е. С., 2023

¹ Олег Кутафин. Первый по праву / [Сост.: И. В. Кравченко, Д. Ю. Мартынкина]. М., 2011. С. 25.

² Престижные профессии: вчера, сегодня ... завтра? // ВЦИОМ: официальный сайт. – <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prestizhnye-professii-vchera-segodnja-zavtra> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Ректор МГУ рассказал о конкурсе в вуз // РИА «Новости»: официальный сайт. – <https://ria.ru/20210727/sadovnichiy-1743111128.html> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴ Дивеева Н. И., Дмитрикова Е. А., Минина В. Н. Корпоративные университеты: партнерство vs конкуренция? // Управление бизнесом в цифровой экономике: Сборник тезисов выступлений Четвертой международной конференции «Управление бизнесом в цифровой экономике» (Санкт-Петербург, 18–19 марта 2021 г.) / Под общ. ред. И. А. Аренкова, М. К. Ценжарик. СПб., 2021. С. 317.

⁵ Нижник Н. С. Российская юриспруденция: симбиоз юридической практики, юридической науки и образования? // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 3(16). С. 91.

⁶ Честнов И. Л. Юридическая деятельность в постклассической перспективе // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 8. С. 5–21.

А. В. Кузьмин*

**СУВЕРЕНИЗАЦИЯ ПРАВА
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ СОГЛАСОВАНИИ
ИЗУЧАЕМОГО МАТЕРИАЛА КАК ФАКТОР
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ
ДИСЦИПЛИН**

В современной юриспруденции система межнаучных связей имеет большое значение. Следует отметить, в частности, единство объекта и методологии исследования различных юридических наук. Особое место в процессе согласования научной информации занимает теоретическая наука о праве. Именно теория государства и права формирует представление об основных и общих закономерностях развития государства и права, именно теория государства и права обобщает и универсализирует информацию о признаках юридических понятий и свойствах юридических явлений. Безусловно, в отношении юридической науки вряд ли имеет смысл жёсткое согласование с теорией государства и права, поскольку реализация принципа научно-методологического плюрализма неизбежно породит различные, зачастую противоречивые взгляды, концепции и теории. Совершенно иное значение имеет междисциплинарное согласование в рамках единого учебного процесса.

* *Кузьмин Андрей Владимирович* – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.

Здесь задачи юридических дисциплин иные, нежели у науки. Относительно теории государства и права сюда, в частности, можно отнести, во-первых, уяснение и закрепление первичных правовых понятий и принципов, необходимых для эффективного изучения отраслевых и прикладных юридических дисциплин; во-вторых, овладение знаниями, имеющими базовое значение для профессиональной подготовки юриста; в-третьих, формирование у студентов юридического мировоззрения, правовой культуры, способности принимать обоснованные, юридически грамотные решения в процессе юридической деятельности; в-четвёртых, активизация интереса к избранной специальности, выработка стремления к повышению профессиональной квалификации.

Исходя из базового характера теории государства и права, важно определять **параметры взаимодействия теории государства и права с другими юридическими дисциплинами.**

Такое взаимодействие важно проводить по следующим позициям:

– по приданию единства теоретико-правовым понятиям, общим для всех юридических дисциплин. Очевидно, что такие понятия, как «норма права», «правонарушение», «правоприменение», «правотворчество», «юридическая ответственность» должны быть согласованы, несмотря на различие в принципиальных подходах к проблеме преподавателей, читающих общетеоретический и отраслевые курсы;

– по учёту альтернативных научных позиций при изучении юридических конструкций. Здесь крайне важно учитывать различие в принципиальном восприятии отдельных юридических конструкций в рамках теории государства и права и отраслевых юридических наук. Класси-

ческий пример – структура нормы права в теории государства и права, в уголовном праве, в международном частном праве;

– *по примерам из законодательства.* Понятно, что теория государств и права – общетеоретическая наука, не ограничивающая предмет изучения российским законодательством. Однако наилучшим образом студентами в рамках учебного процесса воспринимается в качестве примера законодательство именно своего государства. Особенно актуально это в рамках изучения системы законодательства, источников права, правового государства:

– *по примерам из юридической практики.* Очевидно, что по многим качественным параметрам отечественная правоприменительная практика отстаёт от идеи, закреплённой в применяемом (или проигнорированном) источнике права. Наиболее ярко это проявляется при изучении теоретико-правовых проблем правового государства, формы и механизма государства, законности, толкования права и многих других. В частности, зачастую примеры из практики игнорируют парадигму приоритета национального права над международным;

– *по исключению дублирования информации в рамках преподавания отраслевых юридических дисциплин.* Здесь, как представляется, важна, главным образом, роль отраслевых юридических дисциплин, которые должны учитывать общетеоретические выводы в процессе обучения и высвобождать учебное время для изложения отраслевых аспектов изучаемых тем.

В целом, задача единого учебно-педагогического коллектива, как представляется, состоит в том, чтобы по этим проблемным позициям обеспечить наиболее оптимальный вариант согласования учебных дисциплин. Задача еще более усложняется, если речь идет об универси-

тетском комплексе, где помимо проблемы общефакультетского (общеинститутского, общеуниверситетского) согласования содержания учебных дисциплин, существует проблема межуровневого (школа – колледж – бакалавриат – магистратура – аспирантура) согласования.

Разрешение указанных проблем, как представляется, должно осуществляться по следующим направлениям:

– выработка единого подхода к понятиям, общим для всех юридических наук на основе актуальных правотворческих и правоприменительных подходов, основанных на идеальной суверенизации отечественного права. Это может происходить в рамках кафедральных, межкафедральных, университетских научно-методических семинаров, а также в рамках объединенных семинаров в рамках университетских комплексов. Серьёзным достижением здесь можно считать достижение единства теоретических и отраслевых (основанных на легальных дефинициях и конституционной иерархичности источников права) понятий, что способно существенно сэкономить время преподавателю отраслевых юридических дисциплин. Конечно, творческая роль преподавателя здесь не должна ущемляться. Однако в любом случае преподаватель должен учитывать общетеоретическую позицию, и если не следовать ей, то, по крайней мере, обозначать в качестве базовой основы, позиционируя свою точку зрения как отличающуюся по конкретным параметрам;

– учёт принципиальных отличий положений различных юридических наук. Это, как представляется, должно достигаться обозначением конкретных противоречий между общетеоретическими и отраслевыми выводами на лекциях и обсуждаться на практических занятиях;

– согласование единых примеров из отечественного законодательства и правоприменительной практики, ил-

люстрирующих, прежде всего, теоретико-правовые суждения. Это важно, прежде всего, для отраслевых дисциплин, так как именно в рамках теории государства и права происходит подготовка студентов к предварительному восприятию отраслевых юридических дисциплин. Именно на примерах из законодательства и правоприменительной практики основывается представление об отраслевых дисциплинах у студентов. Особенно актуальным это представляется в свете приоритета национального права над международным, установленным корректировкой конституционных положений в 2020 г.

Таким образом, как представляется, междисциплинарное согласование содержания теории государства и права и отраслевых юридических дисциплин позволит существенно оптимизировать учебный процесс, что неизбежно скажется на повышении качества образования в вузе.

© Кузьмин А. В., 2023

Э. Э. Бодрова*
Н. С. Калистратова**

**ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ
В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ:
ПОЛИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Современное российское образование имеет целый ряд вызовов. Среди них приоритетными являются направленность процесса обучения на становление у студентов, помимо ценностного подхода к научному познанию, общероссийской идентичности и патриотизму, еще и формирование цифровой образовательной среды с качественным цифровым контентом по истории. Остановимся на этих двух вызовах.

Понимание необходимости нацелить высшее образование на сохранение памяти предков, преемственности в развитии Российского государства было заложено в новейшую редакцию Основного закона Российской Федерации. Согласно Конституции Российской Федерации, государственная политика призвана защищать историческую правду (гл. 3, ст. 67.1)¹.

Минобрнауки России Приказом от 19 июля 2022 г.

* *Бодрова Эльвира Эдуардовна* – доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат исторических наук, доцент.

** *Калистратова Наталия Сергеевна* – преподаватель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург).

№ 662 внесло изменения в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования², а 2 февраля 2023 г. на заседании Экспертного совета по развитию исторического образования была утверждена Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования³.

Эти решения повлекли за собой, в числе прочего, изменения в структуре учебного процесса высшей школы, целый ряд вопросов методологического и методического плана, создания дидактических материалов для достойного представления курса в университетской цифровой среде и др.

Решение этих вопросов в юридическом преподавательском сообществе находится на стадии обсуждения, однозначных готовых ответов нет, но есть осознание и понимание необходимости наличия единой системы преподавания.

Вузы, обучающие студентов по направлению подготовки «Юриспруденция» находятся в благоприятной ситуации, так как студенты прошли обучение по истории в средней школе и усвоили материал в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом по отечественной истории, утвержденным Приказом Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287⁴. Многие из них были участниками ЕГЭ.

Вызовом для высшей школы являются итоги этого экзамена, которые ежегодно подводит Федеральный институт педагогических измерений. Цифровая обработка большого объема данных, позволяет высшей школе использовать итоговые аналитические и методические материалы в учебном процессе. Этот анализ дает представле-

ние о том, кто из участников с результатами в определенном диапазоне баллов не обладает необходимыми системными знаниями и умениями, имея при этом опыт освоения курса истории, навыки работы с учебным материалом и сформированные определенные фрагментарные знания и элементарные умения⁵, и кто из участников ЕГЭ с результатами в высоком диапазоне баллов в целом подготовлены к продолжению образования⁶.

Входное тестирование студентов первых курсов юридических специальностей, изучающих такие предметы как «Теория государства и права», «История государства и права России», «История государства и права зарубежных стран» подтверждает выводы, сделанные аналитиками ФИПИ. Студенты с высокими баллами по ЕГЭ достаточно хорошо подготовлены к освоению данных предметов.

Оборотная сторона этой благоприятной ситуации заключается в том, что источниковая база, как минимум по трем вышеназванным учебным дисциплинам будет пересекаться. Выходом из нее, на наш взгляд, является практическое использование полидисциплинарного подхода, позволяющего дополнить и расширить возможности изучения источников. Включение в содержание курса по истории России материалов по всеобщей истории, истории культуры, региональной истории, будет способствовать накоплению знаний о многообразии явлений исторического процесса, единстве и поступательном развитии современной цивилизации. Полидисциплинарный подход создаст условия для адаптации знаний к их совместному использованию в решении научных и практических проблем студентами.

Педагогическому сообществу осталось вдумчиво и осознанно сохранить баланс в применении полидисциплинарного подхода.

Еще одним вызовом для преподавателей является создание методических материалов с актуальным контентом. В условиях цифровизации образования форма подачи учебного материала заметно трансформируется. Преподавателям необходимо создать учебную системную модель, которая способствует формированию у студентов собственной парадигмы эволюции современной цивилизации⁷.

Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определил среди целей цифровой трансформации развития показатели достижения «цифровой зрелости» в системе образования⁸. В рамках рассматриваемой темы это – верифицированный цифровой образовательный контент и цифровые образовательные сервисы как для педагогов, так и для студентов, создание индивидуальной траектории обучения и цифрового образовательного контента и сервисов для самостоятельной подготовки учащихся.

Отечественные образовательные платформы, такие как Arzamas⁹, Stepic¹⁰, Lektorium¹¹, Postnauka¹² предлагают образовательные курсы по истории, которые изложены в сжатой и доступной форме и могут быть использованы в качестве дополнительных источников, прежде всего для визуализации курса по истории России. «РИО.Компас» – библиотека онлайн-ссылок по ключевым словам на верифицированные исторические материалы может стать надежным помощником в процессе обучения¹³.

Не менее важно, на наш взгляд, особое внимание уделить верифицированным источникам, которые составляют перечень так называемых «трудных вопросов истории». Среди них:

– существование древнерусской народности и вос-

приятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси;

- присоединение Украины к России (причины и последствия);

- характер национальной политики самодержавия и ее оценка;

- фундаментальные особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие) в сравнении с государствами Западной Европы;

- русская культура и первые волны эмиграции: «Философский пароход» и Русское зарубежье;

- советская национальная политика;

- причины, последствия и оценка «перестройки» и распада СССР и целый ряд других.

Необходимо обратить внимание на географические рамки курса российской истории, рассмотрение которых невозможно без знаний исторической и экономической географии, то есть без карт. Также проблема касается и визуализации, и аудиализации курса, особенно когда изучаются памятники культуры.

Ничто не заменит творческую работу преподавателей по созданию учебного курса. Но сегодня для конструктивного ответа на вызовы есть решение – это проектный подход, создание в вузах совместных групп, куда бы входили наряду с преподавателями предметниками педагогические дизайнеры и IT специалисты, а цифровые инструменты и сквозные технологии будут определены рабочими программами дисциплин, куда войдут и списки литературы, и информационные источники: ссылки на онлайн курсы, на электронные базы данных и источники открытых данных.

Несомненно, работа предстоит грандиозная, но все это должно способствовать формированию у студентов

системных знаний о месте современной России в мире, и ее исторической роли.

© Бодрова Э. Э., Калистратова Н. С., 2023

¹ Конституция Российской Федерации: в новейшей действующей редакции 2021 года. – Москва: Эксмо, 2021. С. 30 – 31.

² Приказ Минобрнауки России от 19 июля 2022 г. № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» // <http://pravo.gov.ru>, 07.10.2022.

³ В Минобрнауки России утвердили Концепцию преподавания истории России – <https://historyrussia.org/sobytiya/v-minobrnauki-rossii-utverdili-kontseptsiyu-prepodavaniya-istorii-rossii.html> (дата обращения: 15.02.2023).

⁴ Приказ Минпросвещения России от 31 мая 2021 г. № 287 (ред. от 8 ноября 2022 г.) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // <http://pravo.gov.ru>, 05.07.2021.

⁵ Артасов И. А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2022 года по истории. С. 13. – http://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2022/is_mr_2022.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Бодрова Э. Э., Калистратова Н. С. Реализация цифровых компетенций и технологий: из опыта преподавания истории государства и права // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 85.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.

⁹ Arzamas. – <https://arzamas.academy> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁰ Stepik. Образовательная платформа. – <https://vk.com/rustepik> (дата обращения: 10.02.2023).

¹¹ Лекториум. Бесплатный онлайн-курс «История России». – <https://www.lektorium.tv/russianhistory> (дата обращения: 10.02.2023).

¹² Курсы – узнай главное на ПостНауке. –

<https://postnauka.ru/courses> (дата обращения: 10.02.2023).

¹³ Образовательно-просветительский портал «РИО. Компас» – <https://compass.historyrussia.org/klyuchevye-slova-2.html> (дата обращения: 15.02.2023).

Е. Е. Амлеева*

МОДУЛЬНО-РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА ОЦЕНИВАНИЯ ЗНАНИЙ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Образование – одна из важнейших сфер общественной жизни, от наполнения которого различными социальными институтами, системами методик подачи и усвоения информации зависит будущее любой страны, ее духовного и интеллектуального развития. Именно поэтому во всех современных государствах образование является одной из главных государственных функций, на реализацию которой ежегодно тратятся огромные материальные и человеческие ресурсы¹.

В европейских и азиатских вузах баллы, полученные за выполнение определенной работы в рамках учебы на различных факультетах, предложено переименовать в «кредитные единицы», чтобы отказаться от несущих, по мнению многих педагогов и психологов, негативную окраску понятий «отметка» или «оценка». В таком случае даже один полученный кредит (балл, определяющий объем часов и категорию дисциплины), как еще один вариант накопительной системы оценивания, означает определенный успех обучающегося и суммируется с другими полученными результатами.

В европейских странах и тех, кто заинтересован в та-

* *Амлеева Елена Евгеньевна* – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

кой «европеизации» достигнуто наибольшее единообразие. Например, уровень сложности того или иного курса обозначается при помощи легко читаемой системы маркеров, существующей в большинстве вузов мира. При введении прозрачной единообразной кодовой системы, фиксирующей все составляющие фактического «наполнения» кредита, сам кредит становится более функционально значимым и удобным инструментом мониторинга. Если, например, принять B – Basic level course – курс, дающий базовую информацию о предмете (введение в дисциплину), I – Intermediate level course – углубляющий основные знания по предмету, A – Advanced level course – продвинутый уровень, S – Specialized level course – специализированный².

В Российской Федерации, когда система образования претерпевает серьёзные изменения, связанные с введением новых редакций ФГОС, меняется само содержание обучения, когда на первый план выходят методы и приёмы обучения, требующие активной мыслительной деятельности студентов, с помощью которых формируются умения анализировать, сравнивать, обобщать, видеть проблемы, формулировать гипотезу, искать средства решения, корректировать полученные результаты, а при необходимости повторять поиск. Системно-деятельностный подход, который лежит в основе ФГОС, предполагает ориентацию на результаты обучения³.

К 2022 г. в России сложились **различные подходы к модернизации и гуманизации балльной системы оценок**, используемой в большей или меньшей степени в рамках традиционной 5-балльной системы:

а) *оценивание по конечным результатам*, при котором достаточно широкое использование получают различные методики познавательной деятельности (итоговое те-

стирование, выполнение контрольного задания, участие в итоговой учебной конференции, экзамен), которые и определяют итоговую оценку;

б) *пролонгированное оценивание*, когда учитывается оценка за отдельные небольшие ответы, дополнения и текущие работы, каждая из которых не «тянула» на следующий балл, то есть когда выставлялось определенное количество плюсов (как правило, от одного до трех). В результате включался механизм своеобразного накопления, который не выходит за рамки традиционной пятибалльной шкалы;

в) *модульно-рейтинговая система оценок*, когда каждое задание в зависимости от сложности, нестандартности, креативности оценивалось по определенной, пропорционально увеличивающейся шкале⁴.

При этом достижение высокой эффективности профессионального обучения невозможно без активной поддержки преподавателей, научно-обоснованной системы мотивации и соответствующего отношения к обучению⁵. Подобную систему едва можно выработать в отсутствие единой централизованной системы оценки знаний и успеваемости студентов, поэтому каждое учебное заведение вопрос о выставлении баллов решает по своему усмотрению. Отметим, что в научной литературе можно найти разные оценки введения балльно-рейтинговой системы оценки успеваемости студентов, однако отмечается, что эта мера, хотя и не прописана в существующем российском законодательстве, весьма активно внедряется образовательными ведомствами в учебный процесс. Противники рейтинговой системы, отмечают, что на практике, к примеру, семинарское занятие, на котором по определению должны иметь место «дискуссии и творческие обсуждения» пройденного материала, стремительно превраща-

ется в «гонку за баллы», когда отдельно взятый студент, боясь быть не допущенным к сессии, старается обязательно успеть сказать хоть «два слова», чтобы не уйти без заработанной «цифры». Таким образом, проведение практических занятий приобретает формализованный характер, в которых творческий компонент заведомо убивается⁶.

С другой стороны, такой подход, представляется, несколько упрощенным, поскольку современные студенты хорошо сориентированы на балльно-рейтинговую систему современной школы, до поступления в вуз прошли систему подготовки к ЕГЭ и готовы участвовать в «индивидуальной гонке» как стимул к обучению⁷. Представляется, что рейтинговая система основывается на интегральной оценке результатов всех видов учебной деятельности студента, предусмотренных учебным планом и включающих овладение дисциплинами, прохождение всех видов практик, выполнение и защиту выпускных квалификационных работ.

Рейтинговое оценивание знаний студентов – система, предусматривающая переход от констатирующего к накопительному статусу баллов, поэтому необходимым условием рейтинговой системы является ее многобалльность. Рейтинговое оценивание образовательной деятельности студентов позволяет объективно «ранжировать» студентов при их распределении по специализациям и модулям, для снижения оплаты обучения, при составлении характеристик и т. д. Исследуя опыт европейских и азиатских вузов, участвующих в общемировых рейтингах, на практике постепенно сложилось понимание, что рейтинговая система оценивания, как таковая, не является на сегодняшний день достаточным индикатором уровня знаний, она лишь создает условия для процессуального и результативного контроля прогнозируемого результата

динамичного процесса образования, но требует качественной проработки.

Наконец, в целом для процесса обучения модульно-рейтинговая система оценивания знаний студентов помогает избежать излишней фрагментации учебной программы, обеспечивает оптимальное сочетание разных форм учебного процесса, предполагает приоритет активных форм обучения, обеспечивает выполнение самостоятельной работы студентов в целях развития их интеллектуальной активности и социальной компетентности, облегчает техническую сторону распределения и перевода кредитов, а также функции контроля и координации организационных форм обучения.

Таким образом, определение классификаторов и формулирование компетенций для каждого уровня и этапа процесса обучения не только является необходимым условием организации образовательного процесса, но во многом увеличивают возможности коммуникации современных студентов. Уже сейчас наблюдается развитие механизмов государственного управления, которые, базируясь на платформенных решениях и сервисной модели, пересматривают модели управления в рамках высшей школы, хотя для большого количества граждан в цифровую эпоху это означает большие риски и угрозы, усиливающиеся под воздействием внедрения технологии больших данных и искусственного интеллекта.

© Амплеева Е. Е., 2023

¹ Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Москва, 2013 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.01.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Тунда В. А., Тунда Е. А.* Оценивание, принятое в рамках Болонского процесса и в системе Moodle // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.01.2023).

⁵ *Гаппарова Т. Г., Хайдарова О. К.* Подготовка высококвалифицированных педагогических кадров в модернизации страны // Образование и воспитание. 2015. № 3. С. 8.

⁶ *Сергеев А. Л.* Конституционно-правовое регулирование реформы образования в России: проблемы и перспективы // Lex russica. 2017. № 2. С. 228.

⁷ *Харченко А. В.* Оценка результатов учебной деятельности студентов // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2023).

Г. З. Кутушев*

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЯ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Глобальные мировые тенденции последних лет наглядно продемонстрировали нам практическую значимость внедрения и разработки различных форм дистанционного обучения студентов и школьников. Эпидемия коронавирусной инфекции заставила целые страны временно перейти к организации учебного процесса в онлайн-формате, позволив выявить ряд недостатков в вопросах технологического и методологического обеспечения образовательного процесса. Между тем, накопленный преподавателями опыт позволил выявить и оценить особенности и преимущества проведения занятий в дистанционном формате. В данном контексте представляется весьма актуальным обращение к тематике историко-правового моделирования как одной из форм проведения семинарского дистанционного занятия в рамках учебной дисциплины истории государства и права России.

Следует отметить, что в Федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения прописана новая компетентностная парадигма, которая устанавливает требования не только к предметным результатам образовательной программы, но также и к ме-

* *Кутушев Газиз Загирович* – доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук.

та предметным, личностным, потребность в которых порождается информационным обществом. При таком подходе образовательная среда раскрывается нам с точки зрения организованного информационно-образовательного пространства для освоения различных видов и форм деятельности¹.

История и право как универсальные учебные дисциплины интегрированы в систему развивающего обучения, дают возможность наработать базовые способности теоретического анализа, являются фундаментом научно-практического аппарата для специалиста в любой профессиональной области. В рамках освоения материала на занятиях семинарского типа по истории государства и права России, у обучающихся формируется комплексный подход к изучению задач, критическое мышление и мировоззренческая парадигма. Здесь будет уместно отметить, что ряд современных исследователей отмечают появление новой научной дисциплины – исторической юриспруденции, которая занимается одновременно историческим и правовым анализом правовых ситуаций, имевших место в прошлом. Историки права работают на стыке наук, в междисциплинарном исследовательском поле, а значит, объектом исторической юриспруденции выступают закономерности эволюции правовой материи во времени².

Если мы говорим о правовом моделировании, то оно позволяет реконструировать существовавшие в прошлом правовые явления и исследовать сложные социально-правовые и нормативно-правовые объекты, непосредственный контакт с которыми у исследователя объективно ограничен³.

Дистанционное занятие по своему содержанию позволяет объединить элементы личностно-ориентированного и эвристического методов, деятельностного подхода,

элементов историко-правового моделирования. Данный подход способен потенциально повысить эффективность образовательного процесса за счет как внешних (использование исторических источников, ИКТ, прикладных материалов), так и внутренних факторов (стимулирование активности обучающихся, их мотивационной составляющей через создание проекций и аналогий определенной историко-правовой ситуации по линии прошлое – настоящая эпоха).

Несмотря на отсутствие прямого очного контакта преподавателя и студентов в ходе дистанционного семинарского занятия, последнее дает возможность использовать весьма содержательные методы аналитической работы с изучаемым материалом:

- обучающиеся имеют под рукой электронные тексты исторических и нормативно-правовых источников, что облегчает задачу «погружения» в рассматриваемую историко-правовую эпоху;

- сами обучающиеся, как и преподаватель, могут самостоятельно применять различные формы иллюстративных, текстовых презентаций для аргументации своего ответа;

- одним из способов закрепления материала может выступать онлайн-тестирование для проверки степени усвоения темы;

Структуру семинара имеет смысл выстроить в виде дискуссии, с применением проблемного подхода, когда преподаватель по ходу урока предоставляет своим ученикам широкие возможности для самостоятельного поиска, при этом играя роль куратора и третейского судьи, постоянно ставя перед ними проблемные вопросы, направляет активность в нужное русло, корректирует ход занятия.

К примеру, при изучении темы «Россия в эпоху бур-

жуазно-демократических преобразований Александра II» преподаватель может заострить внимание обучающихся на следующих вопросах: «Почему император Александр II вошел в историю России под именем Освободителя?», «Каковы были предпосылки отмены крепостного права в России», «Смогли ли либеральные реформы 60-70-х годов XIX в. разрешить весь комплекс противоречий российского общества тех лет?», «Какие последствия имели реформы Александра II для дальнейшего развития страны?». Ответы на данные вопросы постепенно подводят обучающихся к рассмотрению наиболее сложных в содержательном отношении проблемных заданий: «Была ли альтернатива буржуазно-демократическим реформам Александра II?» или «Можно ли было провести буржуазно-демократические реформы иным способом, исключая негативные их последствия?». Поставленная таким образом проблематика требует уже более точной и осторожной формулировки выводов, опоры на фактический материал, творческого подхода.

Кроме того, в рамках рассмотрения указанной темы преподаватель может предложить обучающимся провести комплексный анализ основополагающих нормативно-правовых документов эпохи реформ Александра II. К примеру, изучить структуру и содержание фундаментального «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», сравнив декларируемые документом цели и задачи с реальными условиями выкупа крестьянами своих земель у помещиков. Стоит также обратить внимание обучающихся на «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губернии» от 25 декабря 1862 г., поставив задачу провести исторический и правовой сравнительный анализ этого нормативно-правового документа с «Уставом благочиния» 1782 г.,

принятом в царствование Екатерины II. В данном случае законодательные изменения в структуре, функциях и кадровой политике, произошедшие в органах полиции за период с 1782 г. по 1862 г. можно логически связать с исторической трансформацией общественно-политических и экономических условий существования Российской империи между двумя эпохами.

У преподавателя имеется возможность использовать метод известный как реконструктивная игра или ролевая игра. Допустим, при рассмотрении судебной реформы Александра II обучающимся предлагается реконструировать работу нового российского суда, реформированного после издания Судебного устава 1864 г. При этом учебная группа разбирает следующие роли: судья, прокурор, присяжный поверенный (адвокат), присяжные заседатели, эксперты, свидетели, следователь. Для создания реалистичности сюжета можно взять за основу материалы реальных уголовных или политических дел, которые имели место во второй половине XIX в.

Игра на семинаре – это активная форма учебного занятия, в ходе которого моделируется определённая ситуация прошлого или настоящего, «оживают» и действуют люди, участники исторической драмы. Игра выполняет одновременно стимулирующую, развивающую, рекреационную, регулирующую функции. Знания, приобретённые в процессе игры, становятся личностно значимыми, эмоционально окрашенными⁴.

Так, для реконструкции эпохи Петра Великого (первая четверть XVIII в.) возможно распределение исторических ролей самого императора, его приближенных вельмож (А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, Г. И. Головкина, П. И. Ягужинского и др), членов семьи Петра I (сына царевича Алексея, жены Екатерины I, брата Ивана V). Так-

же возможно назначение обучающихся на роли крепостных крестьян, лашманов, купцов, посадских людей, приписных и посессионных крестьян, стрельцов, казаков – для лучшего понимания мотивов и характера деятельности представителей различных сословий России.

Еще одной формой проведения семинарского занятия в дистанционном формате является организация групповых дебатов, дискуссий. Обучающимся предлагается высказать любые взаимоисключающие суждения по поводу причин, последствий или содержания конкретной исторической и правовой ситуации: к примеру, выявить положительные и отрицательные итоги реформ Петра I в России. В этом случае обучающихся следует разделить как минимум на две команды, каждая из которых в ходе коллективного обсуждения выдвигает аргументы в пользу своей позиции, старается сформулировать острые контраргументы противоположной стороне. При этом каждый из обучающихся работает с подготовленными прикладными материалами (источниками), которые выступают доказательной базой дискуссии. К примеру, логичным представляется сделать акцент на таких нормативно-правовых актах как «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных...», «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру», указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах».

Командная работа возможна и при рассмотрении исторической темы, которая включает в себя большое количество субъектов с заданной моделью поведения. Допустим в ходе изучения вопросов, связанных с темой «Первая русская революция 1905–1907 гг.» обучающиеся неизбежно сталкиваются с деятельностью различных политических партий левого и правого толка. Для того чтобы

правильно понять мотивы и цели их политической борьбы, степень и формы участия в революционных событиях начала XX в., причины неустойчивости парламентской системы России в эпоху Николая II учебная группа может также разделиться на несколько команд. Каждая из них начинает разработку отдельно взятой политической партии: эсеры, меньшевики, большевики, монархисты, социал-демократы, кадеты, октябристы. Анализируются программы, уставы партий, исторические источники, содержащие информацию об их деятельности, воспоминания современников. На основе полученных данных команда готовит свое выступление, стараясь составить обобщающий портрет партии. При этом возможно выделить роли лидеров, теоретиков, рядовых участников партии, противников и последователей ее политических концепций.

Таким образом, в ходе историко-правового моделирования, обучающиеся не просто воспроизводят конкретную историческую или правовую ситуацию, вживаясь в образ, им предоставляется свобода выбора действий, возможность просчитать альтернативные сценарии развития событий. Реализуя различные возможные варианты решения проблемы, они на своем опыте переживают социально-экономические, политические, духовные реалии эпохи. Данный подход способствует формированию целостного представления об изучаемом историческом явлении или периоде, пониманию объективных условий, в которых происходили определенные исторические процессы.

© Кутушев Г. З., 2023

¹ Константинова В. Г., Балдина Е. В., Каюкова Е. М. Обучающая среда как условие успешной модели управления качеством образования в современной школе // Экономика и социум. 2018. № 2(45). С. 537.

² Лонская С. В. Историческая юриспруденция как точная наука? // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 4. С. 203.

³ Голубцов В. Г., Валеев Д. Х. Правовое моделирование как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 278.

⁴ Бегамова Н. Х., Бегамова Д. Х. Дидактическая игра как нестандартная форма в обучении истории // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3. С. 33.

М. В. Климова*

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ
КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА
ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Социальный заказ общества по отношению к современному образованию содержит требование о формировании личности, способной к творческому, сознательному, самостоятельному определению своей деятельности, к саморегулированию, которое обеспечивает достижение этой цели. Переход на новые стандарты образования в контексте Болонского процесса привнес в построение учебного процесса новую цель – повышение конкурентоспособности выпускников вузов.

Формирование профессиональных компетенций выпускника обусловлено не только требованиями ФГОС, но и ожиданиями профессионального сообщества. Приходя на собеседование к работодателю, обладатель диплома о высшем образовании должен продемонстрировать приобретенные в процессе обучения профессиональные практические навыки. Потенциальному работодателю должно быть несложно определить, сформирована у вчерашнего студента та или иная компетенция, или нет.

Социуму нужны выпускники, готовые к включению в

* *Климова Мария Викторовна* – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат педагогических наук.

дальнейшую жизнедеятельность, способные практически решать встающие перед ними жизненные и профессиональные проблемы. А это зависит не от полученных знаний, умений, навыков, а от неких дополнительных качеств, для обозначения которых и употребляются понятия «компетенции» и «компетентности», более соответствующие пониманию современных целей образования.

Основная цель и прогнозируемый результат при профессиональной подготовке любого специалиста – это формирование определенных компетенций, которые необходимы профессионалу для работы. Ключевыми, на наш взгляд, компетенциями для юриста являются коммуникация и аргументация в устной и письменной формах. ФГОС по специальности 40.03.01 Юриспруденция¹ определяет, какие компетенции должны быть сформированы у выпускника бакалавриата в результате освоения программы. В частности, это универсальная компетенция «Коммуникация», овладев которой выпускник демонстрирует способность «осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)». Юридическая аргументация определена как способность «логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь с единообразным и корректным использованием профессиональной юридической лексики», а юридическое письмо как способность «участвовать в подготовке проектов нормативных правовых актов и иных юридических документов».

Основной результат применения компетентностного подхода в обучении – способность выпускника применить полученные знания и умения в незнакомой ситуации. С точки зрения выбора методов – это активные и интерактивные, поисковые методы, где основная задача препода-

вателя организовать и стимулировать самостоятельную работу учащихся.

Опыт преподавания юридических дисциплин как в вузе системы МВД России, так и в классическом университете показал, что формирование перечисленных выше компетенций возможно на семинарских занятиях по самым разным дисциплинам и темам. Основная педагогическая задача для преподавателя в данном случае – верно выбрать форму и методы проведения занятия.

Современная педагогика богата целым арсеналом интерактивных методов. Для цели формирования коммуникативной компетентности будущего юриста необязательно выбирать деловую игру – имитацию юридического процесса, возможны такие формы как перекрестные, проблемные дискуссии, правовые споры. С целью развития письменной юридической речи, способности к аргументации подойдут письменные задания на определенные преподавателем темы: на первом курсе возможны эссе, по мере изучения юридических дисциплин – практические задания по составлению различных юридических документов.

Авторы трудов по юридической педагогике отмечают, что «в области коммуникативной деятельности следует развивать общительность, эмоциональную устойчивость, тактичность, выдержку, способность ясно излагать свои мысли, отстаивать собственную точку зрения»². Перечисленные качества, несомненно, будут полезны юристу на профессиональном поприще.

Организовывая на занятии правовой диспут, недостаточно определить тему и давать учащимся возможность высказать собственную точку зрения. Необходимо определить правила, при соблюдении которых дискуссия действительно приобретет правовой характер:

1) предварительное изучение документов, научной литературы по теме дискуссии. В случае обсуждения проблемных вопросов студентам может быть поставлена задача четкого определения и аргументации собственной позиции;

2) для формирования способности применять полученные знания в новой ситуации, будет полезно поделить учебную группу на команды так, что до самого начала дискуссии каждая из команд не будет знать, какую точку зрения придется отстаивать. При такой организации самое интересное вскрывается при подведении итогов: были ситуации, когда студент приходил на занятие с одной позицией, а в ходе обсуждения менял ее на противоположную;

3) немаловажный момент связан с ограничением времени обсуждения. На выступление каждому участнику дается одна минута. Это организует дискутирующих говорить по существу, формулировать свои мысли точно и содержательно;

4) важное правило – высказаться должен каждый участник дискуссии.

Таким образом процесс формирования коммуникативной компетентности, способности к юридической аргументации будет организован в полной мере.

Мы перечислили лишь основные правила, которые необходимо соблюдать участникам дискуссии. Возможны различные дополнения, например, персонификация – обращение к оппоненту по имени при выражении согласия или несогласия с позицией, перифраз – повтор уже высказанного мнения своими словами для демонстрации активного слушания и т. п.

Какими бы ни были методы, применяемые педагогами для реализации компетентностного подхода в юриди-

ческом образовании, на наш взгляд, важнейшим условием высокого качества выпускников юридических вузов и факультетов будет сформированность грамотной, профессиональной юридической речи как показателя способности осуществлять деловую коммуникацию, корректно используя при этом профессиональную юридическую лексику.

© Климова М. В., 2023

¹ Приказ Минобрнауки России от 13 августа 2020 года № 1011 (ред. от 27 февраля 2023 года) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» (Зарегистрировано в Минюсте России 7 сентября 2020 года № 59673). – <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1011/>.

² Левитан К. М. Юридическая педагогика: Учебник. М., 2008. С. 137.

А. Н. Шашкова*

И. В. Головачев**

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ЮРИСТА

В высшем юридическом образовании в условиях компетентностного подхода, предоставляющего возможность готовить конкурентноспособных, мобильных, инициативных профессионалов, максимально учитывая спрос и интересы работодателей в образовательном процессе¹, на первый план выходят учет будущей профессиональной деятельности выпускников и формирование у них соответствующих компетенций. Для успешной профессиональной деятельности выпускник должен обладать не только знаниями, но также умениями и навыками применения полученных знаний. Известное высказывание Конфуция «Скажи мне – и я забуду, покажи мне – и я запомню, дай мне сделать – и я пойму» прекрасно подчеркивает смысл парадигмы современного высшего образования, ориентированного на активную деятельность обучающихся и формирование компетенций. Одной из важнейших профессиональных компетенций будущего юриста является способность применять нормы материального и процессуального права в точном соответствии с правовыми

* *Шашкова Анна Николаевна* – доцент кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

** *Головачев Игорь Владимирович* – доцент кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

принципами и действующими нормативными правовыми актами.

В образовательном процессе вуза приобретение, отработка и закрепление умений и навыков применения теоретических знаний для решения практических задач, в значительной степени реализуются в рамках практических занятий. Самым распространенным видом деятельности обучающихся на практических занятиях по юридическим дисциплинам является решение ситуационных задач. Как известно, ситуационный подход предполагает необходимость прохождения несколько стадий принятия юридического решения: исследование правовой ситуации, оценка возможных стратегий и выбор оптимальной стратегии. Стандартная учебная задача, как правило, содержит описание правовой ситуации, а также необходимый набор исходных данных и вопросы, которые адресованы обучающимся. Следует подчеркнуть, что выполнение такого рода практических заданий основывается на ситуационном подходе и оказывает положительное влияние на формирование профессионально значимых компетенций, однако имеет и недостатки, поскольку работа с готовой фабулой задачи не способствует формированию умений самостоятельно добывать фактические данные, имеющие правовое значение для дела. В то же время будущему юристу для квалифицированного применения норм материального и процессуального права необходимо уметь выявлять юридические факты из разных источников информации, анализировать их и решать, какие именно имеют правовое значение в данной ситуации. Будущий юрист должен научиться распознавать юридически значимую информацию в различных документах, которые, в свою очередь, являются наиболее распространенными доказательствами в гражданском процессе. По

этой причине представляется обоснованным мнение В. Ю. Панченко, указывающего на некоторый дисбаланс в образовательных стандартах, поскольку только дисциплины уголовно-правового цикла (уголовное право, уголовный процесс и криминология) имеют обязательную к изучению прикладную дисциплину, которая посвящена стратегии, тактике, технике и методике – криминалистику. В то же время не менее важные и сложные вопросы ставит юридическая практика в гражданском праве и процессе, арбитражном процессе, договорной работе, переговорах и т. д.»². Как отмечают Т. С. Волчецкая, Н. А. Ренер и О. А. Макарова, применение ситуационного подхода в значительной мере повышает эффективность обучения праву и во многом способствует формированию профессионального юридического мышления у обучаемых. Этот метод является значимым инструментом практико-ориентированного обучения и может быть использован в различных формах³.

Опыт преподавания в Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД России показывает, что использование ситуационного подхода в юридическом обучении активизирует процесс познания и положительно влияет на формирование профессионально значимых компетенций. При этом погружение обучающихся в правовую ситуацию происходит более эффективно при дополнении практических задач совокупностью учебных документов, содержащих исходные данные. Важно проектировать учебную задачу и документы-приложения таким образом, чтобы данные в них не дублировали задачу, а дополняли ее, подталкивая обучающихся к самостоятельному поиску информации, а также ее исследованию в совокупности со всеми обстоятельствами конкретной правовой ситуации. Главным достоинством приема явля-

ется формирование умений и навыков работы с документами, выявления и оценки необходимых юридических фактов, без чего, не представляется возможным квалифицированное применение норм материального и процессуального права.

Следует отметить, что использование ситуационного подхода возможно как в рамках самостоятельной внеаудиторной работы (контрольная работа, практикум, подготовка к деловой игре, выполнение других самостоятельных заданий), так и на аудиторных занятиях (деловые игры, практические занятия). Применительно к самостоятельным письменным работам такой подход расширяет их дидактический потенциал и позволяет повысить эффективность достижения целей, стоящих перед обучающимися.

Организация и проведение деловых игр с применением вышеописанной технологии также дают хорошие результаты. Так, например, в ходе подготовки деловой игры, имитирующей судебное заседание по гражданскому делу, для достижения оптимальных результатов преподавателю необходимо исследовать правоприменительную практику, выбрать интересную и поучительную правовую ситуацию, на основе которой подготовить фабулу дела и комплект соответствующих учебных документов (договоры, расписки, свидетельства, выписки, претензии, письма, акты оценки и т. д.). Наличие четко зафиксированных в документах исходных данных позволяет максимально приблизить игру к условиям реальной правовой ситуации, формирует умения и навыки поиска юридических фактов, их самостоятельной оценки в совокупности с возникшим правоотношением, навыки работы с документами, извлечения из них юридически значимой информации⁴, а также исключает вероятность произвольного отклонения

участников от фабулы дела. Следует также учитывать, что формат проведения деловой игры требует достаточного количества времени на самостоятельную работу обучающихся, что позволяет обеспечить качественное погружение в правовую ситуацию и фокусирует внимание на практической значимости изучаемого курса, важности формируемых компетенций для будущей успешной профессиональной деятельности⁵.

На практических занятиях при использовании ситуационных задач, в совокупности с дополняющим их комплектом документов, целесообразно организовать работу в малых группах с последующим обсуждением результатов, дающим возможность обучающимся продемонстрировать свою компетентность и изложить мнение с опорой на имеющиеся документы. Следует отметить, что успешный анализ правовой ситуации, выбор стратегии и решения в сотрудничестве требует объединения знаний, умений и навыков участников группы, в связи с чем происходит активизация коллективной деятельности⁶, что с большой вероятностью обеспечивает всесторонний анализ правовой ситуации, выбор наиболее подходящей стратегии, и, что не менее важно, способствует повышению мотивации к познавательной деятельности и привлечению обучающихся к активному участию в образовательном процессе⁷.

Подводя итоги, подчеркнем, что ситуационный подход в юридическом образовании обладает огромным дидактическим потенциалом, позволяя повысить эффективность обучения праву, а также способствуя формированию юридического мировоззрения и компетенций будущего юриста.

© Шашкова А. Н., Головачев И. В., 2023

¹ Гагаринская Г. П., Гарькин В. П., Живицкая Е. Н., Калмыкова О. Ю., Соловова Н. В. Компетентностный подход: пути реализации. Самара, 2008.

² Панченко В. Ю. Ситуационный анализ как междисциплинарный подход в юридическом познании и обучении // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 123–127.

³ Волчецкая Т. С., Ренер Н. А., Макарова О. А. Развитие ситуационного подхода в юридической науке и дидактике // Современное право. 2017. № 12. С. 88–92.

⁴ Шашкова А. Н. К вопросу о роли деловых игр в механизме формирования профессиональных компетенций при изучении частноправовых дисциплин // Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация учебного процесса: Материалы всероссийской учебно-методической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД России / Под ред. В. А. Гусева, М. С. Десятова. Омск, 2020. С. 116–118.

⁵ Шашкова А. Н. Самостоятельная подготовка обучающихся вузов системы МВД России: пути повышения эффективности в современных условиях // Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация учебного процесса: Материалы всероссийской научно-методической конференции. Омск, 2021. С. 66–69.

⁶ Макаренко О. В. Активные формы обучения в вузе как реализация компетентностного подхода ФГОС ВПО нового поколения // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 8. С. 151–154.

⁷ Шашкова А. Н. Лавриненко А. А. Организация работы обучающихся в малых группах как метод преподавания юридических дисциплин в вузе // VIII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина: Сборник материалов: В 2 т. Т. 1 / Сост. А. И. Согрина. Пермь, 2022. С. 159–161.

Е. П. Татарина*

ЗНАЧЕНИЕ ТРЕНИНГОВЫХ МЕТОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ ЮРИСТА

Юридическое образование в условиях цифровизации, в эпоху глобальной автоматизации, требует сегодня учета качественных преобразований самой функции юриста на профессиональном рынке. По мнению экспертов и практикующих юристов, работники этой отрасли с шаблонным стереотипным мышлением никогда не были высокооплачиваемыми, их услуги не пользовались спросом, вскоре именно таких, по их мнению, заменят боты и конструкторы договоров. «Конкурентными преимуществами обладают лишь те юристы, которые открыты всему новому, кросс-функциональны и постоянно развиваются, формируя креативное мышление»¹. Следовательно, современный работодатель, предъявляя сегодня высокие требования к уровню и разнообразию компетенций выпускников юридических вузов, особое внимание обращает на эффективность юридического мышления.

Актуальными критериями оценки мышления юристов являются креативность и продуктивность, риск-ориентированность и проактивность. Наряду с этим, студенто-ориентированным обучением сегодня является процесс учета специфики восприятия и мышления совре-

* *Татарина Елена Павловна* – доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Вятского государственного университета (Киров), кандидат юридических наук.

менного поколения обучающихся, которому соответствует использование мотивирующих, практико-ориентированных, интерактивных методов. Возникает вопрос, если и заказчик (в широком, объективном смысле) и потребитель образовательных услуг заинтересованы в обновлении методологии преподавания, почему по-прежнему в ходе образовательного процесса обучают накапливать и преобразовывать знания, но не генерировать их? Отвечая на этот вопрос, И. И. Осветимская, совершенно верно подчеркивает, что традиционные методы («говорение в один голос», описание и объяснение понятий преподавателем) являются самыми распространенными потому, что мы не желаем выходить из зоны комфорта². Необходимо добавить, что даже те преподаватели, которые готовы к трансформации, являясь выдающимися учеными и практиками в сфере юриспруденции, просто не обладают методологическими знаниями и умениями применения тренинговых методов обучения студентов. Большинство преподавателей не до конца понимают необходимость внедрения активных форм, не видят смысла в их применении. Вследствие этого, необходимым является поиск средств преодоления методологического кризиса в юридическом образовании, что и является целью данного исследования.

Обращаясь к анализу теоретической базы, необходимо отметить, недостаточность исследований в рамках данной тематики. Заслуживающим внимания является тот факт, что проблеме развития креативного мышления студентов юридических вузов посвящались только два диссертационных исследования более чем, двадцатилетней давности, и они осуществлялись на базе вузов МВД, как по психологии, так и педагогике. Н. В. Степанов, рассматривая с точки зрения психологических процессов

творческое мышление курсантов, отмечал в своих публикациях, что одним из основных требований юриста уже тогда, становится развитие профессионального мышления, причем не только дискурсивного, но и креативного. В качестве эксперимента он описывает проведение спецкурса «Творческое мышление юриста», реализуемого как с помощью лекций, обогащенных диалогизацией, внедрением проблемных и игровых форм обучения, так и тренингов, включающих психотехнические упражнения, развивающие творческое мышление³. И. А. Колобутина, анализируя педагогические условия развития креативности мышления курсантов, подчеркивает актуальность формирования этого качества у сотрудников МВД тем, что в настоящее время непредсказуемость криминогенной обстановки, противоречивость нормативной базы диктует необходимость формирования таких навыков, как «умение выйти из сложной ситуации неординарно, с максимальным результатом, несмотря на недостаточность информационной, теоретической или технической оснащенности». Научной новизной данного исследования является доказательство наличия потенциала, развивающего креативное мышление у предметов социально-экономической и криминалистической направленности⁴. Как мы видим, основной пик исследований пришелся на начало двухтысячных, что было связано с поиском новых форм для решения образовательных задач, но, к сожалению, эти предложения не нашли широкого распространения в тот исторический период.

В последние годы, в связи с объективно изменяющимся общественными процессами ряд авторов косвенно затрагивают в своих статьях проблему тренинговых методов развития креативного мышления юриста. Рассматривая мышление адвоката как творческий процесс с фило-

софской точки зрения, группа авторов, к сожалению, не точно используют терминологию, смешивая такие понятия как критическое мышление и креативное в единый термин⁵, что затрудняет восприятие изложенных аргументов.

Интересным является анализ использования игры, являющейся одним из распространенных тренинговых методов как методологического основания повышения эффективности юридического мышления и формирования нового типа – креативного мышления⁶.

Но если необходимость развития креативного мышления у юристов в условиях цифровизации не подвергается сомнению, то использование тренинговых методов преподавателями требует дополнительных исследований. Анализируя процесс формирования правосознания будущих юристов, М. А. Гусарова делится уникальным опытом использования семинаров-тренингов в рамках дисциплины магистратуры «Методика правового воспитания и обучения». Автор приводит примеры нескольких упражнений и делает вывод о том, что использование тренинговых методов позволяет избежать рутинизации процесса обучения, актуализирует общение преподавателя с обучающимися и «делает цели и задачи занятия более рельефными и ясными для всех участников образовательного процесса»⁷.

Уникальным и своевременным является педагогическое диссертационное исследование А. В. Долгополовой об условиях подготовки преподавателей вуза к использованию тренинговых методов обучения⁸. Отмечая особенности повышения квалификации вузовских преподавателей, автор акцентирует внимание на том, что невозможно сформировать навыки использования тренинговых форм путём традиционных семинаров, теории и самообразования. Необходимо активное включение в интерактивное

профессионально-педагогическое взаимодействие в форме тренингов для преподавателей, только с их помощью можно не только повысить интерес к данной форме, но и «развивать гибкость профессионального мышления, творческий подход к построению интерактивного учебного процесса, способствовать расширению профессионального кругозора»⁹.

Логично возникает вопрос, где преподаватель может пройти обучение именно таким способом? В настоящий момент разработаны не только на теоретическом, но и практическом уровне успешно реализуемые психологами-практиками Московского государственного психолого-педагогического университета целые программы обучения тех, кто хочет стать тренером: под руководством Е. В. Лавринович – программа «Искусство групповой работы. Тренинг тренеров и ведущих групп», с помощью которой формируется профессиональное мышление тренера путём выполнения большого объема упражнений и заданий, выполняемых участниками в роли тренера и ведущего¹⁰. Необходимо заметить, что тренинги в организациях и компаниях имеют широкое распространение уже более тридцати лет, что свидетельствует об эффективности данной формы в профессиональном сообществе и в полной мере могут быть использованы для обучения юристов.

Подводя итог, следует отметить, что креативный тип мышления в условиях цифровизации является базовой компетенцией студентов юридических вузов, повышающей эффективность и качество их профессиональной жизни. Наиболее подходящим методологически способом его развития являются тренинговые методы, которые необходимо внедрять в образовательный процесс.

© Татаринова Е. П., 2023

¹ *Навыки современного юриста: soft skills, повышающие эффективность и качество жизни / Под ред. А. Сорокиной, Д. Грица. М., 2021. С. 51.*

² *Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы / Под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2020. С. 322.*

³ *Степанов Н. В. Развитие творческого мышления курсантов в процессе обучения в юридическом вузе МВД: Дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2002. С. 12.*

⁴ *Колобутина И. А. Педагогические условия развития креативности мышления курсантов юридических вузов: Дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2002. С. 34.*

⁵ *Глечян Э. Р., Макаров А. С., Омельченко С. В. Мышление адвоката как творческий процесс: философские аспекты юридической практики // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 93.*

⁶ *Осветимская И. И. Игра как метод повышения эффективности юридического мышления // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3. С. 87.*

⁷ *Гусарова М. А. Тренинг как один из методов интерактивного обучения в профессиональной подготовке будущих юристов // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 1. С. 73.*

⁸ *Долгополова Л. В. Педагогические условия подготовки преподавателей вуза к использованию тренинговых методов обучения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Армавир, 2020. С. 5.*

⁹ *Ветров Ю. П., Долгополова Л. В. Особенности подготовки преподавателей вуза к использованию тренинговых методов обучения // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 3. С. 12.*

¹⁰ *Лавринович Е. В. Использование тренинговых методов в социально-психологической подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности // Современные технологии обучения и развитие социальных компетенций студенчества. М., 2006. С. 11.*

*Е. Ю. Одинокова**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБУЧАЮЩИМИСЯ ЗНАНИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПРАКТИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ

Применение в работе теоретических средств и механизмов юридической деятельности, углубленное изучение основных особенностей, средств, приемов, способов и методов ведения юридической работы, техники создания различного рода юридических документов и техники их систематизации, толкования и применения. Эта цель достигается благодаря сочетанию аудиторных занятий и самостоятельной работы обучающихся, с использованием нормативно-правовых источников, учебной и монографической литературы, в рамках образовательного процесса при проведении учебных занятий по дисциплине «Юридическая техника».

Умение грамотно составить документ юридического характера – это важнейший навык, которым должен обладать специалист в сфере юриспруденции. Современное образование ориентировано на практическую отработку тех или иных компетенций. Однако, дисциплина «юридическая техника», которая в современный период представляет систему зачастую противоречивых научных взглядов на теорию сопровождения юридической деятельности, не содержит алгоритма в составлении кон-

* *Одинокова Елена Юрьевна* – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС имени героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, кандидат педагогических наук.

кретных документов. Речь идет о том, что, имея теоретический фундамент, дающий представление о понятии юридической техники, ее видах, приемах и методах, обучающиеся полностью зависят от субъективного опыта преподавателя в вопросе составления определенного документа.

Представляется, что преподавание должно исходить из понимания юридической техники как системы правотворческих и правоприменительных технологий и совокупность практических навыков по составлению юридически значимых документов. Преподавательская методика должна содержать не только образец составления документа, но и сопутствующий опыт, обеспечивающий востребованность данному документу. Таковой включает, ознакомление с нормативной базой, регламентирующей составление того или иного документа; возможность сравнить между собой аналогичные по форме документы; рассуждение над каждым пунктом и разделом документа; вариации формулировок; возможные ошибки и их юридические последствия.

Поскольку в программе подготовки специалистов отводится зачастую небольшое количество часов на «Юридическую технику», навык составления документов на практических занятиях должен быть отработан с учетом специфики высшего учебного заведения. Предлагается следующий алгоритм отработки процесса составления документов.

Первый шаг – выбор формы документа. Важно понимать, что отрабатывать в рамках юридической техники необходимо не только навыки по созданию норм права, но и любых документов, имеющих юридическое значение. Предметом каждого практического занятия должен стать тот документ, который предположительно будет встре-

чаться в дальнейшей профессиональной деятельности специалиста. Таким документом может стать договор с оговоренным назначением; протокол об административном правонарушении по определенной статье Кодекса об административном правонарушении Российской Федерации; судебное решение, вынесенное по конкретной статье Уголовного кодекса Российской Федерации и многие другие варианты.

Далее обучающимся необходимо продумать название, структуру и содержание документа. Цель данного этапа заключается в том, чтобы обучающийся представил, что должно получиться в итоге, но пока не преступая к конкретным пунктам.

Затем формулируется каждое предложение, с уточнением понятий, дефиниций, конструкций. Например, предмет договора, предмет протокола об административном правонарушении; суть рассматриваемого дела в составе судебного решения и др.

Немаловажным этапом, который зачастую приходится исключать, является поиск нормативных актов, регламентирующих процедуру составления того или иного документа. Так происходит, поскольку данный этап может быть затратным по времени, а также вследствие отсутствия возможности предоставления нормативной базы обучающимся в полноценном доступе. Поэтому практическое занятие строится на нормативном материале, подготовленном преподавателем. Исходя из приведенных примеров, это образцы договоров, протоколов об административных правонарушениях, судебных решений. Эффективным для обучающихся может стать выделение отдельного практического занятия для данной цели, что позволит обучающимся закрепить навык ориентации в нормативной базе, расширить нормативный кругозор, даст воз-

возможность грамотно анализировать и использовать нормативные правовые акты, обеспечит системную связь между нормами, регламентирующими отдельные положения делопроизводства и вопросы оформления документов.

Далее происходит формулирование всех пунктов в целом, с учетом правил, присущих структуре того или иного документа. Со стороны преподавателя важен контроль и уточнение того, какие именно правила и приемы юридической техники были использованы обучающимися, насколько грамотным юридическим, деловым языком изложены положения документа, логично ли он составлен и т. д.

В процессе работы над документом возможно проведение деловой игры с распределением ролей обучающихся, ответственных за разные части документа с последующим объединением в общий результат, и с применением дебатов по конкретным частям документа.

Со стороны преподавателя возможно моделирование события, которое требует сопровождения соответствующим документом, что позволит обучающимся оказаться на месте должностных лиц, ответственных за составление документа и за принимаемые решения. Данный метод позволяет определить организаторские способности и оценить активность каждого обучающегося.

Заключительным этапом работы над документом является этап под названием «экспертная оценка», где в качестве эксперта выступают обучающиеся, в виде обмена подготовленными документами. В рамках данного этапа происходит активное обсуждение, высказываются мнения, если выявлены недочеты, то они конструктивно обосновываются и предлагаются, например, новые формулировки, конструкции, пункты и т. д.

Проведение описанных этапов отработки навыков

составления документов позволит приблизить обучающихся к пониманию практической сущности дисциплины «Юридическая техника». Особо хочется отметить необходимость знакомства не только с научной теорией, а в основе своей с конкретными требованиями законодательства, предъявляемыми к письменным документам, оказывающих влияние на юридическую значимость и состоятельность документа.

И в качестве положительного опыта и мотивации обучающихся, необходимо привлекать к практическим занятиям и совместной проверке документов узкопрофильных специалистов, практиков. Если речь идет о договорах, это могут быть действующие юрисконсульты, адвокаты, нотариусы. И соответственно, если речь идет о судебных решениях, это судьи, помощники судей, секретари судебных заседаний. Указанные специалисты могут обратить внимание на нюансы в процессе составления, поделиться опытом применения регламентирующих актов, рассказать о последствиях в случае не грамотно составленных документов.

© Одинокова Е. Ю., 2023

Т. К. Махрова*

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ОПЫТ АКТУАЛИЗАЦИИ

Современная концепция преподавания исторических дисциплин в высших учебных заведениях, основанная на принципе научности, придает новые очертания основным компонентам и общего гуманитарного, и общепрофессионального цикла дисциплин в содержании юридического образования. Новые подходы к преподаванию историко-юридических дисциплин, в частности, обращают внимание не только на интеграцию в содержание исторических курсов материалов по истории всеобщей, отраслевой, но и региональной¹. Включение значимых для истории российской государственности региональных сюжетов отечественной истории позволяет активизировать и направить познавательные интересы студентов, визуализировать историческое событие на основе фондов и экспозиций местных музеев, памятных локаций, библиотек, архивов (иногда даже семейных, например, в изучении периода Великой Отечественной войны). Это и возможность получить опыт исследовательской деятельности и проектной работы, и предпосылка для решения поставленной задачи – «подготовить патриотически настроенных граждан своей страны, людей думающих, с широким кругозором и

* *Махрова Татьяна Кимовна* – профессор кафедры теории государства и права, трудового права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск), доктор исторических наук, доцент.

навыками критического мышления»².

На наш взгляд, «нестоличность» региона, к истории которого мы предполагаем обратиться, не снижает потенциала решения поставленных задач. Более того, разнообразие подходов к преподаванию историко-юридических дисциплин, полидисциплинарность расширяет его. В постановке задач возможно и обращение к проблемным вопросам истории государства в рамках учебного курса, и выход за его границы в научно-исследовательское пространство, и даже использование результатов студенческих исследований в профориентационной работе (например, изучение истории местных государственных учреждений, правоохранительных органов, опыта местного самоуправления, персоналий³). Так, в качестве платформы для реализации такого рода задач на базе учебного курса «История государства и права России» студентам-первокурсникам (с возможностью продолжения работы на старших курсах) предлагается участие в проекте «Челябинск юридический». Результатом студенческих изысканий становится разработка «туристического маршрута» по знаковым историческим местам города (области), связанным с государственно-правовым развитием России. Участие в такой работе мотивируется и тем, что в городе проводится работа по сохранению исторической памяти (например, устройство в Челябинске «адвокатского сквера» имени Ф. Н. Плевако, где в 2019 г. был заложен первый камень в основание будущего памятника блестящему адвокату эпохи Великих реформ, уроженцу Челябинской области⁴, в честь которого Гильдия российских адвокатов в 1997 г. учредила золотую медаль для награждения деятелей адвокатуры и общественности за вклад в правозащитное движение, а Челябинская коллегия адвокатов с 1996 г. присуждает премию имени Ф. Н. Плевако).

Регион имеет богатую событийную историю на протяжении нескольких столетий. С точки зрения изучения истории государства интересен, например, период формирования новой государственности с альтернативой «Советы – Учредительное собрание» на фоне противостояния красного и белого (и, как отмечают исследователи, целого ряда иных «цветных» оттенков⁵⁾ движений 1917–1918 гг. Историческое осмысление эпохи революционных потрясений всегда представляет собой непростую задачу, и региональный уровень изучения важен для понимания как отдельных важных аспектов, так и общей картины преобразования государства. Применительно к сформулированным нами учебным задачам в этих территориальных и хронологических рамках можно выделить ряд исторических событий, представляющих исследовательский интерес: например, совещание уполномоченных представителей Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (КОМУЧ) и Сибирского временного правительства в Челябинске (июль 1918 г.)⁶⁾, выступление чехословацкого корпуса в Челябинске (май 1918 г.)⁷⁾, проведение Войскового круга Оренбургского казачьего войска и обсуждение идеи «казачьей федеративной республики» в период подготовки Учредительного собрания⁸⁾ и др.

Обязательным условием организации такой исследовательской работы студентов является доступность источников и литературы. Такие возможности во многом обеспечиваются сегодня процессом цифровизации, доступностью фондов электронных библиотечных систем, Президентской библиотеки, местных государственных архивов (в частности, Объединенного государственного архива Челябинской области, осуществляющего публикацию оцифрованных исторических документов).

© Махрова Т. К., 2023

¹ Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. – <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63748/> (дата обращения: 21.02.2023).

² Там же.

³ См., например: *Салмина С. Ю.* Прокуратура Челябинской области: Очерки истории. Челябинск, 2001; *Абрамовский А. П., Кобзов В. С., Вериго Е. А.* Челябинский областной суд, 70 лет: люди, события, факты. Челябинск, 2004; *Сичинский Е. П.* Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005; и др.

⁴ *Смолярчук В. И.* Адвокат Федор Плевако: очерк о жизни и судебной деятельности адвоката Ф. Н. Плевако. Челябинск, 1989.

⁵ *Кобзов В. С.* Особая национальная голубая армия Всероссийского Учредительного собрания в Челябинском уезде (100 лет со времени создания) // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область. 2020: Ежегодник / Сост. И. Н. Пережогина, Р. Р. Хайретдинова. Челябинск, 2019. С. 314–330.

⁶ Записки о совместном совещании уполномоченных представителей КОМУЧ и Сибирского временного правительства в г. Челябинске [15 июля 1918 г.] // Коллекции Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. – <https://www.prilib.ru/item/706312> (дата обращения: 21.02.2023).

⁷ Чехословацкие легионеры в Челябинске. 1918 г. // Объединенный государственный архив Челябинской области: официальный сайт. – <https://archive74.ru/news/chehoslovackie-legionery-v-chelyabinske-1918-g> (дата обращения: 21.02.2023).

⁸ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 596. Оп. 1. Д. 297. Л. 17–19, 169.

А. И. Бакшеев*

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ РОССИИ И ОСНОВ ПРАВОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТАМ-МЕДИКАМ

В текущий, весьма непростой, период своей истории российскому государству и обществу, как никогда, требуются высококвалифицированные специалисты, подготовку которых обеспечивает национальная система высшего образования. Сегодня для решения сложных общественно-политических и экономических задач, такие специалисты должны быть способны анализировать различные тенденции развития мирового и национального общественного развития, ориентироваться в различных аспектах государственной и правовой действительности. Эти умения должны помочь специалисту высшего образования сформировать четкую и позитивную для общества морально-нравственную и правовую позицию, способствующую успешной реализации специалиста в профессиональной деятельности. Таким образом, преподавание гуманитарных наук сегодня признается важным элементом подготовки специалистов высшего образования в различных сферах профессиональной деятельности, в том числе негуманитарной направленности, в частности, медицине¹.

Следует отметить, что такой позиции придерживаются

* *Бакшеев Андрей Иванович* – заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета имени проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, кандидат исторических наук, доцент.

ся многие современные исследователи проблем высшего медицинского образования. Необходимость преподавания научных дисциплин гуманитарной направленности обосновывается в работах Е. А. Серак², Н. В. Круговой³. Однако, в настоящий момент все еще есть потребность в формировании новых, научно обоснованных доводов, которые способны убедить будущих врачей активно приобщаться к гуманитарным знаниям. Поэтому тема настоящей статьи сохраняет свою актуальность.

Профессия врача сегодня занимает особое место в социокультурном пространстве, где помимо высокоинтеллектуальной составляющей и ответственности за результат, большое значение имеют гуманистические взгляды и принципы. По результатам опроса, проведенного среди руководителей медицинских учреждений, важными качествами своих подчиненных они считают способность поддерживать устную и письменную коммуникацию (87 %), критический и аналитический склад ума (81 %), умение решать профессиональные проблемы в рамках этики (75 %)⁴.

Развитие этих качеств, несомненно, требует четкого следования гуманистическим принципам, которые усваиваются благодаря разнообразным гуманитарным наукам. Поэтому гуманитарное образование сегодня составляет основу гуманистической подготовки врача, ставя перед руководством и преподавательскими коллективами медицинских вузов сложные задачи интеграции гуманитарных наук в образовательную среду профильных вузов. При этом гуманитарное образование врача как человека, в руках которого зачастую находится жизнь и здоровье пациента, должно быть более разнообразным и глубоким, чем у представителей других профессий высшей школы, не связанных с отмеченными, важнейшими для человека кате-

гориями⁵.

Между тем, у многих студентов медицинских вузов отсутствует твердая убежденность в необходимости приобщения к гуманитарным знаниям и гуманитарной культуре. Исследователи отмечают, что наиболее низкая посещаемость фиксируется на занятиях по гуманитарным предметам, в частности, по истории России⁶.

Этот факт отражает отсутствие интереса многих студентов-медиков к названной дисциплине, которые считают, что знания, получаемые на занятиях по истории России, никак не могут помочь в будущей профессиональной деятельности врача. Однако это далеко не так. Будущий врач, получая исторические знания, не только приобретает общее представление об историческом процессе с древнейших времен и до современности. Выявление основных тенденций исторического развития позволяет будущему медику определить место России в контексте общемировой истории, формируя его мировоззренческую и гражданскую позицию, становление которых происходит именно в молодые годы⁷.

Самостоятельное изучение истории России, анализ исторических закономерностей, позволят студенту освоить исторический метод исследования объективной действительности, который будет нелишним при проведении научных исследований, написании научных статей, обеспечивающих достойное становление будущего ученого в сфере медицины. Кроме того, историческая и правоведческая науки, в рамках которых отражаются закономерности развития общества и государства, способствуют принятию правильных решений врача, стремящегося к карьерному росту – перспективе возглавлять трудовые коллективы медицинских учреждений, эффективно организовывать трудовую деятельность медиков. Здесь исто-

рические и правовые знания помогут, опираясь на знания исторических фактов и опыт прошлого, убедить подчиненных в правильности принимаемых руководством решений.

Демонстрация углубленного знания фактов истории России, наряду с правовой эрудицией, укрепит доверие и к рядовому врачу, как к образованному, грамотному человеку, всесторонне развитому профессионалу со стороны пациентов, тем самым способствуя успешности проводимого им лечения. Знание отечественной истории, как части всеобщей, в том числе, как указывалось выше, формирует гражданские качества, необходимые будущим специалистам-медикам: ответственность перед обществом, высокую нравственность, патриотизм и др.⁸

Необходимо сказать, что осознание важности преподавания истории России сегодня присутствует и на уровне государственного управления высшим образованием. Так, Минобрнауки России утвердило обязательный минимум зачётных единиц, отводимых в вузах на изучение истории в рамках образовательных программ высшего образования. С 1 сентября 2023 г. вузы будут обучать студентов по обновлённым образовательным программам в соответствии с образовательными стандартами. Это позволит противодействовать участвовавшим в последнее время попыткам фальсификации истории в любых её проявлениях, направленных на воспрепятствование формирования у студентов чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти поколений, ответственности за судьбу страны⁹.

Не менее важную роль в подготовке медицинских специалистов высшего уровня играет получение знаний другого направления гуманитарных наук – правоведения и правовых дисциплин – гражданского, а также уголовно-

го и административного права. Правовая оценка будущим врачом явлений и событий современной политической и общественной жизни, частной жизни отдельных индивидуумов, также помогают ему реализоваться в профессиональной деятельности¹⁰.

Профессиональное становление медика сегодня трудно представить без воспитания в нем развитого и зрелого правосознания, сформированного на основе современных правовых идей, взглядов и представлений. Такие образовательные задачи, как всесторонняя правовая подготовка и становление правосознания, в том числе и в области медицины, должны рассматриваться как важные профессиональные аспекты изучения дисциплины «Правоведение» и основных отраслевых правовых дисциплин в медицинском вузе. Итогом изучения указанных дисциплин должно стать сформированное у студентов уважительное отношение к правам пациентов и ответственности врачей за причинение вреда здоровью, за профессиональные и профессионально-этические должностные правонарушения; представление о своей будущей профессиональной деятельности в соответствии с этическими, моральными и правовыми нормами; должно быть воспитано уважительное отношение к законам и другим нормативным правовым актам как к основополагающему гаранту соблюдения прав, свобод, интересов граждан и общества¹¹.

Представляется, что современный врач способен эффективно и ответственно выполнять свои профессиональные обязанности лишь в том случае, если он неукоснительно соблюдает усвоенные им принятые в обществе правовые устои и установки правовых норм, что невозможно без знания законов и нормативных актов. Эти же знания необходимы ему и в работе с конфиденциальной информацией, составляющей врачебную тайну и другими

правовыми аспектами врачебной деятельности, которых в медицинской практике имеется великое множество. Прикладное значение правовых знаний выражается в приобретении студентом-медиком следующих навыков:

- принятие нормативно-обоснованных решений в конкретных ситуациях, возникающих при осуществлении многосложной профессиональной деятельности врача;

- оформление медицинских документов надлежащим образом и в установленном порядке;

- грамотное осуществление руководства медицинским коллективом, при ориентировании в действующих нормативных правовых актах о труде, правильном применении норм трудового законодательства в конкретных практических ситуациях;

- отстаивание и защита прав врачей и пациентов в различных инстанциях и органах.

Таким образом, медик-профессионал просто обязан ориентироваться в сложных правовых вопросах медицины, что и обуславливает необходимость преподавания правоведения и отраслевых правовых дисциплин на протяжении всего обучения в медицинском вузе.

Кроме того, преподавание истории России и права как существенной части гуманитарной составляющей высшего образования позволяет, по справедливому мнению исследователей Э. Ф. Смеричевского и Д. А. Коржовой, «сформировать у будущего врача осознанную потребность в нравственном совершенствовании, укрепить его веру в возможность использования гуманитарных знаний во благо человека, убедить его в существовании четких критериев зла и добра, не допуская искажения идеалов, традиционно принятых в медицине»¹².

Таким образом, разумное и методически обоснованное соотношение гуманитарных и естественно-

медицинских дисциплин, преподаваемых при подготовке будущих врачей в медицинском вузе, является необходимым условием достижения эффективного и качественного медицинского обслуживания, столь необходимого в современном обществе. Тенденция к более углубленному преподаванию истории России, правоведения и основных отраслевых правовых дисциплин, поддерживаемая руководством медицинскими вузами и государственными органами управления высшим образованием, несомненно, имеет долгосрочные перспективы в нашей стране и будет способствовать достижению отмеченных целей развития медицины.

© Бакшеев А. И., 2023

¹ Бакшеев А. И. Необходимость воспитания личностных качеств будущего врача в медицинском вузе // Современные тенденции развития педагогических технологий в медицинском образовании: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Серия: Вузовская педагогика. Красноярск, 2018. С. 381–386.

² Серак Е. В. Актуальные вопросы медицинского образования: профессиональный потенциал гуманитарных знаний // IX Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Т. В. Седлецкая. СПб., 2021. С. 73–76.

³ Кругова Н. В., Тищенко В. И., Степанова А. В. Актуальность и профессиональные аспекты изучения дисциплины «Правоведение в медицинском вузе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2014. № 4. С. 167–172.

⁴ Турчина Ж. Е., Бакшеев А. И., Бакшеева С. Л., Шарова О. Я., Нор О. В. Интерактивные методы обучения в системе высшей школы // Современное педагогическое образование. 2022. № 4. С. 137–140.

⁵ Там же.

⁶ *Смеричевский Э. Ф., Коржова Д. А., Белоусова В. Ю.* Гуманитарный аспект медицинского образования как неотъемлемая составляющая обучения студентов-медиков // Гуманитарный вестник (Горловка). 2017. № 4. С. 130–135.

⁷ *Бакшеев А. И., Андренко О. В., Турчина Ж. Е., Рогачев А. Г., Сафронов С. А.* Актуальность преподавания курса «Всеобщая история в медицинском вузе» // Современное педагогическое образование. 2022. № 1. С. 164–168.

⁸ Там же.

⁹ *История России в вузах: вектор на расширение изучения и глубину осмысления.* – <https://www.pnzgu.ru/news/2022/10/17/12014169#:~:text=017.10.2022%2011%3A59> (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁰ *Серак Е. В.* Актуальные вопросы медицинского образования: профессиональный потенциал гуманитарных знаний // IX Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Т. В. Седлецкая. С. 73–76.

¹¹ Там же.

¹² *Смеричевский Э. Ф., Коржова Д. А., Белоусова В. Ю.* Гуманитарный аспект медицинского образования как неотъемлемая составляющая обучения студентов-медиков // Гуманитарный вестник (Горловка). 2017. № 4. С. 130–135.

А. В. Петровская*

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Правовой способ организации жизни общества выступает доминирующим в правовом демократическом государстве. Полиция является тем элементом государственного аппарата, основным направлением деятельности которого становится обеспечение безопасности граждан, законности и правопорядка. Кроме того, органы внутренних дел довольно тесно взаимодействуют с населением. От качества выполнения сотрудниками полиции своих функций зависит оценка ее деятельности обществом. Эффективность реализации поставленных перед полицией задач, как представляется, во многом зависит от уровня профессионального сознания и правовой культуры ее сотрудников, реализующих правотворческую и правоприменительную функцию. Являясь элементом правового регулирования, правосознание выполняет важную системообразующую и регулятивную функцию.

В зависимости от глубины освоения сущности государственно-правовых институтов, степени отражения юридической реальности, выделяют обыденное, профес-

* *Петровская Анна Валентиновна* – доцент кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

сиональное, доктринальное правовое сознание. Сотрудники полиции, как юристы-практики, осуществляющие интерпритационную, правотворческую и правоприменительную деятельность становятся носителями профессионального правосознания. Структуру правосознания составляют правовая идеология и правовая психология. Содержание правовой идеологии – это идеи, теории, концепции по поводу права, правовой действительности. Правовая психология представляет собой совокупность чувств, эмоций, переживаний по поводу права. На уровне профессионального правового сознания содержанием правовой идеологии становятся правовые знания, отражающие специфику функционирования государственно-правовых явлений, особенности юридической правоприменительной практики, юридическое мировоззрение. Правовая идеология направлена на формирование сознательного соблюдения сотрудником полиции принципов законности, приоритета и неотчуждаемости прав человека, равенства, справедливости. Становление профессионального уровня правового сознания, как правило, берет свое начало на этапе обучения в специализированных юридических вузах, в процессе правовой подготовки юристов – профессионалов, в частности, сотрудников органов внутренних дел. Обучающиеся получают знания об общих закономерностях исторического развития, становления, сущности и особенностей функционирования государственно-правовых процессов и явлений (общеправовая подготовка), а так же о способах правового регулирования, реализуемых в рамках отраслевых юридических наук (профессиональная подготовка). Ни в коей мере не оспаривая важность изучения отраслевых и специализированных юридических дисциплин для формирования должного уровня правового сознания юриста-практика,

автор убеждена, что освоение учебных дисциплин общеправового цикла оказывает значительное влияние на правовую идеологию юриста-профессионала. Студенты попадают в вуз с разным уровнем правовой культуры, системы ценностных координат, юридического мировоззрения. Такие дисциплины, как «Философия права», «Теория государства и права», «История государства и права», «Конституционное право» позволяют на идеологическом уровне правового сознания сформировать нравственные императивы, юридическое мышление, общекультурные установки, такие как: патриотизм, гражданственность, справедливость, долженствование и т. п.. Таким образом, у обучающихся формируется правовая культура, базирующаяся как на нормативных, так и на ценностных установках сознания, а понимание сущностных особенностей правовых явлений позволяют добиться самодисциплины, самопонуждения, самозаконности.

Кроме того, сотрудники полиции осуществляют деятельность направленную на толкование правовых норм не только уясняя их смысл и содержание (что немаловажно для правоприменительной деятельности), но и разъясняя его значение другим лицам (осуществляя правовое просвещение¹). Правоприменительная деятельность является одним из основных видов деятельности сотрудников полиции. Качественная оценка фактической основы дела, грамотная юридическая квалификация и принятие решения по делу во многом зависят от правильного понимания смысловых, сущностных начал функционирования государственно-правовых институтов². Формирование на уровне правовой идеологии обучающихся установок на уважение прав и свобод человека, недопустимость подмены законности целесообразностью, справедливость, патриотизм, беспристрастность, необходимость соблюдения

установленных государством норм для обеспечения стабильности и порядка в обществе, невозможность произвола со стороны представителя органа публичной власти, позволяют эффективно применить норму даже при отсутствии четкого правового урегулирования конкретной жизненной ситуации.

Сегодня полиция оказывает идеологическое воздействие как в процессе осуществления информирования населения специализированными структурными подразделениями по работе с средствами массовой информации, так и в процессе осуществления своей повседневной профессиональной деятельности, осуществляя коммуникативное взаимодействие с различными группами населения³. Осуществляя интерпретационную деятельность, сотрудники правоохранительных органов, безусловно, обладают авторитетом в глазах граждан. Следовательно, от правильного разъяснения телеологического и аксиологического значения юридической нормы будет зависеть одобрение гражданами ее применения в конкретных жизненных ситуациях.

Таким образом, установки правового сознания, сформированные на уровне правовой идеологии в процессе освоения дисциплин общеправового цикла, влияют на качество и эффективность реализации поставленных перед сотрудниками полиции задач. Вместе с тем, вызывает озабоченность тот факт, что в современных государственных образовательных программах по специальностям, связанным с обеспечением законности и правопорядка, значительно сокращается количество аудиторных часов, отведенных на изучение дисциплин общеправового цикла. Однако, как представляется, указанные дисциплины оказывают существенное влияние на формирование правовой идеологии будущего сотрудника органов внут-

ренных дел.

© Петровская А. В., 2023

¹ Согласно п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции», полиция обязана осуществлять пропаганду правовых знаний по направлениям своей деятельности.

² *Петровская А. В.* Содержание идеи правового закона в контексте современной юридической теории и практики органов внутренних дел. Калининград, 2015.

³ *Клименко А. И.* Полиция как элемент институционального уровня механизма правовой идеологии в условиях современного политически организованного общества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 35.

А. С. Пеструилов*

**О ЗНАЧЕНИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПАТРИОТИЗМА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ
ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ МВД РОССИИ**

Патриотизм чаще всего понимается как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь, привязанность к Родине и готовность пожертвовать своими интересами ради неё. Патриотизм обеспечивает общественную солидарность, служит внутренним ориентиром правильного поведения, лежит в основе социальной активности и ответственности граждан, но он близок и родственен таким негативным общественным явлениям, как нацизм и сепаратизм. На примере современной Украины мы видим, во что могут выродиться патриотические движения, основанные на ложных идеях и искажении истории. Некоторые отечественные ученые обосновывают закономерность и цикличность перехода патриотизма в сепаратизм¹. Поэтому в условиях многонациональности Российской Федерации система воспитания патриотизма должна быть взвешенной, научно обоснованной и целостной.

Сложно переоценить значимость этой системы, так как наличие в нашем распоряжении ядерного оружия делает невозможным разрушение российского государства традиционным военным путем, но не защищает от внут-

* *Пеструилов Андрей Сергеевич* – доцент кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

ренных противоречий и конфликтов. В России взят, на наш взгляд, очень правильный, курс на построение идеологической (духовной) системы безопасности нашего общества на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»), но, к сожалению, этот процесс идет недостаточно быстро. Ранее предпринимались попытки отдельного построения системы патриотического воспитания, но, как показывают научные исследования, она действовала недостаточно эффективно². Современные реалии требуют максимальной концентрации усилий и средств государства на этом направлении, и основное бремя ляжет на систему образования.

На наш взгляд, развитие чувства патриотизма очень значимая и важная задача каждого учебного заведения, а в образовательных организациях системы МВД – основная.

Для того, чтобы доказать этот тезис, достаточно подумать о том, к какому полицейскому мы бы сами хотели обратиться со своими проблемами – к профессиональному, дисциплинированному, физически развитому, но неспособному к солидарности, сочувствию, самоотверженности или наоборот – к сотруднику обладающему меньшим объемом знаний и умений, но любящего свое дело, умеющего сопереживать, чувствующего ответственность перед государством и обществом за свое дело, неравнодушного к проблемам, с которыми он сталкивается. Нам представляется более привлекательным второй вариант, и, значит, именно развитие социальной активности и социальной ответственности – приоритетная цель полицей-

ского образования. А ведь одним из важнейших источников социальной активности и социальной ответственности является патриотизм.

подавляющее число ученых, размышляя об идеально устроенном обществе, утверждают, что его построение возможно только при преобладании именно социально активных и социально ответственных граждан, которые проблемы общества воспринимают как свои личные и готовы их решать, затрачивая собственные время, усилия и ресурсы. Так что воспитание таких людей должно быть целью любого учебного заведения и государства в целом, а для вузов системы МВД – приоритетом.

Человек – существо мыслящее, творческое, но, как правило, расчетливое и ленивое. Будет ли он наводить порядок и совершенствовать быт в чужом доме? Очевидно, что нет. Ведь там он в этом не заинтересован и не чувствует своей ответственности за организацию жизни. А значит, основой социальной активности и ответственности выступает именно отношение к общему как к своему. Современное нам общество организовано государственным образом, а значит, общее – это и есть государственное, общественное и именно любовь к своей стране, своему народу (а это и есть патриотизм) – источник подлинной гражданственности.

Некоторые мыслители утверждают, что чувство собственника, описанное нами выше, порождает неуважение (пренебрежительное отношение) к чужому, а иногда и к стремлению его захватить или разрушить. Отсюда конфликты, войны и иные бедствия человечества. Именно этот упрек – основной аргумент против патриотизма.

Нам представляется, что здесь происходит некоторое искажение истины. Надо понимать, что одно и то же чувство может подтолкнуть человека к совершению как по-

двигателя, так и злодеяния. Например, можно ли сомневаться в полезности любви? А ведь именно она трансформируется в ревность – один из самых распространенных мотивов насильственных преступлений. Вряд ли найдется хотя бы один человек, который скажет, что наука – это плохо и вредно. Но ведь именно она позволила человеку создать оружие, угрожающее существованию всей планеты. Некоторые научные разработки становятся орудием для совершения преступлений, например, виртуальные технологии вербовки в экстремистские организации или мошеннические схемы хищения средств с банковских карт. Ведь криминологи отмечают появление и рост так называемой интеллектуальной преступности, а это – пример негативного использования научных достижений.

Поэтому отметим, что любое – даже очень положительное и значимое для общества – явление может иметь как нормальные (общественно полезные), так и отклоняющиеся, порой чрезвычайно опасные последствия. Таким образом, не патриотизм ведет к раздорам, конфликтам и даже войне, а его негативные девиации. Для того, чтобы их избежать, необходимо четко представлять цель и средства ее достижения, в чем может помочь научная проработка вопроса.

Развивая нашу мысль, необходимо очертить *нормальный патриотизм*, ограничив его от близких социально вредных явлений. Вернемся к определению и выделим три важнейшие признака его составляющие:

- патриотизм – это любовь к родине;
- гордость за отечественные достижения – важная составляющая патриотизма;
- способность (и ее реализация) пожертвовать своими личными интересами для защиты, развития и процветания Отечества.

Разбирая первый признак, зададимся вопросом, а может ли человек, который не любит себя, полюбить кого-то другого? Психологи в один голос ответят: нет. Если человек не любит себя, то его комплексы в отношениях с другими людьми будут порождать различные (и чаще всего негативные) проявления этого чувства, что разрушающе сказывается на человеческих отношениях. Нам кажется, что эти мысли можно распространить и на любовь к своей Родине, своей земле, своим соплеменникам. Без этого чувства невозможно выстроить равного конструктивного диалога с представителями иных культур. Ведь не должно быть обожания и стремления копировать, зависти и попыток уничтожить, которые неизбежно появятся без любви к себе и уверенности, которую она дает.

Приобрести такую уверенность поможет гордость за достижения, которых было множество в многовековой истории нашего государства. Отметим, что именно гордость формирует и укрепляет ощущение своей полноценности, именно она порождает желание постоянного совершенствования и здоровую конкуренцию. Наш мир чрезвычайно разнообразен, и именно в этом разнообразии его сила. Именно в нем источник развития и огромный потенциал для преодоления трудностей. Ведь именно это разнообразие обеспечивает разновекторность развития и множество моделей поведения в решении различных ситуаций. На наш взгляд, общественное развитие – это не унификация, а селекция. Отбор всего лучшего, что могут дать различные культуры. И если путь совершенствования социальной жизни выглядит именно так, то популяризация и поддержка своих достижений и особенностей каждым народом (а это обеспечивается именно гордостью) – основной источник развития общества. В этом случае многонациональность России – это не слабость, а огром-

ный потенциал. Важно обеспечить здоровую конкурентную среду взаимодействия культур, составляющих Россию, которая поможет расцвести каждой из них. На государственном уровне необходимо популяризировать не достижения русских или татар, православных или мусульман и так далее, а успехи и преимущества Русского мира, значимыми частями которого они являются. Продвижение этой идеи, выработка гордости за принадлежность к Русскому миру независимо от национальности и вероисповедания – важная задача вузов.

Когда мы говорим о способности человека пожертвовать своими личными интересами для защиты, развития и процветания Отечества, мы имеем в виду не столько желание отдать свою жизнь за Родину или пожертвовать воспитанием детей в угоду осуществлению своей профессиональной деятельности – нет, это, скорее, девиации. Мне бы не хотелось жить в обществе, где не ценится личное пространство и никак не учитываются индивидуальные интересы. На наш взгляд, настоящий патриотизм проявляется в каждодневной осознанной кропотливой борьбе с собственным эгоизмом. Не поставить свой автомобиль на место, предназначенное для транспорта инвалидов или подъезда экстренных служб, помочь потерявшемуся ребенку, даже если опаздываешь на работу. Помочь задержать правонарушителя или доказать его вину, несмотря на дефицит времени; отказаться от получения пособия, если реально в нем не нуждаешься; и т. д. Жизнь ежедневно дает нам возможность совершать множество маленьких подвигов, в которых и выражается наша любовь к Родине, народу, образу жизни.

Юридические вузы имеют огромный потенциал в воспитании деятельностного компонента патриотизма разными формами³. Это и проведение тренингов и иных

мероприятий, направленных на осознание своего поведения и своих возможностей, и развитие волонтерского движения, и оказание бесплатной юридической помощи в рамках юридических клиник при вузах и многое другое.

Подводя итоги, отметим, что патриотизм – это не пустое слово, не проявление безнравственности. Это чувство и качество, характерное для отдельного человека, являющееся источником правильного, эффективного развития общества. Именно это чувство является основой появления у человека социальной активности и ответственности, именно оно обеспечивает равный взаимовыгодный диалог культур и противостоит конфликтам, а не провоцирует них. Развитие этого качества – важная задача любого учебного заведения, а для образовательных организаций системы МВД – это главный приоритет. Осознание этого должно коренным образом улучшить учебный процесс.

© Пеструилов А. С., 2023

¹ Щемелинин К. С. Циклы национализма и патриотизма-сепаратизма // Архонт. 2019. № 5(14). – <https://cyberleninka.ru/article/n/tsikly-natsionalizma-i-patriotizma-separatizma> (дата обращения: 10.04.2023).

² Зиненко В. Е. Патриотическое воспитание российской молодежи: современные реалии // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 1. – <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-vospitanie-rossiyskoy-molodezhi-sovremennyye-realii> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Нижник Н. С. «Современная история»: оксюморон или направление научных исследований? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(37). С. 80–82; Нижник Н. С. Историческая память как детерминанта патриотического воспитания // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве

за Москву, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине / Отв. ред.: Е. П. Максименко, З. З. Мухина, Н. А. Тимощук, Д. А. Хорват. М., 2023. С. 180–191; *Нижник Н. С., Нижник В. А.* Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 226–237. EDN RVCGWM; *Нижник Н. С.* Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 219–225. EDN CGYU1A; и др.

Е. С. Леханова*

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ РОССИЙСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

Основная задача образовательных учреждений МВД России состоит в подготовке квалифицированных кадров для обеспечения деятельности правоохранительных органов. Следовательно, ключевой фактор при определении содержания образовательного процесса в каждом конкретном вузе – специфика будущей профессиональной деятельности соответствующих служб.

Нижегородская академия МВД России ориентирована на подготовку сотрудников ОВД, ведущих борьбу с экономическими и налоговыми преступлениями. В этой связи одной из главных задач высшего учебного заведения с момента его создания в 1972 г. явилась выработка концепции преподавания дисциплин экономической направленности в специализированном вузе.

Более чем 50-летний опыт преподавания, а также постоянно осуществляемый мониторинг использования специальных экономических знаний в практике выявления и расследования преступлений позволил установить, что сугубо экономическая материя должна быть обязательно

* *Леханова Елена Семеновна* – профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент.

адаптирована к оперативно-следственной деятельности. Изучение теории бухгалтерского учета, экономического анализа, товароведения и технологии производства приводит, во-первых, к неэффективной потере учебного времени и, во-вторых, грозит потерей интереса обучаемых к предмету, поскольку будущий специалист органов внутренних дел не будет сам вести бухгалтерский учет и работать в должности экономиста. Декларативные упоминания о том, что классические экономические знания будут ему просто необходимы, без четкого обучения конкретным приемам и навыкам работы с учетной и отчетной документацией для решения собственных профессиональных задач в типичных ситуациях оперативно-служебной деятельности выглядят несостоятельными.

Основной вывод, который базируется на обобщении опыта нескольких десятилетий преподавания специальных экономических дисциплин в полицейском (милицейском) вузе и красной нитью проходит в содержании учебной литературы ведущих ученых и педагогов Нижегородской академии МВД России, состоит в следующем: нельзя механически переносить в учебный процесс подготовки юриста учебные дисциплины, ориентированные на деятельность бухгалтера и экономиста¹.

Итогом многолетних педагогических поисков, проводившихся на кафедре судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, стало создание комплексных прикладных дисциплин, сформированных на стыке права и экономики. На сегодняшний день можно уверенно говорить о том, что сложились такие дисциплины как судебная бухгалтерия, экономико-криминалистический анализ хозяйственной деятельности, судебная технология и товароведение.

Усиление практической направленности обучения по

указанным дисциплинам достигается путем жесткой профилизации содержания и структуры учебной дисциплины, а также профилизацией самой методики обучения. Предлагаемая в разработках кафедры структура учебных дисциплин зеркально отражает этапы деятельности оперативно-следственных работников по раскрытию преступлений на основе следов (признаков следов), оставленных ими в экономической информации.

При построении образовательного процесса по специальным экономическим дисциплинам перед профессорско-преподавательским составом всегда стоит сложная задача: как имея ограниченное учебное время, сообщить обучаемым необходимый объем знаний, привить профессионально значимые умения и навыки. Одним из главных средств оптимизации учебного процесса в Нижегородской академии МВД России явились активные формы обучения.

Опыт методических поисков подтверждает, что реализация современных педагогических технологий и дидактических приемов для конкретной дисциплины всегда протекает в специфических формах, образуя, в сущности, частную методику преподавания. Сама же частная методика работает лишь при ее ориентации на последующую практическую деятельность обучаемого.

Процесс возникновения частной методики, вероятно, наиболее объясним в ситуациях интегрирования преподавательской и профессиональной деятельности педагога, соответствующей профилю подготавливаемого специалиста. Именно таким образом были созданы все применяемые сегодня на кафедре макеты деловых игр.

Представляет интерес сама история создания первого макета. Один из основоположников отечественной судебной бухгалтерии, создатель кафедры судебной бухгалте-

рии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России доктор юридических наук профессор Севир Павлович Голубятников², будучи экспертом-экономистом, в 60-х годах прошлого столетия провел бухгалтерскую экспертизу по делу об организованных хищениях ценностей на складе и в одном из магазинов Ивдельского райпотребсоюза Свердловской области. В этом же году к нему обратился следователь – недавний выпускник Свердловского юридического института – и поделился своим негативным опытом. Он рассказал, что получил для расследования материал о недостатке товаров в одном из магазинов на весьма значительную сумму. В процессе расследования выпускник назначил документальную ревизию и поставил перед ревизорами вопрос о том, какие именно товары образовали данную недостачу.

Ревизоры (очевидно, зная возможности метода контрольного сличения) заявили ему, что на этот вопрос ответить они не могут. Тогда следователь (с его слов) несколько дней подряд самостоятельно работал с документами магазина за соответствующий инвентаризационный период и лишь после этого убедился в правоте ревизора. Выяснилось, что поверхностное знакомство с реальными возможностями ревизоров и слабое представление о ситуациях, предопределяющих эффективность наиболее встречаемых на практике методов исследования документов, отрицательно сказывается на результатах оперативной и следственной работы.

Именно тогда и пришла мысль о создании первого макета-тренажера «Магазин». Макет был построен по мотивам только что проведенной С. П. Голубятниковым экспертизы и предназначался не только для наглядного представления о типичном документообороте на розничном торговом предприятии, но и для отработки практических

навыков по применению метода контрольного сличения. Макет содержал типичные ситуации, предопределяющие эффективность метода или его недостаточность для решения отдельных ревизионных задач. Позднее на основе материалов конкретных уголовных дела были созданы еще несколько взаимосвязанных макетов, которые позволили имитировать процесс движения по цепочке документальных следов преступлений и, что особенно важно для оперативного сотрудника, процесс использования взаимосвязанных подложных документов для установления важнейших обстоятельств уголовного дела.

Организация деловых игр по специальным сценариям на основе учебных макетов и подачи вводной информации вскоре стала одной из ведущих форм активного обучения по курсу «Судебная бухгалтерия». Безусловно, форма учебных макетов в XXI в. изменилась: нынешние курсанты работают с содержащими подлоги базами данных бухгалтерского учета, которые созданы с помощью программы 1С: Бухгалтерия.

И сегодня ведущие сотрудники кафедры проводят консультации и судебно-экономические экспертизы по наиболее сложным уголовным делам, отражающим реалии практики правоохранительных органов. Опыт, полученный в ходе подобных исследований, оказывается исключительно полезным для усиления практической направленности обучения. Именно затруднения, которые испытывают оперативно-следственные работники, ложатся в основу фабулы будущей деловой игры. Целью проведения занятия становится выработка самостоятельного эвристического решения, причем проблемность задания побуждает обучаемых творчески использовать положения соответствующей специальной экономической дисциплины.

¹ См., например: *Голубятников С. П., Леханова Е. С., Мамкин А. Н. Судебная бухгалтерия: Курс лекций.* Нижний Новгород, 2013; *Судебная бухгалтерия / Авт. кол: Е. В. Чиненов, С. С. Воронов, А. М. Журбенко [и др.].* Белгород, 2019; *Судебная бухгалтерия: Курс лекций / Авт. кол.: А. Н. Буторов, С. С. Воронов, С. П. Голубятников [и др.].* Нижний Новгород, 2021.

² *Леханова Е. С. Судебная бухгалтерия и ее основатель (светлой памяти профессора С. П. Голубятникова) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1(53). С. 360–364.*

Л. А. Мусллова*

**ЮРИСЛИНГВИСТИКА
КАК ОДНА ИЗ ОТРАСЛЕВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ
НАУК ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ
КУРСАНТОВ ВУЗОВ МВД РОССИИ**

Как известно, познавательная деятельность находится в постоянном поиске приобретения объективных знаний, направленных на достижение абсолютной истины с конечной целью познания окружающей действительности как целостной картины мира. Последнее означает, что любой предмет или любое явление, окружающих нас реалий, находятся в динамично развивающемся процессе трансформации ограниченных знаний к объективным, истинным, универсальным, тесно взаимодействующих друг с другом и, образующих, тем самым, систему, как «упорядоченную целостность закономерностей построения, функционирования и развития»¹. Учитывая данный факт, современная философско-научная картина мира представляет собой не что иное, как синтез классических фундаментальных теорий с другими разнородными гипотезами отличных друг от друга областей знаний². На сегодняшний день наиболее очевидным примером экстраполяции разнородных научных взглядов (на макроуровне развития человеческой цивилизации) является синергетическая модель окружающей нас действительности. В ка-

* *Мусллова Любовь Анатольевна* – заместитель заведующего кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук.

честве более частного примера синтезирования разноплановых научных знаний выступает юрислингвистика.

Впервые юрислингвистика как сфера научных интересов официально появилась в 1999 г. Родоначальником данного направления является Н. Д. Голев, доктор филологических наук, профессор Кемеровского университета. Изначально юрислингвистику Н. Д. Голев определил как «экстремальная лингвистика»³, объясняя «экстремальность» специфичной чертой, присущей каждому языку в практике его использования в юриспруденции. По мнению автора юрислингвистики, естественный язык по своей сути конфликтен⁴, в нем априори заложена двоякость и интерпретация тех или иных суждений, точек зрения. Поэтому целесообразно юридическую мысль выражать (устно или письменно) через специально созданные речевые обороты, конструкции, клише с целью адекватного толкования закона, постановления, приказа. Таким образом, прослеживается очевидная взаимосвязь и взаимообусловленность функционирования естественного языка и языка права, как двух основных составляющих человеческого бытия, исторически сложившихся и присущих любой социально-экономической формации. Более того, первоочередным в данной взаимосвязи выступает именно естественный язык, посредством которого юридический язык познается, становясь объектом юридического дискурса.

Однако юрислингвистические исследования профессора Н. Д. Голева направлены на изучение взаимоотношений русского языка и языка юридического. В настоящей статье хотелось бы акцентировать внимание на взаимодействие лингвистического и юридического полей посредством иностранного языка (ИЯ), который, с одной стороны, выступает альтернативой естественному родному

языку, с другой, применяется в специфично обусловленных речевым поведением ситуациях и при специально, искусственно созданных (в отличие от «естественного бытования»⁵ родного языка) условиях. Несмотря на все свои особенности, разнообразие и многогранность, ИЯ и как речевое явление, и как учебная дисциплина, выполняет те же функции, что и родной язык, в частности, когнитивную, коммуникативную, эмоционально-побудительную. В процессе профессиональной подготовки учащихся образовательных организаций высшего образования системы МВД России ИЯ наряду с русским языком составляет концептуальную основу языкового образования курсантов; формирует универсальную компетенцию (УК 4 – способность применять современные коммуникативные технологии для академического и профессионального взаимодействия)⁶, присутствует на всех уровнях подготовки обучающихся – бакалавриат, специалитет, магистратура; является учебным предметом обязательной части программы каждого профиля и направления подготовки будущих сотрудников ОВД. Учитывая именно правоприменительную специализацию вузов МВД, юридический текст, более того, юридический дискурс, составляющий основу юрислингвистики, потенциально выступает предметом и объектом изучения на уроках ИЯ в вышеназванных вузах. Так, например, тематический план рабочей программы дисциплины «Иностранный язык» по специальности 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка (профиль подготовки: административная деятельность полиции) квалификации бакалавр представлен общеюридическим разделом, а также разделом о правоохранительных структурах стран изучаемого языка и Российской Федерации; международном полицейском сотрудничестве; подготовкой кадров для ОВД⁷. В данные разделы включены

соответствующие темы, например, «Система уголовного правосудия стран изучаемого языка», «Классификация преступлений и правонарушений», «Расследование преступлений: осмотр места происшествия, этапы расследования» и др. Тематический план рабочей программы специального курса «Иноязычная деловая коммуникация» направления подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка, (профиль образовательной программы – оперативно-розыскная деятельность) содержит тематику более практической направленности, в частности, «Действия сотрудников полиции по охране общественного порядка. Обеспечение безопасности дорожного движения», «Опрос потерпевшего», «Как не стать жертвой преступления»⁸ и пр. Данные примеры наглядно иллюстрируют ключевые положения юрислингвистики в контексте взаимоотношения языка права и ИЯ (применительно к настоящей статье). Форма, как и процесс, такого рода взаимоотношений на уроках ИЯ отображается через многоаспектную работу по переводу и употреблению в речи, изначально на уровне лексической единицы (работа с юридической терминологией, зафиксированной в базовой лексики каждой изучаемой темы), далее на уровне завершённого смыслового единства (юридического текста, представленного в устной или письменной форме, в виде диалога либо монолога). Данный вид учебной деятельности предусматривает, в первую очередь, интерпретацию, адекватное речевой ситуации, толкование лексической единицы (слова) либо целого смыслового высказывания (фразы, предложения, текста) в процессе их перевода. Учитывая две важнейшие особенности юридической терминологии, как то: абстрактность последней и ее выражение через, единственно возможную, языковую форму, интерпретация юридической лексики является обязательной

составляющей любого занятия по ИЯ. Не корректный перевод, не точное толкование юридических терминов может привести к искажению всего юридического текста и, как следствие, ложному пониманию и неадекватному использованию юридической нормы, что, по сути, абсолютно не допустимо. Решить проблемы такого плана при обучении ИЯ курсантов вузов МВД возможно с помощью применения лингводидактических приемов и методов, которыми современная лингводидактика располагает в достаточном объеме.

Лингводидактика, как и юрислингвистика, является пограничной наукой, связывающей две самостоятельные науки – прикладное языкознание и методику преподавания ИЯ. Как отмечалось выше, в настоящее время арсенал лингводидактики представлен большим количеством разнообразных речевых тренировочных упражнений, широко используемых в процессе перевода и толкования юридических терминов и юридического текста. Во-первых, к ним относятся, ставшими традиционными, упражнения по работе со словарной статьёй с использованием двуязычных сопоставительных (переводных) юридических словарей и специализированных электронных словарей, в частности, Мультитран (предназначен для перевода слов и словосочетаний нескольких десятков ИЯ различных предметных областей знаний). Во-вторых, многочисленные тренировочные задания, направленные на перевод всего юридического текста с дальнейшим вариативным использованием текстовой информации в речи, как то: упражнения на определение ключевых слов; на языковую и контекстуальную догадку; на прогнозирование содержания прочитанного и многие др. Например, *drugs trafficking* (верно с англ. языка – незаконный оборот наркотиков; контрабанда наркотических средств)⁹. Не зная правил пе-

ревода, его алгоритма, не владея юридическими знаниями, есть вероятность ложного перевода (торговля лекарствами, медикаментами). Или прямое значение английского слова «sentence» – предложение – в юридическом контексте трактуется, как «приговор» (the nature of each sentence – суть каждого приговора)¹⁰. Примеров, свидетельствующих о синтезе неоднородных научных знаний можно привести довольно много. Однако, все они позволяют прийти к выводу, что, при обучении ИЯ в процессе профессиональной подготовки курсантов вузов МВД очевидна перспектива решения одной из основных задач юрислингвистики, нацеленной на создание единой системы методологических взглядов разнородных научных областей, включая как лингводидактические подходы, так и методологию исследования, технологии применения иных прикладных языковых и юридических дисциплин.

© Муслова Л. А., 2023

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Система#CITEREF> (дата обращения: 15.01.2023).

² <https://scienceforum.ru/2018/article/2018003430> (дата обращения: 19.01.2023).

³ Голев Н. Д. Юрислингвистика. Вводный очерк: Учебное пособие. Кемерово, 2021. С. 24.

⁴ <https://cyberleninka.ru/article/n/yurislingvistika-istoki-problemy-perspektivy/viewer> (дата обращения: 15.01.2023).

⁵ *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 31.

⁶ https://avtorvuz.univermvd.ru/mm/materials/view-wp?id=32696&work_program_Так,id=12064 (дата обращения: 11.01.2023).

⁷ https://avtorvuz.univermvd.ru/mm/materials/view-wp?id=33761&work_program_id=12914 (дата обращения: 15.01.2023).

⁸ https://avtorvuz.univermvd.ru/mm/materials/view-wp?id=33743&work_program_id=13075 (дата обращения: 22.01.2023).

⁹ <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=drug%20trafficking> (дата обращения: 15.01.2023).

¹⁰ *Комаровская С. Д.* Justice and the Law in Britain: Учебник английского языка для юристов. 4-е изд. М., 2001. С. 118.

А. А. Титов*

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ
И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ**

Профессиональная переподготовка прокурорских работников осуществляется в целях их адаптации к новой профессиональной деятельности, ведение которой должно происходить в соответствии с международными правовыми стандартами, требованиями Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и других федеральных законов, организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации. Она представляет собой систематизированный комплекс критериев, по которым оценивается возможность назначения прокурорского работника на указанную должность.

Программа профессиональной переподготовки ориентирована на получение слушателями Университета знаний и практических навыков, результаты проверки наличия которых при их итоговой аттестации позволили бы сделать вывод о соответствии прокурорского работника требованиям Квалификационной характеристики, его возможности организовать надлежащие управление под-

* *Титов Александр Александрович* – доцент кафедры организационно-аналитического обеспечения деятельности и управления в органах прокуратуры Университета прокуратуры Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук.

чиненными сотрудниками, их обучение и воспитание, внедрение в практику передовых форм и методов работы, основ научной организации труда, на что обращено внимание в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 22 декабря 2021 г. № 774 «О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации».

Рабочая программа предусматривает проведение со слушателями комплекса лекций, семинарских и практических занятий, тренингов, выездных занятий, круглых столов, деловых игр, семинаров по обмену опытом работы на различных участках прокурорской деятельности, участие в научно-практических конференциях и семинарах в целях изучения слушателями широкого круга тем теоретического и прикладного характера в соответствии с содержанием Квалификационной характеристики.

В процессе обучения слушатели выполняют контрольные работы по ряду разделов после изучения комплекса соответствующих вопросов в соответствии с прилагаемыми к программе методическими рекомендациями.

В число форм входного и текущего контроля знаний слушателей входит комплексное и отраслевое (по отдельным разделам учебной программы) тестирование. По завершении обучения слушатели проходят итоговую аттестацию в виде междисциплинарного экзамена, принимаемого комиссией. Обязательным условием допуска слушателя к итоговой аттестации является положительная оценка по каждой выполненной им контрольной работе или прохождению тестирования. По результатам сдачи экзамена слушателю выставляется дифференцированная оценка, вносимая в диплом о прохождении профессиональной переподготовки.

Содержание учебно-тематического плана может быть скорректировано относительно учебной программы при утверждении его проректором Университета прокуратуры Российской Федерации по направлению деятельности.

В настоящее время Университетом прокуратуры Российской Федерации совместно с заинтересованными структурными подразделениями Генеральной прокуратуры Российской Федерации завершается разработка типовых программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки прокурорских работников, которые составляются на основе обобщения имеющегося опыта, традиционных форм обучения, а также новых подходов к повышению квалификации и профессиональному развитию прокуроров.

Работа по повышению квалификации ведется не только Университетом прокуратуры Российской Федерации и его филиалами, но и межрегиональными центрами повышения квалификации.

В первом квартале 2023 г. на базе Университета прокуратуры Российской Федерации (факультет профессиональной переподготовки и повышения квалификации (Москва)) успешно проведено обучение шести потоков прокуроров.

К примеру, 3 марта 2023 г. завершилось обучение прокурорских работников, включенных в резерв кадров для выдвижения на должности прокуроров городов, районов, приравненных к ним военных прокуроров и прокуроров иных специализированных прокуратур.

На итоговом мероприятии, посвященном окончанию вышеуказанного обучения, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Ю. А. Пономарев поздравил слушателей с итоговой аттестацией и отметил необходимость и эффективность профессиональной пере-

подготовки указанной категории прокурорских работников.

За время обучения слушателей проведены выездные занятия в Генеральной прокуратуре Российской Федерации и прокуратуре Московской области, а также мастер-класс в прокуратуре г. Москвы.

Слушатели приняли самое активное участие в семинарах по обмену опытом и круглых столах, поделились своей практикой с коллегами. Дискуссии на этих мероприятиях были активными и эмоциональными, что свидетельствует о важности обсуждения проблем с целью поиска путей их решения.

В рамках реализации Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в органах прокуратуры для слушателей проведены экскурсии в музей Генеральной прокуратуры и прокуратуры г. Москвы. Несколько слушателей приняли участие в организованном работниками факультета Дне донорства, посвященном Дню защитника Отечества.

Таким образом, работа на данном направлении не только активно ведется, но и постоянно совершенствуется.

© Титов А. А., 2023

*Н. С. Грудинин**

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Конституционное право наряду с теорией государства и права продолжает оставаться одной из наиболее фундаментальных юридических наук и учебных дисциплин, преподаваемых студентам юридических вузов и факультетов в России. Необходимо отметить, что конституционное право имеет достаточно обширное предметное поле, охватывающее собой основы конституционного строя, основы правового статуса личности, государственно-территориальное устройство, систему органов публичной власти и механизм публичного управления, а также ряд иных достаточно значимых вопросов. Представляется, что в 90-е годы XX в. в связи с демократизацией государства и общества на первый план в науке конституционного права вышел приоритет конституционно-правового статуса личности и проблематика защиты прав человека. Очевидно, что такой подход нарушил баланс интересов государства, общества и личности и создал иллюзию того, что сущность Конституции 1993 г. и конституционного строя сводится в основном к созданию механизма регулирования и реализации прав и свобод человека и гражданина.

Необходимо подчеркнуть, что указанная точка отра-

* *Грудинин Никита Сергеевич* – доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета, кандидат юридических наук, доцент.

жает лишь отдельную сторону сущностной характеристики Конституции Российской Федерации и явным образом не способствует нахождению оптимального баланса в конституционно-правовом регулировании основных государственно-правовых институтов. В этой связи думается, что вектор развития отечественной науки конституционного права и направленность преподавания конституционного права в вузах страны должна претерпеть определенные изменения: помимо института прав человека упор должен делаться на конституционный строй и его основы, развитие институтов демократического правового государства и гражданского общества, систему разделения властей и функционирование единой системы органов публичной власти, укрепление конституционализма и дальнейшее совершенствование текста Конституции Российской Федерации 1993 г.

Однако начнем с главного. Современное конституционно-правовое развитие России, как известно, было предопределено принятием 12 декабря 1993 г. Конституции новой России, которая позволила успешно преодолеть конституционный кризис и приобрела качество стабильности, позволившее создать конституционно-правовой образ будущего Российской Федерации. Именно Конституция 1993 г. позволила обрести России внутривнутриполитический мир и создала прочные условия для строительства демократического правового федеративного социального и светского государства. Помимо всего этого Конституция 1993 г. ввела в отечественную государственно-правовую систему институт местного самоуправления, организационно отделенный от системы органов государственной власти, а также предусмотрела систему разделения властей во главе с Президентом Российской Федерации, который призван обеспечивать согласованное функциони-

рование всех органов публичной власти. Оценивая институциональную и стабилизирующую роль действующей Конституции, необходимо отметить, что именно благодаря ей Российская Федерация приобрела устойчивую конституционно-правовую платформу для своего развития на долгие десятилетия вперед¹.

Конституция Российской Федерации изначально была спроектирована ее авторами, что называется «на вырост»: некоторые ее положения обращены в будущее, всячески подталкивая государство и гражданское общество их воплощать и реализовывать в общественно-политической практике. Таким образом, Конституция Российской Федерации – это своего рода каркас для успешного функционирования, развития и трансформации государства и общества, способный оперативно подстроиться под изменяющуюся ситуацию, проявить гибкость к урегулированию новых отношений в обществе, но при этом сохраняющий свою демократическую сущность и предназначение. В этом заключена универсальность и адаптивность современной Конституции России. Благодаря им не требуется резкого и кардинального изменения и дополнения текста Конституции, а сама Конституция остается основой политико-правового развития страны, превращаясь в важнейшую ценность. Именно этому, роли и значению Конституции в политико-правовом и социально-экономическом развитии страны, на наш взгляд, должно быть уделено особое внимание при изучении учебной дисциплины «Конституционное право» в российских юридических вузах.

Следующим аспектом, на который необходимо сделать акцент в процессе изучения курса «Конституционное право», является конституционный принцип демократического правового государства. Представляется, что идеи

демократического правового государства, суверенитета народа, ограничения власти законом, заложенные в основу российского конституционализма, – это ключевая основа долговременного, стабильного и успешного развития отечественной государственности. Именно от того, насколько реализована модель демократического правового государства, защищены права и свободы граждан, а граждане имеют реальную возможность принимать участие в управлении делами своего государства, зависит признание и доверие с их стороны к Конституции. Полагаем, что за прошедшие уже почти 30 лет с момента принятия Конституции 1993 г. Россия сделала достаточно важные и значимые шаги на пути укрепления своей демократической правовой государственности, однако нашей стране предстоит еще немало сделать на этом пути. Тем не менее, уже сегодня можно констатировать следующее: именно благодаря Конституции Российской Федерации ценности демократии, правовой государственности прочно вошли в сознание россиян. Представляется, что этому вопросу нужно уделить особое внимание в процессе изучения курса «Конституционное право», выделив специальную тему в рамках лекций.

С данным вопросом тесно связан вопрос о конституционно-правовом регулировании механизма разделения властей в России. Необходимо особо отметить, что конституционная формула разделения властей во главе с Президентом России, который призван контролировать и обеспечивать согласованное функционирование всей системы органов государственной власти, себя полностью оправдала. Полагаем, что, будучи де-юре смешанной президентско-парламентской республикой, Россия продолжает свое успешное развитие благодаря фактической модели президентской республики, но при этом президентская

власть не подменяет и не поглощает собой все остальные ветви власти². Представляется, что развитие и укрепление института президентуры – это стратегическая задача российского общества и государства на годы вперед. Таким образом, рассмотрению механизма разделения властей и роли Президента России должно быть уделено существенное внимание при изучении курса «Конституционное право» студентами.

Наконец, еще одним достаточно важным вопросом, которому следует уделить повышенное внимание в ходе преподавания конституционного права, является конституционная реформа 2020 г. Безусловно, оценить все плюсы и минусы данной реформы в полной мере мы пока не можем в силу ряда объективных причин и заведомого субъективного отношения каждого из нас к конституционным поправкам. Однако уже сейчас необходимо отметить, что данная реформа преследовала ряд важнейших целей для дальнейшего развития российской государственности и конституционализма. Во-первых, конституционная реформа 2020 г. укрепила модель «живой Конституции»³ и лишней раз доказала, что конституционное развитие возможно и без принятия новой Конституции, а конституционная стабильность и преемственность – это важнейшие основы нашей государственности⁴. Во-вторых, конституционная реформа способствовала укреплению национальной идентичности российского общества, традиционных семейных ценностей, исторической памяти и усилению социального вектора в самой Конституции 1993 г. В-третьих, конституционная реформа несколько скорректировала внутренний баланс в системе разделения властей, подтвердив роль института президентуры и одновременно усилив полномочия парламента в системе разделения властей. Полагаем, что изучение

концепта конституционной реформы является крайне важным в свете понимания конституционных ценностей и обеспечения конституционного правопорядка на фоне нестабильной геополитической ситуации в мире. Студенты российских вузов должны усвоить мысль о том, что совершенствование Конституции – это нормальный процесс ее суверенного развития в интересах будущих поколений россиян.

Таким образом, завершая разговор об особенностях преподавания учебной дисциплины «Конституционное право» в современных условиях, подчеркнем, что изучение данной дисциплины должно быть построено под углом раскрытия ценностей демократической правовой государственности, разделения властей, стабильности Конституции и возможности изменения ее отдельных положений (в пределах, строго очерченных самой Конституцией), а также с учетом рассмотрения концепции исторической памяти, традиционных семейных ценностей и идеологии патриотизма. Педагогическим работникам ВУЗов страны необходимо всячески доносить до студентов мысль о том, что российский конституционализм продолжает свое развитие с учетом современных векторов и направлений социального государства и обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации.

© Грудинин Н. С., 2023

¹ Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 1. С. 6.

² Матросов С. Н., Петров А. Г. Президент Российской Федерации в системе разделения властей // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4(46). С. 153.

³ Иванова О. А., Васильева Ж. С., Кузнецов А. К., Михайлов И. В. Живая Конституция: от теории к практике //

Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 4(42). С. 111.

⁴ Писарев А. Н. Конституция как гарант сохранения преемственности развития отечественной государственности и общенациональных ценностей, определяющих конституционную идентичность России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 44–45.

*Е. Л. Иванова**

**«МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО»
КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА:
ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

В Конституции Российской Федерации кроме самого права российских граждан на образование (п. 1 ст. 43) закреплены полномочия Российской Федерации по установлению федеральных государственных образовательных стандартов как гарантий реализации данного права (п. 5 ст. 43)¹.

В развитие указанных конституционных положений п. 1 ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) предусмотрено, что система образования помимо федеральных государственных образовательных стандартов и федеральных государственных требований, образовательных стандартов включает **самостоятельно устанавливаемые требования, образовательные программы различных вида, уровня и (или) направленности**.

Параллельно в Решении Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2022 г. № АКПИ22-374³ отмечается, что одним из принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования

* *Иванова Елена Леонидовна* – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

является свобода выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей, включая предоставление права выбора форм получения образования, форм обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, направленности образования в пределах, предоставленных системой образования (п. 7 ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 273-ФЗ). Согласно положениям разд. IV Приказа Минобрнауки России от 1 декабря 2016 г. № 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция»⁴ структура программы бакалавриата включает обязательную часть (базовую) и часть, формируемую участниками образовательных отношений (вариативную). При этом среди дисциплин (модулей), реализуемых в качестве базовой части Блока 1 программы бакалавриата, дисциплина «Муниципальное право» не значится. Одновременно с этим среди профессиональных задач, которые должен уметь решать выпускник, освоивший программу бакалавриата, указана защита государственной и муниципальной собственности (п. 4.4.). Вместе с тем, несмотря на подчеркиваемую в юридической литературе значимость изучения муниципального права студентами⁵, в значительной части профессиональных образовательных программ высшего образования российских вузов «Муниципальное право» вообще не включено в блок дисциплин, включаемых в образовательную программу по выбору образовательной организации.

Также необходимо отметить, что изучение каких-либо отдельных проблем, связанных с организацией и деятельностью органов местного самоуправления, не предусмотре-

но и структурой ООП магистратуры, содержащейся в Приказе Минобрнауки Российской Федерации от 14 декабря 2010 г. № 1763 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)). В то же время все из указанных в п. 4.3 видов профессиональной деятельности, по которым может осуществляться подготовка магистров юриспруденции (правотворческая, правоприменительная, правоохранительная, экспертно-консультационная, организационно-управленческая, научно-исследовательская, педагогическая), предполагают наличие знаний по дисциплине «Муниципальное право».

В тех образовательных организациях, где «Муниципальное право» все же включено в перечень учебных дисциплин, реализуемых по выбору самой образовательной организации, количество зачетных единиц и часов, не всегда характеризуется единством. Как правило, общее количество учебных часов, отводимых на данную учебную дисциплину, составляет 72 часа. Вместе с тем структурное распределение учебной нагрузки постоянно корректируется, и к сожалению, не в пользу контактной работы преподавателя со студентами. Тогда как содержательное наполнение курса, несмотря на меняющиеся векторы развития науки и практики муниципального права, редко подвергается изменениям. При этом рабочие программы в основном закрепляют изучение следующих обязательных тем: муниципальное право как отрасль права, наука и учебная дисциплина; историко-теоретические основы местного самоуправления, правовая основа местного самоуправления в Российской Федерации; территориальные основы местного самоуправления; формы непосредствен-

ной демократии и участия граждан в осуществлении местного самоуправления; организационные основы местного самоуправления; экономические основы местного самоуправления; предметы ведения и полномочия местного самоуправления в Российской Федерации; ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления; гарантии и судебная защита прав местного самоуправления в Российской Федерации. На наш взгляд, обозначенный перечень тем не в полной мере отражает цели и задачи, стоящие перед современной системой организации местной власти, форм и способов реализации конституционного права на местное самоуправление. Среди новых значимых направлений деятельности как самих органов местного самоуправления, так и органов, осуществляющих контроль и надзор за их деятельностью, выступает в том числе качественная подготовка муниципальных правовых актов, проведение их правовой и антикоррупционной экспертизы.

Как уже отмечалось нами, уровень муниципального нормотворчества на сегодняшний день является, пожалуй, самым уязвленным с точки зрения содержания коррупциогенных факторов, а, следовательно, и повышения коррупционных рисков при организации функционирования местной власти, оказания муниципальных услуг⁶. Указанная проблема во многом обусловлена отсутствием в муниципальных образованиях (особенно сельских поселениях) квалифицированных кадров, способных разработать качественный нормативный правовой акт. Образовательные программы указанной задачи сегодня практически не решают. Единственным вариантом, компенсирующим отсутствие в тематическом плане дисциплины «Муниципальное право», либо такой дисциплины в учебном плане образовательной организации вообще, является

наличие таких дисциплин, как «Антикоррупционная экспертиза», «Юридическая техника». Однако в рамках изучения указанных дисциплин не всегда удается учесть специфику организации местной власти, реализации отдельных полномочий органами местного самоуправления, механизмы взаимодействия последних с органами государственной власти. В итоге выпускники юридических вузов не всегда оказываются подготовленными к решению задач, стоящих перед специалистами органов местного самоуправления, а также органов, осуществляющих контроль и надзор за их деятельностью.

Одним из способов устранения существующей проблемы является унификация основных образовательных программ высшего образования, по крайней мере, в филиалах образовательных организаций, имеющих структурные подразделения. В этой связи перспективными представляются решения, недавно принятые в Университете прокуратуры Российской Федерации. Так, согласно Приказу Университета прокуратуры Российской Федерации от 7 марта 2023 г. № 110 «Об организации работы по унификации основных образовательных программ высшего профессионального образования в Университете прокуратуры Российской Федерации» в Университете начата работа по унификации основных образовательных программ высшего образования – программ специалитета, программ магистратуры, реализуемых на факультетах Университета, в институтах (филиалах) Университета. Положениями обозначенного Приказа предусмотрено установление единого тематического содержания и соотношения контактной и самостоятельной работы по дисциплинам (в том числе по дисциплине «Муниципальное право»), преподавание которых осуществляется в институтах (филиалах) Университета.

Говоря о комплексном подходе к решению поставленной проблемы, важным видится проведение анализа учебных планов на предмет соответствия его тематического наполнения навыкам, реально необходимым для специалистов, оказывающих юридическое сопровождение деятельности органов местного самоуправления или осуществляющих контроль и надзор за муниципальными правовыми актами, действиями и решениями, принимаемыми органами местного самоуправления. Так, например, необходимым представляется включение в рабочие программы дисциплины «Муниципальное право» рассмотрение таких вопросов, как: правовая и антикоррупционная экспертиза муниципальных правовых актов и их проектов, защита муниципальной собственности.

© Иванова Е. А., 2023

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 года) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ч. I. Ст. 7598; 2023. № 32. Ч. I. Ст. 6211.

³ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2022 г. № АКПИ22-374 // СПС «КонсультантПлюс». – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425482/ (дата обращения: 18.04.2023).

⁴ Приказ Минобрнауки России от 1 декабря 2016 г. № 1511 (ред. от 11 января 2018 г.) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» // СПС «КонсультантПлюс». – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210457/ (дата обращения: 18.04.2023).

⁵ *Муниципальное право России: Учебник / Под ред. А. В. Юрковского. Иркутск, 2019. С. 9.*

⁶ *Иванова Е. Л.* Независимая антикоррупционная экспертиза как способ устранения коррупционных рисков // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 3. С. 21–25.

В. К. Нехайчик*

**О ПОДХОДАХ К ПРЕПОДАВАНИЮ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
«АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО РОССИИ»**

Вопросы о современных подходах к преподаванию юридических дисциплин, в том числе административного права, стали подниматься с возникновением новой государственности и формированием нового российского законодательства в 90-е годы прошлого столетия после распада СССР. Прежняя, выработанная учеными – представителями административно-правовой науки Московского государственного университета, доктрина советского административного права с ее общей и особенной частью стала неэффективной в новых условиях становления российского государства.

Одним из первых, кто предлагал новую программу по административному праву, был Д. Н. Бахрах, профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, представлявший екатеринбургскую школу административного права¹. Ученый предлагал привести в соответствие с новой Конституцией Российской Федерации современную административно-правовую терминологию, изъяв из оборота понятие «государственное управление», которого, как отмечал автор, новая Конституция не знает. В связи с чем, предметом

* *Нехайчик Владимир Казимирович* – доцент кафедры государственного и муниципального права Института государства и права Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, кандидат юридических наук, доцент.

административного права является не государственное управление, а деятельность государственной администрации. Администрация, как отмечает автор, – это «во-первых, органы исполнительной власти, а, во-вторых, аппараты всех иных органов, в том числе и Думы». Учитывая, что ядром материального административного права являются права и обязанности граждан в отношениях с администрацией, автором предлагалось многие из институтов особенной части дисциплины (например, паспортную систему (службу), воинскую обязанность, административные режимы, и др.), имеющие в своей основе институционально-правовой, а не государственно-функциональный характер, перенести в общую часть названной дисциплины. Таким образом, по сути, предлагалось отказаться от особенной части в административном праве и рассматривать правоотношения в различных сферах жизнедеятельности «не через органы, а через методы административной деятельности». В будущем учебник Д. Н. Бахраха «Административное право России», претерпевший более пяти изданий, был сформирован без особенной части и практически соответствовал, обнародованной ранее концепции в программе курса. Следует отметить, что авторский учебник Д. Н. Бахраха был встречен административно-правовым сообществом положительно и с большим интересом, о чем неоднократно высказывалось как специалистами в области административного права, так и обучаемыми слушателями и студентами вузов.

Однако обсуждение проблемы о необходимости реформирования и модернизации административного права как отрасли права, которое бы соответствовало современным реалиям, было продолжено в научном сообществе административистов. Этому свидетельствует множество

научных авторских изысканий на данную тему², а также учебной литературы, которая своим содержанием отражает особенности системы и подходы в преподавании современной отрасли «Административное право».

Так, Ю. Н. Старилов, профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, представляющий воронежскую школу административного права, считал, что в новой системе обсуждаемой отрасли в основу Общей и Особенной ее частей следует положить в качестве основного критерия предмет регулирования. Отсюда, в содержании Общего административного права им были выделены такие институты как: публичное управление; источники административного права; понятийный аппарат; административно-правовые отношения; субъекты управленческих действий; структура и содержание государственного управления; формы и методы государственного управления; правовой акт управления и административный договор; административное принуждение; административно-юрисдикционный процесс; административный процесс или административно-правовая судебная защита прав и свобод граждан; контроль и надзор в сфере государственного управления. В Особенную часть административного права, по мнению ученого, целесообразно включать правовые нормы (институты), регламентирующие конкретные сферы управленческой деятельности. К таким были отнесены: муниципальное право; строительное право; полицейское право; социальное право; образовательное право; служебное право³. На наш взгляд, достаточно избирательно представлено содержание Особенной части отрасли, поскольку остались не охваченными промышленность, энергетика, транспорт. Также не понятно, где должны быть представлены культура, физкультура и спорт (ЗОЖ), активно развивающиеся информаци-

онные технологии и связь, другие области и сферы жизнедеятельности.

Определенный интерес вызывает и концепция современной отрасли административного права, предложенная Ю. А. Тихомировым, профессором, доктором юридических наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, представляющим московскую школу административного права (ИЗиСП при Правительстве Российской Федерации). Его предложения сводятся к отказу от Общей и Особенной частей в отрасли административного права и выделении отдельных подотраслей и институтов⁴.

Проблему современных подходов понимания административного права исследует П. И. Кононов, профессор, доктор юридических наук⁵. В рамках объектно-предметного подхода правового регулирования автор предлагает выделять новые «массивы отношений» публично-правовой сферы. К ним относят: учредительные, нормотворческие, организационно-управленческие, служебные, правообеспечительные, контрольно-надзорные, административные защитные, административные исполнительные, деликтные, внутренние и внешние публичные обеспечительные отношения.

Безусловно, рассматривая проблему новых подходов преподавания обсуждаемой отрасли юридической науки, нельзя не согласиться с А. Б. Зеленцовым, профессором, доктором юридических наук, заслуженным юристом Российской Федерации, ярким представителем московской школы административного права (РУДН) в том, что «современное административное право России развивается в новых социально-исторических условиях и решает во многом иные задачи, чем когда-то решало советское административное право»⁶. На этом основании в административно-правовой науке все чаще и настойчивее, с раз-

личной интерпретацией и обоснованием обсуждается проблема кризиса государственно-управленческой парадигмы в теории административного права и объективных предпосылок к ее смене⁷.

В этой связи нельзя не вспомнить слова Ю. Е. Аврутина, профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, представлявшего Санкт-Петербургскую школу административного права, что место действующей доктрины административного права, отражающей государственно-управленческую парадигму, должна занять парадигма, ориентированная «на достойную жизнь граждан ... как многомерную характеристику благополучия человека» и «образ эффективного государственного управления»⁸.

Принимая во внимание изложенное выше, мы предлагаем собственный подход к преподаванию отрасли современного административного права, который ориентирован на предложенную нами концепцию механизма административно-правового воздействия и его понимание⁹. Механизм административно-правового воздействия предусматривает три основных части (три подмеханизма) такого воздействия, соответствующие трем функциям (назначениям) административного права, среди которых:

- административно-правовое регулирование;
- административное правоисполнение;
- административная правоохрана (правозащита).

Такой подход, на наш взгляд, соответствует новому концептуальному взгляду на проблему реформирования отрасли административного права, а также конституционно установленному в Российской Федерации разделению властей.

© Нехайчик В. К., 2023

¹ *Бахрах Д. Н.* Новая программа по административному праву // Проблемы преподавания административного права, административного процесса и административной юстиции. Проблемы административной юстиции: Материалы семинара. М., 2002. С. 213–216.

² См., например: *Старилов Ю. Н.* Административное право: сущность, проблемы, реформы и новая система // Правоведение. 2000. № 5. С. 3–24; *Юсупов В. А.* Административное право и проблемы административной реформы // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. М., 2004. С. 101; *Кирилин А. В.* О реформировании системы административного права // Журнал российского права. 2012. № 3. – С. 51–56; *Фатьянов А. А.* К вопросу о реформировании административного права // Административное право и процесс. 2012. № 11. С. 4; *Степаненко Ю. В.* Нужна ли административному праву Особенная часть? // Административное право и процесс. 2017. № 3. С. 77–80; *Нехайчик В. К.* Концептуальные подходы к реформированию отрасли административного права России и механизм административно-правового воздействия // Образование и право. 2017. № 8. С. 60–66.

³ *Старилов Ю. Н.* Новая система административного права // Курс общего административного права: В 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002. С. 341–350.

⁴ *Тихомиров Ю. А.* Природа и система административного права. Административное право и процесс: Полный курс. М., 2005. С. 85.

⁵ *Кононов П. И.* О современных подходах к пониманию административного права: право публичного управления или право публичного благополучия // Административное право и процесс. 2017. № 3. С. 64–70.

⁶ *Зеленцов А. Б.* Концептуальные подходы к определению административного права: опыт сравнительно-правового исследования // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 7.

⁷ *Нехайчик В. К.* Кризис государственно-управленческой парадигмы: причины и проблемы преодоления // Вестник СурГУ. 2018. Вып. 2(20). С. 144–148; *Зеленцов А. Б.* Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации как

предпосылка смены парадигмы в теории административного права // Административное право и процесс. 2015. № 11. С. 22–38; *Стахов А. И.* О необходимости смены парадигмы отечественного административного права под воздействием конституционных норм // Административное право и процесс. 2018. № 6. С. 15–20.

⁸ *Аврутин Ю. Е.* Преодолимы ли парадоксы парадигм публичного управления в теории государственного управления и в административном праве? // Административное право и процесс. 2016. № 8. С. 18–28.

⁹ *Нехайчик В. К.* Механизм административно-правового воздействия (теоретико-методологические основания) / Под ред. А. Б. Зеленцова. М., 2019.

Е. А. Липанин*

ДИСЦИПЛИНА «ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО» В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ

В данной статье рассматривается вопрос о необходимости включения в основную программу профессионального обучения, профессиональной подготовки лиц рядового и младшего начальствующего состава, среднего и старшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и имеющих высшее или среднее профессиональное юридическое (неюридическое) образование по должности служащего «Полицейский», такой юридической дисциплины как «Основы гражданского права и основы гражданского процесса».

При прохождении первоначальной подготовки, в общепрофессиональном цикле, согласно программе обучения, сотрудники изучают ряд основополагающих юридических дисциплин, среди которых отсутствуют гражданское право и гражданский процесс.

В не всякого сомнения, юридические дисциплины нужны и важны, для профессиональной служебной деятельности обучающихся слушателей, кроме этого областью профессиональной служебной деятельности обучающихся, является оперативно-служебная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, направленная на

* Липанин Евгений Александрович – преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, охрану общественного порядка, собственности, обеспечение общественной безопасности, противодействие преступности. В п. 1 ст. 3 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹, указано, что правовую основу деятельности полиции составляет Конституция Российской Федерации.

Обратившись к Конституции Российской Федерации, а именно ко второй главе («Права и свободы человека и гражданина»)² мы увидим, что данная глава отображает гражданские права граждан, которые регулируются гражданскими правоотношениями.

В связи с чем, возникает логичный вопрос, как можно понять гражданские правоотношения, не изучив правовую их основу.

Необходимость включения в основную программу профессионального обучения дисциплины «Основы гражданского права и основы гражданского процесса» и дальнейшего их преподавания, обусловлена тем, что структура МВД проникает во все слои жизнедеятельности гражданского общества и является её частью, а сотрудники МВД работают с гражданами, как правило при проведении работы возникают спорные ситуации, которые порождают конфликты, в результате чего происходят судебные разбирательства.

Не является секретом и тот факт, что сотрудник полиции, в силу различных причин и сложившихся обстоятельств, при исполнении им служебных обязанностей, нарушает права граждан, не задумываясь о последствиях в виде судебных разбирательств и дальнейших исковых требований, предъявляемых гражданином на определённую сумму денежных средств за причинённый вред, ущерб.

Такое нарушение прав граждан, со стороны сотрудника, может, и являются не умышленными, в силу отсутствия у него знаний гражданского законодательства, но довольно дорогое по стоимости их возмещения. А именно при судебном разбирательстве между гражданином и МВД, за незаконные действия (или без действия) сотрудника полиции ответчиком выступает МВД, а ответчиком выступает Федеральное казначейство, которое в случае выигрышного процесса гражданином по иску к МВД, производит выплату исковых требований и сопутствующих судебных расходов по исполнительному судебному листу, а после этого МВД в порядке регресса уже взыскивает с виновника, который к тому времени, скорее всего, будет уволен со службы в МВД и не факт, что с виновника – бывшего сотрудника МВД, получится в короткие сроки взыскать, то есть возместить в Федеральный бюджет, ранее выплаченные суммы денежных средств от незаконных его действий, который уже находится в статусе должника.

Можно рассмотреть другой вариант, при котором сотрудник полиции не обладающий начальными знаниями гражданского законодательства, может быть введён в заблуждение третьими лицами и втянут в мошенническую схему, где станет жертвой, либо не вольным участником, исполнителем преступления.

В связи с этим возникает экономически не выгодная ситуация, при которой, государство тратит денежные средства налогоплательщиков на процедуру приёма гражданина на службу в МВД, обеспечения денежным и вещевым довольствием, вновь принятого сотрудника полиции, на его первоначальное обучение и как итог, после окончания первоначальной подготовки сотрудник в течении короткого промежутка времени увольняется со службы, либо

его увольняют по отрицательным мотивам.

Кроме не возвратных денежных затрат из государственного бюджета на не состоявшегося сотрудника, возникают и репутационные потери, при которых у МВД падает имидж и привлекательность МВД как работодателя, что влечёт не хватку кадров.

В связи с этим в настоящее время возникает необходимость внесения в образовательные программы профессионального обучения лиц впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, двух дисциплин «Основы гражданского права и основы гражданского процесса».

Если по необходимости внесения в указанные образовательные программы дополнительных двух дисциплин «Основы гражданского права и основы гражданского процесса» ситуация понятна, то в этой связи возникает проблема о профессиональном опыте и знаниях самого преподавателя, а именно кто будет проводить обучение по указанным дисциплинам и каково будет качество преподавания. Потому как большая часть преподавателей – это сотрудники, которые окончили профильные образовательные организации МВД, и гражданское право и гражданский процесс – не их профессиональная специальность.

© Липанин Е. А., 2023

¹ Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 6 февраля 2023 года) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; 2023. № 6. Ст. 921.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

И. В. Минникес*

**ПРАВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ:
СТРУКТУРА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРАВО
И ИСТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ»**

Способность воспринимать право не как свод правил, формализованных посредством актов, исходящих от государственной власти, а как более сложное и многогранное явление, характеризует современного грамотного юриста – и теоретика права, и практического работника. Правоприменение – это сложная многосоставная деятельность, которая требует не автоматического заучивания текста статьи, а умения правильно его оценить с точки зрения конкретных сопутствующих обстоятельств, ситуативных факторов, личностных ориентиров участников и т. п. В этом большим подспорьем является изучение права в связи с иными сферами жизни.

Помимо сугубо юридических исследований, право изучается в контексте множества иных сфер общественной жизни – информатики, техники, спорта, медицины и др. Соответствующие исследования так или иначе проецируются на материалы для изучения правовых дисциплин, а также могут формировать базу самостоятельных и вполне востребованных учебных курсов.

* *Минникес Ирина Викторовна* – главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета (Иркутск), доктор юридических наук, профессор.

Изучение того, как правовые явления отражались в неправовой сфере жизни, как право преломлялось в системе материальных и нематериальных ценностей общества, может внести значительный вклад в формирование грамотного юриста, а не ремесленника от юриспруденции.

Не последняя роль в этом направлении может быть отведена дисциплине, названной «Право и история художественной культуры». Правда, лишь немногие учебные заведения сочли этот контекст изучения права полезным и включили в учебные планы.

Согласно концепции сторонников необходимости данной дисциплины, ее целью является углубленное изучение права и государства с точки зрения эстетических ценностей и представлений о справедливости, свободе, демократии и законности, а также повышение общего уровня развития студентов отвечающего основным этическим и эстетическим требованиям, выработанным ходом истории современной цивилизации, общественной морали и нравственности¹.

Но, как представляется, современная структура дисциплины несколько не соответствует наименованию предмета. Во главу угла авторы часто ставят именно культуру, ее виды, что мешает воспринимать этот курс как элемент юридического образования.

Возможно, предлагаемая в данной статье некоторая коррекция структуры курса позволит более четко выделить в дисциплине ее правовую направленность.

Как и любая наука, связанная с историей, дисциплина «Право и история художественной культуры» имеет дело с эволюцией исследуемого явления. В данном случае, права и культуры. Следовательно, не только художественную культуру, но и право под углом зрения культуры

необходимо рассматривать в контексте конкретных исторических реалий.

В курсах историй государства и права периодизация так или иначе представлена, что позволяет оценивать состояние государства и права в определенной временной точке. Вполне обоснованно, что этот принцип жизнеспособен и применительно к иным исследованиям в области права и сопутствующих явлений.

Основная задача курса «Право и история художественной культуры» – это оценка конкретно-исторических характеристик права через призму явлений художественной культуры, следовательно, его можно структурировать в соответствии с периодизацией, принятой в историко-правовых науках, возможно, с незначительными поправками с учетом неправового характера культурного слоя общественной жизни. Таким образом, можно говорить о таких разделах, как право и культура древнейшего периода, Средневековья, Нового времени и новейшего этапа и т. п.

В рамках конкретного исторического этапа основные разделы курса, как представляется, тоже должны представлять собой сплав права и культуры. При этом за основу структуры необходимо взять именно правовые явления – форму государства, механизм управления, систему правоохранительных органов, имущественные отношения, вопросы правонарушений, применения юридической ответственности и т. п., но в том виде, в котором они представлены в литературе, скульптуре, живописи и т. д. Базой для такого исследования может служить тот материал, который был освоен в процессе изучения истории государства и права России и зарубежных стран.

Например, в курсе истории государства и права России судебная реформа 1864–1900 гг. изучена достаточно

подробно с точки зрения нормативных актов (тексты Судебных уставов и иных связанных с ними документов), порядка реализации уставов, сути и значения контрреформ. Тот же вопрос в курсе «Права и истории художественной культуры» можно представить глазами деятелей искусства. В частности, в романе «Воскресение» нашли отражение основные принципы Судебных уставов 1864 г., но уже не в юридических конструкциях, а в художественных образах. В начальных главах романа представлено судебное заседание с участием присяжных заседателей, несколько раз в повествовании упоминается адвокат – то слабый и неуверенный защитник Масловой, то, наоборот, знаменитый адвокат, который смог сделать так, что «одна из сторон, старая барыня, несмотря на то, что она была совершенно права, должна будет ни за что заплатить большие деньги противной стороне».

Многочисленные произведения искусства так или иначе связаны с конструкцией «форма государства». Например, многое о форме правления могут сказать изображения правителей, их регалии, одежда, дворцы-резиденции и т. п.

В частности, победитель или правитель по канонам искусства древнейшего периода изображался большего, иногда гипертрофированного, размера, нежели побежденные и подвластные. Так, фигура египетского фараона была меньше, чем изображение египетских богов, но значительно превышала размеры всех остальных людей.

Касательно величия победителя показательным является барельеф с изображением царя Асархаддона после победы в Египте и Сирии (670 г. до н. э.). Фигура царя увенчана высокой тиарой, упирающейся в верхнюю часть барельефа. Побежденные враги стоят на коленях у его

ног, причем их фигуры примерно втрое меньше царя-победителя.

Вопрос о правовом регулировании брачно-семейных отношений также может быть рассмотрен через призму художественной культуры. Так, законодатель не запрещал вступление в брак лицам с большой разницей в возрасте. Правда, в 1860 г. Святейший Синод объявил большую разницу в возрасте препятствием к браку, но этот запрет не был абсолютным. Если стороны упорствовали в намерении вступить в брак, отказать в венчании таких браков священнослужители не имели права. Этот факт лег в основу сюжета известной картины И. Пукирева «Неравный брак».

Знания о нормативных основах средневекового инквизиционного процесса также могут быть дополнены с помощью произведений искусства. В частности, слепота средневековой Юстиции хорошо показана на рисунке Питера Брейгеля-старшего «Правосудие», где богиня спокойно стоит среди пыток и казней самого изуверского вида. Не сами пытки, но результат усилий инквизиторов – сломленный, обессиленный «грешник» – представлены на картине Франсиско Хосе де Гойи «Трибунал инквизиции» (1812–1819).

Все приведенные выше примеры, как представляется, наглядно свидетельствуют о том, что вопрос о развитии государства и права на конкретном историческом этапе вполне можно рассматривать с помощью художественных образов соответствующих эпох.

Таким образом, внесение некоторых изменений в структуру курса, изучающего право через призму художественной культуры, позволит преобразовать его из средства общего развития и расширения кругозора студентов в реальный практико-ориентированный курс, направлен-

ный на выявление тенденций и закономерностей развития государства и права в их художественном отражении.

© Минникес И. В., 2023

¹ Право и история художественной культуры. Курс лекций. – <https://distance.rpa-mu.ru/files/books/pihk/thm/tsm1.html> (дата обращения: 16.01.2023).

О. Н. Старикова*

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДГОТОВКИ
СОВРЕМЕННОГО ЮРИСТА:
ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
«СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ ПРАВА»**

Учебная дисциплина «Система источников права» разработана коллективом кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева и изучалась студентами-бакалаврами с 2018 г. Система источников права не включена в список предметов обязательной части, а была отнесена к дисциплинам, реализуемым Университетом.

Кафедре предложили организовать освоение системы источников права на первом курсе, в первом семестре. В этой связи перед преподавателями возникла проблема, связанная с тем, что основы юриспруденции (теория государства и права), а также история права ещё не изучены студентами. Поэтому было принято решение о реализации комплексного подхода к анализу категории «источник права», видов источников права, специфики их толкования, истории формирования, а также особенностей системы источников права в целом.

Структурно-логическая схема, на основе которой производилась выборка материала, позволила сформиро-

* *Старикова Ольга Николаевна* – доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук.

вать учебную дисциплину, в полной мере реализующую межпредметные связи. При этом система источников права стала своего рода синтезом теории и истории права. Содержание учебной дисциплины разделено на два модуля:

1) общая характеристика источников российского и зарубежного права;

2) типы источников российского и зарубежного права и их толкование.

Первый модуль посвящен общетеоретическому и историко-правовому анализу категории «источник права» и системы источников права, а также теории их толкования. Он состоит из трёх тем, первая из которых раскрывает содержание понятия «источник права» в различных аспектах. Проводит грань между источником права и его формой (хотя в некоторых исследованиях эти понятия отождествляются). Источник права рассматривается и как явление, порождающее нормы права, и как правовой памятник, на котором базируется современная правовая модель, а также в формально-юридическом смысле – как форма внешнего выражения и закрепления позитивного права. Вторая тема раскрывает содержание системы источников, принципы её построения. Третья тема посвящена толкованию содержания источников. Материалы первого модуля являются методологической основой и позволяют сформировать знания об источниках права, их системе и особенностях толкования в целом.

Во втором модуле последовательно рассматриваются исторически сложившиеся внешние формы выражения норм позитивного права: правовой обычай, правовой прецедент, религиозный текст, правовая доктрина, нормативный договор, нормативный правовой акт.

Второй модуль позволяет студентам предметно изу-

читать:

- сущностные черты разных источников права;
- процесс их формирования;
- их значение на различных исторических этапах, а также в отдельных правовых семьях (системах).

На практических занятиях обучающиеся анализируют тексты документов – сборников норм правовых обычаев, религиозных текстов, нормативных правовых актов, нормативных договоров, доктринальных источников и источников прецедентного права, которые не изучаются в курсе истории государства и права, но имеют важное значение для юридической науки.

Смеем заметить, что ни одна другая дисциплина на сегодняшний день не учит студентов анализировать внешнюю характеризующую составляющую юридических документов, хотя заявленные компетенции требуют использования комплексного подхода при их анализе.

Предлагаемый алгоритм анализа источника права основан на последовательном раскрытии следующих вопросов:

- изучение истории формирования и принятия документа;
- исследование его структуры (деление на главы, разделы, статьи, параграфы, как и когда появилось такое деление источника);
- выделение сферы общественных отношений, которую регулирует источник;
- определение формы систематизации (в том числе признаков, характеризующих конкретную форму систематизации);
- отличительные черты (например, отсутствие юридических терминов и общих понятий; казуистичность, формализм и др.);

– степень развитости юридической техники (какому этапу развития права соответствует);

– особенности изложения и структуры правовой нормы.

Изучая правовые обычаи, студенты рассматривают сборники этнических и территориальных обычаев, а также обычаев делового оборота, конституционных, международно-правовых и др. При этом упор делается на обнаружение различий и определение сферы действия норм обычного права.

При рассмотрении прецедентного права особое внимание уделяется выявлению элементов структуры правового прецедента (*ratio decidendi*, *obiter dictum*), а также разграничению судебной практики в целом (в том числе актов толкования права) и судебного прецедента.

Очень важной составляющей темы «Религиозные тексты как источники российского и зарубежного права» является непосредственная работа с достаточно специфическими документами, такими как Тора, Кормчая книга, Коран. При этом тексты рассматриваются и в качестве основы формирования правовых идей (то есть идеальных источников права).

В следующей теме изучаются доктринальные источники Древнего Рима, Англии, США и континентальной Европы, России. Подчеркивается неодинаковое их значение для различных исторических периодов и правовых систем. Уделяется особое внимание разграничению идеологических, политических и правовых доктрин.

Не менее важное значение имеет тема, раскрывающая признаки нормативных договоров, которые вместе с правовыми обычаями, следует отнести к самым ранним источникам права. Студенты анализируют содержание, а также классифицируют договоры нормативного содержа-

ния по различным критериям. Предлагаются, например, Договорная грамота Новгорода с Тверским Великим князем Ярославом Ярославичем (1264), Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (1939), Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (1992) и др.

Курс завершается темой, раскрывающей многообразие нормативных правовых актов. Наиболее важным, с нашей точки зрения, является рассмотрение особенностей этих источников права. Подчеркивается, что их значение проявляется неодинаково на различных этапах развития государства, а также зависит от исторически сформировавшейся правовой системы. На практических занятиях студенты учатся классифицировать нормативные правовые акты разных исторических периодов по юридической силе, сфере действия, отрасли правового регулирования и др.

Для обеспечения качественного преподавания системы источников права на кафедре разработаны все необходимые методические материалы и подготовлено учебное пособие. На протяжении пяти лет мы получаем положительные отзывы от обучающихся о полезности и практической значимости данной дисциплины, причем не только от первокурсников, но и студентов старших курсов. Руководители деканатов поддерживают кафедру и также считают предмет необходимым для более качественной подготовки студентов. Информация о преподавании названной дисциплины в качестве обмена опытом представлялась на разных историко-правовых (научных, методических) форумах и имела весьма широкий резонанс, поддержку профессионального сообщества.

Необходимо отметить, что получение высшего образования предполагает создание для обучающихся такой

системы, которая не только передает знания, но и формирует образ человека знающего, думающего, способного рассуждать и делать самостоятельные выводы. Наличие такого предмета, как «Система источников права», бесспорно, будет характеризовать вуз как учебное заведение эффективное и заслуживающее доверия.

Подводя итог, следует отметить, что учебная дисциплина «Система источников права» выполняла очень важную задачу – формирование системного целостного представления о юриспруденции уже у студентов-первокурсников. Она представляла собой средство развития профессиональных качеств правоведа и юридического мышления, мотивировала студентов не только анализировать содержание юридических документов, но и рассматривать их внешнюю форму, способ систематизации правового материала, графику юридических текстов и способы изложения правовой нормы.

© Старикова О. Н., 2023

А. Н. Бисярина*

**ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВЛИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
В КУРСЕ «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»**

Проблема торговли несовершеннолетними на протяжении столетий актуальна для всего мира. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности, только за один год в 110 странах мира было выявлено 74 514 жертв торговли людьми, из них 71 % жертв составляют девочки и женщины, а треть (всех жертв) – дети¹, и за последние 15 лет детская доля только утроилась².

В масштабах одной страны – Российской Федерации – в период с 2018 г. по 2022 г. было зарегистрировано 137 фактов торговли людьми (2018 г. – 32; 2019 г. – 22; 2020 г. – 38; 2021 г. – 24; 2022 г. – 21)³. К сожалению, статистическая отчетность непосредственно торговли несовершеннолетними не ведется. Однако в странах, где есть такая статистика, торговля несовершеннолетними превышает случаи торговли людьми. В частности, группа экспертов Совета Европы по противодействию торговле людьми отмечает рост жертв торговли несовершеннолетними по отношению к взрослым в таких странах, как Румыния (доля жертв несовершеннолетних – 78 %), Болгария (около 45 %) и др.⁴ В Республике Таджикистан, как указывают исследователи, случаи торговли несовершеннолетними почти в два раза превышают случаи торговли

* *Бисярина Алина Нарисовна* – начальник редакционно-издательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

людьми⁵. В то же время торговля несовершеннолетними является преступлением с повышенной латентностью. Общеизвестно, что торговля людьми всех возрастов стоит на третьем месте в мире по доходности среди незаконных видов бизнеса, после незаконной торговли оружием и наркотическими средствами.

Торговля несовершеннолетними берет свое начало с догосударственного периода (первобытного общества), однако интерес отечественных и зарубежных ученых она привлекла сравнительно недавно, в конце XX в. В настоящее время проблеме торговли несовершеннолетними уделяют особое внимание в юридических вузах, в том числе в рамках преподавания дисциплины «История государства и права» на первом году обучения.

Вся история развития отечественного законодательства по противодействию торговле несовершеннолетними, без преувеличения, является сгустком истории развития законодательства в интересах и безопасности несовершеннолетних. Анализ нормативно-правовой деятельности государства по противодействию торговле несовершеннолетними показал, насколько сложна эта работа и как много факторов, в том числе исторического характера, на нее влияло.

Торговля несовершеннолетними имела место на различных этапах эволюции Российского государства. Развитие отечественного законодательства в сфере противодействия торговле несовершеннолетними прошло длительный путь, начавшийся с законодательного регулирования отдельных случаев купли-продажи зависимых людей всех возрастов (дореволюционный период), продолжившийся отрицанием существования преступления в виде торговли несовершеннолетними на территории страны (советский период) и завершившийся введением уго-

ловного запрета и модернизацией ряда документов, касающихся данной проблемы, в соответствии с нормами международного права.

Несмотря на то, что до конца XX в. правовой нормы, запрещающей торговлю несовершеннолетними, не существовало, в советский период развития государства принимались нормативные правовые акты и проводились мероприятия, прямо или косвенно оказавшие влияние на торговлю несовершеннолетними, как явление, существующее де-факто, и способствующие ее предотвращению.

При изучении законодательства этого периода необходимо доводить до обучающихся, что именно совокупность этих мер позволила не усугубить проблему торговли несовершеннолетними на территории страны на этом этапе ее развития. Из общего числа мер государства, направленных на обеспечение защиты несовершеннолетних, в том числе от их торговли, до криминализации данного преступления следует отметить:

- открытие Центрального карантинно-распределительного детского пункта в Петрограде в 1919 г., что можно считать началом социально-правовой защиты несовершеннолетних (к 1921 г. детские приемники распределители и учреждения Интернатного типа уже были открыты в каждой губернии);

- введение уголовной ответственности за сопутствующие торговле несовершеннолетними преступления (например, ст. 162 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., предусматривающая ответственность за похищение, сокрытие или подмену чужого ребенка с корыстной целью, из мести или из иных личных видов; статьи аналогичного содержания Уголовного кодекса 1926 г. и т. д.);

- принятие Постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от

31 мая 1935 г. (с этой даты также начинается история подразделений по делам несовершеннолетних) и многое другое.

В свою очередь, в постсоветский период, введение в 1995 г. уголовной ответственности за торговлю несовершеннолетними (ст. 125.2 УК РСФСР) стало реакцией законодателя на сложившуюся ситуацию в сфере незаконного и коммерческого усыновления российских детей гражданами иностранных государств. К примеру, в 2021 г. рост случаев торговли детьми, рожденными суррогатными матерями, гражданам иностранных государств и высокая степень их латентности побудили законодателей выступить с очередной законодательной инициативой в части установления требования о наличии гражданства Российской Федерации при использовании суррогатного материнства на территории страны. 19 декабря 2022 г. был принят федеральный закон, при обсуждении которого подчеркивалось, что его принятие является первым срочным шагом в противодействии торговле детьми на территории страны.

В современный период в Российской Федерации за торговлю несовершеннолетними предусмотрена уголовная ответственность в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Помимо уголовного наказания за торговлю несовершеннолетними, предусмотрена ответственность за тесно связанные с ней преступления:

- принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120);
- похищение человека (ст. 126);
- незаконное лишение свободы (ст. 127);
- использование рабского труда (ст. 127.2);
- изнасилование (ст. 131);
- насильственные действия сексуального характера

(ст. 132) и т. д.

Кроме того, отечественная правовая база по противодействию торговле несовершеннолетними представлена рядом нормативных актов, направленных на устранение условий, способствующих совершению данных преступлений⁶.

Таким образом, аргументация нормами уголовного права создает условия для более тесных межпредметных связей. Не в меньшей мере это относится к дисциплине «Международное право». На протяжении длительного периода на международной арене ведущие позиции в вопросах противодействия торговле несовершеннолетними занимают такие организации, как ООН, Международная организация труда, Международная организация по миграции, Всемирная организация здравоохранения, Интерпол, Совет Европы⁷, ОБСЕ, СНГ и др. Принятые ими документы в разное время оказали влияние на развитие отечественных правовых основ противодействия торговле людьми всех возрастов и были имплементированы в законодательство⁸.

Бесспорно, интеграция и имплементация международных документов, направленных на противодействие торговле несовершеннолетними, в правовую систему обеспечивает эффективное противодействие этому явлению как на межгосударственном, так и внутригосударственном уровнях. Здесь следует согласиться с мнением О. И. Сакаевой: «Важность качественной реализации норм международного права, направленных на повышение эффективности противодействия торговле людьми, заключается не только в совершенствовании национального правового регулирования данной проблемы, но и в достижении цели гармонизации (сближения, унификации) законодательства государств, что, в свою очередь, высту-

пает основой для объективно необходимого сотрудничества государств и иных субъектов международного права в сфере противодействия торговле людьми, обеспечения международной безопасности и правопорядка»⁹.

Огромное внимание государство уделяет правовому обеспечению здоровья матери и ребенка, что является серьезным базисом укрепления статуса семьи, защиты детей от противоправных действий, вызванных социальными и медицинскими причинами. Так, Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения», в частности, включает подпрограммы «Охрана здоровья матери и ребенка»; «Развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения, в том числе детям»; «Оказание паллиативной помощи, в том числе детям»¹⁰.

Как видим, внимание к проблеме торговли несовершеннолетними в рамках курса «История государства и права» обусловлено ее спецификой, в то же время не ограничивается только одним курсом. Однако, возвращение к проблеме торговли несовершеннолетними на старших курсах в рамках преподавания уголовного, уголовно-процессуального права, криминалистики и криминологии невозможно без знания истории ее законодательного обеспечения на протяжении многовековой истории России.

Вместе с тем, знание историко-правовых аспектов проблемы дает возможность выпускникам юридических вузов эффективнее противодействовать торговле несовершеннолетними в практической деятельности.

© Бисярина А. Н., 2023

¹ Организация Объединенных наций: официальный сайт. – https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2016/December/almost-a-third-of-trafficking-victims-are-children_-unodc-report.ht

ml (дата обращения: 21.02.2021).

² Организация Объединенных наций: официальный сайт. – <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1414302> (дата обращения: 23.11.2021).

³ Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. – https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ GRETA Group of Experts on Action against Trafficking in Human Beings. Thematic Chapter of the 6th General Report on GRETA's Activities. Council of Europe, May 2018 Printed at the Council of Europe. – <https://rm.coe.int/6gr-extract-web-en/16808b6552> (дата обращения: 21.04.2020).

⁵ Бухориев Б. Р. Уголовно-правовые меры предупреждения торговли людьми (по материалам Республики Таджикистан): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 98.

⁶ Бисярина А. Н. Торговля несовершеннолетними: современное состояние проблемы // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12(79). С. 163–166.

⁷ 15 марта 2022 г. Российской Федерацией было принято решение о выходе из Совета Европы и вручено уведомление об этом Генеральному секретарю М. Пейчинович-Бурич.

⁸ ООН и вызовы современного мира. Уфа, 2021. С. 63–76.

⁹ Сакаева О. И. Реализация международно-правовых норм в сфере противодействия торговле людьми в Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 117.

¹⁰ Низматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Реализация права человека на здоровье как фундаментальная основа существования современного государства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3(29). С. 12.

Я. Л. Салогуб*

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
И ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫЕ
ОБЩЕРАЗВИВАЮЩИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ПРОГРАММЫ**

Юридическая наука в сфере жизнедеятельности людей, направленной на производство теоретического знания, предназначена для выявления закономерностей развития государства и права, их социально-ценностной и функциональной составляющей. Юриспруденция как практико-прикладная наука способствует эффективному правотворчеству и правоприменению. Однако все чаще в отечественном правоведении поднимается вопрос о познавательно-воспитательной и идеологической функции юридической науки¹, поскольку юридические знания влияют на сознание людей, оказывая воспитательное воздействие и способствуя тем самым формированию общественной идеологии как части общественного сознания, где доминирующими должны быть идеи охраны прав и свобод личности, законности и правопорядка.

Важным элементом познавательно-воспитательной функции юридической науки является профориентация среди граждан (особенно школьного возраста) на профессии, связанные с правоохранительной деятельностью. Ее ведут практически все «силовые структуры» в отношении

* Салогуб Яна Леонидовна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат исторических наук.

как потенциальных абитуриентов ведомственных высших учебных заведений (10–11 класс), так и детей младшей возрастной категории. Важнейшим инструментом подобной деятельности являются профориентационные общеразвивающие программы дополнительного образования. Содержание этих программ варьируется в сторону раскрытия полномочий конкретного ведомства. Прокуратурой Российской Федерации разработана и осуществляется программа «Юный правовед», направленная на изучение основ гражданского и уголовного законодательства, а также на формирование правовой грамотности у обучающихся в целом. Акцент в содержании данной программы делается на те отрасли права (гражданское и уголовное право, конституционное право России и т. д.), изучение которых позволит участникам программы в дальнейшем успешно работать в надзорном ведомстве².

Подобная образовательная программа есть у Министерства внутренних дел Российской Федерации. Она носит название «Юный друг полиции» и нацелена на изучение тех областей юридической науки, которые непосредственно связаны с деятельностью органов полиции. В учебно-тематическом плане программы упор делается на изучение административного законодательства, а также основ оперативно-розыскной деятельности³.

Активная деятельность в этом направлении ведется Следственным комитетом Российской Федерации. В соответствии с распоряжением Председателя СК РФ генерала юстиции Российской Федерации А. И. Бастрыкина в 2016 г. было разработано положение о дополнительной общеобразовательной программе «Юный следователь». Целью программы обозначена популяризация профессии следователя через профориентационную работу с детьми и подростками⁴, направленную не только на распростра-

нение дополнительных правовых знаний, но и на патриотическое воспитание. Впоследствии программа была дополнена Положением об одноименном ежегодном конкурсе среди подростков, уточнившим поставленные программой задачи: «раннее профессиональное ориентирование подростков, формирование теоретических знаний и практических навыков, общего системного представления о следственной работе и криминалистике, повышение престижа службы в системе Следственного комитета»⁵. Планируемые результаты реализации программы «Юный следователь» проявляются в двух аспектах: повышение общей правовой культуры молодежи и получение первичных профессионально-прикладных навыков будущими студентами юридических вузов.

В настоящее время исполнением программы занимаются преподаватели и студенты ведомственных академий Следственного комитета Российской Федерации. Кроме того на специализированные занятия приглашаются действующие сотрудники Следственного комитета из числа специалистов: кинологи, полиграфологи, взрывотехники и т. д. Успешный старт программы в 2016 г. на базе Международного детского центра «Артек» (Республика Крым) дал возможность ее трансляции во Всероссийские детские центры «Океан», «Орленок» и «Смена». Первыми участниками программы стали ученики кадетских классов и кадетских корпусов Следственного комитета Российской Федерации, а также ученики общеобразовательных средних школ, ставшие победителями тематической Олимпиады.

Основной акцент в процессе реализации программы сделан на изучение криминалистики. В ходе проведения занятий, обучающиеся знакомятся с теоретическими положениями наиболее востребованных разделов кримина-

листической техники: габитоскопией, дактилоскопией, трасологией, криминалистической фотографией и др. Также процесс обучения предусматривает выполнение практических заданий, направленных на закрепление полученных знаний, например, составление словесных портретов и фотороботов, изъятие следов пальцев рук, дактилоскопирование живых лиц, фиксацию и изъятие объемных следов ног, составление фототаблиц.

Еще одним аспектом в ходе реализации программы является изучение оснований и правил проведения отдельных следственных действий, в ходе которого обучающиеся также выполняют практические задания в виде моделирования различных следственных действий: осмотра места происшествия, обыска, предъявления для опознания, допроса и др.

Итог – участники данного образовательного проекта получают базовые навыки в области применения криминалистической техники, например, дактилоскопического порошка и кисти, 3-D сканера, нелинейного локатора, фотоаппаратуры, а также в области криминалистической методики и тактики проведения отдельных следственных действий и расследования некоторых категорий уголовных дел в целом.

Помимо вышеуказанных навыков, участники программы приобретают знания в области уголовного права: о квалификации отдельных видов общественно опасных деяний; о стадиях уголовного процесса (процессуальных аспектах уголовного преследования и проведения следственных действий), а также получают представления о структуре и специфике деятельности правоохранительных органов.

При проведении в 2019 г. мероприятий в Международном детском центре «Артек», приуроченных к 75-летию

Победы в Великой Отечественной войне, сотрудниками и студентами Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации был наработан значительный опыт патриотического воспитания подростков. Специально для этого в учебно-тематический план программы включались вопросы, посвященные работе следователей и техническому обеспечению следственной деятельности в годы Великой Отечественной войны. Не оставлен без внимания и территориальный аспект. План занятий был расширен подборкой материала о деятельности правоохранительных органов и следственной работе в Крыму, в период подготовки и проведения Ялтинской конференции 1945 г. По результатам анкетирования, участники программы отметили, что большая часть информации, полученной в рамках занятий, была им ранее незнакома.

При разработке дополнительных общеразвивающих образовательных программ учитывались достижения юридической науки в области популяризации правовых знаний и требования времени к воспитанию подрастающего поколения, что позволило программам занять одно из ведущих мест в процессах формирования первичных профессиональных навыков в области юриспруденции, вовлечения детей и подростков в исследовательскую и коллективную социально-активную деятельность. Целесообразность дальнейшего внедрения подобных программ в воспитательный и образовательный процесс несомненна и в полной мере соответствует положениям государственной программы «Развитие образования»⁶ в Российской Федерации.

© Салогуб Я. А., 2023

¹ Славова Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание // Вестник Волжского

университета имени В. Н. Татищева. 2019. № 2. Т 1. С. 26.

² О конкурсе «Юный правовед». – <https://agprf.org/sovместnyu-konkurs-s-mdts-artek/o-konkurse> (дата обращения 13.02.2023).

³ Примерная программа внеурочной деятельности «Юный друг полиции». – https://64.мвд.рф/gumvd/Koordinacionnie_i_soveshhatelnie_organizatsii/udp/dopprog-udp69 (дата обращения 13.02.2023).

⁴ Проект «Юный следователь» – <https://child.sledcom.ru/YU> (дата обращения 13.02.2023).

⁵ Положение о проведении в Следственном комитете Российской Федерации ежегодного конкурса «Юный следователь» // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. – <https://child.sledcom.ru/YU> (дата обращения: 25.05.2022).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года (ред. от 25 января 2023 года) № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 1. Ст. 375; 2023. № 5. Ст. 821.

Раздел XXI

**СИСТЕМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ:
СОХРАНЕНИЕ ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

*А. В. Калинина**

**ФЕНОМЕН «ПЕРЕХОДНЫХ ПЕРИОДОВ»
В ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА ИРКУТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Для гуманитарной науки тема «переходных периодов» не нова, но в юридических исследованиях, особенно по истории юридического образования, пока использована недостаточно¹. Перспективной может стать задача построения модели юридического образования в переходные

* *Калинина Анна Владиславовна* – ассистент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург).

периоды. Накопление конкретно-исторических исследований в этом поможет. В связи с этим небезынттересным может показаться сюжет об открытии Иркутского государственного университета (ИГУ) с юридическим факультетом в составе.

Научный интерес к теме «переходных периодов» в истории остается устойчивым². Переходный процесс – это сложная система взаимодействий между различными субъектами, в рамках которой осуществляется связь между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией. Немаловажно применить накопленный теоретико-методологический потенциал к нуждам эмпирических исследований. При этом необходимо соблюсти гармонию между макро- и микроисторией. Перекос чреват абсолютизацией той или иной теории. Так, по мнению И. В. Побережникова, современная модернизационная теория (одна из макротеорий) учитывает местную социокультурную окраску. Такой подход применим и при осмыслении феномена переходности в историко-правовых исследованиях.

Д. А. Редин характеризует переходные эпохи как исторические отрезки, когда идет построение новой культуры. Такое построение было присуще переходному периоду, начавшемуся в России в 1917 г.³ Коллективом под руководством Д. А. Редина была сформулирована авторская модель переходности. В основе процесса перехода, по их мнению, лежит процесс модернизации как многовекторное, вариативное явление, зависящее от внутренних и внешних факторов. Общую динамику переходности задают традиция и инновация, а также механизмы адаптаций. Одной из характерных черт переходной эпохи является историческая неустойчивость, кризисные явления, катастрофы, распад старых и формированием новых со-

циальных связей и порядков, а также длительное сосуществование разностадиальных социальных механизмов⁴.

Образование в ходе модернизации играет важную роль. Несоответствие, отставание от темпов модернизации системы образования приводит к сбоям в модернизации в целом. В России модернизация шла форсированно. На нее оказывали влияние такие явления, как революции (например, в 1917 г.), войны.

Рассмотрим конкретный сюжет, который поможет проиллюстрировать феномен «переходного периода». Создание Иркутского государственного университета проходило в условиях форсированной модернизации и переходного периода. Открытие Иркутского университета состоялось 27 октября 1918 г. Путь к этому важному событию был непростым и проходил на фоне поворотных точек в отечественной истории⁵.

При этом, если говорить о модернизационном процессе, стоит отметить, что сама университетская идея в Иркутске начала обсуждаться задолго до его открытия, еще в начале XIX в. Процесс шел эволюционным путем и был ожидаемым результатом модернизации на региональном уровне. События периода 1917–1918-х годов – начала 1920-х годов, происходившие в стране и в Восточной Сибири в особенности, стали точкой бифуркации и временем больших перемен в истории организации ИГУ: процесс шел на фоне смены правительств – царского, Временным правительством, потом советским, Гражданской войны, сложной гуманитарной обстановки.

Говоря об устремлениях к созданию университета в Иркутске нельзя не упомянуть о ключевой роли гражданского общества, которое в середине XIX столетия занимало все более активную позицию⁶. По мнению исследователей модернизации и переходности, как раз деятельность

общественных городских организаций в провинции на излете имперского периода – пример ярко выраженной идентичности практически завершеного перехода⁷. В 1860-е годы вопрос об университете стал широко обсуждаться в общественных кругах и в периодической печати Иркутска.

В начале XX в. в Иркутске продолжилась работа по созданию университета. В 1916 г. была создана исполнительная комиссия. Шел сбор пожертвований на создание университета⁸. В результате в феврале 1917 г. выбрали Иркутск в качестве второго университетского города Сибири. С 1916 г. также действовала университетская комиссия под председательством П. В. Зицермана. В августе 1918 г. министр народного просвещения Временного сибирского правительства В. В. Сапожников прибыл в Иркутск и объявил об открытии университета⁹.

Интересно отметить, что нормативный акт об открытии Иркутского университета был принят 26 апреля 1919 г. – постановление Совета министров Временного сибирского правительства «Об учреждении Государственного иркутского университета»¹⁰, то есть факт легитимации открытия университета произошел позже начала его фактической деятельности. Этот документ отсылает нас к нормам Свода законов Российской империи, а на ИГУ распространялось действие «Общего Устава и штатов российских государственных университетов» 1884 г., а также постановления Временного сибирского правительства. Все это говорит о преемственности с имперским правовым опытом и являет собой яркие черты переходного периода.

Празднество по случаю открытия Иркутского университета состоялось 27 октября 1918 г.¹¹ В этот день совершили молебен и освещение помещений. На открытие прибыли министр народного просвещения В. В. Сапожников,

представители иркутской общественности и многие другие. К открытию была издана газета «Иркутский университет», а доход от продаж предполагалось направить в фонд университета¹²

Среди архивных документов есть указания о направлении министром Сапожниковым 19 ноября 1918 г. «Грамоты Сибирского Временного Правительства Иркутскому университету в подлиннике»¹³. Факт направления этой Грамоты вновь говорит о традиции – получении подобных грамот императорскими университетами¹⁴.

Переходные периоды часто связаны с какими-либо катастрофическими и кризисными явлениями. В тяжелое время Гражданской войны только открытый университет столкнулся с рядом вызовов: необходимо было найти помещение и обустроить его. В качестве первого учебного корпуса университету был передан бывший дом иркутского генерал-губернатора (известным как Белый дом¹⁵).

Насущной была проблема обеспечения университета преподавательскими кадрами. С 1918 г. велась активная работа по привлечению специалистов. В Иркутск приехали работать ведущие специалисты того времени, в том числе из Москвы и Петрограда. Сложная политическая обстановка способствовала этому: ученые здесь находили себе пристанище в годы Гражданской войны. Прием абитуриентов в университет был открыт 24 августа 1918 г.¹⁶ Учебные планы ориентировались на дореволюционные образцы, но с корректировкой, исходя из имеющихся кадров и материальной базы.

Таким образом, создание Иркутского государственного университета и организация его юридического факультета несет в себе черты процессов, характерных для переходного периода. На фоне большого исторического поворота видим противоборство традиции и новации. Строи-

лось новое государство, шла борьба правительств времен Гражданской войны. При этом как идея Иркутский университет зародился ещё в Российской империи. Изучив конкретный историко-правовой сюжет, можно увидеть и ориентиры на традицию (опыт императорских университетов), и адаптации к новым условиям. Открытие университета проходило вполне традиционно (совершение молебна, освещение помещений, получение «Грамоты», управленческая структура и др.). При этом было немало трудностей, особенно материальных, что вынуждало оперативно реагировать на них.

© Калинина А. В., 2023

¹ Рыбаков В. А. Переходный период в развитии права как категория юридической науки // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 4. С. 57–59.

² Побережников И. В., Редин Д. А. Исследование феномена исторической переходности: в поисках «методико-методологического консенсуса» // Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Екатеринбург, 2011. С. 3–10.

³ Редин Д. А. Переходные эпохи, власть и дидактика исторического знания: культурно-семиотическое прочтение // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 43–51.

⁴ Редин Д. А. Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов: этап 6: Обобщение полученных результатов и подведение итогов исследования. Екатеринбург, 2011. С. 10–14, 33. – https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21921/1/Otchet_po_GK_02.740.11.0348_Redina.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Зипунникова Н. Н. Опыт законодательства об образовании и науке на поворотах Российской истории: к проблеме юридической преемственности // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: Материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2018. С. 346–354.

⁶ *Ширяев Ф.* Университет в Иркутске. Историческая справка // Иркутский университет и общество. Иркутск, 2013. С. 52–56.

⁷ *Редин Д. А.* Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов: этап б: Обобщение полученных результатов и подведение итогов исследования. Екатеринбург, 2011. С. 274–280. – https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21921/1/Otchet_po_GK_02.740.11.0348_Redip.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

⁸ *Бобровский И.* Университет в Иркутске: записка Иркутского городского общественного управления. Иркутск, 1916. С. 14.

⁹ *Ануфриев А.* «Крестный отец» университета. Идею открытия университета в Иркутске активно лоббировал министр народного просвещения Сибирского правительства Василий Сапожников. – <http://100.isu.ru/page1181884.html> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁰ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1. Л. 106–107.

¹¹ ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.

¹² Иркутский государственный университет: однодневная газета. 1918. 27 октября. – http://ellibnb.library.isu.ru/cgi-bin/irbis64r_15_perisu/cgiirbis_64.htm (дата обращения: 10.02.2023).

¹³ ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1. Л. 103–103 об., 110.

¹⁴ *Ануфриев А. В.* Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 166–172.

¹⁵ ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–2 об., 4, 5, 6.

¹⁶ ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–30 а об., 35 – 35 а об.

С. Ф. Лапанович*

**СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МИНСКОЙ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ
ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ
ПРИ УПРАВЛЕНИИ МИЛИЦИИ
И УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА НКВД БССР
(1920-е – 1930-е)**

Становление и развитие довоенной системы милицейского образования Беларуси (тогда – Социалистической советской Республики Белоруссии (ССРБ), позже – Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР)) пришлось на очень сложный период истории советского государства. Последнее зарождалось в условиях окончания мировой войны, последующих гражданской и польско-советской войн, сопровождаемых политической борьбой, социальным противостоянием и экономическим кризисом. Ситуация была осложнена захватом Польшей западной части территории Беларуси¹, поэтому в начале 20-х годов XX в. процесс организации и функционирования милиции проходил в границах второго провозглашения ССРБ в июле 1920 г., а именно на территории шести уездов (Минский, Борисовский, Бобруйский, Мозырский, Слуцкий, Игуменский) Минской губернии с населением 1,6 млн человек. В таких сложных условиях становления белорусского советского государства разворачивалась де-

* *Лапанович Сергей Фёдорович* – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Минск), кандидат исторических наук, доцент.

тельность по формированию молодой белорусской милиции².

Первая половина 1920-х годов была сложным и противоречивым периодом в истории милицейского образования. Чтобы решить кадровые задачи переходного периода, основной уклон в милицейском образовании вначале был сделан на ликвидацию безграмотности и малограмотности, на повышение боевой подготовки сотрудников. Уже в первые годы советской власти по инициативе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), местных партийных и советских органов для работников милиции создавались школы и курсы – вначале в РСФСР, а потом и в других советских республиках.

Организационно-правовые основы создания первых милицейских курсов в Минске были заложены в Приказе милиции Республики № 83 от 27 июля 1921 г. и в «Положении о курсах командного состава Милицейской службы при Главном Управлении Рабоче-Крестьянской милиции (РКМ) ССРБ». Были также разработаны и утверждены «План и программа курсов Командного состава при Главном Управлении РКМ ССРБ», расписание предметов преподавания на курсах командного состава и штатный перечень курсов командного состава³. В короткий четырёхмесячный срок курсантам предстояло одновременно изучить материал по общеобразовательным предметам, усвоить азы юридического образования и при этом повысить уровень своей боевой и служебной подготовки.

В конце 1921 г. – начале 1922 г. назрела необходимость преобразовать курсы командного состава милицейской службы в полноценные школы милиции. В марте 1922 г. на базе курсов командного состава в Минске была открыта Школа милиционеров (по ряду документов – Милицейская школа) при Главном управлении РКМ ССРБ. На

обучение направлялись сотрудники с образованием не ниже двух классов училища, не судимые, прошедшие службу в Красной Армии, в возрасте от 21 года до 30 лет⁴. Примером для ССРБ явилась организационная структура профессиональной милицейской школьно-курсовой системы РСФСР, которая включала следующие уровни: первоначальную подготовку милиционеров и лиц, принятых в органы милиции, на 6–8-недельных курсах при губернских управлениях милиции; губернские милицейские школы для подготовки лиц на должности младшего командного состава со сроком обучения примерно 8 месяцев; школы среднего командного состава со сроком обучения 2 года.

Обучение в Минской школе в этот период длилось 8 месяцев и осуществлялось на двух отделениях: младшем (3 месяца) и старшем (5 месяцев)⁵. Курсанты распределялись по двум учебным группам примерно по 30 человек в каждой. Шкала оценки знаний была представлена отметками «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». По окончании срока обучения проводились экзамены, по результатам которых курсанты получали назначения на определенные должности.

В декабре 1922 г. согласно приказу НКВД уголовный розыск был выделен из состава Главного управления милиции в самостоятельный орган (управление уголовного розыска с непосредственным подчинением НКВД республики). В связи с чем в школе при организации учебного процесса выделяли категории обучаемых сотрудников: младшие милиционеры, старшие милиционеры и работники уголовного розыска⁶. Структура организации деятельности школы разделялась на учебную и строевую части. Согласно учебному плану и программе Школы в 1922 г. в учебной части все предметы разделялись на три

отделения: общее, специальное и отделение политграмоты. В рамках общего отделения изучались русский язык, арифметика, география, история России и Белоруссии, законоведение (общая теория права, гражданское и уголовное право, советское судопроизводство), Советская Конституция, гигиена, история рабочего движения. Специальное отделение знакомило курсантов с работой административных органов, органов охраны, с делопроизводством и деятельностью милиции, спецификой уголовного розыска и судебной медицины. Отделение политграмоты знакомило курсантов с большевистскими трактовками революции, советской власти и компартии. В строевой части курсанты изучали уставы: внутренней, строевой, гарнизонной службы, краткий полевой и дисциплинарный, стрелковое, окопное и пулеметное дело, военную топографию⁷.

Распорядок дня в милицейской школе в 1923 г. был следующий. Подъем в 7 утра, с 8 до 9 часов – построение, включающее переключку, оглашение приказов и пение Интернационала, затем завтрак (чай). С 9 до 13 – учебные занятия, с 13 до 15 – обед и отдых. С 15 до 18 – продолжение занятий, с 18 до 21 – ужин и время для самоподготовки. В 21 час – вечерняя переключка, в 22 – отбой⁸.

По Положению о Народном комиссариате внутренних дел, принятом ЦИК и СНК республики в 1924 г., управление уголовного розыска объединялось с управлением милиции. Новый орган стал называться Управлением милиции и уголовного розыска (УМиУР) НКВД БССР. Соответственно в 1924 г. школа становится Милицейской школой (в ряде документов – Школой милиционеров) при УМиУР НКВД БССР (Минск). 12 ноября 1925 г. НКВД БССР издало приказ № 190 «О реорганизации школы милиционеров в школу младшего состава милиции». Учебный план в

школе младшего комсостава во многом соответствовал учебному плану среднего комсостава, но с важным отличием: времени на изучение предметов и практику отводилось значительно меньше. Предметы, в свою очередь, подразделялись уже на четыре цикла: общеобразовательный и политический, правовой, профессионально-милицейский, военный со спортом⁹. По инициативе Минского городского Совета 7 декабря 1925 г. учебному заведению было присвоено имя советского деятеля М. В. Фрунзе, и с этого момента оно обретает свое самое известное название – Школа милиции имени М. В. Фрунзе при Управлении милиции и уголовного розыска НКВД БССР¹⁰.

В 1931 г. на базе школы подготовки младшего комсостава милиции создается Минская школа среднего начсостава (командного состава) РКМ БССР имени М. В. Фрунзе. В связи с этим были образованы 3 новых отделения: строевое, политическое, оперативное. Школа готовила строевых командиров, политработников, участковых уполномоченных и помощников оперативных уполномоченных¹¹. Начиная с 1933 г. (по другим источникам – с 1936 г.), школа переходит к подготовке оперативных и строевых работников милиции, политработников и участковых уполномоченных с двухгодичным сроком обучения. В эти годы на учебу принимались уже сотрудники с образованием не менее 7 классов, курсанты находились на полном государственном обеспечении¹².

26 апреля 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О специальных званиях и знаках различия личного состава Рабоче-крестьянской милиции НКВД Союза ССР», с этого времени выпускникам Минской школы милиции имени М. В. Фрунзе стали присваиваться звания сержантов, а окончившим с отличными показателями –

младших лейтенантов милиции¹³. Дальнейшая история Минской школы была прервана событиями Великой Отечественной войны, когда в боях летом 1941 г. преподаватели и курсанты показали примеры героизма и самопожертвования во благо Родины.

Таким образом, созданная в начале 20-х годов XX в. Минская школа милиции имени М. В. Фрунзе в межвоенный период являлась базовым милицейским учебным учреждением на территории БССР. В деятельности школы отразилась вся сложная история нашей страны в 1920-е – 1930-е годы. Школа прошла значительный путь развития от командных курсов до милицейской школы по подготовке кадров младшего, а затем и среднего комсостава милиции. Объективные условия послевоенного времени создали ситуацию, при которой значительное внимание в рамках организации учебного процесса приходилось уделять общеобразовательным предметам и военной подготовке. Постепенно менялась структура и содержание образовательного процесса, больше стало уделяться внимания дисциплинам юридического профиля и практической подготовке курсантов. Дальнейшая история Минской школы была прервана событиями Великой Отечественной войны.

© Лапанович С. Ф., 2023

¹ *Лапановіч С. Ф., Сувалаў А. М. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэбна-метадычны дапаможнік. Мінск, 2018.*

² *Лапановіч С. Ф. Создание и деятельность школы милиции в г. Минске в первой половине 20-х гг. XX века: В 2 ч. Ч. 1 // Вестник Академии МВД Республики Беларусь: научно-практический журнал. 2016. № 2. С. 145–150.*

³ *Лапановіч С. Ф. Организационно-правовые основы создания и деятельности курсов командного состава милицейской службы при Главном управлении Рабоче-крестьянской милиции ССРБ (1921 г.) // Вестник Академии МВД*

Республики Беларусь. 2019. № 2. С. 232–238.

⁴ *Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987.* Минск, 1987. С. 63.

⁵ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 37. Оп. 3. Д. 17. Л. 40.

⁶ *Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987.* С. 63–64.

⁷ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 37. Оп. 3. Д. 10. Л. 50–54.

⁸ Там же. Д. 17. Л. 25.

⁹ *Лапанович С. Ф.* Создание и деятельность школы милиции в г. Минске в первой половине 20-х гг. XX века: В 2 ч. Ч. 1. С. 181–187.

¹⁰ Там же. С. 204–209.

¹¹ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 37. Оп. 1. Д. 9. Л. 38.

¹² Создание и деятельность школы милиции в г. Минске в первой половине 20-х гг. XX века: В 2 ч. Ч. 2 // *Вестник Академии МВД Республики Беларусь.* 2018. № 2. С. 227–231.

¹³ *Болотников В. Г., Макаров А. Т.* Минская специальная средняя школа милиции имени М. В. Фрунзе // Министерство внутренних дел СССР. Минск, 1982. С. 6–7.

В. В. Прохоров*

**АЛЕКСЕЙ АГАФАНГЕЛОВИЧ ЦВИЛИНЕВ:
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ НАЧАЛЬНИКА
ШКОЛЫ КОМСОСТАВА РКМ КРЫМА**

Цвилинев Алексей Агафангелович родился 26 декабря 1872 г. в семье православного дворянина Владимирской губернии. После окончания шести классной классической Сергиевской гимназии осенью 1890 г. его зачисляют нижним чином в Тверское кавалерийское юнкерское училище, которое он окончил после двухлетнего обучения в 1893 г. После окончания училища молодой кавалерист был произведен в эстандарт-юнкеры и направлен для дальнейшего прохождения службы в 38-й драгунский Владимирский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полк. В июне 1895 г. А. А. Цвилиневу присваивают первый офицерский чин с произведением в корнеты. В июне 1899 г. он поручик, а летом 1903 г. – штаб-ротмистр.

С началом русско-японской войны, он, в июне 1904 г. переводится сотником в 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска и в звании подъесаула вместе с полком отправляется на фронт. В начальный период войны полк ведет боевые действия на северо-востоке Кореи. Личный состав полка, весной 1905 г., принимает участие в боях с японцами под Вонсаном и Кильчжу.

* *Прохоров Владимир Владимирович* – доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (Симферополь), кандидат исторических наук, доцент.

За проявленную отвагу в период боевых действий А. А. Цвилинева в 1905 г. награждают орденом Св. Станислава III степени с мечами и бантом, а вскоре и орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость».

После окончания войны летом 1906 г. Алексей Цвилинев вновь возвращается в свой 38-й драгунский. Через год ему присваивают звание ротмистра. В декабре 1907 г. высочайшим указом Николая II полку возвращают историческое название – 13-й уланский Владимирский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полк. В 1908 г. за отличие в службе Цвилинева награждают орденом Св. Анны III степени с мечами и бантом, а в марте того же года утверждают в должности командира эскадрона полка. В 1910 г. его награждают орденом Св. Станислава II степени. До 1914 г. Цвилинев проходит службу в своем родном полку, некоторое время даже под началом будущего президента Финляндии – Карла Маннергейма.

С первых дней Первой мировой войны полк А. А. Цвилинева активно действовал в составе 13-й кавалерийской дивизии 7-го кавалерийского корпуса 11-й армии в полосе Юго-Западного фронта. Осенью 1914 г. комэска Цвилинев со своим полком принимал непосредственное участие в Галицийской битве и осаде крепости Перемышль. За проявленный героизм и мужество в ноябре того же года Цвилинева награждают орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом. Кроме этого полк Цвилинева в составе дивизии участвовал в Варшавско-Ивангородской и Люблин-Холмской операциях, позже в Брусиловском прорыве. В начале февраля 1915 г. Цвилинев произведен в подполковники, а в конце этого же месяца он кавалер ордена Св. Анны II степени с мечами. В мае того же года его награждают Георгиевским оружи-

ем с надписью «За храбрость», а в августе он удостоивается Высочайшей благодарности Николая II¹ С мая 1916 г. Цвилинев – полковник. Через месяц он награжден мечами к ордену Св. Станислава II степени, а уже в августе он удостоен высшей военной награды – ордена Св. Георгия IV степени .

Зимой 1917 г. в кавалерийской дивизии, где воевал А. А. Цвилинев проходят организационно-штатные изменения. Командование соединения выделяет два спешенных эскадрона на формирование стрелкового полка при 13 кавалерийской дивизии. Командиром стрелкового полка назначают полковника А. А. Цвилинева. В этой должности он встречает Февральскую революцию 1917 г. и принимает активное участие в Зборовском сражении и последовавшей за ней летней Тарнопольской катастрофе. В начале сентября 1917 г. Алексея Агафангеловича вновь переводят в 13-й уланский Владимирский полк, но уже командиром. В период с конца сентября по конец ноября 1917 г. Цвилинев командир 7-го драгунского Кинбурнского полка, 1-й бригады, Сводного кавалерийского генерала Врангеля корпуса регулярно перебрасываемого с одного фронта на другой.

Летом 1917 г., при прямом содействии Главкома генерала Л. Г. Корнилова, на Юго-Западном фронте начинается создание крупных национальных воинских формирований. Одним из первых был украинизирован 34-й армейский корпус генерал-лейтенанта П. П. Скоропадского. С 22 ноября 1917 г. Алексей Агафангелович – командир 7-го уланского Ольвиопольского полка, 1-й конной бригады 2-й Волынской конной дивизии, созданной на базе 7-й кавалерийской дивизии русской императорской армии.

После того как в 1918 г. 13-й уланский Владимирский полк, как и всю армейскую кавалерию русской императорской армии, расформируют Цвилинев поступает на службу в армию Украинской Державы гетмана Скоропадского. На территории гетманской Украины в тот период оказались тысячи офицеров русской армии Юго-Западного фронта. Многие офицеры пошли служить в гетманскую армию по инерции. Поначалу здесь сохранялся русский язык, а военная служба по своим принципам была очень похожа на дореволюционную². С 15 июля 1918 г. А. А. Цвилинев командир 6-го Ольвиопольского конного полка 1-й бригады 2-й Волынской конной дивизии армии Украинской Державы. После краха режима гетмана Скоропадского Цвилинев, как и большинство бывших русских офицеров, оставляет украинскую армию. В начале 1919 г. Алексей Агафангелович Цвилинев перебирается на Север России и примыкает к белому движению.

Помощь Северному фронту белых, несмотря на его второстепенную роль, шла с разных сторон. переброска добровольцев в Архангельск шла не только с помощью сил контрреволюции, но и со стороны союзников. Так, с помощью англичан в Северную область прибывали офицеры бывшей гетманской армии с Украины, среди которых оказался и Цвилинев. Отношение к офицерам, прошедшим через национальные армии, в войсках белого Севера было отрицательным. Несмотря на это Алексей Цвилинев зачисляется в офицерский резерв и до 25 июня 1919 г. состоит при штабе Главнокомандующего войсками Северной армии. С начала осени 1919 г. он в числе офицеров 4-го Северного стрелкового полка, а с 26 сентября того же года – командир полка, в составе Северного фронта под командованием генерала от кавалерии Миллера Е. К.,³

воюет против частей Красной Армии. В это непростое время, по неподтвержденным данным, ему присваивают звание генерал-майора.

В начале 1920 г. в результате наступления 6-й армии РККА Северный фронт был прорван и к середине февраля полностью развалился. Спешная эвакуация белых, по сути, бегство, привело к тому, что тысячи военнослужащих были брошены, сотни офицеров попали в плен. В марте 1920 г. в плен попал и А. А. Цвилинев и до лета того же года находился в концлагерях Москвы. С 15 октября 1920 г. он в резерве армейских чинов Московского военного округа. Позже в должности командира кавалерийской бригады РККА направляется на Южный фронт освобождать Крым от войск генерала П. Н. Врангеля.

В ноябре 1920 г., после освобождения полуострова, Главком ВС РСФСР С. С. Каменев своим приказом оставляет Петроградскую бригаду курсантов в Крыму, в состав последней входили 6-ть командных курсов: 4-е пехотных, артиллерийские и кавалерийские. Приказом РВСР от 27 декабря 1920 г. бригадные кавалерийские курсы стали именоваться 1-е Симферопольские кавалерийские командные курсы. Начальником Симферопольских кавалерийских курсов назначают Алексея Цвилинева, где в его подчинении находилось более 860 человек личного состава. В должности начальника кавалерийских курсов он находится до середины июля 1921 г., затем его вновь переводят в резерв.

С марта 1922 г. Цвилинев на службе в рабоче-крестьянской милиции Крыма. При поступлении на службу в РКМ в одной из своих анкет А. А. Цвилинев честно, хотя и несколько прямолинейно писал: «Профессия – кадровый кавалерийский офицер, беспартийный, но твердо и убежденно стою на стороне РСФСР. Земли не имею. С

1890 по 1922 г. непрерывно на строевой кавалерийской службе с юнкера до генерал-майора старой армии. Под судом не был, холост...». Весной 1922 г. Алексей Агафангелович – начальник командных курсов, а с июня того же года – начальник школы РКМ при Главном управлении милиции Крыма⁴. После реорганизации и последовавшей за ней ликвидацией школы комсостава РКМ, летом 1923 г. Цвилинева переводят начальником учебного резерва, подразделения по обучению рядового и младшего начсостава, Главмилиции Крыма.

Дальнейшая карьера А. А. Цвилинева сложилась довольно драматично. В ноябре 1922 г. Президиум ВЦИК утвердил постановление «О пересмотре и доукомплектовании личного состава милиции». Пересмотр сотрудников РКМ предполагал проведение чистки рядового и командного состава милиции от проникших в ее ряды «классово-враждебных элементов и морально неустойчивых людей». В соответствии с принятым документом, а также «благодаря» дворянскому происхождению Цвилинев был понижен в должности до старшего милиционера Симферопольского окружного управления РКМ. С июля 1923 г. по май 1924 г. он – заведующий адресным столом г. Симферополя. С мая 1924 г. – делопроизводитель Общего стола Симферопольского окружного управления РКМ⁵.

© Прохоров В. В., 2023

¹ Офицеры русской императорской армии. – <https://www.ria1914.info/index.php> (дата обращения 02.02.2023).

² Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019. С. 233.

³ Шмаглит Р. Г. Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья. М., 2006. С. 37.

⁴ Прохоров В. В. Организационное становление рабоче-крестьянской милиции Крыма. Киев, 2007. С. 214.

⁵ Государственный архив Республики Крым. Ф. 157. Оп. 1. Д. 299. Л. 4.

Л. Ю. Варенцова*

**ГОРЬКОВСКАЯ МЕЖОБЛАСТНАЯ
ШКОЛА МИЛИЦИИ НКВД СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941–1945)**

В 2022 г. исполнилось 77 лет с того майского дня, когда мир узнал о Великой Победе советского народа над фашизмом. Чем дальше в прошлое уходит это героическое время, тем более величественным предстает перед нами великий подвиг нашего народа. Достойный вклад в общенародное дело Великой Победы внесли сотрудники органов внутренних дел – выпускники Горьковской межобластной школы милиции НКВД СССР. Они проявили героизм, мужество и бесстрашие на фронтах Великой Отечественной войны, награждались боевыми орденами и медалями¹.

В сложной криминогенной обстановке, в условиях нехватки кадров они бдительно, мужественно и самоотверженно несли службу, обеспечивали общественный порядок. Они старались «трудиться по-фронтовому»: пресекали экономические преступления, боролись с бандитизмом, нарушениями паспортного режима, детской беспризорностью и безнадзорностью. Это было несение службы в экстремальных условиях.

Актуальность данной статьи заключается в том, что в ней идет речь о деятельности Горьковской межобластной

* *Варенцова Лариса Юрьевна* – доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

школы милиции НКВД СССР в особых исторических условиях – в период военного времени. Научная новизна работы состоит, во-первых, в том, специальных исследований на данную тему не существует, а во-вторых, в статье вводятся в научный оборот новые исторические источники. Источниковой базой послужили неопубликованные делопроизводственные документы из ф. Р-9401 «Министерство внутренних дел СССР (МВД СССР)» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва), материалы периодической печати – газеты «На страже», являвшейся органом политотдела управления милиции УНКВД по Горьковской области, мемуары ветеранов Горьковской высшей школы милиции – участников Великой Отечественной войны.

Нами использовалась литература общего характера, где отражаются основные вехи в становлении и развитии советской милиции, труды А. П. Косицына, Р. С. Мулукаева, С. В. Биленко², А. В. Афанасьева, Ю. В. Галкина³ и др. Важный блок литературы связан с деятельностью советской милиции в годы Великой Отечественной войны (Ф. Е. Базаров, А. П. Назаров⁴, С. В. Биленко⁵, В. И. Костина⁶, А. В. Целуйко, С. В. Гафарова)⁷. Заслуживает внимания статья Е. И. Николашина «Работники Горьковской милиции в боях за Родину»⁸, монография А. В. Белякова, А. Н. Лушина, С. А. Смирнова, С. В. Ханина «Нижегородская (горьковская) милиция в 1917–1945 годы: организация и деятельность по охране общественного порядка и борьбе с преступностью»⁹.

Война в значительной степени усложнила деятельность органов внутренних дел, их работа находилась под руководством военных властей. «На страже порядка и безопасности в тылу стояли наши органы НКВД, стояли работники милиции. От их работы во многом зависел по-

рядок и организованность в городах и селах, на предприятиях и в колхозах. Приказ товарища И. В. Сталина об укреплении дисциплины, порядка и организованности обязывал нас работать еще больше, еще лучше»¹⁰.

Великая Отечественная война изменила характер деятельности государственных органов. В трудных условиях перестраивалась на военный лад милиция. С первых дней войны в Красную армию было мобилизовано 25 % личного состава¹¹. Резко увеличился объем работы. Появилось много новых обязанностей: борьба с дезертирством, мародерством, паникерством, очистки городов и оборонно-хозяйственных пунктов от преступников, борьба с хищениями грузов во время эвакуации на водном и железнодорожном транспорте и пр.

Из Горьковской школы милиции в 1941–1942 гг. ушли на фронт 120 человек. Среди них заместитель начальника Горьковской школы милиции А. Д. Сахаров, начальник учебно-строевого отдела Л. Ф. Кононов, начальник курса С. И. Работин, награжденный Орденом В. И. Ленина, Орденом Красного Знамени, Отечественной войны¹².

В июле 1941 г. на партийном собрании было решено превратить Горьковскую школу милиции в боевой отряд, который готов выполнять любые государственные задания¹³. Курсанты Горьковской школы милиции боролись с бандитизмом, дезертирством, спекуляцией не только в пределах Горьковской области. Они выезжали со специальными заданиями в Саратовскую, Ленинградскую, Смоленскую области¹⁴.

В начале 1942 г. каждый третий курсант Горьковской школы милиции был направлен в свой комплектуемый орган. Курсанты отправлялись в Ярославскую, Кировскую, Ивановскую, Горьковскую области¹⁵. 93 курсанта Горьковской школы милиции были направлены в коман-

дировку – в распоряжение УНКВД Ленинграда для участия в охране правопорядка в осажденном городе. Они были призваны бороться со спекулянтами, мародерами, паникерами, трусами, вражескими лазутчиками, предателями¹⁶.

В октябре 1942 г. некоторые курсанты (Мухин, Титков, Павлов, Комаров и др.), проявлявшие инициативу и самостоятельно раскрывавшие уголовные преступления, получили благодарность от руководства Горьковской школы милиции¹⁷.

С начала 1942 г. Горьковская школа милиции получила название –«Горьковская межобластная школа милиции НКВД СССР». Ее выпускники распределялись в разные города Советского Союза: Армавир, Вологду, Ярославль, Москву, Казань, Куйбышев, Чебоксары. За годы Великой Отечественной войны Горьковской школой милиции было подготовлено 715 специалистов для службы в органах внутренних дел¹⁸. Сотрудники милиции проходили на базе школы подготовку и переподготовку на краткосрочных курсах.

По данным «Сравнительной ведомости по штатной численности школ и курсантов НКВД по состоянию на 1 марта 1944 г.», Горьковская межобластная школа милиции НКВД СССР в 1944 г. имела постоянного состава 39 человек¹⁹. Из 179 ее выпускников в 1944 г., 161 человек был направлен на освобожденные от врага территории западной части СССР для борьбы с преступностью, для охраны общественного порядка²⁰.

Связь фронта и тыла была залогом победы над врагом. Участники Великой Отечественной войны ощущали заботу народа о своих воинах. Она выражалась в потоке на фронт танков, самолетов и снаряжения.

Сотрудники Горьковской межобластной школы мили-

ции НКВД СССР принимали активное участие в сборе средств на танковые колонны, эскадрильи самолетов, дивизионы минометов, другие виды вооружения и боевой техники²¹. По инициативе сотрудников 8-го отделения милиции г. Горького в 1942 г. собирались средства на строительство танка «Горьковский милиционер»²². Только в 1942 г. на собранные денежные средства сотрудников УНКВД Горьковской области было построено три танка с названием «Горьковский динамовец», а также один танк «Горьковский милиционер»²³. В годы Великой Отечественной войны сотрудники органов внутренних дел собирали теплые вещи и белье, брюки и гимнастерки, кожаные печатки для тех, кто воевал на фронтах. Эти акции в Горьковской межобластной школе НКВД СССР проходили под названием «Доблестным защитникам Родины»²⁴.

В экстремальных условиях сотрудники милиции и курсанты Горьковской межобластной школы милиции сумели справиться со сложными задачами на фронте и в тылу. Они преодолевали кадровые нехватки, невероятно возросшие объемы работы. Милиция с честью справилась с трудностями, выполнила свой долг перед народом и Отечеством. Вместе со всем советским народом в 1941–1945 гг. самоотверженно боролись чекисты, внесшие свой вклад в дело победы над фашизмом. Их лозунгом были слова: «Работать так, как воюют наши бойцы на фронте». Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран Нижегородской академии МВД России Н. Е. Андрианов отмечал в своих воспоминаниях: «Тяжело далась нам победа в Великой Отечественной войне, дорого заплатил наш народ за нее, но нашел в себе силу и мужество выполнить великую миссию перед историей и предками, оставившими ему великую державу»²⁵.

© Варенцова Л. Ю., 2023

-
- ¹ *Горьковчане в Великой Отечественной войне: Словарь-справочник / Сост. В. П. Киселев, Л. Г. Чандырина. Горький, 1990. С. 5.*
- ² *Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987.*
- ³ *Афанасьев А. В., Галкин Ю. В. Российская милиция. Краткая хроника (октябрь 1917 – 2000 г.). Саратов, 2001.*
- ⁴ *Базаров Ф. Е., Назаров А. П. Советская милиция в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По материалам Поволжья и Западной Сибири. Омск, 1979.*
- ⁵ *Биленко С. В. Из истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны. М., 1967.*
- ⁶ *Костин В. И. Милиция в годы Великой Отечественной войны: Лекция. Нижний Новгород, 1995.*
- ⁷ *Целуйко А. В., Гафаров С. В. Деятельность милиции в период Великой Отечественной войны: Лекция. Домодедово, 2010.*
- ⁸ *Николашин Е. И. Работники Горьковской милиции в боях за Родину // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Материалы научно-теоретической конференции. Л., 1976. С. 169–174.*
- ⁹ *Нижегородская (горьковская) милиция в 1917–1945 годы: организация и деятельность по охране общественного порядка и борьбе с преступностью / Под ред. А. Н. Лушина. Нижний Новгород, 2018.*
- ¹⁰ *На страже. 1943. № 17(491). С. 1.*
- ¹¹ *На страже тишины и спокойствия: история органов правопорядка России IX–XXI вв.: Словарь-справочник / Сост. В. Ж. Дорохов. М., 2018. С. 181.*
- ¹² *Николашин Е. И. Работники Горьковской милиции в боях за Родину // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Материалы научно-теоретической конференции. Л., 1976. С. 170.*
- ¹³ *Нижегородская академия МВД России: 90 лет на страже экономики. Нижний Новгород, 2017. С. 18.*
- ¹⁴ *Там же. С. 19.*
- ¹⁵ *Нижегородская академия МВД России: годы, события, люди. Нижний Новгород, 2012. С. 46.*
- ¹⁶ *Николашин Е. И. Работники Горьковской милиции в боях за Родину // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.:*

Материалы научно-теоретической конференции. Л., 1976. С. 170.

¹⁷ Нижегородская академия МВД России: годы, события, люди. Нижний Новгород, 2012. С. 46.

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 8. Д. 11. Л. 212–213.

²⁰ Нижегородская академия МВД России: 90 лет на страже экономики. Нижний Новгород, 2017. С. 19.

²¹ Базаров Ф. Е., Назаров А. П. Советская милиция в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По материалам Поволжья и Западной Сибири. Омск, 1979. С. 63.

²² Николашин Е. И. Работники Горьковской милиции в боях за Родину // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Материалы научно-теоретической конференции. Л., 1976. С. 173.

²³ На страже. 1942. № 48(474). С. 1.

²⁴ На страже. 1941. № 33(413). С. 1.

²⁵ Ветераны Горьковской высшей школы милиции вспоминают...: 65-летию Великой Победы посвящается / Под общ. Ред. В. И. Каньгина, В. В. Аврамцева; сост. В. К. Соколенко, И. А. Пестов, А. В. Петров, А. Н. Мартынов. Н. Новгород, 2010. С. 27.

Н. П. Голяндин*

А. М. Шериев**

**ОТ ФАКУЛЬТЕТА ДО ИНСТИТУТА:
90-ЛЕТИЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ (ФИЛИАЛА)
КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

Согласно приказу министра внутренних дел Российской Федерации от 20 апреля 1993 г. № 183 «О реорганизации Нальчикской школы усовершенствования начальствующего состава милиции МВД Российской Федерации», учебное заведение вошло в состав Ростовской высшей школы МВД РФ на правах факультета. С августа 1993 г. наряду с продолжением подготовки кинологов и оперативных уполномоченных в учебном заведении началось формирование учебных групп заочного обучения по программе высшего юридического образования. С октября этого же года на шестимесячных курсах дополнительного образования (экстернат) стали проходить обучение действующие сотрудники органов внутренних дел, имевшие высшее неюридическое образование.

4 мая 1997 г. в результате реорганизации учебное за-

* *Голяндин Николай Петрович* – профессор кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России (Нальчик), кандидат юридических наук, доцент.

** *Шериев Альберд Малилевич* – старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

ведение в соответствии с приказом МВД Российской Федерации № 407 получило статус Нальчикского филиала Ростовского юридического института МВД России, что позволило проводить набор из числа лиц гражданской молодежи по двухуровневой очно-заочной форме обучения. В августе 1997 г. после проведения вступительных испытаний и отборочного конкурса, в которых участвовало более 300 человек, на первый курс зачислены 119 юношей и 6 девушек. На шести сформированных кафедрах к проведению занятий, особенно практической направленности, на постоянной основе стали привлекаться руководители и наиболее опытные сотрудники силовых структур Кабардино-Балкарской Республики.

Учитывая принимаемые профессорско-преподавательским составом Нальчикского филиала меры по разработке и внедрению новых инновационных технологий обучения, Главное управление кадров МВД России приняло решение о включении Нальчикского филиала Ростовского юридического института в проведение государственного эксперимента по созданию укрупненного учебного заведения системы МВД России – Санкт-Петербургского университета. 4 апреля 1999 г. учебное заведение получило новый статус – Нальчикский юридический институт (филиал) Санкт-Петербургского университета МВД России. К этому времени в штате учебного заведения насчитывалось 104 сотрудника, из которых 64 являлись офицерами милиции. Говоря о комплектовании штатов кафедр, необходимо отметить, что занятия со слушателями и курсантами вели 38 преподавателей, в том числе один доктор исторических наук, 28 – кандидатов наук, один профессор и 7 доцентов¹, что свидетельствовало о возросшем научном потенциале педагогического коллектива и качественной подготовке учебно-методических ма-

териалов преподаваемых дисциплин.

Вместе с тем, с учетом сложности управления Нальчикским юридическим институтом (филиалом) из Санкт-Петербурга, а также в ответ на ходатайство руководства Кабардино-Балкарской Республики и Ростовского юридического института, Главным управлением кадров МВД России было принято решение о возвращении ведомственного учебного заведения в Нальчике в состав Ростовского юридического института МВД России.

9 марта 2000 г. учебное заведение вновь переподчинено Ростовскому юридическому институту на правах Нальчикского филиала. Определенно новой формой обучения явилось создание в августе 2001 г. специального факультета Нальчикского филиала Ростовского юридического института МВД России для оказания платных образовательных услуг гражданской молодежи по программе высшего профессионального образования². Обучение на факультетах осуществлялось на двух отделениях по очной форме (срок обучения пять лет) и заочной форме обучения (со сроком обучения шесть лет, а на базе среднего специального профессионального образования – четыре года). Действовали также на компенсационной основе курсы подготовки абитуриентов для поступления в высшие учебные заведения Российской Федерации. По всем формам обучения подготовку на факультетах проходили более тысячи человек.

1 сентября 2003 г. на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 25 августа 2003 г. № 1212 министром внутренних дел России Б. В. Грызловым подписан приказ № 700 о создании Краснодарской академии МВД России, в состав которой вошел Нальчикский филиал, переданный из Ростовского юридического института МВД России. В августе 2004 г.

приказом Министра внутренних дел Российской Федерации на должность начальника Нальчикского филиала Краснодарской академии МВД России назначен полковник милиции Шхагапсоев Заурби Лелович.

В феврале 2006 г. филиал получил статус федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования в структуре Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, созданного в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 106-Р от 1 февраля 2006 г. «О создании Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации» и Приказом министра внутренних дел Российской Федерации № 104 от 22 февраля 2006 г.

В результате проведенных организационно-штатных изменений в структуру Нальчикского филиала вошли одиннадцать кафедр, два факультета, пять отделов и более десяти служб и подразделений, обеспечивающих учебно-воспитательную и научно-исследовательскую деятельность.

В ходе дальнейшей реорганизации головного вуза в его составе на базе Нальчикского филиала, согласно приказу МВД России № 994 от 31 августа 2011 г., сформирован Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) федерального казенного образовательного учреждения «Краснодарский университет МВД России»³.

Сегодня институт представляет собой высокотехнологичное ведомственное учебное заведение, осуществляющее подготовку, переподготовку и повышение квалификации сотрудников Министерства внутренних дел и Войск национальной гвардии России, а также сотрудников правоохранительных органов зарубежных стран. В

целях реализации десятка учебных программ продолжительностью от 4 дней до 6 месяцев более чем по 30 должностным категориям институт имеет современную учебную и материально-техническую базу, расположенную в Нальчике на двух площадках.

3 января 2019 г. в ходе рабочей поездки в Кабардино-Балкарскую Республику министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации Владимир Александрович Колокольцев посетил Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России. Он ознакомился с учебно-материальной базой, осмотрел новое общежитие и столовую для слушателей, посетил Дом-музей института и встретился с личным составом учебного заведения. Министр отметил, что в институте созданы все необходимые условия для качественного образовательного процесса и пожелал коллективу института новых успехов в подготовке высококвалифицированных сотрудников правоохранительных органов.

С 2011 г. по 2022 г. институтом по программам профессиональной подготовки осуществлено обучение с выдачей свидетельства о должности служащего более 12 тыс. слушателей, а по программам повышения квалификации с получением свидетельства о переподготовке и сертификатов, подтверждающих прохождение обучения более 10 тыс. слушателей из 78 комплектующих органов, в том числе 898 иностранных специалистов из трех зарубежных стран. В учебном процессе на сегодняшний день задействовано свыше 100 сотрудников и служащих, каждый второй (53,4 %) имеет ученую степень и не менее чем десятилетний опыт практической работы в правоохранительных органах. Это позволяет обеспечить высокое качество профессиональной подготовки и повышения квали-

фикации сотрудников полиции, прибывающих на учебу.

Институт поддерживает тесные связи с ведущими отечественными и зарубежными вузами: Китайским народным полицейским университетом Министерства общественной безопасности КНР, Полицейской академией МВД Азербайджанской Республики, Казахской юридической академией, юридическим факультетом Московского государственного университета, Российской Академией правосудия, Московской государственной юридической академией им. О. Е. Кутафина, Мордовским государственным университетом, Саратовской академией права, юридическим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, Чеченским государственным университетом, Дагестанским государственным университетом, Ингушским государственным университетом и другими.

Ежегодно на базе института проводится международная научно-практическая конференция, по результатам работы которой издаются сборники научных трудов. Для участия в конференции приглашаются ведущие ученые-правоведы со всех регионов Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья.

Особенностью проводимых в учебном заведении научно-представительских мероприятий является стремление руководства максимально приблизить круг обсуждаемых проблем к нуждам правоприменительной практики.

© Голяндин Н. П., Шериев А. М., 2023

¹ Книга приказов по Нальчикскому институту (филиалу) Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации за 2000 год // Архив Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России. № 113. С. 25.

² Приказ Ростовского юридического института МВД России №160 от 28 августа 2001 г.

³ Приказ МВД России № 994 от 31 августа 2011 года.

В. С. Кузыченко*

А. М. Петров**

**ПУТЬ ДЛИНОЮ В 80 ЛЕТ (1943–2023):
ОТ ВЛАДИМИРСКОЙ ШКОЛЫ ПОДГОТОВКИ
НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА ТЮРЕМ НКВД
СССР ДО ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА ФСИН РОССИИ**

Владимирский юридический институт ФСИН России является одним из ведущих учреждений уголовно-исполнительной системы по подготовке профессиональных кадров. Традиционно институт готовит квалифицированных юристов с ведомственной специализацией оперативно-розыскная деятельность и обеспечение безопасности.

Учебное заведение ведет свою историю с момента организации в 1938 г. курсов подготовки начальствующего состава тюрем НКВД СССР. В начале Великой Отечественной войны весь личный состав курсов был отправлен на фронт, но уже летом 1943 г. приказом Народного комиссариата внутренних дел СССР создается Владимирская школа подготовки начальствующего состава тюрем НКВД СССР. Начальником создаваемого учебного заведе-

* *Кузыченко Василий Сергеевич* – преподаватель кафедры организации режима и надзора юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.

** *Петров Антон Михайлович* – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук.

ния стал заместитель начальника управления по кадрам Управления НКВД Читинской области майор госбезопасности Москвичев Георгий Васильевич. Формирование учебного заведения происходило в тяжелых условиях военного времени, ситуация осложнялась ростом преступности на территории огромной страны. В этих условиях руководством Народного комиссариата внутренних дел СССР было принято решение о привлечении личного состава ведомственных учебных заведений к мероприятиям по борьбе с бандформированиями организованной преступностью на территории Северного Кавказа. Поставленная задача была с честью выполнена, в том числе высокую оценку получил личный состав Владимирской школы подготовки начальствующего состава тюрем НКВД СССР, включавший как офицерский, так и курсантский состав, который возглавил лично начальник школы. По результатам командировки, за самоотверженность и героизм начальник учебного заведения Москвичев Георгий Васильевич был награжден орденом Красного Знамени.

В 1946 г. приказом МВД СССР на базе Владимирской школы подготовки начальствующего состава тюрем НКВД СССР был создана Владимирская офицерская школа МВД СССР. Реорганизация учебного заведения существенно расширила профиль учреждения, включив в его компетенцию подготовку кадрового офицерского состава МВД СССР, расширило категории сотрудников, проходивших переподготовку в стенах школы, повысила авторитет и статус школы среди ведомственных учебных заведений и позволило открыть двухгодичный курс подготовки офицерского состава на базе среднего образования. С 1947 г. Владимирская офицерская школа МВД СССР осуществляла очный курс подготовки оперативного состава для ис-

правительно-трудовых учреждений, а программа переподготовки начальников тюрем, дежурных помощников начальников тюрем и оперативного состава была увеличена с шести до девяти месяцев.

Силами руководства учебного заведения постоянный и переменный состав школы начал активно взаимодействовать с региональным отделением Всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо», а также стал привлекаться к охране общественного порядка по месту дислокации в городе Владимире.

Реорганизация получила новый импульс в послевоенные годы, в военное время процесс формирования учебных заведений происходил в условиях некомплекта личного состава в правоохранительных органах и некачественного отбора кандидатов на учебу¹.

В 50-х годах Владимирская офицерская школа МВД СССР терпит структурные преобразования, в составе школы появляются отдельные подразделения: отделение подготовки дежурных помощников начальников тюрем с двухгодичным сроком обучения и отделение усовершенствования (бывшие курсы переподготовки офицерского состава), школа получает новое название «Владимирская школа подготовки офицерского состава МВД СССР». Структурные и организационно-штатные мероприятия, инициированные руководством учебного заведения, прежде всего были направлены на расширение набора и количественное увеличение подготавливаемых для исправительно-трудовых учреждений офицеров. Как итог, с 1952 г. по 1956 г. переподготовку прошли 330 человек, а окончили очное отделение – 303 человека, в предыдущий период всего 123 человека.

Следующий переломный этап в развитии учебного заведения наступает в конце 50-х годов – начале 60-х годов,

происходит отход от профиля переподготовки и школа получившая наименование «Владимирская специальная средняя школа подготовки начальствующего состава МВД СССР» сосредотачивается на подготовке курсантов по очной и заочной форме обучения (набор слушателей заочной формы осуществлялся из числа сотрудников органов внутренних дел), по итогам государственной аттестации выпускникам стал выдаваться диплом государственного образца о среднем специальном образовании с присвоением квалификации юрист. «Начало 50-х гг. – период некоторой либерализации в развитии пенитенциарной системы страны»².

В начале 70-х годов ведущим профилем подготовки специалистов в школе становится оперативно-режимная работа в следственных изоляторах и тюрьмах. В этот период большое внимание уделяется созданию спортивно-тренировочной базы, оборудуется плац и строится тир и оздоровительный комплекс. Преподавательский состав пополняется специалистами по служебно-прикладным видам спорта. В результате уже в 1971 г. лыжники и биатлонисты Владимирской специальной средней школы подготовки начальствующего состава МВД СССР выиграли первенство среди учебных заведений МВД СССР в г. Ленинграде. Большой личный вклад начальника школы в достижение этих результатов был отмечен в приказе МВД СССР от 2 ноября 1971 г., согласно которому А. Е. Морозова наградили знаком «Заслуженный работник МВД СССР». За значительный вклад в подготовку кадров для правоохранительных органов Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 сентября 1979 г. А. Е. Морозову было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР»³.

Поистине переломным в истории школы стало назна-

чение в 1990 году на должность начальника Валерия Михайловича Морозова. Новый руководитель в дальнейшем проявил себя как деятельный и активный реформатор, инициатор глубинных перемен в жизни учебного заведения. В частности, в октябре 1990 г. были образованы два новых цикла – государственно-правовых дисциплин и уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, что заложило основы для дальнейшей эволюции школы в систему высшего профессионального образования. Вследствие распада Советского Союза существенное количество ведомственных учебных заведений МВД оказалась за пределами России, что привело к острому дефициту кадров.

Кардинальные перемены в истории учебного заведения принес 1994 г., усилиями начальника школы 30 декабря 1994 г. приказом МВД России № 441 на базе школы был организован Владимирский филиал Рязанской высшей школы МВД России. С этого момента учебное заведение начало готовить юристов с высшим образованием для уголовно-исполнительной системы и подразделений милиции.

Итогом дальнейших усилий профессорско-преподавательского состава, а также совершенствования учебно-материальной базы стало расширение учебного заведения за рамки филиала. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 18 июля 1996 г. и приказом МВД России от 7 августа 1996 г. № 429 был образован Владимирский юридический институт МВД России.

В свете требований времени и политических преобразований в стране Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 1999 г. № 343 и совместным приказом МВД России и Минюста России от 7 мая 1999 г. № 156/341 учебное заведение перешло под юрисдикцию

Министерства юстиции Российской Федерации. С этого момента вуз стал именоваться Владимирским юридическим институтом Министерства юстиции Российской Федерации.

В 2005 г. в структуре Минюста России была создана Федеральная служба исполнения наказаний, в результате чего ВУЗ получил сегодняшнее наименование – «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».

К этому времени в институте проходили обучение более 6 тыс. курсантов и слушателей, а также студентов. «Подготовку специалистов осуществлял квалифицированный профессорско-преподавательский состав, более 60 % которого имели ученую степень доктора или кандидата наук»⁴.

В августе 2015 г. в институте был открыт еще один учебный корпус, вмещающий кафедры уголовно-исполнительного права, боевой и тактико-специальной подготовки, организации режима и надзора, методические кабинеты, полигоны и редакционно-издательский отдел.

Владимирский юридический институт ФСИН России в настоящее время входит в число ведущих ведомственных образовательных организаций высшего образования, осуществляющих подготовку высококвалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы и правоохранительных органов в целом.

Образовательная организация успешно готовит специалистов, бакалавров и магистров по специальностям и направлениям, в числе которых: «Правоохранительная деятельность», «Юриспруденция», «Управление персоналом». Активно внедряются в образовательный процесс дистанционные образовательные технологии. На сегодняшний

день в институте проходят обучение более двух тысяч слушателей, студентов и курсантов.

Нелегкий путь, пройденный образовательной организацией, заложил надежный фундамент для высоких достижений в учебной и научной деятельности, правоохранительной деятельности на благо страны. Институт с оптимизмом смотрит в будущее, активно развивается учебно-материальная база, растет научный и учебно-педагогический потенциал профессорско-преподавательского состава, что является важнейшими составляющими успеха.

© Кузыченко В. С., Петров А. М., 2023

¹ *Волошин Д. В.* Курсовая подготовка пенитенциарного персонала в предвоенное и военное время // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1(25). С. 76–77.

² *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. М., 2015.

³ Владимирский юридический институт. Хроника, события, люди. К 70-летию Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний: юбилейное издание / Под общ. ред. С. Н. Емельянова. Владимир, 2013. С. 21–22.

⁴ Там же. С. 55.

С. Х. Хакимов*

**У ИСТОКОВ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ
МВД СССР В ГОРОДЕ УФЕ
(К 100-ЛЕТИЮ ПОЛКОВНИКА ВНУТРЕННЕЙ
СЛУЖБЫ З. К. ЮНУСОВА)**

История становления органов внутренних дел неразрывно связана с проблемами подготовки профессиональных кадров в ведомственных образовательных организациях. В этой связи особую значимость приобретает исторический опыт формирования региональных учебных заведений МВД, в том числе и его руководящих кадров, внесших свой вклад в решение поставленных задач.

Значительную роль в становлении Уфимской средней специальной школы полготовки начальствующего состава МВД СССР сыграл и первый ее руководитель Закий Кабилович Юнусов. В Национальном Архиве Республики Башкортостан сохранилось его личное дело, содержащее ценные сведения о его жизненном пути¹.

Из материалов дела видно, что З. К. Юнусов родился 15 декабря 1922 г. в деревне Асяново Дюртюлинского района Башкирской АССР в крестьянской семье. С 1929 г. по 1936 г. обучался в местной семилетней школе, а в 1939 г. закончил Дюртюлинскую среднюю школу. Юноша с детства интересовался историей, поэтому вполне логичен и выбор профессии. В 1939 г. З. К. Юнусов поступил в Бирский государственный

* *Хакимов Салават Хазибович* – доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

учительский институт, где получил специальность преподавателя истории. По окончании учебного заведения в июне 1941 г. был призван в ряды Красной Армии и зачислен курсантом Златоустовского военно-инженерного училища². В конце ноября этого же года в звании младшего лейтенанта был направлен в распоряжение Северокавказского военного округа, в город Армавир³.

В декабре 1941 г. З. К. Юнусов получил назначение на должность командира саперного взвода во вновь формируемую 242-ю горно-стрелковую дивизию в Грозный, где служил до марта 1942 г. В марте того же года в составе 900-го горно-стрелкового полка 242-й горно-стрелковой дивизии был направлен на Юго-Западный фронт, где принимал участие в боях против фашистских захватчиков на Изюм-Барвенковском направлении, в дальнейшем, в должности командира саперной роты в составе Северокавказского фронта участвовал в форсировании Северного Донца, освобождении территории Главного Кавказского хребта, Таманского полуострова⁴.

Вот некоторые скупые строки из наградного листа командира саперной роты 900-го горно-стрелкового полка 242-й горно-стрелковой дивизии 56-й армии З. К. Юнусова, где отмечалось, что командуя саперной ротой, старший лейтенант Юнусов всегда находился со своими бойцами на передовой линии боя. 24 февраля 1943 г. во время проделывания проходов в минном поле и завалах противника на северных скатах высоты 192,1 Юнусов личным примером увлекал своих бойцов на выполнение заданий командира дивизии и два прохода в завалах шириной в 50 м каждый были сделаны в срок под сильным пулеметным и минометным огнем противника.

За проявленный героизм и мужество он был награжден орденами «Отечественной войны» 1-й степени, «Красной Звезды», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и другими наградами⁵.

Дальнейшая судьба З. К. Юнусова связана с работой в исправительно-трудовых учреждениях МВД Башкирской АССР, которая началась с 1947 г. Он прошел путь от старшего инспектора по мобилизационной работе отдела кадров до начальника Управления исправительно-трудовых дел МВД БАССР.

Приказом МВД СССР № 0502 от 22 сентября 1970 г. «О передислокации Рязанской специальной средней школы подготовки начсостава МВД СССР в г. Уфу» предписывалось к 1 июля 1971 года передислоцировать Рязанскую специальную среднюю школу подготовки начсостава МВД СССР в город Уфу и разместить ее в помещениях Уфимской воспитательно-трудовой колонии и впредь эту школу именовать Уфимской специальной средней школой подготовки начсостава МВД СССР. На школу возлагалась подготовка воспитателей для воспитательно-трудовых колоний и начальников отрядов для исправительно-трудовых колоний⁶.

Первым начальником Уфимской средней специальной школы подготовки начальствующего состава МВД СССР был назначен Закий Кабилович Юнусов. В характеристике, подписанной министром внутренних дел БАССР генералом внутренней службы 3 ранга В. Д. Рыленко от 26 февраля 1971 г., отмечалось, что З. К. Юнусов за период службы в органах МВД хорошо изучил специфику работы исправительно-трудовых учреждений, накопил большой опыт по руководству ими, обладает организаторскими способностями, лично дисциплинированный, тре-

бовательный к себе и подчиненным руководителем⁷.

По своему профилю учебное заведение должна была готовить в течение двухлетнего срока обучения специалистов со средним юридическим образованием для работы в воспитательно-трудовых и детских воспитательных колониях на должностях начальников отрядов и оперативно-режимных сотрудников.

Работая начальником школы, Закий Кабилович внес большой вклад в дело создания материально-технической базы, подбора и расстановки кадров, организации и совершенствования учебно-воспитательного процесса.

За сравнительно небольшой период (три месяца) усилиями постоянного и переменного составов была осуществлена полная реконструкция оставшихся от воспитательно-трудовой колонии зданий и помещений, которые приспособлялись под учебный процесс. К началу учебных занятий имелись оборудованные рабочие места для преподавателей всех циклов, учебные кабинеты, два лекционных зала и помещения для библиотек. Все преподаваемые учебные дисциплины были разделены на циклы: общественных наук (начальник З. К. Тимофеева), юридических дисциплин (начальник Т. Н. Габдуллин), исправительно-трудового права (начальник М. Е. Траспов), специальных дисциплин (начальник С. Е. Хабиров), военных дисциплин и физической подготовки (Т. Х. Хамидуллин)⁸.

Значительное внимание уделялось воспитательной работе, которую проводили политотделы и политчасти (Положение о первых политотделах милиции было утверждено еще в 1939 г.). Непосредственная организация воспитательной работы с личным составом была возложена на заместителя начальника по политико-воспитательной работе, которым с 1971 г. по 1977 г. являлся ветеран Великой Отечественной войны Азат Мухаметович Усманов.

В 1977 г. его сменил Геннадий Иванович Мурашев, а в 1986 г. заместителем начальника школы по политико-воспитательной работе стал Заки Ахунович Галимов.

Огромную работу по патриотическому воспитанию курсантов проводил совет Музея А. М. Матросова. Преподаватели цикла общественных дисциплин организовывали политинформации, беседы, диспуты по важнейшим историческим событиям страны. В Музее принимали в пионеры, вручали комсомольские билеты. Ежегодно Музей А. Матросова посещали 4–5 тыс. человек. Курсанты неоднократно выезжали по местам боевой славы к месту совершения подвига героя в Великие Луки⁹.

Настоящим испытанием коллектива школы стало участие в охране общественного порядка в период проведения XXII Олимпийских игр в Москве в 1980 г. В структуре МВД СССР было образовано Олимпийское управление, которое возглавил заместитель начальника штаба генерал-майор И. Е. Ложкин, по приказу которого на базе УССШ был сформирован батальон в составе трех рот по 110 человек в каждой. Командиром был назначен З. К. Юнусов, заместителем по политической части – Г. И. Мурашов, начальником штаба – А. Х. Насибуллин. Подразделение получило ответственную задачу по круглосуточной охране безопасности и общественного порядка по всему периметру аэропорта Внуково.

За добросовестное выполнение этих задач личному составу были вручены знаки «Участнику службы по охране общественного порядка на играх XXII Олимпиады». Многие офицеры и курсанты были награждены Почетными грамотами, отмечены другими видами поощрений.

После выхода в отставку в 1987 г. З. К. Юнусов продолжал самое тесное общение с коллективом,

участвовал в работе ветеранской организации учебного заведения, щедро делился своим жизненным опытом с курсантами и преподавателями. Закия Кабиловича не стало в 2010 г.

Таким образом, время семнадцатилетнего (1971–1988) становления и развития Уфимской средней специальной школы подготовки начальствующего состава МВД СССР под руководством единственного за все годы начальника З. К. Юнусова явилось важнейшим этапом в деятельности учебного заведения. Был сформирован высококвалифицированный коллектив преподавательского и командно-строевого состава. Создана учебно-материальная база, которая послужила фундаментом качественно нового учебного заведения – Уфимской высшей школы МВД СССР, образованной в 1987 г., а в 1993 г. преобразованной в Уфимский юридический институт МВД Российской Федерации.

© Хакимов С. Х., 2023

¹ Национальный Архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ) Ф. П-122. Оп. 180. Д. 1407. Л. 1–26.

² НА РБ. Ф. П-122. Оп. 180. Д. 1407. Л. 1 об. – 2.

³ Архив МВД России по Республике Башкортостан. Ф. 3. Оп. 2. Д. Е 533483. Л. 53.

⁴ Там же.

⁵ НА РБ Ф. П-122. Оп. 180. Д. 1407. Л. 3.

⁶ Рогов М. А. История учебных заведений МВД, МЧС, Минюста России в выпускных и памятных знаках. М., 2010. С. 498.

⁷ Архив МВД России по Республике Башкортостан. Ф. 3. Оп. 2. Д. Е 533483. Л. 10.

⁸ Хакимов С. Х. Из истории образования первого образовательного учреждения МВД в г. Уфе // Актуальные проблемы государства и права в XXI веке. 2018. Т. 10. № 2. С. 31–39.

⁹ Учебный центр. 80 лет со дня образования. Уфа, 2004. С. 7, 10–11.

Н. П. Голяндин*

А. М. Шериев**

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ
НАЛЬЧИКСКОГО ФИЛИАЛА КРАСНОДАРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ
В УСТАНОВЛЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ
ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ПОДДЕРЖАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Испытание на политическую зрелость, верность профессиональному и гражданскому долгу выпала на долю личного состава Нальчикской школы усовершенствования начальствующего состава МВД Российской Федерации (ныне – Северо-Кавказский институт (филиал) Краснодарского университета МВД России) в начале октября 1992 г., когда деструктивные силы националистической общественной организации, прикрываясь лозунгами народолюбия и восстановления исторической справедливости, предприняли попытку свержения конституционного строя в Кабардино-Балкарии.

Хронология этих тревожных дней восстановлена по

* *Голяндин Николай Петрович* – профессор кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России (Нальчик), кандидат юридических наук, доцент.

** *Шериев Альберд Малилевич* – старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России (Нальчик), кандидат юридических наук.

воспоминанием ветеранов учебного заведения участников этих событий. «В октябре 1992 года в учебном заведении проходили обучение курсанты кинологических курсов и первоначальной подготовки оперативных уполномоченных уголовного розыска. Мы все находились на занятиях, когда поступила команда "Сбор по тревоге". Построились на плацу. Начальник школы полковник Канунников А. Д. довел до нас информацию, о том, что группа агрессивно настроенных людей движется к зданию "Дома Советов", в связи с чем министр внутренних дел КБАССР генерал-лейтенант Шогенов Х. А. отдал приказ о привлечении личного состава школы милиции к охране здания и пресечения незаконных действий.

Возле здания уже стояло оцепление из сотрудников Ленинского РОВД и центрального аппарата МВД Кабардино-Балкарской Республики. Нас поставили на площадке перед центральным входом в здание Дома Советов. За стеклами дверей мы увидели, что в холле размещались подразделения внутренних войск в полной боевой экипировке. С этого момента все поняли, что если толпа ворвется в здание, то будет кровавая бойня. Нужно стоять до конца. В это время на площади со стороны улицы Головки появилась группа людей около 200 человек, которая, прорвав редкую цепочку милиционеров, устремилась к центральному входу. Увидев, что вход охраняют Интернациональные силы (среди слушателей были казахи, грузины, калмыки, эстонцы, латыши), впереди идущие остановились.

В это время на ступеньки вышли сотрудники центрального аппарата МВД республики и пытались остановить незаконные действия молодчиков, но это их только раззадорило. Толпа пошла на штурм здания. Поскольку мы стояли первыми, то пришлось накрепко схватиться

руками друг за друга. Толпа стала, напирать сильнее, мы отталкивали ее от здания, но силы были не равными. Нас уже вплотную прижали к дверям. Тогда мы стали кричать: "Стойте! Там в здании солдаты с автоматами! Они будут стрелять!".

Но люди обезумели. Нас продолжали вталкивать в центральные двери. Посыпалось стекло. Из толпы стали бить сначала руками, а потом и тем, что было у них в руках. Мы не могли расцепить руки, чтобы дать сдачи и стояли под градом ударов, но боли не чувствовали. Все это время среди нас находился начальник школы полковник Канунников А. Д. и его жесткая команда «Стоять! Ни шагу назад!» вселяло в нас силу и уверенность, что мы выстоим. В это время к нам подбежали сотрудники, которые стояли возле окон по периметру здания и помогли остановить, а затем и выдавить отбросить толпу от центрального входа. Последующую неделю, мы круглосуточно находились возле входа в резиденцию Президента КБР. Много видели, многое слышали, но все сотрудники и курсанты исполнили свой долг. Ни один из нас не покинул свои посты, даже когда разъяренная толпа стала забрасывать камнями...»

Проявив стойкость и мужество в эти тревожные дни, сотрудники учебного заведения и слушатели курсов первоначальной подготовки совместно с личным составом других силовых структур в течение недели круглосуточно обеспечивали охрану здания Дома Правительства Республики, не допустив проникновение нарушителей общественного порядка в охраняемые помещения, затем оказывали действенную помощь сотрудникам городских правоохранительных органов в предотвращении и раскрытии тяжких преступлений.

Личный состав филиала периодически принимал уча-

ствие в борьбе с преступностью и охране общественного порядка на территории своей дислокации.

Так, приказом по филиалу № 351 от 20 ноября 2000 г. «Об участии Нальчикского филиала Ростовского юридического института МВД России в проведении комплексной операции "Вихрь-Антитеррор" на территории Кабардино-Балкарской Республики» личный состав учебного заведения был привлечен к комплексным мероприятиям по недопущению проведения возможных террористических и экстремистских актов со стороны определенных деструктивных сил, старающихся дестабилизировать общественно-политическую обстановку в Северо-Кавказском регионе¹.

Утро 13 октября 2005 г. в учебном заведении началось как обычно, постоянный состав приступил к служебным обязанностям с 8-00. Руководители структурных подразделений в 8-30 собрались на оперативное совещание при начальнике филиала. В это время с проезжей части стала слышна беспорядочная стрельба. Начальник филиала полковник милиции Заурби Лелович Шхагапсоев сообщил об этом дежурному по МВД КБР, на это ему было сообщено, что по всей видимости это отзвуки боя, проходившего в селении Белая речка.

Участившиеся выстрелы опровергали это предположение. Поэтому полковником милиции З. А. Шхагапсоевым было принято решение о введении плана «Крепость» по обороне территории филиала. Около 9 часов утра по громкоговорящей связи дежурный по филиалу объявил о введении плана «Крепость». В считанные минуты личный состав вооружился и занял оборону по периметру, согласно данного плана. Курсанты были эвакуированы в здание общежития с дополнительной огневой поддержкой.

Группа бандитов, отступая, перемещалась вдоль за-

бора филиала. За ними вели наблюдение стрелки и снайперы из числа сотрудников филиала.

Двигаясь вдоль забора филиала, группа бандитов из 7 человек беспорядочно стреляла в сторону филиала. Один из террористов открыл огонь по проезжающему автомобилю с сотрудниками милиции. За происходящим наблюдал сотрудник филиала и держал его на прицеле. В ответ на действия бандита по нему был открыт огонь на поражение. Оставшиеся несколько боевиков в ответ открыли беспорядочный огонь в направлении филиала и сразу скрылись. Через некоторое время все они были уничтожены сотрудниками специальных подразделений.

В это же время полковник милиции З. А. Шхагапсоев с заместителями перемещались по территории. Находясь недалеко от административного корпуса, они слышали одиночные выстрелы совсем рядом. Пули свистели прямо над головами и под ногами! Было очевидным, что по ним стреляли бандиты, расположившиеся на крышах двух жилых высотных домов, которые вели перекрёстный огонь. Это происходило на расстоянии около 50 м. Офицеры хотели ответить на огонь противника, но начальник учебного заведения молниеносно оценил обстановку – даже прицельная стрельба в густонаселённом жилом массиве привела бы к жертвам среди гражданского населения. Поэтому, приказав офицерам укрыться, он по имевшейся связи сообщил спецгруппе МВД о месте нахождения боевиков и до их полной ликвидации обеспечивал прикрытие вероятных путей отхода.

Факультет заочного обучения и внебюджетный факультет филиала расположены в непосредственной близости от 3-го отдела внутренних дел города Нальчика, куда бандитам удалось проникнуть и захватить заложников.

Узнав о случившемся, студенты внебюджетного фа-

культета устремились к средней школе № 28, находящейся напротив захваченного боевикам здания. Первая мысль, которая была у всех студентов и преподавателей – там же дети! Их нужно эвакуировать и отправить в безопасное место! За короткое время все ученики младших классов покинули школу. Руководство средней школы № 28 и родители детей выразили благодарность декану факультета и студентам, которые моментально откликнулись и сориентировались в эти страшные для всех часы.

Анализ развивавшихся событий и действий личного состава учебного заведения показал, что в результате профессионально грамотных действий полковника милиции З. А. Шхагапсоева не допущено ни одной потери среди сотрудников, курсантов и слушателей. Личный состав был подготовлен к действиям при чрезвычайных ситуациях путём проведения тренировочно-профилактических мероприятий по поддержанию постоянной готовности к отражению нападений на учебное заведение:

- ежемесячной отработке действий личного состава по сигналу «Сбор»;

- отработке плана мероприятий по охране и обороне филиала «Крепость» совместно с подразделением ОМОН МВД КБР;

- оборудованием периметра территории филиала заграждением высотой более 4 м и приборами видео наблюдения по отработке несанкционированного проникновения и нападения;

- проведение дежурными сменами отработок по пресечению несанкционированного проникновения на территорию филиала и отражению нападений на суточный наряд.

Несмотря на сложную обстановку, с понедельника 17 октября 2005 г. продолжились учебные занятия на всех

формах обучения.

Однако в напряжении личный состав находился все последующие месяцы проведения контртеррористической операции в Республике, проявляя при этом мужество и, самое главное, ответственное отношение к исполнению своего долга, за что многие были награждены правительственными и ведомственными наградами.

© Голяндин Н. П., Шериев А. М., 2023

¹ Книга приказов по НФ РЮИ МВД России за 2000 год // Архив Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России. № 110. С. 81–82.

В. В. Борисенко*

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ
КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТРАСПОРТЕ
В МОГИЛЕВСКОЙ ШКОЛЕ МИЛИЦИИ
(1969–1992)**

Совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 902-316 от 19 ноября 1968 г. «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» поставило вопрос о не высоком уровне профессионализма значительной части сотрудников ОВД. В нем предлагалось партийным и государственным органам всех уровней, от центральных до местных, особое внимание уделить повышению деловой квалификации работников милиции, а перед МВД СССР ставилась задача обеспечить постоянное совершенствование их профессионального мастерства¹.

Принятое в январе 1969 г. «Положение о средних специальных учебных заведениях СССР» давало право организовывать при них по поручению министерств и ведомств, в подчинении которых они находились, курсы повышения квалификации руководящих работников и специалистов (далее КПК) по специальностям, соответствующим профилю учебного заведения². Именно КПК стали одной из основных форм работы по реализации задач,

* *Борисенко Владимир Васильевич* – проректор по научной работе Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент.

указанных в совместном постановлении 1968 г., в специальных средних школах системы МВД.

26 февраля 1969 г. последовал приказ МВД СССР № 078. Он предписывал Организационно-инспекторскому управлению, Управлению кадров и Управлению учебными заведениями (далее – УУЗ) МВД СССР в целях повышения профессионального мастерства руководящего состава органов милиции на транспорте и оказания им практической помощи по выполнению Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 902-316 проводить КПК в Могилевской специальной средней школе транспортной милиции (далее – МССШТМ). Организация учебного процесса на них должна была вестись в соответствии с учебно-методическими и тематическими планами, которые разрабатывало УУЗ. Ставилась цель – восстановить и, в случае необходимости, обновить у практических работников теоретические знания, повысить их практические навыки, дать возможность поделиться между собой уже накопленным опытом. Результаты сдачи контрольных зачетов и выпускных экзаменов по окончании курсов должны были ложиться в основу аттестации сотрудников по месту их постоянной службы³.

Первый опыт работы с действующими работниками транспортной милиции был получен руководящим и преподавательским составом МССШТМ в 1969 г. при проведении шестидневного сбора начальников линейных постов и дежурных инспекторов дорожных отделов милиции (далее – ДОМ) на Белорусской железной дороге. Затем последовал Всесоюзный семинар по повышению квалификации начальников линейных отделов и отделений милиции (далее – ЛОМ) МВД СССР на транспорте. Он проходил с 3 по 12 июня, в нем приняли участие 158 человек. А с 16 июня по 15 июля были организованы сборы заместите-

лей начальников ДОМ по оперативной работе и начальников крупных ЛОМ. На них переподготовку прошли 82 сотрудника транспортной милиции⁴. Начало было признано успешным и в последующем на КПК в Могилевской школе милиции закрепились месячная форма повышения квалификации.

Комплектоваться курсы должны были за счет сотрудников, имеющих стаж практической работы не менее трех лет. Регуляторами выступали Управление кадров и УУЗ МВД СССР на основании заявок профильных управлений и отделов⁵. Несмотря на это, по факту для прохождения КПК нередко одновременно направлялись как работники с высшим, так и средним образованием, как с большим, так и с незначительным стажем работы в органах милиции и даже те, кто не прошел первоначальной подготовки. Естественно, что такой неоднородный состав слушателей, собранных в одной группе, создавал определенные трудности при работе с ними. К тому же, каких-либо регламентирующих образовательный процесс на КПК документов, включая учебных программ, еще УУЗ не подготовило. Поэтому каждый преподаватель разрабатывал тематические планы, материалы для групповых упражнений и оперативных учений по своему усмотрению⁶.

Вопрос о мерах по совершенствованию деятельности КПК в учебных заведениях МВД СССР рассматривался на заседании Учебно-методического совета при УУЗ 14 марта 1973 г. В ходе обсуждения был сделан вывод, что мерами способными упорядочить их работу являются перспективное пятилетнее планирование развития КПК и разработка Положения о таких курсах⁷. Последнее было объявлено приказом МВД СССР № 148 в мае этого же года. Учреждениям образования предписывалось закрепить за курсами квалифицированный преподавательский состав

и организовать на циклах и кафедрах разработку лекционных фондов. За два месяца до приезда слушателей высылать в комплектующие органы задания на подготовку рефератов, которые те должны были защищать по прибытию в школу ⁸. В последствии в МССШТМ в дополнение к этому вошло в практику отправлять также перечень вопросов, связанных с работой действующих сотрудников, для последующего их обсуждения и обмена наработанным опытом во время обучения. Кроме того, в соответствии с Положением о КПК для проведения занятий систематически приглашались практические работники⁹. По окончании курсов слушатели сдавали итоговый экзамен и получали на руки свидетельство о прохождении повышения квалификации¹⁰.

Постепенно росло количество категорий сотрудников транспортной милиции, прибывающих на КПК в Могилев. Если первоначально это были начальники линейных постов и ЛОМ, дежурные инспекторы ДОМ, то уже в 1972 г. к ним добавились инспекторы детских комнат милиции, начальники отделов борьбы с хищениями социалистической собственности, инспекторы отделов уголовного розыска (далее – ОУР) по борьбе с детской преступностью управлений и отделов транспортной милиции¹¹, в 1974 г. инспекторы ОУР, специализирующиеся на борьбе с преступлениями против личности, инспекторы ОУР, специализирующиеся на борьбе с кражами личного имущества граждан¹², инспекторы по сопровождению самолетов и начальники отделений (отделов) на воздушном транспорте¹³, в 1975 г. – начальники служб досмотра¹⁴. В конечном счете утвердилось десять постоянных категорий сотрудников, проходящих обучение на КПК, от случая к случаю к ним могли добавляться еще одна-две¹⁵. Такое разнообразие слушателей требовало от преподавателей школы по-

стоянной работы по повышению своего профессионального уровня и спектра знаний в самых разных областях работы, выполняемой работниками транспортной милиции, проходить соответствующие стажировки в действующих подразделениях ОВД.

В среднем каждый год на курсах повышения квалификации МССШТМ проходило месячное обучение двенадцать групп по 25 – 40 человек. Как правило после выпуска одной, через несколько дней, а бывало и на следующий, заезжала другая. География слушателей КПК впечатляет. К примеру, в 1978 г. повышали свою квалификацию начальники линейных отделов милиции из аэропортов Алма-Аты, Архангельска, Вильнюса, Владивостока, Волгограда, Донецка, Иркутска, Казани, Киева, Краснодар, Львова, Минеральных Вод, Минска, Москвы, Одессы, Омска, Ростова-на-Дону, Свердловска, Симферополя, Сочи, Сыктывкара, Тбилиси, Тюмени, Хабаровска¹⁶.

Всего, с момента начала работы КПК при МССШТМ и до мая 1992 г., когда школа была преобразована в Могилевский филиал Академии МВД Республики Беларусь, обучение на курсах прошли свыше 8,5 тыс. сотрудников органов внутренних дел на транспорте из разных регионов и республик всего Советского Союза¹⁷. Т.е. школа внесла существенный вклад не только в подготовку сотрудников системы транспортной милиции МВД СССР, но и в поддержание у них в актуальном состоянии необходимых в служебной деятельности знаний, умений и навыков.

© Борисенко В. В., 2023

¹ Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 19 ноября 1968 г. № 903-316 «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» // СПС «Консультант Плюс». М., 2022.

² «Положение о средних специальных учебных заведениях СССР, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 22 января 1969 г. № 65 // Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

³ *Артюшенко Н. Н.* Организационно-правовые аспекты подготовки кадров для органов внутренних дел на железнодорожном транспорте (1948–1991 гг.). Минск, 2015. С. 30.

⁴ Протокол № 1 заседания Педагогического Совета Могилевской специальной средней школы транспортной милиции МВД СССР от 23 сентября 1969 г. // Архив Могилевского института МВД (далее – АМИМВД). Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

⁵ *Кожевина М. А.* История милицейского образования в Советской России: организация и правовое регулирование (1917–1991 гг.). Омск, 2004. С. 187.

⁶ Протокол № 1 заседания Педагогического Совета Могилевской специальной средней школы транспортной милиции МВД СССР от 18 сентября 1972 г. // АМИМВД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 39–40.

⁷ *Кожевина М. А.* История милицейского образования в Советской России: организация и правовое регулирование (1917–1991 гг.). С. 186–187.

⁸ Протокол № 5 заседания Педагогического Совета Могилевской специальной средней школы транспортной милиции МВД СССР от 31 января 1974 г. // АМИМВД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 53, 63.

⁹ Протокол № 8 заседания Педагогического Совета Могилевской специальной средней школы транспортной милиции МВД СССР от 24 февраля 1978 г. // АМИМВД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 120, 122.

¹⁰ *Артюшенко Н. Н.* Организационно-правовые аспекты подготовки кадров для органов внутренних дел на железнодорожном транспорте (1948–1991 гг.). С. 68.

¹¹ Протокол № 1 заседания Педагогического Совета Могилевской специальной средней школы транспортной милиции МВД СССР от 18 сентября 1972 г. // АМИМВД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 39–40.

¹² Протокол № 5 заседания Педагогического Совета Могилевской специальной средней школы транспортной

милиции МВД СССР от 31 января 1974 г. // АМИМВД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 52.

¹³ Приказ начальника Могилевской специальной средней школы транспортной милиции МВД СССР от 13 мая 1974 г. № 91 «О зачислении на курсы повышения квалификации инспекторов уголовного розыска и БХСС органов милиции на воздушном транспорте» // АМИМВД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 109.

¹⁴ Протокол № 3 заседания Педагогического Совета Могилевской специальной средней школы транспортной милиции МВД СССР от 28 ноября 1974 г. // АМИМВД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23. Л. 53 об.

¹⁵ Протокол № 9 заседания Педагогического Совета Могилевской специальной средней школы транспортной милиции МВД СССР от 28 апреля 1989 г. // АМИМВД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 35. Л. 75.

¹⁶ Приказ начальника Могилевской специальной средней школы транспортной милиции МВД СССР от 4 марта 1978 г. № 66 «Об окончании работы курсов повышения квалификации начальников ЛОМ в аэропортах» // АМИМВД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Л. 88–90.

¹⁷ Исторический формуляр. Т. I. Ч. 1. Л. 24–28 // Историко-демонстрационный зал Могилевского института МВД Республики Беларусь. Архивный фонд; Исторический формуляр. Т. II. Ч. 1. Л. 2–28 // Историко-демонстрационный зал Могилевского института МВД Республики Беларусь. Архивный фонд.

Ю. А. Реент*

**АКАДЕМИЯ ФСИН РОССИИ
КАК СОУЧРЕДИТЕЛЬ РЯДА ВУЗОВ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ**

Современная Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России широко известна как кузница кадров для многих правоохранительных структур, в первую очередь – для отечественной пенитенциарной системы. Гораздо меньше известно, что в ее стенах готовили не только многосторонне развитых специалистов, но и формировали коллективы новых учебных заведений. Любопытно, что среди них были как вузы уголовно-исполнительного профиля, так и сугубо милицейские учреждения.

Истоки создания Академии ФСИН России относятся к 1934 г., когда были учреждены Рязанские курсы по переподготовке среднего начальствующего состава милиции. Через год они преобразуются в Рязанскую школу среднего начсостава, затем – в 18-ю Рязанскую школу рабоче-крестьянской милиции. Шло время, неоднократно менялось название учреждения, пока в 1954 году оно не было преобразовано в Рязанскую школу переподготовки начсостава МВД СССР, основным заказчиком которой стали главки, ответственные за исправительно-трудовую систему. С целью совершенствования этой отрасли 29 мая

* *Реент Юрий Арсенович* – профессор кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (Рязань), доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

1970 г. вышло Постановление Совета Министров СССР № 386 «О мероприятиях, связанных с улучшением деятельности исправительно-трудовых учреждений», в котором, среди прочего, предписывалось на базе среднего учебного заведения организовать Рязанскую высшую школу (РВШ) МВД СССР¹.

7 июля 1970 г. был издан приказ МВД СССР № 0381 «Об организации Рязанской высшей школы МВД СССР», согласно которому курсантов и слушателей Рязанской специальной средней школы подготовки начсостава МВД СССР было необходимо передислоцировать для продолжения учебы во вновь сформированную *Уфимскую специальную среднюю школу подготовки начсостава МВД СССР*². Приказом МВД СССР от 22 сентября 1970 г. расположенная в Уфе воспитательно-трудовая колония имени А. М. Матросова была передислоцирована в город Стерлитамак.

На ее базе создана Уфимская ССШПНС МВД СССР. Костяк вновь образованного учебного заведения составили прибывшие 25 июня 1971 г. 206 курсантов Рязанской средней специальной школы подготовки начальствующего состава МВД СССР, окончившие там первый курс. В состав преподавателей и командиров вошли опытные сотрудники Рязанской школы, бывшие работники воспитательной колонии, а также выпускники Московской высшей школы МВД СССР и юридического факультета Башкирского госуниверситета.

По своему профилю школа была призвана готовить в течение двухлетнего срока обучения специалистов со средним юридическим образованием для работы в местах лишения свободы в должностях начальника отряда исправительно-трудовой колонии и воспитателя в воспитательно-трудовой колонии. На учебу принимались отслу-

жившие в армии мужчины, многие из которых уже работали в органах внутренних дел. Первым начальником Уфимской ССШПНС МВД СССР был Закий Кабилович Юнусов.

В начале сентября 1971 г. провели первый набор курсантов (220 человек), а уже на следующий год школа осуществила свой первый выпуск молодых специалистов (203 человека). На основании Постановления Совета Министров СССР от 1 октября 1987 г. № 1107 и приказа МВД СССР от 12 января 1988 г. № 014 создана *Уфимская высшая школа МВД СССР*. Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 мая 1996 г. № 589 и приказом МВД Российской Федерации от 19 июня 1996 г. № 336 она была переименована в *Уфимский юридический институт МВД России*. В настоящее время в состав института входят 4 факультета: подготовки следователей; подготовки сотрудников полиции; профессионального обучения и дополнительного профессионального образования; факультет заочного обучения, а также адъюнктура³.

Следующим учебным заведением милицейского профиля, повысившим свой статус благодаря помощи, оказанной в прошлом РВШ МВД СССР, стала созданная в 1957 году *Барнаульская средняя специальная школа подготовки начсостава МВД СССР*. 7 июня 1994 г. был подписан приказ № 191 МВД РФ об ее преобразовании в *филиал Рязанской высшей школы МВД РФ*. Это не исключало возможность подготовки специалистов не только для ИТУ, но и для подразделений криминальной милиции. Администрация города Барнаула передала на баланс учебному заведению общежитие на 700 мест, помогла в приобретении электронно-вычислительной техники, автотранспорта.

Модернизация образовательного учреждения потребовала колоссальной работы по совершенствованию учебного процесса, укреплению кадров и развитию материально-технической базы. Благодаря рязанским коллегам осваивались разработанные ими учебно-методическая база, основы научно-исследовательской работы, постепенно началось внедрение лучших вузовских традиций. В 1994 г. был образован факультет очного обучения, у истоков его создания стоял полковник внутренней службы Симонов Александр Михайлович. Численность курсантов была доведена до 1000 человек.

В 1993 г. с целью подготовки сотрудников ОВД, имеющих высшее неюридическое образование, в школе были организованы очные шестимесячные курсы. Подготовлено более 2000 специалистов для регионов Западной Сибири. 18 июля 1995 г. приказом МВД России № 274 Рязанская ВШ МВД РФ была реорганизована в институт права и экономики МВД России. Название филиала было приведено в соответствие с названием головного вуза – *Барнаульский филиал Рязанского института права и экономики МВД России*. Осуществлялась подготовка специалистов по программе высшего и среднего профессионального образования по специальности «юриспруденция» и «правоохранительная деятельность». Позже появились специализации: оперативно-розыскная; уголовно-исполнительная; следственная; дознание.

Следующий этап в развитии учебного заведения связан с реорганизацией Барнаульского филиала РИПиЭ МВД России в самостоятельный вуз. 7 апреля 1998 г. Правительство Российской Федерации приняло постановление № 385 «О создании Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации». Сегодня *Барнаульский юридический институт МВД Рос-*

сии занимает достойное место среди высших учебных заведений системы.

Интересна и история становления *Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*. Одним из условий вступления России в Совет Европы стало выведение уголовно-исполнительной системы из подчинения Министерства внутренних дел в гражданское ведомство – Минюст России. К 1995 г. стало ясно, что Рязанский институт права и экономики МВД России станет образовательным учреждением чисто уголовно-исполнительного профиля, а УВД по Рязанской области лишится главного источника кадров. Поэтому при переходе Рязанского института права и экономики из МВД в Минюст, находившийся в его составе спецфакультет 6 августа 1998 г. был преобразован в *факультет Московского института МВД России*.

29 июня 2001 г. он был реорганизован в Рязанский филиал Московского института МВД России, а в 2002 г. вошел в структуру Московского университета МВД. За прошедшие годы филиал зарекомендовал себя как солидное образовательное учреждение. Памятной датой для вуза стало 14 июля 2012 г. В этот день впервые выпуск слушателей 5 курса Рязанского филиала Московского университета МВД России состоялся на Красной площади Москвы. *Рязанский филиал Московского университета МВД России* прочно занял свое место в числе правоохранительных вузов Российской Федерации, является крупным учебным и научным центром, подготовившим сотни высококлассных специалистов, внесших достойный вклад в дело борьбы с преступностью.

Помимо названных выше, целый ряд пенитенциарных вузов был сформирован на базе Рязанской высшей школы МВД России – Академии ФСИН России. Так,

30 декабря 1994 г. в соответствии с приказом МВД России № 441 был создан *Владимирский филиал Рязанского института права и экономики МВД России*. 18 июля 1996 года Постановлением Правительства РФ он преобразован во *Владимирский юридический институт МВД России*. 12 мая 1997 г. произошла реорганизация Вологодской специальной школы подготовки начальствующего состава МВД России в *Вологодский филиал Рязанского института права и экономики МВД России*. 17 декабря 1999 г. появился новый самостоятельный вуз – *Вологодский институт права и экономики Минюста России*.

1 июля 1999 г. был создан Кировский филиал Рязанского института права и экономики Минюста России. В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2013 г. № 257-р он преобразован в *Кировский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний*. По аналогичной схеме *Томская школа усовершенствования начальствующего состава лесных ИТУ* в 1999 г. передана из МВД в ведение Минюста РФ, в качестве филиала Рязанского института права и экономики. В 2007 г. была осуществлена его реорганизация в *Кузбасский институт ФСИН России*⁴.

Основная сфера деятельности Академии ФСИН России определялась задачами комплектования уголовно-исполнительных учреждений квалифицированными кадрами, но большое число работников милиции, налоговой системы, суда, прокуратуры по праву называют наш вуз своей *alma mater*. Пройден немалый путь. Важно осознавать, что прошлое забывать нельзя, это – коллективная память, включающая знания, навыки и лучшие традиции, которые нужно пронести через годы и сохранить для следующих поколений.

¹ *Академия ФСИН России: история и современность.* Рязань: Академия ФСИН России, 2014. С. 21–22, 29.

² *Исторический формуляр Академии ФСИН России / Авт.-сост. Ю. А. Реент [и др.]; под общ. ред. А. А. Крымова.* Рязань, 2014. С. 41.

³ *Филиалы Академии ФСИН России // Академия ФСИН России: история и современность.* С. 448–449.

⁴ *Реент Ю. А. Кузница кадров // Службы и учреждения Министерства юстиции: история и современность.* М., 2014. С. 156–157.

С. В. Ханин*

**ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ
СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К РЕАЛИЗАЦИИ
ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОЛИЦИИ
И НАСЕЛЕНИЯ КАК ВАЖНОМ УСЛОВИИ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ (К 10-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ
«ПАРТНЕРСТВО ПОЛИЦИИ И ОБЩЕСТВА»
В НИЖЕГОРОДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ)**

Принятие Федерального закона «О полиции»¹, а затем вступление в силу Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка»² создали основу для реформирования взаимоотношений полиции с институтами гражданского общества в решении такой важной проблемы как обеспечение общественной безопасности. Это определило задачу акцентирования внимания на формировании у курсантов – будущих профессионалов навыков и умения устанавливать коридор взаимодействия с населением на основах партнерства, быть убедительным и вселять доверие у граждан, наличия творческой и инновационной активности, добропорядочности, открытости и социальной ответственности.

* Ханин Сергей Владимирович – доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России; доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Волго-Вятского филиала Московского технического университета связи и информатики (Нижний Новгород), кандидат исторических наук, доцент.

Решение этих и других актуальных проблем в подготовке специалистов определили целесообразность создания на кафедре Теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России исследовательской группы «Партнерства полиции и общества». Были определены цели и основные направления деятельности группы, результаты которых будут выступать в качестве мотивационной основы в организации партнерских отношений с населением, умения осуществлять поиск новых «современных» методов работы, повышающих привлекательность и созидательность партнерства, так необходимого в обеспечении охраны порядка в общественных местах и на улице. Среди направлений деятельности данной группы наиболее важными явились научная работа, информационно – пропагандистская, организационно – методическая и профориентационная, способствующие развитию у курсантов навыков исследовательской работы, использования ее результатов в своей будущей практической деятельности в организации социального партнерства с населением

За время существования группы было подготовлено 8 научных работ, которые были отмечены дипломами и грамотами по итогам различных по статусу конкурсов студенческих работ, а также, более 30 статей и научно-исследовательских сообщений, часть из которых были представлены на международных и межвузовских научно-практических конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых; межвузовских научных семинарах и опубликованы в научных сборниках. Осуществление подготовки научных работ по заявленной тематике в группе способствовало не только изучению и обобщению организационно – правового опыта, форм и методов развития взаимодействия милиции – полиции и общества на раз-

личных этапах государственности, но и выявлению особенностей и противоречий в реализации этого взаимодействия в сравнении с деятельностью полиции западноевропейских государств. Так, изучение деятельности сотрудников полиции России в условиях становления и развития демократии, особенностей технологии и методов развития партнерства полиции и граждан России, определило необходимость исключения такой ситуации, когда граждане испытывают чувства отчужденности, неудовлетворенности от участия в партнерстве, вызванных уровнем бюрократизации и организационных начал, не соответствующих массовым представлениям о партнерстве. Результат научной деятельности курсантов в группе: 7 человек из состава группы стали адъюнктами, а трое из них уже преподают в академии.

Межвузовские конференции, проведенные как на базе Нижегородской академии, так и за ее пределами стали важной площадкой для всестороннего обсуждения проблем готовности к формированию положительного имиджа полиции, доверия к сотруднику полиции, выступающих базовыми критериями в организации партнерских отношений полиции и граждан. В рамках этих встреч осуществляется диалог курсантов со студенческой молодежью города о готовности молодежи к взаимодействию с сотрудниками полиции; обсуждаются новые спецпроекты, технологии, основанные на сознательном восприятии присутствующими правовых знаний, установок на развитие методов и форм социального партнерства, расширения представлений об организации партнерства полиции и общества. Так, при подготовке к проведению межвузовского научно-практического семинара студентов, курсантов и молодых ученых на тему: «Партнёрство полиции, гражданского общества и молодежи в обеспечении обще-

ственной безопасности» на базе Нижегородской академии МВД со студентами, представителями трех вузов Нижнего Новгорода, была проведена большая организационная работа. Студентами университета связи и информатики на центральной улице Нижнего Новгорода с жителями и гостями города был проведен видеопрос о качестве безопасности на улицах города. По итогам социально-значимого проекта был подготовлен видеофильм «Безопасный Нижний». Просмотр фильма вызвал положительную реакцию участников семинара. Выступления студентов и курсантов свидетельствовали о глубокой озабоченности качеством безопасности и ее перспективах. По итогам семинара был издан сборник научных статей³.

На межвузовской студенческой конференции, посвященной 300-летию образования российской регулярной полиции, проведенной на базе нашей академии, одной из центральных проблем являлась проблема использования исторического опыта становления и развития системы взаимодействия полиции и населения в России.

Особое внимание в деятельности исследовательской группы уделяется совершенствованию организационного ресурса. Так, была организована встреча с победителем Всероссийского конкурса «Народный участковый», занявшего второе место по итогам 2014 г., майором полиции Александром Пасякиным (Арзамас). Акцент его выступления был сделан на технологии формирования доверия среди населения к сотрудникам полиции, развития качеств, необходимых на службе и чувства уверенности в себе. Общение с профессионалом убеждало, что общество является важнейшим ресурсом и партнером полиции в борьбе с преступностью

Активное сотрудничество с Нижегородской общественной организацией «Юристы за верховенство закона»

способствует реализации желания курсантов проверить себя, свою готовность быть полезным обществу. Так, при проведении встреч на базе областной детской библиотеки с воспитанниками детских домов, учащимися школ, совместно с общественной организацией были разработаны и изданы памятки-буклеты, используемые в качестве раздаточного материала. Диапазон тем общения включает злободневные проблемы сегодняшнего дня: о мошенничестве, о противодействии алкоголизации и употребления наркотических средств несовершеннолетними; об угрозах терроризма и, о силе ДОБРА. Совместно с сотрудниками соцзащиты города Бор Нижегородской области проведены встречи с пенсионерами на тему «Формы и виды мошенничества в современных условиях». В рамках фестиваля «О спорт, ты – мир» было организовано выступление курсантов перед студентами училища Олимпийского резерва, направленное на готовность противодействовать негативным проявлениям такой молодежной субкультуре как АУЕ, профилактике экстремизма. Эти и другие мероприятия свидетельствовали о востребованности информации со стороны граждан, формирующей у них бдительность, умение реагировать на угрозы со стороны криминальных элементов, способствовали укреплению доверия к полиции и уверенности в ее профессионализме, а детдомовцы заражались мечтой о службе в полиции.

В деятельности исследовательской группы активно используются информационные технологии. Так, в Интернете создан сайт группы https://vk.com/vmeste_s_mvd, где размещены видеофильмы, подготовленные членами группы. В них внимание зрителя концентрируется на объективной необходимости и значении партнерских отношений в деле укрепления общественной безопасности в современных условиях. В период проведения Чемпионата

мира по футболу были разработаны материалы и видеofilмы по теме: «Как уберечь детей от игр смерти»; «Футбольные фанаты», «Поколение жесть». В условиях проведения СВО на Украине курсантами – участниками исследовательской группы внимание сосредоточено на организации деятельности сотрудников полиции в оказании помощи в обеспечении общественного порядка в Луганской и Донецкой народных республиках. Материалы доступны для всех, они обновляются. Так, видеоматериалы, подготовленные членами исследовательской группы, активно используются членам педагогических отрядов, созданных в курсантских подразделениях; в подготовке материалов для выступления перед учащимися школ города в рамках профориентационной работы. Особый интерес к сайту проявляется со стороны слушателей заочной формы обучения, позволяющий использовать им данные материалы в своей практической деятельности. Количество посещаемости сайта растет.

Результаты деятельности исследовательской группы вселяют уверенность, что предпринимаемые усилия будут способствовать развитию у курсантов навыков, необходимых в службе, организации партнерства с обществом в обеспечении общественной безопасности.

© Ханин С. В., 2023

¹ Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 6 февраля 2023 года) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 7. Ст. 900; 2023. № 6. Ст. 921.

² Федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 года) «Об участии граждан в охране общественного порядка» // СЗ РФ. 2014. № 14. С. 1536; 2022. № 27. Ст. 4620.

³ *Партнерство* полиции, гражданского общества и молодежи в обеспечении общественной безопасности: Сборник статей

по материалам межвузовского научно-практического семинара студентов, курсантов и молодых ученых. Нижний Новгород, 2014.

Раздел XXII

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МВД РОССИИ: 25 ЛЕТ НА ПЕРЕДОВОЙ
ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ**

*С. М. Прокофьева**

**РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Человеческий фактор играет большое значение в любой сфере жизни общества, в том числе и в юриспруденции. От профессионального мастерства сотрудников органов внутренних дел зависит безопасность граждан и правопорядок в целом. Однако профессиональное мастер-

* *Прокофьева Светлана Михайловна* – профессор кафедры уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор.

ство проявляется не только в знании законов и умении применять их на практике, но и в наличии определенного правосознания, благодаря которому граждане страны чувствуют себя защищенными, считают правосудие справедливым, а законы – реально действующими.

Профессиональное правосознание сотрудника органов внутренних дел формируется в процессе получения юридического образования. Вот почему крайне важно, чтобы во время обучения в высших учебных заведениях МВД России вопросам правосознания уделялось большое внимание. Огромное значение в решении этой задачи играет распространение идей гуманизма. В юриспруденции реализация идей гуманизма имеет некоторую специфику, которая заключается в требовании уважения человеческой личности; соблюдения и защиты ее прав, свобод и законных интересов, неприкосновенности личности, жилища и тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

На наш взгляд, для формирования профессионального правосознания необходимо выработать гуманистическое мировоззрение у лиц, работающих в правоохранительных органах. Необходимость наличия гуманистического мировоззрения у сотрудников правоохранительных органов обуславливается тем, что соответствующие лица наделены государством властными полномочиями, они решают судьбы людей, и без их личного участия даже самые гуманные законы не будут действовать. Так, за 10 месяцев 2022 г. правоохранительными органами было раскрыто 875,6 тыс. преступлений, из них по 80,1 % уголовных дел были предварительно расследованы сотрудниками органов внутренних дел¹. Эти цифры свидетельствуют о том, что сотрудники органов внутренних дел являются основной силой в борьбе с преступностью, и от

уровня их профессионального правосознания зависит решение всех задач, поставленных перед ними государством.

Государство предъявляет к сотрудникам правоохранительных органов высокие нравственные требования. Им должны быть присущи такие качества, как доброжелательность, справедливость, великодушие, моральная устойчивость, активная жизненная позиция, чуткость, сострадание, уважение человеческого достоинства в себе и других людях. Отсутствие же гуманистического мировоззрения влечет за собой проявление таких отрицательных качеств, как грубость, допущение волокиты по вопросам, решение которых от них зависит, вплоть до совершения должностных преступлений, что вызывает недовольство у граждан нашей страны. По данному поводу правильно пишет Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Владимир Колокольцев, подчеркивая, что заслужить доверие населения не просто, «для этого недостаточно быть честным и преданным избранной профессии. Нужно сопереживать людям, неформально, с душой подходить к делу»².

Некоторые авторы справедливо указывают на недостаточность внимания к вопросам воспитания высоких нравственных качеств у курсантов и слушателей юридических вузов МВД России (А. М. Осинцева, Н. В. Ерощенко, В. Н. Рыбаков и другие)³. Действительно, само по себе знание законов не определяет наличие убеждений и навыков правомерного поведения. Уважение к правам других лиц необходимо активно воспитывать.

Однако юридические вузы МВД России вносят большой вклад в формирование гуманистического мировоззрения у сотрудников правоохранительных органов, осу-

ществляя политику, направленную на гуманитаризацию юридического образования. Гуманитаризация образования – это не только и не столько увеличение часов на предметы гуманитарного цикла, но и развитие у обучаемых всех семи форм общественного сознания: политического, правового, этического (морального), религиозного, научного, эстетического (художественного) и философского⁴. В немалой степени этому способствует изучение таких дисциплин, как философия, культурология, конфликтология, профессиональная этика, обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел, психология в деятельности ОВД и другие.

Основными формами обучения являются лекции, семинары и практические занятия. Указанные формы выработаны на протяжении веков и являются оптимальными для подготовки специалистов любой профессии. Они способствуют формированию у курсантов и слушателей необходимых знаний, умений и навыков. Однако в настоящее время все активней используются такие формы обучения, как диспуты, конференции, практикумы, турниры, встречи со специалистами и другие, которые способствуют эффективному становлению правовой и общей культуры курсантов и слушателей.

На наш взгляд, для решения рассматриваемой проблемы в процессе обучения необходимо чаще использовать такие приемы, как изучение и анализ положительных и отрицательных аспектов профессиональной культуры юриста и причин, которые их порождают; исследовать причины ухудшения или улучшения отношения населения к правоохранительным органам; обсуждать роль и значение мер поощрения, наказания и предупреждения в правоохранительной деятельности, и т. п. Посредством применения указанных приемов в обучении будет усиливать-

ся акцент на активных формах проведения занятий, которые способствуют не только индивидуальному, но и групповому (коллективному) изучению и усвоению учебных вопросов путем живого обмена мнениями между обучаемыми и преподавателем, что приводит к правильному пониманию существующих проблем и эффективному их решению.

В Санкт-Петербургском университете МВД России формирование профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел осуществляется на очень высоком уровне. Здесь проведен ряд мероприятий, направленных на гуманитаризацию системы обучения и воспитания курсантов и слушателей.

В первую очередь, в учебные программы и учебно-методические планы вуза внесены соответствующие изменения, нацеленные на усвоение гуманистических терминов и понятий. Так, при изучении курса «Уголовный процесс» особое внимание уделяется вопросам, связанным с формированием гуманистических понятий, например: определяется значение уголовно-процессуального права для всестороннего развития личности; изучаются пути и способы реализации гуманистических ценностей в уголовно-процессуальной деятельности, история становления доказательств и методов их собирания с точки зрения развития мировой цивилизации, анализируются нравственные начала уголовного судопроизводства и т. д.

Во-вторых, в процессе подготовки сотрудников органов внутренних дел в Санкт-Петербургском университете МВД России обеспечивается органичное единство изучения общих и специальных дисциплин. При этом избегаются две крайности: как излишнее увлечение общими гуманитарными, социально-экономическими и общепрофесси-

ональными дисциплинами, так и специальными дисциплинами, потому что в первом случае выпускники приобретают лишь самые общие знания, не позволяющие им профессионально работать, а во втором – становятся специалистами слишком узкого профиля без необходимых на сегодняшний день знаний по теории права и государства, философии, логике и т. п.

В-третьих, для подготовки профессиональных специалистов, которые обладают хорошо закрепленными навыками и умеют быстро и правильно их применять, лекциям отводится не более одной трети времени аудиторных занятий, остальные часы посвящены семинарским и практическим занятиям.

При этом отдается предпочтение не воспроизведению преподаваемых знаний, а творческому применению их в практической деятельности: на занятиях осуществляется живое обсуждение законодательных норм, проводятся деловые игры, разрабатываются варианты конструктивного разрешения конфликтных ситуаций, моделируются различные юридические действия. Во время обучения делается упор на развитие творческого начала в курсантах и слушателях, например, через самостоятельное составление фабулы уголовного дела, казусов; выявление неурегулированных законодательством вопросов, разыгрывание следственных действий (опознание, очная ставка, допрос и другие). Как правило, подобные задания вызывают у курсантов и слушателей самый живой интерес и активизируют их индивидуальные способности.

В-четвертых, в Санкт-Петербургском университете МВД России во время обучения уделяется большое внимание проблемам формирования у курсантов и слушателей нравственных качеств: беспристрастность, бескорыстие, честность, принципиальность, требовательность к себе,

порядочность, добросовестность в исполнении профессиональных обязанностей и т. п.

Таким образом, Санкт-Петербургский университет МВД России вносит весомый вклад в дело построения правового государства в нашей стране, в формирование профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов. Только благодаря целенаправленному обучению и воспитанию юридические знания, формируемые у курсантов и слушателей, превращаются в нравственные качества, присущие человеческой личности, а также в устойчивые навыки ее правомерного поведения.

© Прокофьева С. М., 2023

¹ *Пресс-центр МВД России.* МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности Российской Федерации за 10 месяцев 2022 года. – <http://mvdmedia.ru> (дата обращения: 06.02.2023).

² *Пресс-центр МВД России.* Владимир Колокольцев поздравил участковых уполномоченных полиции с профессиональным праздником. – <http://mvdmedia.ru> (дата обращения: 04.02.2023).

³ *Осинцева Л. М.* Нравственное воспитание курсантов вузов МВД России. – <http://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴ *Задорнов А. Н.* Взаимодействие форм общественного сознания как фактор духовной целостности человека. – <http://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 07.02.2023).

*Н. А. Беломытцева**

**ВКЛАД ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ
ВЫПУСКНИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ**

Обучение иностранным языкам в образовательных организациях высшего образования неязыкового профиля изначально имеет профессиональную направленность. В то время, как в общеобразовательных школах иностранные языки изучаются как средство общей коммуникации, целью дальнейшего их изучения в высшей школе является обеспечение практических (деловых) профессионально-коммуникативных потребностей будущих квалифицированных специалистов в разных областях. Не являются исключением и образовательные организации высшего образования системы МВД России, в частности, Санкт-Петербургский университет, где изучаются иностранные языки (английский, немецкий и французский) в юридической / правовой, экономической, информационно-технической, психолого-педагогической сферах деятельности сотрудников органов внутренних дел. Именно так иноязычное образование (обучение, воспитание и развитие средствами иностранного языка¹) вносит свой вклад в юридическое образование выпускника.

Темы юридической направленности есть в тематических планах всех рабочих программ дисциплины «Ино-

* *Беломытцева Наталья Анатольевна* – заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

странный язык», однако в наибольшей степени юридическая тематика представлена в программах по направлениям подготовки 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 Правоохранительная деятельность, 40.05.03 Судебная экспертиза, 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка. Всё содержание обучения языкам по этим направлениям сформировано на учебных материалах, имеющих юридическую направленность. Тематические планы включают такие темы, как «Государственное устройство Российской Федерации и стран изучаемого языка», «Судебная система и система уголовного правосудия России и стран изучаемого языка», «Уголовный кодекс. Классификация преступлений. Типы преступлений», «Расследование преступлений. Этапы расследования», «Осмотр места происшествия», «Охрана общественного порядка и обеспечение безопасности в период проведения массовых международных мероприятий» и другие. Обучающиеся по направлению подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка (бакалавриат), изучающие основной курс иностранного языка один год, продолжают и углубляют изучение на втором курсе в рамках спецкурса – факультатива «Иноязычная деловая коммуникация». Как понятно из названия, спецкурс включает тематику профессионального общения сотрудников органов внутренних дел с иностранными гражданами. Весь учебный материал, приёмы и средства обучения (учебники и учебные пособия, ролевые игры и симуляции, мультимедийные презентации, материалы российских и зарубежных Интернет-ресурсов по теме) способствуют формированию и развитию профессионально-лингвистической и профессионально-коммуникативной иноязычных компетенций обучающегося в юридической сфере².

Важную роль играет укрепление междисциплинарных связей. Исторически сложилось, что основной акцент в содержании обучения иностранным языкам делается на изучении различных аспектов деятельности полиции зарубежных стран. Объясняется это, с одной стороны, опорой на аутентичные источники информации, высокой наглядностью предлагаемого языкового и фактического материала, с другой – недостаточностью сведений, имеющих непосредственное отношение к реальной профессиональной деятельности российской полиции. Надежным источником такой информации является более тесное сотрудничество с кафедрами профессионального блока. Подобное междисциплинарное взаимодействие призвано решать задачу формирования комплекса учебно-методических материалов, способствующих активизации языковой и узкоспециальной подготовки в их неразрывной связи (содержательная сторона, терминологический минимум по специальности, примеры коммуникативных ситуаций и т. д.). По мере накопления материала этот комплекс используется при планировании для определения тематики модулей и тем внутри них, что позволяет смещать акцент в сторону приближения учебного материала к будущей профессиональной деятельности обучающихся. Кроме того, междисциплинарное сотрудничество в форме заказов со стороны специальных кафедр на перевод или реферирование материалов по интересующей их тематике позволяет заложить основы формирования банка тем для профессионально ориентированных переводов и рефератов, выполняемых курсантами как в рамках научно-исследовательской деятельности, так и в качестве одной из возможных форм текущего и промежуточного контроля³.

При выполнении курсантами научно-исследовательских работ в форме научного перевода, аналитического обзора или реферата по зарубежным источникам также используются аутентичные иноязычные материалы профессиональной (юридической) направленности. Важно при этом правильно подобрать тексты на иностранном языке: их тематика должна соответствовать профессиональным интересам обучающегося, быть полезной для его дальнейшей научной деятельности, написания курсовой работы, реферата, статьи или доклада на конференции. Реализуя принцип связи обучения с жизнью и связи учебного материала с практикой, этот вид деятельности развивает познавательно-информационную и профессиональную компетенции обучающихся, обогащает процесс их юридического образования⁴.

В структуре иноязычного образования особую роль играет воспитательный компонент, важность которого проявилась в принятии Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся», а также Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Во многих своих аспектах воспитательный компонент иноязычного образования в образовательных организациях высшего образования системы МВД России также имеет профессиональную направленность. Так, например, этническая толерантность может проявляться в различных критических ситуациях, а в работе офицера полиции таких ситуаций больше, чем в жизни обычных граждан, особенно в период проведения в Санкт-Петербурге крупных международных

мероприятий. В связи с этим в образовательный процесс включаются элементы поликультурности: формирование у курсантов представлений о многообразии культур в России и мире; воспитание положительного отношения к культурным различиям; формирование умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур; воспитание в духе мира и терпимости; воспитание культуры межнационального общения, толерантности и гуманизма⁵. Такой подход способствует развитию межличностных, межкультурных и социальных компетенций будущих юристов.

Еще одним важным аспектом, связанным с практической направленностью воспитательной работы, являются беседы и мероприятия с курсантами, направленные на развитие чувства патриотизма, уважения к выбранной профессии, чувства гордости от причастности к кругу представителей жизненно важных профессий; обсуждение специфики работы офицера полиции в плане необходимости уважительного и корректного общения с гражданами, беспристрастности, формирования положительного имиджа полиции в обществе⁶.

В заключение необходимо отметить, что в соответствии с учебными планами дисциплина «Иностранный язык» изучается на первом и втором курсах, поэтому обучающиеся нередко получают первые представления о тех или иных фактах юридической направленности на занятиях по иностранному языку раньше, чем они начинают изучать дисциплины по своей специальности. Это не только налагает определённую ответственность на преподавателей иностранных языков в плане подбора аутентичных иноязычных материалов юридической тематики для подготовки занятий, написания учебников и учебных пособий, но и даёт преподавателям импульс развития как

в области лингвистики и дидактики, так и в вопросах будущей профессиональной деятельности обучающихся, что, несомненно, способствует достижению юридической образованности последних.

© Беломытцева Н. А., 2023

¹ *Беломытцева Н. А.* Оптимизация системы обучения иностранному языку курсантов вузов МВД (на примере преподавания французского языка): Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2003. С. 17.

² *Jean-Marc Mangiante et Chantal Parpette* Le Français sur Objectif Spécifique: de l'analyse des besoins à l'élaboration d'un cours. Paris, 2004. P. 52–55.

³ *Беломытцева Н. А.* Обучение иностранным языкам в Санкт-Петербургском университете МВД России в условиях реформы высшего образования // Иностранные языки в экономических вузах России: Всероссийский научно-информационный альманах, Санкт-Петербург, 19–20 января 2010 года. Т. 9. СПб., 2010. С. 84–88. EDN OVFPXV; *Шарая В. В., Беломытцева Н. А.* Английский язык для профессиональных целей: исторический и современный аспекты // Теория и практика иноязычного обучения в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии: Сборник научных статей Межвузовского научно-практического семинара, Санкт-Петербург, 20 апреля 2022 года. СПб., 2022. С. 124–128. EDN ASPHUQ.

⁴ *Беломытцева Н. А.* Французский язык и французская культура в советской России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): Материалы XIX международной научно-теоретической конференции: В 2 ч., Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года. Ч. 1. СПб., 2022. С. 1933–1942. EDN SAIVGT.

⁵ *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008. С. 18–25.

⁶ *Беломытцева Н. А.* Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку в образовательных организациях системы МВД России: современный аспект // Профессионально-ориентированная языковая подготовка: теория и практика: Сборник тезисов всероссийской научно-

практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля
2021 года. СПб., 2021. С. 42–45. EDN LJJQZM.

Л. В. Каверина*

А. А. Малофеев**

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Становление и развитие редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России проходило в 1990–2000 гг. в русле формирования вузовского книгоиздания Министерства внутренних дел Российской Федерации в целом и было связано, как отмечает Б. А. Шураев, «с проведением реформ в нашей стране, решением сложных проблем адаптации вузовской издательской практики к новым условиям»¹, которые проходили в условиях ограниченного бюджетного финансирования высшей школы в 1990-х годах и общего спада учебного книгоиздания.

Совершенствование системы ведомственного вузовского книгоиздания было непосредственно связано с реформой высшей школы, введением новых учебных дисциплин, специальностей, специализаций, предоставлением вузам МВД России права оказывать платные образова-

* *Каверина Лариса Викторовна* – главный редактор редакции журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» и газеты «На страже закона» редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат филологических наук.

** *Малофеев Андрей Александрович* – начальник редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

тельные услуги и обусловлено требованиями к подготовке специалистов, приведением объемов и содержания вузовской печатной продукции в соответствие с реальными потребностями и задачами, стоящими перед МВД России. Исследователи указывают, что в руководящих документах того времени были регламентированы планирование, подготовка и выпуск научной и учебной литературы, порядок работы редакционно-издательских отделов вузов, сформулированы требования к качеству, оформлению и тиражированию рукописей². Для вузов МВД России определялся перечень видов изданий, которые они могли выпускать самостоятельно.

В этих условиях для обеспечения образовательного процесса возникла необходимость оперативного издания учебной и учебно-методической литературы, что обусловило создание новых специализированных подразделений – редакционно-издательских отделов и отделений, образовавших современную систему ведомственного книгоиздания. Начальный период вузовского книгоиздания системы МВД России характеризуется разработкой ведомственных нормативных актов, регламентирующих редакционно-издательскую деятельность, подготовкой профессиональных кадров, формированием собственной полиграфической базы, налаживанием координации и взаимодействия между издающими подразделениями образовательных организаций МВД России.

В структуре Санкт-Петербургского университета МВД России в 1998-1999 гг. редакционно-издательское подразделение функционировало в качестве составной части отдела научно-исследовательской и редакционно-издательской деятельности³. Начиная с 2000 г. – это уже самостоятельное подразделение Университета. За этот период руководство отделом осуществляли Д. И. Игнатенко

(2000–2006), А. А. Удальцов (2006–2015). С 2015 г. отдел возглавляет кандидат юридических наук, подполковник полиции Андрей Александрович Малофеев. Отдел объединяет редакторское отделение, отделение полиграфической и оперативной печати, редакцию научно-теоретического журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» и газеты «На страже закона».

Основные задачи редакционно-издательской деятельности сосредоточены в области обеспечения образовательного процесса и развития университетской науки учебной, методической, научной и справочной литературой. Кроме того, на отдел возложена ответственность за выпуск методических изданий для организации несения службы сотрудниками органов внутренних дел в усиленном режиме при проведении в Санкт-Петербурге крупных международных мероприятий.

Цель работы сотрудников как редакторского отделения, так и отделения полиграфической и оперативной печати – обеспечение высокого качественного уровня предпечатной подготовки авторских рукописей, их дизайнерского оформления и полиграфического исполнения. Творческий подход каждого сотрудника к своей области издательского процесса в немалой степени способствует достижению этой цели, о чем свидетельствует высокая оценка университетских изданий, получивших гриф МВД России и отмеченных на книжных выставках российского и международного уровня.

Усилиями руководства отдела сформировано устойчивое ядро высококлассных специалистов, профессионалов своего дела, проведена модернизация полиграфического оборудования, что способствует повышению как содержательного уровня, так и дизайнерско-полиграфического исполнения выпускаемых изданий. В

последние годы в издательский процесс активно вводятся возможности IT-технологий: использование «дополненной реальности» (AR-технологии), которая позволяет наполнить печатные учебные издания интерактивными элементами (видео, аудио, 3D-модели, слайд-шоу, интерактивные ссылки), что значительно повышает эффективность их применения в образовательном процессе.

Редакционно-издательский отдел всегда был в авангарде издательского дела в системе МВД России. Отдел явился инициатором комплекса мероприятий по вопросам развития редакционно-издательской деятельности в ведомственных образовательных организациях. Так, с 2018 г. в Университете проводится регулярный научный форум, ставший авторитетной дискуссионной площадкой в издательском сообществе МВД России, с 2022 г. – новый конкурс «Развитие и совершенствование ведомственного издательского дела: взгляд в будущее», цель которого – совершенствование и распространение издательской практики, поиск нешаблонных художественных приемов, эффективных технологических, конструктивных и инновационных решений в книжном деле, а также выявление и популяризация лучших ведомственных учебных и научных изданий⁴. На конкурсе были представлены лучшие образцы ведомственной книжной продукции и электронных изданий. Электронные издания Университета были отмечены дипломом I степени.

Достижения современных технологий активно внедряются редакцией журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» и газеты «На страже закона». В 2019 г. осуществлен перевод деятельности в систему «Электронная редакция», обладающую широкими функциональными возможностями для авторов и сотрудников. Активно развиваются сайты изданий⁵.

Популярность научно-теоретического журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» подтверждается публикациями результатов фундаментальных и прикладных исследований в сфере юридической, педагогической и психологической отраслей науки.

Об авторитетности журнала свидетельствует научный уровень и широкий круг авторского состава – академики и члены-корреспонденты российских и зарубежных академий, доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, руководящий состав Министерства внутренних дел Российской Федерации и образовательных организаций МВД России, практические работники правоохранительных органов.

Результатом деятельности сотрудников редакции, авторов, членов редколлегии стали высокие показатели журнала в базе Российского индекса научного цитирования за 2022 год (22 место по юридическим наукам, 11 – по педагогическим и 9 – по психологическим). Кроме этого, в 2022 г. по коэффициенту научной значимости Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» отнесен к категории К1. В целях развития издания и расширения читательской аудитории в 2023 г. журнал переведен в статус электронного сетевого издания.

Значительный опыт сотрудников редакции позволил в 2021 г. выступить с инициативой учреждения еще одного научного издания – «Российского девиантологического журнала». Идея создания такого журнала, который объединит исследователей в области девиантологии из разных областей знаний, была продиктована многолетними разработками ученых Университета в этом направлении и востребованностью результатов исследований в научном

сообществе. Высокие издательские стандарты, привлечение к сотрудничеству ведущих авторов и членов редколлегии позволили журналу сразу стать заметным явлением среди периодических изданий.

Помимо двух научных журналов сотрудники редакции обеспечивают подготовку и выпуск университетской газеты «На страже закона», главной задачей которой является освещение всех важнейших мероприятий, проводимых в Университете и за его пределами с участием личного состава. Кроме того, газетные публикации отражают проблемы и достижения образовательного и воспитательного процесса, профессиональной подготовки и материально-технического обеспечения.

Редакционно-издательский отдел на собственной полиграфической базе осуществляет изготовление информационных стендов различной тематики для оформления Университета, а также плакатов, баннеров, буклетов для проведения представительских мероприятий.

За годы существования Санкт-Петербургского университета МВД России вузовское книгоиздание обрело четкие формы. Многогранная творческая и слаженная деятельность редакционно-издательского отдела, построенная с учетом преемственности и традиций в сочетании с новейшими подходами и технологиями, определяет его активное участие в жизни Университета, позволяет решать все поставленные перед отделом задачи.

© Каверина Л. В., Малофеев А. А., 2023

¹ Шураев Б. А. Книгоиздание в вузах МВД России (90-е гг. XX – начало XXI вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 115.

² Шураев Б. А. Издательская деятельность вузов Министерства внутренних дел России в конце XX – начале XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007. С. 15.

³ Иванов В. А., Сидоренко В. П. Санкт-Петербургский

юридический институт МВД России (1992–1996 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 2(38). С. 22–32.

⁴ Каверина Л. В., Малофеев А. А. 1) Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России (обзор материалов внутриведомственной научно-практической конференции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 215–225. DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-215-225; 2) Актуальные вопросы редакционно-издательской, научной и учебно-методической деятельности образовательных и научных организаций МВД России (обзор материалов внутриведомственной научно-практической конференции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2(98). С. 236–250. DOI 10.35750/2071-8284-2023-2-236-250.

⁵ Каверина Л. В. 1) Новая модель редакционной политики журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» // Петербургские пенитенциарные конференции: Материалы конференций. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 года: В 4 т. Т. IV. СПб., 2021. С. 178–181; 2) Управление научным журналом университета с помощью электронной редакции // Актуальные проблемы и тенденции развития научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях МВД России: Сборник статей по итогам внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года / Сост.: А. А. Жаворонкова, О. И. Городовая. СПб., 2022. С. 144–148.

А. П. Стоцкий*

**ШКОЛА, УЧИЛИЩЕ, УНИВЕРСИТЕТ:
ИСТОРИЯ ЗДАНИЙ ПО АДРЕСУ:
САНКТ-ПЕТРБУРГ, 4-Я ЛИНИЯ
ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА, ДОМ 43**

История ведомственного образования в органах внутренних дел в Санкт-Петербурге насчитывает более 120 лет¹, в течение которых менялись названия, формы и методы работы образовательных учреждений².

Одним из ключевых ведомственных вузов в современной России является Санкт-Петербургский университет МВД России, ставший преемником своих предшественников как по праву, так и с точки зрения методики подготовки сотрудников органов внутренних дел. Так исторически сложилось, что в структуру Университета были постепенно включены ряд самостоятельных учебных заведений, размещавшихся в разных частях города. Одним из таких является комплекс зданий по адресу: Санкт-Петербург, 4-я линия Васильевского острова, дом 43. В течение более 100 лет они служили в образовательных целях (гимназия, курсы, школа, училище, университет). В настоящее время курсанты Санкт-Петербургского университета МВД России обучаются в аудиториях этих зданий, сохранивших до наших дней ряд исторических свидетельств.

* *Стоцкий Александр Петрович* – начальник экспозиции (постоянно действующей) Культурного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат юридических наук, доцент.

В середине XIX в. на участке дома 43 по 4-й линии Васильевского острова стояли деревянные и каменные флигели. В 1880-х годах и до 1895 г. участком владел Дмитрий Александрович Ровинский – известный действительный тайный советник, один из главных разработчиков судебной реформы 1860-х годов, исследователь русского искусства и сенатор³. Дмитрий Александрович в своих работах часто касался образа будущего судьи и выражал его следующими словами: «Быть прежде всего людьми, а не чиновниками; служить делу, а не лицам; опираться на закон, но объясняя его разумно, с целью сделать добро и принести пользу и домогаться одной награды – доброго мнения общества...»⁴.

Огромный вклад в искусствоведение внесли его работы четырехтомный «Подробный словарь русских гравированных портретов» и двухтомный «Подробный словарь русских граверов».

По воспоминаниям Анатолия Федоровича Кони, «для людей своего круга Д. А. Ровинский жил очень скромно»⁵.

Позже участок земли выкупил Альфонс Францевич Фельтон, владелец эстампного магазина в Санкт-Петербурге и представитель известного рода архитекторов и строителей города⁶. В 1905 г. по заказу Альфонса Францевича и по проекту архитектора Густава Густавовича фон Голи (автора многочисленных доходных домов и храмовых сооружений) завершено строительство пятиэтажного доходного дома, оборудованного лифтом немецкой компании «Karl Flor»⁷ (лифтовое оборудование с клеймом производителя сохранилось до настоящего времени) и финскими изразцовыми печами акционерного общества «АБО»⁸ (одна из печей была сохранена и отреставрирована).

В 8 октября 1906 г. в здании открылся детский сад и

частная женская французская гимназия Марии Дмитриевны Могилянской⁹.

О гимназии остались воспоминания современников.

«Мы поступаем в гимназию Могилянской. Она на 4-й линии Васильевского острова. Ходим только пешком – сорок пять минут туда, столько же обратно. Это наша прогулка. Больше на прогулку времени не отпускается. День плотно забит. Уроки, занятия французским языком, уроки пения, уроки музыки, чтение, а по воскресным дням танцкласс...

Гимназия совсем не похожа на гимназию в Сибири. Она "демократическая", говорит тетя. Потому нас и отдали в нее. Мы не носим форму, только сверх своего платья голубые халатики. Никаких финтифлюшек, кудряшек, каблучков, жеманства, как у гимназисток Шафе (это гимназия напротив нашей). Наш стиль спортивный. Отношения с педагогами дружественные и простые. Мария Дмитриевна Могилянская, маленькая, энергичная, она же преподает французский язык, она основа, тело этой гимназии. Ее дух, душа – Николай Васильевич Балаев. Он ведет в классах русский язык и литературу. Светлая личность. Он говорит нам, еще совсем маленьким, о свободе духа и личности, об обязанностях человека, о благородстве...»¹⁰.

«В 1916 г. принял участие в школьном празднике моей сестры, учившейся в частной гимназии М. Д. Могилянской на 4-й линии Васильевского острова. Директором школы тогда был Николай Васильевич Балаев, своей внешностью напоминавший А. И. Герцена. Школа отличалась, как принято тогда было говорить, "свободным духом", теплыми человеческими отношениями между учащимися и преподавателями. На празднике я был до такой степени поражен атмосферой дружбы и товарище-

ства между школьницами и администрацией, что, вернувшись домой, тут же сочинил стихотворение и отправил его Н. В. Балаеву. Я благословлял образ жизни его школы, атмосферу света и добра. Из всего стихотворения мне запомнились только четыре строчки:

*Я ученик немецкой школы,
Питомец строгих дисциплин,
Где нет друзей, где стены голы,
Где я лишь пасынок, не сын»¹¹.*

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранятся архивные дела, в которых многочисленные материалы посвящены жизни в гимназии: планы и отчеты, журналы оценок и списки педагогов, сочинения гимназисток и экзаменационные листы и многое другое, что позволяет понять, как был организован образовательный процесс¹².

После Октябрьской революции 1917 г. Мария Дмитриевна Могилянская вступила в партию большевиков и подарила им гимназию, продолжая в ней работу. «После убийства Сергея Мироновича Кирова в Ленинграде в 1934 г. она была арестована и так потрясена этим, что умерла в машине по дороге в "Большой дом". После внезапной смерти Марии Дмитриевны большевики забрали ее дочь – Соню – и она отсидела за маму 23 года. Об этой трагической странице стало известно из воспоминаний Зои Борисовны Томашевской – известного ленинградского архитектора, ныне уже покойной, чьей крестной матерью была Софья Могилянская»¹³.

Позже гимназия была переименована в Общеобразовательную вечернюю сменную школу № 20, о которой сохранилось воспоминание её ученицы Ирины Громовой. «В декабре мы вернулись из Советска в Ленинград, и мое обучение в первом классе продолжилось в старинной

школе на 4 линии Васильевского острова. Школа была маленькая и уютная. Первое, что поразило меня – это электрический звонок и натертые паркетные полы. Все мальчики были в серых костюмчиках, а в Советске – в гимнастерках, подпоясанных ремнями с пряжками. Позже я прочла историю этой школы»¹⁴.

В 1930-х годах в подвальном пространстве главного здания было создано бомбоубежище, включающее все технические требования, предъявляемые к такого рода сооружениям: гермодвери, приточно-вытяжное оборудование, нары, шкафы для средств индивидуальной защиты и др.

Судьба зданий в годы блокады Ленинграда нам не известна в точности. Предположительно они серьезно не пострадали.

В послевоенные годы здания сохраняли свое образовательное предназначение. В них периодически располагались различные образовательные курсы, общеобразовательная вечерняя сменная школа № 14, профессионально-техническое училище № 86. В 80-х годах XX в. в этих зданиях проходили обучение офицеры Ленинградского факультета Высшей заочной юридической школы МВД, Высшего политического училища МВД СССР. В настоящее время здесь обучаются курсанты и слушатели Санкт-Петербургского университета МВД России¹⁵.

История комплекса зданий по адресу: 4-я линия Васильевского острова дом 43 на протяжении более века связана с образованием как средней, так и высшей школы. В этих зданиях проходили обучение гражданские лица и сотрудники силового ведомства в рамках дневной, вечерней и заочной форм обучения. Неизменным на протяжении всей истории комплекса зданий остается то, что в нем проходили обучение и нравственное воспитание жи-

тели нашей страны. Примечательно, что в 2001 г. дом был включен КГИОПом в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». Это позволит сохранить культурное наследие, к которому имеет отношение Санкт-Петербургский университет МВД России.

© Стоцкий А. П., 2023

¹ *Стоцкий А. П.* Музей столичной полиции – хранитель истории полицейских органов в имперском Петербурге // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27 апреля 2016 г.: В 2 т. Т. 1. СПб., 2016. С. 296–298; *Нижник Н. С., Стоцкий А. П.* 300-летняя история полиции России в артефактах: полицейский архив в Санкт-Петербурге // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя научно-практическое издание. Саратов, 2016. С. 107–109.

² Перечень ведомственных образовательных учреждений, готовивших кадры для МВД в г. Санкт-Петербурге (Петрограде, Ленинграде): Школа столичной полиции, средняя школа милиции, Высшее политическое училище МВД СССР, Юридический институт МВД России, Академия МВД России и др.

³ См.: *Адарюков В. Я.* Архив Дмитрия Александровича Ровинского // Среди коллекционеров. 1921. № 6-7. С. 11–20; *Старикова Л. М.* Дмитрий Александрович Ровинский. Об историке, юристе, коллекционере Д. А. Ровинском (1824–1895) // Московский журнал. 2009. № 8. С. 30–38.

⁴ *Кони А. Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5: Очерки биографического характера. М., 1968. С. 4.

⁵ *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы: к пятидесятилетию судебных уставов 1864–1914 гг. СПб., 1914. С. 82.

⁶ *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов: В 4 т. Т. 4. М., 1913. С. 519.

⁷ *Островский Л. А.* Живая лестница // Косарев А. Как мы строили метро М., 1935. С. 512–517; *Карл Флор* // Журнал Ассоциации немецких инженеров. 1927. № 23. С. 826.

⁸ *Роденков А. И.* Яркий образец финского романтизма // Каминны и печи. 2009. № 6. С. 56–57.

⁹ *Соболь В., Никитенко Г.* Василеостровский район. СПб., 1999. С. 122–124.

¹⁰ *Левис М. М.* Мы жили в эпоху необычайную...: Воспоминания. М.; Екатеринбург, 2016. С. 32–35.

¹¹ *Ионас В. Я., Скворцова Н. В.* Немецкая школа: очерк // История Петербурга. 2006. № 1(29). С. 75–80.

¹² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 160 «Петроградская женская гимназия М. Д. Могилянской (1906–1918)».

¹³ *Томашевская З. Б.* Петербург Ахматовой: семейные хроники. СПб., 2000. С. 58.

¹⁴ *Благово Н. В.* Школа на Васильевском острове: Историческая хроника. СПб., 2013. С. 14–15.

¹⁵ *Ленинград.* Краткая адресно-справочная книга. Л., 1973. С. 101.

А. П. Стоцкий*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ: ХРАМ ЗНАМЕНИЯ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

Более 20 лет моей жизни были связаны с Санкт-Петербургским университетом МВД России. Любовь ко всему ранее не изведанному привела к историческим тайнам, которыми до сих пор богат этот вуз. Одна из них – храм, утраченный в годы Великой Отечественной войны на территории, которую делят между собой Санкт-Петербургский университет МВД России и Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации. Почти семь лет поиска материалов по архивам и библиотекам города привели к следующим результатам.

Для начала надо сказать, что основные административные здания Санкт-Петербургского университета МВД России располагаются по адресу: улица Летчика Пилютова, дом 1, вблизи от старинного Петергофского тракта (ныне Петергофского шоссе). Некоторые из них были построены еще в XIX в. и входили в комплекс усадебных строений под общим названием Новознаменка. В период Российской империи эта территория вдоль Петергофского тракта была распределена среди высших сановников, из которых Ф. А. Апраксин, граф М. Воронцов¹, граф

* *Стоцкий Александр Петрович* – начальник экспозиции (постоянно действующей) Культурного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат юридических наук, доцент.

К. Г. Разумовский, граф И. П. Салтыков, царедворец А. Л. Нарышкин, поэт И. П. Мятлев и др.² На протяжении двух столетий в Новознаменке именитые хозяева строили дворцы и парки, о красоте которых можно судить только по описаниям современников, планам и чертежам сооружений. В 1892 г. разрозненные усадьбы Новознаменки были выкуплены городом у их хозяев и объединены для устройства больницы для душевнобольных. Через год имеющиеся постройки стали приспособлять для больницы и формировать рабочую группу для проектирования новых зданий. С 1894 г. по 1897 г. по проекту академика архитектуры М. А. Иванова и под наблюдением больничной комиссии, возглавлявшейся М. П. Боткиным, были спроектированы и возведены каменные и деревянные строения Ново-Знаменской больницы для душевнобольных, в том числе два храма и часовня³. Один из храмов располагался на четвертом этаже Воронцовского дворца – главного административного корпуса (ныне Санкт-Петербургская Международная школа), где было места мало, и все пациенты и персонал больницы не помещались. В связи с этим в 1898 г. на берегу пруда по проекту архитектора М. А. Иванова было сооружено здание, которое совместило в себе столовую и православный храм, освященный в честь чудотворной иконы «Знамения Божьей Матери»⁴. Идея совмещения храма и столовой принадлежит председателю больничной комиссии, авторитетному и известному специалисту того времени Н. Н. Реформатскому, который «поручил архитектору М. А. Иванову при устройстве столовой принять в соображение, что ее весьма полезно устроить на 500 человек, и при ней небольшое помещение для церкви»⁵.

Несколько газетных заметок и публикаций начала XX в. позволяют понять, каким был храм в те годы. По

описаниям современников это было большое, одноэтажное, вытянутое с востока на запад продолговатое здание (около 70 м в длину). «Среднюю часть здания занимала столовая на 400 человек, западную – паровая кухня, отличающаяся по форме пристройки, с восточной стороны – церковь. Снаружи церковь, также как и всё здание, не было отштукатурена, а просто выкрашена в розовый цвет, железная крыша – в красный. Над храмовой частью на высокой шейке возвышалась синяя главка, которую венчал позолоченный крест»⁶. К храму была пристроена небольшая по высоте звонница с тремя колоколами.

Внутри храма была смонтирована раздвижная деревянная перегородка, передвигающаяся по металлической рельсе и отделявшая алтарную часть храма от столовой. Кроме того, было установлено паровое отопление, вентиляция, электрическое освещение и др. На конец XIX в. такое оснащение здания считалось современным и удобным.

Стены и потолок храма были без росписей, а пол паркетный. Священник Павел (Троицкий), который непродолжительно служил в нем так описывал церковь: «Предалтарная солея с амвоном выступавшим в трапезную часть на 1,1 м и возвышается над трапезным полом на три ступени. По всему краю солеи от стены до стены идет массивный балясник в среднюю часть которого, перед Царскими Вратами и местными иконами вправлена железная бронзированная решетка с отворяющимися дверцами. По концам солеи клиросы»⁷.

Одноярусный иконостас темного цвета был изготовлен из дуба мастером Волковысским по рисункам архитектора М. А. Иванова «нестроного выдержанного древне-московского стиля»⁸. Его украшали семь икон из жести (при этом без риз), в том числе в правой стороне иконо-

стаса храмовая икона – «Знамения Божьей Матери». В алтаре находилось три окна, из которых запрестольное было «закрыто образом Господа Спасителя», напоминающим витраж, стоял кипарисовый престол и жертвенник⁹.

В настоящее время встречается ошибочное мнение, что на территории Новознаменки действовало кладбище. Однако карты и архивные материалы этого не подтверждают. Ближайшие кладбища для православных и иноверцев располагались на берегах реки Ивановки в километре от Новознаменки.

Доподлинно известно, что с момента освящения храма 17 мая 1898 г. на протяжении 20 лет в нем служили священники: Валериан Александрович Никольский (1898–1903), Александр Коротаев (с 13 августа по 23 октября 1903 г.), Василий Травин (1903–1907), Павел Троицкий (1907–1909), Николай Иванович Филомафитский (1910–1917). Им помогали псаломщик – В. В. Василевский, диакон Ф. Федоров и старосты Е. В. Булдаков и А. Евдокимов¹⁰. В храме часто венчали молодые пары, крестили детей, рожденных в соседних деревнях – Ивановке и Лигово, отпевали усопших, о чем свидетельствуют сохранившиеся метрические книги¹¹. А 13 июля ежегодно из храма шел трехкилометровый крестный ход в Троице-Сергиеву пустынь (мужской монастырь при въезде в Стрельну), священнослужители которой духовно окормляли пациентов и персонал больницы¹².

29 марта 1919 г. храм был закрыт «коллекцией Петроградского реформаториума», поскольку территория больницы с большинством построек была переведена в медико-педагогическое исправительное учреждение. В дальнейшем оно стало именоваться как 3-я сельскохозяйственная исправительно-трудовая колония Ленинградской губернской инспекции мест заключения. Последний слу-

житель храма – священник Николай Филомафитский после закрытия церкви обратился в Петроградский епархиальный совет с ходатайством об устройстве временного храма в соседнем поселке Ивановка, которое было удовлетворено¹³.

О дальнейшей судьбе храма до начала Великой Отечественной войны ничего не известно. Летом 1941 г. на территории Новознаменки велись ожесточенные бои, в которых принимали участие сотрудники 21-й дивизии НКВД. На четвертом этаже Воронцовского дворца был создан наблюдательный пункт, с которого был виден Исаакиевский собор. В годы блокады Ленинграда вся Новознаменка, в том числе и храм, серьезно пострадали¹⁴. В послевоенные годы на её территории и территории бывшей исправительно-трудовой колонии организовываются высшие политические курсы, а позднее учреждается Высшее политическое училище МВД СССР. Многие исторические здания приспособили под учебные аудитории, а на фундаменте храма было возведено новое здание, которое до 2021 г. использовалось курсантами Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации в качестве спортивного зала. И только три окна и полукруглая апсида выдавали в нем бывшее храмовое сооружение. Однако, в 2021 г. Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации начал строительство новых сооружений. Здание спортивного зала вместе с фундаментом бывшего храма было разрушено, а останки вывезены с территории как строительный мусор.

© Стоцкий А. П., 2023

¹ *Воронцов М. И.* Архив Князя Воронцова. М., 1872. С. 522.

² *Мюллер А. П.* Иностранные живописцы и скульпторы в России. М., 1925. С. 51; *Докусов А. М.* Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1976. С. 72; *Старицына Г. К.* Дача Воронцовых на Петергофской дороге: По материалам исторической справки // Воронцовы – два века в истории России. СПб., 2000. С. 9–16; *Матвеева М. В.* Новознаменский соловей и его окружение: Иван Петрович Мятлев (1796–1844) // Память культуры: наследие, традиции, судьбы в истории Красносельского района: Материалы XIII историко-краеведческой конференции. Санкт-Петербург, 17 сентября. СПб., 2017. С. 76–77.

³ *Бакалдина Е. В.* Деятельность М. П. Боткина в Санкт-Петербургском городском управлении // Исторические Боткинские чтения: Материалы IV Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 22–23 июня 2021 г. СПб., 2021. С. 123–148.

⁴ *Дюк Е.* Безумная больница // Санкт-Петербургские ведомости. 2021. 3 декабря. С. 3–4.

⁵ *Николаева Н. В.* Об авторстве приморской дачи М. И. Воронцова // Мир Петербурга. 2006. № 6 (34). С. 8–12.

⁶ *Новая* городская больница в Знаменке, близ Петергофа, устроенная для душевнобольных // Новое время. 1898. 27 мая (8 июня). С. 8.

⁷ *Троицкий П.* Церковь Знамения Божьей Матери, что в Санкт-Петербургской городской больнице-колонии на Новознаменской даче // Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1908. № 16. С. 11.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 197 «Петроградская городская больница-колония для душевнобольных на Новознаменской даче. 1893–1917».

⁹ *Троицкий П.* Церковь Знамения Божьей Матери, что в Санкт-Петербургской городской больнице-колонии на Новознаменской даче // Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1908. № 16. С. 12.

¹⁰ *Уварова Т. А.* Церковь во имя Божией матери «Знамение» в Новознаменской даче // Начинаем с истоков: Сборник работ краеведческой конференции. СПб., 2003. С. 31–39.

¹¹ *Троицкий П.* Церковь Знамения Божьей Матери, что в Санкт-Петербургской городской больнице-колонии на Но-

вознаменской даче // Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1908. № 16. С. 13–14.

¹² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 197 «Петроградская городская больница-колония для душевнобольных на Новознаменской даче. 1893–1917».

¹³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 994. Оп. 4. Д. 348 «Об определении при церкви института диакона Николая Филомафитского».

¹⁴ *Стоцкий А. П.* Из истории Санкт-Петербургского университета МВД России: храм Знамения Божьей Матери // На страже закона. 2021. № 3(227). С. 14–15.

*Д. Ю. Цымбалова**

**ФАКУЛЬТЕТ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ
ДЛЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО РАБОТЕ С ЛИЧНЫМ
СОСТАВОМ КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

Факультет подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом имеет богатую историю и является старейшим подразделением университета.

История факультета начинается в октябре 1944 г., когда в поселке Красная Глинка Куйбышевской области по решению Правительства была создана Центральная школа НКВД СССР по подготовке начальствующего состава для органов внутренних дел. В 1947 г. Школа была передана в ведение Управления кадров МВД СССР и перебазирована на постоянное место дислокации в Ленинградскую область поселок Знаменка. Перед Школой была поставлена задача – готовить политических работников.

14 апреля 1954 г. Ленинградская школа подготовки и усовершенствования политсостава была реорганизована в Ленинградскую Военно-политическую школу. В 1968 г. Правительством СССР было принято Постановление о создании на базе Ленинградской военно-политической школы Высшего политического училища МВД СССР, которое было призвано готовить офицеров-политработников для

* *Цымбалова Дарьяна Юрьевна* – заместитель начальника факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

внутренних войск и органов внутренних дел.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 398 от 11 июня 1992 г. и приказом МВД России № 206 от 25 июня были созданы Санкт-Петербургское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России и Санкт-Петербургский юридический институт МВД России. Санкт-Петербургский юридический институт МВД России был организован на основе факультета политработников для внутренних дел и состоял из шести факультетов, один из которых стал факультетом подготовки организаторов воспитательно-кадровой работы.

18 июня 1998 г. согласно Постановлению Правительства Российской Федерации № 611 был создан Санкт-Петербургский университет МВД России – первый университет в системе МВД России. В результате факультет по подготовке организаторов воспитательно-кадровой работы в составе Университета становится факультетом подготовки руководителей горрайорганов.

Летом 2006 г. приказом МВД России № 557 на базе факультета подготовки руководителей горрайорганов создаются два факультета: факультет подготовки руководителей кадрово-воспитательных аппаратов органов внутренних дел и факультет подготовки практических психологов для органов внутренних дел. В 2013 г. факультет подготовки руководителей кадрово-воспитательных аппаратов органов внутренних дел реорганизован в факультет подготовки специалистов по работе с личным составом.

В 2014 г. согласно приказу МВД России от 25 июля 2014 г. № 618 и приказу Санкт-Петербургского университета МВД России от 1 сентября 2014 г. № 409 факультет подготовки практических психологов для органов внутренних дел и факультет подготовки специалистов по ра-

боте с личным составом объединяются и становятся единым факультетом подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России.



*Факультет подготовки сотрудников для подразделений
по работе с личным составом
Санкт-Петербургского университета МВД России
(Стрельна, Санкт-Петербургское шоссе, д. 17)*

В настоящее время на факультете осуществляется обучение курсантов сроком 5 лет по специальностям: 40.05.02 – Правоохранительная деятельность; 37.05.02 – Психология служебной деятельности. В рамках реализации приоритетного профиля подготовки на факультете создано единое образовательное и научное пространство для проявления инициативы, поддержки и развития талантов, творческой самореализации научно-педагогических работников кафедр учебно-научного комплекса исследования проблем кадрово-воспитательной

работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, курсантов и слушателей факультета посредством определения основных научных направлений деятельности учебно-научного комплекса, проведения кафедрами учебно-научного комплекса, межкафедральными научными коллективами научно-исследовательских работ, организации научной работы с курсантами и слушателями, определения ее тематики, форм реализации и апробации результатов, организации и проведения научно-представительских мероприятий, расширения учебно-лабораторной базы кафедр учебно-научного комплекса, а также включения в учебную и научно-исследовательскую работу образовательных, воспитательных, просветительских и гражданско-патриотических проектов.



*Участники научно-представительского мероприятия
в Российской национальной библиотеке*



Председатель НОКС Санкт-Петербургского университета МВД России – слушатель 5 курса факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Е. Голод – участник XXV Санкт-Петербургской Ассамблеи молодых ученых и специалистов, лауреат именной стипендии Правительства Санкт-Петербурга

Деятельность специалиста по работе с личным составом включает в себя такие направления, как:

- отбор граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел и сбор необходимых документов;
- подготовка приказов о присвоении очередных, первых специальных званий личному составу органов внутренних дел;
- организация социальной работы с сотрудниками органов внутренних дел и членами их семей;
- организация воспитательной работы с личным составом подразделения, а также работы по укреплению служебной дисциплины и законности;

– проведение служебных проверок в отношении сотрудников, а также проверок по факту получения травмы (ранения, увечья) сотрудником органов внутренних дел и определение правовых оснований и порядка выплаты страховых сумм и много другое.

Важными направлениями деятельности кадрового работника системы МВД России являются подготовка пенсионного расчета сотруднику, подлежащему увольнению и имеющим право на получении пенсии, организация заседания аттестационной комиссии, которая является важным мероприятием для любого сотрудника. Хотелось бы отметить, что управление по работе с личным составом территориального органа МВД России организует и проводит занятия по профессиональной служебной физической подготовке, которая является неотъемлемым элементом прохождения службы в органах внутренних дел. На таких занятиях сотрудники улучшают навыки задержания преступников, а также навыков стрельбы в ограниченном времени. Проверка теоретических знаний и практических навыков осуществляется посредством сдачи зачетов сотрудникам УРАС. Именно этому и обучают на факультете подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом.

Курсанты и слушатели факультета активно участвуют в научно-представительских мероприятиях как на уровне Университета, так и на межвузовском уровне, представляют свои статьи и научные работы на различных конкурсах. Кроме учебной деятельности, большое внимание уделяется патриотическому воспитанию, научной, культурно-массовой и спортивной работе. Многие курсанты и слушатели факультета серьёзно занимаются спортом, участвуют в университетских и городских спортивных состязаниях. Часть из них имеет звание «кандидат в масте-

ра спорта» или «мастер спорта». Спортсмены нашего факультета защищают не только честь Университета, но и честь города во всероссийских соревнованиях.

В настоящее время подготовка сотрудников для подразделений по работе с личным составом является приоритетным профилем, который призван обеспечивать подготовку компетентных специалистов, высококвалифицированных сотрудников полиции, профессиональная деятельность которых связана с кадровым обеспечением деятельности органов внутренних дел.

© Цымбалова Д. Ю., 2023

В. Н. Холодов*

**ФАКУЛЬТЕТ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ
ДЛЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

Свою долгую историю факультет подготовки сотрудников для следственных подразделений начинает с лета 1993 г., когда был осуществлен первый набор слушателей на первый курс подготовки специалистов для следственных подразделений МВД России. Его осуществляли начальник курса подполковник А. Н. Савицкий и секретарь приемной комиссии полковник В.М. Жилкин. Приказом МВД России от 29 июня 1994 г. № 217 был создан факультет подготовки специалистов для оперативных и следственных подразделений. Начальником факультета был назначен опытный педагог-воспитатель Александр Иванович Митрофанов. В 1994–1998 гг. факультетом руководил опытный офицер-наставник полковник милиции Юрий Иванович Северюгин.

В 1998 г. факультет возглавил авторитетный специалист, имеющий большой опыт работы в учебно-строевых подразделениях кандидат педагогических наук, доцент, полковник милиции Леонид Трофимович Бородавко.

* *Холодов Владимир Николаевич* – заместитель начальника факультета подготовки сотрудников для следственных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России.



А. Т. Бородавко

С 31 декабря 2005 г. по июль 2011 г. обязанности начальника факультета исполнял полковник милиции Владимир Николаевич Шутеев; с июля 2011 г. по июнь 2016 г. – кандидат педагогических наук полковник полиции Василий Михайлович Игнатов; с сентября 2016 г. по январь 2018 г. – кандидат педагогических наук, доцент, полковник полиции Александр Аркадьевич Саутин; с января 2018 г. по 2020 г. факультетом руководил кандидат юридических наук полковник полиции Денис Евгеньевич Алехин. В настоящее время начальником факультета является полковник полиции Бесо Леонидович Бартия.

Курирует научную и учебную работу на факультете полковник полиции Владимир Николаевич Холодов; вопросами воспитательной работы на факультете заведует заместитель начальника факультета подполковник полиции Николай Анатольевич Бабий.



Б. А. Бартия

На протяжении 30 лет факультет осуществляет подготовку высококвалифицированных специалистов для следственных и экспертно-криминалистических подразделений Санкт-Петербурга и комплектующих органов регионов Российской Федерации. Более 3 тыс. выпускников ведут свою практическую деятельность в различных территориальных органах внутренних дел, многие из которых занимают руководящие посты.

Огромное внимание на факультете подготовки сотрудников для следственных подразделений уделяется научно-исследовательской деятельности. За свои личные достижения за прошедшие пять лет курсанты и слушатели в период обучения удостоились именных стипендий: А. Грязева, Ю. Шутова (выпуск 2018 г.), К. Наседкина (выпускник 2019 г.) Г. Привалихина (выпуск 2021 г.), Д. Холина (выпуск 2022 г.), Д. Гордеев (выпуск 2023 г.).

Особую гордость факультета составляют выпускники, за последние пять лет отлично окончившие университет и награжденные золотой медалью: в 2018 г. – Д. Садкова,

А. Грязева, И. Лавриновская, Ю. Шутова; в 2019 г. – А. Зверева, Е. Манохина, Т. Кирсанова, К. Наседкина, А. Эсаулова; в 2020 г. – В. Тинт, У. Глазырина; в 2021 г. – Г. Привалихина, В. Яремчук.



Награждение министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции В. А. Колокольцевым курсанта Е. В. Гречишкиной

Факультет подготовки сотрудников для следственных подразделений уделяет большое внимание воспитательной работе. Курсанты и слушатели отмечаются с лучшей стороны и поощряются руководством университета и Министерства внутренних дел Российской Федерации. В 2018 г. в соответствии с Приказом МВД России № 320 л/с от 12 апреля 2018 г. медалью «За смелость во имя спасения» была награждена курсант 4 курса Екатерина Вячеславов-

на Гречишкина. Она, рискуя своей жизнью, выводила людей из горящего дома во время взрыва.

На сегодняшний день на факультете проходят обучение более 560 курсантов и слушателей. Многие из них в скором будущем приступят к выполнению обязанностей по выбранным специальностям и будут с гордостью носить звание выпускника факультета подготовки сотрудников для следственных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России.

© Холодов В. Н., 2023

*П. А. Георгиева**

**ФАКУЛЬТЕТ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ
ПОЛИЦИИ ДЛЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

В Санкт-Петербургском университете МВД России представлены разные направления подготовки и специализации, в соответствии с которыми в Университете созданы и функционируют семь факультетов. Одним из них является факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка – факультет № 6.

Факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка образован 7 мая 2008 г. и является самым молодым в Университете. До недавнего времени основным комплектующим органом факультета являлось ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В настоящее время на факультете обучаются курсанты и слушатели, которые представляют практически все регионы Российской Федерации от Мурманской области на севере до Краснодарского края на юге страны, от Калининградской области на западе до Республики Тыва на востоке. С сентября 2016 г.

* *Георгиева Полина Александровна* – заместитель начальника курса факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России.

факультет располагается в живописной части города Петергофа по адресу: ул. Аврова, дом 33.



*Построение личного состава факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка
(Петродворец, ул. Аврова, д. 33)*

На факультете осуществляется подготовка по различным специальностям: 40.05.02 – Правоохранительная деятельность, специализация – «Административная деятельность полиции», которая делится на две узкие специализации: «деятельность участкового уполномоченного полиции» и «сотрудник подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения»; 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности, специализация – «Государственно-правовая»; узкая специализация: «сотрудник подразделения по вопросам миграции»; 40.03.02 – Обеспечение законности и правопорядка, профиль подготовки – административная деятельность полиции; узкая специализация: «деятельность участкового уполномоченного полиции». В 2023 г. факультет готовится осуществлять набор обучающихся по федеральному государствен-

ному образовательному стандарту среднего профессионального образования по специальности 40.02.02 «Правоохранительная деятельность».

Первый выпуск специалистов на факультете состоялся в 2012 г. За истекший период факультет окончили 502 выпускника, в том числе 6 с золотой медалью, а 74 слушателя получили диплом с отличием. В настоящее время на факультете обучается 401 курсант. Факультетом руководит полковник полиции Андрей Иванович Бутиков, а его заместителями являются полковник полиции Сергей Витальевич Синцов и полковник полиции Алексей Вячеславович Слободчиков. Особую гордость факультета составляют курсанты и слушатели, получавшие в период обучения именные стипендии Президента Российской Федерации. Каждый год лучшие выпускники факультета принимают участие в торжественном приеме в честь лучших выпускников военных образовательных организаций, которые по традиции проходят в большом Кремлевском дворце, где Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин поздравляет выпускников с успешным завершением нового этапа в их жизни.

На факультете создана современная материально-техническая база, которая позволяет готовить курсантов и слушателей по всем новейшим и перспективным направлениям административной деятельности, и включает модернизированные лекционные залы, специализированные кабинеты, компьютерные аудитории, стрелковый боевой тир и практические полигоны. Большое внимание в подготовке курсантов и слушателей уделяется изучению профильных дисциплин, таких как «Административное право», «Административная деятельность полиции», «Административно-процессуальное право», «Дея-

тельность участковых уполномоченных полиции», физическая и огневая подготовка.

На факультете регулярно проводятся выездные занятия с преподавателями кафедр. Курсанты знакомятся с практической деятельностью подразделений органов внутренних дел. Для овладения практическими умениями по прикладным дисциплинам курсанты факультета периодически выезжают на загородную учебную базу «Сосново». К учебным занятиям курсанты и слушатели факультета готовятся в период самостоятельной подготовки, которая проходит под руководством ведущих преподавателей кафедр, а также начальников курсов и их заместителей. Одной из составляющих в подготовке курсантов является их участие в охране общественного порядка в период проведения различных культурных и массовых мероприятий, крупных спортивных и политических мероприятий, таких как чемпионаты мира и Европы по футболу, экономический и юридический форумы в Санкт-Петербурге, выборы в органы власти Российской Федерации.

Одним из приоритетных направлений деятельности факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка является организация научно-исследовательской деятельности курсантов и слушателей. Данная работа включает в себя две основные формы: участие в деятельности научных кружков кафедр и участие в работе секции Научного общества курсантов и слушателей Санкт-Петербургского университета МВД России.

2023 г. в секции состоит 47 курсантов и слушателей факультета, которые ежегодно активно участвуют в международных, всероссийских научно-практических конференциях, в межвузовских научно-практических круглых столах, предметных олимпиадах.



Заместитель начальника курса П. А. Георгиева с курсантами факультета на научно-практической конференции

Ежегодно курсанты и слушатели факультета принимают участие в конкурсно-оценочных мероприятиях и конкурсах публичных выступлений в рамках научно-представительских мероприятий, проводимых Санкт-Петербургским университетом МВД России, а также иными образовательными организациями высшего образования.

Неотъемлемой частью является ежегодная подготовка и участие курсантов факультета в Параде Победы на Дворцовой площади. Всему этому предшествует кропотливая и усердная тренировка в строевой подготовке курсантов и строевой слаженности подразделений. 9 мая

курсанты и офицеры факультета принимают участие в традиционном шествии «Бессмертного полка».

Но не только учебой занимаются курсанты на факультете они активно участвуют в спортивных, а также в культурно-массовых мероприятиях.



*Заместитель начальника факультета А. В. Слободчиков
с курсантами факультета на игре КВН*

Гордится факультет и своими спортивными достижениями. 26 курсантов и слушателей факультета являются кандидатами в мастера спорта по следующим видам спорта: самбо, рукопашный бой, лыжные гонки, биатлон, художественная гимнастика, плавание.



*Курсанты факультета на соревнованиях по самбо
в составе сборной Университета*



Команда факультета на соревнованиях по самбо



Курсанты факультета на соревнованиях по лыжным гонкам

5 курсантов факультета имеют спортивное звание мастера спорта по следующим видам: велоспорт, спортивная аэробика, рукопашный бой, гиревой спорт.

© Георгиева П. А., 2023

Т. Г. Лясович*
И. А. Макеева**

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ФИЛИАЛ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ:
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

Недалеко от границы Санкт-Петербурга, в зеленой лесной зоне Ленинградской области расположилось уникальное подразделение образовательной организации системы МВД России. Это – Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.

Скрытое от любопытных глаз место его дислокации было избрано неслучайно, – оно такое же тихое и неприметное, как и будущая профессия выпускников филиала – легендарных филеров¹, «агентов наружного наблюдения»².

С 2016 г. Ленинградский областной филиал успешно функционирует, являясь первым и единственным в России учреждением образовательной системы МВД России, осуществляющим подготовку специалистов для оперативно-поисковых подразделений органов внутренних дел.

* *Лясович Татьяна Георгиевна* – доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

** *Макеева Ирина Александровна* – начальник кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.



Административное здание Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

Сюда на обучение направляются курсанты со всех регионов нашей страны, включая и вновь присоединенные субъекты. Здесь представлена вся Россия – от Калининградской области до Приморского края. Такая широкая география объясняется как высокой потребностью правоохранительных структур в специалистах соответствующей специализации и уровня подготовки, так и спецификой распределения выпускников филиала: молодые специалисты, как правило, направляются в те территориальные оперативно-поисковые подразделения органов внутренних дел, которые отправили их на учебу.

История Ленинградского областного филиала и 7 факультета, который является его системообразующим подразделением, уникальна.

Филиал исторически продолжает традиции первого учебного заведения системы МВД – Школы дружинников

Союза коммун Северной области, созданной в Петрограде в сентябре 1918 г., которая готовила специалистов для подразделений наружной охраны НКВД РСФСР.

Срок обучения в школе был относительно небольшим и составлял восемь недель. В программу подготовки будущих специалистов наружной охраны входили следующие направления:

1) революционная пропаганда – ознакомление дружинников с основными положениями коммунизма и идейными задачами партии;

2) законоведение – изучение Конституции Советской республики, декретов, распоряжений, постановлений, уставов (врачебного, торгового, судоходного), то есть той законодательной базы, которая была необходима дружиннику для эффективного выполнения своих служебных задач;

3) география территории Союза коммун Северной области, в том числе география Петрограда;

4) теория и практика дружинного дела (изучение правил делопроизводства, основ гигиены и санитарии, первой помощи и пожарной безопасности);

5) строевая, огневая (владение винтовкой, револьвером, шашкой, штыком, пулеметом) и физическая подготовка (основы анатомии, занятия по боксу и джиу-джитсу)³.

Таким образом, несмотря на относительно небольшую продолжительность учебного курса в школе, дружинники приобретали комплексные знания, позволяющие им впоследствии эффективно выполнять свои служебные задачи.

17 декабря 1918 г. состоялся первый выпуск школы, однако, выпускники на службу в милицию так и не попали: в составе трех боевых отрядов они оправились на

фронт, на защиту Петрограда от наступавшей Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича⁴.

В январе 1919 г. Школа была включена в состав Первого Рабоче-крестьянского университета на правах Отдела советской милиции. В мае 1919 г. при Школе были организованы первые в Советской России краткосрочные курсы по подготовке женщин-милиционеров⁵. Среди первых выпускниц школы оказалась и Паулина Ивановна Онушонок – легенда ленинградской милиции⁶.

В марте 1921 г. в ходе реорганизации Первого Рабоче-крестьянского университета курсы были преобразованы в школу командного состава наружной и розыскной милиции.

На протяжении последующих двух десятилетий название этого учебного заведения неоднократно менялось (Первая Петроградская школа среднего комсостава милиции, Ленинградская школа среднего комсостава милиции, Ленинградская школа среднего начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции, Ленинградская межобластная школа среднего начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции)⁷, однако, школа сумела сохранить и упрочить свой статус самостоятельного межобластного учебного заведения, осуществляющего профессиональную подготовку кадров командирского звена для советской милиции.

В годы Великой Отечественной войны межобластная школа милиции и Школа политработников были объединены и стали основой 2-го батальона милиции, вошедшего в состав 20-й дивизии НКВД⁸. Подвиги бойцов и командиров этого легендарного подразделения стали славной страницей военной истории нашей страны⁹.

В послевоенное время школа, получившая наименование Ленинградская офицерская школа НКВД СССР,

стала восполнять потребность государства в квалифицированных офицерских кадрах системы НКВД – МГБ – МВД СССР.

В 1956 г. Школа получила название Ленинградская специальная средняя школа милиции и стала кузницей офицерских кадров для советской милиции. Преемником опыта ее многолетней работы стал Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, образованный в рамках реорганизации ФГКОУ высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» и ФГКОУ ДПО «Северо-Западный институт повышения квалификации Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков»¹⁰.

Выпускники разных лет специальной средней школы являются гордостью и примером для новых поколений. В их числе – Герои Советского Союза М. В. Ашик¹¹, И. П. Горчаков¹², Б. Е. Шмелёв¹³; руководители подразделений правоохранительных органов: генерал-лейтенант милиции В. Е. Власов (1971), генерал-лейтенант полиции В. Ю. Владимиров (1972), генерал-лейтенант милиции Е. Н. Трофимов (1972), генерал-майор милиции С. Ф. Сидоренко (1974), генерал-майор милиции Н. А. Фёдоров (1974), генерал-полковник полиции А. П. Новиков (1980), генерал-лейтенант полиции С. Е. Матвеев (1981), генерал-лейтенант полиции С. П. Булавин (1983).

Теоретические знания и опыт практической работы в правоохранительных органах ветераны передают молодым поколениям. Такая преемственность является основой масштабной воспитательной работы, проводимой в филиале и на факультете. Личный состав филиала является постоянным участником воспитательно-патриотических мероприятий (акции «Георгиевская лен-

точка», «Бессмертный полк», чествование ветеранов Великой Отечественной войны и др.). В филиале на постоянной основе проводятся творческие и научные конкурсы на патриотическую тематику.



Результаты творческой деятельности курсантов филиала, полученные под руководством научно-педагогических работников кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала П. В. Медяновой и Е. А. Горбаренко

На территории филиала установлен мемориал, посвященный подвигам сотрудников органов внутренних дел во время Великой Отечественной войны, а также памятная мемориальная доска в честь одного из руководителей Школы милиции – полковника милиции Никодима Владимировича Герасимова, заслуженного работника МВД СССР, при котором Школа была признана лучшей в системе образования МВД СССР и занесена в Книгу Почета.



Мемориальная доска, установленная в память о начальнике Ленинградской специальной средней школы милиции полковнике милиции Н. В. Герасимове



Обелиск, установленный на территории филиала, в память о мужестве и героизме курсантов и выпускников средней школы милиции

¹ *Калинин Н. В.* Тайная агентура охранных отделений царской России // Вестник ВятГУ. 2008. № 1. – <https://cyberleninka.ru/article/n/taynaya-agentura-ohrannyh-otdeleniy-tsarskoj-rossii> (дата обращения: 03.03.2023).

² *Матвеев А. В.* 1) Особенности материального обеспечения сотрудников службы наружного наблюдения Российской империи // Российская полиция: три века служения Отечеству: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018. С. 602–607; 2) Об особенностях профессиональной подготовки сотрудников службы наружного наблюдения российской империи в конце XIX – начале XX века // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: Материалы Международной научно-практической конференции (10 мая 2018 г.) / Редкол.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк. Краснодар, 2018. С. 364–372; 3) Центральный филёрский отряд при Санкт-Петербургском охранном отделении – субъект обеспечения безопасности главы государства в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 30–36; 4) Особенности кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в подразделениях Отдельного корпуса жандармов Российской империи // Общество и право. 2020. № 2(72). С. 149–154; 5) Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб.). Ф. 142. Оп. 8. Д. 182. Л. 3.

⁴ *Белая борьба на Северо-Западе России* / [Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова]. М., 2003; *Героическая оборона Петрограда в 1919 году (Воспоминания участников)* / Сост. Ф. М. Илясов, А. С. Пухов, под общ. ред. А. П. Константинова. Л., 1959.

⁵ *Нижник Н. С.* Милиционерка: новый образ трудящейся женщины в России // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М.,

2019. С. 214–219. – EDN VJYFFW.

⁶ *Дергилева С. Ю.* Первая женщина в полиции – Онушонок Паулина Ивановна // *Материалы Всероссийского круглого стола «Третьи путинские чтения» от 27 апреля 2017 г.* / Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина. Белгород, 2017. С. 121–124; *Нижник Н. С., Засовенко А. Ю.* Из кухарок в милиционерки: опыт создания женской милиции в Петрограде // *Advances in Law Studies*. 2018. Т. 6. № 4. С. 21–25.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 182. Л. 3; *100 лет* первой школе милиции республики. 10 октября 1918 года – 10 октября 2018 года: юбилейный буклет. СПб., 2018. С. 3–4.

⁸ *Панфилец А. В., Фёдоров А. Б.* Органы и войска правопорядка в битве за Ленинград (к 300-летию со дня образования российской полиции) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2018. № 1(77). – <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-i-voyska-pravoporyadka-v-bitve-za-leningrad-k-300-letiyu-so-dnya-obrazovaniya-rossiyskoj-politsii> (дата обращения: 03.03.2023).

⁹ *Князев В. В.* Войска НКВД СССР и правовое обеспечение их применения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // *Научный портал МВД России*. 2020. № 1(49). – <https://cyberleninka.ru/article/n/voyska-nkvd-ccsr-i-pravovoe-obespechenie-ih-primeneniya-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-godov> (дата обращения: 03.03.2023).

¹⁰ Приказ МВД России от 16 июня 2016 г. № 313 «О некоторых вопросах Санкт-Петербургского университета МВД России и ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области» // *Историческая справка о Ленинградском областном филиале Санкт-Петербургского университета МВД России*. – https://xn-b1aew.xn-p1ai/upload/site1635/folder_page/009/525/384/Istoricheskaya_spravka.pdf?ysclid=lerohfykum35839753 (дата обращения: 02.03.2023).

¹¹ *Ашик М. В.* 60 послевоенных лет. Воспоминания // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2009. № 4. – <https://cyberleninka.ru/article/n/60-poslevoennyh-let-vozpominaniya-2> (дата обращения: 19.03.2023).

¹² *Артемев А.* Коми-сибиряк Иван Горчаков. – <http://respublika11.ru/2020/05/21/komi-sibiryak-ivan-gorcha>

kov/?ysclid=lfehp1xk8z512861927 (дата обращения:
18.03.2023).

¹³ *Стариков В. В.* Ленинградский танкист Борис Шмелев.
20 апреля 2011 г. – <https://group9may.livejournal.com/4242.html>
(дата обращения: 18.03.2023).

*М. Ю. Гутман**

**ТУПОЙ КАРАНДАШ ЛУЧШЕ
САМОЙ ОСТРОЙ ПАМЯТИ:
О СБОРНИКЕ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРАНОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ
«ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ»**

В моих руках книга «Первый и последний день войны»¹, вышедшая из печати 23 года тому назад, но ставшая сразу бестселлером. Уникальность книги заключается в том, что её авторами являются ветераны первого в системе МВД России Университета, как правило, участники Великой Отечественной войны. Многие из них после войны стали учёными, педагогами, воспитателями, организаторами науки.

Несколько слов о предыстории книги. В 1998 г. был учреждён Санкт-Петербургский университет МВД России, в состав которого вошли практически все образовательные учреждения системы МВД северо-запада России. Огромным оказался и его постоянный состав. Только одних докторов наук различных специальностей оказалось около 200 человек. Была создана и Объединённая ветеранская организация, в которой было зарегистрировано

* *Гутман Матвей Юрьевич* – профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почётный работник высшего профессионального образования.

более 200 ветеранов Великой Отечественной войны. Её Председателем был избран в 1999 г. доктор исторических и доктор юридических наук, профессор Зыбин Станислав Федорович², а первым заместителем я. Так как С. Ф. Зыбин в это время являлся депутатом Законодательного собрания Санкт-Петербурга, основная работа по организации деятельности этой общественной организации легла на меня, имевшего к этому времени опыт работы заместителем председателя Совета ветеранов Высшего политического училища МВД СССР. Особенно большое внимание в работе ветеранской организации было уделено военно-патриотическому воспитанию курсантов и слушателей накануне 55-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

На одном из заседаний Совета ветеранов университета был поднят вопрос об участии ветеранов в публикации воспоминаний о войне. После долгих обсуждений «о чём писать?», я предложил написать воспоминания о том, как встретили они первый и последний день войны и опубликовать их в университетской газете. С этим все члены Совета согласились. Я доложил об этом начальнику Университета генерал-лейтенанту милиции, профессору В. П. Сальникову, который идею одобрил, но принял решение издать эти воспоминания книгой к Юбилею Победы.

Началась организаторская работа. Ответственным её редактором был избран участник войны полковник, кандидат исторических наук, доцент И. Д. Ходанович. И если предложение писать воспоминания поддержали многие члены организации, то на практике оказалось не так просто. Особенно сложно было об этом говорить с ветеранами-сверхсрочниками, воевавшими в звании рядовых или сержантов, и продолжавших службу в этом же звании. Я,

часто спрашивая о готовности материалов, получал примерно такой ответ: «Матвей Юрьевич, а что писать? Бабы узнали о войне – заревели, а многие сельчане заговорили: дадим по морде этой немчуре, поймут, что не того нарвались», или «я думал, что вспомню, но не тут то было». Зато откликнулись и буквально через неделю представили свои записи ветераны из числа профессорско-преподавательского и офицерского состава. Примерно через месяц материал был отредактирован и скомпонован макет книги, который был передан в редакционно-издательский отдел университета.



Книга, предварительно прочитанная начальником университета, вышла из печати в типографии «Невская жемчужина» 5 мая 2000 года тиражом 2 тыс. экземпляров со снимком группы ветеранов Великой Отечественной войны и обращением начальника университета: «Уважаемые ветераны! Сердечно поздравляю с праздником пятьдесят пятой годовщины Великой Победы! Желаю крепкого здоровья, счастья, мирного неба над Планетой Земля. Начальник Санкт-Петербургского университета МВД России генерал-лейтенант милиции В. П. Сальников.

Доставшийся мне экземпляр книги имеет особенности: во-первых, он вручен мне первому; во-вторых, книга имеет подпись редактора: «Многоуважаемому Матвею Юрьевичу, талантливому учёному-педагогу, доброму Человеку, верному товарищу! Редактор И. Ходанович. 6.05.2000 г.» В-третьих, при формировании книги были несколько смещены её блоки, в результате после 24-й страницы идёт 29-я. Пропущенные 4 страницы следуют после 32-й. То же самое и со страницами 45–48. т. е. текст книги сохранён полностью, но чтение затрудняет. Сборник имеет аннотацию³.

Авторами книги стали 25 членов ветеранской организации университета, из которых 18 были непосредственными участниками войны: Герой Советского Союза полковник М. В. Ашик, полковники И. П. Агапов, Н. В. Водяников, А. П. Ганичев, Д. И. Ершов, С. А. Каждый, Я. М. Монин, Ф. Ф. Попов, П. П. Пучков, В. С. Романюк, С. С. Семенец, В. И. Суслин, И. Д. Ходанович, А. М. Хрунов, Г. П. Яковенко, А. Н. Виноградов был капитаном, Л. М. Батаказина и М. П. Солдатенко – старшинами. Детями войны были пятеро: Т. С. Авксентьев, Г. В. Белорусов И. А. Возгрин, В. А. Тонгузов, И. Т. Чуб и

автор этих строк. Все они писали свои статьи по памяти, редко прибегая к архивным источникам и литературе, кроме М. В. Ашика, у которого каждое событие и факт документирован, имеет ссылки на источники. И я пишу эту статью об авторах воспоминаний по своим воспоминаниям о встречах с ними, а таких встреч было великое множество, и обращаюсь к источникам тогда, когда это абсолютно необходимо.

После выхода в свет сборника воспоминаний в подразделениях университета, общеобразовательных школах и профессиональных училищах Красносельского района, в которые мы направили несколько экземпляров книги, проводились встречи с её авторами, содержание книги использовалось учениками при написании конкурсных работ и сочинений. Сейчас эти книги бережно хранятся в семьях фронтовиков.

Как же сложились послевоенные судьбы авторов? Ведь «с войной покончили они счёты» совсем молодыми, и вся жизнь была впереди. Подробно их описывать их дальнейший жизненный путь не позволяет установленный объём статей, да и материала у меня явно для этого недостаточно, поэтому изложу кратко лишь наиболее важные события, на мой взгляд, из их жизни. Но прежде всего с горечью отмечаю, что из жизни ушли уже 24 автора. Я остался один и считаю своим долгом сделать всё возможное, чтобы рассказать об этих патриотах России, с которыми мне посчастливилось служить и работать десятки лет. При этом очень надеюсь на помощь курсантов в сборе материала.

Да, большинство ветеранов ушли от нас, но удивительно то, что почти все фронтовики, которые стали соавторами книги, оказались долгожителями, хотя сражались на передовой, не раз были ранены. М. В. Ашик, трижды

раненный, и два раза тяжело, М. Л. Батаказина, Я. М. Монин, который по его рассказам, был политкомиссаром и всегда был впереди атакующих, буквально через несколько дней боёв, а иногда и в этот же день, попадал в медсанбат или в госпиталь, С. С. Семенец, участник октябрьского Стрельнинского десанта 1941 г. и боёв на Невском пятачке, И. Д. Ходанович и А. М. Хрунов перешагнули 95-летний рубеж, а все остальные прожили более чем по 80 лет.

М. В. Ашик, скончавшийся на 96 году жизни, завершил воинскую службу в звании полковник, в должности первого заместителя начальника Высшего политического училища МВД СССР им. 60-летия ВЛКСМ (далее – ВПУ), а затем длительное время работал на Кировском заводе. Им написано более 100 книг и статей, посвященных Великой Отечественной войне. Михаил Владимирович своими исследованиями завершил дискуссии о значении Эстергомской десантной операции на Дунае, которой руководил и был представлен за свой подвиг к званию Героя Советского Союза⁴.

А. М. Хрунов завершил службу заместителем начальника ВПУ по учебной работе, получивший от курсантов почётное звание «трижды отважный», так как был одним из немногих участников войны, удостоенных трижды медали «За отвагу». Офицеры помнят его и по фразе, которой он всегда заканчивал свои выступления: «Задайте вопросы!».

Начальником кафедры истории КПСС окончил действительную военную службу кандидат исторических наук, доцент (впоследствии – профессор) полковник И. Д. Ходанович, внесший серьёзный вклад в разработку истории внутренних войск НКВД–МВД СССР. С должности начальника кафедры философии ушёл на пенсию канди-

дат философских наук, доцент В. С. Романюк. С этой же должности был уволен кандидат философских наук, доцент Т. С. Авксентьев. Начальником кафедры службы внутренних войск закончил службу И. П. Агапов, прекрасный знаток теории и практики организации службы внутренних войск.

Особо следует отметить майора милиции Пучкова Петра Павловича – участника Парада 7 ноября 1941 г. в Москве и Парада Победы 24 июня 1945 г., прекрасного рассказчика.

Окончили службу начальниками факультетов полковники В. И. Суслин и Г. П. Яковенко, заместителями начальника кафедры Д. И. Ершов, В. А. Тонгузов и Ф. Ф. Попов, который при представлении курсантам всегда шутил и просил помнить, что «Я – Федор Федорович, но не флотоводец Ушаков, и не Попов – изобретатель радио, а просто полковник Попов!».

Несколько иначе сложились судьбы авторов книги – детей войны. Игорь Александрович Возгрин доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ с 1973 по 1989 гг. был начальником кафедры уголовного процесса и специальных дисциплин Высшего политического училища МВД СССР, затем первым проректором Санкт-Петербургской юридической академии. В 2002 г. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначен членом-представителем общественности Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. С 1998 г. являлся членом Экспертного совета МВД России. Сферу его научных интересов составляли проблемы уголовного процесса и криминалистики. Наиболее весомый вклад им был внесен в разработку общей теории криминалистической методики расследования

преступлений и организации борьбы с преступностью. И. А. Возгрин обстоятельно обосновал понимание криминалистической методики расследования преступлений как одного из самостоятельных разделов науки криминалистики, ее объект, предмет, систему, задачи, принципы, порядок разработки и реализации частных методик расследования преступлений⁵.

Немного и о себе. В ряде публикаций отмечается, что доктор юридических наук, профессор, полковник М. Ю. Гутман «является признанным специалистом в исследовании проблем истории права и государства. Его наиболее значимые труды посвящены правовым основам формирования правоохранительных органов. Автор более 275 научных, учебных и учебно-методических трудов. С 2002 г. действительный член Академии военно-исторических наук. Сферу его научных интересов составляют проблемы общей истории, теории и истории права и государства переходного периода, криминологии, вопросы социологии и политологии. Наиболее весомый вклад им внесен в разработку проблем правотворческой деятельности местных органов власти в области охраны правопорядка. Им впервые теоретически обоснован термин "внутренний фронт" как социально-экономическое и военно-политическое понятие. Гутман М. Ю. считает, что такой фронт может возникнуть лишь в условиях гражданской войны и внешней интервенции»⁶.

Завершая статью, повторяю, что я остался один из авторов книги воспоминаний. Считаю своим долгом сделать всё возможное, чтобы рассказать об авторах названной книги, людях, настоящих патриотах России, с которыми мне посчастливилось служить и работать десятилетиями.

© Гутман М. Ю., 2023

¹ *Первый* и последний день войны: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны. СПб., 2000. 123 с.

² Станислав Фёдорович Зыбин (1941–2013) – советский и российский юрист, политический, государственный и общественный деятель. Многие годы служил во внутренних войсках МВД Российской Федерации. Генерал-майор внутренней службы. Командовал войсковой группой миротворческой миссии в Закавказье. В 1992–1997 гг. – начальник Санкт-Петербургского юридического института МВД РФ. С 1997 г. – ректор и президент Санкт-Петербургской юридической академии, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, специалист по безопасности человека, правовой безопасности, истории. В 1994–2005 гг. был депутатом Законодательного собрания Санкт-Петербурга, в 2005–2011 гг. – судьёй Уставного суда Санкт-Петербурга.

С. Ф. Зыбин – академик РАН, Международной академии экологии, безопасности человека и природы, Петровской академии наук и искусств, Российской инженерной академии, Международной академии информатизации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1992). – *Зыбин С. Ф. Встречи. События. Судьбы: страницы офицерского дневника.* – СПб., 2011.

³ Настоящий сборник посвящен 55-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ее участники, ветераны внутренних войск и правоохранительных органов рассказывают о пережитом накануне и в годы войны. Особо значимо то, что многие воспоминания публикуются впервые. Книга поможет найти ответы на ряд вопросов, волнующих нас и поныне: об источниках силы духа нашего народа в войне, мощи Вооруженных Сил, о значении победы над фашизмом. Книга адресована широкому кругу читателей, прежде всего молодежи. Подробнее на: [livelib.ru:https://www.livelib.ru/book/1001293150-pervyj-i-poslednij-den-vojny-sbornik-vospominanij-uchastnikov-velikoj-otechestvennoj-vojny](https://www.livelib.ru/book/1001293150-pervyj-i-poslednij-den-vojny-sbornik-vospominanij-uchastnikov-velikoj-otechestvennoj-vojny).

В течение недели книга была вручена её авторам, в качестве подарка вручена всем ветеранам – сотрудникам университета, а также направлена в библиотеки и школы Красносельского района Санкт-Петербурга.

⁴ *Ашик М. В.* 83-я отдельная Новороссийско-Дунайская дважды Краснознамённая ордена Суворова бригада морской пехоты. 1941–1945 гг. М., 2008.

⁵ <http://az-libr.ru/route/route.php?Persons/000/Src/0002/352ba3a2.shtml> (дата обращения: 23.12.2022).

⁶ <http://az-libr.ru/Persons/000/Src/0002/42604181.shtml> (дата обращения: 15.12.2022).

Н. Н. Силкин*

25 ЛЕТ – В ОДНОМ СТРОЮ

История Межрегиональной общественной организации ветеранов органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России началась с 18 июня 1998 г., когда Постановлением Правительства Российской Федерации в системе учебных заведений МВД России был создан первый университет, ставший правопреемником Санкт-Петербургской академии, Санкт-Петербургского института противопожарной безопасности и Санкт-Петербургского военного института внутренних войск.



* *Силкин Николай Николаевич* – председатель Совета ветеранов Межрегиональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, профессор, генерал-майор милиции в отставке.

Каждое учебное заведение имело свою историю, свои боевые, трудовые и служебные традиции, которые хранили, приумножали и передавали поколениям стражей правопорядка ветеранские организации. Сегодня мы с благодарностью вспоминаем тех, кто стоял у истоков: М. Ю. Гутмана, С. Ф. Зыбина, Х. Х. Лойта, В. Г. Петухова, В. П. Сальникова, М. М. Тарасова и ветеранов войны, проделавших значительную подготовительную работу по созданию объединенной ветеранской организации университета. Ветераны Санкт-Петербургского университета МВД России, являясь хранителями лучших традиций правоохранительной службы, своей активной деятельностью всегда способствовали поддержанию высокого уровня учебно-воспитательного процесса и подготовки профессиональных кадров для органов внутренних дел.

На учредительной конференции, состоявшейся 12 апреля 1999 г., была образована Региональная общественная организация ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России с численностью более 500 человек, в том числе 135 участников Великой Отечественной войны. На конференции был принят Устав организации, избран Совет ветеранов из 15 человек, председателем которого стал генерал-майор милиции в отставке С. Ф. Зыбин, первый начальник Санкт-Петербургского юридического института МВД России.

Работа ветеранской организации Университета с ее первых шагов стала успешной потому, что в полной мере были восприняты более чем 20-летние традиции и положительный опыт деятельности ветеранских организаций Института внутренних войск и государственной противопожарной службы, возглавляемых Г. В. Белорусовым и А. А. Смирновым.

За годы своего существования ветеранская организа-

ция претерпевала структурные и численные изменения: в 2000 г. военный факультет стал Санкт-Петербургским военным институтом внутренних войск МВД России, а в 2002 г., в связи с переводом в МЧС России, выделилась и ветеранская организация Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы.

В 2008 г. в Университет вошла Санкт-Петербургская специальная средняя школа милиции – одно из первых учебных заведений системы МВД России, ведущая свою летопись с 10 октября 1918 г., и ее ветеранская организация в количестве 127 человек под председательством С. П. Щиголя. Бесценный опыт ветеранской работы фронтовиков В. А. Берчикова, В. И. Кузнецова, А. А. Анашина, П. И. Мурашова и других оказал значительное влияние на развитие ветеранского движения Университета.

В 2011 г. в ходе реорганизации учебных заведений Калининградский юридический институт МВД России стал филиалом Университета, а его ветеранская организация численностью 210 человек на правах первичной вошла в состав ветеранской организации университета.

У истоков ее создания в 1973 г. стояли ветераны школы милиции – участники Великой Отечественной войны: А. Е. Зинченко, И. М. Крылов-Морозов, И. Я. Кравченко, М. Ф. Шарапаев, И. К. Колтаков, И. И. Кондратьев, И. М. Яковлев, некоторые из них брали штурмом город-крепость Кенигсберг.

Чтобы сохранить память об учебном заведении и его основателях, было решено создать комнату истории и совет ветеранов. Инициатором ее создания и первым руководителем совета стал фронтовик В. А. Кривошеев.



При активном участии ветеранов разработан ряд методических материалов, получивших нормативное закрепление в локальных нормативных актах в форме приказов, положений и инструкций, утвержденных начальником Университета. К ним относятся: методические материалы и Положение о проведении конкурса «Я люблю тебя, Россия, славное Отечество мое!»; методические советы для организации подготовки курсантов к принятию Присяги; Положения о «Патриотическом движении имени старшего лейтенанта милиции В. М. Новикова» и «Военно-историческом обществе курсантов и слушателей»; Приказ о создании поискового отряда «Урицк» и другие.



В июне 2015 г. в Университете с участием Совета ветеранов проведен первый военно-спортивный сбор «Наследники Победы» для воспитанников суворовских военных училищ МВД России, в период которого проведено более 30 мероприятий патриотической направленности и весомый вклад в их успешность внесли фронтовики, жители блокадного Ленинграда, воины-Интернационалисты. Они оказывали помощь в проведении «Уроков мужества» на площади Победы, в возложении цветов к монументу героическим защитникам Ленинграда и монументу «Родина-Мать» на Пискаревском мемориале, в проведении митинга в День России и военно-патриотического конкурса «Я люблю тебя, Россия, славное Отечество моё!».

1 сентября 2014 г. ветераны вместе с личным составом приняли участие в торжественной церемонии вручения Университету министром внутренних дел генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым нового знамени – государственного символа верности, доблести и славы.

Большой научный потенциал ветеранской организации позволяет активно участвовать в подготовке и издании книг по военно-патриотической тематике, по профи-

лю вуза. На протяжении многих лет идёт сбор материалов и воспоминаний участников Великой Отечественной войны, публикуются статьи, выходят книги. К настоящему времени опубликовано более 30 книг. Только в 2015 г. к 70-летию Победы ветеранами изданы: книга В. А. Семенова «Жизнь и Победа» – страницы биографии Героя Советского Союза Ашика Михаила Владимировича; второе, дополненное издание книги М. В. Ашика «83-я отдельная Новороссийско-Дунайская дважды Краснознаменная ордена Суворова бригада морской пехоты 1941–1945 гг.»; книги Б. П. Белозерова и В. П. Сидоренко «Ленинград – город-фронт. К 70-летию Ленинградской битвы» и «Войска и органы НКВД СССР в Ленинградской битве»; книга 90-летнего ветерана войны В. Я. Слепова «Судьбой дарованные встречи»; книга участника Великой Отечественной войны П. М. Янколовича и Г. Н. Голядкина «Филумения Великой Отечественной». Советом ветеранов издан памятный альбом «Солдатами Победы гордится Университет» о боевом и жизненном пути участников Великой Отечественной войны¹.

Итоги этой работы получили высокую оценку, и Межрегиональная общественная организация ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России решением коллегии Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации от 24 апреля 2013 г. награждена Почетным знаком «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации».

В соответствии с Положением Российского Совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск «О проведении ветеранскими организациями органов внутренних дел и внутренних войск смотра-конкурса, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной

войне» ветеранская организация Университета на первом этапе признана победителем среди учебных заведений системы МВД России, а по его итогам награждена Дипломом 2-ой степени.

Важным направлением в деятельности ветеранской организации является духовно-нравственное воспитание личного состава. Ветераны активно сотрудничают с Межвузовской Ассоциацией духовно-нравственного просвещения «Покров». По их инициативе, поддержанной постоянным составом, курсантами и слушателями на территории университета построен православный храм в честь Святого благоверного князя Димитрия Донского, который был освещен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Варсонофием.

12 апреля 2022 г. ветераны Санкт-Петербургского университета отметили 23-летие создания своей организации. Много славных страниц вписано в историю родного учебного заведения за эти годы². Бережное сохранение памяти подвигов сотрудников правопорядка одна из важнейших задач нашей ветеранской организации.

Совет ветеранов университета ставит своей целью сделать все возможное, чтобы подвиг старшего поколения не был забыт, чтобы молодые сотрудники правопорядка знали героев, кавалеров государственных наград и почётных званий, всех тех, кто не жалея сил, здоровья и своих жизней защищал Родину, создавал оборонительный щит страны, самоотверженно трудился на благо Отечества.

По ходатайству Совета ветеранов за большой личный вклад в становлении и развитии университета, а также ветеранского движения в «Книгу Почета Университета» занесены 13 заслуженных ветеранов, в том числе М. В. Ашик, М. Ю. Гутман, И. С. Иконникова, Г. Г. Надсон, В. П. Сальников, Н. Н. Силкин, В. Я. Слепов,

А. С. Панина и другие.

На территории Университета открыта стендовая экспозиция «Аллея боевой славы участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», посвященная боевому пути 16 ветеранов организации, фронтовиков, героев войны.

В 2022 г. на Аллее ветеранов Великой Отечественной войны состоялась торжественная церемония открытия памятника «Сотрудникам органов внутренних дел, выпускникам Санкт-Петербургского университета МВД России, погибшим при исполнении служебного долга».



Со временем Великая Отечественная война становится все более далеким событием, участники и очевидцы ее уходят из жизни – «живая» память о ней ослабевает. В целях сохранения и приумножения этой памяти проводятся патриотические проекты и конкурсы, в которых при поддержке актива и руководителей Университета наши вете-

раны активно участвуют в различных мероприятиях. Особенно хочется выразить слова благодарности нашим ветеранам – участникам Великой Отечественной войны В. А. Берчикову и В. Я. Слепову, которые вносят огромный вклад в работу Совета ветеранов и Университета. Несмотря на свой возраст, не теряя бодрости духа, принимают участие даже во многих Всероссийских военно-патриотических мероприятиях, таких как Московский патриотический проект «Живой голос Победы» и V юбилейный фотопроjekt «Герои России, какими их не видел никто».

Межрегиональная общественная организация университета занимает прочные позиции, как в структуре университета, так и среди региональных ветеранских организаций органов внутренних дел и внутренних войск Северо-Западного федерального округа, ветераны полны новых идей, инициатив, планов и уверенно смотрят в свое будущее.

© Силкин Н. Н., 2023

¹ *Санкт-Петербургский Университет МВД России: история, события, люди.* СПб. 2008.

² *Российский Совет Ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск.* М., 2011; *Санкт-Петербургский университет МВД России – 15 лет.* СПб., 2013.

Научное издание

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
(к 25-летию Санкт-Петербургского
университета МВД России)**

Материалы XX международной
научно-теоретической конференции

Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 года

Часть 1

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора,
заслуженного работника высшей школы
Российской Федерации
Н. С. Нижник

Составители:

Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации;
Савельева М. В., кандидат юридических наук, доцент

Компьютерная верстка:

Нижник Н. С., Савельева М. В.,
Козинникова Е. Н. Федоринова Е. А.

Обложка Шеряй А. Н.

Системные требования: ПК с процессором IntelCorei3 и более; 512 Mb и более;
CD/DVD — ROM дисковод; MicrosoftWindowsXP и выше; SVGA 800×600 .16 bit и более;
Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-91837-790-1



EDN: UCESLR



Подписано к использованию 20.12.2023.
Объем 98,16 усл. авт. л. Заказ № 147/23. Тираж 10 экз.
Санкт-Петербургский университет МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1